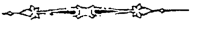
СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

М. А. МАКСИМОВИЧА.

ТОМЪ III.

ЯЗЫКОЗНАНІЕ. ИСТОРІЯ СЛОВЕСНОСТИ.



КІЕВЪ.
Типографія аренд. Е. Т. Керверъ, Большая Владимірская домъ № 22.
1880.

Печатано по опредѣленію историко-филологическаго факультета университета св. Владиміра. 17 апрѣля 1879 г.

Деканъ **В. Иконниковъ.**

ОГЛАВЛЕНІЕ.

V отдѣлъ. ЯЗЫКОЗНАНІЕ.

	стран.
Критико-историческое изслѣдованіе о русскомъ языкѣ .	3
Начатки русской филологіи	25
Филологическія наблюденія и изслѣдованія:	
I) о имени человѣкъ	156
II) замѣчанія о системѣ славянскихъ нарѣчій . .	164
III) о грамматикѣ Ломоносова	175
Къ исторіи малорусскаго языка:	
IV) Филологическія письма къ М. П. Погодину .	183
V) Отвѣтныя письма къ М. П. Погодину . . .	244
VI) Новыя письма къ М. П. Погодину о старобытности малороссійскаго нарѣчія.	273
VII) О правописаніи малороссійскаго языка. . .	312
VIII) О малороссійскомъ произношеніи мѣстныхъ именъ	328

VI отдѣлъ. ИСТОРІЯ СЛОВЕСНОСТИ.

Исторія древней русской словесности.	346
Приложеніе: отзывъ на критику древней русской словесности, помѣщенную въ Отечественныхъ Запискахъ	472
О народной исторической поэзіи въ древней Руси . .	480
Пѣснь о Полку Игоревѣ	498

стран

Замѣчаніе на пѣснь о Полку Игоревѣ въ стихотворномъ переводѣ Гербеля 564
Темное мѣсто въ Пѣсни о Полку Игоревѣ 625
Къ объясненію и исторіи Слова о Полку Игоревѣ . . 631
Книжная старина Южно-русская 661
О началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ, мнимомъ и дѣйствительномъ 716
О первомъ изданіи Дидаскаліи Сильвестра Коссова . . 723
Библіографическое объясненіе Гильдебрандту 724
О двухъ стихотвореніяхъ; «Плачь Малой Россіи» и «Милость Божія» 730
О стихотвореніяхъ Ѳеофана Прокоповича 735
Извѣстіе о книгѣ: «Благоутробіе Марка Аврелія» . . 737

ОТДѢЛЪ V.

ЯЗЫКОЗНАНІЕ.

КРИТИКО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

О РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ [1]).

I. Разныя мнѣнія о Русскомъ языкѣ.

1. — О происхожденіи, составѣ и свойствахъ Русскаго языка господствуютъ разныя, столько же несправедливыя мнѣнія, какъ и о происхожденіи самой Руси.

Отложась отъ стариннаго Русскаго мнѣнія, что Русскій народъ, не только по старобытнымъ насельникамъ нашего Отечества, но и по водворившимся у нихъ въ исходѣ IX вѣка Руссамъ, есть народъ Словенскій или Славянскій, многіе стали-было (во слѣдъ Татищеву) производить Руссовъ отъ племени Чудскаго; потомъ возобладало Байеровское производство Руссовъ отъ Скандинавскихъ Нѣмцевъ, а нѣкоторые (за Чеботаревымъ и Эверсомъ) ведутъ къ намъ Руссовъ съ Черноморія и даже видятъ въ нихъ народъ племени Турецкаго.— Что сіи и другія новыя мнѣнія о происхожденіи Руси хуже стараго; что никто изъ Русскихъ Писателей отъ Нестора до Ломоносова не признавалъ Скандинавскихъ Нѣмцевъ своими прародителями; что именемъ Варяговъ (Норманновъ) у Нестора означаются не одни Скандинавскіе Нѣмцы, но и жив-

---

[1]) Напечатанъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія т. XVII, 1838, № 3, Мартъ, стр. 531—562 и въ отдѣльномъ оттискѣ, Спб. 1838, 8°, с. 33.

шіе на Балтійскомъ Поморіи за Одеромъ Словены [1]), и что Несторовы Варяги-Русь были Словены изъ сего края [2]), это я старался показать въ моемъ сочиненіи «Откуда идетъ Русская земля», 1837.

Что касается до языка Русскаго, то нѣкоторые Писатели, не смотря на то, что онъ, и по древнѣйшей основѣ своей, и по главнѣйшимъ стихіямъ, при вліяніи коихъ совершалось его образованіе въ нынѣшніе виды, принадлежитъ къ кругу языковъ Словенскихъ, стали сближать его съ языками иноплеменными, и тѣ слова, кои принадлежатъ ему издревле и составляютъ его родовое наслѣдіе и достояніе общеСловенское, называютъ заимствованіемъ Русскаго языка отъ Чуди, Татаръ, Грековъ, особенно же отъ Скандинавовъ. Такъ Г. Сенковскій называетъ Русскій языкъ смѣсью Словенскаго, Скандинавскаго и Чудскаго, думаетъ, что даже Запорожскіе Казаки говорили по Скандинавски [3])! Такъ Г. Сабининъ утверждаетъ, будто «основаніе всего нашего древняго быта перешло къ намъ изъ Скандинавіи»; будто «имена чиновъ,

---

[1]) Ломоносовское мнѣніе о *разноплеменности Варяговъ* опять возобновляется Шафарикомъ въ его *Славянскихъ Древностяхъ*, и Погодинымъ во второмъ изданіи его *Русской Исторіи* (1837), вмѣсто прежняго ограниченнаго усвоенія сего имени однимъ Скандинавамъ.

[2]) Что такъ думали у насъ въ старину—въ дополненіе къ сказанному мною прежде въ *примѣчаніи* 53, стр. 128 и 129, въ книгѣ: *Откуда ид. Р. З.*—я указалъ еще на универсалъ Богдана Хмельницкаго, данный подъ Бѣлою Церковью *року* 1648, *мая* 18 *): въ заключеніи онаго «Гетманъ славнаго войска Запорожскаго и всего по обоихъ сторонахъ Днѣпра сущей Украины Малороссійскаго» поощряетъ *рыцарскую отвагу* Козаковъ, указываетъ на *древнихъ предковъ нашихъ*, воевавшихъ Римъ, *валечныхъ Руссовъ, въ Руссіи отъ Поморья Балтійскаго альбо Нѣмецкаго собранныхъ.*

[3]) Въ Библ. для Чтенія за 1834 годъ. — Можетъ быть, въ Запорожьѣ и говорили по Скандинавски, по Татарски и проч., такъ же какъ и теперь въ Россіи говорятъ по Нѣмецки, Французски, и многими другими языками; но собственнымъ языкомъ *Запорожья* былъ *Южнорусскій* или *Малорусскій языкъ*, такъ же какъ *Православная Вѣра* была исключительною у Запорожцевъ, какого бы племени и исповѣданія ни были пристававшіе къ нимъ выходцы.

---

*) Въ *Исторіи Руссовъ или Малой Россіи* Преосв. Георгія Конисскаго подъ симъ любопытнымъ Универсаломъ выставлено мая 28, а не 18, какъ въ моемъ отдѣльномъ спискѣ.

жилищъ, домашнихъ вещей, животныхъ, самыя укоризненныя слова заимствованы нашими предками изъ языка Скандинавскаго» [1]).

2.—Конечно, для Русскаго языка весьма важно опредѣлить отношеніе его къ иноплеменнымъ языкамъ и показать, что онъ отъ нихъ заимствовалъ, важно даже и по разнорѣчію, съ какимъ иногда одно и тоже слово одинъ называетъ заимствованіемъ нашимъ отъ Чуди, другой отъ Скандинавовъ, третій отъ Татаръ. Но не менѣе важно опредѣлить и то: какое мѣсто занимаетъ народъ и языкъ Русскій въ общемъ кругу соплеменныхъ ему народовъ и языковъ Словенскихъ? какое отношеніе имѣетъ Русскій языкъ къ Церковно-Словенскому въ особенности?

Рѣшеніе сихъ двухъ вопросовъ особенно важно, какъ по взаимной ихъ связи, такъ и потому, что отъ рѣшенія того и другаго зависитъ взглядъ на коренныя свойства и развитіе Русскаго языка; оно необходимо и потому еще, что объ этомъ предметѣ также существуютъ уже разнорѣчія.

3.—Относительно мѣста, занимаемаго Русскимъ языкомъ въ обще-Словенскомъ кругу, господствуетъ мнѣніе, будто Русскій языкъ принадлежитъ къ одному разряду съ языками Словеновъ Задунайскихъ, наравнѣ съ Сербскимъ, Болгарскимъ, Хорватскимъ и Хорутанскимъ; а Сѣверо-западные Словены и ихъ языки составляютъ собою другой разрядъ.

Два разряда сіи установилъ знаменитый Добровскій [2]), признавши въ каждомъ по пяти нарѣчій, именно: въ первомъ (Антскомъ) — Русское, Славянское древнее (т. е. Церковно-Словенское), Иллирійское или Сербское, Хорватское (Кроатское) и Виндское (Хорутанское); во

---

[1]) См. любопытную статью Протоіерея Стефана Сабинина: *О происхожденіи слова Боярин*, въ Октябрьской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1837 годъ. Но Редакція сего Журнала, по справедливости, не согласилась на такое мнѣніе, замѣтивъ, что сходство двухъ языковъ ведетъ только къ заключенію объ ихъ однородствѣ, и что если признать Скандинавскій языкъ родоначальнымъ для Русскаго, то и Латинскій и Греческій будутъ не что иное, какъ Скандинавскіе выходцы.

[2]) См. его Грамматику языка Славянскаго по древнему нарѣчію. Ч. I. Перев. Погодинымъ. С. П. Б. 1833 г.

второмъ (собственно-Словенскомъ)—Словацкое, Чешское или Богемское, Сырбское или Вендское, въ Верхней Лузаціи, Сырбское въ Нижней Лузаціи и Польское. Такое раздѣленіе Добровскій основалъ на предложенныхъ имъ десяти отличительныхъ примѣтахъ.

Нашъ филологъ Востоковъ, въ своемъ извѣстномъ Разсужденіи о Славянскомъ языкѣ [1]) не призналъ удовлетворительными этихъ отличительныхъ примѣтъ Добровскаго (за исключеніемъ 4-й и 5-й), и сказалъ, что Русскій языкъ составляетъ средину между этими двумя разрядами, но собственно принадлежитъ къ первому, по неупотребленію въ немъ двухъ вставокъ, составляющихъ (по его мнѣнію) главнѣйшую особенность втораго разряда. Такимъ образомъ, Русскій языкъ Востоковымъ оставленъ въ первомъ разрядѣ болѣе по отрицательной примѣтѣ, болѣе по непринадлежности его ко второму разряду,—хотя въ такомъ случаѣ онъ можетъ быть (какъ и есть) весьма отличенъ и отъ перваго разряда, и составлять особый отдѣлъ.

И въ послѣднее время дѣйствительно нѣкоторые Ученые стали Русскихъ Словенъ и языкъ Русскій отдѣлять отъ Югозападнаго разряда въ особый, Восточный разрядъ. Такимъ образомъ Палацкій въ Богеміи [2]), а у насъ Надеждинъ въ отношеніи къ языкамъ [3]), и Устряловъ въ отношеніи къ народамъ [4]), принимаютъ три разряда Словенъ: 1) Восточный или Русскій, 2) Югозападный или Южный и 3) Сѣверозападный или Западный.

Но раздѣленіе Добровскаго поддерживаетъ съ своей стороны глубоко-изыскательный Шафарикъ: въ своемъ новомъ сочиненіи Славянскія Древности, онъ принимаетъ тѣ же два разряда Словенъ, подраздѣляя каждый на три отдѣла [5]).

---

[1]) См. Труды Общ. Люб. Рос. Сл. Ч. XVIII. 1820.

[2]) Въ исторіи Богеміи. Его мнѣніе было приписано у насъ Шафарику по ошибочному изустному извѣстію, въ коемъ перемѣшаны были имена сихъ двухъ Чешскихъ изыскателей Словесности.

[3]) Въ статьѣ Европеизмъ и народность, 1836, Телеск. № 1.

[4]) Въ Русской Исторіи. Ч. I. 1836.

[5]) См. его Slowanské Starożitnosti. Pr. 1837, стр. 583.

I. Разрядъ Юговосточный: 1-й отдѣлъ Русскій, 2-й отдѣлъ Болгарскій, 3-й отдѣлъ Иллирійскій.

II. Разрядъ Западный: 1-й отдѣлъ Лешскій или Польскій, 2-й отдѣлъ Чехо-Словенскій, 3-й отдѣлъ Полабскій.

4.—По таковымъ авторитетамъ и по недавности вышепоказаннаго отступленія отъ нихъ, Русскій языкъ обыкновенно сближаютъ съ Югозападными языками и притомъ разсматриваютъ его наравнѣ съ ними, какъ одинъ языкъ, обращая вниманіе болѣе на письменное его образованіе, чѣмъ на разнобразіе его въ живой рѣчи многочисленнаго Русскаго народа. Разсматриваемый въ семъ послѣднемъ отношеніи, Русскій языкъ представляется различенъ въ своихъ главныхъ видахъ болѣе, чѣмъ Словенскіе языки Сѣверозападнаго разряда различны другъ отъ друга.—Что на такъ называемое Малороссійское нарѣчіе должно смотрѣть какъ на языкъ особый, отличный отъ Великорусскаго, это я утверждалъ еще въ 1827 году [1]) принимая же во вниманіе, что именемъ Русскаго языка объемлются нѣсколько особыхъ отраслей Словенскихъ, соотвѣтственныхъ языкамъ обоихъ Западно-Словенскихъ разрядовъ, я предложилъ въ 1836 году вкратцѣ [2]) новое распредѣленіе, гдѣ Восточные или Русскіе Словены приняты за одну, а всѣ Западные Словены за другую половину обще-Словенскаго круга, который, по моему мнѣнію, можетъ быть раздѣленъ такъ:

I-я Половина: Словены Восточные или Русскіе.

1. Словены Сѣверовосточные или Руссы Сѣверные.
2. Словены Юговосточные или Руссы Южные.

II-я Половина: Словены Западные.

3. Словены Сѣверозападные или Вендскіе.
4. Словены Югозападные или Задунайскіе.

Сообразно сему, и въ кругу языковъ Словенскихъ я принимаю 2 половины и 4 разряда.

---

[1]) Въ первомъ изданіи Малорос. Пѣсенъ, 1827, и въ «Русскомъ Зрителѣ № 21 и 22 (1830).

[2]) См. примѣчаніе 1-е въ книгѣ «Отк. ид. Русская земля».

I. Въ Восточно-Словенской или Русской половинѣ:

1-й Разрядъ Сѣверноруссκій или Сѣверовосточный, къ коему принадлежитъ:

1) Языкъ Великоруссκій, съ нарѣчіями:

а) Верхне-Русскимъ или Новогородскимъ (по Гречу Олонецкимъ).

б) Нижнерусскимъ или Суздальскимъ.

в) Среднерусскимъ (по Надеждину Рязанскимъ).

г) Московскимъ, образцовымъ, высшимъ по степени, но младшимъ по времени образованія.

2) Языкъ Литовскоруссκій или Бѣлоруссκій.

2-й Разрядъ Южноруссκій или Юговосточный, куда принадлежитъ.

3) Языкъ Южноруссκій, въ коемъ можно различать:

1) Нарѣчіе Малороссійское или Украинское.

2) Нарѣчіе Червоноруссκое или Галицкое.

II. Въ Западно-Словенской половинѣ:

3-й Разрядъ Югозападный (1-й разрядъ Добровскаго, за исключеніемъ Русскаго).

4-й Разрядъ Сѣверозападный (2-й разрядъ Добровскаго).

5.—Три главные вида Русскаго языка: Велико-Русскій, Южно-Русскій и Бѣло-Русскій, принимаетъ какъ за три особые языка (а не нарѣчія) и Г. Надеждинъ, въ статьѣ Великая Россія [1]): однако и сей Ученый все еще полагаетъ, будто отъ Церковно-Словенскаго языка еще не розпился Южноруссκій и въ то время, когда Новогородскіе переписчики Церковныхъ книгъ оговаривались за внесеніе въ нихъ «пословицъ Новогородскихъ» [2]), будто и Великоруссκій языкъ уже отъ вліянія Сѣвера сдѣлался полногласнымъ и отдѣлился отъ Церковно-Словенскаго языка, имѣвъ прежде однаковыя съ нимъ свойства. Эта мнимая одинаковость увеличена Г. Давы-

[1]) См. Энциклопедическій Лексик. IX. 1837.

[2]) Сколько мнѣ извѣстно, такая оговорка была сдѣлана въ Евангеліи, писанномъ 1506 года.

довымъ [1]), который утверждаетъ, а) что языкъ Церковно-Словенскій есть древній Русскій, б) что «Славянское нарѣчіе Сѣверныхъ Руссовъ измѣнилось отъ сліянія съ реченіями Финновъ, которыя изобилуютъ гласными; и в) что напротивъ нарѣчіе Южныхъ Руссовъ удержало въ словахъ своихъ преимущественное господство согласныхъ, подобно языкамъ Сербскому и Болгарскому.»

Такимъ-то или подобнымъ образомъ языкъ Церковно-Словенскій почитаютъ родоначальнымъ для Русскаго, и уже изъ него развившимся и отъ него отдалившимся представляютъ языкъ Русскій.

Вотъ господствующее понятіе объ отношеніи сихъ двухъ языковъ. Вслѣдствіе того и полногласіе, принимаемое за отличіе Русскаго языка, признаютъ въ немъ явленіемъ уже позднѣйшимъ, коему будто бы предшествовали и въ немъ (принадлежащія Церковно-Словенскому языку) сокращенность словъ и господство согласныхъ. Отъ такихъ понятій происходитъ хотя и господствующій, но превратный взглядъ на самое развитіе и коренныя свойства языка Русскаго: то, что принадлежало ему издревле (напримѣръ полногласіе) и сохранилось въ немъ какъ исконное и можетъ быть нѣкогда обще-Словенское свойство, считаютъ явленіемъ позднѣйшимъ; то, что относится первоначально къ образованію только письменнаго Русскаго языка и къ позднѣйшему усвоенію отъ языка Церковно-Словенскаго, распространяютъ на всю народную Русскую рѣчь и придаютъ ей, какъ родовое, исконное достояніе оной.

Не признавая такимъ образомъ нѣкоторыхъ господствующихъ понятій о Русскомъ языкѣ за справедливыя, и различаясь отъ нихъ моимъ понятіемъ объ отношеніяхъ Русскаго языка къ другимъ, о времени и разнообразіи его развитія и многосложности его состава, предлагаю благосклонному вниманію читателей мое критико-историческое изслѣдованіе о сихъ предметахъ, близкихъ не только для Русскихъ, но и для всѣхъ Славянъ или Словенъ, которые такъ любятъ

[1]) См. его лекцію о составныхъ началахъ и направленіи Древней Отечественной Словесности, напечат. въ Уч. Зап. Моск. Унив. 1834.

своеслово и такъ дорожатъ имъ, въ самомъ имени коихъ слава и слово такъ сродны между собою.

II. Сравнительное разсмотрѣніе Русскаго языка по примѣтамъ Добровскаго.

1.—Примѣта первая. Добровскій своему первому разряду усвояетъ частицу *раз*—, разумъ, а второму *роз*—, розумъ. Разница по сей примѣтѣ зависитъ вообще отъ того, что Югозападные Словенскіе языки, особенно Сербскій, любятъ болѣе звукъ *а*; Сѣверозападные же, особенно Польскій, часто замѣняютъ оный звукомъ *о*; потому, напримѣръ, слѣдующія слова, въ первомъ разрядѣ — градъ, прахъ, гладъ, гласъ, длань, златый, младый, храбрый, въ Польскомъ языкѣ употребляются съ буквою *о*—гродъ, прохъ, глодъ, глосъ, длонь, злотый, млодый, хробрый. Что касается до Словенъ Русскихъ, то хотя у большей ихъ части господствующимъ звукомъ еще болѣе оказывается *о*, однако у нѣкоторыхъ господствуетъ преимущественно звукъ *а*, и въ этомъ отношеніи можно сдѣлать слѣдующее различеніе.

Въ языкѣ Южнорусскомъ болѣе чѣмъ въ другихъ основнымъ звукомъ оказывается *о*, необращаемое въ *а* (однако несохранившее вполнѣ своей твердости и часто измѣняющееся, по чистому Малороссійскому нарѣчію, въ острое *и*, подобно другимъ гласнымъ звукамъ). Такимъ образомъ въ Южнорусскомъ языкѣ вмѣсто *раз*, постоянно употребляется частица *роз* [1]), удерживаемая и въ словѣ розумъ (и произ-

---

[1]) Въ немногихъ только случаяхъ слогъ *роз* произносится Малороссіянами *риз*, какъ бы для отличенія отъ слога *рѣз*, постоянно произносимаго *риз*—(ибо *ѣ* въ Южнорусскомъ языкѣ постоянно выговаривается какъ *и*): такимъ образомъ, по Южнорусски говорится—*рôзно*, *Роздвô* (Рождество) и *рôзно*, *риздвô* и въ этомъ второмъ случаѣ должно писать *рôзно*, *Рôздво*— по предложенному отъ меня въ 1827 году правописанію для языка Южнорусскаго. По оному, буква о и другія *гласныя* всегда *удерживаются* на письмѣ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда, по господствующему въ Южной Руси произношенію, они выговариваются какъ *и*, отмѣчаются только надстрочнымъ знакомъ ˚ (*пâеркомъ*). Объ основаніяхъ такого правописанія, въ коемъ соблюденіе грамматической правильности языка по возможности соглашено съ произношеніемъ не всегда постояннымъ и въ разныхъ мѣстахъ рознымъ, я объяснился уже въ предисловіяхъ къ двумъ сборникамъ моимъ Украинскихъ Пѣсенъ (1827 и 1834). Выгода онаго для уразумѣнія языка очевидна: слова

водныхъ отсюда). И такъ здѣсь болѣе сходства съ Сѣверозападнымъ разрядомъ. Южнорусскій языкъ приближается къ сему разряду и обращеніемъ звука *о* и другихъ гласныхъ въ *и* (о

крій, кинь, нисъ; нижъ, нижу, мижъ, замижъ, мабить, мичу, окрить, бездилье такъ написанныя (только по выговору безъ удержанія коренныхъ гласныхъ), не ясны въ значеніи и образованіи своемъ, и не соотвѣтствуютъ тѣмъ случаямъ, когда и въ Малороссійскомъ народѣ коренныя гласныя въ тѣхъ же словахъ не произносятся, какъ *и*. По моему слова сіи писать должно такъ: *крâй* (т. е. вскрай), *кôнь, нôсъ* и *нёсъ* (отъ *несу*), *нôжъ* и *нёжъ* (нежели) и *нъжу, мёжъ* (между) и *за-мужъ, ма-бутъ, лъчу*, (врачую) и *лíчу* (считаю), *окрѣпъ* (укрѣпленіе), *окрѣпъ* (3-е лице глагола *крѣпну*) и *окрôпъ* (кипятокъ, отъ гл. *кроплю*), — *бездѣлье* и *бездôлье* (невзгоды, безсчастье). Мое правописаніе принято уже нѣкоторыми, въ томъ числѣ и Издателемъ *Украин. и Червонорусскихъ Пѣсенъ*, С. П. Б. 1836. — Изъ Галицкихъ Руссовъ — *Іосифъ Лѣвицкій*, издавшій 1834 г. во Львовѣ Грамматику Малороссійскаго языка, также удерживаетъ коренный звукъ *о*, а измѣненіе онаго въ *и* означаетъ *надстрочнымъ двоеточіемъ* (хотя въ 1831 и онъ сталъ было употреблять для сего *паерокъ*), напримѣръ — *кôнь, до нôгъ, вôтця, Львôвъ, дô Львôва*. Но у Русскихъ надстрочное двоеточіе давно уже употребляется надъ *е*, для показанія, что сей звукъ *обращается произношеніемъ* въ *іо:* что имѣетъ мѣсто и въ Южнорусскомъ языкѣ, и принято въ мое правописаніе, напр. *ёго, сёго, всёго, синёго* (вмѣсто *іого, сіого, всіого, синіого*); такимъ образомъ надстрочное двоеточіе нельзя употреблять вмѣсто паерка въ Малороссійскомъ правописаніи, безъ противорѣчія правописанію Великорусскому,—тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ новыхъ Поэтовъ Русскихъ употребляютъ въ стихахъ надстрочное двоеточіе и въ такихъ словахъ, гдѣ ё выговаривается какъ *о*, напр. *пошёлъ, нашёлъ* (чтобъ не писать *пошолъ, нашолъ*): при томъ Малороссіяне выговариваютъ *е*, какъ *іо*, въ такихъ иногда словахъ, въ которыхъ того не дѣлаютъ Великороссіяне, и на оборотъ. Кромѣ того есть случаи въ Малороссійскомъ языкѣ, когда оба сіи надстрочные знаки имѣютъ мѣсто при обращеніи въ *и*, и *іо* гласной буквы въ томъ же словѣ, напр. *на синёмъ* (синимъ) и *на синёму* (синіому), *слёзы* (сліозы) и *слёзъ* (слизъ), *слёзами* (сліозами) и *слёзми* (слизми).—Надстрочное двоеточіе пригодилось бы и для буквы *ѣ*, еслибъ понадобилось или захотѣлось кому означать тѣ случаи, когда сія буква выговаривается по Великорусски какъ іо, ё (напр. въ словахъ *звъзды, снъзда, сѣдла, расцвѣлъ, пріобрѣлъ*. Что касается до буквы *ѣ*, то она произносится какъ *и* не только *Малороссіянами — постоянно*, но и въ *Новогородскомъ* нарѣчіи (*хлибъ, лисъ*, а не хлѣбъ, лѣсъ), что составляетъ его отличіе отъ прочихъ Великорусскихъ нарѣчій и языка Бѣлорусскаго (по коему Малороссіяне и Новогородцы сходятся съ нѣкоторыми Задунайскими Словенами, напр. Словенцами). На письмѣ Малороссіяне всегда употребляли букву *ѣ* для изображенія остраго *и* въ извѣстныхъ случаяхъ, а тѣ, кои не соблюдаютъ правописанія, изображаютъ острый звукъ *и* буквою *ѣ* даже въ такихъ случаяхъ, когда того не слѣдуетъ, и это въ Южной Руси ведется *издревле*, напр: въ дарственной грамотѣ Льва Даниловича Спасскому монастырю, 1292, читаемъ: «*за нашъ* предъкы—цркви

чемъ скажемъ еще особо), но по необращенію звука *о* въ *а*, онъ отличаетъ отъ сего разряда: ибо здѣсь напр. Чехи иногда вмѣсто *о* употребляютъ *а*, какъ въ Югозападномъ разрядѣ, а у Словаковъ и частица *раз* употребительна.

Великороссіяне Верхнерусскаго и Нижнерусскаго нарѣчій (распространившихся въ народѣ по всему Сѣверу и Востоку Россіи) удержали во всей твердости звукъ *о*, необращаемый *въ а*; потому и у нихъ употребительнѣе частица *роз;* и хотя они большею частію говорятъ разумъ, но слова производныя отсюда произносятъ съ звукомъ *о* (розумѣю, розумный). Но по Московскому, какъ образцовому, но позднѣйшему нарѣчію Великорусскаго языка, и нарѣчію Среднерусскому, звукъ *о* часто измѣняется въ мягкое *а* (составляющее средину между *а* и *о*): потому въ этихъ двухъ нарѣчіяхъ, какъ и въ письменномъ Великорусскомъ языкѣ (образовавшемся подъ вліяніемъ Церковно-Словенскаго) употребляется *раз*—, разумъ; однако есть много случаевъ, когда и разговорно и письменно употребляются и *раз* и *роз*, и такимъ образомъ совмѣщаются примѣты обоихъ разрядовъ; напримѣръ: *разыскàніе*, *рòзыскъ*, *рàзница*, *рàзный*, *рòзница*, *рòзный*, *порознь*, *врдзъ*, *рòзнить*, *рòзвальни*, и проч.

Но языкъ Бѣлорусскій или Литовско-Русскій замѣчательно отличается частымъ употребленіемъ вмѣсто *о* твердаго *а*. Это составляетъ его особенность безъ сомнѣнія издревле, ибо онъ и не могъ занять ее и не утратилъ ее отъ окружающихъ его языковъ (Польскаго, Южнорусскаго и нарѣчія Верхнерусскаго). Такимъ образомъ здѣсь употребляется частица *раз*, какъ въ разрядѣ Югозападномъ; и хотя Литовскіе Руссы говорятъ розумъ, (по вліянію Южнорусскаго и Польскаго), но производныя отсюда произносятся съ звукомъ *а*.

святыѣ—бояре *нашѣ*—по насъ *боудоучишѣ*—дѣти *нашѣ*—вѣкы *отъчныѣ* — десятины *медовыѣ* — отъ вышеписанноѣ». Потому *ѣ* встрѣчается и въ такихъ словахъ, въ которыхъ стали писать *и*, принявъ Малороссійское произношеніе, напр. *Черниговъ*, *Пинскъ*, вм. *Чернѣговъ*, *Пѣнскъ*; въ наклоненіи повелительномъ—*хвалите*, *идите* вмѣсто *хвалѣте*, *идѣте*, какъ писалось въ старину; такъ и теперь должно писать по Малороссійски;—или въ такихъ словахъ, кои стали писать съ буквою *е*, слѣдуя Великорусскому выговору, напр. *Воронежъ* вм. *Воронѣжъ* (и даже *лекарь*, *мелкій* вмѣсто *лѣкарь*, *мѣлкій!*).

И такъ, въ Сѣверноруссномъ разрядѣ, преимущественно только Бѣлорусскій языкъ выдерживаетъ сію примѣту одинаково съ Югозападнымъ разрядомъ; но Великорусскій языкъ соотвѣтствуетъ болѣе разряду Сѣверозападному, имѣя въ Верхне-и Нижне-Русскомъ нарѣчіяхъ твердое *о*, необращаемое въ *а*,—какъ въ Польскомъ языкѣ [1]),—и совмѣщая оба звука въ нарѣчіяхъ Среднерусскомъ и Московскомъ, какъ то бываетъ въ Чехо-Словацкомъ отдѣлѣ Сѣверозападнаго разряда. Употребленіе мягкаго *а* вмѣсто *о* въ народѣ Великорусскомъ, собственно ограничивалось только Среднерусскимъ нарѣчіемъ (отъ Бѣлоруссіи до Волги); потомъ оно утвердилось въ нарѣчіи Московскомъ (подъ вліяніемъ Церковно-Словенскаго языка) и уже вмѣстѣ съ симъ нарѣчіемъ изъ Москвы распространилось по Россіи въ высшихъ сословіяхъ и содѣлалось образцовымъ, чистымъ Русскимъ выговоромъ—рѣчью высокою, или съ-высока, какъ называютъ его Великороссіяне, говорящіе на *о* [2]).

2.—Примѣта вторая. Добровскій своему первому разряду усвояетъ *из:* издати; а второму *вы:* выдати.

Южноруссній языкъ употребляетъ, сходно съ Сѣверозападнымъ разрядомъ, частицу *вы*. Частица *из*, или *зъ*, имѣетъ въ немъ иное значеніе и соотвѣтствуетъ собственно предлогу *со*, *съ*: такъ вмѣсто съѣлъ Малороссіяне говорятъ [3]) зъѣвъ, изъѣвъ; вмѣсто снова—и зновъ, знову, и по Бѣлорусски также знову; и таковымъ употребленіемъ сего предлога съ буквою *з* Южноруссній языкъ сходится также съ Сѣверозападными.

По Великорусски хотя говорятъ издать и выдать книгу: слѣдственно здѣсь совмѣщаются примѣты обоихъ разря-

---

[1]) Съ *Польскимъ* языкомъ сіи *два Великорусскія* нарѣчія имѣютъ и другія *общія* примѣты, чуждыя Бѣлорусскому, Южноруссному и всѣмъ другимъ Западно-Словенскимъ языкамъ; таково, на примѣръ, твердое произношеніе звука *г* (какъ Латинское *g*).

[2]) Изъ всего сказаннаго видно, какъ несправедливо замѣчаніе Добровскаго, будто Русскіе подражая Чехамъ и Полякамъ, вмѣсто *раз* произносятъ иногда *роз* (Грам. Ч. I, стр. 486); оно могло бы относиться только къ Бѣлоруссамъ, и то не вполнѣ.

[3]) Буква *ѣ* Южными Руссами, Новогородцами и Тверичами, произносится какъ острое *и*, что составляетъ отличіе ихъ отъ прочихъ Русскихъ и Западныхъ Словенъ, вромѣ Болгарскихъ.

довъ; но и здѣсь народнѣе и собственнѣе частица *вы*, вмѣсто коей употребляется теперь *из*, кажется по вліянію уже Церковно-Словенскаго языка (которому постоянно принадлежитъ сіе употребленіе); напримѣръ: *вы*боръ, *вы*брать, *вы*ходъ, *вы*гнать—это формы въ Русскомъ языкѣ чисто-народныя; но *из*брать, *ис*ходъ, *из*гнать—это формы болѣе книжныя, принятыя (изъ коихъ первая и з б о р ъ и не перешла въ новый Русскій языкъ). Съ усвоеніемъ таковыхъ книжныхъ формъ, приставка той либо другой частицы даетъ уже словамъ разницу въ тонѣ или въ оттѣнкѣ ихъ значенія, а иногда и весьма измѣняетъ оное, напримѣръ: *вы*бѣжать, *из*бѣжать, *вы*ѣденный, *из*ѣденный, *вы*рвать, *изо*рвать.

Для показанія древности употребленія частицы *вы*, вмѣсто *из*, можно привести изъ Пѣсни Игорю слово в ы т о р ж е, вмѣсто и с т о р г ъ.

По употребленію частицы *вы* вмѣсто *из* (слитно съ другими словами), подобно Полякамъ, Чехамъ, Русскій азыкъ собственно принадлежитъ ко второму разряду, и только Великорусскій отчасти подходитъ къ первому, и то формами оттуда же занятыми (отъ Церковно-Словенскаго).

3.—П р и м ѣ т а т р е т ь я. По в с т а в к ѣ звука *л* (послѣ губныхъ), опускаемаго въ языкахъ Сѣверозападнаго разряда, языкъ Южнорусскій сходится съ Югозападными, а не съ Сѣверозападными языками, ибо онъ не только удерживаетъ *л* (напримѣръ: з е м л я), но даже иногда прибавляетъ передъ нимъ *е* (напримѣръ: к о р а б е л ь, ж у р а в е л ь).

Но въ Великорусскомъ языкѣ совмѣщаются примѣты обоихъ разрядовъ: и удержаніе звука *л*, какъ въ первомъ разрядѣ (напр. з е м л я, к о р а б л ь, ж у р а в л ь); и опущеніе онаго, какъ во второмъ разрядѣ (на примѣръ к о р а б л ь, ж у р а в л ь, или к о р а б ъ, ж у р а в ъ), даже съ большимъ сокращеніемъ (напр. вмѣсто з е м я—з е м ь: на з е м ь, на з е м и). Послѣднія формы суть чисто-н а р о д н ы я въ Великорусскомъ языкѣ, любящемъ такое с о к р а щ е н і е или з а о с т р е н і е въ к о н ц ѣ с л о в ъ по средствомъ обращенія гласныхъ въ *ъ*.

Такимъ образомъ и сею примѣтою Русскій языкъ не вполнѣ сопрягается съ языками Югозападными, и въ Сѣвер-

номъ своемъ разрядѣ переходитъ къ разряду Сѣверозападному; да если бы и вполнѣ она была выдержана, то она столь частная и мелкая, что не можетъ быть достаточною связью, при другихъ болѣе важныхъ несходствахъ.

4.—Примѣта четвертая.—По невставкѣ звука *д* передъ *л*, языкъ Русскій дѣйствительно отличается отъ Сѣверозападныхъ, подобно языкамъ Югозападнымъ.—Сія-то примѣта признана и Г. Востоковымъ, который присоединилъ къ ней еще другую невставку, а именно—звука *ж* послѣ *р*, при стеченіи оной съ тонкими гласными, каковая дѣйствительно чужда Русскому языку и языкамъ Югозападнымъ. Но, кромѣ того что сія примѣта только отрицательная (какъ замѣчено выше), она и потому недостаточна, что вставка *ж* послѣ *р* (rz) не есть общая примѣта Сѣверо-Западнаго разряда, а только особенность Польскаго языка, распространившаяся и на Чешскій, но чуждая языку Словацкому, такъ же какъ и Русскому.

Говоря объ этихъ вставкахъ, замѣчу, что звукъ *д* иногда вставляется у Русскихъ передъ *р*, и мнѣ кажется въ тѣхъ случаяхъ, когда передъ *р* опущена гласная, существующая въ полногласныхъ формахъ того же слова. Такъ напримѣръ, въ словахъ Кирилла Туровскаго (изданныхъ Калайдовичемъ) [1]) читаемъ: раздрушитель, раздрушити, раздрѣшитель издринути, неиздреченный,—(здѣсь предлоги *раз*, *изъ* предполагаютъ полногласные—*разо*, *изо*). Такъ и теперь нѣкоторые Великороссіяне говорятъ ндравъ (вмѣсто нравъ—норовъ), ндравится; нѣкоторые Малороссіяне говорятъ вздрѣвъ, уздрѣвъ, т. е. узрѣлъ (гдѣ также послѣ *з* опущено *о*, какъ показываютъ слова взоръ, зоркій и др.). Иногда вмѣсто *д* вставляется ближайшій къ нему звукъ *т*, напримѣръ—вмѣсто срамъ (въ Южнорус. сором) говорятъ обыкновенно страмъ. Сею изрѣдка употребительною вставкою Русскій языкъ сближается съ Югозападнымъ разрядомъ, ибо и тамъ она иногда встрѣчается, напримѣръ въ древнихъ Глаголитскихъ рукописяхъ—раздрѣшу, раздрушены; у Сербовъ вмѣсто жребя (жеребя), говорится ждребе.

[1]) Памятники Россійской Словесности XII вѣка. М. 1821.

5.—Примѣту пятую у Добровскаго составляютъ слова *пещ*, *мощ*, по Югозападной формѣ, *печ*, *моч*—по Русски; а по формѣ Сѣверозападной—*пец*, *моц*.

Можно привести и много другихъ, симъ соотвѣтственныхъ случаевъ, гдѣ употребляемая Русскими *ч* замѣняется въ Сѣверозападномъ разрядѣ звукомъ *ц*, а въ Югозападномъ—*щ* (шт). Но чѣмъ постояннѣе было бы такое распредѣленіе сихъ трехъ звуковъ, тѣмъ больше Русскій языкъ въ семъ отношеніи сближался бы съ разрядомъ Сѣверозападнымъ: ибо звуки *ч* и *ц* суть ближайшіе между собою и потому такъ часто замѣняемые другъ другомъ. Такъ у Русскихъ въ весьма многихъ словахъ, вмѣсто *ц*, издревле употребляется *ч*, особенно по нарѣчію Новогородскому (напр. отечь, чарь). На оборотъ—вмѣсто *ч*, въ нѣкоторыхъ краяхъ Россіи издревле употреблялось *ц*. Изъ Великорусскихъ нарѣчій этимъ наиболѣе отличается нарѣчіе Среднерусское (въ которомъ говорятъ, напримѣръ — цего, цему, целавѣкъ, цудо). Но особенно пристрастенъ къ звуку *ц* языкъ Бѣлорусскій, въ которомъ и *ч* и *т* [1]) обращаются въ *ц*—еще болѣе, чѣмъ въ языкѣ Польскомъ (напримѣръ: цаго, цаму, цалавѣкъ, цяперъ—теперь, и проч.). Древность такого обоюднаго употребленія *ч* и *ц* въ разныхъ краяхъ Россіи подтверждается множествомъ примѣровъ изъ письменныхъ памятниковъ, изъ которыхъ между прочимъ видно, что и въ именахъ по отчеству вмѣсто *чь* употреблялось *цъ* даже Новогородцами.

Если сіи два звука разсматривать и какъ составные *ч* изъ *тш*, *ц* изъ *тс*, то они представляются сложенными одно-

[1]) Два звука сіи (Ч и Т) оказываются взаимно соотвѣтственными: а) по общему ихъ обращенію въ *ц*. и на оборотъ по обращенію въ нихъ звука *ц* (наприм. *цвѣтъ—твѣтъ*); б) по замѣняемости одного другимъ при звукѣ *ш* въ составѣ сложнаго звука *щ*; в) по обращенію другъ въ друга, наприм. *крутъ (крутизна)* и *кручь* (въ Южнорусскомъ *круча*); *вѣтъ* (*завѣтъ*, *привѣтъ* и проч.)—рѣчь, *вѣтій* или *витія* и *вѣчь*, или *вече*; *батько* или *батька* (также *батя*) и *бачька*, по Бѣлорусски *бацька*;—и въ именахъ по отчеству, вмѣсто нами употребляемаго окончанія *чь* или *чъ* (въ старину и *цъ*, сходно съ Польскимъ и Чешскимъ), у Сербовъ *ть* (ѣ), а у Болгаръ *шть* (щ); г) наконецъ сюда принадлежатъ весьма многіе случаи, гдѣ звукъ *т* неопредѣленнаго наклоненія обращается въ *ч* въ настоящемъ изъявительнаго (*летѣть*, *лечу*; *лѣтъ*) и иногда и въ именахъ (*портить*, *порчу*, *порча*).

образно: оба начинаются звукомъ *т* и переходятъ въ шипящій звукъ *тс*. Но въ сложномъ звукѣ *щ* представляется обратный порядокъ составныхъ звуковъ: онъ начинается шипящимъ звукомъ (*ш* или *с*) и потомъ переходитъ у большей части Задунайскихъ Словенъ въ *т*, у Сѣверозападныхъ Словенъ въ *ч*; сходно съ сими послѣдними и у Русскихъ *щ* принимается какъ звукъ составленный изъ *шч* или *сч* [1]), какъ и пишутъ теперь многіе въ извѣстныхъ случаяхъ (напр. с ч а с т ь е, л о с ч и т ъ, м у ж ч и н а, вм. щастье, лощить, мущина). Итакъ у насъ и въ Сѣверозападномъ разрядѣ звукъ *щ* болѣе сложенъ отъ притеченія новой шипящей къ *ч*, сложенному изъ *тш*. Но у Болгаръ, Сербовъ и Хорватовъ *щ* нредставляетъ только перестановку сихъ двухъ составныхъ звуковъ и произносится какъ *шт*: потому у нихъ такъ часто писали прежде и теперь пишутъ *шт* вмѣсто *щ*: что дѣлали и у насъ въ старину изъ подражанія правописанію Болгарскому, особливо І о а н н ъ, составитель извѣстнаго сборника Святославовскаго (1073). Такимъ образомъ, ограничиваясь т ѣ м и с л у ч а я м и, когда употребляемый Русскими *ч* замѣняется у Сѣверозападныхъ Словенъ звукомъ *ц*, а у большей части Югозападныхъ, особенно у Болгаръ, звукомъ шт (щ), можно бы сказать, что по с о с т а в у с и х ъ 3 звуковъ языкъ Русскій находится въ прямомъ соотвѣтствіи съ разрядами Сѣверозападными и въ обратномъ съ Югозападными.

Но сіе, Добровскимъ указанное распредѣленіе, хотя и простирается на многіе случаи, однакожъ не есть общее, и есть другіе случаи, когда Задунайское *щ*, т. е. *шт*, соотвѣтствуетъ нашему *щ*, т. е. *сч*, когда сіи звуки и у Русскихъ замѣняются другъ другомъ. Объ этомъ подробнѣе скажу послѣ; а здѣсь замѣчу только вообще, что такое обоюдное употребленіе оныхъ звуковъ бываетъ только въ Сѣверноруссномъ разрядѣ, который въ этомъ отношеніи можно сравнить съ разрядомъ Югозападнымъ, гдѣ говорятъ и *шт* (у Сербовъ, Болгаръ, Хорватовъ), и *шч* (у Хорутанъ или Словенцовъ);

---

[1]) По измѣняемости *ч* въ *ц* въ Среднерусскомъ нарѣчіи и *щ*, тамъ выговаривается часто *сц* вмѣсто *сч*, на прим. *сцепка*, вмѣсто *щепка*.

но Южнорусскій языкъ постоянно выдерживаетъ твердое произношеніе *сч* или *шч* (сходно съ разрядомъ Сѣверозападнымъ) и не смѣшиваетъ съ нимъ звука *шт*.

6.—Примѣта шестая у Добровскаго, для перваго разряда—звѣзда и цвѣтъ, для втораго—звѣзда, квѣтъ.

По слову звѣзда Русскій языкъ сходенъ съ Югозападнымъ разрядомъ: ибо ни Сѣверные, ни Южные Руссы не говорятъ звѣзда. Что касается до втораго слова, то въ Сѣверномъ русскомъ разрядѣ, сходно съ Югозападнымъ оно употребляется съ звукомъ *ц*, который въ Великорусскомъ простонародьи иногда обращается въ *т*, и такимъ образомъ, вмѣсто цвѣтъ, многіе Великороссіяне (въ томъ числѣ и Новогородцы) часто говорятъ твѣтъ. Но въ языкѣ Южнорусскомъ употребительнѣе Сѣверозападная форма, съ звукомъ *к*: квѣтъ, квѣтка, квѣточка; но въ глагольныхъ формахъ сего слова и здѣсь предпочтительнѣе употребляется звукъ *ц*: цвѣсти [1]) слѣдственно здѣсь совмѣщаются разности обоихъ Западныхъ разрядовъ. Впрочемъ и въ Великорусскомъ просторѣчіи говорятъ квѣтъ.

7.—Примѣту седьмую у Добровскаго составляетъ *ть (той)* въ первомъ разрядѣ, *тенъ* во второмъ. Въ Великорусскомъ языкѣ *тотъ*, въ Южнорусскомъ языкѣ и Верхнерусскомъ нарѣчіи Великорусскаго, *той:* слѣдственно по сей примѣтѣ Русскій языкъ сходенъ къ Югозападнымъ разрядомъ.

8.—Примѣта осьмая.—Добровскій своему первому разряду усвояетъ слово пепелъ, а второму попелъ. Великороссіяне употребляютъ первую форму сего слова, (впрочемъ въ разговорѣ обыкновенномъ и въ просторѣчьи употребительнѣе зола); но языкамъ Южнорусскому и Бѣлорусскому, наравнѣ съ Сѣверозападными, принадлежитъ вторая. Соображая обѣ формы, я полагаю, что первая есть уже измѣненіе второй, и что сія послѣдняя соотвѣтственнѣе свойствамъ Русскаго языка вообще. Ибо 1) частица *по* въ словѣ попелъ есть

[1]) Слово *цвѣсти* въ Южнорусскомъ языкѣ значитъ еще плесневѣть, (*цвѣль*—плесень); да и по Великорусски говорится *вода цвѣтетъ:* употребленіе сего слова въ такомъ смыслѣ и на другихъ языкахъ согласно съ значеніемъ самаго предмета въ природѣ.—Замѣчу также, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Великой и Бѣлой Руссіи, вмѣсто *цвѣты* (flores), говорятъ *краски.*

собственная и показываетъ образованіе онаго изъ глагола [1]) палитъ, палю (откуда пальба́, запа́лъ, опа́лъ, опала́); и по всей вѣроятности первоначально оно было по́палъ, къ чему подходитъ Бѣлорусское произношеніе (такъ часто употребляющее звукъ *я* вмѣсто *е* безъ ударенія) по́пялъ; 2) измѣненіе частицы *по* въ *пе* бываетъ и въ другихъ словахъ, на прим: трава полынь, коея имя можетъ быть происходитъ отъ глагола лынять, лынути; полынути, въ Южнорусскомъ злынути, полетѣть, взлетѣть, въ Польскомъ piołyнь, по Словенски пелынъ, по Чешски пелунь; 3) это измѣненіе подходитъ подъ общій законъ измѣненія *о* въ *е*, въ каковыхъ случаяхъ Русскій языкъ болѣе Западнословенскихъ удерживаетъ свой основный звукъ *о*. Такъ напримѣръ въ слѣдующихъ словахъ Восточнословенскія или коренныя Русскія формы будутъ: озеро, боберъ или бобръ, молоко, волоку, рота (или ротба, устная присяга), одва (нынѣ только въ просторѣчьи, а прежде и письменно, напр. у Нестора по Лавр. сп.), одинъ; но по Западной формѣ разныхъ Словенскихъ языковъ, отчасти усвоенной уже и Русскому, слова сіи произносятся—езеро, бебръ, млеко, влеку, рета, едва, единъ и еденъ, и проч.

9.—Примѣта девятая. Добровскій своему первому разряду усвояетъ слово птица, а второму птакъ. Въ Русскомъ языкѣ существуютъ оба измѣненія сего слова и притомъ въ видѣ болѣе первообразномъ. Птица, птичка употребляются и въ Великорусскомъ и въ Южнорусскомъ языкѣ; но и тому и другому свойственны также птаха, пташка, какъ слова совершенно народныя и даже болѣе употребительныя, чѣмъ птица [2]) (такъ и въ Великорусской народныхъ пѣсняхъ употребляется обыкновенно пташка, пташечка). Въ Кіевѣ (напримѣръ въ Кіевской Лѣтописи и у Берынды), слово птаха

---

[1]) Другой видъ сего глагола—въ Южнорусскомъ языкѣ *палáти*, *палáю*, въ Великорусскомъ—*полáть* и *пылáть* (въ Словенскомъ сокращено *плати*): откуда *пóломя* или *пóлымя*, сокращенныя въ *пламя*, *пламень*; *пылъ* (въ Южнорусскомъ слово *пылъ* употр. вмѣсто *пыль*.).

[2]) Слова *птица* и *птаха* въ Великорусскомъ простонародьи часто произносятся съ перемѣною *п* на *м*—*мтица*, *мтаха*; а нѣкоторыя Иллирійцы совсѣмъ опуская *п*, говорятъ *тица*.

употреблялось и въ мужескомъ родѣ, птахъ, пташокъ: отсюда, я думаю, произошло птакъ, напр. въ Польскомъ языкѣ; ибо тамъ же оно употребляется уменьшительно не птачекъ (какъ бы слѣдовало отъ птакъ, по измѣняемости к въ ч), но пташекъ (отъ птахъ, по измѣняемости *х* въ *ш*); другія отсюда производныя формы также имѣютъ тамъ звукъ *ш*, а не *ч*, и слѣдственно форма птакъ тамъ не коренная, но позднѣйшаго измѣненія.

Въ письменныхъ Русскихъ памятникахъ, начиная съ XIII вѣка (напр. въ спискахъ Устава Владимірова, въ Двинской грамотѣ Новогор. Кн. Андрея) вмѣсто птица употреблялось слово потка, которое понынѣ сохранилось въ нарѣчіяхъ Верхнерусскомъ и Нижнерусскомъ, гдѣ (вмѣсто пташка, пташечка) говорятъ также потка, поточка, а въ Бѣлорусскомъ языкѣ птушка, птушечка.

Русскій языкъ весьма гибокъ и разнообразенъ въ производныхъ и особенно уменьшительныхъ словахъ (напр. дѣва въ Великорусскомъ, дѣвушка, дѣвка, дѣвочка, дѣвица; въ Южнорусскомъ дѣвонька, дѣвчя, дѣвчина и дѣвчина, дѣвчинка и т. д.); между прочимъ весьма употребительна перемѣна окончаній *а* и *ка* на *ица*. Такимъ образомъ, кромѣ уменьшительной формы поточка, естественно происходятъ еще слѣдующія: 1) потушка, отъ коей чрезъ опущеніе звука о (или обращеніе въ *з*) произошла, мнѣ кажется, Бѣлорусская форма птушка; 2) по́тица, отъ коей чрезъ такое же сокращеніе, я думаю, произошло употребительное [1]) слово птица

---

[1]) Такъ не рѣдко формы болѣе первообразныя получаютъ меньшій кругъ употребленія, чѣмъ ихъ видоизмѣненія и даже разрозняются въ значеніи: можно привести много соотвѣтственныхъ примѣровъ. Такъ слово *ласточка*, по Словенски *ластовица*—въ Южнорусскомъ *ластовка; улица*, въ Нижнерусскомъ нарѣчіи—*улка; зѣница*—въ Верхнерусскомъ—*зѣнька* (и то въ ограниченномъ смыслѣ), *вѣверица* (у Нестора)—въ Польскомъ *wiewiorka; пуговица* или *пувица* —по Словенски *пува* (см. у Берынды); Великороссіяне говорятъ *курица*, Малороссіяне—*курка*, тѣ и другія—*утка;* но *утица* употребительно только у первыхъ; въ Бѣлорусскомъ языкѣ и нарѣчіи Верхнерусскомъ употребляется слово *малецъ*, но въ образованномъ нарѣчіи удержалѣсь только уменьшительныя—*мальчикъ* и проч. Такимъ образомъ разныя формы того же слова представляются *разсѣянными* по разнымъ языкамъ и нарѣчіямъ; но почему та, а не другая форма присвоена разными языками

по правилу стариннаго правописанія должно бы писать пѣтица), точно такъ, какъ слово ложка у Нестора по Лавр. сп. на стр. 89. находимъ льжица и лжица (вмѣсто ложица); какъ слово золовка въ Осташковѣ произносятъ золвица, а по Малороссійски зовиця [1]); 3) въ Кіевѣ употреблялись еще уменьшительныя «потя, потятко», коими (какъ словами обыкновенными) Берында въ своемъ Лексиконѣ изъясняетъ слово «птенецъ» или птенецъ (вмѣсто потенецъ), принадлежащее къ сему же ряду уменьшительныхъ.

И такъ двѣ Русскія формы птаха и потка оказываются первообразными для прочихъ формъ сего слова; древность ихъ подтверждается и ихъ близостью къ формахъ сего же слова: *pataga*, отъ коей Русское слово птаха рознится опущеніемъ первой гласной, и *pataka*, отъ коей Русское слово потка отмѣняется обращеніемъ *a* въ *o* и опущеніемъ второй гласной, возобновляющейся опять въ уменьшительной или вообще въ производной формѣ, напр. поточка. При этомъ случаѣ, въ оправданіе сказаннаго не лишнимъ почитаю замѣтить, что замѣна любимаго Санскритскимъ языкомъ звука *a* звукомъ *o* въ языкѣ особенно Русскомъ, и опущеніе гласныхъ звуковъ языками Словенскими (особенно Западными), встрѣчается часто.

Такъ напримѣръ нашимъ словамъ: Богъ, звонъ, огонь, носъ, ноготь, новый, доля—въ Санскритскомъ языкѣ соотвѣтствуютъ *baga, svana, agni, nasa, naka, nava, dala;* сто (сотый, сотня) въ Санскритскомъ *sata*. Иногда вмѣсто Санскритскаго *a* въ Словенскихъ языкахъ употребляется звукъ *e* (напр. небеса nebasa, печъ petsch, есмь asmi, дверь dvar), а иногда звукъ *y*—(pata путь, saka сукъ). Видоизмѣненіе Русскаго слова который, по чистому Великорусскому выговору каторый, соотвѣтственнаго Санскритскому *katara*, пред-

---

и нарѣчіями—па это очень часто нельзя дать объясненія. Для примѣра отмѣны въ значеніи разныхъ формъ можно привести *мàтица* и *матка*,—*вода, водица, вòдонька* (въ Малоросс.) и *вòдка, вòдочка*.

[1]) *Л* передъ *в* въ Малороссійскомъ языкѣ обыкновенно опускается; такъ, вмѣсто *молва, молвити*, говорятъ—*мова, мовити* (сходно съ Польскимъ, у Чеховъ *mluva, mluviti*).

ставляетъ почти всѣ указанные случаи: въ Малорусскомъ оно сокращается опущеніемъ второй гласной который; въ Сѣверозападномъ разрядѣ опущеніемъ первой гласной съ измѣненіемъ второй, по Польски въ y (który), по Чешски e (ktery).

10.—Примѣта десятая: въ первомъ разрядѣ десница, во второмъ правица.

Употребленіе слова десница у насъ относится собственно къ языку письменному и притомъ Церковно-Славянскому; но въ народномъ употребленіи обыкновеннѣе правая рука и правша, слѣдственно ближе къ Сѣверозападной формѣ. Впрочемъ имя рѣки Десны показываетъ, что и Югозападная форма можетъ быть нѣкогда была въ народномъ употребленіи у Южнорусскихъ Словенъ.

11.—Изъ сего подробнаго разбора языка Русскаго по примѣтамъ Добровскаго оказывается:

а) Что примѣты сіи противорѣчатъ сдѣланному Добровскимъ причисленію Русскаго языка къ одному разряду съ Задунайскими или Югозападными языками Словенскими.

б) Что языкъ Русскій, и по симъ примѣтамъ разсматриваемый, представляется сложнымъ изъ разныхъ видовъ, въ совокупности коихъ находятся всѣ главнѣйшія примѣты, принадлежащія языкамъ Югозападнымъ и Сѣверозападнымъ, хотя и не такъ раздѣльно, какъ между сими послѣдними.

в) Что въ Великорусскомъ языкѣ хотя и господствуютъ вообще примѣты Югозападныя; но иногда сіе зависитъ отъ позднѣйшаго вліянія Церковно-Славянскаго языка, а притомъ и нѣкоторыя Сѣверозападныя примѣты существуютъ въ немъ, какъ формы ему собственныя, народныя.

г) Напротивъ того въ языкѣ Южнорусскомъ господствуютъ примѣты Сѣверозападнаго разряда, съ коимъ и въ другихъ отношеніяхъ онъ имѣетъ близкое и притомъ древнее сродство.

д) Что Русскія формы нѣкоторыхъ словъ оказываются болѣе первообразными [1]) и древними, чѣмъ Западно-Словенскія.

---

[1]) Даже и въ такихъ словахъ, какъ на примѣръ встрѣчаемое въ древнихъ письменныхъ памятникахъ слово *подпѣга* или по Глаголитскому

е) Такимъ образомъ языкъ Русскій не только не долженъ быть разсматриваемъ наравнѣ съ языками Югозападнаго разряда и не принадлежитъ къ нему по примѣтамъ Добровскаго, не только можетъ быть принимаемъ за особый разрядъ, наравнѣ съ Югозападнымъ и Сѣверозападнымъ, но представляетъ собою цѣлую (Восточную) половину всего круга языковъ Словенскихъ, которая соотвѣтственна обоимъ Западнымъ разрядамъ въ ихъ совокупности, и можетъ быть также раздѣлена на два разряда, Сѣверный и Южный.

12 Наконецъ, изъ сего сравнительнаго разсмотрѣнія можемъ вывести еще слѣдующее заключеніе: принимаемые нами четыре разряда въ двухъ половинахъ одноroднаго Словенскаго круга языковъ имѣютъ между собою соотвѣтствіе или расположеніе крестовое: Сѣверный разрядъ одной половины соотвѣтствуетъ Южному разряду другой. Это соотвѣтствіе простирается и на другія свойства языка въ каждомъ разрядѣ: въ Восточной половинѣ наибольшимъ единствомъ языка запечатлѣнъ Южный разрядъ, а Сѣверноруссkій представляетъ большое разнообразіе въ своихъ нарѣчіяхъ; на оборотъ, въ Западной половинѣ болѣе единства между языками Сѣвернаго разряда, и Южные образовались болѣе особенными другъ отъ друга. Въ Восточной половинѣ полногласіе и отъ него происходящая протяженность словъ свойственны Южнорусскому языку едва ли не болѣе, чѣмъ Великорусскому, и между тѣмъ, какъ этотъ любитъ сокращать концы словъ, обращеніемъ гласной въ ь, Южнорусскій языкъ любитъ окончанія гласныя.

написанію *потѣпта*, а въ Остромировой рукописи *потѣбта*, «uxor dimissa», по переводу Копитара, который принимается за него въ трехъ мѣстахъ своей книги *Glagolita Clozianus*, 1836, пріискалъ («forte fortuna») даже и фамилію ученаго Доктора Медицины Штирійскаго уроженца—*Подпежникъ*, но никакъ не можетъ вывести этимологію сего слова «obscurissimae originis». Для этого нужно знать, что въ простонародномъ Русскомъ языкѣ есть глаголъ, отъ коего *пта* происходитъ такъ же, какъ *пта* отъ своего глагола, и который принадлежитъ къ числу тѣхъ словъ, кои у насъ не печатаются. Однако Стриттеръ, въ оставленномъ имъ *Русскомъ Лексиконѣ* (коего собственноручный экземпляръ принадлежитъ моей библіотекѣ), включилъ и сей глаголъ съ Латинскимъ изъясненіемъ.

Въ Западной половинѣ, на оборотъ: сократительность словъ (чрезъ опущеніе гласныхъ изъ среди коренныхъ согласныхъ) любима въ Южномъ разрядѣ еще болѣе, чѣмъ въ Сѣверномъ и доходитъ тамъ до безгласія. Съ такою разницею въ полногласіи соединена разница въ самомъ произношеніи: Южный Русинъ едва ли не болѣе всѣхъ Словенъ говоритъ на распѣвъ, между тѣмъ какъ рѣчь нынѣшняго Болгарина почти скороговорка. По всѣмъ этимъ отношеніямъ Южнорусскій языкъ оказывается наиболѣе далекимъ отъ разряда Югозападнаго, и примыкая неносредственно къ языкамъ Сѣверозападнымъ, онъ отдѣляетъ собою разрядъ Югозападныхъ языковъ отъ Сѣвернорусскаго. Такъ и по самому мѣстопребыванію Южнорусскимъ краемъ Задунайскіе Словены отдѣлены отъ Сѣвернорусскихъ: ихъ новое сближеніе по языку послѣдовало уже въ близкіе къ намъ вѣка, припятіемъ Церковно-Словенскаго языка въ Россіи и на оборотъ вліяніемъ Русскаго языка на Церковно-Словенскій и Сербскій, такимъ же образомъ, какъ новое сближеніе Южнорусскаго языка съ Сѣверозападнымъ разрядомъ послѣдовало отъ его вліянія на языкъ Польскій и отъ распространенія Польскаго языка въ Южной и Литовской Руси. Но выше указанное крестовое соотвѣтствіе между четырмя разрядами основывается не на однихъ только сихъ новыхъ сближеніяхъ: оно имѣетъ связь съ древнѣйшими историческими отношеніями самихъ Словенъ Сѣвернорусскихъ съ Задунайскими, Южно-русскихъ съ Сѣверозападными.

НАЧАТКИ РУСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Объ отношеніи руской рѣчи къ западнославянской [1]).

ПРѢДИСЛОВІѢ.

Въ предметъ руской филологіи я поставляю не одинъ собственно такъ называемый **Рускій языкъ,** *въ связи съ* **Церковнославянскимъ**; *но цѣлую* **Рускую рѣчь,** *т. е. совокупность всѣхъ нарѣчій, принадлежащихъ Руси, сѣверной и южной. Только совмѣстнымъ и подробнымъ ихъ изслѣдованіемъ, въ связи съ нарѣчіями западнославянскими, филологія наша можетъ раскрыть тѣ законы, по которымъ образовались разные виды руской рѣчи, въ томъ числѣ и господствующій нынѣ* **языкъ русскій,**—*опредѣлить съ точностью ихъ отличительныя свойства,—и добыть себѣ вѣрную и прочную теорію.*

Долго еще работать надъ этимъ руской филологіи, чтобы явиться ей основательною, правильною и богатою наукою. Въ настоящую пору она не дошла не только до полнаго, но

---

[1]) Кіевъ, 8-⁰, стр. 211. Первоначальный текстъ одной части этого труда, подъ заглавіемъ: «Руская рѣчь въ сравненіи съ западно-славянскою» былъ напечатанъ въ Кіевѣ еще въ 1845 году, но остановился на 46-ой страницѣ и выпущенъ въ свѣтъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ, лишь «для немногихъ». А. К.

даже и до перваго образованія своего всѣми частями; она только готовитъ необходимые къ тому запасы....

Сообразно такому состоянію Руской филологіи, я рѣшился написать эти **Начатки** *въ видѣ критическихъ изслѣдованій, имѣя въ виду только внутреннее содержаніе науки, и не имѣя надобности составлять округленнаго и доконченнаго учебника. Читатель найдетъ въ моемъ сочиненіи нѣсколько новыхъ свѣдѣній и понятій о* **Руской рѣчи,** *собранныхъ и выработанныхъ мною при долговременномъ ея изученіи; найдетъ также подробный разборъ господствующихъ и современныхъ филологическихъ мнѣній.*

Въ первой книгѣ, написанной 1845 года, подробно разсмотрѣно все то, чѣмъ опредѣляется въ филологіи **отношеніе руской рѣчи къ западнославянской.**

Вторая книга, написанная 1846 года, содержитъ въ себѣ изслѣдованія **о звукахъ руской рѣчи** [1]).

М. М.

---

[1]) Вторая книга, къ сожалѣнію—напечатана не была; но что она была окончена и даже подписана цензоромъ къ печати,—намъ извѣстно изъ письменнаго сообщенія пок. автора... Не отыскалась эта книга и въ его «учено-литературномъ» наслѣдіи, но хочется вѣрить, что отыщется и будетъ издана во всеобщее поученіе. А. К.

ВВЕДЕНІЕ.

О ЗНАЧЕНІИ И ПРОИСХОЖДЕНІИ СЛОВА [1]).

Вступительная лекція, читанная въ Университетѣ св. Владиміра, въ Сентябрѣ 1834 года.

. . . . Человѣкъ возвышенъ надъ всѣми земными тварями своею разумною и безсмертною душею; ею отличенъ и далекъ онъ отъ животныхъ, какъ небо отъ земли: ибо у животныхъ душа только живая—чувственная и земнородная; въ человѣкѣ же, самимъ Богомъ вдохновенная, она есть образъ Божій.

По столь высокому происхожденію и подобію, душа наша получила въ удѣлъ и свободную, творческую дѣятельность. Обладая оною, душа необходимо имѣетъ и потребность и стремленіе выражать себя, являть свою внутреннюю жизнь: ибо, надобно замѣтить вамъ, что и всякая жизнь въ мірѣ (при извѣстныхъ условіяхъ) стремится обнаружить и явить себя, стремится изъ мысли сдѣлаться предметомъ; и если земной міръ поражаетъ васъ этимъ несмѣтнымъ многообразіемъ предметовъ, то скоропреходящихъ и вновь возникающихъ, то вѣковыхъ,—это значитъ, что каждый предметъ имѣетъ свою жизнь, хотя и не свободную, но только инстинктуальную.

---

[1]) Напечатано въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1835 ч. V, № 1. стр. 14—27. Причина, почему эта статья помѣщается нами во «Введеніи» къ «Начаткамъ Русской Филологіи»—объясняется тѣмъ, что самъ авторъ назначилъ ей такое мѣсто, помѣстивъ ее вторично въ указанномъ выше первомъ наборѣ своего труда 1845 г. А. К.

Душа человѣческая имѣетъ три главные способа выражать свою внутреннюю, личную жизнь:

Во-первыхъ она выражаетъ себя въ образахъ, являемыхъ ею въ пространствѣ. Образы сіи двухъ родовъ: или они тѣлесные (пластическіе), наполняющіе пространство веществомъ своимъ (по подобію бытія тѣлесно-земнаго), опредѣляемые выпуклостями и впадинами, ощутимые для зрѣнія и осязанія; таковы произведенія Искусствъ, называемыхъ Ваяніемъ (Скульптура) и Зодчествомъ (Архитектура); или же образы бываютъ безтѣлесные (оптическіе), только видимые въ пространствѣ, въ которыхъ (по подобію эфирнаго бытія), вмѣсто тяжелой, вещественной массы—свѣтъ, тѣни да цвѣта; таковы картинныя произведенія Живописи.

Другой способъ выраженія души, болѣе таинственный, происходящій въ пространствѣ только невидимымъ движеніемъ воздуха, болѣе совершающійся во времени, ощущаемый слухомъ: это звуки, коими владѣетъ Музыка.

Каждымъ изъ сихъ двухъ способовъ человѣкъ уже выразилъ много тайнъ души своей, и Геніи стяжали ими себѣ безсмертную славу; но оба они односторонни и не могутъ служить для выраженія души въ полнотѣ ея. Такъ Музыка своими звуками приводитъ въ движеніе сокровеннѣйшія глубины сердца—звуками, коихъ однихъ только въ иныя минуты и хочетъ душа, ибо часто одни лишь звуки летучіе, безпредѣльные, невидимые могутъ утолить душу въ грусти ея земнаго бытія. Не смотря на сіе, Музыка почти ничего не говоритъ нашему воображенію и даже усыпляетъ его. Напротивъ, Живопись, Ваяніе сильно дѣйствуютъ на воображеніе своими образами; но за то оставляютъ почти не тронутыми музыкальныя струны души нашей.

Слово есть третій, полнѣйшій и, можно сказать, собственнѣйшій и ближайшій душѣ способъ ея выраженія, въ которомъ нѣтъ односторонности ни образа, ни звука, но въ которомъ и тотъ и другой слиты въ совершенное, первородное единство и цѣлость.

Слово есть и звукъ: такъ же слышится, теряется въ воздухѣ, какъ звукъ музыкальный; но оно не состоитъ только

въ простомъ, чистомъ измѣненіи тоновъ: это составляетъ только музыкальность слова.

Слово отличается еще особенною опредѣленностію въ стихіяхъ состава; оно есть звукъ органическій, членосоставный, или, какъ другіе говорятъ, членораздѣльный (vox articulata). Чрезъ таковую опредѣленность гласныхъ и согласныхъ членовъ слова, оно получаетъ удивительную изобразительность. Оно, дѣйствуя на душу какъ звукъ музыкальный, съ тѣмъ вмѣстѣ представляется ей и какъ опредѣленный образъ,—и можно сказать, что слово живописуетъ звуками!

Сліяніе звука и образа въ словѣ я уподобляю сліянію свѣта и теплоты въ огнѣ. И какъ огонь грѣетъ и свѣтитъ вмѣстѣ, такъ слово способно выражать теплоту чувства и свѣтъ мысли, возбуждать ихъ въ другомъ, и такимъ образомъ быть истиннымъ пламенникомъ убѣжденія. И какъ въ мірѣ физическомъ огонь есть стихія всеобщая и первородная, изъ коей все образовалось и въ которую все тлѣнное обратится, такъ въ мірѣ моральномъ словомъ начинается, распространяется, сохраняется и усовершается просвѣщеніе человѣчества, сдерживается порядокъ Государства, поддерживается частная жизнь общества; чрезъ слово мы возносимся къ Тому, Кто далъ намъ Слово вмѣстѣ съ жизнію и свѣтомъ, изъ Чьего всемогущаго, первороднаго Слова исшелъ міръ съ своими образами и звуками.

Пламя есть символъ слова: и вы знаете, что даръ вѣщаго, пророческаго слова нисходилъ съ небесъ на Апостоловъ въ видѣ огненныхъ языковъ; вы знаете также, что на землѣ только одинъ человѣкъ обладаетъ даромъ слова и умѣньемъ управляться съ огнемъ!...

Но возвратимся еще къ образамъ и звукамъ.—Кромѣ сказаннаго объ ихъ односторонности, замѣтить надобно еще то, что сими средствами выражать себя дано въ удѣлъ и жизни Природы: и вся наша земная Природа есть огромная мастерская, гдѣ несмѣтное множество видовъ жизни — безъ кисти, рѣзца, модели и топора — живописуется блестящими красками въ чудныя картины, отливается въ дивныя формы, строится въ необъятно-огромныя, либо плѣнительно-красивыя

зданія,—мастерская, поражающая насъ своимъ разнообразіемъ и вмѣстѣ дивнымъ единствомъ, въ которой неисчислимое множество мыслей Художника Всевышняго непрестанно является въ созданіяхъ, въ коихъ все жизнь — и цѣлое, и малѣйшая частица.

Въ Природѣ есть всѣ Художества. Въ ней найдете дивную Архитектуру горъ, съ чудною кладкою ихъ слоевъ, съ непостижимо-мелкою и правильною складью кристалловъ.... Въ ней найдете всѣ украшенія, всѣ стили Зодчества: тутъ живутъ и аканты Чина Коринѳскаго, растутъ стройныя колонны пальмовыя, возносящія на себѣ широколиственный куполъ стиля классическаго,—и мрачныя ели, теряющіяся въ небесахъ остроконечными шпицами Готическаго вкуса. Живописны ландшафты Природы,—не нашей бѣдной, истерзанной рукою нуждающагося человѣка, но еще непочатой Природы, тамъ, гдѣ она представляется въ дикой красотѣ своей. Неисчислимы переливы и оттѣнки красокъ, коими жизнь рисуетъ цвѣты, расписываетъ мотыльковъ, птицъ, морскихъ раковинъ, — красокъ, на кои, кажется, истрачены милліоны блестящихъ радугъ!... Какое разнообразіе формъ и какое дивное изваяніе оныхъ представляетъ царство растеній, животныхъ и самаго человѣка!..

И такъ способъ выражаться пластическими и живописными образами не только свойственъ Природѣ, но принадлежитъ ей первоначально и собственно: и человѣкъ, для выраженія себя образами, уже изъ нея заимствуетъ, по крайней мѣрѣ, вещество, коего создать не можетъ онъ ни малѣйшаго атома, и только пересоздаетъ, измѣняетъ его по собственной мысли, въ подобіе Природы.

То же отчасти сказать должно и о звукахъ, кои у Природы бываютъ не просто звонкіе, ясные звуки, механически переливающіеся изъ тона въ тонъ, но живые, страстные, одушевленные.—Надобно ли говорить здѣсь о голосистомъ соловьѣ и другихъ пѣвцахъ пернатаго народа?.. Каждый изъ нихъ можетъ быть названъ живою, летучею пѣснею Природы....

Но у нея есть другіе звуки—болѣе глубокіе, болѣе колоссальные и сложные.

Такъ, когда разбушуется зимняя буря, вслушайтесь внимательно въ нее—вы услышите чудный, дикій концертъ, наводящій глубокое уныніе на душу. Среди своего шума, и свиста, и завыванія, буря часто наполняетъ воздухъ живыми голосами:

«То какъ звѣрь она завоетъ,
«То заплачетъ какъ дитя....
«То какъ путникъ запоздалый
«Къ намъ въ окошко застучитъ...

Кому знакомо море, тотъ знаетъ глухой ропотъ и грустный шумъ его бездны, тотъ слышалъ дивныя, грозныя гармоніи, какія издаетъ оно, вздымая къ небесамъ тяжелыя волны.

Въ безлюдныхъ пустыняхъ тропическихъ изъ нѣдръ земли исходятъ иногда протяжные звуки, называемые гласомъ Природы: эти звуки такіе грустные, что ни одинъ еще человѣкъ не могъ слышать ихъ безъ трепета и погруженія въ глубочайшее уныніе...

А эти величественные звуки грозы, ужасный гулъ землетрясеній и безмѣрный громъ вулкановъ, во время ихъ огненнаго дыханія!...

Наконецъ, вспоминая ученіе Пиѳагора о міровой гармоніи, соображая съ онымъ разныя преданія и случаи, мы допускаемъ, что въ Природѣ вѣютъ постоянно еще особые, гармоническіе звуки, не слышные для обыкновеннаго слуха, подобно тому, какъ для обыкновеннаго зрѣнія нечувствителенъ свѣтъ ночи, при коемъ однакожъ видятъ не только ночныя животныя, но и люди въ особенномъ состояніи зрѣнія.

Чтожъ значатъ эти таинственные, всемірные звуки? Съ какой печали жизнь Природы воздыхаетъ такъ тяжко въ своемъ пустынномъ гласѣ? О чемъ ропщетъ она непрестанно волнами глубокаго моря?—Есть и у Природы, какъ и у души человѣка, свои скорби глубокія, свои думы завѣтныя.... О чемъ же тѣ скорби и думы у нихъ, какъ не объ лучшей утраченной жизни... Природа выражаетъ ихъ въ многоразличныхъ неопредѣленныхъ звукахъ, но не можетъ высказать себя вполнѣ, ибо ей не достаетъ слова.

Слово въ началѣ было у Бога; все произошло чрезъ Него, и безъ Него не произошло ничего въ мірѣ. По сему Слово было первымъ воплощеніемъ Его мыслей, переходящихъ въ явленіе міра.

Изъ всѣхъ существъ, на землѣ происшедшихъ, Богъ одарилъ словомъ только человѣка, какъ образъ и подобіе Свое на землѣ, какъ существо, коему дарована душа безсмертная и разумная. Душа и слово живутъ вмѣстѣ, и въ человѣкѣ составляютъ они Божественныя свойства.

Слово Божіе было первымъ пѣстуномъ человѣка: человѣкъ слышалъ и перенималъ къ нему обращенное Слово Божіе, и съ нимъ принималъ въ сердце свое свѣтъ жизни духовной, принималъ въ умъ свой первые уроки Божественной, истинной Мудрости, которая заботилась о немъ и утѣшалась имъ, какъ мать своимъ младенцемъ. Высоко и могущественно должно было быть слово перваго человѣка, отъ самого Бога имъ услышанное и перенятое; сильна была душа его, долженствовавшая выражаться во словѣ столь высокомъ, и посредствомъ онаго властвовать надъ землею; ясновидящъ былъ умъ его, долженствовавшій знать Природу, дабы владѣть ею по волѣ.... И вся первая, райская жизнь человѣка—когда земля, еще не умиравшая, была съ нимъ за одно, и небо было такъ близко и доступно ему, и онъ былъ дѣйствительно жилецъ двухъ міровъ и ихъ живое соединеніе: такая жизнь—вся восторгъ, блаженство, и въ ней все—чудесно и свято.

Въ этой-то полной жизни было начало человѣческому слову, которое есть даръ Божій и Божественное свойство человѣка. Оно есть первоначальный, полнѣйшій, непосредственный способъ выраженія души, сообразнѣйшій съ ея существомъ и достоинствомъ.

Человѣкъ заговорилъ—по образу Божію, сталъ живописцемъ и музыкантомъ—по подобію Природы. Человѣкъ сначала могъ вполнѣ высказывать себя словомъ; и надобно полагать, что къ выраженію себя звуками и образами порознь, по подобію Природы, онъ прибѣгъ тогда, когда душа его уже не обрѣла въ себѣ силы для непосредственнаго, прямаго

выраженія себя словомъ,—когда онъ, для пополненія жизни своей, сталъ искать пособій въ Природѣ.

Такое состояніе его могло произойти съ утратою полной, первобытной жизни: что и свершилось съ его паденіемъ. Съ этимъ роковымъ событіемъ человѣкъ потерялъ первородную силу слова; да и самая земная Природа съ паденіемъ царя своего остановилась въ своемъ развитіи!... Послѣ того дѣйствительная жизнь человѣка измелѣла и раздробилась; она осталась только съ воспоминаніемъ о золотомъ вѣкѣ своемъ—о прежнемъ счастьи, величіи, и объ утратѣ оныхъ,—съ воспоминаніями, которыя уцѣлѣли еще въ разсѣянныхъ преданіяхъ народовъ, какъ въ наслѣдственныхъ остаткахъ погибшаго родоваго богатства. Память объ нихъ затаила въ душѣ темное чувство о лучшей жизни и высокомъ достоинствѣ человѣка, чувствѣ, которое, пробуждаясь и проясняясь въ душѣ, устремляетъ ея дѣятельность на усовершеніе и возвышеніе человѣческой Природы.

Таковы у меня понятія о высшемъ значеніи слова и происхожденіи онаго. Я изложилъ вамъ ихъ съ самаго начала потому, что они составляютъ основное начало всего будущаго ученія нашего о Словесности, и для того, чтобы установить главную точку зрѣнія, съ которой мы будемъ смотрѣть на предметъ нашъ.

Но есть еще совсѣмъ обратный образъ мыслей, по которому совсѣмъ иначе изъясняется происхожденіе и разумѣнія, и слова, и всего человѣческаго въ человѣкѣ. Почитаю не безполезнымъ изложить вамъ и сей образъ мыслей, принадлежащій Механической или Матеріальной Системѣ.

Послѣдователи оной воображали себѣ первобытныхъ людей въ дикомъ, звѣроподобномъ состояніи, изъ коего человѣкъ будто выходилъ самослучайно и постепенно, по мѣрѣ пріобрѣтаемыхъ опытовъ, на кои онъ натыкался, побуждаемый различными нуждами. Одинъ изъ таковыхъ мыслителей доказывалъ, что человѣкъ вышелъ изъ животнаго состоянія и пріобрѣлъ человѣчность потому только, что у него руки отдѣльно отъ ногъ!...

Вѣрованіе въ первоначальную животность человѣка простиралось до того, что его не только ставили въ одинъ классъ со звѣрьми (отъ чего и теперь еще не отстали Зоологи), но даже соединяли въ одинъ родъ съ орангъ-утангами, и только для отличія прописывали: nosce te ipsum.... Незавидное самопознаніе!..

Какъ бы то ни было, но представлявшіе первобытное состояніе человѣка звѣроподобнымъ, допускали, что человѣкъ сначала кричалъ гласными звуками, потомъ выражался междометіями, потомъ у него накоплялись имена и уже въ послѣдствіи появились глаголы....

Точно такимъ же, чисто аналитическимъ образомъ представляли они образованіе въ человѣкѣ разумѣнія, и всего, чѣмъ человѣкъ выше животнаго. Нѣкоторымъ изъ нихъ не надобно было даже животнаго; они разумѣніе человѣческое хотѣли вложить въ статую—и не какъ Пигмаліонъ, одушевившій созданіе рукъ своихъ горячимъ восторгомъ и полнымъ вдохновеніемъ души своей, но холодно-разсчетливымъ, механически-чувственнымъ, безжизненно-логическимъ ея образованіемъ.

И всѣ мнѣнія свои Матеріалисты почитали основанными на Природѣ и разумѣ: и въ доказательство тому приводили постепенность образованія, повсюду замѣчаемую въ Природѣ; ссылались на младенческій возрастъ самого человѣка, столь близкій къ состоянію животному. Что кажется убѣдительнѣе сего и основательнѣе!.. Но иное дѣло—особное (individualis), возобновляющееся образованіе существъ, уже находящихся въ Природѣ, уже происходящихъ отъ своихъ предковъ; иное дѣло—образованіе существа впервые являющагося въ міръ, первороднаго и родоначальнаго. Впрочемъ и все то, чѣмъ хотѣли они подкрѣпить ученіе свое, не въ ихъ пользу.

Они ссылаются на Природу; но что они могли узнать отъ нея, когда они видѣли въ ней только то, что хотѣлось видѣть ихъ частному, ограниченному разуму,—когда они глядѣли на нее какъ на машину, состоящую изъ недѣятельнаго вещества, изъ грубыхъ атомовъ, приведенныхъ въ движеніе по законамъ чистаго механизма, и не видали уже ничего

болѣе, не допускали ничего сверхъ-чувственнаго. Что могла открыть имъ такая страшная Природа? что скажетъ безжизненный, обезглавленный трупъ?.. А между тѣмъ Природа дѣйствительно должна быть для насъ прорицалищемъ истины, и мы не рѣдко будемъ вопрошать ее для изъясненія себѣ души и слова человѣческаго: ибо Природа есть вещественное откровеніе мыслей Творца и воли Его,—и ея видимые образы суть явленія и воплощеніе жизни невидимой, суть отголоски Всемогущаго да будетъ—того слова Божественнаго, которое потомъ вразумило и человѣка, и законы коего живутъ еще какъ въ Природѣ, такъ и въ душѣ человѣка, и въ словѣ, въ коемъ она открывается.

Они ссылаются на младенческій возрастъ. И дѣйствительно, младенецъ въ началѣ своемъ такъ много похожъ на животное... Но кто научаетъ его ходить, откуда его рѣчь, откуда его образъ мыслей и первое его умѣнье? Отъ тѣхъ, кто уже умѣетъ ходить, говорить и дѣлать; самъ же собою младенецъ не развивается, но дичаетъ и дѣлается еще звѣроподобнѣе, чѣмъ родился. Въ немъ есть душа способная принять человѣчность, душа въ коей можетъ раскрыться глубина безконечная; но то и другое раскрывается первоначально извнѣ, чрезъ сообщеніе наслѣдственное готовыхъ опытовъ жизни.

То же бываетъ и съ цѣлыми народами дикими—этими отрывками первобытно-цѣлаго человѣчества. Заброшенный вдаль, отлученный отъ человѣчества—иной народъ коснѣетъ вѣка въ одинакомъ состояніи, съ удѣльной долей преданій, языка, умѣнья, составляющими какъ бы волшебный кругъ жизни, изъ коего онъ самъ собою не выходитъ и до тѣхъ поръ остается въ немъ, пока другой народъ съ большимъ развитіемъ, съ высшимъ свѣтомъ ума не сообщитъ и, такъ сказать, не привьетъ ему своего просвѣщенія: тогда уже можетъ раскрываться въ немъ и собственная дѣятельность, и, смотря по условіямъ жизни, народъ можетъ достигать высокой степени образованія человѣчества.

Могло быть иначе, и казалось бы, достойнѣе было, еслибъ человѣкъ могъ прямо изъ себя и самъ собою раскрывать

свою высокую природу; но не такъ суждено Творцемъ, и не такъ бываетъ на самомъ дѣлѣ: а намъ именно знать надобно не то, какъ бы быть могло: такъ или иначе? но какъ было и есть. Умъ нашъ теперь уже требуетъ знанія не логически-отрицательнаго, но исторически-положительнаго,— хочетъ судить не по законамъ возможности и необходимости своего частнаго, ограниченнаго разумѣнія, но по событіямъ дѣйствительнымъ, кои часто не понятны, чудны для нашего разума, и выше высоты его, ибо происходятъ отъ Разума Всевышняго....

Все насъ убѣждаетъ въ томъ, что просвѣщеніе къ человѣку сначала приходитъ извнѣ и свыше: человѣкъ сначала долженъ научиться отъ другихъ, воспитаться опытами готовыми, и уже послѣ сего раскрывается въ немъ собственная, творческая дѣятельность души, и онъ собственнымъ трудомъ добываетъ новые опыты . . . живетъ уже самобытною жизнію—болѣе или менѣе плодоносною для человѣчества.

Такимъ образомъ и младенческій возрастъ человѣка, по способу первоначальнаго развитія въ немъ разумѣнія и слова, по той счастливой игрѣ жизни, которою онъ вполнѣ наслаждается, оправдываетъ тѣ понятія, которыя предложены вамъ мною, о первоначальномъ происхожденіи слова и разумѣнія, и о полной, счастливой жизни перваго человѣка—сего величественнаго младенца, коего воспитателемъ былъ самъ Богъ, открывающій младенцамъ что утаилъ Онъ отъ премудрыхъ и разумныхъ.

СТАТЬЯ I.

О системѣ славянскихъ нарѣчій.

§ 1. Какое мѣсто занимаетъ рускій языкъ въ кругу сплеменныхъ ему языковъ славянскихъ?—Этотъ вопросъ, по моему, есть существенный и основный для русской филологіи. Лѣтъ за десять рѣшали его у насъ не иначе, какъ по системѣ Добровскаго, т. е. ставили рускій языкъ въ одинъ разрядъ съ языками Славянъ задунайскихъ. Но съ 1836 года, у насъ и у западныхъ Славянъ, стали рѣшать иначе этотъ вопросъ; а какъ онъ въ связи съ цѣлою филологическою системою славянскихъ языковъ, то прежде всего надо посмотрѣть на ея ходъ и измѣненіе.

§ 2. По мнѣнію Добровскаго, рускій языкъ составляетъ одно изъ 10 славянскихъ нарѣчій и принадлежитъ къ одному разряду съ нарѣчіями Славянъ задунайскихъ.

Разрядъ 1-й	Разрядъ 2-й
Антскій.	Собственно-Славянскій.
Въ немъ 5 нарѣчій:	Въ немъ 5 нарѣчій:
1. Руское.	1. Словацкое.
2. Старославянское (т. е. церковное).	2. Чешское или богемское.
3. Иллирское или сербское.	3. Сорабское или вендское Верхней Лузаціи (верхнелужицкое).
4. Хорватское или кроатское.	4. Сорабское Нижней Лузаціи (нижнелужицкое).

5. Виндское (т. е. хорутанское).	5. Польское.

Это распредѣленіе 10-ти славянскихъ нарѣчій въ 2 разряда утверждено на извѣстныхъ примѣтахъ (notae), которыя въ видѣ двухъ столпцовъ, въ каждомъ по 10 примѣтъ, выставляются обыкновенно подъ двумя разрядами.

§ 3. Система Добровскаго имѣла большой успѣхъ въ филологіи; но она имѣетъ и большіе два недостатка.

Первый недостатокъ состоитъ въ причисленіи рускаго языка къ одному разряду съ югозападными, тогда какъ сѣверозападные принимаются за особый разрядъ. Отъ этого первый разрядъ, въ сравненіи со вторымъ, неправиленъ по составу и несоразмѣренъ по объему.

Другой недостатокъ состоитъ въ несоразмѣрномъ раздѣленіи славянской рѣчи на нарѣчія, и въ поставленіи на эту степень рускаго языка, наравнѣ съ нарѣчіями хорватскимъ, словацкимъ и даже двумя лужицкими. Въ обоихъ случаяхъ не соблюдена постепенность сродства, безъ которой не можетъ быть системы правильной и естественной.

Исправить первый недостакокъ системы Добровскаго значило бы вовсе измѣнить ее. Но къ поправленію втораго недостатка представлялись два способа: 1) подраздѣленіе рускаго языка по крайней мѣрѣ на два особыя нарѣчія, для уравненія ихъ съ прочими; 2) соединеніе нѣкоторыхъ западнославянскихъ нарѣчій въ болѣе правильныя и болѣе объемныя нарѣчія, для уравненія ихъ съ рускими. Эти перемѣны были необходимы, не только по общему требованію систематическаго устройства, но и по особой сущности предмета, т. е. по свойству самихъ нарѣчій, которое во многомъ выражено неправильно или совсѣмъ невыражено системою Добровскаго. Такъ напримѣръ, еще Шлецеръ принималъ за особыя нарѣчія—болгарское, лужицкое, полабское. Но въ системѣ Добровскаго преждевременно исчезло нарѣчіе полабское; недѣлимое лужицкое нарѣчіе распалось на два; а болгарское, столь особенное отъ другихъ задунайскихъ, скрылось въ толпѣ нарѣчій иллирійскихъ.

§ 4. Съ особеннымъ вниманіемъ къ постепенности сродства, Шафарикъ старался поправить систему Добровскаго— вторымъ способомъ, т. е. соединеніемъ западнославянскихъ нарѣчій въ болѣе объемные отдѣлы, которые онъ назвалъ рѣчами.

Языкъ славянскій.

Отдѣлъ 1. Молвь (mluwa) юговосточная.

1. Рѣчь руская.
    1. Нарѣчіе великоруское.
    2. Нарѣчіе малоруское.
    3. Нарѣчіе бѣлоруское.
2. Рѣчь болгарская.
    4. Нарѣчіе церковное или кириловское.
    5. Нарѣчіе новоболгарское.
3. Рѣчь иллирская.
    6. Нарѣчіе сербское.
    7. Нарѣчіе хорватское.
    8. Нарѣчіе хорутанословенское.

Отдѣлъ II. Молвь западная.

4. Рѣчь ляшская.
    9. Нарѣчіе польское.
5. Рѣчь чешская.
    10. Нарѣчіе чешское.
    11. Нарѣчіе угрословенское т. е. словацкое.
6. Рѣчь лужицкосербская.
    12. Нарѣчіе верхнелужицкое.
    13. Нарѣчіе нижелужицкое.
7. Рѣчь полабская.
    14. Нарѣчіе древанское.—

Такимъ образомъ, по Шафарику, кругъ славянскихъ нарѣчій дѣлится на 2 молви, 7 рѣчей и 14 нарѣчій; рускія нарѣчія составляютъ первую рѣчь въ молви юговосточной.

§ 5. Шафарикъ полагаетъ, что такое распредѣленіе славянскихъ нарѣчій будетъ самое согласное съ сущностью предмета (Сл. Нар. стр. 5). Эти слова мы охотно повторимъ

о второмъ отдѣлѣ нарѣчій, который еще у Добровскаго обозначенъ вѣрно. Шафарикъ далъ ему надлежащую полноту и внутреннее устройство, если не окончательное, то уже весьма удовлетворительное. Что касается до перваго отдѣла, то онъ, оставленный въ прежнемъ объемѣ и составѣ, не получилъ и у Шафарика желаннаго устройства. Подведеніемъ хорутанскаго языка, вмѣстѣ съ хорватскимъ, подъ одну иллирскую рѣчь, и соединеніемъ болгарскаго языка съ церковнымъ въ одну болгарскую рѣчь, Шафарикъ прибавилъ въ системѣ только двѣ искуственныя рѣчи. Обѣ онѣ очевидно пріурочены къ тому дѣленію задунайскихъ Славянъ на два отдѣла, какое принято Шафарикомъ въ его Старожитностяхъ Славянскихъ. Но такое историко-географическое дѣленіе Славянъ не составляетъ еще необходимости принимать и двѣ рѣчи задунайскія: въ Старожитностяхъ (стр. 483) лужицкіе Славяне съ полабскими поставлены въ одинъ полабскій отдѣлъ; а между тѣмъ языкъ Полабцовъ и Лужичей въ Народописаніи приняты за двѣ особыя рѣчи.

Если языки полабскій, лужицкій, польскій приняты за особыя рѣчи, тогда и хорутанскій и болгарскій должны-бы быть поставлены на туже степень. По своей особенности, болгарскій отъ церковнаго, а хорутанскій отъ сербскаго,— они не должны быть соединяемы съ ними въ одну рѣчь,— тѣмъ болѣе, что рѣчь у Шафарика принимается въ смыслѣ языка, какъ главнѣйшая степень сродства, которая «полагается основою и средоточіемъ» систематическаго распредѣленія. Такихъ рѣчей и въ югозападномъ удѣлѣ столько же, какъ и въ сѣверозападномъ.

Въ подраздѣленіи руской рѣчи прямо на три нарѣчія сдѣланъ скочёкъ: невидно того ближайшаго сродства, которымъ великоруское нарѣчіе связывается съ бѣлорускимъ, и оба вмѣстѣ отдѣляются отъ южнорускаго. Если при соединеніи нарѣчій имѣется въ виду постепенность сродства; то для ея соблюденія юговосточный разрядъ слѣдуетъ дѣлить не прямо на три рѣчи, но прежде всего на два отдѣла: на восточный или рускій, и южный или задунайскій. Тогда въ искуственномъ юговосточномъ

рязрядѣ будетъ по крайней мѣрѣ два отдѣла, сами по себѣ столько же правильные и естественные, какъ отдѣлъ сѣверозападный.

§ 6. Значительнѣйшую перемѣну въ системѣ Добровскаго сдѣлалъ Палацкій. Въ своей Исторіи Богеміи (1836, I. стр. 55), онъ раздѣлилъ славянскую рѣчь на три вѣтви:

1. Восточную или рускую.
2. Югозападную или иллирскую.
3. Сѣверозападную или ляшскую.

Но иллирская или югозападная рѣчь у Палацкаго представлена въ томъ же объемѣ, какъ у Шафарика, т. е. къ ней отнесены только нарѣчія сербское, хорватское и хорутанское;—руская рѣчь представлена не сама по себѣ, а соединенно съ болгарскою, какъ принималъ Венелинъ. Такимъ образомъ въ дѣленіи Палацкаго, хотя сохранена особенность сѣверозападной рѣчи, но разорвана связь югозападной; иллирской рѣчи дано слишкомъ большое значеніе, какъ особой вѣтви, наравнѣ съ сѣверозападною; а болгарская, будучи отчислена къ составу восточной или рускої, затемняетъ ея особенность и отдѣльность отъ нарѣчій задунайскихъ.

Дѣленіе Палацкаго носитъ на себѣ характеръ школы чешской, состоящій въ томъ, что сѣверозападная рѣчь принимается за особый отдѣлъ, а руская соединяется съ задунайскими языками, со всѣми—какъ у Добровскаго и Шафарика, или только съ болгарскимъ—какъ у Палацкаго.

§ 7. Обратимся къ Славянщинѣ задунайской: что тамъ выработала филологія для естественной системы славянскихъ нарѣчій, и какъ она рѣшаетъ вопросъ о языкѣ русскомъ?

Отдѣленная отъ насъ рѣкою Дунаемъ, она принимаетъ его границею и для нарѣчій. Представитель ея Копитаръ дѣлилъ всю Славянщину на двѣ части: задунайскую и додунайскую. Эти два отдѣла въ филологіи старше, чѣмъ два разряда Добровскаго; ибо еще Катанчичъ дѣлилъ славянскія нарѣчія на иллирскія (южныя) и сарматскія (сѣверныя).

Это отлученіе задунайскихъ нарѣчій въ особый разрядъ, и соединеніе рускої рѣчи съ сѣверозападною, пусть будутъ отличіемъ школы задунайской.

§ 8. Копитаръ (въ Глаголитѣ, 1836) принималъ слѣдующіе славянскіе языки или нарѣчія,—не полагая разницы въ этихъ названіяхъ.

I. Славянщина задунайская [1]).

1. Языкъ церковный.
2. Языкъ болгарскій.
3. Языкъ хорватосербскій или иллирскій.
4. Языкъ словенскій или хорутанскій.

II. Славянщина додунайская.

1. Языкъ южнорускій.
2. Языкъ сѣверорускій.
3. Языкъ польскій.
4. Языкъ сорабскій т. е. лужицкій.
5. Языкъ чешскій съ словацкимъ.

И такъ здѣсь поставлены въ первой половинѣ одни югозападныя нарѣчія; а сѣверозападныя во второй половинѣ, вмѣстѣ съ рускими,—какъ бы въ опредѣленіе древней сказки о Чехѣ, Лехѣ, Руссѣ и сестрѣ ихъ Вандѣ.

§ 9. Сравнивъ систему Добровскаго съ Копитаровою, находимъ, что каждая изъ нихъ, выдѣливъ одну, ближайшую къ себѣ половину западнославянской рѣчи, другую половину ея причисляетъ къ руской. Тамъ изъ славянскаго круга выдѣлена сѣверозападная часть; а здѣсь югозападная. Такимъ образомъ у Копитара выработался для системы югозападный или задунайскій удѣлъ, столькожъ вѣрный въ объемѣ своемъ, какъ у Добровскаго удѣлъ сѣверозападный. Оба они оправдываютъ другъ друга и имѣютъ одинакое право въ системѣ.

Что касается до второй половины Копитаровой, то она также несоразмѣрна въ объемѣ и неправильна въ составѣ,

---

[1]) Во избѣжаніе сбивчивости въ словахъ *задунайскій* и *додунайскій*, я употребляю ихъ такъ, какъ они приходятся по отношенію къ намъ. У Копитара, какъ задунайскаго Славянина (Краинца), эти имена (Slavismus transdanubianus, cisdanubianus) наоборотъ.

какъ первый разрядъ у Добровскаго; въ ней также затемнена особенность сѣверозападной рѣчи, какъ въ томъ невидна особенность рѣчи югозападной; у обоихъ одинаково невидны значеніе и особенность руской рѣчи. Потому и здѣсь также, для показанія постепенности сродства, необходимо подраздѣленіе на два отдѣла: на восточный или рускій, и на сѣверозападный.

У Копитара не выставлено филологическихъ примѣтъ, какими украшена система Добровскаго; но это лучше: не было по крайней мѣрѣ того обмана въ наукѣ, какой произведенъ примѣтами Добровскаго.

§ 10. И такъ, ни одна западнославянская школа не опредѣлила ясно того мѣста и значенія, какое руская рѣчь имѣетъ въ кругу славянскомъ; и обѣ школы показали, что оба западные удѣла славянской рѣчи соединимы съ рускою, и что западнославянская рѣчь равно къ ней близка въ обоихъ удѣлахъ своихъ.

У Добровскаго югозападныя нарѣчія примкнуты къ рускому, посредствомъ церковнаго. И это правдоподобно,—если возмемъ во вниманіе письменный языкъ Руси, который, начавшись употребленіемъ церковнославянскаго языка, хотя уже и обрусѣлъ, но все таки остался славянорускимъ. Въ этомъ отношеніи имѣетъ свою справедливость то мнѣніе, что языкъ церковнославянскій есть древній рускій. Но такое мнѣніе, легко впадая въ крайность, производитъ хотя и господствующій, но превратный взглядъ на развитіе и коренныя свойства рускаго языка, и на его отношеніе къ церковному. Такъ и въ Филологическихъ Наблюденіяхъ Павскаго (I. 79)—собственныя, родимыя формы языка рускаго называются «новыми, нынѣшними»; а формы церковнаго языка, принятыя у насъ позднѣе, именуются «древними, старинными».

У Копитара сѣверозападныя нарѣчія примкнуты къ рускому, посредствомъ польскаго. И это также правдоподобно,—если возмемъ во вниманіе письменный западнорускій языкъ: въ 17-мъ вѣкѣ онъ точно былъ польскорускимъ. Въ этомъ отношеніи могъ говорить Гречь, что «малороссій-

ское нарѣчіе можетъ даже назваться нарѣчіемъ языка польскаго, къ коему оное составляетъ переходъ отъ рускаго». (Простр. Грам. 1827. с. 35). Но отсюда проистекаетъ другое заблужденіе, по которому коренныя южнорускія слова и формы, неизвѣстныя въ избранномъ рускомъ языкѣ и сходныя съ польскими, считаются заимствованіемъ изъ языка польскаго,— хотя эти же слова встрѣчаются въ древней руской письменности, и ведутся въ другихъ нарѣчіяхъ западнославянскихъ и рускихъ.

§ 11. При такомъ направленіи филологической системы соединять рускую рѣчь съ удѣлами западнославянскими, для нея оставалось еще два опыта. Или разрознить рускую рѣчь, подобно западнославянской, и присоединить одну часть руской къ одной западной, а другую къ другой. Но единство и цѣлость русской рѣчи такъ ясны и очевидны, что никакая система не рѣшится на такой дѣлежъ. Еще оставалось для системы: не одинъ, а оба западные удѣла соединить съ русскою рѣчью, въ общую цѣлость рѣчи славянской; и различать въ ней только нарѣчія съ ихъ видоизмѣненіями, какъ онѣ исчислены, напримѣръ, у Шлецера или въ Исторіи Карамзина. Но для системы это значило бы отказаться отъ своего дѣла, послѣ первыхъ неудавшихся опытовъ.

§ 12. Повѣрка системы Добровскаго системою Копитаровою показываетъ ясно, что въ нихъ для науки выработались уже два правильные удѣла: югозападный и сѣверозападный. И если ихъ означить особо въ кругу славянскомъ, то въ немъ останется сама по себѣ восточная или руская половина его.

И она дѣйствительно составляетъ особый, самостоятельный отдѣлъ въ кругу славянскомъ. Не предоставивъ ей такого значенія, система неизбѣжно допускаетъ одинъ неправильный разрядъ, въ которомъ и самостоятельность руской рѣчи невидна, и теряется особенность одного изъ двухъ западныхъ удѣловъ. Отъ этого сродство славянскихъ нарѣчій затемняется на первыхъ, главныхъ своихъ степеняхъ.

Руская рѣчь не можетъ быть соединена съ которымъ нибудь однимъ западнымъ удѣломъ, безъ того, чтобы не на-

рушили равновѣсіе и правильность всей системы; слѣдственно, руская рѣчь и по этому должна быть принимаема за особый, самостоятельный отдѣлъ въ кругу славянскомъ.

§ 13. Таковъ выводъ изъ прежнихъ опытовъ системы, которая необходимо должна была перейти отъ нихъ къ новымъ опытамъ, гдѣ рускій рѣчи было бы дано самостоятельное мѣсто, отдѣльно отъ всѣхъ языковъ западнославянскихъ.

При такомъ выводѣ, изъ системы Добровскаго, начинающейся съ рускаго языка, возникаетъ само собою слѣдующее дѣленіе па три разряда:

1. Восточный или рускій.
2. Югозападный или задунайскій.
3. Сѣверозападный.

Такое дѣленіе и обнародовалъ Надеждинъ 1836 года (въ Телескопѣ, кн. 1, въ статьѣ Европеизмъ и народность). Здѣсь руская рѣчь представлена въ надлежащей отдѣльности отъ всѣхъ западнославянскихъ языковъ; а рѣчи югозападной предоставлена та цѣлость, какую имѣетъ она въ системѣ Копитаровой. Этимъ Надеждинское дѣленіе отличается существенно отъ современнаго и подобнаго себѣ дѣленія Палацкаго (см. § 6).

Рускій или восточный разрядъ Надеждинъ (Энцикл. Лекс. IX. 1837) дѣлитъ прямо на три языка—великорускій, южнорускій и бѣлорускій.—

Томуже дѣленію славянскаго круга прямо на 3 разряда послѣдовалъ Срезневскій (Ж. М. Н. Пр. 1843. кн. 4.), въ своемъ распредѣленіи славянскихъ нарѣчій, которыхъ онъ считаетъ 12:

1. Восточныя: великорускоe и малорускоe.
2. Югозападныя: старославянское (церковное), болгарское, сербское, хорватское, хорутанское.
3. Сѣверозападныя: полабское, польское, лужицкое, чешское, словацкое.

§ 14. При вышесказанномъ выводѣ, Копитаровское дѣленіе приняло бы слѣдующій видъ:

1. Разрядъ задунайскій или югозападный.
2. Разрядъ рускій или восточный.
3. Разрядъ сѣверозападный.

Въ такомъ дѣленіи исполнилась бы давняя мысль Востокова (1820), что рускій языкъ составляетъ средину между двумя западными удѣлами. Но понятіемъ средины не выражается въ системѣ ни отношеніе руской рѣчи къ западной, ни постепенность сродства вообще; притомъ же—два западнославянскіе удѣла, и безъ того розрозненные, разошлись бы вовсе на противоположные концы.

§ 15. Западнославянская филологія, присоединяя рускую рѣчь къ одному изъ двухъ западныхъ удѣловъ, и заботясь о различеніи этихъ двухъ удѣловъ, не признала ихъ ближайшаго, взаимнаго сродства, по которому они какъ два родные брата. Мнѣ казалось необходимымъ пополнить этотъ пропускъ, чтобы система сколько можно болѣе выражала постепенность сродства; и я въ 1836 году составилъ распредѣленіе нѣсколько отличное отъ всѣхъ прежнихъ. (См. въ моей книгѣ: Откуда идетъ Руская Земля. К. 1837).

По моему понятію, кругъ языковъ и народовъ славянскихъ дѣлится прежде всего на двѣ половины:

1. Восточную или рускую.
2. Западнославянскую.

Эти половины выражаютъ собою ту степень сродства, на которой коренная славянская рѣчь разошлась въ двѣ первоначальныя вѣтви. Здѣсь руская рѣчь принимается соотвѣтственною не одному какому либо западному удѣлу, но обоимъ вмѣстѣ,—и они оба къ рускій рѣчи относятся, какъ розрозненныя дѣти родной сестры ея — рѣчи западнославянской.

Каждая половина подраздѣляется опять на двѣ ближайшія другъ къ другу части—южную и сѣверную, которыя составляютъ собою новую степень сродства и могутъ называться удѣлами. Здѣсь руская рѣчь дѣлится на южнорускую и сѣверорускую; а западнославянскія нарѣчія соединяются въ два удѣла—югозападный и сѣверо-

западный. Такимъ образомъ въ славянскомъ кругу я различаю сперва 2 половины, потомъ 4 удѣла.

§ 16. Въ восточной или рускоѣ половинѣ, гдѣ природа славянская болѣе сохраняетъ полноту бытія своего, и славянская рѣчь является болѣе единою и цѣлою, чѣмъ въ половинѣ западной.

I. Рѣчь южноруская. Она въ своихъ мѣстныхъ разностяхъ запечатлѣна найбольшимъ единствомъ, и составляетъ одинъ языкъ южнорускій. Въ немъ можно различать 2 нарѣчія:

1. Нарѣчіе малорускоѣ, съ поднарѣчіями украинскимъ и сѣверскимъ.

2. Нарѣчіе червонорускоѣ, съ поднарѣчіями галицкихъ и закарпатскимъ.

Малоруское или малороссійское нарѣчіе отличается, между прочимъ, употребленіемъ глаголовъ въ будущемъ времени съ окончаніемъ иму, имешъ, име,—имемъ, имете, имуть; наприм. знàт-иму, водúт-иму. Этого нѣтъ въ нарѣчіи червонорускомъ, которое отъ всѣхъ рускихъ нарѣчій отличается особенно тѣмъ, что въ творительномъ падежѣ женскихъ именъ и нѣкоторыхъ мѣстоименій, вмѣсто окончаній *ою, ею*, ставить *овъ, ёвъ*; наприм. водовъ, землёвъ, мновъ, тобовъ.

Всѣ разности малорускаго нарѣчія соединяются въ два поднарѣчія. Украинскоѣ, любящее во многихъ случаяхъ обращать звукъ *о* (ô) въ тонкое, а иногда въ легкое *и*;—букву *ѣ* почти вездѣ оно принимаетъ за тонкое *и*. Сюда относятся разности: переяславская, волынская, слобожанская. Сѣверскоѣ поднарѣчіе въ тѣхъ же случаяхъ звукъ *о* (ô) обращаетъ въ двоегласные звуки *уи, юи*; а букву *ѣ* принимаетъ всегда за тонкое *е*.

Разности нарѣчія червонорускаго соединяются также въ два поднарѣчія. Галицкоѣ, отличающееся тѣмъ, что оно оканчиваетъ третье лице глаголовъ на *тъ*, а не на *ть*, какъ вообще въ южнорускихъ нарѣчіяхъ, и въ среднерускомъ. Закарпатскоѣ, отличающееся дебелымъ выговоромъ звука *ы*, даже и послѣ гортанныхъ звуковъ; между тѣмъ какъ въ южнорускомъ языкѣ вообще *ы* имѣетъ легкій отго-

лосокъ, средній между дебелымъ *ы*, и тонкимъ или острымъ *и*. Буква *ѣ* въ обоихъ червонорускихъ нарѣчіяхъ, также какъ и въ малорускомъ, принимается за тонкое или острое *и*.

II. Рѣчь сѣверноруская. Она разнообразна болѣе, чѣмъ южноруская, и состоитъ въ двухъ главныхъ видахъ:

1. Въ нарѣчіи великорускомъ.
2. Въ нарѣчіи бѣлорускомъ.

Оба эти нарѣчія, безъ сомнѣнія, составляютъ одно цѣлое; а потому въ системѣ они должны быть неразлучно, подъ общимъ именемъ, равно идущимъ къ нимъ обоимъ: таково названіе—сѣвернорускаго языка.—Нарѣчіе великорускоe отличается удержаніемъ звука *л* въ окончаніи 3-го лица прошедшаго времени мужескаго рода; между тѣмъ какъ въ бѣлорускомъ и малорускомъ окончаніе *лъ* передѣлано на *въ*. Нарѣчіе бѣлоруское или литовскоруское отличается отъ великорускаго совокупностію двухъ примѣтъ: звукъ *о*, когда онъ безъ ударенія, обращается въ дебелое *а*;—*д* и *т* при отонченіи обращаются въ *дз* и *ц* (=тс); наприм. хадзицъ вм. ходить.

§ 17. Разности обширнаго великорускаго нарѣчія не приведены еще въ желанную извѣстность и требуютъ новаго систематическаго переслѣдованія. Пока оно состоится, [1])

---

[1]) Сахаровъ (въ Сказан. Рус. Нар. 1841) раздѣлилъ великорускоe нарѣчіе на 4 *подрѣчія*: московское, новгородское, суздальское и заволжское. Въ этомъ дѣленіи, мнѣ кажется, вовсе несоблюдена постепенность сродства: въ *подрѣчіи* московскомъ—излишнее соединеніе; а въ трехъ остальныхъ-несоразмѣрное съ нимъ разъединеніе.

Къ московскому отнесены у Сахарова не только собственно-московское нарѣчіе и часть среднерускаго *(тульское, рязанское, калужское);* но и *тверское*, и *владимірское*. При такомъ объемѣ, какою же примѣтою обозначится это *подрѣчіе московское*, въ отличіе отъ трехъ остальныхъ?

Въ *заволжскомъ* подрѣчіи у Сахарова различены *разнорѣчія*: вологодское, устюжское, сибирское и проч. а въ *новгородскомъ*—собственно-новгородское, архангельское. При такомъ ихъ объемѣ, чѣмъ же обозначатся то и другое подрѣчіе, т. е. заволжское и повгородское, въ отличіе отъ *суздальскаго?*

Подробнымъ отвѣтомъ на предложенные два вопроса, изыскатель руской народности оказалъ бы услугу нашему *языкознанію*.

я повторю здѣсь то распредѣленіе, какое предложилъ 1839 года, въ моей Исторіи Древней Руской Словесности (въ гл. IV и V).

А. Сѣверовосточная часть великорускаго нарѣчія, говорящая на *о*. Этимъ употребленіемъ дебелаго *о*, необращаемаго въ *а*,—которое принадлежитъ и южнорускому выговору,—отличаются два нарѣчія:

1. Нарѣчіе верхнерускоe. Здѣсь господствуетъ поднарѣчіе новгородскоe, принимающее букву *ѣ* за тонкое или острое *и*,—какъ въ украинскомъ и червонорускомъ выговорѣ,—и опускающее въ 3 лицѣ глаголовъ единственнаго, а иногда и множественнаго числа, окончаніе *тъ*; наприм. вòзьме, хòди, лю́би.

2. Нарѣчіе нижнерускоe или такъ-называемое суздальскоe. Оно произноситъ букву *ѣ* какъ *е*; а въ окончаніи родительнаго падежа прилагательныхъ именъ *аго, его*, необращаетъ звука *г* въ *в*, какъ это бываетъ вообще у Великороссіянъ.

Эти два нарѣчія распространились за Ураломъ, составляя тамъ двѣ особыя разности—сибирскую и камчатскую.

Б. Великорускія нарѣчія, говорящія на *а*, т. е. обращающія звукъ *о* безъ ударенія—въ *а*. Здѣсь ясно различаются два нарѣчія:

3. Нарѣчіе среднерускоe.

4. Нарѣчіе московскоe, которое изъ Москвы распространилось уже по всей Руси, и составило изъ себя общерускій или собственно такъ называемый рускій языкъ.

Въ московскомъ выговорѣ, при обращеніи кореннаго *о* безъ ударенія въ *а*, этотъ звукъ слышится легкій; но въ среднерускомъ выговорѣ онъ сближается уже съ дебелымъ, бѣлорускимъ *а*.—Кромѣ того, среднерускоe нарѣчіе отличается отъ московскаго тѣмъ, что въ немъ звукъ *г* выговаривается гортанно, какъ *h*, а не *g* (тожъ въ южнорускомъ и бѣлорускомъ); звукъ *в* не обращается въ *ф* (тожъ въ южнорускомъ и бѣлорускомъ);—въ окончаніяхъ 3-го лица глаголовъ, вм. *тъ* ставится *ть*,—сходно съ малорускимъ;—вм. *ся*, прилагаемаго къ прошедшему времени глаголовъ, ставится

си;—коренной звукъ *ы* въ глаголахъ необращается въ *о*; напр. крыю, мыю (сходно съ южнорускимъ), а не крою, мою. — Отъ бѣлорускаго нарѣчія среднеруское отличается необращеніемъ коренныхъ *д* и *т* въ *дз* и *ц*,—между тѣмъ какъ у Великороссіянъ, говорящихъ на *о*, эти *дз* и *ц* встрѣчаются нерѣдко—въ губерніяхъ новгородской, симбирской, нижегородской.

§ 18. Въ западной половинѣ, по разрозненному бытію народовъ, а можетъ быть и по врожденному стремленію къ разнообразію, славянская рѣчь произошла болѣе разъединенною и различною, чѣмъ въ восточной.

III. Рѣчь югозападная. Къ ней принадлежатъ 5 языковъ:

3. Церковнославянскій.
4. Болгарскій.
5. Сербскій.
6. Хорватскій.
7. Хорутанскій.

IV. Рѣчь сѣверозападная. Къ ней принадлежатъ также 5 языковъ:

8. Польскій.
9. Чешскій.
10. Словацкій.
11. Лужицкій.
12. Полабскій.

§ 19. И такъ въ славянскомъ кругу 12 языковъ; а если бы, послѣдуя Шафарику и Копитару, соединить словацкій съ чешскимъ, а хорватскій съ сербскимъ, тогда было бы 10.

Всѣ они соединяются въ 4 удѣла и 2 половины, и составляютъ одну славянскую рѣчь.

СЛАВЯНСКАЯ РѢЧЬ.

I. Руская или восточная.	II. Западная.
1. Южноруская.	3. Югозападная.
2. Сѣверноруская.	4. Сѣверозападная.

Въ такомъ видѣ я представляю систему славянскихъ нарѣчій, выражающую главныя степени сродства ихъ.

§ 20. Соотвѣтственно этому дѣленію славянской рѣчи, и въ славянскомъ племени будутъ тѣже 2 половины, 4 удѣла, и въ нихъ 10 народовъ.

ПЛЕМЯ СЛАВЯНСКОЕ.

I. Половина восточная.

Рускіе или восточные Славяне.

1. Удѣлъ юговосточный.

1, Народъ южнорускій.	13,144,000.
1. Малороссіяне.	10,370,000.
2. Червоноруссы.	2,774,000.

2. Удѣлъ сѣверовосточный.

2. Народъ сѣвернорускій.	38,040,000.
1. Великороссіяне.	35,314,000.
2. Бѣлоруссы.	2,726,000.

II. Половина западная.

Западные славяне.

3. Удѣлъ югозападный.

3. Народъ болгарскій.	3,587,000.
4. Народъ сербскій.	5,000,000.
5. Народъ хорватскій.	1,095,000.
6. Народъ хорутанскій.	1,151,000.

4. Удѣлъ сѣверозападный.

7. Народъ польскій.	9,365,000.
8. Народъ чешскій.	4,414,000.
9. Народъ словацкій.	2,753,000.
10. Народъ лужицкій.	142,000.
И того [1]) всѣхъ Славянъ	78,691,000.

---

[1]) Счетъ Славянъ заимствованъ изъ Шафарикова Славянскаго Народописанія (1842); только въ числѣ Сербовъ и Хорватовъ сдѣлана перемѣна: по указанію Срезневскаго, отъ первыхъ перечислено ко вторымъ—294,000.

Рускихъ	51,184,000.
Западныхъ	27,507,000.

Славянскій народъ, у котораго заимствованъ церковный языкъ Кириломъ и Мефодіемъ, уже не существуетъ отдѣльно. Всего вѣроятнѣе, что то были Славяне македонскіе, вошедшіе потомъ въ составъ народа болгарскаго.

Славяне полабскіе почти забыли свой языкъ, и уже обнѣмечились.—

СТАТЬЯ II.

О степеняхъ сродства между нарѣчіями.

§ 21. Степени сродства потому опредѣляются въ филологіи, что онѣ есть на самомъ дѣлѣ. Опредѣленіе ихъ важно; ибо безъ этого наука не можетъ привести многоразличіе своего предмета къ стройному единству и цѣлости.

Двойственность человѣческой природы представляетъ двоякое основаніе, на которомъ должна утвердиться система, въ изображеніи человѣка—первоначально-единаго, и по которому система человѣческаго слова должна совпадать съ системою человѣческаго рода.

Подобно царствамъ природы, все человѣчество дѣлится постепенно на части, такъ что каждый его отдѣлъ, будучи частью своего цѣлаго, самъ есть особое цѣлое, относительно своихъ частей.

По такому отношенію и подчиненію (въ которыхъ и состоитъ стройная цѣлость), каждый отдѣлъ природы или человѣчества знаменуетъ особую степень сродства. Ни одна степень не должна быть упускаема изъ виду; но система обращаетъ главное вниманіе на значительнѣйшія степени, на которыхъ примѣтнѣе особенность образованія.

Каждый отдѣлъ царства, по своему особенному свойству и развитію, можетъ быть отличнымъ отъ другихъ и въ своемъ подраздѣленіи. Потому однообразіе въ подраздѣленіяхъ не есть еще непремѣнное условіе системы, хотя и составляетъ ея красоту.

Многіе члены человѣчества давно утратили свою особенность и вошли въ составъ другихъ; иные совсѣмъ отжили бытіе свое и утонули безъ вѣсти въ минувшемъ; нѣкоторые живутъ неузнанные наукою. Безъ вѣрнаго знанія обо всѣхъ ихъ нельзя составить полной системы; а система истинная не приметъ въ себя ничего вымышленнаго.

§ 22. Шафарикъ, въ Славянскомъ Народописаніи, изъявилъ справедливое намѣреніе, чтобы разныя степени человѣческаго слова означать особыми именами, соотвѣтственно тѣмъ же степенямъ человѣческаго рода. Основою и средоточіемъ своего дѣленія онъ принялъ: кменъ (по переводу Бодянскаго поколѣніе)—языкъ; народъ—рѣчь. Но я думаю, что наименовка степеней сродства на рускомъ языкѣ должна установиться нѣсколько иначе.

Названію народъ соотвѣтствуетъ не рѣчь, а языкъ. Такъ утверждено уже вѣковымъ употребленіемъ, по силѣ котораго говорится: языкъ еврейскій, санскритскій, греческій, латинскій, рускій, польскій, сербскій и проч.

По-славянски языкомъ называется и собственно языкъ, какъ опредѣленнѣйшій видъ человѣческаго слова, и народъ говорящій извѣстнымъ языкомъ.

Это двоякое значеніе имени языкъ, и его происхожденіе, какъ мнѣ кажется, отъ личнаго мѣстоименья *язъ* или *я* (какъ бы въ знакъ того, что въ языкѣ выражается личность народа)—требуютъ, чтобы языкъ и народъ были приняты какъ два названія равностепенныя и соотвѣтственныя другъ другу. Какъ трудно отступить отъ этого, видно у самаго Шафарика: на 3-ей страницѣ Народописанія повторяется у него трижды: «языки, кмены»; а на 4-ой страницѣ трижды говорится, уже по общему употребленію: «языкъ, народъ».

§ 23. И такъ равностепенныя и взаимно соотвѣтственныя названія суть народъ и языкъ. Сообразуясь съ этимъ,

можно распредѣлить и остальныя слова, наблюдая, чтобы высшимъ, объемнѣйшимъ степенямъ предоставлены были имена, имѣющія менѣе опредѣленное и болѣе обширное значеніе.

Сообразно двумъ органическимъ царствамъ природы, и въ системѣ человѣческаго царства можно принять дѣленіе его сперва на области, потомъ на округи, за тѣмъ на круги. Это и будутъ 4 объемнѣйшіе отдѣла, знаменующіе собою 4 высшія, отдаленнѣйшія степени сродства. За ними слѣдуютъ отдѣлы менѣе обширные, знаменующіе собою низшія, ближайшія степени сродства.

§ 24. На первой степени было не множество народовъ и языковъ, какъ нынѣ; но единство человѣка въ родѣ и словѣ; ибо «отъ единыя крове весь языкъ человѣчь, жити по всему лицу земному». (Дѣян. XIII. 26).

Единство человѣка было не только на первозданной землѣ, но и на землѣ обновленной всемірнымъ потопомъ. «И бѣ вся земля устнѣ единѣ и гласъ единъ всѣмъ.—Се родъ единъ и устнѣ единѣ всѣмъ». (Быт. XI. 1. 6).

Сіе первоначальное единство расторгнуто посредствомъ другаго грознаго переворота на землѣ, извѣстнаго подъ именемъ разсѣянія людей и смѣшенія языка ихъ, «да не услышатъ кійждо гласа ближняго своего». (Быт. XI. 7).

Уже послѣ сего произошло постепенно то разнообразіе въ родѣ и словѣ человѣческомъ, какое представляется нынѣшнимъ множествомъ народовъ и языковъ.

Расторженіе первоначальнаго единства въ такое многоразличіе не можетъ быть изъяснено никакимъ разнообразіемъ климата, пищи и жизни. Безъ особеннаго, крутаго переворота въ человѣчествѣ, оно немогло произойти также, какъ земля не могла принять нынѣшняго лица своего безъ потопа всемірнаго.

§ 25. Вторую степень сродства составляютъ области, на которыя прежде всего дѣлится человѣческое царство. Здѣсь родъ человѣческій является породами (race), каковы: кавказская или бѣлая, монгольская или желтая, аме-

риканская или красная, и негрская или черная. [1]) Человѣческія породы опредѣляются преимущественно образованіемъ тѣла, у каждой особеннымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и между языками каждой породы есть свои общія отличительныя черты, хотя филологія, кажется, не успѣла еще опредѣлить ихъ достаточно. Но еслибы понадобилось назвать особымъ именемъ совокупность языковъ каждой породы, то для этого можно взять въ отдѣльномъ видѣ общеславянское слово в ѣ т ъ, такъ часто употребительное въ соединеніи съ предлогами (отвѣтъ, завѣтъ, привѣтъ и пр.). Это имя всего болѣе, мнѣ кажется, можетъ итти къ языку человѣка на степени ближайшей къ его первородному, вѣщему слову.

Породы человѣка, во многихъ рускихъ книгахъ, называются п о к о л ѣ н і я м и. Но этимъ именемъ въ рускомъ языкѣ выражается различіе людей не столько по степени сродства ихъ, сколько по времени ихъ существованія. Въ поколѣніяхъ олицетворяется не одна изъ первыхъ или высшихъ степеней; но послѣдняя изъ нихъ, до которой дошло развитіе человѣчества,—въ которой мысленно и совмѣстно заключаются всѣ предыдущія степени. Поколѣніе есть особенное (индивидуальное) бытіе человѣчества, въ дѣйствительномъ, но скоропроходящемъ явленіи.

«Увы! на жизненныхъ браздахъ
Мгновенной жатвой п о к о л ѣ н ь я,
По тайной волѣ Провидѣнья,
Восходятъ, зрѣютъ и падутъ;
Другія имъ во слѣдъ идутъ».

(*Пушкинъ* въ Евг. Онѣг.).

---

[1]) *Четверное* число породъ принимали Линней, Бюффонъ, Кантъ, Рудольфи. Кювье сократилъ его въ три, причисливъ американскую породу къ монгольской. Другіе, по примѣру Блюменбаха, принимаютъ *пять* породъ. Бори-сенъ-Венсанъ дѣлитъ всѣхъ людей прежде всего на двое: на гладковолосыхъ и курчавоволосыхъ,—что совпадаетъ съ дѣленіемъ Вирсевскимъ. У другихъ писателей встрѣчаются другія числа, 6 и 7; а нѣкоторые ученые вовсе отказываются отъ дѣленія на породы и даже отрицаютъ его. Это послѣднее есть крайнее удаленіе науки отъ своей цѣли. Разнорѣчія ученыхъ объ этомъ предметѣ и трудность его опредѣленія нисколько не опровергаютъ его дѣйствительности. Мало-ли что наука видитъ теперь только, какъ *зерцаломъ въ гаданіи!*

§ 26. Области дѣлятся на округи. На этой третьей степени человѣческій родъ является колѣнами. Таковы, въ породѣ кавказской: наше колѣно индоевропейское, колѣно симическое. Человѣческому слову на этой степени можетъ быть усвоено имя говоръ, у котораго менѣе опредѣленное и болѣе обширное значеніе, чѣмъ у имени рѣчь.

Каждый округъ дѣлится на круги. На этой четвертой степени родъ человѣческій является племенами. Таковы въ индоевропейскомъ колѣнѣ племена: персидское съ индскимъ, греческое съ латинскимъ, славянское съ литовскимъ, и нѣмецкое съ кельтскимъ. Человѣческое слово на этой степени имѣетъ уже опредѣленное образованіе, но все еще родовое значеніе; и всего приличнѣе можетъ называться рѣчью: рѣчь славянская, рѣчь нѣмецкая и проч.

У Добровскаго и Шафарика принимается «языкъ славянскій» въ значеніи родовомъ, какъ совокупность всѣхъ славянскихъ нарѣчій. Но одного славянскаго языка давно уже нѣтъ, какъ нѣтъ одного народа славянскаго. Они давно разошлись во многіе языки и народы.

§ 27. Принимая такимъ образомъ четыре высшія степени въ человѣческомъ царствѣ, я нахожу приличными для нихъ и взаимно соотвѣтственными слѣдующія имена:

1. Царство: родъ—слово.
2. Область: порода—вѣтъ.
3. Округъ: колѣно—говоръ.
4. Кругъ: племя—рѣчь.

Подобно цѣлому царству, и каждый кругъ его имѣетъ свои степени развитія, по которымъ племя и рѣчь переходятъ въ народы и языки.

Рѣчи и племена въ царствѣ человѣческомъ тоже, что роды (genus) въ царствахъ органическихъ; а языки и народы соотвѣтствуютъ видамъ (species) органической природы. Тамъ иные роды явились прямо однимъ или же нѣсколькими видами; другіе перешли въ нихъ, раздѣлясь сперва на такъ-называемые подроды (subgenus). Въ иномъ родѣ значитель-

ная и ясная разница между видами; въ другомъ мало примѣтная.

Тоже въ рѣчахъ и въ племенахъ человѣческихъ. Въ каждомъ кругу свое; ибо въ каждомъ кругу общій образецъ человѣческой породы явился запечатлѣнный особенными примѣтами. Племенныя особенности породы и особенное образованіе каждаго говора въ его рѣчахъ, принимаютъ еще новые опредѣленнѣйшіе виды, подъ которыми племена и рѣчи пребываютъ въ своихъ народахъ и языкахъ.

§ 28. Въ славянскомъ кругу, какъ показано выше, рѣчь и племя явились особыми языками и народами на разныхъ степеняхъ сродства. Прежде всего славянскій кругъ раздѣлился на двѣ половины: рускую или восточную, и западную. На этой пятой степени славянская рѣчь имѣетъ еще родовое значеніе, и можетъ называться тѣмъ же именемъ: рѣчь руская, рѣчь западнославянская. Тоже и съ племенемъ: племя руское, племя западнославянское.

Въ руской или восточной половинѣ, рѣчь и племя приняли два вида: южнорускій и сѣверноруской, которые столько особенны, что ихъ, по сравненію съ другими, должно было признать за два языка и народа. Они произошли и опредѣлились, безъ сомнѣнія, еще въ весьма древнее время, и приходятся на шестой степени сродства, которую я называю удѣломъ.

Родные другъ другу по своему происхожденію, два восточнославянскіе удѣла, при св. Владимірѣ соединились еще новымъ союзомъ государственнымъ и церковнымъ въ одну Русь. Тогда древняя восточнославянская природа, просвѣтлѣнная христіанствомъ, преобразилась въ новое бытіе и проникнута стала новымъ единствомъ рускаго духа.

Въ западной половинѣ своей, славянская рѣчь и племя образовались въ особые языки и народы уже на седмой степени сродства; а на шестой степени, т. е. въ двухъ удѣлахъ своихъ — югозападномъ и сѣверозападномъ, они имѣютъ еще родовое значеніе.

И такъ славянская рѣчь, развиваясь въ особые языки, въ западной половинѣ свое перешла одну степень лишнюю

противу восточной. Потому естественно, что въ нашей руской или восточной половинѣ меньше было разъединенія и внутренняго измѣненія славянской рѣчи,—что въ большей полнотѣ и цѣлости могли сохраниться ея родовыя, первообразныя свойства.

§ 29. Языкъ есть живая совокупность словъ, которою выражаетъ себя народъ, и которая отъ одного поколѣнія передается другому и сохраняется ими, какъ завѣтное наслѣдіе.

Народъ, какъ особый видъ племени, вполнѣ познается только въ кругу своихъ соплеменниковъ. Языкъ, будучи особымъ образованіемъ родовой рѣчи, можетъ быть вполнѣ яснымъ только въ связи съ прочими языками своего племени. Изъ соображенія всѣхъ ихъ получается понятіе объ ихъ родовыхъ принадлежностяхъ и свойствахъ, безъ котораго ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть достаточно извѣстнымъ; ибо безъ знанія о родѣ нѣтъ вѣрнаго понятія о видѣ.

Первоначальный славянскій языкъ уже давно не существуетъ особно; но онъ продолжаетъ бытіе свое въ нынѣшнихъ языкахъ, отъ него происшедшихъ. Онъ существуетъ въ нихъ своими коренными принадлежностями и свойствами, въ нихъ разсѣянными и перемѣшанными, такъ что, кромѣ словъ и оборотовъ общихъ имъ всѣмъ, у каждаго изъ нихъ вѣрно уцѣлѣло еще что нибудь отъ родоначальнаго языка, что не сбережено у другихъ, или не доставалось на долю нѣкоторыхъ. Такимъ образомъ въ сравнительномъ изслѣдованіи соплеменныхъ языковъ состоитъ надежнѣйшее средство къ полнѣйшему знанію каждаго, и даже къ взаимному пополненію ихъ самихъ. И нѣтъ ни одного нарѣчія въ славянскомъ кругу, которое могло бы оставлено быть безъ вниманія, и не могло бы послужить собою хотя нѣсколько или для прояснения, или для пополненія другихъ. Всѣ они суть члены одного тѣла, и составляютъ одно тѣло.

§ 30. Въ разныхъ вѣтвяхъ народа, языкъ его является съ большими или меньшими отмѣнами въ звукахъ, въ цѣлыхъ словахъ и въ оборотахъ словъ. Эти отмѣны происходили сколько отъ внутренняго стремленія къ разнообразію, столько

и отъ внѣшнихъ условій, подъ которыми шла жизнь народа и развивался его языкъ.

Отмѣны, съ какими бываетъ языкъ въ своемъ народѣ, называются нарѣчіями (діалектами). Если какое нарѣчіе многосложно, то нѣкоторыя среднія степени его измѣненій можно называть поднарѣчіями; а ихъ дробнѣйшія и менѣе замѣтныя отмѣны—разностями. Имена «подрѣчіе и разнорѣчіе» я считаю здѣсь неумѣстными.

Какъ въ опредѣленіи высшихъ степеней, такъ и здѣсь, наука обязана наблюдать постепенность сродства,—чтобы нарѣчія и ихъ разности не остались раскиданными членами; но были бы правильно сближены, и дробнѣйшія заключились бы въ тѣхъ объемнѣйшихъ, къ которымъ они принадлежатъ.

Для того-то въ удѣлѣ языка южнорускаго, я различилъ (1836 г.) сперва два нарѣчія—малорусское и червонорусское; и уже въ нихъ подразличаю дробнѣйшія отмѣны.

Такъ и въ удѣлѣ сѣверноруского языка, прежде всего принимаются нарѣчія великорусское и бѣлорусское. Но потомъ, въ обширномъ великорускомъ нарѣчіи, должно отличать еще двоякій говоръ: нарѣчія говорящія на *о*, и нарѣчія говорящія на *а*; и уже къ нимъ должно относить дробнѣйшія разности языка, какими говорятъ Великороссіяне въ разныхъ областяхъ государства рускаго.

§ 31. Для совершенства нашего познанія объ руской рѣчи, необходимо изслѣдовать всю переходчивость ея звуковъ, всѣ оттѣнки ея словъ, все разнообразіе и подвижность ея оборотовъ. Только тогда можно съ полнымъ отчетомъ различать въ ней существенное отъ измѣнчиваго, самородное отъ пришлаго, и увидѣть ясно весь ея звуковой составъ и ея духъ. Тогда наука узнаетъ вполнѣ и основательно свойства и принадлежности господствующаго нарѣчія, въ которомъ преимущественно совершенствуется и ростетъ языкъ рускій.

§ 32. Языкъ рускій, возникшій изъ нарѣчія московскаго, подъ вліяніемъ церковно-славянскаго языка, есть главный представитель не только руской рѣчи, но и всей сла-

вянской. Своею мужественною силою и торжественною звучностью онъ превосходитъ всѣхъ своихъ соплеменниковъ.

По словамъ Карамзина (1817), онъ «можетъ равняться въ силѣ, красотѣ и пріятности, съ лучшими языками древности и нашихъ временъ».

Убѣжденіе въ достоинствахъ рускаго языка принадлежало всѣмъ мастерамъ—знатокамъ его. Вотъ что говорилъ объ немъ первый его устроитель, нашъ всеобъемлющій Ломоносовъ.

«Повелитель многихъ языковъ, языкъ россійскій не только обширностью мѣстъ, гдѣ онъ господствуетъ, но купно и собственнымъ своимъ пространствомъ и довольствіемъ великъ передъ всѣми въ Европѣ. Невѣроятно сіе покажется иностраннымъ, и нѣкоторымъ природнымъ Россіянамъ, которые больше къ чужимъ языкамъ, нежели къ своему трудовъ прилагали. Но кто, не упрежденный великими о другихъ мнѣніями, простретъ въ него разумъ, и съ прилежаніемъ вникнетъ, со мною согласится. Тончайшія философскія воображенія и разсужденія, многоразличныя естественныя свойства и перемѣны, бывающія въ семъ видимомъ строеніи міра и въ человѣческихъ обращеніяхъ, имѣютъ у насъ пристойныя и вещь выражающія рѣчи. И ежели чего точно изобразить не можемъ; не языку нашему, но недовольному своему въ немъ искуству приписывать долженствуемъ. Кто отчасу далѣе въ немъ углубляется, употребляя предводителемъ общее философское понятіе о человѣческомъ словѣ, тотъ увидитъ безмѣрно широкое поле, или лучше сказать, едва предѣлы имѣющее море». (Россійская Граматика. СПБ. 1755 г.).

Приведу еще нѣсколько строкъ, написанныхъ спустя полвѣка краснорѣчивымъ Мерзляковымъ, у котораго столько поколѣній училось словесности и языку отечественному.

«Можно сравнить въ настоящее время (1811 г.) свѣдѣнія наши объ обширномъ языкѣ россійскомъ со свѣдѣніями о пространной россійской имперіи. Онъ извѣстенъ намъ только съ нѣкоторыхъ сторонъ.

«Мы видимъ, что онъ имѣетъ систему отличную почти отъ всѣхъ новѣйшихъ языковъ. Подобно древнимъ, онъ отли-

чается опредѣленными окончаніями въ падежахъ, и потому свободенъ въ перестановкѣ словъ, по силѣ смысла или гармоніи; столько же, или еще болѣе измѣняемъ въ глаголахъ; въ сложеніи и въ производствѣ обиленъ и натураленъ; какъ наслѣдственная отросль славянскаго, богатъ для всѣхъ родовъ слога; живописенъ и простъ, какъ другіе языки, почитаемые первобытными. Вотъ что даровала природа языку россійскому.

«Стихотворцы, сколько бы они знамениты ни были, не совершаютъ еще великаго дѣла образованія языка. Если основательныя науки его не образуютъ, онъ никогда не будетъ имѣть настоящей своей точности».

«Образованіе языка совершается съ образованіемъ народа. Онъ принужденно обогащаться не можетъ. Работы его медленны и зависятъ отъ времени. Одно главное правило: полюбить его!»

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ О ПОЛНОГЛАСІИ.

СТАТЬЯ III.

О полногласіи руской рѣчи вообще.

§ 33. Главное отличіе руской рѣчи отъ западнославянской состоитъ въ томъ, что она болѣе сохранила полногласіе словъ, т. е. обиліе гласныхъ звуковъ середи согласныхъ, по-руски, напримѣръ, говорится—молоко, дорога, береза; а по-западнославянски—млеко, дрога или драга, бреза или бриза.

Полногласіе принадлежитъ всѣмъ рускимъ нарѣчіямъ, сѣвернымъ и южнымъ; слѣдственно, оно есть общее свойство руской рѣчи. Это должно замѣтить въ филологіи потому особенно, что на полногласіе смотрѣли у насъ, какъ на сѣверное свойство, и было говорено, что «нарѣчіе южныхъ Руссовъ удержало въ своихъ словахъ преимущественное господство согласныхъ, подобно языкамъ сербскому и болгарскому». (Уч. Зап. М. У. 1834 г. № 8). Но въ языкѣ южной Руси столько же полногласія, какъ и у сѣверной. Въ немъ произносятся полногласно иногда и тѣ слова, изъ которыхъ не только въ западной Славянщинѣ, но и въ Великой Руси, уже опущенъ гласный звукъ; напримѣръ: те́рень, соло́дкій, бо́рошно, доло́ня (вм. доло́нь, какъ говорится въ нарѣчіяхъ верхнерускомъ и среднерускомъ; по-московски оборочено въ ладонь; по-западнославянски сокращено въ длонь, длань).

§ 34. Полногласіе составляетъ собою не господство гласныхъ надъ согласными, но ихъ равновѣсіе, которое поддерживается звуками полугласными.

Господства гласныхъ звуковъ нѣтъ въ образцовомъ устройствѣ славянской рѣчи. Избытокъ гласности является въ ней подъ видомъ двоегласія. Но обыкновеннѣйшій способъ, которымъ нарушается ея образцовое полногласіе, состоитъ въ обращеніи гласныхъ въ полугласные, или же въ опущеніи гласныхъ изсреди согласныхъ.

Равновѣсіе основныхъ стихій слова, руская рѣчь—въ своихъ собственныхъ, древнѣйшихъ формахъ — сохранила болѣе, чѣмъ западнославянская. Тамъ, черезъ частое убавленіе полногласія, происходитъ иногда перевѣсъ согласныхъ звуковъ, по которому слова остаются иногда вовсе безъ гласныхъ, а по силѣ латинскаго письма—даже и безъ полугласныхъ. Такъ въ сѣверозападномъ удѣлѣ, Словаки и Чехи, вмѣсто волкъ, перстъ, торгъ, говорятъ: влъкъ, пърстъ, търгъ; пишутъ: wlk, prst, trg. Такъ въ югозападномъ удѣлѣ, Сербы, вмѣсто кресть, серпъ, кровь, черенъ или черный, говорятъ, а нѣкоторые и пишутъ: крст, срп, крв, црн. И это для Серба, Словака и Чеха—по выраженію Караджича—б л а г о г л а с н о.

Въ церковнославянскомъ языкѣ—по его собственной, древней формѣ—обращеніе полныхъ гласныхъ въ *ъ* и *ь* производилось въ срединѣ словъ, не только при *р* и *л*, но и при другихъ согласныхъ, на примѣръ: вълкъ, търгъ, пятъкъ, дьнь, мьчь.

Подобнымъ стремленіе обращать полные гласные въ легкій полугласный звукъ, при всѣхъ согласныхъ, отличается нынѣшній языкъ хорутанскій. Примѣчательно, что при такомъ стремленіи этотъ языкъ болѣе всѣхъ славянскихъ развиваетъ въ себѣ звуки двоегласные. Полнота, истощаемая въ однихъ гласныхъ, переносится въ другіе, и этимъ способомъ поддерживается еще первородное равновѣсіе въ стихіяхъ словъ.

Въ славянской филологіи вошло почти въ повѣрье, что тѣ полногласныя формы словъ, которыми наша восточная рѣчь рознится отъ западной, суть позднѣйшія, и составляютъ

въ ней наибольшее уклоненіе отъ первообраза славянскаго; что ъ и ь, представляемые такъ часто языкомъ церковнымъ въ срединѣ словъ, замѣнены полными гласными, и у насъ и въ западной Славянщинѣ, уже въ послѣдствіи; и что отсутствіе этихъ гласныхъ составляетъ первообразную форму словъ въ рѣчи славянской.

Такое понятіе о первообразѣ славянскомъ, объ его измѣненіи у Славянъ западныхъ, и объ крайнемъ удаленіи отъ него въ нарѣчіяхъ рускихъ—составляетъ донынѣ господствующій взглядъ на коренныя свойства и на развитіе какъ руской, такъ и всей славянской рѣчи. Если рускій или западный Славянинъ говоритъ, напримѣръ—полкъ, огонь, овесъ, день, мечь или мачъ, волкъ или вилькъ, черный или чарный, то полагается, что здѣсь звуки *о*, *е*, *и*, *а*—вставлены или прибавлены. Но если, напримѣръ Болгаринъ, говоритъ—«огънъ, длъго, крьфъ, црьно, Блъгаринъ», то это называется—«еще по старому». (Сл. Нар. с. 43).

По предположенію, что и въ руской рѣчи господствовали сперва тѣже сокращенныя и малогласныя формы словъ, какія представляетъ языкъ церковный, и что руское полногласіе есть явленіе позднѣйшее и пришлое,—Добровскій приписывалъ его вліянію финскаго языка, а Востоковъ считалъ его слѣдствіемъ климата. Но такія мнѣнія, очевидно, произошли отъ того же, хотя и господствующаго, однако неправильнаго и превратнаго понятія о первообразѣ славянскомъ и объ измѣненіи его въ разныхъ нарѣчіяхъ, особенно въ рускихъ.

§ 35. Слѣдуя Добровскому, Давыдовъ говорилъ, что «славянское нарѣчіе сѣверныхъ Руссовъ измѣнилось отъ сліянія съ рѣченіями Финновъ, которыя изобилуютъ гласными (Уч. Зап. М. У. 1834 г.).

Если бы дѣло шло о какихъ нибудь отдѣльныхъ словахъ, или объ какомъ нибудь частномъ и областномъ измѣненіи руской рѣчи, то можно бы еще предположить вліяніе финское. Такъ напримѣръ, если поселянинъ рязанскій говоритъ: суóль, дубчкя, винуó, вмѣсто соль, дочка, вино; то можно бы еще подумать, что древній Вятичь, вдавшись въ

предѣлы Финновъ, перенялъ у нихъ такое удвоеніе гласныхъ; ибо Финны говорятъ: суола вм. соль, и прочая. Это предположеніе могло бы возникнуть особенно потому, что нѣкоторые славянорускіе филологи двоегласіе считаютъ свойствомъ чуждымъ для языковъ славянскихъ. Но сообразивъ, что такое же раздвоеніе гласныхъ встрѣчается у большей части западнославянскихъ языковъ, мы не можемъ приписать финскому вліянію и сказанный выговоръ рязанскій. Онъ могъ развиться самъ собою, съ тою разницею, что въ рускихъ нарѣчіяхъ двоегласіе появляется отъ избытка полногласія и не въ ущербъ ему; тогда какъ въ хорутанскомъ языкѣ оно съ избыткомъ развивается въ однихъ звукахъ, истощая полноту другихъ (§ 34).

Чтобы полногласіе, такъ равномѣрно проникающее всю рускую рѣчь, было занято ею отъ Чуди, съ которою знались постоянно только сѣверовосточная Русь, этого и предполагать не слѣдовало. Возмемъ для примѣра полногласныя рускія слова: борода, огонь, порося, тетеревъ. Предположимъ, что эти слова и у насъ сперва выговаривались сокращенно, какъ теперь у разныхъ западныхъ Славянъ: брада, огнь, прася, тетревъ. На языкѣ Чуди они выговариваются такъ: парта, угни, порсасъ, тетри. Очевидно, что полногласныя формы этихъ словъ въ руской рѣчи произошли не отъ финскихъ рѣченій; ибо эти послѣднія ближе къ сокращенной западнославянской, чѣмъ къ нашей полногласной формѣ. Есть финскія рѣченія, въ которыхъ больше гласныхъ звуковъ, чѣмъ въ рускихъ; но въ большей части такихъ словъ руская рѣчь и не приняла финскаго полногласія; напримѣръ—тавара, таппара, гамутта, гурта; по-руски—товаръ, топоръ, хомутъ, хортъ. Такимъ же образомъ руская рѣчь отказалась и отъ того гласнаго звука, которымъ въ санкритскомъ языкѣ кончаются, напримѣръ, слова—наса, свана, сака, пата; по-руски—носъ, звонъ, сукъ, путь. Руская рѣчь любитъ полугласные звуки въ концѣ словъ; и ея полногласіе, о которомъ идетъ дѣло, состоитъ не въ окончательныхъ гласныхъ, а въ серединочныхъ, принадлежащихъ корнямъ словъ.

§ 36. Нельзя допустить и того, чтобы полногласіе русской рѣчи, не принадлежавъ ей первоначально, произошло послѣ—отъ климата, какъ предполагалъ Востоковъ. Отъ какого климата?—Надеждинъ (1837) опредѣлительно сказалъ: отъ сѣвернаго. Но полногласіемъ отличается вся руская рѣчь, и сѣверная, и южная; слѣдственно, вся восточная половина славянскаго круга. Потому оно можетъ быть названо скорѣе восточнымъ, нежели сѣвернымъ свойствомъ. Сѣверъ не даетъ полногласія. Исландцы и другіе Скандинавы далѣе нашихъ Новгородцовъ зашли на европейскую полночь; однако слова, общія славянской и нѣмецкой рѣчи, не сдѣлались отъ того полногласнѣе у Скандинавовъ. На сѣверѣ они болѣе обезгласились и ожестѣли. Слово борода сократилось въ bart (исланд. нѣм. голл.); тетеревъ, по-шведски tedеr, въ исландскомъ обратилось въ thidr; молоко, въ англосаксонскомъ изъ meoloc сократилось въ milk; сорочка по-шведски sark, по-исландски serk.

Напротивъ того въ языкѣ санскритскомъ встрѣчаемъ полногласіе во многомъ близкое къ рускому, иногда еще большее. Сравните слова: патага, катара, чатуръ, титтира—съ нашими: птаха, который (въ польск. ктуры, чешск. ктери), четыре или чотыри, тетеревъ. Два послѣднія слова и по-литовски (теттерисъ, кеттури) полногласнѣе, чѣмъ у западныхъ Славянъ (—чтери или чтыри, тетревъ). Другіе примѣры изъ санскритскаго языка приведены будутъ ниже.—По этому сближенію руской рѣчи съ самымъ восточнымъ отдѣломъ индоевропейскаго округа, относительно полногласія, оно также можетъ быть называемо скорѣе восточнымъ свойствомъ, нежели сѣвернымъ.

§ 37. Сравненіе словъ и другія соображенія привели меня къ мысли, что полногласіе въ руской рѣчи не есть достояніе нажитое ею отъ Чуди, на хладномъ сѣверѣ (гдѣ наши новгородскіе Словѣне промышляли объ иныхъ пріобрѣтеніяхъ);—что оно есть родовое наслѣдіе руской рѣчи, съ которымъ и вышла она изъ общей колыбели племенъ и народовъ.

На него я смотрю какъ на остатокъ первобытной Славянщины, сбереженный на нашемъ рускомъ востокѣ болѣе, чѣмъ сохранился онъ у нашей западной братіи.

Опущеніе или сокращеніе гласныхъ середи согласныхъ, какое представляютъ западнославянскіе языки, есть не первообразъ славянской рѣчи, а наибольшее отклоненіе отъ него, происшедшее на славянскомъ западѣ, особенно за Дунаемъ.

Первородное полногласіе убавилось и въ руской рѣчи, сколько по общей наклонности индоевропейскаго говора—сокращать свои первобытныя полнозвучныя формы словъ; но еще болѣе—по вліянію церковнаго языка на языкъ Руси, въ христіанскую пору ея жизни.

Вотъ понятіе, которое въ моей Исторіи древней Руской Словесности, я осмѣлился противопоставить господствующему филологическому мнѣнію. Здѣсь я разовью его подробно.

СТАТЬЯ IV.

Объ отношеніи церковнославянскаго языка къ рускому.

§ 38. Церковнославянскій языкъ, прежде всѣхъ сплеменниковъ своихъ, получилъ полное письменное образованіе. Потому несомнѣнно, что въ этомъ языкѣ сохранились многія древнія принадлежности славянской рѣчи. Нельзя однако допустить, чтобы въ немъ (какъ полагаетъ Шафарикъ, въ Сл. Народ. с. 35.) совмѣстно и цѣликомъ сохранились всѣ тѣ свойства первобытной Славянщины, которыя отрывочно разсѣяны по другимъ нарѣчіямъ. Еще несправедливѣе то мнѣніе, будто языкъ церковный былъ общежительнымъ языкомъ нашихъ восточныхъ Славянъ въ 9 вѣкѣ, и будто народная руская рѣчь отмѣнилась отъ него уже въ послѣдующіе вѣка.

Послѣднее мнѣніе распространилось у насъ въ нынѣшнемъ столѣтіи. Если не первымъ, то главнымъ его строителемъ у насъ былъ Шишковъ. Поборая за старый слогъ на новый,—который, отрѣшаясь отъ церковнаго языка, подвергался излишнему вліянію французскаго,—Шишковъ называлъ нашъ церковный языкъ корнемъ и началомъ рускаго, и даже утверждалъ наконецъ, что нарѣчіе руское «не есть нарѣчіе славянскаго языка, а тотъ же самый языкъ, неимѣющій ни малѣйшаго съ нимъ различія».

Такое понятіе о тожествѣ двухъ родственныхъ языковъ, хотя и не обращалось у насъ въ общее мнѣніе; однако съ нѣкоторыми измѣненіями повторялось и такими знатоками языка, какъ Калайдовичъ, Давыдовъ, Павскій.

К. Калайдовичь, напримѣръ, (въ своемъ Іоаннѣ Екзархѣ Болгарскомъ, 1824 г.) доказывалъ, что языкъ церковно-славянскій есть тотъ коренной древній языкъ, который еще и въ половинѣ 9-го вѣка былъ общимъ у Моравовъ, Болгаръ, Рускихъ, и у другихъ славянскихъ народовъ, и не имѣлъ еще особыхъ отличій отъ языка рускаго.

Давыдовъ (Учен. Зап. М. У. 1834.) говорилъ, что Священное Писаніе переведено на «древній рускій языкъ», отъ котораго произошелъ нынѣшній языкъ Руси южной и сѣверной.

Но церковный языкъ обработанъ не по древнему русскому, а по одному изъ задунайскихъ нарѣчій, бывшихъ въ 9-мъ вѣкѣ. Всего вѣроятнѣе, что онъ составлялъ особое нарѣчіе македонское, принадлежавшее тѣмъ Славянамъ, среди которыхъ, въ городѣ Солунѣ, родились наши славянскіе первоучители. Считаю лишнимъ повторять здѣсь разныя мнѣнія объ этомъ, разобранныя мною въ Исторіи древ. Рус. Слов. гл. VII.

§ 39. Церковный языкъ, уже и въ древнее время отличный отъ сербскаго, болгарскаго и хорутанскаго,—какъ свидѣтельствуютъ о томъ ихъ особенности, видныя изъ древнихъ памятниковъ,—тѣмъ болѣе отличенъ былъ отъ народной руской рѣчи. Онъ принятъ на Руси, вмѣстѣ съ христіанствомъ, какъ соплеменный языкъ, на который были переведены богослужебныя книги. И онъ сталъ молитвеннымъ языкомъ Руси, также какъ и Болгаръ, Моравовъ, Сербовъ, Хорутанъ и Хорватовъ; какъ былъ онъ нѣкоторое время у Чеховъ и Поляковъ.

Съ тѣмъ вмѣстѣ церковный языкъ сталъ и письменнымъ языкомъ Руси, какъ это бываетъ обыкновенно съ языкомъ богослужебнымъ. Въ этомъ смыслѣ онъ столько же есть древній рускій, сколько и старо-славянскій, старопаннонскій, старо-болгарскій, старо-сербскій. Древній Русинъ могъ называть его иногда своимъ языкомъ, подобно тому, какъ Іоаннъ экзархъ болгарскій называлъ его и своимъ и словенскимъ. А что онъ прослылъ преимущественно болгарскимъ, тому причиною было то, что Болгары, покорившіе и покрывшіе своимъ именемъ Македонію и фракійское

Загорье (861 г.), и принявшіе тогда же христіанство, были первымъ славянскимъ народомъ, у котораго процвѣла письменная словесность на языкѣ церковномъ, и отъ котораго наиболѣе расходились переводы разныхъ книгъ. Несторъ справедливо сказалъ, что одна и таже «грамота есть въ Руси и въ Болгарѣхъ Дунайскихъ». Зачѣмъ же филологамъ распространять на народную рѣчь то, что сказано о грамотѣ славянской, о языкѣ письменномъ.

Что языкъ церковный былъ отличенъ отъ народнаго языка Руси, и въ древній дотатарскій періодъ ея жизни, то видно изъ всѣхъ почти нашихъ древнихъ памятниковъ.

Не считали его за одно съ языкомъ своенароднымъ и въ среднія времена, ни на сѣверѣ, ни на югѣ рускомъ. Новгородскій переписчикъ Евангелія (1506 г.) оговаривался, что въ церковныя книги «многи пословицы привходили новгородскіи». Въ Евангеліи Переяславскомъ, переведенномъ (1556-61 г. на Волыни, въ городѣ Пересопницѣ) съ церковнаго языка на западнорускій, повторяется не разъ, что оно переложено «изъ языка болгарскаго на мову рускую».

Въ прошломъ столѣтіи Ломоносовъ, хотя сродный намъ языкъ славянскій называлъ кореннымъ, однако ясно различалъ отъ него нашъ природный языкъ россійскій. Говоря объ ихъ соединеніи въ письменномъ языкѣ нашемъ, онъ сказалъ, что «россійскій языкъ въ полной силѣ, красотѣ и богатствѣ перемѣнамъ и упадку неподверженъ утвердится, коль долго церковь россійская славословіемъ Божіимъ на славянскомъ языкѣ украшаться будетъ» (въ Предисловіи о пользѣ книгъ церковныхъ).

Въ нынѣшнемъ столѣтіи Каченовскій (въ своемъ Взглядѣ на успѣхи россійскаго витійства, 1811 г.) говорилъ опредѣлительно, «что языкъ гражданскій и общенародный всегда былъ у насъ отличнымъ отъ языка церковнаго; что богослужебный языкъ, принесенный въ Русь по крещеніи жителей кіевскихъ и новгородскихъ, былъ весьма отличенъ отъ общеупотребительнаго».

Не будемъ же въ наше время смѣшивать понятія о письменномъ употребленіи церковнаго языка на Руси,

съ понятіемъ о народной руской рѣчи. Надо вовсе устранить филологическое мнѣніе о тожествѣ рускаго языка съ церковнымъ, о происхожденіи изъ него народныхъ рускихъ нарѣчій, и объ его первообразности для всѣхъ языковъ славянскихъ. Ложное въ началѣ и основаніи своемъ, это мнѣніе остается сбивчивымъ при всѣхъ своихъ изворотахъ и ограниченіяхъ.—

Изъ церковнаго языка осталось много въ письменномъ языкѣ рускомъ; но наша народная рѣчь, съ своими главными особенностями, конечно была прежде, нежели церковный языкъ въ письменномъ видѣ и сталъ извѣстенъ на Руси. Считать его представителемъ первобытной Славянщины несправедливо. Старшинство въ этомъ отношеніи принадлежитъ болѣе руской рѣчи, особенно по праву ея полногласія. Церковный языкъ въ кругу славянскомъ былъ однимъ изъ младшихъ братьевъ. Но ему суждено было первому передать Слово Божіе для Руси и для всего племени славянскаго. И вотъ въ чемъ его главное достоинство и важность передъ другими.

§ 40. По непрестанному обращенію гласныхъ звуковъ въ полугласные, церковный языкъ составлялъ противоположность руской рѣчи. Вмѣсто гласныхъ *о*, *е*, древняя церковная письменность почти на каждой строкѣ представляетъ ъ и ь, въ срединѣ словъ. Какъ-же произносились эти буквы у Славянъ болгарскихъ, моравскихъ, паннонскихъ? По мнѣнію Востокова—полугласно; и это мнѣніе стало господствующимъ. Шафарикъ называетъ ъ и ь въ церковномъ языкѣ «полугласными или слабыми гласными». (Слав. Нар. с. 35). И по мнѣнію Вячеслава Ганки, полугласные ъ, ь, нѣкогда произносились какъ короткіе *о*, *е*.

Однако Павскій отрицаетъ, чтобы ъ и ь, въ древнемъ славянскомъ языкѣ, выговаривались полугласно, какъ короткіе гласные (Ф. Н. 1. 43. 75.). По его мнѣнію—«первый установитель славянскаго правописанія писалъ одни постоянныя гласныя, требуемыя смысломъ; а бѣглыя гласныя *о* и *е*, требуемыя выговоромъ, онъ предоставлялъ догадкѣ

читателя. Читающій самъ долженъ былъ догадываться гдѣ къ *ъ* и *ь* прибавить въ выговорѣ *о* или *е*».

Очевидно, что такое истолкованіе приспособлено къ рускому выговору, и зависитъ отъ того что у Павскаго *ъ* и *ь* сближены съ согласными буквами, и что церковный языкъ не отдѣленъ у него ясною чертою отъ рускаго.

Кирилъ и Мефодій славянскую правопись установляли не для Руси и не по рускому выговору. Они установляли ее для Славянъ задунайскихъ и моравскихъ; а у тѣхъ Славянъ всего больше и опускаются или сокращаются гласные звуки, произносимые у насъ сполна, а въ церковномъ замѣщаемые буквами *ъ* и *ь*. Если въ срединѣ однихъ словъ было писано *о*, а въ срединѣ другихъ *ъ*: то конечно потому, что въ однихъ словахъ *о* выговаривался сполна, какъ и у насъ, напр. гробъ, слово; а въ другихъ недоговаривался, напр. крѣкъ, влѣкъ, а не кровъ, волкъ. Если было писано: чело и чьловѣкъ; то конечно потому, что въ первомъ словѣ звукъ *е* выговаривался сполна, какъ и у насъ; а во второмъ уже недоговаривался или совсѣмъ невыговаривался. Вмѣсто отецъ, конецъ, писано было отьць, коньць—конечно потому, что въ нихъ не выговаривался полный *е*. Такъ и теперь гласный звукъ *е* часто совсѣмъ опускается изъ окончаній *ецъ*, *екъ*,—у Лужичей, напр. вотцъ, пташкъ,—и у Кашубовъ, напр. кравцъ, пёскъ.

§ 41. Бѣглость гласныхъ есть свойство непостоянное, и въ разныхъ нарѣчіяхъ розное, такъ что по одному нарѣчію нельзя заключать о другомъ, безъ положительнаго знанія о каждомъ словѣ въ каждомъ нарѣчіи.

Буквы *ъ* и *ь*, такъ строго различаемыя въ древней церковной правописи, показываютъ, изъ какихъ гласныхъ произошли онѣ въ языкѣ церковномъ. Если пишется тръгъ, влъкъ,—значитъ, что эти слова произошли изъ торгъ, волкъ, а не изъ тергъ (хорв.), велкъ (верхнелуж.) или вилькъ (польск.). Если пишется дьнь, мьчь, двьрь, значитъ, что предки тѣхъ Славянъ, по нарѣчію которыхъ образованъ церковный языкъ, говорили день, мечь, дверь, а не дань и мачъ—какъ въ сербскомъ, и не дваръ—какъ въ санскритскомъ.

На мой взглядъ, древняя церковная правопись тѣмъ важна для филологіи нашей, что по ней можно заключать: въ какихъ полногласныхъ формахъ нѣкогда были въ славянской рѣчи слова, теперь употребительныя уже сокращенно.

Такъ на примѣръ, изъ слова вьрьхъ (верхъ) можно заключать, что оно сокращено изъ верехъ; и такое заключеніе оправдывается поднарѣчіемъ новгородскимъ, въ которомъ вмѣсто верхъ говорится верёхъ (а верхомъ называется мѣра вершокъ).

Изъ слова съмьрьть видно, что вмѣсто смерть говорили нѣкогда сомереть или сомерть; и подобная форма встрѣчается дѣйствительно въ глаголитской письменности—семертъ. Она видна и въ уменьшительныхъ словахъ семерётка, семерёточка, весьма извѣстныхъ въ нарѣчіи верхнерускомъ.

Писано было мънѣ или мынѣ: и по-южноруски дѣйствительно говорятъ не мнѣ, а менѣ или мени.

Вмѣсто кто, что, было писано къто, чьто или чъто,—вѣрно потому, что эти мѣстоименья выговаривались нѣкогда: кото, чето или чото. И въ языкѣ Полабцовъ дѣйствительно было не кто, а като. Эта форма видна и въ мѣстоименьи—который или каторый, по-санскрит. катара. А мѣстоименье *что* состоитъ явно изъ кореннаго *чо* и частицы *то*, откидаемой въ косвенныхъ падежахъ. Въ отдѣльномъ, безприбавочномъ видѣ мѣстоименье *чо* употребительно еще у Словаковъ и у Червоной Руси; у Поляковъ и Чеховъ оно произносится *цо*, въ косвенныхъ падежахъ—*чего*, *чему*; а у нашихъ Рязанцовъ говорится еще—*цо*, *цего*, *цему*.

Впрочемъ, за уменьшеньемъ полногласія въ славянской рѣчи, для многихъ словъ, писанныхъ въ церковномъ языкѣ съ ъ и ь, нельзя уже найти полногласныхъ формъ въ нынѣшнихъ живыхъ нарѣчіяхъ. Напр. вм. мъногъ, какъ находимъ это слово въ Евангеліи Остромировомъ, нигдѣ у Славянъ не говорится уже моногъ; а только—многъ; но въ рѣчи нѣмецкой удержался гласный звукъ послѣ *м*: manag, moneg, menig. Филологія должна утверждаться на томъ, что она можетъ узнать положительно—на формахъ словъ дѣйствительно существующихъ или существовавшихъ. Потому изъ

полногласныхъ формъ, о которыхъ можно заключать по древней церковной правописи, только тѣ можно принимать за дѣйствительныя, которыя можно доказать и подтвердить какимъ нибудь живымъ славянскимъ нарѣчіемъ, или же письменнымъ памятникомъ, принимая при этомъ въ соображеніе языки и другихъ родственныхъ или смежныхъ рѣчей.

Шимкевичь, въ своемъ Корнесловѣ, справедливо поступалъ, что тѣ слова, которыя въ рускомъ языкѣ употребительны еще полногласно, оставлялъ и въ корнѣ подъ этою формою, а не подъ сокращенною церковною, какъ у Рейфа. Напримѣръ: голова, городъ; а не глава, градъ. Жаль однако, что при сравненіи рускихъ словъ съ другими, церковнославянскія поставлены въ Корнесловѣ по новой, а не по древней ихъ правописи,—какъ это сдѣлано въ небольшихъ словаряхъ, приложенныхъ Копитаромъ къ его Глаголиту, и Востоковымъ къ Остромірову Евангелію. Впрочемъ и то надо сказать, что въ дошедшихъ къ намъ церковнославянскихъ рукописяхъ, даже древнѣйшихъ, представляется немалое разнообразіе въ постановкѣ середочныхъ ъ и ь; и составитель словаря не рѣдко обязанъ будетъ возстановлять ихъ по своему собственному соображенію.

§ 42. «Во многихъ случаяхъ можно пожалѣть о потерѣ древней системы правописанія»—говоритъ Павскій; «потерявъ ее, мы перемѣшали буквы постоянныя съ бѣглыми, и въ случаѣ нужды должны распознавать ихъ не иначе, какъ при помощи грамматической аналогіи и по руководству древнихъ славянскихъ рукописей. Филологу, который долженъ дать отчетъ во всякой буквѣ, знать различіе между постоянными и бѣглыми буквами необходимо» (Ф. Н. 1. 76—77).

Нѣтъ сомнѣнія въ пользѣ такого знанія. Но бѣглость буквъ у каждаго славянскаго языка особенная и притомъ перемѣнчивая. Ошибся бы филологъ, если бы по руководству древнихъ славянскихъ рукописей, по находящимся въ нихъ ерамъ и ерямъ, сталъ заключать о бѣглости и постоянствѣ звуковъ—въ языкѣ рускомъ. Такъ, напримѣръ, по-церковнославянски было писано х р ь б ъ т ъ. Отсюда видно только, что эта форма сокращена изъ полной х р е б е т ъ; но никакъ не слѣдуетъ,

чтобы и у насъ на Руси въ этомъ словѣ оба *е* когда нибудь были бѣглыми. У насъ первый *е* постоянный; а бѣглый только второй: хребетъ, хребта, хребтовый, хребетной. Но въ языкѣ польскомъ наоборотъ: постояннымъ остается второй *е*, а бѣглымъ сдѣлался первый: гржбетъ, гржбету, гржбетовый.

Въ рускомъ языкѣ, въ именахъ: волкъ, плоть, торгъ, мечь, дверь—звуки *о*, *е*, постоянные; а въ именахъ золъ, день—бѣглые. Но по-церковнославянски они равно были обращены въ ъ и ь: влъкъ, плъть, търгъ, мьчь, двьрь, зълъ, дьнь.

Имя попелъ по-южноруски въ родительномъ падежѣ по́пелу, а не поплу; т. е. звукъ *е* передъ *л* остался постояннымъ. Такъ и по-сербски—въ именит. пепео, въ родит. пепела. Но въ рускомъ языкѣ—пепелъ, въ родительномъ падежѣ пепла; даже и въ именительномъ можно сказать пепелъ.

Вообще говоря, звуки встарину были у насъ постояннѣе; бѣглыми становились впослѣдствіи. Такъ слово камень въ род. падежѣ каменя; и по-церковнославянски камене; но теперь по-руски говорится уже и каменя, и камня. Въ именахъ: ротъ, лобъ, ленъ, звуки *о*, *е*, южнорускимъ выговоромъ удерживаются и въ косвенныхъ падежахъ; но великорускимъ выговоромъ они опускаются.

Чего постояннѣе, кажется, какъ звукъ *у* въ словѣ голубь или голубъ: съ разными измѣненіями онъ есть и въ языкѣ церковномъ, и въ другихъ славянскихъ, также въ румынскомъ, латинскомъ (columba). Однако въ языкѣ Лужичей звукъ *у* бѣжалъ изъ слова голубь, также какъ и изъ слова жолудь; и они выговариваются тамъ: голбъ или гойбъ, жолджъ или жолжъ.

Изъ всего сказаннаго видно, кажется, что при уставленіи церковной правописи, Кирилъ и Мефодій могли руководиться произношеніемъ бывшимъ дѣйствительно, а не соображеніемъ о постоянствѣ и бѣглости звуковъ. Гдѣ гласный звукъ выговаривался у нихъ сполна, тамъ и писана была гласная буква; гдѣ онъ былъ обращенъ въ полугласный, тамъ писаны были ъ, ь; а гдѣ вовсе былъ опущенъ, тамъ не пи-

сали и полугласныхъ. Буквами ъ и ь означалось дѣйствительное произношеніе словъ въ церковномъ языкѣ 9-го вѣка; а не нарочное опущеніе гласныхъ, съ предоставленіемъ самому читателю наполнять ихъ. На письмѣ опускались буквы, для сокращенія письменнаго, въ словахъ подъ титлами; въ такомъ разѣ опускались и полугласныя буквы, напримѣръ въ Остроміровомъ Евангеліи: сьрдьцьмъ и срдцьмъ. Буквы ъ и ь въ срединѣ словъ конечно стоятъ на мѣстѣ гласныхъ; но потому, что эти гласныя въ церковномъ языкѣ были уже обращены въ полугласныя, не бывъ однако совсѣмъ опущены. Это его особенность въ кругу славянскомъ.

§ 43. Для тѣхъ Славянъ, по произношенію коихъ и для которыхъ писали славянскіе первоучители и ихъ ученики, безъ сомнѣнія удобно было выговаривать такъ часто ъ и ь середи согласныхъ. Но для Руси, привыкшей къ полногласной рѣчи, конечно было трудно это непрестанное обращеніе гласныхъ въ полугласные. Потому на первыхъ порахъ, безъ сомнѣнія, было у насъ большое разногласіе въ чтеніи. Одни, особенно тѣ, которые учились у Задунайцовъ и Моравцовъ, вѣроятно держались буквы, и пріучали свой языкъ къ выговору своихъ учителей. Для другихъ, которые болѣе слѣдовали своенародному выговору, ъ и ь служили титлами, подъ которыми скрывались полные гласные звуки, извѣстные имъ изъ своенароднаго языка. Читая: дьньсь, сьрдьце, отьць, зълъ, и прочая, они конечно выговаривали: денесь, сердце или сердеце, отецъ, золъ. Но у Сербовъ тѣже слова, конечно, произносились: данасъ, срдьце, отацъ, залъ. Такое разнорѣчіе необходимо было, по несходству древней церковной правописи съ народнымъ рускимъ и сербскимъ выговоромъ. Это совершенно понятно, когда послушаешь, какъ розно читаютъ Италіанецъ, Французъ и Нѣмецъ одно и тоже латинское евангеліе.

§ 44. Въ слѣдствіе разнообразнаго выговора, представляется большая пестрота и въ древней руской письменности. Церковная правопись и церковныя формы словъ составляютъ главную основу; но сквозь нее непрестанно сквозитъ своенародный, привычный выговоръ, и полныхъ гласныхъ вмѣсто

ъ и ь, и разныхъ согласныхъ буквъ, которыя у насъ не такъ произносились, какъ были въ языкѣ церковномъ.

Одни, слѣдуя и подражая церковной правописи, писали: вълкъ или влькъ, плькъ, чьрный или чрьный, чьрвленъ или чрьленъ. Для близости къ церковному произношенію, Іоаннъ дьякъ, въ Святославовскомъ Сборникѣ, такъ часто писалъ *шт* вмѣсто *щ*.

На эту стать сокращали у насъ своенародныя слова. Имена: Волга, Черниговъ, Рось, писали, а можетъ быть иные и выговаривали: Влъга, Чрънѣговъ, Ръсь (даже вм. Русь!).

Другіе поступали наоборотъ: полагали правиломъ замѣнять полугласные ъ и ь гласными *о* и *е*. Нѣкоторые выполняли это правило даже въ концѣ словъ, какъ видно на нѣкоторыхъ сѣверноруских грамотахъ, именно на Договорѣ Мстислава Смоленскаго, 1228 г. Можетъ быть иные, читая такое писаніе, и выговаривали *о*, *е*, вмѣсто ъ, ь. По крайней мѣрѣ изъ древнихъ стихирарей видно, что протяженіе ъ и ь въ *о* и *е* имѣло мѣсто въ пѣньи церковномъ.

Съ концомъ древняго періода, Рускіе стали уже отставать отъ писанія ъ и ь въ срединѣ словъ, гдѣ оно не приходилось по рускому выговору. Однако нѣкоторые, особенно южные Руссы, старались удерживать ихъ на письмѣ, еще въ 16-мъ и даже въ 17-мъ вѣкѣ. Ученый схимникъ и архитипографъ Кіевопечерской Лавры Памва Берында, какъ уроженецъ молдавскій,—м о л и л ъ типографовъ (въ своемъ Славенороссійскомъ Лексиконѣ) о соблюденіи ера и еря. Но дѣло кончилось тѣмъ, что Рускіе, образовавъ свою правопись вообще по церковнославянской, занявъ много въ свой новый языкъ изъ богослужебнаго, и въ немъ самомъ измѣнили многое; и его полугласные звуки, въ срединѣ словъ, замѣнили полными гласными, сообразно своенародному великорускому выговору.

Такимъ образомъ нашъ церковный языкъ, образованный сначала по произношенію одного изъ задунайскихъ нарѣчій, отличавшійся непрестаннымъ обращеніемъ гласныхъ звуковъ въ полугласные, растворился у насъ полно-

гласіемъ руской рѣчи. Начатый въ Царѣгородѣ, святыми братьями Кириломъ и Мефодіемъ, онъ преобразился у насъ въ новый видъ, въ которомъ съ особенною красотою является въ писаніяхъ св. Димитрія Ростовскаго. Ими какъ вѣнцомъ, завершается наша старая славянорусская словесность. Въ нихъ же довершается и развитіе церковнаго языка возвращеніемъ его къ полногласію, какъ первобытному свойству рѣчи славянской.

§ 45. Церковный языкъ, какъ соплеменный рускому, легко могъ присвоиться Руси. Она слушала его при богослуженіи; молилась на немъ повседневно. И онъ отозвался въ ея нарѣчіяхъ, особенно въ великорускомъ. Ибо въ Великой или Московской Руси постояннѣе, исключительнѣе сживалась съ нимъ народная рѣчь, не бывъ смущена наводненіемъ польщизны, которая, будучи сама на то время угнетена латинью, не могла дать ничего живоноснаго языку западной Руси, и только помѣшала его письменному развитію.

Какъ свѣтъ ученія Христова озарилъ душу и обновилъ жизнь рускую; такъ и языкъ церковнославянскій дополнилъ и, можно сказать, одуховилъ собою древнюю рускую рѣчь.

Читая на немъ Священное Писаніе и Отцовъ церкви, узнавая черезъ него столько святыхъ, вѣковѣчныхъ истинъ, древняя Русь сама высказала на немъ такъ много своихъ мыслей и чувствъ, и записала на немъ столько важнаго и любопытнаго о своей жизни. Въ продолженіе вѣковъ древняя народная рѣчь Московской Руси и языкъ церковный сроднились между собою и сочетались недѣлимо въ одинъ живой, цѣльный составъ, какой представляетъ собою нынѣшній *рускій языкъ*. Въ немъ къ прежнимъ, своенароднымъ словамъ и оборотамъ, вполнѣ прижились не только многія слова, но и нѣкоторыя формы и обороты церковнославянскіе, которыхъ прежде не было у Руси. Многія своенародныя формы словъ или исключены изъ него, какъ обветшалыя; или не успѣли еще войти въ него. Иныя слова утвердились въ немъ и по *старой*, народной формѣ, и по *новой*, церковной, съ разными ограниченіями. Сообразно съ значеніемъ

церковнаго языка у Руси, и его слова въ рускомъ языкѣ имѣютъ обыкновенно болѣе мысленное и обширное значеніе, болѣе сановитости, чѣмъ тѣже слова народной формы. Языкъ рускій не утратилъ отъ того своенароднаго свойства и склада; ибо основа его звуковъ, словъ и оборотовъ осталась своя прежняя. Но онъ, принявши въ себя такъ много изъ языка церковнаго, пріобрѣлъ то двойственное богатство, при которомъ онъ въ состояніи уже отвѣчать вѣрными отголосками руской душѣ, для выраженія ея мыслей и чувствъ, и для изображенія внѣшняго міра, въ разнообразнѣйшихъ оттѣнкахъ.

СТАТЬЯ V.

О древности полногласія въ славянской рѣчи.

§ 46. Языкъ церковный, и народный языкъ Руси, какъ двѣ особыя стихіи, до своего соединенія, были различнѣе между собою, нежели теперь. Потому не удивительно, что въ самыхъ древнихъ памятникахъ нашей письменности попадаются рускія формы словъ середи церковнославянскихъ. Онѣ примѣчаются и въ церковныхъ книгахъ, начиная съ древнѣйшей, съ Евангелія Остромірова. Но въ памятникахъ, относящихся къ общественной жизни, напримѣръ въ лѣтописяхъ и грамотахъ, еще болѣе выказывается народная руская рѣчь, съ разными особенностями своими, въ томъ числѣ и съ полногласными формами словъ, чуждыми для языка церковнаго.

Такъ, можно сказать, на первыхъ листахъ, на которыхъ еще въ Царѣгородѣ руская рѣчь сошлась съ языкомъ церковнымъ, она обозначилась уже своимъ полногласіемъ. Я разумѣю Договоры рускихъ Князей съ Греками, внесенные Несторомъ въ его лѣтопись. Эти договоры конечно были писаны греческимъ Славяниномъ, который въ свой текстъ вносилъ цѣликомъ и выраженія рускія,—что видно ясно изъ языка договоровъ,—чему не противорѣчатъ и слова Нестора: «приведоша рускія слы, и велѣша глаголати, писати обоихъ рѣчи на харатьѣ».

Въ договорѣ Олеговомъ (912 г.) встрѣчаемъ слѣдующія народно-рускія слова: полоняникъ (по-церковн. плѣнникъ), отполонени, бороненіе, возборонитись. Въ договорѣ Игоревомъ (945 г.): «да не имѣютъ волости (вм. власти) купити паволокъ лише по 8 золотникъ» или

«въ вустьи Днѣпра Бѣлъбережи»; также Переяславль, Передъславинъ, Володиславль, города, взворотити.

Въ памятникахъ 11-го вѣка находимъ тоже; напримѣръ въ Руской Правдѣ: болого (вм. благо), волога, молоко, хоронили, перегородить, перевѣсище, который. Послѣднее слово встрѣчается въ той же формѣ не только въ Святославскомъ Сборникѣ 1073 г., въ грамотѣ Мстиславовой 1128 г., въ Кіевской лѣтописи, въ пѣсни Игорю; но даже и въ Остромировомъ Евангеліи. Въ нынѣшнемъ южнорускомъ языкѣ оно произносится: который и котрый.

Несторова лѣтопись представляетъ множество примѣровъ древняго полногласія въ именахъ, глаголахъ, частицахъ: Володимеръ, Полотескъ, Половцы, золото, молонья, невѣголосъ, воробей, горожанѣ, городъ, норовъ, заморозъ, порогъ, берегъ, дерево, черево, жерело, середа, середній, чересъ, и прочая.

Не говорю о послѣдующихъ памятникахъ руской письменности 12-го и 13-го вѣковъ: о пѣсни Игорю, о лѣтописяхъ Кіевской, Новгородской, и прочая. Во всѣхъ ихъ встрѣчается много словъ полногласной формы, въ какой они и теперь употребительны, въ томъ же самомъ или уже въ измѣненномъ и ограниченномъ значеніи. Многія слова тамъ встрѣчаются въ такой полногласной формѣ, въ какой они не слышны уже въ общепринятомъ рускомъ языкѣ; однако ведутся еще въ нарѣчіяхъ областныхъ, сохраняются въ старинныхъ пѣсняхъ, пословицахъ, сказкахъ; а нѣкоторыя и въ нихъ уже не слышны, или же не услышаны еще для общей извѣстности.

§ 47. Не ясно ли, что полногласныя формы словъ ведутся у насъ издревле, и что на Руси, въ первые вѣка ея христіанства, полногласіе составляло господствующій говоръ! Народныя, привычныя формы словъ непрестанно врывались въ письменный текстъ; и отъ того такое множество ихъ въ нашей древней письменности. Въ послѣдствіи, когда рускому люду присвоился языкъ церковный, и сокращенныя формы словъ стали приниматься въ общежительный, разговорный рускій языкъ: древнее полногласіе убавилось, и произошла та двойственность формъ, которою пестрѣетъ руская письменность

отъ начала своего до нашего времени, и которая уже не изгладится въ ней; ибо рускій языкъ не можетъ уже отрѣшиться отъ всего, что передано ему языкомъ церковнымъ.

Убавленіе полногласія въ руской рѣчи было причиною и тому, что въ ней есть не мало словъ, происшедшихъ видимо отъ корней полногласныхъ, между тѣмъ какъ самые корни уже изветшали или совсѣмъ забыты.

§ 48. Не бывъ ни вліяніемъ чудскихъ, ни произведеніемъ сѣвера, полногласіе руской рѣчи составляетъ ея первобытное свойство; и если бы оно не было родовымъ, исконнымъ ея достояніемъ, то его и совсѣмъ бы не было въ ней. Ибо нѣтъ никакой особенной причины къ такой перемѣнѣ, которая была бы вопреки общему ходу и славянской, и другихъ родственныхъ рѣчей. Извѣстно, что, напримѣръ, въ языкѣ греческомъ, полнозвучныя и протяженныя формы словъ принадлежатъ древнѣйшему времени, а сокращенныя явились и утвердились позднѣе. Сокращеніе тамъ происходило и въ корняхъ и въ окончаніяхъ словъ. Въ языкѣ новогреческомъ это обозначилось еще болѣе, чѣмъ въ эллинскомъ. Тоже въ разныхъ видахъ замѣчается и на другихъ родственныхъ рѣчахъ, и въ кругу славянскомъ. Я замѣтилъ уже (§ 36), что нѣкоторыя слова, у западной братіи нашей произносимыя сокращеннѣе нежели у насъ, у древнихъ Индовъ были съ такимъ же какъ у насъ, и даже съ бо́льшимъ полногласіемъ. Слѣдственно, полногласныя формы этихъ словъ чрезвычайно древнія. Извѣстно также, что напримѣръ, близкія къ намъ рѣки: Днѣпръ, Прутъ, въ отдаленнѣйшіе вѣка произносились полнозвучнѣе—Данаприсъ, Пората.

Изъ подобныхъ соображеній, а всего болѣе изъ самой рѣчи славянской, открывается, что она, при своемъ развитіи въ нынѣшніе языки и нарѣчія, сокращала свои древнія полныя формы словъ, и въ корняхъ, и въ окончаніяхъ.

§ 49. Наклонность къ сокращенію всего болѣе, и можетъ быть прежде всего, въ славянской рѣчи обнаружилась на окончаніяхъ словъ.

Такъ вмѣсто слоговъ *as*, *os*, *us*, *is*, которыми въ другихъ индоевропейскихъ языкахъ красуются имена мужескія,

славянская рѣчь дала имъ легкіе, полугласные члены—*ъ* и *ь*. При этихъ господствующихъ въ славянскомъ кругу членахъ, другіе встрѣчаются только отрывочно, и не съ плотнымъ *с*, но съ плавными звуками *н*, *л*, или съ полугласнымъ *й* (см. ниже въ статьѣ 14-й).—Въ именахъ женскихъ, великорусское нарѣчіе особенно любило и любитъ *ь* вмѣсто *и*,—напр. мать, дочь, вмѣсто древнихъ—мати, дочи; даже вмѣсто *а*,—напр.: бровь, молвь, темь, слоть, вмѣсто брова, молва, тема, слота. Не говорю объ отглагольныхъ женскихъ именахъ — вѣсть, знать, бить, течь, мочь и другихъ, въ которыхъ *ь* поставленъ вмѣсто *и*, принадлежащаго неопредѣленному, а иногда повелительному наклоненію глаголовъ.—Въ именахъ среднихъ, вмѣсто иноязычныхъ окончаній *ап*, *оп*, *ит*, *еп*, въ славянской рѣчи идутъ только гласные *о*, *е*, и—*я*, которое, по справедливому замѣчанію Давыдова (въ Москвитянинѣ, 1843) есть также членъ средняго рода.

Тоже и въ падежахъ косвенныхъ. Такъ напримѣръ, во множественномъ числѣ, древнѣйшія и полныя окончанія родительнаго падежа *овъ*, *евъ*, измѣняющіяся въ *ой*, *ей*, сокращены въ *ъ* и *ь* [1]). Полное окончаніе творительнаго падежа *ами*, *ями*,

---

[1]) Въ Филологическихъ Наблюденіяхъ Павскаго (II. 314) принято наоборотъ: первоначальными славянскими окончаніями сего падежа признаны *ъ* и *ь*; изъ нихъ впослѣдствіи сочинителями грамматикъ и писцами придуманы удвоенные *ъъ*, *ьь*, а отсюда наконецъ произошли *овъ*, *евъ*, *ей*. Но еслибъ окончанія *овъ*, *евъ*—были слѣдствіемъ позднѣйшихъ грамматическихъ изобрѣтеній, тогда они очень бы поздно распространились и утвердились въ народныхъ нарѣчіяхъ рускихъ и западнославянскихъ. А мы видимъ, что они во всѣхъ четырехъ удѣлахъ славянскихъ существуютъ издревле. Такъ во фризинской рукописи 10-го вѣка, во всѣхъ трехъ молитвахъ, читаемъ: grechow. Въ Остромировомъ Евангеліи встрѣчаемъ: *грѣховъ*, *врачевъ*. Это конечно ошибки противъ церковнаго языка; но онѣ свидѣтельствуютъ, что окончанія *овъ*, *евъ*, въ 11-мъ вѣкѣ были привычными въ выговорѣ новгородскомъ. Въ славянщинѣ сѣверозападной писцы всего менѣе обращались съ ерами и ерями, а кое-гдѣ совсѣмъ ихъ незнали; но тамъ всего болѣе и господствуютъ полныя окончанія *овъ*, *евъ*—Въ языкѣ Лужичей окончаніе *овъ* удержалось даже при именахъ женскихъ: душовъ, женовъ, руковъ, вм. душъ, женъ, рукъ;—подобно тому, какъ первообразное славянское окончаніе творительнаго падежа *омъ*, у Сербовъ сохранилось и при женскихъ именахъ и нѣкоторыхъ мѣстоименьяхъ: женомъ, землёмъ, тобомъ, вм. женою, землею, тобою.

ен рѣдко сокращается у насъ въ *ми, ѣми;* а въ церковномъ и нѣкоторыхъ другихъ языкахъ въ *ы, и.*

Тоже и въ окончаніяхъ глагольныхъ. Не говоря о первомъ лицѣ изъявительнаго наклоненія въ единственномъ числѣ, упомяну объ немъ во множественномъ числѣ: только у Поляковъ оно произносится первообразно *мы;* а у Малороссіянъ, Словаковъ, Сербовъ, Хорватовъ и Хорутанъ измѣнилось въ *мо;* у Чеховъ, Болгаръ и Руси карпатской въ *ме;* а Мазуровъ въ *ма;* а въ церковномъ языкѣ, также у Великороссіянъ и Галичанъ, сократилось въ *мъ.*—Древнее окончаніе втораго лица *ши* и *си* почти у всѣхъ Славянъ перешло въ *шъ* или *шь.*—Окончаніе третьяго лица *тъ* или *ть* совсѣмъ отброшено западными Славянами, что бываетъ не рѣдко и въ нарѣчіяхъ рускихъ. Новгородцы обходятся безъ него въ обоихъ числахъ: люби, любя; возьме, возьму. Въ среднерускомъ нарѣчіи это бываетъ только въ единственномъ числѣ: идё, поё. Тоже и въ южнорускомъ, особливо послѣ *е:* идé, спѣвáе, свѣтáе, и спѣвá, свѣтá. У многихъ Червонороссовъ *тъ* опускается и передъ *ся:* проси-се, вм. просится.—Глагольное окончаніе *ся,* измѣняемое одними въ *се,* другими въ *си* (особенно въ среднерускомъ нарѣчіи—наѣлси, надумалси; а въ верхнерускомъ даже—наѣлсы, надумалсы; въ кіевской лѣтоп.—сжалиси), часто сокращается въ *сь.*—Такимъ образомъ и окончаніе неопредѣленнаго наклоненія *ти,* удерживается южною Русью, задунайскими Славянами, Чехами; но у сѣверной Руси оно сокращается въ *ть* или же обращается въ *ць* (тсь), какъ въ языкѣ Польскомъ; у Лужичей оно переходитъ даже въ *чь* (тшь).

§ 50. Изъ приведенныхъ и другихъ случаевъ видно, какъ часто въ концѣ славянскихъ словъ бываютъ полугласные звуки, вмѣсто своихъ же гласныхъ, или вмѣсто согласныхъ, употребляемыхъ языками иноплеменными. Полугласность окончаній составляетъ одно изъ замѣчательныхъ отличій Славянской рѣчи.

Св. Кирилъ глубоко проникъ въ природу славянской рѣчи, когда установилъ писать ъ и ь въ концѣ словъ, въ языкѣ церковномъ. Неправъ Караджичь, исключившій ъ изъ

своей новосербской правописи. Если въ языкѣ Сербовъ только четыре согласные звука *л* и *н*, *д* и *т* (?), не утратили еще способности соединяться съ ъ-мъ; то изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобы ъ былъ вовсе чуждъ для остальныхъ согласныхъ. И Добровскій поступалъ несправедливо, уничтожая ъ въ концѣ словъ, въ языкѣ церковномъ.

Въ рускомъ языкѣ, гортаннонебные звуки не соединяются съ ъ-мъ. Но изъ-за этого ужели слѣдуетъ отнимать у нихъ ъ? Напротивъ, онъ тѣмъ болѣе долженъ быть предоставленъ имъ, какъ полугласный звукъ, исключительно для нихъ угодный. Незнаю, можно ли сказать тоже и относительно сербскихъ согласныхъ звуковъ, непринимающихъ еря. Но еслибы ъ при этихъ звукахъ и утратилъ уже свое прежнее полугласное значеніе: все же онъ долженъ остаться, какъ привычный для славянской письменности показатель того произношенія согласныхъ буквъ, которое противоположно отонченію ихъ посредствомъ еря.

Что касается до уничтоженія ъ и ь въ правописи рускаго языка, то всѣ попытки на это остались безуспѣшными и напрасными.

Всего странѣе видѣть изгнаніе ера изъ правописи языка южнорускаго, въ Русалкѣ Днѣстровой (напечатанной въ Будимѣ 1837 г.), въ которой такъ горячо защищается славянская азбука противъ ложнаго мнѣнія, будто на южнорускомъ языкѣ и должно и лучше писать латинскими буквами по правописи польской. Глядя на изгнаніе ера изъ этой книжки, невольно повторишь изрѣченіе: »духъ животворитъ, а письмя убиваетъ«. Пусть это дѣлаютъ съ славянскихъ языкахъ письмена латинскія, которыми и теперь еще добровольно нуждаются многіе западные Славяне, какъ во время оно нуждахуся ими, по выраженію древняго черноризца Храбра. Но Славянинъ, пишущій славянскими или рускими буквами, не долженъ покидать безъ подобности того, что возникло изъ древней природы славянскихъ языковъ, что будучи справедливо по своему начальному исходу, и освящено тысячелѣтнимъ употребленіемъ, обратилось въ привычную, неотъемлемую принадлежность славянской письменности.

§ 51. Вѣроятно, что еще при первомъ наслѣдованіи родоваго запаса словъ, въ славянской рѣчи, вмѣсто санскритскаго ювань, латинскаго juvenis, выговорено было юнъ; а вмѣсто персидскаго хмель, искланд. humall, латинскаго humulus — хмель. Въ первомъ случаѣ выпущенъ цѣлый слогъ; а въ послѣднемъ только гласный звукъ.

Этими двумя способами корни словъ теряли и впослѣдствіи полноту свою. Первымъ способомъ, т. е. опущеніемъ слоговъ, напримѣръ, древнее слово комонь, бывшее долго и у рускихъ и у западныхъ Славянъ, сократилось въ конь; и эта форма вытѣснила первую. Такимъ же образомъ слова: человѣкъ, говоритъ, видишь, у многихъ Великороссіянъ сокращаются въ челыкъ, гитъ, вишъ; сладость въ сласть; четверть въ четь. По-церковнославянски: рѣхъ, рѣста, вмѣсто рѣкохъ, рѣкоста.

Сюда же принадлежитъ происхожденіе словъ царь, царство, изъ цесарь, цесарство, которыя сначала сокращались только въ цьсарь, цьсарство. Прежнія полнѣйшія формы этого слова видны изъ многихъ древнихъ памятниковъ рускихъ и западнославянскихъ, начиная съ фризинской рукописи, гдѣ написано zezarstuo.

Такимъ же образомъ у католическихъ Славянъ латинскія слова vigilia, missa, сократились въ вилія, мша.—

Показавъ наклонность къ сокращенію на окончаніяхъ словъ и на опускаемыхъ слогахъ, обратимся теперь къ сокращенію или опущенію гласныхъ звуковъ корневыхъ, которымъ особенно истощалось древнее славянское полногласіе.

§ 52. Слѣдуя общей наклонности къ сокращенію древнихъ формъ, славянская рѣчь утратила свое полногласіе наиболѣе въ западной половинѣ, особенно въ удѣлѣ югозападномъ; ибо въ той половинѣ она испытала больше дробленія и внутренняго измѣненія, перейдя степень развитія лишнюю противу восточной или рускої (см. § 28), и развиваясь при непрестанномъ столкновеніи и общеніи съ нѣмецкою рѣчью, гдѣ такъ много утрачено полногласіе словъ, общихъ индоевропейскому говору.

Что въ рѣчи западнославянской, вообще говоря, сокращенныя формы словъ происходили изъ полнѣйшихъ, а не на оборотъ, въ томъ не должно сомнѣваться. Для примѣра приведу знаменитое имя Грекъ, по-лат. Graecus: по-церковнославянски оно сокращено въ Грькъ, по-сербски въ Гркъ,—также какъ и свое собственное имя, въ языкѣ Сербовъ, обратилось въ Срба,—какъ имя Готовъ сокращаемо было у насъ въ Гьти. Подобно тому и слова: король, монахъ, передѣлались въ краль или кролъ, мнихъ. Глаголы—писать, пытать (въ лат. petere), прыскать (въ санскр. пришъ), фыркать, глотать (въ лат. glytire), въ чешскомъ языкѣ сокращаются въ псати, птати, прскати, фркати, глтати. Такъ и глаголъ сосати, по-сербски сисати, по-чешски, южноруски и церковнославянски произносится ссати; то же и въ нарѣчіяхъ бѣлорускомъ (ссаць) и среднерускомъ (ссать). Малороссіяне говорятъ: сохну и схну.

Что подобныя опущенія корневыхъ гласныхъ бывали и въ древнѣйшей Славянщинѣ, въ примѣръ тому укажу еще на имена: сноха (по-польски сынбва), пшеница (по-среднеруски пашеница), очевидно происшедшія отъ словъ сынъ, пашу. Такимъ же образомъ церковныя формы мьчь, дьнь, овьсъ, произошли изъ полногласныхъ мечь, день, овесъ; имена: перстъ, торгъ, волкъ, перешли въ прстъ, тргъ, влкъ. Принимать обратное, значитъ противорѣчить и общему ходу развитія славянской рѣчи, и господствующему выговору приведенныхъ словъ не только въ рускихъ, но и въ западнославянскихъ нарѣчіяхъ, а также и въ разныхъ другихъ языкахъ индоевропейскихъ.

§ 53. Для убѣжденія въ сказанномъ, взглянемъ на упомянутыя слова въ разныхъ языкахъ.

Мечь, по-сербски мачъ, почти у всѣхъ Славянъ произносится съ полнымъ гласнымъ звукомъ *е*, древность котораго видна и изъ фризинской рукописи (metsi), и изъ языковъ готскаго (mekis), исландскаго (maekir).

День почти во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ произносится съ гласнымъ звукомъ послѣ *д*,—у однихъ съ *е*, какъ и во фризинской рукописи (den), а у Сербовъ и нѣкоторыхъ

другихъ съ *a*. Тоже и по-литовски—діена, по-санскритски—динамъ, по-латинѣ dies, по исландски—deign.

Имя овьсъ, по-лужицки вовсъ и говсъ, сокращено изъ овесъ или авёсъ, которое у большей части Славянъ произносится съ полнымъ гласнымъ звукомъ послѣ *е*. Въ южнорускомъ языкѣ, какъ и въ лужицкомъ, оно произносится съ придыханіемъ: овесъ, въ род. пад. вôвсà; нѣкоторые Червонноруссы выговариваютъ—говесъ, другіе—йовесъ.

Подобно тому и слово перстъ, по-литовски перштасъ, у большей части Славянъ сохраняетъ полный гласный звукъ, различно измѣняемый: порстъ, парстъ. Тоже и слово торгъ, по-исланд. torg, финс. tori, по-литов. тургусъ, по-хорватски тергъ, у Поляковъ и другихъ таргъ. Но у Сербовъ и Чеховъ эти два слова, подобно многимъ другимъ, сократились въ тргъ, прстъ, или по-церковнославянски тръгъ, пьрстъ, такъ же какъ—пьрьсь, пьсъ, вм. персъ, песъ.

Имя волкъ, въ нѣмецкомъ wolf, по-польски вилькъ, литовск. вилкасъ, по-лужицки велкъ, по-церковнославянски, словацки и чешски сокращено вълкъ, влкъ. Въ южнорускомъ и бѣлорускомъ это слово произносится вовкъ или воўкъ; отсюда хорватосербская форма вукъ.

§ 54. Изъ этихъ и множества другихъ словъ открывается ясно, что славянская рѣчь, въ бóльшей части своихъ западныхъ языковъ, часто мѣняетъ одинъ гласный звукъ на другой, нерѣдко перемѣняетъ его мѣсто при согласномъ звукѣ, однако выговариваетъ ихъ гласно, иногда даже двогласно. Дѣлая это, она не вставляетъ, не прибавляетъ полныхъ гласныхъ звуковъ, вмѣсто полугласныхъ ъ и ь; но удерживаетъ ихъ, какъ звуки коренные, искони принадлежащіе ея словамъ, сохраняемые и въ разныхъ другихъ языкахъ иноплеменныхъ.

Древнее славянское полногласіе въ сѣверозападномъ удѣлѣ сохранилось болѣе, нежели въ югозападномъ. Истощеніе словъ до безгласія бываетъ только, какъ частный случай, при однихъ плавныхъ звукахъ *л* и *р*, въ языкѣ словацкомъ; въ чешскій языкъ это вошло только отчасти, и не выдерживается такъ постоянно, какъ это бываетъ у Сербовъ при звукѣ *р*. Но въ

языкѣ хорутанскомъ и церковномъ, можно сказать, на всю рѣчь распространено обращеніе коренныхъ гласныхъ, особливо *о* и *е*, въ звуки полугласные. Тамъ оно бываетъ не только при *л* и *р*, но и при другихъ согласныхъ: въ церковномъ языкѣ — съ строгимъ различеніемъ дебелаго *ъ* и тонкаго *ь*; въ хорутанскомъ—съ безразличіемъ ихъ въ одномъ легкомъ или среднемъ полугласномъ звукѣ.

СТАТЬЯ VI.

О существенномъ отличіи руской рѣчи отъ западнославянской.

§ 55. Полногласіе, сохраненное рускою рѣчью больше, чѣмъ западнославянскою, отличительнымъ образомъ означилось при звукахъ *л* и *р*. Въ руской рѣчи эти звуки нерѣдко обставлены двумя гласными, преимущественно *о-о* и *е-е*; напримѣръ—волосъ, порохъ, дерево; по бѣлорускому произношенію—вóласъ, пóрахъ, дзéрева. Это формы рускія или восточнославянскія, которыхъ почти нѣтъ въ Славянщинѣ западной. Тамъ въ обоихъ удѣлахъ, въ словахъ этой породы, постоянно опускается одинъ, обыкновенно первый гласный звукъ, а иногда даже оба: влосъ, прохъ, или власъ, прахъ; древо, дриво, дрово, и дрво. Это формы западнославянскія, которыхъ не было сперва въ руской рѣчи, и которыя принимались въ ней уже послѣ, какъ переселенцы западные, всего больше изъ языка церковнаго. Распространяясь и водворяясь въ руской рѣчи, онѣ стѣсняли и вытѣсняли собою ея собственныя, народныя формы словъ. Отъ того въ нынѣшнемъ рускомъ языкѣ уже не слышны многія полногласныя этой породы слова, какія часто представляетъ наша древняя письменность. Одни изъ нихъ удержались только въ областныхъ нарѣчіяхъ; иныя совсѣмъ вывелись; нѣкоторыя измѣнили и

даже перемѣнили свое прежнее значеніе. Такъ напримѣръ, въ древнихъ рускихъ памятникахъ, особливо въ лѣтописяхъ, часто встрѣчаются слова: мо́рочно, забороло, со́ромъ, хоро́брый, бо́лого, волога, во́лость, володѣти, тере́ба, даже вре́мя,—вм. мрачно, забрало, срамъ, храбрый, благо, влага, власть, треба, время.

Эти и другія слова ясно свидѣтельствуютъ, что обстановка звуковъ *л* и *р* двумя гласными, въ срединѣ словъ этой породы, ведется въ рускоѣ рѣчи издревле, и что она убавилась въ ней уже послѣ. Потому напрасно называются у насъ новыми слова: порохъ, сторожъ, голова, беремя; а прахъ, стражъ, глава, бремя—старинными.

§ 56. Многія слова этой отличительной породы отстали у насъ совсѣмъ отъ прежней своенародной формы и присвоили себѣ западную. Но много и такихъ, особливо относящихся къ домашнему быту и къ рускоѣ природѣ, которыя совсѣмъ не приняли западной формы, напримѣръ: человѣкъ, селезень, береза, черепъ, черенъ, ворохъ, боровъ, горохъ, торока. Нѣкоторыя изъ такихъ словъ сохранили свой собственный видъ и на европейскомъ западѣ, перейдя туда съ нашего рускаго востока—въ языкѣ угорскомъ или мадьярскомъ; напримѣръ: колода, калашъ (колосъ), борона, баразда, берекъ (берегъ). Въ самой рѣчи западнославянской встрѣчается изрѣдка полногласіе этого вида, какъ нежданный слѣдъ старины первобытной. Такъ, имя кустарника деренъ, сокращенное западными Славянами въ дренъ, дринъ, по-польски дерень. Слово черешня (cerasus) такъ выговаривается и у Словаковъ, безъ сокращенія въ чрешня или трешня. Въ старочешскомъ языкѣ встрѣчаются слова перепелъ, черево, черепъ; въ старопольскомъ—череда, чересня. Имя но́ровъ или норо́въ, понынѣ ведется въ южной и сѣверной Руси, хотя у насъ принялась и церковняя форма нравъ. У Поляковъ также держится еще древняя, полногласная форма—но́рувъ или нарувъ; у Хорватовъ и Сербовъ—наравъ.

§ 57. Припомнивъ сказанное выше о древности рускаго полногласія вообще, можемъ утвердительно сказать, что обста-

новка звуковъ *л* и *р* двумя гласными въ срединѣ словъ ведется у Руси не съ какого нибудь 10-го или 11-го вѣка, а съ незапамятнаго времени, искони. Съ такимъ же полногласіемъ встрѣчаются многія наши слова и въ другихъ родственныхъ рѣчахъ, напримѣръ въ литовской и въ индской.

Такъ слова: волосъ, колода, болото, сокращенныя по-западнославянски во власъ, клада, блато, подходятъ къ санскрит. бала (лат. vellus), самогитс. каладе, санскрит. балала.

Слова: ворохъ, боровъ, сорока, сокращенныя позападнославянски въ брогъ и бргъ, бравъ, срока и проч., соотвѣтствуютъ литовскому — барагасъ, санскритскимъ — варяга, саранга.

Западнославянское слово прохъ или прахъ, у насъ издревле произносилось порохъ или пóрахъ (пыль). Это видно изъ пѣсни о полку Игоревѣ, въ которой читаемъ: «пороси поля прикрываютъ»; также изъ производныхъ порóша, порошóкъ, порохня и проч. По-санскритски это слово парага; по-литовски паракасъ. Но когда въ русскомъ языкѣ принялась западная форма—прахъ, то прежняя полногласная присвоилась преимущественно пороху огнестрѣльному, который въ Московской Руси еще въ 17-мъ вѣкѣ назывался зеліемъ [1]).

Обстановку звуковъ *л* и *р* я встрѣчаю въ древнѣйшихъ языкахъ, напримѣръ санскритскомъ; нахожу, что она въ

---

[1]) Кромѣ сличенія нашихъ словъ съ другими индоевропейскими языками, какое сей часъ я представилъ, можно иногда и по другимъ соображеніямъ заключать о древности нашихъ полногласныхъ формъ. Напримѣръ, слово *мóрокъ* извѣстно издревле въ руской рѣчи, сѣверной и южной: Отъ него производныя: мòрочно, морòчить, суморокъ (у Нестора), обморокъ, нàмороки и т. д. Въ южнорускомъ языкѣ и теперь существуютъ слова: морòка (затмѣніе, затрудненіе) заморòка (очаровательница). У западныхъ Славянъ слово *морокъ* сократилось въ *мрокъ*, *мракъ*, *мркъ*. Но глубокую древность полногласной формы его можно примѣтить въ имени *Оморока:* по ученію вавилонскаго жреца Бероза, это была женщина-тьма, которую богъ *Бѣла* разсѣкъ на двое.—Такъ и названіе сѣвернаго моря mari-maruza, приводимое Плиніемъ въ его Исторіи Міра, указываетъ на слово *морозъ*, сокращенное западными Славянами въ *мразъ*, *мрузъ*.

древней руской рѣчи была употребительнѣе, чѣмъ теперь; что она въ ней выдержана болѣе и правильнѣе, чѣмъ въ другихъ родственныхъ рѣчахъ; что была нѣкогда она и въ западнославянской рѣчи; а потому этотъ видъ полногласія я признаю не только древнимъ отличіемъ руской рѣчи, но и принадлежностью первобытной рѣчи славянской.

§ 58. Кто поставляетъ основными и первоначальными формами славянскихъ словъ такія негласныя формы, какъ wlk, krt, wrw, srst (шерсть), mrk, drwo; тому, конечно, приходится говорить противное, т. е., что не только въ рускихъ словахъ—дерево, морокъ, но и въ общеславянскихъ—волкъ, кротъ, вервь, шерсть, и въ западнославянскихъ—вилкъ, мрокъ, древо—гласные звуки *о, е, и*, суть прибавочные, дополнительные, вставные. Но мы уже видѣли, что такое понятіе несогласно ни съ рускою рѣчью, ни съ произношеніемъ, господствующимъ въ большей части западнославянскихъ языковъ.

Такимъ же образомъ, отправляясь отъ западныхъ формъ съ однимъ гласнымъ звукомъ при *л* и *р*, приходится говорить, что въ рускихъ словахъ—берегъ, дерево, береза, человѣкъ, жолобъ, золото, порохъ, корова, звуки *е* и *о* передъ *л* и *р* вставные, прибавочные.

Такъ и дѣйствительно называются они у Шафарика, главнаго нынѣ представителя западнославянской филологіи. Въ его Славянскомъ Народописаніи (на ст. 9), этотъ первый отличительный признакъ руской рѣчи выраженъ такъ: «вставное *о* и *е* между плавными *л* и *р*, и нѣмыми согласными». Это ошибка въ первомъ признакѣ руской рѣчи.

Почему эти звуки вставные? Не ужели потому только, что ихъ нѣтъ въ западнославянскихъ формахъ: брегъ, древо, береза, чловѣкъ, жлабъ, злато, прахъ, крава?—Но въ руской рѣчи эти мнимовставные звуки ведутся съ незапамятнаго времени; и она стала обходиться безъ нихъ уже послѣ, и большею частью по примѣру и вліянію западнославянскому.

Эти гласные звуки бываютъ посредниками у *л* и *р* не только съ нѣмыми, но и съ другими плавными или текучими, т. е. и съ *н*, и съ *м*, и съ *в;* напримѣръ: норовъ,

морозъ, Володиміръ. Изъ этихъ трехъ словъ первый звукъ *о* исключенъ западнославянскими нарѣчіями точно также, какъ исключенъ ими коренной звукъ *у*, изъ слова муравей, обращеннаго ими въ мравій, мравъ, мрава, и т. д. А что звукъ *у* здѣсь коренной, въ томъ можно убѣдиться сравненіемъ съ другими языками; наприм. персид. муръ, исланд. maur.

Вышеприведенное Шафариково опредѣленіе недостаточно и потому еще, что не отдѣляетъ ясно руской формы отъ нѣкоторыхъ западнославянскихъ, напримѣръ, отъ кашубской и полабской (см. § 63).

Западнославянскія формы — мракъ, брогъ, древо, въ такомъ же отношеніи находятся къ церковнославянскимъ, сохранившимся на Руси словамъ — морокъ, ворохъ, дерево, какое къ нимъ самимъ имѣютъ истощенныя формы — мркъ, бргъ, дрво; въ какомъ чешскія слова — влкъ, српъ, находятся къ общеславянскимъ — волкъ, серпъ. Сначала стали обходиться однимъ изъ двухъ гласныхъ звуковъ, признавъ другой лишнимъ; а потомъ стали опускать и оба. Таковъ, мнѣ кажется, былъ ходъ этого дѣла въ рѣчи славянской.

§ 59. Въ той породѣ словъ, гдѣ руская рѣчь обставляла и обставляетъ еще звуки *л* и *р* двумя гласными въ срединѣ словъ, западнославянская рѣчь оставляетъ одинъ изъ нихъ, а иногда опускаетъ даже оба. Такое опущеніе одного изъ двухъ гласныхъ господствуетъ во всей западной Славянщинѣ, не смотря на различіе языковъ ея. Опущеніе обоихъ гласныхъ составляетъ частное уклоненіе отъ этого общаго правила. Еще рѣже встрѣчается удержаніе обоихъ гласныхъ, какъ слабый слѣдъ старины первобытной (§ 56). Опущеніе одного изъ двухъ гласныхъ звуковъ, безъ сомнѣнія, произошло въ слѣдствіе общей наклонности къ сокращенію древнихъ формъ, для которой здѣсь, при двухъ гласныхъ, такъ удобно было удовлетвориться. Можетъ быть и здѣсь было сперва только утонченіе перваго гласнаго звука въ полугласный, т. е. вмѣсто человѣкъ, голова, городъ, дерево, было сперва — чьловѣкъ, гълава, гърадъ, дърево, и уже послѣ стало — чловѣкъ, глава, градъ, древо. Но въ древней церковной правописи, принадлежащія сюда слова, почти не встрѣчаются съ полугласнымъ

звукомъ вмѣсто полнаго гласнаго; слѣдственно, уже и въ церковномъ языкѣ былъ вовсе непримѣтенъ первый гласный звукъ, опускаемый западнославянскою рѣчью. Онъ опускается почти постоянно въ обоихъ ея удѣлахъ. Потому можно полагать, что это произошло въ глубокой древности, вѣроятно еще при первомъ отдѣленіи западнославянской половины отъ восточнославянской или руской.

И такъ, отстановка звуковъ *л* и *р* двумя гласными—въ руской рѣчи, и опущеніе одного изъ нихъ, особенно перваго—въ рѣчи западной, въ той же породѣ словъ: вотъ древнѣйшій и главнѣйшій признакъ двухъ половинъ славянской рѣчи. Онъ принадлежитъ къ полногласію, которое составляло первобытное свойство славянской рѣчи. Онъ служитъ показателемъ общаго отношенія между основными стихіями слова, т. е. звуками гласными и согласными. Потому этотъ признакъ, по всей справедливости, можно считать и называть существеннымъ.

СТАТЬЯ VII.

О видоизмѣненіяхъ существеннаго признака въ языкахъ славянскихъ.

§ 60. Первоначальныя формы славянскихъ словъ были полнозвучнѣе и многосложнѣе; а сокращенныя явились послѣ. Тоже примѣтно и въ другихъ родственныхъ рѣчахъ. Тѣмъ же ходомъ шла и органическая природа, въ образованіи своихъ родовъ; сперва они являлись въ полнѣйшемъ выраженіи, видами совершеннѣйшими; а подъ-конецъ, какъ-бы усталая жизнь рода производила менѣе полные, низшіе виды. Зачѣмъ же филологія наша будетъ держать не тотъ путь, какимъ шла въ своемъ развитіи славянская рѣчь? Зачѣмъ она, при разборѣ словъ какого нибудь корня, въ первообраз-

ныя формы ему ставитъ не древнѣйшія и полнозвучныя, а недоноски и недомолвки?... Одно нарѣчіе опустило гласный звукъ; другое къ тому не выговоритъ еще нѣкоторыхъ согласныхъ; и такимъ образомъ, напримѣръ, слова: холодъ, горохъ, верхъ или верёхъ,—произносимыя у Чеховъ: хладъ, грахъ, врхъ,—въ устахъ сербскихъ, не выговаривающихъ *х*, обращаются въ ладъ, гра, връ. Лужичи и Хорваты, опускающіе начальное *в*, вмѣсто волосъ, говорятъ—лосъ, ласъ. Нижніе Лужичи, опуская начальный *г*, и вмѣсто голосъ, говорятъ—лосъ или восъ. Какъ же начинать съ недомолвокъ, гдѣ утрачены уже разные звуки, принадлежащіе къ полному, виду словъ; гдѣ иногда съ перваго взгляда нельзя и признать тѣхъ словъ, отъ которыхъ эти недомолвки ведутъ свое начало!

§ 61. Почему звуки *л* и *р* имѣютъ такую діагностическую важность въ славянской рѣчи, что на нихъ означилось первостепенное различіе двухъ половинъ славянскихъ? Этотъ вопросъ остается для меня нерѣшеннымъ.—Здѣсь я желаю осмотрѣть только видоизмѣненія тѣхъ словъ, на которыхъ обозначилось существенное различіе обѣихъ половинъ славянской рѣчи.

Для этого, не лишнимъ считаю замѣтить сначала, что главную разницу этимъ словамъ даетъ число (или присутствіе и отсутствіе) принадлежащихъ имъ гласныхъ звуковъ, напримѣръ: дерево, древо и дрво. Что касается до замѣны коренныхъ гласныхъ *о* и *е* другими гласными звуками, то она составляетъ здѣсь второстепенное дѣло, отъ котораго зависитъ дальнѣйшее, менѣе важное разнообразіе словъ.—Въ главной разницѣ тѣхъ словъ вообще, которыя первоначально устроены были съ двумя гласными звуками, различимъ еще два способа измѣненія.

Одинъ, болѣе общій, состоитъ въ опущеніи втораго гласнаго звука. Становясь шаткимъ и бѣглымъ, при грамматическихъ перемѣнахъ словъ, этотъ второй звукъ совсѣмъ опускается изъ нихъ,—смотря по произволу и вкусу нарѣчій. Такимъ способомъ, напримѣръ, слово боберъ (по-лужицки биборъ, по-нѣмецки biber, biver, по-латински fiber) сократи-

лось въ бобръ и бебръ (по-хорутански пибръ, по-исландски bifr).

Имя огонь, во всѣхъ славянскихъ языкахъ (кромѣ церковнаго и болгарскаго) удержавшее оба гласные звука—агóнь, óгень, óгинь, óгань, по-лотышски уггунсъ,—сокращено въ церковнославянское огънь, санскритское agni, латинское ignis, литовское ugns. Тоже и въ именахъ уголъ (у другихъ славянъ—угелъ, вугелъ, нугелъ, по-латин. angulus), уголь (по-санскр. angara), угорь (по-литов. унгурисъ): они сократились въ углъ, угль, угрь.

Этимъ же способомъ, многія слова изъ нашей отличительной породы, сокращены въ рѣчахъ литовской и нѣмецкой, не имѣя тамъ діагностической важности. По-литовски: гальва, вальдити, (по-нѣм. walden, walten), велку, варнасъ, берзасъ,—вм. голова, володѣти, волоку, ворона, береза. Въ нѣмецкой рѣчи: по-датски kold (готск. kalds, нѣм. kalt, chalt), gards или gardr, bart, mork, berg—вм. холодъ, городъ, борода, морокъ, берегъ.

Но въ рѣчи славянской такое сокращеніе словъ отличительной породы встѣчается рѣдко, только какъ частное или мѣстное уклоненіе отъ господствующаго закона; именно на словахъ съ середочнымъ звукомъ *р*—(у Полабцовъ и Кашубовъ, отчасти у Болгаръ, и еще рѣже у другихъ Задунайцевъ). Господствуетъ въ Славянщинѣ другой способъ измѣненія словъ этой отличительной породы. Въ западнославянской рѣчи они сокращены выпускомъ перваго гласнаго звука; въ руской рѣчи они удержались съ двумя постоянными гласными звуками. Въ этомъ постоянствѣ обоихъ гласныхъ звуковъ и состоитъ отличіе древне-руской и собственно-руской формы, въ словахъ отличительной породы. По этому признаку, слова жерло, дернъ, тернъ, верхъ,—хотя и произносятся у насъ по-южноруски—жерело, деренъ, теренъ, поверхнеруски—верёхъ; но они не принадлежатъ къ отличительной породѣ, и имѣютъ только наружный видъ ея.

§ 62. Въ южнорускомъ языкѣ, въ словахъ отличительной породы, при обстановкѣ звука *л* звумя *о*, оба они сохраняютъ коренной видъ, не переходятъ ни въ *а*, ни въ *е*: зо-

лото, голосъ, молоко, даже чоловѣкъ. Тоже при обстановкѣ звука *р* двумя *о:* корова, морозъ. Немногія изъ принадлежащихъ сюда словъ подчиняются любимому южнорускимъ языкомъ обращенію *о* къ *и;* напр. порогъ и порóгъ, борода и борóдка.

У Сѣверной Руси,—въ нарѣчіяхъ говорящихъ на *о*, оба *о* остаются неизмѣнными, но въ остальныхъ нарѣчіяхъ только тогда выговаривается *о*, когда на немъ приходится удареніе; въ противномъ случаѣ *о* переходитъ, по обыкновенію, въ *а*. Напримѣръ: борода —барадá, порогъ—парóгъ, порохъ—пóрахъ.

При обстановкѣ звука *р* двумя *е*, въ южнорускомъ языкѣ оба они выговариваются сполна. У сѣверной Руси часто одинъ *е*, особливо второй, обращается въ ё (=*ъо*). Кромѣ того, въ бѣлорускомъ нарѣчіи звукъ *е* безъ ударенія часто мѣняется на *я*, нерѣдко на *и*, иногда на *а;* напримѣръ: бярёза, бéригъ, биряжи́ (береги), сирабрó.

Западнославянскій способъ сокращенія распространился на Руси вмѣстѣ съ языкомъ церковнымъ. Во многихъ словахъ ведется еще древнее руское произношеніе; но иныя уже не могутъ быть сказаны по старобытной руской формѣ, хотя она и видна въ словахъ производныхъ. Говорится, напримѣръ: сóлодъ, солóдковый корень; но прилагательное имя солóдкій услышите только въ южнорускомъ языкѣ, въ бѣлорускомъ нарѣчіи и кое-гдѣ въ великорускомъ простонародьи; а въ избранномъ рускомъ языкѣ говорится уже по-церковнославянски—сладкій. Вмѣсто преставился, только въ сказкахъ и пѣсняхъ осталось переставился.

Отъ смѣшенія западнославянскихъ, или ограниченнѣе говоря, церковныхъ формъ съ народными рускими, произошла та двойственность и та разница словъ, о которой говорено выше: хранить и хоронить, храмъ и хорóмъ, хорóмы, предъ и передъ, шлемъ и шеломъ, и т. д.

§ 63. Въ западной Славянщинѣ,—сообразно южнорускому произношенію, удерживающему *о*,—Лужичи и Поляки послѣ *л* ставятъ обыкновенно *о:* злото, глосъ. Но въ церковномъ и остальныхъ славянскихъ языкахъ послѣ *л* ставится

обыкновенно *а*—злато, гласъ, — въ соотвѣтствіе нарѣчіямъ бѣлорускому и среднерускому.

Полабцы также говорили: злата, гласъ, млака или млаўка. Послѣднее слово сокращается въ м л о к о только Лужичами и нѣкоторыми Кашубами; а Поляки и почти всѣ остальные Славяне выговариваютъ—м л и к о и м л е к о.

Это измѣненіе звука *о* на *е*, составляетъ замѣчательнѣйшее уклоненіе отъ показанныхъ выше двухъ главныхъ формъ. Такъ въ словахъ полóнъ, волоку, только Поляки ставятъ *о*—плонъ, влоке (луж. лаку); а у прочихъ Славянъ ставится *е:* плѣнъ, влѣку. Вмѣсто жолобъ, только Словаки и Чехи говорятъ жлабъ; а югозападные Славяне, вопреки господствующему своему выговору, говорятъ—жлебъ; а вмѣсто шоломя или шеломя, шеломъ—шлеме, слѣмя, шлемъ и проч. Вмѣсто глава, Болгары говорятъ—глева.

При звукѣ *р*, обставленномъ двумя *о*, въ западной Славянщинѣ господствуетъ тоже обыкновеніе. Поляки и Лужичи послѣ *р* ставятъ *о*, иногда измѣняемый въ *у*, напримѣръ крова или крува, мрозъ или мрузъ, прогъ. Но Чехи и Словаки склоняются и здѣсь на сторону югозападныхъ Славянъ, и наравнѣ съ ними послѣ *р* ставятъ *а:* крава, мразъ, прагъ.

Постоянное уклоненіе отъ этого представляется въ кашубскомъ нарѣчіи и въ языкѣ полабскомъ. Тамъ, изъ двухъ гласныхъ звуковъ, у насъ постоянныхъ, удерживается не второй, какъ бы слѣдовало по общему западнославянскому обычаю, но первый, по обычаю литовскому. Кашубы, напримѣръ, вмѣсто порогъ, ворона, сорока, говорятъ: паргъ, варна, сарка. Полабцы говорили: ворна, корво, морзъ, ворта и проч.

При обстановкѣ звука *р* двумя *е*, въ западной Славянщинѣ оставляется обыкновенно второй *е*, который произносится у однихъ *е*, у другихъ *и;* потому въ древней церковной правописи послѣ *р* въ этихъ словахъ было писано *ѣ:* прѣдъ, прѣжде, брѣгъ, врѣмя, дрѣво, чрѣда. Сходно съ этимъ и послѣ *л* слѣдуетъ по-западнославянски писать однообразно: млѣко, влѣку, какъ пишется плѣнъ, плѣти (полоть), млѣти (молоть). Въ языкахъ польскомъ и чешскомъ звукъ *р* въ

этомъ случаѣ дѣлается шерсткимъ (*рж* или *рш*), хотя послѣ него *е* перемѣняется на *о*.

Подобная перемѣна звука *е* на *о* или *а*, бываетъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ, напримѣръ: вмѣсто дрѣво (=древо и дриво), въ нижнелужицкомъ—дрово, въ полабскомъ драва, въ болгарскомъ драво. Въ поднарѣчіяхъ сербскихъ говорятъ еще—дерво, дарво.

§ 64. Такимъ образомъ порода словъ, которая въ русской рѣчи искони отличена обстановкою середочныхъ звуковъ *л* и *р* двумя гласными, въ западнославянской рѣчи уравнивается съ другою породою, которая и въ руской и въ другихъ рѣчахъ имѣетъ только одинъ гласный звукъ, при середочныхъ *л* и *р*.

Лишь немногія слова (см. § 56) первой породы въ западныхъ нарѣчіяхъ попадаются изрѣдка въ своей древней двухгласной формѣ. Обыкновенно же они остаются тамъ съ однимъ гласнымъ звукомъ; вм. волосъ (санскр. бала), селезенка, порохъ (санскр. парага), короткій, середа, стерегу,—влосъ или власъ, слезень или слезена, прохъ или прахъ, кроткій или краткій, среда, стрегу; но нигдѣ нѣтъ—влсъ, слзена, прхъ, крткій, срда, стргу.

Слова второй породы во многихъ западнославянскихъ нарѣчіяхъ часто теряютъ свой гласный звукъ; слеза, перстъ, кротъ, сердце, серна, верба и проч. обращаются въ слза, прстъ, ктръ, срдце, срна, врба. (При этомъ у Сербовъ, на мѣстѣ *л* и опускнаго гласнаго звука, становится *у:* суза, вукъ).

Одинокость гласнаго звука при *л* и *р*, въ этой породѣ словъ, есть собственная и высшая степень ихъ полногласія. Они и въ руской рѣчи не бываютъ съ другимъ гласнымъ [1]); нигдѣ не говорятъ: волокъ, селеза, коротъ, вереба, вм. волкъ, слеза, кротъ, верба. Можно сказать, что слова этой породы сроду имѣютъ о д и н ъ гласный звукъ при *л* и *р;* между тѣмъ

---

[1]) Исключается отсюда передѣлка нѣкоторыхъ иностранныхъ словъ на рускую стать; напримѣръ у Нестора: «и вложиша и (В. Кн. Владиміра) въ корсту мороморяну»—вм. мраморяну.

какъ слова первой породы возникли съ двумя гласными, и уже послѣ стали съ однимъ.

При такомъ уравненіи первой породы словъ со второю, и нѣкоторыя слова ея подверглись тому же опущенію гласнаго звука, отъ котораго *л* и *р* въ срединѣ словъ остаются обнаженными. Напримѣръ дерево, древо, дрво; ворохъ, брогъ, бргъ; молонья, млнія, муня. Это бываетъ рѣдко на словахъ первой породы,—какъ исключеніе изъ правила, подобное тому, какое въ области двудольныхъ растеній представляетъ повили́ка (cuscuta), имѣющая безсѣменодольный ростокъ вмѣсто двудольнаго.—

Указавъ на это уклоненіе въ западнославянской рѣчи, можно замѣтить еще другое уклоненіе: опущеніе основныхъ звуковъ *л* и *р*, съ удержаніемъ только слѣдующаго за ними гласнаго. Это бываетъ еще рѣже, и почти ислючительно на словахъ начинающихся съ *ч*. Вмѣсто черево, череда, черешня, сокращаемыхъ въ чрево, чреда, чрешня,—по-верхнекраински говорится: чева, чеда, чешна. Вм. человѣкъ, сокращено човѣкъ, по-сербски—човѣкъ. Сюда же подходитъ сокращеніе слова молоко въ млоко и моко, въ нарѣчіи кашубскомъ. Это тоже, что конь вм. комонь, т. е. этимъ измѣненіемъ разсматриваемая порода полногласныхъ словъ входитъ въ общую колею сокращенія словъ выпускомъ цѣлыхъ слоговъ (§ 51).

§ 65. Нисхожденіе различныхъ породъ на однѣ и тѣже несовершенныя, уклоненныя формы, ни сколько не опровергаютъ дѣйствительности породъ; также, какъ уклоненія словъ отъ существеннаго ихъ признака не опровергаютъ его значительности. То и другое представляетъ намъ и природа, въ своихъ непрестанныхъ уклоненіяхъ отъ образцовыхъ формъ, въ столь частныхъ сближеніяхъ и переходахъ предметовъ ея отъ одного разряда къ другимъ. А ея предметы менѣе чѣмъ слова подвержены произволу, и крѣпче прикованы къ одной опредѣленной мысли. Если же и природа, даже неорганическая, является не всегда математически-точною; то человѣческому слову тѣмъ свойственнѣе не быть математически-точнымъ въ разнообразіи своихъ образцовыхъ формъ; потому и признаки, которыми обозначаются ихъ предметы, необходимо

допускаютъ исключенія. Наука сознаетъ это; и у нея—»нѣтъ правила безъ исключенія«. Впрочемъ это правило можно допускать только въ такихъ признакахъ, которыми опредѣляется дѣйствительное сродство предметовъ, а не произвольное, искуственное ихъ размѣщеніе.—

Признакъ каждаго предмета въ природѣ ясенъ только при полномъ его выраженіи, только на высшей степени образованія. Разные отдѣлы природы сходятся и сливаются другъ съ другомъ не высшими степенями и полнѣйшими видами, а низшими и неполными; не средоточіями своими, а оконечностями,—гдѣ затемняется уже первоначальная ясность признака, подобно тому, какъ лучи свѣта слабѣютъ по мѣрѣ удаленія отъ своего исходища. Тоже и съ звуками въ словахъ. При наблюденіи ихъ разнообразія, въ грамматическихъ и діалектическихъ перемѣнахъ, надо имѣть въ виду полнѣйшія и первоначальныя формы словъ, и по нимъ различать породы, а не по уклоненіямъ и недомолвкамъ, гдѣ нерѣдко сходятся на-одно слова разныхъ породъ. Выходя изъ такихъ неполныхъ формъ, гдѣ уже утрачены и перемѣнены разные звуки, легко можно относить слова не туда, куда они принадлежатъ,—подобно тому, какъ зоологи относили длиннорылаго медвѣдя къ разряду беззубыхъ звѣрей, причисляли его къ тихоходамъ, составляли изъ него особый родъ (prochilus, chondrorhynchus),—и все потому только, что этотъ хищный звѣрь достался зоологическому наблюденію уже съ выпавшими передними зубами.

СТАТЬЯ VIII.

Дополнительныя замѣчанія.

§ 66. И такъ полногласіе въ корняхъ словъ есть общее и древнѣйшее свойство всѣхъ рускихъ нарѣчій, удержанное ими вообще болѣе, чѣмъ западнославянскими. Утрата полногласія въ нихъ происходила частію по общей наклонности индоевропейскихъ рѣчей сокращать свои полныя, первобытныя формы словъ; частію по особенному вліянію на нихъ языка церковнославянскаго, болѣе многихъ сократившаго гласные звуки въ срединѣ словъ. Отличительнымъ образомъ полногласіе означилось на той породѣ словъ, въ срединѣ которыхъ плавные звуки *л* и *р* обставляются у насъ двумя гласными, преимущественно *о-о* и *е-е*.

Руская форма этой породы словъ, удерживающая оба гласные звука, есть полная и первобытная. Западнославянская форма этихъ же словъ отличается опущеніемъ одного изъ двухъ гласныхъ, обыкновенно перваго. Этою неполною, второобразною формою, западная половина славянской рѣчи отмѣнилась оть восточной или рускої, конечно, еще при первомъ отъ нея отдѣленіи или объособленіи; и въ этомъ опущеніи заключается ея существенное отъ нея отличіе. Неполная форма этой породы словъ распространилась и въ руской рѣчи, со времени нашего христіанства, когда вмѣстѣ съ нимъ водворился у насъ церковный языкъ, имѣвшій болѣе всѣхъ вліянія на преобразованіе руской рѣчи. Тогда произошла въ ней постепенная утрата полной, первобытной формы словъ разсматриваемой породы,—подобно тому какъ въ западнославянской рѣчи, изъ господствующей въ ней второ-

образной формы (съ однимъ гласнымъ звукомъ), происходили иногда дальнѣйшія недомолвки, — напримѣръ, формы безъ гласнаго звука.

§ 67. Что обстановка двумя гласными середочныхъ *л* и *р* есть не общее условіе этихъ звуковъ въ руской рѣчи, но первобытная и отличительная принадлежность особой породы словъ, это видно изъ того, что въ той же руской рѣчи, при этой породѣ словъ, есть другая порода, гдѣ тѣже плавные звуки *л* и *р* въ корняхъ словъ устроены съ однимъ гласнымъ, какъ и въ западнославянской и въ другихъ рѣчахъ индоевропейскаго говора. Таковы, напримѣръ — волкъ, гордъ. Хотя эти слова и созвучны съ во́локъ, го́родъ, сокращенными по-польски во влокъ, гродъ; но они принадлежатъ къ двумъ разнымъ породамъ, которыя при діалектическомъ развитіи славянской рѣчи измѣнялись каждая по-своему, и только нѣкоторыми словами изрѣдка смѣшивались. Это явленіе бываетъ вездѣ, гдѣ смежаются другъ съ другомъ разные отдѣлы,—какъ въ рѣчахъ, такъ и въ царствахъ природы. Сліяніе породъ или разрядовъ, ихъ пограничными слоями, не отрицаетъ ихъ отдѣльности, ни въ наукѣ, ни на самомъ дѣлѣ. Наука, также какъ и поэзія, преимущественно ищетъ образцовыхъ формъ; межеумки ей не помѣха въ этомъ дѣлѣ.

Полная форма словъ второй породы образуется однимъ гласнымъ звукомъ при *л* и *р;* они сокращаются въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ опущеніемъ этого одного гласнаго звука, напр. влкъ, грдъ; но они нигдѣ не переполняются вторымъ гласнымъ звукомъ; вм. волкъ, гордъ, не говорится волокъ, городъ. Это бываетъ только въ концѣ словъ, для благозвучія, напримѣръ въ прилагательныхъ (по́лонъ вм. полнъ); и такой дополнительный гласный звукъ обыкновенно выпадаетъ при первомъ случаѣ.

Но въ словахъ первой породы оба гласные держатся постоянно въ цѣломъ склоненіи: во́локъ, во́лока, волока́; го́родъ, го́рода, города́.

Въ своей полной, двугласной формѣ, слова этой отличительной породы встрѣчаются изрѣдка и въ санскритскомъ языкѣ, и въ литовскомъ; попадаются мелькомъ и въ

нѣкоторыхъ языкахъ западнославянскихъ; но нигдѣ не сохранились они въ такой цѣлости, какъ въ народной руской рѣчи. Особенное изобиліе ихъ въ нашей древней письменности свидѣтельствуетъ о ихъ первородствѣ въ рускихъ нарѣчіяхъ.

Такимъ образомъ, особенно этою породою словъ, для цѣлой системы индоевропейской, руская рѣчь представляетъ многія первобытныя и еще неизношенныя формы.

§ 68. Означивъ главное отличіе руской рѣчи отъ западнославянской сочетаніемъ звуковъ *оло*, *оро*, *ере*, въ срединѣ словъ извѣстной породы, и полагая въ этомъ существенный признакъ,—мы должны искать и другихъ примѣтъ, для пополненія этого признака. При этомъ надо соблюдать, чтобы второстепенныя отличительныя примѣты принадлежали всей руской рѣчи и отличали ея отъ обоихъ западныхъ удѣловъ; т. е. чтобы отрицательная сторона примѣты принадлежала всей западной половинѣ славянской рѣчи. И чѣмъ маловажнѣе будетъ примѣта сама по себѣ, тѣмъ точнѣе она должна быть выдержана въ цѣломъ отдѣлѣ, который ею обозначается. Въ противномъ случаѣ, она уже не отличительная примѣта, и ею не для чего засорять общаго признака рускій рѣчи,—тѣмъ болѣе, что дѣйствительно сродство въ природѣ часто означается одною отличительною чертою.

При такомъ условіи изъ 9-ти примѣтъ рускій рѣчи, приведенныхъ у Шафарика (Сл. Нар. с. 9), послѣдніе 7 не идутъ къ нашему дѣлу,—во первыхъ потому, что онѣ невыдержаны строго во всей рускій рѣчи; во вторыхъ, онѣ встрѣчаются не въ однѣхъ рускихъ, но и въ нѣкоторыхъ западнославянскихъ нарѣчіяхъ. Впрочемъ и у самаго Шафарика онѣ приспособлены для отличенія рускій рѣчи, не столько въ цѣломъ кругу славянскомъ, сколько въ такъ называемомъ юговосточномъ или антскомъ разрядѣ, въ которомъ она, вмѣстѣ съ задунайскими языками, отлична уже прежде отъ разряда сѣверозападнаго, другими четырью примѣтами.

Такимъ образомъ, въ дополненіе къ главному отличію рускій рѣчи, изъ 9-ти примѣтъ, приведенныхъ Шафарикомъ, можно взять только вторую, выраженную у него такъ: «на-

чальное *о* вм. *е* (je): одинъ, озеро, осетръ, олень, осень— вм. единъ, езеро, есетръ, елень, есень.»

§ 69. Этотъ пятокъ словъ дѣйствительно отличаетъ нашу рускую рѣчь отъ западной; ибо начальный коренной звукъ *о*, мѣняющійся въ нашихъ нарѣчіяхъ на *а*,—у Славянъ западныхъ перешелъ въ *е*, изрѣдка въ *я*, и нигдѣ не остался тамъ подъ видомъ *о* или *а*. Такой раздѣлъ западной рѣчи съ нашею, въ этихъ словахъ, по перемѣнѣ начальнаго *о* на *е*, стоитъ того, чтобы принять его въ отличительный признакъ,—тѣмъ болѣе, что здѣсь встрѣчаются тѣ же звуки, какія принадлежатъ къ составу главнаго признака, и таже перемѣна коренаго *о* на *е*, какую мы видѣли уже при измѣненіи словъ отличительной породы (молоко, полóнъ—въ млѣко, плѣнъ).—

Вообще можно сказать, что въ славянской рѣчи, изъ гласныхъ звуковъ, господствующимъ коренным звукомъ въ началѣ словъ оказывается *о*,—такъ, что въ руской рѣчи нѣтъ собственно своихъ именъ, начинающихся съ *а*, и только два-три имени, начинающіяся съ *е*.

Руская рѣчь удерживаетъ постояннѣе коренной славянскій звукъ *о* въ началѣ словъ, и по своему діалектическому свойству переводитъ его только въ *а*,—по подобію санскритскаго языка. Западная рѣчь также сохраняетъ еще коренной славянскій *о* безъ перемѣны на *е* во многихъ словахъ: орелъ, оселъ, овца, оса, овесъ.

Въ другихъ словахъ начальный *о* передѣланъ въ *е*— только нѣкоторыми нарѣчіями западнославянскими: наприм. осина, или осика по-хорутански есика; ольха или ольша, по словацки—ольша и ельша. Здѣсь явный переходъ отъ господствующей славянской формы съ *о* (по-латинѣ alnus),—къ нѣмецкой съ *е*: elsche, else, els. Но въ сказанныхъ пяти словахъ только руская рѣчь удержала коренной *о* (*а*); а западнославянская вся отказалась отъ *о*, и приняла вмѣсто его *е*. Легкое исключеніе представляется въ сѣверозападномъ углѣ, гдѣ Н. Лужичи вм. *е* ставятъ *я*, въ словахъ ядинъ, язёръ. Слова: елень, езеро, единъ, въ руской рѣчи суть формы заимствованныя изъ церковнаго. Можетъ быть, по тому же вліянію, и словцо одва передѣлано у насъ въ едва.

Такимъ образомъ, въ приведенныхъ пяти словахъ не руская рѣчь поставила начальное *о* вмѣсто *е;* но западная рѣчь передѣлала старославянское начальное *о* въ *е*,—подобно тому, какъ слова: ноготь (по-санскрит. нака), ротъ, лобъ, рожь, мохъ, ложка, бочка, корма, борзый и т. д., въ разныхъ западнославянскихъ нарѣчіяхъ передѣланы въ ногетъ и негетъ, ретъ, лебъ, режъ, мехъ, лежка, бечка, керма, берзый. Эти перемѣны въ славянскомъ кругу тоже, что въ цѣломъ индоевропейскомъ округѣ передѣлка словъ — орать, овца, оселъ, новъ, и другихъ—въ eren, ewe, esel, new, произведенная въ кругу нѣмецкомъ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

РАЗБОРЪ ПРИМѢТЪ, КОТОРЫМИ РУСКУЮ РѢЧЬ СОЕДИНЯЮТЪ СЪ ЮГОЗАПАДНОЮ.

СТАТЬЯ IX.

О двухъ важнѣйшихъ примѣтахъ Добровскаго.

§ 70. Обозрѣвая систему славянскихъ нарѣчій, мы видѣли, почему она не могла остановиться на причисленіи руской рѣчи къ какому либо западному удѣлу; но должна была предоставить ей особое мѣсто въ кругу славянскомъ.— Копитаровское соединеніе руской рѣчи съ сѣверозападною не имѣло у насъ успѣха; но ея соединеніе съ югозападною или задунайскою рѣчью остается и понынѣ господствующимъ. Такой успѣхъ системы Добровскаго много зависѣлъ отъ того, что законодатель славянской филологіи, установивъ два разряда нарѣчій, подвелъ подъ нихъ два ряда отличительныхъ примѣтъ. Получивъ впервые систему, имѣвшую весь видъ основательности, и не имѣвшую ничего себѣ подобнаго, наша филологія не могла не увлечься ею; и примѣты Добровскаго повторились во многихъ книгахъ, какъ филологическія заповѣди. Полное изложеніе этихъ примѣтъ, въ числѣ десяти, заимствуется изъ Грамматики славянскаго языка [1]). Вотъ оно:

[1]) Есть и другое, *неполное* изложеніе примѣтъ Добровскаго, въ числѣ *девяти*.—Ганка нѣкоторое время предпочиталъ его первому изложенію, и приводилъ его безусловно, напр. въ Грамматикѣ или *Млувницѣ* польскаго языка, изданной въ Прагѣ 1839.—

Въ 1-мъ разрядѣ:	Во 2-мъ разрядѣ:
1. раз: разум.	роз: розумъ.
2. из: издати.	вы: выдати.
3. вставное *л*	— — —
корабль	кораб
земля	земя
поставлен	поставен
4. — — —	вставное *д* (передъ *л*)
сало, крило	садло, кридло
правило	правидло
молитися	модлитися
5. пещи, мощи	пеци, моци
пещ, мощ	пец, моц
(печ, моч)	
6. звѣзда, цвѣт	гвѣзда, квѣт
7. тъ (той)	тен
8. пепел	попел
9. птица	птак
студенец	студница
10. десница	правица.

§ 71. Впрочемъ у насъ на Руси примѣты Добровскаго были приняты не безусловно. Востоковъ первый наложилъ на нихъ руку, еще до распространенія ихъ въ полномъ видѣ. Въ своемъ достопамятномъ Разсужденіи о славянскомъ языкѣ (1820 г.), Востоковъ отвергъ примѣты *раз*, *из*, птица, и сказалъ, что главнѣйшую особенность втораго разряда составляютъ двѣ вставки неупотребительныя въ рускомъ языкѣ, именно: »вставка *ж* при стеченіи *р* съ тонкими гласными, и вставка *д* передъ производнымъ окончаніемъ *л*.« Общею примѣтою рускаго и задунайскихъ языковъ, въ отличіе отъ сѣверозападныхъ, Востоковъ признавалъ »вставку *л* послѣ губныхъ *б*, *п*, *в*, *м*, отонченныхъ«.

Въ этомъ неполномъ изложеніи такая отмѣна:
8. родительн. — *аго* — *его*.
дательн. — *ому* — *ему*.
9. *птица*. *птак*.
Въ 6-й примѣтѣ оставлено только слово *звѣзда*; а *цвѣтъ*, *пепелъ*, *студенецъ* и *десница*—выключены совсѣмъ изъ списка примѣтъ.

Согласно съ этимъ, изъ всѣхъ примѣтъ Добровскаго, слѣдовало бы принять только *двѣ:* третью и четвертую.

Что касается до вставки *ж* послѣ *р* (отъ которой происходитъ шерсткій звукъ *rz*), то она не могла приняться въ число примѣтъ втораго разряда; ибо составляетъ особенность не всего разряда, а только языковъ польскаго и чешскаго, съ едва примѣтнымъ ея остаткомъ въ нарѣчіяхъ лужицкихъ.

Шафарикъ поступилъ согласно съ мнѣніемъ Востокова: онъ отложился отъ восьми примѣтъ Добровскаго и удержалъ только *двѣ*: третью и четвертую.

По такому предпочтенію, эти двѣ примѣты я называю в а ж н ѣ й ш и м и. Онѣ важнѣе всѣхъ остальныхъ и сами по себѣ. Но отвѣчаютъ ли онѣ своему назначенію?...

§ 72. Первая изъ нихъ у Шафарика опредѣлена такъ: «прибавочное *л*, вмѣсто смягчающаго *й*, послѣ губныхъ *в, п, б, м»;* а во второмъ разрядѣ: «*л*, вмѣсто смягчающаго *й*, послѣ губныхъ не прибавляется».—

Не стану здѣсь доказывать, что такое опредѣленіе невѣрно. Объ этомъ подробно говорить буду особо (въ статьяхъ 12-15-ой). Здѣсь вопросъ не о свойствѣ и не о происхожденіи звука *л* послѣ губныхъ; а о томъ, какого достоинства примѣту онъ составляетъ въ филологической систематикѣ?

Вмѣсто трехъ словъ, которыми у Добровскаго пояснена сія примѣта, у Шафарика (Сл. Нар. с. 8)—приведено ихъ 16. Но чѣмъ больше такихъ словъ, тѣмъ больше голосовъ противъ вставнаго звука *л*, какъ примѣты филологической.

Изъ именъ женскихъ у Шафарика приведены въ примѣръ—земля, капля, кровля; и при нихъ, какъ формы втораго разряда—земя (земе), капъ, кровъ. Но въ языкѣ рускомъ употребительны—земля и земь, кровля и кровъ; у Бѣлоруссовъ говорится—земля и земя; въ среднерускомъ нарѣчіи болѣе говорится конопи, нежели конопли. Очевидно, что въ руской рѣчи совмѣщаются формы обоихъ разрядовъ.

Тоже и съ именами мужескими. Формы втораго разряда—корабъ, жеравъ, въ великорускомъ народѣ употребляются предпочтительнѣе, чѣмъ назначенныя первому разряду—корабль, журавль. Эти послѣднія формы у Бѣлоруссовъ вовсе

неупотребительны; тамъ говорятъ или—корабъ, журавъ, или одинаково съ Малороссіянами—корабель, журавель.

Въ глаголахъ звукъ *л* послѣ губныхъ выдерживается строго только въ языкѣ южнорускомъ: люблю, лю́блять, полюбленъ. Въ московскомъ нарѣчіи звукъ *л* не прибавляется передъ звукомъ *я* переходнымъ или такъ-называемымъ носовымъ: люблю, влюбленъ, любятъ, любя. Но въ нарѣчіи среднерускомъ обходятся безъ *л* и передъ *ю* (когда оно безъ ударенія?): сыпють, ло́вють, любючи́.

Въ числѣ глаголовъ у Шафарика назначены первому разряду—«поставляти, погубляти»; а второму—«ставити, губити». Но языку рускому свойственны и тѣ и другіе.

Очевидно, что руская рѣчь, по частому неупотребленію звука *л* послѣ губныхъ, сходится часто съ сѣверозападною рѣчью. Слѣдственно, вставной звукъ *л*, въ отношеніи къ рускій рѣчи, составляетъ примѣту очень невѣрную.

Не даетъ онъ вѣрной примѣты и для различенія двухъ западныхъ удѣловъ.

Въ сѣверозападномъ, вопреки филологическому запрещенію, звукъ *л* иногда прибавляется послѣ губныхъ. Поляки, сходно съ Малороссіянами, говорятъ: гробля (такъ у Нестора), кропля, чапля, шабля; а не гробя, кропя, чапя, шабя. Кашубы, вмѣсто грабѣ, говорятъ—граблѣ. Словаки также говорятъ: кропля, шабля. Въ лужицкомъ языкѣ—робль, а не робь (воробей).

Въ удѣлѣ югозападномъ, вопреки филологическому назначенію, звукъ *л* послѣ губныхъ нерѣдко опускается, Болгаре, напримѣръ, говорятъ—земя, сабя, лове, ловенъ; а не земля, сабля, ловлю, ловленъ. Сербы говорятъ жеравъ, а не жеравль.

Если же и вставка и невставка *л* послѣ губныхъ—ни одному изъ четырехъ удѣловъ славянской рѣчи не даетъ вѣрной отличительной примѣты, то не-для-чего и оставлять долѣе звукъ *л* послѣ губныхъ между примѣтами перваго разряда.

§ 73. И такъ изъ примѣтъ Добровскаго, первому разряду остается только одна важнѣйшая, относящаяся опять къ звуку *л*, т. е. невставка *д* передъ *л*.—

Въ приложеніи къ рускимъ нарѣчіямъ сія примѣта достаточна; ибо вставка *д* передъ *л* несвойственна нарѣчіямъ рускимъ.

Всѣ Рускіе говорятъ молитва, кадило, мыло, сало, ель; а не модлитва, кадзидло, садло, едла. Слова: сѣдло, падло, сюда не идутъ; ибо звукъ *д* въ этихъ словахъ не вставной, а коренной.

Въ южнорускомъ языкѣ слова: павидло, ковадло (вм. ковало), можно считать пріемышами изъ языка польскаго.

Подобное исключеніе въ языкѣ рускомъ составляютъ слова: оседлость, оседлый, образованныя по польской формѣ. Сравнивъ ихъ съ южнорускимъ словомъ осе́ля (жилье), можно видѣть, что въ нихъ звукъ *д* вставной.

Немногія исключенія неопровергаютъ примѣты важной. Потому можно бы сказать, что по невставкѣ *д* передъ *л* руская рѣчь принадлежитъ къ первому разряду. Но эта невставка несоблюдается въ югозападномъ удѣлѣ, именно, въ языкѣ хорутанскомъ. Уже и въ молитвахъ фризинской рукописи 10-го вѣка встрѣчаемъ: модлити, модлимъ, вседли (вселить). Нынѣ въ хорутанскомъ языкѣ поднарѣчіе зильское (на рѣкѣ Зилѣ въ Каринтіи) особенно отличается вставкою *д* передъ *л*, во многихъ словахъ; напримѣръ: кридло, шидло, мотовидло, кресадло (по-южноруски кресало или крéсиво, т. е. огниво); а верхнекраинское нарѣчіе такъ привыкло къ вставному *д*, что удерживаетъ его, не смотря на обращеніе *л* въ *в*: садво, мотовидво, и т. д. (Срезневскій, въ Ж. М. Н. Пр. 1843).

Сѣверозападный удѣлъ съ своей стороны нерѣдко измѣняетъ вставкѣ звука *д* передъ *л*. Такъ въ языкѣ польскомъ говорится—седло, оседлицъ, сёло, селянка. Подобное опущеніе вставнаго *д* встрѣчается часто и въ нарѣчіяхъ словацкихъ.

Очевидно, что эта «главнѣйшая особенность» сѣверозападной рѣчи не выдерживается въ ней строго; а между тѣмъ она свойственна и рѣчи югозападной. Слѣдственно она не раздѣляетъ собою двухъ западныхъ удѣловъ.

Невставка звука *д* передъ *л* выдерживается только въ руской рѣчи, а не во всемъ первомъ разрядѣ, и не отдѣляетъ отъ него рѣзкою чертою втораго разряда.

И такъ, пора уже отказать первому разряду Добровскаго и въ этой филологической опорѣ.

§ 74. Отъ разсмотрѣнной вставки *д* передъ *л*, я отличаю другой случай вставнаго *д*: когда оно является не послѣ гласныхъ, какъ въ примѣтѣ Добровскаго, но послѣ согласныхъ. Это *д* по моему замѣчанію, всегда бываетъ на мѣстѣ гласнаго звука, опущеннаго изъ полногласной формы словъ.

Передъ *л* оно встрѣчается рѣдко—въ словѣ жолобъ, которое по-сербски произносится жлебъ и ждлебъ.

Чаще появляется оно передъ *р*. Такъ въ сербскомъ же языкѣ слова: жерело, жеребецъ, журавъ, обращаются въ ждріело, ждребацъ, жеравъ и ждравъ. Слово жеребъ или жеребей, по-хорутански ждрибъ.

Послѣ *з* вставное *д* встрѣчается въ глаголитскихъ рукописяхъ (издрѣшти, раздрѣшу); также въ Остромировомъ Евангеліи, и въ другихъ старинныхъ рускихъ писаніяхъ, напр. у св. Кирила Туровскаго: издринути, неиздреченный, раздрѣшитель, раздрушитель. Здѣсь вставное *д* стоитъ на мѣстѣ *о*, принадлежащаго предлогамъ *изо*, *разо*, которые сокращаются въ *изъ*, *раз*, точно такъ, какъ встарину сокращали *но* въ *нъ*, наприм. въ Пѣсни Игорю.

Подобная вставка *д* свойственна и южнорускому языку обоихъ нарѣчій; наприм. уздрѣти вм. узрѣти, скороздри (скорозрѣлые плоды)—отъ глагола зрѣю, зрѣть вм. зорѣти, какъ осталось у Хорутанъ и у нѣкоторыхъ Сербовъ. Павскій (Ф. Н. I. 64) признаетъ вставнымъ *д* передъ *р* и въ словѣ здравъ; но здѣсь *д* коренное: здравъ сокращено изъ здоровъ, по-польски здровъ, по-луж. стровъ.

Впрочемъ не только послѣ *ж* и *з* является это вставное *д*, но изрѣдка и послѣ *н*. Въ великорускомъ выговорѣ вм. имени нравъ, сокращеннаго изъ норовъ—ндравъ. Тогоже значенія *д* въ глаголѣ индивѣть вм. инеевѣть, отъ слова иней.

Этою же вставкою Нѣмцы,—а не *мы* Рускіе,—сдѣлали балдріанъ изъ valeriana (по-руски—маунъ).

Какъ звукъ *д* передъ *р* ставится послѣ *з*, такъ сродникъ его *т* ставится послѣ *с*. Это бываетъ и въ южнорускомъ выговорѣ, наприм. страженіе, строкъ, строчный; и въ великорускомъ: страмъ вм. срамъ (сокращен. изъ сором ъ); и въ болгарскомъ: страмъ, Страцининъ. Въ сѣверозападномъ удѣлѣ этимъ отличается выговоръ Словаковъ и Чеховъ; напримѣръ: по-словацки—стрибро, стреда, по-чешски—стршибро, стршеда, вм. серебро, середа.

Изъ сказаннаго видно, что вставные *д* и *т*, являющіеся послѣ согласныхъ, на мѣстѣ выкиднаго гласнаго, особенно передъ *р*, бываютъ и въ рускоѣ рѣчи, и въ западнославянской; но не постоянно, и не отличительнымъ образомъ.

СТАТЬЯ X.

О двухъ примѣтахъ, прибавленныхъ Шафарикомъ.

§ 75. Принявъ два разряда Добровскаго, Шафарикъ не удовольствовался его примѣтами. Избравъ изъ нихъ только *двѣ* важнѣйшія, онъ прибавилъ къ нимъ еще *двѣ* отъ себя: одну тогоже свойства, т. е. основанную на отдѣльныхъ звукахъ и относящуюся ко многимъ словамъ; другую, заимствованную отъ одного слова. Такимъ образомъ явились два новые узла соединенія руской рѣчи съ югозападною; именно:

а) опущеніе *д* и *т* передъ *л* и *н;*

б) звукъ *м* въ словѣ мотрѣти, и производныхъ—смотрѣти и проч.

Въ противоположность этому, для сѣверозападнаго разряда, положено слѣдующее:

а) *д* и *т* передъ *л* и *н* неопускаются;

б) *п* въ словѣ патрити (смотрѣть).

Не лишнимъ считаю замѣтить, что первая изъ этихъ примѣтъ ограничивается одними глаголь ными окончаніями,

въ образованіи которыхъ *д* и *т* такъ рознятся отъ прочихъ согласныхъ звуковъ. Безъ этого замѣчанія, не смотря на пояснительные примѣры, заимствованные Шафарикомъ отъ однихъ глаголовъ, примѣта его не совсѣмъ ясна,—какъ видно изъ того, что Срезневскій опровергалъ ее, между прочимъ, словами: сѣдло, метла, стыдно.

Для большей ясности, различимъ въ этой примѣтѣ двѣ части: одну, относящуюся къ *л;* другую, относящуюся къ *н.*

Первая часть напоминаетъ четвертую примѣту Добровскаго, съ которою она и соединена была у Востокова (въ Разсужденіи о слав. языкѣ). Но въ четвертой примѣтѣ Добровскаго звукъ *д*—вставной; а здѣсь звукъ *д*, и однородный съ нимъ звукъ *т*—коренные.

§ 76. Опущеніе коренныхъ *д* и *т* передъ *л*, введенное Шафарикомъ въ число примѣтъ юговосточнаго разряда, относится только къ прошедшему времени глаголовъ. У Рускихъ и у Славянъ югозападныхъ говорится обыкновенно: палъ, кралъ, велъ, шелъ, цвѣлъ; а у Славянъ сѣверозападныхъ—падлъ, крадлъ, ведлъ, шедлъ, цвѣтлъ.

Сѣверозападной рѣчи свойственно сочетаніе и другихъ согласныхъ съ окончаніемъ *лъ;* напримѣръ: везлъ, умерлъ, реклъ. Но руская рѣчь почти отказалась отъ такого окончанія на два согласныхъ звука, въ единственномъ числѣ мужескаго рода. Она обходится только однимъ изъ двухъ согласныхъ звуковъ. Обыкновенно удерживается звукъ коренной, напр. везъ, умеръ, рекъ; пришлый *л* допускается въ остальныхъ формахъ: везъ—везла, везло, везли. Но когда коренными бываютъ *д* и *т*, тогда они вовсе исключаются; а въ потребленіе идетъ окончательный *л:* шелъ, шла, шло, шли; цвѣлъ, цвѣла, цвѣло, цвѣли.

Въ южнорускомъ и бѣлорускомъ выговорѣ окончаніе *лъ* перемѣняется на *въ;* но въ женскомъ и среднемъ родѣ, и въ числѣ множественномъ, удерживается *л;* напримѣръ: шовъ—шла, шло, шли; цвѣвъ—цвѣла, цвѣло, цвѣли. Это свидѣтельствуетъ, что окончаніе прошедшаго времени *въ* произошло изъ *лъ*, и что звукъ *л* есть собственный этому окончанію, въ руской рѣчи. Такъ и у Словаковъ: одни говорятъ—пришелъ;

другіе—пришовъ, давъ, пославъ и проч. Окончаніе *въ*, произносимое въ южнорускомъ языкѣ полугласно (=ў), у Сербовъ переходитъ въ полный гласный звукъ *о;* вмѣсто знаљъ или знавъ, по-сербски знао.

Лужичи, не смотря на свою принадлежность къ сѣверозападному удѣлу, говорятъ не шедлъ, а шовъ, шва, шво; и только во множественномъ числѣ оставляютъ *л*—шли. Въ этомъ глаголѣ и языкъ польскій опускаетъ *д* передъ *л:* шедлъ, шла, шло, шли. По-чешски: шелъ, а не шедлъ.

На это, конечно, можно-бы смотрѣть какъ на исключеніе. Но и въ югозападномъ удѣлѣ хорутанскій языкъ представляетъ довольно постоянное уклоненіе отъ опущенія *д* и *т*, назначеннаго юговосточному разряду: крадвъ, падвъ, цвѣтвъ, крадва, падва, цвѣтва (= радлъ, падлъ, цвѣтлъ); а не кравъ, павъ, цвѣвъ. Здѣсь, въ окончаніи прошедшаго времени, *л* перемѣняется на *в* еще больше, чѣмъ въ южнорускомъ языкѣ; ибо Хорутане вообще болѣе чѣмъ Малороссіяне перемѣняютъ *л* на *в*.

Есть и въ южнорускомъ языкѣ глаголы, въ которыхъ *д* передъ *л* не выключается; напримѣръ: обрыдъ, обрыдла, обрыдло, обрыдли.

Старинная славяноруская письменность представляетъ иногда примѣры, что звукъ *д*, какъ и другіе согласные, передъ окончаніемъ *лъ*, удерживаются и въ мужескомъ родѣ единственнаго числа. Такъ въ Несторовой лѣтописи по Лаврентьевскому списку встрѣчается шедлъ вм. шелъ.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что опущеніе коренныхъ *д* и *т* передъ *л*,—не смотря на его ограниченность однимъ прошедшимъ временемъ глаголовъ,—не соблюдается въ цѣломъ юговосточномъ или антскомъ разрядѣ.

§ 77. Вторая часть Шафариковой примѣты, относящаяся къ звуку *н*, еще менѣе удовлетворительна.

Въ первомъ разрядѣ приведены въ примѣръ: вяну или вену, свѣну, взблесну, вмѣсто—вядну, свѣтну, взблестну (Сл. Нар. с. 8). Но въ послѣднемъ глаголѣ (также, какъ свисну вм. свистну) звукъ *т* опускается не для того, чтобъ

избѣжать сочетанія *т* съ *н;* а отъ стеченія трехъ согласныхъ, во избѣжаніе котораго и сѣверозападная рѣчь иногда опускаетъ *т* передъ *н;* напримѣръ, въ польскомъ błysnę, swiśnę.

Звуки *д* и *т* опускаются нерѣдко передъ *н* (также, какъ и согласные *г, к, п*). Въ южнорускомъ языкѣ глаголъ *тну*, а въ рускомъ языкѣ глаголы: болтнуть, катнуть, кутнуть, метнуть, мотнуть, хвастнуть, шатнуть,—свидѣтельствуютъ, что сочетаніе *тн* принадлежитъ руской рѣчи не какъ исключеніе.

Тоже и сочетаніе *дн;* напримѣръ въ глаголахъ: боднуть, наводнить, затруднить.

Что стеченіемъ *д* и *т* съ *н* руская рѣчь не затрудняется, то видно и на глаголахъ: поднять, отнять. Въ нихъ *н* не выключается, а вставляется послѣ *д* и *т*.

Югозападная рѣчь представляетъ не мало подобныхъ отступленій отъ назначеннаго ей опущенія *д* и *т* передъ *н*. По-хорутански говорится—вену и веднy; мотни, а не мони. По-сербски — метнути, боднути, а не менути, бонути. Въ староболгарскихъ стихахъ, приведенныхъ въ Славянскомъ Народописаніи (с. 160), изъ рукописи 1390 года читаете:

«Како баба прѣскаче трапъ,
И прѣскаче я и мимоходить,
И не боится да ся паднеть».

По примѣтѣ, назначенной Шафарикомъ для перваго разряда, слѣдовалобы не паднеть, а панеть,—какъ вмѣсто вяднеть—говорится вянеть.

§ 78. Вѣрнѣе обозначается первый разрядъ второю примѣтою Шафариковою—мотрѣти [1]), смотрѣти. Это слово не иначе употребляется и на Руси и у Славянъ задунайскихъ, какъ со звукомъ *м*.

Въ нынѣшнемъ южнорускомъ языкѣ почти неупотребителенъ глаголъ смотрѣти, и замѣняется глаголами дивитися, глядѣти; но по названію рѣки Смо́тричь и по нѣкото-

[1]) Безприбавочная форма *мотрѣть* употребительна въ великорускомъ простонародьи. Сербы также говорятъ *мотрити*.

рымъ другимъ мѣстнымъ именамъ, можно думать что этотъ глаголъ былъ употребителенъ и въ языкѣ южнорускомъ.

Въ западноруской письменности встрѣчается—опатренье и т. п. Но это займы изъ языка польскаго, неперешедшіе въ народную рѣчь.

Славяне сѣверозападные, вмѣсто звука *м*, въ этомъ глаголѣ, употребляютъ *п*: патрити, патршиць, и т. д.

Такой раздѣлъ губныхъ звуковъ *п* и *м*, по двумъ разрядамъ Добровскаго, есть примѣчательная случайность, которою слѣдовало воспользоваться въ филологіи. Случайностью я называю потому, что такой раздѣлъ произошелъ не изъ какого нибудь опредѣленнаго употребленія губныхъ звуковъ, а нечаянно. Въ другихъ словахъ эти два звука смѣняютъ другъ друга безъ особеннаго распредѣленія по нарѣчіямъ. Такъ наприм. Малороссіяне говорятъ бджола и пчола; Великороссіяне пчела и мчела, птица и мтица; а въ западнославянской рѣчи встрѣчаются втица, фтица и т. д.

§ 79. Изъ разсмотрѣнныхъ доселѣ четырехъ примѣтъ антскаго разряда, только послѣдняя соблюдается въ немъ строго, безъ употребленія сѣверозападной формы. Потому, изъ этихъ примѣтъ, для соединенія руской рѣчи съ задунайскою, лучшею и единственно вѣрною служитъ—поставленіе звука *м*, и неупотребленіе звука *п*, въ глаголѣ с м о т р ѣ т ь. Узелъ соединенія конечно слабый; но болѣе крѣпкихъ едва ли и ожидать можно, если уже не нашли ихъ Добровскій и Шафарикъ. Причина та, что антскій или юговосточный разрядъ есть и с к у с т в е н н ы й; слѣдовательно такой, которому свойственны примѣты случайныя, показывающія наружное сходство, и для котораго почти невозможны примѣты существенныя, выраженія внутреннее сродство.

Неудовлетворительность примѣтъ нельзя здѣсь замѣнить ихъ множествомъ: искуственный разрядъ въ немъ ненуждается. Если изъ нѣсколькихъ данныхъ примѣтъ, ни одна взятая отдѣльно не обозначаетъ собою вѣрно всего разряда, то напрасно и слагать ихъ въ одинъ признакъ. Совокупность такихъ примѣтъ надежна развѣ въ смыслѣ старинной басни о связкѣ прутьевъ, т. е. пока не разберутъ ихъ.

Если и дѣйствительное сродство въ разрядѣ естественномъ можетъ быть выражаемо одною существенною примѣтою; то искуственный разрядъ тѣмъ болѣе можетъ удовлетвориться одною примѣтою случайною, лишь бы она обозначала его вѣрно, не допуская исключеній.

Естественный разрядъ зависитъ отъ сродства, наблюдаемаго и изображаемаго наукою; а разрядъ искуственный зависитъ отъ признака, назначаемаго наукою. Потому естественный разрядъ, до открытія въ немъ существеннаго признака, можетъ оставаться въ наукѣ совсѣмъ безъ признака, не теряя отъ того своей значительности. Но разрядъ искуственный безъ признака существовать не можетъ.

Дѣленію славянской рѣчи на два разряда по Добровскому слѣдуютъ теперь, не столько по его истинному и неизмѣнному достоинству, сколько по привычкѣ къ нему, и по именитости незабвеннаго аббата. Оно есть памятникъ, принадлежащій къ исторіи науки, но не согласный съ ея настоящею потребностью и дальнѣйшимъ усовершеніемъ.

СТАТЬЯ XI.

О восьми примѣтахъ Добровскаго, непризнанныхъ Шафарикомъ.

§ 80. Разобравъ двѣ важнѣйшія примѣты Добровскаго, обратимъ вниманіе на остальныя, которыя, хотя уже отвергнуты Шафарикомъ, но въ свое время также способствовали успѣху своей системы. Для нея, и въ значеніи искуственной системы, прилично бы оставаться съ примѣтами собственными; а между ними конечно найдутся такія, что могутъ еще послужить ей. Но еслибъ и всѣ онѣ оказались уже неспособными къ дальнѣйшему служенію; все же должны мы не

забвенію предать ихъ, какъ отверженцовъ, но почтить поминовеніемъ, какъ тружениковъ, которые составляли опору и красоту разрядовъ Добровскаго.—Проведя рускую рѣчь еще разъ [1]) по этимъ знаменательнымъ словамъ и звукамъ, мы отдадимъ имъ послѣдній долгъ, и въ то же время пояснимъ нѣсколько рускую рѣчь въ ея отношеніи къ западнославянской.—

По свойству разрядовъ, для которыхъ пріисканы примѣты Добровскаго, у нихъ нѣтъ общаго основанія и внутренней связи; между ними есть различіе только по ихъ частнымъ основамъ.

Первая половина ихъ состоитъ изъ частицъ и звуковъ, повторяющихся во многихъ словахъ; вторую составляютъ цѣлыя, отдѣльныя слова. Примѣты первой половины, особливо звуковыя, сами по себѣ важнѣе другихъ; но въ приложеніи къ искуственнымъ разрядамъ неудовлетворительнѣе. Примѣты однословныя сами по себѣ менѣе важны; но для обозначенія искуственныхъ разрядовъ онѣ способнѣе первыхъ,

Поэтому напередъ можно сказать, что если между остальными примѣтами Добровскаго есть такія, которыя могутъ еще послужить его системѣ, то онѣ найдутся въ числѣ примѣтъ однословныхъ.

§ 81. Первыя двѣ примѣты, основанныя у Добровскаго на предлогахъ *раз-роз, из-вы,* прежде всѣхъ были признаны недостаточными (§ 71). И въ самомъ дѣлѣ, онѣ не даютъ права причислять рускую рѣчь къ одному разряду съ югозападною; и по нимъ скорѣе можно соединить ее съ сѣверозападною.

Такъ частица *роз*, присвоенная второму разряду, въ южнорускомъ языкѣ постоянно употребляется со звукомъ *о*. Тоже и у Великороссіянъ, говорящихъ на *о*.

У тѣхъ Великороссіянъ, у которыхъ *о* безъ ударенія произносится какъ *а*, и частица *роз* (въ томъ же случаѣ)

---

[1]) Рускія нарѣчія по примѣтамъ Добровскаго были уже разсматриваемы мною, въ «Изслѣдованіи о Рускомъ языкѣ» напечатанномъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1838. Кн. 3. (См. выше, стр. 5 слѣд.)

переходитъ въ *раз*: рóзыскъ и разыскáніе, рóздыхъ и раздóлье, рóзвальни и развáлъ.

По общему правилу удерживать букву *о*, произносимую какъ *а*, и здѣсь слѣдовало бы писать—розысканіе, роздолье, розвалъ; а слогъ *раз* писать-бы только тогда, когда онъ съ удареніемъ; наприм. рáзница и рóзница.

Бѣлорускоe нарѣчіе, замѣняющее звукъ *о* безъ ударенія дебелымъ *а*, по частицѣ *раз* принадлежитъ болѣе къ первому разряду.

Что касается до слова разумъ, которымъ у Добровскаго пояснена сія примѣта, то Бѣлоруссы говорятъ рóзумъ, въ подражаніе Малороссіянамъ и Полякамъ; но въ производныхъ удерживаютъ *а:* разумный, разумѣю, и т. д. У Великороссіянъ, говорящихъ на *о*, примѣчается обратное: въ подражаніе церковному языку, они выговариваютъ разумъ; но въ производныхъ словахъ удерживаютъ *о*: розумный, розумѣю, и т. д.

§ 82. Если принять, что предлогъ *вы*, въ противоположности съ *из*, составляетъ примѣту втораго разряда; то руская рѣчь принадлежитъ болѣе къ нему, нежели къ разряду первому. Въ языкѣ южнорускомъ постоянно употребляется *вы;* а частица *из* или *зъ* (какъ и въ языкахъ сѣверозападныхъ) однозначительна съ предлогомъ *со* или *съ:* знову, изновъ= снова; зъѣвъ, изъѣвъ=съѣлъ. По этой принадлежности южнорускому языку предлога *вы* вмѣсто *из*, и въ Пѣсни Игорю встрѣчаемъ: выторже (исторгъ), высѣде. Тамъ однако встрѣчается и частица *из*, *ис;* напримѣръ: «изрони злато слово»; или «истягну умъ крѣпостію». Но это уже по вліянію церковнаго языка, формы котораго въ Пѣсни Игорю, какъ и во многихъ другихъ древнихъ памятникахъ, перемѣшаны съ народными рускими.

Частица *из* вм. *вы*, посредствомъ языка церковнаго, водворилась особенно въ избранномъ рускомъ языкѣ, и находясь тамъ вмѣстѣ съ частицею *вы*, даетъ разницу словамъ въ значеніи или въ тонѣ; напримѣръ: выбѣжать, избѣжать; выдать, издать; вырѣзать, изрѣзать; выѣденный, изъѣденный. А что въ рускомъ языкѣ слова: выходъ, выборъ, выбрать,

выгнать—природныя; а исходъ, изборъ, избрать, изгнать—пріемыши славянскіе, въ томъ едва ли можно сомнѣваться.

§ 83. Двѣ звуковыя примѣты, основанныя у Добровскаго на присутствіи и отсутствіи *л* послѣ губныхъ и *д* передъ *л*, мы уже разсмотрѣли; и видѣли, что по одной изъ нихъ (по звуку *л*) руская рѣчь подходитъ подъ оба разряда; а по другой (по звуку *д*) хотя и отличается она отъ сѣверозападнаго удѣла, но не можетъ быть сопряжена съ задунайскимъ; ибо ни въ одномъ западномъ удѣлѣ сія примѣта не соблюдается строго.

Пятая примѣта Добровскаго основана на употребленіи звуковъ *щ*, *ч*, *ц*, въ однихъ и тѣхъ же словахъ, такъ что въ первомъ разрядѣ идутъ *щ* и *ч*, а во второмъ *ц*. Но въ рускихъ нарѣчіяхъ *ч* и *ц* такъ часто смѣняютъ другъ друга, что еслибъ этотъ раздѣлъ звуковъ по двумъ разрядамъ былъ вѣренъ, то руская рѣчь подходила бы подъ оба разряда. Впрочемъ, если ограничиться даже только тѣми примѣрными словами, которыя приведены у Добровскаго, то и въ нихъ эта примѣта оказывается недостаточною.

Глаголы пеку, могу, въ неопредѣленномъ наклоненіи, въ языкѣ церковномъ равно сходятъ на *щ*: пещи, мощи; а въ рускомъ языкѣ они сходятъ на *ч*: печь, мочь. Но въ языкѣ южнорускомъ эти глаголы совершенно уклоняются, какъ отъ перваго разряда, такъ и отъ втораго, поставляющаго звукъ *ц*: (пеци и пецтъ, моци и моцтъ—у Словаковъ и Чеховъ; пець—у Поляковъ). По-южноруски говорится—пегти, могти. Бѣлоруссы также говорятъ пякци, магци.

Въ удѣлѣ сѣверозападномъ есть свои уклоненія отъ назначеннаго ему звука *ц*; наприм. по-верхнелужицки говорятъ—пеку, печь, а не пецъ.

Очевидно, что пятая примѣта Добровскаго не обозначаетъ вѣрно своихъ разрядовъ.

Южнорускій языкъ и въ другихъ подобныхъ глаголахъ постоянно удерживаетъ коренные звуки *г* и *к* въ неопредѣ-

ленномъ наклоненіи, прибавляя къ нимъ *ти* [1]): бѣгти, берегти, прягти, стеретти, стригти, волокти, сѣкти, текти, товкти (толочь). Но въ первомъ лицѣ настоящаго времени и въ наклоненіи повелительномъ эти глаголы въ южнорускомъ языкѣ перемѣняютъ *г* на *ж*, *к* на *ч*: бѣжу, бѣжи, бережу, бережи; печу, печи, течу, течу, течи, сѣчу сѣчи, и проч. (а не теку, пеку,—какъ показано въ Корнесловѣ Шимкевича).

Такой особенности причастно, хотя и не вполнѣ, бѣлоруское нарѣчіе: биряжу, биряжи, бирягци; сяку, сячи, сѣчь. Въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, бѣлоруское нарѣчіе колеблется между великорускимъ и малорускимъ.

§ 84. Изъ отдѣльныхъ словъ, служащихъ у Добровскаго филологическими примѣтами, главнѣйшими можно считать тѣ, которыя находятся въ обоихъ изложеніяхъ примѣтъ (см. § 70); таковы: звѣзда-гвѣзда, тъ (тотъ)-тенъ, птица-птакъ.

По слову звѣзда, руская рѣчь можетъ быть относима къ первому разряду; ибо она въ этомъ словѣ постоянно удерживаетъ начальный звукъ *з*, и незамѣняетъ его звукомъ *г*.

Тоже и въ удѣлѣ югозападномъ. Однако тамъ въ языкѣ болгарскомъ говорится звѣзда и гвѣзда (Шаф. Сл. Народ. 43); слѣдственно антскій разрядъ сею примѣтою не обозначается вѣрно.

Сѣверозападный удѣлъ отличается неупотребленіемъ звука *з* въ началѣ этого слова. Оно произносится тамъ обыкновенно съ звукомъ *г* (*h* и *g*): гвѣзда, гвязда, по-кашубски гвёзда. Однако въ верхнелужицкомъ нарѣчіи вовсе опускается *г*: вѣзда, какъ и во многихъ другихъ словахъ, начинающихся съ *г*. Въ языкѣ Полабцовъ звукъ *з* обращенъ въ *д*: дёзда, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ словахъ.

Изъ сказаннаго можно видѣть, что еслибы въ болгарскомъ языкѣ не употреблялось гвѣзда,—то это имя былобы одною изъ лучшихъ примѣтъ для разрядовъ Добровскаго.

---

[1]) Тоже самое въ южнорускомъ языкѣ и послѣ *б*: скребу, скребти, гребу, гребти (а не *гребсти*, какъ показано въ Корнесловѣ: это церковнославянская и сербская форма); по-великоруски грести, грести; по-бѣлоруски гресць, сходно съ польскимъ гржесць.

§ 85. Въ шестой примѣтѣ къ слову звѣзда прибавлено еще цвѣтъ-квѣтъ.

Этимъ словомъ можно различать два западнославянскіе удѣла; но руская рѣчь подходитъ подъ оба. По-южноруски—квѣтъ и квѣтка, а у Червонорусовъ говорятъ еще цвѣтъ и цвѣтка. Бѣлоруссы также говорятъ квѣтка.

Въ великорускихъ нарѣчіяхъ, хотя обыкновенно употребляются цвѣтъ, цвѣтокъ, цвѣтикъ; однако говорится и квѣтъ, и еще твѣтъ (напр. у Новгородцовъ). Эта послѣдняя форма (твѣтъ) есть посредствующая между двумя другими; ибо звукъ *к* переходитъ въ *ц* (=тс) и *ч* (=тш) черезъ *т*.

Соотвѣтствіе между *к* и *т* видно изъ ихъ взаимной смѣны. Слово тѣсто, по-бѣлоруски цѣста, въ разныхъ мѣстахъ Украины и Червоной Руси произносится кисто. Такое употребленіе *к* вм. *т* еще примѣтнѣе въ Покутьи (Буковинѣ), гдѣ и слова тѣло, тѣмя, произносятся кило, киме. У Полабцовъ было наоборотъ, *т* вм. *к:* тиза (кожа), теса (коса), и проч.

§ 86. Съ разсмотрѣннымъ словомъ (цвѣтъ-квѣтъ) можно сблизить девятую примѣту Добровскаго—птица-птакъ,—по звукамъ *ц* и *к*, находящимся здѣсь въ концѣ, а тамъ въ началѣ. Сею примѣтою тоже можно различать два западные удѣла: въ югозападномъ—цвѣтъ, птица; въ сѣверозападномъ—квѣтъ, птакъ. Но въ руской рѣчи совмѣщаются обѣ формы и этого слова: птица и птахъ.

Отъ южноруской формы—птахъ произошла сѣверозападная форма птакъ (по-словацки птакъ и ftакъ), перемѣною *х* на *к* (какъ въ сербскомъ языкѣ женикъ вм. женихъ). Но въ уменьшительныхъ обѣ формы смѣшиваются: въ южнорускомъ—птахъ, пташокъ; въ польскомъ—птакъ, пта́шекъ, въ нижнелужицкомъ — пташкъ, въ чешскомъ птачекъ, въ словацкомъ—птачокъ. Въ кашубскомъ нарѣчіи удерживается *х* и въ положительной формѣ—птохъ и втохъ.

Въ рускихъ нарѣчіяхъ это слово расплодилось во многіе виды, которые, по моему мнѣнію, произошли отъ корен-

наго, уже не существующаго отдѣльнымъ—п о т ь или п о т а. Ихъ можно привесть къ слѣдующимъ породамъ.

1. П т а х ъ и п т а к ъ; въ женс. р. п т а х а. Они выговорены вм. потахъ, пота́ха,—что подтверждается санскритскою формою п а т а г а.

2. П т и ц а, по-южноруски п т и ц я; выговорено вм. по́тица, почему и писано было п ъ т и ц а, напр. въ Евангеліи Остроміровомъ.

3. По́ т к а: эта форма, извѣстная по древнимъ рускимъ писаніямъ, начиная съ устава Владимірова,—употребительна и нынѣ у Великороссіянъ, говорящихъ на *о*. Уменьшительно—по́ т о ч к а. Сюда принадлежитъ форма, употребительная въ нарѣчіяхъ бѣлорускомъ и среднерускомъ—п т у ш к а, вм. по́тушка.

4. Уменьшительная форма средняго рода—по́ т я, по́ т я т к о. Она свойственна южнорускому языку, и остается донынѣ въ живомъ употребленіи въ поднарѣчіи закарпатскомъ. Берында въ своемъ Лексиконѣ поясняетъ этою формою, какъ туземною, церковнославянское слово п т е н е ц ъ.

§ 87. Седмою примѣтою у Добровскаго поставлено мѣстоименье *тъ* (=той), во второмъ разрядѣ—т е н ъ. Руская рѣчь незнаетъ звука *н* въ этомъ словѣ: по-южноруски и верхнеруски говорится—т о й, по-бѣлоруски, иногда и по-южноруски—т е й, а по-московски—т о т ъ (=санскрит. т а т ъ). Въ задунайской Славянщинѣ также говорится т о й, т а й (т о н ъ попадается изрѣдка только въ древнихъ рукописяхъ, напр: во фризинской).

У сѣверозападныхъ Славянъ звукъ *й* въ этомъ мѣстоименьи переведенъ въ *н;* вм. тей, той—т е н ъ, т о н ъ.

Изъ этого видно, что седмая примѣта Добровскаго—вѣрнѣе всѣхъ предыдущихъ обозначаетъ свои разряды.

§ 88. Изъ остальныхъ примѣтъ Добровскаго разсмотримъ только п е п е л ъ. Назначенная второму разряду форма п о п е л ъ есть первообразная, по своему предлогу *по*, указывающему на происхожденіе этого имени отъ глагола п о л а т ь (пылать), по-южноруски п а л а т и; или отъ формы тогоже корня—п а л и т и (жечь).

Имя пополъ или попелъ произошло отсюда, какъ пожаръ (по-южноруски пожежа) отъ своего глагола; потомъ оно измѣнилось въ пепелъ, какъ слова огонь, ноготь, локоть, у нѣкоторыхъ западныхъ Славянъ измѣняются въ огень, ногеть, локеть.

Форма попелъ удержалась не только у сѣверозападныхъ Славянъ, но также у южной и бѣлой Руси; она встрѣчается и въ писаніяхъ св. Кирила Туровскаго (см. Памят. Рос. Слов. XII вѣка, изд. К. Калайдовичемъ, 1821. стр. 63).

У Славянъ задунайскихъ это имя измѣнилось въ пепелъ, пепевъ, пепео; произносится оно съ *пе* и у многихъ Великороссіянъ, напр. у Новгородцовъ.

§ 89. Изъ всего сказаннаго о примѣтахъ Добровскаго видно, что только три изъ нихъ выдержаны въ руской рѣчи такъ, какъ онѣ назначены первому разряду, именно: невставка *д* передъ *л*, звѣзда и той (тотъ). Потому, для соединенія руской рѣчи въ одинъ разрядъ съ югозападною, моглибы послужить только эти три примѣты; а всѣ остальныя не идутъ къ дѣлу, ибо противорѣчатъ такому соединенію. По однѣмъ изъ нихъ, руская рѣчь соотвѣтствуетъ обоимъ западнымъ разрядамъ, а по нѣкоторымъ подходитъ болѣе къ сѣверозападному, нежели къ задунайскому, особливо языкъ южнорускій.

Но изъ сказанныхъ трехъ примѣтъ, невставка звука *д* передъ *л*, и слово звѣзда, недостаточны для того, чтобы обозначить собою весь антскій разрядъ и отдѣлить его отъ разряда сѣверозападнаго. Потому, изъ всѣхъ примѣтъ Добровскаго, удовлетворительною оказывается только одна—седмая. Придавъ къ ней на подмогу Шафарикову примѣту смотрѣть, получимъ слѣдующій отличительный признакъ двухъ разрядовъ Добровскаго.

Въ 1-мъ разрядѣ: а) неупотребленіе звука *н* въ мѣстоименьи той, тей, тотъ; б) употребленіе звука *м* въ глаголѣ мотрѣть, смотрѣть.

Во 2-мъ разрядѣ: а) употребленіе звука *н* вмѣсто *й* въ мѣстоименьи тонъ, тенъ (=той, тей); употребленіе звука *п* вм. *м* въ глаголѣ патрити (=мотрити).

Вотъ тѣ филологическія узы, которыми югозападная рѣчь необманчиво сопрягается съ рускою въ одинъ разрядъ, называемый по Добровскому—антскимъ, по Шафарику—юговосточнымъ. Ему, какъ искуственному разряду, достаточно этого; и нѣтъ никакой надобности украшать его другими примѣтами, сколько нибудь существенными. Ибо чѣмъ важнѣе примѣта сама по себѣ, тѣмъ болѣе оба вопреки этого разряда.

Задунайская или югозападная рѣчь съ Рускою сопряжена не столько своимъ ближайшимъ съ нею сродствомъ, сколько языкомъ церковнославянскимъ. Содѣлавшись молитвеннымъ и письменнымъ языкомъ Руси, онъ проникъ въ ея общежительную рѣчь, а особливо въ избранный рускій языкъ.

На формы и слова́, перешедшія изъ церковнаго языка въ рускій, филологія стала смотрѣть не только на природныя рускія, но и какъ на древнѣйшія рускія. Имѣя ихъ въ виду, и обращая вниманіе болѣе на нашъ письменнный языкъ, чѣмъ на народный, она вывела неправильное заключеніе о ближайшемъ сродствѣ руской рѣчи съ задунайскою, и соединила ихъ въ неправильный антскій разрядъ, разронивъ черезъ то два удѣла западнославянскіе.

Но югозападная рѣчь, по своему внутреннему сродству, ближе къ сѣверозападной, и составляетъ съ нею одну рѣчь западнославянскую.

Наша восточная или руская рѣчь равно близка къ обоимъ западнымъ удѣламъ. Она соотвѣтствуетъ имъ обоимъ, взятымъ вмѣстѣ; но не составляетъ средины между ними,— также точно, какъ наше руское племя составляетъ не средину между сѣверозападными и югозападными Славянами, но соотвѣтствуетъ тѣмъ и другимъ вмѣстѣ.

СТАТЬЯ XII.

О вставномъ звукѣ *л* вообще, и объ отношеніи губныхъ звуковъ къ ерю.

§ 90. Представивъ разборъ двѣнадцати примѣтъ, которыми рускую рѣчь хотѣли связать въ одинъ разрядъ съ югозападною, я разсмотрю еще особо одну изъ этихъ примѣтъ: вставной звукъ *л* послѣ губныхъ. Его достоинство діагностическое показано выше, въ § 72-мъ; здѣсь я имѣю въ виду его происхожденіе и значеніе.—

Нерѣдко встрѣчается косноязычіе, при которомъ звукъ *л* выговаривается какъ *й* или *ь*, или совсѣмъ невыговаривается; напр. земья, воя, чейовѣкъ, юди, вопьй, вой,—вмѣсто земля, воля, человѣкъ, люди, вопль, волъ.

Такое личное произношеніе принимается иногда въ народную рѣчь, и случайныя недомолвки косноязычія обращаются въ постоянныя формы словъ. Такъ нѣкоторые иллирскіе Славяне (Корчуляне) усвоили себѣ опущеніе или обращеніе въ *й* звука *л* послѣ гласныхъ; и вмѣсто постеля, кошуля, говорятъ: постея, кошуя (Сл. Народ. с. 58).

Наклонность къ такому произношенію примѣтна и въ рускомъ языкѣ, въ которомъ по наблюденіямъ Павскаго—слово чешуя выговорено вмѣсто чешуля; а ратай, ушкуй—вмѣсто раталь, ушкуль. Очевидно, что въ приведенныхъ и подобныхъ случаяхъ окончаніе *я* послѣ гласныхъ произошло изъ *ля*.

Тѣже Иллирцы, которые вмѣсто постеля говорятъ постея, и нѣкоторые другіе задунайскіе Славяне, произносятъ земя вмѣсто земля. Сѣверозападные Славяне еще постояннѣе пропускаютъ звукъ *л*, употребительный у насъ послѣ губныхъ

звуковъ. Здѣсь, также какъ и въ вышеприведенныхъ случаяхъ, окончаніе *я* можно считать происшедшимъ изъ *ля*. Но какъ звукъ *л* послѣ губныхъ считается обыкновенно вставнымъ, въ словахъ этого разряда; то и происхожденіе окончаній принимается здѣсь обратное: окончаніе *ля* считается происшедшимъ изъ *я*, черезъ прибавку къ нему *л*. Сперва это *л* считали прямо вставнымъ или прибавочнымъ для благозвучія; слова: земля, корабль и прочая производили изъ земя, корабь. Но теперь, для производства этихъ словъ, предполагается сначала стеченіе двухъ тонкихъ придыханій—*ъь* или *ъй*, и поставляется общимъ правиломъ, что при такомъ стеченіи послѣ губныхъ, во избѣжаніе онаго, первый *ъ* передѣлывается на эвфоническое *л*. Такимъ образомъ слова земля, ловля, капля, принимаются выговоренными вмѣсто земья, ловья, капья (=земьйа, ловьйа, капьаа); вопль—вм. вопьь или вопьй; а люблю, ловлю, вм. любью, ловью (=любьйу, ловьйу).

§ 91. Какъ ни благоустроено такое изъясненіе въ филологической теоріи Павскаго, но я не нахожу его истиннымъ. Несправедливымъ оно кажется мнѣ уже потому, что дѣйствительныя формы словъ выводятся изъ вымышленныхъ, и недомолвки косноязычія поставляются въ основныя формы языка. Такія слова, какъ земья, ловья, капья, очевидно суть искуственныя, нарочныя недомолвки. Въ языкѣ онѣ могутъ явиться только какъ случайныя уклоненія отъ готовыхъ словъ—земля, ловля, капля, гдѣ данное уже *л* обращается въ *ъ*, а не наоборотъ. Станемъ руководствоваться дѣйствительными формами славянской рѣчи, и увидимъ, что стеченіе двухъ ерей послѣ губныхъ звуковъ, будто всегда предшествующее образованію эвфоническаго *л*, есть только воображаемое. Такого предварительнаго образованія двухъ ерей нѣтъ въ языкѣ нашемъ, да и ненадо: ибо вставное *л* можетъ являться послѣ губныхъ звуковъ, не образуясь изъ еря; а то *л* послѣ губныхъ, которое называется эвфоническимъ, происходитъ обыкновенно не изъ еря.—

Правило о переходѣ перваго еря въ *л* основано у Павскаго на нестерпимости двухъ-ерьнаго стеченія для

губныхъ звуковъ. Но эта нестерпимость есть только логическій выводъ, а не дѣйствительная принадлежность языка.

Первымъ началомъ этому правилу полагается нестерпимость одного еря для губныхъ звуковъ; но здѣсь и первая ошибка. Ибо у Великороссіянъ губные звуки, хотя и неимѣютъ особеннаго расположенія ни къ открытому ни къ сокрытому ерю; однако съ тѣмъ и другимъ соединяются часто, иногда по неволѣ, а болѣе того по волѣ.

На этомъ первомъ началѣ основано слѣдующее умствованіе: «если и одинъ ъ нестерпимъ для губныхъ звуковъ, то два тѣмъ болѣе» (Ф. Н. I. 59). Казалось бы такъ; но въ самомъ дѣлѣ это наоборотъ. Для губныхъ звуковъ, въ великорускомъ выговорѣ, весьма терпимъ одинъ ъ, а два еря терпимы еще больше. Въ южнорускомъ выговорѣ,—гдѣ у губныхъ звуковъ столькоже нетерпимости къ одному ерю, сколько въ великорускомъ у звуковъ гортаннонебныхъ,—открывается еще яснѣе несправедливость вышеприведеннаго умозаключенія.

Не будучи вѣрнымъ въ своей теоретической основѣ, правило двухъерьнаго стеченія неудовлетворительно и въ приложеніи практическомъ; ибо искомыя дѣйствительныя формы словъ, изъ предположенныхъ вымышленныхъ формъ—по этому правилу—не выходятъ сами собою, безъ искуства филологическаго. Это искуство заставляетъ губные звуки избѣгать двухъерьнаго стеченія даже и тогда, когда они спокойно при немъ остаются.

Таковъ именно у Павскаго первый способъ избѣгать двухъ ерей—разведеніемъ ихъ по разнымъ слогамъ и полуслогамъ: бь-ю, пь-ю, вь-ю.

Вторымъ способомъ назначена у Павскаго замѣна перваго еря бѣглымъ *е;* наприм. воробей вмѣсто воробьь или воробьй.

Передѣлка перваго еря въ эвфоническое *л* назначена какъ третій и послѣдній способъ избѣгать двухъерьнаго стеченія (Ф. Н. I. 95).

Какую значительность въ руской рѣчи имѣютъ двухъерьное стеченіе и эти три способа избѣгать его,—о

томъ будетъ говорено въ слѣдующихъ статьяхъ; а здѣсь разсмотримъ отношеніе губныхъ звуковъ къ одинокому еру.

§ 92. Въ Филологическихъ Наблюденіяхъ (I. 125) сказано, что рускій выговоръ «ни въ какомъ случаѣ, ни въ срединѣ словъ, ни въ концѣ, не хочетъ терпѣть еря при *б, в, м, п, ф*, и всегда произноситъ его твердо, какъ *ъ*» наприм. вмѣсто голубь, червь, кровь—голупъ, черфъ, крофъ.

Но такой выговоръ этихъ словъ на *ъ* принадлежитъ не всѣмъ Великороссіянамъ. По господствующему московскому, и по среднерускому выговору, въ помянутыхъ именахъ мужескаго рода, и въ подобныхъ имъ именахъ женскихъ, наприм. глубь, рябь, скорбь, топь, бровь, темь,—стоящій при нихъ *ь* произносится обыкновенно также явственно, какъ и въ польскомъ языкѣ, гдѣ говорится: корабь, журавь, щавь, или точнѣе—корапь, журафь, щафь; а не корабъ, журавъ, щавъ.

По слабой привязанности къ еру, губные звуки, въ великорускомъ выговорѣ, легко мѣняютъ его на еръ. Но это не можетъ еще назваться нетерпимостью; ибо это далеко не то, что у гортаннонѐбныхъ звуковъ, которые вовсе несоединяются съ открытымъ *ь-мъ*. Однако въ нарѣчіяхъ великорускихъ и эти звуки соединяются свободно съ *ѣ;* а въ среднерускомъ нарѣчіи звукъ *к*, нетолько принимаетъ къ себѣ *я* вмѣсто *а*, но допускаетъ даже *ю*, безъ всякой необходимости и принужденія; наприм. тройкя, дочкя, миленькая, толькя (только), чайкю. (Впрочемъ на такую особенную расположенность въ звукѣ *к* къ тонкимъ гласнымъ, можно смотрѣть какъ на ту причудливость, которая у физіологовъ называется идіосинкразіей).

§ 93. Что касается до еря сокрытаго въ гласныхъ звукахъ, называемыхъ тонкими; то въ рускомъ языкѣ нестерпимымъ для губныхъ считался одинъ звукъ *ю* (=ьу). Какъ исключеніе изъ этого правила, проводились глаголы каймю, клеймю. Павскій, помѣстивъ звукъ *м* въ двухъ разрядахъ: и между губными, и между полусогласными. (т. е. плавными), говоритъ, что «звукъ *м*, въ случаѣ нужды, пользуется правомъ полусогласныхъ». (Ф. Н. III. 164) Представлялись еще слова̀ голубь, червь, въ дательномъ падежѣ—голубю, червю.

Но объ нихъ сказано, что здѣсь губные звуки терпятъ *ю*— «съ большимъ принужденіемъ» (Ф. Н. I. 126).

Такая же нестерпимость для губныхъ въ Филологическихъ Наблюденіяхъ приписывается и тонкому *я* (=ьа), въ отличіе отъ такъ-называемаго носоваго *я*, которое, по теоріи Павскаго, будучи=*ен*, не содержитъ въ себѣ е р я, и потому вполнѣ терпимо губными. Однако губные звуки и съ обыкновеннымъ тонкимъ *я* (=*ьа*) часто соединяются прямо, не прибѣгая къ вставному *л*.

Положимъ, что въ глаголѣ м я укать (по-польски miaukać) звукъ *м* воспользовался правомъ полусогласныхъ; а въ окончаніяхъ падежей—голу б я, голу б я м ъ, голу б я м и, тонкое *я* терпится съ большимъ принужденіемъ.

Но вотъ окончательный слогъ я н и н ъ, въ нашемъ племенномъ имени С л а в я н и н ъ.... Въ Филологическихъ Наблюденіхъ (II. 149) для этого имени «нѣтъ никакой защиты». Однако защитою ему служатъ полтораста или двѣстѣ лѣтъ [1]) употребленія его у насъ, и та непринужденность, съ какою мы приняли его вмѣсто древняго имени «Словѣнинъ».— Подобно тому и вмѣсто Арменинъ, у насъ говорится Армянинъ, а не Армлянинъ. Съ одинаковымъ удобствомъ произносятся у насъ: Славянка, Варшавянка, и Кіевлянка. Церковнымъ писаніемъ мы пріучились выговаривать по задунайскому произношенію—Р и м л я н е; но также легко моглибы мы усвоить и сѣверозападный выговоръ—Р и м я н е; сами же собою мы, вѣроятно, назвали бы жителей Рима Р и м ц а м и, также какъ жителей Крыма, Мурома, называемъ, Муромцами. Передѣлка губныхъ звуковъ въ *бл*, *пл*, *вл*, *мл*, передъ окончаніемъ я н и н ъ, проистекаетъ не изъ собственной потребности языка нашего; а составляетъ въ немъ только подражательную привычку, по которой у насъ вмѣсто Сербъ или Сербинъ писали Серблянинъ; вмѣсто древняго по-нынѣ употребительнаго въ народѣ имени Кіянинъ, стали говорить Кіевлянинъ (такъ нѣкоторые Червопоруссы, напримѣръ въ Русалкѣ Днѣстровой, вмѣсто Славяне пишутъ—Славляне).

---

[1]) По замѣчанію Калайдовича, имя *Славянинъ* встрѣчается еще въ третьемъ изданіи Граматики Смотрицкаго, напечатанномъ въ Москвѣ 1648 г.

Потому же свойству языка, и окончаніе прилагательныхъ именъ яный свободно допускается къ звукамъ губнымъ: румяный, соломяный, лубяный, черепяный, деревяный. По предположенію Павскаго (Ф. Н. II. 149) здѣсь *я* составилось изъ *ен*, т. е. деревяный выговорено вмѣсто деревенный.

Слова здоровякъ, червякъ, тюфякъ, хомякъ, армякъ, показываютъ, что и окончательный слогъ якъ свободно допускается у насъ губными. Что же здѣсь привести въ оправданіе теоріи? Развѣ предположить, что и здѣсь выговорено здоровякъ вмѣсто здоровенкъ?...

Но зачѣмъ намъ допускать такія предположенія, когда въ приведенныхъ окончаніяхъ янинъ, яный, якъ—звукъ *я* обыкновенный тонкій, сложенный изъ *ь* съ *а*,—почему и у Поляковъ онъ пишется *ia*, а не ę, напр. Słowianin, rumiany, Krakowiak.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, кажется, что тонкое *я* (=ьа) очень часто терпится губными; и если возмемъ во вниманіе, что тонкіе звуки *е*, ё, *и*, вполнѣ терпимы губными; то конечно должны будемъ сказать, что въ рускомъ языкѣ у губныхъ звуковъ нѣтъ нетерпимости къ ерю, ни къ открытому, ни къ сокрытому въ тонкихъ гласныхъ.

§ 94. Въ языкѣ южнорускомъ звукъ *я*, какого бы онъ ни былъ значенія, одинаково нелюбимъ губными, наравнѣ съ *ю* и *е*. Тамъ, изо всѣхъ тонкихъ гласныхъ звуковъ, свободно допускается губными только *ѣ*, и всякое вообще тонкое *и* (=û, î, ô, ê, ŷ). Открытый *ь* въ южнорускомъ языкѣ также нелюбимъ губными, почему, обыкновенно замѣняется *ъ-мъ*. Словомъ сказать, тамъ у губныхъ звуковъ столько нетерпимости къ сочетанію одноерьному, сколько въ великорускомъ выговорѣ у гортаннонебнымъ. Эти послѣдніе звуки, въ южнорускомъ выговорѣ, несоединяются даже и съ *ѣ*, и когда приходитъ оно въ склоненіи именъ, то звуки *г*, *х*, *к*, ставятъ вмѣсто себя *з*, *с*, *ц* (какъ и въ бѣлорускомъ); а передъ *е* въ звательномъ падежѣ смѣняются звуками *ж*, *ш*, *ч*. Они тогда только выдерживаютъ тонкое *и*, когда въ него обращаются гласные *о*, *у*; напримѣръ гôсть, хôть, кôнь, огŷрокъ. Такимъ образомъ оправдывается пословица «охота пуще неволи!»

И такъ одинокій ъ, какъ открытый такъ и сокрытый, оказывается нестерпимымъ для губныхъ звуковъ не въ великорускомъ, а въ южнорускомъ выговорѣ; за то тамъ двухъерьное стеченіе при губнымъ звукахъ терпимо и любимо еще болѣе, чѣмъ въ великорускомъ.—

СТАТЬЯ XIII.

О производствѣ женскихъ именъ съ окончаніемъ *ля* послѣ губныхъ звуковъ.

§ 65. Какая «извѣстная форма словопроизводства непремѣнно требуетъ», (Ф. Н. I. 39) чтобы для образованія именъ земля, капля, и тому подобныхъ, возникли сначала двухъерьныя формы [1]) земьйа, капьйа (=земья, капья)?

Геній нашего языка, говоритъ Павскій: «любитъ отмѣчать имена родовыми знаками. По его требованію, вмѣсто кань, трепь, гребь, ловь, мы, прибавляя членъ женскаго рода *а*, говоримъ капля, трепля, гребля, ловля».

Что въ этихъ именахъ слогъ *ля* замѣняетъ собою родовой членъ *а* и съ нимъ однозначителенъ, это неоспоримая истина. Но дѣло въ томъ, что изъ члена *а*, прибавленнаго, напр., въ коренной формѣ земь, нельзя произойти нетолько предполагаемой двухъерьной формѣ земья (=земьйа), но и дѣйствительно существующей въ разныхъ языкахъ одноерьной формѣ земя (=земьа).

Въ Филологическихъ Наблюденіяхъ справедливо замѣчено, что имена постеля, пѣсня, и имъ подобныя, образовались изъ коренныхъ постель, пѣснь, черезъ прибавку къ нимъ

---

[1]) Замѣтить должно, что въ Филологическихъ Наблюденіяхъ ь и й всегда принимаются за одно и тоже; потому ьй и ъъ всегда идутъ тамъ заодно.

родоваго *а*, который отъ сліянія съ еремъ обратился въ *я*. Отсюда сдѣлано наведеніе и на другія имена; и прибавка родоваго члена *а* принята общею формою словопроизводства. Но это напрасно; ибо отношеніе къ ерю у губныхъ звуковъ иное, чѣмъ у звуковъ *л* и *н*. Слова: постель, яблонь, пѣснь, баснь, потому обращаются въ постеля, яблоня, пѣсня, баспя, что въ славянской рѣчи язычные звуки *л* и *н* болѣе всѣхъ согласныхъ любятъ *ь;* а потому они удерживаютъ при себѣ *ь* и по принятіи члена *а*. Но въ именахъ, кончащихся на губной звукъ съ *ь-мъ*, бываетъ иначе: принимая родовой членъ *а*, они всегда отбрасываютъ *ь*. Потому вмѣсто *ь*, послѣ всѣхъ губныхъ, бываетъ только *а*, а не *я*.

На это можно смотрѣть, какъ на законъ дѣйствующій во всей славянской рѣчи [1]), въ слѣдствіе котораго говорится: темь и тьма, тама, тема, въ бѣлорускомъ и польскомъ цьма, и нигдѣ нѣтъ тьмя. Или: молвь и молва, мова, млува, и нигдѣ нѣтъ молвя. Тоже и въ другихъ словахъ кончащихся на *вь:* бровь, по-южноруски брова́, у другихъ Славянъ обрва, оберва и т. д. Для звуковъ *б* и *п* припомнимъ: кобь и старочешское — коба; цепь и южноруское — цепа́; пере́сыпь и пере́спа; польск. конопь, по-верхнелужицки конопа.

Очевидно, что непосредственно изъ земь, капь, гребь, ловь, черезъ прибавку *а*, произошли бы: зема (=санскритс. сима), капа, греба, лова, а не земя, капя, гребя, ловя. Тѣмъ менѣе этимъ способомъ могли бы возникнуть: земья, капья, гребья, ловья; ибо если отъ прибавки членнаго *а*, неостается и одного еря послѣ губныхъ, то какъ же произойдетъ ихъ два? Нельзя допустить этого, особенно по той теоріи, гдѣ два еря признаются нестерпимыми для губныхъ болѣе чѣмъ одинъ.... Да и начто вводить въ словопроизводство

---

[1]) Не имѣя въ виду этого закона, Дубенскій въ своемъ изданіи Пѣсни о полку Игоревѣ (М. 1844, с. 37), сочинилъ для нея слово *стазбь* или *стазбя*,—вмѣсто *стазба*, какъ принимали всѣ единогласно, и какъ должно принимать. Это все равно, еслибы вмѣсто изба, рѣзьба, сказать *избя, рѣзьбя*. Предложенное тамъ-же производство слова стазба изъ стадьба, черезъ стадзба, также невозможно, какъ невозможно у насъ словамъ свадьба, ходьба, перейти въ *свазбя, хозбя*.

такія формы, которыя нетолько чужды рускоѝ и западнославянскоѝ рѣчи; но еслибы даже и явились у насъ какъ нибудь, то остались бы безполезными: ибо по свойству рускихъ нарѣчій, ни въ одномъ изъ нихъ, слова земья, капья, не обратились бы въ земля, капля.

§ 96. Если бы въ нарѣчіяхъ великорускихъ возникло слово земья, то оно весьма бы осталось безъ передѣлки *ъ* на *л*, на томъ же основаніи, какъ и созвучныя слова семья, скамья, остаются непередѣланными въ семля, скамля. Точно такъ и другія женскія имена существительныя—ятровья, коробья, и прилагательныя—бабья, вдовья, холопья, не передѣлываются въ ятровля, коробля, бабля, вдовля, холопля. Тоже и въ именахъ средняго рода, наприм. раздумье, здоровье, безрыбье, копье.

Въ рускомъ выговорѣ вполнѣ терпимы, даже любимы двухъерныя окончанія послѣ всѣхъ губныхъ звуковъ. Потому, наприм. въ Несторовоѝ лѣтописи по Лаврентьевскому списку, съ первыхъ страницъ его, встрѣчаются: жребьи, Ефивопья, Сируфья, абье, братолюбье, трупье, вопьеть, высокоумье, срамословье. Протяженіе еря въ *и* (копіе, здравіе), и опущеніе еря (ко́пе, здро́ве) принадлежатъ собственно западнославянскому выговору. Для рускаго языка это только двѣ крайности, какъ роскошь и бѣдность, изъ которыхъ онъ при случаѣ выберетъ, разумѣется, первую. Но употребленіе звука *л* вмѣсто *ъ* послѣ губныхъ былобы такая рѣдкость, какоѝ и не слыхано, кажется, въ сѣверноѝ Руси. Еслибы оно принадлежало рускому языку, то помянутыя слова выговаривались бы въ немъ со звукомъ *л:* раздумле, здоровле, безрыбле, копле. Но такоѝ выговоръ составляетъ особенность языка сербскаго, въ которомъ дѣйствительно говорится: копле, здравле, безумле, рыбле, кравля, и т. д. Тамъ и своенародное имя Сербы или Серби передѣлано въ Србли.

Но эта особенность сербскаго языка не имѣетъ мѣста въ языкѣ рускомъ. Она принадлежитъ къ мѣстнымъ, частнымъ явленіямъ въ кругу славянскомъ.

§ 97. Такія двухъерныя формы, какъ земья, капья, гребья, могли бы явиться въ языкѣ южнорускомъ, еслибъ

довелось ему принимать одноерьныя формы — земя, капя, гребя; ибо въ немъ губные звуки не любятъ соединяться ни съ какимъ *я*. Чтобъ избѣжать этого одноерьнаго стеченія, губные звуки, въ южнорускомъ языкѣ, отъ тонкихъ гласныхъ отдѣляются обыкновенно вставнымъ еремъ, отъ чего происходитъ стеченіе двухъерьное. Такъ, вмѣсто имя, вымя, мясо, вяну, пять, Малороссіяне говорятъ обыкновенно: имья, вымья, вьяну, пьять. Изъ этого видно, что въ южнорускомъ языкѣ для губныхъ звуковъ двухъерьное стеченіе терпимѣе и удобнѣе, чѣмъ сочетаніе одноерьное, и служитъ противъ него средствомъ. Тонкому придыханію, вѣющему на нихъ изъ гласнаго звука, они противопоставляютъ такое же тонкое придыханіе.

Однако по свойству южнорускаго выговора, слово земья моглобы перейти только въ земня; а капья, гребья, должныбы остаться безъ перемѣны. Между тѣмъ эти слова и у Южной Руси выговариваются не иначе, какъ земля, капля, гребля, одинаково съ Великороссіянами. Это значитъ, что сказанныя слова въ руской рѣчи образовались не изъ земья, капья, гребья.

§ 98. Свойство южнорускаго выговора, по которому слово земья моглобы перейти только въ земня, а не въ земля, есть слѣдующее.

Звуки *б* и *п*, вполнѣ и постоянно губные, небывающіе никогда плавными, имѣютъ полную терпимость къ двухъерьному стеченію, и свой вспомогательный *ъ* оставляютъ всегда въ полугласномъ видѣ, не замѣняя его никакимъ согласнымъ звукомъ. Выговору позволительно обратить его только въ *ї*; напр. вмѣсто лубье, пьять,—лубъе, пъять. Но звуки *м* и *в*, не будучи постоянными губными, и нерѣдко бывающіе плавными, не всегда оставляютъ при себѣ и двухъерьное стеченіе. Въ такомъ разѣ звуки *м* и *в*, вмѣсто вспомогательнаго еря, ставятъ соотвѣтственный себѣ язычный звукъ.

Звуку *м* между язычными соотвѣтствуетъ *н*. Они близки между собою, и по плавности, и по способности обращаться въ носовой звукъ; и въ славянскихъ языкахъ, нерѣдко *н* перемѣняется на *м*.

Потому звуку *н* всего ближе быть вспомогательнымъ для *м*, при его освобожденіи отъ стеченія двухъерьнаго. И дѣйствительно, вмѣсто имья, вымья, мьясо, памьять, въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи говорятъ: имня, вымня, мнясо, памнять. Тоже и у Галичанъ, которые перемѣняя *я* на *е*, говорятъ: имне, вымне, мнесо, памнеть.

Что касается до звука *в*, то у него много взаимности съ *л*, вмѣсто котораго онъ такъ часто употребляется въ южнорускомъ языкѣ. Потому вспомогательному ерю послѣ *в*, всего ближе замѣняться звукомъ *л*, также какъ послѣ *м* онъ замѣняется звукомъ *н*. Это и дѣйствительно бываетъ въ поднарѣчіи галицкомъ, гдѣ вмѣсто здоровье, говорятъ здоровле. Вотъ зачатокъ того прибавочнаго *л*, которое въ сербскомъ языкѣ является вмѣсто *ъ* и *и*, послѣ всѣхъ губныхъ звуковъ.

Едвали не этимъ ограничивается въ руской рѣчи весь переходъ перваго *ъ* въ *л*, послѣ губныхъ, изъ дѣйствительнаго двухъерьнаго стеченія: послѣ *в*, и то почти какъ исключеніе, а не общее правило!—

§ 99. Вышеприведенное употребленіе звука *н* послѣ *м*, въ языкѣ южнорускомъ, составляетъ какъ бы переходъ къ бѣлорускому выговору, гдѣ звукъ *м*, при двухъерьномъ стеченіи, отказывается вовсе отъ свойства губныхъ, и становится на ряду съ язычными *л* и *н*. Тамъ эти звуки при двухъерномъ стеченіи удвояются: вмѣсто зелье, молонья, свинья, говорится зельле, маланьня, свиньня. Точно такъ и вмѣсто вымя, говорится вымьмя. Потому изъ слóва земья, по бѣлорускому выговору, моглобы выйти не земля или зямля (какъ говорятъ Бѣлоруссы), но земьмя.

Удвоеніе звуковъ *л* и *н* при двухъерномъ стеченіи принадлежитъ и языку южнорускому, въ которомъ слова—ролья [1]), зелье, веселье, коханье, спочиванье, и проч., выговариваются: рôльля, зêльле, весêльле, коханьне, спочиваньне; или-же, перемѣняя *е* на *я*, зêльля, кохáньня и т. д.

---

[1]) *Ролья* (пашня) слово издревле употребительное въ южнорускомъ языкѣ, какъ видно напр. изъ Кіевс. Лѣтописи: «не веремя нынѣ погубити смерды отъ рольи». По-польски и по-чешски *роля*.

Что значитъ такое удвоеніе?—Язычные звуки *л* и *н* болѣе всѣхъ согласныхъ склонны къ соединенію съ *ь*-мъ; потому имъ всего болѣе свойственно расположеніе и къ непосредственному сочетанію съ тонкими гласными. Стеченіе двухъерьное составляетъ тому помѣху; и кажется, по этой причинѣ оно нелюбимо звуками *л* и *н*. Для непосредственнаго сочетанія съ тонкими гласными, они должны или вовсе опустить первый *ь;* или, удержавъ его при себѣ, повторить себя лишній разъ передъ тонкимъ гласнымъ звукомъ. Вмѣсто зѣльле, коханьне, можно бы сказать просто—зѣле, кохане; но такія окончанія южнорускій языкъ предоставилъ западнославянскимъ, и обходится ими только въ Червоной Руси[1]); а въ письменномъ западнорускомъ языкѣ они употреблялись, кажется, изъ подражанія польскому. Но при язычныхъ звукахъ *д* и *т*, допускаются оба способа: и удвоеніе согласныхъ[2]), напр. судьдя, пôдборôдьдя, смѣтьтя (вм. судья, подбородье, сметье); и опущеніе еря, напр, дякъ, попадя, кутя, счастя (вм. дьякъ, попадья, кутья, счастье). Оба способа ведутъ къ одной цѣли; но между словами они раздѣлены силою употребленія.

Въ южнорускомъ языкѣ (за исключеніемъ звука *р*, который выдерживаетъ двухъерьное стеченіе, также какъ и въ великорускомъ) язычные звуки особенно любятъ одноерьное сочетаніе, и потому не любятъ стеченія двухъерьнаго. Губные наоборотъ: не любя одноерьнаго сочетанія, любятъ стеченіе двухъерьное. Здѣсь становится очевиднымъ, какъ невпопадъ то умствованіе, (по-видимому правильное), что «если и одинъ *ь* нестерпимъ для губныхъ, то два тѣмъ болѣе».

---

[1]) Въ малороссійскомъ выговорѣ это бываетъ очень рѣдко, какъ исключеніе; напр. Уляна вм. Ульяна.

[2]) Въ малороссійскомъ нарѣчіи, къ такому удвоенію склонны и такъ-называемые зубные звуки. Слова: збôжье, пôддашье, выговариваются *збижжя, пидташше;* князья, волосья, стручья—*князьзя, волосься, стручьчя.* Это служитъ показателемъ, что такъ-называемымъ зубнымъ звукамъ, въ южнорускомъ языкѣ, свойственно расположеніе и къ ерю, и къ тонкимъ гласнымъ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ это расположеніе уже убавилось; но во всей силѣ оно осталось при окончательномъ звукѣ ц, по которому южнорускій языкъ такъ разошелся съ великорускимъ.

§ 100. Изъ вышесказаннаго видно, что имена земля, капля, и имъ подобныя, ни въ великорускомъ, ни въ южнорускомъ, ни въ бѣлорускомъ выговорѣ, не могли произойти изъ предполагаемыхъ двухъерьныхъ формъ: земья, капья,— и что въ нихъ звукъ *л* не эвфоническій. Потому не удивительно, если даже для Павскаго было трудно отличать производственное *л* отъ эвфоническаго, при губныхъ звукахъ. (Ф. Н. П. 178).

Нельзя также допустить, чтобъ эти имена произошли изъ земя, капя, и т. д., посредствомъ простой вставки *л* послѣ губныхъ. Такія формы, какъ показано выше (§ 95), не могли образоваться непосредственно изъ коренныхъ земь, капь; потому не могли онѣ и предшествовать формамъ, кончающимся на *ля*. И такъ если звукъ *л* въ этихъ именахъ не вставной; то мы представимъ окончательному слогу *ля* (послѣ губныхъ) принадлежащее ему право, и будемъ смотрѣть на него, какъ на особое окончаніе именъ, которому звукъ *л* принадлежитъ собственно и первоначально, какъ звуки *б*, *к*, принадлежатъ своимъ производственнымъ слогамъ—*ба*, *ка*.

§ 101. Въ Филологическихъ Наблюденіяхъ Павскаго, гдѣ такъ подробно разсмотрѣны производственные слоги, сказано, что слогъ *ля* у насъ не составилъ собою особенной породы именъ; производственнымъ этотъ слогъ послѣ губныхъ признанъ только въ словѣ грабли; а въ трехъ словахъ (оглобля, цапля и сопля) оставленъ подъ сомнѣніемъ, впрочемъ съ замѣчаніемъ, что и ихъ можетъ быть должно подвести подъ категорію именъ—земля, трепля, капля, и многихъ имъ подобныхъ. Такимъ образомъ окончанію *ля* послѣ губныхъ, во всѣхъ почти разсматриваемыхъ нами именахъ, дано и значеніе и происхожденіе членное.—

а) Съ этимъ нельзя и не согласиться (исключивъ только образованіе *ля* изъ *а* черезъ *ъа*); ибо слогъ *ля*, наприм. въ именахъ земля, капля, цапля,—дѣйствительно имѣетъ такое же, чисто членное значеніе, какое въ женскихъ именахъ обыкновенно имѣетъ *а*.

б) Но при этомъ нельзя и того не признать, что въ отглагольныхъ именахъ—травля, ловля, торговля, купля,

трепля, гребля, и еще нѣкоторыхъ,—слогъ *ля* такойже производственный, какъ слогъ *ка*—въ именахъ качка, крошка, чистка, возка, носка, скачка, или послѣ губныхъ: зимовка, плавка, ковка, рубка, топка, ломка. Здѣсь слогъ *ля* столько же означаетъ собою «отвлеченность дѣйствія и явленія», какъ и слогъ *ка*. Сюдаже принадлежитъ и церковно-славянское слово кормля (кормъ).

в) Слогъ *ля*, въ именахъ кровля, гребля (въ значеніи плотины), показываетъ уже не отвлеченность, и не дѣйствіе, а производимый предметъ. Тоже и въ именахъ: капля, кропля (въ южнорускомъ), сопля.

г) Наконецъ слогъ *ля*, признанный и у Павскаго производственнымъ, въ значеніи орудія—въ словѣ грабли. Сюда подходятъ и слова оглобля, сабля (въ южнорускомъ и другихъ—шабля), хотя ихъ происхожденіе не совсѣмъ ясно.

Вотъ четыре разности именъ со слогомъ *ля* послѣ губныхъ.—

Что одинъ и тотъже окончательный слогъ бываетъ въ именахъ разнаго значенія, это обыкновенное дѣло: тотъже слогъ *ка*, означаетъ иногда совмѣстно дѣйствіе и орудіе; или дѣйствіе и производимый предметъ (напр. краска, сѣчка, сопка, рѣзка, мочка); иногда даже лицо (торговка, сидѣлка; въ южнорускомъ—свѣтилка, перекупка). Важнѣе то, что слогъ чисто членнаго значенія, образуя имена изъ глаголовъ, пріобрѣтаетъ значеніе производственное.

§ 102. Къ именамъ коренным слогъ *ля* (послѣ губныхъ) прилагается какъ членъ, непридающій собою никакого особеннаго, новаго понятія. Здѣсь онъ вполнѣ однозначителенъ съ членомъ *а*, и его собою замѣняетъ. Потому въ славянскихъ языкахъ тоже слово встрѣчается и съ *а*, и съ *ля*.

Коренное имя женскаго рода земь или земъ, въ этомъ безприбавочномъ видѣ, принадлежитъ языкамъ рускому, словацкому и чешскому, а также языку зендскому. Отсюда въ персидскомъ языкѣ образовалось земинъ, по-санскритски—сима. Въ славянской рѣчи форма зема обойдена, можетъ быть, для различія отъ слова зима; и вмѣсто члена *а* принятъ членъ *ля*. Такимъ образомъ земля принадлежитъ къ

тойже степени образованія, какъ персидское земинъ и санскритское сима: слогъ *ля=инъ=а*.

Точно такъ и слово конопля образовано членомъ *ля*, изъ кореннаго имени конопь (въ польскомъ) или конопъ (въ хорутанскомъ, хорватскомъ). Но въ верхнелужицкомъ нарѣчіи это слово употребительно съ членомъ *а*, т. е. конопа,—также, какъ слово мрова, образовавшееся тамъ изъ кореннаго мровъ или мравъ, вмѣсто муравъ; но у Хорутанъ это послѣднее имя приняло членъ *ля:* мровля, мравля.

Имя цапля выговорено вмѣсто чапля (какъ оно произносится въ южнорускомъ и бѣлорускомъ, въ польскомъ и сербскомъ). Оно образовалось, безъ сомнѣнія, изъ кореннаго имени чапъ, которымъ у Чеховъ зовется близкая къ цаплѣ птица буселъ. Такогоже образованія и Сербское имя дропля (дрохва)—отъ кореннаго славянскаго имени дропъ, по-польски дропь, по-чешски дрофъ (по-шведски trapp).

§ 103. Членъ женскаго рода *а* прилагается къ именамъ въ руской рѣчи также, какъ и въ языкахъ санскритскомъ, латинскомъ. Ему соотвѣтственъ въ мужескомъ родѣ членъ *ъ*, обращаемый иногда въ *ъ*. Такимъ образомъ имя голубъ, у большой части Славянъ употребительное съ *ъ*-мъ, въ среднерускомъ и церковнославянскомъ съ *ъ*-мъ—голубь; въ латинскомъ съ *а*—columba. Латинское имя pavo, у большей части Славянъ произносимое павъ, или по-польски—павь, въ женскомъ родѣ—пава.

Точно такъ и женскому члену *ля* въ мужескомъ родѣ соотвѣтствуетъ членъ *ель*, употребительный иногда послѣ губныхъ, въ нарѣчіяхъ славянскихъ. Слово конопля, вмѣсто женскаго члена, въ великорускомъ нарѣчіи принимаетъ иногда мужескій: конопель. Забытое у насъ коренное имя щавъ (по-польски щавь, по-словацки штавъ и штава), въ рускихъ нарѣчіяхъ произносится съ членомъ *ель*—щавель (по-чешски штавель). Указательные члены *ъ* и *а*, какъ справедливо принимается въ Филологическихъ Наблюденіяхъ (II. 181), означаютъ тоже, что мѣстоименья *онъ, она*. Тоже значеніе имѣютъ члены *il, la*, употребительные въ языкахъ иноплеменныхъ: во всѣхъ видахъ своихъ они составляютъ измѣненіе

латинскаго мѣстоименья *ille, illa.* При сравненіи съ ними нашихъ членныхъ слоговъ *елъ, ля,* самъ собою возникаетъ вопросъ: не составляютъ ли они попытку славянской рѣчи прилагать и къ своимъ именамъ членное мѣстоименье *ille, illa?*.. Рѣшить этотъ вопросъ предоставляю любителямъ сравнительнаго языкознанія.

§ 104. Какъ изъ слога *ля* послѣ гласныхъ опускается иногда звукъ *л* (постеля—постея); такъ иногда бываетъ и послѣ губныхъ, именно послѣ *м.* Слово земля у многихъ Славянъ произносится з е м я; слово кормля измѣняется по-польски въ к о р м я, по-чешски въ к р м я. Такія формы безъ *л* составляютъ собою уклоненія или недомолвки полныхъ формъ, и происходятъ изъ нихъ, а не наоборотъ. Мы видѣли уже (§ 95), что онѣ не могли образоваться непосредственно изъ коренныхъ; потому напрасно и принимать ихъ предшествующими и основными—для вторичныхъ, полныхъ формъ, образовавшихся прямо изъ коренныхъ, принятіемъ члена *ля.* Еслибы эти полныя формы производились изъ з е м я и т. п., черезъ вставку *л,* какъ объяснилъ Добровскій; то откуда же слогъ *ля* послѣ губныхъ въ сѣверозападномъ удѣлѣ (см. § 72), которому по утвержденію Добровскаго-же несвойственно вставное *л* послѣ губныхъ?.—

§ 105. Къ томуже разряду уклоненій принадлежатъ и двухъерьныя недомолвки косноязычія: земья, капья. Ихъ можно разсматривать какъ переходъ отъ полныхъ формъ съ членомъ *ля,* къ недомолвкамъ съ *я.* Въ народномъ употребленіи такихъ словъ почти нѣтъ—развѣ к о р о б ь я, если оно выговорено вмѣсто к о р о б л я (по-чешски корбель, корба).

Что касается до имени я т р о в ь я (отъ ятровь), то оно сюда примыкаетъ болѣе по внѣшнему виду; а по происхожденію оно принадлежитъ къ прилагательнымъ: ятровій, ятровья. Такой переходъ прилагательныхъ въ существительныя виденъ и на другихъ именахъ, означающихъ отношенія родственныя или семейныя: въ южнорускомъ и верхнерускомъ—дя́дина (жена дяди), въ польскомъ—сынóва (сноха).

§ 106. Грамматическою примѣтою разсмотрѣннаго нами слога *ля* можно положить то, что въ родительномъ падежѣ

множественнаго числа онъ измѣняется въ *ель*, а не въ *ей*. Тогда будетъ отличіе и отъ созвучныхъ окончаній (постеля, постелей), и отъ своего творительнаго падежа (землей вм. землею). Впрочемъ народное употребленіе не соблюдаетъ этого строго; и еще Ломоносовъ (въ § 165-мъ своей Грамматики) замѣчалъ, что вмѣсто цапель, капель, говорятъ и цаплей, каплей.

СТАТЬЯ XIV.

О производствѣ мужескихъ именъ съ окончаніями *ель* и *ей* послѣ губныхъ звуковъ.

§ 104. По теоріи Павскаго, имена корабль, журавль и имъ подобныя, производятся изъ корабьь, журавьь, получаемыхъ прибавкою родоваго ь (=ъ) къ производственному ь (=и); а имена воробей, соловей, изъ воробьй, соловьй, въ которыхъ ь полагается также производственнымъ и передѣланнымъ изъ *и*. Въ именахъ перваго ряда этотъ ь передѣлывается на эвфоническій *л;* а въ именахъ втораго ряда онъ обращается въ бѣглый *е*.

Первымъ основаніемъ такого словопроизводства служитъ предположеніе, что е р ь, которымъ кончатся имена мужескія, всегда происходитъ изъ *и*. При такомъ предположеніи, этотъ ь хотя служитъ для именъ не болѣе какъ указательнымъ членомъ, однако считается производственнымъ. Черезъ это теорія получаетъ возможность прибавлять къ одному е р ь еще другой, дабы получить то двухъерьное стеченіе, въ которомъ она полагаетъ рѣшительную мѣру побуждать губные звуки къ передѣлкѣ перваго ь на *л* или на *е*.

Такимъ образомъ, по теоріи Павскаго, для именъ перваго ряда предполагаются сначала—к о р а б ь, ж у р а в ь; изъ нихъ

производятся нестерпимыя корабь, журавь; изъ этихъ получаются еще болѣе нестерпимыя—корабьь, журавьь; и отсюда уже—искомыя корабль, журавль. Однако построеніе это все таки не останется прочнымъ: рускій выговоръ послѣ губныхъ уничтожаетъ и ъ и принятое для него *л;* и замѣняя ихъ однимъ ъ-мъ, произноситъ корапъ, журафъ, вмѣсто корабль, журавль. (Ф. Н. 1. 126).

Очевидно, что такимъ словопроизводствомъ геній рускаго языка ставится въ разладье съ рускимъ выговоромъ, и сложный трудъ генія уничтожается однимъ дебелымъ придыханіемъ—еромъ.

§ 108. Предположеніе, что ъ въ концѣ мужескихъ именъ всегда стоитъ вмѣсто *и,* доказывается (въ Филологическихъ Наблюденіяхъ II. 31) слѣдующимъ объясненіемъ словъ огнь и гость. «Изъ санскр. агни, лат. ignis, образовалось наше слово огнь; изъ лат. hostis, старонѣм. gasti, также образовалось слово гость. Очевидно, что тутъ наша буква ъ стоитъ на мѣстѣ *і.* Тоже должно предполагать и въ словахъ: день, царь, князь, конь, гусь, червь, гвоздь, и проч».

При сравненіи двухъ первыхъ словъ съ латинскими, конечно очевидно, что въ нихъ нашъ ъ стоитъ на мѣстѣ *is.* Но невидно, почемубы наши слова огнь и гость образовались изъ приведенныхъ иноязычныхъ; и изъ которыхъ именно: изъ санскритскаго и старонѣмецкаго, или изъ латинскихъ?...

Съ такимъ же правомъ можно сказать наоборотъ, что родоначальными формами этихъ словъ были рускія, къ которымъ латинскій языкъ прибавилъ *is* вмѣсто ъ. А кто любитъ родоначаліе скандинавское, тотъ можетъ производить ихъ отъ скандинавскихъ словъ ogn, gast.

Для производства еря изъ *и,* можно еще сказать то, что слова: дѣверь, звѣрь, куколь, елень, образовались изъ литовскихъ deweris, zweris, kukalis, elnis; а лось—изъ грузинскаго losi. Тутъ вездѣ ъ стоитъ на мѣстѣ *і!*

Но съ такимъ же правомъ можно произвести и лосось—изъ литовскаго lasassa; день, конь, зять, линь—изъ литовскихъ же diena, kuinas, zentas, lynas. А послѣ этого можно

сказать что нашъ ъ происходитъ изъ *a;* и въ подтвержденіе того можно подвести, даже изъ санскритскаго: dinam, devara, pata—день, дѣверь, путь; изъ старонѣмецкаго ganza (по-санскритски ганша)—гусь; изъ латинскаго columba, ankora—голубь, якорь; наконецъ изъ ирландскаго gasda—гость. Тутъ вездѣ нашъ ъ стоитъ на мѣстѣ *a!*

Что касается до слова царь, то у насъ оно есть прямое сокращеніе слова caesar (§ 51). Въ словѣ князь, и въ созвучныхъ съ нимъ витязь, пѣнязь, окончаніе *зь* есть тоже, что нѣмецкое g. Звукъ г у насъ долженъ былъ, или принять з, и тогда вышлобы княгъ; или же вмѣсто себя поставить *з*,—что онъ и сдѣлалъ, оставшись въ собственномъ видѣ только въ женскомъ имени княгиня. Окончаніе *язь* тожественно съ нѣмецкимъ *ing, ung,* и по теоріи Павскаго (II. 126).

Изъ сказаннаго открывается, что тѣмъ-же путемъ сравненія, изъ тѣхъ же самыхъ иноплеменныхъ языковъ, выходитъ различное соотвѣтствіе мужескаго *еря:* въ однихъ словахъ онъ=*a*, въ другихъ=*i, is*, въ третьихъ=*us* (хмель=humulus); а въ иныхъ совсѣмъ нѣтъ соотвѣтственнаго ему окончанія, ибо нѣтъ сходныхъ съ ними словъ.

И такъ производство мужескаго еря изъ *и* есть филологическая натяжка. Его соотвѣтствіе съ латинскимъ и литовскимъ окончаніемъ *is* не имѣетъ отношенія къ его происхожденію въ рѣчи славянской. Оно не можетъ быть обращено въ общее правило потому также, что представляетъ собою частный случай, не исключающій другихъ.

§ 109. Если ъ именамъ мужескаго рода, по справедливому наблюденію Павскаго, служитъ не болѣе какъ указательнымъ членомъ; то за что же давать ему незаслуженное имъ званіе производственнаго?—Иное дѣло членъ, получившій производственное значеніе: составляя собою окончаніе производственное, онъ продолжаетъ быть и членомъ.

Не будучи производственнымъ, и не имѣя за собою никакого особеннаго иноязычнаго происхожденія, ерь въ концѣ именъ мужескихъ, есть самородный славянскій звукъ, являющійся на мѣсто ера, съ тѣмъ же чисточленнымъ значеніемъ,—точно такъ же, какъ окончательный ъ, отличающій женскія

имена, не рѣдко замѣняется въ нихъ ъ-мъ; какъ и гласные звуки *о, е,* въ концѣ именъ средняго рода и нарѣчій нерѣдко смѣняются другъ другомъ. Можетъ быть въ первоначальной славянской рѣчи и былъ раздѣлъ ера и еря между мужескими и женскими именами; но съ убавленіемъ способности принимать ъ—у разныхъ согласныхъ звуковъ, тотъ первоначальный раздѣлъ рушился, и звукъ ъ, принадлежащій собственно мужескимъ именамъ, замѣнялся въ нихъ ъ-мъ, весьма часто безъ видимаго основанія и достаточной причины.

§ 110. Если въ мужескихъ именахъ ерь однозначителенъ съ ъ-мъ; то рускому языку нѣтъ никакого повода прибавлять къ одному членному еръю еще другой такойже ъ, и вмѣсто одноерьнаго окончанія получать нестерпимое двухъерьное. Еслибы неудобными показались, наприм. корабь, журавь; то рускому языку недлячего измѣнять ихъ сперва въ корабьь, журавьь, и уже потомъ выговаривать корабъ, журавъ, уничтожая цѣлыхъ два построенія. Для чего ему здѣсь къ одному еръю прибавлять еще другой? Развѣ для того только, чтобъ было что передѣлать въ эвфоническое *л,* подлежащее также неизбѣжному уничтоженію отъ дебелаго ера? (см. § 107).

Мнѣ кажется, что окончаніе *ль* и производство изъ него *ль* есть только филологическій призракъ. Если для образованія звука *л* въ словахъ корабль, журавль, и бѣглаго *е* въ словахъ воробей, соловей, предъ-уставлять ъ, придумывая небывалыя въ живомъ языкѣ двухъерьныя формы корабьь, журавьь, тогда для производства тѣхъ-же словъ, существующихъ въ руской рѣчи съ бѣглымъ *е,* т. е. корабель, журавель, пришлось бы предположить трехъерьныя формы: корабььь, журавььь...

§ 111. По моему мнѣнію, въ именахъ корабль, журавль, и имъ подобныхъ, звукъ *л* принадлежитъ особому окончанію мужескаго рода *ель,* которое соотвѣтствуетъ женскому окончанію *ля* (§ 103).

Мужеское окончаніе *ель* большею частью имѣетъ значеніе членное, какъ ъ или ь. Таково оно въ именахъ растеній щавель; конопель, и животныхъ галавель,

(рыба), журавель, которыя образованы этимъ окончаніемъ изъ коренныхъ именъ: щавъ, конопъ, голавъ, журавъ.

Но окончаніе *ель* бываетъ и производственнаго свойства, наприм. въ именахъ оруднаго значенія: рубе́ль, щабе́ль (во множ. ч. щабли).

§ 112. Грамматическая примѣта этого окончанія состоитъ въ томъ, что въ немъ звукъ *е*—бѣглый, опускаемый въ косвенныхъ падежахъ: стебель, стебля, стебли. Этимъ оно отличается отъ другихъ созвучныхъ окончаній,—съ которыми оно смѣшано въ Филологическихъ Наблюденіяхъ (II. 175) въ качествѣ производственнаго.

Бѣглый звукъ *е* изъ окончанія *ель* можетъ быть опускаемъ и въ именительномъ падежѣ. Тогда это окончаніе теряя свой полный видъ, сокращается въ *ль*. Такимъ способомъ изъ стебель произошло стебль, и т. д.

Опущеніе звуковъ *е* и *о* есть обыкновеннѣйшій способъ сокращать полногласныя формы славянскихъ словъ. Этому сокращенію въ рускомъ языкѣ помогъ всего болѣе языкъ церковный; и я думаю, что уже по его вліянію и примѣру, нѣкоторыя изъ помянутыхъ словъ стали у насъ употребляться съ сокращеннымъ *ль*, вмѣсто полнаго: голавль, журавль, корабль, комль, вм. голавель, журавель, корабель, комель. Нѣкоторыя слова и утвердились у насъ съ однимъ сокращеннымъ окончаніемъ, отказавшись отъ полнаго: рубль, вопль, кремль.

§ 113. По вышеупомянутому косноязычному произношенію, по которому вмѣсто земля выговаривается земья, полное окончаніе *ель* обратится въ *ей*, и вмѣсто стебель, щавель, будетъ выговорено—стебей, щавей. Къ числу постоянныхъ недомолвокъ, произведенныхъ такимъ выговоромъ, я отношу имена соловей, воробей, муравей, жеребей, и считаю ихъ выговоренными вмѣсто соловель, муравель, воробель, жеребель.

Слогъ *ей* въ этихъ именахъ имѣетъ членное значеніе, почему онъ и въ Филологическихъ Наблюденіяхъ, хотя разсматривается между слогами производственными и называется производственнымъ, однако не считается въ

числѣ особенныхъ производственныхъ слоговъ, и въ таблицѣ поставленъ между ними съ вопросительнымъ знакомъ (Ф. Н. II. 39).

Изъ приведенныхъ четырехъ словъ, первое и второе понынѣ встрѣчаются со слогомъ *ель*, безъ перемѣны *л* въ *й*. У Червонороссовъ употребляется форма муравель; Поляки говорятъ не вробей, а врóбель или врубель; Краинцы врабель; а Лужичи опуская *в* произносятъ робель и роблъ; извѣстна и полабская форма—ворбликъ. Сѣверозападные Славяне, по свойству рѣчи своей, не обратили бы *ей* въ *ль* и *ель* послѣ губныхъ. Они въ этомъ окончаніи удержали звукъ *л*, какъ собственный и первоначальный этому окончательному слогу.

По тому же косноязычному выговору, сокращенныя формы словъ—вробль, стебль, журавль, были бы произнесены вробьй, стебьй, журавьй. Но такія формы не принимались, кажется, въ народную рѣчь, и составляютъ случайную недомолвку, принадлежащую косноязычію личному. Вводить ихъ въ обыкновенное, естественное словопроизводство — недлячего.

§ 114. Въ языкѣ церковнославянскомъ окончаніе *ей* измѣнено въ *ій*, и слова воробей, соловей, муравей, жеребей передѣлались во врабій, славій, мравій, жребій; а Сербы вмѣсто славій—говорятъ славуй.

Подобное употребленіе *ій* вмѣсто *ей* представляютъ и другія слова; напр. церковнославянское *сій* вмѣсто *сей*, южноруское *чій* вмѣсто *чей*, бѣлоруское иній вмѣсто ипей.

По теоріи Павскаго принимается обратный ходъ: отъ церковнославянскихъ врабій, славій, производятся сначала врабьй, славьй, а отсюда воробей, соловей; ибо полагается общимъ правиломъ, что у насъ слогъ *ей* передѣланъ изъ *ій*,—и что мы, не терпя окончанія *ій*, передѣлываемъ его на удобнѣйшее окончаніе *ей*, переводя *і* въ *е* всегда черезъ *ь* (Ф. Н. II. 42).

По древнимъ памятникамъ новгородской письменности видно, что Новгородцамъ не нравилось окончаніе *ій*, напр. въ личныхъ именахъ. Но они не прибѣгали къ переводу звука

і въ *е* черезъ *ь*: чужое окончаніе *ій* они замѣняли прямо своимъ доморщеннымъ *з*-мъ, и вмѣсто Ѳеодосій, Аркадій, писали нерѣдко Ѳеодосъ, Аркадъ. Такимъ же образомъ и для измѣненія *ій* въ *ей*, которое такъ любимо въ великорускомъ выговорѣ, ненужно предполагать посредничества окончанія *ьй*: вмѣсто соловій могло быть выговорено прямо соловей, безъ перевода черезъ соловьй, также какъ вмѣсто Володиміръ говорили и писали Володимеръ, безъ предварительной переходной формы Володимьръ.

§ 115. Примѣчательно, что имена воробей и другія, принявшія у насъ слогъ *ей* вмѣсто *ель*, по разнымъ славянскимъ нарѣчіямъ утвердились съ различными окончаніями. Такъ первообразное слово воробъ, вмѣсто *ель* и *ей*, во многихъ славянскихъ языкахъ приняло окончаніе *ець*: побѣлоруски варабе́цъ, по-чешски и словацки вра́бецъ, а по-сербски вра́бацъ; илиже, съ перемѣною начальнаго *в* на *г*: по-южноруски горобе́ць, по-хорутански—грабецъ; а Новгородцы вмѣсто воробей говорятъ воро́бышъ. Вмѣсто муравей Словаки говорятъ мравецъ, а Новгородцы мурашъ (см. еще § 102).

Шимкевичь это разнообразіе окончаній объясняетъ любовью славянскихъ ясыковъ къ названіямъ уменьшительнымъ, и слова́ воробей, соловей, щавель, относитъ къ уменьшительнымъ (въ Корнесловѣ, II. 160). Но изъ сказаннаго выше объ окончаніяхъ *ей* и *ель* видно, что они въ этихъ словахъ чистаго членнаго значенія, а не уменьшающаго качества.

Что касается до первообразной формы четырехъ словъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, то воробъ и соловъ кажется уже вышли изъ употребленія; но муравъ существуетъ еще подъ формою мравъ—у Сербовъ, Хорватовъ, и Хорутанъ. Имя жеребъ употребляется у Малороссіянъ и у Новгородцовъ; наконецъ и у Дубровничанъ, но съ измѣненіемъ въ ждрибъ (по § 74).

§ 116. По предложеннымъ замѣчаніямъ о происхожденіи окончанія *ль* послѣ губныхъ, можно заключать, что оно бываетъ собственно въ тѣхъ существительныхъ именахъ, къ

которымъ прилагался уже слогъ *слъ*. Еслибы звукъ *л* былъ здѣсь вставной, для отдѣленія губныхъ отъ еря, какъ полагалъ Добровскій; то имена голубь, червь, конечно не остались бы безъ прибавки *л*—въ языкѣ церковномъ, въ которомъ особенно требуется такая вставка *л* послѣ губныхъ передъ еремъ. Изъ того, что слова голубь, червь, существуютъ въ церковномъ языкѣ не передѣланными въ голубль, червль, можно заключать, что эти слова въ славянской рѣчи не были подъ формою голубель, червель.

Въ очень немногихъ существительныхъ именахъ, окончательный звукъ *л* послѣ губныхъ, можетъ быть признанъ за вставной или вспомогательный. Сюда преимущественно принадлежатъ тѣ имена, которыя перешли въ существительныя изъ прилагательныхъ, или же образовались по ихъ подобію. Таковы напр. у насъ имена городовъ — Ярославль (=Ярославовъ) и проч. Это окончаніе *лъ*, происходящее изъ *ъ*, и соотвѣтствующее нашему *овъ*, составляетъ собственность церковнославянскую: Авраамль (=Авраамовъ) вмѣсто Авраамъ, и т. д.

Къ русскому языку такія окончанія привились отъ языка церковнаго, и въ народномъ выговорѣ они обыкновенно невыговариваются сполна. Вмѣсто Ярославль, охотнѣе говорится Ярославъ. Точно такъ и слово рубль, по-польски рубель, въ народномъ рускомъ выговорѣ обращается въ рубъ. Но въ словахъ голубъ, журавъ, корабъ, рускій народъ произноситъ свои древнія, безприбавочныя формы, которыя господствуютъ во всей славянской рѣчи.

§ 117. Выше замѣчено, что не только у Великороссіянъ, но и у другихъ Славянъ, господствующимъ окончаніемъ мужескихъ именъ служитъ *ъ*, иногда замѣняемый *ъ-мъ*; но съ тѣмъ вмѣстѣ существуетъ иногда и членъ *слъ*, *лъ*: журавъ, журавль,—и журавель, журавль.

Тоже представляется и относительно другаго окончанія—*инъ*, *инь* или *енъ*, *ень*, которое по моему мнѣнію есть членъ, въ словахъ камень, кремень, пламень (=поломень). Эти слова въ нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчіяхъ встрѣчаются и безъ прибавки члена *ень*, съ однимъ *ъ-мъ*: камъ— въ

нарѣчіяхъ кашубскомъ и дубровницкомъ; кршемъ (=кремъ) въ нарѣчіи кашубскомъ; пóломъ (=пламъ) у Новгородцевъ.

Сюда я отношу и слово ячмень, составляющее собственность славянской рѣчи. Корнемъ этого слова Павскій признаетъ *яч* (=ак), а окончаніе мень принимаетъ за производственный слогъ, сравнивая слово ячмень съ латинскимъ слово *acumen*—остріе (Ф. Н. II. 155). Но съ какой стати Славянамъ называть свой хлѣбный злакъ чужимъ для нихъ нарицательнымъ именемъ? Еслибъ они и захотѣли назвать ячмень, по остямъ или усамъ его колоса, то назвалибы остякомъ, усаномъ, или инымъ подобнымъ именемъ, какъ названы шиповникъ, бодякъ. Притомъ же, въ предполагаемомъ корнѣ *яч*, звукъ *я* переходный или такъ-называемый носовой [1]); слѣдственно слогу, *яч* трудно произойти (особенно по теоріи Павскаго) изъ латиногреческаго корня *ак;* ибо тамъ, въ началѣ и срединѣ словъ, нашему переходному *я* соотвѣтствуютъ обыкновенно *ан*, *ен*, *ин*. Корнемъ слова ячмень я признаю особое славянское имя ячéмъ, въ род. пад. ячмá. Это имя безъ слога *ень* или *инь* употребительно въ сербскомъ языкѣ, гдѣ оно выговорено éчамъ, какъ вм. ярéмъ—éрамъ.

Во всѣхъ этихъ словахъ, также и въ имени ремень (по-швед. rem), слогъ *ень*, по-южноруски произносимый *инь*, есть окончаніе не производственное, а членное, тоже что окончательный *ъ*.

Въ церковнославянскихъ формахъ пламы, камы (посербски каменъ и ками), звукъ *ы* выговоренъ вмѣсто *ен*. Въ среднемъ родѣ этому члену соотвѣтствуетъ у насъ *я* переходное,—вмѣсто котораго многіе изъ Рускихъ, но еще постояннѣе югозападные Славяне, ставятъ *е*. Такимъ образомъ имена пламень, стремень, или стременъ, въ среднемъ родѣ—пламя, стремя, или пламе, стреме. Въ

---

[1]) Это очевидно изъ польскаго *енчмень*, и полабскаго *янсмень* (пишутъ jansnung, но вѣроятно по-ошибкѣ вм. jansmeng). Въ Остромировомъ Евангеліи это слово написано съ і-а, а не ѧ; но живой выговоръ здѣсь важнѣе буквы, зависѣвшей отъ руки писца.

такомъ же отношеніи находятся племя и старинное великоруское племенъ (муж. рода).

Употребленіе именъ—съ прибавочными членами *енъ*, *елъ*, и безъ оныхъ, примѣчается и въ языкахъ другихъ рѣчей индоевропейскаго округа, напр. въ языкѣ исландскомъ: jarl, hird, и jarlin, hirdin. Слогъ *in* тамъ прибавляется тоже какъ членъ, и подтверждаетъ собою членное значеніе нашего окончанія. Такимъ образомъ и членное окончаніе *енъ*, *инъ*, надо отличать отъ производственнаго *енъ*, хотя этого и не сдѣлано еще въ Филологическихъ Наблюденіяхъ.

СТАТЬЯ XV.

О вставномъ звукѣ *л* въ глаголахъ.

§ 118. Наравнѣ съ именами, и въ окончаніяхъ глаголовъ—звукъ *л* послѣ губныхъ, по теоріи Павскаго, считается намѣстникомъ еря. Глаголы люблю, сплю, ловлю, шумлю, принимаются выговоренными вмѣсто любью, спью, ловью, шумью, во избѣжаніе двухъ-ерьнаго стеченія. Такому производству противорѣчатъ глаголы *бью*, *пью*, *вью*, съ древнихъ временъ употребительные у насъ вмѣсто *бію*, *пію*, *вію*. Эти примѣры свидѣтельствуютъ, что если въ руской рѣчи дѣйствительно возникаютъ окончанія глаголовъ двухъ-ерьныя, то они и остаются въ этомъ видѣ, безъ перемѣны еря на *л*.

Для такихъ глаголовъ, въ Филологическихъ Наблюденіяхъ Павскаго (I. 99) придуманъ особый способъ избѣгать двухъ ерей—разведеніемъ ихъ по разнымъ слогамъ и полуслогамъ: бь-ю, пь-ю, вь-ю. Но такого разведенія не бываетъ въ живомъ выговорѣ; да оно несогласно и со свойствомъ языка рускаго—«любящаго сокращать *и* на *ъ*.» (Ф. Н. II. 201).

Тогда, какъ большая часть Славянъ, напр. вмѣсто бью, вытягиваютъ бію, біе, біемъ, біёмъ и т. д., рускій

языкъ добровольно обращаетъ издревле окончаніе *ію* въ *ью*. Онъ нарочно два слога сжимаетъ въ одинъ; а ему предлагаютъ разводить на полуслоги...

Притомъ же рускій выговоръ, по теоріи Павскаго—«ни въ какомъ случаѣ, ни въ срединѣ словъ, ни въ концѣ, не хочетъ терпѣть еря при губныхъ, и всегда произноситъ его твердо какъ *ъ: бъю, пъю, въю.*» (Ф. Н. I. 125).

Если такъ, при всегдашнемъ уничтоженіи еря еромъ, никогда не останется двухъ ерей послѣ губныхъ; слѣдственно, никогда не могутъ имѣть мѣста придуманныя Павскимъ раздвоенныя формы *бь-ю, пь-ю, вь-ю*, болѣе трудныя для рускаго выговора, нежели цѣльныя формы *бью, пью, вью.* Зачѣмъ же вводить въ теорію такой способъ, какого не можетъ быть на самомъ дѣлѣ!

§ 119. При разборѣ именъ женскихъ (§ 98) уже показано, что въ языкѣ южнорускомъ звукъ *ь* можетъ переходить въ *л* только послѣ одного губнаго звука *в;* слѣдственно звукъ *л*, употребляемый южнорускимъ языкомъ въ глагольныхъ окончаніяхъ послѣ всѣхъ губныхъ безразлично, свидѣтельствуетъ, что онъ происходитъ тамъ не изъ еря, и что глаголы люблю, сплю, ловлю, шумлю, не могутъ быть производимы изъ любью, спью, ловью, шумью. Эти послѣднія формы въ руской рѣчи могутъ возникать только изъ первыхъ, какъ недомолвки личнаго косноязычія, а не наоборотъ.

Въ глагольныхъ окончаніяхъ звукъ *л* послѣ губныхъ есть просто вставной, а не возникающій изъ еря. Мы не говоримъ любю, спю, ловю, шумю, потому, что губнымъ звукамъ у насъ не привычное соединеніе съ *ю*. Мы говоримъ люблю, сплю, ловлю, шумлю, потому, что въ глаголахъ—вспомогательнымъ звукомъ для губныхъ служитъ *л*, какъ въ другихъ случаяхъ *в, ж, ш*.

Въ языкѣ южнорускомъ губные звуки не любятъ соединяться ни съ *ю*, ни съ *я*. Потому тамъ звукъ *л* употребляется для соединенія губныхъ и съ *ю*, и съ *я*. Малороссіяне говорятъ—не только люблю, сплю, ловлю, шумлю; но и въ третьемъ лицѣ множественнаго числа: любля́ть, спля́ть, ло́вля́ть—шумля́ть.

Нѣкоторые Червоноруссы, по примѣру сѣверозападныхъ Славянъ, основныя формы глаголовъ любю, спю, ловю, шумю, произносятъ безъ вспомогательнаго *л;* т. е. звуки *ю* и *я* тамъ равно терпимы для губныхъ звуковъ въ окончаніяхъ глагольныхъ.—Великорускій выговоръ господствующаго нарѣчія, послѣдовавъ церковнославянскому языку, составилъ средину между этимъ выговоромъ и господствующимъ южнорускимъ. У него вставное *л* требуется губными передъ *ю*—треплю, треплютъ; дремлю, дремлютъ; передъ стойкимъ *я* (і-а)—поставлять, устремлять; передъ *е*—поставленъ, устремленъ. Но передъ звукомъ *я* (ѧ) переходнымъ или носовымъ, губные звуки обходятся безъ вспомогательнаго *л*—любятъ, любя, любящій. Тоже позволяется иногда звуку *м* передъ *ю*, именно въ глаголахъ каймю, клеймю, тмю. Но въ другихъ великорускихъ нарѣчіяхъ, это позволяется и другимъ губнымъ звукамъ; напримѣръ въ нарѣчіи среднерускомъ, гдѣ говорятъ—сыплять и сыплють, ло́вять и ло́вють. Такимъ образомъ и въ великорускомъ выговорѣ оба *я*, въ отношеніи къ губнымъ звукамъ, уравниваются иногда и въ глаголахъ.

§ 120. Итакъ звукъ *л* послѣ губныхъ въ окончаніяхъ глаголовъ, и тотъ же звукъ въ окончаніяхъ именъ существительныхъ, хотя и подобны другъ другу, но различны и по значенію, и по происхожденію. Въ глаголахъ звукъ *л* дѣйствительно есть вспомогательный, для отдѣленія губныхъ отъ тонкихъ гласныхъ,—есть звукъ прибавочный или вставной, въ томъ смыслѣ, какъ принимали его Добровскій, Востоковъ и Копитаръ. Но въ именахъ существительныхъ звукъ *л* послѣ губныхъ, по моему мнѣнію, принадлежитъ особымъ окончательнымъ слогамъ: женскому *ля*, и мужескому *ель*, сокращаемому въ *ль*,—которые обыкновенно прилагаются къ именамъ какъ члены, но бываютъ и производственными.

Сродство, по которому звукъ *л* избирается губными въ окончаніяхъ глагольныхъ, безъ сомнѣнія составляетъ причину и тому, что слоги *ель* и *ля* прильнули къ именамъ, кончающимся на губные звуки.

Замѣченный въ глаголахъ, вставной звукъ *л* былъ распространенъ филологами на всѣ имена—только по подобію этихъ двухъ явленій, которыя были за одно и тоже.

Ученіе Павскаго, что звукъ *л* послѣ губныхъ, и въ глаголахъ, есть эвфоническій, происходящій изъ еря, во избѣжаніе двухъерьнаго стеченія,—я отношу также къ числу филологическихъ неудачъ. Шафариково понятіе, что этотъ звукъ *л* въ именахъ и глаголахъ полагается вмѣсто смягчающаго *й*, совпадаетъ съ ученіемъ Павскаго.

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ и ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

I

ОБЪ ИМЕНИ ЧЕЛОВѢКЪ [1]).

1.—«Что̀ есть человѣкъ, яко помниши его»?..

На этотъ близкій для каждаго вопросъ, человѣкъ давно уже отвѣчалъ себѣ, и собственнымъ самопознаніемъ, и откровеніемъ Высшей Премудрости. Но что̀ значитъ имя Человѣкъ? съ какимъ понятіемъ оно образовалось въ языкѣ нашихъ праотцевъ?.. На это филологія наша не дала еще отвѣта окончательнаго.—

Такъ просто казалось и кажется, что имя человѣкъ сложено изъ двухъ—чело и вѣкъ. Но по какому понятію они сошлись въ одно? Это такъ не ясно, что и самое производство отъ нихъ не принято и даже признано страннымъ. Надъ нимъ взяло верхъ другое: производство отъ имени слово.—

Глаголевъ (въ Основаніяхъ Словесности, 1834 I. 12) говоритъ, что имя «человѣкъ—значитъ какъ бы тоже, что словакъ или словесный». Оно и въ самомъ дѣлѣ какъ-бы тоже, по своему значенію. Но «члово вмѣсто слово не принадлежитъ никакому Славянскому нарѣчію». Это замѣтила Глаголеву Россійская Академія; однако онъ, сославшись на Сравнительный Словарь, гдѣ поставлено «по Вендски Члово вмѣсто слово», и признавъ это не ошибочнымъ, остался при своемъ.—

---

[1]) Напечатано въ «Московскомъ Сборникѣ» М. 1846 стр. 326—337, съ датою написанія: «Михайлова гора надъ Днѣпромъ, Дек. 1845 г.» А. К.

Тоже мнѣніе, и еще остроумнѣе, представлено было Сенковскимъ (въ Библ. для Чт. 1834 т. I.). Онъ говорилъ, что имя человѣкъ въ Восточныхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ слишкомъ отдалилось отъ своей первоначальной формы—Словѣкъ; что оно—«очевидно есть ни что иное, какъ Словакъ или Шловакъ; очевидно происходитъ отъ корня слово, и значитъ лице говорящее словомъ, знающее слово, составляя противоположность съ рѣченіемъ Нѣмецъ, то есть, лицемъ не знающимъ слова, не умѣющимъ объясниться внятно, нѣмымъ». На такомъ основаніи Сенковскій нѣкоторое время, вмѣсто Славяне, писалъ Человѣки.—

Чего бы и лучше для имени человѣкъ, какъ происхожденіе отъ слова! И для имени Славянинъ хорошо бы значить тоже, что человѣкъ. По своему значенію они и дѣйствительно близки другъ къ другу. Но производство имени человѣкъ отъ корня слово выходитъ изъ предѣловъ филологической возможности.—

2.—Не только въ Рускихъ, но и въ Западно-Славянскихъ нарѣчіяхъ, имя человѣкъ господствуетъ издревле съ начальнымъ звукомъ *Ч*. Его удерживаютъ въ этомъ имени нерѣдко и тѣ нарѣчія, которыя въ другихъ словахъ такъ охотно мѣняютъ *ч* на *ц* или *тч*. Потому произношеніе имени Человѣкъ съ начальнымъ звукомъ *ч*, можно считать первообразнымъ въ Славянской рѣчи; или, другими словами, звукъ *ч* въ этомъ имени есть коренной. Наши Рязанцы, болѣе другихъ любящіе перемѣнять *ч* на *ц* (напримѣръ—цего, цудо, сцепка), и вмѣсто человѣкъ говорятъ целавѣкъ. Это есть уже уклоненіе отъ господствующаго Рускаго выговора,—одинаковое съ тѣмъ, какое господствующая Западнославянская форма—чловѣкъ получила въ Полабскомъ выговорѣ—цлавакъ. Отсюда представляется возможность произойти и формѣ словѣкъ или Словакъ, чрезъ отпаденіе *т* отъ *ц* (—тс), какое бываетъ нерѣдко въ Нижнелужицкомъ выговорѣ (напр. пусь вмѣсто пуць, путь). Но формы, происшедшія такимъ путемъ нисхожденія или удаленія отъ кореннаго звука, были бы недомолвки, позднѣйшія и мѣстныя; и мнѣ не извѣстно въ какихъ именно Западнославянскихъ нарѣчіяхъ

господствуютъ эти мнимо-родоначальныя формы—словѣкъ, словикъ или словакъ, вмѣсто Чловѣкъ [1]).—

Но если бы и допустить, что форма Словѣкъ есть первоначальная; тогда формы чловѣкъ и человѣкъ не только не были бы господствующими въ Славянскомъ кругу, но составляли бы еще бо́льшую рѣдкость, чѣмъ теперь словѣкъ. Ибо по законамъ звукоизмѣненія, господствующимъ въ Славянской рѣчи, звукъ *с*, принадлежащій коренымъ Славянорускимъ словамъ, никогда кажется не переводится въ *Ч* (=тш), ни грамматическими, ни діалектическими ихъ перемѣнами. Тѣмъ менѣе звукъ *с* могъ быть отступникомъ отъ этого въ имени слово, составляющемъ его собственное имя въ Славянской азбукѣ.—

Коренной звукъ *с* въ Славянской рѣчи переходитъ въ четыре звука: въ *з*, *ш*, *ж*, *ц* (=тс). Въ діалектическихъ разностяхъ особенно замѣтенъ второй ходъ, т. е. перемѣна *с* на *ш*; на пр. у Черногорцевъ *ш*нѣгъ вмѣсто *с*нѣгъ (какъ въ Нѣмецкой рѣчи schnee вмѣсто snee); у Камчатской Руси ба*ш*ня, у*ш*и, вмѣсто басня, усы. По такому ходу и народное имя Словакъ легко могло обратиться въ Шловакъ, особенно у Нѣмцевъ. Но никогда оно въ Славянскихъ устахъ не могло такъ повсемѣстно передѣлаться въ Чловакъ, Чловѣкъ, Человѣкъ.—

Происхожденіе отъ корня слово принадлежитъ именамъ Словѣнинъ, Славянинъ, Словакъ; а для имени человѣкъ было другое основаніе. Какое-же?—

3.—По двоякому выговору буквы *ъ*, имя человѣкъ у Малороссіянъ и нѣкоторыхъ Новгородцевъ произносится чоловикъ, у многихъ Иллирцевъ—чловикъ, човикъ. Придержавшись этого выговора, Павскій полагаетъ, что окончательная половина въ словѣ человѣкъ составилъ изъ двухъ производственныхъ слоговъ: *овъ*, *икъ*, какъ въ именахъ, полевикъ, боровикъ. Что касается до начальной половины, то, по мнѣнію Павскаго, она есть тоже, что Санскритское слово

---

[1]) Сколько намъ извѣстно этихъ формъ не существуетъ ни въ одномъ изъ Славянскихъ нарѣчій. *Ред. Моск. Сбор.*

кула—родъ, племя, народъ. Слѣдственно—говоритъ онъ—«Человѣкъ значитъ—принадлежащій къ роду, народу, или одинъ изъ народа». (II. 70).

И такъ человѣкъ значитъ—родовикъ.... Но имя съ такимъ значеніемъ не отличаетъ человѣка отъ другихъ земнородныхъ существъ. Столько-же идетъ оно ко всякому звѣрю и гаду, ко всякому злаку и поросту; ибо каждый изъ нихъ—«по роду своему». Притомъ же сомнительно, чтобы Сапскритское слово кула было корнемъ нашего *Чел* въ имени человѣкъ. Если уже надо что нибудь произвести отъ него въ нашемъ языкѣ, то всего скорѣе можно бы поставить ему у насъ въ соотвѣтствіе корень *кол* въ словѣ колѣно, которое прямо значитъ тоже, что́ кула—родъ, племя. Я даю мѣсто этой догадкѣ потому, что производство слово колѣно не рѣшено еще: Павскому всего вѣроятнѣе кажется, что оно однородно съ Нѣмецкимъ Glied; а Шимкевичь производитъ его отъ глагола клонить.—

Еще не вѣроятнѣе, чтобы вторая половина имени человѣкъ значила *ов икъ*. Окончаніе *ькъ*, выговариваемое одними *екъ*, другими *икъ*, никогда не бываетъ производственнымъ; или, другими словами, буква *ѣ* никогда не бываетъ въ производственныхъ слогахъ *икъ*, *екъ*. Въ именахъ съ окончаніями созвучными слову человѣкъ буква *ѣ* бываетъ всегда коренною; на пр.—лѣкъ, калѣка, вѣко, вѣкъ.—

4.—Окончаніе слова человѣкъ Шимкевичь и признаетъ вѣкомъ, т. е. «безконечнымъ продолженіемъ времени»; а начальная половина, по его мнѣнію, есть челъ—прошедшее время глагола чну или чеду, который значитъ здѣсь—дѣлаю. Слѣдовательно—говоритъ онъ—«подъ словомъ человѣкъ можно разумѣть существо, осужденное на вѣчное дѣланіе или безпрерывные труды«. (Корнесл. II. 133).—

Вѣчный дѣлатель . . . это очень можетъ идти къ человѣку, когда и одинъ изъ величайшихъ царей земныхъ по выраженію нашего поэта — «на тронѣ вѣчный былъ работникъ».—

Но въ этомъ слово-производводствѣ есть неудовлетвореніе относительно языка. Если основаніе служитъ здѣсь глаголъ

чну, чать, или выращенный Шимкевичемъ корень его чеду, честь; то онъ, слагаясь съ именемъ вѣкъ, образовалъ бы не человѣкъ, но—или вѣкочелъ, по образцу именъ старожилъ, земледѣлъ; или же чедивѣкъ, по образцу именъ Володиміръ, Станиславъ. Въ такомъ имени какъ человѣкъ, геній Славянской рѣчи не могъ ослабить своего дѣла—отступленіемъ отъ привычныхъ ему способовъ словосоставленія.—

5.—Находя не возможнымъ произвести имя человѣкъ отъ слова, а производство отъ кула и чеду считая сомнительнымъ, взглянемъ еще на отверженное слово чело (по Южнорускому, Верхнерускому и Польскому выговору—чоло). По чему бы оно не могло войти въ составъ имени человѣкъ?... По всѣмъ примѣтамъ геній Славянской рѣчи былъ тонкій наблюдатель видимой природы и великій художникъ въ ея изображеніи. А человѣкъ, какъ извѣстно, отъ всѣхъ животныхъ отличается своимъ возвышеннымъ челомъ, тѣмъ больше выдавшимся впередъ, чѣмъ выше и совершеннѣе порода человѣческая. Какъ много поставляли въ этомъ Греческіе художники, видно изъ того, что они своему Зевесу и другимъ богамъ давали чело, выдавшееся впередъ гораздо больше человѣческаго. Наши праотцы также могли имѣть мысль объ этомъ наружномъ или тѣлесномъ отличіи человѣка, составляющаго собою чело [1]) всего творенія Божія въ земномъ мірѣ. По-тому очень возможно, даже естественно было этому слову войти въ названіе человѣка, для означенія видимой, съ перваго взгляда замѣтной его особенности.—

При томъ же съ именемъ чело соединяется понятіе мысли, счета, познанія и чести; ибо это имя въ славянской рѣчи образовалось—какъ я полагаю—отъ многозначущаго глагола чету (чьту или чту) честь,—подобно тому, какъ имена свѣтило, крыло, било, рало, сѣдло, пекло

---

[1]) Челомъ, какъ извѣстно, называлась издревле передовая часть войска (какъ и у Римлянъ frons). У Русскихъ земледѣльцевъ именемъ чело называется первое, лучшее зерно, отдѣляющееся при вѣяніи какого нибудь хлѣба. У Краинцевъ челомъ называется и лобъ и мозгъ.—

(ад̀ъ), произошли отъ своихъ глаголовъ. По такому образованію отъ глагола чету, честь, который между прочимъ значитъ и думать (какъ видно изъ Рязанскаго рѣченія—мéнь—челъ [1]), тé—челъ, óнъ—челъ), имя чело значитъ орудіе и мѣсто мысли, познанія, почитанія или чести, вообще—разума и мудрости. Этимъ чело существенно рознится въ Славянской рѣчи отъ имени лобъ, которое означало собственно только костяной составъ головы,—головной черепъ (cranium). Такъ было оно сперва въ Руской рѣчи; такъ осталось и во многихъ нарѣчіяхъ Западнославянскихъ. Смѣшеніе этихъ двухъ словъ конечно произошло въ позднѣйшіе вѣка.—

Если же именемъ чело такъ прилично могла быть означена наружная, тѣлесная сторона человѣка; то внутренняя сторона его можетъ быть отличена именемъ вѣкъ, въ значеніи вѣчности,—въ томъ же смыслѣ, какъ и Карамзинъ сказалъ, что «на землѣ нѣтъ ничего безсмертнаго кромѣ души человѣческой». Въ такомъ разѣ составное имя человѣкъ, двумя главными чертами, означало бы двѣ стороны человѣческаго бытія—тѣло и душу. Но составленіе слова человѣкъ съ такимъ раздѣльнымъ, искуственнымъ понятіемъ едва-ли можно приписать нашимъ праотцамъ. При томъ же имя, составленное изъ двухъ существительныхъ безъ взаимной связи, невыразительно и не въ духѣ Славянской рѣчи. Сопоставленіе двухъ именъ въ одно бываетъ тогда, когда одно изъ нихъ, особенно послѣднее, само собою уже именуетъ предметъ; напримѣръ жаръ-птица, пила-рыба, сонъ-трава.—

Обыкновеннѣе всего сложныя имена лицъ составляются изъ имени, мѣстоименія, даже нарѣчія, съ прилагательнымъ, либо отглагольнымъ именемъ усѣченной формы; напримѣръ—Людмила, звѣздочётъ, пчеловодъ, верхоглядъ, доброхотъ, самолётъ, скороходъ. И я думаю, что слово человѣкъ принадлежитъ къ сложнымъ именамъ этого образованія, господствую-

---

[1]) Рѣченіе *мéнь—челъ* примѣчательно тѣмъ, что оно и въ Руской рѣчи представляетъ прямой или основный падежъ мѣстоименія *мень*, употребительнаго у насъ только въ падежахъ косвенныхъ; а въ именительномъ уступившаго свое мѣсто мѣстоименію *язъ*, (въ Церковносл., Болгар., Осетин. *азъ*) укороченному въ *я*.

щаго въ рѣчи Славянской.—Если первая половина его есть существительное имя чело, то вторая половина вѣкъ весьма могла соединиться съ нимъ, какъ отглагольное усѣченное имя, вмѣсто вѣкый, въ значеніи вѣщій или вѣщъ:—какъ рокъ, въ имени пророкъ, значитъ рекый, рекущій; какъ сѣкъ, въ имени дровосѣкъ, значитъ сѣкый, сѣкущій, и пр.

Въ такомъ разѣ человѣкъ значитъ человѣкъ-вѣщій—тотъ, который и вѣщаетъ, и вѣдаетъ отъ чела своего, т. е. отъ разума или мудрости, которыхъ орудіемъ и мѣстомъ почиталось чело. Не этимъ-ли и отличается собственно-человѣческое вѣщаніе и вѣдѣніе отъ голоса и вѣщеванія животныхъ и природы вообще,—хоть и они не чужды человѣку, какъ малому міру, соединяющему въ себѣ всѣ степени бытія и жизни.—Имя вѣщій заключаетъ въ себѣ двоякое понятіе: знанія и рѣчи; вѣдый и вѣтій. Потому-то названіе вѣщаго у нашей древности значило также много, какъ теперь имя великій. Оно давалось не многимъ, отборнѣйшимъ мужамъ: вѣщій Олегъ, вѣщій Боянъ; «аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ», сказано Бояномъ о Всеславѣ Полоцкомъ.

Кто соображалъ многоразличныя формы глаголовъ въ Рускихъ и Западнославянскихъ нарѣчіяхъ, по нынѣшнему и по старинному ихъ употребленію, тотъ конечно не станетъ отрицать приведенной мною формы вѣкый; ибо она могла быть точно также, какъ были искый (отъ глагола искать), рѣкый, и прочая. По чрезвычайной измѣняемости глаголовъ, трудно даже рѣшить, какая была основная форма глагола вѣщать (по Чешски вецети), въ корень которому у насъ Шимкевичь ставитъ—вѣтить, а Рейфъ—вѣтовать. Мнѣ кажется, что онъ принадлежалъ въ одной семьѣ съ глаголами реку, теку, и что его настоящее время было вѣку, а неопредѣленное наклоненіе—вѣчи́ или вѣчь, Санскр. вачь; по Церковнославянски—вѣщи (сходно съ рещи, тещи), по спряженію Южнорускому—вѣчу́, речу́, течу́,—вѣкти́, ректи́, тектѝ; по сербскому—вѣчемъ, ре́чемъ, те́чемъ,—вѣти, рети, тети, и т. д. Съ этимъ предположеніемъ удобно соглашаются всѣ производныя слова этого корня: вѣтъ, вѣтій (витія),

вѣче, вѣщъ или вѣщій, [1]) вѣщунъ, вѣщецъ, и вѣкый, усѣченно—вѣкъ.—

7. Итакъ по всѣмъ соображеніямъ имя человѣкъ, существуетъ у насъ въ своемъ первоначальномъ, полномъ видѣ, въ которомъ уцѣлѣли всѣ звуки, въ которомъ звуки *ч* и *ъ* суть коренные. Оно есть имя составное; и всего вѣроятнѣе, что первая половина его—чело, есть существительное имя, происшедшее отъ глагола чету, честь,—какъ орудіе и мѣсто человѣческаго разума или мудрости; какъ часть головы, образованіемъ которой человѣкъ видимо превосходитъ всѣхъ животныхъ. Вторая половина вѣкъ, по моему мнѣнію, есть отглагольное усѣченное имя, однозначительное съ словомъ вѣщій, т. е. вѣщающій и вмѣстѣ вѣдущій. Сложеніе ихъ въ одно имя произошло по господствующему способу Славянскаго словосоставленія, и выдерживаетъ, кажется, всѣ филологическія условія.

Звуки слова прямые проводники къ смыслу, который ими высказался; и такъ какъ имя человѣкъ составилось въ самой рѣчи Славянской, то въ немъ заключается и собственное Славянское понятіе о человѣкѣ, какъ существѣ разумновѣщемъ.

---

[1]) Шимкевичь справедливо замѣтилъ, что имя вѣщунъ и нѣкоторыя другія столько же относятся къ корню вѣдать, сколько и къ корню вѣтить. Онъ думалъ даже, что для объясненія этого можно или предположить общій корень *вѣтъ*, или допустить перемѣну *д* на *т* въ глаголѣ вѣтить отъ вѣдать (Корнесл. 1. 38). Но предположивъ общимъ корнемъ—вѣть, прійдется допустить обратную перемѣну, т. е. *т* на *д*, что очень возможно, какъ показываютъ слова—сватъ и свадьба (вм. свадьба). Возможнымъ кажется мнѣ и то что корнемъ обоихъ глаголовъ служило имя *вѣкъ:* отъ него и вѣщаю, вѣщать, и вѣдаю, вѣдать (по Церковнославянски вѣмъ или вѣдѣ, вѣдѣти). Какая бы ни была основная форма глагола вѣтить, вѣщать,—во всякомъ случаѣ онъ могъ произойти отъ имени вѣкъ; а отъ него уже глаголъ вѣдати или вѣдѣти (по Санскр. *видъ*). Таже перемѣна *т* на *д* видна на этомъ глаголѣ и въ рѣчи Нѣмецкой: въ Готск. vitan, въ Исл. vita, а въ Швед. veta, а въ Датс. vide. Это производство обоихъ глаголовъ отъ имени *вѣкъ* ведетъ еще къ мысли, что въ первобытной Славянщинѣ, въ одномъ этомъ имени могли соединяться понятія: о вѣчности и ея дѣленіи на разные сроки времени, о вѣщаніи или голосѣ, и о вѣданіи, т. е. знаніи и смотрѣніи. Но все это не болѣе какъ гаданіе, которое можетъ быть и не въ попадъ.

Вѣрно ли мое истолкованіе, рѣшить это уже не мое дѣло. Съ своей стороны я прибавлю еще слѣдующее. Человѣкъ первоначальный и главный (по отношенію къ женѣ) у нашихъ праотцевъ былъ отличенъ именемъ мужъ; да и въ мужескомъ полѣ этимъ именемъ отличали потомъ человѣковъ избраннѣйшихъ по своему дарованію, званію, возрасту. Это конечно потому, что именемъ мужъ выражено высокое понятіе, или лучше сказать общечел вѣческое преданіе о сотвореніи перваго человѣка самимъ Богомъ. Ибо мужъ (по Польски манжъ и монжъ) есть сокращеніе полнаго имени мануджа, которое въ языкѣ Индовъ составлено изъ ману—творецъ міра, и джа—рожденный (Корнесл. 1. 50). Имя жона или жена, по Санскритски джани, значитъ рождающая, отъ джанъ—рождать. Такъ различены въ Индской рѣчи, а отъ нея и въ Славянской, два человѣческіе пола. Но у Славянъ они подведены еще подъ общее, родовое имя—человѣкъ, равно идущее обоимъ поламъ; имя, которымъ обозначаются Славяне и Нѣмцы и Чудь, и всѣ люди. Въ Нѣмецкой рѣчи такое родовое значеніе дано слову мужъ (mensch). Впрочемъ у Южно-Русскаго народа имя человѣкъ, присвояется преимущественно супругу и вообще взрослому мущинѣ, въ отличіе отъ жо̂нки. Тоже у Чеховъ и Сербовъ: имя чловѣкъ, човѣкъ, употребляется вмѣсто мужъ, въ значеніи супруга. Такимъ усвоеніемъ его преимущественно мужу и мущинѣ конечно выражается предпочтеніе ихъ передъ женою и женщиною, которое было искони, да и теперь еще ведется, особенно у Славянъ Черногорскихъ.

II.

ЗАМѢЧАНІЯ О СИСТЕМѢ СЛАВЯНСКИХЪ НАРѢЧІЙ.

О важнѣйшихъ особенностяхъ Лужицкихъ нарѣчій. Разсужденіе Ев. Новикова М. 1849 г. Въ 8-ку стр. 136 [1]).

Г. Новиковъ является авторомъ на поприщѣ такой науки, которая у насъ вообще находитъ себѣ мало сочувствія, а у нѣкоторыхъ считается даже наукою, нестоющею воздѣлки, какъ песчаная и безплодная нива. Въ такой репутаціи виновата отчасти сама филологія наша, которая не много еще выработала живой, плодоносной истины; а между тѣмъ накопила уже множество сомнѣній и противорѣчій, нагромоздила множество всякаго хламу, не зная и сама, что и когда выйдетъ изъ этого запаса? Посмотрите, напримѣръ, на Пѣснь о Полку Игоревѣ, въ изданіи Дубенскаго: она по горло въ примѣчаніяхъ; на двѣ строки текста иногда приходится по двѣ страницы примѣчаній. Но изъ нихъ и пятой доли не наберется такихъ, чтобы шли прямо къ дѣлу, къ объясненію древне-Русской Пѣсни; а всѣ прочія явились такъ, можно сказать, по пословицѣ: «что есть въ печи, на столъ мечи»!

Но, съ другой стороны: нельзя же построить зданія, не собравъ и не выготовивъ матеріаловъ. Руская рѣчь широка какъ море, и наука объ ней не малая. Для обработки ея надобно не только подробное изслѣдованіе всѣхъ Русскихъ

[1]) Напечатано въ «Москвитянинѣ» 1850, № 1, от. IV, с. 19—28.

нарѣчій, но и подробное ихъ сравненіе съ нарѣчіями Западно-Славянскими; слѣдственно необходима для того и филологія Славянская.

Г. Новиковъ избралъ предметомъ своего Разсужденія—языкъ самаго малочисленнаго народа въ Сѣверозападномъ отдѣлѣ великаго Славянскаго племени, языкъ Лужичей. Этотъ языкъ онъ изслѣдовалъ весьма подробно и полно, сперва въ составныхъ звукахъ, потомъ въ грамматическихъ формахъ, потомъ въ корняхъ словъ. Нѣкоторыя части его изслѣдованія отличаются особенною полнотою и тщательностью обработки: такова, напримѣръ, статья о двойственномъ числѣ, въ которой авторъ показываетъ ясно, что это число въ Нижнелужицкомъ нарѣчіи «сохранилось въ такой самостоятельности и первобытности состава, которыя указываютъ на происхожденіе гораздо древнѣйшее начала Церковно-Славянской письменности». Изъ выводовъ его по другимъ частямъ изслѣдованія, особенно любопытенъ для нашей филологіи тотъ, что оба Лужицкія нарѣчія, принадлежа къ Сѣверозападному отдѣлу Славянской рѣчи, и будучи близки тамъ особенно съ языками Польскимъ и Чешскимъ, представляютъ переходъ отъ нихъ къ нарѣчіямъ Русскимъ именно: Верхнелужицкое нарѣчіе приближается къ Великорусскому, а Нижнелужицкое къ Бѣлорусскому.

Но отдавая справедливость полнотѣ и подробности изслѣдованія и неутомимости автора, не могу не упомянуть объ одномъ ощутительномъ для насъ пропускѣ. Представляя исторически разныя Западно-Славянскія мнѣнія о Лужицкихъ нарѣчіяхъ, г. Новиковъ упоминаетъ даже о такомъ мнѣніи какого-то западнаго ученаго, которое «письменно нигдѣ не высказано». (с. 13) А между тѣмъ, ничего не говоритъ онъ о давно обнародованномъ мнѣніи нашего Славяновѣдца Срезневскаго, который въ своемъ прекрасномъ разборѣ Шафариковой Народописи, кромѣ двухъ общепринятыхъ нарѣчій Лужицкихъ, отличилъ еще третье Средне-Лужицкое, представивъ тамъ и признаки, которыми это нарѣчіе рознится отъ Верхняго и Нижняго. Положимъ, что это Среднелужицкое нарѣчіе удобно размѣщается въ двухъ пре-

жнихъ, что г. Новиковъ не признаетъ его особенности; но, писавши отдѣльное изслѣдованіе о Лужицкихъ нарѣчіяхъ, онъ долженъ былъ не только упомянуть, но и разобрать это мнѣніе Русскаго филолога.

Что касается до теоретическихъ понятій г. Новикова, то въ этомъ отношеніи замѣтна еще сбивчивость и колеблемость; нѣтъ еще единства и опредѣленности взгляда.

Авторъ объявляетъ себя защитникомъ устарѣвшей системы Добровскаго; возстаетъ вообще на ея противниковъ, пытавшихся построить новую систему Славянскихъ нарѣчій; особенно же онъ возстаетъ на меня, который (по его словамъ) «положилъ довершеніе прежнимъ попыткамъ». (стр. 12).

Благодарю за такое вниманіе, и въ отвѣтъ на него предложу нѣсколько пояснительныхъ замѣчаній.

Авторъ Разсужденія говоритъ: «въ теперешнемъ состояніи Славянскаго языковѣдѣнія наука дошла до совершеннаго отрицанія системы Добровскаго, какъ системы искусственной.... Но это голословное признаніе мало принесло пользы.... Наука по неволѣ должна руководствоваться прежнимъ, хотя и устарѣлымъ дѣленіемъ». (стр. 11 и 12).

Тотъ или другой филологъ, ученики его, могутъ руководствоваться себѣ какою имъ угодно системою. Но какъ можетъ наука руководствоваться системою Добровскаго, въ то время, когда она дошла уже до совершеннаго отрицанія этой устарѣлой системы! Науку, идущую впередъ, нельзя ни какъ поставить въ такую нелогическую неволю. Называть голословнымъ то отрицаніе системы Добровскаго, какое состоялось уже въ нашей наукѣ, и несправедливо, и даже неблагодарно. Нѣтъ, не голословны были и тѣ первыя возраженія, какія предложилъ Востоковъ еще въ 1820 году. А въ моихъ «Начаткахъ Руской Филологіи» изданныхъ 1848 года, посвященъ цѣлый (второй) отдѣлъ подробному разбору тѣхъ примѣтъ, которыми Добровскій и Шафарикъ соединяютъ Русскую рѣчь въ одинъ разрядъ съ языками Славянъ Задунайскихъ. Подобнымъ разсмотрѣніемъ Русскаго языка по примѣтамъ Добровскаго, еще въ 1837 году я показалъ, что

Русская рѣчь не можетъ быть соединяема въ одинъ рязрядъ ни съ Югозападною или Задунайскою рѣчью, ни съ Сѣверозападною (какъ соединялъ ее Копитаръ). Это повторяетъ теперь и г. Новиковъ (с. 13). Онъ говоритъ, что «изъ всѣхъ попытокъ противниковъ системы Добровскаго, для науки выработалось весьма важное пріобрѣтеніе, состоящее въ томъ, что Русскій языкъ не можетъ быть отнесенъ безусловно ни къ тому, ни къ другому отдѣлу». Выработалось для науки «весьма важное пріобрѣтеніе»: зачѣмъ же г. Новиковъ говоритъ, что отрицаніе системы Добровскаго «мало принесло пользы» наукѣ? Зачѣмъ же онъ держится системы Добровскаго, признавая, что Русскій языкъ не подходитъ ни подъ одинъ разрядъ этой системы? Вѣдь съ отдѣленіемъ Русской рѣчи въ особый отдѣлъ, рушится система Добровскаго, такъ же, какъ и система Копитарова. Это необходимое отдѣленіе Русской рѣчи отъ двухъ Западныхъ въ особый отдѣлъ, сдѣлано мною въ 1836 году, и признано не мною однимъ. То же признано и другими Русскими учеными: Надеждинымъ, Срезневскимъ, Шевыревымъ, Буслаевымъ, Григоровичемъ.

Но г. Новиковъ, желая сказать что-нибудь въ пользу защищаемой имъ системы, говоритъ (с. 12): «примѣты Добровскаго выдерживаютъ строгую критику». Напрасныя слова. Самъ авторъ, избравъ изъ тѣхъ 10-ти примѣтъ двѣ главныя, и разсмотрѣвъ по нимъ Лужицкія нарѣчія, сдѣлалъ такое положеніе: «два признака системы Добровскаго, принятые Шафарикомъ въ Народопись, какъ отличительные признаки Западной вѣтви, не выдерживаются строго въ Лужицкихъ нарѣчіяхъ». Этимъ положеніемъ г. Новиковъ подкрѣпляетъ въ частности то, что у меня показано относительно всѣхъ вообще Славянскихъ нарѣчій, о признакахъ системы Добровскаго, т. е. что они не выдерживаютъ строгой критики.

Разбирая подробно одну изъ двухъ главныхъ примѣтъ Добровскаго: звукъ *л* послѣ губныхъ звуковъ, я опровергаю господствующее въ нашей наукѣ мнѣніе, будто этотъ звукъ *л* и въ окончаніи именъ есть такой же вставной или

эвфоническій, какъ въ глаголахъ. Я предлагаю свое мнѣніе, что въ окончаніи именъ этотъ звукъ есть не вставной, а коренной, принадлежащій окончательнымъ слогамъ *ель* и *ля*, которые прилагаются въ Славянской рѣчи, въ значеніи членовъ, напримѣръ: щав-ель, конопл-я. Разумѣется, г. Новиковъ не согласенъ признать этого. Однако и у него принято такое же изъясненіе Лужицкаго слова робель и робль, по-Польски врубель (воробей), какое предложено у меня (въ § 113-мъ), т. е. что звукъ *л* здѣсь не вставной, а коренной (см. стр. 15). Но допустивъ это въ словѣ робель, сокращено робль, г. Новиковъ долженъ допустить тоже и въ словахъ щавель, корабель, журавель, голавель, сокращаемыхъ въ щавль, корабль, журавль, голавль; ибо эти слова одного и того же образованія, и всѣ они на одинаковомъ условіи подойдутъ подъ 3-ю примѣту Добровскаго.

При разборѣ женскихъ именъ съ окончаніемъ *ля*, я указалъ не замѣченный донынѣ законъ въ Славянскомъ словообразованіи, что имена, кончащіяся на губной звукъ съ еремъ, принимая членъ *а*, отбрасываютъ *ъ*, и такимъ образомъ кончатся не на *я*, но на *а;* напримѣръ: темь тьма; молвь, молва; кобь, коба (старо-Чешское слово); цепь, цепа (по-Малорос.). Что же касается до тѣхъ именъ, которыя изрѣдка встрѣчаются съ окончаніемъ *я* послѣ губныхъ звуковъ, то они (по моему наблюденію) произошли изъ именъ, кончавшихся на *ля*, утратою звука *л*; напримѣръ, земя вм. земля.

Разумѣется, что г. Новиковъ не признаетъ ни того, ни другаго; и оба мои мнѣнія думаетъ онъ опровергнуть однимъ примѣромъ (стр. 13): «Лужицкія пѣсни, говоритъ онъ, показываютъ, что изъ конопь въ самомъ дѣлѣ образуется первоначальная, правильная форма конопя (а не конопа), которую стало быть вовсе не нужно считать за производную изъ нашей формы конопля».

Нѣтъ, это филологическій призракъ. Лужицкія пѣсни совсѣмъ не показываютъ того, что видитъ г. Новиковъ. Онъ приводитъ изъ пѣсенъ косвенные падежи: въ коно-

пяхъ, конопи; но эти падежи могли произойти прямо отъ Лужицкой формы конопь или конопъ. Что же касается до формы конопя, то, признаюсь, что она до сихъ поръ мнѣ не встрѣчалась и не была извѣстна. Но еслибъ и дѣйствительно нашлась она въ какомъ-либо поднарѣчіи Лужицкомъ, или въ Лужицкихъ народныхъ пѣсняхъ, то она и тамъ не иначе могла произойти, какъ изъ формы конопл-я, утратою звука *л*. Для г. Новикова не должно казаться несбыточнымъ такое производство; ибо самъ онъ говоритъ, что «въ Лужицкомъ нарѣчіи благозвучная *л* мало по малу изгладилась;» самъ онъ указываетъ въ Нижнелужицкомъ нарѣчіи на слово гробля и на другія, какъ на «остатки стариннаго, можетъ быть, общаго употребленія вставочной *л* въ Нижнелужицкомъ нарѣчіи». (с. 15) И такъ самъ авторъ говоритъ, что тамъ были и еще есть имена кончащіяся на *ля*, и признаетъ ихъ первообразными, старшими; а когда въ такихъ именахъ изгладится *л*, такъ и останется въ нихъ окончаніе *я*. Для соображенія г. Новикову упомяну, что по-Великорусски говорится обыкновенно конопли, въ конопяхъ; но Орловцы и Рязанцы говорятъ обыкновенно конопи́, въ конопяхъ; а между тѣмъ слово конопляникъ они произносятъ всегда съ звукомъ *л*.

Г. Новиковъ недоволенъ и моимъ ученіемъ о полногласіи, которымъ я старался опровергнуть господствующее у насъ мнѣніе Добровскаго, будто Русскія полногласныя формы словъ произошли изъ сокращенныхъ формъ Западнославянскихъ, и будто эта разбавка словъ гласными звуками произошла въ Русской рѣчи отъ вліянія Финскаго (а по другимъ отъ сѣвернаго климата). Я предложилъ другое мнѣніе о полногласіи: на него должно смотрѣть какъ на древнѣйшее, первобытное свойство Русской рѣчи, утраченное во многомъ Западнославянскими языками. Это ученіе о полногласіи я положилъ въ основу моей филологической системы, какъ потому, что полногласіе есть общее свойство всей Русской рѣчи, такъ и потому, что на одномъ изъ видовъ его, именно на обстановкѣ звуковъ *р* и *л*, двумя гласными *о* или *е*, основывается существенное отличіе Русской рѣчи отъ всей

Западнославянской. На полногласіи преимущественно (но не исключительно) основано и мое мнѣніе о старѣйшинствѣ Русской рѣчи въ кругу Славянскомъ. Посвятивъ этому предмету цѣлый (первый) отдѣлъ моей книги, я изслѣдовалъ его, казалось мнѣ, съ достаточною подробностью и опредѣлительностью.

Но г. Новикову показалось, что настоящее значеніе полногласія все еще не установилось, и что я слишкомъ распространилъ смыслъ полногласія. Онъ попытался сократить этотъ смыслъ, ограничить значеніе.

Свое ограниченіе началъ онъ съ того, что представилъ мое мнѣніе о древности полногласія не въ подлинномъ, а въ измѣненномъ видѣ. Онъ говоритъ (стр. 41), будто мое мнѣніе состоитъ въ томъ, что «полногласіе составляло существенный признакъ древней Славянщины, утраченный въ Церковно-Славянскомъ, и сохранившійся въ одномъ только Русскомъ».

Это не мое мнѣніе! Я смотрю на полногласіе вообще «какъ на остатокъ первобытной Славянщины, сбереженный на нашемъ Русскомъ востокѣ болѣе, чѣмъ сохранился онъ у нашей западной братіи» (§ 59).

«Слѣдуя общей наклонности къ сокращенію древнихъ формъ, Славянская рѣчь утратила свое полногласіе наиболѣе въ западной половинѣ, особенно въ удѣлѣ юго-западномъ». (§ 52). «Древнее Славянское полногласіе въ сѣверо-западномъ удѣлѣ сохранилось болѣе, нежели въ юго-западномъ» (§ 54). «Полногласіе, сохраненное Русскою рѣчью болѣе, чѣмъ Западнославянскою» (§ 55) и т. д. Вотъ подлинныя выраженія моего ученія о древности полногласія вообще.

Г. Новиковъ, ограничивая значеніе полногласія, называетъ его «благозвучнымъ равновѣсіемъ согласныхъ и гласныхъ» (с. 25, 41). Тутъ, кажется, есть очевидное сходство съ тѣмъ понятіемъ, какое дано отъ меня въ началѣ изслѣдованія моего. Тамъ сказано: «полногласіе составляетъ собою не господство гласныхъ надъ согласными, но ихъ

равновѣсіе, которое поддерживается звуками полугласными» (Начатки Р. Ф. § 34).

Г. Новиковъ, и въ частномъ изъясненіи словъ, говоритъ иногда согласно съ моимъ взглядомъ на полногласныя формы, какъ на древнѣйшія и первобытныя. Такъ напримѣръ у меня показано, что Западнославянскія формы który, ktery, суть сокращенія Русской формы который (Нач. Р. Ф. § 36, 41). Г. Новиковъ тоже говоритъ, что Лужицкая форма котры (сходная съ Малоросс. котрый) есть «прямое сокращеніе» Велико-Русской первобытной формы который (с. 25). Такимъ же образомъ полную форму великій при сравненіи съ западными *wielki*, *wulki*, онъ принимаетъ за первобытную. Подобно тому и въ предлогѣ *воз*, звукъ *о* называетъ онъ кореннымъ, а не вставнымъ и не прибавочнымъ: это понятіе изъ моего ученія. Но когда онъ говоритъ, что полугласные звуки ъ и ь Церковно-Славянскаго языка первообразнѣе полныхъ гласныхъ звуковъ Русской рѣчи, въ соотвѣтственныхъ словахъ (с. 42), то здѣсь видно старое понятіе, противоположное моему. Такимъ образомъ, и въ ограниченномъ смыслѣ о полногласіи, у Г. Новикова смѣшались два противоположные взгляда; оттого онъ то называетъ полногласіе «главнымъ свойствомъ Русскаго языка» (стр. 24), то говоритъ, что «полногласіемъ обладаетъ по преимуществу Церковно-Славянскій языкъ». (с. 41) Послѣднее невозможно: ибо нельзя полугласнымъ звукамъ (которыми такъ преизобилуетъ Церковно-Славянскій языкъ) стать гласнѣе полныхъ гласныхъ!

Подобно тому г. Новиковъ (на стр. 24), Русскую обстановку звуковъ *р* и *л* двумя гласными называетъ «особымъ родомъ полногласія» (что и справедливо); но потомъ онъ отдѣляетъ ее отъ полногласія, и увѣряетъ, что эти удвоенные гласные звуки *о-о*, *е-е*, въ Русскихъ формахъ словъ «отнюдь не коренныя, а вставочныя, подобно тѣмъ, какія замѣняютъ полугласныя Церковно-Славянскія«; что «Русскій языкъ свои повторенныя *о*, *е*, произноситъ коротко и бѣгло», и т. д.

Такое различеніе произвольно: въ обоихъ случаяхъ гласные звуки Русскаго языка надо признавать одинаково: или коренными, или, при другомъ взглядѣ, вставными.

Русская обстановка звуковъ *р* и *л*, въ срединѣ словъ, двумя гласными безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ полногласію: для убѣжденія въ этомъ достаточно сравнить Русскія формы дерево, ворохъ, и Западнославянскія древо и дрво, брогъ, и бргъ. Что Русскій языкъ не торопится выговаривать свои повторенныя *о* и *е* коротко и бѣгло, для убѣжденія въ томъ, достаточно вслушаться въ произношеніе нашимъ простолюдьемъ, напримѣръ, слѣдующихъ словъ: бе́регъ, берёза; боло́то, бо́лого, горо́хъ, го́родъ. А что гласные звуки здѣсь не бѣглые, не вставные, видно уже изъ того, что Русскій языкъ удерживаетъ ихъ постоянно и въ косвенныхъ падежахъ. А первобытность этихъ звуковъ въ корняхъ словъ доказывается уже и тѣмъ, что Санскритскій языкъ, въ соотвѣтственныхъ словахъ этого разряда, представляетъ большею частью также по *два* гласныхъ звука, напримѣръ парага-порохъ; варяга-боровъ; саранга-сорока; балала-болото. Не сказать же, что и въ Санскритскомъ словѣ парага два середочныхъ *а* произошли отъ раздробленія одного Церковнославянскаго *а*, изъ формы прахъ! Вѣрнѣе будетъ принять, что Западнославянскія формы прохъ, прахъ произошли изъ Русской порохъ, порахъ, также, какъ и Западнославянскія которы, котры, тетревъ, сократились изъ Русской формы который (=Санскр. катара), тетеревъ (=Санскр. титтира; Литовс. теттерисъ). А объ томъ, что полногласіе при звукахъ *р* и *л* означилось отличительнымъ образомъ для Русской рѣчи я подробно говорилъ уже въ моей книгѣ. Тамъ достаточно показано и то, какъ по вліянію Церковнославянскаго языка на Русскую рѣчь водворялись въ ней сокращенныя формы Западныя, нерѣдко вытѣсняя собою первобытныя полныя формы Русскія; и какъ отъ этого произошла двоякость однихъ и тѣхъ же словъ въ Русской рѣчи. Но г. Новиковъ говоритъ, что «если обѣ формы, и краткая и долгая, независимо одна отъ другой, уживаются дружно въ языкѣ Русскомъ, то нѣтъ нужды разбирать между ними старѣйшинство» (с. 42).

Конечно, можно и безъ этого обойтись; но не будетъ ли попятнымъ шагомъ для нашей науки, если она станетъ отклоняться отъ наблюденія историческаго развитія въ Русской рѣчи! Не будетъ ли односторонностью, что мы такъ заботливо различаемъ старшія, первобытныя формы отъ позднѣйшихъ, въ нарѣчіяхъ Лужицкихъ, и не видимъ нужды разбирать то же въ Русской рѣчи?....

Сообразивъ все то, что представлено въ Разсужденіи Г. Новикова вопреки моимъ филологическимъ мнѣніямъ, я вижу, что они остаются въ полной силѣ своей.

Въ заключеніе, пожелаю трудолюбивому автору дальнѣйшихъ успѣховъ на поприщѣ филологіи, на которомъ явился онъ съ такимъ обильнымъ знаніемъ Лужицкихъ и другихъ Западно-Славянскихъ нарѣчій.

III.

О ГРАММАТИКѢ ЛОМОНОСОВА [1]).

(Письмо къ Предсѣдателю II-го Отдѣленія Академіи Наукъ, г. Давыдову).

Милостивый Государь,

Иванъ Ивановичъ!

Изъ письма Вашего Превосходительства, отъ 9 Іюня, я съ удовольствіемъ узналъ, что Императорская Академія Наукъ, при которой, 1755 года, была напечатана «Россійская Грамматика Михайла Ломоносова», положила ознаменовать ея столѣтіе новымъ ея изданіемъ. Вмѣняю себѣ въ особенную честь Ваше приглашеніе мнѣ принять участіе въ этомъ ученомъ предпріятіи и по сему поводу, я прежде всего скажу мое желаніе, чтобы съ новымъ изданіемъ Грамматики Ломоносова была напечатана вновь и Грамматика Смотрицкаго, такъ какъ это была первая книга, попавшаяся въ руки юнаго Холмогорца, и онъ въ послѣдствіи называлъ ее «вратами своей учености». Не хорошо ли бы нынѣ этимъ памятнымъ вратамъ явиться вмѣстѣ съ самимъ зданіемъ, тѣмъ болѣе, что и по историческому ходу самой науки въ Россіи, «Словенская Грамматика» Смотрицкаго была предвареніемъ «Россійской Грамматики» Ломоносова!.. Тогда книга Смотрицкаго, нынѣ чрезвычайно рѣдкая и лишь немногимъ извѣстная, была бы

[1]) Напечатано въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей» 1872, кн. 3, смѣсь, стр. 18-24.

доступна для всѣхъ, и каждый, къ пользѣ грамматическаго знанія, могъ бы сравнивать ее съ книгою Ломоносова, и не по одному только слуху зналъ бы ту знаменитую книгу, по которой нѣкогда цѣлая Русь, Западная и Восточная, училась Грамматикѣ.

Сія старая наставница Руси въ Грамматикѣ (съ 1619 года) есть замѣчательное примѣненіе Греко-Славянской Грамматики къ языку Южно-Рускому. Въ Московскихъ изданіяхъ ея (1648 и 1721 гг.) не было прибавлено ничего, относящагося къ языку Великорускому или собственно такъ называемому Рускому. Однако и для Грамматики сего языка, Ломоносовымъ впервые составленной, онъ нашелъ у Смотрицкаго готовыя склоненія для именъ, съ седьмымъ сказательнымъ падежемъ, и тѣ два спряженія, которыя такъ пришлись къ Рускимъ глаголамъ, что, не смотря на разныя другія спряженія, въ нынѣшнемъ предложенныя столѣтіи, они остаются главными, и ведутся непрерывно, какъ видно по Грамматикамъ Соколова и Востокова, по Учебной книгѣ Рускаго языка для Благороднаго Пансіона, долѣе и ближе другихъ слѣдовавшей Грамматикѣ Ломоносова.

Обращаюсь къ труду нашего первословесника. По его выраженію, Грамматика «отъ общаго употребленія языка происходитъ, однако правилами показываетъ путь самому употребленію». Повседневное употребленіе языка, на которое и въ Грамматикѣ своей Ломоносовъ указываетъ иногда, въ замѣнъ правилъ, какъ на «общаго всѣхъ учителя» (§ 233)—оно и дало ему живое знаніе Рускаго языка, унесенное имъ отъ Бѣлаго моря, возращенное въ Москвѣ и Кіевѣ, и потомъ въ Германіи, среди звуковъ чуждыхъ, давшее такіе стройные звуки Рускому стиху, какихъ не слыхано было дотолѣ на Рускомъ Парнасѣ, и которымъ подивились соотчичи Ломоносова въ Петербургѣ. Между тѣмъ мужающій Ломоносовъ, обогащая свой умъ познаніями разнообразными, бралъ и Рускій языкъ на всѣ тоны и лады, и развивалъ его все болѣе—въ стихотвореніяхъ и ораторскихъ рѣчахъ, въ писаніяхъ о Химіи, Риторикѣ, Исторіи, Физикѣ, и прочая, и потомъ, когда онъ, своимъ разумѣніемъ и умѣньемъ, уже доста-

точно опредѣлилъ себѣ составъ и свойства обширнаго и полножизненнаго языка Рускаго, онъ написалъ «Россійскую Грамматику», по чувству необходимости въ ней для Россіи. Она готова была 20 Сентября, 1755 года, какъ видно изъ посвященія, гдѣ Ломоносовъ съ полнымъ правомъ могъ говорить о языкѣ Рускомъ: «Кто отчасу далѣе въ немъ углубляется, употребляя предводителемъ общее философское понятіе о человѣческомъ словѣ, тотъ увидитъ безмѣрно широкое поле, или лутче сказать, едва предѣлы имѣющее море. Отважась въ оное, сколько могъ я измѣрить, сочинилъ малый сей и общій чертежъ всея обширности, Россійскую Грамматику, главныя только правила въ себѣ содержащую».

Каждая работа Ломоносова ознаменована печатью самобытнаго мышленія и творчества; всѣ науки были равно ему доступны, и каждая наука, за которую онъ принимался, можетъ пожалѣть развѣ о томъ, что она, для своего совершенства, не была его исключительнымъ удѣломъ.

Журнальные щелкоперы еще не очень давно обвиняли стараго Ломоносова въ излишнемъ Славянствѣ; но его Грамматика этого не показываетъ. Главное богатство ея содержанія взято изъ устъ народныхъ, изъ живаго языка «Великороссійскаго». Главная заслуга ея въ томъ именно, что народный Рускій языкъ является тутъ впервые и такъ достойно въ опредѣленіи грамматическими правилами. Стремленіе Ломоносова къ своенародности языка всего яснѣе видно на Великорускихъ окончаніяхъ *ой* и *ей*, которыя хотѣлось ему упрочить на письмѣ и въ Грамматикѣ, хотя общее употребленіе предпочло имъ Славянскія и Южнорускія окончанія *ый* и *ій*.

Что касается до языка Славянскаго, то кто же и нынѣ отречется отъ него, какъ нѣкогда Тредьяковскій, говорившій, что онъ «вельми жестокъ ушамъ его слышится»! Кто бы рѣшился нынѣ отрѣшить отъ языка нашего все, что вошло въ него отъ Славянскаго, въ продолженіе вѣковъ, при живомъ употребленіи его Русью въ богослуженіи и письменности, и что умножило еще болѣе въ Рускомъ языкѣ богатство его выраженія? Но во все прошлое, и въ нынѣшнее, столѣтіе до

Востокова, конечно, никто у насъ, кромѣ Ломоносова, не умѣлъ такъ вѣрно различать въ языкѣ нашемъ, что въ немъ своенародное, родимое Руское, и что присвоенное отъ Славянскаго. Въ Грамматикѣ онъ вездѣ различаетъ строго, и почти всегда вѣрно, Русскія формы словъ отъ Славянскихъ, научая вмѣстѣ и ихъ употребленію; напримѣръ, при изъясненіи родительнаго падежа на *а* и *у* (§ 167), или предложнаго на *ѣ* и *у* (§ 185), при изъясненіи причастій (§ 338, 439, 441, 443, 448), дѣепричастій (§ 351) и прочая. Какъ художникъ, любящій красоту языка, онъ жалѣетъ о вышедшей изъ употребленія Славянской постановкѣ дательнаго падежа причастій, надѣясь, впрочемъ, что «можетъ быть со временемъ общій слухъ къ тому привыкнетъ, и сія потерянная краткость и красота въ Россійское слово возвратится» (§ 468). Между тѣмъ онъ говоритъ и о томъ, что изъ принятаго въ Славянскую Грамматику несвойственно для Руской, полагая здѣсь, между прочимъ, и напрасное принятіе въ нашу азбуку Греческой *ѳ* (§ 22). А когда, по тогдашнему состоянію Славяновѣдѣнія (продолжавшемуся до 1820 года), не доставало еще положительнаго, знанія о чемъ либо, Ломоносовъ добросовѣстно предоставлялъ то будущимъ изысканіямъ. Такъ, въ первомъ наставленіи, гдѣ зашла рѣчь объ числѣ, у него сказано: «Въ Словенскомъ языкѣ двойственное число его ли есть собственное, или съ Греческаго насильно введенное, о томъ еще изслѣдовать должно» (§ 55). Равно и въ грамматическомъ опредѣленіи Рускаго языка, тогда еще неустояннаго, находившагося въ порѣ наибольшаго образовательнаго движенія, Ломоносовъ колебался еще въ нѣкоторыхъ подробностяхъ. Такъ, въ своемъ превосходномъ второмъ наставленіи, онъ говоритъ о буквахъ *ъ* и *ь*: «ясно различаются въ окончаніяхъ; въ срединѣ случаются сомнѣнія, напримѣръ: писать должно перьвый или первый» (§ 116).

Но въ Грамматикѣ Ломоносова вездѣ видно и пристальное наблюденіе Рускаго языка, какъ изустнаго, выслушаннаго имъ по тремъ главнымъ нарѣчіямъ (§ 108), такъ и письменнаго, вычитаннаго имъ въ писаніяхъ разныхъ вѣковъ. Какъ глубокій знатокъ и великій мастеръ Рускаго языка, онъ не

разъ въ своей Грамматикѣ противодѣйствуетъ неправильностямъ, врывавшимся въ нашъ языкъ по образцу чужестранныхъ, и особенно нововведеніямъ Тредьяковскаго, какъ это можно видѣть по возраженіямъ Ломоносова на не Руское употребленіе предлога чрезъ (§ 444), на не Руское сочиненіе дѣепричастій (§ 467), на окончаніе именъ мужескаго рода во множественномъ числѣ на *и* (§ 115), а Ломоносову казалось, что «*е* приличнѣе въ мужескихъ, а *я* въ женскихъ и среднихъ» (§ 112), что и принято уже общимъ употребленіемъ. Возражая противъ окончанія на *и*, онъ говоритъ: «Употребленіе буквъ *е* и *я* въ прилагательныхъ множественнаго числа всѣхъ родовъ въ Великороссійскомъ языкѣ отъ начала историческихъ и другихъ писателей Московскихъ, а особливо отъ временъ Великаго Государя Царя Іоанна Васильевича, и до нынѣшняго времени непрерывно было».... (§ 115). Въ слѣдъ за тѣмъ онъ опровергаетъ это нововведеніе и свойствомъ языка Велико-Рускаго, часто «избѣгающаго звука *и*, и музыкальнымъ избѣжаніемъ этого звука въ протяжныхъ распѣвахъ и долгихъ выходкахъ».

Такъ въ охраненіе языка отъ напрасныхъ нововведеній и неправильностей, онъ не разъ ссылается на обычай утвержденный давностью и общностью употребленія. Любуясь отмѣнною красотою Московскаго нарѣчія, а особливо пріятнымъ выговоромъ звука *о* безъ ударенія какъ легкое *а*, Ломоносовъ въ то же время отрицаетъ писаніе по этому выговору на *а*, замѣчая, что допустивъ оное, «должно большую часть Россіи говорить и читать снова переучить насильно» (§ 111).

Грамматическія правила Ломоносовъ заимствовалъ изъ свойствъ самаго языка, не вводя отъ себя въ науку призраковъ вмѣсто дѣйствительности, и съ отвращеніемъ говоритъ онъ о тѣхъ суетныхъ грамматическихъ тонкостяхъ, которыя вводились иногда въ Рускій языкъ, вопреки его живому и общему употребленію; на примѣръ, о насильственномъ различеніи именительнаго падежа множественнаго числа отъ родительнаго единственнаго — учрежденіи, извѣстіи вм. учрежденія, извѣстія (§ 115). Онъ опредѣлилъ Рускій языкъ только главными правилами, и его геніальный

набросокъ Руской Грамматики, хотя уже много выполненный столѣтними работами столькихъ мужей, однако всѣ еще остается не конченнымъ. Впрочемъ, надо и то сказать, что предметъ всякой науки больше своей науки, и Грамматика съ своими правилами никогда не угонится за Рускимъ языкомъ до послѣднихъ его подробностей, и тамъ, гдѣ онъ уже ускользаетъ изъ ея рукъ, лучше ей не давать правилъ, чѣмъ ставить призраки и вымышленія, вмѣсто дѣйствительныхъ законовъ языка, поселяя небывалую распрю между выговоромъ и смысломъ, и навязывая генію Русскаго языка крылья баснословнаго Икара.

Въ предводители изслѣдованія Рускаго языка Ломоносовъ назначилъ «общее философское понятіе о человѣческомъ словѣ». По тому и въ Грамматикѣ его первое изъ 6-ти наставленій посвящено изъясненію «о человѣческомъ словѣ вообще», съ разборомъ звуковъ голоса и 8-ми частей рѣчи, изъ которыхъ имя и глаголъ признаны главными, а прочія служебными. Это есть сокращеніе общей или сравнительной Грамматики, на столько оно признано нужнымъ для вступленія въ Грамматику Рускую. И сколько здѣсь глубоко вѣрнаго и существеннаго! Для примѣра приведу различеніе гласныхъ буквъ на два соотвѣтственные ряда (изъ § 20):

1) дебелыя или тупыя: *а е ы о у*
2) тонкія или острыя: *я ъ и іо ю*

Какъ это просто и естественно! Но въ Пространной Грамматикѣ Греча (1827) находимъ другой распорядокъ (§ 117):

твердыя: *а о у ы*
мягкія: *я е(э) ю и* средняя *ъ*

То же самое, съ легкою отмѣною, повторилось и въ Филологическихъ Наблюденіяхъ Павскаго (1841) (въ § 31):

твердыя: *а о ы у*
мягкія: *я е и ю* средняя *ъ*

Очевидно, что здѣсь буквы *о* и *е* поставлены не на своихъ мѣстахъ; ибо между ними совсѣмъ не то соотвѣтствіе, какое между *а* и *я*, *у* и *ю;* изъ перваго ряду убыло дебелое

е (э), соотвѣтственное тонкому *е;* изъ второго ряду убыло тонкое *о (іо, ё)*, соотвѣтственное дебелому *о;* а буквѣ *ъ* совсѣмъ несвойственно дано и названіе и мѣсто средней, тогда какъ она принадлежитъ непремѣнно ко второму ряду, т. е., къ тонкимъ или острымъ гласнымъ; названіе двуличной къ ней идетъ, но не по тому, чтобы она отвѣчала и за твердую и за мягкую (ФН. § 36), а по тому, что у насъ, на Руси, и въ Славяно-Западныхъ однихъ нарѣчіяхъ она отвѣчаетъ за тонкое *и,* въ другихъ за тонкое *е* (а въ качествѣ ея она переходитъ и въ *ё* и въ *я).* Для этой двоякости выговора въ однѣхъ и тѣхъ же словахъ разными нарѣчіями, я полагаю, и придумана въ Кирилловской азбукѣ буква *ъ*, не имѣющая никакого особеннаго гласнаго звука въ Славянской рѣчи; и я нахожу, что только соображеніемъ этой двоякости выговора можно рѣшить, гдѣ правильно и гдѣ неправильно она ставится. Первые Русскіе грамотники, Кіевляне и Новгородцы, въ собственномъ выговорѣ имѣли основаніе удержать букву *ъ*, въ своей письменности, съ нѣкоторымъ ограниченіемъ противъ древняго, Кирилловскаго ея употребленія; остальной Руси эта буква досталась уже какъ преданіе, соображенное съ своенароднымъ выговоромъ, которое и ведется постоянно въ Руской грамотѣ. Ломоносовъ, защищая необходимость буквы *ъ* (§ 114), не находитъ общаго правила для ея употребленія; а къ различенію буквъ *е* и *ъ* требуетъ «твердаго ученія грамотѣ и прилежнаго книгъ чтенія» (§ 113). Востоковъ, въ своей Грамматикѣ (§ 164), вычислилъ всѣ коренные слоги, гдѣ имѣетъ мѣсто буква *ъ;* между ними справедливо поставлены слова мѣлкій, лѣкарь, лѣчить (которое, по недоразумѣнію о ихъ производствѣ, стали неправильно писать съ буквою *е);* но, повѣряя Востоковскій списокъ помянутымъ соображеніемъ двоякости выговора, я нахожу, что изъ него должно исключить слова: цѣпь, рѣдька, желѣза́, рѣшето, гдѣ буква *ъ* неумѣстна, и что правильнѣе писать цепь, редка, железа́, решето. Что же касается до гласныхъ вообще, то у Востокова (§ 158) принято то различіе и соотвѣтствіе, какое положено у Ломоносова, и которое очевидно, есть правильное и естественное.

Вотъ мои замѣчанія о характерѣ и достоинствѣ первой Руской Грамматики. Примите ихъ, какъ мой задушевный отзывъ на Ваше письмо, которое такъ пріятно мнѣ напомнило давнопрошедшее время (нынѣ отвергаемое въ Грамматикахъ!), когда я бывало, слушивалъ, и заслушивался, Вашихъ Университетскихъ бесѣдъ о Логикѣ и Филологіи.

1855 г., 11 Іюля.
Михайлова Гора, Золотоношскаго Уѣзда.

КЪ ИСТОРІИ МАЛОРУССКАГО ЯЗЫКА.

IV.

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ПИСЬМА

къ М. П. Погодину [1]).

Письмо первое.

1856. 11 Іюля.

Ты вызываешь меня, любезный академикъ, на ученый споръ съ гг. Срезневскимъ и Лавровскимъ! Въ своемъ печатномъ письмѣ къ Срезневскому (которое прочелъ я въ Москвитянинѣ 1856, № 2), ты говоришь: «А вотъ что не вѣрно, и что сильнѣе моего опровергнется, безъ сомнѣнія, Максимовичемъ, котораго задеретъ оно заживое—будто до Татарскаго времени не существовало ни Малороссіянъ, ни Малороссійскаго нарѣчія». Я вполнѣ согласенъ, что это не вѣрно; но не знаю, долженъ ли я, и съумѣю ли я опровергнуть это сильнѣе твоего, и «задеретъ ли заживое» меня это мнѣніе, когда прочту его въ статьяхъ гг. Срезневскаго и Лавровскаго; ибо я и до сихъ поръ еще не испыталъ этого, какъ ты называешь, «назидательнаго удовольствія»; но признаюсь, когда я читалъ твое письмо, по мнѣ не разъ пробѣгали мурашки. Возможно ли, и ты, другъ Исторіи, вышедшій, послѣ «Норманскаго періода», уже на чистое поле и шед-

[1]) Напечатаны въ «Русской Бесѣдѣ» 1856, № 3, с. 78 - 139. «Записка» М. П. Погодина о древне-Русскомъ языкѣ, въ видѣ письма къ И. И. Срезневскому, первоначально помѣщена въ Извѣстіяхъ II отд. Академіи Наукъ, т. V, 1856, с. 70—92. А. К.

шій по немъ прямымъ путемъ ясной исторической положительности и достовѣрности, вдругъ очутился въ лѣсу гипотезъ, увлеченный филологическими призраками!..

Вѣрный своему понятію о древности Малороссійскаго народа, о которомъ и теперь говоришь, что онъ «носитъ всѣ признаки самобытнаго племени», ты, въ своемъ Отвѣтѣ мнѣ (въ Москвитянинѣ 1845 г., кн. 3), говорилъ вотъ что: «Норманнъ (Рюрикъ) въ пятомъ, шестомъ колѣнѣ сдѣлался Малороссіяниномъ. Такъ точно Малороссіянинъ Андрей Боголюбскій переселился на Сѣверовостокъ, сохраняя, разумѣется, свое Малороссійское происхожденіе, равно какъ и братья его, Михалко и Всеволодъ, препоручившіе посадничества «Русьскимъ Дѣтьскимъ»; но ихъ дѣти, еще болѣе внуки, начавшіе княжить послѣ Монголовъ, подверглись туземному вліянію, и между Великороссіянами сдѣлались сами Великороссіянами». Послѣ того ты писалъ (въ 3-мъ томѣ «Изслѣдованій», 1846 г. стр. 357), что нашъ «простонародный, туземный языкъ тогда уже раздѣлялся точно на тѣже нарѣчія, на кои раздѣляется теперь, т. е. въ Кіевѣ, Черниговѣ, Галичѣ говорили также по Малороссійски, какъ и теперь; въ Могилевѣ, Витебскѣ по Бѣлорусски; во Владимирѣ, Московскихъ странахъ по Великорусски и проч. Слова, обороты, произношеніе сихъ нарѣчій закрадывались мало по малу у отечественныхъ грамотѣевъ въ ихъ сочиненія: такъ у Нестора находите вы отраженіе Малороссійское, въ Новогородскихъ грамотахъ Великорусское и проч.». А объ Церковномъ Славянскомъ языкѣ, который у насъ на Руси былъ письменнымъ языкомъ, у тебя сказано было вотъ что: «Мы, Русскіе, можемъ сказать то, что это было нарѣчіе для насъ чужое, хотя и близкое, понятное... всего нелѣпѣе мысль или положеніе, которое находится у насъ въ общемъ оборотѣ, будто Русскій языкъ происходитъ отъ Славянскаго». И все это было очень близко къ правдѣ. Я, съ своей стороны, говорилъ почти тоже, трудясь надъ исторіей Русскаго языка въ сравненіи его съ языками Западнославянскими; и въ «Начаткахъ Руской филологіи», 1848 года, гдѣ изложены окончательно мои выводы,

я сказалъ, подобно тебѣ: «Не будемъ же въ наше время смѣшивать понятія о письменномъ употребленіи Церковнаго языка на Руси съ понятіемъ о народной Русской рѣчи. Надо вовсе устранить филологическое мнѣніе о тожествѣ Русскаго языка съ Церковнымъ, о происхожденіи изъ него народныхъ Русскихъ нарѣчій, и объ его первообразности для всѣхъ языковъ Западно-Славянскихъ: ложное въ началѣ и основаніи своемъ, это мнѣніе остается сбивчивымъ при всѣхъ своихъ изворотахъ и ограниченіяхъ».

Но случилось не по нашему, а какъ говоритъ Украинская пословица: «ёго вернешь въ плугъ, а воно въ лугъ»! Это говорилось встарину объ Украинскихъ молодикахъ, которые, съ наступленіемъ весны, покидая отцевъ своихъ на хозяйствѣ, уходили козаковать и бурлаковать на Запорожье, въ великій лугъ Днѣпровскій (поминаемый въ лѣтописаньи, и вошедшій въ поговорку: «Великій лугъ батько».)

Изъ твоего письма къ Срезневскому я съ удивленіемъ увидѣлъ совершенную перемѣну въ твоей прежней историко-филологической системѣ...

«Что жъ измѣнить ее могло,
Что это утро облекло,
И такъ внезапно,—въ сумракъ ночи»?

Чтеніе—Кіевской Лѣтописи! «Чѣмъ дольше я занимался ею,—говоришь ты,—тѣмъ болѣе удивлялся отсутствію Малороссійскаго элемента. Обратившись назадъ, къ Нестору, съ этою мыслію, я убѣдился, что нѣтъ его и тамъ»... Отсюда пошли у тебя разныя наведенія и разсужденія, первою добычею которыхъ была мысль, что «въ Кіевѣ до нашествія Татарскаго жили искони не Малороссіяне, а Великороссіяне!» Вслѣдъ за нею родилась у тебя другая мысль, что «Церковный Славянскій языкъ былъ не пришлый намъ письменный языкъ, но живой, своенародный языкъ, которымъ говорили Великороссіяне, и что Великороссійское нарѣчіе было къ нему самое близкое, почти тожественное; что Великороссійское племя могло жить въ окрестностяхъ Селуня, близъ береговъ Чернаго моря, на Днѣпрѣ, въ Кіевѣ, и въ нынѣшней Великороссіи, и что во

всѣхъ этихъ мѣстахъ оно могло жить и говорить одинаково». «Малороссіяне, живущіе теперь въ сторонѣ Днѣпровской и окружной, пришли сюда послѣ Татаръ отъ Карпатскихъ горъ, гдѣ они жили какъ въ своей колыбели, и заняли опустошенныя Татарами мѣста Кіевскихъ Великороссіянъ, которые отодвинулись на Сѣверъ. Малороссіянами могли быть заселены искони: Галиція, Подолія, Волынь; изъ Волыни Малороссіяне, можетъ быть, перешли къ Торкамъ, Берендѣямъ, остаткамъ Печенѣговъ, Чернымъ Клобукамъ, и составили тамъ новое племя Козацкое... Конечно,—говоришь ты,—здѣсь есть много еще темнаго, сомнительнаго, неопредѣленнаго; предоставимъ объясненіе времени; а теперь удовольствуемся положеніями, для меня достовѣрными: 1) Великороссіяне древнѣйшіе поселенцы, по крайней мѣрѣ въ Кіевѣ и окрестностяхъ; 2) Малороссіяне пришли въ эту сторону послѣ Татаръ; 3) Великороссійское нарѣчіе есть или само Церковное нарѣчіе, или ближайшее къ нему, то есть, родное, органическое чадо».

Ты предлагаешь филологамъ стать на твою точку зрѣнія, и—«разсудить безпристрастно это дѣло, по законамъ ихъ науки». И я охотно поспѣшаю, совмѣстно съ тобою, разсмотрѣть это дѣло, и начинаю рядъ писемъ къ тебѣ объ этомъ предметѣ.

Ты говоришь, что вышеприведенныя три положенія для тебя уже достовѣрны, и что ты въ своихъ новыхъ заключеніяхъ убѣждаешься все болѣе и болѣе. Но потому-то я и считаю себя обязаннымъ передъ тобою сказать нѣчто въ защиту тѣхъ прежнихъ историко-филологическихъ вѣрованій, отъ которыхъ ты теперь отложился, а я остаюсь при нихъ непоколебимо, и все болѣе и болѣе въ нихъ убѣждаюсь. Можетъ быть, мнѣ при этомъ удастся и поколебать въ тебѣ твое новое убѣжденіе, и возвратить тебя къ прежнему! Вѣдь ты самъ говорилъ: «Малороссійскаго нарѣчія до сихъ поръ, къ стыду своему, мы основательно не знаемъ, хотя имѣемъ профессоровъ для всѣхъ Славянскихъ нарѣчій». Это сознаніе и стыдѣніе твое въ недостаткѣ основательнаго знанія Малороссійскаго нарѣчія можетъ, мнѣ кажется по-

родитъ въ тебѣ такую мысль: «Какъ же я, не зная основательно Малороссійскаго нарѣчія, положилъ его въ основаніе своей новой системы»? Вѣдь ты началъ строить ее съ отрицанія Малороссійскаго нарѣчья въ Несторѣ и Кіевской Лѣтописи! Ты его *незнаешь* основательно, а говоришь уже рѣшительно, нѣтъ его въ Кіевскихъ писаньяхъ, слѣдственно, не было въ Кіевѣ и Малороссіянъ... Точно ли нѣтъ его въ Несторѣ и Кіевской Лѣтописи? Да если бы и дѣйствительно не было, не ужели Кіевскій лѣтописецъ непремѣнно долженъ былъ выражать свое Малороссійское происхожденіе языкомъ своей Лѣтописи? Развѣ Малороссіянинъ Святитель Димитрій, сынъ Макаровскаго Сотника (который въ книгѣ «Реестровъ Войска Запорожскаго 1649 года значился рядовымъ козакомъ, *Саввою Туптальонкомъ*), не писалъ языкомъ, свободнымъ отъ всѣхъ современныхъ ему Полонизмовъ и Малороссіянизмовъ? Петръ Могила, которому языкъ Польскій былъ какъ природный, писалъ, какъ ему хотѣлось, то на Польскомъ, то на тогдашнемъ Польско-Русскомъ, то на чистомъ Церковно-Славянскомъ,—и это я говорю тебѣ, какъ очевидецъ его собственноручныхъ писаній, между прочимъ и той записки книги его, о которой по слуху упоминалъ Евгеній въ «Описаніи Кіевософійскаго собора», но которая нашлась уже послѣ его смерти (я воспользовался изъ нея нѣкоторыми свѣдѣніями для примѣчаній къ Фундуклеевой книгѣ о древностяхъ Кіева).

Ты говоришь о Малороссійскомъ нарѣчіи: «Покажите намъ степени его родства съ прочими, такъ называемыми, Восточными и Западными Славянскими нарѣчіями». Я на это скажу: Смотри въ «Начаткахъ Руской Филологіи», гдѣ объ томъ сказано коротко, да ясно!—Ты говоришь: «Покажите, или лучше отъищите, присутствіе въ немъ восточнаго элемента, т. е. слѣды вліянія Торковъ, Печенѣговъ, Черныхъ Клобуковъ»!—Я на это скажу: Взгляни на IX главу моей «Исторіи древней Руской Словесности», 1839, г., гдѣ положено уже начало рѣшенію твоей задачи. Тамъ не упущено изъ виду *Азіатское вліяніе* на Южнорусскій языкъ въ до-Татарское время, и, при помощи Персидско-Половецкаго словаря, изданнаго Клапротомъ, 1828 года, показано нѣсколько

словъ, оставшихся въ Малороссійскомъ нарѣчіи изъ языка Половцевъ, одноплеменныхъ съ Торками, Печенѣгами и Черными Клобуками (напримѣръ: туманъ, казанъ, майданъ, базаръ, килимъ, коверъ, каунъ, арбузъ, инжиръ, винная ягода, и проч.), и наоборотъ, Русскія слова, употребительныя въ языкѣ Половецкомъ (нагтъ, деньга, отъ ногата, смола, смола, печь, изба). Въ прошломъ году, въ посланныхъ мною тебѣ объясненіяхъ на Игореву пѣснь, объяснено загадочное слово ортма: это Половецкое слово артмакъ по Малороссійски саквы (bissaccium). Тамъ же я указалъ на два села подъ Переяславомъ, называемыя Каратулями; это имя значитъ Черные Клобуки, и даетъ намъ знать, что были не только Переяславскіе Торки, на правой сторонѣ Трубежа, но и Переяславскіе Черные Клобуки (Каратули), на лѣвой сторонѣ Трубежа.

Ты говоришь: «г. Срезневскій справедливо утверждалъ тожество языка народнаго и письменнаго въ древнѣйшихъ нашихъ памятникахъ, и вмѣстѣ отсутствіе всякихъ признаковъ Малороссійскихъ»,—и удивляешься какъ эти положенія, утвердившія тебя вполнѣ въ новыхъ твоихъ мысляхъ, не произвели волненія въ нашемъ литературномъ и ученомъ мірѣ, въ минуту своего происхожденія! А я скажу что оба эти положенія—и тожество письменнаго языка съ народнымъ, и отсутствіе всякихъ признаковъ, Малороссійскихъ несправедливы, и докажу это тебѣ въ слѣдующемъ письмѣ. Что же касается до спокойнаго безмолвія въ литературномъ и ученомъ мірѣ объ этихъ двухъ положеніяхъ, то оно естественнѣе было, чѣмъ предполагаемое тобою волненье. Чего тутъ волноваться, особенно въ такое время всемірнаго треволненія, какое мы пережили! А притомъ, Русская пословица благоразумно говоритъ: «За мухой не съ обухомъ, за комаромъ не съ топоромъ»!

Письмо второе.

13 Іюля.

Приступая къ разсмотрѣнію новопринятыхъ тобою положеній, я прежде всего припомню, что нашъ Русскій Перво-

славянинъ и учитель, всеобъемлющій Ломоносовъ, давшій намъ, за сто лѣтъ, Грамматику, впервые обработанную по нарѣчію Великороссійскому, ясно различалъ Славянскій или Церковный языкъ отъ нашего Россійскаго, природнаго языка, въ которомъ онъ признавалъ три главныхъ нарѣчья (или діалекта): Сѣверное, Московское и Украинское. И такъ у него, для будущей Славяно-Русской Филологіи назначены уже были два положенія: во 1-хъ: объ особенности языка Церковно-Славянскаго, хотя и сопленнаго намъ, но отличнаго отъ природнаго языка Россійскаго; во 2-хъ: о ближайшемъ сродствѣ Украинскаго, то есть Малороссійскаго и Великороссійскихъ нарѣчій, которыхъ совокупность составляетъ одно неразрывное органическое цѣлое, одну обширную Русскую рѣчь. Оба Ломоносовскія положенія, въ продолженіе ста лѣтъ обратились въ истину непреложную, оправданную всѣми филологическими примѣтами, правилами и соображеніями. Церковно-Славянскій языкъ, въ его собственной, древней, Кирилловской формѣ, какая намъ показана Востоковымъ, по Остромирову Евангелію (1056—57), есть языкъ столько же отличный и далекій отъ природнаго Великорусскаго нарѣчія, сколько и отъ Малороссійскаго; ближе всего онъ къ языкамъ: Болгарскому, Сербскому, Хорватскому, и Хорутанскому, съ которыми и составляетъ онъ особый, неразрывно-цѣлый отдѣлъ Славянской рѣчи, называемый Задунайскимъ или Югозападнымъ; тамъ эти пять языковъ, можно сказать, какъ родные братья, точно также, какъ языки: Польскій, Чешскій, Словацкій, Лужицкій и Полабскій, составляютъ другой, органически-цѣлый и неразрывный, отдѣлъ Сѣверозападный.

Нынѣ ты, любезный академикъ, отожествляя Великорусское нарѣчіе съ Церковно-Славянскимъ, производишь разомъ два разрыва въ естественномъ родствѣ Славянскихъ языковъ: во первыхъ, ты отрываешь Церковно-Славянскій языкъ отъ ближайшихъ съ нимъ языковъ Задунайскихъ или Югозападныхъ; во вторыхъ, ты разрываешь ближайшее родство Русскихъ нарѣчій, по которому Малороссійское и Вели-

короссійское нарѣчія, или, говоря полнѣе и точнѣе, Южнорусскій и Сѣверноруссскій языки — родные братья, сыновья одной Русской рѣчи. Когда они обособились? Объ этомъ, какъ видно, еще нѣтъ единогласія. Я и теперь полагаю, какъ объяснялъ уже въ «Исторіи древней Руской Словесности» (Гл. IV и V), что Южнорускій языкъ образовался еще въ древнее, до-Татарское время, когда Кіевская Русь была представительницею Русскаго міра, какъ послѣ Татаръ стала Русь Московская. Но изъ твоего письма вижу, что г. Срезневскій признаетъ безразличіе Южной и Сѣверной Руси въ до-Татарское время, и полагаетъ, что Южнорусскія особенности въ языкѣ и въ народѣ начались не прежде, какъ послѣ нашествія Татарскаго. По моему, какъ и по твоему, это невѣрно! Но если бы пришлось мнѣ изъ двухъ золъ выбирать легчайшее, то я лучше согласенъ признать безразличіе всей Сѣверной и Южной Руси въ древнее до-Татарское время, чѣмъ разрознять ихъ и разрывать ближайшее ихъ родство до такой степени, какъ это сдѣлано въ твоей нынѣшней системѣ, вслѣдствіе твоего прежняго предубѣжденія. Ни одинъ филологъ, по правиламъ и законамъ своей науки, не рѣшится разрознить Южнорусскаго и Сѣверноруссскаго языка: они, какъ родные братья, должны быть непремѣнно вмѣстѣ, во всякой системѣ, присоединитъ ли она ихъ къ Югозападнымъ или Задунайскимъ языкамъ (какъ у Добровскаго и Шафарика), или къ Сѣверозападнымъ (какъ у Копитара), или поставитъ Русскую рѣчь на особицу отъ тѣхъ и другихъ (какъ сдѣлали мы съ Надеждинымъ, 1836 года). Но у тебя есть въ этомъ предубѣжденіе, которое и высказалъ ты во 2-мъ томѣ Изслѣдованій (1846 г., стр. 390) въ слѣдующихъ словахъ: «Малороссійское и Великороссійское нарѣчіе великіе филологи Добровскій и Шафарикъ причисляютъ къ одному роду; но я осмѣливаюсь думать, хоть и безъ основанія, что онѣ разнятся между собою болѣе, чѣмъ между другими»! Какъ же можно «безъ основанія» становиться въ такое рѣзкое противорѣчіе не только съ двумя великими Чешскими филологами, но и со всѣми вообще!... Чтобы имъ противостать,

надо основаніе крѣпкое. Великороссіяне, какъ однородцы, имѣютъ полное основаніе и право говорить, какъ нѣкогда говорили послы Олеговы: «Мы отъ рода Рускаго»! — «Свой своему и по неволѣ братъ», говоритъ Русская половица. Но ты, писавши мнѣ въ отвѣтъ, что въ Кіевѣ Норманны сдѣлались Малороссіянами, что даже Андрей Боголюбскій съ братьями были еще Малороссіяне, и уже ихъ дѣти и внуки сдѣлались Великороссіянами среди Великороссіянъ, въ тоже время ты вотъ что писалъ въ отвѣтъ П. В. Кирѣевскому: «Великороссіяне живутъ рядомъ съ Малороссіянами, исповѣдуютъ одну вѣру, имѣютъ одну судьбу, долго одну исторію. Но сколько есть различія между Великороссіянами и Малороссіянами! Нѣтъ ли *у* насъ (т. е. Великороссіянъ) большаго сходства въ нѣкоторыхъ качествахъ даже съ Французами, чѣмъ съ ними (т. е. Малороссіянами)! Въ чемъ же состоитъ сходство? Этотъ вопросъ гораздо затруднительнѣе» (См. Москвитянинъ 1845. Кн. 3). Что это за притча? Одинъ не находитъ сходства между Великороссіянами и и Малороссіянами; другой не видитъ различія между ними въ до-Татарское время; а между тѣмъ первый беретъ въ подкрѣпленіе себѣ утвержденіе втораго, и отправляется на немъ въ свой новый путь... Воля твоя, а это похоже на древнюю притчу Кирилла Туровскаго о хромцѣ на слѣпцѣ!... Ты признавалъ прежде древнихъ Кіевлянъ Малороссіянами; теперь признаешь ихъ Великороссіянами: есть же, стало быть, сходство между ними, когда тебѣ, Русскому историку, наши древніе Кіевляне могутъ казаться то Малороссіянами, то Великороссіянами.... Есть же видно и различіе между ними, когда и теперь, замѣщая древнюю Кіевскую область Великороссіянами, ты все еще въ Галичанахъ, Подолянахъ и Волынянахъ признаешь Малороссіянъ. Вразуми жъ меня: на какомъ именно основаніи ты полагаешь это рѣзкое племенное различіе въ двухъ частяхъ Русскаго Юга до нашествія Татарскаго? Между тѣмъ, разрозняя такъ далеко нарѣчія Великороссійское и Малороссійское, вопреки всѣмъ великимъ и малымъ филологамъ, ты сближаешь до тожества Великорусское нарѣчіе

съ Церковно-Славянскимъ, и говоришь, что Церковно-Славянское, даже въ томъ видѣ, какъ оно есть въ Остромировомъ Евангеліи, ближе всего съ нашимъ Великороссійскимъ, ближе чѣмъ съ Сербскимъ, Болгарскимъ и всякимъ другимъ! Это опять вопреки всѣмъ филологическимъ примѣтамъ, правиламъ, соображеніямъ. Венелинъ и Палацкій, правда, присоединяли къ Русскому отдѣлу (Сѣверно-и Южнорусскому вмѣстѣ), языкъ Церковно-Славянскій; но съ нимъ вмѣстѣ они присоединяли сюда и Болгарскій языкъ, по его ближайшему сродству съ Церковнымъ. Такимъ образомъ Церковный и Болгарскій языкъ Венелинъ и Палацкій отрывали отъ природнаго мѣста, нарушая черезъ то цѣлость Задунайскаго отдѣла, и прибавляя нѣчто разнородное къ нашему Русскому или Восточно-Славянскому отдѣлу. Что Церковно- Славянскій и Болгарскій языкъ самые близкіе между собою, это утвержденіе Шафарика, которому послѣдовалъ и достойный ученикъ его, Бодянскій, еще недавно подтвердившій это мнѣніе, въ своемъ сочиненіи: «О времени происхожденія Славянскихъ письменъ» (1855 г.). Тамъ онъ подтвердилъ и слѣдующій филологическій выводъ: «Чѣмъ дальше въ древность, тѣмъ нарѣчія Славянскія ближе къ себѣ. Это правда; но правда и то, какъ показываетъ исторія и новѣйшія основательныя изслѣдованія, что, при всемъ сродствѣ, нарѣчія эти уже въ историческое время существовали и отличались другъ отъ друга тѣми же существенными признаками, какими и теперь, спустя слишкомъ тысячу лѣтъ» (стр. 252). Добровскій сперва призналъ было Церковный языкъ за древнее Сербское нарѣчіе, но потомъ призналъ его за особое Болгаро-Сербо-Македонское; Востоковъ сперва называлъ его древнимъ Болгарскимъ; Копитаръ — древнимъ Паннонскимъ: все это ясно подтверждаетъ, что его ближайшее родство и мѣсто тамъ, въ отдѣлѣ Задунайскомъ или Югозападномъ: тамъ ему и быть! По своей родинѣ, онъ можетъ называться Македонскимъ (какъ у Добровскаго, но съ исключеніемъ лишней приставки; «Болгаро-Сербо-»). Ты все это знаешь изъ первыхъ источниковъ; ибо кому же, какъ не

тебѣ, литература наша обязана переводами Добровскаго и первымъ появленіемъ Шафарика?... Но теперь, пустясь въ «новый путь» не строгой филологіи, а наведенія, и скользя, такъ сказать, по поверхности предмета (твои слова) ты, вопреки филологамъ, заключилъ, что Церковно-Славянское нарѣчіе есть ближайшее къ Великорусскому и почти тожественное съ нимъ, и воскликнулъ: «А мы ищемъ его по всему свѣту, и не находимъ! Не похожи ли мы на Улисса, не узнавшаго своей Итаки»!

При этихъ словахъ твоихъ мнѣ вспомянулся нашъ достопамятный велемудрый адмиралъ Шишковъ, который, въ своихъ странствіяхъ по старо-Словесному морю, наплылъ на такое утвержденіе, что нарѣчіе Русское «не есть нарѣчіе Славянскаго языка, а тотъ же самый языкъ, не имѣющій ни малѣйшаго съ нимъ различія»!—Узнаёшь ли ты здѣсь свою Итаку?... А ты и не вспомянулъ о Шишковѣ, говоря о своей мысли касательно тожества Великорусскаго нарѣчія съ Церковнымъ, мысли, которой ты сперва испугался, какъ будто какой новости и небывальщины! Оставивъ твердый берегъ строгой филологіи и богатство, ею добытое въ глубинахъ Славянской рѣчи, ты пустился по поверхности сомнительныхъ волнъ, и уже прибѣгаешь къ помощи. Ты выписываешь, «весьма важную» для тебя страницу, изъ разсужденія г. Каткова «Объ элементахъ и формахъ Славяно-Русскаго языка» (1845), и утѣшаешь себя мыслію, что сей ученый, «по строгимъ законамъ новой филологіи», пришелъ къ тому же заключенію, какое ты сдѣлалъ a priori»! Но Катковъ тебѣ не въ помочь. Послушай, что говоритъ онъ теперь, черезъ десять лѣтъ послѣ своего Разсужденія, изъ котораго ты взялъ страницу, какъ сильное подкрѣпленіе! Въ своей статьѣ о Пушкинѣ (во 2-мъ номерѣ «Русскаго Вѣстника, 1856 г.) онъ говоритъ: «То, что теперь называемъ мы Русскимъ языкомъ, есть плодъ продолжительнаго и труднаго развитія. Какъ всѣмъ извѣстно, въ древнее время письменнымъ языкомъ въ Россіи было нарѣчіе Церковно-Славянское. Но менѣе извѣстно то, что это нарѣчіе существенно разнилось отъ народнаго, которое долгое время не знало

письменности, и лишь въ болѣе позднюю эпоху стало появляться въ памятникахъ, не имѣющихъ литературнаго значенія, преимущественно юридическихъ; мы говоримъ: менѣе извѣстно, потому, что хотя различіе между Церковно-Славянскимъ языкомъ и языкомъ народнымъ чувствуется всѣми, и хотя теперь едва ли кто видитъ въ Церковномъ языкѣ древнѣйшее состояніе того же языка, который мы слышимъ въ народѣ; однако многіе еще полагаютъ, что въ семействѣ Славянскихъ нарѣчій Церковное принадлежитъ къ одному порядку съ народнымъ Русскимъ, по нашему же убѣжденію они принадлежатъ къ двумъ противоположнымъ вѣтвямъ общаго семейства» (стр. 320).

Въ концѣ письма ты выписываешь еще изъ статьи г. Сухомлинова замѣчаніе, для тожества Церковнаго и Русскаго языка, что въ Сербіи въ XV-мъ вѣкѣ было мнѣніе о переводѣ Св. Писанія «на Рускій тончайшій языкъ»! Не значитъ ли это хвататься за соломинку?....

Письмо третье.

15 Іюля.

Сегодня день Св. Равноапостольнаго князя Владиміра, и мнѣ пріятно провести этотъ день въ бесѣдѣ съ тобою о великомъ и святомъ Просвѣтителѣ Руси. Ты, въ своемъ письмѣ, говоришь: «Далѣе пришло мнѣ въ голову слѣдующее замѣчаніе: Малороссіяне есть народъ самый пѣвучій: почему же не сохранилось у нихъ никакихъ пѣсенъ о древнемъ нашемъ времени, между тѣмъ какъ эти пѣсни о Володимерѣ и его витязяхъ поются у насъ вездѣ, въ Архангельскѣ и Владимірѣ, Костромѣ и Сибири. Слѣдовательно, опять тоже заключеніе: не Малороссіяне жили въ Кіевѣ во время Володимера, а Великороссіяне, которые разнесли тамошнія пѣсни по всему пространству Русской земли». Что у Малороссійскаго народа великій князь Володимеръ не воспѣвается наравнѣ съ Морозѣнкомъ, Нечаемъ, Палѣемъ и другими витязями Козацкой Украины, это для меня совершенно понятно, и нисколько не удивительно. У насъ, въ Малороссіи, еще въ древнее время Князь Володимеръ былъ признанъ и

прозванъ Святымъ (какъ Олегъ вѣщимъ и т. п.). Это прозванье извѣстно изъ нашей Волынской Лѣтописи, гдѣ, подъ 1254 годомъ, сказано: «Ни Святославъ Хоробрый, ни Володимеръ Святый». Святому князю — и святыя, церковныя, молитвенныя, пѣсни: и какъ торжественно раздаются онѣ изъ устъ пѣвучаго народа, особливо въ великой Печерской церкви, гдѣ, при Главѣ равноапостольнаго Князя, бываетъ ежегодно празднество въ этотъ день! Не забуду, съ какимъ восторгомъ я, только что пріѣхавшій изъ Москвы въ Кіевъ, внималъ тѣмъ въ 1834 году, когда, предъ открытіемъ Университета Святаго Владиміра, при Главѣ его въ Печерской церкви священнодѣйствовалъ митрополитъ Евгеній, и было тамъ необычайное стеченіе просвѣщеннаго люду съ обѣихъ сторонъ Днѣпра!... А въ нынѣшнемъ Маѣ мѣсяцѣ, когда я, не видавъ Кіева 8 лѣтъ, посѣтилъ его, я вновь наглядѣлся, съ какою набожностью Малороссійскія поселянки кланяются гробницѣ Святаго Володимера, съ какимъ усердіемъ онѣ вѣшаютъ свои приношенія — платки и куски полотна!... Не скажу, однако, чтобы на Украинѣ совсѣмъ не осталось слѣдовъ давняго поэтическаго взгляда на князя Володимера. Въ знахорскихъ заговорахъ, на примѣръ, говорится: «Мѣсяцю-Володимере! ты въ небѣ, дубъ у полѣ, камѣнь у морѣ»... Здѣсь, на Побережьѣ Днѣпровскомъ, отъ старыхъ поселянокъ, я узналъ Купальную пѣсню съ слѣдующимъ припѣвомъ:

«Коло Володимера на Ивана—не орехъ
Се стелеться съ подолъ».

Для меня непонятенъ смыслъ этого припѣва; но какъ обрадовался бы ему покойный Вадимъ Пассекъ, въ подкрѣпленіе своей мысли, что воспѣваемая въ Украинскихъ Купальныхъ пѣсняхъ Ганна есть Володимерова супруга Анна! (см. «Очерки Россіи»). А между тѣмъ эта загадочная Ганна воспѣвается и въ Словацкихъ Купальныхъ (Святоянскихъ) пѣсняхъ (см. въ «Народныхъ Спѣванкахъ», изданныхъ Коларомъ). А что сказанья и пѣсни о пирахъ Володимеровыхъ и другихъ его похожденіяхъ были и здѣсь, на Украинѣ, въ древнее время, то видно изъ Лѣтописи нашего Нестора, гдѣ

говорится о единоборствѣ Переяславскаго отрока-кожевника (Яна Усмошвеца, по Ник. Л.); о томъ, какъ Владиміръ сказалъ Болгарскимъ посламъ: «Руси есть веселье пити*), не можемъ безъ того быти!» и какъ потомъ, слушая рѣчи философа о Болгарахъ Волжскихъ, «плюну на землю, рекъ: нечисто есть дѣло!»—или о томъ, какъ уставилъ Володимеръ пиръ творити по воскреснымъ днямъ на княжескомъ дворѣ, въ Гридницѣ, и какъ подпившая дружина говорила: зло есть нашимъ головамъ, что ѣдимъ деревянными ложками, а не сребряными» и т. д. Нельзя и сомнѣваться, что въ Кіевѣ, на пирахъ Володимеровыхъ, пѣлись пѣсни и Малороссійскими и Великороссійскими пѣвцами, сопровождавшими пѣніе игрою на звончатыхъ гусляхъ, какъ пѣлъ и нашъ вѣщій Боянъ, во время Володимера Мономаха, какъ и современный Бояну Ставръ Годиновичь пѣлъ, конечно, Князю Мономаху Володимеру, а не Святославичу. Но въ Великорусскихъ пѣсняхъ вся древняя жизнь Руси слилась въ одинъ богатырскій вѣкъ Володимеровъ (подобный Западному Карлову вѣку); въ нихъ—къ Ласковому князю Володимеру являются въ Кіевъ не только современники его, но и тѣ лица, которыя жили въ XII-мъ вѣкѣ! Вотъ это между прочимъ, и заставляетъ меня думать, что большая часть Великорусскихъ пѣсенъ, по содержанію относящихся къ Володимеру и его богатырямъ, сложена уже въ послѣ-Татарское время, по прежнимъ сказаньямъ (какъ я уже и писалъ къ тебѣ объ этомъ въ двухъ письмахъ «О народной исторической поэзіи въ древней Руси», напечатанныхъ въ Москвитянинѣ 1845 г.).

Ты говоришь, что Великороссіяне разнесли по Руси изъ Кіева тамошнія пѣсни о Володимерѣ: я согласенъ съ тобою, разумѣя, что они разносили ихъ по пространству Великой Руси. Но для этого не надо выживать изъ Кіева Малороссіянъ, и замѣщать ихъ Великороссіянами. Когда Владиміръ, для противодѣйствія Печенѣгамъ, строилъ новые города въ Малороссіи, по Деснѣ, Остру, Трубежу, Сулѣ и Стугнѣ,—онъ бралъ лучшихъ мужей отъ Словенъ (Новгородскихъ), отъ Кривичей, и отъ Чуди, и отъ Вятичей «и отъ сихъ насели

*) Въ спискахъ: «питье».

грады» (Несторъ подъ 988 г.). Это значитъ только, что въ Малороссіи, среди коренныхъ ея старожиловъ (Полянъ и Сѣверянъ), водворяемы были Владиміромъ Великороссіяне, и Бѣлоруссы, и Чудь,—какъ послѣ сынъ его, Ярославъ (1031 года), поселилъ на р. Роси полоненныхъ имъ Ляховъ, гдѣ и были они во время Несторово (а Мстиславъ, доставшихся на его долю, Ляховъ, поселилъ, безъ сомнѣнья, на лѣвой сторонѣ Днѣпра); какъ Мономаховы сыновья, Ярополкъ построилъ на Сулѣ городъ Желны или Желнинъ (по нынѣшнему Жóвнинъ), для полоненныхъ имъ Дручанъ, а Юрій Долгорукій, по вторичномъ занятіи Кіева, водворилъ (впрочемъ не надолго) своихъ Суздальцевъ по Малороссійскимъ городамъ и селамъ; какъ и въ позднѣйшіе вѣка, можно сказать на нашей памяти, водворялись Великороссіяне цѣлыми слободами въ Малороссіи, среди народа Малороссійскаго. Подобно тому, среди кореннаго народа Малороссіи, водворились въ древнее время Торки, Берендѣи, Черные Клобуки. Изо всего этого можно выводить заключеніе такое, что въ древнее время, у Малороссійскаго народа было живое и, такъ сказать, домашнее общеніе съ Великороссіянами, съ Бѣлорусами, и съ Ляхами, съ Чудью, съ народцами Турецкаго племени, но никакъ не слѣдуетъ, что бы Малороссіянъ не было здѣсь въ древнее, до-Татарское время.

Къ Володимеру въ Кіевъ приходили богатыри со всѣхъ концевъ Руси (Южной и Сѣверной). Изъ Руси Сѣверной приходили и Новгородцы, и «Мужики-Залѣшане». Первѣйшій изъ нихъ былъ богатырь Илья Муромецъ, изъ села Корочаева, который понынѣ почиваетъ въ Кіевѣ, среди угодниковъ Печерскихъ. Но другъ Ильи Муромца, славный Добрыня, дядя Володимеровъ, былъ Малороссіянинъ, землякъ Первоначальника Русскихъ иноковъ, Преподобнаго Антонія Печерскаго: «Володимеръ бо бѣ отъ Малуши, ключницѣ (милостьницѣ) Ольжинѣ; сестра бо бѣДобрыня; отецъ же бѣ има Малко[1]) Любечанинъ» (Любечанинъ же былъ и Антоній Печерскій).

---

[1]) *Малко* въ Ипатьевскомъ и др. сп. (только въ Лаврент. сп. *Малкъ*): это уменьшительное Славянское имя *Малъ*, которое извѣстно по современ-

Великороссіяне, приходившіе въ Кіевъ къ Володимеру, распространяли по Русскому Сѣверу пѣсни и сказанья о ласковомъ, гостепріимномъ Князѣ Кіевскомъ, который былъ княземъ и всего соединеннаго и просвѣщеннаго имъ Рускаго міра. Но прежде, чѣмъ можно было сказать о немъ словами Нестора: «Володимеръ просвѣщенъ самъ, и сынове его, и земля его» (988 г.), прежде, чѣмъ онъ сталъ Кіевскимъ княземъ и единовластникомъ всея Руси (980 г.), онъ былъ (съ 970 года) княземъ Новгородскимъ, имѣя при себѣ тамъ и дядю своего, Добрыню. И не съ этого ли десятилѣтія началась та особенная поэтическая привязанность веселыхъ молодцевъ Новгородскихъ къ своему Ласковому разгульному князю Володимеру, и его дядѣ, Добрынѣ, которая потомъ, подкрѣпленная новыми сказаньями о гостепріимствѣ и пирахъ Володимера въ Кіевѣ, такъ утвердилась въ народной памяти Великороссіянъ, и высказалась потомъ въ пѣснопѣніяхъ, представляющихъ князя Володимера обыкновенно только съ одной, гостепріимной и гулливой, стороны его жизни?.... Въ поэтической памяти Великороссійскаго народа Князь Володимеръ остался какъ представитель всей древнерусской жизни, какъ ласковый князь-богатырь Русской земли. Но у народа Малороссійскаго, которому, вмѣстѣ съ Кіевомъ, достались и священныя останки Володимера подъ развалинами его Десятинной церкви, онъ запечатлѣлся второю стороною своей великой жизни, какъ Святый Володимеръ, какъ Равноапостольный Князь! Пѣвецъ Игоря (въ 1186 году), будучи глубоко проникнутъ любовью къ своей родной землѣ, страдая тогдашними бѣдами и страданьями ея, и какъ бы уже предвидя близкое паденіе великокняжеской Кіевской Руси, говорилъ: «О стонати Русской земли, помянувше пръвую годину и пръвыхъ князей!

ному князю Древлянскому; отсюда прозванье дочери *Маловой* или *Малковой—Малуша;* а братъ ея, *Добрыня*, по этому будетъ *Маловичъ* или *Малковичъ*. Но тебѣ казалось въ «Изслѣдованіяхъ», что «имя *Малуши* можетъ быть также, что и *Мальфридъ*» и что она была, «вѣроятно, *Норманка*»! Тебѣ и личное имя брата ея, *Добрыня*, казалось только «*нѣсколько* Словенскимъ»: отъ чего же *нѣсколько*, а не вполнѣ? Хотѣлось тебѣ, чтобы и Добрыня былъ, *вѣроятно*, *Норманномъ?*

Того стараго Владимера нелзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Кыевськымъ»!

Теперь обратимся къ тожеству народнаго и письменнаго языка въ нашихъ древнихъ памятникахъ. Я становлюсь на твою точку зрѣнія, беру самые древніе наши памятники, Договоры съ Греками Олега Вѣщаго, Игоря Рюриковича и Святослава Хоробраго, смотрю пристально,—и увы! не вижу въ нихъ провозглашеннаго вами тожества; напротивъ двоякость языка (отъ соединенія Русскаго съ Церковно-Славянскимъ) кидается въ глаза сама собою. Но объ этомъ—въ слѣдующемъ письмѣ.

Письмо четвертое.

17 Іюля.

Истинно не понимаю, какъ могъ ты назвать справедливымъ утвержденіе, будто бы въ Древнерусскихъ памятникахъ, писанныхъ до XIII-го вѣка, Русскій народный языкъ не показался нигдѣ своими особенностями, и потому онъ безразличенъ, тожественъ съ языкомъ книжнымъ?... Да не самъ ли ты приводишь изъ Нестора и Кіевской Лѣтописи XII-го вѣка цѣлый рядъ такихъ мѣстъ, въ которыхъ различаешь слова и обороты не Церковныя, но, по твоему, «чисто Великороссійскія», и это различеніе, этотъ рядъ выписокъ, ты полагаешь въ основаніе твоей новой системы!... Положимъ даже, что отмѣченныя тобою выраженія и не «чисто Великороссійскія»; но здѣсь достаточно уже, что они Россійскія, что они не-Церковныя. Отличая ихъ отъ прочихъ, Церковныхъ, формъ, въ языкѣ Нестора и Кіевской Лѣтописи, ты самъ показываешь въ немъ очевидное присутствіе и сочетаніе двухъ языковъ: Церковнаго, книжнаго, и не-Церковнаго, народнаго, или скажемъ опредѣлительнѣе: Церковно-Славянскаго и народно-Русскаго, чтобъ неоставалось недомолвки. О трехъ древнѣйшихъ нашихъ памятникахъ, о Договорахъ Кіевской Руси съ Греками, ты справедливо замѣчалъ, въ «Изслѣдованіяхъ», что писцемъ ихъ былъ всего скорѣе Болгаринъ. У Нестора объ Игоревомъ Договорѣ сказано: «Романъ же созва боляре и сановники,

приведоша Рускыя слы, и велѣша глаголати, писати обоихъ рѣчи на харатьѣ». Этимъ сказаньемъ я поясняю двоякость, очевидную въ языкѣ Договоровъ: писецъ, переводчикъ Греческій, какъ ты полагаешь Болгаринъ, пишетъ текстъ Договоровъ на письменномъ языкѣ Славянскомъ, переводя на него и рѣчи Греческихъ бояръ, но, включая туда и рѣчи Русскихъ пословъ, онъ ставитъ въ своемъ текстѣ не рѣдко и формы словъ Русскія.

Смотри въ Олеговомъ Договорѣ первое народнорусское выраженіе «о Головахъ». Это существительное имя во всей Западной Славянщинѣ, Южной и Сѣверной, давнымъ давно уже перемѣнилось въ глава, глова, лова; въ народныхъ Русскихъ нарѣчіяхъ понынѣ говорятъ: голова и галава. Если бы Русскій посолъ говорилъ по Бѣлорусскому или Среднерусскому произношенію, то Задунайскому Славянину, говорящему глава, ближе бы и написать галава. Но если написано голова, то это можетъ служить примѣтою, что такъ написано по выговору другаго Русскаго нарѣчія, всего вѣроятнѣе Кіевскаго, такъ какъ посольство было изъ Кіева.

Слѣдуетъ другое слово, лодья: опять Русская форма слова, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ Задунайской Славянской рѣчи, гдѣ это слово приняло звукъ *а*, ладья. Ты, сколько помню, въ своихъ «Изслѣдованіяхъ», относилъ это слово къ Скандинавскимъ или Норманскимъ; но то была явная ошибка, проистедшая отъ твоего чрезмѣрнаго усилія находить Скандинавство во всей Русской жизни до XI-го вѣка; ты вѣдь утверждалъ тамъ, что и наша Русская миѳологія была Скандинавская, а не Славянская! Слово лодья есть общеСлавянское, принадлежащее и Литовской рѣчи, и Скандинавской, и Чудской или Финской. Въ Олеговомъ Договорѣ читаемъ: «Аще ли таковая лодья ли отъ буря или бороненія земнаго боронима, не можетъ възборонитися въ своя си мѣста, съпотружаемъся гребцемъ тоя лодья мы Русь и допровадимъ съ куплею ихъ поздорову». Далѣе: «воволочимъ ихъ мы Русь—полоняникъ—о полоненьи—по 20 золота—по нужи—межи вами—хотять— не переступати».

Изъ Игорева Договора выпишу слѣдующія формы словъ чисто-Русскія, которыхъ нѣтъ во всей Западной Славянщинѣ: «да входять въ городь одиньми вороты— да не имѣють волости купити паволокъ лише по 50 золотникь—елико есть городовъ—но егда придетъ осень». Изъ Святославова Договора выпишу Русскія формы словъ, отличныя отъ Церковно-Славянскихъ: «хочю—утверждаю миръ—елико есть городовъ—яко золото».

Въ добавокъ къ этимъ Русскимъ словамъ, взятымъ изъ памятниковъ X-го вѣка, писаннымъ Греческими писцами изъ Болгаръ или иныхъ Славянъ Задунайскихъ, возмемъ нѣкоторыя Русскія формы словъ изъ пѣсни о Полку Игоревомъ, сложенной Южнорусскимъ пѣвцемъ подъ исходъ XII-го вѣка, именно *1185—86* года (говорю это утвердительно). Въ этой пѣсни народныя Русскія формы словъ такъ рѣзко отличаются отъ находящихся тамъ же формъ Церковно-Славянскаго языка (уже бывшаго тогда письменнымъ языкомъ Руси), что для большей очевидности, я раздѣлю ихъ чертою:

Голова, голосъ, соловій, молодый, золото, шеломъ, (или по Кіевской Лѣтоп., шоломъ), молотять, городъ, ворота, забороло, воронъ, хоробрый, берегъ, одинъ, озеро, собѣ, ночь.	*Глава, гласъ, славій, младый, злато.* *градъ, врата, забрало* [1]*), вранъ, храбрый, брегъ, единъ, езеро, себѣ, нощь.*

Не ужели и здѣсь не показалась еще наша народная Русская рѣчь своими особенностями?... Нѣтъ, въ словахъ, которыя выписалъ я тебѣ изъ трехъ Договоровъ, Пѣсни Иго-

---

[1]) Дубенскій, въ своемъ изданіи слова о Полку Игоревомъ, 1844 года, въ приложенномъ тамъ *Указателѣ* (Словарѣ), положилъ слово *забрало, забороло*, въ мужескомъ родѣ, *забралъ, заборолъ!* Такъ и нѣкоторыя другія Древнерусскія слова положены тамъ не томъ видѣ, какой имѣли и еще имѣютъ они дѣйствительно въ языкѣ, на примѣръ, вмѣсто *насадъ* муж. р., *лука-моря, Боричевъ* (увозъ Боричевъ), *папоръзъ, брежати*, Дубенскій сочинилъ: *носада* жен. р., *лукъ—моря, Боричево, папорогъ, брешити*, и прочая.

ревой (пропуская всѣ прочіе памятники, гдѣ въ изобиліи находятся тѣже формы, особливо въ Русской Правдѣ, въ Несторѣ, въ Кіевской Лѣтописи) Руская народная рѣчь ясно уже обозначилась своими отличительными и существенными примѣтами отъ всей Западно-славянской рѣчи въ особенности языка Церковнославянскаго.

Въ отличіе отъ всей Западно-Славянской рѣчи, она означилась, во первыхъ, тѣми полногласными словами, въ срединѣ которыхъ звуки *л* и *р* обставлены двумя гласными *о* или *е* (по областнымъ нарѣчіямъ измѣняются они въ *а*, *и*) какъ-то: голова, голосъ, болото, золотникъ, паволока, волость, полоняникъ, полонити, молодый, соловій, шоломъ, молотити, городъ, ворота, заборало, воронъ, хоробрый, порохъ (во множ. проси), боронити, по здорову, берегъ, переступати. Слова этой отличительной породы понынѣ ведутся въ народной Русской рѣчи какъ Сѣверной, такъ и Южной, слѣдственно они принадлежатъ равно всей Русской рѣчи. Они произошли въ ней не отъ вліянія Финской рѣчи (какъ полагалъ Добровскій), и не отъ вліянія климата (какъ полагалъ Востоковъ), т. е. Сѣвернаго климата (какъ утверждалъ Надеждинъ), но составляютъ исконную, первобытную принадлежность Русской рѣчи, какъ доказывалъ я съ 1836 года, приведенный къ этой мысли сравненіемъ Русскихъ формъ съ Санскритскими (порохъ или порахъ—парâга, боровъ—варâга, который—катара, и прочая), и видя, что два гласные звуки, которыми обставлены *л* и *р* не вставные, и не бѣглые, но коренные и постоянные, въ Русскомъ выговорѣ, да и не короткіе!

Во вторыхъ: Русская рѣчь въ древнихъ памятникахъ нашихъ означилась отличительно словами: осень, одинъ, озеро, въ которыхъ удерживается начальный звукъ *о*, между тѣмъ какъ въ Церковно-Славянскомъ и во всѣхъ прочихъ Западно-Славянскихъ языкахъ въ этихъ словахъ вмѣсто *о* ставится *е:* есень, единъ, езеро.

Наконецъ, я отмѣтилъ тебѣ, въ отличіе Русской рѣчи отъ Церковно-Славянскаго языка, слова: а) по нужи, межи

вами, утверждаю, съпотружаемся; б) хочю, хотять, ночь.

Церковно-Славянскій языкъ имѣетъ двѣ особенности, ему исключительно принадлежащія, т. е. что сложенный звукъ *тш* (=ч) перевернутъ у него въ *шт* (=щ не по нашему, а по Кириловскому, первоначальному значенію этой буквы); а сложный звукъ *дж* перевернутъ въ *жд*.

Подобно тому изъ корня *ход*, съ прибавкою глагольнаго окончанія *жу* выходитъ ходжу, какъ и теперь еще говоритъ Южнорусскій народъ во многихъ мѣстахъ Украины и Червоной Руси; но вообще въ Русской рѣчи, изъ сложнаго звука *дж*, отброшенъ коренной звукъ *д*, и оставлено только *ж:* хожу, а въ Церковно-Славянскомъ языкѣ оборотомъ *дж* въ *жд*—хожду. По этому и вмѣсто Церковно-Славянскаго глагола съпотруждаемъся, находимъ въ Олеговомъ договорѣ—съпотружаемся; тамъ же «по нужи, межи вами»; а въ Церковно-Славянскомъ нужда, между, перевернулися изъ первообразныхъ нуджа, меджу (меджи, меджъ и медь), отъ которыхъ, съ пропускомъ кореннаго *д*, въ Русской рѣчи издревле оставались нужа, межи, межю или межь (по Украински мѣжъ), хотя въ Русскомъ извѣстны нуда и нудьга, а въ Карпато-Русскомъ поднарѣчіи слышны: меджи и нуджа. Удержаніемъ сложнаго звука *дж*, въ этихъ случаяхъ, въ Задунайскомъ отдѣлѣ отличается Хорватскій языкъ; Сербскій любитъ звукъ *дъ;* Хорутанскій опускаетъ коренной звукъ *д*, и вмѣсто *ж* ставитъ полугласный *и* или *ь* (вмѣсто нужа—нуя). Въ Сѣверозападномъ удѣлѣ звукъ *дж* переходитъ въ *дз:* такъ по Словацки, вмѣсто меджи—медзи; но по Чешски выключается коренной звукъ *д*—мези (сотвѣтственно нашему межи). Вотъ какимъ путемъ, вмѣсто кореннаго *д*, являются *дж*—*ж*, и *дз*—*з*. Языкъ Южно-Русскій въ народномъ произношеніи удерживаетъ первобытный звукъ *дж* и въ началѣ нѣкоторыхъ словъ, на примѣръ: джерело—жерело, жерло, джбань—жбанъ (въ Польск. и Чеш. дзбанъ, зданъ). Такъ и въ Санскритскомъ: джани, жона, жена; джива, жизнь, и проч.

Я это сказалъ для того, чтобы показать, какую особенность, несогласную съ общимъ строемъ Славянской рѣчи, представляютъ въ Церковно-Славянскомъ языкѣ эти звуки *жд* и *шт*, перевернутые изъ первообразныхъ *дж* и *тш* (=ч), и для объясненія, почему у насъ на Руси въ древнее время такъ не любимо было это Церковно-Славянское *жд*, пока, наконецъ, къ нему попривыкли. Вспомни, что и въ молитвѣ «Отче нашъ», вмѣсто «даждь намъ дьнь» (какъ въ Остромировомъ Евангеліи), въ другихъ Русскихъ спискахъ Евангелія XII и XIII-го вѣка писано: «Дажь», а въ спискахъ XIV в. «Дай же»; въ древнѣйшемъ же спискѣ Екзархова Богословія даже выскоблено *д* послѣ *ж:* даж.ь, вож.ю, ноуж.а. Потому-то и въ Твореніяхъ Св. Кирилла Туровскаго читаемъ: вижь (а не виждь), стражю (а не стражду), нужа (а не нужда), преже (а не прежде), чюжа (а не чужда), вожи (а не вожди), рожьство (вм. рождьство), заблужьшимъ, расуженьемъ твоихъ мыслій,» и проч. Наконецъ, и въ посланіи св. Симона къ Поликарпу сказано о Св. Леонтіи Ростовскомъ: «се третій гражанинъ небесный бысть Русскаго міра». Тутъ взято Церковно-Славянское слово гражданинъ, но съ исключеніемъ кореннаго звука *д*, потому что онъ поставленъ послѣ *ж*, и вышло стеченіе звуковъ, которое для древней Руси казалось несвойственнымъ.

Предлагаю на твое разсужденіе слѣдующія слова изъ Игоревой пѣсни: плъкъ, влъкъ, стлъпъ, бръзъ, връхъ, и прочая. Вѣдь это не народныя Русскія формы словъ? По Русски говорится полкъ, волкъ, столпъ, борзъ; верьхъ; то принадлежность нашего книжнаго, церковнаго языка, который въ устахъ своего Задунайскаго (Македонскаго) народа такъ любилъ обращеніе гласныхъ звуковъ *о* и *е* въ полугласные, въ срединѣ словъ. Для Русской рѣчи, искони любящей полногласіе, трудно было это непрестанное улетученье гласныхъ звуковъ, это превращеніе ихъ въ полугласные, какое любилъ языкъ Церковно-Славянскій, можно сказать противоположный Русской рѣчи по этому свойству (мьчь, дьнь, зълъ, плънъ). И когда онъ сталъ богослужебнымъ

и письменнымъ языкомъ на Руси, у насъ довольно долго соблюдали эту его особенность, довольно долго писали въ срединѣ словъ, ъ и ь вмѣсто коренныхъ гласныхъ *о* и *е;* однако потомъ перестали такъ писать, и стали писать сообразно своенародному, Русскому выговору, который ни какъ не могъ покориться въ этомъ выговору Кирилловскаго языка и передѣлаться на его ладъ; напротивъ, этотъ послѣдній передѣлался у насъ на Русскій ладъ, растворился полногласіемъ Русской рѣчи.

Подобное измѣненіе Церковный языкъ получилъ у насъ и въ нѣкоторыхъ другихъ своихъ особенностяхъ, которыми онъ не сходился съ природною Русскою рѣчью вообще, и съ Великороссійскимъ нарѣчіемъ въ особенности. Напр., отъ чего въ Московскихъ изданіяхъ поставлено «да пріидетъ царствіе твое,» — когда въ Остромировскомъ спискѣ было: «да придеть царствиⷭе твоⷭе»? Конечно отъ того, во 1-хъ, что, по господствующему Великороссійскому выговору, глагольное окончаніе 3-го лица утвердилось съ ъ-мъ (*тъ*), а въ Кирилловскомъ языкѣ оно было отонченно ь-мъ (*ть*), какъ и понынѣ оно въ нарѣчіи Малороссійскомъ. Во 2-хъ, потому что Великороссійское нарѣчіе не различаетъ легкаго е отъ тонкаго или остраго ѣ, и ставитъ въ словахъ одинъ звукъ.

Другой примѣръ. Отъ чего въ Московскихъ изданіяхъ поставлено: «да будетъ волѧ твоѧ»,—когда въ Остромировскомъ спискѣ было: «да бѫдеть волⷯа твоⷯа»?

О перемѣнѣ *ть* на *тъ* сказано выше. Постановка же *у* вмѣсто *юса* (ѫ) произошла отъ того, что для Русской рѣчи несвойственно превращеніе переходнаго звука *у* въ тотъ носовой звукъ, который въ Кирилловской азбукѣ изображался буквою ѫ. Русскому люду не для чего была эта буква, не имѣющая для себя звука въ его рѣчи; потому наши давніе Русскіе грамотники выключали *юсъ* изъ своего писанія. Такъ бы поступить имъ и съ буквою ѧ; ибо въ Русской рѣчи тоже нѣтъ различія для слуха между постояннымъ *я*, и переходнымъ *я*, и этотъ послѣдній не превращается у насъ въ тотъ носовой звукъ, который въ Кирилловской азбукѣ изображался буквою ѧ. Но удержавъ эту букву, по другой причинѣ, наши

грамотники скоро забыли ея подлинное, первоначальное значеніе, смѣшали ее съ буквою і-а, и потомъ дали имъ уже произвольное различіе въ правописаніи, совсѣмъ не такое, какъ было первоначально въ языкѣ Кирилловскомъ. Отъ того-то, вмѣсто «волі-а твоі-а» какъ было, и какъ бы должно, стали писать: «волѧ твоѧ». Такъ же несвойственно ставится ѧ вмѣсто і-а и въ Славянской грамматикѣ Добровскаго (и въ вашемъ Русскомъ ея переводѣ); ибо знаменитый Чешскій филологъ, хотя разбиралъ Славянскій языкъ до послѣдняго корешка, но не разобралъ подлиннаго значенія буквъ ѧ и ѧ въ Кирилловской азбукѣ, и ихъ правильной постановки. Это объяснилъ Славянскому міру нашъ первоначальникъ въ филологіи, Востоковъ, (въ своемъ достопамятномъ разсужденіи о Славянскомъ языкѣ 1820 года), — и чѣмъ же объяснилъ? Сравненіемъ Церковно-Славянскаго языка по Остромировскому списку.... (не съ Великороссійскимъ нарѣчіемъ; но....) съ Польскимъ языкомъ: съ нимъ оказалось, въ этомъ случаѣ, ближайшее сходство.

Для Русской грамоты Церковно-Славянскія буквы ѧ и ѧ были совершенно лишнія и напрасныя; ибо въ Русской рѣчи нѣтъ звуковаго различія между постоянными *у* и *я*, и переходными; но въ Западно-Славянской рѣчи переходные звуки *у* и *я* подверглись разнообразнымъ превращеніямъ, въ томъ числѣ и въ носовые сложные звуки, въ которые переходили они такъ послѣдовательно въ четырехъ языкахъ (за Дунаемъ—въ Церковно-Славянскомъ и Хорутанскомъ, на Сѣверо-Западѣ—въ Польскомъ и Полабскомъ), такъ послѣдовательно и соотвѣтственно, что зная Польскій и Полабскій выговоръ, напримѣръ, слова ячменъ—енчменъ, янсменъ, утвердительно говорю, что въ Остромировскомъ спискѣ ошибочно поставлено і-ачмы, и что по древнему Кирилловскому правописанію надо писать ѧчмы. Тутъ я не могу не замѣтить, какъ напрасно филологическая теорія достопочтеннаго Павскаго различаетъ и въ составѣ Русскаго языка одно носовое *я* (ѧ), будто бы слагающееся изъ *ен*, и разлагающееся на *ен;* другое чистое *я* (і-а), сложенное изъ *ь* или *й* съ *а*. Мнимое составленіе изъ *ен* и разло-

женіе на *ен* теорія Павскаго приписала не только носовому *я*, но и его намѣстнику *а*. Такъ, напримѣръ, личныя уменьшительныя имена: Саша, Маша, Ваня, Дуня, по теоріи, сокращены изъ Сашенъ, Машенъ, Ваненъ, Дуненъ, и носовыя *а*, *я*, остаются въ нихъ безъ разложенія на *ен*, пока находятся въ концѣ своихъ словъ; но если, напримѣръ, къ Саша прибавится слогъ *ка*, когда намѣстный *а*, очутясь въ срединѣ слова, разлагается на *ен*, и выходитъ не Сашака, а Сашенька. (Фил. Набл. II. 187, 215). А по моему, слогъ *ка* принимается личными уменьшительными именами на тѣхъ же условіяхъ, какъ и всѣми вообще именами, кончащимися на *а* и *я:* всѣ они одинаково, получая новый звукъ *а* въ слогѣ *ка*, отбрасываютъ свой прежній *а*. Такъ отъ имени Саша, съ прибавкою *ка*, произойдетъ конечно не Сашака, однако и не Сашенька, а просто Сашка, какъ отъ слова душа—душка. Имена, кончащіяся на *я* (=ь+*а*), съ прибавкою слога *ка*, тоже отбрасываютъ отъ себя прежній *а*, удерживая при себѣ только *ь;* и потому отъ Ваня, баня, пуля, съ прибавленіемъ слога *ка*, происходятъ Вань-ка, бань-ка, пуль-ка: здѣсь очевидно звукъ *я* разлагается на свои составныя части ь+*а*. Въ этомъ сложеніи и состоитъ существо звука *я*, также, какъ существо воды въ сложеніи изъ кислорода съ водородомъ, какъ существо зеленаго цвѣта въ сложеніи желтаго цвѣта съ синимъ,—и разложиться звукъ *я* можетъ только на *а*, и на *ь* или *й;* что же касается до слога *енъ*, то онъ (наравнѣ съ слогами *онъ*, *оч*, *еч*), включается въ слова, какъ особый уменьшительный слогъ: Саш-ень-ка, душ-ень-ка. Переходный звукъ *я*, также какъ и постоянный *я*, имѣютъ одинъ и тотъ же звуковой составъ. Переходный *я* можетъ замѣняться звуками *а*, *е*, и носовыми *ан*, *ен*, *ин;* но въ каждомъ изъ этихъ звуковъ свой особый составъ, съ которымъ они и являются уже готовые, на смѣну *я*. Приведу слѣдующій особенный случай: коренной звукъ *о* въ имени женскаго рода хоть, при Украинскомъ выговорѣ (хôть=хить) перемѣняется на *и*, при Бѣлорусскомъ выговорѣ (хуть) перемѣняется на *у;* Польскій языкъ, принявшій это *у* за переходное, поставилъ, вмѣсто его, по

своему обычаю новое *ен*, и выговорилъ хенць (chęć); не ужели сказать, что здѣсь разложилось на *ен* коренное *о* или *у*? Изъясняя въ составѣ Русскаго языка превращеніе *а* и *я* въ *е*, теорія Павскаго различаетъ носовое *я* (ѧ) съ намѣстникомъ его *а*, отъ обыкновенныхъ *я* и *а*, (Ф. Н. I. 129), и полагаетъ, что первые, предполагаемые состоящими изъ *ен*, отбрасывая *н*, естественно получаютъ *е*; а вторые—сперва выпадаютъ изъ словъ для сокращенія, ихъ мѣсто заступаютъ *ъ* или *й*, которые, по всѣмъ правамъ, превращаются въ бѣглое *е*! А на мой взглядъ, оба эти процесса теорія выдумала отъ себя, а не дознала ихъ на самомъ дѣлѣ. Смотри: переходъ не носоваго *я* (і-а) въ *е* черезъ *й*—теорія Павскаго поясняетъ перемѣною слова заяцъ въ заецъ черезъ зайцъ; между тѣмъ въ этомъ словѣ именно носовое ѧ—заѧцъ, по Польски заёнцъ, по Полабски заянцъ; слѣдственно, теорія должна бы этимъ словомъ пояснять свой первый способъ превращенія, т. е. отпаденіе звука *н* отъ *е*, изъ носоваго *я*. Зачѣмъ же различается въ теоріи то, что не имѣетъ различія въ самомъ предметѣ ея, чего на дѣлѣ и сама она различить не можетъ?...

Не такъ ли поступилъ и ты, мой почтенный академикъ, въ своей Новороссійской системѣ?... Отличаешь Малороссійское нарѣчіе такъ разно отъ Великороссійскаго, «хотя и безъ основанія»!—признаешь тожество Великороссійскаго нарѣчія съ Церковно-Славянскимъ, хотя это тожество не болѣе, какъ филологическій призракъ, до котораго ты дошелъ только путемъ «логическаго наведенія»! А между тѣмъ, ты уже населяешь Великороссійскимъ племенемъ въ IX-мъ вѣкѣ и Македонію вокругъ Солуня (вмѣсто тамошнихъ Словенъ), и берегъ Чернаго моря, и всю Кіевскую сторону, вмѣсто обитавшихъ тогда и нынѣ обитающихъ Малороссіянъ, которыхъ ты приводишь сюда съ Карпатскихъ горъ уже послѣ Батыева нашествія, на мѣсто Великороссіянъ, будто бы ушедшихъ отсюда, при нашествіи Батыевомъ!... И что же у тебя въ основѣ этихъ новопридуманныхъ заселеній и переселеній: историческія о томъ свидѣтельства письменныя, или давнія преданія изустныя?... Нѣтъ! Историческія преданія,

на примѣръ, Карпатской Руси, говорятъ наоборотъ: что она пришла въ Карпаты съ береговъ Днѣпра, вмѣстѣ съ Уграми, въ X-мъ вѣкѣ; а по другому преданію, что она перешла въ Карпаты въ XIV-мъ вѣкѣ изъ Подолья, вмѣстѣ съ своимъ княземъ Коріатовичемъ. Могли быть оба переселенія: но дѣло въ томъ, что, по обоимъ преданіямъ, существующимъ въ Карпатахъ, Русь переходитъ туда изъ нашего Малороссійскаго края, съ береговъ Днѣпра и съ Подолья. А ты, неизвѣстно почему, выводишь насъ, Малороссіянъ, изъ Карпатскихъ горъ, послѣ нашествія Татарскаго, тогда какъ мы и прадѣды наши всегда думали и говорили, что мы жили здѣсь, по обѣ стороны Днѣпра, съ незапамятнаго времени, съ предковѣку! Что у насъ въ Кіевѣ водворились на княженіе Аскольдъ и Диръ, а за ними вѣщій Олегъ съ Рюриковымъ сыномъ. Что у насъ въ Кіевѣ началась и отъ насъ разошлась во всѣ концы Русскаго міра, жизнь, насажденная святымъ Просвѣтителемъ Руси — Владиміромъ; а когда Великокняжеская Кіевская Русь, отживъ свой цвѣтущій вѣкъ, умалилась, тогда новымъ средоточіемъ Русскаго міра стала Москва, среди племени Великороссійскаго. Мы, Малороссіяне, остались по прежнему въ своей родимой Кіевской сторонѣ, въ своихъ стародавнихъ городахъ и селахъ, съ своими преданіями и обычаями,—мы остались на корню, съ котораго не сильны были сорвать насъ ни какіе вихри и бури, ниже гроза Батыевская.... И какъ въ древнее время, мы и наша земля назывались собственно Русью и Русскою землею, а наше южное нарѣчіе называлось Русскимъ языкомъ [1]), такъ въ позднѣйшіе вѣка Русью преимущественно стала называться Великая или Московская Русь, а нарѣчіе Московское стало Русскимъ языкомъ, господствующимъ нынѣ во всемъ Русскомъ мірѣ.

Ты, въ закладку своей Новороссійской системы, положилъ выписки изъ Кіевской лѣтописи и Нестора, и хочешь доказать, будто бы въ нихъ нѣтъ ничего Малороссійскаго!

---

[1]) Въ Лѣтописи Волынской, подъ 1261 г., сказано: «и къ тому толмача, розумѣюща *Рускый языкъ*, што иметь молвити Василько, пріѣхавъ подъ городъ».

Я разсмотрѣлъ твои выписки, всего 6 дюжинъ; и знаешь ли что? Вѣдь это основаніе для тебя не надежное! Тѣ слова и обороты, которые ты отмѣтилъ какъ чисто-Великороссійскія, какъ не-Церковныя и явно не-Малороссійскія, вѣдь они не чисто-Великороссійскія! Для разувѣренія тебя, чтобы мнѣ не слишкомъ много писать, я предположилъ себѣ разобрать только двѣ дюжины твоихъ выписокъ, т. е. третью часть; полагаю, что на первый случай и этого довольно. Но чтобы и въ этой части не вышло у насъ разногласія и недоразумѣнія, я спрошу тебя: голова, борода, дерево—какія это формы словъ, Великороссійскія или Малороссійскія? Когда говорятъ эти слова на Русскомъ Сѣверѣ Смольнянинъ, Суздалецъ, Новгородецъ, Москвичъ, ты имѣешь право назвать ихъ Великороссійскими; а когда говорятъ ихъ на Русскомъ Югѣ Подолянинъ, Волынецъ, Переяславецъ, Кіевлянинъ, я имѣю право назвать ихъ Малороссійскими. Обоимъ Русскимъ нарѣчіямъ эти слова принадлежатъ какъ родовое, наслѣдственное имущество; и каждое изъ двухъ нарѣчій можетъ считать ихъ у себя своею, неотъемлемою, неприкосновенною собственностью; и если бы которое изъ двухъ нарѣчій вздумало присвоить ихъ себѣ исключительно, и отобрать ихъ у другаго, то на это можно сказать: «Не добро естъ преступати предѣла чужаго», какъ сказалъ нѣкогда Несторъ, повѣствуя объ изгнаніи Изяслава изъ Кіева младшими братьями. Неправда ли?... Теперь обратимся къ твоимъ выпискамъ.

Письмо пятое.

Іюля 31-го.

Ты предупреждаешь доказательныя выписки свои двумя замѣчаніями, о которыхъ и мнѣ должно упомянуть предварительно.

Первое замѣчаніе твое состоитъ въ слѣдующемъ: «Если бъ Несторъ и продолжатели его, Кіевскіе лѣтописатели, были Малороссіяне, то какимъ бы образомъ могло случиться, чтобъ они не дали нигдѣ примѣтить своего Малороссійскаго происхожденія? Какимъ бы образомъ могло случиться, чтобъ

они не обронили тамъ-сямъ какого-нибудь Малороссійскаго слова, не употребили Малороссійскаго оборота?...» и т. д.

Но вѣдь Кіевскіе и Волынскіе продолжатели какъ и Пѣвецъ Игоря, писавши на языкѣ Церковно-Славянскомъ, частехонько включали въ него слова и обороты изъ своего роднаго Малороссійскаго нарѣчія. Вольно же тебѣ называть чисто-Великороссійскимъ то, что принадлежитъ, въ Несторѣ и въ Кіевской лѣтописи,—Малороссійскому нарѣчію и языку Церковному! А впрочемъ могло бы случиться и то, что у нашихъ Кіевскихъ лѣтописателей не обнаружилось бы ничего Малороссійскаго, если бъ они захотѣли писать чистымъ Церковно-Славянскимъ языкомъ! Послушай, какъ писалъ Малороссіянинъ въ началѣ XVII-го вѣка (когда писали здѣсь вообще языкомъ Польско-Русскимъ).

«Въ сіе же лѣто (1516) начашася на Украинѣ казаки, о нихъ же, откуду и како начало свое пріяша, нѣчто речемъ. Аще и отъ начала своего сей нашъ народъ Рускій бранми всегда употребляшеся, и отъисперва въ нихъ сіе художество бѣ, оружіе и брани, якоже вышше пространнѣе речеся, въ главѣ той, откуду изыйде народъ Словенскій; по семъ, егда начаша Князи быти, нача въ нихъ лучшее строеніе и обычаи пріятнѣйшія въ землѣ нашой; но обаче сей народъ нашъ бранилюбный не преста строити брани, аще не со околными народы, си есть, Греки, а потомъ Половцы, Печенѣги, то сами межи собою».... (см. Полн. Собр. Рус. Лѣт. II. 367).

Много ли тутъ Малороссійскій лѣтописатель, въ самый разгаръ Козаччины, оборонилъ изъ своего нарѣчія?... Словцо межи, вмѣсто Церковнаго между, словцо которое издревле видно и въ географическихъ Южнорусскихъ именахъ: Межибожье, Межимостье, Межигоры, Межирѣчь, также написано оно въ Олеговомъ договорѣ: «быти межи вами», и у Нестора: «что ради губивѣ дружину межи собою», или: «а Кытанъ ста межи валома съ вои»,—и въ Кіевской лѣтописи (объ тѣхъ же Переяславскихъ двухъ валахъ, до нынѣ уцѣлѣвшихъ, и сходящихся въ одинъ валъ невдалекѣ отъ села Строковы) сказано, подъ 1149 годомъ: «а Гюрги стоя три дня у Стряковѣ.... и ста межи валома».

Второе твое предварительное замѣчаніе состоитъ въ слѣдующемъ:

«Еще болѣе—слова, относящіяся до жилища, до одежды, до пищи, въ лѣтописи, отнюдь не Малороссійскія. Вездѣ вы видите избу, истопку, а не хату; сапоги, лапти, а не чоботы; квасъ, медъ, жито и т. п.»

Какой же ты прихотливый сталъ въ своей Новороссійской системѣ, словно Потемкинъ! Ты и знать не хочешь ни про свитку (1147 г.) и свиту (1074 г.), ни про черевья (1074 г.) т. е. черевики; тебѣ непремѣнно подавай чоботы,—какъ будто Кіевскіе писатели должны были въ свое лѣтописанье включитъ цѣлый Малороссійскій словарь! Тебѣ захотѣлось уже отобрать у Малороссійскаго нарѣчія и квасъ, и медъ, и жито!... Но объ этомъ рѣчь впереди, чтобы не отбиться намъ отъ главнаго, отъ твоихъ доказательныхъ выписокъ.

Ты говоришь: «Малороссійскаго нарѣчія до сихъ поръ, къ стыду своему, мы основательно незнаемъ.... Изслѣдуйте особенности Малороссійскаго нарѣчія.» Ну, вотъ кстати мы вмѣстѣ теперь изслѣдуемъ, узнаемъ его, по его отрывкамъ въ Несторѣ и въ другихъ древнихъ Южнорусскихъ писателяхъ. Вѣдь все, что въ нихъ отмѣнно отъ языка Церковно-Славянскаго, должно принадлежать языку Южнорусскому!

Вотъ первая твоя выписка изъ Кіевской лѣтописи:

«Половци присунушася къ Баручю». Ты отмѣтилъ глаголъ «присунушася», какъ чисто-Великороссійскій, явно не-Малороссійскій: за что? Развѣ глагола присунуться нѣтъ въ Малороссійскомъ нарѣчіи?

«Зеленѐнькій барви́ночку,
Стелися низе́нько;
А ты, милый чорнобривый,
Присунься близе́нько!»

Этотъ глаголъ, извѣстный и въ Западной Славянщинѣ, весьма употребителенъ въ Малороссіи: сунуться, посунуться, одсунуться и т. д. Кіевскій лѣтописецъ поста-

вилъ его по Церковно-Славянски «присунушася»; а чисто по Великороссійски и по Малороссійски было бы: присунулися.

Обратимъ вниманіе и на слово Половци. Я думаю, что чисто по Великороссійски было бы Половцы; ибо по господствующему Великороссійскому выговору звукъ *и* въ концѣ словъ требуетъ дебелыхъ гласныхъ и ъ-а. (Половѣцъ, Половца, Половцы).

Малороссійское нарѣчіе (во многихъ случаяхъ сходное съ Церковно-Славянскимъ болѣе, чѣмъ Великороссійское) требуетъ послѣ *и*, въ концѣ словъ, непремѣнно ъ-я и тонкихъ гласныхъ, даже болѣе, чѣмъ этого требовалъ древній языкъ Церковно-Славянскій, допускавшій *а* послѣ *и*. И если у Нестора написано: «цариця Володимеряя Анна,» или: у отця, у оконця, ко оконцю, и т. п.; если въ Кіевской Лѣтописи, напримѣръ, въ описаніи Игорева похода на Каялу, написано: «идущимъ же имъ къ Донцю.... перебреде Донець... дойти рѣкы Донця... до города Донця,»— то мы должны признать, что это написано Малороссіянами. Если же тамъ встрѣчаемъ иногда постановку и дебелыхъ звуковъ послѣ *и*, то это явный слѣдъ позднѣйшей переписки Великороссійскими писцами, которые то копировали свой подлинникъ буква въ букву, то ставили иногда буквы по своему Сѣверному произношенію. Отъ того-то въ Несторѣ, въ Кіевской Лѣтописи, въ Игоревой Пѣсни, которые дошли къ намъ не въ древнихъ Южнорусскихъ, но въ позднѣйшихъ Сѣвернорусскихъ спискахъ, отъ того въ нихъ такая пестрота и разнобоярщина звуковъ, несовмѣстимыхъ въ одномъ и томъ же живомъ нарѣчіи; напримѣръ, въ Игоревой пѣсни: бяшеть и бяшетъ, и трубятъ, къ Софіи и у Софей, полунощи и полунощы и т. д. Филологическая критика наша, разбирая древній Южнорусскій памятникъ, непремѣнно должна различать что въ немъ подлиннаго и древняго, и что пришлаго, наноснаго и позднѣйшаго, подобно тому, какъ геологъ различаетъ въ пластахъ земной коры разновременныя формаціи кряжевиковъ (roches). А если филологическая критика наша иногда не умѣетъ еще различать, то объ этомъ можно сказать словами Лаврентія-мниха: «книгы ветшаны, а умъ молодъ,

не дошелъ!» Когда ты въ Лаврентьевскомъ спискѣ Нестора читаешь, «ты еси старейшей братъ» (1024 г.), или: «вдамъ ти которой ти городъ любъ» (1097 г.),—не ужели ты не слышишь, что здѣсь старейшей, которой, какъ диссонансы, которые написалъ по своему Великороссійскому нарѣчію можетъ быть самъ «Лаврентей мнихъ»; но Кіевляне—Нестеръ, Селивестръ, Василій написали бы по Южноруски, и по Церковно-Славянски, не иначе, какъ старѣйшій, который. Но когда мы читаемъ въ томъ же спискѣ Нестора: Печенигы, или «Мойсій же хапаяся за шію» (вм. Печенѣгы, Мойсѣй, какъ тамъ же обыкновенно писано), то это мы отнесемъ къ списку, написанному еще въ Кіевской сторонѣ Южнорусскимъ писцемъ, который по своему выговору поставилъ *и* вмѣсто *ъ;* Суздальскій переписчикъ только скопировалъ эти буквы въ своемъ спискѣ; а самъ отъ себя, по своему выговору, онъ могъ бы написать Моисей, Печенеги, подобно тому, какъ въ Игоревой пѣсни позднѣйшій писецъ ея (очевидно Суздалецъ) писалъ: о Днепрѣ! вм. о Днѣпре! и т. п.; или какъ г. Дубенскій предлагаетъ вм. полегоша, почнемъ писать правильнѣе (!!)—полѣгоша, почнѣмъ.... Вотъ также несвойственно и вы, Сѣверноруссніе историки, вмѣсто Перипетово поле, Перипетовы (могилы), какъ написано правильно въ Кіевской Лѣтописи, пишете: Перипѣтово, Перепѣтовы! или: вмѣсто Богдань Хмельницкій—Богданъ Хмѣльницкій!

Но вотъ другая твоя выписка изъ Кіевской лѣтописи: «Святославъ Ростиславичь отпроводя Половци». Смотри—въ твоемъ письмѣ (въ Москвитянинѣ) корректоръ Великороссіянинъ даже переиначилъ этотъ глаголъ, несвойственный его Великороссійскому нарѣчію; онъ поставилъ по своему отпроводя, когда въ Кіевской Лѣтописи и написано, и напечатано: отпровадя (подъ 1154 г.). Малороссійскому нарѣчію понынѣ свойственны глаголы провàдити, запровàдити, отпровàдити, припровàдити и т. д. А потому, если мы читаемъ въ Олеговомъ договорѣ допровáдимъ, съ куплею ихъ поздорову»,—въ Кіевской Лѣтописи «отпровáдя По-

ловци»,—въ Волынской Лѣтописи «препровàдиша рѣку Лютую» (1208 г.), то имѣемъ полное право сказать, что это писано по нарѣчію Малороссійскому.

Третья выписка: «бѣ рѣка бережиста». За что ты назвалъ это прилагательное имя чисто-Великороссійскимъ, явно не-Малороссійскимъ? Въ Кіевской Лѣтописи оно принадлежитъ несомнѣнно Малороссійскому нарѣчію, въ которомъ вообще любимы прилагательныя имена съ окончаніемъ истый: норовистый, головистый, коренистый, рожаистый, и—очевистый. Припомню въ Кіевской Лѣтописи (подъ 1173 годомъ) слово: очевисто; оно такъ знакомо каждому, кто обращался съ Малороссійскими судовыми актами XVI-го, XVII-го и XVIII-го вѣка. Не ужели скажешь, что и слово «очевисто» въ Кіевской Лѣтописи чисто Великороссійское, не-Малороссійское? А въ Сѣверноруссномъ Ипатскомъ ея спискѣ это слово даже подчищено было и написано «очивѣсто»! (см. примѣчаніе редакціи, на стр. 106.).

Письмо шестое.

Августа 1-го.

По нынѣшнему дню приходится мнѣ взять въ разсмотрѣніе слѣдующую твою выписку изъ Кіевской Лѣтописи: «Коли будеть святыхъ Маковѣй»? Вотъ уже ты отмѣтилъ и нарѣчіе коли, какъ чисто-Великороссійское, не-Малороссійское!... А это словцо употребительно не только во всей Русской рѣчи, но знакомо и въ Западно-Славянскихъ языкахъ. Притомъ же, у Великороссіянъ употребительно еще когда, когды (откуда и сокращенное кгды), даже колды, а Малороссійское нарѣчіе обходится только однимъ коли! Такъ въ пѣснѣ спрашиваетъ у козака сестра его:

«Коли, брате, зъ вóйска прійдешъ»?

Такого же, весьма недоказательнаго, значенія и твоя выписка: «яша коня за поводъ». Какъ по-Великороссійски, такъ и по-Малороссійски: за поводъ, за поводы, за повода. У Нестора сказано, что Кіевскій отрокъ пошелъ къ Печенѣгамъ съ уздою: скажешь, и это по-Великороссійски? А какъ же иначе по Малороссійски?

Но для нынѣшняго дня возьму еще конецъ твоей нарочито-длинной выписки, сдѣланой тобою «съ особымъ намѣреніемъ».

«Нынѣ же чи хресту честьному управити, якоже еси цѣловалъ, буди со мною; а ты уже хрестьное чѣлованіе переступилъ... а нынѣ абы со мною Богъ былъ и хрестьная сила».

Тутъ лѣтописатель Кіевскій поставилъ, по своему Малороссійскому нарѣчію, и два словца: а б ы, ч и, и слова: х р е с т ъ, х р е с т ь н ы й, которыя всѣ и понынѣ въ Малороссійскомъ нарѣчіи—какъ хлѣбъ насущный! Такъ въ пѣсняхъ:

—«А б ы менѣ хлѣба-соли роздобу́въ».
—«Ч и ты, милый, припавъ пыломъ»
—«Ч и метелицею»?

Тутъ мнѣ живо вспоминается, какъ нашъ классическій Г н ѣ д и ч ь, въ Августѣ 1831 года, еще незнакомый тогда мнѣ лично, отыскалъ меня, уединеннаго въ Симоновской Слободкѣ, и въ бесѣдѣ нашей о Малороссійскихъ пѣсняхъ, высказывая свою мысль о сходствѣ Малороссійскихъ звуковъ съ Итальянскими, декламировалъ мнѣ стихъ:

«Со́ромъ менѣ, ч и не со́ромъ»!...

Что же касается до слова х р е с т ъ, то Малороссійское нарѣчіе постоянно удорживаетъ въ немъ звукъ *х* вмѣсто *к*: х р е с т н ы й, х р е щ е н ы й, х р е щ а т ы й, х р е щ а т и к ъ, х р е с т и н ы (крестьбины), В о д о х р ѣ щ и, С р е д о х р ѣ с т н а я недѣля (Крестопоклонная). И такъ, если мы въ Кіевской Лѣтописи читаемъ: х р е с т ъ, В о д о х р е щ и (тамъ же, подъ 1148 г.). С р е д о х р е с т н а я недѣля (подъ 1170 г.), не должны ли мы сказать утвердительно, что это написано по Малороссійски? Въ Кіевской Лѣтописи, подъ 1147 годомъ, написано: «отторгоша х р е с т ъ на немъ»; тоже самое въ Суздальской (Лаврентьевской) Лѣтописи переписано такъ: «и отторгоша на немъ к р е с т ъ».

Что же въ твоей нарочитой выпискѣ есть ч и с т о-В е л и к о р о с с і й с к а г о? По моему мнѣнію, только ч ѣ л о в а н і е,

написанное вмѣсто цѣлованіе очевидно Сѣверорусскимъ переписчикомъ Кіевской Лѣтописи, который въ XIV-мъ или XV-мъ вѣкѣ, въ Ипатскомъ спискѣ нерѣдко ставилъ *ч* вмѣсто *ц*, по своему областному, почти навѣрно сказать можно, Новгородскому выговору.

Такъ, напримѣръ, онъ написалъ: «и чѣлова Святославъ крестъ.» (1143 г.) — «Хотять тебе Переяславчи.» (1147 г.)—«А Игорь стояше у Городьча». (1142 г.)—«а самъ иде въ Городечь», и т. п. Вотъ это ужь отнюдь не Малороссійское, не Кіевское произношеніе; какъ говорили и писали «Новгородьчи».

Но тотъ же писецъ, въ Ипатьевскомъ спискѣ, писалъ и наоборотъ—*ц* вмѣсто *ч*, тоже по своему областному, не-Малороссійскому, выговору: «Изяславъ Святополчиць» (1128 г.).—«ни науцилъ» (1147 г.)—«исполциста воя своя» (1149 г.)—«ты ся, отце, не труди... а самъ, отце, ѣди въ Кіевъ»—«и есть рѣцка мала до города».—«И посла Мстиславъ къ Давыдови съ тою рѣцью» (1170 г.) и т. д.

Другой переписчикъ Лѣтописи, съ Ипатьевскаго списка, писаннаго въ нѣсколько рукъ, писавши такъ называемый Хлѣбниковскій списокъ XVI-го вѣка, (принадлежавшій Кіевскому Митрополиту, Сильвестру Коссову) былъ, какъ видно, Малороссіянинъ, и нерѣдко возстановлялъ надлежащее чтеніе, перемѣною *ц* на *ч*, и *ч* на *ц*, поставленныхъ не по Кіевски въ спискѣ Ипатьевскомъ, напр. вмѣсто рѣцью, рѣцка—рѣчью, рѣчка и прочая.

Таже исторія была и съ Южнорусскою Игоревою Пѣснію: Сѣверорусскій переписчикъ ея, въ XV-мъ вѣкѣ, ставилъ въ ней иногда по своему выговору: вмѣсто луци, вѣци—лучи, вѣчи; вмѣсто луче (лучче)—луце. И Граматинъ (1823 г.) поступилъ какъ филологъ, предпринявъ привести текстъ Игоревой Пѣсни къ однообразному правописанію. Жаль, что онъ преждевременно отважился на поправку нѣкоторыхъ грамматическихъ окончаній, и особенно ошибся онъ на первомъ лицѣ двойственнаго числа, передѣлывая древнюю форму его на позднѣйшую,—подобно тому, какъ и писецъ Хлѣбниковскаго списка иногда передѣлывалъ туже древнюю форму

двойственнаго числа *(вѣ)* на позднѣйшую *(ва)*, существовавшую въ его время между Славянорусскими грамотниками. Но Сахаровъ, въ своемъ изданіи Пѣсни (1839 г.), поступилъ гораздо хуже, передѣлывая въ текстѣ Пѣсни одно лице на другое; напр. вмѣсто «оба есвѣ»—«оба естѣ»! и т. п. Abusus non tollit usum. Такъ и въ Лаврентьевскомъ спискѣ Нестора было: «и рече Каинъ: изидѣте на поле, Авелю»; но филологъ Тимковскій, въ своемъ недоконченномъ изданіи Нестора (стр. 56), поставилъ правильно въ 1-мъ лицѣ: «изидѣве». Такъ точно поставилъ въ текстѣ и Бередниковъ (I. стр. 38); но черезъ 35 лѣтъ послѣ изданія Тимковскаго можно было уже поставить съ совершенною правильностью, какъ и было въ спискѣ Воскресенскомъ, т. е. «изыдевѣ» (или хоть изидевѣ). Грамотный писецъ Хлѣбниковскаго списка вездѣ писалъ изыде (вм. изиде), по свидѣтельству редакціи (II. 19).

Ты спросишь меня, почему я называю Малороссіяниномъ Хлѣбниковскаго переписчика Лѣтописи? Въ «Изслѣдованіяхъ» своихъ ты обнаружилъ особенное вниманіе къ частнымъ случаямъ. И потому, кромѣ вышеупомянутаго возстановленія звуковъ *ч* и *и*, по Малороссійскому нарѣчію, и другихъ примѣтъ, я приведу, собственно для тебя, слѣдующій частный случай.

Сѣверноруссній писецъ Ипатскаго списка, подъ 1202-мъ годомъ, написалъ: «изыйде дырею градною». Это написано по Великорусски; Кіевлянинъ не могъ бы такъ написать: ибо это слово и по Церковно-Славянски, и по Малороссійски ставится съ буквою *ъ*, а не съ *ы*—дѣра, дѣрка, а не дыра, дырка. Сообразно этому Хлѣбниковскій писецъ, вмѣсто «изыди дырею», написалъ «изыде дѣрою», т. е. пещернымъ, подземнымъ выходомъ, какіе были во многихъ городахъ и въ позднѣйшіе вѣка, (сравни въ современной Нестору Mater Verborum: *diera*, дѣра, caverna).

Тутъ мнѣ вспомянулось, какъ Павскій наступалъ на Добровскаго.... «Аббату Добровскому—говоритъ онъ,—представилось, будто буква хѣръ—Словенское слово хыръ (шумъ, крикъ). Но между *ъ* и *ы* большое разстояніе. Въ Словенскихъ

языкахъ никогда не измѣняется *ы* на *ъ*» (Филолог. Наблюд. I. 34).

Но отъ чего жъ одна и таже буква дѣйствительно называется въ Малороссіи и въ Червоной Руси именно хыръ, а въ Великой Руси хѣръ? Подобную замѣну буквъ *ъ* и *ы*, но только обратно, представляетъ и слово дѣра, дѣрка, по Великорусски дыра, дырка. А что и коренной звукъ *ы* въ Словенскихъ языкахъ могъ перемѣняться на *ъ*, тому очевидный примѣръ на глаголѣ быть, который по Церковно-Славянски мѣняется въ бѣхъ, бѣ, бѣхомъ, бѣста, бѣша. Однако—прощай! За мною разборъ еще 18-ти твоихъ выписокъ.

Письмо седьмое.

19-го Августа.

Въ прежнихъ шести выпискахъ твоихъ все, что ты назвалъ явно не Малороссійскимъ, а чисто Великороссійскимъ, оказалось на повѣрку—Малороссійскимъ! Возьмемъ въ разсмотрѣніе другія шесть выписокъ твоихъ изъ Кіевской Лѣтописи:

7.—«Язъ, брате.... радъ, ѣду».

8.—«Конь нача соватися подъ нимъ».

9.—«Андрей князь толикъ умникъ сый».

10.—«Они же не догнавше надъ берегъ».

11.—«Узрѣша Половцы помочныя полкы».

12.—«Именины тогда бяхуть».

Но тутъ и разсматривать нечего; тутъ всѣ отмѣченныя тобою слова, всѣ они, подъ перомъ Кіевлянина,—Малороссійскія, какъ и слова: «смага, туга, яруга, струга» (по нынѣшнему стружка, водяной протокъ) у пѣвца Игорева; какъ слово коропъ (рыба) у игумена Даніила; какъ глаголы: лагодити, вередити въ Поученьи Мономаховомъ.

13.—«Бишася крѣпко ту днину».

И это слово живетъ въ нарѣчіи Малороссійскомъ, равно какъ и слово вечерина вм. вечеръ и вечеря. Днина вм. день, какъ година вм. годъ, въ древнемъ значеніи этого слова (напримѣръ, въ Кіевской Лѣтописи подъ 1185 г.: «въ годъ вечерній»).

14. — «Ожѳ ся братья совокупила въ едину мысль... азъ ваю надѣлю».

И мысль, и надѣлю принадлежитъ несомнѣнно нарѣчію Малороссійскому; единъ вм. одинъ вошло въ него изъ языка Церковнаго.

15.—«Днѣпръ росполиваеть... Рушися Днѣпръ».

Рушися — по Церковно-Славянски, а по Великороссійски было бы рушился; такъ писали обыкновенно, т. е. съ буквою *л*, и Малороссійскіе, и Бѣлорусскіе писатели позднѣйшихъ вѣковъ, хотя въ народномъ выговорѣ, и Малороссійскомъ, и Бѣлорусскомъ, это *л* обращается въ полугласное *в:* давъ, дала, дало; рушився, рушилась, рушилось. А что глаголъ рушати, рушити, принадлежитъ искони Малороссійскому нарѣчію, о томъ и говорить нѣчего; какъ у Нестора сказано: «и повелѣ игуменъ рушити» (1091 г.): какъ въ Лѣтописи Кіевской: «уже рѣкы ся рушаютъ» (1148), такъ и въ думѣ Украинской, на походъ въ Молдавію (1650 г.), говорится:

«Самъ Хмельницкій попередъ всѣхъ рушавъ,
До Хотіи прибувавъ».

«Не рушь»! говорятъ Украинцы, т. е. не тронь, не займай!

Глаголъ росполиваеть или росполивае — тоже Малороссійскій (прибавокъ *ть* удерживается и откидывается послѣ *е*, какъ и въ Кіевской Лѣтописи встрѣчаемъ, речеть и рече). Имя полой (выговаривается полій, т. е. вода поверхъ льда) извѣстно каждому приднѣпровскому Украинцу.

16.—«Половци яшася бѣгу опять своею дорогою».

Своею дорогою — это не по Церковно-Славянски; ибо дорога или дарога есть наша Общерусская форма этого слова, которое Западнославянскою рѣчью сокращено въ дрога и драга. Но тутъ вотъ въ чемъ дѣло: Великороссіяне говорятъ: дорогою, по дорогѣ, при дорогѣ, а Малороссіяне говорятъ: дорогою, по дорозѣ, при дорозѣ. Въ Кіевской Лѣтописи читаемъ: своею дорогою,— «наѣхаша дорогу ихъ, и поѣхаша по дорозѣ»... (1173

г.), или: «по королеви дорозѣ» (1152 г.); очевидно, что это написано по Малороссійски, а не по Великороссійски.

Приведу такой же примѣръ изъ Нестора. Порогъ или парогъ есть наша Общерусская форма этого слова, сокращенная всею Западнославянскою рѣчью въ прогъ и прагъ. У Нестора написано: «Новгородцю же сѣдящю на порозѣ» (1071 г.); ясное дѣло, что это написано по Малороссійски: Великороссіянинъ сказалъ бы «на порогѣ».

А ты говоришь теперь: «Если Малороссійское нарѣчіе жило на Днѣпрѣ, то зачѣмъ нѣтъ его слѣдовъ въ лѣтописяхъ»?—Какихъ тебѣ еще слѣдовъ, какъ эти чисто-Малороссійскія формы: на порозѣ, по дорозѣ?... Сходно съ этимъ и по Бѣлорусски говорится: на парозѣ, на дарозѣ; а по Великороссійски на парогѣ, по дарогѣ, или на дорогѣ.

Тутъ открывается случай означить еще одну филологическую примѣту: Малороссійское нарѣчіе, сходно съ Бѣлорусскимъ и Церковно-Славянскимъ, въ именахъ всѣхъ трехъ родовъ, перемѣняетъ гортанные звуки *г*, *х*, *к*, на *з*, *с*, *ц*, передъ *ѣ*, въ падежахъ дательномъ и предложномъ; Великороссійское нарѣчіе, въ этомъ случаѣ, удерживаетъ *г*, *х*, *к* безъ перемѣны. Это еще одна отличительная черта, по которой Великороссійское нарѣчіе отмѣняется отъ Церковно-Славянскаго и отъ Малороссійскаго. Видишь, сколько уже набирается такихъ отличительныхъ примѣтъ, вопреки мнимому тожеству Церковнаго языка съ Великороссійскимъ!

Приведу для звука *х* примѣры изъ Кіевской Лѣтописи: «ни въ добрѣ, ни въ лисѣ» (1152 г.)—«иде съ ними къ Воробеинѣ и къ Росусѣ» (1160 г.), по Хлѣбниковскому списку—«къ Роксусѣ». Казалось бы, ясное дѣло, что здѣсь имена лихо и Росуха или Роксуха склонены по Малороссійски (или хоть по Церковно-Славянски); но у Карамзина, Строева, Неволина (въ Спискѣ Русскихъ городовъ) поставлена Роксуса; да и въ твоемъ «Розысканіи о городахъ» поставлена Росуса! Всѣ вы, по Великороссійскому нарѣчію, и не могли произвести иного именительнаго падежа изъ лѣтописнаго выраженія къ Росусѣ. Я писалъ тогда объ

этомъ, кажется, къ тебѣ, или къ Неволину, не припомню уже; и ты, въ 4-мъ томѣ «Изслѣдованій», поправилъ прежнюю ошибку свою, поставивъ не Росуса, а Росуха, и приведя справедливое указаніе Надеждина и Неволина на село Расуху, понынѣ существующее въ Сѣверной сторонѣ.

Но зачѣмъ же ты оставилъ безъ поправки, въ 4-мъ томѣ «Изслѣдованій», имя Свинуси, когда ты же опредѣлилъ намъ это историческое мѣсто, указаніемъ на нынѣшнее Волынское село Свинюхи?... Въ Кіевской Лѣтописи сказано: «и снястася Гюрги съ Ярославомъ Галичьскимъ у Свинусѣхъ въ селѣ» (1157 г.). Казалось бы, ясное дѣло, что здѣсь склонилось по Церковно-Славянски Южнорусское имя Волынскаго села Свинухи (какъ на Украинѣ—Чернухи); но вамъ не подсказало этого Великороссійское нарѣчіе, и отъ того у васъ явились Свинусы (такъ и въ Ключѣ Строева) или Свинуси. Кстати для исторіи этого села, скажу, что оно называлось Свинюхами уже и въ XVI-мъ вѣкѣ, какъ видно изъ жалобы князя Курбскаго 1575 года объ убійствѣ его урядника, Калиновскаго, Берестецкими мѣщанами Войтехомъ и Андреемъ Остаховичами. Князь говоритъ, что Калиновскаго едва живаго подданный Хацъ «до Свинюхъ отослалъ, тамъ же у Съвинюсехъ заразомъ съ тыхъ ранъ тотъ урядникъ мой умеръ» [1]).

Вотъ уже мы разсмотрѣли 16 доказательныхъ выписокъ твоихъ изъ Кіевской Лѣтописи: и ни одного изъ нихъ не нашлось въ пользу твоей Новороссійской системы, — все не впопадъ; и ты долженъ самъ увидѣть теперь, что ты ими—убилъ бобра. А какъ искатель и другъ истины, ты—ужели не отречешься отъ своего новаго и напраснаго слова, будто въ Кіевской Лѣтописи нѣтъ слѣдовъ Малороссійскаго нарѣчія?.... Это нарѣчіе такъ часто пробивается сквозь основу письменнаго языка Церковно-Славянскаго! Развернемъ еще нѣсколько разъ Кіевскую Лѣтопись на удачу, и съ каждой открывшейся страницы выпишемъ по одному мѣсту:

---

[1]) См. на стр. 68 во 2 томѣ. «Жизнь князя А. М. Курбскаго» К. 1849 г., превосходный трудъ профессора Иванишева, изданный Кіевскою Временною Коммиссіей.

1.—Стр. 39. «и того еста съступила, и досыти ми пересердія учинила еста».

Къ этому мѣсту приведу изъ Украинской думы о Гетманѣ Самойлѣ Кôшкѣ:

«На що ты на мене такее великее пересердіе маешь,
Що одъ мене сёгодня барзо рано выѣзжаешъ»?

2.—Стр. 140. «изъѣхаша (Половци) городъ Чюрнаевъ, и острогъ взяша, и дворъ зажгоша, и статокъ его всь поимаша и.... ту перепочивше.... и возвратишася къ ватагамъ своимъ».

Тутъ всѣ отмѣченныя мною слова—Малороссійскія.

3.—Стр. 144. «Въ тоже лѣто паде снѣгъ великъ въ Кіевской сторони, коневи до черева на Великдень».

4.—Стр. 55. Оттолѣ (Изяславъ) шедъ, и ста у Святославли Криницѣ».

Вотъ кстати тебѣ приднѣпровская мѣстность, названная чисто Малороссійскимъ словомъ, криниця, которое у Галицкой и Карпатской Руси перевернуто въ кирниця, (какъ слово долонь, длань, длонь, Московскимъ нарѣчіемъ перевернуто въ ладонь). Ты говоришь въ своемъ письмѣ: «При географическихъ моихъ изслѣдованіяхъ я былъ пораженъ характеромъ многихъ собственныхъ именъ тамъ, вовсе не Малороссійскимъ». Жаль, что ты не привелъ этихъ именъ: назови ихъ, пожалуста, для нашего вразумленія. Я и самъ, какъ ты знаешь, не мало занимался «историческою Географіей» Южной Руси; однако не былъ пораженъ такимъ явленіемъ, о которомъ ты говоришь. Между географическими именами, конечно, есть многія, происхожденіе которыхъ трудно изъяснить, которыя иногда взяты изъ языка Половцевъ и прочихъ одноплеменныхъ имъ народцевъ (напр. Инжиръ-бродъ); но въ большинствѣ — имена Малороссійскія, начиная съ Кіева (отъ собственнаго имени князя Кія, по нарицательному имени Кій), и названной теперь Святославовой Криници, до острова Хортичего (отъ хортъ, хортиця, борзая собака).

Не надо только придавать Южнорусскимъ географическимъ именамъ окончаній по Великорусскому нарѣчію,

какъ мы видѣли выше на Росухѣ. Ты въ «Изслѣдованіяхъ» ставишь: Серебреной, Боровой, Дерновое; это несвойственно; надо: Серебреный, Боровый, Дерновый (городъ, нынѣ село Деренковецъ). По моему, и именамъ, кончащимся по Южнорусски на *ця*, (какъ видно и по тексту Лѣтописному) можно бы не придавать Великорусскаго окончанія *ца*, по крайней мѣрѣ, въ ихъ Географическомъ спискѣ. Передѣлаете на Сѣверные звуки Южнорусскія имена, да потомъ и будете говорить, что они поражаютъ характеромъ вовсе не Малороссійскимъ!

5.—Стр. 145. «А думай, гадай о Русской земли, и о своей чести, и о нашей».

Думати-гадати—это одно изъ любимыхъ выраженій пѣсеннаго и разговорнаго языка Южнорусскаго. Такъ и помянутая выше дума о походѣ въ Молдавію начинается слѣдующими стихами:

«Изъ низу Днѣпра тихій вѣтеръ вѣе-повѣвае,
Вôйсько Козацьке въ походъ выступае;
Тôлько Богъ Святый знае,
Що Хмельницькій думае-гадае!»

6. Стр. 72.—«и вложиша и́ (Галицкаго Князя, Володимера) въ укропъ, и молвяхуть, яко дна есть подъступила».

Редакція пояснила, что—«дна слово Польское и Чешское: ломъ въ составахъ или костяхъ». Но я пояснилъ бы это изъ Малороссійскаго нарѣчія тѣмъ, что днами называется внутренняя середка живота, и что подступила дна значитъ уже смертельную болѣзнь, схватившую Князя, отъ которой и былъ онъ посаженъ въ укропъ (чтобы ему спарить животъ—первѣйшее средство и у нынѣшнихъ Малороссійскихъ лѣкарокъ). Украинскія женки очень примѣчаютъ, пока у нихъ еще «дна бьютъ, якъ курчята клюють!» (Дна подъступила—въ Лѣтописи, множественное число средняго рода).

Новгородцы въ XII-мъ вѣкѣ «пили укропъ» (ужь не збитень ли?). Но это слово укропъ или окрôпъ по нынѣ самое повседневное Малороссійское слово, означающее горячую воду. (Не слѣдуетъ смѣшивать его съ словомъ окрѣпъ—

окопъ, укрѣпленіе. Буквы *ъ* и *ѣ* выговариваются одинаково, какъ тонкое *и*).

7.—Стр. 6. «Княземъ за ракою идущимъ, межи воромъ, и не бѣ лзѣ везти отъ множества народа, поламляху воръ».

Писецъ позднѣйшаго Ермолаевскаго списка поставилъ: а межи возомъ, поламляху дворъ (такъ и Псковской Лѣтописи, изданіемъ которой мы обязаны тебѣ) вмѣсто бродове заворены вдрами переписчики ставили и заворонены и затворены.

Но въ Малороссійскомъ нарѣчіи весьма извѣстны слова ворьѣ, воръ, огорожа изъ жердей; а каждая жердина, въ такой огорожѣ, зовется вориною. Отсюда и названье приднѣпровскаго мѣста Воровичи (К. Л. 1150 г.).

Но довольно выписокъ изъ Кіевской Лѣтописи. Обратимся къ Нестору.

Письмо восьмое.

20 Августа.

Вопросъ о языкѣ Несторовой Лѣтописи можно было считать рѣшеннымъ: это языкъ Церковно-Славянскій съ примѣсью изъ народнаго Южнорусскаго языка по его Кіевскому нарѣчію,—также, какъ и въ Кіевской Лѣтописи XII-го вѣка. Это рѣшеніе, я думаю, выдержитъ всякую пробу, точно такъ, какъ и подлинная, неподложная древность Несторовой Лѣтописи, и Пѣсни о Полку Игоревѣ, и трехъ Договоровъ съ Греками, выдержали всѣ пробы Скептицизма. Въ 3-мъ томѣ «Изслѣдованій» ты говорилъ тоже: «У Нестора находите вы отраженіе Малороссійское», и заступался горячо за это мнѣніе (стр. 357): но теперь ты уже противъ него, и называешь его предубѣжденіемъ, вслѣдствіе своего новаго убѣжденія, будто въ Несторѣ, какъ и въ Кіевской Лѣтописи, нѣтъ и слѣдовъ Малороссійскаго нарѣчія, а есть слѣды Великороссійскіе, и будто лѣтописи въ Кіевѣ писали Великороссіяне, какъ древнѣйшіе жители Кіевской страны, и писали на своемъ природномъ, Великороссійскомъ, нарѣчіи, тожественномъ съ такъ называемымъ Церковно-Славянскимъ.

Ты говоришь: «Воображаю себѣ лѣтописателя Нестора или другаго монаха: какъ могло придти ему въ голову ломать себѣ языкъ и завести новую рѣчь, постоянно соображаясь съ Церковными образцами, которыхъ не зналъ же онъ сполна наизустъ. Можно ли писать на чужомъ нарѣчіи, не зная его? А знать его было нельзя! За всякою формою ему надо бы справляться? Какъ бы не забылъ онъ ту или другую, и не запутался въ своихъ выраженіяхъ? Что за насиліе должно было дѣлать себѣ? Кто могъ выдержать это? Вѣроятно ли это»?...

Что это? Ужь не скептицизмъ ли Каченовскаго, въ отмщеніе за себя, подсказалъ тебѣ такія рѣчи, и навѣялъ на воображеніе твое «духъ отрицанья, духъ сомнѣнья»!... Отъ чего же военный человѣкъ, Молдавскій воеводичь, Петръ Могила, поступившій въ Печерскіе монахи, черезъ 6½ вѣковъ послѣ Нестора, писалъ свободно на трехъ родственныхъ языкахъ, на Церковно-Славянскомъ, Польскомъ и на тогдашнемъ письменномъ языкѣ Западнорусскомъ?... Отъ чего въ Кіевѣ, нѣсколько ранѣе Нестора, князь Всеволодъ Ярославичь, «дома сѣдя, изумѣяше пять языкъ?» А любознательный, книжный Несторъ, возмужавшій въ великомъ училищѣ Руси, въ Печерскомъ монастырѣ, когда былъ живъ еще и преподобный Ѳеодосій, писавшій столько Поученій къ братіи и Посланій къ князьямъ, въ пещерной келіи котораго инокъ Иларіонъ проводилъ дни и ночи въ списываньи книгъ, блаженный Никонъ занимался обдѣлкою ихъ, для которой самъ «Начальникъ» прялъ волну и вервіе... Несторъ, среди Печерской братіи, въ которой тогда былъ и «творецъ каноновъ, Григорій», не могъ знать Церковнаго языка!.. Не могъ знать, черезъ сто лѣтъ послѣ того, какъ великій «Просвѣтитель Руси» началъ отдавать дѣтей на ученье книжное, и Церковно-Славянскій языкъ сталъ молитвеннымъ языкомъ Русскаго человѣка!... Да если бы нашимъ богослужебнымъ языкомъ при Владимірѣ сталъ Греческій, или Латинскій, и на нихъ писали бы свободно Кіевскіе грамотники XI-го вѣка, какъ впослѣдствіи Кіевляне, Яворскій и Прокоповичь, можно сказать, играли Латинскимъ языкомъ въ своихъ стихотвореніяхъ, свободно писавши и на Польскомъ, и на Церковно-

Славянскомъ, и на тогдашнемъ Русскомъ въ двухъ его видахъ А съ какою правильностью и отчетливостью писали, прежде, Нестора, на Церковномъ языкѣ, и Новгородскій діаконъ Григорій, въ Евангеліи Остромировскомъ (1056 г.), и дьякъ Іоаннъ, вѣроятно Кіевскій, въ Изборникѣ Святославовскомъ (1073 г.). Но—то были уже записные знатоки и мастера въ языкѣ Церковномъ, вѣроятно, изъ Ярославовой школы писцевъ и переводчиковъ, о которой Несторъ говоритъ съ такою любовью: «якоже бо се нѣкто землю разбреть, другій же насѣеть, ини же пожинають и ѣдять пищу бескудну, тако и сь: отець бо сего Володимеръ взора и умягчи, рекше крещеньемъ просвѣтивъ; сь же насѣя книжными словесы сердця вѣрныхъ людій; а мы пожинаемъ, ученье пріемлющее книжное». Несторъ и его Кіевскіе преемники не заводили новой рѣчи: прежде ихъ Церковный языкъ былъ уже на Руси богослужебнымъ и письменнымъ языкомъ, на которомъ писали Иларіонъ, и Іаковъ, и Лука, и Ѳеодосій, и еще прежде другіе Русскіе грамотники написали Русскую Правду и Уставы Церковные. Для Нестора и его продолжателей Церковный языкъ былъ уже не мертвымъ, но живымъ языкъ, усвояемымъ съ дѣтства, вмѣстѣ съ народнымъ языкомъ Южнорусскимъ, который въ ихъ писаніяхъ и входилъ свободно въ основу Церковно-Славянскую, какъ это видимъ мы и въ Русской Правдѣ, и въ Пѣсни о Полку Игоревѣ. Да и ты самъ, не смотря на свое нынѣшнее утвержденіе о тожествѣ Церковнаго языка съ Великороссійскимъ, различаешь въ Несторѣ: слова и обороты не Церковные, а Великороссійскіе, отъ прочихъ—какихъ же? Церковныхъ, не Великороссійскихъ! Видишь, въ твоемъ новомъ убѣжденіи есть уже противорѣчіе, которое ты можешь оправдывать разными діалектическими изворотами, но объ которомъ, по истинѣ, можно сказать словами Бѣлорусской присказки: «Круци, верци, а треба вмерци»!

Въ твоихъ доказательныхъ выпискахъ изъ Нестора столь же мало доказательной силы, какъ и въ выпискахъ изъ Кіевской Лѣтописи.

Вотъ первая, а въ счетѣ мною разсматриваемыхъ 17-я: «Сзывая безчисленное множество народа» (такъ

напечатано въ твоемъ письмѣ); напишемъ, какъ у Лаврентія: «сзывая бещисленное множьство народа». (См. въ изданіи Тимковскаго, стр. 88). Тутъ нѣтъ ни одного слова не-Церковнаго и не-Малороссійскаго.

18.—«Егда же подъпьяхутьсѧ, начняхуть роптати на князь, глаголюще: зло есть нашимъ головамъ!»

Подъпьяхутьсѧ—развѣ это «чисто по Великороссійски»? Нѣтъ! Эта глагольная форма, какъ и начняхуть, есть Церковно-Славянская, съ окончаніемъ *ху* (въ единственномъ числѣ *ше*), которому наши Кіевскіе писатели XI-го вѣка придавали нерѣдко свой привычный глагольный прибавокъ 3-го лица *ть* (бяще-ть, бяху-ть): а въ XII-мъ вѣкѣ эта форма была въ ходу и у Сѣверной Руси (съ тою разницею, что тамъ писали и *ть* и *тъ*). Такъ я изъяснилъ эту особенную глагольную форму (шеть, хуть) въ моей «Исторіи древней Руской Словесности» (гл. VIII.), и остаюсь при прежнемъ мнѣніи. Что же касается до выраженія «нашимъ головамъ», то это у Кіевскаго писателя—по Малороссійски, у Новгородца или Суздальца было бы—по Великороссійски.

Пропускаю двѣ выписки твои, съ словами: «молчаливъ, боголюбивъ» (отмѣченными, какъ чисто-Великороссійскія, не Церковныя), и беру въ разсмотрѣніе слѣдующія:

19.—«Володимеръ же нача размышляти». (стр. 93).

20.—«Володимеръ—расплакався». (стр. 112).

21.—«Половци землю нашю несуть розно». (стр. 109).

Слово розно у Нестора пишется и по Церковно-Славянски—разно (на стр. 112; «разидошася разно»; на стр. 34: «расточи я разно»), и по Южнорусски—розно. А что это слово издавна въ нарѣчіи Малороссійскомъ, тому въ примѣръ приведу соотвѣтственное мѣсто изъ стиховъ Гетмана Мазепы объ Украинѣ:

«Мати моя старéнькая,
Чомъ ты вельми слабéнькая?
Розно тебе росшарпали» [1]).

[1]) См. Исторію Малой Россіи, Бантышъ-Каменскаго. 1822. Т. III. с. 296.

Такъ и въ Кіевской Лѣтописи: «Половци розшлися розно» (1147 г.), росплакався («се слышавъ Володимеръ, росплакався и рече»)—это у Нестора по Малороссійски, равно какъ и розглядають городъ» и проч. Или въ Кіевской «Лѣтописи: розирая нарядъ его, и како городъ стоить». Малороссійское нарѣчіе присвоило себѣ исключительно *роз*, тогда какъ въ Великороссійскомъ допускаются и *роз*, и *раз*. Глаголъ размышляти написанъ по Церковно-Славянски; но онъ весьма извѣстенъ и въ Малороссійскомъ нарѣчіи: розмышляти, замышляти, и т. п.

22.—«Бяше пришелъ Славята.... на нѣкое орудье».

Ты справедливо говоришь: «выраженіе самое употребительное»: но это въ лѣтописаньи. Орудье, въ смыслѣ дѣла, слово—не очень употребительное въ Великороссійскомъ нарѣчіи, равно и въ Малороссійскомъ; однако въ Малороссійскомъ остались отъ него весьма употребительные глаголы: орудовать (дѣлать, работать), зъорудовать (выиграть дѣло, или сдѣлать что въ свою пользу). Видишь, что этою выпискою ты ничего не съорудовалъ для своей Новороссійской системы!

23.—«Не бѣ лзѣ вкрастися въ градъ».

И тутъ нѣтъ ничего такого, что можно бы назвать чисто-Великороссійскимъ, не Церковнымъ, и не Малороссійскимъ.

Но вотъ уже кончается предположенное мною число твоихъ выписокъ. Беру послѣднюю изъ Нестора:

24.—«Олегъ не всхотѣ сего, вину река: не сдравьлю».

25.—Въ дополненіе приведу еще одну изъ Кіевской Лѣтописи: «и шелъ спать здоровъ».

У тебя оба слова сдравьлю и здоровъ отмѣчены, какъ Великороссійскія; но первая форма—Церковно-Славянская, вторая Общерусская; у Кіевскаго Лѣтописца она Малороссійская. Коренное и первообразное слово здоровъ, въ Западнославянской рѣчи перемѣнилось въ здровъ, здравъ и съдравъ (такъ въ Остромировомъ Евангеліи); таково и Несторово сдравьлю. По Малороссіи здоровъ, поздо-

ровляти, поздоровити (поздравить), поздоровѣти, и поздоровити: «Поздоровъ Боже васъ»!—любимое присловье Украинскаго селянина.

И такъ по твоимъ выпискамъ изъ Нестора видно, что и здѣсь, какъ въ Кіевской Лѣтописи, все, что названо тобою Великороссійскимъ, принадлежитъ или Церковно-Славянскому языку, или Малороссійскому нарѣчію. И такъ основаніе новой системы твоей рушится, а съ нимъ рушится и самая система твоя, измечтанная всею хитростью! Ты говоришь, что заключенія твои о заселенности Малороссіи искони Великороссіянами, а не Малороссіянами, и о тожествѣ Великорусскаго нарѣчія съ Церковнымъ съ перваго раза испугали тебя... Не былъ ли то голосъ исторической совѣсти?... Доказывать, что до нашествія Татарскаго на Кіевъ не было Малороссійскаго народа на Руси Кіевской,—для меня все равно, если бы доказывать, что до нашествія Польскаго на Москву не было Великороссійскаго народа на Руси Московской!

Письмо девятое.

21 Августа.

Взглянемъ на Волынскую Лѣтопись, писанную въ продолженіе XIII-го вѣка. Хотя въ Галичѣ, на Подольи и Волыни ты допускаешь Малороссіянъ и въ до-Татарское время, однако написаніе Волынской Лѣтописи ты поручаешь своимъ «Кіевскимъ Великороссіянамъ», даже и написаніе второй половины ея до нашествія Татарскаго. Ты говоришь: «Можетъ быть, Малороссіяне тогда еще недостаточно возобладали въ странѣ, и оставались еще слѣды Великороссійскіе въ княжескихъ родахъ боярскихъ, въ духовенствѣ, въ военномъ сословіи. Пришли же туда еще позднѣе Литовцы или Бѣлорусцы, съ Гедиминомъ, и ввели въ письменное употребленіе свой языкъ, ведшійся даже до позднѣйшаго времени, между тѣмъ какъ тамъ несомнѣнно уже жили Малороссіяне. Я говорю о времени послѣ Татаръ, и даже хоть до Петра I. Какъ Бѣлорусское употреблялось въ этотъ періодъ, такъ Великорусское, господствовавшее сначала при Великороссіянахъ, могло вестися тамъ

между грамотѣями еще въ XIII столѣтіи. Укажу и на значительный примѣръ изъ Волынской (подъ 1205 г.): «Бѣ Тимоѳей въ Галичѣ премудръ книжникъ, отцество имѣя въ градѣ Кіевѣ».

Т. е. ты хочешь, чтобы и въ Галичѣ писали не Малороссіяне, а твои Кіевскіе Великороссіяне! Да такъ и говоришь ты далѣе, что нарѣчіе «Малороссійское существовало въ устахъ своего племени, а лѣтописи писаны Великороссіянами, которые потому и оставили свои слѣды а не Малороссійскіе». (Мы видѣли уже эти слѣды, по твоимъ выпискамъ). Но ты и Малороссіянамъ, переселеннымъ тобою изъ Карпатъ въ Кіевскую сторону послѣ Татаръ, и всѣмъ вообще, не даешь писать у себя дома, говоря, что и послѣ Татаръ «писали Бѣлоруссцы, и писали на своемъ нарѣчіи, а не Малороссіяне»,—и это продолжаешь—«даже хоть до Петра I-го»!...

Тутъ, припомнивъ Митрополита Кирилла III-го, уроженца Волынскаго (1250), съ его краснорѣчивымъ современникомъ, Серапіономъ изъ Кіева, и святаго Митрополита Петра Волынца (1326), и Васcіана, и наконецъ старца Епифанія Славинецкаго, съ его Кіевскими сотрудниками въ Москвѣ,—подумаешь, что ты Малороссіянамъ предоставляешь писать только за предѣлами Малороссіи; а въ ней назначаешь писать только Бѣлоруссцамъ на ихъ языкѣ!... Но я не стану здѣсь входить ни въ эти дальнѣйшія подробности твоей Новороссійской системы, столь не прочной (какъ самъ видишь) въ ея филологическомъ основаніи, ни въ твои историческіе выводы, по которымъ ты такъ произвольно выживаешь изъ Кіевской первозванной Русской земли, Малороссійскій народъ, искони здѣсь обитающій, и замѣщаешь его новопридуманными Кіевскими Великороссіянами. (Это понадобилось тебѣ, кажется, для того, что,—говоришь,—«не даромъ же Несторъ, описывая разселеніе племенъ по пространству нынѣшней Россіи, оставляетъ нашу Великую Россію почти пусту!» Такъ изъ-за этой, едва ли дѣйствительной, пустоты надо тебѣ нашу Малую Россію оставить совсѣмъ пусту при нашествіи Татаръ—выводомъ изъ нея на Сѣверъ мнимыхъ Великороссіянъ, а на ихъ мѣсто свято

перевесть не книжныхъ Карпаторуссцевъ, да пишущихъ Бѣлоруссцевъ!). Я обратился къ Волынской Лѣтописи въ видахъ филологическихъ, чтобы сказать, что она, такъ же какъ Несторова и Кіевская Лѣтопись, писана Церковно-Славянскимъ языкомъ съ примѣсью нарѣчія Малороссійскаго. Южнорусскій языкъ состоитъ въ двухъ главныхъ нарѣчіяхъ: въ Малороссійскомъ, и Червонорусскомъ. Оба они, при всѣхъ мѣстныхъ своихъ разностяхъ, запечатлѣны единствомъ одного языка, что и свидѣтельствуетъ о древнемъ его образованіи. А потому разныя мнѣнія о происхожденіи Южнорусскаго языка послѣ XIII-го вѣка несправедливы такъ же, какъ и мнѣніе Калайдовича, будто Церковно-Славянскій или Моравскій языкъ былъ общимъ и нераздѣльнымъ языкомъ всѣхъ Славянъ еще въ IX-мъ вѣкѣ!. Южнорусскій языкъ ближе и роднѣе всѣхъ къ Сѣверорусскому, состоящему въ двухъ главныхъ нарѣчіяхъ Великороссійскомъ и Бѣлорусскомъ, и составляетъ съ нимъ одну великую рѣчь Русскую или Восточнославянскую. Русская рѣчь соотвѣтственна всей Западнославянской рѣчи, состоящей тоже въ двухъ удѣлахъ: Югозападномъ (куда принадлежатъ 5 Задунайскихъ языковъ: Церковно-Славянскій или Македонскій, Болгарскій, Сербскій, Хорватскій и Хорутанскій) и Сѣверозападномъ (гдѣ также 5 языковъ Польскій, Чешскій, Словацкій, Лужицкій, и Полабскій). Припоминаю весь кругъ Славянской рѣчи для того, чтобы еще разъ сказать, какое несвойственное проповѣдалъ ты тожество Великорусскаго нарѣчія съ Церковно-Славянскимъ, и какъ несправедливо у тебя разлученіе Малороссійскаго съ Великорусскимъ, которыя—Сѣверскимъ поднарѣчіемъ съ одной стороны, и Среднерусскимъ (по племени Вятицкимъ) съ другой стороны, сходятся многими признаками близко. Но въ отношеніи къ Церковно-Славянскому языку, Малороссійское нарѣчіе во многихъ примѣтахъ ближе къ нему, чѣмъ Великороссійское, хотя при позднѣйшемъ образованіи Московскаго поднарѣчія въ нынѣшній, собственно такъ называемый Русскій языкъ, Церковный языкъ вошелъ въ составъ его

гораздо глубже и обильнѣе, чѣмъ въ какой либо другой; и отъ того-то тебѣ показалось однородство и даже тожество Великороссійскаго нарѣчія съ Церковнымъ: позднѣйшее живое сочетаніе ты призналъ за первородное единство, чего филологія не признаетъ никогда. Карпаторусское поднарѣчіе есть самое далекое отъ Украинскаго; и по мѣсту, и по примѣтамъ это послѣднее есть наиболѣе развитое и образцовое въ Южнорусскомъ языкѣ, по принадлежности своей издревле къ Кіеву и Переяславу, (подобно тому какъ въ кругу Великороссійскомъ поднарѣчіе Московское). Украинское нарѣчіе не можетъ быть признано непосредственно отросткомъ и пересадкомъ Карпаторусскаго, въ XIII-мъ вѣкѣ. Вотъ и филологическое возраженіе противъ твоего вывода Украинскаго народа отъ Руси Карпатской послѣ нашествія Татаръ, вывода, не имѣющаго себѣ исторической опоры. Ты думаешь, что изслѣдованіе особенностей Малороссійскаго нарѣчія прольетъ свѣтъ на происхожденіе Козаковъ. Нѣтъ, здѣсь историческія свидѣтельства были бы важнѣе филологическихъ; и сколько можно проникать сквозь мглу, еще не сошедшую съ этого историческаго вопроса, то наши Козаки не иные кто, какъ Украинцы, даже и при той догадкѣ или мечтѣ моей что первымъ началомъ нашего козачества были древніе Тмутороканцы, по прекращеніи ихъ княжества (а слово Козакъ было и въ языкѣ Половецкомъ). Что же касается до составленія новаго племени Козацкаго изъ Торковъ и Волынскихъ Малороссіянъ, то я этого никакъ не понимаю и не провижу. Къ чему и какъ тутъ именно Волынцы, и что за новое племя Козацкое?.... Козачество было званіе, сословіе а не племя.

Письмо десятое.

22 Августа.

Можетъ быть, въ Лѣтописи Кіевской ты думалъ видѣть такія особенности Малороссійскаго нарѣчія, какъ, наприм. обращеніе гласныхъ звуковъ въ тонкое *и:* кôнь — кинь, нôжъ — нижъ, нѣжъ — нижъ, и т. п. Но этотъ выговоръ не есть повсемѣстный въ Южнорусскомъ языкѣ, и грамотные

Малороссіяне до исхода прошлаго столѣтія не вводили въ свое правописаніе такихъ особенностей, писали: конь, ножъ, нежъ, и т. п. Учась грамотѣ по букварю, часословцу и псалтырю, они и въ правописаніи своемъ соблюдали, по возможности, правописаніе Церковное; по крайней мѣрѣ оно было главною основою. Такъ и Московскіе грамотники: они не выражали буквами точь въ точь особенностей своего выговора, не писали: *фсе* (вм. все), званятъ въ калакала и т. п. Равно и Бѣлорусское нарѣчіе (какъ ты и говоришь, что на немъ писали въ Малороссіи съ половины XIV-го вѣка и даже хоть до Петра) никогда, даже въ самой Бѣлоруссіи, не являлось на письмѣ съ своими главными особенностями, ни съ своимъ *а*, вм. о, болѣе твердымъ, чѣмъ Московское и Средне- Русское, ни съ своимъ *дз* и *ц* вм. отончаемыхъ *д* и *т*; (а эти особенности принадлежатъ Бѣлорусскому нарѣчію, конечно, съ незапамятныхъ временъ, не то, чтобы съ XIII-го или даже XI-го вѣка). И такъ отсутствіе разныхъ областныхъ особенностей у Древнерусскихъ грамотниковъ не должно быть поводомъ къ заключенію, что ихъ и не было въ нарѣчіяхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, напримѣръ, выговоръ *ѣ*, какъ *и*, у Новгородцевъ, случайно обличается подъ перомъ діакона Григорія въ самомъ текстѣ Евангелія (въ повелительномъ наклоненіи). Такъ и у Нестора встрѣчаемъ: посмихаяся вм. посмѣхаяся, можешь приписать это опискѣ Кіевлянина для котораго *ѣ—и*. Еще, для заключенія о древнихъ принадлежностяхъ нарѣчій, надо имѣть въ виду, что съ теченіемъ вѣковъ многія слова перемѣняли свое значеніе, напримѣръ: въ Кіевской Лѣтописи заворожити (1149 г.) значитъ поссорить, завести ворожду (вражду); а теперь значитъ загадать; 2) совершенно забывались, напр.: папорзъ, вѣверица, или слово Хоробрый, которое теперь непонятно для простолюдина, и онъ подумаетъ, что оно значитъ больной (хороба), между тѣмъ въ Украинскихъ думахъ XVII-го вѣка это слово еще употребительно; въ Волынской Лѣтописи Святославъ Хоробрый; или: ее же король Данило Князь добрый, хоробрый и мудрый (1264). Тоже и въ Кіевской Лѣтописи: «яша Дмитра хороброго и Олексу дворьского»

(1171 г.); тоже и въ Игоревой Пѣсни. Надо имѣть въ виду и то, что какъ не всѣ города и села поименованы у лѣтописцевъ, и не всѣ событія историческія описаны и упомянуты, и не всѣ князья названы поименно; тѣмъ менѣе могли войти въ лѣтопись всѣ слова языка своенароднаго и Церковнаго. Отрицая присутствіе слѣдовъ Малороссійскаго нарѣчія, ты говоришь: «еще болѣе слова, относящіяся до жилища, до одежды, до пищи, отнюдь не Малороссійскія. Вездѣ видите избу, истопку, а не хату; сапоги, лапти, а не чоботы; квасъ, медъ, жито и т. п.» Не только хата и чоботы, но большая часть словъ, относящихся къ жилью и одеждѣ, пропущена въ Лѣтописаньи!

Относительно одежды я уже упамянулъ о кожухѣ, свитѣ, свиткѣ и сорочкѣ; онѣ отнимаютъ у тебя всякое право говорить, что названья одеждъ въ Лѣтописяхъ «отнюдь не-Малороссійскія»; напротивъ, онѣ подтверждаютъ собою право на признаніе въ Лѣтописи Малороссійскихъ одеждъ. «Кожюхъ же оловира Грецького и круживы златыми плоскыми ошитъ и сапози зеленого хъза шити золотомъ» (В. Л. 1262). Припомнимъ и кожухы въ Игоревой пѣсни. Слово сапоги у Нестора и прочихъ Кіевлянъ никакъ нельзя назвать Великороссійскимъ, уже потому, что оно есть и въ Церковномъ языкѣ: «дадите пръстень на руку его и сапогы на нозѣ его». Остр. А что это слово было въ Южнорусскомъ языкѣ въ древности, о томъ свидѣтельствуютъ и названье засапожникъ (ножъ, кинжалъ въ Игоревой Пѣсни), и Волынскій городокъ Сапогынь — (1151 г.), нынѣшнее село Сапожинъ. Ты говоришь, что въ Лѣтописи видимъ лапти; но упомянутые у Нестора лапотники не относятся къ Южной Руси. Когда одержана была побѣда надъ Волжскими Болгарами, Добрыня говорилъ Володимеру: «съглядахъ колодникъ, оже суть вси въ сапозѣхъ: симъ дани намъ не даяти; но искать лапотниковъ». На Украинѣ вмѣсто лаптей носятъ кожаные постолы или постоли, извѣстные и за Днѣпромъ (и есть народная сказка, какъ Богъ далъ дѣду золотые постолы съ серебрянными волоками, т. е. повязками); но въ лѣсныхъ мѣстахъ

Сѣверіи ходятъ и въ лаптяхъ, называемъ еще лычаками.

У Нестора, въ сказаньи о старцѣ Исакіи, говорится объ его «свитѣ вотоляной», и «червьяхъ протоптаныхъ»; въ Кіевской Лѣтописи (1147), въ сказаніи объ Игорѣ Ольговичѣ, говорится, что его «изъ свитки изволокоша». Позабыты уже въ народѣ Украинскомъ имена многихъ прежнихъ одеждъ: и корзно или кирзно, и прилбица, и многія другія одежды позднѣйшихъ вѣковъ; но свита или свитка, свитина и кожухъ остались постоянными и главными принадлежностями Украинской одежды.

Почему названье избы, истьбы или истопки замѣнилось на Украинѣ преимущественно словомъ хата, это также трудно рѣшить, какъ и то, почему у Карпаторусцевъ изба называется обыкновенно хижею? Но какъ можно было тебѣ назвать «отнюдь не Малороссійскимъ» слово изба, принадлежащее не только всѣмъ почти нарѣчіямъ Славянскимъ, но вошедшее даже и въ Половецкій словарь, вмѣстѣ съ словомъ печь? Это отрицанье твое стоитъ Сабининскаго утвержденія, что слово изба въ Русскомъ языкѣ есть Скандинавское. Между тѣмъ въ Волынской лѣтописи (1202 г.) встрѣчаемъ Малороссійское слово господа, отъ котораго и господарь, хозяинъ дома. Въ Кіевской Лѣтописи (1185), при описаніи осады Римова, т. е. нижняго Ромна (Засулья) Кончакомъ, сказано: «и летѣста двѣ городницѣ съ людьми». Это слово городница извѣстно и въ XVI и въ XVII в., при описаніи городовыхъ и замковыхъ оградъ Украинскихъ. У Нестора встрѣчаются слова: стрѣха, колодязь; такъ именно произносятся онѣ и теперь по Малороссійски. Припомню кстати Волынскій городокъ Володимеровъ-Колодязь, подъ пару Святославлевой Криницѣ. Въ Уставѣ Володимеровомъ говорится объ овинѣ; это, конечно, не относится къ Украинѣ; но за р. Сеймомъ въ Сѣверской Малороссіи, начинаются уже овины. Слово хоромы понынѣ употребительно и въ языкѣ народно-Украинскомъ. Относительно пищи и питья, какъ можно было тебѣ отнести къ разряду не-Малороссійскихъ словъ: медъ, квасъ, жито!

«Жито поспѣло, приспѣло дѣло».

Украину Поляки называли медовою страною; отсюда и къ Святославу Хороброму на Дунай, гдѣ была «середа земли его»,—приходилъ медъ, вмѣстѣ съ воскомъ, скорою и челядью. Вольно было Сабинину, въ его чрезмѣрномъ Скандинавствѣ, признать нашъ напитокъ медъ Скандинавскимъ: между тѣмъ, какъ слово это обще языкамъ семьи Индоевропейской и произносится каждымъ изъ говорящихъ ими согласно съ непремѣнными свойствами того или другаго. Объ этомъ можешь справиться, пожалуй, хоть въ самой Москвѣ, гдѣ тебѣ все это подтвердятъ, да еще прибавятъ, что нѣтъ Славянскаго народа, который бы не зналъ его, и вся разница ограничивается только оттѣнкомъ произношенія *е* (изъ *а*), звучащаго то какъ твердое *е*, то какъ отонченное *а*, то какъ *ё;* послѣднее замѣчаемъ въ выговорѣ Великороссіянъ, Бѣлоруссовъ, Поляковъ и Нижнелужичанъ; предпослѣднее у Верхнелужичанъ, а первое у всѣхъ прочихъ Славянъ. А почему, вольно и тебѣ относить его къ напиткамъ «отнюдь не-Малороссійскимъ»! Извини—Деревлянскіе меды при Ольгѣ и Кіевскіе меды Володимеровы ведутся понынѣ. Какъ въ храмовой праздникъ Преображенья, въ Васильковѣ, продолжавшійся при Владимерѣ (996 г.) восемь дней, варили 300 пудъ меду; такъ въ маломъ видѣ понынѣ на Украинѣ—къ храмовымъ днямъ варятъ медъ, на который идетъ весь окольный народъ, по пословицѣ: «Де храмъ, и мы тамъ»! Въ пѣсняхъ осталась память о великой охотницѣ до меду—Лемерихѣ:

«Ой пила пила, Лемѐриха на медý,
Да пропила свою дочку молоду».

У зажиточныхъ козаковъ встарину, вмѣстó древнихъ медушъ, были пивницы. Такъ въ пѣснѣ, прошлаго столѣтія, удалецъ Савва Чалый говоритъ:

«Пôйди, дѣвко, у пивницю,
Да принеси пива,
Ой нехай же я напьюся,
Да за свого сына!
Пôйди, дѣвко, у пивницю

Сѣверіи ходятъ и въ лаптяхъ, называемъ еще лычаками.

У Нестора, въ сказаньи о старцѣ Исакіи, говорится объ его «свитѣ вотоляной», и «червьяхъ протоптаныхъ»; въ Кіевской Лѣтописи (1147), въ сказаніи объ Игорѣ Ольговичѣ, говорится, что его «изъ свитки изволокоша». Позабыты уже въ народѣ Украинскомъ имена многихъ прежнихъ одеждъ: и корзно или кирзно, и прилбица, и многія другія одежды позднѣйшихъ вѣковъ; но свита или свитка, свитина и кожухъ остались постоянными и главными принадлежностями Украинской одежды.

Почему названье избы, истьбы или истопки замѣнилось на Украинѣ преимущественно словомъ хата, это также трудно рѣшить, какъ и то, почему у Карпаторусцевъ изба называется обыкновенно хижею? Но какъ можно было тебѣ назвать «отнюдь не Малороссійскимъ» слово изба, принадлежащее не только всѣмъ почти нарѣчіямъ Славянскимъ, но вошедшее даже и въ Половецкій словарь, вмѣстѣ съ словомъ печь? Это отрицанье твое стоитъ Сабининскаго утвержденія, что слово изба въ Русскомъ языкѣ есть Скандинавское. Между тѣмъ въ Волынской лѣтописи (1202 г.) встрѣчаемъ Малороссійское слово господа, отъ котораго и господарь, хозяинъ дома. Въ Кіевской Лѣтописи (1185), при описаніи осады Римова, т. е. нижняго Ромна (Засулья) Кончакомъ, сказано: «и летѣста двѣ городницѣ съ людьми». Это слово городница извѣстно и въ XVI и въ XVII в., при описаніи городовыхъ и замковыхъ оградъ Украинскихъ. У Нестора встрѣчаются слова: стрѣха, колодязь; такъ именно произносятся онѣ и теперь по Малороссійски. Припомню кстати Волынскій городокъ Володимеровъ-Колодязь, подъ пару Святославлевой Криницѣ. Въ Уставѣ Володимеровомъ говорится объ овинѣ; это, конечно, не относится къ Украинѣ; но за р. Сеймомъ въ Сѣверской Малороссіи, начинаются уже овины. Слово хоромы понынѣ употребительно и въ языкѣ народно-Украинскомъ. Относительно пищи и питья, какъ можно было тебѣ отнести къ разряду не-Малороссійскихъ словъ: медъ, квасъ, жито!

Одну шкурку въ зубахъ держу,
Другу тягну зъ квасу».

Кстати о глаголѣ тягну, тягнути: вѣдь нарѣчіе Великороссійское издревле выпускаетъ коренной звукъ г—тяну, тянуть. Но въ Кіевской Лѣтописи (1157) читаемъ: «и одинъ съ города потягнувъ стрѣлою». А какъ знаменательно слово: «Потягнемъ»! въ устахъ Святослава Хоробраго (971 г.). Подобно ему, и Святославъ Ярославичъ (1067 г.) на рѣкѣ Снови, противъ Половцевъ, говорилъ: «Потягнемъ, уже намъ нельзѣ камо ся дѣти»! Такъ и Игорь Святославичь (1185 г.), входя въ Половецкую землю, говорилъ: «Сего есмы искали, а потягнемъ»!—Малороссійское нарѣчіе постоянно сохраняетъ коренной звукъ г въ этомъ глаголѣ. Такъ въ Пѣснѣ, сложенной въ XVII-мъ вѣкѣ про Запорожца Грицька Сагайдачного (бывшаго послѣ Кошевымъ), онъ говоритъ:

«Гей, хто въ лѣсѣ—озовися!
Да выкрешемъ огню,
Да потягнемъ люльки,
Не журися»!

Къ слову: не знаю, ведется ли у Сѣверной Руси ребячья игра въ волосянку, которая по всей Малороссіи любима не только хлопцами, но и дѣвчатами. Сперва пропѣваютъ:

«Ой нумъ, братця, волосянкы тягти;
А хто не дотягне, того за́ чубъ тягти»!

И тянутъ всѣ *О*.... а кто первый отстанетъ, того всѣ дерутъ за чубъ. Такимъ же порядкомъ тянутъ волосянку и на всѣ гласные звуки.

Письмо одиннадцатое.

Люблю языкъ моей родины и уже лѣтъ тридцать наблюдаю звуки его въ сравненіи съ Сѣверноруссскими и съ Западно-Славянскими; примѣчаю всѣ его отголоски въ народныхъ пѣсняхъ и въ письменныхъ памятникахъ разныхъ вѣковъ. Во всѣхъ древнихъ памятникахъ, писанныхъ нѣкогда на нашемъ Русскомъ Югѣ, вижу ясно слѣды Южнорусскаго языка

въ текстѣ Церковно-Славянскомъ; и ихъ набирается множество; а ты говоришь, что тамъ нѣтъ и слѣдовъ Малороссійскаго нарѣчія!... Неужели и теперь это несправедливое нѣтъ не перемѣнишь ты на прежнее и непреложное есть?....

Можно пожалѣть всѣмъ намъ, что древнія Южнорусскія произведенія не дошли къ намъ въ древнихъ Южнорусскихъ спискахъ, что мы знаемъ ихъ по позднѣйшимъ спискамъ Сѣверноруссскимъ. Но я не согласенъ съ нашимъ почтеннымъ Шевыревымъ, который, относительно Игоревой Пѣсни, сказалъ, что филологическая критика, по недостатку списковъ будетъ всегда блуждать ощупью. За что такая грустная, безвыходная доля для филологіи?.... Въ замѣнъ списковъ, гдѣ буква часто зависитъ только отъ пишущей руки, есть живые звуки языка. Изучивъ ихъ на Русскомъ Югѣ и Сѣверѣ, какъ они живутъ въ устахъ народныхъ, мы и безъ множества списковъ, можемъ вѣрно различать, что Игоревой пѣсни, на примѣръ, повелительное наклоненіе—вонзить мечи, понизить стяги (вм. вонзите, понизите); трубять трубы, вѣщій Боянъ, сулици, дѣвици, полунощи,—принадлежатъ древнему подлиннику Южнорусскаго пѣвца; а трубятъ трубы, вѣщей Боянъ, иноходьци, полунощы—принадлежитъ позднѣйшему писцу Сѣверноруссскому. Такъ и въ Несторовой Лѣтописи по Лаврентьевскому списку; меншей сынъ (992 г.), старѣйшей братъ (1024 г.) написано, конечно, не Несторомъ, а Суздальскимъ писцемъ, по выговору Великороссійскому.

Возьму опять твою единственную выписку изъ Лѣтописи Волынской (1205 г.), «бѣ бо Тимоѳей въ Галичѣ премудръ книжникъ, отцество имѣя во градѣ Кіевѣ». При этой выпискѣ ты повинился, что за 15 лѣтъ несправедливо ты называлъ новымъ наше слово отечество въ смыслѣ patria. Это сознаніе дѣлаетъ честь правдолюбію твоему; а съ тѣмъ вмѣстѣ оно показываетъ, какъ необходимо положительное знаніе о каждомъ словѣ для вѣрнаго о немъ заключенія. Я, съ своей стороны, замѣчу, что слово отцество въ Волынской Лѣтописи поставлено тѣмъ же Сѣверноруссскимъ писцемъ ея въ Ипатьевскомъ спискѣ, который писалъ отце

вм. отче, Концакъ вм. Кончакъ, и т. п., и который принадлежалъ, очевидно, къ такъ называемымъ цуканамъ. Чтобы возстановить достолюбезное намъ слово въ его древней подлинной формѣ, я приведу его изъ Кіевской Лѣтописи, гдѣ оно пощажено цуканомъ. Подъ 1115 годомъ о святыхъ Князьяхъ нашихъ, Борисѣ и Глѣбѣ, сказано: «поборника отечьству своему». Подъ 1148 г. о князѣ Игорѣ Ольговичѣ: «бяшеть бо добрый поборникъ отечьства своего». Наконецъ приведу это слово изъ послѣсловія достопамятнаго Суздальца Лаврентія, къ Несторовой Лѣтописи: «радуется.... странникъ въ отечьство свое пришедъ, такоже радуется и книжный списатель, дошедъ конца книгамъ; также и азъ худый, недостойный и много-грѣшный рабъ Божій».... Тутъ, исполненный той же радости, я поставлю свое имя.

М. М.

Приписка.

25 Августа.

Какое любопытное «Моленіе къ своему князю, Ярославу Всеволодовичю, прочелъ я сей часъ во 2 книгѣ «Русской Бесѣды!» Г. Ундольскій, въ своемъ обстоятельномъ предисловіи, справедливо называетъ это Моленіе передѣлкою прежняго «Слова Данила Заточеника», сдѣланною въ XIII-мъ вѣкѣ. Подпавъ опалѣ у князя Ярослава Всеволодовича, книжный гражданинъ Переяславля умилостивляетъ его такимъ же посланіемъ, какимъ Данило, заточенный на Вологодскомъ озерѣ Лачѣ, умилостивлялъ Ярославова дѣда, въ половинѣ XII-го вѣка. Слово Данила видимо отличается отъ Южнорусской Пѣсни Игоревой; отъ него такъ и вѣетъ Сѣверомъ; и я, какъ прежде (въ моей «Исторіи Древней Руской Словесности» стр. 87), такъ и нынѣ, отношу Данила къ древнимъ писателямъ Сѣверовосточной или Суздальской Руси; Слово его (за утратою упоминаемаго Симономъ «Лѣтописца старого Ростовьского») есть первое литературное произведеніе той Великороссійской стороны. Я въ этомъ совершенно расхожусь съ мнѣніемъ г. Дубенскаго, который, признавая пѣвца Игорева Южноруссомъ, говоритъ, что его Пѣснь и Слово Данилово такъ близки другъ къ

другу по духу и языку, такъ одинаково поражаютъ силою мысли и сходствомъ выраженій, что невольно спросишь себя не принадлежатъ ли оба они одному творцу?... (у него, на стр. XLI). Были и послѣ сомнѣнія о томъ, когда именно писано это «Слово»; но я не сомнѣваюсь, что оно писано не позднѣе какъ въ 1150—55 годахъ, что оно писано къ Юрію (Долгорукому), который въ Словѣ названъ «сыномъ Великаго царя Владимера» (т. е. Мономаха). Слова Данила: «не лгалъ бо ми Ростиславъ князь: лѣпши бы ми смерть, а не Курское княженіе!» подтверждаютъ тоже. По Кіевской лѣтописи эти слова говорилъ князь Андрей Юрьевичь (подъ 1140 г.); но видно приходилось эти слова говорить и брату его, Ростиславу, если свидѣтельствуетъ объ этомъ Данило, какъ видно, человѣкъ къ нему близкій. Примѣчательно, что въ Моленіи къ Ярославу (которое, кажется, было извѣстно и Карамзину) имя Владимера (отца Юрьева) замѣнено именемъ Всеволода (отца Ярославова); но слова Даниловы: «не лгалъ бо ми Ростиславъ»... не выключены; и такъ писавшій Моленіе неумышленно солгалъ.

Любопытно, что, милостивляя своего князя Ярослава Всеволодовича, новый Данило (XIII-го в.) припоминаетъ объ одоленіи Ярослава Владиміровича надъ Святополкомъ, а также о побѣдѣ Боняка надъ Уграми (1097 г.): «тако и Бонякъ Судивый»... Г. Ундольскій при словѣ судивый поставилъ вопросительный знакъ (стр. 96.). Но тутъ очевидное дѣло, что судивый написано въ «Моленіи» вмѣсто шелудивый, какъ названъ Бонякъ у Нестора (1096 г.). Видно, такое уже было прозванье знаменитому Половецкому вождю у народа Южнорусскаго!... Въ Подольской Губерніи понынѣ есть урочище съ мѣстнымъ преданіемъ, что тамъ стоялъ окопавшись Гетманъ Бошнякъ Шолудивый... Этотъ мнимый Гетманъ Бошнякъ, по моему, есть не иной кто, какъ Половецкій Ханъ Бонякъ, подвизавшійся въ той сторонѣ въ концѣ XI-го вѣка. У Польскихъ историковъ ведется сказка о мечѣ-щербцѣ Болеслава храбраго; но когда сей король въѣзжалъ въ Кіевъ (1018 г.), Золотыхъ Воротъ еще не было! А что Бонякъ рубилъ ихъ своею

саблею, о томъ преданіе и въ Кіевской Лѣтописи, гдѣ подъ 1151 г., при описаніи знаменитой Кіевской битвы съ Юріемъ, сказано: «туже (на Лыбеди) и Севенча Боняковича дикаго Половчина убиша, иже бяшетъ реклъ: хощю сѣчи въ Золотая-Ворота, яко же и отець мой»!

«Моленіе» къ Ярославу, изданное Г. Ундольскимъ, по принадлежащему ему списку XV-го вѣка, представляетъ явные слѣды не Кіевскаго и не Новгородскаго, но Суздальскаго нарѣчія. Сюда принадлежитъ особенно неправильная постановка *е* вм. *ѣ*, въ словахъ: победи (вм. побѣди), бежа (вм. бѣжа), обретая (вм. обрѣтая), бедѣ (вм. бѣды), пей (вм. пій), и двоякое написаніе звѣздъ и звезды.

Выраженіе: «горести дымныя не терпѣвши, тепла не видати» указываетъ прямо на курныя избы, которыя такъ поражаютъ Украинца, когда ему доводится въ первый разъ увидѣть ихъ, при въѣздѣ въ предѣлы Великороссійскіе.

V.

ОТВѢТНЫЯ ПИСЬМА

М. П. ПОГОДИНУ [1]).

Письмо первое.

Вчера прочелъ я твой отвѣтъ на мои Филологическія письма. Послалъ еси, господине, великую т у ч у х у д о ж ь с т в а с в о е г о,—и сказалъ подъ конецъ, что ты на меня с е р д и т ъ.... Ты сердишься, Юпитеръ; слѣдственно неправъ!

1. Посуди самъ: правъ ли ты, напримѣръ, когда ради своего превосходства передо мною, говоришь: «Кіевскую лѣтопись я зналъ тогда, какъ ты гербаризировалъ еще на Воробьевыхъ горахъ, и н е и м ѣ л ъ п о н я т і я н и о к а к и х ъ л ѣ т о п и с я х ъ». Или ты не вспомнилъ, что мы съ тобою, въ 1820—21 году, на однѣхъ скамьяхъ слушали лекціи профессора Гаврилова, читавшаго и толковавшаго намъ л ѣ т о п и с ь Н е с т о р а (помнишь комедію о К о р л я з ѣ х ъ!)? Или ты забылъ росписку о моихъ лѣтописяхъ и другихъ историческихъ книгахъ, оставшихся въ Москвѣ у автора «Исторіи Русскаго народа», между которыми была и л ѣ т о п и с ь Н е с т о р а 1-го изданія, съ собственноручными поправками Е р м о л а е в а? А Кіевскую лѣтопись мы всѣ грѣшные знали долго—изъ Исторіи Карамзина. Ботаника не мѣшала мнѣ заниматься Русскою Исторіею и Русскою Словесностью.

2. Ты говоришь: «Статья твоя прекрасна, но нисколько для меня не убѣдительна». Жаль; лучше бы мои письма были

---

[1]) Напечатано въ «Русской бесѣдѣ» 1857, № 2, стр. 80—104; а Отвѣтъ Погодина, здѣсь указываемый—тамъ же, 1856, к. IV, с. 124—141.

не прекрасны, да для тебя убѣдительны; ибо я для того и потрудился написать ихъ, чтобы убѣдить тебя въ неосновательности твоей нововымышленной системы, и возвратить тебя къ прежнимъ утвержденіямъ, въ которыхъ во многомъ я съ тобою за одно. Для того-то я въ письмахъ и привелъ тебѣ прежнія утвержденія о глубокой древности малороссійскаго народа въ Кіевской «Русской землѣ», объ очевидныхъ слѣдахъ малороссійскаго нарѣчія въ языкѣ Несторовой и Кіевской лѣтописей,—утвержденія, противъ которыхъ нынѣ ты уже возсталъ и заговорилъ иное!.... Ты укоряешь меня за это напоминаніе прежняго твоего вѣрованія, и говоришь, будто я сдѣлалъ это только для эффекта. Напрасно! Ты могъ бы еще сказать это, если бы я откопалъ какіе-нибудь молодые ученые грѣшки, изъ твоихъ сочиненій студентскихъ, кандидатскихъ, даже адъюнктъ-профессорскихъ. Но я ограничился тѣмъ, что написано перомъ академика-Погодина, не ранѣе 1845 года.

3. Нельзя сказать и того, чтобы мои письма были для тебя нисколько неубѣдительны: на первый разъ и того довольно: что, по моему указанію на шишковское тожество русскаго языка съ церковнославянскимъ, эта филологическая мечта потеряла для тебя свою новость, и что, послѣ моего разбора твоихъ доказательныхъ выписокъ изъ Нестора и Кіевской лѣтописи, ты увидѣлъ уже, что тѣ слова и обороты, которые ты выставилъ было, какъ «явно не-малороссійскія и не церковныя, но чисто великороссійскія», увидѣлъ уже, что онѣ не таковы! И когда я моимъ разборомъ сбилъ эту грозную рать 72-хъ выписокъ твоихъ и отнялъ у нихъ доказательную силу, ты почувствовалъ себя безоружнымъ; и теперь укоряешь меня, зачѣмъ я не разобралъ утвержденій Срезневскаго и Лавровскаго, я взялся за тебя, такого, де—, «простодушнаго Великороссіянина, что самъ открылъ свою грудь подъ удары и явился на полѣ сраженія безоружный, по примѣру древнихъ своихъ предковъ, которые, «ссѣдше съ конь, и порты и сапозѣ сметавше, боси поскочиша». Но зачѣмъ же выскакивать на поле ученой битвы въ такой античной наготѣ? Легко можно попасть въ «баню

древяну», какъ написано о древнихъ предкахъ Новгородцевъ: «и будутъ нази, и обліются квасомъ, усніянымъ, и возьмутъ на ся прутье младое».

4. Ты все таки повторяешь, что мнѣ должно было по твоему вызову, опровергнуть сперва утвержденія Срезневскаго и Лавровскаго; и непремѣнно хочешь, чтобы у меня съ ними завязался «горячій споръ». Старыя штуки! Я погнался за тобою, а ты говоришь мнѣ: «Лови ихъ!» А если тебѣ непремѣнно хочется опровергнуть ихъ утвержденія, и не хочешь этого сдѣлать самъ, можешь нарядить и направить кого-либо изъ своихъ молодыхъ друзей науки, которыхъ ты преимущественно имѣешь въ виду среди своихъ работъ, на пользу которыхъ ты потрудился и надъ отвѣтомъ своимъ мнѣ. Но ты напрасно даешь такой толкъ, что я потому взялся за разборъ твоихъ новыхъ утвержденій, что мнѣ легче было справиться съ тобою, какъ ты называешь себя, диллетантомъ въ филологіи, чѣмъ съ тѣми двумя записными филологами. Впрочемъ, когда эти, записные по тебѣ, филологи напишутъ что-либо въ пользу твою, я не убоюся, ниже смущуся, и имъ сказать, и доказать (конечно, можетъ быть, не для нихъ, а для общихъ судей нашихъ, не зрящихъ на лица), что найду въ ихъ писаніи несогласнаго съ истиной, на которую ты посягнулъ первый. Или, если не я, то кто-либо другой, поклонникъ ея, а не какой ни есть маніи, идетъ ли она съ сѣвера, или юга, съ запада, или востока, все равно.

Мнѣніе Срезневскаго и Лавровскаго, будто малороссійское нарѣчіе и малороссійскій народъ объособились отъ великороссійскаго нарѣчія и народа уже послѣ нашествія татарскаго, а въ до татарское время еще не существовали, ты напрасно объявилъ за «совершенно новое, никогда никѣмъ прежде у насъ несказанное», — и удивился, какимъ образомъ не произвело оно волненія въ нашемъ литературномъ и ученомъ мірѣ, въ минуту своего произношенія, — удивился, какимъ образомъ «всѣ наши профессоры русской словесности и славянскихъ нарѣчій не сочли своею обязанностью произнести о немъ свое мнѣніе, одобрить или осудить оное».

Это твое двоякое удивленіе о равнодушіи всѣхъ нашихъ профессоровъ и о спокойствіи учено-литературнаго міра произошло опять отъ того, что ты не слѣдилъ за исторіею мнѣній о русскомъ языкѣ и его нарѣчіяхъ, и старое принялъ за новое. А что оно существовало у насъ задолго до разсужденій Срезневскаго и Лавровскаго, то и они тебѣ подтвердить могутъ. Съ своей стороны, для твоего успокоенія, я приведу тебѣ три примѣра. Гречь, въ «Пространной грамматикѣ», и еще прежде въ «Опытѣ исторіи русской литературы», 1822 г., на стр. 13, опредѣлительно говорилъ: «Малороссійское нарѣчіе родилось и усилилось отъ долговременнаго владычества Поляковъ въ югозападной Россіи, и можетъ даже назваться областнымъ польскимъ». Будучи професоромъ русской словесности, я возражалъ противъ мнѣнія Гречу, въ моей «Исторіи древней русской словесности» 1839 г. (см. стр. 100).

Граматинъ, въ своемъ достопамятномъ изданіи Игоревой пѣсни 1822 г., говоритъ: «Что за областныя нарѣчія? Ихъ и теперь нѣтъ, кромѣ малороссійскаго или украинскаго, и развѣ бѣлорусскаго, составившихся, когда сіи области отторгнуты были отъ Россіи, вскорѣ послѣ нашествія Татаръ» (стр. 85).

Сахаровъ, въ своемъ пространномъ предисловіи къ «Слову о полку Игоревомъ», (1839), въ возраженіе Давыдову, говоритъ: «Это выдумали скептики, основываясь на пяти словахъ, которыя они приписываютъ нарѣчію малороссійскому, еще тогда несуществовавшему» (т. е. въ XII в.).

А вотъ примѣръ постарѣе: Симоновскій, щегольнувшій новостью мнѣній въ 1765 году (въ своемъ «Краткомъ описаніи о малороссійскомъ народѣ»), говоритъ: «Разность же между Великороссіянами и Малороссіянами тогда воспослѣдовала, когда они (т. е., Малороссіяне) пришли во владѣніе литовское и польское».

Что я не уклонялся и не уклоняюсь отъ самой крѣпкой филологической силы тому, во свидѣтельство, напомню тебѣ мои возраженія на разныя утвержденія Добровскаго, Павскаго

и другихъ; смотри ихъ въ «Начаткахъ русской филологіи». А что ты даешь еще такой толкъ, будто я захотѣлъ тебѣ «отмстить, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, за варяго-норманскую схватку», то вотъ это ужъ напрасно: у меня и въ помышленіи не было объ отмщеніи; не то, я сдѣлалъ бы это еще за десять лѣтъ, по выходѣ твоихъ «Изслѣдованій», 1846 года. Удобнѣйшаго случая и ожидать было не можно. Да и зачѣмъ приписывать мнѣ небывалое побужденіе?... Во мнѣ совсѣмъ нѣтъ того дубильнаго начала, чтобы пять или десять лѣтъ выжидать удобнаго случая для отмщенья. Мои варяжскія схватки съ тобою, въ 1841 году за славянство Руси, а въ 1845 году за славянство Игоревой пѣсни, были полюбовною борьбою съ товарищемъ молодыхъ лѣтъ моихъ; такъ и теперь, когда ты шевельнулъ меня вызовомъ на Срезневскаго, мнѣ захотѣлось тряхнуть стариной и побороться съ тобою, еще въ третій, можетъ, уже послѣдній разъ. Вотъ одно изъ нѣсколькихъ побужденій, по которымъ я взялся за перо, чтобъ написать филологическія письма къ тебѣ, а не отмщеніе тебѣ, и не робость состязанія съ филологами.

5. Другимъ, и главнымъ, моимъ побужденіемъ было то, что ты, предлагая свою новороссійскую систему, пригласилъ филологовъ разобрать ее, по правиламъ ихъ науки, и поскорѣе подвергнуть твои новыя мысли филологическому суду, и дать имъ—«утвержденіе или осужденіе». И я, считаясь, между прочимъ, и филологомъ, поспѣшилъ подвергнуть своему суду новыя мысли твои, и, не найдя ихъ совмѣстными съ современнымъ состояніемъ и требованіемъ, уже сложившейся и возрастающей, науки нашей, и не могши по совѣсти дать новымъ мыслямъ твоимъ ни малѣйшаго утвержденія, положилъ своимъ мнѣніемъ: осудить твои новыя мысли на заточенье, въ Дѣвичь-польской гридницѣ бывшаго русскаго древлехранилища, «дондеже солнце сіяеть и міръ стоить». Мнѣніе это препроводилъ я въ общее собраніе «Русской Бесѣды», которая, «цѣня ученыя достоинства Филологическихъ писемъ», напечатала ихъ во всеобщее извѣстіе. Вслѣдъ за тѣмъ «Бесѣда» обнародовала и твой оправдательный Отвѣтъ.

А рѣшеніе этому дѣлу послѣдуетъ не отъ тебя, и не отъ меня, а положено будетъ общимъ мнѣніемъ старыхъ и молодыхъ друзей нашей науки.

6. Ты называешь мои письма «небезпристрастнымъ разсужденіемъ о дѣлѣ, но «пристрастною антикритикою»; называешь способъ моего разбора «методомъ телеграфическимъ», и говоришь о себѣ: «Я не Телеграфъ, а Московскій Вѣстникъ и Москвитянинъ»! Но вѣдь и я не Телеграфъ, а только помѣщалъ, между прочимъ, и въ немъ свои разборы, также какъ ты печаталъ свои статьи въ «Библіотекѣ для чтенія», не будучи ею. Что же касается до Москвитянина твоего, то развѣ не въ немъ преимущественно я печаталъ свои статьи, отъ начала его и до послѣдняго его года (а впрочемъ, за смерть его не ручаюсь: это тебѣ лучше всѣхъ извѣстно), до моего «Воспоминанія о Н. И. Надеждинѣ»? И такъ меня можно упрекать скорѣе Москвитяниномъ, чѣмъ Телеграфомъ. Въ Москвитянинѣ я почти исключительно помѣщалъ свои статьи, преимущественно критическаго характера, и всѣ до единой съ подписью моего имени, по моему неизмѣнному правилу, ничего не печатать безъименно:

«И потому, и по тому—
Вамъ подношу и посвящаю»!...

Ты нѣсколько разъ въ отвѣтѣ хвалишься своимъ примѣрнымъ безпристрастіемъ, а меня обвиняешь въ пристрастіи, и, по поводу еще неизвѣстнаго, геніальнаго «молодаго человѣка Г.»,—ты говоришь мнѣ: «Видишь ли мое безпристрастіе? А ты все тотъ же щирый Малороссіянинъ, какъ былъ и прежде».

Вонъ оно куда пошло!
Говорилъ старикъ нашъ Брянцевъ,
Прозрѣвая сквозь стекло
Въ темну мудрость иностранцевъ.... [1])

---

[1]) Семидесятилѣтній профессоръ Брянцевъ (ум. 1821 г.) читалъ метафизику, держа передъ собою тетрадь лѣвою рукою, во все ея протяженіе, а правой рукой поводя передъ собою большое увеличительное стекло, сквозь которое намъ, слушателямъ, глазъ его представлялся всевидящимъ окомъ.

7. Видишь ли, что твое примѣрное безпристрастіе дѣлаетъ меня даже импровизаторомъ! Ты не воздержался даже огласить мой кабинетный споръ съ тобою о разореніи Кіева въ 1169 году.... Но что я «щирый Малороссіянинъ» и теперь, какъ прежде, и буду даже до смерти, это очень естественно; я не отъ рода варяжьска, а отъ малороссійскаго,— и люблю Малороссію, люблю языкъ ея народа, и пѣсни его, и его исторію, какъ во времена княжескія—отъ Аскольдова до Симеона, такъ и во времена гетманскія—отъ Ланцкоронскаго до Разумовскаго. Что я люблю нашъ первопрестольный Кіевъ больше, чѣмъ ты, это также естественно: ибо, питая къ нему любовь общерусскую, и ближайшую къ нему любовь—малороссійскую,—я люблю его еще какъ родину моего рода; тамъ, на горахъ, лежатъ кости прадѣда моего, и его прадѣда, Максима Печерскаго. У меня и теперь болитъ сердце, когда читаю въ Кіевской лѣтописи: «и грабиша за два дни, весь градъ, подолье и гору, и манастыри, и Софью, и десятинную Богородицю: и не бысть помилованія никому же ни откуду же, церквамъ горящимъ, хрестьяномъ убиваемымъ, другимъ вяжемымъ»..... и т. д. Важенъ починъ дѣлу; но мнѣ досадно и на всѣхъ послѣдующихъ разорителей Кіева—на Рюрика, Батыя, Менгли-Гирея, Радзивила. Профессоръ Орнатскій въ Москвѣ: спроси хоть у него, какъ я говорилъ, 1837 года, о роковомъ нашествіи Батыя на Кіевъ, въ моей торжественно-университетской «Рѣчи объ участіи и значеніи Кіева въ общей жизни Россіи». Потому-то мнѣ чрезвычайно странно было увидѣть нынѣшнее твое новомысліе о малороссійскомъ народѣ, что, вопреки всѣмъ основаніямъ историческимъ, вопреки многовѣчному преданію народному, и вопреки заслуженному профессору русской исторіи, Погодину,—ты нынѣ отнимаешь у малороссійскаго народа, слѣдственно и у меня, первую и лучшую половину его исторической жизни, выживаешь его изъ родной «русской земли» куда-то въ

Прочтетъ бывало: «Безусловное условіе всякаго условнаго», или иную мудреную фразу, да и примолвитъ: «Вонъ оно куда пошло».

Карпаты или подъ Карпаты, на все до-татарское время,—и перекидаешь его оттуда на Днѣпръ уже послѣ Батыя. И когда я прочелъ въ отвѣтѣ твоемъ мнѣ—опять тоже, такъ и почудился мнѣ «Мечникъ Михно», говорящій грозныя слова своего князя: «Въ тобѣ стоитъ все; а не велю ти въ руськой земли быти!»

8. Однако, въ отвѣтѣ твоемъ уже не является грозная рать, набранная изъ 72-хъ мѣстъ Несторовой и Кіевской лѣтописи. «Пришли бо бяху высокомысляще, а смиреніи отъидоша въ домы своя»!—Теперь ты говоришь уже, что главное не слова и обороты, но складъ и тонъ.... Ты убѣгаешь и мысли о возможности переложенія живыхъ, изустныхъ, малороссійскихъ рѣчей на церковный языкъ лѣтописцами южнорусскими. Но я преслѣдую тебя и въ этомъ послѣднемъ убѣжищѣ твоемъ.... И не спасешь ты своего новомыслія троекратнымъ восклицаніемъ: «Живая, живая, живая!»

Вотъ, напримѣръ, тебѣ рѣчь, вставленная въ лѣтописное повѣствованіе: «самомнѣніе твое, хане омрачило тя, яко возникнути можеши. Или ты мниши мене яко хлопца малоумнаго, прещеніемъ устрашити? Вѣмъ, яко татарскія царства» и т. д. Кто говоритъ, кто пишетъ это? Говоритъ малороссійскій гетманъ, Богданъ Хмельницкій, а пишетъ Малороссіянинъ, Григорій Гребенка. Нечего и говорить о томъ, что разговорный языкъ былъ совсѣмъ другой. Лѣтописецъ передалъ живую рѣчь гетмана по-церковнославянски, также точно, какъ пѣвецъ Игоря, безъ сомнѣнія, бывшій въ походѣ 1185 года, передалъ живую рѣчь по церковнославянски: «Хощу бо, рече, копіе преломити конецъ поля половецкаго»... и т. д. Такъ и лѣтописецъ кіевскій, полагаю въ 1186 году, когда Игорь, воротившійся изъ плѣна въ свой Новгородъ-Сѣверскій, пріѣзжалъ въ Кіевъ, передалъ живую рѣчь его по-церковнославянски: «Тайны божія никтоже не вѣсть».... и т. д. Подъ перомъ двухъ древнихъ и одного новаго писателя малороссійскаго—Игорь и Богданъ говорятъ однимъ языкомъ — письменнымъ, на который переложены ихъ живыя рѣчи. Заключимъ ли отсюда, что, такъ какъ народнаго малороссійскаго нарѣчія не видно въ ихъ

рѣчахъ, переданныхъ лѣтописаньемъ, то и малороссійскаго народа не было въ Малороссіи ни въ XII-мъ, ни въ XVII вѣкѣ! Ибо, если по отсутствію народнаго малороссійскаго языка въ лѣтописаньи до-татарскаго времени заключать объ отсутствіи народа въ его землѣ на то время, то слѣдуетъ, на томъ же основаніи, заключать объ отсутствіи его въ послѣ татарское время. И такъ, филологическій твой способъ доказывать небытіе малороссійскаго народа въ кіевской русской землѣ въ древнее время, вовсе не годится. Ты сначала выступилъ съ словами и оборотами въ 72 выпискахъ, потомъ уже сталъ называть главнымъ—складъ и тонъ; все равно, и то, и другое, одинаково не служитъ тебѣ къ утвержденію твоего парадокса; и я у тебя отнимаю окончательно всякую возможность доказывать парадоксъ твой какимъ бы ни было филологическимъ способомъ,—и обращу на тебя изреченіе землака твоего на Сулѣ, тобою на меня направленное: «Ты языкомъ-то не лякочи»!

9. Ты не хочешь понять, для чего я различилъ тебѣ такъ рѣзко народно-русскія формы и церковно-славянскія въ нашихъ древнихъ памятникахъ. Я сдѣлалъ это для того, чтобы показать большое различіе между церковнымъ или македонскимъ языкомъ и народною русскою рѣчью, различіе, существующее съ весьма древнихъ временъ, и опровергающее собою твое тожество и ближайшее сродство церковнаго языка съ великороссійскимъ нарѣчіемъ. Великороссійское нарѣчіе состоитъ въ ближайшемъ сродствѣ съ бѣлорусскимъ, и составляютъ они одну рѣчь или языкъ сѣверноруссій, который, вмѣстѣ съ южнорусскимъ языкомъ или рѣчью (состоящею въ двухъ главныхъ нарѣчіяхъ—малороссійскомъ и червонорусскомъ), образуетъ одну великую рѣчь восточнославянскую или русскую. Вотъ постепенности ближайшаго сродства! Что же касается до позднѣйшаго сочетанія съ великороссійскимъ нарѣчіемъ языка церковнаго, ставшаго богослужебнымъ и письменнымъ языкомъ всей Руси, то объ этомъ не для чего было мнѣ и распространяться въ «Филоло-

гическихъ письмахъ», и я только мимоходомъ упомянулъ о томъ, о чемъ достаточно уже было говорено мною и въ «Исторіи русской словесности», 1839 года, и въ «Начаткахъ русской филологіи», 1848 года. Письменный русскій языкъ не только могъ развиться, но и дѣйствительно развился, изъ церковнаго языка, принятаго у насъ на Руси за письменный языкъ въ 10-мъ вѣкѣ, изъ-за Дуная. Не надо смѣшивать позднѣйшаго живаго сочетанія и образованія съ древнѣйшимъ различіемъ двухъ нарѣчій, обособившихся въ незапамятное время, независимо и далеко другъ отъ друга. Ты предлагаешь мнѣ любимое сравненіе твое, повторенное и въ «Изслѣдованіяхъ», и въ «Письмѣ къ Срезневскому», что славянское племя представляетъ «растасованную колоду картъ». Но ты ее перетасовываешь и раскладываешь, какъ вздумается; а наше филологическое дѣло было—собрать ее по мастямъ!

Филологія русская сложилась уже; и для ея дальнѣйшаго возрастанія надобно живой, положительной истины; предметъ же филологіи такъ богатъ и неистощимъ живою истиною, что только бери да носи ее—прямо изъ родника! И я удивляюсь, что за охота припала тебѣ поискать зародышей истины въ странностяхъ, и гоняться за намеками на истину въ заблужденіяхъ и превратныхъ толкахъ. Мой достойный землякъ, Лукашевичъ, обратнымъ чтеніемъ словъ, составилъ цѣлую многотрудную систему Чаромутія, которая полна зародышей и намековъ.... Или ты поревновалъ и задумалъ сочинить еще великороссійское чаромутіе, основанное не на словахъ, а на тонѣ и складѣ?...

Но шутки въ сторону! Ты въ Отвѣтѣ, послѣ многихъ шутокъ (которыя очень милы), прекрасно сказалъ: «Насъ занимать должно одно дѣло, бездѣлье предоставимъ историческимъ вертопрахамъ»...

10. Ты говоришь въ возраженіи мнѣ: «Нѣтъ, не писали Григорій и Іоаннъ, а списывали. Это большая разница»! Но ты забылъ ихъ послѣсловія, совершенно достаточныя, чтобы видѣть, какъ они писали. Эти краткія послѣсловія, которыя они писали въ XI вѣкѣ, для филологіи нашей важнѣе иныхъ позднѣйшихъ фоліантовъ!

11. Ты говоришь мнѣ о Кириллѣ III, Серапіонѣ, Епифаніѣ: «Помилуй! Да развѣ они писали по-малороссійски»? Нѣтъ; однако они были Малороссіяне, также какъ и прежде Несторъ, а послѣ Димитрій, Яворскій, Прокоповичъ... Малороссіяне, несомнѣнно; а писали не на малороссійскомъ языкѣ. Вотъ что надо тебѣ имѣть въ виду постоянно!

12. Относительно Володимера я сказалъ тебѣ, что для малороссійскаго народа онъ — святый Володимеръ, потому у малороссійскаго народа остались священныя, молитвенныя, церковныя пѣсни князю Владиміру, между тѣмъ какъ на русскомъ сѣверѣ поэтическая память о немъ сохранилась, какъ о ласковомъ гостепріимцѣ — исключительная черта, какою онъ запечатлѣлся тамъ, конечно, еще въ десятилѣтнее свое княженіе въ Новгородѣ. Ты говоришь мнѣ: «Ссылка твоя на его святость ни мало не объясняетъ моего недоумѣнія, потому что есть много у васъ пѣсенъ о святыхъ—о Лазарѣ, Георгіѣ, Алексіѣ божьемъ человѣкѣ и проч.».

Хорошо, что ты сказалъ объ этомъ, для окончанія недоумѣнія. Въ Малороссіи преимущественно слѣпцы лирники поютъ набо́жные пѣсни или псалмы о разныхъ святыхъ; но всѣ они позднѣйшаго сложенія, и по складу своему видимо отличаются отъ тѣхъ пѣсенъ народныхъ, какія сложены были бандуристами и другими народными пѣвцами о герояхъ Украины козацкой. Псалмы или набо́жныя пѣсни объ Алексіѣ, и другихъ лицахъ, едва ли не всѣ, сложенія грамотнаго, схожаго съ извѣстными псалмами Димитрія. Въ числѣ такихъ есть псалмы и о святыхъ нашихъ князьяхъ, Владимерѣ, Борисѣ и Глѣбѣ. Я самъ ихъ слышалъ и заставлялъ пѣть слѣпыхъ старцевъ (нищихъ), на переяславскомъ праздникѣ св. Бориса, 2 Мая. О Глѣбѣ и Борисѣ я тогда записалъ себѣ нѣсколько строфъ, но не довольно складныхъ. Весною, 1848 года, по пути изъ Кіева я хотѣлъ было отъ Барышпольскаго слѣпца-бандуриста записать вполнѣ эти псалмы о Борисѣ и Глѣбѣ, и Владимірѣ; но ко мнѣ явилась уже вдова его, тоже слѣпая, у которой и купилъ я бандуру послѣдняго Барышпольскаго бандуриста. И такъ святость Владиміра, какъ я сказалъ прежде, поставила его отдѣльно отъ прочихъ

героевъ народно-украинскаго пѣснопѣнія; о немъ у насъ церковная пѣснь: «Святый равноапостольный княже Владиміре, моли Бога о насъ»! На эту тему сложенъ и набожный псалмъ о Владимірѣ, относящійся къ разряду малороссійскихъ пѣсенъ объ Алексіѣ, Николаѣ, Онуфріѣ, и другихъ святыхъ пѣсенъ, не разъ мною слышанныхъ не только отъ слѣпцовъ нищихъ, поющихъ по ремеслу, но и отъ старыхъ людей обоего пола, живущихъ на хозяйствѣ. Нѣтъ ли еще какого недоумѣнія?

13. Ты нехочешь признать моего замѣчанія, что выраженія въ древне-кіевскомъ лѣтописаньи: на порозѣ, на дорозѣ, принадлежатъ малороссійскому нарѣчію; а по великороссійски было бы сказано: на порогѣ, на дорогѣ. Но это принадлежитъ къ существеннымъ отличительнымъ примѣтамъ, которыя въ двухъ нарѣчіяхъ русскихъ развились розно, но послѣдовательно, по принятому ими однажды (еще въ незапамятную пору ихъ образованія и объособленія) измѣненію всѣхъ гортанныхъ звуковъ. Ты, переводчикъ грамматики Добровскаго, не хочешь признать этого различія, и приводишь мнѣ: «Во лузѣхъ, во лузѣхъ»! Это измѣненіе гортанныхъ звуковъ во множественномъ числѣ другое, позднѣйшее, занятое подражательно изъ языка церковнославянскаго и не совпадающее съ своенародною формою великорусскаго склоненія. И мнѣ опять приходится сказать, что надобно и въ филологіи и въ грамматикѣ различать разновременныя формаціи и наносы также, какъ они различаются въ геологіи, какъ я различилъ тебѣ въ древнихъ южнорусскихъ писаніяхъ, что въ нихъ церковнославянское и южнорусское, принадлежащее подлинному, древнему тексту, и что принадлежитъ позднѣйшему наносу отъ сѣверноруссскихъ переписчиковъ, по ихъ нарѣчію, инако новгородскому, инако суздальскому. А вѣдь ты же говорилъ лѣтъ за десять: «Вотъ эту филологію я люблю»!

14. Ты говоришь мнѣ: «Въ 10-мъ письмѣ ты надѣваешь на меня малороссійскій кожухъ; но это слово до Татаръ не встрѣчается, слѣдовательно, мнѣ не принадлежитъ: скидаю»!

А я говорю тебѣ пословицей: «Пройшовъ Святый Духъ, опять берись за кожухъ»! Игорева пѣснь написана за полвѣка до Татаръ, а въ ней находится: «ортмами, и япончицями и кожухы»...

За тѣмъ ты говоришь мнѣ: «Квасъ и медъ, пожалуй, будемъ пить вмѣстѣ на здоровье».

Вотъ эту филологію я люблю! И за это я угощу тебя нововымышленнымъ солодомъ... отличный стодвадцатилѣтній! Посмотри въ Евгеніевомъ словарѣ, Т. II. стр. 322, въ числѣ неизданный мелкихъ стихотвореній Ѳеофана Прокоповича, значится: «Благодареніе экономy Герасиму, отъ служителей домовыхъ за нововымышленный солодъ—отъ Иліи интенданта,—отъ Неймана (жида), отъ учителя,—отъ малыхъ дѣтей,—отъ новгородскихъ архіерейскихъ дворянъ, 1734 года». Можетъ быть тебѣ не случалось еще читать этой стихотворной шутки ѳеофановой, написаной имъ въ предпослѣдній годъ жизни, когда онъ страдалъ давнею своею болѣзнью, будучи въ Карповской пустыни. Вотъ же тебѣ два отрывка:

Отъ новгородскихъ архіерейскихъ дворянъ.

За честь твоего солоду,
Лобызаемъ твою бороду,
Батюшко нашъ кормитель!
Никто не можетъ сказати,
Въ якой стала благодати
Твоя намъ добродѣтель.
Когда трудовъ твоихъ пиво,
Что имѣется за диво,
Прилежно разсуждаемъ,
Новгородскія шалиги,
Которую пьютъ ярыги,
Весьма ужъ забываемъ.
Да то чудо весьма странно,
Что хотя и непрестанно
Пивце изъ бочки льется,
И течетъ по вся недѣли,

А намъ еще и доселѣ
Дивно какъ не припьется!

Отъ козака.

Бѣжитъ жáжда прочь, бѣжитъ и печальный голодъ;
Гдѣ твой, отче экономъ, находится солодъ?
Да и чудо онъ творитъ дивнымъ своимъ вкусомъ:
Пьянъ я, хотя омочусь однимъ только усомъ!

Теперь обратимся къ твоимъ историческимъ соображеніямъ, которымъ я хочу посвятить особое письмо.

Письмо второе.

Ты поразилъ меня, любезный академикъ, какъ Минерва Арахну, назвавъ мой филологическій выводъ тебѣ — «злосплетенною паутиною»! А я этою паутиною, какъ цѣлебнымъ средствомъ, заложилъ было свѣжій нарѣзъ на живомъ тѣлѣ науки, въ той надеждѣ, что онъ пощемитъ маленько, да и заживетъ... Перевѣдаемся же исторически за нашу первозванную русскую землю кіево-переяславскую! Гдѣ сойдемся? Не хочешь ли на несторовской рѣчкѣ Съжицѣ, гдѣ былъ побѣжденъ князь Всеволодъ Олегомъ и Борисомъ, шедшими на него съ Половцами, изъ Тмуторакани! Но ты съ Арцыбашевымъ отвелъ эту рѣчку куда то въ Черниговское княжество, ужъ не туда ли, гдѣ течетъ Сафатъ-рѣка, величаемая въ пѣсняхъ богатырскихъ!... Надеждинъ съ Неволинымъ замѣчали тебѣ, что «едва ли не вѣрнѣе» положить ее въ княжествѣ Переяславскомъ, какъ полагалъ Карамзинъ, читавшій вмѣсто Съжица — Оржица. Я тоже нахожу, что имя Съжица въ Несторовой лѣтописи описка, какъ и «Олминъ дворъ» вмѣсто «Олжинъ дворъ,—какъ въ твоемъ словарѣ князей напечатана Льжица вмѣсто Льтица (стр. 135). Хочешь знать, что тако Съжица, читай Сулица; такъ и теперь зовется оная рѣчка, выходящая изъ Сулы подъ городомъ Лохвицею и впадающая въ Сулу, почти подъ селомъ Исачками (которое въ географическомъ словарѣ названо «Исашкою»); а течетъ Сулица правою стороною Сулы, верстъ на 35. Тамъ издревле пролегала дорога въ Черниго-

ское княжество изъ «поля половецкаго», начинавшаяся при Ворсклѣ у Латавы, направлявшаяся на городъ Серебряный. Согласенъ ли ты?—Вотъ это тебѣ новый подарокъ отъ меня, если мои географическія поправки приносятъ тебѣ такое «дѣтское удовольствіе». Въ знакъ благодарности за мои послѣднія двѣ поправки (Росуха и Свинýхи), ты въ Отвѣтѣ послужилъ мнѣ поправкою моей ошибки, что въ приписке къ тебѣ я поставилъ имя переяславскаго князя Андрея Юрьевича, вмѣсто дяди его, Андрея Володимеровича, бывшаго переяславскимъ княземъ годами восьмью ранѣе. Точно, я крѣпко ошибся, обмолвился въ торопяхъ! Вотъ что̀ значитъ писать изъ памяти, не справляясь за каждымъ именемъ... какъ разъ попадешь въ просакъ! Я тебѣ весьма благодаренъ за эту поправку. Но ты спрашиваешь при ней: «Квитъ-ли»? Нѣтъ — за Юрьевича я поквитаюсь, коли хочешь, также Юрьевичемъ. Посмотри въ драгоцѣнномъ «Словарѣ русскихъ князей» (гдѣ они перебраны тобою нарочито и, можно сказать, вдоль и поперекъ), посмотри въ «Спискѣ князей по удѣламъ»: тамъ, первымъ княземъ въ Торческѣ поставленъ у тебя «Михалко Всеволодовичъ», а вѣдь надо было: Михалко Юрьевичъ! Посмотри еще на оборотѣ того же листка: тамъ овруцкимъ княземъ поставленъ у тебя «Всеволодъ Володимеровичъ», а вѣдь на умѣ у тебя былъ братъ его, Святославъ Володимеровичъ! Тамъ же у тебя сей князь Святославъ посаженъ во Владимірѣ Волынскомъ, а въ немъ сидѣлъ тогда братъ его, Всеволодъ: ты въ торопяхъ обмѣнялъ ихъ княженіями! Видишь: за одного я квитаюсь тремя, взятыми съ одного листка. Я могу, пожалуй, указать тебѣ и въ самомъ концѣ того списка, особенно на Витебскъ: зачѣмъ нѣтъ тамъ Брячислава Василькoвича? Зачѣмъ ты отнялъ у него Витебскъ, даже изъ рукъ кіевскаго лѣтописца въ 1180 году? (см. въ Словарѣ стр. 332). А отъ этого явился у тебя въ Витебскѣ какой-то сомнительный Василько, съ вопросительнымъ знакомъ вмѣсто имени по отчеству, тогда какъ это былъ несомнѣнно Василько Брячиславичъ, наслѣдившій Витебскъ послѣ

отца своего; и конечно на его дочери «Васильковнѣ князя витебскаго», женился князь Всеволодъ Юрьевичъ суздальскій, 1209 года. Но возвращаюсь къ брату его, Михаилу Юрьевичу, съ покорнѣйшею къ тебѣ о немъ просьбою: обрати свое вниманіе, для его біографіи, на одинъ подвигъ его, весьма для меня замѣчательный. Съ того 1161 года, какъ Андрей Юрьевичь Боголюбскій, по властолюбію своему, выгналъ изъ Суздаля своихъ братьевъ, и они, съ матерью своею, поискали себѣ пристанища у греческаго царя, князь Михалко остается у тебя въ неизвѣстности семь лѣтъ. Но Кіевская лѣтопись, описывая его побѣду надъ Половцами за Днѣпромъ 1170 года, говоритъ: «Михалка князя удариша ратніи двѣма копьи въ стегно, а третьимъ въ руку; но Богъ, молитвою отца его, избави отъ смерти, яко же преже въ Луцѣ-моря». И такъ онъ бился прежде съ Половцами въ самомъ Лукоморьѣ... И это прежде, когда же было, какъ не во время его семилѣтней неизвѣстности? Къ знаменитому мстиславовскому походу 1168 г. этого отнести не можно. Мнѣ еще вотъ что̀ вспадало на мысль: не онъ ли тотъ Михалко-Семилѣтокъ, о которомъ идетъ извѣстная тебѣ народная украинская сказка, что уходитъ онъ наконецъ отъ несправедливыхъ къ нему Кіянъ—въ Царьгородъ, унося туда золотыя ворота кіевскія?—Стрѣла, пущенная изъ Кіева Михалкомъ-Семилѣткомъ, повторилась и въ великороссійскомъ богатырскомъ стихѣ о Калинѣ-царѣ... Помянемъ, кстати, еще одного Михалка Юрьевича, не князя, а просто человѣка, который бился съ Половцами на рѣкѣ Каялѣ вмѣстѣ съ Игоремъ Святославичемъ (1185), и не измѣнилъ ему въ тотъ роковой третій день, когда пали знамена игоревы... «Бысть же свѣтающе недѣлѣ; возмятошася Ковуеве въ полку, побѣгоша... и тако не возворотися никтоже, но токмо Михалко Гургевичъ, познавъ князя, возворотися».

Теперь приступимъ къ нашему дѣлу за русскую землю кіево-переяславскую, за ея древнее населеніе тѣмъ же малороссійскимъ народомъ, который и нынѣ въ ней обитаетъ. Какимъ историческимъ свидѣтельствомъ мо-

жешь ты опровергнуть эту истину, переходившую изъ вѣка въ вѣкъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію, и составляющую наше народное убѣжденіе и знаніе?... Какое историческое доказательство ты даешь мнѣ на подпору нововымышленной мечты, кіевопереяславская русская земля была въ до-татарскія времена населена твоими «кіевскими Великороссіянами», а послѣ нашествія батыева населилась Малороссіянами, новопришлыми отъ Карпатскихъ горъ?

Я сказалъ уже въ Филологическихъ письмахъ, что какъ у насъ Малороссіянъ, существуетъ убѣжденіе и преданіе, что мы въ своей сторонѣ коренные жильцы съ предковѣку, такъ въ Карпатахъ ведется преданіе о двукраткомъ переселеніи туда Руси—разъ, во время Олегово, изъ Украины днѣпровской, вмѣстѣ съ Уграми; въ другой въ XIV вѣкѣ, изъ Подолья, съ князьями Коріатовичами. Очевидно, что выводить насъ, Малороссіянъ, отъ Карпатской Руси въ XIII или XIV вѣкѣ, вопреки ходу той Руси отъ насъ туда, означаетъ почти тоже, какъ нѣкогда въ Новѣгородѣ «иде Волховъ вспять дній пять; се же знаменье не на добро бысть»! Запустѣніе кіевопереяславской земли въ нашествіе батыево, и заселеніе оной новопришлымъ народомъ изъ Карпатъ или инуда,—два предположенія, совершенно напрасныя. Исторія кіевопереяславской земли, въ вѣкъ Татарщины,—отъ Батыя до Гедимина, примолкаетъ; и это естественно. Но эта мгла татарскаго столѣтія не должна служить мутною водою для рыболовства на кормленіе всяческихъ историческихъ выдумокъ. По отрывочнымъ извѣстіямъ, какія сохранились о томъ вѣкѣ Татарщины, видно, что въ кіевопереяславской Руси продолжался все тотъ же народъ, и тотъ же старый бытъ народный, въ прежнихъ городахъ и селахъ. Твой предлогъ, что Несторъ оставляетъ Великую Россію почти пусту, я не признаю уважительнымъ какъ потому, что и великороссійское пространство по Нестору заселено достаточно, такъ и потому, что, ради воображаемой тобою почти пустоты, не подобаетъ опустошать край населенный; а если тебѣ уже непремѣнно хочется пополнить великороссійское населеніе переселенцами съ русскаго юга, по нашествіи батыевомъ, то ты можешь себѣ, аще совѣсть

не зазритъ, забрать хоть Тиверцевъ, Болоховцевъ, даже Дулѣбовъ, которыхъ и имена назнаменовались на великороссійскихъ мѣстностяхъ; но мы остаемся неподвижно въ своей землѣ, на корню, потомками нашихъ предковъ, Полянъ, и не хотимъ усыновиться какимъ-то новопришлымъ, по твоей милости, Карпатцамъ! По поводу моего филологическаго замѣчанія, что и самое наше украинское нарѣчіе не можетъ быть признано непосредственнымъ отросткомъ въ XIII вѣкѣ отъ поднарѣчія карпаторусскаго (извѣстнаго намъ въ двухъ главныхъ разностяхъ), ты говоришь мнѣ въ Отвѣтѣ: «Но у меня остается еще въ резервѣ внутренность Карпатскихъ горъ въ Венгріи, гдѣ нарѣчія еще не изслѣдованы». Что же это такое у тебя: новая «Югра, языкъ нѣмъ... и въ горахъ тѣхъ кличь великъ и говоръ»?... Но на это приходится и мнѣ сказать, какъ сказалъ тогда Несторъ Гюрятѣ: «Си суть людье заклепленіи Александромъ македонскимъ царемъ»! Съ такимъ резервомъ, любезный историкъ, ты не возьмешь у меня не только Кіева и Переяслава, но и той «земли Чуриловщины», что была противъ Кіева за Черторыей!... Собирайся, коли охота есть, съ новыми силами—и выходи въ другой разъ; но такъ, какъ шли наши князья ко граду Шаруканю: «и оболочишася во бронѣ, и полки изрядиша». И да воспріимешь ты силу самсонову мудрость соломонову, кротость давидову, — на разогнаніе тьмы темъ, налегшихъ на нашу южнорусскую исторію въ оный вѣкъ Татарщины!...

А на сей разъ, позволь мнѣ сказать тебѣ, что нѣкогда нашъ князь Изяславъ съ Вячеславомъ говорили приходившему на нихъ и побѣжденному отъ нихъ Юрію: «Кляняевѣ ти са.... ты намъ братъ еси; пойди же въ свой Суждаль»!

Ты придумалъ было для Малороссіи послѣ-батыевской какое-то особое казацкое племя, новосоставленное тобою изъ Волынянъ и Торковъ!! Но я уже замѣтилъ тебѣ, въ Филологическихъ письмахъ, что наше южнорусское козачество не есть особое племя. Скажу опредѣлительнѣе. Въ Украинѣ обѣихъ сторонъ Днѣпра козачество развилось съ XVI вѣкомъ, какъ особое сословіе малороссійскаго народа, среди

прочихъ сословій, т. е., духовенства, шляхетства, мѣщанства, поспольства. На Запорожьи (бывшемъ до Татаръ землею половецкою) козачество велось и прежде XVI вѣка, до 1775 года, какъ особое войсковое товариство, состоявшее преимущественно и собственно изъ Украинцевъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ — ихъ языкъ по нарѣчію украинскому,—ихъ безъусловная непреклонная приверженность къ православной восточной вѣрѣ, названіе куреней Запорожской Сѣчи по именамъ украинскихъ мѣстъ,—личный составъ Низоваго Запорожскаго товариства преимущественно изъ выходцевъ украинскихъ (хотя бывали тамъ и выходцы галицкіе, волынскіе, польскіе, московскіе, волошскіе и другіе); наконецъ, всегдашнее признаніе Украины у Запорожцевъ—ихъ отчизною. Все это—положительная, историческая достовѣрность, противъ которой можно говорить, развѣ только въ смыслѣ украинской пѣсни:

«Мужикъ каже ячмѣнь, жѣнка каже гречка»!

Такимъ образомъ всякое мнѣніе или предположеніе о нашемъ козачествѣ, несходное и разладное съ историческою о немъ достовѣрностью, будетъ напрасно и невѣрно; и только то предположеніе о началѣ сего козачества можетъ быть подходящимъ къ дѣлу, по которому первымъ началомъ козачества сего будутъ признаны Украинцы. Ия тебѣ напомянулъ мою догадку, что первымъ началомъ или зерномъ запорожскаго козачества были наши Тмутароканцы, по прекращеніи ихъ княжества (въ XII вѣкѣ); эта догадка родилась у меня, когда я былъ въ Таманѣ, и увидалъ тамъ нашихъ Черноморскихъ козаковъ, основою которыхъ были остатки прежнихъ Сѣчевиковъ запорожскихъ. Догадка моя, состоятельна она или нѣтъ, нисколько не измѣняетъ собою исторической достовѣрности о запорожскомъ козачествѣ; она есть только дополненіе къ ней, соотвѣтственное ей по своей сущности, и легко къ ней примыкающее. Само собою разумѣется, что говоря о Тмутароканцахъ, я разумѣю преимущественно то русскоукраинское населеніе нашего тмутароканскаго княжества, для котораго преподобный Кіевлянинъ Никонъ и устроилъ тамъ Богородичный монастырь,

по образцу Кіевопечерскаго, при церкви св. Богородицы, заложенной Мстиславомъ Володимеровичемъ, 1022 года, по его обѣщанію, данному при единоборствѣ съ Редедею.

Но ты въ отвѣтѣ говоришь мнѣ: «Докажи только, что козаки Тмутароканцы, тогда ты услышишь отъ меня: Тмутарокань—Норманская колонія. Вотъ будетъ потѣха-то не только Русь Норманы, которыхъ ты оспариваешь, но даже козаки, любезные твои козаки, по собственному твоему изслѣдованію, окажутся норманскими правнуками»! Вотъ, что̀ значитъ одностороннее систематическое предубѣжденіе, по которому тебѣ видится норманство или скандинавство во всей нашей древне-русской жизни, до Ярослава включительно, видится и тамъ, гдѣ его не было. Потѣшный, великолѣпный фейерверкъ скандинавскихъ огней, въ видѣ цѣлой ученой системы, ты устроилъ отлично, въ трехъ первыхъ томахъ своихъ «Изслѣдованій». Но для насъ отъ того не утратила живой самоцвѣтности своей наша древняя славянорусская жизнь; и она ясна для насъ, не смотря на искуственный свѣтъ вашихъ скандинавскихъ иллюминацій, которымъ такъ уже насвѣщенъ взоръ твой, что тебѣ и тмутароканское княжество наше кажется—колоніею норманскою!... Ты можешь еще полюбоваться наяву своими любезными Варягами, напримѣръ, въ ночную тьму страшной Лиственской сѣчи, при той грозѣ, «яко посвѣтяше молонья, блещашеться оружье»... Но вѣдь ты помнишь, что тогда изъ Тмутароканя «поиде Мстиславъ на Ярослава съ Козары и съ Касоги». Послѣ Мстислава мы видимъ въ Тмутарокани наше православно-русское поселеніе, въ столкновеніи съ тѣми Козарами и Касогами, съ Греками и, пожалуй, Готами таврическими, а затѣмъ и съ Половцами... И твоя «норманская колонія» разлетается и гаснетъ, какъ потѣшный снопъ фейерверочный. Что̀ же касается до обѣщанной тобою потѣшной фантасмагоріи о норманствѣ Запорожскихъ козаковъ, то мы уже видали эти виды! Вспомни, еще 1834 года профессоръ Сенковскій утверждалъ, что Запорожскіе козаки даже говорили по-скандинавски! Не хлопочи же о новомъ открытіи того, что̀ давно изобрѣтено

другими! Ожидай отъ меня особаго письма о норманствѣ или скандинавствѣ нашихъ Руссовъ. А теперь я обращаюсь къ той исторической силѣ твоей, которою ты дѣйствуешь наиболѣе въ Отвѣтѣ—къ характеру. Ты говоришь, напримѣръ: «Мономахъ—не есть ли чистый характеръ великороссійскій?» А я на это возражаю: да почему же Мономахъ не есть характеръ малороссійскій?... Вѣдь это сказалъ ты только по твоему нынѣшнему новомыслію о древнемъ населеніи Украины—«кіевскими Великороссіянами»? А лѣтъ за десять, когда ты держался еще прежней правой вѣры о древнемъ населеніи Украины народомъ малороссійскимъ, тогда (въ своемъ Отвѣтѣ мнѣ 1845 года), ты называлъ Малороссіяниномъ даже Андрея Боголюбскаго (питомца и любителя земли суздальской, которому такъ скучно и душно было здѣсь, на Украинѣ, что онъ уходилъ изъ нея въ свой Суздаль, даже противъ воли отцовской)!. Въ обоихъ случаяхъ, твое опредѣленіе характеровъ произошло не историческимъ выводомъ изъ непосредственнаго наблюденія и разсмотрѣнія двухъ замѣчательныхъ историческихъ личностей, а только логическимъ наведеніемъ на нихъ предъуставленнаго тобою понятія. Ты мнѣ опредѣли сперва, что̀ такое называешь ты чисто великороссійскимъ и чисто малороссійскимъ характеромъ (коли Богъ послалъ тебѣ такое прозрѣніе въ душу и сердце русскаго человѣка, сѣвернаго и южнаго, особливо въ то древнее время, или лучше изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію, даже до сего дне), да тогда уже и разрѣшай свои историческія задачи посредствомъ двухъ характеровъ; а пока тотъ и другой характеръ остаются еще для насъ съ тобою искомыми иксами; я не прійму отъ тебя историческихъ вычисленій твоихъ на основаніи характеровъ предлагаемыхъ.

Ты говоришь мнѣ: «Разсмотри, напримѣръ, убійство Андрея Боголюбскаго во Владимірѣ, послѣдующіе мятежи, обращеніе къ сосѣднему рязанскому князю объ избраніи ему преемника—черты чисто великороссійскія»! Я согла-

шусь, пожалуй, развѣ по тому только, что суздальское населеніе издревле было великороссійское; но все таки не чисто, а совмѣстно съ населеніемъ чудскимъ, которое, претворяясь въ великороссійское, привносило же въ его чистоту нѣчто и отъ своей не чистоты, отъ своей природы. Посмотри, однако, и ты, любезный характе́рникъ, какъ рѣзко отъ всѣхъ Суздальцевъ, при убіеніи Андреевомъ, отмѣнился тамъ Кіянинъ Кузмище! Вотъ онъ тебѣ живой зародышъ истины о характерѣ малороссійскомъ, взятый изъ дѣйствительности исторической! А тотъ громадный Нижегородецъ Кузма—да будетъ онъ тебѣ плодомъ исторической истины о народномъ характерѣ великороссійскомъ, по которому, если бы древними обитателями кіевопереяславской земли дѣйствительно были Великороссіяне, не ушли бы изъ нея они при нашествіи батыевомъ, куда-то на сѣверъ, за лѣса брынскія, за грязи смоленскія!... Не попустили бы они всякому пришельцу завладѣвать ихъ родимою стороною, благодатною Украиной... И не покинули бы они такъ безучастливо и равнодушно — на произволъ вѣтровъ и враговъ, на четыре вѣка, своего стольнаго Кіева, священнаго для всего православнаго русскаго міра, какъ Іерусалимъ для всего міра христіанскаго! Ты говоришь мнѣ въ Отвѣтѣ: «Есть ли изъ трехъ сотъ, составленныхъ тобою (въ Словарѣ), біографіи удѣльныхъ князей, хоть одна, которая напомнила бы собою Тараса Бульбу, или Петра въ Страшной Мести»?... Для меня чуденъ и самый вопросъ твой. То были князья до-татарскаго времени, лица дѣйствительныя, означенныя лѣтописаньемъ, изъ котораго ты выбиралъ біографіи почти слово въ слово, даже убавляя; а Тарасъ, Петро— лица вымышленныя, пересозданныя воображеніемъ поэта, взятыя имъ изъ простолюдья, не изъ княжескаго сословія, и пріуроченныя, какъ Тарасъ, къ четвертому десятилѣтію XVII вѣка. Конечно, художественная сила необходима историку для воскрешенія давнопрошедшихъ лицъ, чтобы они и современныя имъ поколѣнія народа становились живьемъ передъ очами. Но чтобы художникъ былъ наставителенъ для историка, для того надобно, чтобы онъ со смиреніемъ покорился исто-

рической дѣйствительности и поработалъ бы для нея съ долготерпѣніемъ. А въ творчествѣ нашего великаго художника, Гоголя (пока художество было его жизнію)—этого не было: у него и исторія Малороссіи скакала по его волшебной флейтѣ. И если ты, мой любезный характе́рникъ, составишь для исторіи характеристику нашего козачества по Тарасу Бульбѣ, тогда ты отхватаешь намъ такого козачка, какого не видалъ и самъ великій гетманъ, Потемкинъ, страстный любитель этого танца! Ты говоришь мнѣ въ Отвѣтѣ: «Сравни теперь исторію своихъ любезныхъ гетмановъ съ исторіею галицкихъ бояръ, съ исторіею, пожалуй, современниковъ Курбскаго. Они похожи какъ двѣ капли воды»! Извини меня: эти твои «двѣ капли воды» для меня не болѣе, какъ пара словъ! Должно быть ты взглянулъ тогда на исторію нашихъ козацкихъ гетмановъ такъ издалеча, что она слилась для тебя въ одну каплю, и гетманы наши представились тебѣ уже какъ «образы безъ лицъ»! Быть можетъ, что и я подошелъ къ нимъ уже слишкомъ близко, такъ, что мнѣ видны уже ихъ усы и носы, и ихъ общее сходство теряется для меня въ разнообразіи ихъ личностей. Во всякомъ случаѣ, я скажу тебѣ, что въ нашей козацкой малороссійской гетманщинѣ, въ которой на гетманствѣ, съ 1506 и до 1764 года, были лица изъ разныхъ сословій и мѣстъ, изъ князей, шляхтичей, козаковъ, поповичей, изъ Украинцевъ, Сѣверянъ, Волынянъ, Галичанъ, представляется такая разнобоярщина, какой не было и въ древнемъ боярствѣ галицкомъ! При томъ же, козачество Украины и гетманство козацкое составляетъ особенность позднѣйшей исторіи малороссійской, съ XVI вѣка; а по тому несовсѣмъ удобно и сравнивать ее съ исторіею древнихъ бояръ галицкихъ. Можно бы для сравненія съ ними, пожалуй, взять однородца ихъ, гетмана Петра Конашевича Сагайдачнаго, родомъ изъ шляхетства перемышльскаго; но какая же разница въ этомъ характерѣ отъ бояръ древнегалицкихъ! Впрочемъ, и то сказать, что онъ учился въ Острожскомъ училищѣ, и доучился въ Сѣчи Запорожской. А что ты намекнулъ о современникахъ Курбскаго, конечно, разумѣя вельможество волынской земли, то сходство весьма

можетъ быть съ нею, потому что на гетманствѣ было тогда нѣсколько волынскихъ князей, каковы, между прочимъ: Вишневецкій, Ружинскіе, и т. д. Вообще же сказать, чѣмъ больше нашлось бы сходства между Галичанами, Волынянами, Украинцами всѣхъ вѣковъ, тѣмъ больше подтвердилась бы ихъ принадлежность къ одному народу южнорусскому, среди котораго въ русской землѣ кіево-переяславской родился, выросъ и скончался нашъ «добрый страдалецъ за русскую землю, Володимеръ Мономахъ» и доблестный внукъ его, Изяславъ, «по немъ же плакася вся русская земля и вси Черніи Клобуци, яко по царѣ и господинѣ своемъ, наипаче же, яко по отци», и храбрый правнукъ Мономаховъ, молодой князь Владиміръ Глѣбовичъ, «о немъ же Украина много постона».

Когда я, въ 1832 году, увидѣлъ землю Донскихъ козаковъ, и вслѣдъ за тѣмъ землю козаковъ Черноморскихъ, мнѣ тогда яснымъ было различіе великороссійскаго и малороссійскаго человѣка въ быту козацкомъ. Когда я послѣ того въ Кіевѣ, на лекціяхъ, разбиралъ подробно народныя пѣсни, великороссійскія и малороссійскія, мнѣ ясно было тогда различіе двухъ народныхъ русскихъ характеровъ при воодушевленіи пѣснотворческомъ, и для ихъ означенія у меня тогда срывались съ языка, иногда очень мѣткія слова. И много было мнѣ другихъ случаевъ, для сличенія двухъ русскихъ характеровъ въ разныхъ отношеніяхъ. Но никогда еще не случалось и не удавалось мнѣ означить и выразить ихъ такою опредѣлительною формулою, чтобы я могъ признать ее удовлетворительною и достаточною для разрѣшенія по ней всѣхъ историческихъ задачъ о русскомъ мірѣ, сѣверномъ и южномъ.

Ты еще говоришь мнѣ въ Отвѣтѣ: «Радъ покланяться съ тобою Богдану также, какъ и Мономаху: видишь ли мое безпристрастіе, съ котораго и бери примѣръ»! Еще бы ты не поклонился Богдану, который, послѣ своихъ тридцатилѣтнихъ козацкихъ подвиговъ на морѣ и сушѣ, отъ Царьгорода до Смоленска, одинъ поднялъ на свои плеча великое и многотрудное дѣло освобожденія стольнаго Кіева и всей Малороссіи отъ Поляковъ; одинъ шестилѣтнею войною своею

освободилъ ихъ отъ короны польской, и привелъ ихъ снова подъ вѣнецъ Мономаха, доставшійся Москвѣ въ наслѣдіе отъ Кіева:

И Руси древняя столица
Склонилася передъ Москвой,
Какъ вѣнценосная вдовица
Передъ царицей молодой!

Ты объявляешь въ Отвѣтѣ своемъ, что я кланяюсь твоему «Хронологическому словарю удѣльныхъ русскихъ князей», изданному 1855 года. Дѣйствительно, я любовался и любуюсь имъ, какъ прекрасною историческою мозаикою, и разглядывалъ его, какъ самъ видишь, съ большимъ вниманіемъ. Я люблю въ русской исторіи ту систему, къ которой стремился нашъ безсмертный Карамзинъ, сказавшій: «Я желалъ преданное намъ вѣками соединить въ систему ясную стройнымъ сближеніемъ частей»... Въ духѣ той системы была и твоя мозаическая работа надъ Словаремъ древнерусскихъ князей; и я сердечно желалъ бы, чтобъ ты еще разъ утеръ пота надъ нимъ; чтобъ ты посвятилъ ему еще одинъ такой же затворническій долгій присѣстъ, для новой окончательной обработки его, для новаго, неспѣшнаго его изданія, на всегдашнее руководство будущимъ поколѣніямъ друзей русской исторіи. То была бы безсмертная книга, лучшая всѣхъ многочисленныхъ книгъ, тобою написанныхъ!

Написавши все это тебѣ въ отвѣтъ, я еще разъ прочелъ твой Отвѣтъ на мои Филологическія письма, и удостовѣрился, что уже отозвался почти на все, что требовало съ моей стороны возраженія и объясненія. Въ дополненіе, мнѣ можно еще повиниться передъ тобою, что я, въ твоемъ примѣчаніи о Добрынѣ, отнесъ словцо «нѣсколько» къ послѣдующему имени «славянское», а надо было отнести его къ предыдущему глаголу «противорѣчитъ»,—какъ вижу теперь, изъ твоего Отвѣта. Но моя ошибка была неумышленная, которая, по пословицѣ, «въ фальшъ не ставится». Произошла же она, конечно, по настроенности моей мысли твоими утвержденіями, что сестра Добрыни, Малуша,—Норманка, и что ея имя есть норманское Малфридь, съ

перемѣною только окончанія на славянское; что въ именахъ Боричъ, Синко «можетъ быть есть только славянское подобозвучіе»; и что «только имена убійцъ глѣбовыхъ (Путьша, Талецъ, Еловить, Горясѣръ) звучатъ, кажется, болѣе по-славянски»! (с. 127). Такъ мнѣ и показалось, что у тебя и Добрыня именемъ только отчасти, «нѣсколько славянскимъ». Съ удовольствіемъ вижу теперь, что оно и прежде казалось тебѣ вполнѣ славянскимъ!... Вотъ хорошо было бы, еслибъ ты и имя Малуши тоже призналъ вполнѣ славянскимъ, отъ имени отца ея, Мала (уменшительно Малка), а также и имена: Боричъ (отъ коего увозъ Боричевъ) и Синко. А что имена Путьша, Талецъ, Еловичь(-ть), Горясѣръ—звучатъ не «кажется, болѣе», но именно вполнѣ по-славянски, въ этомъ, я полагаю, и самъ ты уже убѣжденъ нынѣ. Попрошу тебя еще выключить изъ твоего списка скандинавскихъ словъ, наши природныя славяно-русскія слова: мужи, люди, огнищане, рядъ, стягъ, луда, грузъ, лодья, цѣжь. Конечно, этимъ ослабится нѣсколько одно изъ пяти сильнѣйшихъ твоихъ доказательствъ скандинавства Руси—языкъ; но вѣдь ты одинъ изъ самыхъ искреннихъ искателей истины?... При этомъ, я повторяю сказанное нѣкогда мною, въ послѣсловіи къ книгѣ: «Откуда идетъ русская земля»: «Тяжело отставать отъ привычныхъ понятій, которыя иногда наглухо срастаются съ нашею мыслію, но кто бы напередъ не пожертвовалъ своимъ личнымъ мнѣніемъ, не разстался съ своею новою системою, съ любимою мечтою, при одной мысли, что то будетъ благопріятно истинѣ, для которой и работаютъ ученые»? (стр. 79).

Я не теряю надежды, и непремѣнно хочу, возвратить тебя отъ твоей новороссійской системы къ прежнему историческому понятію нашему.... Ты не призналъ этой цѣли въ моихъ Филологическихъ письмахъ, и приписалъ ихъ моему небывалому намѣренію «отмстить» тебѣ. Такъ я же стану дѣйствовать на тебя посильнѣе тѣмъ именно, чего не залюбилъ ты: напоминаніемъ того, что̀ писалъ ты за десять лѣтъ,— въ «Изслѣдованіяхъ». Ты не взлюбилъ моего напоминанія,

и сказалъ, что это сдѣлано мною только для эффекта... А самъ, приступая, въ «Изслѣдованіяхъ», къ «апоѳегмамъ» археографа Строева, не съ того ли ты началъ, что выписалъ прежнія утвержденія его о Несторѣ, выраженныя при изданіи Софійскаго временника (1820), и потомъ воскликнулъ: «Кто бы повѣрилъ, что этотъ же изслѣдователь, чрезъ нѣсколько времени, будетъ писать вотъ что, въ своемъ знаменитомъ «Хронологическомъ указаніи»... (I. 465). Черезъ «нѣсколько времени», т. е., черезъ 16 лѣтъ! Новое понятіе археографа, приставшаго къ скептической школѣ Каченовскаго, конечно, было и въ немъ, какъ и въ самомъ Каченовскомъ, уклоненіемъ отъ прямаго пути историческаго. Но развѣ не то же случилось и съ тобою теперь, въ новороссійской твоей системѣ, о которой скажу, какъ сказалъ тогда ты о Морошкинѣ, напоминаніемъ словъ твоего «неумолимо своенравнаго» вдохновителя: «По неволѣ вспомнишь Шлецера, и скажешь, что видно, послѣ всякихъ трехъ шаговъ впередъ, на поприщѣ исторіи, намъ на роду написано ступать по два назадъ»! (II. 211.) Вотъ же ты и ступилъ два шага назадъ: одинъ—въ тожество церковнославянскаго языка съ великороссійскимъ: другой—въ древнее заселеніе Украины «кіевскими Великороссіянами», и въ новое заселеніе оной выходцами карпатскими! Я хотѣлъ вызволить на прежній путь истины; а ты сказалъ, что я хотѣлъ тебя столкнуть въ яму... И не ужъ ли же мнѣ изъ-за этого пожалѣть, что я къ тебѣ написалъ «Филологическія письма», какъ ты въ «Изслѣдованіяхъ», преслѣдуя спектиковъ воскликнулъ: «И зачѣмъ я переводилъ Эверса и Неймана»!

Въ заключеніе третьяго тома «Изслѣдованій», въ послѣсловіи, ты роздалъ въ удѣлъ разнымъ ученымъ мужамъ разные народы, а о себѣ сказалъ: «Я на свою долю взялъ и разсмотрѣлъ Норманов—quiescunt in pace»! Но ты вспомни, историкъ, что въ 1044 году, по волѣ ярославовой «выгребоша два князя, Ярополка и Ольга, сына Святославля, и крестиша кости ею».... (для того чтобы онѣ не истлѣли во тьмѣ язычества). Не упокоятся же и любезные тебѣ Норманы въ трех-могильной тьмѣ твоихъ «Изслѣдованій», не смотря на

твое зачураніе, и на твою неистовую критическую тризну! Наука не разъ еще поворошитъ ихъ кости, для обращенія въ лучшій свѣтъ истины!... Раздавая въ удѣлъ ученымъ мужамъ разные народы на изслѣдованіе, ты сказалъ тамъ: «О Болгарахъ законные судьи—молодые профессоры славянскихъ нарѣчій, гг. Бодянскій, Срезневскій, Прейсъ, Григоровичъ». Вотъ я, сойдясь съ тобою на полѣ истины филологической, и привелъ тебѣ послѣднія слова твоего перваго «законнаго судьи», слова о ближайшемъ сродствѣ церковнославянскаго языка съ болгарскимъ! Но ты въ Отвѣтѣ остался недоволенъ и опредѣленіемъ самаго его, и сказалъ, что я напрасно его словами подтверждаю свое мнѣніе. Къ кому же, наконецъ, прибѣгнуть мнѣ, какъ не къ тебѣ же, о мой сердитый Юпитеръ!... Но прочь миѳологія, и Скандинавія, и и «Изслѣдованія»... Беру прежнюю твою, вступительную книгу, освященную именемъ нашего безсмертнаго, смиренномудраго кіевскаго лѣтописца,—беру твою книгу «Несторъ», М. 1839. Тамъ, въ концѣ (стр. 226), сказалъ ты: «Разсмотрѣть Нестора, какъ писателя, я предоставляю г. Шевыреву; разсмотрѣть языкъ его—г. Бодянскому, ибо для этого нужно знать болгарское нарѣчіе и малороссійское, кои знаю я недостаточно». Вотъ здѣсь говоритъ русская душа Погодинъ, отвратившій на время взоръ свой отъ образины шлецеровой.... И задача о Несторѣ, какъ писателѣ, исполнена была въ седьмой лекціи Шевырева такъ удовлетворительно, какъ только можно было ожидать. И какъ мнѣ отрадно было увидѣть, что она окончена твоимъ заключеніемъ лекцій о Несторѣ, читанныхъ въ Ноябрѣ 1837 года, заключеніемъ, положеннымъ въ конецъ твоей книги; что въ концѣ обѣихъ вашихъ лекцій воспомянулись и мои слова о Несторѣ изъ послѣсловія къ книгѣ о Русской землѣ, написаннаго 8 Ноября, 1836 года.... Шевыревъ повторилъ слова твоей лекціи: «Поставимъ мы.... не портретъ, но освященный образъ нашего перваго лѣтописателя, Нестора... мы будемъ молить его, чтобъ онъ подавалъ намъ собою примѣръ трудиться, не для удовлетворенія своего бѣднаго самолюбія, не изъ угожденія своимъ мелкимъ страстямъ, а въ духѣ того сми-

ренномудрія, которое внушило ему эти прекрасныя слова, по замѣчанію одного изъ моихъ товарищей: «Азъ грѣшный Несторъ, мній всѣхъ въ монастырѣ блаженнаго отца всѣхъ Ѳеодосія»,—трудиться въ духѣ горячей любви къ отечеству, съ искреннимъ желаніемъ научиться и узнать истину».

Въ духѣ этого любознанія, возобновляю твое давнее желаніе, и усугубляю оное моимъ благожеланіемъ, чтобы и другое твое порученіе тоже исполнилось, т. е., чтобы г. профессоръ Бодянскій потрудился написать въ «Русскую Бесѣду» свое мнѣніе о языкѣ Несторовой лѣтописи, а также Кіевской и Волынской (неправильно названныхъ Ипатьевской).... ему филологу—и книги въ руки!

VI.

НОВЫЯ ПИСЬМА

КЪ М. П. ПОГОДИНУ.

О старобытности малороссійскаго нарѣчія [1]).

Письмо I.

И не хотѣлось бы, а пришлось мнѣ еще разъ побесѣдовать съ тобою, любезный академикъ, во всеуслышаніе—о старобытности Малороссійскаго нарѣчія на нашемъ Кіевскомъ Югѣ. Поводомъ къ тому служитъ отвѣтъ г. Лавровскаго на мои филологическія письма къ тебѣ, явившійся въ свѣтъ при твоемъ содѣйствіи [2]). Надо исполнить мое обѣщаніе—не остаться безотвѣтнымъ, если «записные филологи» напишутъ что либо въ пользу твоей исторической гипотезы—о заселеніи Кіево-Переяславской земли Великороссіянами на все древнее, до-Батыевское время, и о переселеніи на ихъ мѣсто Малороссіянъ съ Карпатскихъ горъ уже послѣ нашествія Татарскаго.

Я не читалъ еще ничего, написаннаго и изданнаго г. Срезневскимъ послѣ 1843 года (кромѣ одной Задонщины); а потому мнѣ неизвѣстно, какъ онъ самъ развиваетъ мнѣніе о несуществованіи Малороссійскаго нарѣчія и народа до нашествія Татарскаго,—мнѣніе, которое ты справедливо назвалъ невѣрнымъ, но несправедливо огласилъ какъ совершенную, неслыханную новость. Напрасно и г. Лавровскій ведетъ лѣтосчисленіе этого мнѣнія только съ 1849 года, со Срезнев-

---

[1]) Напечатано въ газ. День 1863, №8, 10, 15, 16 и отдѣльно въ 16, стр. 70.

[2]) *Отвѣтъ* г. Лавровскаго—въ *Основѣ* 1861 г. кн. 8.; тамъ же въ кн. 12, и другая его статья «*по вопросу* о Южно-Русскомъ языкѣ».

скаго, сопричисляя къ нему только тебя и себя. Я имѣлъ уже случай (въ Отвѣтныхъ письмахъ къ тебѣ) [1]) сказать, что мнѣніе о безразличіи Малороссіянъ съ Великороссіянами и ихъ нарѣчій до нашествія Татарскаго—было у насъ въ ходу издавна, и «что для сущности дѣла, для истины, нѣтъ большой разницы въ томъ, если невѣрное мнѣніе ходило сперва запросто, а теперь выступило съ важностью ученой формы и законности».

Безъ малаго за сто лѣтъ, именно 1765 года, Малороссійскій историкъ Симоновскій говорилъ такъ: «разность же между Великороссіянами и Малороссіянами тогда воспослѣдовала, когда они (т. е. Малороссіяне) пришли во владѣніе Литовское и Польское».

Граматинъ въ 1823 году говорилъ: «Что за областныя нарѣчія? Ихъ и теперь нѣтъ, кромѣ Малороссійскаго или Украинскаго и развѣ Бѣлорусскаго, составившихся, когда сіи области отторгнуты были отъ Россіи вскорѣ послѣ нашествія Татаръ; а тогда (т. е. въ XII вѣкѣ) отъ Ильменя до Днѣпра, какъ нынѣ отъ Невы до Камчатки, говорили однимъ языкомъ» (см. Слово о П. И., стр. 85). Отсюда будетъ прямое слѣдствіе, что и всѣ отличительныя черты Малороссійскаго нарѣчія развились въ немъ не ранѣе, какъ послѣ XIII-го вѣка; что оно, по этому, не выразилось, да и не могло выразиться ничѣмъ особеннымъ въ древнерусской письменности, до XIV-го вѣка: вѣдь въ этомъ и состоитъ, кажется, ученіе г. Срезневскаго. — Мнѣніе о новобытности Малороссійскаго нарѣчія являлось у насъ и съ особеннымъ направленіемъ, напримѣръ у Греча, который 1822 года, въ Опытѣ исторіи Русской литературы (стр. 12) выражался такъ: «Малороссійское нарѣчіе родилось и усилилось отъ долговременнаго владычества Поляковъ въ Югозападной Россіи и можетъ даже назваться областнымъ Польскимъ». Въ пространной грамматикѣ своей (изданной 1827 года съ предисловіемъ Поляка Булгарина) Гречь также говорилъ, что Малороссійское нарѣчіе «можетъ даже назваться нарѣчіемъ языка Поль-

[1]) *Отвѣтныя письма* напечатаны въ *Русской Бесѣдѣ* 1857 г. кн. II. см. выше, стр. 244—272.

скаго (стр. 35)! Нечего и говорить, до какого неистовства доходило у нашей Польской братіи это неправильное притяженіе Малороссійскаго нарѣчія къ языку Польскому, вопреки очевидной постепенности сродства между нарѣчіями Славянскими. Но при этомъ нельзя умолчать и о томъ противоположномъ направленіи, съ какимъ прошлаго года (1862), въ 23 нумерѣ Дня, являлся г. Соковенко, объявляя, будто «большинство спеціалистовъ давно уже пришло къ тому заключенію, если не убѣжденію, что Малороссійскій языкъ есть только подрѣчіе Великорусскаго!». Но это большинство—только въ воображеніи г. Соковенка; на самомъ же дѣлѣ давно уже нѣтъ, кажется, ни одного спеціалиста, который бы доказывалъ такую неосновательную мысль о нарѣчіи Малороссійскомъ. Онъ ссылается только на О. М. Бодянскаго да на меня,—будто мы «постоянно отзывались и отзываемся о Малороссійскомъ языкѣ, не какъ о самостоятельномъ или отдѣльномъ, а какъ о нарѣчіи или части Великорусскаго языка». Не смотря на тѣ пріятные эпитеты, которыми уснастилъ свою рѣчь объ насъ г. Соковенко, мы оба въ правѣ напомнить ему слова заповѣди: «не послушествуй на друга твоего свидѣтельства ложна». Ни въ одномъ сочиненіи своемъ г. Бодянскій не выражалъ приписаннаго ему мнѣнія о нарѣчіи Малороссійскомъ. Равно и я, начиная съ предисловія къ Малороссійскимъ пѣснямъ, изданнымъ 1827 года, постоянно утверждалъ, что на Малороссійское нарѣчіе должно смотрѣть какъ на особый языкъ, отличный отъ Великорусскаго, а тѣмъ болѣе отъ Польскаго. Названіе «Малороссійскій языкъ» было взято мною съ заглавнаго листа Энеиды Котляревскаго, первоначальника новой Малороссійской словесности. Впослѣдствіи я предпочелъ названіе «Южнорусскій языкъ», точнѣе и яснѣе выражающее собою объемъ этого языка, который состоитъ въ двухъ нарѣчіяхъ: 1) Малороссійскомъ, существующемъ издревле оба-полы Днѣпра—на Украинѣ, Подольи, Волыни, и въ Сѣверщинѣ; 2) Червонорусскомъ, существующемъ издревле обонполъ Днѣстра въ Галиціи и въ Карпатахъ. Нарѣчіе Великорусское вмѣстѣ съ Бѣлорусскимъ составляютъ одинъ языкъ Сѣверноруссій,

также отдѣльный и самостоятельны, какъ и языкъ Южно-Русскій. Эти два народные языка суть ближайшіе между собою, какъ два вида одной Русской или Восточно-Славянской рѣчи — и ни одинъ изъ нихъ не можетъ назваться родоначальнымъ для другаго: это два родные брата въ общемъ кругу Рѣчи Славянской (какъ въ Сѣверо-Западномъ ея отдѣлѣ —языки Польскій, Чешскій, Словацкій, Лужицкій и ихъ умершій братъ — языкъ Полабскій). Нѣтъ никакого основанія, ни филологическаго, ни историческаго, чтобы два Южнорусскія нарѣчія считать видоизмѣненіемъ котораго либо изъ двухъ нарѣчій Сѣверноруссскихъ. А между тѣмъ, и въ новое время Славянорусской филологіи было мнѣніе нашего покойнаго друга-товарища Надеждина, что Великорусскій языкъ образовался изъ соединенія языковъ Бѣлорусскаго и Южнорусскаго, особенно вслѣдствіе переходовъ и поселеній (см. въ Шафариковомъ Народописаніи).

Ты и теперь по прежнему признаешь древнюю особенность и самостоятельность нарѣчія и народа Малороссійскаго, равно какъ и Великорусскаго, и Бѣлорусскаго; потому-то и называешь ты невѣрнымъ положеніе г. Срезневскаго о безразличіи Малороссіянъ съ Великороссіянами и ихъ нарѣчій до нашествія Татарскаго. Но прежде (т. е. въ Изслѣдованіяхъ т. III. 1846 г.) ты признавалъ «отраженіе Малороссійское» у Нестора и въ другихъ древле-Кіевскихъ писаніяхъ; а 1856 года, въ своемъ знаменитомъ письмѣ къ Срезневскому, и ты, подобно ему, заговорилъ уже «о совершенномъ отсутствіи всякихъ признаковъ Малороссійскаго нарѣчія какъ у Нестора, такъ и у Кіевскихъ и Волынскихъ его продолжателей; да кромѣ того ты призналъ въ нихъ еще «явное присутствіе нарѣчія Великороссійскаго»: то и другое вмѣстѣ привело тебя къ заключенію о пребываніи Великорусскаго народа на Кіевскомъ Югѣ искони и до нашествія Татарскаго. Малороссійскій же народъ, нынѣ здѣсь обитающій, ты примѣстилъ въ Карпаты на все до-Татарское время. Вотъ это-то отчужденіе насъ Малоросіянъ отъ нашей Приднѣпровской родины, отъ нашего Кіева и всей нашей древней исторической жизни,

столь многозначащей въ общей жизни Рускаго Міра,—это отлученіе отъ насъ нашихъ древле-Кіевскихъ писателей и подвижниковъ—и заставили меня вступить въ полемику съ тобою, на столько же историческую, на сколько и филологическую... Я уже и думать забылъ объ этой нашей полемикѣ, и моими письмами къ тебѣ о Богданѣ Хмѣльницкомъ [1]) надѣялся вызвать тебя на обѣщанную бесѣду со мной объ этомъ великомъ подвижникѣ и представителѣ Украины, который историческимъ дѣломъ своимъ доказалъ ясно ближайшее сродство Малороссійскаго народа съ Великороссійскимъ... Но вотъ становится между нами г. Лавровскій, съ своимъ Отвѣтомъ на мои Филологическія Письма,—съ отвѣтомъ, который въ самомъ дѣлѣ можно назвать «процессомъ опроверженія г. Максимовича», по выраженію автора. Чтобы исполнить твое прежнее желаніе и мое обѣщаніе, я дамъ тебѣ подробный отчетъ преимущественно о томъ, что въ этомъ Отвѣтѣ относится прямо къ дѣлу, къ разрѣшенію занимательнаго для васъ вопроса о нарѣчіи Малороссійскомъ. Для этого, минуя всѣ околичности, я возьму сначала то мѣсто, въ которомъ заключается вся суть «Отвѣта».

«И такъ,—говоритъ г. Лавровскій—положа руку на сердце, безпристрастно, безъ увлеченія, мы смѣло можемъ повторить ровно за четыре года [2]) высказанное положеніе, что древній Русскій языкъ, въ предѣлахъ нынѣшняго Русскаго государства, до XIV столѣтія, не обнаруживаетъ рѣшительно того раздѣленія на два нарѣчія, Великорусское и Малорусское, какое встрѣчаемъ мы впослѣдствіи и въ настоящее время. Это положеніе, по глубокому нашему убѣжденію, опирается на самыхъ прочныхъ основаніяхъ: во 1) на рѣшительномъ отсутствіи исключительныхъ Малороссизмовъ во всей древней письменности Русской, Южной и Сѣверной; во 2) на невозможности не высказаться особенностямъ народнаго языка даже и при предположеніи, что эта письменность была

---

[1]) Напечатаны въ *Украинцѣ* 1859 г. и въ *Русской Бесѣдѣ* 1859 г.

[2]) *Отвѣтъ* написанъ 1856 г. То *Разсужденіе*, на которое ссылается г. Лавровскій, мнѣ неизвѣстно, какъ и все прочее написанное имъ до *Отвѣта*.

Церковнославянская, что положительно доказывается; въ 3) постояннымъ господствомъ въ этой письменности отличительныхъ чертъ языка общерусскаго и областныхъ особенностей рѣчи Новгородской; въ 4) позднѣйшею письменностію, съ XIV вѣка, гдѣ при очевидномъ церковнославянизмѣ языка, во множествѣ разсѣяны отличительныя свойства Малорусскаго нарѣчія на Югѣ, какъ Великорусскаго на Сѣверѣ; въ 5) наконецъ, на неопровержимомъ фактѣ близости всѣхъ нарѣчій Славянскихъ другъ къ другу до XIII—XIV столѣтій, что, ни мало не противорѣча развитію нѣкоторыхъ особенныхъ чертъ въ каждомъ, прямо противорѣчитъ господству въ то время всѣхъ нынѣшнихъ особенностей» (стр. 35).

Судя по высказанному здѣсь положенію и по концу Отвѣта, надо думать, что г. Лавровскій крѣпко держится Граматинскаго мнѣнія, возобновленнаго и развитаго г. Срезневскимъ, о безразличіи Русской рѣчи до XIV-го вѣка, о существованіи въ то время одного языка на всей Руси, и о происхожденіи Великороссійскаго и Малороссійскаго нарѣчій, съ ихъ отличительными особенностями, уже послѣ нашествія Татарскаго. Въ этомъ смыслѣ и веденъ весь Отвѣтъ и только одному Новгородскому нарѣчію съ его особенностями придана у г. Лавровскаго такая же глубокая древность, какъ и всему остальному языку древней Руси съ его особенностями обще-Русскими. Такимъ небезпристрастнымъ исключеніемъ въ пользу Новгородскаго нарѣчія нарушается уже то безразличіе древняго языка Руси, по которому онъ полагается до XIV вѣка не Великорусскимъ, и не Малороссійскимъ, а просто Русскимъ языкомъ.

Но въ «Описаніи семи рукописей» напечатанномъ въ Чтеніяхъ 1858 г. [1]), г. Лавровскій отошелъ еще далѣе отъ безразличія древне-Русской рѣчи и пришелъ «къ положительному мнѣнію», что и на Югѣ Россіи до XIV вѣка «господствовало не нарѣчіе Малорусское, а тоже Вели-

[1]) См. кн. IV, тамъ О. М. Бодянскій, въ краткихъ примѣчаніяхъ къ статьѣ г. Лавровскаго заявилъ свое несогласіе съ его мнѣніемъ.

корусское, какое мы находимъ и въ памятникахъ Сѣвера, кромѣ, конечно, признаковъ Новгородскаго нарѣчія» (стр. 73). Такимъ образомъ здѣсь, вмѣсто прежняго просто Русскаго или обще-Русскаго языка, полагается уже Великорусское нарѣчіе; слѣдственно, здѣсь предполагается уже различіе между Великорусскимъ и Малороссійскимъ нарѣчіемъ до XIV вѣка; допускается древняя особенность не одного Новгородскаго, нарѣчія, но и Великорусскаго, которому дано непомѣрное распространеніе—на всю Южную Русь. Это очевидный переходъ отъ прежняго ученія о безразличіи Русской рѣчи до XIV вѣка—къ твоему новому ученію о Кіевскихъ или Южныхъ Великороссіянахъ; и ты уже предвидишь, гдѣ очутится у г. Лавровскаго Малороссійское нарѣчіе, не получившее себѣ мѣста «въ предѣлахъ нынѣшняго Русскаго государства»? Въ «Обзорѣ особенностей Малорусскаго нарѣчія», напечатанномъ 1859 г. (въ Журн. М. Н. Пр. кн. 6), г. Лавровскій, для объясненія нѣкоторыхъ особенностей этого нарѣчія, сходныхъ нѣсколько съ Сербскими, обращается къ гипотезѣ Погодина о позднѣйшемъ переселеніи нынѣшняго Малороссійскаго народа съ Карпатскихъ горъ послѣ нашествія Татарскаго (стр. 265). Такимъ образомъ и тѣ нѣкоторые особенности Малороссійскаго нарѣчія полагаются у него развившимися еще въ Карпатахъ, еще до нашествія Татарскаго; въ Отвѣтѣ нѣкоторыя изъ тѣхъ же особенностей (напр. глагольное окончаніе 1 лица множ. ч. *мо)* положены происшедшими въ Малороссійскомъ нарѣчіи уже послѣ XIII вѣка. Не знаю, какое нарѣчіе назначаетъ г. Лавровскій для Червонорусскаго или Галицкаго Юга, до нашествія Татарскаго: тоже Великорусское, какъ и для Кіевскаго Юга, или Малоросское, какъ и въ Карпатахъ? Не упоминается также въ помянутыхъ статьяхъ г. Лавровскаго, о Бѣлорусскомъ нарѣчіи: когда оно обособилось въ предѣлахъ нынѣшняго Русскаго государства? Но если онъ уже пришелъ къ положительному мнѣнію о древнемъ существованіи Великорусскаго нарѣчія даже и на Кіевскомъ Югѣ; если онъ обратился къ твоему же предположенію о пребываніи Малороссійскаго народа

и нарѣчія въ Карпатахъ до Татарскаго нашествія, то этимъ онъ самъ сдѣлалъ уже значительное отступленіе отъ ученія Срезневскаго о безразличіи и прочее, а слѣдовательно и отъ того положенія, которое развивалъ въ Отвѣтѣ. Но твое новое ученіе съ ученіемъ Срезневскаго, какъ видно по всему, сходится собственно только въ отрицаніи признаковъ Малороссійскаго нарѣчія въ древнихъ Южнорусскихъ писаніяхъ, различествуя совершенно въ окончательныхъ выводахъ. А потому соединить ваши два ученія въ одинъ живой составъ невозможно. Какъ же быть?.. Въ статьѣ «по вопросу о Южнорусскомъ языкѣ» г. Лавровскій, выдавая отсутствіе признаковъ Мало-Россійскаго нарѣчія въ древне-Русской письменности за фактъ неопровержимый, говоритъ вотъ что: «Въ иныхъ обстоятельствахъ находится вопросъ, который можетъ возникнуть изъ этого факта и рѣшеніе котораго не только любопытно, но и въ высокой степени важно для науки, именно: заключается ли причина отсутствія признаковъ Малорусскаго нарѣчія въ древнѣйшей письменности Южной въ томъ, что такіе признаки еще не успѣли развиться, по крайней мѣрѣ не успѣли еще охватить бо́льшей части народа, какъ напр. и нынѣшній переходъ *о* въ *и;* — или отсутствіе мѣстныхъ особенностей нарѣчія объясняется не первобытностью большинства массы Южнорусскаго народа въ нынѣшнихъ предѣлахъ Южной Руси; другими словами—видѣть ли причину въ мнѣніи г. Срезневскаго или въ мнѣніи г. Погодина» (см. въ Основѣ 1861, кн. 12 стр. 79). На мой взглядъ, этотъ вопросъ любопытенъ всего болѣе тѣмъ, что онъ съ такою важностью занятъ причинами несуществующаго явленія; ибо то отсутствіе признаковъ, о которомъ задался этотъ вопросъ, есть не фактъ, а только фикція, равно принадлежащая обоимъ мнѣніямъ. Но объ этомъ въ слѣдующемъ письмѣ, при разборѣ тѣхъ основаній, на которыхъ опирается вышеприведенное положеніе г. Лавровскаго.

Письмо II.

Въ статьѣ «По вопросу», г. Лавровскій говоритъ: «не каждый ли изъ Русскихъ, занимавшихся вопросомъ о древне-Русскомъ языкѣ, ставилъ во главу угла самостоятельность Южнорусскаго нарѣчія въ нынѣшнее время, и уже черезъ эту самостоятельность дѣлалъ поиски въ древности»? (стр. 81). Однако эти поиски, у троихъ Русскихъ, окончились совершеннымъ отсутствіемъ слѣдовъ Малорусскаго нарѣчія въ древней письменности, и привели къ заключенію, что не было тогда и самаго нарѣчія Малорусскаго на Кіевскомъ югѣ. Но развѣ можно по отсутствію разныхъ особенностей народнаго языка въ письменности заключать и объ отсутствіи ихъ въ самомъ языкѣ? Я полагаю, не можно.

Начнемъ съ нынѣшней Малороссійской словесности на народномъ Южнорусскомъ языкѣ, начатой Энеидою Котляревскаго, 1797 года. Въ этой поэмѣ (по второму изданію 1809 года) читаемъ:

Эней бувъ паробокъ моторный....
Пятами зъ трои накивавъ.

Или:

Огонь на дворѣ розвели
И мяся въ казаны наклали.
Варили страву и пекли.
Пять казанивъ стояло юшки....

Здѣсь, въ отмѣченныхъ мною словахъ, не выражена та отличительная особенность Малороссійскаго нарѣчія и всего языка Южнорусскаго, что въ немъ губные звуки, не любя непосредственнаго сочетанія съ звукомъ *я*, отдѣляются отъ него буквою ь-мъ, а звукъ *м* принимаетъ и сродный

ему *и* [1]); потому тѣ слова выговариваются такъ: пьятá, пьять, мьясо и мнясо. Сообразно съ этимъ въ Шевченковомъ Кобзарѣ двухъ прежнихъ изданій было напримѣръ въ Тополѣ:

Чого вьянешь, моя доню?

Новый издатель Кобзаря (1860 г.), избѣгающій этой особенности Малороссійскаго выговора, поставилъ просто:

Чого вянешь, моя доню?

Изъ этого примѣра видно уже, что и въ новой Малороссійской словесности на народномъ языкѣ разныя особенности его—бываютъ и не бываютъ выражены на письмѣ и въ печати, смотря по личному произволу и разумѣнію пишущихъ. Но возвратимся къ первому стиху Энеиды:

Эней бувъ паробокъ моторный.

Тутъ на глаголѣ бувъ означились разомъ двѣ особенности народнаго языка. Одна та, что окончаніе прошедшаго времени *лъ* произносится *въ* (что ведется также у Бѣлоруссовъ и, по сосѣдству съ Москвою, у Тверичей).

Другая особенность та, что этотъ вспомогательный глаголъ въ Южнорусскомъ языкѣ выдерживаетъ свой коренной слогъ *бу* не только въ будущемъ времени и въ наклоненіи повелительномъ (будь), но и во всѣхъ своихъ видоизмѣненіяхъ, производныхъ и сложныхъ: бути, бувати, бувши, бувай, добути, забути, прибутна вода, и прочая. Въ моей исторіи древней Русской Словесности (1839 г.), при обозрѣніи особенностей Южнорусскаго языка, было замѣчено, что и по-Санскритски *б у* значитъ быть, а это «приводитъ къ мысли, что Южнорусская форма этого глагола есть древнѣйшая» (стр. 122). Согласно съ моею мыслію, и г. Лавровскій, въ своемъ обзорѣ (1859 г.), полагаетъ, что въ глаголѣ бути «не *ы* смѣнилось посредствомъ *у*, а *у* осталось отъ первобытныхъ временъ, не допустивши развитія въ *ы*, принятаго всѣми Славянскими нарѣчіями», стр. 235). И

[1]) Объ этомъ см. въ Начаткахъ Русской Филологіи», §§ 97 и 98, выше, стр. 135—137.

такъ, можно безспорно признать, что это есть одна изъ самыхъ исключительныхъ существенныхъ и древнѣйшихъ принадлежностей языка Южнорусскаго. А между тѣмъ Малороссіяне обыкновенно писали быти, былъ—въ XV-мъ, и XVI-мъ вѣкахъ, когда письменнымъ языкомъ у нихъ былъ такъ-называемый Западнорусскій общій для всей Юго-Западной Руси, который то приближался къ народному Южнорусскому, то переполнялся полонизмами, смотря по личности писавшихъ. Здѣсь отсутствіе глагола бути и окончанія *въ* вм. *лъ* не можетъ быть изъясняемо ни тѣмъ, что эти формы не успѣли еще развиться и охватить собою всю массу народа, ни отсутствіемъ самаго народа Малороссійскаго на Кіевскомъ югѣ. И если бы о существованіи разныхъ особенностей Южнорусскаго языка заключать «только по письменности», только по времени ихъ появленія въ ней — какъ это дѣлается въ отвѣтѣ г. Лавровскаго — тогда пришлось бы глаголъ бути причислить къ новостямъ Малороссійскаго нарѣчія, происшедшимъ во времена Уніи.

Ясное дѣло — во 1-хъ, что иная особенность можетъ принадлежать Южнорусскому языку съ незапамятной, первобытной древности — и не являться въ письменности даже до XVII-го вѣка; во 2-хъ, что одна и та же особенность народнаго языка можетъ быть и не быть въ письменности, а потому нѣтъ рѣшительной невозможности не высказаться всѣмъ свойствамъ народнаго языка въ письменномъ; въ 3-хъ, что отсутствіе разныхъ особенностей народнаго языка въ письменности не можетъ служить прочнымъ основаніемъ для отрицанія ихъ въ живомъ языкѣ народа.

Если же, какъ очевидно изъ приведенныхъ мною примѣровъ, ни въ новой Малороссійской словесности на народномъ Южнорусскомъ языкѣ, ни въ старинной письменности Малороссіянъ на языкѣ Западнорусскомъ, не встрѣчаемъ всѣхъ особенностей нарѣчія Малороссійскаго: какъ же можно ожидать и требовать этого отъ древней Южнорусской письменности, бывшей на нашемъ богослужебномъ языкѣ Церковнославянскомъ, въ которую своенародный языкъ входилъ только изрѣдка, отрывочно, иногда лишь въ видѣ

случайныхъ обмолвокъ?... А г. Лавровскій, въ своемъ отвѣтѣ, ограничивая всю древне-Русскую письменность только общеРусскими да Новгородскими отмѣнами отъ Церковнославянскаго языка и не допуская другихъ отмѣнъ въ живомъ языкѣ всей тогдашней Руси, говоритъ: «какъ же можно допустить, чтобы тамъ сямъ не обнаружились всѣ свойства народнаго языка, подъ перомъ людей свѣтскихъ, въ сочиненіяхъ, относящихся къ быту житейскому и для него назначенныхъ»? (стр. 30).

Но этихъ-то «тамъ-сямъ» и не осталось у насъ отъ древняго времени—для нарѣчія Малороссійскаго. Та именно древле-Кіевская и древле-Галицкая письменность, въ которой преимущественно могли отзываться и высказываться особенности языка своенароднаго, погибла вся, покрайней мѣрѣ до нынѣ намъ ничего изъ нея не извѣстно. Не только нѣтъ у насъ ни одной грамоты, ни простой какой либо записи въ древнемъ Южнорусскомъ подлинникѣ; не только такія произведенія свѣтскихъ людей, какъ Поученіе и Письмо Мономаховы, Слово о Полку Игоревѣ, но и самое Лѣтописанье Несторово, съ Кіевскимъ его продолженіемъ, дошли къ намъ въ Сѣверноруссскихъ спискахъ, не ранѣе конца XIV вѣка, усѣянныя многочисленными слѣдами говора Великорусскаго—Суздальскими у Лаврентія, Новгородскими—у писцовъ Ипатьевскихъ.

При такомъ отсутствіи самихъ памятниковъ древней Южнорусской письменности, справедливое ли дѣло заключать и возглашать уже о совершенномъ отсутствіи въ ней всякихъ слѣдовъ Малорусскаго нарѣчія? Развѣ можно въ предметѣ еще не открытомъ и для насъ неизвѣстномъ отрицать всѣ его свойства, даже и такія, которыя весьма могутъ у него быть? Вѣдь у васъ, съ совершеннымъ отсутствіемъ всякихъ признаковъ, неразлучно связана невозможность не высказаться всѣмъ особенностямъ народнаго языка въ письменности, — и на этихъ двухъ основаніяхъ назначается Малороссійскому нарѣчію — небытность на Кіевскомъ Югѣ до нашествія Татарскаго. Но отъ возможности и невозможности обратимся къ дѣйствительности.

У меня въ виду—Несторово лѣтописаніе, съ Кіевскимъ и Волынскимъ продолженіемъ, да Слово о Полку Игоревѣ: и я говорю опять по прежнему, что въ нихъ, подъ наноснымъ слоемъ Великорусскаго говора, принадлежащимъ позднѣйшей перепискѣ, уцѣлѣли явные слѣды нарѣчія Малороссійскаго, принадлежащіе древнимъ подлинникамъ. Какіе же именно?

Чтобы въ выборѣ филологическихъ примѣтъ не встрѣтить новаго противорѣчія со стороны г. Лавровскаго, я обращусь сперва къ тѣмъ особенностямъ, которыя самъ онъ приводитъ изъ позднѣйшей Южнорусской письменности, называя ихъ рѣзкими, отличительными чертами Малороссійскаго нарѣчія, и о которыхъ говоритъ онъ въ заключеніе: «Гдѣ же хоть одна изъ этихъ особенностей встрѣтилась г. Максимовичу въ древнѣйшихъ Русскихъ памятникахъ до XIV вѣка»? (стр. 34).

Не одна, а нѣсколько. И если г. Лавровскій въ тѣхъ особенностяхъ видитъ «несомнѣнные слѣды» Малороссійскаго нарѣчія въ позднѣйшей письменности и доказываетъ ими новобытность его, то и мнѣ можно, кажется, тѣ же самыя особенности называть несомнѣнными слѣдами Малороссійскаго нарѣчія въ древнихъ Южнорусскихъ писаніяхъ и доказывать ими старобытность этого нарѣчія на нашемъ Кіевскомъ югѣ.

Особенность 1-я: «смѣшеніе *въ* съ *у*» (стр. 31). Но это смѣшеніе въ Малороссійскомъ нарѣчіи ведется издревле. Такъ въ Святославскомъ Изборникѣ 1073 г. уселеная; вм. вселеная; наоборотъ, у Нестора, въ житіи Ѳеодосія (по списку XII в.) вгодникъ вм. угодникъ. Кіевская лѣтопись, какъ извѣстно тебѣ, особенно богата этою взаимною мѣною *в* съ *у*: «въже бѣ къ веснѣ» — «мятежъ влеже»; наоборотъ: Уздвиженіе, узлюбиста, *у* весельи, *у* Переяславли и прочая.

Такое же смѣшеніе принадлежитъ и Бѣлорусскому нарѣчію, и Новгородскому; но это не мѣшаетъ ему быть особенностью и языка Южнорусскаго. Одна и та же филологическая примѣта, принадлежа разнымъ нарѣчіямъ, входитъ

въ признакъ каждаго, но составляетъ его своимъ соединеніемъ съ другими примѣтами, которыми тѣ нарѣчія разнятся между собою. Такъ ведется и въ наукахъ естественныхъ.

Особенность 2-я, приведенная г. Лавровскимъ изъ Малороссійскихъ лѣтописцевъ XVII вѣка: изыйде (вм. изиде), прійшолъ. А я приведу изъ древней Волынской лѣтописи: «выйде Филя»—«изыйде дырею градною»—«изіиде за Днѣпръ».

Особенность 3-я—«смѣшеніе *ы* съ *и*» (стр. 33). Но оно видно уже на предъидущемъ примѣрѣ: изыйде и изійде; оно не рѣдко встрѣчается въ древней Русской письменности, между прочимъ, и на словѣ тысяча. На что жъ было г. Лавровскому приводить даже написаніе тисяча, какъ послѣ-Татарскую новость! Древность этого смѣшенія *ы* съ *и* въ Новгородскомъ нарѣчіи — видна изъ Остромирова Евангелія, гдѣ встрѣчается: многашьды и многашъди.

Особенность 4-я—«потеря *ть* въ 3-мъ лицѣ единственнаго числа», напр. скаже (стр. 33). Много сказано: потеря; ибо Малороссіяне опускаютъ *ть* только послѣ *е*, но удерживая при соединеніи съ мѣстоименьемъ *ся:* хоче, хочеться. А что это опущеніе въ Малороссійскомъ нарѣчіи ведется издревле, видно изъ нѣсколькихъ примѣровъ. У Нестора: «Рѣша же Кіяне.... а княгини наша хоче за вашь князь». Въ Словѣ о П. И. «Печаль жирна тече». Для нарѣчія Новгородскаго, гдѣ эта потеря *ть* гораздо бо́льшая (ибо бываетъ не только въ единственномъ числѣ, но и во множественномъ, не только послѣ *е*, но и послѣ *и*), я приведу изъ послѣсловія, написаннаго діакономъ Григорьемъ въ Остромировомъ Евангеліи, извѣстныя слова: «да иже горазнѣе сего напише».

Видишь самъ, любезный академикъ, что я даю удовлетворительный отвѣтъ на вопросъ г. Лавровскаго о встрѣчѣ хоть одной изъ тѣхъ особенностей въ древней письменности, и что у него не одна изъ нихъ отнесена ошибочно и напрасно къ новостямъ, происшедшимъ послѣ XIII вѣка.

А вотъ и особенность 5-я, которую самъ г. Лавровскій допускаетъ въ древнее время, въ видѣ областнаго исключенія, для Новгородскаго сѣвера и для Русскаго юга: *и* вм. *ѣ* и наоборотъ. Объ ней будетъ рѣчь послѣ; а теперь я прибавлю еще отъ себя двѣ филологическія примѣты Малороссійскаго нарѣчія, взятыя отъ формъ грамматическихъ.

Особенность 6-я—изъ Слова о П. И. «Подперъ горы Угорскыи»—«а въ нихъ трепещутъ синіи млъніи» и прочая. Изъ Волынской Лѣтописи: «Поженемъ на великыи бороды». Эта постановка прилагательнаго имени женскаго род., съ окончаніемъ *ыи, ыі*, вмѣсто Церковнославянскихъ *ыи, ія, яя*, сдѣлана тамъ по нарѣчію Малороссійскому, принявшему издревле окончаніе *и* для всѣхъ трехъ родовъ безразлично. Противъ этого окончанія на *и* сильно возставалъ Ломоносовъ [1]), въ своей Россійской грамматикѣ, утверждая нынѣшнее окончаніе на *е* и *я*.

Особенность 7-я—изъ слова о П. И. «Уже понизить стязи, вонзить свои мечи вережени»! Эта форма повелительнаго наклоненія 2 лица множ. числа на *ить* вмѣсто *ите*, въ Малороссіскомъ нарѣчіи живетъ до нынѣ,—а потому и въ Словѣ о П. И. понизить, вонзить поставлено по-Малороссійски.

Я надѣюсь, что этихъ семи особенностей, взятыхъ вмѣстѣ, весьма уже достаточно, чтобы признать явное присутствіе Малороссійскаго нарѣчія въ древней Южнорусской письменности; а потому признать и старобытность этого нарѣчія, и говорящаго имъ Малороссійскаго народа—на нашемъ Кіевскомъ югѣ. А при этомъ признаніи—мни-

---

[1]) На дняхъ, перелистывая попавшійся мнѣ подъ руку *Appendix* ad Floram Ingricam, изданный Гортеромъ 1764 г., я съ удовольствіемъ увидѣлъ, что Ломоносовъ занимался и ботаникою, и первый нашелъ для Петербургской флоры—*колокольчикъ широколистый*. Campanula latifolia... Habitat in Jngria ad fabricam Rudicensem 60 werstas Petroburgo. D. consiliarius status M. Lomonosow.

Вонъ гдѣ гулялъ онъ за сто лѣтъ, не задолго уже передъ смертью! († 1765 г. 4 Апр.).

Flora Ingrica ex schedis *Stephani Kraschenninnikow* confecta, издана Гортеромъ 1761 г. Кстати помянуть намъ и этого *перваго изъ Русскихъ* профессора ботаники, родомъ Москвича, трудившагося для Петербургской флоры по возвращеніи изъ Камчатки.

мое отсутствіе Малороссійскаго нарѣчія во всей древне-Русской письменности исчезаетъ само собою, какъ призракъ или недосмотръ филологическій.

Можетъ быть и г. Лавровскій, поглядѣвъ безпристрастно, безъ увлеченія, на эту седмерицу особенностей, не станетъ уже повторять, что Малороссійское нарѣчіе «нигдѣ и ни въ чемъ» не высказалось до XIV вѣка, что его «не видно и не было», на югѣ Россіи, до нашествія Татарскаго. А для бо́льшаго побужденія къ тому, я припомню здѣсь, что̀ сказалъ Шафарикъ, въ Славянскомъ народописаніи, о двухъ Изборникахъ, списанныхъ дьякомъ Іоанномъ 1073 и 1076 г. и о Крилосскомъ евангеліи 1143 г., что въ нихъ—«быстрый и опытный глазъ находитъ слѣды многихъ формъ Малороссійскихъ».

Особенность 8-я—сочетаніе звука *и* въ концѣ словъ только съ тонкими гласными и ъ. Когда я встрѣчаю у Нестора, напримѣръ: «Преставися царица Володимеряя Анна, или у отця, у оконця, то говорю, что здѣсь отозвалось у него нарѣчіе Малороссійское; ибо по-Церковнославянски да и по-Великорусски было-бы царица, у отца, у оконца.

Въ отвѣтѣ г. Лавровскаго эта филологическая примѣта опровергается тѣмъ, что такое же сочетаніе звука *и* съ тонкими гласными составляетъ и теперь «принадлежность говора Новгородскаго, и притомъ не въ концѣ только словъ, но и въ срединѣ, что погибло уже и въ нарѣчіи Малорускомъ» (стр. 36).

Погибло... да было ли когда нибудь? Говорится и нынѣ въ Малороссійскомъ нарѣчіи, какъ у Нестора, царица, но говорилось ли цярица—это еще вопросъ. Въ томъ и разница, что въ Малороссійскомъ нарѣчіи звукъ требуетъ тонкихъ гласныхъ только въ концѣ словъ; а въ Новгородскомъ — въ концѣ и въ срединѣ по свидѣтельству Даля, на котораго ссылается г. Лавровскій. Но главное дѣло въ томъ, что г. Лавровскій отрицаетъ у меня древнюю примѣту Малороссійскаго нарѣчія за ея сходство съ Новгородскою, и то за сходство не полное; а самъ онъ, какъ видѣли мы, ставитъ не одну такую особенность, которою сходится Малороссійское нарѣчіе не только въ Новгородскимъ, но и съ Бѣло-

русскимъ и Среднерусскимъ. За чтожъ такая неравномѣрная льгота себѣ и стѣсненіе другому въ выборѣ филологическихъ примѣтъ?... По такому способу дѣйствія легко отобрать у г. Лавровскаго и всѣ остальныя особенности, которыми доказываетъ онъ мнимую новобытность Малороссійскаго нарѣчія. Напримѣръ, у него поставлено: «употребленіе *з* вмѣсто *с* въ предлогѣ *съ*» (стр. 31). А я въ опроверженіе приведу изъ твоего предисловія къ Псковской лѣтописи — первую изъ замѣченныхъ тамъ «Особенностей въ выговорѣ: *с* выговаривалось какъ *з* передъ нѣкоторыми буквами, подобно какъ выговаривается въ Москвѣ, напримѣръ, *з* дятлемъ, *з* бояры, *з* берега»... (стр. XXVIII).

Отъ меня требуетъ г. Лавровскій «исключительныхъ Малоруссизмовъ»; а самъ въ «Отвѣтѣ» своемъ, приводитъ иногда такіе Малоруссизмы, которыхъ и нѣтъ въ народномъ Малороссійскомъ нарѣчіи; напримѣръ: вышше, нижей, для лутшого. Такія формы принадлежатъ письменному языку Западнорусскому, а по-Малороссійски было бы: вышче, нижче, для луччого.

Особенность 9-я, противъ которой было и твое возраженіе, состоитъ въ томъ, что Малороссійское нарѣчіе, сходно съ Церковнославянскимъ и Бѣлорусскимъ, перемѣняетъ гортанные звуки *г, х, к*, на *з, с, ц*, передъ *ъ*, въ предложномъ падежѣ, а въ именахъ женск. рода и въ дательномъ. И когда я встрѣтилъ у Нестора въ Кіевской лѣтописи: на порозѣ, по дорозѣ; то говорю, что это поставлено по-Малороссійски (по-Бѣлорусски былобы на парозѣ, по дарозѣ, а по-Великорусски—на порогѣ, по дорогѣ). Г. Лавровскій говоритъ въ возраженіе, что тѣ формы въ древности на столько же Южнорусскія, на сколько и Сѣверноруссвія; что, кромѣ полногласія этихъ формъ, онѣ «не только Церковнославянскія и Русскія, но, въ древности, обще-Славянскія» (стр. 36). Но полногласіе-то, вмѣстѣ съ перемѣною *г* на *з*, и даетъ мнѣ право называть эти формы Нестора—Малороссійскими; а по-Церковнославянски — было-бы на празѣ, по... но въ этомъ языкѣ существительное имя драга, кажется, и непринято. Къ тому же, у насъ идетъ рѣчь не

о той первобытной древности, когда всѣ Славяне были устнѣ единѣ; но о той, когда на Руси уже молились и писали на языкѣ Церковнославянскомъ; когда Кіевъ былъ средоточіемъ Русскаго міра, и было уже на Кіевскомъ Югѣ нарѣчіе Малороссійское со многими своими особенностями (какъ доказано выше); когда и Великороссійское нарѣчіе было уже объособившимся (хотя въ «Отвѣтѣ» г. Лавровскаго объособленіе и Великорусскаго нарѣчія также относится ко времени послѣ-Татарскому). И если мы видимъ, что Великорусское нарѣчіе давно отказалось отъ этой, нѣкогда обще-Славянской, измѣняемости гортанныхъ звуковъ передъ *ъ*, то удержаніе этой древней измѣняемости въ нарѣчіяхъ Малороссійскомъ и Бѣлорусскомъ становится для насъ отличительною чертою ихъ отъ Великорусскаго. Когда же у Великороссіянъ средне-Русскаго нарѣчія говорится еще: на парозѣ, по дарозѣ, то это есть уклоненіе отъ господствующаго Великорусскаго говора, подходящее къ Бѣлорусскому. (Такъ Новгородское *и* вм. *ъ* есть областное исключеніе изъ Сѣверноруссскаго говора на *е*, подходящее къ Южнорусскому; такъ въ этомъ языкѣ Сѣверское *е* вм. *ъ* есть областное исключеніе, подходящее къ средне-Русскому и Бѣлорусскому).

Если въ кругу Русской рѣчи Великороссіяне отмѣнились издавна потерею нѣкоторыхъ древнихъ ея принадлежностей, такихъ, удержаніе которыхъ составляетъ нынѣ особенность нарѣчія Малороссійскаго, то за эту Великорусскую потерю и отмѣну—несправедливо называть не-Малороссійскими такія постоянныя принадлежности Малороссійскаго нарѣчія, которыя присущи ему донынѣ, какъ и во времена первобытныя,—особливо когда такое непризнаніе ихъ Малороссійскими клонится къ отрицанію и самаго нарѣчія, и говорящаго имъ Малороссійскаго народа на Кіевскомъ Югѣ, до нашествія Татарскаго. И такъ повторяю: на порозѣ, по дорозѣ [1]), въ древле-Кіевскомъ лѣтописаньи

[1]) Когда въ Псковской лѣтописи (подъ 1481 г.) читаю: «аще у кого конь свернетъ *з дорозъ*»—я предполагаю здѣсь неудачное склоненіе полногласнаго Русскаго слова на манеръ Церковнославянскій. Вѣдь и у Псковичей, вѣроятно, говорится по-обще-Русски: свернуть *съ дороги*.

поставлено по-Малороссійски. Но когда я встрѣчаю у Нестора: «И пріѣха князь Печенѣжьскый къ рѣкѣ»,... то говорю утвердительно, что это поставилъ въ XIV вѣкѣ Лаврентій отъ себя по-Великорусски: у Нестора же, по Малорусски и по-Церковнославянски, должно быть: къ рѣцѣ. Вотъ вамъ одинъ изъ первыхъ слѣдовъ Великорусскаго нарѣчія въ письмахъ древле-Кіевскихъ; о другихъ слѣдахъ будетъ рѣчь въ слѣдующемъ письмѣ; а здѣсь я приведу еще хотя двѣ особенности Малороссійскаго нарѣчія, состоящія въ удержаніи древле-Славянскихъ свойствъ, утраченныхъ нарѣчіемъ Великороссійскимъ.

Особенность 10-я—удержаніе звательнаго падежа, для именъ мужскаго и женскаго рода единств. числа, въ полномъ развитіи. И когда въ Словѣ о П. И. Ярославна взываетъ: «о Днѣпре Словутицю»! то это также по-Малороссійски, какъ и въ Энеидѣ Котляревскаго, Юпитеръ говоритъ Венерѣ:

Охъ, доцю, ты моя голубка.

Словутиця есть ласково-уменьшительная форма существительнаго имени Словута — Украинское величаніе Днѣпра (Словутою, а не Словутомъ, какъ стали писать новые Малороссійскіе поэты, вопреки народному употребленію этого слова). Другія имена напримѣръ, царица, зовица, въ звательномъ падежѣ идутъ не съ *ю*, а съ *е*, какъ и въ языкѣ Церковнославянскомъ:

Ой, царице, наша мати!

Великороссіяне въ своемъ нарѣчіи совсѣмъ отказались отъ звательнаго надежа, безъ сомнѣнія, еще въ глубокой древности; ибо, не смотря на столь долгое сближеніе съ Церковнославянскимъ языкомъ, они заимствовали изъ него этотъ падежъ только для нѣкоторыхъ словъ, въ призываніи имени Божія: Боже! Господи! Владыко! и т. п.

Особенность 11-я—удержаніе дательнаго падежа для существ. именъ муж. рода съ двоякимъ окончаніемъ, на *у*, *ю*, и *ови*, *еви*... Но довольно!

Такія особенности сами по себѣ, конечно, были бы еще недостаточны для признанія самостоятельности и отдѣльности Малороссійскаго нарѣчія въ древнее время. Но въ совокупности съ вышеприведенными семью филологическими примѣтами тоже древними, но болѣе отличительными—онѣ и сами получаютъ имъ придаютъ полную силу на окончательное утвержденіе Малороссійскаго нарѣчія особымъ и самостоятельнымъ на Кіевскомъ Югѣ, и въ древнее, до-Татарское время. Не правда-ли?

Письмо третье.

Въ предыдущемъ письмѣ я успѣлъ, кажется, показать ясно, что Малороссійское нарѣчіе въ древле-Кіевскихъ писаніяхъ отозвалось не однѣми только Общерусскими примѣтами, но десятью своими особенностями, присущими ему издревле и донынѣ. Вотъ это—фактъ достовѣрный и непреложный, при которомъ оное отсутствіе всякихъ признаковъ Малороссійскаго нарѣчія въ древне-Русской письменности оказывается напрасною, преходящею фикціей. Да, этимъ мнимымъ отсутствіемъ и основаннымъ на немъ отрицаніемъ Малороссійскаго нарѣчія на Кіевскомъ югѣ до нашествія Татарскаго повторилось въ Русской филологіи такое же явленіе, какимъ въ Русской исторіи, лѣтъ за тридцать, была скептическая школа нашего приснопамятнаго учителя и товарища Каченовскаго, противъ которой первымъ поборникомъ былъ ты, и былъ не безуспѣшно. Такимъ же образомъ и тѣ два положенія г. Лавровскаго: 1) что вся древне-Русская письменность не представляетъ никакихъ другихъ отмѣнъ народнаго языка отъ церковнославянскаго, кромѣ Общерусскихъ да Новгородскихъ, и 2) что Русская рѣчь до нашествія Татарскаго не представляетъ того раздѣленія на нарѣчіе Великорусское и Малороссійское,

какое видно съ XIV вѣка,—оба эти положенія должны быть упразднены навсегда, какъ несовмѣстныя съ вѣрнымъ и прочнымъ достояніемъ науки.

Въ Отвѣтѣ своемъ, г. Лавровскій говоритъ обо мнѣ: «Признавая Малороссійское нарѣчіе и въ древнее время со всѣми тѣми отличительными свойствами, какія отличаютъ его теперь, г. Максимовичъ, значитъ, вовсе не признаетъ исторіи языка вообще, а съ нею и исторіи нарѣчій» (стр. 22). Нѣтъ, это значитъ, что г. Лавровскій, въ своемъ процессѣ опроверженія, взводитъ на меня напраслину. Нѣтъ, я не усиливался, какъ говоритъ онъ—«видѣть въ Малороссійскомъ нарѣчіи все древнѣйшимъ (стр. 38); но на то, что само бросается въ глаза, я не смотрѣлъ сквозь пальцы. Я признаю древнимъ и древнѣйшимъ въ Малороссійскомъ нарѣчіи то, что открывается мнѣ—или непосредственно изъ древнихъ Южнорусскихъ писаній (какъ вышеприведенныя десять особенностей), или же путемъ сравнительнаго языкознанія (какъ вспомогательный глаголъ бути, т. е. быть, по-Санскритски *б'у*). Я признаю древнимъ въ Малороссійскомъ нарѣчіи многое, но не все: зачѣмъ же смѣшивать эти два слова и понятія? А для совершеннаго устраненія отъ себя напраслины, я охотно повторяю слѣдующія слова г. Лавровскаго, что «и Малорусское нынѣшнее нарѣчіе должно имѣть кое-что и такое, чего не имѣло прежде; да и странно было бы настаивать на противномъ»! (стр. 23). Я признаю вполнѣ исторію Русскаго языка и Русскихъ нарѣчій; это видно уже изъ того, что я трудился надъ ея разработкою нѣсколько прежде г. Лавровскаго, еще въ тридцатыхъ годахъ... Но я не могу признать и одобрить той исторіи Русскаго языка, которая древнія принадлежности его выдаетъ за новыя, и то развитіе Русской рѣчи во многія нарѣчія, которое совершилось еще въ древнемъ періодѣ, начинаетъ—во время Татарщины. Остановимся на слѣдующемъ мѣстѣ Отвѣта г. Лавровскаго:

«Когда же это развитіе совершилось, когда древнее окончательно смѣнилось новымъ, это новое не только уже въ произведеніяхъ на языкѣ народномъ, но и при намѣренной

подражательности языку церковному, стало пробиваться со всею силою въ письменности. Такъ, на Сѣверѣ, начало употребляться причастіе на *лъ* въ смыслѣ прошедшаго изъявительнаго наклоненія; *тъ* въ 3 лицѣ настоящаго времени единственнаго и множественнаго чиселъ; множественное число вмѣсто двойственнаго; пропала переходная смягченность звуковъ гортанныхъ, и такъ далѣе. Такъ и на Югѣ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми новыми чертами Сѣверными, явились и свои собственныя».... (стр. 31).

Какая же это исторія Русскаго языка? Развѣ съ XIV вѣка, напримѣръ, спрягаемое причастіе *(лъ, ла, ло, ли)* начало употребляться въ смыслѣ глагола прошедшаго времени? Нѣтъ, оно и въ письменности Русскаго Сѣвера видно еще съ первой четверти XII вѣка; въ доказательство укажу на Мстиславову грамоту Юрьеву монастырю, въ которой написано: «а язъ далъ рукою своею». Пусть г. Лавровскій заглянетъ еще въ грамоту Всеволодову; а мы обратимся къ писаніямъ Южнорусскимъ. У Пѣвца Игорева болѣе десяти разъ встрѣчается нынѣшняя Русская форма прошедшаго времени: «Были вѣчи (т. е. вѣци) Троянѣ, минула лѣта Ярославля» — «Дремлетъ Ольгово хороброе гнѣздо, далече залетѣло» — «Уже бо, братіе, не веселая година въстала» и проч. Изъ Кіевской и Волынской лѣтописи можно брать примѣры не единицами, а десятками: «Тогда Володимеръ Мономахъ пилъ золотымъ шоломомъ Донъ» и т. п. А вотъ и самъ онъ пишетъ къ Олегу 1096 года: «А братцю моему судъ пришелъ» и т. п. Въ Несторовой лѣтописи встрѣчаемъ: «(Кій) велику честь пріялъ отъ царя, при которомъ приходивъ цари», или: «глаголите, что вы казалъ царь»? или: «нѣ ли мужа? се нашь доспѣлъ». А чтобы видѣть, когда на Югѣ начало употребляться въ письменности спрягаемое причастіе въ смыслѣ прошедшаго времени изъявительнаго наклоненія, я укажу на рѣзную надпись Тмутороканскаго камня: «Въ лѣто 6576 (т. е. *1068)* Глѣбъ князь мѣрилъ море по леду отъ Тъмутороканя до Керчева». Отсюда видно ясно, что наша нынѣшняя форма прошедшаго времени глаголовъ принадлежала и въ древности народному языку Сѣвер-

ной и Южной Руси; что она составляетъ одно изъ древнихъ и Общерусскихъ отличій нашей народной рѣчи отъ языка церковнославянскаго (въ которомъ спрягаемое причастіе *лъ* было не самостоятельнымъ, а всегда со вспомогательнымъ глаголомъ есть, т. е., въ видѣ прошедшаго сложнаго). Вотъ это я признаю и выдаю за непреложный фактъ, на которомъ и должна основываться исторія Русскаго языка въ своихъ соображеніяхъ относительно прошедшаго времени глаголовъ [1]).

Г. Лавровскій, въ отвѣтѣ своемъ, особенно настаиваетъ, чтобы и прошедшія времена на *хъ* были народно-Русскими до XIV вѣка. Но я остаюсь при своемъ прежнемъ мнѣніи, видя, что г. Лавровскій и въ этомъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, называетъ «рѣшительными фактами» то, что не согласно съ дѣйствительностью. Я попрежнему полагаю, что Русская рѣчь на первой порѣ своего обособленія отказалась отъ этихъ формъ прошедшаго времени, что онѣ снова явились на Руси съ языкомъ церковно-Славянскимъ, но были только въ письменномъ языкѣ Руси, не обращаясь въ достояніе языка народнаго. А если бы онѣ продолжались, въ народно-Русскомъ языкѣ до XIV вѣка, то не были бы покинуты вдругъ и такъ согласно во всѣхъ разобщенныхъ тогда концахъ Русскаго міра, ежедневно ему напоминаемые языкомъ церковно-Славянскимъ.

Г. Лавровскій, настаивая всячески, чтобъ и двойственное число и прошедшія на *хъ*, были народно-Русскими до XIV вѣка, говоритъ: «Зачѣмъ въ XII и XIII вѣкахъ не встрѣчаемъ, напримѣръ, ошибокъ относительно прошедшихъ

---

[1]) Полюбопытствуй взглянуть на старѣйшую изъ Южнорусскихъ грамотъ, уцѣлѣвшихъ въ подлинникѣ, — на Галицкую *купчую запись 1351 года*, отысканную покойнымъ Денисомъ Зубрицкимъ: въ ней увидишь одну нынѣшнюю форму прошедшаго времени — *далъ, купилъ, сталося* и проч. (Писцомъ былъ Иванъ Грюдковичъ). Но вотъ писаное спустя сто лѣтъ, въ Печерской Лаврѣ, *Духовное завѣщаніе* князя Андрея Владимировича, *1446 года*: тутъ встрѣчается такое же смѣшеніе церковнославянскихъ формъ прошедшаго времени съ Русскою, какъ и въ Кіевской и въ Волынской лѣтописи *размыслихъ, поклонихомся*, и *далъ есмь, помыслилъ есмь*, и *далъ, жили, пошли* («а *писалъ* старецъ Пахнотій, Лихачевъ братъ»).

на *хъ*, или двойственнаго числа, какъ въ склоненіи, такъ и въ спряженіи, тогда какъ въ послѣдующее время находимъ нерѣдко окончаніе *хъ* отнесеннымъ ко 2-му или 3-му лицу и неумѣстное употребленіе числа двойственнаго»? (стр. 29).

Вольно же не замѣтить и въ Новгородскихъ грамотахъ XIII—XIV вѣка такихъ ошибокъ, какъ послаше, повелѣше вм. посла, повелѣ (не говорю о въсхотѣ вм. въсхотѣлъ—въ евангеліи Остромировомъ). Въ XII вѣкѣ, у Кирилла Туровскаго: «придоша двѣ женѣ» вм. придоста (см. 4-е слово по сп. XIII в.) или въ XI вѣкѣ, въ Остромировомъ евангеліи: «спаси ся самъ и насъ вм. наю (по примѣчанію Востокова). Этихъ двухъ знаменитыхъ ошибокъ противъ двойственнаго числа, въ XI и XI вѣкахъ, достаточно для усмотрѣнія, что употребленіе множественнаго числа вмѣсто двойственнаго началось на Русскомъ Сѣверѣ не съ XIV-го вѣка, а еще въ древнее время [1]).

А г. Лавровскій считаетъ даже нѣкоторою обидою для народной Русской рѣчи то, что я отчуждаю отъ нея прошедшія на *хъ* и двойственное число еще до наступленія XIV вѣка! Онъ говоритъ: «за что же одинъ Русскій языкъ приходится осуждать на застой и на потерю всего древняго въ неопредѣленную доисторическую пору? Не ужели за то, что народъ Русскій имѣлъ и имѣетъ счастіе слушать свое богослуженіе и читать св. писаніе и другія церковныя книги на богатомъ языкѣ церковно-Славянскимъ»? (29). Боже сохрани! Но при этомъ-то счастіи и было бы чудачествомъ Русскаго человѣка—отказаться отъ такой дорогой собственности, языка своего въ самое время Татарщины, когда начали уже приниматься въ составъ народно-Русской рѣчи нѣкоторые церковно-Славянизмы, въ томъ числѣ и стеченіе звуковъ *жд* вм. *ж*, столь нелюбимое для Русскаго

---

[1]) Для показанія невыдержки двойственнаго числа, приведу еще слѣдующее мѣсто изъ лѣтописи Кіевской:

«Того же (1190) лѣта Святославъ, сватомъ своимъ съ Рюрикомъ, утишивша землю Русскую и Половци примиривша въ волю свою, и сдумавша, и идоста на ловы по Днѣпру въ лодьяхъ, на устья Тесмони, и ту ловы дѣявша и обловишася множествомъ звѣрей.

слуха въ древнее время. Нѣтъ, видно Русскій народъ утратилъ тѣ двѣ принадлежности своего первобытнаго языка еще въ отдаленную пору язычества, и совсѣмъ отвыкъ отъ нихъ, если не усвоилъ ихъ во времена христіанства отъ языка церковно-Славянскаго. Да и что-же обиднаго въ томъ, что народно-Русскій языкъ утратилъ тѣ двѣ принадлежности не во время Татарщины, а еще пожалуй, хоть до Козарщины?.. Развѣ обидное для всѣхъ нынѣшнихъ Западно-Славянскихъ языковъ, до-Дунайскихъ и за-Дунайскихъ, если скажемъ, что они всѣ, еще въ незапамятную пору, утратили, напримѣръ, окончаніе 3-го лица *ть* или *тъ* (за исключеніе глагола есть [1]); а Русскіе въ своемъ языкѣ удержали это окончаніе донынѣ, и въ своей древней письменности придавали его иногда даже къ церковно-Славянскимъ окончаніямъ преходящаго времени *ше, ху* (наприм. бяшетъ, бяхуть)? Обидно-ли будетъ для Польскаго языка, если скажемъ, что и въ немъ прошедшія на *хъ* утратились въ незапамятной древности, между тѣмъ какъ въ языкѣ Лужичей и Сербовъ они живутъ искони и донынѣ въ полномъ развитіи, какъ были въ языкѣ церковно-Славянскомъ? Но г. Лавровскому хочется, чтобы и въ псалтирѣ Маргариты встрѣчаемое тамъ преходящее время было остаткомъ народно-Польскимъ (стр. 24), и онъ говоритъ, что ни одинъ ученый Польскій «не думаетъ считать формъ своего древняго языка, общихъ съ церковно-Славянскими, погибшихъ въ нынѣшнемъ, за чужія, церковно-Славянскія» (стр. 29). А я ему укажу на Дешкевича, который въ своихъ Розправахъ, тѣ немногіе случаи преходящаго времени на *хъ* въ Псалтирѣ Маргариты (XIV в.) именно называетъ заемными изъ языка церковно-Славянскаго. Обидно-ли наконецъ, для Великорусскаго языка, если говорятъ, что въ немъ издревле утратился звательный падежъ и заимствуется лишь для немногихъ словъ изъ языка церковно-Славянскаго; между

---

[1]) Впрочемъ, глаголъ *есть* и въ Западной Славянщинѣ, какъ у насъ на Руси, ведется издревле и въ сокращенной формѣ *е, ё* (йо). Я говорю, ведется издревле: ибо *е* вм. *есть* встрѣчается нерѣдко въ Святославскомъ Изборникѣ 1073 г. и въ евангеліи Остромировомъ, и въ статьяхъ Фрейзингенскихъ. Оно находится и въ Несторовомъ житіи Ѳеодосія по сп. XII в.

тѣмъ, какъ въ Южнорусскомъ языкѣ этотъ падежъ искони и донынѣ живетъ въ такомъ же полномъ развитіи, какъ и въ языкѣ Польскомъ (припоминаю: о Днѣпре Словутицю»)?..

Если я отчуждаю отъ народной Русской рѣчи тѣ двѣ принадлежности не съ XIV вѣка, а еще въ дохристіанское время, то это вовсе не значитъ, чтобы я осуждалъ ее на застой и на утрату всего древняго—въ до-историческую пору. Въ замѣнъ тѣхъ двухъ принадлежностей, я возвращаю права на глубочайшую древность нѣкоторымъ другимъ отличительнымъ свойствамъ Русской рѣчи. Таковы, напримѣръ, два вида полногласія. Первый, которымъ Русская рѣчь отмѣнилась отъ всей Западно-Славянской, состоитъ въ обстановкѣ серёдочныхъ звуковъ *р* и *л* двумя гласными *(о-о, е-е)*, не краткими и не бѣглыми, напримѣръ, въ словахъ: порохъ, прахъ, по Санскр. парага; боровъ, бравъ, по Санскр. варяга; волога, влига, по Санскр. балага и т. п. Другой видъ полногласія состоитъ въ удержаніи коренныхъ гласныхъ *о*, *е*, обращенныхъ церковно-Славянскимъ языкомъ въ полугласныя *ъ*, *ь*, напримѣръ, волкъ, дождь, левъ, день по церковнославянски: вълкъ, дъждь, львъ, дьнь [1]).

Такимъ же образомъ и теперь я подтверждаю право древности за многими особенностями Малороссійскаго и Великороссійскаго нарѣчія, которыхъ появленіе, по Отвѣту г. Лавровскаго, начинается съ XIV вѣка.

Если я полагаю, что Русская рѣчь разошлась на свои нарѣчія еще въ древнѣйшую пору, что они сложились отмѣнными другъ отъ друга, въ своихъ главныхъ и существенныхъ чертахъ, еще въ древнее, до-Татарское время, то это значитъ, что я вполнѣ признаю давно совершившуюся надъ ними «неизбѣжность развитія». Напротивъ, тотъ осуж-

---

[1]) Сюда же можно отнести и нѣкоторыя грамматическія окончанія церковно-Славянскаго языка, наприм. творительный падежъ на ъмъ, котораго не могъ выдержать строго даже діаконъ Григорій въ Остромировомъ евангеліи и поставилъ: *словомь*, подъ *спудомь*, вм. *словъмь*, подъ *спудъмь*.

Мои мысли о *полногласіи* вообще и его отличительныхъ видахъ подробно изложены въ «*Начаткахъ Русской филологіи*».

даетъ Русскую рѣчь на чрезмѣрно-долгій застой, кто ее предполагаетъ безразличною и цѣльною, нераздѣленною на нарѣчія—даже до нашествія Татарскаго. Какъ будто гроза Батыевская въ самомъ дѣлѣ такъ много значила для внутренняго переворота всей Русской рѣчи и быстраго распаденія ея на нарѣчія! Или землетрясеніе, внушившее Серапіону краснорѣчивое слово, было для единой Русской рѣчи такимъ же переворотнымъ событіемъ, какимъ изображено въ Книгѣ Бытія разсѣяніе людей и смѣшеніе языковъ?...

Когда же и по «новомъ обслѣдованіи вопроса» (желанномъ отъ меня и г. Лавровскимъ, стр. 40), прежнее мнѣніе о безразличіи Русской рѣчи до XIV вѣка оказывается изветшалою пусткою, пригодною только для живописи, а не для житья,—то напрасно подводить подъ нее и то основаніе, которое въ Отвѣтѣ названо—«неопровержимымъ фактомъ близости всѣхъ нарѣчій Славянскихъ другъ къ другу до XIII—XIV столѣтій» (стр. 35). Эта близость, конечно, противорѣчитъ господству и въ томъ столѣтіи всѣхъ нынѣшнихъ особенностей каждаго нарѣчія (какого господства, впрочемъ, никто и не утверждаетъ). Но эта же близость, даже преувеличенная — и прошедшими на *хъ*, и двойственнымъ числомъ, и достигательнымъ видомъ (который, впрочемъ, уже въ Остромировомъ евангеліи смѣшивается иногда съ обыкновеннымъ, совершительнымъ видомъ неопредѣленнаго наклоненія)—она не въ силахъ противорѣчить тому филологическому положенію, что всѣ нарѣчія какъ Западно-Славянскія, такъ и Русскія или Восточно-Славянскія, уже за тысячу лѣтъ существовали и отличались другъ отъ друга тѣми же существенными своими признаками, какими отличаются теперь.

Въ Отвѣтѣ г. Лавровскаго это признается на Руси только за нарѣчіемъ Новгородскимъ, въ которомъ онъ усиливается видѣть все древнѣйшимъ (да сбудется притча о бревнѣ въ глазу). Въ «Описаніи семи рукописей», онъ говоритъ объ особенностяхъ Новгородскаго нарѣчія: «ихъ присутствіе въ спискахъ старо-Славянскихъ XI и XII вѣка даетъ возможность возводить начало появленія и ихъ въ до-

историческую пору, на ряду съ особенностями вообще языка Русскаго» (стр. 67). Дозволяя себѣ такую возможность для Новгородскихъ особенностей, онъ долженъ предоставить эту же возможность и другимъ для особенностей нарѣчія Малороссійскаго и Великорусскаго, встрѣчаемыхъ въ письменности XI и XII вѣка. Но нельзя же, переступая за нашъ историческій тысячелѣтній рубежъ—въ доисторическую древность, ставить въ ней все въ одинъ рядъ безразлично. Какую бы глубокую, хоть до-Вадимовскую, древность ни допустили мы для Новгородской мѣны звуковъ *ч* на *ц* и *ц* на *ч*, все же эта особенность есть уже отступленіе отъ господствующаго и первоначальнаго распредѣленія этихъ двухъ звуковъ между словами; а потому она принадлежитъ уже ко вторичнымъ, частнымъ, областнымъ измѣненіямъ Русской рѣчи и не можетъ быть поставлена на ряду съ Общерусскими ея принадлежностями. Новгородскую перемычку согласныхъ звуковъ *ч* и *ц* изъ одного слова въ другое—можно поставить на ряду съ Малороссійскою мѣною согласныхъ же звуковъ *ф* на *хв* и наоборотъ *хв* на *ф* [1]).

Г. Лавровскій и въ Новгородской формѣ дожгь вм. дождь усиливается видѣть форму первообразную и производитъ это слово отъ Санскритскаго глагола *дуг* (доить), отъ котораго—говоритъ онъ—«весьма естественно могло образоваться и слово дъгјъ=дъжгъ=дъждь.»... (Опис. стр. 71). На письмѣ, конечно, легко произвесть отъ корня *дуг*—слово дъгјъ; но выговорить его вслухъ совсѣмъ неспособно и не естественно: прильпнетъ языкъ къ гортани! Если бы у Новгородцевъ это слово было подъ фирмою догь, тогда бы

---

[1]) Покойный *Д. П. Голохвастовъ* говорилъ мнѣ, что онъ узнаетъ моихъ земляковъ по ихъ просьбамъ къ нему объ опредѣленіи въ студенты, въ которыхъ пишутъ они—*Голофастову*. Между тѣмъ у тебя, въ предисловіи къ Псковской Лѣтописи, сказано: «Есть слѣды Малороссійскихъ *хв: охвочимъ* человѣкомъ». Нѣтъ, эта постановка *хв* вм. *х* есть не Малороссійская, а тамошняя верхне-Русская, по которой и въ Кіевской лѣтописи (подъ 1182 г.) написано *уохвотишася*, конечно, писцами Ипатьевскими, вм. *уохотишися*. Въ Малороссіи говорили *охочій*, *охочекомонный* и т. п., какъ говорятъ и досего дне.

еще можно производить отъ нея дождь и дъждь; когда же оно издревле видно подъ формою дожгь, дъжгь, то здѣсь звукъ г есть такая же замѣна звука д, какъ и въ предлогѣ гля вм. для или дѣля, и въ словѣ яжгеніе вм. яжденіе (ѣзда), приводимомъ изъ извѣстной Минеи «XI или XII вѣка».

Между тѣмъ, въ старѣйшемъ памятникѣ Новгородской письменности, въ Остромировомъ евангеліи, не встрѣчаются ни разу эти двѣ особенности Новгородскаго говора. Такое отсутствіе двухъ главныхъ, исключительныхъ его примѣтъ служитъ новымъ опроверженіемъ того основанія, которое названо въ Отвѣтѣ «невозможностью не высказаться особенностямъ народнаго языка». Подъ перомъ діакона Григорья высказались, хоть по разу, многія особенности своенароднаго нарѣчія, но не всѣ; самыя-то исключительныя и не высказались. Такъ и въ Бѣлорусской письменности древняго и позднѣйшаго времени—остались какъ-бы несуществующими для нея самыя существенныя черты Бѣлорусскаго нарѣчія: звукъ *а* вм. *о* безъ ударенія, и звуки *дз,ц* вмѣсто отонченныхъ *д,т* (хадзиць вм. ходить и проч.).

И такъ всѣ основанія, на которыхъ у г. Лавровскаго устраняется отрицаніе Малороссійскаго нарѣчія на Кіевскомъ Югѣ до XIV вѣка, оказываются весьма непрочными и несостоятельными.

Для окончательнаго рѣшенія вопроса намъ надо взглянуть еще на слѣды Великорусскаго нарѣчія въ писаніяхъ древле-Кіевскихъ.

Еще одно, послѣднее сказанье....

Письмо четвертое.

Не осталось-ли, не найдется ли еще какого предлога къ отрицанію Малороссійскаго нарѣчія на Кіевскомъ Югѣ

до нашествія Татарскаго?.. А я признаю за несомнѣнную истину, что и Великорусское нарѣчіе существовало въ древнее время на Русскомъ Сѣверо-востокѣ также, какъ Малороссійское на Кіевскомъ Югѣ. Взглянемъ же на тѣ слѣды Великорусскаго нарѣчія, какіе остались на древле-Кіевскихъ писаніяхъ отъ переписки Сѣверно-русской. За основаніе мы примемъ тѣ его отмѣны отъ церковно-Славянскаго, какія открываются изъ Лаврентьевскаго или Суздальскаго списка Несторовой лѣтописи, принадлежащаго ко второй половинѣ XIV вѣка.

1) Постановка *тъ* вм. *ть* въ 3 лицѣ настоящаго и будущаго времени; сюда же и окончаніе *тся* вм. *ться*. Такъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ: не умираютъ, обрящется, покусится и проч. Такая постановка началась въ Сѣверно-Русской письменности не съ XIV вѣка, а еще въ древнее время; первымъ слѣдомъ ея можетъ считаться написаніе убиютъ вм. убиють въ евангеліи Остромировомъ. Въ позднѣйшее время Великороссіяне совсѣмъ замѣнили въ церковно-Славянскомъ языкѣ его отонченное окончаніе господствующимъ у нихъ *ть*: [1]) (Средне-русское нарѣчіе уклоняется въ этомъ на сторону Малороссійскаго и церковно-Славянскаго, между тѣмъ въ Червонорусскомъ господствуетъ *тъ*).

2) Постановка буквы *е* вм. *ъ* и наоборотъ. Такъ у Лаврентія: отъ колена Афетова, не едемъ на конѣхъ,

---

[1]) Къ измѣненіямъ церковно-Славянскаго языка, бывшимъ у писателей *древне-Русскихъ*, я отнесъ (въ *Исторіи древн. Рус. Слов.*) приставку *привычнаю* для Руси окончанія 3 лица *тъ* къ окончанію преходящаго времени *ше, ху*. Въ отвѣтѣ г. Лавровскаго замѣчено справедливо, что эта приставка и въ Сѣверно-русской письменности была не только въ XII вѣкѣ (какъ сказано въ *Филологическихъ письмахъ*), но и въ XI. Однако нельзя доказывать этого *Минеей*, которую самъ Востоковъ (да и г. Лавровскій въ *Описаніи*) полагаетъ надвое XI или XII в. Для XI вѣка слѣдовало бы указать на евангеліе Остромирово, гдѣ встрѣчается уже одинъ разъ эта приставка: *мужданшеть* вм. *мужданше*. О другихъ возраженіяхъ г. Лавровскаго по сему случаю не вижу надобности распространяться; не лишнимъ считаю замѣтить одно, что приставка привычнаго для Руси *тъ* бывала иногда и къ церковно-Славянскому окончанію прошедшаго времени множ. числа *ша*. Для примѣра тому приведу, какъ рѣдкость, слѣдующую фразу изъ Кіевской лѣтописи (подъ 1180 г.) «не *веляхуть* имъ, и не *могошать* ихъ удержати».

и—вмѣтахуся, нѣдѣля. Такъ и въ Несторовомъ житіи Ѳеодосія по списку XII вѣка: обрете (вм. обрѣте), немощи телесныя и повѣлѣвшу (вм. повелѣвшу). Но когда въ Суздальскомъ же спискѣ Несторовой лѣтописи встрѣчаемъ, напримѣръ, Печенѣгы и Печенигы, то это можно относить къ подлиннику Кіевскому, ибо Лаврентей отъ себя скорѣе поставилъ бы Печенегы. Иное дѣло въ Кіевской лѣтописи: тамъ, напримѣръ на рѣци (вм. на рѣцѣ) можно относить и къ писцамъ Ипатьевскимъ, такъ какъ Новгородское нарѣчіе отмѣняется издревле отъ всей Сѣверно-русской рѣчи Южнорусскимъ *и* вм. *ѣ*. Однако въ древней Новгородской письменности встрѣчается и постановка *е* вм. *ѣ*, напримѣръ въ Минеѣ XI или XII вѣка: телеса; въ самомъ Остромировомъ евангеліи: нѣсть и несть. Такую двоякость относительно буквы *ѣ*, въ древней Новгородщинѣ, можно объяснить двоякостью народонаселенія: звукъ *е* отъ Кривичей; звукъ *и* отъ Словенъ.

3) Окончаніе прилагательныхъ именъ и мѣстоименій *ой*, *ей* — вмѣсто церковно-Славянскихъ и Малороссійскихъ *ый*, *ій*. Такъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ: который ти городъ любъ; ты еси старѣйшей братъ и пр. У писцевъ Ипатьевскихъ тысяцкой и тысячкой, даже строй вм. стрый! Древность Сѣверно-русскаго *ой* вм. *ый* извѣстна по рукописямъ XII вѣка (нощной вранъ и пр.).

4) Сюда же подходитъ и Великорусское (хотя не повсемѣстное) обращеніе коренныхъ звуковъ *ы*, *и* въ *о*, *е:* а) въ нарѣчіи: нынѣ у Лаврентія и писцовъ Ипатьевскихъ нонѣ; б) въ глаголахъ мыть, бить и т. п., напр., въ Кіевской лѣтописи: не бейтеся, или: побейте, побейте! (вмѣсто: небійтеся, побійте).

5) Обращеніе согласныхъ звуковъ звонкихъ въ глухіе: *б* въ *п*, *д* въ *т*. Такъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ: паропци (вм. паробци), женамъ Дулѣпьскимъ (вм. Дулѣбьскимъ); въ словѣ о П. И: рѣтко (вм. рѣдко).

6) Необращеніе гортанныхъ звуковъ *г*, *х*, *к* въ *з*, *с*, *ц* передъ *ь* въ окончаніяхъ падежей. Такъ въ Несторовой

лѣтописи: на березѣ, на порозѣ принадлежатъ Кіевскому подлиннику; къ рѣкѣ—Лаврентьевскому списку.

7) А вотъ еще случай: «на Деревьскую землю» (см. въ изданіи Тимковскаго стр. 44). Не отозвалась ли здѣсь та особенность народнаго Великорусскаго говора, что звукъ *к* въ концѣ словъ требуетъ тонкихъ гласныхъ *я*, *ю* вм. *а*, *у*? (напримѣръ: тройкя, миленькяя, чяйкю).

Къ этой седмерицѣ примѣтъ господствующаго Великорусскаго нарѣчія можно прибавить еще слѣды областнаго Новгородскаго, привнесенные въ Кіевскую лѣтопись писцами Ипатьевскими:

8) Нерѣдкую постановку *ч* вм. *ц* и *ц* вм. *ч*.

9) слова: дожгъ, дожгъцю, бездожгъе. Но въ Ипатьевскомъ-же спискѣ Несторовой лѣтописи сохранилась и Малороссійская форма этого слова: «идяху стрѣлы аки дожчъ». (См. подъ 1097 г.).

Неправда-ли, что вышеприведенными особенностями Великорусскаго нарѣчія, взятыми вмѣстѣ, окончательно уничтожается положеніе о нераздѣльности Русской рѣчи на два нарѣчія до XIV вѣка, развитое въ Отвѣтѣ г. Лавровскаго?..

Впрочемъ, въ Описаніи семи рукописей (напечатанномъ въ Чтеніяхъ 1858 г.) онъ самъ призналъ, кромѣ областнаго Новгородскаго, еще Великорусское нарѣчіе, которое и по его мнѣнію господствовало въ древнее время не только на Русскомъ Сѣверѣ, но и на Югѣ. Предпославъ невѣрное наблюденіе, будто Малороссійское нарѣчіе нигдѣ и ничѣмъ не обнаружило себя во всей древней письменности, онъ, сначала только предположительно, присвояетъ Кіеву большую часть тѣхъ древнихъ рукописей, въ которыхъ нѣтъ исключительныхъ особенностей Новгородскихъ, но есть иногда именительный падежъ прилагательныхъ именъ на *ой* и *е* вм. *ъ*: «что — говоритъ — звучитъ совершенно по Великорусски»; и вслѣдъ за этимъ переходитъ уже къ положительному мнѣнію о господствѣ и на Кіевскомъ Югѣ Великорусскаго нарѣчія до XIV вѣка.

Вотъ какъ легко у него наводится Великорусское нарѣчіе на древле-Кіевскую землю,—еще легче, чѣмъ устра-

няется изъ нея нарѣчіе Малороссійское! И какой же у него предлогъ приписать Кіеву тѣ рукописи: что въ XI и XII вѣкахъ письменность — «едва ли не исключительно сосредоточивалась въ Кіевѣ и Новгородѣ». Но извѣстно положительно, что въ XII вѣкѣ была письменность и въ Ростовѣ, и въ Суздалѣ, и въ Смоленскѣ, и въ Туровѣ, и въ Полоцкѣ. За чѣмъ же приписывать Кіеву то, что звучитъ не по-Кіевски, и особенно, когда такою дарственною записью отчуждается отъ него родовое достояніе?... Есть и безъ Кіева довольно мѣста на Сѣверно-Русскомъ просторѣ для пристанища всему, что звучитъ совершенно по-Великорусски: «вся земля наша велика и обильна»!

И такъ до сихъ поръ не нашлось еще никакого филологическаго основанія для замѣщенія Малороссійскаго нарѣчія Великорусскимъ на Кіевскомъ Югѣ до XIV вѣка; да его и быть не можетъ, судя по всему доселѣ сказанному и дознанному. Если бы даже отыскалась древняя рукопись съ явными примѣтами нарѣчія Великорусскаго и съ означеніемъ, что она писана именно на Кіевскомъ Югѣ, и тогда я сказалъ бы, что она писана Сѣверно-Русскимъ человѣкомъ, находившимся въ стольномъ Кіевѣ или въ иномъ городѣ Южно-Русскомъ.

Теперь намъ остается посмотрѣть еще на тѣ особенности Малороссійскаго нарѣчія, ради которыхъ г. Лавровскій, въ своемъ Обзорѣ, обращается къ твоей гипотезѣ о переселеніи Малороссійскаго народа на Днѣпръ съ Карпатскихъ горъ уже послѣ нашествія Татарскаго. По его словамъ, эта гипотеза объясняется вообще родствомъ Малороссійскаго нарѣчія съ Карпато-Русскимъ и «подтверждается общими чертами съ Сербскимъ нарѣчіемъ, которыя легко могли развиться на сосѣднихъ съ Сербскими поселеніями Карпатахъ» (стр. 265).

Но родствомъ Карпато-Русскаго нарѣчія съ Малороссійскимъ объясняется не менѣе и обратное переселеніе Южно-Русскаго народа туда, въ Карпаты.... А потому, не останавливаясь на этомъ обоюдномъ родствѣ, мы обратимся къ тѣмъ общимъ чертамъ Малороссійскаго нарѣчія съ Серб-

скимъ, которыми у г. Лавровскаго подтверждается гипотеза о пребываніи Малороссіянъ въ Карпатахъ, даже до нашествія Татарскаго. Такихъ филологическихъ примѣтъ у него приведено восемь, изъ которыхъ 5 взяты отъ звуковъ, а 3 отъ формъ грамматическихъ. Начнемъ съ послѣднихъ.

1) «Будущее сложное составляется при помощи глагола мати(=имати), который или употребляется отдѣльно; какъ: покинути маешъ, или сливается съ главнымъ глаголомъ: покинутиму, -мешъ, -ме, -мемо, -мете, -мутъ. Такимъ образомъ въ этомъ образованіи нарѣчіе Малорусское вполнѣ сближается съ Болгарскимъ и Сербскимъ» (стр. 260).

Начать съ того, что г. Лавровскій спрягаетъ не по-Малороссійски. При такой неслыханной формѣ будущаго времени, какъ покинутиму, покинутимемо, невольно вспомнится Гоголева фраза изъ Шпоньки: «въ ухѣ такъ и щекочетъ, такъ и щекочетъ». Будущее однократное и совершенное (какъ называлъ ихъ Ломоносовъ) въ Малороссійскомъ нарѣчіи образуются также, какъ и въ Великорусскомъ:

Ой загину, моя ма́тинко, загину;
Я-жъ не люблю Шингѐренка, покину.

Со вспомогательнымъ глаголомъ слагается только будущее неопредѣленное (неокончательнаго вида):

Буду плавати, ныряти,
Доленьки шукати.

Или: Ходитимешъ, нудитимешъ,
Таки мене любитимешъ.

Это слитное будущее со вспомогательнымъ глаголомъ иму составляетъ исключительную особенность Малороссійскаго нарѣчія, которая съ Кіевскаго Юга легко могла перейти и за Днѣстръ, если только есть она въ народномъ говорѣ Галицкомъ и Карпато-Русскомъ. Не вполнѣ сближается ею Малороссійское нарѣчіе съ Сербскимъ и Болгарскимъ; ибо тамъ слитное будущее составилось съ глаголомъ хочу (по-Сербски *тю* или *отю*), который у насъ и не принятъ за вспомогательный.

2) Окончаніе 1 лица множественнаго числа *мо:*

Малороссійское нарѣчіе въ этомъ сближается съ Сербскимъ, Хорутанскимъ, Хорватскимъ и Словацкимъ, хотя не чуждается и общаго для всѣхъ окончанія *мъ*. Но дѣло въ томъ, что у Карпатской Руси, кромѣ этого сокращеннаго окончанія, господствуетъ Чешское и Болгарское *ме*, не-свойственное нарѣчіе Малороссійскому [1]); а потому нечего и отсылать къ Карпато-Руссамъ Кіевскій народъ за окончаніемъ *мо;* не то пришлось бы тудажъ къ Словакамъ, или же въ Иллирію, отправить и тѣхъ Ярославскихъ Сицкарей, которые окончаніе *мъ* протягиваютъ въ *мо;* а Вышневолоцкій народъ— въ Мазовію, за окончаніемъ *ма*.

3) Смѣшеніе дательнаго падежа съ предложнымъ единств. числа въ именахъ прилагательныхъ.

Но смѣшеніе этихъ двухъ падежей въ разныхъ случаяхъ, въ именахъ существительныхъ и прилагательныхъ, такъ часто встрѣчается и древле во всей Русской рѣчи, что вышеприведенный случай не представляетъ собою ничего особеннаго важнаго для географическаго соображенія о самихъ народахъ.

4) Черниговское произношеніе *иje* вм. *ѣ*. Такое же произношеніе ведется и у Сербовъ Герцеговинскаго нарѣчія. Но это не имѣетъ никакого отношенія къ большинству Малороссійскаго народа, у котораго господствуетъ острое *и* вм. *ѣ*, равно какъ и у народа Галицкаго и Карпато-Русскаго. Звукъ *е*, произносимый двоегласно, когда *ѣ* приходится съ удареніемъ, есть областная особенность говора Сѣверскаго, которая въ немъ легко могла развиться и на Сеймѣ, по ближайшему сосѣдству Сѣверянъ съ Вятичами и съ Радимичами, врѣзавшимися по р. Сожѣ въ четыре сѣверные уѣзда Черниговской губерніи, гдѣ и до нынѣ они дзе́кают и акаютъ, обличая тѣмъ свою принадлежность къ нарѣчію Бѣлоруссіи. Въ Среднерусскомъ нарѣчіи, особенно въ Рязанскомъ говорѣ, слышится такое же двоегласное *е* вм. *ѣ*

---

[1]) У Нестора подъ 907 г. (въ мѣстѣ, утраченномъ въ спискѣ Лаврентьевскомъ) читаемъ: «и мы *есме* Русь»; въ Кіевской Лѣтописи подъ 1159 г., «ради *есме*». Эту форму *есме* (вм. *есмы*), извѣстную изъ древней Новгородской письменности, не отнести ли тоже къ писцамъ Ипатьевскимъ?

съ удареніемъ напримѣръ: сасьéдъ, найéлси, йéдя т. е. ѣдетъ (по Караджичевой правописи: сасијед, наијелси, иједьа).

5) Приставка *и* передъ согласными, особенно *р*, за которыми слѣдовалъ въ древности глухой звукъ.

Г. Лавровскій предполагаетъ, что это прибавочное *и* въ Малороссійскомъ нарѣчіи «въ древнее время имѣло тотъ же самый, совершенно неопредѣленный полугласный звукъ, какой теперь произноситъ Сербъ передъ *р*, звукъ подобный нѣсколько краткому *ы*» (стр. 238). Зачѣмъ это напрасное предположеніе? Въ Малороссійскомъ нарѣчіи, напримѣръ, въ словахъ: и-ржать, и-рвать, и-льяный (т. е. льняный) прибавляется гласное *и* также, какъ въ Великорусскомъ народномъ говорѣ—гласный *а*, напримѣръ: а-ржаной, а-лимоны. Такъ славянское имя буквы *р*, Малороссіяне выговариваютъ И-рцы, Великороссіяне А-рцы. Такъ имя Переяславской рѣчки Льто (у Нестора) или Льтица (въ Кіев. Лѣт.) Великороссіяне обратили въ Альту, Переяславскіе Украинцы—въ Ильтицю. Прибавочное *и* въ Малороссійскомъ говорѣ не обращается въ полугласный звукъ; тогда какъ это бываетъ нерѣдко (послѣ гласныхъ) съ коренным *и;* напримѣръ:

Будуть люде квѣткы рвать—
Сонъ-траву ирвала—
Купала на Йвана—
На Петра й Павла.

Напрасно у г. Лавровскаго и другое предположеніе, что прибавляется *и* передъ тѣми согласными, за которыми слѣдовалъ въ древности глухой звукъ. Ржать, иржать—по санскр. реш; рвать, ирвать=Санскр. рив, или ру; лёнъ—по-Лат. linum, и проч.

Наконецъ и Сербскій полугласный звукъ передъ *р*, въ словахъ рзати, рвати, скорѣе подходитъ къ Великорусскому прибавочному звуку, чѣмъ къ Малороссійскому, т. е. онъ можетъ считаться сокращеніемъ или заглушеніемъ гласнаго *а*, слышаннаго туземцами и въ мѣстныхъ говорахъ Сербскихъ, напримѣръ, въ Рагузскомъ или Дубровницкомъ: ар-

жати, арвати—по лексикону Рагузинца Стулли. Вспомнимъ при этомъ господство звука *а* въ Сербскомъ языкѣ: ражъ—рожь, ланъ—лёнъ, данъ—день и проч. Тутъ кстати скажу мое давнее мнѣніе, что въ Славянской рѣчи у каждаго изъ пяти основныхъ гласныхъ или самогласныхъ звуковъ есть свой полугласный отзвукъ.

6) Общее смѣшеніе *ы* и *и*.

Мы уже видѣли, во второмъ письмѣ, это смѣшеніе въ древней письменности Новгородской и Кіевской. Нарѣчіе Малороссійское усвоило себѣ легкое *ы* (по Калайдовичу ери), сходно со всѣми Задунайскими и нѣкоторыми Сѣверозападными нарѣчіями Славянскими; а между тѣмъ, именно у Карпато-Русскихъ Горянъ или Горцевъ, господствуетъ такое же дебелое *ы*, какъ у Великороссіянъ и Поляковъ, даже послѣ гортанныхъ *г*, *х*, *к*.

7) Господство выговора *г* (=*h*).

И для этого господства не надо удалять Малороссіянъ въ Карпаты изъ ихъ господы Приднѣпровской: ибо гортанный выговоръ *г* (=*h*) существуетъ и въ Бѣлорусскомъ говорѣ, и въ средне-Русскомъ и въ Новгородщинѣ; а у Сербовъ слышится поднебный *г* (=*g*), какъ у Москвитянъ и Поляковъ.

8) Употребленіе *дж* вм. *ж* при смягченіи звука *д*.

Но этимъ обращеніемъ кореннаго *д* въ *дж*, напримѣръ, въ глаголахъ ходжу, сиджу, пріеджаю, нарѣчіе Малороссійское и Червонорусское сближаются не съ Сербскимъ (въ которомъ господствуетъ смягченное *дь*), а съ Хорватскимъ (въ которомъ господствуетъ *дж*). А какъ Хорваты еще и во Владимірово время находились въ предѣлахъ Южнорусской земли (въ восточной Галиціи), то не для чего Кіевскихъ Малороссіянъ удалять съ Днѣпра въ Карпаты изъ-за этой особенности выговора. Вѣдь изъ нихъ-же Южнорусскихъ предѣловъ нѣкогда перешли и въ Иллирію Хорваты Задунайскіе, сохранившіе и тамъ въ своемъ языкѣ общее съ Южнорусскимъ языкомъ *дж* вм. *ж*. Это послѣднее, т. е. *ж* изъ *д*, хотя ведется у насъ издревле, но все же представляетъ собою формацію вторичную, утратившую коренной звукъ *д*, какъ осталось Чешское *з* изъ Польскаго *дз*. Глубокую древность

этого перехода *д* въ *ж* черезъ *дж* (перевернутое церковно-Славянскимъ языкомъ въ *жд*) можно видѣть на Санскритскихъ словахъ: гудж—гудѣть, раджи—рядъ, и другихъ [1]).

Между тѣмъ и въ говорѣ Великорусскомъ не совсѣмъ исчезло это первичное обращеніе *д* въ *дж;* объ этомъ звукѣ упоминалъ еще Ломоносовъ, въ своей грамматикѣ, приводя въ примѣръ слово вожжи (вождж и). Въ наше время Катковъ, въ своемъ разсужденіи 1845 года, говорилъ слѣдующее: «По всему вѣроятію, Русская буква *ж* изъ *д*, въ древнее время, звучала нѣсколько отлично отъ обыкновеннаго *ж*, можетъ быть нѣсколько острѣе и съ легкой помощью *д*, какъ и теперь слышимъ въ Московскомъ выговорѣ, въ словахъ: пріѣжджять вм. прѣзжать, дожджя вм. дождя, и проч. Интересно, что въ старинныхъ грамотахъ именно встрѣчается такая форма: пріѣзджать и даже разъѣзжджикъ» и проч. (стр. 97). Само собою разумѣется, что это *дж*, равно

---

[1]) Въ *филологическихъ письмахъ* я упомянулъ мимоходно, что въ Малороссійскихъ словахъ *джбанъ* (жбанъ) и *джерело* (жерело) сохранился первобытный звукъ *дж* вмѣсто позднѣйшаго *ж*, не думая производить и здѣсь этихъ звуковъ отъ кореннаго *д*. А г. Лавровскій, въ возраженіе мнѣ, написалъ противъ этого цѣлую 39 страницу, гдѣ самъ себѣ противорѣчитъ: то видитъ онъ въ этихъ словахъ *такую же точно приставку д* къ *ж*, какъ и къ *з*, въ словахъ *дзвѣнъ, дзе́ркало*; то видитъ онъ явно, что здѣсь *не приставное д* къ *ж*, а двойной звукъ *дж*, образовавшійся изъ кореннаго *г*., утверждая, что такое же происхожденіе *д* при *з* въ словахъ *дзвѣнъ, дзѣркало.*

Нельзя, мнѣ кажется, допустить такого корнесловія, по которому и въ словахъ *звонъ, зеркало* признается коренной звукъ *г*, ни откуда не видный для этихъ словъ. Здѣсь *д* есть очевидная *приставка* къ коренному *з*, переходящему только въ свой глухой отзвукъ *с: звонъ—по-Санскр. свана*, по-Лат. *sonus* и проч. Но въ словѣ *джбанъ (дзбанъ)*, даже и по предложенному г. Лавровскимъ производству отъ *гну гибать* (!), все таки звуки *дж, дз*, будутъ первичными изъ *г*, а *жбанъ, збанъ* будутъ уже вторичными формами, также какъ и *чванъ*—форма, происшедшая прямо отъ *джбанъ*, обращеніемъ звонкаго *дж* въ соотвѣтственный ему глухой *ч* (какъ и въ словѣ *ганчаръ* отъ Санскрит. *ганджа*, посуда и другихъ).

Глубокая древность начальнаго звука *дж*, соотвѣтственнаго нашимъ *ж* и *з*, видна на многихъ Санскритскихъ словахъ: *джив, джива*—житъ, жизнь; *джур* — журить; *джал* (быть острымъ) — жало; *джалабу* (водяной), *джалам-баха* (водотокъ)—жолобъ; *джна, джнана*,—знать, знаніе и проч. Но въ этихъ и другихъ словахъ нельзя производить *дж* непремѣнно отъ *д* или *г*, развѣ также гнуть и эти слова, какъ *джбаанъ, жбанъ*—отъ *гну, гибать.*

какъ и Бѣлорусское *дз* (слышимое и на Великорусскомъ сѣверовостокѣ), выговариваются слитнымъ, цѣльнымъ звукомъ, также какъ и соотвѣтственные имъ глухіе сложные звуки *тш* и *тс* существуютъ въ видѣ цѣльныхъ, слитныхъ звуковъ—*ч* и *ц*.

Въ Обзорѣ г. Лавровскаго замѣчено еще, что въ Харьковскомъ говорѣ и въ нѣкоторыхъ Западныхъ губерніяхъ слышится смягченное *дь* вм. *дж* или *ж*, напримѣръ: ходю, сидю, родю и т. д. Но это есть очевидное уклоненіе отъ господствующаго и первообразнаго Южнорусскаго говора; и если оно сербизмъ, то происшедшій въ позднѣйшее время на рубежахъ Украинскихъ. Вспомнимъ Сербовъ, находившихся на Русскомъ Югѣ въ XVII-мъ вѣкѣ, въ томъ числѣ и казацко-Украинскихъ полковниковъ:—Думитрашка-Райче или Раича, Ивана и Вуйцу Сербиновъ, а послѣ нихъ и Милорадовичей. Вспомнимъ новую-Сербію, объ руку съ Украйной, въ прошломъ столѣтіи.

Вотъ и вся филологическая Серебщизна, собранная г. Лавровскимъ. Суди самъ, достаточна ли она для подтвержденія твоей исторической гипотезы?...

На этомъ и кончу мой отчетъ тебѣ о томъ, что относится собственно къ разрѣшенію Западнаго вами вопроса о нарѣчіи Малоросійскомъ. Что же касается до остальныхъ подробностей Отвѣта г. Лавровскаго, то я охотно готовъ поговорить объ нихъ изустно; но писать и читать—было-бы и много и скучно.... Прощай!

VII.

О ПРАВОПИСАНІИ МАЛОРОССІЙСКАГО ЯЗЫКА [1]).

Письмо къ Основьяненку.

Давно уже сбираюсь я, по вашему вызову, изложить вамъ мои мысли о правописаніи нашего Малороссійскаго языка; но все—то за недосугами, то за немощами откладывалъ; а въ послѣднее время поджидалъ еще, пока прійдетъ сюда пятая книжка Маяка, гдѣ помѣщено ваше письмо къ издателю о томъ же предметѣ. Наконецъ, уже въ исходѣ Декабря, получена здѣсь эта книжка; ваша статья передо мною: и вотъ я отвѣчаю вамъ, на печатное печатно. Кстати-же у меня теперь подъ рукою множество рукописной старины изъ разныхъ концевъ Южной Руси, изъ разныхъ вѣковъ. И теперь еще рябитъ у меня въ глазахъ отъ этой пестрой, поблеклой старины; но за то свѣжа въ памяти правопись нашихъ предковъ. Замѣчая оную въ собственноручномъ универсалѣ гетманскомъ, и въ писаніяхъ духовныхъ особъ, и въ бумагѣ судейской, и въ грамоткѣ едва-грамотнаго простолюдина, я имѣлъ случай запастись вновь свѣдѣніями о томъ, какъ писали у насъ встарину, повѣрить вновь и кой-въ чемъ усовершить правописаніе, которое началъ я употреблять еще съ перваго моего изданія Малороссійскихъ пѣсень, въ Москвѣ, 1828 года.—Въ то время не было еще повѣстей Основьяненка; главнымъ и почти единственнымъ печатнымъ кодексомъ Малороссійскаго языка была Энеида Котляревскаго; Украин-

[1]) Напечатано въ Кіевлянинѣ 1842, к. II, с. 153—180.

скія думы, изданныя княземъ Цертелевымъ, не находили себѣ сочувствія у нашихъ пановъ-земляковъ, которые, привыкши въ народѣ своемъ видѣть только рабочаго мужика или горькаго пьяницу, не подозрѣвали и въ пѣеняхъ народныхъ ничего достойнаго вниманія. Правда, была уже тогда и граматика Павловскаго; но въ ней предложено такое не Малороссійское правописаніе, что лучше-бъ его и совсѣмъ не было. Въ послѣдніе годы довольно много издано прозаическихъ и стихотворныхъ книжекъ и брошюръ на Малороссійскомъ языкѣ, у насъ въ Россіи, и въ Австріи; но къ сожалѣнію всѣ онѣ умышленно и произвольно рознятся въ правописаніи, и потому всѣ онѣ своимъ правописаніемъ одна хуже другой. Но ни одна изъ нихъ этимъ качествомъ не превзошла еще граматики Павловскаго, который началъ употреблять Русскія буквы для Малороссійской рѣчи такъ произвольно, какъ будто до него не было грамоты на нашей православной Украинской Руси.

Правописаніе каждаго языка, хотя и много зависитъ отъ личнаго произвола; но тѣмъ не менѣе полагаетъ въ въ основаніе себѣ прежнюю письменность своего народа, и должно сохранить въ себѣ то, что освящено уже привычнымъ, вѣковымъ употребленіемъ. Эта историческая стихія письменности народной не позволяетъ выдумывать правописанія вновь; и въ слѣдствіе этой исторической стихіи—какъ бы ни было просто, удобно и по видимому даже народно новоизобрѣтенное правописаніе, оно не пріймется. Примѣръ тому недавно видѣли на романѣ Лажечникова — Басурманъ: авторъ издалъ его новымъ правописаніемъ, основаннымъ на одномъ народномъ Рускомъ выговорѣ, и оно принято многими почти какъ басурманская грамота. Такимъ же образомъ и нашей Малороссійской правописи не должно, да и нельзя уже быть простою, внѣшнею копировкою звуковъ языка буквами. Оно должно необходимо, кромѣ исторической своей стихіи, выражать собою болѣе или менѣе внутренніе, этимологическіе законы и свойства нашего языка. Безъ этого не можетъ быть и правописаніе нашего языка, долженствующее простираться на всѣ его видоизмѣненія, какія существуютъ въ устахъ

говорящаго имъ народа—отъ Карпатскихъ горъ до степей Задонскихъ и береговъ Кубани. Посредствомъ одной внѣшней копировки звуковъ, можно выражать очень хорошо только областныя особенности языка, подобно тому, какъ и Руское правописаніе — отлагаетъ свои правила и принимается за внѣшнюю копировку звуковъ тогда только, когда передается народная фраза, или областное какое нибудь слово,—или-же изображается Русская рѣчь, ломаемая въ устахъ Нѣмца, Жида, и тому подобныхъ случаяхъ. Когда читаю что нибудь Малороссійское, изданное по одному акустическому или выговорному правописанію, мнѣ все кажется, что издатель пишетъ наркомъ и передразниваетъ Малороссіянъ! Ссылаюсь на васъ самихъ: вы говорите, что вы «свои повѣсти начали писать какъ выговаривается, или по методѣ Гулака-Артемовскаго». Но почему же вы бережетесь писать и не пишете—ховацця, оцце, и проч., когда такъ именно выговаривается въ народѣ,—когда такъ писали и князь Цертелевъ, и граматикъ Павловскій, и поэтъ Артемовскій, коего методѣ вы слѣдуете? Отъчего же пишете вы—ховаться, отсе, какъ пишу я, коего правописаніе вы преслѣдуете?... Такое отступленіе отъ принятой вами выговорной методы, очевидно говоритъ въ пользу надлежащаго Малороссійскаго правописанія, изъ котораго мы и бьемся.—

Я долженъ васъ благодарить еще за то, что вы не послѣдовали той же методѣ и въ наводненіи Малороссійской письменности еропудовымъ *ы*, — что вы пишете — бачится, мило, ходили, гуляти; а не пишете — бачыцця, мыло, ходылы, гуляты. Эта новая затѣя очень безобразитъ Малороссійскую грамоту и заставляетъ незнающихъ хорошо Малороссійскаго выговора произносить нашу мягкозвучную мову такъ дебело, что уши вянутъ. Да и къ чему, и откуда взялась такая правопись? Наша древняя Кіевская Русь такъ не писала. Въ Поученіи Владиміра Мономаха, напримѣръ, читаемъ: лагодити, лѣнощи, лѣпшій, дивуемся. Для чего же намъ эти слова наши писать: лагодыты, линощы, липшый, дывуемся? Старосвѣтскіе Малороссіяне наши не ерыжничали до такой

степени и въ два предыдущіе вѣка. Въ ихъ писаньи гораздо чаще встрѣчается обратная замѣна этихъ двухъ буквъ, т. е. они очень часто писали *и* вмѣсто *ы:* а изъ этого видно, что и встарину буква *ы* Малороссіянами была произносима одинаково съ мягкимъ *и:* и это есть настоящій Малороссійскій, а вмѣстѣ и Южнославянскій выговоръ буквы *ы*, почему Калайдовичь (въ Іоан. Екз. Болг.) и называетъ оную ери, въ отличіе отъ твердаго Сѣверноруского еры, которое только наноснымъ образомъ существуетъ въ нѣкоторыхъ областныхъ разностяхъ Малороссійскаго языка. Хотя вы въ Малороссійскомъ языкѣ, вѣроятно по своему мѣстному выговору, различаете дебелое *ы* отъ мягкого *и;* однако, напримѣръ въ словахъ мы ходили, звукъ *и* произносится три раза одинаково. Артемовскій въ Харьковѣ написалъ бы это—мы ходылы, а Вагилевичь въ Галиціи пишетъ—ми ходили. Еслибъ надо избрать одну изъ этихъ двухъ крайностей, то на послѣднюю я скорѣе согласился бы, чѣмъ на первую. Но гораздо лучше писать, какъ обыкновенно пишемъ: мы ходили, не исключая буквы *ы* (имѣющей особенное значеніе въ Словенской азбукѣ) и не употребляя оной всуе; а руководствуясь въ ея употребленіи правописаніемъ Церковнословенскимъ, какъ то и сдѣлалъ Котляревскій.—

Вообще правописаніе Котляревскаго, менѣе другихъ затѣйливое, болѣе другихъ подходило къ привычному и даже надлежащему правописанію Малороссійскому; а потому я и предпочелъ его другимъ методамъ, и взялъ за основаніе, при изданіи Малороссійскихъ пѣсень.

Но въ правописаніи Котляревскаго былъ тотъ недостатокъ, что для незнающихъ хорошо Малороссійскаго произношенія не было видно, когда букву *и* должно выговаривать мягко, и когда остро (*йи*). Этотъ недостатокъ слѣдовало пополнить и потому, что сами Малороссіяне, особенно прошлаго столѣтія, имѣли обычай надъ буквою *и*, произносимою остро (или по вашему, опредѣленію—очень мягко), ставить особенный значекъ: нѣкоторые въ этомъ случаѣ ставили двѣ точки, иные только одну; но чаще встрѣчается надъ острымъ *и*—точка съ черточкою или дужкою сверху. Этимъ послѣд-

нимъ значкомъ вы предлагаете теперь означать наше мнякесеньке, или по-моему острое *и;* и желаете знать мое объ этомъ мнѣніе. Я очень согласенъ на это—тѣмъ болѣе, что за тринадцать лѣтъ самъ я дѣлалъ тоже возобновленіе нашего прадѣдовскаго *и*, пропущеннаго Котляревскимъ. Какъ такъ? вы спросите. Да, именно такъ. Еще при первомъ изданіи пѣсень предпринялъ я ввесть это *и* (только безъ точки); но факторъ университетской типографіи, блаженной памяти Никифоръ Никоновичь Басалаевъ, отказалъ мнѣ въ желанномъ значкѣ, за неимѣніемъ онаго въ типографіи, и предложилъ мнѣ замѣнить его Французскою кровелькою—такъ называлъ онъ accent circonflexe. Дѣлать было нечего; мнѣ же надобны были и другія гласныя буквы съ тѣмъ же значкомъ, а во Французскомъ шрифтѣ были онѣ готовыя съ кровелькою; и я разсудивъ, что и въ другихъ типографіяхъ встрѣтятся тѣ-же затрудненія, а Французскій шрифтъ есть вездѣ, рѣшился на сдѣланное мнѣ предложеніе. Съ тѣхъ поръ наше прадѣдовское острое *и* живетъ у меня, припѣваючи, подъ Французскою кровелькою, которую я переименовалъ во имя нашего Словенскаго паерка, имѣющаго почти такой же видъ.—Лукашевичева книжка Малороссійскихъ и Червонорусскихъ пѣсень напечатана въ С. Петербургѣ 1836 года по моему правописанію. Харьковская типографія доставила Срезневскому въ большомъ изобиліи, даже въ излишествѣ, сей значекъ для его Запорожской старины. Тоже нашелъ я въ Кіевской типографіи, печатая мою Исторію Древней Русской Словесности, въ которой говорится и объ особенностяхъ языка Южнорусскаго.

Такимъ образомъ употребленіе этого значка распространилось, и глаза къ нему присмотрѣлись. Однако вы подъ моимъ паеркомъ не признали нашего прадѣдовскаго остраго *и;* вы пожелали воспроизвести его въ подлинномъ, властномъ видѣ его, и обратились для того къ Маяку современнаго просвѣщенія и образованности. Но вышла таже исторія: типографія академіи наукъ, гдѣ печатается Маякъ, нахлобучила ваше мнякесеньке *и* тою же Французскою кровелькою, и оно явилось точно въ томъ видѣ, какъ мое острое, паер-

чатое *и̂;* и вы мимовольно, по силѣ необходимости типографской, попали на мое правописаніе. Видно ужь не судьба этой старосвѣтчинѣ нашей являться въ новомъ мірѣ подъ своимъ собственнымъ значкомъ; и я въ свою очередь попрошу васъ вашими же словами: «нехай такъ зостается»! Согласитесь и вы употреблять *и̂* по моему—хотя и не въ природной, а вынужденной, но за то удобоисполнимой формѣ, имѣющей притомъ за собою и 13-тилѣтнюю давность. Посредствомъ вашихъ сочиненій съ нимъ совершенно освоятся читатели, и наше Малороссійское правописаніе избѣжитъ новаго разногласія и затрудненія типографическаго.—

До сихъ поръ мое и ваше правописаніе почти не розняли между собою. Но вотъ слѣдуютъ ортографическія наши несогласія, правда не многія, но за то крупныя. Вы щедрою рукою расточаете букву *и̂*, ибо 1) вы замѣняете ею букву *ъ* во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она искони была въ Малороссійскомъ писаньи; 2) вы ставите букву *и̂* вмѣсто *о* и другихъ гласныхъ, когда онѣ выговариваются какъ *и;* 3) сгоняя букву *ъ* съ ея роднаго, привычнаго мѣста, вы даете ей новое и для нея невыгодное мѣсто, напримѣръ въ словахъ—у ч о р а ш н ѣ, т о р и ш н ѣ, ѣ р о п у д о в ы й. Если угодно вамъ знать мое объ этомъ мнѣніе, то я скажу, что на первое я совершенно несогласенъ, на второе — ваша добрая воля, а на третье я согласенъ еще менѣе, чѣмъ на первое. Объявляя такъ откровенно мое несогласіе, я обязанъ представить мои на то причины, и охотно исполняю это. Вотъ онѣ, — и во-первыхъ относительно буквы *ъ*.

Вы говорите «напрасно полагаютъ, говорятъ и пишутъ, что въ Малороссійскомъ выговорѣ буква *ъ* должна выговариваться какъ самое мягкое *и*»—и потомъ труните надо мною, Котляревскимъ и другими, пишущими букву *ъ* въ словѣ т о б ѣ и проч. Но противъ вашихъ остротъ у меня собралось цѣлое ополченіе возраженій и доказательствъ, на защиту законнаго и стародавняго употребленія буквы *ъ* въ Малороссійскомъ произношеніи и правописаніи, и на з б у р е н ь е вышеозначенныхъ трехъ пунктовъ, которыми вы укрѣпили свое правописаніе. И вотъ первый отрядъ моихъ доказательствъ—на защиту Малороссійскаго произношенія буквы *ъ*.

Малороссійскій или Южнорусскій народъ, по природному свойству языка своего, произносить звукъ *и* во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда и въ Словенскихъ и въ Русскихъ книгахъ пишется буква *ѣ*. Эту букву наши предки узнали и заимствовали изъ церковныхъ книгъ, изъ азбуки Кирилловской. Тамъ буква *ѣ* изображаетъ такой Словенскій звукъ, который у Южнорусскихъ и нѣкоторыхъ другихъ Словенъ произносится какъ острое *и;* а у Великороссіянъ, Бѣлоруссовъ, Сербовъ— въ тѣхъ самыхъ словахъ — измѣняется въ острое *е*. Потому въ Великорускомъ языкѣ буква *ѣ* принадлежитъ къ числу тѣхъ буквъ, коими изображается звукъ *е;* но въ языкѣ Малороссійскомъ она принадлежитъ къ числу буквъ, служащихъ для изображенія звука *и*. Отъ того Великороссіяне, по своему выговору, смѣшиваютъ буквы ять и есть, довольно легко сбиваются въ письменномъ ихъ употребленіи и нерѣдко ставили и ставятъ одну вмѣсто другой. Малороссіяне, напротивъ того, весьма хорошо различая эти двѣ буквы, никогда не употребляли буквы *ѣ* вмѣсто *е;* но за то у нихъ буква *ѣ* легко смѣшивается съ буквою *и;* за то они сбиваются въ употребленіи этихъ двухъ буквъ и пишутъ нерѣдко одну вмѣсто другой, съ древнихъ временъ и до нынѣшняго.

Что Малороссіяне, слѣдуя своему собственному произношенію, букву *ѣ* выговариваютъ какъ острое *и*, въ томъ легко удостовѣриться; стоитъ послушать сельскаго дьяка, читающаго церковную книгу: въ книгѣ написано—во вѣки вѣковъ, а онъ читаетъ во вѝки вѝковъ, слѣдственно онъ букву *ѣ* выговариваетъ, по своему произношенію, какъ *и̂:* а произнося ее всегда такъ, онъ, разумѣется, и на письмѣ употребляетъ ее не иначе, какъ для звука *и*. Я указалъ на нашихъ дьяковъ потому, что отъ нихъ преимущественно распространялась грамотность въ нашемъ народѣ; да и самый первый памятникъ Южнорусской учености—Изборникъ Святославовскій, составленъ и написанъ 1073 года Кіевскимъ дьякомъ Іоанномъ, которому обязана бытіемъ своимъ и эта Руская форма буквы *ѣ*. Граматка, часловецъ и псалтирь составляли у насъ первыя, а для большей части и единственныя учебныя книги. Сіи три книги и для меня составили первый учебный курсъ.

Живо помню, какъ меня, еще шестилѣтняго мальчика привезли изъ Згари въ Золотоношскій женскій монастырь, на ученіе книжное; какъ въ тотъ же день учительница моя, черница Варсанофія, въ своей кельѣ посадила меня съ указкою за грамотку, и начала твердить мнѣ: азъ, буки, вѹди... жѹвите, зѹло; а не веди, живете, зело. Произношеніе моей первой учительницы составляетъ для меня важный авторитетъ; но для васъ я приведу болѣе именитый и древній—произношеніе знаменитаго Ѳеофана Прокоповича. Переселясь изъ Кіева на Сѣверъ, онъ былъ однимъ изъ первыхъ сподвижниковъ Петра Великаго; краснорѣчивымъ словомъ своимъ онъ первенствовалъ надъ всѣми, онъ первый началъ и Рускіе стихи слагать въ формѣ Италіанской октавы. Но не смотря на свое долгое пребываніе на Сѣверѣ, онъ неотвыкъ отъ Малороссійскаго выговора буквы *ѣ*, даже и въ стихахъ своихъ. А что онъ и чрезъ 15 лѣтъ пребыванія своего на Сѣверѣ, произносилъ букву *ѣ*, какъ *и*, въ томъ убѣдитесь, прочтя напримѣръ слѣдующій отрывокъ изъ его стиховъ, написанныхъ 1792 года.

«Объемлетъ тебя Аполлонъ великій,
Любитъ всякъ, кто есть таинствъ его зритель;
О тебѣ поютъ Парнасскіи лики,
Всѣмъ честнымъ сладка твоя добродѣтель,
И будетъ сладка въ будущіе вѣки....
А ты, какъ началъ—течи путь преславный,
Коимъ книжныи текли исполины,
И перомъ смѣлымъ мещи порокъ явный
На нелюбящихъ ученой дружины,
И разрушай всякъ обычай злонравный,
Желая доброй въ людяхъ перемѣны,
Кой плодъ ученій не единъ искуситъ,
А дураковъ злость языкъ свой прикуситъ».

Въ мою пользу говоритъ и послѣднее слово стихотворнаго надгробія, находящагося въ Печерской Лаврѣ надъ могилою Кочубея и Искры, которые послѣ того, какъ обезглавлены Мазепою, сдѣлались героями нашей исторіи:

«Почиваемъ въ семъ мѣстѣ Матери Владычни, Подающія всѣмъ своимъ рабомъ животъ вѣчный».

Наконецъ, осмѣливаюсь привести вамъ слѣдующую надпись надгробнаго камня, находящагося передъ Великою Печерскою церковью:

«Здѣ положенъ Харьковскаго полку Полковникъ Григорій Семеновичь Квѣтка; жилъ всѣхъ лѣтъ отъ роду своего 64. Полковникомъ былъ 24; преставися 1734 года мѣсяца Октября».

Это фамильное имя [1]), столь извѣстное въ Малороссіи и вамъ близкое, безъ сомнѣнія и вы произнесете не иначе, какъ Квитка; слѣдовательно и вы букву *ѣ* произнесете какъ *и;* а послѣ того, ужели не согласитесь, что буква *ѣ* по Малороссійскому выговору произносится какъ *и?* Въ противномъ случаѣ я спрошу у васъ: по какому же, если не по Малороссійскому произношенію, во всѣхъ приведенныхъ мною примѣрахъ, Малороссіяне букву *ѣ* выговариваютъ какъ *и?* Одни только Сѣверяне наши (и то не всѣ, и не во всѣхъ случаяхъ) произносятъ букву *ѣ* какъ *е;* но это уклоненіе отъ Малороссійскаго произношенія очевидно произведено вліяніемъ Литовскорускаго или Бѣлорускаго выговора; за тоже Сѣверянъ и прозываютъ Украинцы Литвинами.—

Теперь представляю мои доказательства, что Малороссіяне букву *ѣ* писали не иначе, какъ для изображенія звука *и.* Законность этого употребленія утверждается чрезвычайною давностью, повсемѣстностью и самою степенью онаго. Послѣднее обстоятельство особенно стоитъ вашего вниманія: изъ него открывается, что Малороссіяне, во всѣхъ концахъ Южной Руси и во всѣ времена, употребляли букву *ѣ,* не только въ тѣхъ словахъ и случаяхъ, въ которыхъ она употребляется правописаніемъ Церковнословенскимъ, хотя и этого довольно; но очень часто ставили ее и въ такихъ слу-

---

[1]) Такимъ же образомъ и другія Малороссійскія фамиліи, писанныя съ буквою *ѣ*, напр. Палѣй, Гордѣенко, Гамалѣя, Забѣла, Свѣчка—произносились и произносятся по Малороссійскому выговору—Палій, Гордіенко, Забила, Свичка; но имя Хмельницкаго никогда не выговаривали *Хмільницкій*, за тоже ни самъ *Богданъ*, ни его сынъ, ни козаки ихъ написали *Хмѣльницкій*.

чаяхъ, когда по Церковнословенскому правописанію ставится *и*. Эти послѣдніе случаи, хотя большею частію и неправильны, но показываютъ всего яснѣе, что Малороссіяне, даже съ пристрастіемъ къ буквѣ *ѣ*, употребляли ее именно для выраженія звука *и*.

Сюда во-первыхъ относятся иностранныя слова, употреблявшіяся въ языкѣ Малороссійскомъ. Они вообще были очень часто писаны съ буквою *ѣ* вмѣсто *и;* напримѣръ: унѣверсалъ, Домѣнѣканъ, компанѣя, линѣя, баталѣя, конфѣрмація. Такъ и въ стихотворныхъ брошюрахъ нынѣшнихъ Галичанъ встрѣчаемъ: конвѣктъ и даже митрополѣтъ.

Фамильныя имена представляютъ и здѣсь намъ очевидное доказательство употребленія буквы *ѣ* вмѣсто *и,* особливо у нынѣшнихъ Галичанъ, изъ которыхъ многіе пишутъ—Лѣвѣцкій, Лозѣнскій, Могильнѣцкій и проч. Тоже было и на Волыни. Приведу примѣръ изъ стариннаго Луцкаго помянника: въ 1677-мъ году надъ переписною онаго трудился Іеромонахъ Савицкій; тамъ же, въ 1748-мъ году, его имя написано—Савѣцкій; тамъ же написано Ступнѣцкій, Рогозѣнскій, Соснѣцкій, Гулянѣцкій и проч. Кіевская письменность прошлаго столѣтія представляетъ довольно подобныхъ примѣровъ, изъ коихъ приведу одинъ: въ судовыхъ бумагахъ часто встрѣчается имя князя Голѣцина, т. е. Голицына.

Что касается до Черниговцевъ, то довольно указать на имя города ихъ: съ древнихъ временъ и до нашего оно было писано Чернѣговъ.

Тоже самое находимъ и въ окончаніяхъ нѣкоторыхъ падежей. Еще въ древнихъ писаніяхъ читаемъ: въ подлинной грамотѣ Кіевскаго Князя Мстислава Владиміровича 1128 года—моѣ дѣти; въ договорѣ Игоревомъ (по списку 14-го вѣка)—мечѣ своѣ; въ грамотахъ Льва Даниловича—положимъ и не подлинныхъ, но все же старинныхъ—вѣчнѣ, будучнѣ, нашѣ. Подобно сему пишутъ нѣкоторые современные Галичане; такъ въ Днѣстровой Русалкѣ читаемъ: моѣ конѣ, твоѣ хлопцѣ, нашѣ пѣснѣ и пр. Нашъ

первый Западнорусскій граматикъ Мелетій Смотрицкій находилъ даже правильнымъ писать нашѣ и т. п.

Нерѣдко и окончаніе родительнаго падежа встрѣчается съ буквою *ѣ* вмѣсто *и*, не только въ упомянутой Русалкѣ, гдѣ писано даже Украѣна вм. Украина; но и въ старинныхъ писаніяхъ. Вотъ начало купчей, писанной въ Галиціи 1341 года [1]), слѣдственно современной завладѣнію сей земли Казимиромъ. «И сталося подъ державою великаго короля Краковскаго Казимира и господаря Рускоѣ землѣ». Такимъ же образомъ и въ собственноручномъ универсалѣ Богдана Хмельницкаго (1651 г. 11 Января) читаемъ: «Створитель неба и землѣ». Подобно сему и въ собственноручныхъ универсалахъ Гетмана Самуйловича (1672) писано: зъ особливоѣ своѣ,—и даже въ дательномъ падежѣ (1673)—ректоровѣ, игуменовѣ.

Въ помянникѣ Выдубицкаго монастыря, гдѣ многіе Сѣчевые или Запорожскіе козаки вписывали свой родъ, читаемъ: «1752. Сентября 26. Родъ Іоанна Горкушѣ, козака куреня Тимошѣвского».

Послѣ всѣхъ приведенныхъ мною примѣровъ, я могу, кажется уже безспорно, повторить, что у Малороссіянъ буква *ѣ* издавна употреблялась не иначе, какъ для изображенія звука *и*, и что они любили даже роскошествовать этою буквою. За что же лишать Малороссійское правописаніе привычной, вѣковой его принадлежности?

Наше дѣло только ограничить излишнее расточеніе оной и опредѣлить правильное ея употребленіе. Такъ напримѣръ, въ повелительномъ наклоненіи надобно писать не *и*, но *ѣ*: возьмѣть, ходѣмъ,—какъ и было въ древнемъ Церковнословенскомъ правописаніи, какъ писали и образованные предки наши, начиная отъ перваго лѣтописца. При второмъ изданіи Украинскихъ пѣсень, 1834 года, я возобновилъ это употребленіе, которое ведется и у Галицкихъ Русиновъ.

Другой примѣръ. Вы говорите, что принявъ букву *ѣ* за выраженіе звука *и*, надобно будетъ писать—пѣшовъ, пѣпъ,

[1])—Эта купчая отыскана сочинителемъ Исторіи Галицкой Руси *Зубрицкимъ*, и по его мнѣнію составляетъ древнѣйшій изъ дошедшихъ къ намъ въ подлинникѣ документовъ Червонорускихъ.

макогѣнъ и проч. Почему же надобно? Тогда вышло-бы неправильное и напрасное расточеніе буквы *ъ*, которую вовсе не слѣдуетъ ставить вмѣсто *о*, обращаемаго народнымъ выговоромъ въ *и*. Такого употребленія буквы *ъ* не встрѣчалъ я въ прежней Малороссійской письменности; и только въ стихотворныхъ изданіяхъ нашихъ юныхъ Галицкихъ земляковъ попадаются примѣры такого употребленія буквы *ъ* (пѣшовъ, зъ-вѣтти, рѣвно, выгѣдно), но и то какъ-бы случайно, по неустроенности, въ какой находится у нихъ правопись [1]). Что касается до старосвѣтскихъ Малороссіянъ, то они, въ тѣхъ случаяхъ когда *о* народнымъ выговоромъ обращается въ *и*, ставили букву *и;* или еще чаще, не держась строго народнаго выговора, (который и самъ въ этомъ случаѣ очень измѣнчивъ), ставили коренную гласную букву и писали просто: мой, попъ, пошовъ, войско и проч. Потому-то, не противорѣча бывалому употребленію, вы пишете въ сказанныхъ случаяхъ букву *й*, что согласно и съ большинствомъ голосовъ нынѣ пишущей братіи. Но и я, въ томъ же бываломъ употребленіи, имѣю достаточное основаніе для удержанія коренныхъ гласныхъ буквъ; а для показанія, что ихъ должно произносить какъ *и*, я придумалъ ставить надъ ними паерокъ. Это есть единственное мое нововведеніе въ правописаніе Малороссійское. Оно читателя не затруднитъ; ибо нетрудно, кажется, замѣтить правило: «буквы

[1]) Такъ въ Днѣстровой Русалкѣ одно и тоже слово пишется *пътьма* (стр. 78) и *пітьма* (стр. 72). По моему должно писать *пôтьма*. — Іосифъ Лѣвицкій началъ было также употреблять *ô*; но потомъ паерокъ замѣнилъ двумя точками и пишетъ *ö*, что принято и въ нѣкоторыхъ изданіяхъ Вѣнскихъ. Это напрасно. Надстрочное двоеточіе уже давно служитъ въ Рускомъ правописаніи знакомъ обращенія гласной въ *острое о* (йо), что принято мною 1827 года и въ Малороссійское правописаніе (напр. *ёго, сёго*, а не іого, сіого). Буква *е* иногда въ томъ же словѣ Малороссіянами произносится какъ *йо* и какъ *йи*, слѣдственно нужны оба знака для той же буквы: въ первомъ случаѣ *двоеточіе*, во второмъ *паерокъ;* напримѣръ — на *синёму*, на *синѣмъ*. Въ послѣднемъ случаѣ, если угодно, можно бы писать и на *синѣмъ*. Есть и другіе случаи, гдѣ буква *ъ* могла бы ставиться вмѣсто *е*, произносимаго какъ *и: сръбро, кортьнь, пъсокъ, дръмати, лътати;* можно бы даже, сходно съ Церковнословенскимъ правописаніемъ, ставить *ъ* въ окончаніяхъ падежей: на *святъй*, на *высокъмъ* (т. е. вмѣсто *о* произносимаго какъ *и*). Но я, слѣдуя общему правилу моей системы правописанія, пишу: срêбро, корêнь, пêсокъ, дрêмати, лêтати, на святôй, на синêй, на высокôмъ.

означенныя паеркомъ—*â, ê, û, î, ô, ŷ*, также букву *ъ*, должно выговаривать какъ острое *и (иꙗ);* а буквы *и, і, ы*, должно произносить мягко, а не такъ твердо, какъ Великорусское ы». Но за этотъ небольшой предварительный трудъ, требуемый моимъ правописаніемъ отъ читателя, оно облегчаетъ ему не только уразумѣніе словъ, особливо произносимыхъ одинаково [1]); но и самое чтеніе чрезъ то становится удобнѣе, нежели чтеніе письма, написаннаго по методѣ выговорной, по которой можетъ быть легче писать, да читать трудно, какъ справедливо замѣчаете и вы сами. Я знаю по опыту, что для неизбравшаго еще никакой методы, труднѣе привыкать къ методѣ выговорной.

Говоря правду, такъ мой способъ писанія труднѣе не читающему, а пишущему, и особенно мнѣ первому, взявшему на себя трудъ отыскивать коренные звуки, покрываемые звукомъ *и*, что иногда несовсѣмъ легко. Но за то я думаю, что съ этимъ только способомъ можетъ быть установлено правописаніе Малороссійскаго языка, обнимающее всѣ его разности и притомъ сближающееся съ правописаніемъ Великорускаго и нѣкоторыхъ другихъ языковъ Словенскихъ,

---

[1]) *Вотъ для примѣра нѣсколько такихъ словъ — по правописанію выговорному:* — *по моему:*

Крій	— Крâй (вскрай).
Нисъ	— Нêсъ.
Нисъ	— Нôсъ.
Бривъ	— Брêвъ (брелъ).
Бривъ	— Брôвъ (бровей).
Визъ	— Вêзъ.
Визъ	— Вôзъ.
Ижъ	— Нôжъ.
Нижка	— Нôжка.
Нижный	— Нѣжный.
Мижь	— Мêжъ.
За-мижъ	— За-мŷжъ.
Бигъ	— Бôгъ.
Бигъ	— Бѣгъ.
Бездилье	— Бездôлье.
Бездилье	— Бездѣлье.
Окрипъ	— Окрôпъ.
Окрипъ	— Окрѣпъ.

чего нашему языку вовсе недолжно чуждаться. Но я объ этомъ способѣ писанія подробно изъясню свои мысли предъ вами въ послѣдствіи. А теперь на прежнее обратимся.

Не стану утверждать, чтобы въ старину Малороссіяне не писали въ иныхъ словахъ буквы *и* вмѣсто *ѣ;* но это случайности такъ же неправильныя, какъ и тѣ, когда *ѣ* писано вмѣсто *и*, напр. Іоанна Горкушѣ; употреблять же постоянно букву *и* вмѣсто *ѣ*, не значитъ ли распространять и обращать въ правило случайную погрѣшность противъ надлежащаго правописанія Малороссійскаго языка? А это именно сдѣлали начавшіе писать только по слуху: *и*—вездѣ, гдѣ сей произносится остро; *ы*—вездѣ, гдѣ сей звукъ произносится мягко или твердо; а Павловскій въ первомъ случаѣ вездѣ ставитъ *і*, точно такъ, какъ Поляки и Чехи пишутъ Латинскими буквами Малороссійскія пѣсни. Но тамъ необходимость азбучная заставляетъ, руководясь только звукомъ, ограничиться двумя буквами—*і* да *у;* для насъ же Латинская азбучная скудота не указъ, когда мы давно имѣемъ свою богатую, Словенскую азбуку, свои вѣковыя привычки въ правописаніи. Не то, лучше писать прямо уже Латинопольскими буквами, какъ сдѣлалъ въ Перемышлѣ Лозинскій, нежели писать Рускими буквами такъ, какъ пишутъ нѣкоторые ваши почтенные сусѣды и любезные подсусѣдки.—

Но вы имѣете еще особенный предлогъ писать *и* на мѣстахъ, принадлежащихъ буквѣ *ѣ*. Вы полагаете, что сія послѣдняя буква нужна во всей своей силѣ и видѣ въ словахъ—учорашнѣ, торішнѣ и многихъ другихъ. И такъ она нужна вамъ для изображенія звука *е*, произносимаго остро? Но отъ чего же вы пишете безъ буквы *ѣ*, напримѣръ слова—гуляе, моє и тому подобныя, въ которыхъ тотъ же самый острый звукъ *е*, какъ и въ словахъ—учорашне, торішне, еропудъ?... Павловскій въ своей грамматикѣ безъ зазрѣнія совѣсти пишетъ—співаѣ, гуляѣ, моєі, *ѣ*—и проч. Но затоже онъ первый и единственный писатель, сдѣлавшій такое перемѣщеніе буквы *ѣ* въ Малороссійскомъ правописаніи, въ которомъ она никогда не употреблялась для изображенія звука *е:* ибо это

несообразно съ ея значеніемъ и силою въ нашей Малороссійской письменности, и даже съ видомъ ея, представляющимъ соединеніе буквы і съ ь-емъ (ь, Ѣ). Впрочемъ, не смотря на столь неудачное исполненіе, Павловскій предпринималъ доброе дѣло для Малороссійскаго правописанія, то есть различать острое и мягкое *е* двумя различными буквами. Если и вамъ угодно тоже сдѣлать, то это легко, оставляя букву *ъ* на ея властномъ мѣстѣ. Наша Словеноруская палеографія представляетъ нѣсколько различныхъ начертаній буквы есть: изберемъ изъ нихъ одно для остраго, другое для мягкаго произношенія сей буквы,—какъ и сдѣлалъ уже Вагилевичъ въ Днѣстровой Русалкѣ. Въ этой пріятной книжкѣ наше гражданское *е* пишется тогда, когда сей звукъ произносится мягко; а когда онъ произносится остро *(йе)*, тогда ставится Славянское отверстое *є*, которое и мы очень можемъ возобновить въ нашей Малороссійской письменности (нѣкоторые другіе Галичане въ этихъ случаяхъ пишутъ *је*). Но я бы думалъ, что употребляемое въ Рускій азбукѣ *е* лучше оставить въ настоящей его силѣ, и употреблять въ тѣхъ случаяхъ, когда сей звукъ произносится остро, ибо такъ выговариваютъ эту букву Великороссіяне, отъ которыхъ она перешла и въ Малороссію. Славянскимъ-же отверстымъ *є* можемъ изображать мягкій выговоръ сего звука; а пока эта буква отольется нарочито въ гражданскую форму, мы можемъ брать оборотное Руское *є*, поворачивать его на правокругомъ, и такимъ образомъ получать мягкое *є*, своимъ выговоромъ и видомъ близкое къ твердому Рускому *е*. Тогда для читателя будетъ очевидно, какъ ему произносить: сине небо, учорашне, торôшне, ей-богу, тебе.—Согласитесь-ли вы на такое различеніе?

Вагилевичъ началъ употреблять въ Южно-русскомъ правописаніи еще букву *ў*, по примѣру Волоховъ или Румыновъ, пишущихъ также Словенскими буквами. По-моему это очень хорошо; безъ этой буквы намъ было также неловко, какъ было-бы безъ *й*. Но Вагилевичъ до крайности расточаетъ свое нововведеніе. Слѣдуя одной только акустикѣ Малороссійскаго выговора, по которому буква *в* произносится въ

извѣстныхъ случаяхъ полугласно, какъ сокращенное *ў*, онъ вездѣ, вмѣсто *в*, произносимаго такимъ образомъ, ставитъ ў; вмѣсто—ходивъ, знавъ, онъ пишетъ—ходиў, знаў и проч. Но это также странно, какъ странно было-бы писать по-Руски: фсіо, дѣфки, любофь, петрофъ, слѣдуя Великорусскому выговору, сжимающему въ извѣстныхъ случаяхъ звукъ *в* въ *ф*. Отъ такого частаго уканья Малороссійское письмо у Вагилевича является не въ своемъ видѣ, получаетъ какой-то не-Рускій характеръ, и тѣмъ болѣе, что Вагилевичь вовсе не употребляетъ *ъ;* вмѣсто *ы* всегда пишетъ *и;* вмѣсто *и* ставитъ если не *ѣ*, такъ *і*.—Потому я предложилъ 1837 года (Ист. Древн. Рус. Словес.) ставить букву *ў* только тамъ, гдѣ дѣйствительно сокращается *у*, напримѣръ: ўже ў насъ на Ўкраинѣ наўчились. До сихъ поръ эти слова всѣ мы писали и пишемъ съ буквою *в*: вже въ насъ на Вкраинѣ навчились; но должно признаться, что это едва-ли не хуже, чѣмъ пишетъ Вагилевичь. Изображая буквою *в* звукъ *у*, хотя и сокращенно произносимый, мы шли наперекоръ Малороссійскому выговору: ибо Малороссійскій выговоръ самую букву *в* сремится приводить въ гласное состояніе, и часто произноситъ ее полугласно; а нерѣдко протягиваетъ и въ полное *у* (узявъ вм. взявъ), или же прилагаетъ къ ней этотъ звукъ (увесь вм. весь); и только въ сихъ послѣднихъ случаяхъ, я думаю, надобно писать *у* вмѣсто *в*, ибо того требуетъ сама необходимость.

Вотъ все, что пришлось мнѣ сказать вамъ о нашей правописи въ этомъ письмѣ. Оно вышло длинновато; но за то изъ него узнаете короче мои мысли о томъ дѣлѣ, около котораго всѣ мы, любящіе свою родимую рѣчь, ходимъ и не сходимся. Прошу васъ не отказать мнѣ въ вашихъ отвѣтныхъ замѣчаніяхъ. Тогда представлю на ваше утвержденіе нѣкоторые частные случаи Малороссійскаго правописанія, которые остаются у меня еще подъ вопросительнымъ знакомъ, и съ которыхъ хотѣлось бы поскорѣе снять этотъ неуспокоительный значекъ,—именно къ тому времени, какъ приступлю наконецъ къ новому, полному изданію моего собранія Украинскихъ народныхъ пѣсень. Я хотѣлъ бы это бога-

тое, поэтическое наслѣдство нашего народа представить Словенскому міру въ возможно-лучшемъ видѣ и относительно правописанія.

Доканчиваю письмо это въ послѣдній день истекающаго (1840) года, и поздравляя васъ съ наступленіемъ новаго года, желаю душевно, что-бы онъ принесъ намъ новый томъ вашихъ повѣстей на Малороссійскомъ языкѣ; а вамъ принесъ-бы въ изобиліи—«у полѣ ядро, а въ домѣ добро»!

P. S.—При семъ случаѣ пожелаю и всѣмъ землякамъ нашимъ, чтобы съ наступленіемъ завтрашняго дня Илья помахалъ имъ получше житяною пугою, про которую поютъ посыпальщики; я же къ посыпальной пѣсенкѣ прибавлю еще зажнивную пѣсню, которую сложили и поютъ хлѣборобы Волынскіе, но послушать могутъ и Украинцы всякаго званія.

А въ недѣлоньку рано пораненьку
Збѝрае женьцѝ коваленко,
Збѝрае женьцѝ, а все прибо́рныи,
Дѣвки, парубки, а все молодыи.
Да повѣвъ же ѝхъ на долину,
На пшениченьку на озиму:
—Ой жнѣте, женцѝ, розжинайтесь,
А назадъ себе не оглядайтесь.—
Ажъ зъ-за горы орда иде,
За собою коваля веде.
Ёму руки позавязовани,
Ёму очѝ позаглажовани.
Ото-жъ будешъ, ковалю, знати
Якъ недѣлоньку шановати.
—Ой дай, Боже, такую годину,
Счобъ забачити свѣтъ хочъ на часину:
То буду ўже знати,
Якъ недѣлоньку шановати!—

VIII.

О МАЛОРОССІЙСКОМЪ ПРОИЗНОШЕНІИ МѢСТНЫХЪ ИМЕНЪ.

Объясненіе, относящееся къ Шафариковой Славянской Картѣ [1]).

Въ пріятельскомъ письмѣ къ Погодину я написалъ, между прочимъ, нѣсколько строкъ о Шафариковой Славянской Картѣ, и просилъ сообщить ихъ Шафарику. Погодинъ сдѣлалъ это посредствомъ своего Журнала, и во 2-мъ нумерѣ Москвитянина (1843) напечаталъ замѣчаніе мое [2]), въ которомъ я обвиняю того, кто присовѣтовалъ Шафарику писать

---

[1]) Напечатано въ Москвитянинѣ 1843, № 10, с. 455—468.

[2]) Вотъ это замѣчаніе автора: ....Въ Кіевѣ нѣсколько минутъ только видѣлъ я знаменитую этнографическую карту Шафарикову. Взглянувъ въ ней на южную Русь, я съ удивленіемъ прочелъ на ней *Переяславъ*, *Васильковъ*, *Пивтава* и проч. Къ чему такой излишній, искуственный Малороссіянизмъ? Живучи постоянно девятый годъ уже на родинѣ моей, я не встрѣчалъ даже простолюдиновъ, ни въ *Переяславѣ*, ни въ *Васильковѣ*, которые называли бы свои города *Переяславъ*, *Васильковъ*; въ Херсонскихъ и Крымскихъ степяхъ я не встрѣчалъ ни одного чумака, который называлъ бы Перекопъ—*Перекипомъ*.... Правда, что измѣнять букву *о* въ *и* любитъ Малороссійское произношеніе; но измѣнять ее нарочно въ названіяхъ разныхъ городовъ и рѣкъ, когда нѣтъ того у самаго народа, значитъ поддѣлываться подъ народный колоритъ, усиливать его, а не представлять его въ томъ видѣ, какъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Виноватъ передъ Шафарикомъ и передъ его Этнографіей, кто присовѣтовалъ ему такой провинціальный *пересолъ* въ наименованіи южнорусскихъ мѣстностей.... По моему, это напрасно; и Шафарикъ очень бы хорошо сдѣлалъ, если бы при новомъ изданіи карты своей—въ упомянутыхъ названіяхъ—всуе употребленный южнорусскій звукъ *и* возвелъ опять къ общесловенскому коренному звуку *о*. — Попроси его о томъ и отъ меня, и отъ себя: ты самъ вѣдь ѣхалъ недавно изъ *Полтавы* на *Переяславъ*.... *Пивтавы*, *Переяслива* вѣрно не слыхалъ изъ устъ народа....

на Картѣ Переясливъ, Василькивъ, Пивтава, Перекипъ. Я назвалъ это излишнимъ, усиленнымъ Малороссіянизмомъ, провинціальнымъ пересоломъ. Такое обвиненіе показалось страшнымъ Г. N. [1]), и онъ пришелъ въ недоумѣніе, какъ могъ я написать это, живучи девятый годъ на моей родинѣ! Казалось бы, это послѣднее обстоятельство и могло внушить ему мысль, нѣтъ ли правды въ словахъ моихъ,—ибо не за тридевять же земель, а въ своемъ родномъ краю можно узнать вѣрнѣе и основательнѣе, какъ что дѣлается и говорится въ немъ.

Но Г. N, принявъ слова мои за «горячій слѣдъ первыхъ впечатлѣній» изготовилъ большой, обдуманный, однако не мѣткій ударъ на-защиту Шафарикова совѣтника. Прямо ко мнѣ обратилъ онъ статью свою, похожую не столько на оправданіе истины, сколько на отмщеніе за улику, хотя онъ и говоритъ, что ни лично, ни по наслышкѣ не знаетъ Шафарикова совѣтника. Меня онъ называетъ «извѣстнымъ писателемъ, пламеннымъ любителемъ роднаго» и проч., и въ тоже время прямо и намеками говоритъ разныя колкости обо мнѣ, моихъ знаніяхъ и мнѣніяхъ, бросаетъ мнѣ въ спину бранчивыя пословицы, и самъ скрывается подъ литерою N. Къ чему такая застѣнчивость и потаенность, особенно съ тѣмъ, кто давно поставилъ себѣ правиломъ говорить прямо и открыто всѣ свои мнѣнія, и не печатать ничего безъименно. Поприще критики открыто и доступно для всякаго; всякъ воленъ говорить что ему угодно о моихъ трудахъ по части Южно-Русскаго языка и Словесности; объ нихъ можетъ отзываться съ небреженіемъ и тотъ, кто нѣкогда въ Москвѣ говорилъ мнѣ съ восторгомъ, что моя книжечка Малороссійскихъ пѣсенъ и особенно ея предисловіе возбудили въ немъ пламенную любовь къ занятію Южно-Русскимъ языкомъ и поэзіей. И тотъ однако не можетъ отвергнуть одного,—что изслѣдованіе Южно-Русскаго языка, сравнительное съ другими Славянскими, начато мною, сперва въ

---

[1]) О. М. Бодянскому, котораго отвѣтъ находится въ Москвитянинѣ 1843, № 5. А. К.

упомянутомъ изданіи Малороссійскихъ пѣсень, М. 1827 [1]); потомъ въ Изслѣдованіи о Русскомъ языкѣ, напечатанномъ 1838 (въ Жур. М. Н. Пр.) и въ Исторіи древней Русской словесности, изданной въ Кіевѣ 1839.

Въ этомъ послѣднемъ сочиненіи я высказалъ мои наблюденія и понятія о Южно-Русскомъ языкѣ, представилъ полнѣйшее до сихъ поръ изложеніе отличительныхъ его свойствъ (по нарѣчію Малороссійскому). Тамъ опредѣлены разные случаи и того измѣненія *о* въ *и*, которое относится непосредственно къ предмету возникшаго спора. Жалѣю, что мое объясненіе о Шафариковой Картѣ должно быть отвѣтомъ на безъименную статью Г. N. Впрочемъ изъ нея видно, что Г. N. человѣкъ ученый, въ свѣжей памяти сохраняющій произношеніе многихъ Славянскихъ языковъ, съ прилежаніемъ изучавшій Южно-Русскій языкъ, какимъ говорятъ въ Карпатахъ [2]). По этимъ уважительнымъ качествамъ, — кто бы ни былъ Г. N.—я могу войти въ подробное разсмотрѣніе, какъ онъ защищаетъ того, кто присовѣтовалъ Шафарику писать Переясливъ, Василькивъ, Пивтава, Перекипъ, и какъ онъ опровергаетъ мое утвержденіе, что имена этихъ городовъ должно писать, какъ писали доселѣ—Переясловъ, Васильковъ, Полтава, Перекопъ.

Г. N. говоритъ, что такое произношеніе могъ я встрѣтить и подслушать только у горожанъ, а не у деревенскаго простонародья. Это несправедливо само по себѣ, а въ отношеніи ко мнѣ даже превратно; ибо случилось-же такъ, что въ простонародьи упомянутые города слышалъ я не иначе, какъ съ звукомъ *о*, а Переясливъ, Пивтаву впервыя встрѣтилъ на Шафариковой Картѣ и у Г. N., слѣдовательно у людей грамотныхъ, у горожанъ. Поводомъ къ такому превратъ-

---

[1]) Первыми средствами къ тому мнѣ были Славянская Грамматика Добровскаго, Сербскія пѣсни и словарь Караджича, также личныя бесѣды съ Каченовскимъ, Ходаковскимъ, Мицкевичемъ и Венелинымъ.

[2]) Особенности, коими Карпаторусское и вообще Червонорусское нарѣчіе отличается отъ Малороссійскаго, подробно изложены издателемъ Запорожской старины *Срезневскимъ*, въ его донесеніяхъ Министру Народнаго Просвѣщенія (см. Ж. М. Н. Пр. 1843 N 2).

ному толку, Г. N. послужило то, что я вторыя 15 лѣтъ жизни моей провелъ въ Москвѣ, а потомъ около 7 лѣтъ пробылъ въ Кіевѣ. Но пребываніе въ этихъ городахъ не только не лишало меня возможности бывать на родинѣ моей, среди поселянъ; но доставило мнѣ способъ и случай посѣтить всѣ Русскія Губерніи, въ которыхъ живетъ народъ и звучитъ языкъ Южно-Русскій. Теперь я третій годъ уже почти постоянно живу среди поселянъ, на лѣвомъ берегу Днѣпра, противъ устья рѣки Роси, въ 45 верстахъ отъ Переяслова. Я имѣю теперь не только досугъ и охоту, но долженъ по необходимости слушать говоръ народный. Зачѣмъ же Г. N., недосказанными намеками о подробностяхъ моей жизни, наводитъ сомнѣніе на мое знаніе роднаго языка, если самъ же называетъ меня «пламеннымъ любителемъ роднаго, щирымъ Малороссіяниномъ». Когда зашелъ вопросъ, какъ у Малороссіянъ называются ихъ города и деревни, то я конечно имѣю здѣсь всѣ средства для вѣрнаго и точнаго рѣшенія. Правду сказать, и дѣло это не мудреное. Самъ Г. N. говоритъ, что «для этого отнюдь не надо мудрствовать; требуется только воспріимчивость и вѣрное, музыкальное такъ сказать ухо. Не заставляйте звучать названія такъ, какъ бы вамъ хотѣлось, но такъ, какъ оно звучитъ по своей природѣ и иначе не съумѣетъ звучать». Такъ говоритъ Г. N., и что же? Г. N. мудрствуетъ; заставляетъ имена Южно-Русскихъ мѣстъ звучать такъ, какъ ему хочется, а потомъ доказываетъ, что они по своей природѣ не съумѣютъ звучать иначе, и составляетъ для того особенныя правила.

1. Переяловъ.

Сосредоточивъ всю силу своего возраженія на именахъ съ окончаніемъ овъ, Г. N. такъ началъ: (стр. 251) «названія городовъ и рѣкъ на овъ суть, какъ извѣстно, по происхожденію своему прилагательныя притяжательныя. Прилагательныя притяжательныя на овъ измѣняютъ всегда въ этомъ окончаніи *о* въ *и*, что допускается подразумѣвательно и самымъ М. А. «(т. е. мною).—Я допускаю

всячески это второе положеніе, тѣмъ болѣе, что и окончаніе родительнаго падежа множественнаго числа овъ произносится обыкновенно ивъ (въ польскомъ увъ)». Эти слова изъ моей книги [1]) привожу здѣсь нарочно, какъ для показанія, что мнѣ не вновость сравнивать Южно-Русское произношеніе съ Польскимъ и другими Сѣверо-Западными относительно звука *о*, такъ и потому, что въ приведенномъ мною случаѣ Южно-Русское окончаніе *овъ* дѣйствительно соотвѣтствуетъ Польскому *ów*, (Чешскимъ *ûw*, *ov*). Но у Г. N. идетъ рѣчь объ окончаніи *овъ*—въ именахъ прилагательныхъ притяжательныхъ. Это окончаніе составляетъ у него первую и главную опору всего возраженія. Для большаго подкрѣпленія этой опоры, онъ дѣлаетъ сравненіе Южно-Русскаго произношенія съ Польскимъ и другими Славянскими, и выше замѣченное соотвѣтствіе между ними обращаетъ въ такое правило: «измѣненіе *о* въ *и*—вполнѣ, во всемъ соотвѣтствуетъ тутъ измѣненію *о* въ *у* въ нарѣчіяхъ Польскомъ, Чешскомъ и т. д.» По такому правилу соотвѣтствія, если Малороссіяне, вмѣсто того, чтобы говорить: дворъ Семеновъ, Ивановъ, Гетмановъ—говорятъ двиръ Сименивъ, Иванивъ, Гетьманивъ; то и Поляки должны бы говорить: двуръ Шимонувъ, Янувъ, Гетманувъ. Но Поляки отказались отъ прилагательныхъ съ такимъ окончаніемъ, и замѣняютъ ихъ—или существительными въ родительномъ падежѣ (двуръ Шимона, Яна, Гетмана), или же прилагательными другихъ окончаній. Какое же тутъ соотвѣтствіе во всемъ и вполнѣ, если нѣтъ и того, въ чемъ бы могло быть соотвѣтствіе! Потому и приводимое Г. N. сравненіе Южно-Русскаго произношенія съ Западно-Славянскими хотя и

---

[1]) См. Исторія Древней Руской Словес. Исключенія очень рѣдки, напр. дрова—*дровъ;* за то не рѣдко, вмѣсто *бабъ*, услышите *бабовъ*. Это уклоненіе примѣчательно тѣмъ, что во Лужицкомъ языкѣ оно существуетъ какъ правило для именъ женскаго рода—*жоновъ*, *душовъ*.—Какъ въ окончаніи *овъ* передъ звукомъ *в*, такъ и передъ большою частію согласныхъ въ родит. множ. *о* измѣняется въ *и*,—именно: нôгъ, борôдъ, кôзъ, пôлъ, кôпъ, гôръ, кóсъ, ворôтъ, блôхъ. Предъ остальными согласными, кажется всѣми, звукъ *о* удерживается безъ измѣненія, напр. хоробъ, огорожъ, жонокъ, воконъ, поторочъ, колошъ.

хорошо само по себѣ, но не идетъ прямо къ дѣлу; оно показываетъ только, что Г. N. можетъ обращать въ правило то, что не можетъ быть правиломъ. Это увидимъ еще не разъ, а теперь обратимся къ Переяслову.—Г. N. не объясняетъ, почему это имя должно произносить—Переясливъ? Отъ чего это? Не отъ того ли, что имя Переслова противорѣчитъ его опредѣленію городовыхъ названій: ибо хотя кончится на *овъ*, но по своему происхожденію не есть прилагательное притяжательное....

Такое умолчаніе привело мнѣ на память, какъ нѣкогда Профессоръ Черепановъ, толкуя намъ Несторову Лѣтопись и не могши изъяснить, что за народъ такой Корлязи, всегда, какъ будто невзначай, пропускалъ это имя [1].—

Происхожденіе имени Переяслова объяснено еще у Нестора: «Переяславу», потому правильнѣе было бы Переяславъ, какъ писали не рѣдко и Рускіе и Поляки. Но въ Малороссіи и грамотные и безграмотные говорятъ Переясловъ. На сихъ дняхъ, еще бывши въ этомъ городѣ и его окрестностяхъ, я повѣрялъ это нарочно, и по прежнему—не встрѣтилъ ни поселянина, ни поселянки, которые произносили бы Переясливъ. Такое произношеніе здѣсь относятъ къ Литвинамъ [2], которые, стараясь выражаться какъ можно чище по Украински, «не скажутъ попросту, да все навыворотъ». Поставляю на видъ Г. N. это выраженіе и понятіе здѣшняго простонародія, по которому произношеніе городовыхъ именъ на *о* называется попросту; а выговоръ на *и* относится къ Литвинамъ и не считается здѣшнимъ кореннымъ [3]. Хотя по Украинскому и осо-

[1]) Это было въ 1820 году. Издатель Москвитянина вѣрно припомнитъ комическую сцену, какъ одинъ нашъ товарищъ (Можневскій), подмѣтивъ такой пропускъ, спросилъ велегласно: а Корлязи?.... «Ну, Корлязи такъ и будутъ Корлязи»,—проговорилъ торопливо Профессоръ, какъ будто бы *въ скобкахъ*, и прежнимъ тономъ продолжалъ свое чтеніе.

[2]) Литвинами называются здѣсь не только Бѣлоруссы, но и Сѣверяне.

[3]) Я привожу здѣсь «говоръ народный—единственный источникъ, изъ котораго слѣдуетъ черпать свѣдѣнія свои для этой цѣли». Удовлетворяя сему требованію Г. N., я заимствую свѣдѣнія изъ того простонародья, въ которомъ Заднѣпровье и теперь зовется еще *Польщею*, въ которомъ встрѣтите старика, разсказывающаго, какъ онъ бывалъ *всюды—и въ Канѣвщинѣ* и въ *Смѣлянщинѣ* и на *Хмѣлянской границѣ*.

бенно женскому произношенію говорится сливце, сливъ вм. словце, словъ; однако странно было бы услышать Богосливъ, Часливецъ: точно также и Переясливъ, Переясливецъ.

2. О названіи Василькова.

Вслѣдъ за вышеприведенными словами, Г. N. продолжаетъ: «можетъ ли же слово одного и того же разряда въ смыслѣ прилагательнаго притяжательнаго, не городоваго и не рѣчнаго измѣнять *о* въ *и* всегда; а въ смыслѣ прилагательнаго притяжательнаго городоваго и рѣчнаго не измѣнять? По своему происхожденію и значенію—не можетъ». По умозрѣнію Г. N. конечно не можетъ; тѣмъ болѣе, что онъ намѣремъ заставить городовыя имена звучать такъ, какъ ему хочется. Онъ продолжаетъ: «производныя отъ этихъ прилагательныхъ притяжательныхъ, для означенія какого-либо мѣста и т. п. всегда измѣняютъ *о* въ *и*».

Для оправданія такого правила, онъ приводитъ: 1) имена мѣстъ (женскаго рода) съ окончаніемъ овка, 2) имена отечественныя (женскаго же рода) съ окончаніемъ овна, какъ въ прилагатсльномъ значеніи, напр. Ганна Семéнивна, Ивáнивна, такъ и въ значеніи существительнаго имени, напр. Семенúвна, Иванúвна. Такимъ образомъ Г. N. къ разряду производныхъ причисляетъ не одни имена мѣстныя, но и тому подобныя, разумѣя личныя имена, коими подкрѣпляетъ онъ произношеніе городовыхъ. Однако приведенные имъ примѣры не даютъ еще права сказать: «всегда измѣняютъ *о* въ *и;* не можетъ не измѣнять *о* въ *и*»! Если принимать въ соображеніе имена прилагательныя притяжательныя въ разныхъ родахъ и производныя отъ нихъ личныя имена, въ прилагательномъ и существительномъ значеніи и съ разными окончаніями, тогда открывается, что производныя не всегда измѣняютъ *о* въ *и*, что прилагательное съ перемѣною значенія можетъ не измѣнять *о* въ *и*.

Справедливо замѣчаетъ Г. N., что вмѣсто Анна Ивановна, говорятъ Ганна Ивáнивна, и просто Иванúвна:

здѣсь и Польскій языкъ вполнѣ соотвѣтствуетъ своимъ окончаніемъ у в н а. Но тѣже отечественныя имена въ мужескомъ родѣ уклоняются отъ сего правила: Иванъ Ива́новичъ, а не Иванивичъ. Точно такъ дочь Попа называется Попѣ́вною, но сынъ Попа всегда Поповичъ, а не Попивичъ. Прилагательныя притяжательныя на овъ принимаютъ это наоборотъ: сынъ Поповъ, Ивановъ, произносится Попивъ, Иванивъ; но въ женскомъ родѣ—Попова, Иванова, а не Попива, Иванива: также и въ среднемъ—Попове, Иванове.

По примѣру отечественныхъ именъ на овичъ, и фамильныя имена сего окончанія произносятся съ звукомъ *о*, въ мужскомъ и въ женскомъ родѣ.—Тоже и съ окончаніемъ овецъ: въ сосѣдствѣ моемъ живетъ козакъ Хведоръ Московецъ; его никто не называетъ Москивцемъ.

Прилагательная съ окончаніемъ овскій произносятся на ивськiй во всѣхъ трехъ родахъ, напр. Попивскій хрестъ, Глухивскій судья, Василькивскій жидъ; но тѣ же имена въ смыслѣ личныхъ фамильныхъ именъ—употребляются съ звукомъ *о;* Попо́вскій, Голухо́вскій, Василько́вскій, этимъ какъ будто нарочно полагается отличіе именъ фамильныхъ отъ однозвучныхъ съ ними прилагательныхъ. Въ нѣкоторыхъ однако фамиліяхъ сего окончанія допускается звукъ *и* вм. *о:* такъ сосѣдъ мой Алексѣй Максимовичъ Красо́вскій, со всѣмъ родомъ своихъ, у здѣшнихъ поселянъ называется Красивскимъ; но однофамилецъ его Евдокимъ Михайловичъ Красовскій со всѣмъ своимъ родомъ у тѣхъ же поселянъ зовется Красовскимъ, и по такому произношенію никто не смѣшаетъ его съ первымъ. Впрочемъ есть и прилагательныя имена сего окончанія, произносимыя только съ звукомъ *о*, напр. Московскій, Литовскій.

Изъ приведенныхъ примѣровъ уже видно, какъ непостоянно, какъ не по правиламъ Г. N. Южно-Русскій языкъ измѣняетъ *о* въ *и*. Что бы согласить удержаніе и измѣненіе того же кореннаго звука въ разныхъ видахъ того же слова, и различное произношеніе онаго въ разныхъ областныхъ видоизмѣненіяхъ того же Южно-Русскаго языка, я предло-

жилъ еще въ 1827 году, удерживать на письмѣ коренные звуки и только означать паеркомъ ихъ измѣняемость въ произношеніи,—подобно тому, какъ звукъ *о* обращаемый въ *у* Поляки пишутъ *ó*, а Чехи *u*. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы писать просто по украинскому выговору—мій, кинь, нисъ, крій, мижъ, за-мижъ, я пишу—мôй, кôнь, нêсъ, крâй, мêжъ, за-мýжъ. Объ этомъ, кромѣ предисловій къ двумъ изданіямъ моихъ Малороссійскихъ пѣсень (1827, 1834), я обстоятельно объяснилъ въ письмѣ къ Основьяненку о Малороссійскомъ правописаніи, напечатанномъ въ 1-й книгѣ моего Кіевлянина, 1841. Но Г. N. не нравится правописаніе мое, особенно этотъ паерокъ. Возвратимся однако къ названіямъ мѣстъ и т. п.—Справедливо сказалъ Г. N., что имена мѣстъ съ окончаніемъ овка произносятся на ивка; нельзя однако сказать, чтобы всегда. Здѣсь не можетъ уже служить мѣрою Польское произношеніе на увка.—Имена Турановка, Носовка, Богдановка (въ Черниговской Губерніи), я неиначе слышалъ, какъ Турановка, Носовка, Богдановка. Такимъ же образомъ и слова, означающія время: говорятъ здѣсь Петривка, и тѣже самые говорятъ Спасовка, Пилиповка. Тоже и въ личныхъ названіяхъ по городамъ и націямъ: Переясливка, Жидивка—и Литовка, Московка. Очевидно, что Южно-Русскій языкъ допускаетъ оба окончанія: въ нѣкоторыхъ словахъ они употребляются безъ разбора—«якъ хто скаже», но въ нѣкоторыхъ словахъ ни какъ нельзя кореннаго окончанія овка измѣнить въ ивка. Если бы кто нибудь вмѣсто голóвка, зáсовка, кóновка, салотóвка, сказалъ—голивка, засивка, конивка, салотивка, тому и въ простонародьи сказали бы, что онъ пересолилъ.... А по правилу Г. N. касательно соотвѣтствія—должно бы говорить—голивка, засивка—потому, что по Польски говорится—глувка, засувка!—

Имена прилагательныя притяжательныя на *ов* всего постояннѣе произносятся на *ив*: Иванивъ сынъ, Петривъ, городъ, Глухивъ полкъ (въ 17 в. былъ Полковникъ Іосифъ Глухъ). Но возьмите эти прилагательныя въ значеніи суще-

ствительныхъ личныхъ именъ, какъ фамиліи, и вы уже не скажете: Генералъ Глухивъ, Иванивъ, Петривъ, а просто: Глуховъ, Ивановъ, Петровъ. Я никакъ не утверждаю, что бы въ разныхъ мѣстахъ Южной Руси не было поселянъ, которые (подобно Шафарикову совѣтнику и его защитнику) говорятъ: Василькивъ, Хоркивъ, даже Переяславъ, Глухивъ, Чернигивъ. Дѣло въ томъ, что такой выговоръ нельзя считать всегдашнимъ и повсюднымъ, нельзя обращать его въ непременное, общее правило. Малороссійское произношеніе такъ какъ часто уклоняется отъ правила, предположеннаго Г. N., что оно по множеству исключеній—само должно обратиться въ исключеніе.—Здѣсь (въ окружности бывшаго Переяславскаго полка) мнѣ удавалось слышать Домантивъ, Драбивъ, Рогозивъ; но гораздо чаще говорятъ просто—Домантовъ, Драбовъ, Рогозовъ; но тѣ же поселяне, отъ которыхъ слышалъ я Рогозивъ, произносили явственно: Переяславъ, Трехтемировъ и Трахтемировъ, Війтовци и проч. Сто разъ слышалъ я отъ поселянъ Бубновъ, Пироговъ, Глемязовъ (пишется изстари Гелмязовъ), и ни разу еще не встрѣтилъ говорящихъ Бубнивъ, Пирогивъ, Глемязивъ.—Подъ Кіевымъ Баришпульци говорятъ: Воронькіувъ, Иванькіувъ! Это отголосокъ сѣверскаго произношенія, слышный и по сю сторону Десны на нѣкоторомъ пространствѣ Переяславскаго уѣзда. Но отъ Сѣверянъ (въ Черниговской Губерніи) имена Чернигова Глухова, Махова я не иначе слышалъ какъ Черниговъ (и Чернѣговъ), Глуховъ, Маковъ, хотя Сѣверяне обращаютъ *о* въ *у*, *уо уи*. Подобное произношеніе звука *о* принадлежитъ и Карпатскимъ Русинамъ; въ Сѣверо-Западной Волыни также обращаютъ *о* въ *у*. Зачѣмъ же звукъ *и* распространять на всѣ Южно-Русскія области, если хотите нарочно показать произношеніе туземцевъ! Настоящій Сѣверянинъ не принимаемъ этого звука; онъ скорѣе будетъ говорить просто конь, и на Украинское произношеніе сего слова кинь скажетъ насмѣшливо: на счо кидать! Зачѣмъ же это окончаніе *ивъ*, не вездѣ и не всегда употребляемое въ

именахъ городовъ и другихъ мѣстъ, обращать въ правило, когда въ томъ же народномъ говорѣ господствуетъ окончаніе *овъ*! Если уже непремѣнно надо составить правило для произношенія, то согласнѣе съ дѣломъ было бы опредѣлить такъ: имена прилагательныя притяжательныя, въ окончаніи коихъ *о* измѣняется въ *и*, получая значеніе существительныхъ именъ личныхъ, мѣстныхъ и т. п., должны быть произносимы безъ измѣненія *о* въ *и*, хотя въ произношеніи простонародномъ и встрѣчаются не рѣдкія отъ сего отступленія. Впрочемъ не выдавая этого за непреложное правило, я прибавлю слѣдующее замѣчаніе. Имена на *овъ*, въ городовомъ и не городовомъ значеніи, допускаютъ обращеніе *о* въ *и* только въ именительномъ и сходныхъ съ нимъ падежахъ; а въ измѣненіяхъ по другимъ падежахъ сохраняютъ коренное *о* (подобно тому какъ въ Велико-Русскомъ языкѣ имя Пётръ не произносится съ звукомъ *ё* въ падежахъ косвенныхъ). Писавши мое письмо къ Погодину не Малороссійскимъ, а Русскимъ языкомъ, я съ намѣреніемъ и по необходимости написалъ: «не слыхалъ Переяслива, называютъ Перекипомъ». Г. N. тотчасъ это вмѣнилъ мнѣ въ незнаніе языка. Но для соплеменниковъ нашихъ въ самомъ дѣлѣ можетъ быть неизвѣстно такое правило[1]) и они, полагаясь на Шафарикову Карту, имена Южно-Русскихъ мѣстъ будутъ произносить и писать съ звукомъ *и* во всѣхъ падежахъ. Каково будетъ тогда музыкальному, такъ сказать, уху Г. N.

[1]) Г. N. остановясь надъ *Перекипомъ*, возглашаетъ мнѣ: «хорошо же вы вслушивались въ произношеніе вашихъ земляковъ»! При такой строгости съ его стороны, можно бы требовать и отъ него совершенной точности, покрайней мѣрѣ въ томъ *правилѣ*, которымъ онъ поражаетъ меня за *Перекипъ*. Но Г. N. только *именительному* падежу предоставляетъ измѣненіе *о* въ *и*! *Ѣхавъ на Василькивъ, запхавъ у Иванивъ двиръ*: развѣ это именительный падежъ? А въ звательномъ развѣ не говорится *бѣсивъ сыне?* И неужели за это можно сказать Г-ну N: хорошо же вы умѣете различать падежи! Въ Разсужденіи Бодянскаго о Руси сказано, что р. Рось впадаетъ въ Днѣпръ *на супротивъ* Канева, между тѣмъ, какъ она впадаетъ въ 7 верстахъ ниже Канева, съ той же правой стороны. Неужели за это Г. N. скажетъ переводчику Шафарика: хорошо же вы знаете Географію Южной Руси! А между тѣмъ эта обмолвка о Роси повторена была и другими, при томъ въ критикѣ на Русскую Исторію.

3. О названіи Полтавы.

Не видно, на какомъ основаніи у Г. N. къ именамъ производнымъ отъ прилагательныхъ притяжательныхъ на *овъ*, пристроена Пивтава. Такое произношеніе Полтавы можетъ быть примѣнительно къ свойству Южно-Русскаго языка, обращать *о* въ *и*, а *л* въ *в*, напримѣръ въ частицѣ *пол*, вмѣсто полтара, полтретя, полкопы, говорится—пивтора, пивтретя, пивкопы, нельзя однако обратить этого въ непремѣнное правило: въ словѣ пóлка допускается измѣненіе только звука *о*—пи́лка. Сообразно сему вм. Полтавы можно сказать Пилтава, что будетъ соотвѣтственно съ Польскимъ Pułtawa. Но Южно-Русскій языкъ въ подобныхъ случаяхъ всегда чаще измѣняетъ только *л* въ *в*, удерживая *о*. Вмѣсто полсть, полный, полкъ, волкъ; не говорится пивсть, пивный, пивкъ, вивкъ, но повсть, повный, повкъ (и просто полкъ), вовкъ. Сообразно сему всего скорѣе вмѣсто Полтава можно бы принять Повтава, какъ и слышалъ я въ Екатеринославской Губерніи.

Не смотря на эти три формы произношенія, нѣкоторыя слова Южно-Русскій языкъ оставляетъ безъ всякаго измѣненія, напр. слова полтина (вмѣсто копа) не произносится ни пивтина, ни пилтина, ни повтина, а просто полтина. Точно такъ и Полтава у настоящихъ туземцевъ своихъ произносится безъ всякаго измѣненія; здѣсь и въ простонародьи говорятъ просто: Полтава, Полтавскій, Полтавци. Потому то Кн. Цертелевъ и Срезневскій, издавая пѣсни, собранныя ими изъ устъ народа, писали Полтава, а не Пивтава; потому и Котляревскій свою Наталку Полтавку не назвалъ Пивтавкою.

Забавно видѣть, когда странствующіе актеры, разыгривая эту Полтавку и другія Малороссійскія пьесы, все гнутъ и ломаютъ на *и*, по незнанію языка (въ этомъ не безгрѣшенъ и Кн. Шаховскій). Но совсѣмъ не забавно видѣть такую ломку языка на Картѣ Шафариковой, когда совѣтуютъ ее нарочно, въ слѣдствіе какого нибудь односторонняго систематизма; когда защищаютъ ее во имя языкоизслѣдованія

и Славяно-вѣдѣнія. Какъ же не назвать этого излишнимъ, искусственнымъ Малороссіянизмомъ!—Не рѣдко здѣсь можно услышать, какъ Русскіе богомольцы и плотники, вмѣсто Кіевъ, Богодуховка, Полтава—говорятъ Кеефъ, Благодуховка, Платава; но ужели такія имена назовете настоящими Великорусскими? Говорятъ и здѣсь иногда Пивтава, Пивтавцы, но въ смыслѣ насмѣшливомъ надъ тѣми, кои до крайности доводятъ свой народный выговоръ, кои нарочно говорятъ не по-Малороссійски, а по-мугирски.

4. О названіи Перекопа.

Г. N. не позволилъ мнѣ назвать Перекопа—Перекипомъ; однако согласился со мною, что на Славянской Картѣ напрасно поставлено Перекипъ. Этого и довольно бы; но Г. N. предпринялъ оправдать Шафарикова совѣтника вполнѣ и во всемъ, и увѣряетъ, что Перекипъ ошибка самаго Шафарика, а не его совѣтника. Отъ чегожь знаетъ онъ это, если ни лично, ни по наслышкѣ не знаетъ Шафарикова совѣтника? Г. N. такъ утвердительно объ этомъ говоритъ потому, что Конотопъ и другія имена на опъ оставлены на Картѣ безъ измѣненія въ ипъ. И такъ опять новое правило! Но за что же только одному окончанію опъ даетъ Г. N. такую привилегію на измѣняемость? Ужь не потому ли, что въ Польскомъ языкѣ это окончаніе не обращается во упъ? Но Южно-Русское произношеніе съ Польскимъ и тутъ во всемъ соотвѣтствуетъ столько же, какъ и въ притяжательныхъ именахъ на овъ и въ словахъ на овка. Слова попъ, снопъ, окопъ, подкопъ, Перекопъ и въ Польскомъ языкѣ употребляются съ звукомъ *о*. Не смотря на то Малороссійское произношеніе въ этихъ словахъ измѣняетъ *о* въ *и*: пипъ, снипъ, окипъ, пидкипъ, перекипъ.

Послѣднее слово, по извѣстной мѣстной причинѣ, обратилось въ имя городовое. Если же это слово въ негородовомъ значеніи измѣняетъ *о* въ *и*, то и въ значеніи городовомъ можетъ, а по правиламъ Г. N.—должно измѣ-

нить *о* въ *и*, и если Шафарикъ допустилъ ставить на свою Карту Переясливъ и Пивтаву, то онъ долженъ былъ поставить не Перекопъ, а Перекипъ. Иное дѣло Конотопъ: сказать Конотипъ такъ же не ловко, какъ и потипъ вм. потопъ. Имя коропа не измѣняется въ корипъ, такъ же какъ и рыба коропъ (карпъ) не называется корипомъ. Г. N. говоритъ, что Шафарикъ, зная правило (какое?), по которому *о* измѣняется въ *и*, могъ однажды ошибиться, и прощаетъ этотъ разъ «первому славяновѣдцу нашего времени», ободряя при томъ пословицею: «живетъ и на всѣхъ проговоръ»!—Я думаю иначе: если Шафарикъ эту перемѣну въ имени Перекопа сдѣлалъ самъ собою, оставивъ Конотопъ и пр. безъ измѣненія; то это обличаетъ въ немъ не случайную ошибку, а напротивъ—весьма тонкую чуткость и воспріимчивость къ звукамъ Славянскихъ языковъ. Этого именно и недостаетъ музыкальному уху Г-на N!—Впрочемъ Малороссійскій выговоръ, и въ окончаніи опъ также своеволенъ, какъ и въ окончаніи овъ, и опредѣляется не какимъ-либо соотвѣтствіемъ или другими правилами, а силою употребленія. Имя Прокопъ произносится Прокипъ; вм. попъ говорятъ пипъ; но вмѣсто Протопопъ нельзя уже сказать Протопипъ. Слово бобъ, хотя по Пополски и не обращатся въ бубъ, по Малороссійски можетъ быть произнесено бибъ; но если бы кто вмѣсто лобъ, хлопъ, сказалъ либъ, хлипъ, тому и въ простонародьи сказали бы, что онъ пересолилъ.

Остроумно замѣтилъ Г. N., что звукъ *о* Южно-Русскимъ языкомъ измѣняется въ *и*, а въ Польскомъ въ *у*; и казалось бы, что слово яблоко по Южно-Русски должно произносится яблоко; однако Малороссіяне говорятъ яблуко, и если бы Карпатскій Русинъ сталъ имъ говорить посвоему яблико; имъ могло бы показаться, что онъ передразниваетъ ихъ. Подобный смыслъ могутъ имѣть Пивтава, Переясливъ и вся эта поголовная перемѣна *о* въ *и*.

Вотъ подробный отчетъ о четырехъ городовыхъ именахъ, упомянутыхъ въ краткомъ замѣчаніи моемъ о Шафариковой Картѣ. Изъ сего отчета кажется можно усмотрѣть: 1) что

въ Южно-Русскомъ языкѣ, согласно съ его духомъ, весьма многія слова, произносимыя обывновенно съ обращеніемъ звука *о* въ *и*, могутъ быть произносимы, и въ самомъ народѣ произносятся иногда съ звукомъ *о*; между тѣмъ никакъ нельзя придавать звукъ *и* такимъ словамъ, которыя съ этимъ звукомъ или совсѣмъ неупотребительны, или же употребляются только кое-гдѣ и не постоянно; 2) что названіе городовъ и другихъ мѣстъ съ звукомъ *о* должны быть предпочитаемы даже тѣми, кои желая нарочно показать, какъ называются Южно-Русскія мѣстности у туземцевъ, хотятъ въ томъ слѣдовать большинству употребленія. Эти названія должны быть предпочтены и потому, что господствуютъ въ самомъ простонародьи, и потому, что они согласны съ свойствами языка Южно-Русскаго.—Отсюда само собою слѣдуетъ, какъ несправедливо Г. N. такое произношеніе приписываетъ однимъ грамотнымъ Малороссіянамъ,—какъ напрасно онъ всю мнимую вину такого произношенія обращаетъ на Малороссіянъ-горожанъ, Впрочемъ Г. N., говоря объ нихъ съ такимъ шумомъ, имѣетъ въ виду кажется только современниковъ своихъ,—мѣтитъ особенно только на правописаніе наше. Потому вся его выходка противъ письменниковъ столько же относится къ дѣлу, какъ и вышесказанное соотвѣтствіе. Что же касается до Южно-Русской письменности вообще, то она своими памятниками всѣхъ вѣковъ свидѣтельствуетъ, что названія городовъ и другихъ мѣстъ съ звукомъ *о* было господствующимъ всегда и во всей Южной Руси. Въ самыхъ близкихъ къ простонародью бумагахъ, каковы напримѣръ духовныя и купчія записи, никогда почти не имѣютъ мѣста имена—не только городовъ и селъ, но хуторовъ и урочищъ—съ окончаніемъ *ивъ* вм. *овъ*. По моему, это составляетъ другое важное основаніе для того, что бы имена съ звукомъ *о* считать настоящими коренными Южно-Русскими, и думать, что ихъ вѣковое употребленіе на письмѣ должно навсегда оставаться неизмѣннымъ и единственнымъ для письменныхъ памятниковъ всякаго рода, тѣмъ. болѣе для этнографической Карты Славянской. За что на ней Южная Русь является въ первый разъ съ

такимъ черезъ-чуръ простонароднымъ голосомъ, въ такомъ до крайности провинціальномъ видѣ? Хорошъ Запорожецъ, въ дорогихъ кармазинныхъ шараварахъ, окунувшійся въ деготь; но только на ярмаркѣ, только въ повѣсти. Такъ и Пивтава Переясливъ, Перикипъ—эти названія пригодны для театральной сцены, для народной оперы или повѣсти, но не для Славянской Карты, составленной Шафарикомъ. Я съ полнымъ убѣжденіемъ готовъ—еще просить его, чтобы онъ отмѣнилъ это нововведеніе въ названіяхъ Южно-Русскихъ мѣстностей, чтобы онъ писалъ ихъ со звукомъ *о*, какъ всегда писали и пишутъ во всей Южной-Руси.

Хорошо бы сдѣлалъ и Г. N., если бы отказался навсегда—отъ предложенныхъ имъ правилъ, составленныхъ наскоро и къ случаю. Они могли быть пригодны для защиты Шафарикова совѣтника; но совсѣмъ не годятся для грамматики Южно-Русскаго языка, хотя бы она была и Сравнительная со всѣми языками Славянскими.

1843 года 10-го Іюля.

М. Г.

ОТДѢЛЪ VI.

ИСТОРІЯ СЛОВЕСНОСТИ.

ИСТОРІЯ ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ[1]).

КНИГА ПЕРВАЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Представляю вниманію и суду благомыслящихъ Читателей Исторію Древней Русской Словесности, изложенную нѣсколько полнѣе и подробнѣе, чѣмъ въ прежнихъ Руководствахъ. Она раздѣлена на 2 книги: первая состоитъ изъ предварительныхъ замѣчаній и общихъ изслѣдованій, относящихся къ Древнему періоду нашей Словесности, особенно къ языку Русскому; вторая содержитъ въ себѣ частныя изслѣдованія о нашей Древней Словесности, по разнымъ ея родамъ.

Сіе сочиненіе составляетъ первую часть приготовляемой мною къ изданію всей Исторіи Русской Словесности. Въ непродолжительномъ времени я предполагаю окончить вторую часть, въ которой будетъ изложена—въ такомъ же видѣ—наша Словесность Средняго періода т. е. отъ возрожденія Руси изъ-подъ ига Татарскаго до ея преобразованія Петромъ Великимъ. Исторія Русской Словесности отъ начала восемнадцатаго вѣка до нынѣшняго времени составитъ третью и послѣднюю часть всего сочиненія.

Предпринимая сей трудъ, я желалъ принести пользу изучающимъ Русскую Словесность, особенно въ здѣшнемъ краѣ; сверхъ того я надѣюсь, что и для самой Исторіи

---

[1]) Кіевъ въ 1830, 8-о, 226 с.

Отечественной Словесности не будетъ безполезнымъ мое сочиненіе, при всѣхъ своихъ недостаткахъ,—частію произшедшихъ отъ меня самаго, частію зависящихъ отъ общаго у насъ недостатка въ ученой разработкѣ и даже въ обнародованіи матеріаловъ, необходимыхъ для полной Исторіи нашей Словесности, особливо Древней и Средневѣковой.

Для достиженія предположенной цѣли, я не оставлю безъ вниманія ничего, что только можетъ послужить къ усовершенію моего труда. Возможность и средства къ тому представляютъ умножающіяся нынѣ изслѣдованія неисчерпаемобогатой Русской старины, и приведеніе въ общую извѣстность многочисленныхъ памятниковъ старинной Русской Словесности, къ изученію коей возбудилось въ наше время особенное и справедливое стремленіе.

Кіевъ,
1839 г., 1 Мая.

ВВЕДЕНІЕ.

I. О СЛОВЕСНОСТИ И ЕЯ ИСТОРІИ ВООБЩЕ.

Именемъ Словесности означается совокупность памятниковъ, въ которыхъ выразилась душа и жизнь народа[1]) посредствомъ языка, изустно либо письменно; подъ именемъ же языка разумѣется живая, органическая совокупность словъ, коими выражаетъ себя народъ.

Безсмертная и разумная душа вмѣстѣ съ божественнымъ даромъ слова составляетъ высокое отличіе человѣка отъ всѣхъ земнородныхъ существъ и принадлежитъ всѣмъ людямъ: потому каждый народъ говоритъ извѣстнымъ языкомъ, своимъ собственнымъ, либо перенятымъ отъ другихъ народовъ[2]), и каждому народу врождено имѣть свою Словесность. Но какъ раскрытіе души и жизни у разныхъ народовъ бываетъ неодинаковое и неравное, то и Словесность бываетъ съ разными особенностями и на разныхъ степеняхъ развитія: у однихъ она представляетъ только зачатки, только первоначальные изустные памятники, напримѣръ пословицы, пѣсни; у другихъ она достигаетъ богатой полноты развитія въ разные роды Краснорѣчія и Поэзіи,

---

[1]) Произведенія одного лица, называемыя обыкновенно *сочиненіями* какъ-бы значительны ни были, не составляютъ еще Словесности. *Словесность* принадлежитъ цѣлому народу; она образуется изъ совокупныхъ трудовъ многихъ лицъ, какъ цѣлое тѣло изъ своихъ членовъ, и на извѣстной степени народной жизни бываетъ можно сказать *безличная:* кто, напримѣръ, сложилъ то богатство нашихъ народныхъ пѣснопѣній?

[2]) Такъ Евреи, въ разговорѣ употребляютъ языкъ перенятый у Нѣмцевъ и другихъ; собственный же свой *языкъ Еврейскій* употребляютъ въ Богослуженіи.

напримѣръ у древнихъ Индійцевъ и Грековъ,—или же являетъ особенную степень высоты, напримѣръ у древнихъ Евреевъ.

По степени высоты и полнотѣ развитія Словесности, можно судить и вообще о степени просвѣщенія и развитіи внутренней жизни народа и о значительности его въ Исторіи человѣчества. Отсюда открывается важность изученія Словесности и необходимость изслѣдованія оной въ связи со всей Исторіей народа, тѣмъ болѣе, что и вся Исторія сохраняется преимущественно въ памятникахъ словесныхъ.—

Исторіею Словесности называется наука, имѣющая предметомъ своимъ изустные и письменные памятники Словесности какого-либо народа, языкъ его и письмена—въ ихъ постепенномъ развитіи и взаимной связи, и въ связи со всею жизнею того народа, особенно съ его просвѣщеніемъ.

Каждый народъ живетъ по-своему; потому и Словесность у каждаго замѣчательнаго народа болѣе или менѣе особенная, и можетъ быть предметомъ особаго изученія и изслѣдованія.—

Какъ жизнь каждаго человѣка измѣняется по возрастамъ, такъ и жизнь цѣлаго народа, хотя представляетъ непрерывный рядъ событій, но имѣетъ свои эпохи, по коимъ Исторія опредѣляетъ періоды народной жизни. Такимъ же образомъ и въ развитіи Словесности есть свои періоды, настающіе съ появленіемъ новыхъ животворныхъ началъ и стремленій въ умственной жизни народа. Но какъ новое начало жизни раскрывается въ особенныхъ выраженіяхъ не вдругъ, а постепенно; потому 1) и самые періоды имѣютъ еще свои частныя ступени развитія или отдѣлы; 2) въ началѣ каждаго новаго періода продолжается, и даже иногда господствуетъ, направленіе предъидущаго, кончающагося періода, и такимъ образомъ первый отдѣлъ каждаго періода бываетъ обыкновенно только предобразовательный, представляя въ себѣ начатки своего и довершеніе прежняго періода.

Исторія Словесности, разсматривая памятники ея въ ихъ взаимной связи и въ связи со всею жизнію народа, по возможности отличаетъ и опредѣляетъ не только періоды Сло-

весности; но и частные ихъ отдѣлы, стараясь притомъ отличить разныя направленія, сходящіяся нерѣдко въ одномъ и томъ же періодѣ или отдѣлѣ. Такимъ образомъ она не только опредѣляетъ памятники Словесности порознь и отличаетъ между ними важнѣйшіе; но разнообразіе ихъ приводитъ къ единству, а свои частныя изслѣдованія къ общимъ выводамъ, и представлялъ ихъ въ стройной цѣлости или системѣ. Изслѣдуя памятники Словесности, она обращаетъ вниманіе и на писателей, какъ потому, что сочиненія ихъ много поясняются изъ ихъ жизни, такъ и потому, что они своими сочиненіями и жизнію принимаютъ обыкновенно извѣстное участіе въ просвѣщеніи своего народа.

I. РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ И ЕЯ ПЕРІОДЫ.

Русская Словесность можетъ быть предметомъ особой Исторіи и заслуживаетъ внимательнаго изученія, особенно для насъ: какъ потому, что она наша отечественная и столь богатая памятниками, къ поясненію нашей Исторіи служащими, такъ и потому, что между памятниками ея столь много замѣчательныхъ своимъ внутреннимъ достоинствомъ и даже временемъ появленія, ибо нѣкоторыми явленіями своими она опередила развитіе Словесности у другихъ народовъ новаго міра. Изслѣдованіе памятниковъ ея весьма важно и для другихъ Словенскихъ народовъ, какъ по ея ближайшему отношенію къ ихъ Исторіи и Словесности; такъ и потому, что ни одинъ Западно-Словенскій народъ не обладаетъ такимъ богатствомъ памятниковъ своенароднаго и книжнаго Словенскаго языка, какъ народъ Русскій.—

Слѣдя постепенное развитіе Русской Словесности, мы различаемъ въ ея Исторіи четыре періода, изъ коихъ три уже совершились, а четвертый только начался.

Періодъ первый или древній, продолжавшійся четыре вѣка, отъ шестидесятыхъ годовъ IX до послѣдней четверти XIII.

Періодъ второй или средній, продолжавшійся четыре вѣка съ четвертью, отъ послѣдней четверти XIII по XVIII вѣкъ.

Періодъ третій или новый, продолжавшійся одинъ съ четвертью вѣкъ, а именно XVIII вѣкъ и первую четверъ XIX.

Періодъ четвертый—новѣйшій или современный, наставшій съ царствованія Николая Перваго.—

Началами сихъ періодовъ приняты слѣдующія явленія Русской жизни.

Древній періодъ начинается съ шестидесятыхъ годовъ IX вѣка потому, что въ эти достопамятные годы началась новая, Русская жизнь нашего Отечества, съ пришествіемъ Руссовъ въ Новгородъ (862) и водвореніемъ ихъ въ Кіевѣ (864),—началось Русское Христіанство, крещеніемъ Кіевскихъ Руссовъ въ Царѣгородѣ (866),—образовался книжный или церковный Словенскій языкъ и переведены на него главнѣйшія Богослужебныя Книги, послужившія первымъ и главнымъ основаніемъ всего Русскаго просвѣщенія, коего средоточіемъ и первымъ разсадникомъ былъ Кіевъ. Съ окончательнымъ паденіемъ древняго, Стольнаго Кіева (разрушеннаго Татарами 1240 г. и оставленнаго Митрополитомъ всея Руси Кирилломъ, переселившимся въ Сѣверо-восточную Русь) кончился и древній періодъ Русской жизни. Нашествіе Татарское, которымъ потрясено и омрачено было наше Отечество, было явленіемъ только отрицательнымъ или разушительнымъ для древняго періода: остановивъ прежнее развитіе Русской жизни, оно не дало ей собою ничего животворнаго для новаго развитія; потому оно и несоставляетъ собою эпохи для начатія другаго періода.

Животворнымъ началомъ втораго, средняго періода были: Соборъ во Владимірѣ Залѣскомъ 1274 г. и другія дѣянія великаго Митрополита Кирилла II, послужившія къ утвержденію и распространенію Православной Вѣры въ народной жизни, чѣмъ положено вѣрное начало обновленія умственной и общественной жизни нашего Отечества, возстановленія и утвержденія его самобытности, и новаго, полнѣйшаго раскрытія народности Русской.

Новый, третій періодъ полагается съ начатіемъ XVIII вѣка потому, что по утвержденіи Единодержавія Петра Великаго, особенно въ 1700-го года начались его нововведенія въ

Россіи и преобразованіе оной по образцу Ново-Европейскому.

Но съ начатіемъ царствованія Николая Перваго возродилось и возрастаетъ общее стремленіе къ самобытному и своеобразному раскрытію Русскаго духа во всѣхъ отрасляхъ жизни, по собственной мысли и въ своемъ видѣ; потому нынѣшнее царствованіе составляетъ собою начало особаго, четвертаго періода.

Означивъ такимъ образомъ предѣлы періодовъ, укажемъ на главныя событія въ продолженіе каждаго.

Въ древнемъ періодѣ произошло соединеніе нашихъ Восточныхъ Словенъ въ одно сильное Русское Государство и чрезъ принятіе Христіанства совершилось внутреннее преобразованіе Русскаго духа, съ распространеніемъ коего изъ Кіева по всей Руси положено начало ея внутренняго единства. При быстромъ развитіи и расширеніи новой жизни въ нашемъ Отечествѣ, древній ознаменованъ счастливыми начатками въ Россіи и Словесности и умственной дѣятельности вообще. Какъ Словесность, такъ и просвѣщеніе въ семъ періодѣ у насъ являлись подъ господствомъ церковно-Словенскихъ книгъ, церковно-Словенскаго языка и просвѣщенія Греко-восточнаго.

Въ среднемъ періодѣ Русь раздробленная на мелкіе, удѣльные участки, постепенно возстановляла свою самобытность и цѣлость: образовавшись сначала въ двѣ отдѣльныя, различно жившія половины—Восточную или Московскую и Западную или Литовскую; потомъ въ половинѣ XVII вѣка, она вновь соединилась своими главными частями въ общую цѣлость Русскаго Царства, подъ Державою Царя Московскаго[1]). Какъ Московская или Великая Россія, такъ и Кіевская—Малая Россія или Украина, возстановили свою самобытность необоримымъ стремленіемъ къ охраненію и распространенію своего Православія, составляющаго для той и другой основаніе ихъ Русской народности. Сильнымъ раскрытіемъ народности своей и чрез-

[1]) Въ вѣкъ Екатерины Великой довершилось сіе возсоединеніе кромѣ Червоной или Галицкой Руси, которая (со времени ея присоединенія къ Польшѣ 1340) остается понынѣ въ кругу Западной Европы.

вычайно богатымъ проявленіемъ въ народной Поэзіи (Великорусской и Южнорусской) ознаменованъ средній періодъ. Кромѣ того, особенно сей періодъ означенъ сильнымъ вліяніемъ Духовенства на умственную и общественную жизнь Великой Руси, развивавшей болѣе или менѣе самобытно усвоенное въ древнемъ періодѣ Греко-восточное просвѣщеніе и отстранявшей отъ себя вліянія чужеземныя. Но въ Южной и еще болѣе въ Сѣверо-западной Руси при вліяніи на нихъ Польши—и умственная жизнь развивалась подъ вліяніемъ просвѣщенія Латино-западнаго, которое перешло потомъ и въ Великую Россію изъ Украины и Бѣлоруссіи, по ихъ соединеніи съ нею,—и здѣсь соединилось въ одно сложное вліяніе, выраженное названіемъ Московской Академіи—Славяно-Греко-Латинскою.

Петръ Великій своимъ Самодержавіемъ утвердилъ полное единство Россіи и преобразовалъ ее въ великую Имперію. Данное имъ направленіе къ гражданско-Русскому просвѣщенію подъ вліяніемъ Ново-Европейскаго раскрылось полнѣе при Екатеринѣ Великой и довершилось при Александрѣ Благословенномъ. Такимъ образомъ и въ просвѣщеніи вообще и въ Словесности нашей, сей новый періодъ ознаменованъ стремленіемъ къ Европейству, усвоеніемъ его и сліяніемъ съ своенародными стихіями жизни, которыя не переставали и въ семъ періодѣ ярко являться, не смотря на господство Западно-Европейскаго просвѣщенія.

Въ нынѣшнее царствованіе, при возрожденіи общаго стремленія къ самобытному, своеобразному и полному раскрытію Русскаго духа, означилось просвѣщенное обращеніе къ своенародности и положительности. Раскрытіемъ и силою народности своей Русскіе были весьма богаты и прежде, а стихія исторической положительности была всегдашнимъ, природнымъ свойствомъ народности Русской—въ самой Поэзіи; но это до нашего времени не было еще сознано, ибо не было еще озарено достаточнымъ просвѣщеніемъ.—

Отовсюда, гдѣ ярче сіяло просвѣщеніе, Россія заимствовала его для просвѣтлѣнія имъ своей народности. Въ древнее время приняла она просвѣщеніе Грековосточное отъ Царя-

города, и дополняла оное заимствованіями отъ Словенъ Болгарскихъ, у которыхъ нѣсколько ранѣе распространено было сіе просвѣщеніе. Въ среднія времена она, сберегая и распространяя доставшееся ей отъ Греціи сокровище Вѣры, ознакомилась съ Латино-западнымъ просвѣщеніемъ Ветхаго Рима. И между тѣмъ какъ двѣ розныя стихіи сіи немирно соединялись между собою въ Русскомъ умѣ, онъ—въ лицѣ Петра Великаго—отъ полуденной, старой Европы обратился на Европейскій Западъ: ибо уже тамъ просвѣщеніе свѣтилось новою жизнію, къ которой и стремилась Россія въ продолженіе новаго періода. Наконецъ въ наше просвѣщенное время она возвратилась опять къ своему Восточному Русскому міру. Такимъ образомъ Россія постепенно и своевременно обошла весь небосклонъ просвѣщеннаго Христіанскаго міра, и теперь вступила сознательно въ тотъ періодъ великой жизни своей, въ которомъ принадлежитъ ей раскрыть всю глубину и полноту своего духа и выразить вполнѣ свою Русскую народность.—И такъ по отношенію къ главнымъ вліяніямъ на Русское просвѣщеніе древній періодъ можно назвать Греко-восточнымъ или точнѣе Греко-Словенскимъ, средній Греко-Латино-Словенскимъ, новый—Ново-Европейскимъ, а современный періодъ составляетъ начало Самобытно-Русскаго.—

Что касается до частныхъ ступеней развитія или отдѣловъ каждаго періода, то ихъ можно принять въ первомъ три, во второмъ и третьемъ по четыре.

Въ древнемъ періодѣ.

1-й Отдѣлъ—до половины XI-го вѣка, до кончины Ярослава (1054 г.).

2-й Отдѣлъ—до второй четверти XII-го вѣка, до кончины Мономаха (1125 г.).

3-й Отдѣлъ—до конца древняго Стольнаго Кіева, съ переселеніемъ Русскаго Митрополита (Кирилла) въ Сѣверо-восточную Русь, во второй половинѣ XIII-го вѣка.

Все, что осталось отъ языческихъ временъ Восточно-Словенской жизни, составляетъ—если угодно—предваритель-

ный или вводный отдѣлъ ея древняго періода. Но какъ эти останки не могутъ еще отличены быть ясно и опредѣленно, въ своемъ первоначальномъ видѣ, притомъ же они продолжались и въ древнемъ періодѣ, потому я и не почелъ нужнымъ составлять изъ нихъ особаго отдѣла.

Въ среднемъ періодѣ.

1-й Отдѣлъ—до исхода XV-го вѣка или до начала Словенскаго книгопечатанія (1491 г.).

2-й Отдѣлъ—до исхода XVI-го вѣка или до установленія Патріаршаго Московскаго Престола въ Великой Руси (1589 г.) и появленія Уніи въ Западной Руси (1590 г.).

3-й Отдѣлъ—до половины XVII-го вѣка или до перваго возсоединенія Россіи въ общую цѣлость Русскаго Царства, присоединеніемъ Бѣлой и Малой Руси къ Великой (1654 г.).

4-й Отдѣлъ—до наступленія XVIII-го вѣка или до конца Патріаршества въ Россіи и начала преобразованія оной Петромъ Великимъ (до 1700-го года).

Въ новомъ періодѣ.

1-й Отдѣлъ—первое сороколѣтіе XVIII-го вѣка, или до восшествія на Престолъ Елисаветы (1740 г.) и появленія Ломоносова на поприщѣ Словесности.

2-й Отдѣлъ—до кончины Екатерины Великой (1796 года) или до начала Карамзинскаго вліянія на Русскую Словесность.

3-й Отдѣлъ—по 1812-й годъ или до первой половины царствованія Александра и начала вліянія Жуковскаго на Русскую Словесность.

4-й Отдѣлъ—по 1825-й годъ, до кончины Александра Благословеннаго и вступленія на Престолъ Николая Перваго; или до обращенія Россіи къ самобытному и своенародному развитію своей жизни, во всей полнотѣ ея. (Карамзинъ-Историкъ означаетъ въ семъ отдѣлѣ новѣйшее направленіе Рус-

ской Словесности, которое въ нашей Поэзіи начато многими произведеніями Пушкина).

III. О СОЧИНЕНІЯХЪ, ОТНОСЯЩИХСЯ КЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Свѣдѣнія, относящіяся къ Исторіи Русской Словесности, первоначально были излагаемы у насъ въ видѣ библіографическихъ и жизнеописательныхъ словарей; матеріалы для нея заготовлялись критическимъ изслѣдованіемъ памятниковъ словесныхъ и ихъ изданіемъ въ свѣтъ,—что началось у насъ преимущественно въ вѣкѣ Екатерины Великой; наконецъ, уже въ прошломъ десятилѣтіи (1822), началась систематическая обработка Исторіи Русской Словесности, какъ науки.

Пропуская здѣсь отдѣльныя изданія Лѣтописей и другихъ памятниковъ Словесности, равно какъ и частныя изслѣдованія объ нихъ и замѣчанія библіографическія,—коихъ главное богатство разсѣяно въ повременныхъ изданіяхъ,—замѣтимъ, что первое у насъ библіографическое сочиненіе [1]), названное Оглавленіемъ книгъ, кто ихъ сложилъ, составлено въ концѣ XVII вѣка при Московской Духовной Типографіи [2]).

Въ прошломъ столѣтіи монахъ Селлій составилъ на Латинскомъ языкѣ Лутературную Записку о Писателяхъ, сочиненіями своими объяснявшихъ Гражданскую и Церковную Россійскую Исторію (напечат. въ Ревелѣ 1736 г. Русскій переводъ ея изданъ 1815 г. М.).—Но для Исторіи Русской Словесности особенно замѣчательны два труда незабвеннаго Новикова: Опытъ Историческаго Словаря о Россійскихъ Писателяхъ,

---

[1]) Первыя извѣстія о произведеніяхъ Русской Словесности и нѣкоторыя изъ нихъ представлены ученому свѣту еще *Герберштейномъ*, который въ XVI вѣкѣ дважды посѣщалъ Россію и выдалъ объ ней извѣстное свое сочиненіе *Rerum Moscoviticarum*.

[2]) Сіе Оглавленіе составлено (какъ предполагаетъ Калайдовичъ) *Поликарповымъ*. Оно расположено по писателямъ, съ означеніемъ ихъ сочиненій и переводовъ, и съ выпискою первой строки изъ каждой книги. Рукопись онаго хранится въ Синодальной Библіотекѣ.

изданный имъ 1772 г. въ Спб., и Древняя Россійская Вивліоѳика—богатый сборникъ разныхъ памятниковъ старинной нашей Словесности, изданный въ 10-ти частяхъ, 1773—75 г. Спб., а потомъ вторымъ переработаннымъ и умноженнымъ изданіемъ, въ 20-ти частяхъ, 1788—91 г. въ Спб. [1])—Въ началѣ нынѣшняго столѣтія Карамзинъ началъ было издавать Пантеонъ Россійскихъ Авторовъ, Ч. I. М. 1801 г.; а потомъ въ Исторіи Россійскаго Государства представилъ много извѣстій и замѣчаній о памятникахъ нашей Словесности и отрывковъ изъ нихъ.—Но собираніемъ и изданіемъ свѣдѣній, къ Исторіи Русской Словесности относящихся, занимались особенно Митрополитъ Евгеній и Сопиковъ. Первый изъ нихъ трудился надъ Словаремъ Русскихъ Писателей, и напечаталъ Словарь Историческій о бывшихъ въ Россіи Писателяхъ духовнаго чина Грекороссійской Церкви (Спб. 1818 г., а потомъ вторымъ изданіемъ 1827 г. Спб. 2 ч.), заключающій въ себѣ множество свѣдѣній по сей части. Матеріалы свои для Словаря Русскихъ свѣтскихъ Писателей Митрополитъ Евгеній передалъ Снегиреву (1836 г.), который занимается дополнительною обработкою и изданіемъ оныхъ, и напечаталъ уже 1838 г. въ Москвѣ 1-й томъ сего Словаря (А—Г), заставляющій желать скорѣйшаго выхода слѣдующихъ томовъ.—Сопикову принадлежитъ честь составленія Опыта Россійской Библіографіи или полнаго Словаря сочиненій и переводовъ, напечатанныхъ на Словенскомъ и Россійскомъ языкахъ отъ начала заведенія Типографій до 1813 года. Сей Словарь. изданный въ 5-ти частяхъ 1813—21 въ Спб., важенъ по своей полнотѣ, многимъ выпискамъ изъ книгъ и библіографическимъ замѣчаніямъ.—Послѣ него, болѣе другихъ полное исчисленіе печатныхъ Русскихъ книгъ, особливо новыхъ (9934), представляетъ Роспись Россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки Александра Смир-

[1]) Отъ Академіи Наукъ издано было *Продолженіе Вивліоѳики* въ 11-ти частяхъ, Спб. 1786—1801.

дина, систематическимъ порядкомъ расположенная. Спб. 1828 г. Къ ней потомъ издано нѣсколько Прибавленій. — Должно замѣтить еще ученые Библіографическіе Листы, издававшіеся Кеппеномъ въ Спб. 1825 г.—

Но великое богатство древней и средней Словесности нашей заключается еще въ рукописяхъ, которыя изъ своего разсѣянія по небольшимъ монастырскимъ и церковнымъ архивамъ собираемы были въ большія библіотеки общественныя и частныя. Въ числѣ первыхъ особенно богаты: Московская Синодальная, Академическая, Архивская, Публичная С.-Петербургская. Изъ частныхъ библіотекъ болѣе другихъ славны: Графа Мусина-Пушкина (сгорѣвшая 1812 г.), Графа Толстова и Графа Румянцева, подъ именемъ Румянцевскаго Музея нынѣ существующая. Описанія общественныхъ библіотекъ или еще не составлены или не изданы въ свѣтъ. Къ ученымъ описаніямъ частныхъ библіотекъ принадлежатъ: Каталогъ Библіотеки Графа Толстаго, изданный Калайдовичемъ и Строевымъ, М. 1825 г. Въ видѣ продолженія сего каталога Строевъ издалъ каталогъ книгъ Московскаго купца Царскаго. М. 1836 г. Но съ наибольшими критическими подробностями составлено Востоковымъ описаніе Румянцевскаго Музея, которое вскорѣ будетъ издано.—

Что касается до изданія въ свѣтъ самихъ памятниковъ и ихъ критическаго изслѣдованія, то изъ писателей, на семъ поприщѣ подвизавшихся въ нынѣшнемъ столѣтіи, долженъ быть замѣченъ особенно К. Калайдовичъ. Онъ трудился надъ многими изданіями, изъ числа коихъ назовемъ здѣсь: 1) Русскія Достопамятности. Ч. I. М. 1816 г., изданная отъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ; 2) Памятники Россійской Словесности XII вѣка. М. 1821 г.: 3) Іоанъ Екзархъ Болгарскій. М. 1824 г. Калайдовичъ и П. Строевъ преимущественно трудились надъ изданіемъ Собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, коихъ (на иждивеніи Графа Румянцева) напечатано въ Москвѣ 4 части (1813—

27 г.). Сей же Строевъ, совершивъ отъ Академіи Наукъ археографическое путешествіе по монастырямъ Сѣверовосточной Россіи, собралъ много актовъ [1]). Это послужило началомъ Археографической Коммиссіи, при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія учрежденной 1834 года. Ея стараніями напечатаны уже Акты, собранные Археографическою Экспедиціею, 4 части, 1836 г. Спб., и заготовляются другія изданія, весьма важныя для нашей Исторіи и Словесности.—Изъ частныхъ трудовъ въ семъ родѣ укажемъ въ особенности на Сборникъ Муханова. М. 1836.— Вообще можно замѣтить, что изыскательность памятниковъ Отечественныхъ распространилась у насъ чрезвычайно и обѣщаетъ богатую жатву для будущаго Историка какъ цѣлой Русской жизни, такъ и Русской Словесности.—

Переходя къ обработкѣ Исторіи Русской Словесности въ систематическій видъ науки, замѣтимъ, что начало тому положено Н. Гречемъ [2]).

Его Опытъ краткой Исторіи Русской Литтературы, изданный въ Спб. 1822 г., замѣчательнѣе прочихъ, какъ первое въ своемъ родѣ и болѣе другихъ богатое свѣдѣніями руководство. Оно можетъ по преимуществу называться фактическимъ. Въ самомъ дѣленіи Русской Словесности на періоды Гречь взялъ чисто-историческое направленіе, и установилъ два періода, въ каждомъ по три отдѣленія [3]), каковому дѣленію послѣдовалъ и Шафа-

---

[1]) Въ Журналѣ Министерства Народн. Просв. 1834 г. онъ помѣстилъ *Хронологическое указаніе матеріаловъ Отечественной Исторіи, Литтературы Правовѣдѣнія до начала XVIII вѣка.*

[2]) Систематическое сочиненіе *Шторха* и *Аделунга* объемлетъ только первое пятилѣтіе нынѣшняго вѣка: *Систематическое обозрѣніе Литературы въ Россіи въ теченіе пятилѣтія* съ 1801 по 1806 годъ. Спб. 1810—11.

[3]) Вотъ Гречево дѣленіе Исторіи Русской Словесности.

Періодъ первый: отъ изобрѣтенія письменъ Славянскихъ до введенія Гражданской печати, или отъ основанія Государства Россійскаго до Единодержавія Петра Великаго. *Отдѣленіе 1-е.*—до введенія въ Россію Христіанской вѣры, т. е. до 989 г. *Отд. 2-е*—до сверженія Татарскаго ига, т. е. до 1463 г.. *Отд. 3-е* –до Единодержанія Петра Великаго, т. е. до 1589 года.—

рикъ, обозрѣвая Русскую Словесность съ своей Geschichte der Slavischen Sprache und Literatur. Ofen, 1826. Къ 4-й части своей Учебной Книги Русской Словесности, 1830 г., Гречь приложилъ вновь Краткую Исторію Русской Словесности, доведенную ближе къ нашему времени, но слишкомъ сокращенную.—

Послѣ Гречевыхъ опытовъ, въ нынѣшнемъ дѣсятилѣтіи явились, также въ С.-Петербургѣ, другіе опыты—Тимаева (1832), Плаксина (1833), Глаголева (1834), Георгіевскаго (1836).

Тимаевъ представилъ только бѣглое обозрѣніе Русской Словесности, въ изданномъ имъ для дѣвицъ Краткомъ Начертаніи курса Изящной Словесности, 1832 г. Спб.—Подобно Гречу онъ держался направленія историческаго, но принявъ другое дѣленіе—на три періода: первый до возстановленія независимости и образованія народа Русскаго при Іоаннѣ III; второй до Императрицы Елисаветы Петровны; третій до настоящаго времени.

Плаксинъ, въ своемъ Руководствѣ къ познанію Исторіи Литтературы, большая часть коего посвящена Исторіи Русской Словесности, хотѣлъ представить опытъ Исторіи философической, обращая вниманіе не столько на полноту свѣдѣній, сколько на изъясненіе и сужденіе объ оныхъ. Вслѣдствіе того онъ раздѣлилъ Русскую Словесность, независимо отъ эпохъ историческихъ, на 4 періода. Періодъ 1-й называетъ онъ языческою Литтературою (до водворенія Христіанской Вѣры); 2-й—преобладаніемъ Христіанской Литтературы предъ языческою (до поло-

---

Періодъ второй: отъ Единодержавія Петра Великаго до нашихъ временъ. *Отд. 1-е*—до вступленія на Престолъ Елисаветы или до Ломоносова. *Отд. 2-е*—царствованіе Елисаветы и Екатерины, или отъ Ломоносова до Карамзина. *Отд. 3 е*—отъ Карамзина до нашихъ временъ.—

Раздѣленіе Русской Словесности на періоды встрѣчается еще прежде въ сочиненіи *Иліи Тимковскаго:* Опытный Способъ къ философическому познанію Россійскаго языка. Харьковъ. 1811 г. Тамъ принято пять періодовъ: 1-й до Ярослава, 2-й до XIII вѣка, 3-й до половины XVII вѣка, 4-й съ половины XVII вѣка до Ломоносова, 5-й отъ временъ Ломоносова.—

вины XVII вѣка); 3-й—ученo-богословское направленіе Литтературы (до Ломоносова); 4-й—Классическая Словесность—до Жуковскаго, съ коего начинаетъ онъ новую Словесность, начало пятаго періода.

Вслѣдъ за тѣмъ Глаголевъ предложилъ свой новый Планъ Исторіи Русской Словесности (такъ названа 4-я часть его сочиненія Умозрительныя и Опытныя Основанія Словесности, Спб. 1834 г.), гдѣ сочинитель, отрицая періоды въ нашей Словесности, дѣлитъ ее по предметамъ, находя сіе болѣе согласнымъ съ существомъ ея содержанія. Такимъ образомъ онъ, обозрѣвъ сперва старинные памятники нашей Словесности до XVI вѣка, (кои несвойственно названы у него памятниками языка Великорусскаго), разсматриваетъ потомъ Словесность послѣдующаго времени, проходя всѣ роды—сначала Прозы, потомъ Поэзіи. Несмотря на такой недостатокъ въ семъ Планѣ, онъ замѣчателенъ особенно разсмотрѣніемъ народной Русской Поэзіи.

Что касается до Исторіи Литтературы Георгіевскаго, то она (такъ же какъ у Глаголева) составляетъ 4-ю часть его Руководства къ изученію Русской Словесности, и въ ней (какъ у Плаксина) сперва говорится о Словесности другихъ народовъ, а потомъ о Русской, которую онъ раздѣляетъ на три періода, полагая—1-й до половины XV вѣка (1462 г.); 2-й до начала XVIII вѣка; 3-й до нашихъ временъ.

Должно еще замѣтить дѣленіе предложенное Давыдовымъ въ двухъ лекціяхъ его о Русской Словесности, помѣщенныхъ въ Ученыхъ Запискахъ Московскаго Университета, 1834 г. Развитіе Русской Словесности онъ примѣняетъ къ возрастамъ и называетъ древній періодъ—дѣтствомъ, средній періодъ—юностію, а новый—мужествомъ или самопознаніемъ народнымъ.

Вотъ всѣ обнародованныя у насъ по 1837-й годъ системы Исторіи Русской Словесности.—Но для полноты сего обозрѣнія трудовъ, относящихся къ изслѣдованію Русской Словесности, мы должны упомянуть еще о системѣ отрица-

тельной, которая домогаясь достовѣрной, несомнѣнной подлинности, сомнѣвается въ подлинной древности не только Церковныхъ Уставовъ Владиміра и Ярослава, но и Договоровъ Руси съ Греками, Русской Правды, Несторовой Лѣтописи, Пѣсни Игорю и прочая; не вѣритъ, чтобы такіе памятники могли быть написаны у насъ въ XI и XII вѣкахъ, а потому считаетъ ихъ поддѣлкою временъ послѣдующихъ и отвергаетъ ихъ достовѣрность, строя между тѣмъ изъ собственныхъ догадокъ новую систему нашей древней Исторіи.

Начало сей отрицательной системы кроется въ самопроизвольномъ критицизмѣ Шлецера; но полноты своей достигла она въ ученіи Каченовскаго, 1829—35 г. [1]).

Ученая мнительность и недовѣрчивость отъ древней Русской Словесности простиралась и на всю нашу Словесность, такъ что возникло было журнальное преніе о томъ: есть ли у насъ Словесность?—Но всѣ такія сомнѣнія и отрицанія, какъ они замысловаты и остроумны ни были, ничего не прибавили къ познанію Русской Словесности. Они зависѣли не отъ недостатка или небытія самаго предмета; но отъ особеннаго взгляда на предметы, называемаго скептицизмомъ, подъ именемъ коего и слыветъ этотъ отрицательный взглядъ на нашу Словесность и Исторію.

---

[1]) Историческая система Каченовскаго изложена частію въ его собственныхъ статьяхъ *о Русской Правдѣ*, частію въ Разсужденіяхъ учениковъ его *С. Строева* (писавшагося и подъ именемъ *Скромненка*), *Бодянскаго*, *Перемышлевскаго Бѣликова*. Она отозвалась и въ нѣкоторыхъ мнѣніяхъ Профессора *Давыдова* и Археографа *П. Строева*.—Въ опроверженіе системы сей и въ защиту достовѣрности и древности нашихъ Лѣтописей, писали *Погодинъ*, *Надеждинъ* и нѣкоторые другіе. Мое мнѣніе о томъ же высказано въ *Критическомъ Разборѣ Пѣсни о полку Игоревѣ* (въ Жур. Мин. Нар. Просв. 1835) и въ книгѣ: *Откуда идетъ Русская Земля*, въ Примѣчаніи 14-мъ и другихъ.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ ДРЕВНЯГО ПЕРІОДА.

ГЛАВА I.

О Русскомъ и другихъ Словенскихъ народахъ и о Варягахъ.

Народъ Русскій образовался изъ разныхъ отраслей Словенскаго племени, которыя съ незапамятныхъ для Исторіи временъ обитали въ Восточной Европѣ, начиная отъ Карпатъ и Вислы. Сіи первобытные насельники нашего Отечества, въ отличіе отъ прочихъ Словенъ Западныхъ, могутъ быть называемы Словенами Восточными или Русскими. Въ продолженіе многихъ вѣковъ своей древнѣйшей жизни они пребывали въ язычествѣ и состояли изъ множества отдѣльныхъ разноименныхъ отраслей, бывъ извѣстны у иноплеменниковъ и подъ общимъ именемъ многочисленнаго народа Венедовъ, Винидовъ, Антовъ; а Россія была называема Сармаціей, Скиѳіей, Гардарикомъ. Но во второй половинѣ IX вѣка Словены Восточные стали соединяться въ одно обширное Государство и прозываться Русью, по имени водворившихся у нихъ Руссовъ. Съ тѣхъ поръ наше Отечество представляетъ собою особый—Русскій міръ [1]), въ которомъ десятивѣковое развитіе жизни запечатлѣно стремленіемъ къ полному единству, стройной цѣлости и общей самобытности народной. Здѣсь природа Словенская достигаетъ полноты бытія своего, и народность Русская, простираясь на Востокъ, покрываетъ собою уже всю Сѣверную половину Азіи и Сѣверо-западную часть Америки.

Что касается до Западной половины Словенскаго племени, то она распространялась по Европѣ также множес-

[1]) Сіе названіе употребляемо было еще въ началѣ XIII вѣка (у Епископа Суздальскаго Симона).

твомъ отдѣльныхъ отрослей, изъ различнаго соединенія коихъ образовались потомъ особые народы Западно-Словенскіе. Народы сіи также ознаменовали свою жизнь въ Исторіи многими подвигами; но по раздѣльному другъ отъ друга и одностороннему образованію своему, многіе изъ нихъ не только не могли удержать за собою своихъ прежнихъ земель (напримѣръ Венгріи, С. Германіи) и государственной самобытности, но даже и совсѣмъ утратили свою Словенскую народность (напримѣръ Поморяне и Словены Заодерскіе).

Различая такимъ образомъ въ кругѣ Словенскаго племени двѣ половины—Восточную или Русскую и Западную, въ каждой изъ нихъ мы подразличаемъ еще два разряда: въ первой половинѣ Словенъ—1) Юго-восточныхъ или Южно-Русскихъ и 2) Сѣверо-восточныхъ или Сѣверно-Русскихъ; во второй—3) Юго-западныхъ или Задунайскихъ и 4) Сѣверо-Западныхъ или Вендскихъ [1]).

О Словенахъ Восточныхъ или Русскихъ [2]).

Первый разрядъ — Словены Юго-восточные или Южно-Русскіе. Они составляютъ коренныхъ насельниковъ Южно-Русскаго края, занимающаго оба-полы Днѣпра, справа до Дуная и Сана, слѣва по р. Десну и Сулу къ Дону. Въ этомъ самомъ благодатномъ краю Россіи уже въ отдаленнѣйшіе вѣка развита была осѣдлая жизнь земледѣльческая, особенно между Днѣпровскими Словенами, которые потому и называются у Геродота Скиѳами Оратаями; а торговавшіе съ ними Ольвійцы называли ихъ въ то-же время

---

[1]) Сообразно раздѣленію Словенскихъ языковъ на два разряда, которое предложено Добровскимъ, и Шафарикъ принимаетъ слѣдующее дѣленіе Словенъ: I) Разрядъ *Юго-восточный:* 1-й отдѣлъ—Русскій, 2-й отдѣлъ—Болгарскій, 3-й отдѣлъ—Иллирійскій; II) Разрядъ *Западный:* 1-й отдѣлъ—Ляшскій или Польскій, 2-й отдѣлъ—Чехо-Словенскій, 3-й отдѣлъ—Полабскій.—

[2]) Въ исчисленіи Восточно-Словенскихъ отрослей мы ограничились извѣстнѣйшими, находящимися въ нашихъ древнихъ писаніяхъ: но у Географа Баварскаго (жившаго между 869—890 г.) и у Птоломея (жившаго во 2-мъ вѣкѣ) упоминаются еще многія другія. Подробныя соображенія объ нихъ, равно и о прочихъ Словенахъ древняго времени, находятся въ сочиненіи Шафарика Slowanské Starožytnosti, oddil dégepisny, w Praze 1837,—которое проливаетъ много свѣта на древнюю Исторію Словенскаго племени.

Бористенеитами[3]), т. е. Днѣпровцами. Въ ближайшее къ нашему древнему періоду время, между отрослями Южно-Русскихъ Словенъ—по сказанію Несторову—особенно Поляне отличались семейственностію жизни и кротостію нравовъ. Поляне первые прозвалися Русью; ихъ главный городъ Кіевъ сдѣлался матерью городовъ Русскихъ; отъ нихъ разлилась—сперва по Кіевской Русской землѣ или Украинѣ, а потомъ и по всей Руси—новая жизнь ея. Такимъ образомъ они составляютъ главную и средоточную отрось между Словенами сего разряда; а ихъ земледельческая жизнь—основную стихію жизни Южно-Русской. Къ Востоку отъ сихъ Днѣпровскихъ Полянъ жили по р. Деснѣ—Сѣверяне (Птоломеевы Саварры), а по Сулѣ Суличи или Суляне. Къ Западу отъ Полянъ жили Древляне, а за ними Дулебы и Бужане, между коими впослѣдствіи

---

[3]) Изъ сего видно, что уже за пять вѣковъ до Р. Х. были сношенія Днѣпровскихъ Словенъ съ Греками. Одинъ *Бористенеитъ*, по имени *Біонъ*, былъ (въ 3 в. до Р. Х.) въ числѣ Греческихъ Философовъ Кринейской секты.—Въ первомъ христіанскомъ вѣкѣ по Днѣпру путешествовалъ Апостолъ Андрей Первозванный и достигши Кіевскихъ горъ предсказалъ, что *на сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія. имать градъ велихъ быть и церкви многи Богъ воздвигнути имать.* Сіе завѣтное преданіе нашихъ предковъ, сохраненное Несторомъ, не подлежитъ сомнѣнію, если принять въ соображеніе то, какъ далеко проникали въ другихъ частяхъ Свѣта первые Проповѣдники Христовой Вѣры; а также и свидѣтельство Оригена (въ III-мъ в.), что Андрей Первозванный проповѣдывалъ въ Скиѳіи, въ которой по показанію Птоломея обитали *Свовены*, т. е. Словены.—Сказаніе Нестора о Князѣ Днѣпровскихъ Полянъ *Кіѣ*, о его хожденіи въ Царьгородъ и построеніи имъ Кіева на Днѣпрѣ и Кіевца на Дунаѣ, также не должно почитать вымысломъ; здѣсь подозрѣніе наводитъ только число *трехъ* братьевъ (Кія, Щека и Хорива): но сколько явленій надо-бы заподозрить, преслѣдуя число 3 или 12, кои такъ часто встрѣчаются и въ Исторіи человѣчества и въ Природѣ!—Геродотово названіе Днѣпровскихъ Словенъ *Оратаями* сходно съ ихъ собственнымъ наименованіемъ себя *Полянами*, второе также сохранилось у Нестора и производится отъ Днѣпровскихъ *Полей*. Если сіе имя не встрѣчается у Константина Багрянороднаго и Географа Баварскаго, то это потому, что Поляны въ ихъ время уже прозывались *Русью*, на что особенно указываетъ Несторъ. Но какъ названіе *Польской* земли усвоилось землѣ *Ляшской*; то, вѣроятно для отличія отъ ней, Южно-Русская *Польская земля* или *Поля* Днѣпровскія назвались *Украиною*, именемъ которое въ Южно-Русскомъ языкѣ значило то-жэ, что и поле.

распространились Велыняне или Волынцы, отъ коихъ и Волынь получила свое имя. Къ Югу отъ Полянъ до Чернаго моря и Дуная, простирались Улучи и Тиверцы (по Днѣстру), отличавшіеся воинственностью жизни и множествомъ городковъ. Наконецъ въ составъ Южно-Русскаго народа вошли еще Бѣлые Хорваты, Бойки и нѣкоторыя другія отросли, принадлежащія къ Червоной или Галицкой Руси.

Второй разрядъ—Словены Сѣверо-восточные или Сѣверно-Русскіе. Съ древнѣйшихъ временъ они многими отрослями жили на востокъ отъ р. Вислы, особенно въ средней Россіи—до Волги, а въ Сѣверной—до озера Ильменя. Словены Ильменскіе, долѣе всѣхъ Восточныхъ Словенъ называвшіеся родовымъ своимъ именемъ, а впослѣдствіи извѣстные подъ именемъ Новгородцевъ, составляютъ главнѣйшую отрось сего разряда. Ихъ Новгородъ задолго еще до IX вѣка извѣстенъ былъ своею торговою промышленностію, коея духъ послужилъ Новугороду къ распространенію его Словено-Русской народности по Сѣверовостоку Россіи. Изъ Новгорода распространилось и первое государственное единство Сѣверной Руси. Словены сіи, по сказанію Несторову, переселились на Ильменъ отъ Дуная, и по всей вѣроятности они принадлежали прежде къ Словенамъ Южно-Русскимъ или Скиѳскимъ (Птоломеевымъ Словенамъ), а близкіе къ нимъ Тверичи—къ Южно-Русскимъ Тиверцамъ (древнимъ Тирангитамъ). Къ Югозападу отъ Новгородцевъ жили Кривичи (Птоломеевы Карвоны). Большая часть сей многосложной отросли, какъ то: Смольняне съ Торопчанами, Псковичи съ Изборцами, впослѣдствіи образовались, вмѣстѣ съ Новгородскими и прочими Средне-Русскими Словенами—Вятичами, Курянами (Птоломеевы Каріоны), въ народъ Великорусскій, собственно Русскимъ у насъ теперь называемый.

Другая часть Кривичей, подъ именемъ Половчанъ извѣстная, послужила средоточіемъ для образованія Дреговичей съ Туровцами, Радимичей и прочихъ Словенъ Сѣверо-западной Россіи въ народъ Литовско-Русскій

или Бѣлорусскій, составляющій собою другую часть разряда Сѣверно-Русскаго.

Вотъ три вида Словенъ, носящіе на себѣ общее имя великаго народа Русскаго и составляющіе собою Восточную половину цѣлаго племени Словенскаго.

О Словенахъ Западныхъ.

Третій разрядъ—Словены Юго-западные или Задунайскіе. Изъ многихъ отрослей, въ разное время заселившихъ Задунайскій край Европы, они образовались въ слѣдующіе четыре главные вида или народа.—1) Народъ Болгарскій, получившій сіе имя отъ Болгаръ, которые въ VII-мъ вѣкѣ (678 г.) перешли за Дунай со многими Словенскими отрослями, по сю сторону Дуная жившими, и въ покоренной ими Мизіи смѣшались въ одинъ народъ съ прежде бывшими тамъ и въ Сѣверной Македоніи Словенами. Сіи Словены вѣроятно были вѣтвію нашихъ Словенъ Южно-Русскихъ, такъ же какъ и Драговичи Македонскіе были вѣтвію Дреговичей Бѣлорусскихъ; но какого племени были сами Болгары, перешедшіе къ Дунаю изъ Болгаріи Волжской, это вопросъ еще спорный, нерѣшенный Историками.—2) Народъ Сербскій (у Нестора Серебь). Его главнѣйшую часть составляютъ собственно такъ называемые Сербы и Черногорцы, Вѣры Греко-восточной; а другую часть Иллирцы большею частію, Католики каковы Далматы, Босняки, Славенцы, Дубровничане (Рагузинцы).—3) Хорваты или Кроаты, населяющіе Кроацію.—4) Хорутаны, называемые также Словенцами и Виндами, населяютъ Крайну, Штирію, Западную Венгрію.—

Четвертый разрядъ—Словены Сѣверо-западные. Сюда принадлежатъ: 1) народъ Ляшскій, къ коему относятся Словенскія отросли между Вислою и Одеромъ—собственно такъ называемые Ляхи или Поляки, Силезы или Шлёнзаки, Мазуры или Мазовшане, Поморяне;—2) народъ Сырбскій, къ коему принадлежатъ Сырбы или Лужичи, населяющіе верхнюю и нижнюю Лузацію;—3) народъ Чеш-

скій, состоящій изъ собственно такъ называемыхъ Чеховъ или Богемцевъ, населяющихъ Богемію, и Моравовъ, населяющихъ Моравію;—4) Словаки, коихъ сторона составляетъ теперь Сѣверо-западную Венгрію.

Но кромѣ сихъ Словенъ, въ Сѣверозападномъ разрядѣ должно вспомянуть еще тѣхъ, кои жили на Балтійскомъ Поморьи къ Западу отъ Поморянъ, т. е. отъ р. Одера къ Эльбѣ. Словены здѣшняго края нѣкогда были весьма воинственны, но уже давно утратили свою народность и стали Нѣмцами, подобно Поморянамъ. Въ числѣ ихъ были извѣстны Бодричи или Оботриты (Меклембургцы), Вагры или Вагиры (Голштинцы), Глиняне (Люнебургцы, Linones), Вилки или Волки, Смѣляне (Smeldingi), Украны, и другіе. По ту сторону Эльбы жили Деревляне, можетъ быть однородцы нашихъ Южно-русскихъ Древлянъ. На островѣ Волынѣ (Юлинѣ) жили Волынцы, отъ которыхъ безъ сомнѣнія и наши Южно-Русскіе Волыняне. Но первенствующею и сильнѣйшею отраслію сихъ Заодерскихъ Словенъ были Ружане, жители острова Ругена, коихъ называли Ругами, Ругіянами, Руянами, Ранами и—Руссами. Болѣе всѣхъ Прибалтійскихъ Словенъ они славились своею морскою силою, торговлею и богослуженіемъ Свѣтовиду. Сія Ружская или Русская отрасль Словенъ распространялась и на Поморьи Балтійскомъ, гдѣ ея имя осталось и понынѣ въ названіи многихъ мѣстностей.—У Нестора сіи Поморскіе Словены [1]) причисляются къ Варягамъ. Изъ сего видно, что имя Варяговъ, хотя преимущественно усвоялось Скандинаво-Нѣмецкимъ народамъ, однако простиралось и на Сло-

---

[1]) Несторъ въ началѣ своей Лѣтописи, исчисляя народы *Афетова племени* (Европейскіе), говоритъ, что Чудь, Прусь и Ляхи присѣдятъ къ морю Варяжскому, и что потому-же морю сѣдятъ Варяги къ Западу до земли Англянской и до Волошской. Слѣдственно у него на Западѣ Варяги начинаются за Ляхами, кои у него показаны на Вислѣ; а какъ у него подъ именемъ Ляховъ считаются и Поморяне, то еще опредѣленнѣе можно положить начало его Варяговъ на западѣ отъ Поморянъ, т. е. отъ Одера къ Эльбѣ — до земли Волошской, т. е. до Галліи.

венъ [1]); и мы полагаемъ, что Несторовы Варяги-Русь, Руссы или Россы—были Словены Прибалтійскіе.— Впрочемъ, по господствующему нынѣ Байерову мнѣнію, Руссовъ считаютъ народомъ происхожденія и племени Скандинавскаго, наравнѣ съ прочими Варягами; а имя Варяговъ ограничиваютъ только Скандинавами.

О Варягахъ и Руссахъ.

Дѣйствительно: Варягами у насъ въ древнія времена первоначально и собственно назывались Скандинаво-Нѣмецкіе народы безразлично—и Готы, и Свеи (Шведы), и Урманы или Норманы (Норвежцы), и Англяне. Съ именемъ Варяга соединялось всегда понятіе заморянина, чужаго, иноземца, и напослѣдокъ—иновѣрца: такъ, что въ XI и XII вѣкахъ Западную или Латинскую Вѣру называли Варяжскою; Латинникъ и Варягъ были однозначущія слова. Но съ XIII вѣка у насъ стали и на Скандинавовъ распространять имя Нѣмца, которымъ въ средніе времена замѣняли имя Варяга: Латинскую Вѣру называли уже Нѣмецкою, и этимъ именемъ стали было означать неопредѣленно не только все иноземное, Западное, но и все чужое, иноязычное.

Отъ сихъ Варяговъ былъ Рюрикъ съ своимъ княжескимъ родомъ и знатнѣйшею частію своей дружины. Со времени его княженія въ Новгородѣ началось у насъ распространеніе Варяговъ, особенно на Сѣверѣ и возникли связи съ Скандинавіей; ея жители до XII вѣка приходили сами и вызываемы были въ Россію для военной службы.

Варяги на Европейскомъ Западѣ были извѣстны подъ грознымъ именемъ Нормана, или Нордманна, съ которымъ соединялось понятіе Сѣвернаго врага-вонтеля, разбойника Балтическаго, а не племенное отличіе. Такимъ образомъ

---

[1]) Сильнымъ защитникомъ Словенскаго происхожденія Руси и разноплеменности Варяговъ былъ Ломоносовъ. Въ своей Исторіи онъ говоритъ: «неправедно разсуждаетъ, кто Варяжское имя приписываетъ одному народу. Многія сильныя доказательства увѣряютъ, что *Варяги* отъ разныхъ племенъ и языковъ состояли».

имя Нормана, первоначально и собственно принадлежавшее Норвежцамъ, распространено было и на прочихъ Скандинавовъ и всѣхъ вообще Сѣверныхъ или Прибалтійскихъ жителей, воевавшихъ съ IX вѣка въ Европѣ,—въ числѣ коихъ были и Руссы или вообще Словены Прибалтійскіе.—Въ такомъ смыслѣ и Люитпрандъ называетъ Нордманнами разноплеменное ополченіе Кіевской Руси, нападавшее съ Игоремъ на Царьгородъ. Въ такомъ же, мнѣ кажется, общемъ смыслѣ и у Нестора въ трехъ мѣстахъ его Лѣтописи, причислена къ Варягамъ та Русь, которая пребывала еще у моря Балтійскаго или Варяжскаго и принадлежала еще къ народамъ Западнымъ. Но перешедшая къ намъ Русь никогда у Нестора не смѣшивается съ Варягами, хотя и они также находились въ предѣлахъ нашего Отечества, и принадлежали къ нему по Варяжскому роду нашихъ Князей. Несмотря на то Руссы и Варяги различаются, какъ два особые народа.—Первоначальное водвореніе и распространеніе Руссовъ произошло въ Кіевской землѣ и у Чернаго моря, при Оскольдѣ и Дирѣ и потому земля Кіевская первая прозвалася Русью или Русскою землею, а Черное море Русскимъ. Но когда Олегъ изъ Новгорода перешелъ въ Кіевъ, завладѣлъ здѣшнею Русскою землею, сдѣлался Княземъ Русскимъ, тогда—по словамъ Нестора—и бывшіе съ нимъ Варяги, Словены (т. е. Новгородцы) и прочіи прозвашася Русью [1]). Съ той поры имя сіе стало общимъ государственнымъ именемъ и для Новгорода, хотя и въ Новѣгородѣ и въ Южной Руси до исхода XII вѣка Русью или Русскою землею собственно называлась только Кіевская земля или Украина [2]). Но послѣ Олега Руссы нѣко-

---

[1]) Изъ сего видно, кажется, что *Варяги* Рюриковы и Олеговы до той поры не назывались Русью.—По моему мнѣнію Руссы отошли отъ Рюрика вмѣстѣ съ Оскольдомъ.

[2]) Подробно о семъ говорится въ 7 и 10-мъ параграфахъ моей книги *Откуда идетъ Русская Земля*, въкоторой изложено подробнѣе о Словенскомъ происхожденіи Руссовъ, и предложены замѣчанія на разныя другія о томъ мнѣнія.

торое время оставались еще въ Кіевской землѣ, какъ о с о б ы й н а р о д ъ, еще неслившійся съ туземцами, отдѣльный и отъ Полянъ, и отъ другихъ Словенъ а также и отъ В а р я г о в ъ [1]). —Вообще изъ Нестора ни какъ не слѣдуетъ, чтобы Руссы также были происхожденія и племени Скандинаво-Нѣмецкаго, какъ и прочіе, настоящіе Варяги [2]); да и никто изъ Рускихъ до исхода прошлаго столѣтія не считалъ своими прародителями Скандинавскихъ Нѣмцевъ или Готовъ, хотя объ нихъ и объ связяхъ съ ними нашихъ предковъ знали у насъ издревле и Рурика считали княземъ Варяжскимъ или Нѣмецкимъ. При всемъ томъ Руссовъ у насъ издревле почитались нашими одноплеменниками. И мы, признавая Руссовъ Словенами съ Поморья Балтійскаго [3]), только приближаемся къ тому мнѣнію, которое въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ было общимъ мнѣніемъ нашихъ соотечественниковъ и господствовало до исхода прошлаго столѣтія. Наше мнѣніе не отрицаетъ Норманскаго или Варяжскаго духа

Имя *Украины* для Кіевской земли появляется въ Лѣтописи Кіевской въ концѣ XII вѣка, а именно подъ 1187 годомъ,—въ то время, какъ имя Руси усвоялось уже и на Сѣверѣ. Впрочемъ можетъ быть оно тогда начало опять возобновляться, бывъ и прежде именемъ земли Полянъ Днѣпровскихъ (см. Примѣч. 4).

[1]) Это видно изъ разноплеменнаго ополченія Руси на Грековъ при Игорѣ, который—по словамъ Нестора—«совокупи вои многи: *Варяги, Русь*, Поляне, Словене Кривичи, Тиверцы, Печенеги.»—

Что Русь была у насъ сперва въ Кіевской землѣ, а не на Сѣверѣ, это между прочимъ ясно изъ слѣдующаго мѣста Несторовой Лѣтописи. Ярославъ шелъ изъ Новгорода на Святополка съ Варягами и Новгородцами; но изъ Кіева ходилъ на Болеслава, совокупивъ *Русь*, и *Варяги* и *Словены*. Сѣверъ нашъ былъ Русью только въ государственномъ смыслѣ: потому-то и у Константина Багрянороднаго Новгородъ полагается *внѣ Россіи*.

[2]) Сего не слѣдуетъ также изъ недавно отысканнаго у Арабскаго Географа Ахмедъ-эль-Катеба извѣстія, что въ 844 году Севилла была разграблена язычниками, называемыми *Русъ*. Съ такимъ же правомъ эти Руссы могутъ быть названы жителями Поморья Словенскаго, съ какимъ относятъ ихъ въ Заморье Скандинавское. Это извѣстіе только дополнительное, а не основное.

[3]) Между прочимъ такъ именно говорится и въ Бѣлоцерковскомъ Универсалѣ Богдана Хмельницкаго 1648.

въ началѣ древняго періода Русской жизни; потому оно въ семъ отношеніи не противорѣчитъ современному понятію о нашей древней Исторіи. Поморскіе Руссы или Скандинавскіе Варяги, издревле бывшіе въ непрестанныхъ связяхъ, имѣли много общаго и за-одно распространяли въ нашемъ отечествѣ свою Норманскую отвагу и воинственный образъ жизни. Но въ племенномъ отношеніи—къ языку и всей народности —они были различны: потому и вліяніе Руссовъ на Восточныхъ Словенъ—по нашему понятію—было иное, при томъ болѣе близкое и успѣшное, чѣмъ вліяніе иноплеменныхъ имъ Варяговъ. По нашему понятію, съ водвореніемъ Руссовъ и принятіемъ ихъ имени, не только не было умалена Словенская народность въ нашемъ Отечествѣ; но еще умножилась и возросла, отъ сліянія двухъ Словенскихъ бытовъ— мореходно-воинскаго или Поморскаго и домовито-земледѣльческаго или Полянскаго—въ одну полноту новой, Русской жизни. Варяги же скандинавскіе, чтобы не быть чужими въ нашемъ Отечествѣ, должны были принять его Словено-Русскую народность и утратить свою Нѣмецкую— еще болѣе, чѣмъ теряли ее Норманы у народовъ Западно-Европейскихъ.

ГЛАВА II.

О Развитіи Русской жизни и просвѣщеніи Руси въ древнемъ періодѣ.

Первоначальная, Восточно-Словенская народность Руси, въ продолженіи древняго періода своей жизни, развивалась подъ вліяніемъ двухъ главныхъ стихій: Варяго-Русской и Греко-Христіанской. Обѣ онѣ вошли намъ почти современно; но съ противоположныхъ сторонъ, и развились одна послѣ другой. —Сначала происходило сильное раскрытіе Варяго-Русской стихіи, вліяніе которой началось съ пришествія и водворенія

у насъ Варяговъ и Руссовъ. Ихъ власть и сила положили печать государственнаго единства и Русскаго имени на Восточныхъ Словенъ, и сообщили имъ сильное движеніе ратнаго духа, составляющаго главное отличіе сей стихіи. Развитію ратнаго духа въ народѣ нашемъ способствовали потомъ внутреннія междоусобныя войны Русскихъ Князей, между которыми Русь дробилась на Удѣлы, по обычаю Варяжскому. Кромѣ того непрестанные набѣги Азіатцевъ на Южную Русь и ихъ распространеніе въ ней способствовали къ тому, что воинственность духа развилась еще болѣе у Южной Руси и получила здѣсь особый характеръ—отъ слiянія мореходной отваги Варяго-Русской съ наѣзднического удальствомъ Азіатца.

Воинскія стремленія первыхъ Князей Руси на Грецію и Болгарію, сблизили ее съ ними. Оттуда проистекло другое вліяніе на жизнь Руси, послужившее къ ея церковному и внутреннему единству и просвѣщенію. Главнымъ основаніемъ тому была Христіанская Вѣра. Съ принятіемъ ея отъ Царягорода въ 866 году, Россія вошла въ кругъ Греко-восточной Церкви и въ тѣснѣйшія связи съ Греціей. Подлежа въ церковномъ отношеніи духовной власти Патріарховъ Царьгородскихъ, Россія [1]) имѣла первыхъ Священниковъ и Епи-

---

[1]) Перваго Епископа и Священника Россія получила въ 866 году отъ Патріарха Фотія; вслѣдъ за тѣмъ, около 867 года, былъ посланъ къ намъ отъ Василія Македонянина Епископъ *Михаилъ*, посвященный Патріархомъ Игнатіемъ. При Ольгѣ, принявшей крещеніе въ Царѣгородѣ, по Нестору 955 г. (а по Константину Багранородному 957 г.), находился Священникъ *Григорій*. Кромѣ Грековъ первыми у насъ Священниками были и Болгары.— Россія вошла въ составъ Греко-Восточной Церкви безъ сомнѣнія въ 866 году и около 895 года она въ числѣ Епископствъ, подвластныхъ Царьгородскому Патріарху, считалась 60-мъ Епископствомъ или Митрополіей. — Первымъ Митрополитомъ Кіевскимъ былъ *Св. Михаилъ* (ск. 992); вторымъ *Леонтій*, называвшійся Митрополитомъ *Переяславскимъ и Русскимъ* (ск. 1008); всѣхъ же Митрополитовъ въ древнемъ періодѣ у насъ было 22. Изъ нихъ только два было *Русскихъ: Иларіонъ* (1051—1071) и *Климентъ* (1147—56), поставленные Соборомъ Русскихъ Епископовъ. первый по волѣ Ярослава, а второй по волѣ Князя Изяслава. Прочіе Митрополиты были Греки и присылались

скоповъ и большую часть своихъ Митрополитовъ изъ Греціи. Изъ нея же она получала зодчихъ, живописцевъ и другихъ художниковъ, равно и самые предметы, къ возвышенію и украшенію жизни служившіе. Такимъ образомъ Россія подчинилась вліянію Греческаго просвѣщенія на развитіе своей умственной жизни,—и въ продолженіе древняго періода сильно стремилась къ усвоенію сего просвѣщенія, въ чемъ и Грецію поставляла свои выгоды. Распространеніе онаго было тѣмъ большее, что и Болгарія, отъ которой Россія не мало заимствовала для своей грамотности, еще сильнѣе подчинена была вліянію Греческому.

Богослуженіе по чину Греко-восточной Церкви, но на языкѣ Словенскомъ, и письменное употребленіе сего языка въ Россіи, послужили къ живѣйшему раскрытію ея собственной умственной дѣятельности и придали характеръ Словенства развитію въ ней стихіи Греко-Христіанской. Вліяніе оной сопровождалось у насъ развитіемъ своенародной умственной дѣятельности. Потому, хотя въ древнемъ Русскомъ просвѣщеніи господствуютъ вообще и ученыя понятія и художественный вкусъ Греко-Византійскіе; однако видны часто и своеобразныя выраженія Русской жизни, яркіе проблески ума своенароднаго.—

При всемъ разнообразіи своихъ частныхъ явленій древняя жизнь Руси состояла въ сліяніи двухъ новыхъ стихій, т. е. Варяго-Русской и Греко-Словенской,—съ природною Восточно-Словенскою въ одну цѣлость Русскаго духа—и въ постепенномъ, самостоятельномъ его развитіи по всѣмъ частямъ Россіи. Какъ первымъ мѣстомъ соединенія сихъ стихій и образованія изъ нихъ Русскаго духа, такъ и общимъ средоточіемъ распространенія сего духа по Россіи былъ Стольный Кіевъ. Съ упадкомъ Великокняжеской власти Кіева надъ

отъ Царьгородскаго Патріарха: послѣдній изъ нихъ *Іосифъ* убитъ Татарами во время разоренія Кіева 1240 г. Послѣ того десять лѣтъ не было у насъ Митрополитовъ.

Русью рушилось ея первоначальное государственное единство; но съ окончательнымъ упадкомъ Кіева [1]), кончилась и древняя жизнь Руси, и государственная самобытность ея покрылась мглою Татарскаго ига. Нерушимымъ осталось только церковное единство древней Руси, которое во весь древній періодъ пребывало недѣлимымъ и сосредоточеннымъ въ Кіевѣ, въ духовной власти Митрополита Кіевскаго и всея Руси. Изъ сего-то единства возникъ второй періодъ Русской жизни, но уже изъ другаго средоточія—изъ Владиміра Залѣскаго, гдѣ съ половины XII вѣка находился другой, новый Великокняжескій Престолъ, и гдѣ новопоставленный (1250 г.) Русскій Митрополитъ Кирилъ II-й основалъ свое пребываніе.

Различая въ древнемъ періодѣ три ступени развитія или отдѣла, взглянемъ на каждый изъ нихъ порознь.

Отдѣлъ первый.

Первый отдѣлъ древняго періода, продолжавшійся 192 года—до кончины Ярослава, ознаменованъ вообще историческими движеніями Русской жизни, которыми въ сіе время свершено соединеніе Восточныхъ Словенъ (и нѣкоторыхъ иноплеменныхъ отраслей) въ одно Русское Государство и водворена въ немъ Христіанская Вѣра.—Два первыя десятилѣтія сего отдѣла представляютъ почти современное притеченіе Варяго-Русской стихіи—отъ Балтійскаго моря черезъ Новгородъ, и Греко-Христіанской стихіи—изъ Греціи въ Кіевъ. Между тѣмъ какъ въ Новѣгородѣ съ 892 года господствовала только собственно-Варяжская сила Рюрикова, соединившая Сѣверно-Русскіе края въ одно Княжество,—Кіевъ съ 864 года сдѣлался другимъ

---

[1]) Первоначальный упадокъ Кіева мы полагаемъ съ того времени, какъ онъ взятъ былъ (1166 г.) Андреемъ Боголюбскимъ, основавшимъ *Великое Княженіе* въ Суздальской землѣ, гдѣ Князь сей предпринималъ учредить и особую Митрополію. Но окончательное паденіе Кіева начинается съ его разоренія Половцами въ 1204 году, въ которомъ и Царьгородъ былъ взятъ Крестоносцами.

собственно-Русскимъ Княжествомъ Оскольда и Дира, въ которомъ распространялась не одна Варяго-Русская сила, но велось уже и Христіанство, съ 866 года, т. е. со времени перваго крещенія Кіевскихъ Руссовъ и ихъ Князей, совершеннаго въ Царѣградѣ Патріархомъ Фотіемъ, въ царствованіе Михаила.

Въ 882 году Вѣщій Олегъ, умертвивъ Оскольда и Дира, завладѣлъ ихъ Княжествомъ, и соединивъ съ нимъ свое Княжество Сѣверное въ одно Русское Государство, назвалъ Кіевъ матерью Русскихъ городовъ и водворилъ въ немъ Княжескій родъ Рюрика. Съ той поры Кіевъ сталъ столицею всея Руси,—средоточіемъ, изъ коего развивался обширный кругъ ея древней жизни.—Болѣе цѣлаго столѣтія —до 988 года—Русская жизнь развивала въ себѣ только воинственную стихію Варяго-Русскую и означила себя огромными завоеваніями. Это былъ богатырскій вѣкъ Русской жизни. Христіанство тогда хотя и велось въ Кіевѣ непрерывно, но весьма ограниченно. Изъ всего Княжескаго Дома только одна Ольга, уроженка Изборская, была Христіанкою. Прочіе Князья Рюрикова рода были еще весьма преданы язычеству. Такъ Святославу было не любо въ Кіевѣ быти —при жизни Святой матери его, склонявшей его къ крещенію, котораго онъ не терпѣлъ и на которое не хотѣлъ промѣнять своего Перуна и Волоса скотья бога [1]). Особенно Владиміръ, въ первую половину своего княженія, явилъ себя поборникомъ идолопоклонства въ Кіевѣ, гдѣ онъ поставилъ кумиры Перуна, Хорса, Даждьбога, Стрибога, Симарьгла и Мокоша.

Но языческая набожность сего Великаго Князя-Богатыря скоро обратилась къ свѣту истинному, и онъ—принявъ крещеніе въ Корсунѣ 988 года—явился Святымъ, Равно-

---

[1]) Сими богами онъ клялся въ своемъ договорѣ съ Греками. По смерти Св Ольги, возвратясь въ Кіевъ, онъ разорилъ церковъ на Угорскомъ (Оскольдовой могилѣ) —

апостольнымъ Просвѣтителемъ Россіи. Возвратясь въ Кіевъ, онъ крестилъ сыновей своихъ и народъ Кіевскій, ниспровергъ свои кумиры, вмѣсто ихъ воздвигалъ величественныя церкви, и тѣмъ исполнилъ давнее пророчество Св. Андрея Первозваннаго, водрузившаго на Кіевской горѣ свой крестъ, отъ коего Русская Церковь ведетъ свое начало.—Христіанская половина жизни Владиміровой была великимъ временемъ для просвѣщенія Русскаго. «Володиміръ просвѣщенъ самъ, и сынове его, и земля его»—говоритъ Несторъ, описавъ крещеніе Руси. Дѣйствительно: вслѣдъ за тѣмъ, какъ Христіанство возобладало надъ язычествомъ въ душѣ Великаго Русскаго Князя, оно и въ народѣ его сдѣлалось господствующею Вѣрою, и было вѣрнымъ началомъ и залогомъ дальнѣйшаго просвѣщенія Руси. Распространяя крещеніе и церкви по городамъ и селамъ, Владиміръ повелѣлъ заводить школы и отдавать въ нихъ дѣтей на ученіе книжное. Русская Іерархія при немъ стала на степень дѣйствительной митрополіи, и въ 992 году была раздѣлена на епископства [1]). Духовенству далъ онъ Уставъ Церковнаго Суда. Любя дружину свою, онъ заботился объ устроеніи ратномъ; а также—объ устроеніи и Уставѣ землянѣмъ (земскомъ). Такимъ образомъ Св. Владиміръ былъ и первымъ законодателемъ Руси.

Ярославъ Благовластный былъ достойнымъ преемникомъ своего отца. Распространяя церкви и ученіе книжное, онъ также былъ законодателемъ и устроителемъ земли Русской. Онъ любилъ чтеніе, заставлялъ переводить съ Греческаго на Словенскій языкъ многія книги и списки съ оныхъ, для употребленія народнаго, положилъ въ созданномъ имъ

---

[1]) Въ 992 году было установлено шесть *Епископствъ* или Епархій: Кіевская, Новгородская, Ростовская, Владиміро-Волынская, Бѣлгородская и Черниговская.—Въ второмъ отдѣлѣ прибавилось еще шесть: Юрьевская или Поросская (на р. Роси), Переяславская, Холмская, Тмуторокапская, Туровская и Полоцкая.—Въ третьемъ отдѣлѣ, до нашествія Татарскаго, учреждено еще шесть: Смоленская, Галицкая, Муромско-Рязанская, Суздальская, Перемышльская и Переяслово-Залѣская. Такимъ образомъ, древняя Іерархія Русская, до Митрополита Кирилла II-го, состояла изъ 18-ти Епископствъ.

Софійскомъ соборѣ. При семъ храмѣ Ярославъ устроилъ и каѳедру Митрополичью, на которую 1051 г. поставленъ былъ Берестовскій священникъ Иларіонъ—первый Митрополитъ изъ Рускихъ, при томъ посвященный Соборомъ Русскихъ Епископовъ, безъ отношенія къ Патріарху, по волѣ Князя. Огромность Софійскаго храма и нерушимая стѣна его [1]) свидѣтельствуютъ о томъ великолѣпіи, какимъ съ помощію Греческаго художества, украшаемъ былъ Кіевъ, который тогда славился и на Западѣ, какъ великій городъ, соперникъ Царяграда [2]).—При Ярославѣ началось возрастаніе и Новагорода, которому—за его услуги—даровалъ онъ гражданскую самостоятельность, узаконилъ ее грамотами и повелѣлъ завести училище на 300 дѣтей, для обученія церковнымъ книгамъ и Греческому языку [3]).—И такъ въ послѣднія 66 лѣтъ сего отдѣла Русской жизни, она представляетъ сильное распространеніе Христіанства, которое сливаясь съ Восточно-Словенскою народностью,—уже обновленною и измѣненною вліяніемъ Варяго-Русскимъ,—дало ей новый духъ и образовало ее въ новое бытіе. Главнымъ виновникомъ бытія сего былъ Князь Владиміръ, величайшій Герой и вмѣстѣ Святый Апостолъ Русской земли. Онъ есть истинный представитель сихъ исполинскихъ временъ Русской жизни, и потому въ народной памяти первоначальные вѣка нашей древности сливаются въ одинъ богатырскій вѣкъ Владиміра, и въ народныхъ пѣснопѣніяхъ сей Князь величается Солнцемъ.

---

[1]) Такъ называется алтарная стѣна сего храма, на которой сохранилась величественная древняя *мусія* (мозаика), представляющая Св. Богоматерь.—

[2]) О семъ говорится у Адама Бременскаго, также у Дитмара Мерзебургскаго,—коего сказанія о Кіевѣ приводятъ въ недоумѣніе даже нашихъ Историковъ.

[3]) Распространителемъ Христіанской Вѣры и учредителемъ перваго училища въ Новѣгородѣ былъ первый Новгородскій Епископъ Св. *Іоакимъ Корсунянинъ* (съ 992 г., сконч. 1030 г.). Изъ учителей сего Новгородскаго училища извѣстенъ *Ефремъ* (ученикъ Іоакима), упоминаемый въ Новгородской Лѣтописи подъ 1031 г.

Отдѣлъ второй.

Послѣ Ярослава возникли сильныя междоусобія Русскихъ Князей за ихъ удѣлы и Престолъ Кіевскій, и Русь была обуреваема разновластіемъ, которое однакожь было еще приведено къ единству Велико-княжеской власти—Владиміромъ II-мъ Мономахомъ. Несмотря на внутреннія волненія Руси, семидесятилѣтіе, составляющее второй отдѣлъ древняго періода, было временемъ наибольшаго процвѣтанія Кіева, сильнѣйшаго раскрытія жизни въ Южной Руси, и успѣховъ Русскаго Христіанства.

При всей междоусобицѣ своей Русскіе Князья не жалѣли своей казны на построеніе церквей и монастырей, заботились объ устройствѣ своихъ Княжествъ, о законодательствѣ,—и многіе изъ нихъ любили просвѣщеніе. Такъ Святославъ Ярославичь былъ весьма любознателенъ и палаты свои наполнялъ книгами; Всеволодъ Ярославичь зналъ пять языковъ; а доблестный его сынъ Мономахъ, главный герой сего времени, былъ самъ Русскимъ Писателемъ.

Духовенство наше съ своей стороны способствовало къ утвержденію и распространенію Христіанства—и просвѣщенія умственнаго. Къ тому особенно содѣйствовало образованіе святой Обители Печерской и происшедшее изъ нея сильное распространеніе монастырской жизни. Это было чрезвычайно важное явленіе сихъ временъ, которое послужило окончательно ко внутреннему преобразованію Русскаго духа Христіанствомъ и представляло собою рѣзкую противоположность и борьбу съ мірскою, внѣшнею жизнію. Здѣсь Княжеская власть, разрозненная въ Удѣлахъ, пришла въ борьбу сама съ собою и подорвала, нарушила ею государственную цѣлость Владиміровой Руси. Но распространеніе Христіанства въ Русскихъ Епископствахъ и возвышеніе онаго въ монастыряхъ умножало церковное единство Руси, дробимой на Удѣлы Княжескіе, и укрѣпляло ихъ внутреннимъ, духовнымъ союзомъ.

О монастырѣ Печерскомъ

Монастыри мужескіе и женскіе были у насъ еще при Владимірѣ и Ярославѣ. Особенно въ княженіе Ярослава начали умножаться черноризцы въ Россіи. Но Первоначальникомъ высшаго иноческаго житія въ Россіи былъ Преподобный Антоній, уроженецъ города Любеча. По вторичномъ возвращеніи своемъ съ Аѳонской горы, гдѣ былъ монахомъ Святой мужъ сей, онъ—еще въ княженіе Ярослава—поселился въ малой пещерѣ, ископанной Иларіономъ надъ Днѣпромъ за Берестовымъ, и здѣсь—въ княженіе Изяслава—основалъ общежитіе братіи Печерской.—Главнымъ ея устроителемъ былъ Преподобный Ѳеодосій, одинъ изъ первыхъ учениковъ Антонія, пришедшій къ нему изъ Курска. Въ игуменство Ѳеодосія число Печерской братіи возросло до ста; потому онъ, испросивъ у Изяслава мѣсто на Берестовомъ полѣ, построилъ тамъ монастырь Печерскій и завелъ въ немъ (1072 г.) порядокъ по Уставу Студійскому. Отсюда Уставъ сей распространился по всѣмъ Русскимъ монастырямъ, и потому Преподобный Ѳеодосій именуется Начальникомъ Русскихъ иноковъ, а монастырь его, долго называвшійся Ѳеодосіевымъ, содѣлался образцемъ для всѣхъ монастырей Русскихъ. То былъ истинный вертоградъ Христовой Вѣры, которая здѣсь возрастала сколько въ молитвенныхъ подвигахъ отшельническаго житія, столько и въ дѣятельныхъ подвигахъ общеполезной жизни и просвѣщенія умственнаго. Сюда стекались люди изъ разныхъ мѣстъ, всѣхъ сословій и возрастовъ, и здѣсь преображались и уравнивались въ одну Христіанскую братію. Такъ преподобный Варлаамъ, первый Игуменъ Печерскій, былъ сынъ знатнаго Боярина Іоанна. Никола Святоша былъ внукъ Святослава Ярославича: добровольно оставивъ свое Черниговское Княжество, онъ вступивъ 1106 года въ братію Печерскаго монастыря, отдалъ ему свою библіотеку, устроилъ при немъ особый больничный монастырь и былъ три года поваромъ, и три года привратникомъ Печерскимъ. Въ томъ же году въ Печерскомъ монастырѣ скончался девяностолѣтній благочестивый инокъ—знаменитый Во-

свода Янъ Вышатичь. Между нетлѣнными останками Печерскихъ Угодниковъ почиваетъ и безсмертный Русскій Богатырь Илья Муромецъ.—Иноки Печерскаго монастыря (напримѣръ Варлаамъ, Ефремъ Евнухъ) ходили во Святыя Мѣста Востока и Греціи, для узнанія порядка церковнаго и для другихъ цѣлей Христіанскихъ. Такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ здѣсь собирались свѣдѣнія о Русской и другихъ земляхъ, и умножались познанія о Церкви и Отечествѣ.—Печерскіе иноки становились Епископами, Настоятелями и основателями другихъ монастырей [1]), и чрезъ то монастырь Ѳеодосіевъ способствовалъ къ растространенію Христіанскаго духа, къ умноженію церквей и монастырей по всей Россіи. Изъ сей обители Русскихъ Праведниковъ Князья получали благія наставленія, а иногда и смѣлыя укоризны за свои междоусобія и другіе недостатки, какъ напримѣръ Святославъ Ярославичь отъ Ѳеодосія, Святославъ Изяславичь отъ Игумена Іоанна. Обитель Печерская была великимъ училищемъ и просвѣщенія умственнаго, коего главнымъ ревнителемъ былъ Ѳеодосій, величайшій изъ Отцевъ нашея Церкви. Въ его пещерной келіи инокъ Иларіонъ дни и ночи проводилъ въ списываніи книгъ; блаженный Никонъ занимался ихъ сшиваніемъ и обдѣлкою, бывъ художникомъ сего дѣла, для котораго самъ Ѳеодосій прялъ волну и вервіе. Смиренномудрый и любознательный Несторъ, собирая отовсюда преданія и сказанія о Русской землѣ, составлялъ ея Бытописаніе и описывалъ житія первыхъ Русскихъ Праведниковъ. Инокъ Григорій былъ творцемъ Каноновъ; Алимпій изучился живописи у строившихъ Печерскую церковь Греческихъ художниковъ и былъ безмезднымъ для всѣхъ иконописцемъ; Агапитъ былъ врачемъ безмезднымъ.—Такимъ-то образомъ Обитель Печерская получила первенство предъ всѣми и была

---

[1]) Такъ блаженный *Никонъ*, 4-й Игуменъ Печерскій основалъ монастырь Богородицкій на островѣ Тмутороканѣ (около 1066 г.); *Стефанъ*, 3-й Игуменъ Печерскій, построилъ въ Кіевѣ монастырь К. овскій и былъ Епископомъ Владиміро-Волынскимъ; Ефремъ Евнухъ былъ Епископомъ Переяславскимъ (съ 1089).

столь полезною для Руси.—Иноческая жизнь, а съ нею и просвѣщеніе, въ сіи времена распространялись и между Россіянками. Такъ въ построенный Всеволодомъ Ярославичемъ (1086 г.) монастырь Андреевскій или Яничь, постриглись двѣ дочери сего Князя—Анна или Янка и Евпраксія; первая изъ нихъ [1]) любила чтеніе книгъ и, собирая дѣвицъ въ монастырь, учила ихъ грамотѣ пѣнію и разнымъ ремесламъ.

Отдѣлъ третій.

Мономахъ стремился возстановить и укрѣпить государственную цѣлость древней Руси; но послѣ него опять возникло разновластіе на Руси и до конца древняго періода продолжались междоусобія Княжескія, среди коихъ происходило паденіе Кіева и возвышеніе другихъ Княжествъ. Отъ того рушилась на части государственная цѣлость древней Руси, и она образовалась въ нѣсколько отдѣльныхъ и независимыхъ Русскихъ Княжествъ. Одни изъ нихъ, переспливая и превышая другія, простирали на нихъ свою власть, становились областными средоточіями для нѣсколькихъ, и опять дробились сами на новые Удѣлы, смотря по умноженію наслѣдниковъ своего Князя. Здѣсь повторялось въ частности прежнее общее развитіе цѣлой древней Руси изъ Стольнаго Кіева. Онъ былъ образцемъ для всѣхъ. Каждое Княжество стремилось усвоить себѣ его величіе; и въ каждомъ изъ нихъ одна и та-же Русская жизнь множилась, дробилась и развивалась, болѣе или менѣе самобытно и самостоятельно. Истощаясь въ общемъ средоточіи своемъ—въ Кіевѣ, Русская жизнь разсѣвалась во всѣхъ концахъ Владиміровой Руси.

Въ Южной Руси, кромѣ Кіева, она распространялась преимущественно изъ Чернигова, Владиміра-Волынскаго и Галича, гдѣ Владимірко образовалъ Княжество Галицкое, возвышенное сыномъ его Ярославомъ Осьмо-

---

[1]) Объ этомъ пишетъ Татищевъ въ своей Исторіи.—По смерти Митрополита Іоанна *Добраго*, Янка въ 1089 г. ѣздила въ Царьгородъ и привезла съ собою новаго Митрополита, Іоанна III; скончалась 1113 г.

мысломъ, и еще болѣе возвышенное храбрымъ Романомъ, который, присоединивъ свою Волынь къ сему Княжеству, объявилъ Кіевъ Удѣломъ и назвался Самодержцемъ всея Руси Но еще прежде, чѣмъ такъ возвысилась Юго-западная или Галицкая Русь, новый Великокняжескій Престолъ былъ утвержденъ (1157 г.) Андреемъ Боголюбскимъ во Владимірѣ-Залѣскомъ, гдѣ отецъ его Юрій Владиміровичъ Долгорукій основалъ и застроилъ городами Княжество Суздальское, которое и стало сильнѣйшимъ, господствующимъ Княжествомъ Руси. На Сѣверо-Западѣ Русскомъ, главнымъ было Княжество Полоцкое, усиленное грознымъ Всеславомъ; но потомъ ослабленное Кіевскимъ Княземъ Мстиславомъ Владиміровичемъ Великимъ и междоусобіями собственныхъ Князей.—Въ средней Руси развитіе жизни происходило преимущественно изъ Смоленска и Рязани.

Что касается до Русскаго Сѣвера, то здѣсь господствовалъ Новгородъ, прежде и болѣе другихъ самостоятельный и особенный. Управляясь своимъ Вѣчемъ, избирая самъ себѣ Князя—отъ Князей Русскихъ, и Владыку или Архіепископа—по благословенію Митрополита Кіевскаго,—Новгородъ принималъ малое участіе въ Княжескихъ дѣлахъ Руси. Въ развитіи общей жизни ея онъ участвовалъ своимъ, народнымъ образомъ. Распространяясь поселеніями и владѣніями своими далеко на Сѣверъ и Востокъ, онъ водворялъ между Чудью и Нѣмцами свою Словено-Русскую народность, развивалъ въ Сѣверной Руси предпріимчивый духъ промышленности и дѣятельности внѣшней;—а по своимъ сношеніямъ съ Нѣмцами занялъ отъ ихъ Западной жизни болѣе другихъ областей Русскихъ. Отъ Новагорода сдѣлался самостоятельнымъ Псковъ, и образовалось независимое поселеніе Хлыновское на Вяткѣ.

Раздробленіе Владиміровой Руси и междоусобія Княжескія были необходимымъ слѣдствіемъ Варяжскаго господства по Удѣламъ: и оно само сокрушило государственную цѣлость древней Руси, егоже силою созданную. Но въ замѣнъ сего внѣшняго единства Руси, возрастало въ ней живое единство внутреннее, изъ коего надлежало впослѣдствіи возникнуть

другой, болѣе прочной и полной государственной ея цѣлости.— Средствомъ къ тому было образованіе Руси въ особыя Княжества, отъ котораго прежнее разнообразіе племенъ, сначала связанныхъ только единствомъ Княжеской власти, объединялось и проникалось новою, Русскою жизнію. Потому сіи удѣльныя времена дробнаго и частнаго образованія Руси были даже необходимою ступенью въ долговѣчномъ и постепенномъ развитіи великой жизни ея. Потому-то сіи времена, мрачныя и кровавыя—по непрестаннымъ междоусобіямъ, являютъ много свѣтлаго и живоноснаго; и самая борьба Удѣловъ принесла свою пользу для народа и для грядущаго величія Руси, которая собственнымъ опытомъ извѣдала и пережила бѣдственную годину разновластія и отъ него происходящихъ смятеній внутреннихъ. Все безславіе междоусобій пало на Удѣльныхъ Князей; при всемъ томъ многіе Князья того времени прославили себя доблестями гражданскими, воинскими и христіанскими. Въ порывахъ своего властолюбія они устремлялись иногда къ единству Руси, иногда воздвигались за общее благо и славу ея. Съ дѣтства постригаемые на всадничество [1]), они были всегда вождями дружинъ своихъ—и въ злыхъ сѣчахъ междоусобныхъ, и въ борьбѣ съ врагами внѣшними—и продолжали въ народѣ ратный духъ, который возвышался попятіемъ чести и славы, усиливался любовью къ Русской землѣ и враждою на поганыхъ. «Брань славна лучше міра студна»—говорили наши иноки-лѣтописатели.—Стремясь къ возвышенію своихъ Удѣловъ, Князья строили города, воздвигали церкви, заводили школы, распространяли единство понятій, законовъ и порядка гражданскаго, и были главными орудіями распространенія новой Русской жизни и народности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ея просвѣщенія.—Бывъ преданы Православной Вѣрѣ, они способствовали Духовенству къ распространенію и возвышенію нашей Церкви и къ ея охраненію отъ язычества и ересей.

---

[1]) Рыцарскій обычай *постриги* и сажанія на коня малолѣтныхъ дѣтей Княжескихъ, перешелъ потомъ и въ наше Козачество, которое представляетъ собою рыцарство народное,

Многіе Князья любили науки и художества, и заботились объ ихъ умноженіи: и они дѣйствительно умножались уже и въ Южной и Сѣверной Руси [1]). Нѣкоторыя Княгини и Княжны также прославились добродѣтелями христіанскими и любовію къ просвѣщенію,—напримѣръ Святая Евфросинія, Княжна и Игуменья Полоцкая, день и ночь трудившаяся надъ списываніемъ книгъ и скончавшаяся въ Іерусалимѣ 1173 года.

Но главнѣйшимъ дѣятелемъ въ распространеніи Вѣры и просвѣщенія книжнаго было духовенство, которое не только распоряжалось дѣлами церковными, но принимало постоянное участіе и во многихъ мірскихъ дѣлахъ Руси,—отъ котораго и Князья получали свое просвѣщеніе и нерѣдко бывали примиряемы въ своихъ междоусобіяхъ. Потому древнее просвѣщеніе наше было по преимуществу духовное.—Средоточіемъ церковнаго единства и духовнаго просвѣщенія Руси постоянно оставался Кіевъ, какъ потому, что здѣсь была до конца древняго періода Митрополія всея Руси, такъ и потому, что монастырь Печерскій, въ 1159 году возышенный на степень Лавры, не переставалъ быть главнымъ разсадникомъ служителей Церкви и распространителей Православія, и пользовался первостепеннымъ и величайшимъ уваженіемъ въ цѣлой Руси.

Такимъ-то, совокупнымъ дѣйствіемъ Духовенства и Князей, болѣе и болѣе распространялась наша Православная Церковь, а съ нею умножалось и умственное просвѣщеніе Руси. Впрочемъ, хотя просвѣщеніе велось преимущественно въ Духовенствѣ и между Князьями, однако оно переходило и на другія высшія сословія народа—Бояръ, Воеводъ, Посадниковъ, отражаясь болѣе или менѣе и на простомъ народѣ.

---

[1]) Андрей Боголюбскій, который у насъ былъ называемъ *вторымъ Соломономъ*, украшалъ Владимірскую церковь Св. Богоматери *Нѣмецкими* художниками; но въ 1194 г. Епископъ Іоаннъ возобновилъ ее и украсилъ одними Русскими художниками. Въ Кіевѣ тогда славился зодчій Милонѣгъ—Петръ. — Романъ Ростиславичъ въ Смоленскѣ завелъ духовныя школы, въ коихъ учили не только Греческому, но и Латинскому языку.

Въ концѣ XII столѣтія было еще язычество у нѣкоторыхъ нашихъ Словенъ, напримѣръ у Вятичей, которые изрубили Кіево-Печерскаго инока св. Кукшу за проповѣдованіе у нихъ Христовой Вѣры. Но къ исходу древняго періода всѣ Русскіе Словены были уже Христіанами. Вотъ главное, вѣковѣчное дѣло Кіева для общей жизни Россіи!—Ревность Христіанская возрастала во всѣхъ концахъ Руси. Многіе граждане жертвовали достояніемъ своимъ для церквей и монастырей. Толпы народа изъ разныхъ краевъ Руси ходили на поклоненіе св. мѣстамъ Іерусалима и Царягорода; другіе, отлагаясь отъ всего житейскаго и мірскаго, шли въ монастыри и предавались тамъ жизни исключительно Христіанской [1].—

Вѣра Христова, проникая постепенно въ народъ Русскій, просвѣщала умъ его познаніемъ истиннаго Бога и превозмогала язычество въ главной его основѣ. Однако многія языческія понятія, вѣрованія и обычаи, сросшенные вѣками съ умомъ и жизнію народа, не вдругъ и не вполнѣ были оставляемы; но продолжались еще въ народѣ, только преображаясь въ новый видъ и соединяясь съ понятіями и предметами Христіанскими. Народъ забывалъ прежнихъ боговъ своихъ; но ихъ качества иногда усвоялъ Святымъ нашей Церкви [2]) Языческіе обряды, празднества теряли свою первоначальную важность и обращались въ народныя игрища, сопровождавшія собою праздники Христіанскіе и разные случаи домашней и общественной жизни народа. — Умственная дѣятельность его, вращаясь между новыми Христіанскими и прежними языческими своими понятіями и предметами, раз-

---

[1]) Изъ исторіи извѣстно, что многіе Князья и Княгини также доканчивали жизнь свою въ монашествѣ и схимѣ.

[2]) Такъ вмѣсто главнаго бога Перуна, производителемъ грома и молніи народъ сталъ почитать св. Илію Пророка, во имя коего была въ Кіевѣ первая *соборная* церковь Христіанской Руси; а съ именемъ *перуна* сталъ соединять простое понятіе грома. Относительно сего и прочаго, принадлежащаго къ народной старинѣ Русской, смотри сочиненіе *Снегирева*—Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обряды. М. 1837. Также *Сахарова*—Сказанія Русскаго народа о семейной жизни своихъ предковъ. Спб. 1837.

нообразила и умножала сочетаніе оныхъ. Такимъ образомъ она произвела свой собственный, смѣшенный міръ понятій, повѣрій, обычаевъ, въ которомъ при свѣтѣ истинной Вѣры пестрѣетъ еще прадѣдовская, языческая старина Русской земли. Простонародье наше и понынѣ не вышло изъ сего радужнаго міра привычной старины своей,—хотя и въ древнее и среднее время учители церковные сильно возставали противъ всего, что мѣшало чистотѣ Христіанства.

ГЛАВА III.

Общее обозрѣніе русскихъ писателей и памятниковъ словесности древняго періода.

Первоначальная Словесность Руси, какъ и всякаго народа, была только изустная; но съ распространеніемъ Христіанства и просвѣщенія она возвысилась на степень образованія письменнаго. — Не все, что составляло нашу Словесность въ древнемъ періодѣ, дошло до нашихъ временъ: многіе памятники ея утратились; иные достались намъ не въ подлинномъ видѣ, но съ измѣненіями позднѣйшими; объ нѣкоторыхъ древнихъ писателяхъ нашихъ мы знаемъ только по именамъ ихъ, или-же по немногимъ отрывкамъ ихъ произведеній. Тѣмъ болѣе достойно замѣчанія и изслѣдованія все, что уцѣлѣло,—и не потому только, что оно любопытно, какъ предметъ отечественной древности, и принадлежитъ Исторіи, какъ явленіе или событіе дѣйствительное. Еще болѣе оно занимательно потому, что изъ сихъ остатковъ первоначальной дѣятельности Русскаго ума, открывается его свойство и сила, ходъ его жизни и та степень просвѣщенія, на которой уже былъ онъ въ древнее время; слѣдственно, ими поясняется вся древняя жизнь нашего Отечества, а чрезъ то и цѣлая жизнь его По сему отношенію каждый Русскій Писатель древняго времени, хотя бы извѣстенъ былъ только по имени,

и каждое извѣстіе о древнихъ Русскихъ писаніяхъ, хотя бы они уже утратились, — достойны воспоминанія въ Исторіи древней Русской Словесности, ибо тѣмъ дополняется утраченная полнота ея. Исторія дорожитъ каждымъ остаткомъ отъ древняго періода и какъ памятникомъ тогдашняго языка: ибо только изъ совокупнаго ихъ разсмотрѣнія объясняются природныя свойства и образованіе нынѣшнихъ видовъ Русскаго языка, книжнаго и народнаго [1]).

Отдѣлъ первый.

Письменная Русская Словесность, до кончины Ярослава, состояла въ памятникахъ, относящихся или къ Богослуженію, или къ Законоположенію—двумъ существеннымъ и необходимымъ потребностямъ народа, при его образованіи въ новую государственную жизнь [2]).

Съ принятіемъ и распространеніемъ Христіанства, во время возрастанія Кіева, произошло у насъ введеніе и распространеніе Богослужебныхъ книгъ и церковнаго уложенія или Номоканона, на языкѣ Словенскомъ, что и послужило основаніемъ нашей письменной Словесности. Книги сіи заимствованы Русью изъ Греціи и Болгаріи, гдѣ овѣ и переведены были съ языка греческаго; но при Ярославѣ у насъ были уже собственныя переложенія церковныхъ книгъ съ греческаго языка на Словенскій [3]).

---

[1]) Изложеніе древней Русской Словесности, болѣе или менѣе полное и удовлетворительное, находится въ сочиненіяхъ, поименованныхъ во Введеніи.—Кромѣ того замѣчателенъ очеркъ ея, сдѣланный *Н. Полевымъ*, во 2-й части Исторіи Русскаго народа.

[2]) Неизвѣстно, откуда взялъ Еминъ, что при Ярославѣ Епископъ *Лука* перевелъ много Церковныхъ Греческихъ книгъ на языкъ Словенскій.

[1]) Татищевъ въ своей Исторіи помѣстилъ отрывки изъ Лѣтописи, приписанной *Іоакиму Корсунянину*, первому Новгородскому Епископу (съ 992 по 1130 годъ). Но сія такъ называемая Новгородская Лѣтопись непризнана достовѣрною и отвергнута, хотя Татищевъ, Болтинъ и нѣкоторые другіе вѣрили ей, и хотя нѣкоторыя извѣстія въ ней въ самомъ дѣлѣ правдоподобны. Впрочемъ могло быть, что Іоакимъ составлялъ какія нибудь лѣтописныя замѣчанія: допускаетъ же и Карамзинъ существованіе у насъ *мо-*

Въ X вѣкѣ, еще до временъ Владиміра, написаны были въ Греціи три договора Руси съ Греками, а именно договоръ Олеговъ 912 г., съ Игоремъ 945 г., и Святославовъ 971 г.—Сіи договорныя или урядныя грамоты, по обычаю Греціи написаны были вдвойнѣ: на языкѣ Греческомъ и на Словено-Русскомъ; на семъ послѣднемъ языкѣ они сохранились въ лѣтописи Несторовой.

При Владимірѣ и Ярославѣ составлены были въ Кіевѣ слѣдующіе памятники законодательные. 1) Уставы по дѣламъ церковнымъ; таковы: св. Владиміра завѣтная грамота о десятинахъ и уставъ о церковныхъ судахъ (996—1011); Ярославовы уставы о церковныхъ судахъ и о свободѣ Духовенства отъ пошлинъ (1051—1054). 2) Уложеніе мірскаго суда, извѣстное подъ именемъ Правды Русской, которая отъ Ярослава дана была изъ Кіева Новгородцамъ въ 1016 году, вмѣстѣ съ уставомъ или грамотою льготною, до насъ недошедшею.

Отдѣлъ второй.

Съ возрастаніемъ Христіанской жизни и просвѣщенія въ Кіевѣ, во время его процвѣтанія, — умственная дѣятельность, особенно Южной Руси, обнаружилась многими замѣчательными произведеніями Словесности; и мы можемъ назвать слѣдующихъ двѣнадцать Писателей, принадлежащихъ къ сему семидесятилѣтію.

1. Лука, по прозванію Жидята или Жирята, второй Епископъ Новгородскій, поставленный Ярославомъ около 1030 г., скончавшійся 1056 г.—Ему въ нашихъ лѣтописяхъ приписано Поученіе къ братіи, первое изъ дошедшихъ къ намъ поученій.

2. Преподобный Ѳеодосій, 2-й игуменъ Печерскій. Родомъ былъ изъ Василькова (близь Кіева); но юность про-

---

пастырскихъ записокъ прежде Нестора, и почему нибудь приписана же Іоакиму Лѣтопись, хотя и подложная,—также какъ потомъ были приписаны Бояну (однимъ Грузиномъ) Гимны собственной выдумки.

велъ въ Курскѣ, откуда и пришелъ къ Антонію на 23 году своей жизни; скончался 1074 г., 3 мая. Достославное и назидательное житіе сего Святаго и великаго дѣятеля древняго времени подробно описано въ Патерикѣ Печерскомъ.—До насъ дошли нѣсколько его Поученій къ братіи и отвѣтное Посланіе къ Изяславу о Варяжской Вѣрѣ. Къ Святославу онъ писалъ нѣсколько обличительныхъ Посланій за Изяслава; но они къ сожалѣнію утратились.

3. Іоаннъ, дьякъ, по всей вѣроятности Кіевскій. По желанію Святослава Ярославича, онъ написалъ два Сборника, извлеченные имъ изъ многихъ книгъ, принадлежавшихъ сему Князю: одинъ Сборникъ въ 1073 году, другой въ 1076 г. Особенно замѣчателенъ первый Сборникъ, содержащій извлеченія изъ Святыхъ Отцевъ Церкви и другихъ Греческихъ Писателей о предметахъ Христіанскаго ученія, а также и другихъ наукъ—Любомудрія, Риторики и Лѣтописанія Греческаго.

4. Іоаннъ II, родомъ Грекъ, 7-й митрополитъ Кіевскій, скончавшійся 1089 г. По сказанію Нестора, онъ былъ «мужъ хитръ книгамъ и ученію» и весьма добродѣтеленъ, за что и прозванъ Добрымъ. Онъ написалъ отвѣтное Посланіе къ черноризцу Іакову о Церковныхъ Правилахъ на разные случаи.

5. Преподобный Несторъ, Лѣтописецъ Печерскій, отецъ бытописанія Русскаго. Родился 1056 г., неизвѣстно гдѣ; на 17 году своей жизни принятъ былъ (1073 г.) Ѳеодосіемъ въ монастырь Печерскій, но постриженъ въ монахи и діаконы уже Игуменомъ Стефаномъ. Когда скончался—неизвѣстно; въ Патерикѣ сказано только: «поживе-же лѣта довольна, труждаяся въ дѣлехъ лѣтописанія и лѣта вѣчная поминая, и тако добрѣ угоди Творцу лѣтомъ». Но судя потому, что его Лѣтопись или Повѣсть временныхъ лѣтъ прекращается около 1110 года, можно полагать, что вскорѣ послѣ того скончался и самъ безсмертный Лѣтописатель [1]).

---

[1]) Къ подробностямъ Несторовой жизни принадлежитъ отысканіе и перенесеніе мощей Ѳеодосія, которое въ 1091 г. возложено было на него Совѣтомъ Печерской братіи.

Кромѣ Лѣтописи Несторъ написалъ особо Житіе Бориса и Глѣба, Житіе Ѳеодосія и Житіе Антонія: послѣднее утрачено было еще въ древнее время, и по воспоминанію написано вновь св. Симономъ.

6. Между Печерскими иноками во время Несторово былъ «Григорій, творецъ Каноновъ», упоминаемый въ Патерикѣ (въ житіи Никиты).

7. Василій, по мнѣнію Карамзина—монахъ или священникъ Волынскій, современникъ Нестора, дополнившій его Лѣтопись описаніемъ нѣкоторыхъ событій Юго-западной Руси, особенно переговоровъ своихъ съ заключеннымъ во Владимірѣ кн. Васильком, 1098 года. Ему случилось быть тогда во Владимірѣ «смотрѣнія ради училищъ и наставленія учителей» [1]).

8. Сильвестръ, Игуменъ Выдобецкаго монастыря, а съ 1119 г. Епископъ Переяславскій; скончался 1124 г. Онъ считается первымъ продолжателемъ Несторовой Лѣтописи; впрочемъ Карамзинъ думалъ, что Сильвестръ былъ только переписчикомъ.

9. Даніилъ, Игуменъ, кажется Черниговскій. Около 1105 г. былъ во Святыхъ Мѣстахъ Палестинскихъ, и свое любопытное хожденіе описалъ подъ именемъ Паломника.

10. Никифоръ, родомъ Грекъ, 11-й Митрополитъ Кіевскій (съ 1104 по 1121 годъ), написалъ два Посланія къ Мономаху—одно о постѣ, душѣ и пяти чувствахъ, другое о Латинской Вѣрѣ—и Посланіе къ Ярославу Святославичу Князю Муромскому.

11. Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ, великій Князь Русскій, скончавшійся 1125 г., написалъ Посланіе къ Князю Олегу (въ 1096 г.), Поученіе своимъ дѣтямъ и Молитву. Къ Русской Правдѣ прибавилъ онъ статью о ростахъ.

---

[1]) Сіи слова, неизвѣстно изъ какой Лѣтописи взятыя Татищевымъ (стр 181), относятся къ сему Василію.

12. Боянъ, славный Русскій Пѣснотворецъ, воспѣвавшій Всеслава Полоцкаго и другихъ Русскихъ Князей. Время жизни его можно положить въ началѣ XII вѣка.

Соображая все, что осталось отъ сихъ Русскихъ Писателей, можно замѣтить въ нихъ во-первыхъ—направленіе поучительное, которое устремлялось преимущественно къ утвержденію Православія въ дѣйствіяхъ и правилахъ жизни общественной и частной, и выражалось въ живой формѣ поученія и посланія; во вторыхъ—тѣмъ же духомъ проникнутое направленіе повѣствователь ное или историческое, которое выражалось съ одной стороны—лѣтописаніемъ или повѣстію исторической, жизнеописаніемъ и описаніемъ хожденія или путешествія, съ другой стороны—пѣснотворческою повѣстію о былинахъ Русской земли. Итакъ поучительность и повѣствовательность, въ духѣ жизнедѣятельной положительности и Православія: вотъ признаки Рускаго ума, на второй ступени развитія древней Словесности! Можемъ замѣтить, что и въ послѣдующее время поучительный и историческій родъ были постоянными въ нашей Словесности.

Отдѣлъ третій.

Въ XII вѣкѣ было вообще сильнѣйшее распространеніе и развитіе древней Русской Словесности, и несмотря на упаданіе Кіева, все еще Южная Русь была главнымъ разсадникомъ оной и для Востока и для Запада Русскаго. Въ Новѣгородѣ также съ гражданскимъ его возвышеніемъ и умственная дѣятельность начала выражаться въ собственныхъ произведеніяхъ письменной Словесности.

Изъ Кіевскихъ Писателей сего времени должно вспомянуть во-первыхъ о Климентѣ или Климѣ Смолятичѣ, который сначала былъ Кіевскимъ схимникомъ, а потомъ 1147 г., по настоянію Князя Изяслава Мстиславича, посвященъ Соборомъ Русскихъ Епископовъ въ Митрополиты, и въ санѣ семъ находился до 1156 года. По сказанію Лѣтопи-

сей, онъ былъ книжникъ и Философъ, какого прежде не было въ Руси «и много написанія написавъ предаде»; но къ сожалѣнію до насъ не дошло ничего изъ его писаній.

14. Въ замѣнъ того осталось намъ богатство изящныхъ произведеній знаменитаго Русскаго Витіи Св. Кирилла Туровскаго: его поучительныя Слова, духовныя Притчи, Толкованіе о чинѣ монашескомъ, Молитвы и Канонъ о покаяніи. Святой мужъ сей былъ уроженецъ города Турова (на рѣкѣ Припети), гдѣ онъ спасался въ столпѣ, а потомъ, по просьбѣ Туровскаго Князя и гражданъ, былъ Епископомъ Туровскимъ въ третьей четверти XII вѣка и скончался около 1182 года. Въ продолженіе своего Епископства онъ былъ въ сношеніяхъ съ Андреемъ Боголюбскимъ, къ которому писалъ многія Посланія до насъ недошедшія.

15. Къ Восточно-Русскимъ Писателямъ первой половины XII вѣка принадлежитъ Данило Заточникъ, извѣстный своимъ Посланіемъ къ Юрію Долгорукому, которое онъ написалъ находясь въ заточеніи на озерѣ Лачѣ (Полонецкой губерніи). Неизвѣстно, за что туда былъ сосланъ симъ Княземъ Данило и кто такой былъ онъ; но изъ Посланія видно, что онъ былъ свѣтскій и знатнаго рода.

16. Древнее Русское пѣснопѣніе красуется Пѣснію о полку Игоревѣ, сложенною въ концѣ XII вѣка—безъименнымъ Пѣвцемъ, который безъ сомнѣнія былъ современникъ своего героя Новгородъ-Сѣверскаго Князя, вѣроятно принадлежалъ къ его дружинѣ и даже участвовалъ въ воспѣтомъ имъ ополченіи на Половцевъ 1185 года.

Къ числу Кіевлянъ, писавшихъ въ началѣ XIII вѣка въ Суздалѣ принадлежатъ Св. Симонъ и Поликарпъ.

17. Св. Симонъ сначала былъ Кіевопечерскимъ монахомъ, а съ 1215 г. первымъ Епископомъ Владимірскимъ и Суздальскимъ. По набожной преданности своей Печерскому монастырю, онъ собиралъ всѣ объ немъ свѣдѣнія, желая сохранить ихъ отъ забвенія, и написалъ Сказаніе о созданіи Печерской церкви и Житіе Антонія; сверхъ того описалъ вкратцѣ житія нѣсколькихъ другихъ Угодни-

ковъ Печерскихъ въ Посланіи къ Поликарпу. Скончался 1226 года; мощи его по завѣщанію перенесены въ Кіевскія пещеры.

18. Поликарпъ, монахъ Кіевопечерскій, сродникъ и ученикъ Симона, былъ нѣкоторое время съ нимъ во Владимірѣ, откуда около 1218 года написалъ Посланіе къ Печерскому Архимандриту Акиндину II, и при ономъ житія нѣсколькихъ Печерскихъ Угодниковъ, какъ слышалъ объ нихъ отъ Симона. Вскорѣ послѣ того онъ опять возвратился въ Печерскую Лавру, гдѣ и былъ, кажется, Архимандритомъ, послѣ Акиндина [1]).

Изъ Грековъ Митрополитовъ Кіевскихъ въ семъ отдѣлѣ были два Писателя [2]).

19. Іоаннъ IV, 17-й Митрополитъ (съ 1164 по 1166 г.), написалъ на Греческимъ языкѣ отвѣтное Посланіе къ Римскому Папѣ Александру III о различіи Западной Церкви отъ Восточной. Можетъ быть тогда же сдѣланъ былъ Словенскій переводъ сего Посланія, который извѣстенъ былъ у насъ въ старину.

20. Кириллъ I, 21-й Митрополитъ Кіевскій (съ 1224 по 1233 г.), написалъ нѣсколько поучительныхъ Словъ.

Что касается до Русскаго Лѣтописанія, то и въ Кіевѣ и на Волыни и въ Суздалѣ [3]) было нѣсколько безъименныхъ Лѣтописателей, коихъ трудами продолжалась непрерывно Несторова Повѣсть временныхъ лѣтъ.

---

[1]) См. Описаніе Кіевопечерской Лавры, Кіевъ, 1831 г. (митрополита Евгенія).

[2]) Къ писателямъ Греческимъ принадлежитъ нашъ второй митрополитъ *Леонтій* (сконч. 1008 года), котораго посланіе *къ Латинамъ объ опрѣсноках*ъ находится въ числѣ Греческихъ рукописей Московской Синодальной или Патріаршей библіотеки.

[3]) Къ Суздальскимъ лѣтописателямъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, принадлежитъ любознательный князь *Константинъ Всеволодовичъ*, который (по извѣстіямъ Татищева) имѣлъ у себя до *тысячи* Греческихъ книгъ. — Татищевъ полагаетъ, что св. Симонъ продолжалъ Русское лѣтописаніе въ Суздалѣ, а св. Нифонтъ—на Волыни; но это только догадки.

Изъ Новгородцевъ, между древними Русскими Писателями, извѣстны слѣдующіе.

21. Кирикъ или Кириакъ, родился 1110 г., былъ діакономъ при славномъ Новгородскомъ Епископѣ св. Нифонтѣ (скончавшемся 1156 г.), потомъ долго еще оставался Священникомъ въ Новѣгородѣ, во время Аркадія и Иліи. На 23 году своей жизни, Кирикъ составилъ Числоученіе, родъ Хронологіи; а потомъ велъ Записки своихъ бесѣдъ, съ Нифонтомъ и другими духовными лицами, о разныхъ церковныхъ предметахъ, извѣстныя подъ именемъ Вопрошаній.

22. Андрею, бывшему Игуменомъ Антоніевскаго монастыря (съ 1147 по 1157) приписано Митрополитомъ Евгеніемъ Житіе Св. Антонія Римлянина, учителя и предшественника Андреева; но П. Строевъ пишетъ (въ своемъ Хронологическомъ Указаніи), что сіе житіе составлено въ XVI вѣкѣ.

23. Св. Іоаннъ, уроженецъ и Священникъ Новгородскій, бывшій потомъ первымъ Архіепископомъ (съ 1165 г.), подъ именемъ Иліи; скончался 1186 г., принявъ схиму и прежнее имя Іоанна. Архіепископъ Илія написалъ (съ неизвѣстнымъ по имени Епископомъ Бѣлгородскимъ) Правило на два церковныхъ случая; а 28 отвѣтовъ его записаны въ Вопрошаніяхъ Кириковыхъ.

24. Въ половинѣ XII вѣка Новгородскимъ Лѣтописателемъ былъ Священникъ, поставленный Нифонтомъ 1144 года. Митрополитъ Евгеній доказывалъ, что это былъ Св. Іоаннъ.

25. Антоній, въ мірѣ именовавшійся Добрынею Адрейковичемъ, былъ монахомъ Хутынскаго монастыря а съ 1212 г. Архіепископомъ Новгородскимъ; скончался 1231 въ томъ же монастырѣ. Въ 1200 году Антоній ходилъ въ Царьгородъ и написалъ Паломникъ.

26. Изъ Новгородскихъ Лѣтописателей XIII-го вѣка извѣстенъ Тимоѳей, пономарь, упоминающій о себѣ подъ 1230 годомъ [1]).

Въ началѣ XII вѣка, кажется, начата и Лѣтопись Псковская.

Къ сему же третьему отдѣлу древняго періода принадлежатъ слѣдующіе Грамоты и Уставы. 1) Грамота, жалованная Новгородскому Юрьевскому монастырю Кіевскимъ Княземъ Мстиславомъ Владиміровичемъ, 1128 г. 2) Грамота, жалованная Церкви Іоанна Предтечи Новг. Княземъ Всеволодомъ Мстиславичемъ, около 1130 г. 3. Уставъ церковный Новг. Князя Святослава Ольговича Новгородскому Софійскому Собору, 1137 г. 4) Уставъ о мостѣхъ (мостовыхъ) Новгородскихъ, принадлежащій по всей вѣроятности Ярославу Владиміровичу II, бывшему Новгородскимъ Княземъ въ концѣ XII вѣка. Изъ сихъ Грамотъ только первая сохранилась въ подлинникѣ. 5) Отъ XIII вѣка осталась въ подлинникѣ Договорная Грамота Смоленскаго Князя Мстислава Давидовича съ Ригою и Готскимъ берегомъ, 1228 г.

Вотъ письменная Русская Словесность отъ кончины Мономаха до нашествія Татарскаго. Въ ней господствуетъ тоже поучительное и повѣствовательное направленіе. Но Христіанское поученіе уже достигло до истиннаго, роскошнаго витійства—въ Словахъ Кирилла Туровскаго; Лѣтописаніе Русское велось непрерывно; а пѣснотворческое повѣствованіе завершилось цѣлою, стройною Пѣснію о Полку Игоревѣ, въ которой народная Словесность является въ образованіи письменномъ.—

И такъ въ древнемъ періодѣ Русской Словесности можно безъ сомнѣнія считать около 25 Писателей, сверхъ безъименныхъ Лѣтописцевъ, неизвѣстныхъ переводчиковъ Церковныхъ Книгъ и участниковъ въ составленіи памятниковъ законодательныхъ.

---

[1]) Въ другомъ позднѣйшемъ спискѣ Новгородской лѣтописи, вмѣсто Ѳ имоѳея, поставлено имя священника Іоанна.

Изъ сего числа только четыре Митрополита были Греки, впрочемъ знавшіе Церковно-Словенскій языкъ и писавшіе на оном, кромѣ Іоанна IV. Прочіе наши древніе Писатели безъ сомнѣнія были Рускіе. Изъ всѣхъ ихъ только Мономахъ, Боянъ, Данило Заточникъ и Пѣвецъ Игоря были свѣтскіе; прочіе же принадлежали къ Духовенству [1]). Потому-то и наша древняя Словесность имѣетъ преимущественно направленіе духовное, даже у Мономаха и Данила Заточника.

Большая часть древнихъ Писателей нашихъ была изъ Южной Руси, вслѣдствіе большаго и полнѣйшаго раскрытія въ ней умственной дѣятельности и всей вообще внутренней жизни. Въ Новѣгородѣ, преданномъ болѣе внѣшней дѣятельности, и письменная Словесность началась позднѣе, была мельче въ своемъ развитіи и одностороннѣе положительна въ своемъ направленіи. При всемъ вліяніи Греческомъ на нашу письменную Словесность, она не была исключительно подражательною, но имѣла много и своеобразнаго,—что становится видным даже изъ сличенія писаннаго нашими Митрополитами Греками и природными Русскими Писателями.

Письменное образованіе древней Русской Словесности не остановило собою прежняго изустнаго ея развитія въ народѣ,—и народная жизнь продолжала выражать себя въ пословицахъ или притчахъ, въ пѣсняхъ и въ сказаніяхъ или сказкахъ, которыя распространялись и сохранялись изустнымъ преданіемъ. Собственно народная или изустная Словесность шла у насъ объ-руку съ Словесностію образованною или письменною. Народъ Русскій богатъ памятниками обѣихъ. И если сравнить древнюю Русскую Словесность съ современнымъ ей состояніемъ Словесности у За-

---

[1]) Къ числу главныхъ сочиненій, въ которыхъ описана жизнь духовныхъ писателей древняго времени, принадлежатъ патерикъ Печерскій и Четь-Минеи — Счетъ Кіевскихъ митрополитовъ принятъ мною по *Кіевскому Синопсису*, изданному 1836 года митрополитомъ Евгеніемъ, которому я слѣдовалъ и въ числѣ Русскихъ Епископствъ.—Замѣтимъ еще, что Новгородскіе епископы Іоакимъ, Лука и Антоній принадлежатъ къ числу святыхъ Угодниковъ, чтимыхъ въ Новѣгородѣ.

падныхъ народовъ, то конечно ни одинъ изъ нихъ не возметъ преимущества передъ нами; по крайней мѣрѣ намъ неизвѣстно ничего въ XI и XII вѣкѣ на Западно-Европейскихъ языкахъ, что превосходило-бы Лѣтописаніе Нестора, Слова Кирилла Туровскаго и Пѣснь о полку Игоревѣ.

ГЛАВА IV.

О народномъ Русскомъ языкѣ и его видоизмѣненіяхъ.

Собственно Русскимъ языкомъ называется у насъ теперь языкъ Великороссіянъ, которые сами себя зовутъ и въ Малороссіи называются—собственно Русскими; народный же языкъ Южной Руси называется обыкновенно Малороссійскимъ нарѣчіемъ, также какъ народный языкъ Бѣлой Руси—нарѣчіемъ Бѣлорусскимъ. Но въ Галиціи и по сю пору тамошній языкъ не переставъ называться просто языкомъ Русскимъ—тѣмъ именемъ, которое и всей Южно-Русской рѣчи принадлежало изстари, которымъ назвалась она первая, еще прежде чѣмъ усвоилось оно языку Великороссіянъ (какъ и самое имя Руси или Русской земли сперва принадлежало Кіевской землѣ или Украинѣ). Потому имя Русскаго языка въ обширномъ смыслѣ должно-принимать какъ родовое имя, столько же принадлежащее языку всей Южной Руси, сколько и языку всей Сѣверной Руси; и въ такомъ общемъ значеніи Русскій языкъ можно бы называть Восточно-Словенскимъ. Три вида сего языка, принадлежащіе тремъ видамъ Русскаго народа, столько между собою различны, что ихъ можно принимать не какъ три нарѣчія, но какъ три особые однородные языка, наравнѣ съ прочими Западно-Словенскими языками, и даже съ большимъ правомъ, чѣмъ языки Польскій, Сербскій, Чешскій и Словацкій; ибо сіи послѣдніе сходнѣе между собою, чѣмъ Южнорусскій съ Великорус-

скимъ и даже съ Бѣлорусскимъ. И такъ въ кругу языка Русскаго или Восточно-Словенскаго станемъ различать три особые языка:

1. Языкъ Южнорусскій, которымъ говорятъ во всей Южной Руси—Кіевской и Галицкой.

2. Языкъ Великорусскій, употребляемый всѣми Великороссіянами.

3. Языкъ Бѣлорусскій или точнѣе Литовско-Русскій [1]), принадлежащій Бѣлоруссіи и всей вообще Литовской или Сѣверо-западной Руси.

Древнѣйшую и собственную основу сихъ трехъ языковъ составляетъ языкъ Восточныхъ Словенъ, которымъ говорили они до водворенія у нихъ Руссовъ и до той поры, какъ Церковно-Словенскій языкъ, сдѣлавшись Богослужебнымъ и письменнымъ языкомъ Руси, началъ проникать и въ составъ народнаго языка ея. Измѣненія, происшедшія отъ сихъ двухъ главныхъ и еще отъ другихъ вліяній, при которыхъ совершалось дальнѣйшее развитіе языка Русскаго, относятся уже ко времени образованія Восточныхъ Словенъ въ Русь. Но какъ Восточные Словены еще за-долго до того состояли изъ многихъ особыхъ отраслей, въ разныхъ степеняхъ между собою родственныхъ; то безъ сомнѣнія и въ языкѣ сихъ отраслей уже издревле существовали свои большія или меньшія особенности, которыя и были коренною, внутреннею причиною мѣстныхъ разностей въ языкѣ Русскомъ.

Съ соединеніемъ Восточныхъ Словенъ въ разныя Русскія области возобновлялось и увеличивалось ихъ сближеніе, и внутренняя жизнь опять становилась одинаковѣе, развиваясь подъ вліяніемъ и по образцу господствующаго въ области города. Гдѣ были средоточія Русской жизни, и языкъ того мѣста становился главнымъ, образцовымъ для цѣлой об-

---

[1]) Въ Малороссіи называютъ его просто *Литовскимъ*, а говорящихъ имъ—*Литвинами*; потому и Сѣверо-западная часть Черниговской губерніи—куда простирались заселенія Радимичей и гдѣ говорятъ по-Бѣлорусски—называется уже *Литвою*.

ласти; распространялись въ ней, онъ объединялъ собою мѣстныя разности, заимствуя и самъ отъ нихъ, и развивался въ областныя нарѣчія. Нѣкоторыя изъ сихъ нарѣчій, распространялись и господствуя въ нѣсколькихъ областяхъ, придали имъ новое единство образованія, и такимъ образомъ составилась нынѣшняя особенность трехъ народныхъ языковъ Руси.

1. Языкъ Южнорусскій.

Народный Южнорусскій языкъ запечатлѣнъ наибольшимъ единствомъ образованія и состава въ своихъ мѣстныхъ разностяхъ, такъ, что въ немъ можно различить, и то не очень рѣзко, только два нарѣчія: Восточное—Украинское или Малороссійское, и Западное — Галицкое или Червонорусское. Сія печать единства на языкѣ Южнорусскомъ служитъ ручательствомъ за древность его образованія, которое произошло, безъ сомнѣнія, не позднѣе древняго періода, а не въ средніе времена, какъ полагали нѣкоторые [1]), напрасно производя Южнорусскій языкъ отъ смѣшенія Русскаго съ Польскимъ. Такую смѣсь дѣйствительно представляетъ книжный языкъ у многихъ Южнорусскихъ Писателей, особливо XVII вѣка, а еще болѣе и прежде у Писателей Литовско-Русскихъ. Но въ народномъ языкѣ Южной Руси Кіевской и Галицкой—своя особенная, собственная и притомъ древняя основа. Заимствованій отъ Польскаго языка въ

---

[1]) Такое мнѣніе находится даже и въ Пространной Грамматикѣ *Греча*, гдѣ изложена Исторія Русскаго языка. По словамъ его, Малороссійское нарѣчіе родилось и усилилось отъ долговременнаго владычества Поляковъ въ Юго-западной Россіи и даже можетъ назваться нарѣчіемъ Польскимъ. Но сіе можно сказать не болѣе какъ о нарѣчіи *Перемышльской* земли, въ которомъ дѣйствительно такъ много Польскаго. Въ средніе времена, по долговременному вліянію Польши на Галицію, и вліяніе Польскаго языка отразилось собственно на Галицкомъ нарѣчіи. Въ нарѣчіи же Украинскомъ только Волыно-Подольская разность по мѣстамъ отзывается иногда Полонизмами но такія позднѣйшія заимствованія легко различаются отъ природныхъ свойствъ языка Южнорусскаго.

немъ не много и совсѣмъ нѣтъ въ немъ тѣхъ особенностей, которыми Польскій языкъ отличенъ отъ прочихъ Западно-Словенскихъ. Сими особенностями онъ сближается съ языкомъ Сѣверной Руси, а не съ Южнорусскимъ, у котораго гораздо больше сродства съ Чешскимъ и Словацкимъ, а съ другой стороны много общаго съ языками Словенъ Задунайскихъ.— Потому сродство Южнорусскаго языка съ Сѣверо-западными Словенскими показываетъ гораздо древнѣйшее ихъ общеніе, чѣмъ сближеніе Украины съ Польшею послѣ нашествія Татарскаго. Въ древнія времена Поморскіе Руссы, а еще прежде Волыняне, распространялись въ Южной Руси, могли языку ея и съ своей стороны придать что нибудь Сѣверо-западнаго. Но въ средніе времена Южнорусскія области находились въ такихъ розныхъ обстоятельствахъ внутреннихъ и отношеніяхъ внѣшнихъ, что языкъ Южнорусскій необходимо образовался-бы въ нихъ гораздо болѣе различнымъ, если-бъ не былъ народнымъ языкомъ всей Южной Руси уже въ древнее время, когда въ ней происходило столь сильное преобразованіе развитіемъ одной общей жизни. Только тогда языкъ ея могъ образоваться съ такимъ единствомъ состава и духа на столь значительномъ пространствѣ. Образованіе Южнорусскаго языка сперва въ Украинѣ, потомъ въ Червоной Руси, происходило безъ сомнѣнія подъ вліяніемъ Кіевской или Поляно-Русской рѣчи. Потому и донынѣ Кіево-Переяславская рѣчь, распространенная по всему Запорожскому и Черноморскому краю, есть главная и образцовая разность Южнорусскаго языка, болѣе чистая, чѣмъ Сѣверская, Слобожанская и Волыно-Подольская разности нарѣчія Украинскаго [1]).

---

[1]) Въ Червонорусскомъ или Галицкомъ нарѣчіи, которое отъ Украинскаго или Малороссійскаго отдѣляется Днѣстромъ, есть свои мѣстныя разности. Онѣ обозначены слегка Вагилевичемъ въ письмѣ къ Погодину (см. Моск. Наблюд. 1836); но желательно, чтобы наши Галицкіе однородцы опредѣлили оныя со всею подробностію, обозначая съ тѣмъ вмѣстѣ и сродство ихъ съ окрестными языками Словенскими. Вообще наше языкознаніе ожидаетъ отъ нихъ значительной пользы: начальные труды ихъ по сей части

Съ распространеніемъ Кіевлянъ въ Сѣверной Руси, и языкъ Южнорусскій конечно имѣлъ вліяніе на языкъ областей Сѣверноруссскихъ,—какъ нынѣ во всѣхъ краяхъ Россіи обнаруживается вліяніе Великорусскаго языка, простирающееся и на народную рѣчь Украины.

2. *Языкъ Великорусскій*

Соотвѣтственно образованію Сѣверо-восточныхъ Словенъ въ Русь Московскую или Великую и въ Литовскую Русь, ихъ языкъ образовался также въ два вида: Восточный—Великорусскій и Западный—Литовско-Русскій. Въ общемъ образованіи своемъ они сходнѣе между собою, чѣмъ съ языкомъ Южнорусскимъ; но они различны другъ отъ друга болѣе, чѣмъ два Южнорусскія нарѣчія различны между собою; потому они и принимаются какъ два особые языка.

Великорусскій языкъ, объемля собою нѣсколько особыхъ нарѣчій, отличается наибольшимъ разнообразіемъ своихъ мѣстныхъ разностей и сложнѣе въ своемъ составѣ, чѣмъ Южнорусскій и Бѣлорусскій. Его главное образованіе началось съ нарѣчія Новгородскаго, а довершилось въ Москвѣ, изъ коей произошло и главнѣйшее развитіе всей Великорусской жизни. Нарѣчіе Московское, хотя младшее по времени, но старшее по степени образованія, есть образцовое и господствующее нынѣ въ цѣлой Россіи.—Разности языка Великорусскаго могутъ быть приведены къ слѣдующимъ четыремъ главнымъ нарѣчіямъ.

1. Верхнерусское или Новгородское, распространившееся изъ Новагорода по Сѣверной полосѣ Россіи—на область Псковскую и весь Русскій Сѣверовостокъ, въ такъ называвшихся верхнихъ земляхъ, составлявшихъ область

заслуживаютъ вниманія и продолженія: пусть только сперва соберутъ и приведутъ въ извѣстность оставшійся запасъ своенароднаго языка—какъ онъ есть; а въ письменной его обработкѣ сообразаются съ самороднымъ чистымъ его выраженіемъ въ *народныхъ пѣсняхъ* Червонорусскихъ, а еще болѣе Украинскихъ.

Новгородскую.—Сіе нарѣчіе по времени образованія есть старшее, а по составу своему ближайшее къ Южнорусскому языку, что—по моему—не столько происходитъ отъ вліянія Кіева на Новгородъ въ древнемъ періодѣ, сколько показываетъ еще древнѣйшую близость Новгородскихъ Словенъ и Тверичей къ Словенамъ Южнорусскимъ и ихъ переселеніе съ Юга.

2. Нижнерусское или Суздальское нарѣчіе, образовавшееся въ области Суздальской, подъ вліяніемъ нарѣчія Новгородскаго и Украинскаго, и распространившееся въ низовой сторонѣ Россіи и вверхъ по Волгѣ, на Сѣверной сторонѣ Оки.

Сіи два нарѣчія Великорусскія распространились далеко на Востокъ, за Волгою иУраломъ, по всей Сибири.

3. Среднерусское или Рязанское нарѣчіе, простирающееся въ средней полосѣ Россіи на Югъ отъ Оки, между Бѣлоруссіей и Волгою; кажется, оно преимущественно распространилось по Дону и въ землѣ Кавказской.

4. Среди сихъ нарѣчій образовалось изъ нихъ уже въ средніе времена въ Москвѣ нарѣчіе Московское, которое потомъ распространилось по цѣлой Россіи въ образованнѣйшихъ сословіяхъ, и служитъ образцемъ избраннаго, чистаго языка Русскаго, употребляемаго и въ современной Русской Словесности.

3. Языкъ Бѣлорусскій.

Бѣлорусскій или Литовско-Русскій языкъ получилъ свое главное образованіе, кажется, у Полочанъ и утвердился съ нѣкоторыми мѣстными разностями—у всѣхъ Сѣверо-западныхъ Руссовъ, постоянно составлявшихъ впослѣдствіи Княжество Литовское. По меньшему развитію здѣсь народной жизни, и здѣшній Русскій языкъ развитъ и образованъ менѣе, чѣмъ два первые. По своему общему образованію онъ ближе къ Великорусскому; но въ частныхъ примѣтахъ и словахъ онъ имѣетъ много общаго съ Южнорусскимъ, и занимаетъ между ними средину. Онъ совсѣмъ не имѣлъ

книжнаго образованія и употребленія; почему несвойственно—Калайдовичь [1]) и другіе—называютъ именемъ Бѣлорусскаго языка тотъ книжный языкъ, который въ средніе времена употреблялся въ Литовской и вообще въ Западной Руси и который всего лучше можно называть Западнорусскимъ письменнымъ языкомъ, въ отличіе отъ Восточнорусскаго, употреблявшагося тогда-же въ Государствѣ Московскомъ.

Вотъ главные виды и нарѣчія народнаго Русскаго языка. Они опредѣляются по средоточнымъ, наиболѣе особеннымъ или далекимъ другъ отъ друга образованіямъ, а не по измѣненіямъ переходнымъ или пограничнымъ: ибо въ сихъ послѣднихъ каждый языкъ и каждое нарѣчіе обыкновенно теряетъ что нибудь отъ своихъ особенностей и заимствуется свойствами языка или нарѣчія сосѣдняго. Такое мѣстное измѣненіе, зависящее отъ давней смежности одного нарѣчія съ другимъ, Русскимъ-же или иноязычнымъ [2]), умножается

---

[1]) Въ статьѣ *о Бѣлорусскомъ нарѣчіи* (см. Труды Моск. Общ. Люб. Рос. Слов. 1822).

[2]) Такъ Южнорусскій языкъ въ *Сѣверской* разности своей, прикасаясь съ одной стороны къ Среднерусскому нарѣчію Великорусскаго языка, а съ другой къ языку Бѣлорусскому, сбивается уже на выговоръ того и другаго, напримѣръ въ произношеніи звука *о* на *а*, въ произношеніи буквы *ѣ* какъ *е* (потому многіе Сѣверцы говорятъ уже—Чернеговъ, Нежинъ; и въ повелительномъ наклоненіи—возметь, ходемъ, идеть). Но въ Нижней Сянинѣ или землѣ Перемышльской Южнорусскій языкъ весьма перемѣшанъ съ языкомъ Польскимъ, а въ Карпатахъ онъ принялъ много словъ Словацкихъ и даже Венгерскихъ или Мадьярскихъ.—Такъ нарѣчіе Верхнерусскос *Тверской* разности сбивается на произношеніе Бѣлорусское (напр. *е* обращаютъ въ *я*: бясида, нявиста); а въ глубинѣ Сѣверовостока приняло много Чудскихъ словъ.—

Среди собственныхъ природныхъ нарѣчій Русскаго языка, въ народѣ составляются еще условныя, искуственныя нарѣчія, частію по необходимости—какъ напримѣръ *Кяхтинскій* торговый языкъ, изъ смѣси Русскаго съ Китайскимъ (см. Моск. Телегр.); частію по произволу—какъ напримѣръ нарѣчіе *Ходебское* или *Офенское* (см. Труд. Моск. Общ. Л. Р. Сл. 1828), изъ коего нѣкоторыя слова перешли даже въ народныя Русскія нарѣчія на Волгѣ.

еще послѣдующими сближеніями нарѣчій, происходящими при переселеніи жителей изъ одной области въ другую [1]).

Народный Русскій языкъ измѣняется также съ теченіемъ времени отъ вліянія письменной городской и разговорной рѣчи на языкъ сельскій: ибо у горожанъ и людей грамотныхъ языкъ наиболѣе подвергается измѣненіямъ; а отъ нихъ разныя новости языка постепенно переходятъ уже къ поселянамъ.

Такимъ образомъ, на обширномъ пространствѣ Россіи представляется чрезвычайное разнообразіе Русскаго языка и происходятъ непрестанныя, хотя и медленныя, измѣненія его въ самомъ народѣ. Отъ того разныя мѣстныя нарѣчія по-немногу утрачиваютъ свои прежнія особенности, мало по-малу обновляются и обобщаются.

Простонародная рѣчь измѣняется гораздо медленнѣе, чѣмъ городская и письменная; потому она сохраняетъ въ себѣ коренныя свойства Русскаго языка болѣе и долѣе, чѣмъ избранная изъ нея-же рѣчь образованныхъ сословій, занимающая всегда средину между наиболѣе измѣнчивымъ языкомъ письменнымъ и наиболѣе постояннымъ языкомъ простонароднымъ. Потому въ семъ послѣднемъ заключается дополнительное, еще неисчерпанное богатство для письменнаго языка Русскаго.

ГЛАВА V.

О различіи главныхъ видовъ народнаго Русскаго языка.

Каждый видъ и каждое нарѣчіе Русскаго языка имѣетъ свои особенности; и если бы опредѣлить съ точностію всѣ

[1]) Такъ въ разныхъ уѣздахъ Московской Губерніи можно видѣть водвореніе почти всѣхъ нарѣчій Великорусскихъ.

отличительныя примѣты ихъ, тогда можно бы яснѣе видѣть происхожденіе той многосложности и того разнообразія, какія представляетъ Русская рѣчь во многочисленномъ народѣ своемъ,—тогда можно бы отличать явственнѣе всѣ ея разности и оттѣнки, частію принадлежащія глубокой древности, частію происшедшія во времена послѣдовавшія. Подробное изслѣдованіе народнаго Русскаго языка съ сей точки зрѣнія весьма важно и необходимо, какъ для Исторіи, такъ и для Филологіи не одной Русской, но и всей Словенской рѣчи. Однако до сихъ поръ сдѣланы еще только отрывчатые начатки такого изслѣдованія Русскаго языка въ его собственныхъ видоизмѣненіяхъ и въ связи съ языками Западно-Словенскими [1]).

Не предполагая составлять здѣсь полнаго опредѣленія трехъ видовъ Русскаго языка, я ограничусь указаніемъ на главнѣйшія и замѣтнѣйшія особенности каждаго.

1. Особенности Южнорусскаго языка.

Южнорусскій языкъ отличается отъ Великорусскаго слѣдующими примѣтами:

1. Звукъ *о* не обращается въ *а* и не замѣняется имъ, но во многихъ случаяхъ удерживается какъ звукъ основный, коренной [2]). Потому а) окончаніе родительнаго падежа именъ

---

[1]) Начатки сіи, состоящіе наиболѣе въ областныхъ словарях, сдѣланы преимущественно въ прошломъ десятилѣтіи, стараніемъ Московскаго Общества Любителей Россійской Словесности, въ *Трудах* коего и помѣщены главные матеріалы по сей части.

[2]) Вмѣсто звука *о* Южнорусскій языкъ скорѣе принимаетъ *е* и *у*, чѣмъ *а*; исключеніе изъ сего представляетъ слово богатый, которое въ Южнорусскомъ употребляется постоянно съ буквою *а*: багатый,—багато (много), багатырь (какъ бы въ отличіе отъ словъ: убогій, небога, сбѣжье). а) Южнорусскій языкъ удерживаетъ еще звукъ *о* въ нѣкоторыхъ такихъ словахъ, въ которыхъ Великороссіяне и многіе другіе Словены давно уже употребляютъ *е*, напр. чоло, чоловѣкъ, лобода, чотыри, попелъ—вм. чело, человѣкъ, лебеда, четыре, пепелъ. – Что во многихъ словахъ звукъ *о* былъ древнѣе, чѣмъ *е*, сіе видно изъ древнихъ письменныхъ памятниковъ: въ нихъ находимъ: одва, оже, гробля—вм. едва, еже-ли, гребля. Такъ вм. молоко, волоку, по Западно-Словенской формѣ—млеко, влеку; вм. озеро, одинъ, полынь, Во-

прилагательныхъ принимаетъ о г о и ёг о, (іого); наприм. мого, чого, ёго, сёго, чорного, синёго; б) частица р о з никогда не произносится р а з, но лишь изрѣдка р и з (рôз), наприм. рôзно (произносится р и з н о).

2. Звукъ *и* въ Южнорусскомъ языкѣ имѣетъ собственно только два пзмѣненія: острое и мягкое [1]). а) О с т р о е и, общее всѣмъ языкамъ, употребляется всегда послѣ гласныхъ (—мои, твои), иногда же и послѣ согласныхъ (—кони, пани). б) М я г к о е и, болѣе гортанное, переходящее къ звуку *е*, неразличаемое и неупотребляемое Великороссіянами, свойственное вообще Словенамъ Южнымъ;—т в е р д а г о и, какъ Великорусское *ы* или Польскій *у*, совсѣмъ нѣтъ въ чистомъ Украинскомъ произношеніи [2]).

Буква *ѣ* въ началѣ, срединѣ и концѣ словъ произносится какъ о с т р о е и. Для выраженія сего звука Южные Руссы собственно и употребляли букву *ѣ* издревле [3]); наприм.

лось—езеро, еденъ или единъ, пелынь или пелунь, Велесъ. б) Что касается до обращенія звука *о* въ *у*, то сіе особенно любитъ языкъ Польскій (въ коемъ ò произносится какъ у). Тоже бываетъ изрѣдка въ Южнорусскомъ произношеніи; но гораздо болѣе въ языкѣ Бѣлорусскомъ (кунь, вулъ, кутъ). Впрочемъ *о* и *у* замѣняютъ другъ друга въ разныхъ языкахъ; отсюда—Руссы и Россы, Куманы и Команы, Булгары и Болгары.

[1]) Въ произношеніи гласныхъ звуковъ мы различаемъ три степени: 1) *твердое*, каковы *а*, *э*, *ы*, *о*, *у*; 2) *острое*, образуемое какъ-бы прибавкою передъ каждымъ гласнымъ звукомъ ь или краткаго *й*: а—йа (я) е—йе, и—йи, о—йо (ё), у—йу (ю); 3) *мягкое* занимаетъ между ними средину: мягкія *а*, *о*—сходятся почти въ одинъ звукъ, равно какъ мягкія *е*, *и*—весьма сближаются другъ съ другомъ, почему въ разныхъ языкахъ и дѣйствительно употребляются одно вмѣсто другаго.

[2]) Такъ въ словахъ: иди, сюды, милый, мы ходили—по чистому Украинскому выговору ы, и, произносятся одинаково—мягко. Гдѣ должно писать *и*, *і*, *ы*, тому вообще указателемъ служитъ правописаніе Церковно-Словенское и Великорусское. Собственно *и* въ началѣ словъ Южнорусскій языкъ произноситъ всегда мягко: идемъ, иньшій; слѣдственно острое *и* въ началѣ словъ предполагаетъ букву *ѣ*: ѣхати, ѣти.—Сокращенное *й* въ Южнорусскомъ языкѣ можетъ употребляться въ началѣ словъ и самостоятельно—какъ союзъ *й*: то и другое бываетъ обыкновенно тогда, когда предыдущее слово оканчивается гласною: ты йдешъ, да й вернешся.

[3]) Букву *ѣ* вм *и* писали Южные Руссы издревле даже и въ такихъ случаяхъ, когда-бы неслѣдовало; наприм. въ Договорѣ Игоря (по Лаврентьев-

Чернѣговъ, Воронѣжъ (произнося Черниговъ, Воронижъ); тоже и въ повелительномъ наклоненіи: ходѣмъ, идѣте, хвалѣте (вм. ходи́мъ, идите, хвалите), какъ было и въ древнемъ Церковно-Словенскомъ правописаніи. Употребленіе звука *и* вмѣсто *ѣ* принадлежитъ Южнорусскому языку съ древнѣйшихъ временъ; оно свойственно еще Словенамъ Новгородскимъ, нѣкоторымъ Задунайскимъ и отчасти Чехамъ [1]). Но у Великороссіянъ, Бѣлоруссовъ, Сербовъ и другихъ Словенъ въ соотвѣтственныхъ случаяхъ употребляется обыкновенно звукъ *е*, иногда *я*.

4. Въ Южнорусскомъ языкѣ звукъ *о* и другіе гласные часто [2]) произносятся одинаково съ *ѣ*, т. е. какъ острое *и*; наприм. кра́й (вскрай), ме́жъ (между), за-му́жъ, во́тко́ль, ко́нь,—

скому списку) — *мечь свои*; въ Грамотѣ Мстислава Владиміровича—*мои дѣти*; въ Грамотѣ Льва Даниловича 1292 г. писецъ Захарія Вихотъ писалъ—*вѣчнии*, *будучиь*, *нашь* и проч. Подобное употребленіе буквы ѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ защищалъ и Смотрицкій.

[1]) Изъ Сѣверо-Западныхъ Словенъ такое произношеніе встрѣчается только у Чеховъ, и лишь въ немногихъ словахъ оно принадлежало Словенамъ Заодерскимъ. Изъ Задунайскихъ Словенъ вмѣсто *ѣ* употребляютъ *и* Далматы и нѣкоторые другіе Иллирцы А что произношеніе сіе принадлежало въ древнѣйшія времена Словенамъ Македонскимъ, то нѣкоторымъ образомъ видно изъ приводимаго Ѳеофиломъ (534 г.) имени Юстиніановой матери: *Бигленица* т. е Бѣгленица.—Здѣсь кстати замѣтимъ, что знаменитый Греческій Императоръ-Законодатель былъ Словенинъ Македонскій, и что его славное имя есть только Латинскій переводъ его природнаго, Словенскаго имени *Вправда* или *Управда*; имя отца его было *Истокъ*.

[2]) Въ такихъ случаяхъ (по правописанію, предложенному мною въ изданіи *Малороссійскихъ пѣсенъ*. М. 1827) коренная гласная буква удерживается и только отмѣчается паеркомъ. Правописаніе сіе необходимо, сколько при составленіи словаря, столько и для различенія словъ одинаково произносимыхъ; напр окрѣпъ и окро́пъ (кипятокъ); нѣжъ (нежели), но́жъ и нѣжъ; бездо́лье и бездѣлье.

Паерокъ въ старинномъ Церковно-Словенскомъ правописаніи ставился надъ словами вмѣсто ъ, но у меня онъ принятъ знакомъ измѣненія гласной буквы въ *и*, подобно тому какъ *надстрочное двоеточіе* въ Русскомъ правописаніи означаетъ измѣненіе буквы е въ іо (и даже въ о, напр. шёлъ вм. шолъ). Такъ и въ Польскомъ буква о *крескуется* (ó) въ тѣхъ случаяхъ, когда произносится какъ у.

произносятъ крій, мижъ, за-мижъ, виткиль, кинь [1]).—Такое измѣненіе гласныхъ звуковъ сдва-ли принадлежитъ Южнорусскому языку какъ его свойственное [2]), въ немъ самомъ происшедшее свойство; оно болѣе походитъ на подражательный обычай произношенія, который перешелъ въ Южную Русь—кажется—съ Запада, а именно съ Поморья Заодерскаго [3]).

---

[1]) Въ рѣдкихъ случаяхъ по чистому Украинскому выговору, вмѣсто звука *о* и другихъ, употребляется только мягкое *ы*; такъ вм. чорнобровый обыкновенно говорится чернобровый; вм. дуброва иногда говорится дыброва. Замѣтимъ однакоже, что Южнорусскимъ языкомъ постоянно выдерживается мягкое *ы* во многихъ глаголахъ, въ которыхъ Великорусскій языкъ употребляетъ и *ы* и *о*; таковы: крыти—крыю, мыти—мыю, ныти—ныю, выти—выю

[2]) Къ сей мысли приводитъ насъ 1) разнообразіе и произвольность, съ какими Южнорусскій языкъ измѣняетъ гласные звуки въ *и*. Ибо а) измѣненіе сіе простирается не на всѣ виды тогоже слова, но только на нѣкоторые; напр. комóра, комóрка и комóрка; дубрóва, дубрóвонька и дубрóвонька; слово конь только въ двухъ падежахъ произносится съ *и*—кóнь. кóньми. б) Чаще измѣняются въ *и* тѣ гласные звуки, на которыхъ приходится удареніе, потому и окончаніе родительнаго падежа мн. ч. *овъ* произносится обыкновенно *ивъ* (въ Польскомъ *увъ*); однако гласные звуки и съ удареніемъ часто остаются безъ измѣненія, между тѣмъ какъ нерѣдко измѣняются звуки, на коихъ не приходится ударенія, напр. пóдгóрье, вóвця, вóкно. в) Но и въ сказанныхъ случаяхъ гласные звуки могутъ быть произносимы и нерѣдко произносятся въ самомъ народѣ *безъ измѣненія* въ *и*. г) Хотя въ Южнорусскомъ языкѣ господствуетъ вообще измѣненіе гласныхъ въ острое *и*; однако въ нѣкоторыхъ разностяхъ измѣненіе гласныхъ бываетъ въ мягкое *ы*, или же въ другіе слитно-сложные звуки. Особенное разнообразіе въ семъ отношеніи представляетъ *Сѣверская* разность (отдѣляемая отъ Кіево-Переяславской рѣкою Сеймомъ); въ разныхъ мѣстахъ оной, напр слово кóнь произносится не чисто кинь, но куинь, куонь, даже по-Бѣлорусски—кунь, и просто конь.—2-е) Къ мысли, что такого измѣненія гласныхъ звуковъ у Южнорусскихъ Словенъ не было въ древнѣйшія времена, приводитъ насъ и то, что сіе измѣненіе чуждо Словенамъ Новгородскимъ и Тверичамъ, коихъ мы признаемъ переселенцами съ Юга и у коихъ буква *ѣ* имѣетъ Южнорусскій выговоръ.

[3]) Изъ записокъ Геннинга, Потоцкаго и другихъ Шафарикъ (Старож. Словен. стр. 925) составилъ любопытныя замѣчанія о языкѣ Эльбскихъ Деревлянъ, изъ коихъ видно, что сіи Словены также вмѣсто *роз* не говорили *раз*, нр *рuз* (напр. ризекокне, ризеделена); что они вообще звукъ *о* часто произносили какъ *и*; наприм. riste, wirjal (орелъ), kist, sliwi, wicaj (очи), wicir, nic, pic. Соотвѣтственные примѣры таковаго произношенія представляетъ и Южнорусскій языкъ въ тѣхъ же словахъ: рóстъ, порóсъ, вóрлята, кóстка,

5. Звукъ *в* послѣ гласныхъ и въ началѣ словъ (потому и въ предлогѣ въ) произносится полугласно, какъ сокращенное ŷ; иногда же протягивается и въ полное *у*; наприм. вм. всѣ, вслѣдъ, весь, въ лѣсѣ, говорится—уси, услидъ, увесь, у лиси. Наоборотъ звукъ *у* иногда сокращается и потому какъбы обращается въ *в*, наприм. ŷже, ŷмеръ, ŷ ёго; пишутъ—вже, вмеръ, въ ёго. Такъ въ древнемъ Латинскомъ правописаніи *V* и *U* часто замѣняли другъ друга.

6. Полугласный звукъ *в* нерѣдко замѣняетъ собою звукъ *л*; напр. вовкъ, вовна, жовтый, повный, пôвтора—какъ-бы воŷкъ. воŷна и т. д. Отсюда переходъ къ Сербскому—вукъ, вуна. Такая замѣна сихъ двухъ звуковъ встрѣчается и въ другихъ языкахъ Словенскихъ: слобода и свобода, слово и свово, Витолдъ и Витовтъ.

7. Звукъ *г* произносится мягко, какъ Латинское *h*, что принадлежитъ также языкамъ Бѣлорусскому, также Словацкому, Чешскому и Лужицкому. Твердое произношеніе звука *г*, какъ Латинское *g*, въ Южнорусскомъ рѣдко, и то болѣе въ словахъ заимствованныхъ (наприм.—кгрунтъ, кгвалтъ; но сіи-же слова выговариваются и просто—грунтъ, гвалтъ).

8. Звукъ *ц* въ окончательномъ слогѣ не принимаетъ твердыхъ звуковъ; потому (вмѣсто *а*, *о*, *у*, *ы*, *ъ*, употребляемыхъ языкомъ Великорусскимъ) требуетъ *я*, *е*, *ю*, *и*, *ь*, сходно съ древнимъ Словенскимъ; наприм. конець, коньця, коньцю, коньцемъ, коньци; вôвця, вôвци—вм. овца, овцы; лице, яйце, а не лицо, яйцо.

слôвце, вôчи, вечêръ, нôчъ, пêчъ Нѣтъ положительныхъ извѣстій, что такой обычай произношенія принадлежалъ всѣмъ Словенамъ Заодерскаго Поморья. Находя однако, что и у нихъ народныя имена *Волынов*ъ, *Волков*ъ, пр износили—*Вилины*, *Вильки*, вм. Бодричи—*Бидричи*, и потому принимая въ соображеніе сказанное нами въ примѣч. 9-мъ, мы предполагаемъ, что такой обычай измѣненія гласныхъ звуковъ въ *и*, произошелъ у Словенъ Заодерскаго Поморья и уже оттуда перенесенъ ими въ Южную Русь. Въ Польскомъ языкѣ весьма немногія слова приняли такую замѣну, притомъ тѣ, въ коихъ не принялъ оной Южнорусскій языкъ, напр. wilk, milczeć, по Южнорусски—вовкъ, мовчати.

9. Южнорусскому языку свойственъ двоякій звательный падежъ въ именахъ мужескаго рода. а) Оканчивающійся на *у* и *ю*, какъ дательный Великорусскаго. Сія форма, господствующая въ Южнорусскомъ языкѣ, особливо въ уменшительныхъ именахъ, встрѣчается изрѣдка и въ языкахъ Западно-Словенскихъ, но почти какъ исключеніе; наприм. сыну, царю! б) Господствующее въ Церковно-Словенскомъ окончаніе звательнаго падежа на *е* употребительно и въ Южнорусскомъ; наприм. козаче, орле, брате, сыне; но въ уменшительныхъ— козаченьку, орлоньку, братику, сынку [1]).

10. Нѣкоторыми окончаніями прилагательныхъ Южнорусскій языкъ также отличается отъ Великорусскаго. а) Множественное число полной формы всѣхъ родовъ принимаетъ *и*: святыи, ясныи. б) Въ родительномъ падежѣ женскаго рода, вмѣсто сокращеннаго ой, ей, удерживается долгое ои, ёи (въ отличіе отъ дательнаго): святои, яснои, синёи. в) Въ окончаніи родительнаго падежа мужескаго и средняго родовъ— ого, ёго, произносится всегда мягкое г.

11. Есть розница и въ окончаніяхъ глаголовъ. а) Въ неопредѣленномъ наклоненіи окончаніе ти (господствующее въ большей части Словенскихъ языковъ) Южнорусскому языку собственнѣе, чѣмъ сокращенное Великорусское ть. б) Окончаніе третьяго лица обоихъ числъ, принимающее въ Великорусскомъ обыкновенно тъ, въ Южнорусскомъ обыкновенно имѣетъ ть (сходно съ древнимъ Церковно-Словенскимъ): ходить, ходять. Но въ единственномъ числѣ, когда звукъ *е* предшествуетъ окончанію ть, оно отбрасывается: бере, може, дыше; если же звуку *е* предшествуетъ *а* либо *я*, тогда и звукъ *е* можетъ отбрасываться: знае, спѣвае, гуляе, и—зна, спѣва, гуля [2]). Вмѣсто глагола есть обыкновенно говорит-

---

[1]) Въ отличіе отъ сего дательный падежъ въ Южнорусскомъ имѣетъ окончаніе *ови* и *еви* (напр козакови, мѣсяцеви), какъ во многихъ Западно-Словенскихъ; впрочемъ употребляется дательный падежъ на *у* и *ю*, какъ въ Великорусскомъ. Первая форма кажется собственнѣе Южнорусскому языку.

[2]) Исключая немногіе глаголы, наприм. даю. Впрочемъ въ Слобожанской разности употребляется и полное окончаніе—*аетъ*, *яетъ*.

ся *е* [1]). в) Окончаніе прошедшаго времени мужескаго рода (по 6-й примѣтѣ) вмѣсто л ъ имѣетъ всегда полугласное в ъ; наприм. знавъ, давъ, какъ-бы---знаў, даў. Тоже и въ языкѣ Бѣлорусскомъ. Отсюда переходъ къ Сербскому окончанію прошедшаго времени на о—знао, дао. г) Окончаніе 1-го лица множ. числа м ъ въ Южнорусскомъ чаще употребляется полногласно—м о: ходимо, дамо (дадимъ), ѣмо (ѣдимъ), будемо, есьмо. д) Въ единственомъ числѣ втораго лица Южнорусскій языкъ употребляетъ окончаніе ш ъ; но иногда сохраняетъ Церковно-Словенское окончаніе с и: ѣси, даси, въ Великорусскомъ—ѣшь, дашь.

12. Будущее время въ Южнорусскомъ языкѣ образуется чрезъ придачу глагола и м у, коего начальное *и* изчезаетъ въ семъ-же звукѣ неопредѣленнаго окончанія т и: знатиму, знатимешъ, знатиме, знатимемъ, знатимете, знатимуть.

13. Вспомогательный глаголъ б ы т ь, который въ прочихъ Словенскихъ языкахъ только въ будущемъ вмѣсто б ы имѣетъ б у [2]), въ Южнорусскомъ постоянно выдерживаетъ сей послѣдній слогъ: бути, бувъ, бувавъ, бувай, бувши; равно и въ сложныхъ: прибути, добути, забути и т. д.

14. Изъ вышеприведенныхъ окончаній глаголовъ и изъ другихъ словъ видно, что Южнорусскій языкъ предпочитаетъ окончанія гласныя. Такъ наприм. вмѣсто Днѣпръ, бровь, морковь, хоругвь, церковь,—въ Южнорусскомъ говорится Днѣпро, брова́, морква, корогва, церква [3]). Но Великорусскій языкъ болѣе любитъ концы словъ усѣченные, обращеніемъ

---

[1]) Эта форма очень древняя, ибо встрѣчается часто во Фрейзингенской рукописи (писанной въ X вѣкѣ на языкѣ Хорутанскомъ). — Вмѣсто *есть* говорится *е* и въ нарѣчіи Верхнерусскомъ. Въ Сѣверской разности говорятъ уже *ё*, *ёсть*, сходно съ Бѣлорусскимъ произношеніемъ *ё* и *ёсць*.

[2]) Съ юсомъ;—въ Польскомъ ę —Въ Глаголитскихъ рукописяхъ вм. *да бы* встрѣчается иногда *да бу*. Въ Санкритскомъ языкѣ *бу* значитъ *быть*. Это приводитъ къ мысли, что Южнорусская форма сего глагола есть древнѣйшая.

[3]) Слово сіе въ древнѣйшемъ Польскомъ Псалтырѣ (Малгоржатиномъ) находится въ подобной формѣ—*цереква* (czyerekwa).

гласнаго звука въ ъ и ъ: молва и молвь, земля и земь, тьма и темь, поди и подь.

15. Многія частицы въ Южнорусскомъ языкѣ употребляются отлично отъ Великорусскаго, наприм. отъ, да, со, и проч. [1]).

2. *Особенности Великорусскаго языка.*

Великорусскій языкъ составился разнообразнѣе, чѣмъ Южнорусскій. Въ отличіе отъ Южнорусскаго и отъ Бѣлорусскаго онъ имѣетъ слѣдующія примѣты, общія всѣмъ или по крайней мѣрѣ тремъ его нарѣчіямъ.

1. Твердое произношеніе звука *г* въ началѣ и срединѣ словъ, какъ Латинское *g*, сходно съ языкамъ Польскими, Сербскимъ. Исключается нарѣчіе Среднерусское и отчасти Верхнерусское.

2. Произношеніе звука *о* какъ *ф* [2]) передъ твердыми согласными и въ концѣ словъ (фсё, фторой, рофъ), сходно языкомъ Польскимъ.

3. У именъ прилагательныхъ (и всѣхъ по ихъ формѣ склоняемыхъ словъ) въ окончаніи родительнаго падежа-е г о, -о г о, звукъ *г* обращается въ *в*. Исключается нарѣчіе Нижнерусское (которое въ семъ случаѣ удерживаетъ твердое *г*) и отчасти Верхнерусское.

---

[1]) а) По Южнорусски *отъ* значитъ *вотъ*. Вмѣсто предлога *отъ* употребляется *одъ*, какъ въ Сербскомъ и большей части языковъ Словенскихъ; или же *вôтъ* (*wit*), какъ было у Словенъ Заодерскихъ. — б) Наоборотъ частица *да* произносится *та*; утвердительное *да* по Южнорусски *эе*.—в) Вмѣсто предлога *со, съ*—употребляются *зо, зъ, изъ*, какъ сами по себѣ, такъ и въ сложности—зовсѣмъ, знову, и з ъ ѣ в ъ.—г) Вм. придаточной частицы *то* употребляется иногда частицы *се*, сокращенная въ *сь*: коли-сь (когда-то), де-сь (гдѣ-то, видно), счо-сь (что-то)

[2]) *В* произносилось какъ *ф* въ имени Тверь—*Туферъ*, а въ Новгородской Лѣтописи даже *Тхверь*.—Здѣсь замѣтимъ, что Малороссіяне вм. *ф* говорятъ обыкновенно *хв*, на оборотъ вм *хв—ф*. Такая обратность встрѣчается и въ Среднерусскомъ нарѣчіи; наприм. *Лифинъ* вм. Лихвинъ, *Стехванъ* вм. Стефанъ или Степанъ (звукъ *п* вм. *ф* въ именахъ собственныхъ употребляется Южнорусскимъ языкомъ: Степанъ, Пилипъ, Пранцузъ).

5. Въ окончаніи прошедшаго времени мужескаго рода употребляется лъ, а не въ.

Что касается до взаимнаго различія Великорусскихъ нарѣчій, то ихъ—по отношенію къ звуку *о*—можно раздѣлить на двое:

6. Нарѣчія Верхнерусское и Нижнерусское отличаются употребленіемъ общаго для нихъ твердаго *о*, необращаемаго въ *а*.—Потому и въ окончаніи родительнаго падежа (ого) звукъ *о* произносится дважды. Потому и вмѣсто частицы раз сіи два нарѣчія употребляютъ роз.

7. Нарѣчію Среднерусскому, а отъ него и Московскому, принадлежитъ мягкій выговоръ *о* (когда на немъ не приходится удареніе); отъ сего звукъ *о* какъ-бы обращается въ *а*. Это составляетъ переходъ отъ двухъ первыхъ нарѣчій къ языку Бѣлорусскому. Такой выговоръ на *а* посредствомъ Москвы распространился по Россіи и сдѣлался господствующимъ, образцовымъ Русскимъ выговоромъ. Говорящихъ первыми двумя нарѣчіями сей выговоръ на *а* называется рѣчью высокою или съ высока [1]).

8. Нарѣчію Верхнерусскому, въ отличіе отъ всей Сѣверно-Русской рѣчи, свойственно произношеніе *ѣ* какъ острое *и*, по которому сіе нарѣчіе сближается съ языкомъ Южнорусскимъ,—равно какъ и по опущенію окончанія тъ въ единственномъ числѣ третьяго лица глаголовъ (наприм. возьме, люби, ходи). Замѣчательно, что въ разныхъ мѣстахъ сего нарѣчія опускаютъ *ть* даже во множественномъ числѣ (возьму, любя, ходя, вм. возьмутъ, любятъ, ходятъ). Сему же нарѣчію преимущественно принадлежитъ употребленіе *и* вмѣсто *ц*; наприм. чарь, отечь [2]).

---

[1]) У нихъ есть насмѣшливая поговорка объ употребляющихъ Московскій выговоръ: «съ Масква съ насаду, съ *авощнава* ряду».

[2]) Верхнерусскому нарѣчію принадлежитъ также замѣна прошедшаго времени дѣепричастіемъ, употребительная и въ Петербургѣ (напр. ушедши вм. ушелъ).—Родительный падежъ мѣстоименій—моёво, твоёго, своёво, вм. мово, твого, свово —См еще примѣч. 25.

9. Среднерусское нарѣчіе отъ прочихъ Великорусскихъ уклоняется къ языку Южнорусскому—мягкимъ произношеніемъ звука *г* и окончаніемъ третьяго лица глаголовъ на т ь (вм. тъ).—Въ Р я з а н с к о й разности сего нарѣчія весьма употребительно *ц* вмѣсто *ч* (наприм. цалавекъ, цудо, сцепка, вм. человѣкъ, чудо, щепка), что также, какъ и произношеніе на *а*, составляетъ переходъ къ языку Бѣлорусскому.

3 Особенности языка Бѣлорусскаго.

Литовскорусскій или Бѣлорусскій языкъ имѣетъ слѣдующія отличія отъ Великорусскаго и Южнорусскаго.

1. Частое употребленіе т в е р д а г о *а*, вмѣсто *о* [1]). Сіе свойство Бѣлорусскаго языка безъ сомнѣнія есть весьма древнее, незанятое и неутраченное имъ ни отъ прочихъ Русскихъ, ни отъ Польскихъ Словенъ; но сближающее его съ языкомъ Сербовъ [2]).

2. Употребленіе сложнаго звука *дз* вмѣсто *д*, какъ въ Польскомъ [3]).

3- Употребленіе звука *ц* вмѣсто *т*, какъ въ Польскомъ. Звукъ *ч* также довольно часто замѣняется звукомъ *ц*.—По

---

[1]) Господство звука *а* въ языкѣ Бѣлорусскомъ обнаруживается и частымъ обращеніемъ звука *е* (безъ ударенія) въ *я*; наприм. яго, яму—вм. его, ему; цéпло (тепло) и цяплó (огонь) Въ томъ-же случаѣ и *ѣ*, обыкновенно произносимое какъ *е*, обращается въ *я*; напр. у лясу, на снягу. — Вмѣсто онъ, она, оно, говорится обыкновенно ёнъ, ена (и яна), ено (и яно).

[2]) Поляки болѣе всѣхъ Словенъ Сѣверозападнаго разряда употребляютъ *о и у* (ó) вмѣсто *а*; напр. młody, mruz, вм. młady, mraz.—Къ звуку *а* болѣе всѣхъ Западныхъ Словенъ пристрастны Сербы, бывшіе до переселенія своего за Дунай Западными сосѣдями Словенъ Бѣлорусскихъ. Но всего болѣе звукъ *а* любимъ языкомъ Санскритскимъ (baga—богъ, sata—сто).

[3]) Это употребленіе звука *дз* Малороссіяне называютъ *дзеканьемъ*.—Въ языкѣ Южнорусскомъ изрѣдка употребляется *дз* вм. *з* (наприм. дзвôнъ); чаще употребляется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Южной Руси Кіевской и Галицкой *дж* вм. *ж* наприм. сиджу, ходжу) Такая приставка звука *д* къ *з* и *ж* въ Южнорусскомъ языкѣ по всей вѣроятности есть уже подражательная.

свойству сему и въ неопредѣленномъ наклоненіи, вм. Великорусскаго окончанія т ь, Бѣлорусскій имѣетъ ц ь, какъ въ Польскомъ [2]).

Въ слѣдствіе сихъ особенностей Бѣлорусскаго языка, въ немъ говорится: хадзиць, дзяцелъ—вм. ходитъ, дятелъ; дзядзька, цяперъ, цеста—вм. Южнорусскихъ—дядько, теперъ, тисто (тѣсто).

Въ отношеніи къ звукамъ *г* и *о* Бѣлорусскій языкъ сходствуетъ съ Южнорусскимъ; потому и глагольное окончаніе прошедшаго времени имѣетъ не л ъ но в ъ; наприм. хадзивъ вм. ходилъ.

ГЛАВА VI.

О русскомъ языкѣ въ отношеніи къ западно-словенскимъ.

Языкъ Русскій всѣхъ трехъ видовъ, по своему древнѣйшему происхожденію и коренной основѣ, и по главнымъ вліяніямъ другихъ языковъ на его послѣдующее образованіе—есть языкъ С л о в е н с к і й и вмѣстѣ съ прочими соплеменными языками, принадлежитъ къ одному Общесловенскому кругу.

---

[1]) Замѣчательно, что какъ сіе Бѣлорусское и Польское окончаніе глаголовъ на *ць*, такъ и звукъ *дз* вм. *д*—отзываются и въ нѣкоторыхъ разностяхъ Великорусскаго языка, именно—въ Нижнерусскомъ нарѣчіи (въ губерніяхъ Симбирской и Нижегородской); отчасти въ Тверской разности Верхнерусскаго нарѣчія. За частое употребленіе звука *ц*, Тверичи прозываются въ народѣ *цуканами* Это употребленіе было распространено прежде и между Новгородцами, какъ видно изъ многихъ Новгородскихъ деревень и изъ Новгородской Лѣтописи: встрѣчаемое въ ней окончаніе именъ *ицъ* вм. *ичъ* не вывелось и понынѣ.

Добровскій, на основаніи своихъ десяти примѣтъ [1]), поставляетъ Русскій языкъ въ одинъ разрядъ съ языками Словенъ Задунайскихъ, въ отличіе отъ прочихъ Словенскихъ. Но изъ подробнаго разбора языка Русскаго по примѣтамъ Добровскаго [2]) оказывается, что примѣты сіи противорѣчатъ причисленію Русскаго языка къ одному разряду съ Задунайскими, и что въ трехъ видахъ языка Русскаго находятся всѣ

---

[1]) Общесловенскій кругъ языковъ Добровскій раздѣляетъ на два разряда, принимая въ каждомъ по 5-ти нарѣчій:

Разрядъ первый.	*Разрядъ второй.*
1. Русское.	1. Словацкое.
2. Старо Словенское.	2. Чешское или Богемское.
3. Иллирійское или Сербское.	3. Верхне-Лужицкое.
4. Хорватское или Кроатское.	4. Нижне-Лужицкое.
5. Виндское или Хорутанское.	5. Польское.

Примѣты:

1. раз: разум	роз: розум
2. из: издат	вы: выдати
3. вставочное л	
корабль	кораб
земля	земя
поставлен	поставен
4. вставочное д	
сало, крило	садло, кридло
правило	правидло
молитися	модлитисе
5. пещи, мощи	пеци, моци
пещ, мощ	пец, моц
(печ, моч)	
6. звѣзда, цвѣт	гвѣзда, квѣт
7. тъ (той)	тен
8. пепел	попел
9. птица	птак
студенец	студница
10. десница	правица

[2]) Подробное *сравнительное разсмотрѣніе Русскаго языка* по примѣтамъ Добровскаго составляетъ вторую главу моего *Критико-Историческаго изслѣдованія о Русскомъ языкѣ* и напечатано въ Журн. Мин. Н. Пр 1838. № 3.— Въ третьей главѣ сего изслѣдованія разсматривается полноглаеіе Русскаго языка нѣсколько подробнѣе, чѣмъ здѣсь.

главнѣйшія примѣты, принадлежащія языкамъ обоихъ Западныхъ разрядовъ, только не такъ раздѣльно, какъ между сими послѣдними. Потому Русскій или Восточно-Словенскій языкъ не только не долженъ быть поставляемъ наравнѣ съ языками Юго западнаго разряда и не принадлежитъ къ нему, даже по примѣтамъ Добровскаго,—не только можетъ быть принимаемъ за особый, третій разрядъ, наравнѣ, съ Юго-западнымъ и Сѣверозападнымъ [1]); но представляетъ собою цѣлую Восточную половину всего круга языковъ Словенскихъ, которая соотвѣтствуетъ двумъ разрядамъ Западно-Словенскимъ въ ихъ совокупности, и можетъ быть раздѣлена также на два разряда: Сѣверный и Южный.

Потому Общесловенскій кругъ и въ отношеніи къ языку мы раздѣляемъ на двѣ половины и четыре разряда.

I. ВОСТОЧНО-СЛОВЕНСКАЯ ИЛИ РУСКАЯ ПОЛОВИНА.

1-й разрядъ—Южнорусскій или Юговосточный

1. Языкъ Южнорусскій, съ двумя главными видоизмѣненіями—Украинскимъ или Малороссійскимъ и Червонорусскимъ.

2-й разрядъ—Сѣвернорусскій или Сѣверо-восточный.

2. Языкъ Великорусскій, съ 4-мя нарѣчіями—Верхнерусскимъ, Нижнерусскимъ, Среднерусскимъ и Московскимъ.

3. Языкъ Бѣлорусскій или Литовскорусскій.

---

[1]) Уже *Востоковъ* (1820) замѣтилъ, что Русскій языкъ составляетъ средину между двумя Западными разрядами Словенскихъ языковъ; но оставилъ его въ одномъ разрядѣ съ Залунайскими. Въ послѣднее время однако начали отдѣлять Русскій языкъ въ особой третій разрядъ; наприм. *Надеждинъ*—въ статьѣ *Европеизмъ и народность*, см. Телескопъ 1836. № 1; также въ статьѣ *Великая Россія*, см. Энциклоп. Лексик. IX. 1837. Такое отдѣленіе впервые сдѣлано Чехомъ *Палацкимъ*.

II. ЗАПАДНО-СЛОВЕНСКАЯ ПОЛОВИНА.

3-й разрядъ—Юго-западный или Задунайскій.

4. Языкъ Церковно-Словенскій преимущественно предъ всѣми называемый Словенскимъ или Славянскимъ.

5. Языкъ Болгарскій, съ нѣсколькими разностями.

6. Языкъ Сербскій, съ нѣсколькими нарѣчіями.

7. Языкъ Хорватскій.

8. Хорутанскій или Виндскій, называемый и Краинскимъ, съ двумя нарѣчіями.

4-й разрядъ—Сѣверо-западный.

9. Языкъ Польскій, съ нѣсколькими нарѣчіями, къ числу которыхъ принадлежалъ и языкъ Поморянъ.

10. Языкъ Лужицкій или Сырбскій, называемый также Сорабскимъ и Вендскимъ, съ двумя нарѣчіями: Верхнелужицкимъ и Нижнелужицкимъ; послѣднее ближе къ Польскому, а первое къ Чешскому.

11. Языкъ Чешскій, къ которому принадлежитъ и Моравскій, какъ нарѣчіе.

12. Языкъ Словацкій.

Къ сему же разряду принадлежалъ и языкъ Словенъ Заодерскихъ или Полабскихъ, уже забытый въ своемъ обнѣмечившемся народѣ.

О полногласіи Русскаго языка.

Что касается до общаго отличія Восточно-Словенской или Русской рѣчи отъ Западно-Словенской, то здѣсь прежде всего останавливаетъ вниманіе—полногласіе и происходящая отъ него протяженность Русскихъ словъ,—между тѣмъ, какъ языки Западно-Словенскіе вообще любятъ сокращенность словъ, происходящую отъ опущенія или заглушенія нѣкоторыхъ гласныхъ звуковъ среди коренныхъ согласныхъ.

Полногласныя формы словъ языка Русскаго считаются обыкновенно явленіемъ позднѣйшимъ; а сокращенныя формы тѣхъ-же словъ, принадлежащія Западно-Словенскимъ языкамъ, считаются древнѣйшими, коренными, слѣдственно и въ Русскомъ языкѣ первоначальными. Имѣя въ виду полногласіе только Великорусскаго языка, приписываютъ оное—одни вліянію Сѣвернаго климата, другіе—смѣшенію Русскаго языка съ Чудскимъ [1]). Но такое-же, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ [2]) еще большее полногласіе принадлежитъ и Южнорусскому языку, — не происходя въ немъ ни отъ вліянія Сѣверной природы, ни отъ смѣшенія съ Чудскою рѣчью, но составляя и въ немъ природное, исконное свойство. Ибо въ языкѣ всѣхъ Русскихъ Словенъ полногласныя формы словъ большею частію древнѣе и народнѣе, чѣмъ сокращенныя формы тѣхъ-же словъ. — Сіе очевидно изъ того, во 1-хъ, что въ древнѣйшихъ письменныхъ памятникахъ Русскихъ находятся уже полногласныя, народныя формы словъ; во 2-хъ, что въ сихъ памятникахъ, таже въ старинныхъ народныхъ пѣсняхъ и пословицахъ, употребительны такія полногласныя формы словъ, которыя почти вышли уже изъ общепринятаго разговорнаго языка и сохраняются еще только въ глуши мѣстныхъ нарѣчій, или-же употребляются и въ общепринятомъ Русскомъ языкѣ, но въ ограниченномъ смыслѣ. Въ 3-хъ, въ нашемъ языкѣ множество производныхъ словъ употребляются только въ полногласной формѣ, слѣдственно предполагаютъ и корень полногласный; ибо есть другія производныя слова, видимо образованныя въ нашемъ языкѣ уже въ послѣдствіи изъ формъ

---

[1]) Раствореніе Русскихъ словъ гласными звуками приписывалъ вліянію Чудскаго языка Добровскій, чему слѣдуетъ и теперь еще Давыдовъ. Востоковъ, по справедливости опровергая такое мнѣніе, полногласіе Русскаго языка приписываетъ вліянію климата Надеждинъ также приписываетъ это вліянію Сѣвера.

[2]) Для примѣра приведемъ Южнорусское слово *долóня*, въ Верхнерусскомъ нарѣчіи *долонь*; Западными Словенами оно сокращено въ *длань* и *длонь*, а Московскимъ нарѣчіемъ обращено въ *ладонь* Укажемъ еще на формы словъ, употребительныя въ Южнорусскомъ языкѣ: солодкій, борошно (мукá), бервено, мережка, теренъ, деренъ и т. п.

сокращенныхъ, или же принятыя—сначала въ письменный, а потомъ перешедшія и въ народный языкъ Русскій—изъ Западно-Словенскихъ языковъ, преимущественно изъ Церковно-Словенскаго.

Для примѣра укажемъ на слово прахъ: это форма Западно-Словенская, по Польски прохъ; народная же Русская форма—порохъ, по Московскому и Средперусскому выговору—порахъ. Сія форма и употреблялась у насъ прежде, какъ видно изъ пѣсни Игорю [1]) и старинной Украинской пѣсни, и изъ Великорусской поговорки—«какъ порохъ въ глазу»; также изъ производныхъ отъ не словъ—порошокъ, пороша, порошить и проч. Но когда въ нашъ языкъ перешла изъ Церковно-Словенскаго сокращенная форма прахъ и замѣнила собою полногласную народную форму порохъ, тогда сія послѣдняя ограничилась въ своемъ значеніи и усвоилась только пороху огнестрѣльному, который еще въ концѣ XVII-го вѣка назывался у насъ зелiемъ. Въ Санскритскомъ языкѣ слово прахъ еще полногласнѣе, чѣмъ въ Русскомъ—*paraga*.—Такимъ-же образомъ Русское слово птаха или птахъ первообразнѣе и древнѣе чѣмъ Сѣверо-западное птакъ; ибо тамъ-же уменьшительныя и производныя имѣютъ звукъ *ш* отъ *х*, а не *ч* отъ *к*; въ Санскритскомъ языкѣ оно ещё полногласнѣе *pa'aga* или *pa'aka* [2]). — Собственныя имена лицъ въ древнія времена употреблялись у насъ полногласно; наприм. Володимiръ, Володарь, Передслава.—Такимъ-же образомъ имена мѣстныя: Берестово—а не Брестово, Перемышль—а не

---

[1]) Въ пѣсни Игорю: «*порóси*, поля прикрываютъ». Въ Украинской пѣсни: «Да уже жъ ёго постѣлонька *порохомъ* припала». По Польской формѣ (прохъ) наше простонародье употребляетъ слово *прошка*—табачный порошекъ.

[2]) Отсюда же и другая, весьма древняя Русская форма сего слова—нынѣ употребляемая въ Верхнерусскомъ нарѣчіи—*потка*, въ уменьшительной формѣ *пóточка* и *птица* (вм. *потица*): потому напримѣръ въ Шестодневѣ Іоанна Экзарха и писалось *пътица*,—точно по той формѣ, какъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ Нестора пишется *лъжица* и *лжица* вм. ложица (ложка),—какъ въ Осташковѣ вм *золовка* говорятъ *золвица*, а по Южнорусски *зовица*.

Премышль, Переяславль—а не Преславъ, Днѣпровскіе пороги—а не праги. Такъ въ отдаленнѣйшіе вѣка рѣки Прутъ, Днѣпръ—именовались Пората, Данаприсъ.—Подобно сему и другими примѣрами можно показать, что полногласныя формы словъ въ языкѣ Русскомъ не только народныя, но и древнѣйшія [1]). Укажемъ еще на слово комонь [2]), которое въ древности принадлежало и Русскимъ и Сѣверозападнымъ Словенамъ; а потомъ замѣнилось сокращенною формою—конь.

Находя же, что нѣкоторыя слова, общія Словенскимъ языкамъ и Санскритскому, въ семъ послѣднемъ иногда еще полногласнѣе чѣмъ въ Русскомъ [3]),—что языкъ Санскритскій отличается вообще обиліемъ гласныхъ звуковъ,—что и въ Греческомъ языкѣ протяженныя формы словъ древнѣе, чѣмъ сокращенныя,—можемъ принять, кажется безошибочно, что полногласію Русскаго языка приличнѣе называться Восточнымъ нежели Сѣвернымъ свойствомъ, что оно есть признакъ глубочайшей древности народнаго Русскаго языка и сохранилось въ немъ, какъ первобытная, исконная и нѣкогда Общесловенская принадлежность рѣчи, утраченная спервa Западно-Словенскими языками; а вслѣдъ за ними убавившаяся и въ народномъ языкѣ

---

[1]) Такимъ же образомъ можно утвердительно сказать, что слова: хоробрый и хорабрый, володѣти, волость, смородъ, соромъ, морокъ, морочно, морозъ, волога, ворогъ, шеломъ—не только народнѣе, но и древнѣе въ нашемъ языкѣ, чѣмъ—храбрый, владѣть, власть, срамъ, мракъ, мрачно, мразъ, влага, врагъ, шлемъ—формы, принятыя въ языкъ нашъ изъ Церковно-Словенскаго. Сюда же принадлежатъ предлоги и другія частицы, употребляемыя съ гласными звуками преимущественно въ языкѣ Русскомъ: *изо, возо, разо, ото, пере* и пр. Вмѣсто *для* прежде употребляли *дѣля* (оттуда Богодѣльня).

[2]) Слово *комонь*, постоянно употребляемое въ Пѣсни Игорю, теперь уже забыто въ народѣ нашемъ, который вспоминаетъ сіе слово только въ старинныхъ свадебныхъ пѣсняхъ, напримѣръ:

«Дворъ *комоней* изуставлено;
Сѣни плетей изувѣшано».

[3]) Tama—тьма, pata—путь, nasa—носъ, vidava—вдова, въ Южнорусскомъ *удова*;—tschatour—четыре, по Южнорусски *чотыри*, въ Польскомъ—cztéry; katara—который, по Южнорусски *котрый*, по-Польски—który, по Чешски—ktery; сравни Греческое ἑκάτερος

Русскомъ, при его новомъ образованіи подъ вліяніемъ языка письменнаго. — Такимъ образомъ не языкъ Русскій представляетъ своимъ полногласіемъ отдаленіе отъ Церковно-Словенскаго; но наоборотъ — языки Западно-Словенскіе сокращеніемъ словъ представляютъ отступленіе отъ Русскаго. Умноженіе же сокращенныхъ формъ въ языкѣ Русскомъ принадлежитъ позднѣйшей порѣ его образованія и составляетъ его новое сближеніе съ Церковно Словенскимъ и другими Западно-Словенскими языками [1]).

Неизвѣстно когда и отъ чего они усвоили себѣ эту сокращенность словъ; но она доходитъ у нихъ иногда до безгласія. Такъ напримѣръ имя Грека сокращено въ Грка имя Сербовъ, которое встарину у насъ произносилось полногласно—Серебь (у Нестора), оттуда Серебожь, серебщина,—сокращено въ Срба и Српа; Русское названіе Кумановъ Половцами сокращено въ Плавцовъ; Греческое слово монахъ въ мниха: Латинскія слова Vigilia, Missa, въ—Вилія, мша; Цесарь—въ Царь. Такъ у разныхъ Западныхъ Словенъ обоихъ разрядовъ, вм. полонъ или полнъ говорятъ плн, вм. волкъ или вовкъ—влк, вм. толкъ, столпъ—тлк, стлп, вм. корча или корчь, торгъ, кровь, смерть—крч, крв, трг, смрт. Такія безгласныя, нѣмыя слова нельзя признать первообразными. Одно уже столь частое употребленіе въ древнемъ Словенскомъ правописаніи ъ и ь въ срединѣ словъ обличаетъ не первоначальное отсутствіе гласныхъ звуковъ, но только заглушеніе или сокращеніе оныхъ до полугласнаго состоянія, которое потомъ могло и совсѣмъ изглаживаться—частію только для письма, частію же и для слуха. Для чего-бы Задунайскимъ Словенамъ въ древнія времена писать, напримѣръ, не просто—смрть, что, кто, днсь, мнѣ; но съмьрьть, чъто, къто, дьньсь, мьнѣ,—еслибъ и въ сихъ словахъ не отзывалось имъ никакого гласнаго звука,—

---

[1]) Сообразно полногласію своего языка, Русскіе растворяли иногда гласными звуками слова заимствованныя. Такъ у Нестора читаемъ: *Понот* вм. Понтъ, *мороморяну* вм. мрамору.

еслибъ и въ сихъ словахъ ъ и ъ не означали собою заглушенныхъ или сокращенныхъ гласныхъ звуковъ *е* и *о* [1])?—Переходомъ къ такому опущенію или заглушенію гласныхъ звуковъ—коренныхъ, а не вставочныхъ—былъ разнообразный и перемѣнчивый способъ ихъ произношенія, состоящій то въ замѣнѣ одного звука другимъ, то въ различной мѣрѣ ихъ протяженія, то въ различномъ напряженіи голоса. Отъ того большое представляется разнообразіе въ самомъ заглушеніи гласныхъ звуковъ. — Къ числу Западно-Словенскихъ измѣненій гласныхъ звуковъ принадлежитъ произношеніе нѣкоторыхъ съ прибавкою носоваго или Французскаго *n*. Такое употребленіе звуковъ on, en (ą, ę) вмѣсто чистыхъ звуковъ *у* и *я*, нѣкогда распространилось было между Словенами обоихъ Западныхъ разрядовъ; но удержалось только у Поляковъ, да и у нихъ уже, въ образованнѣйшемъ выговорѣ, носовой *n* въ концѣ словъ исключается. Многія Словенскія слова съ такимъ произношеніемъ сохраняются еще въ языкѣ Румынскомъ (Волошскомъ) и Мадь-

---

[1]) Не говоря о словахъ, гдѣ очевидна замѣна гласныхъ полугласными, я указалъ на слова, требующія изъясненія. а) Вм. *дънысь* дѣйствительно у насъ въ древности писали иногда *денесь* (т. е. день сей), у Иллирцевъ *данась;* по той же формѣ въ Великорусскомъ народномъ языкѣ употребляются нарѣчія—ночесь, зимось, осенесь, лонись. б) Слово *съмьрть*, видимо составленное изъ *се-мереть*, съ такимъ полногласіемъ осталось въ Верхнерусскомъ нарѣчіи въ уменьшенной формѣ—*семерётка, семерёточка;* а въ Глаголитскихъ рукописяхъ встрѣчается *семерт.* в) Вм. *мънѣ*, гдѣ явнымъ образомъ опущено *е*, Южные Руссы говорятъ *менѣ*. г) Слово *что* составлено изъ кореннаго чо, съ прибавкою отбрасываемой въ косвенныхъ падежахъ частицы *то*, вмѣсто которой въ Южнорусскомъ и Верхнерусскомъ прибавляется впереди *с* (сокращ. *се*—см. гл V, пр. 16.), и такимъ образомъ говорится *сь чо* или *счо*. Словаки и отчасти Галицкіе Руссы понынѣ вм *что* говорятъ *чо;* Поляки и Чехи измѣнили сію частицу въ *цо*, удерживая въ косвенныхъ падежахъ звукъ *ч;* но въ Рязанской разности Среднерусскаго нарѣчія звукъ *ц* выдержавъ постоянно—*цо, цего, цему*, по Бѣлорусски также *цаго, цаму*. д) Такимъ же образомъ составилось и слово *кто* изъ кореннаго *ко* сохранившагося въ языкѣ Сербскомъ (откуда *кой*) и частицы *то*, отбрасываемой въ косвенныхъ падежахъ; Иллирцы прибавляютъ ее, впереди, сократя въ *т*, и говорятъ *тко* Полногласное употребленіе слова *кто* было у Словенъ Заодерскихъ, какъ видно изъ Люнебургской пѣсни: «*като* нинька бейтъ» (т. е. кто невѣста будетъ); существуетъ и теперь въ словѣ *который*, по Польски *który;* сравни Эолійское κατος.

ярскомъ (Венгерскомъ). Въ Русскомъ языкѣ не было и нѣтъ такого произношенія; и появленіе онаго у Западныхъ-Словенъ, по всей вѣроятности, было пришлое отъ иноплеменныхъ языковъ Европейскихъ.

Отношеніе Русскаго языка къ Западно-Словенскимъ.

Предложенное мною изслѣдованіе о полногласіи Русскаго языка Сѣвернаго и Южнаго даетъ поводъ заключить, что право старшинства скорѣе можно усвоить Великорусскому и Южнорусскому, чѣмъ языкамъ Задунайскимъ, такъ какъ и самое образованіе народовъ Словенскихъ за Дунаемъ гораздо моложе, чѣмъ осѣдлая самобытность Словенъ на землѣ Русской, бывшей разсадникомъ Словенъ для Южной Европы.

По крайней мѣрѣ это гораздо вѣроятнѣе, чѣмъ производство Русскаго языка отъ Церковно-Словенскаго, чѣмъ родоначальство и старшинство сего послѣдняго въ Общесловенскомъ кругу. Всѣ извѣстные языки сего круга, нося на себѣ печать общаго происхожденія, составляютъ семейство языковъ, какъ вѣтви отъ одного корня произросшія, и представляютъ собою только видоизмѣненія одного родоваго языка, по имени коего всѣ они называются Словенскими или Славянскими.

Языкъ образуется и живетъ вмѣстѣ съ народомъ. И если расплемененіе родоначальныхъ Словенъ на многія отросли принадлежитъ глубокой древности; то безъ сомнѣнія и коренной, родовой языкъ Словенскій разошелся во многія вѣтви или виды задолго еще до IX-го вѣка. Племенная жизнь Словенская, развиваясь болѣе или менѣе особенно въ каждой отросли, отдалялась отъ своего первообраза и становилась различною. Съ тѣмъ вмѣстѣ и доставшійся каждой отросли наслѣдственный запасъ родоваго языка развивался въ каждомъ поколѣніи болѣе или менѣе особенно: то образуя изъ собственныхъ стихій и по собственнымъ ихъ законамъ новыя слова и обороты, для выраженія разныхъ понятій, чувствъ и предметовъ внѣшнихъ; то принимая отъ соплеменныхъ языковъ ихъ особенности и пріобрѣтенія; то заимствуя стихіи иноплеменныя, — смотря по-

тому съ кѣмъ и въ какую пору своей жизни тотъ народъ сообщался и какое отъ кого могъ получать вліяніе на свою внутреннюю и внѣшнюю жизнь. Такимъ образомъ родовой языкъ постепенно разнообразился и обращался во многія особыя разности и виды, въ которыхъ удѣльное родовое достояніе, составляя главную основу, измѣнялось и умножалось новыми приращеніями.

Происхожденіе первоначальныхъ разностей и видовъ Словенскаго языка, изъ которыхъ образовались нынѣшніе его виды, принадлежитъ древнѣйшему времени, котораго почти невозможно опредѣлить исторически, такъ же, какъ и подробная непрерывная родословная одноплеменныхъ народовъ, есть задача неразрѣшенная для Исторіи. Ибо коренныя племена Исторія застаетъ уже раздѣленными, и первоначальное ихъ расплемененіе представляетъ большею частію только въ общихъ чертахъ, и свое знаніе объ нихъ по-неволѣ дополняетъ гаданіями.—

Такимъ образомъ, кажется, ни одинъ изъ извѣстныхъ Словенскихъ языковъ нельзя признать родоначальнымъ для прочихъ; ибо всѣ они отошли уже отъ Перво-Словенскаго—одни въ одномъ, другіе въ другомъ, одни болѣе, другіе менѣе. Первобытный Словенскій языкъ остался не въ одномъ какомъ-либо изъ нихъ, но существуетъ во всѣхъ ихъ—своими первобытными свойствами, въ нихъ разсѣянными и перемѣшанными—такъ, что кромѣ словъ, оборотовъ и свойствъ общихъ всѣмъ имъ, родовыхъ, въ каждомъ изъ нихъ уцѣлѣло еще что-нибудь такое отъ родоваго языка, чего не досталось или не сохранилось въ другихъ.

Коренной, Первословенскій языкъ,—или лучше сказать первоначальныя, родовыя свойства языковъ Словенскихъ,—познаются и извлекаются только посредствомъ совокупнаго и сравнительнаго познанія всѣхъ ихъ, отъ котораго зависитъ также и дальнѣйшее всѣхъ ихъ обогащеніе или восполненіе. Въ семъ отношеніи языкъ Русскихъ Словенъ долженъ занять первое мѣсто, какъ языкъ наиболѣе сохранившій коренныхъ первообразныхъ свойствъ Общесловенской рѣчи. — Южнорусскій языкъ, вслѣдствіе средоточнаго положенія народа своего

между народами Словенскими, составляетъ—мнѣ кажется—общій узелъ соединенія всѣхъ языковъ Словенскихъ [1]). Посредствомъ него всѣ Западно-Словенскіе языки примыкаютъ къ Великорусскому—сему представителю Русской рѣчи, который по всей справедливости теперь почитается главнымъ и въ цѣломъ кругу Общесловенскомъ.—

ГЛАВА VII

О языкѣ церковно-словенскомъ и его образователяхъ.

Прежде всѣхъ Словенскихъ языковъ книжное образованіе получилъ языкъ собственно-Словенскимъ или Церковно-Словенскимъ называемый, при переводѣ на него Священнаго Писанія и Богослужебныхъ Книгъ. Съ распространеніемъ Богослуженія на семъ языкѣ, онъ содѣлался и у насъ языкомъ церковнымъ и книжнымъ, и чрезъ то болѣе всѣхъ имѣлъ вліяніе на языкъ Русскій—не только письменный, который и развился изъ него, но и на языкъ народный. Потому въ Исторіи Русской Словесности онъ имѣетъ почти такую же значительность, какъ и нашъ собственный.

Но прежде, чѣмъ опредѣлимъ его происхожденіе, воспомянемъ о тѣхъ мужахъ, коимъ принадлежитъ его письменное образованіе и составленіе особой, ему свойственной Словенской азбуки.

---

[1]) Потому одни считаютъ его нарѣчіемъ *Русскаго* языка, но наиболѣе отъ него уклонившимся; другіе сближаютъ его съ Сѣверо-западнымъ разрядомъ и даже считаютъ нарѣчіемъ языка *Польскаго*; нѣкоторые же полагаютъ, что онъ близокъ съ языками Словенъ Задунайскихъ болѣе, чѣмъ Великорусскій.

О Кириллѣ и Меѳодіѣ

Переводъ Священнаго Писанія съ Греческаго языка на Словенскій принадлежитъ къ Апостольскимъ подвигамъ двухъ братьевъ—Константина Философа, въ схимѣ нареченнаго Кирилломъ, и Меѳодія. Блаженные мужи сіи, во второй половинѣ IX вѣка ознаменовали свою жизнь великими подвигами распространенія Христовой Вѣры, особливо между народами Словенскими, и по справедливости почтены именемъ Учителей Словенскихъ. — Они были уроженцы Македонскаго города Солуня, гдѣ и провели свою первую молодость [1]). Меѳодій служилъ сначала въ военной службѣ; потомъ постригся въ монахи на горѣ Олимпійской. Константинъ-же отъ юности своей «воспитанъ былъ въ ученіи книжномъ и въ исканіи любомудрія». Окончательное образованіе свое получилъ онъ, вмѣстѣ съ Царемъ Михаиломъ, при Дворѣ Царьгородскомъ. Оттуда удалясь на Узкое или Мраморное море, онъ постригся тамъ въ монахи, и по возвращеніи въ Царьгородъ былъ библіотекаремъ при Софійскомъ Соборѣ. Царь Михаилъ, такъ много ревновавшій о распространеніи Христовой Вѣры, для проповѣданія оной посылалъ Константина къ Сарацынамъ на Ефратъ; послѣ того Константинъ и Меѳодій были посыланы въ Крымъ, для обращенія Козаровъ.

Въ 855-мъ году Константинъ составилъ Словенскую азбуку. Вскорѣ за тѣмъ онъ, вмѣстѣ съ Меѳодіемъ, началъ въ Царѣгородѣ перелагать Богослужебныя книги на Словенскій языкъ, и потомъ распространять на семъ языкѣ ученіе и служеніе Христовой Вѣры между Словенами Греческими и Болгарскими. Меѳодію принадлежитъ обращеніе въ Христіанство

---

[1]) Подробностей о первой половинѣ жизни Кирилла и Меѳодія, до ихъ учительства въ Болгаріи, болѣе всего находится въ Четь-Минеѣ Св Димитрія; они (какъ тамъ же показано) взяты сокращенно изъ харатейныхъ Миней. Неизвѣстны намъ сіи источники; но Добровскій напрасно отвергалъ свѣдѣнія, изъ нихъ почерпнутыя.—По симъ свѣдѣніямъ Меѳодій былъ старшій братъ; отецъ ихъ, по имени *Левъ*, былъ знатнаго рода и имѣлъ санъ Сотника. По нѣкоторымъ Греческимъ извѣстіямъ онъ былъ Грекъ.

Болгарскаго Царя Бориса и его Бояръ, свершенное 861-го г., посредствомъ картины Страшнаго Суда [1]).

Около 863 года, въ слѣдствіе просьбы Моравскаго Князя Ростислава къ Царю Михаилу, Кириллъ и Меѳодій перешли въ Верхнюю Моравію, съ Климентомъ и другими учениками своими, и распространяли тамъ Богослуженіе на языкѣ Словенскомъ. По сему поводу они вызваны были 867-го года въ Римъ Папою Николаемъ, и прибыли туда въ концѣ того же года, уже при Папѣ Адріанѣ, который принялъ ихъ съ великою честію, благословилъ труды ихъ и утвердилъ Богослуженіе на Словенскомъ языкѣ, на которомъ Святые Учители наши и совершали Литургію посреди Рима.

Константинъ, отказавшись отъ Епископства, принялъ схиму съ именемъ Кирилла, и чрезъ 40 или 50 дней скончался 868 года въ Римѣ, и погребенъ въ церкви Св. Климента, гдѣ положена и часть мощей сего Святаго Папы, принесенная въ Римъ Константиномъ [2]).

Меѳодій, тогда же поставленный отъ Папы Адріана Архіепископомъ Моравскимъ и Паннонскимъ, возвратился въ Моравію. Тамъ онъ доканчивалъ переводъ Библіи, и съ помощію сподвижниковъ своихъ [3]) распространялъ крещеніе у разныхъ

---

[1]) Изслѣдованіе о дальнѣйшей жизни и подвигахъ Кирилла и Меѳодія, основанное преимущественно на Латинскихъ Буллахъ и Легендахъ, на Греческомъ жизнеописаніи Св. Климента, — Добровскій издалъ въ особомъ сочиненіи, которое на Русскомъ языкѣ, съ разными прибавленіями, издалъ Погодинъ, подъ именемъ *Кириллъ и Меѳодій*. М. 1825 г.—Подвиги Словенскихъ Учителей въ Болгаріи и Моравіи преслѣдованы вновь Шафарикомъ, въ его сочиненіи—*Старожитности Словенскія*, въ главахъ о Словенахъ Болгарскихъ и Моравскихъ.—

[2]) Константинъ представилъ въ даръ Адріану часть своей драгоцѣнной Корсунской находки—мощей Св. Климента Папы Римскаго, замученнаго 102 г. въ Корсунѣ Тамъ и оставлена была Константиномъ глава Климентова, перенесенная уже Св. Владиміромъ въ Кіевъ и хранившаяся въ Десятинной Церкви. Сею главою Соборъ Русскихъ Епископовъ, въ 1147 г. посвятилъ Клима Смолятича въ Митрополиты Кіевскіе, по примѣру тому, какъ Восточные Патріархи посвящаемы были рукою мощей Св. Іоанна Крестителя.

[3]) Главнѣйшими сподвижниками Меѳодія были *Климентъ*, *Горазд*ъ, *Наумъ*, *Ангеляръ*, *Савва*. Нѣкоторые изъ нихъ безъ сомнѣнія были участниками и въ переводѣ Библіи.

Словенскихъ народовъ, охраняя твердо и успѣшно Богослуженіе Словенское отъ противодѣйствія Священниковъ Нѣмецкихъ. Скончался около 885 года [1]), въ Моравской столицѣ Велеградѣ или Градицѣ, на рѣкѣ Моравѣ, гдѣ и погребенъ въ церкви Св. Богородицы.

Память сихъ Преподобныхъ мужей, наша Православная Церковь празднуетъ 11-го Мая.

О Церковно-Словенскомъ языкѣ

И такъ письменное образованіе Церковно-Словенскаго языка было предпринято Святыми мужами для выраженія на немъ Слова Божія и для Богослуженія Христіанскаго. Потому предпріятіе сіе совершилось и распространилось подъ особеннымъ благоволеніемъ Божіимъ.—О началѣ великаго дѣла сего Св. Димитрій Ростовскій повѣствуетъ слѣдующее [2]). «Онъ же (Константинъ) первѣе постися четыредесять дней, споспѣшествующей ему благодати Святаго Духа, изобрѣте азбуку Славенскую, имущую въ себѣ тридесять и осмь письменъ, во еже бы предложити книги Греческія на языкъ Славенскій, въ чесомъ съ помощію Божіею помогаше ему и блаженный Меѳодій; и въ началѣ прелагати начаша Святое Евангеліе отъ Іоанна: Въ началѣ бѣ Слово, и прочая. И показаша то Царю и Патріарху и всему Собору, и вси о томъ съ радостію прославиша Бога».

---

[1]) Сопротивленіе и происки Нѣмецкаго Духовенства было причиною разныхъ гоненій на Меѳодія, его учениковъ, и на Богослуженіе Словенское; для оправданія онаго Меѳодій въ 879 году и былъ вызываемъ въ Римъ Папой Іоанномъ VIII, который призналъ Меѳодія справедливымъ и вновь подтвердилъ дозволеніе Словенскаго Богослуженія.

[2]) Въ Четь-Минеѣ. Сходно съ симъ и Греческій жизнеописатель Св. Климента Епископа Болгарскаго говоритъ о началѣ труда Кириллова. «Поелику народъ *Словенскій* или *Болгарскій* не понималъ писанія, на Греческомъ языкѣ предложеннаго, то Святые (Константинъ и Меѳодій) почли сіе великимъ неудобствомъ. Они молили Утѣшителя, отъ котораго дарованіе языковъ и пособіе слова происходитъ, ниспослать имъ способность къ изобрѣтенію письменъ, соотвѣтственныхъ грубости *языка Болгарскаго*; молитва ихъ была услышана и они изобрѣли *Словенскія буквы*, перевели Богомъ дарованныя писанія съ Греческаго языка на Болгарскій».

Въ самомъ Первосвященникѣ Римскомъ находило защиту Богослуженіе на Словенскомъ языкѣ, когда Нѣмецкіе Епископы и Священники начали преслѣдовать и хулить оное—«глаголюще: яко не достоить никоторому языку имѣти буквъ своихъ, развѣ Еврѣй, и Грекъ, Латинъ, по Пилатову писанью, еже на крестѣ Господни написа. Се же слышавъ Папежъ Римьский (Іоаннъ VIII) похули тѣхъ, иже ропьщуть на Книги Словѣньския, река: да ся исполнить Книжное слово, яко въсхвалять Бога вси языци; другое же: вси възъглаголютъ языкы величья Божья, яко же дастьимъ Святый Духъ отвѣщевати. Да аще хто хулить Словѣньскую грамоту, да будеть отлученъ отъ Церкве, дондеже ся исправять» [1]).

Но особенную, священную важность Церковно-Словенскій языкъ имѣлъ для народовъ Словенскихъ, какъ Богослужебный и вмѣстѣ соплеменный ихъ языкъ, на которомъ распространялась Православная Вѣра, не только у всѣ Задунайскихъ, Моравскихъ и Русскихъ Словенъ, но также у Чеховъ и Поляковъ [2]),—на которомъ Христіанское Богослуженіе доступно было разумѣнію и простаго народа. «Ради быша Словѣни, яко слышаша величья Божья своимъ языкомъ»,—говоритъ Преподобный Несторъ.

---

[1]) Такъ повѣствуетъ Несторъ въ своей Лѣтописи; и это совершенно согласно съ подлинными словами Папы Іоанна VIII въ его посланіи къ Князю Святополку (880 г.) «Literas denique Sclavonicas, a Constantino quodam Philosopho repertas, quibus Deo laudes debitæ resonent, jure laudamus, et in eadem lingua Christi Domini nostri præconia et opera ut enarrentur jubemus. Neque enim tribus tantum, sed omnibus linguis Dominum laudare, auctoritate sacra monemur, quæ præcipit dicens: laudate Dominum omnes gentes...» и т. д.

[2]) Чешскій князь *Буривой* принялъ крещеніе отъ Меѳодія въ Моравской столицѣ Велеградѣ, 871 года; послѣ того и въ народѣ распространилось Словенское Богослуженіе; хотя еще въ 845 г. введено было Нѣмц ми Латинское Богослуженіе у Чеховъ. Но Поляки—по словамъ Хроники Пѣсецкаго—«не хотѣли принимать Христіанской Вѣры отъ Нѣмцевъ и приняли ее сперва отъ Восточныкъ Грековъ Кирилла и Меѳодія».—Изъ Нарушевича и другихъ извѣстно, что въ Краковѣ еще въ началѣ X вѣка (слѣдственно прежде крещенія Мечиславова, 965 г.) была Христіянская церковь, и служба правлялась на языкѣ Словенскомъ, что продолжалось еще и въ исходѣ V вѣка, во время Длугоша (ум. 1480).

Изъ какого-же именно Словенскаго нарѣчія Кириллъ и Меѳодій образовали Богослужебный языкъ нашъ, на которомъ Слово Божіе отозвалось съ такою величественною простотою, силою и красотою?

Вопросъ сей рѣшаютъ различно.—Калайдовичъ назвалъ [1]) его языкомъ Моравскимъ и доказывалъ, что сей Моравскій языкъ есть тотъ древній или коренной, который нѣкогда, и даже еще въ половинѣ IX-го вѣка, былъ однимъ общимъ языкомъ у Моравовъ, Болгаръ, Русскихъ и другихъ соплеменныхъ народовъ и не имѣлъ еще особыхъ отличій отъ Русскаго. Утвержденіе свое Калайдовичъ основывалъ на Несторовой Лѣтописи, особливо на словахъ ея: «Словѣнескъ языкъ и Русскій едино есть», и говорилъ, что Несторъ называетъ Словенскій и Русскій языкъ однимъ и тѣмъ-же справедливо.—На томъ же основаніи и Давыдовъ [2]) говоритъ, что Священное Писаніе переведено на древній Русскій языкъ, что сей языкъ у Нестора зовется безъ различія Словенскимъ и Русскимъ, и что отъ него произошелъ нынѣшній языкъ Руси Южной и Сѣверной.

Но у Нестора не говорится, чтобы Русскій языкъ не рознился отъ Церковно-Словенскаго въ IX-мъ вѣкѣ; у него даже не названъ и по имени Русскій языкъ, какъ рѣчь; а въ вышеприведенныхъ словахъ его: «Словѣнескъ и Русскій языкъ едино есть» подъ именемъ языка разумѣется не рѣчь, а родъ или племя. Въ томъ мѣстѣ, откуда взяты слова сіи, Несторъ доказываетъ наше однородство съ древнѣйшими Дунайскими Словенами, наше—если угодно—безразличіе съ ними въ 1-мъ вѣкѣ по Р. Х., когда Апостолъ Павелъ былъ въ Иллирикѣ,—и говоритъ, что мы, хоть зовемся Русью и назывались Полянами, но сперва были Словенами и у насъ «Словѣньска рѣчь бѣ». Болѣе сего уже не говоритъ Несторъ объ Русскомъ языкѣ, какъ рѣчи. Въ такомъ-же общемъ, родовомъ смыслѣ у него

---

[1]) Въ *Іоан. Экз. Болг.* стр. 8, 67.—Тоже въ *Труд. Общ. Л. Р. Сл.* 1822.

[2]) Въ лекціи о древней Русской Словесности (см. Учен. Запис. Моск. Унив. 1834 г. № 8).

полагается и названіе Словенской грамоты, по имени Словенъ родоначальныхъ: «тако разидеся Словѣньскій языкъ: тѣмже и грамота прозвася Словѣньская». Изъ Несторовой Лѣтописи нельзя извлечь ничего частнаго ни о Русскомъ, ни о Церковно-Словенскомъ языкахъ; ибо Несторъ упоминаетъ объ нихъ почти мимоходомъ и какъ-бы для того только, чтобы назвать ихъ Словенскими, въ томъ племенномъ смыслѣ, въ какомъ и теперь каждый одноплеменный намъ народъ называетъ и себя и языкъ свой—Словенскимъ. Такимъ-же образомъ не слѣдуетъ изъ Нестора, чтобы коренной Словенскій языкъ былъ нераздѣльнымъ еще и въ IX вѣкѣ. Примѣняясь къ основной Несторовой мысли о расплемененіи единаго Словенскаго языка или рода на многіе народы, скорѣе можно выводить изъ нея противоположное заключеніе и допускать раздѣленіе единой Словенской рѣчи на разныя нарѣчія уже въ глубокой древности.

Правда, что языкъ Церковно-Словенскій со второй половины IX вѣка вошелъ было въ общее употребленіе почти у всѣхъ народовъ Словенскихъ. Но это употребленіе было у нихъ книжное, какъ языка Богослужебнаго, который обыкновенно становится дѣловымъ и вообще письменнымъ языкомъ. Чрезъ такое употребленіе Церковно-Словенскій языкъ имѣлъ различной степени вліяніе на большую часть прочихъ Словенскихъ языковъ и произвелъ въ нихъ новое обобщеніе, котораго не должно смѣшивать съ ихъ первоначальною, родовою близостью. И такъ Церковно-Словенскій языкъ только по книжному или письменному употребленію можетъ считаться Общесловенскимъ, и въ семъ отношеніи онъ можетъ называться столько же—древнимъ Русскимъ, сколько и древнимъ Сербскимъ, древнимъ Моравскимъ, древнимъ Паннонскимъ [1]). — Только потому, что сей языкъ

[1]) Копитаръ, въ сочиненіи своемъ Glagolita, 1836 г., старается доказать, что Церковно-Словенскій языкъ есть *древній Паннонскій*, отъ котораго—по его мнѣнію—произошелъ и къ нему ближе всѣхъ нынѣшній языкъ Хорутанскій.

прежде всѣхъ Словенскихъ получилъ книжное образованіе, онъ можетъ называться Старо-Словенскимъ. Но изъ сего еще не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ памятникомъ древнѣйшихъ коренныхъ свойствъ Общесловенской рѣчи. Ибо онъ представляетъ собою древнія (IX-го вѣка) свойства только того языка, на который переведены Богослужебныя книги, по который—по своему образованію въ народѣ—могъ быть и—кажется—дѣйствительно былъ новѣе нѣкоторыхъ другихъ языковъ Словенскихъ. Своимъ вліяніемъ на нихъ онъ придалъ имъ нѣсколько своихъ принадлежностей, которыхъ они не имѣли прежде и которыя изъ книжнаго употребленія болѣе или менѣе переходили постепенно въ употребленіе народное. Изъ него развился книжный или письменный языкъ Русскій, такъ же какъ и книжный Сербскій. Но онъ отличенъ отъ народнаго Русскаго языка; отличенъ и отъ народнаго языка Моравскаго или Чешскаго; также отъ языковъ Сербскаго, Хорутанскаго и даже отъ народнаго Болгарскаго. Потому въ Общесловенскомъ кругу онъ можетъ считаться особымъ языкомъ, который—и по своему происхожденію, и по своимъ признакамъ—принадлежитъ къ разряду Юго-западному или Задунайскому.

У какихъ же именно Задунайскихъ Словенъ онъ былъ языкомъ народнымъ?

Многіе изъ нашихъ писателей—напримѣръ Каченовскій, Гречъ, Полевой—принимаютъ, что это древній Сербскій языкъ, какъ полагалъ сначала Добровскій, по именитости коего и распространилось сіе мнѣніе. Но уже выше замѣчено, что названіе древняго Сербскаго, столько же идетъ къ сему языку, какъ и названіе древняго Русскаго. Языкъ Сербскій въ древнѣйшихъ памятникахъ своихъ уже представляется различнымъ отъ Церковно-Словенскаго, такъ что (по словамъ Востокова) трудно повѣрить непосредственному происхожденію Сербскаго языка отъ Церковно-Словенскаго

Что касается до Македонскаго города Солуня,—изъ коего родомъ были Кириллъ и Меѳодій, и будто отъ жившихъ тамъ Сербовъ заимствовали ихъ языкъ для перевода Богослу-

жебныхъ книгъ [1]),—то съ такимъ-же правомъ Шлецеръ доказывалъ, что языкъ Кирилловскій могъ быть заимствованъ отъ Солунскихъ Болгаръ и былъ языкъ Болгарскій [2]). Вспомнимъ еще, что и самъ Добровскій оставилъ прежнее свое мнѣніе и призналъ Церковно-Словенскій языкъ за древнее, еще несмѣшанное Сербо-Болгаро-Македонское нарѣчіе.

Обращаясь къ тому мнѣнію, что Богослужебныя книги переведены на языкъ Болгарскій, замѣтимъ, что сіе мнѣніе, принимаемое теперь Востоковымъ, Шафарикомъ и другими [3]), гораздо древнѣе, чѣмъ всѣ вышеприведенныя. Ибо, кромѣ собственнаго и древнѣйшаго названія сего языка «Словѣньскимъ» [4]), его и встарину еще называли—Болгар-

---

[1]) На семъ основаніи тожество Сербскаго языка съ Церковно-Словенскимъ доказывалъ Каченовскій, въ своемъ Разсужденіи *о Славянскомъ и въ особенности Церковномъ языкѣ* (см. Труды Общ. Люб. Рос. Слов. Ч. VII. 18.7). Еще прежде Добровскаго Церковный языкъ считали Сербскимъ—Рагузинецъ *Дольчи* (1754 г.) и *Мѣховита*.

[2]) См. его сочиненіе *Несторъ*, Ч. II.—Еще прежде Шлецера такъ думалъ Христоф *Гордонъ*, полагавшій, что Кириллъ научился Болгарскому языку въ Царѣградѣ.—Въ Четь-Минеѣ говорится, что Козарскому языку Кириллъ изучился *добрѣ* въ Корсунѣ или Херсонѣ, приготовляясь къ обращенію въ Христіанство Козаровъ: «бесѣдоваху же Козари языкомъ Славенскимъ». (Въ находящемся тамъ же примѣчаніи о *Козарахъ*, Св. Димитрій называетъ ихъ народомъ Скиѳскимъ, *языка Славенскаго или Россійскаго*).

[3]) Такое мнѣніе Востокова сказано въ *Собр. Словен. памятник.* издан. Кеппеномъ, 1827, стр. 27.—Того же мнѣнія былъ и Митрополитъ *Евгеній*, какъ извѣстно мнѣ изъ личныхъ бесѣдъ съ нимъ.—*Венелинъ* Церковно-Словенскій языкъ считаетъ природнымъ *Болгарскимъ*; ибо онъ и Дунайскихъ и Волжскихъ Болгаръ, равно Аваровъ, Казаровъ и даже Гунновъ, признаетъ за нашихъ соплеменниковъ (См. его *Древніе и нынѣшн. Болгаре*, 1829 г.) — То-же мнѣніе о Церковно-Словенскомъ языкѣ принимаетъ *Новицкій* (въ *Разсужд.* о первонач. перев. Свящ. Пис. на Слав. языкъ. 1836),—полагая въ основу этого мнѣнія слова Четь-Минеи (см. примѣч. 13).

[4]) Въ древнее время, какъ видно изъ рукописей Болгарскихъ, Русскихъ и Сербскихъ, сіе слово писали съ буквою *ѣ*: *Словѣне*, *Словѣнинъ*, *Словѣньскій*; но по различному выговору буквы *ѣ*, безъ сомнѣнія и самое слово произносили различно: *Словины*—по выговору Южнорусскому, Македонскому, Иллирскому и отчасти Хорутанскому; *Словены* и *Славены*—по выговору Сербскому, Бѣлорусскому, Великорусскому, и т. д. Въ слѣдствіе разнообразнаго выговора, измѣнили потомъ сіе слово и на письмѣ: въ средніе времена писали *Слов-не*; а въ XVII вѣкѣ начали уже писать *Славене* и *Славяне*

ским ъ. Такъ именуетъ его Греческій жизнеописатель Болгарскаго Архіепископа Климента; подобно тому, какъ Градищенскій монахъ XII-го вѣка называетъ Болгарскими письмена Кирилловскія. Въ Переясловскомъ Евангеліи [1]) XVI-го вѣка также говорится, что оно переведено «изъ языка Бѣлгарскаго на мовоу Роускоую».

Останавливаясь на семъ древнѣйшемъ мнѣніи, и на томъ общепринятомъ мнѣніи, что родина Кирилла и Меѳодія было родиною и Церковно-Словенскаго языка, мы—послѣдуя Шафарику—сей языкъ почитаемъ народнымъ языкомъ собственно такъ называемыхъ Словенъ Македонскихъ, по имени коихъ не только Сѣверная Македонія (гдѣ въ IX-мъ вѣкѣ главнымъ торговымъ городомъ былъ Солунь), но и Мизія называлась Словиніей, а у Грековъ Склавиніей. Въ послѣдствіи—когда покорена былъ Болгарами Мизія въ 678 году, потомъ въ 861 году и Македонія и Фракійское Загорье,—именемъ Болгаръ покрылось прежнее, собственное имя Словенъ, какъ у насъ имя Руссовъ простерлось на всѣ Восточно-Словенскія отросли. Потому-то оба имена, и Словенское и Болгарское, нерѣдко встрѣчаются за-одно и вмѣстѣ; напримѣръ, въ рукописномъ Словарѣ Кирилла Александрійскаго—«Склавинія, т. е. Булгарія»; въ жизнеописаніи Св. Климента—«народъ Словенскій или Болгарскій—языкъ Болгарскій—письмена Словенскія».

И такъ названіе нашего Церковнаго языка и письменъ Словенскими, есть собственное, народное и безъ сомнѣнія первоначальное, самимъ Кирилломъ данное, по имени своихъ ближнихъ Словенъ Македонскихъ. Но Болгарскимъ сей языкъ назвался уже по имени Болгаріи, гдѣ произошло первоначальное распространеніе сего языка, гдѣ скоро процвѣла на немъ довольно богатая духовная Словесность, прежде чѣмъ у другихъ народовъ Словенскихъ, и откуда перешла къ

---

16) Въ Переясловскомъ монастырѣ хранится харатейное Евангеліе, переведенное на Волыни, на *Западно-Русскій* письменный языкъ (изъ соединенія Южнорусскаго съ Церковнословенскимъ состоящій), и списанное 1556-61 г. «Михаиломъ Васильевичемъ, сыномъ Протопопа Саноцкаго».

нимъ Словенская грамота и распространились многія книги на семъ языкѣ.

У каждаго Словенскаго народа языкъ сей, входя въ Богослужебное и письменное употребленіе, легко могъ приняться и устроиться, какъ языкъ соплеменный, и потомъ считаться своимъ, особенно въ Духовенствѣ. Потому-то и у насъ встарину иногда писали, что Константинъ «Греческую грамоту въ Русскую преложи». Но по первенству его письменнаго употребленія и процвѣтанія у народа Болгарскаго, онъ можетъ называться Старо-Болгарскимъ съ бо́льшимъ правомъ, нежели древнимъ Сербскимъ или древнимъ Русскимъ; и Болгарскому Экзарху Іоанну всего ближе было называть его «своимъ»,—хотя онъ вообще называетъ его «Словѣньскимъ».

Что въ основѣ языка сего была стихія чисто-Словенская однородная, это не подлежитъ сомнѣнію. Но при переводѣ Богослужебныхъ книгъ съ Греческаго, Словенскій языкъ неизбѣжно принималъ Греческія формы, не только въ устроеніи цѣлой рѣчи или словосочиненіи, но и въ составленіи отдѣльныхъ словъ самими переводчиками; многія Греческія слова вносимы были подлинникомъ. Потому древняя Словенская рѣчь невполнѣ является здѣсь въ собственномъ видѣ; но уже измѣненная и преображенная, преимущественно по языку Греческому [1]). Могло статься и то, что еще въ первоначальный переводъ Библіи и Богослужебныхъ книгъ, вошли нѣкоторыя заимствованія отъ Словенъ собственно Болгарскихъ, а потомъ и отъ Моравскихъ. При всемъ томъ языкъ Кирилловскій имѣетъ въ основѣ своей всю однородность живой рѣчи и не представляется такимъ искуственно-составнымъ, какъ напримѣръ Италіанскій языкъ Далтовъ.

Разные Словенскіе народы, принявъ и усвоивъ себѣ Церковно-Словенскій языкъ, болѣе или менѣе измѣняли его, по

---

[1]) Потому-то *Полевой*, хотя и принимаетъ Сербское нарѣчіе за основаніе Церковно-Словенскаго языка; но вмѣстѣ съ тѣмъ почитаетъ сей языкъ особымъ *книжнымъ* языкомъ, ни къ какому нарѣчію, а также къ первоначальному языку Словенъ не принадлежащимъ (см. Ист. Р. Нар. Т. I приб. 6, и въ Труд. Общ Л Р. С. Ч IV 1824)

языку своенародному. Такимъ образомъ, въ продолженіе столѣтій; онъ постепенно разнообразился и отходилъ отъ своего первоначальнаго вида [1]).—Его употребленіе и развитіе сначала было въ Болгаріи, потому и его первоначальное измѣненіе вѣроятно было по языку Болгарскому. Но въ послѣдствіи наибольшее распространеніе, а вмѣстѣ и измѣненіе, онъ получилъ въ Россіи, сдѣлавшись какъ-бы собственностію нашего народа. И наши Сѣверные переписчики Церковныхъ книгъ въ среднія времена даже оговаривались, что въ оныя книги «многи пословицы привходили Новгородскіе» [2]). Между тѣмъ Новгородскимъ-же переписчикамъ обязаны Словены за сохраненіе древнѣйшаго изъ извѣстныхъ памятниковъ Словенскаго языка и письма, по которому судить можно и о древнѣйшемъ видѣ языка сего: это Евангеліе Остромирово, списанное 1056—57 г.

Объ Іоаннѣ Экзархѣ и другихъ древнѣйшихъ Писателяхъ Болгарскихъ. – Начало Словенской Грамматики

Письменное употребленіе Словенскаго языка въ Россіи мы разсмотримъ особо, въ слѣдующей главѣ; а здѣсь упомянемъ еще о древнѣйшихъ Писателяхъ Болгарскихъ, писавшихъ на семъ языкѣ въ концѣ IX-го и первой половинѣ X-го вѣка.

Симеонъ, воинственный и ученый Болгарскій Царь (890—927), сынъ Бориса, прозванный Книголюбцемъ. Онъ переводилъ самъ съ Греческаго на Словенскій, и побуждалъ къ тому же другихъ, напримѣръ Епископа Константина, ученика Меѳодіева (906), и монаха Григорія.

---

[1]) Востоковъ, слѣдуя за постепеннымъ ходомъ и измѣненіемъ сего языка, раздѣлилъ его 1-е) на *древній*, заключающійся въ письменныхъ памятникахъ отъ IX и за XIII столѣтіе; 2-е) *средній* XV и XVI столѣтій; 3-е) *новый* языкъ печатныхъ Церковныхъ книгъ (см. его *Разсужденіе о Славянскомъ языкѣ*, въ Труд Общ. Л. Р. С. Х. XVII. 1820 Тамъ разобраны и главнѣйшія особенности языка древняго).

[2]) Такая оговорка находится въ Новгородскомъ Евангеліи, списанномъ 1506 г

Болгарскій Епископъ Климентъ, ученикъ и сподвижникъ Кирилла и Меѳодія, написавшій нѣкоторыя Словенскія книги, по возвращеніи своемъ въ Македонію; скончался 916 г.

Но особенное вниманіе на себя обращаетъ Іоаннъ Пресвитеръ Экзархъ Болгарскій; современникъ Царя Симеона. Сей ученый мужъ перевелъ изъ Дамаскина Богословіе, которое у насъ былъ извѣстно подъ названіемъ Книга Небеса,—и Философію, по Словенскому языку Любомудріе. Самъ написалъ Шестоденье или Шестодневъ, выбранный имъ изъ Василія Великаго, Іоанна Златоуста, Севиріана, Аристотеля и другихъ. Ему приписывается и Слово на Вшествіе (Вознесеніе). Сему же Болгарскому писателю обязана Словесность наша и за переводъ книги о восьми частяхъ слова. Въ древнѣйшемъ спискѣ сей книги [1]), она приписана Іоанну Дамаскину, хотя въ подлинникѣ и неизвѣстно его Греческой Грамматики. Тѣмъ болѣе замѣчателенъ трудъ Іоанна Экзарха, составляющій первое начало Грамматики Словенской, въ которомъ устанавливается уже терминологія сей науки. Части рѣчи Іоаннъ переводитъ такъ: 1) имя, 2) рѣчь (глаголъ), 3) причастіе, 4) различіе (членъ), 5) мѣстоимене, 6) предлогъ, 7) нарѣчіе, 8) съузъ (союзъ). «Имя же въ сихъ яко основаніе; прочая бо части оглаголанія суть именя». Имя различается по роду тройственное: мужеское, женское и среднее; паденій (падежей) пять: правый (именительный), родный, виновный, дателный, звателный; чисель три: единствено, двойственно, множествено, ит. д.—Сочиненія Іоанновы были весьма уважаемы у насъ в среднія времена; всѣ они собраны и изданы К. Калайдовичемъ, въ особомъ весьма важномъ его изслѣдованіи—Іоаннъ Ексархъ Болгарскій. М. 1824.

Здѣсь замѣтимъ еще о нѣсколько позднѣйшемъ Болгарскомъ писателѣ—монахѣ Храбрѣ, жившемъ (по мнѣнію Ша-

---

[1]) Въ Сборникѣ, писанномъ рукою Московскаго Митрополита Даніила (ум. 1559 г.),—Вторую статью сего Сборника составляетъ: «Книга Святаго Ивана Дамаскина философская о осмихъ частехъ слова; прежде же еа Иванъ Презвитеръ Ексархъ Болгарскій, отъ Еллинскаго языка въ Словенскій.

фарика) въ X или XI вѣкѣ. Онъ извѣстенъ небольшимъ сочиненіемъ о письменахъ, которое составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для первоначальной Исторіи Словенской письменности [1]).

ГЛАВА VIII.

О письменномъ употребленіи церковно-словенскаго языка въ древней руси, и о вліяніи сего языка на народный русскій.

Церковно-Словенскій языкъ, освященный употребленіемъ Богослужебнымъ, опредѣленный образованіемъ книжнымъ и соплеменный языку Русскому, легко сдѣлался нашимъ письменнымъ языкомъ, мало по малу усвоился намъ какъ-бы родной нашъ языкъ, и составилъ собою основу всего письменнаго языка Руси. Но сія же соплеменность Церковно-Словенскаго языка нашему, равно и то, что ему научались только изъ употребленія,—были причиною, что онъ и у насъ, такъ же какъ и у другихъ Словенскихъ народовъ, не сохранился въ первоначальныхъ, Кирилловскихъ формахъ. Рускіе, писавшіе на немъ, различно его измѣняли, особенно въ тѣхъ писаніяхъ, которыя выходили изъ Церковнаго круга и относились къ предметамъ жизни мірской. Болѣе чистымъ сохранялся Церковно-Словенскій языкъ преимущественно въ сочиненіяхъ Церковнаго содержанія и въ переводахъ съ языка

[1]) Оно дошло къ намъ во множествѣ списковъ: древнѣйшій изъ нихъ находится въ Сборникѣ, который написанъ 1348 г. (на хлопчатой бумагѣ) для Болгарскаго Царя Іоанна Александра, монахомъ Лаврентіемъ, и хранится въ Моск. Синод. Библіотекѣ. По списку сему напечаталъ Калайдовичъ въ Іоан. Екс. стр. 189—«О письменехъ, чрьноризца Храбра» Но еще прежде сочиненіе сіе было напечатано въ Азбукѣ или *Грамматикѣ*, изданной въ Вильнѣ 1621, и въ *Азбукѣ* Бурцова, изданной въ Москвѣ 1637.

Греческаго. Но въ памятникахъ законодательныхъ, въ лѣтописяхъ и пѣснотвореніяхъ свѣтскихъ, нашъ древній письменный языкъ представляетъ частыя отступленія отъ Церковно-Словенскаго.

Большая часть сихъ отступленій состояла въ примѣси своенароднаго, разговорнаго Русскаго языка, непрестанно и невольно входившаго въ составъ принятаго книжнаго языка. Отступленія сіи весьма замѣчательны; ибо въ нихъ заключаются отрывчатые письменные памятники тогдашняго народнаго языка Руси, служащіе свидѣтельствомъ, что онъ въ древнемъ періодѣ былъ различенъ отъ Церковно-Словенскаго, и что глубокую древность имѣютъ тѣ народно-Русскія формы словъ, которыя и по нынѣ сохранились еще въ народѣ, бывъ не рѣдко уже исключены изъ образованной или общепринятой рѣчи.

Такимъ образомъ въ письменномъ языкѣ древней Руси— отъ договора Олегова и до послѣднихъ памятниковъ древняго періода (вышесказаннаго содержанія) —встрѣчаются чисто-Русскія формы [1]) языка, отличныя отъ формъ, собственныхъ языку Церковно-Словенскому.

А какъ самые первые и большая часть послѣдующихъ древнихъ памятниковъ Русской Словесности писаны были преимущественно Южными Руссами; то древній письменный языкъ нашъ представляетъ въ себѣ преимущественно присоединеніе Южнорусскаго языка къ Церковно-Словенскому. Отъ того въ древнихъ Русскихъ памятникахъ встрѣчаются

---

[1]) Чисто-Русскія формы словъ, отличныя отъ Церковно-Словенскихъ, находимъ въ договорѣ Олеговомъ; таковы—*полоняникъ* (вм. плѣнникъ), *отполонени* (въ Сборникѣ 1073 также—*полонецъ*); *бороненіе*, *возборонитись*; *ж* вм. *жд*:—*межи* и *меже* (между), *утвержденіе*, *по нужи*;—Въ договорѣ Игоревомъ, *преже*, *межю*, *осужденье*; *ч* вм *щ*—*хочемъ*, *обычіи* сли; *городовъ* вм. градовъ; «да не *имѣють волости* купити паволокъ *лише* по ѕ *золотникъ*».—Въ Русской Правдѣ (по Новг. спис. XIII в.): *болюю* (вм. благо), *молоко*, *вологa*, *хоронили*, *перегородить*, *перевѣсищ*; *оже*; *межю*, *чужь*, *усрячетъ*;—Въ грамотѣ Мстиславовой (1128), *который*, *серебра*.—Подобные примѣры встрѣчаются и въ послѣдующихъ древнихъ памятникахъ. Сюда-же принадлежатъ Русскія формы именъ *Володимиръ*, *Володиславъ*, *Переславa*, о которыхъ говорено въ VI Главѣ, на стр. 421.

иногда такія слова и ихъ виды, которые по сю пору существуютъ въ Южнорусскомъ языкѣ и непосредственно изъ него объясняются [1]).—Между тѣмъ въ писаніяхъ Новгородскихъ замѣчаются такія особенности, которыя по-нынѣ существуютъ въ нарѣчіи Верхнерусскомъ и изъясняются непосредственно изъ него [2]). Отъ такого присоединенія народнаго Русскаго языка къ Церковно-Словенскому, въ нашемъ письменномъ

---

[1]) Южнорусскій языкъ по-нынѣ сохраняетъ много словъ, встрѣчаемыхъ въ нашихъ древнихъ письменныхъ памятникахъ, въ томъ-же самомъ, либо нѣсколько измѣненномъ значеніи, и почти чуждыхъ теперь языку Великорусскому; наприм. въ Лавр. спис. Несторовой Лѣтописи—*стрѣха, хапаюся; гробля* (по нынѣшнему *гребля*).—Въ Поученіи Моном ха—*лагодити, лѣнощи, пуща, дивуемся, лѣпшій*.—Въ Пѣсни Игорю: *яруга, сма а* (жаръ), *туга* (тожь и въ Новг Лѣтоп.), *болонье, вереженный, цвѣлити* (отъ слова *цвѣль* плѣсень), *конець* (въ видѣ предлога); тамъ-же по Южнорусскому выговору—*гримлютъ, помолодити* (вм. помолодѣти). Сообразно Южнорусскому выговору звука *в*, въ древности писали часто *у* вм. *в* (*Ноогугородци, оуй* вм. вуй; въ Сборникѣ 1073 г. *уселенную* вселенную).—Подобно сему нѣкоторые мѣста Русской Правды. Кіевской Лѣтописи изъясняются прямо изъ языка Южнорусскаго—формами словъ, по-нынѣ въ немъ употребительными. Впрочемъ изъ сихъ же древнихъ Русскихъ памятниковъ оказывается, что въ Южной Руси были употребительны въ древности многія слова, кои въ продолженіе среднихъ вѣковъ забыты языкомъ Южнорусскимъ Подробнѣе о семъ будетъ сказано въ 3-й книгѣ нашей Исторіи.

[2]) Въ Новгородской Лѣтописи встрѣчаемъ, сходно съ Верхнерусскимъ нарѣчіемъ: *нѣту* (и *нѣтуть*—у Кирика и въ концѣ Новг. спис. Русской Правды; между тѣмъ въ посланіи Никифоровомъ—вм. нѣть—*ни*, по-Южнорусски); *домовъ* а) (какъ и теперь говорятъ Осташковцы)—вм домой; звукъ *ч* вм. *ц*—*Половчи, Новгородчемъ, въ пятничю, отчя;* наоборотъ, *ц* вм. *ч*,—*хоцю, сьця, посадницить*, и въ именахъ по отчеству *ицъ* вм. *ичъ* —Все это показываетъ, что Новгородское нарѣчіе уже въ древнія времена обособилось на Сѣверѣ отъ языка Южнорусскихъ Словенъ, отдѣленное отъ нихъ Бѣлорусскими и Среднерусскими Словенами. Отъ нихъ то, вѣроятно, Словены Новгородскіе и особливо Тверичи заняли употребленіе звука *ц* вм. *ч*.—

а) О взаимной замѣнѣ окончаній *овъ* и *ой* замѣтимъ, что въ Червонорусскомъ нарѣчіи употребляютъ иногда *овъ* вм. *ой*; наприм. *со миовъ* вм со мной. Такъ и Ѳеодоръ Грамматикъ, Сербъ, въ послѣсловіи первой половины Шестоднева писалъ (въ XIII в.): «съ великовъ печалію и съ великовъ нищетовъ» На оборотъ, въ Верхнерусскомъ нарѣчіи кое-гдѣ (напр отъ Устюжны къ Бѣлозерску) говорятъ *ой* вм *овъ;* напр. *мужикой* вм мужиковъ. Отсюда переходъ къ употребленію *ы* вм. *овъ: церкы* вм. церковь; *любы* вм. любовь. И здѣсь *ы* находится въ соотвѣтствіи съ *ой;* а у Заодерскихъ Словенъ *ы* произносилось двоегласно: *ой, ай.*

древнемъ языкѣ часто встрѣчается въ одномъ и томъ же памятникѣ двоякое употребленіе одного и того же слова, по формѣ обоихъ языковъ [1]). Иногда къ Церковно-Словенскимъ формамъ примѣшивались новыя формы, самими писавшими составленныя: таково, кажется, окончаніе 3-го лица прошедшаго времени съ прибавкою ть, изрѣдка встрѣчаемое у нашихъ древнихъ писателей, особливо въ Пѣсни Игорю (наприм. бяшеть, бяхуть).

Тоже было и съ правописаніемъ Церковно-Словенскимъ. Вначалѣ оно было весьма опредѣленное, и въ такомъ видѣ перешло къ намъ, видно изъ Евангелія Остромирова. Но Рускіе, также какъ и другіе Словены, скоро начали измѣнять оное сообразно своему языку.—Такъ, въ слѣдствіе полногласія, свойственнаго нашему языку, вставочныя полугласныя ъ и ь стали у насъ замѣнять коренными гласными; или же совсѣмъ исключать ихъ [2]), когда на ихъ мѣстѣ, по нашему языку, не приходились гласные звуки.—При стече-

---

[1]) Двоякое употребленіе того-же слова, по формѣ Русской и Церковно-Словенской, примѣтно начинается въ Договорѣ Игоревомъ: *золотникъ* и *златникъ*;—не имать *волости*,—не *имѣють* власти,—*ци* аще—аще ли.—

Въ Грамотѣ Мстиславовой (1128): въ самомъ началѣ—«се *азъ* Мстиславъ Володимирь сынъ»; потъмъ—«*язъ* далъ»: подъ конецъ—«а се *я* Всеволодъ» —Въ Лавр сп. Нестора: *комони* и *кони*; *тереба* и *треба* (жертва); *середа* и *среда*; *сли* и *посли*; *нравы*, *норовы* и *норивы* (по Южнорус. произношенію).—Въ Поученіи Мономаха: *волость* и *власть*; *пакы* и *опять*; *тобѣ* и *тебѣ*.—Въ Пѣсни Игорю: *хоробрый* (форма употребившаяся въ Украинскихъ пѣсняхъ XVI и XVII в) и *храбрый*; *забороло* (тожь въ Кіев. лѣт.) и *забрало*; *соловій* и *славій*; *голосъ* и *гласъ*, *берегъ* и *брегъ*.

[2]) Полугласныя буквы ъ и ь ставились въ срединѣ словъ вмѣсто сокращенныхъ гласныхъ: ъ преимущественно вм. *о*; ь вм. *е* (также вм. *и*, *ѣ*, *я*),—притомъ онѣ ставились на самомъ мѣстѣ гласныхъ (*дълъгы*, *гърдъ*, *жьзълъ*, *чьсть*—долги, гордъ, жезлъ, честь), или-же послѣ слѣдующей согласной (*влъкъ* вм *вълкъ*). Впрочемъ иногда ставили ь вм. ъ (*чьто*) и наоборотъ (*мънѣ*).—Вообще-жь какъ въ нашихъ, такъ и въ Задунайскихъ рукописяхъ, представляется большое разнообразіе и неопредѣленность Иногда встрѣчаемъ ъ тамъ, гдѣ уже вовсе не находимъ соотвѣтственной гласной: *дъвѣ*, *кънигы*, *сълъньце* и *сълньце*; иногда писали съ ъ-омъ и безъ него: *лъжица*, *лжица*; *дълъгы* и *длъгы*. Употребленіе ъ и ь въ подражаніе Болгарскому правописанію, при полногласіи Русскаго языка, необходимо должно было производить сбивчивость.

нiи звуковъ ж д, столь свойственномъ языку Болгарскому, Рускіе, пока не привыкли къ сему стеченію, отбрасывали *д* и писали только *ж* [1]). — Такъ, какъ Русскому языку противно посовое измѣненіе звуковъ *у* и *я*, для котораго у Болгаръ были особыя буквы; то Рускимъ и трудно и напрасно было различать случаи, гдѣ должно писать оныя буквы; и они обыкновенно исключали ю с ъ (ѫ) и писали о н и к ъ (оу) либо у к ъ (ꙋ), и смѣшали ѧ и ѫ [2]). — Но и сіе дѣлалось непосто-

---

[1]) Въ Евангеліи Остромировомъ, гдѣ соблюдено правописаніе Болгарское, написано: «*даждь* намъ *дньсь*». Но въ прочихъ Русскихъ спискахъ Евангелія XII и XIII в., писано уже: «*дажь* намъ днесь (*дньсь* и *днысь*)»; а въ пяти Русскихъ спискахъ Евангелія XIV в. измѣнено еще болѣе по Русски: «*дай же* намъ днесь» — Болгарскій звукъ *жд* столь не свойственъ казался Русскому слуху, что въ древнѣйшемъ (XII в.) спискѣ Богословія Іоанна Экзарха вездѣ выскоблена буква *д* въ словахъ *даж ъ, ноуж. а, вож. ю* и тому подобныхъ (по наблюденію К Калайдовича)

[2]) Въ тѣхъ случаяхъ, когда звуки *у* и *я* оставались чистыми и неизмѣненными въ языкѣ Болгарскомъ, они изображались буквами ꙋ, оу и ѧ (въ Польскомъ *u*, *ja*); напр. въ словахъ *ухо*, *яко* Но когда оные звуку измѣнялись *особеннымъ* (носовымъ) произношеніемъ, — тогда — по древне-Болгарскому правописанію — они изображались буквами ѫ и ѧ; въ такихъ случаяхъ у Поляковъ употребляются ą, ę (om, em); напр. въ словахъ *мужъ, буду, языкъ, пять;* по Польс. mąż, będę język, pięć. (См о семъ подробное наблюденіе Востокова, въ его *Разсужд. о Слав. яз.*) — Съ утратою носоваго произношенія у Болгаръ еще въ древнее время, и они стали сбиваться въ употребленіи *юса;* и въ XIV вѣкѣ писали оный уже вмѣсто *а, о, у, ю я.*—

Изъ Фрейзингенской рукописи, писанной во второй половинѣ Хвѣка Латинскими буквами, видны еще остатки носоваго произношенія въ Хорутанскомъ языкѣ; ибо въ оной рукописи вмѣсто *юсоваго у* писано или просто *u*, или *o*; изрѣдка *on* и даже *un*; наприм bodo—*буду;* poroso и poronso—*поручу*, по Польс. poręczę; sunt—*суть*, по Польс. są; vuerun—*вѣру*, по Польс. wiarą. Вмѣсто ѧ во Фрейзингенской рукописи писано *e;* напр. ime—*имя*, по Польс. imię; и въ одномъ только случаѣ *en*: vuensich—*вящшихъ*, по Польс. większych — Теперь у Хорутанъ вмѣсто *юсоваго у* употребляется долгое *o;* а вмѣсто носоваго ѧ долгое *e*. И это измѣненіе было переходомъ отъ чистаго или Русскаго произношенія звуковъ *у* и *я*, къ ихъ дальнѣйшему носовому произношенію, теперь только у Поляковъ оставшемуся — Языку Русскихъ Словенъ болѣе свойственна обратная замѣна сихъ звуковъ, т е. измѣненіе *о* въ *у*, *е* въ *я*. Нѣсколько примѣровъ тому показано въ V главѣ; а Великорусскій и Червонорусскій выговоръ звука *я* какъ *е* составляетъ исключеніе, неопровергающее общаго правила Такимъ образомъ въ Русскомъ языкѣ не было даже перехода къ чуждому для него носовому измѣненію звуковъ *у* и *я* (см. Гл. VI, стр. 425).

янно и неопредѣленно: то держались древняго Болгарскаго правописанія, то слѣдовали своенародному выговору; отъ того и здѣсь произошла такая-же двоякость или лучше сказать смѣшеніе. Вообще же Церковно-Словенское правописаніе послужило главнымъ основаніемъ для правописанія какъ Южнорусскаго, такъ и Великорусскаго языка, хотя оно во многомъ не соотвѣтствуетъ выговору обоихъ. Не смотря на то, оно такъ утвердилось у Сѣверныхъ и Южныхъ Руссовъ, съ нѣкоторыми измѣненіями и приспособленіями къ ихъ произношенію, что въ настоящее время писаніе сообразно одному только выговору имѣетъ видъ безграмотности.

Въ правописаніи, какъ и теперь, весьма большое участіе имѣлъ личный произволъ, являвшійся въ неопредѣленности правописанія [1]), или же придумывавшій свои нерѣдко излишнія тонкости. — Достойно замѣчанія разнообразное начертаніе Спасителева имени, потому, что оно было поводомъ къ жаркимъ о томъ преніямъ въ XVII в., съ нашими Старообрядцами. На Владиміровомъ златѣ написано: ИСУСЪ; но въ Евангеліи Остромировомъ ИІСУСЪ, ИІС, ІС; въ Сборникѣ Святославовскомъ ИИСОУСЪ, ИІС, ІСЪ, ІС. Разнообразное начертаніе сіе первоначально было по примѣру Грековъ, которые также писали Спасителево имя и полнымъ складомъ, и сокращенно—ΙΗΣΟΥΣ, ΙΣ. и т. д.

Такъ какъ Южнорусское произношеніе иногда сходилось съ древнимъ Церковно-Словенскимъ правописаніемъ,

---

[1]) Примѣровъ такого разнообразія и произвола въ правописаніи можно представить очень много. Такъ Іоаннъ дьякъ, въ Сборникѣ 1073 г., почти не употреблялъ буквы *ш*, но *шт* (по выговору Болгарскому); *аште, еште, запрештаю*; въ буквѣ *ѕ* писалъ и *еръ*—ъ (по древнѣйшему ея начертанію, сохраненному еще Кипріаномъ въ Служебникѣ), и *ерь*—*ы* (какъ нынѣ употребляютъ). Такъ въ Евангеліи 1144 г., употребляется часто *і* вм. *и* (едінъ, кніжнікъ, исконі, амінь); тоже и во второй половинѣ Новгородской харатейной Лѣтописи (і биша і, іли).—Не меньшее разнообразіе встрѣчается и въ надстрочныхъ знакахъ.—

Впрочемъ не у Русскихъ только, но и у другихъ Словенъ, встрѣчается такая же неопредѣленность и разнообразіе правописанія. Многіе тому примѣры можно видѣть изъ Богословія (по Болг. спис. XII в.), и Шестоднева (по Серб спис. 1263 г.), Іоанна Экзарха, въ изданіи К. Калайдовича).

то въ такихъ случаяхъ древнее правописаніе оставалось неизмѣннымъ. Таково окончаніе глаголовъ 3-го лица обоихъ чиселъ на т ь, и употребленіе буквы *ѣ* вмѣсто *и* въ повелительномъ наклоненіи; напримѣръ б у д е т ь, б у д у т ь, х в а л ѣ т е. Сюда же принадлежитъ употребленіе буквы *ы* послѣ *к*, *х*, *г*.—

И такъ письменный Русскій языкъ начался употребленіемъ Церковно-Словенскаго, и развивался изъ него чрезъ постепенное присоединеніе къ нему нашего народнаго Русскаго языка. Потому справедливо письменный языкъ нашъ, особливо старинный, называютъ С л о в е н о - Р у с с к и м ъ.

Чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ больше онъ р у с ѣ л ъ и сближался съ нашею народною рѣчью; ибо народная рѣчь входила въ него, и сливалась съ Церковно-Словенскою въ одинъ живой составъ.

Вліяніе Церковно-Словенскаго языка на народный Русскій.

Нѣтъ сомнѣнія, что языкъ Церковно-Словенскій въ древнее время входилъ у насъ и въ изустное или разговорное употребленіе, не только у Духовенства, которое привыкало къ нему съ молода, но и у грамотныхъ мірянъ. Тутъ еще удобнѣе было Церковно-Словенскому языку смѣшиваться съ народною Русскою рѣчью, и измѣняться посредствомъ живаго употребленія. Съ тѣмъ вмѣстѣ и народной Русской рѣчи удобно было, изъ такого средняго или смѣшаннаго состоянія, переходить въ письменный языкъ, а въ себя принимать мало помалу стихіи Церковно-Словенскаго языка. Разговорный языкъ грамотнаго сословія, какъ замѣчено выше, составляетъ ту средину между книжнымъ и простонароднымъ языкомъ, гдѣ наиболѣе происходятъ различныя измѣненія народнаго языка, и откуда сіи измѣненія переходятъ въ употребленіе простонародное. Потому и понятно, что языкъ Церковно-Словенскій, непрестанно слышанный нашимъ народомъ въ Богослуженіи и въ разговорѣ людей церковныхъ и грамотныхъ, отозвался и въ народной Русской рѣчи многими словами и

выраженіями Библейскими, которыя приживались къ языку Русскаго народа, какъ благопріобрѣтенное его достояніе и богатство.

И такъ Церковно-Словенскій языкъ не только далъ образованіе письменному языку Русскому, въ словосочиненіи и правописаніи; но болѣе всѣхъ другихъ языковъ имѣлъ участіе въ дальнѣйшемъ образованіи нашего народнаго языка. Сіе участіе мало простиралось на устроеніе цѣлой рѣчи или словосочиненіе: ибо устроеніе народной рѣчи образуется собственнымъ развитіемъ народной жизни и трудно принимаетъ образы чужой рѣчи, хотя-бы и соплеменной. Живою силою своею она скорѣе воспринятымъ стихіямъ дастъ собственный образъ, передѣлаетъ ихъ на свой ладъ.

Вліяніе Церковно-Словенскаго языка преимущественно простиралось на стихійный составъ языка или части рѣчи, состоящія въ словахъ и звукахъ. И въ семъ отношеніи участіе его было велико.

Онъ сообщилъ языку Русскому многія для него новыя слова, служащія выраженіемъ разныхъ понятій и предметовъ, которые были чужды Русскому народу до принятія имъ Христіавства; напримѣръ—о предметахъ и понятіяхъ, относящихся къ Церкви, къ наукамъ. Сообщилъ слова, хотя и не новыя по своему значенію, но образованныя изъ иныхъ корней, чѣмъ прежде бывшія у насъ ихъ синонимы. Сообщилъ свои, въ то время новыя для насъ формы такихъ словъ, которыя уже прежде были въ нашемъ языкѣ. Таковы преимущественно слова сокращенной формы—злато, мракъ, прахъ, млеко и проч.

По мѣрѣ того, какъ усвоялись намъ всѣ сіи слова и формы, наши прежнія народныя слова и формы часто принимали уже другое положеніе въ языкѣ: одни получали новую оттѣнку или значительность выраженія; другія ограничивались въ кругѣ своего значенія; иныя получали другой смыслъ; нѣкоторыя же совсѣмъ были вытѣсняемы изъ нашего языка словами Церковно-Словенскими. — Нерѣдко и сами Рускіе, какъ-бы примѣняясь къ Церковно-Словенскому языку, измѣняли по его образцу свои прежнія, и даже отъ него занятыя

слова. Такъ напримѣръ слово крестить,—по древнему правописанію крьстить,—въ Великорусскомъ простонародіи говорится—кстить [1]).

Такимъ-то образомъ и въ разговорномъ языкѣ Русскомъ,—не только общепринятомъ или употребляемомъ сословіями образованными, но и въ простонародномъ,—произошла таже двоякость, какая замѣчена выше въ нашемъ языкѣ письменномъ,—тоже смѣшеніе нашей природной стихіи и усвоенной нами стихіи Церковно-Словенской. Одно и тоже слово употребляется въ двухъ видахъ: въ чисто-Русскомъ и въ Церковно-Словенскомъ; производныя слова того-же корня, одни образованы по чисто-Русской формѣ, другія по формѣ Церковно-Словенской [2]).

При такой двоякости формъ одного и того-же слова, Церковно-Словенская форма имѣетъ обыкновенно болѣе возвышенной тонъ, болѣе мысленное и обширное значеніе, какъ форма нашего священнокнижнаго языка. Въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ онъ такъ глубоко усвоился намъ, что иногда принятое отъ него слово мы употребляемъ уже какъ наше народное, обыкновенное; а своенародная, но старинная форма того же слова имѣетъ уже значительность Словенской формы; напримѣръ шлемъ и шеломъ.

Правда, что принятіе нами Церковно-Словенскаго языка въ употребленіе письменное замедлило собою раскрытіе нашего народнаго языка, и не дало ему развиться въ своеобразной чистотѣ. Но за то присвоеніе онаго языка Русскому, и особливо нарѣчію Московскому (образовавшемуся изъ древнихъ стихій, но уже подъ вліяніемъ Церковно-Словенскимъ),—дало ту богатую сложность, при которой Русскій языкъ въ состояніи теперь отвѣчать вѣрными отголосками Русской

---

[1]) Такъ и въ Украинѣ говорятъ *сжне. ссс* (сохнетъ, сосетъ)—безъ сомнѣнія уже заимствованно отъ Словенъ Задунайскихъ.

[2]) Въ древній письменный или Церковно-Словенскій нашъ языкъ входили формы языка Русскаго, какъ нашего природнаго языка; теперь за-одно съ Русскими формами употребляются Церковно-Словенскія уже по привычкѣ къ симъ послѣднимъ.

мысли и Русскому чувству, для ихъ выраженія въ разнообразнѣйшихъ оттѣнкахъ.

Богатый развитіемъ собственнымъ и обогащенный языкомъ Церковно-Словенскимъ, языкъ Русскій, при настоящемъ стремленіи къ своенародности, безъ сомнѣнія взойдетъ на высокую степень образованія; хотя и теперь уже онъ—по выраженію Карамзина—«будучи управляемъ дарованіемъ и вкусомъ писателя умнаго, можетъ равняться въ силѣ, красотѣ и пріятности съ лучшими языками древности и нашихъ временъ».—

ГЛАВА IX.

Объ отношеніи русскаго языка къ иноплеменнымъ, и ихъ вліяніи на него въ древнія времена.

При сообщеніи нашихъ предковъ съ разными иноплеменниками, происходили разныя заимствованія въ нашъ языкъ отъ языковъ иноплеменныхъ, и наоборотъ. Первоначальная Исторія сихъ заимствованій находится въ тѣсной связи съ Исторіей образованія родоваго Словенскаго языка во многіе виды, и также какъ она трудна для изъясненія, также мало еще изъяснена положительными, подробными изысканіями.

Встрѣчая слова, общія намъ и народамъ иноплеменнымъ, иногда можно съ довольною вѣроятностію соображать: Русью, или отъ Руси они заимствованы, и въ какой періодъ времени? Но часто нельзя еще опредѣлить того съ точностію. Потому то большое уже представляется разногласіе въ рѣшеніи подобныхъ вопросовъ, и очень мало еще несомнѣнныхъ изслѣдованій нашего языка съ сей стороны. Будущему языкознанію предлежитъ проникнуть глубже въ темноту прошедшаго, и представить яснѣе древнюю Исторію нашего языка.

При нынѣшнемъ же состояніи нашего сравнительнаго языкознанія [1]), ограничимся хотя слѣдующимъ обозрѣніемъ.

Древнѣйшее отношеніе Русскаго языка къ иноплеменнымъ.

Древнѣйшимъ, родовымъ достояніемъ Русскаго языка можно вообще полагать такія слова, которыя принадлежатъ и прочимъ языкамъ Словенскимъ, — особливо тѣ изъ нихъ, которыя повторяются и въ другихъ Европейскихъ языкахъ, также въ Санскритскомъ и родственныхъ ему языкахъ Азіатскихъ [2]). Большая часть таковыхъ словъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ нашему языку искони; равно и другимъ Европейскимъ языкамъ она принадлежитъ со времени первоначальнаго, родоваго ихъ образованія еще въ Азіи—сей общей колыбели народовъ Европейскихъ. Тамъ, по всей вѣроятности, произошли всѣ ихъ родовые языки, и составляли нѣкогда съ племеннымъ языкомъ Индійскимъ одинъ родственный кругъ, называемый Индо-Европейскимъ. — Въ слѣдствіе сего

---

[1]) Сравненіе Русскаго языка съ иноплеменными было разработываемо доселѣ преимущественно въ *Словарномъ* отношеніи Не исчисляя всѣхъ трудовъ по сей части, замѣтимъ, что первое и важнѣйшее начало онымъ положено Екатериною Великою: это *Сравнительный Словарь*, ея десницею собранный, изданный *Палласомъ* въ 4 частяхъ, въ Спб. 1787—89. Словарь сей по многими дополненіями вторично изданъ въ 4 ч. Спб. 1790-91 г. — Особое сравненіе Русскаго языка съ Греческимъ представлено *Константиномъ Экономидомъ*,—въ его *Опытѣ о ближайшемъ сродствѣ языка Славяно-Россійскаго съ Греческимъ*. 3 части, Спб. 1828 —Что касается до сравненія Русскаго языка съ иноплеменными въ отношеніи *Грамматическомъ*, то оно составляетъ предметъ едва початой. Первые опыты такого сравненія, въ отношеніи этимологическомъ, представлены *Гречемъ*—въ *Пространной Грамматикѣ*. Въ *основаніяхъ Словесности Глаголева* находятся также разныя замѣчанія по сему предмету

[2]) *Санскритскимъ* языкомъ называется священно-книжный, уже мертвый языкъ Индіи, на которомъ существуетъ весьма богатая древне-Индійская Словесность Онъ старше всѣхъ соплеменныхъ ему языковъ Индійскихъ.— Кромѣ сихъ языковъ, къ Индо-Европейскому кругу принадлежитъ еще кругъ языковъ Персидскихъ, средоточіемъ коего считаютъ древній *Зендскій* языкъ, какъ Санскритскій въ кругу Индійскомъ

первобытнаго сродства Европейскихъ языковъ еще въ Азіи, и послѣдовавшаго древнѣйшаго образованія ихъ уже въ Европѣ, находится много общаго у всѣхъ Словенскихъ языковъ съ языками Грековъ, Латиновъ, Нѣмцевъ, Кельтовъ и Литовцевъ, и у всѣхъ ихъ много общаго съ языкомъ Санскритскимъ. Всѣ сіи языки, и по словамъ и по грамматическому устройству своему, ближе другъ къ другу нежели къ прочимъ. Кромѣ того, одни слова или свойства того же языка повторяются въ одномъ, другія встрѣчаются въ другомъ языкѣ сего же круга, будучи такъ сказать разсѣяны и перемѣшаны въ нихъ. Наконецъ въ каждомъ языкѣ есть слова и обороты ему собственно принадлежащіе, изрѣдка отзывающіеся въ другихъ, иногда отдаленнѣйшихъ языкахъ, непринадлежащихъ къ Индо-Европейскому кругу.

По такому распредѣленію стихій и свойствъ въ родовыхъ языкахъ Европейскихъ, и по взаимному ихъ сродству между собою и съ Санскритскимъ, всѣ они представляются только однородными; но ни одинъ изъ нихъ не долженъ считаться ни родоначальнымъ для другихъ, ни производнымъ отъ другаго. Родовой языкъ Перво-Словенскій есть столько же самобытный и коренной, какъ и родовой Нѣмецкій, родовой Греческій, родовой Индійскій. Они старше другъ друга не временемъ происхожденія, но только временемъ развитія и образованія, такъ, какъ по степени своего образованія и развитія одинъ выше другаго. — Изъ сказаннаго о коренномъ языкѣ Словенскомъ слѣдуетъ, что языка Русскаго не должно производить ни отъ Санскритскаго, ни отъ Греческаго, ни отъ Скандинавскаго. Онъ есть языкъ Словенскій, какъ по своей первобытной, коренной основѣ, такъ и по главнѣйшему вліянію на его образованіе, бывшему отъ Церковно Словенскаго. Русскій языкъ составляетъ собою главнѣйшую, старшую, болѣе другихъ развитую и самостоятельную вѣтвь своего кореннаго, Перво-Словенскаго языка. Изъ всѣхъ нарѣчій онаго языка «Русское нарѣчіе болѣе всѣхъ другихъ образованное и менѣе всѣхъ другихъ смѣшенное съ чужеземными словами». Таково мнѣніе Карам-

зина [1]) объ языкѣ Русскомъ; и оно вѣрно опредѣляетъ его самостоятельность въ отношеніи къ иноплеменнымъ языкамъ, и устраняетъ ту излишнюю пріимчивость, которую стали приписывать ему нѣкоторые съ недавняго времени.—

Вліяніе иноплеменныхъ языковъ на Восточно-Словенскій было и въ древнѣйшее время; но оно, по всей вѣроятности, было весьма ограниченное, состоявшее въ нѣсколькихъ словахъ, которыя заходили въ языкъ нашихъ предковъ путемъ житейскаго сообщенія. Слова сіи не могли своимъ количествомъ измѣнить чистоты племенной стихіи нашего родоваго языка; тѣмъ менѣе они могли дѣйствовать на измѣненіе его духа, и произвести значительный переворотъ въ его образованіи. Такое измѣненіе и преобразованіе въ языкѣ происходитъ обыкновенно путемъ просвѣщенія, посредствомъ языка болѣе и выше образованнаго,—отъ народа, производящаго рѣшительное измѣненіе духа и жизни въ какомъ нибудь другомъ народѣ, своимъ сильнымъ и продолжительнымъ дѣйствіемъ на самое средоточіе его жизни. Притомъ, такіе рѣшительные перевороты бываютъ только въ извѣстныя и рѣдкія эпохи народной жизни. А въ жизни Восточныхъ Словенъ до начатія древняго періода не было, кажется, такого всеобщаго и рѣшительнаго переворота внутренняго. Жизнь ихъ или пребывала неизмѣнною въ удѣльномъ кругѣ своего наслѣдственнаго, родоваго достоянія; или же развивалась самостоятельно, по собственнымъ законамъ, безъ особенной пріемлемости чужихъ стихій,—не смотря на внѣшнее волнованіе, происходившее отъ напора полудикихъ иноплеменниковъ. Потому и языкъ нашъ менѣе другихъ Словенскихъ отошелъ отъ своего кореннаго первообраза.

а) Вліяніе съ Сѣвера.

Словены Сѣверноруссніе съ незапамятныхъ временъ были въ тѣсномъ и постоянномъ прикосновеніи съ разными от-

[1]) Ист. Госуд. Рос. Т. I. стр. 105.

рослями многочисленнаго племени Чудскаго или Финскаго. Потому всего болѣе можно бы предполагать заимствованій отъ языка Чудскаго. Но въ самомъ дѣлѣ оказывается, что отъ него обогатился только нашъ географическій языкъ, усвоивъ себѣ имена мѣстъ, наслѣдованныхъ нами отъ Чудскихъ народовъ, какъ первыхъ насельниковъ Сѣверо-восточной Европы.

Можетъ быть слова волхвъ (wölho), кумиръ и нѣсколько подобныхъ, перешли къ намъ въ древнѣйшія времена отъ Чуди, славившейся своимъ волхвованіемъ. Въ мѣстныхъ разностяхъ нашего языка, особливо на Сѣверо-востокѣ, употребляются нѣкоторыя слова очевидно Чудскія; наприм. лойва (судно). Но такія слова какъ хлѣбъ, самъ, море, и т. п., не должны считаться перешедшими къ намъ отъ Чуди. Одни изъ такихъ словъ могли быть первобытными и въ языкѣ Чудскомъ; но большая часть словъ, повторяющихся въ нашемъ и Чудскомъ языкѣ, безъ сомнѣнія заимствована отъ насъ еще въ древнѣйшія времена, такъ-же, какъ и въ послѣдствіи въ Чудской языкъ перешло множество Русскихъ словъ, относящихся къ гражданскому и домашнему быту.—Такъ одноплеменники ихъ Мадьяры или Угры, переселясь на Западъ, заимствовали въ свой языкъ отъ Западныхъ Словенъ много словъ, особливо относящихся къ земледѣлію, сохраняя и понынѣ нѣкоторыя слова, видимо занятыя еще у нашихъ Словенъ; наприм. берекъ (берегъ), калашъ (колосъ).—Добровскій полагалъ, будто, и полногласіе Русскаго языка произошло отъ вліянія Чудскаго; но неосновательность такой догадки уже показана выше (Гл. VI).—

Не бо́льшее вліяніе могло быть отъ племени Литовскаго, коего отрослями Сѣверноруссkіе Словены окружены были съ Сѣверо-запада. Ни до начала древняго періода, ни въ древнее время, Литва не представляла такого развитія, чтобы могла имѣть сильное вліяніе на языкѣ Сѣверо-западной Руси; въ среднія же времена, при всемъ разширеніи Литвы, господствующимъ языкомъ у нея былъ Русскій.—Впрочемъ литовскій языкъ, какъ и самое племя, принадле-

житъ къ задачамъ еще не рѣшеннымъ окончательно. По составу и образованію своему, онъ ближе къ Словенскимъ и вообще Европейскимъ языкамъ, нежели языкъ Чудской; но его отношеніе къ Бѣлорусскому еще не опредѣлено.—Тѣмъ менѣе сказать можно о томъ, остался ли какой слѣдъ въ Бѣлорусскомъ языкѣ отъ Ятвяговъ.

б) Вліяніе съ Юга.

Словены Южнорусскіе подвергались болѣе различнымъ вліяніямъ иноплеменныхъ народовъ, частію Азіатскихъ, частію Европейскихъ.

Орды Азіатцевъ выходили изъ за-Волги и отъ Кавказа. О вліяніи отъ нихъ на языкъ нашихъ предковъ ничего нельзя сказать въ частности; тѣмъ болѣе, что Историки еще не согласились окончательно, какого именно племени былъ каждый изъ оныхъ народовъ.—Въ ближайшее къ древнему періоду время Южнорусскіе и Среднерусскіе Словены были обложены Козарами, вышедшими изъ за устья Волги въ половинѣ VII-го вѣка, и завладѣвшими Крымомъ въ концѣ VIII-го вѣка. Прежде того находили на Русь отъ Юго-востока Гунны, Авары или Обры, Болгары и другіе. Въ этомъ смѣшеніи народовъ предполагаются всего болѣе отросли Чудскаго и Турецкаго племенъ: Гунны относятся къ племени Монгольскому; вѣроятно, что въ томъ числѣ были и другія племена, напримѣръ Кавказскія, отличныя своимъ языкомъ отъ Турецкаго. Съ каждымъ изъ нихъ наши предки могли обмѣняться нѣсколькими словами; и вѣроятно уже съ оныхъ древнѣйшихъ временъ ведутся въ нашемъ языкѣ нѣкоторыя слова, частію повторяющіяся въ извѣстныхъ Азіатскихъ языкахъ, частію неизвѣстнаго происхожденія.—Если въ составѣ исчисленныхъ народовъ были Словены (чего никоимъ образомъ нельзя отвергнуть); то они, вѣроятно, были отрывки нашихъ-же Словенъ, и ихъ языкъ представлялъ только видоизмѣненіе Восточно-Словенскаго.

Но еще прежде, чѣмъ помянутые Азіатцы замѣстили собою Скиѳовъ, наши Южные Словены были въ сношеніяхъ съ племенами Еврейскими, какъ то, съ Греками и Ѳракійцами; потомъ съ Римлянами въ славные Трояновы вѣка, долго памятные въ Южной Руси; наконецъ съ Готами, господствовавшими на нашемъ Южномъ Поморьи, между Днѣстромъ и Дономъ, съ 182 по 376 годъ. Со всѣми ими наши предки также могли обмѣняться и понятіями и словами [1]) слѣдственно, уже въ древнѣйшее время могли перейти непосредственно въ языкъ нашихъ предковъ нѣкоторыя слова Греческія, Ѳракійскія, Латинскія и Нѣмецкія. Но гораздо большее вліяніе сказанные народы имѣли на нашихъ Западныхъ соплеменниковъ; а потому сильнѣе дѣйствовали на измѣненіе ихъ языка, и большее количество своихъ словъ имъ сообщили.

О вліяніи иноплеменныхъ языковъ на Русскій въ древнемъ періодѣ

Болѣе сильное вліяніе на языкъ нашъ отъ Греческаго и Нѣмецкаго могло произойти съ начатіемъ древняго періода, когда и отъ Варяговъ и отъ Грековъ, дѣйствовавшихъ въ нѣдрахъ нашего отечества, произошло рѣшительное вліяніе на судьбу и жизнь Восточныхъ Словенъ, и преобразовало ихъ въ одинъ Русскій Христіанскій народъ. Сіе преобразованіе нашей прадѣдовской жизни даетъ поводъ заключать и о составленіи какъ-бы вновь языка Русскаго, подъ вліяніемъ Скандинавскаго и Греческаго.

---

[1]) Въ примѣръ древнѣйшаго употребленія нашихъ словъ Ѳракійцами, приведемъ слово *Morí-maruza*, которымъ Кимвры называли Сѣверное или Ледовитое море (см. Плинія Втораго Hist mund. lib. IV). Слово сіе очевидно есть *море-мороза*. По употребленію звуковъ *а* и *у* вм. о, въ словѣ *маруза*, и по его полногласной формѣ, можно полагать, что оно заимствовано у Словенъ Бѣлорусскихъ. (По-Польски морозъ—*мруз*).

а) Вліяніе Греческое.

Но непосредственное вліяніе Греческаго языка на Русскій было ограничено и предупреждено языкомъ Церковно-Словенскимъ: оно было уже второстепенное и, такъ сказать, обращенное въ Словенскій видъ—какъ въ устроеніи цѣлой рѣчи, такъ и въ образованіи особыхъ словъ, переведенныхъ съ Греческаго на Словенскій.—

Впрочемъ у насъ было и непосредственное вліяніе Греческаго языка, коего знаніе и изученіе значительно было распространено у насъ въ древнее время. Съ одной стороны сіе вліяніе простиралось на устроеніе письменной рѣчи, при переводѣ разныхъ Греческихъ книгъ Рускими; съ другой стороны оно состояло въ сообщеніи нашему языку многихъ Греческихъ словъ. Такъ, съ принятіемъ и распространеніемъ Христіанства, вошли въ языкъ нашъ Греческія личныя имена, имена разныхъ предметовъ церковныхъ, равно относящихся къ искусствамъ, и вообще къ просвѣщенной жизни: наприм. грамота, мусія, харатья. Торговыя сношенія съ Греками также вводили у насъ въ употребленіе Греческія слова; наприм. драхма, литра (гривна),— оксамитъ, ортма.—Въ письменномъ языкѣ древнихъ нашихъ писателей встрѣчаются иногда Греческія слова безъ перевода; наприм. у Кирилла Туровскаго—породный (райскій) и проч. [1])

---

[1]) Кромѣ Обще-Русскихъ словъ, сходныхъ съ Греческими, многія принадлежатъ еще Южнорусскому языку особо. Нѣкоторыя изъ нихъ, можетъ быть, весьма давно заняты нашими Южными Словенами у Эллиновъ,—какъ полагалъ Гнѣдичъ (см. Простонар. Пѣсни нынѣш. Грековъ. Спб. 1825); наприм. *криница*—κρηνος, *плекъ* или *плечикъ*—γλάγος, *бугай*—βουγάϊος *халепа*—χαλεπὰ, и друг.—Замѣтимъ, что и слово *паполома* (покровъ), встрѣчаемое въ Пѣсни Игорю, по Ново-Гречески πάπλωμα.—И въ Велико-Рускомъ простонародьи,—см. рука, рукавицы, говорятъ (по Нижнерусскому нарѣчію) *хирга*, *нахирѣги*, съ Греч. χεὶρ.

б) Вліяніе Варяго-Русское.

Но прежде, чѣмъ распространилось у насъ вліяніе стихіи Греко-Словенской, обновленіе жизни нашихъ предковъ произошло отъ Варяговъ и Руссовъ.

Варяги-Руссы, признаваемые нами за Словенъ Поморскихъ, сообщили языку нашему названіе Русскаго языка, которое изъ Кіевскихъ предѣловъ распространилось и на всю Восточно-Словенскую рѣчь. Распространяясь и водворяясь преимущественно между Словенами Днѣпровскими, Руссы конечно имѣли вліяніе и на языкъ Полянскій. Но въ чемъ оно состояло, того нельзя опредѣлить положительно, по неизвѣстности языка Руссовъ. Можемъ сказать только вообще, что если Руссы были Словены изъ Заодерскаго Поморья, то вѣроятно они умножили въ языкѣ своихъ Днѣпровскихъ сопленнниковъ существующее въ немъ сродство въ Сѣверо-Западнымъ разрядомъ Словенскимъ,—сообщили имъ нѣкоторыя своенародныя и даже Германскія [1]) слова, особливо относящіяся къ предметамъ воинской и гражданской жизни,—и имѣли вліяніе на произношеніе словъ и звуковъ. Можетъ быть изъ подражанія Руссамъ, ввелось въ Южнорусскомъ языкѣ обращеніе гласныхъ звуковъ въ *и*; ибо такого произношенія, мнѣ кажется, не было въ древнѣйшія времена у Словенъ Южнорусскихъ; а между тѣмъ оно было весьма употребительно у Эльбскихъ и другихъ Заодерскихъ Словенъ [2])

Что касается до собственно такъ называемыхъ Варяговъ или Норманновъ Скандинавскихъ; то—въ слѣдствіе господствующаго историческаго мнѣнія, что они были Руссы—отъ нихъ производятъ обыкновенно и названіе нашего язы-

---

[1]) Такъ слово *вира*, чуждое Скандинавскому законодательству, по всей вѣроятности, заимствовано у Нѣмцевъ Германскихъ, и перенесено къ намъ Поморскими Руссами, вмѣстѣ съ самими узаконеніями о вирѣ за *головничество*.

[2]) См. Гл. V. Примѣч. 9 и 10.

ка Русскимъ. Такъ Калайдовичъ, неразличавшій народнаго языка нашихъ предковъ отъ Церковно-Словенскаго, полагалъ, что съ этимъ языковъ слился языкъ Скандинавскихъ Руссовъ, и отъ того произошелъ Русскій языкъ, который всѣмъ одолженъ Словенскому; а отъ Руссовъ ничего несохранилось въ немъ, кромѣ нѣкотораго количества словъ [1]) Сенковскій и Сабининъ оборотили сіе мнѣніе въ противную сторону: вліянію Скандинавскому они придали такую силу, что—по ихъ понятію—Русскій языкъ есть Скандинавскій, только смѣшавшійся съ Словенскимъ; и почти каждое Русское слово, сколько нибудь похожее на Скандинавское, считается нашимъ заимствованіемъ у Скандинавовъ [2]).—Но большая часть этихъ мнимо Скандинавскихъ словъ нашего языка принадлежитъ и другимъ языкамъ Словенскимъ; слѣдственно, существуетъ въ нашемъ языкѣ съ древнѣйшихъ временъ, а не отъ Скандинавскихъ Нѣмцевъ перешла къ намъ [3]).—Съ водвореніемъ у насъ Скандинавовъ, конечно входили въ употребленіе у насъ нѣкоторые ихъ обычаи и слова,—частію

---

[1]) Въ *Труд. Общ. Л. Р. Сл.* Ч. III 1823,

[2]) Сенковскій изложилъ свое мнѣніе въ Разсужденіи о *Скандинавскихъ Сагахъ* (см. Библ. для Чтен. 1834 Т. I.)—Мнѣніе Сабинина изложено въ статьѣ *О происхожденіи слова Бояринъ* (см. Журн. Мин. Нар. Пр. 1837 № 10).

[3]) По мнѣнію Сабинина даже слова: *мать, сестра, братъ, море, вода хлѣбъ, медъ* (напитокъ) *изба, плетень, рядъ, ленъ, сѣно, ночь, котъ, мышь* и множество подобныхъ, считаются передѣлкою нашею изъ Скандинавскихъ или Исландскихъ словъ: modir, systir, brodir, mar, vatn, hleifr, mjodr, hussbae, pletten, röd, lin, sina, nott, köttr, mús; даже *озеро* производится отъ *sióv*!... Но эти же слова есть и въ другихъ Словенскихъ языкахъ, многія изъ нихъ существуютъ въ Латинскомъ, Греческомъ, Санскритскомъ, Персидскомъ, притомъ въ формахъ болѣе близкихъ къ Русскимъ; нѣкоторыя-же встрѣчаются въ нарѣчіяхъ Симитическихъ, Монгольскихъ, Чудскихъ. Почему-же всѣ эти слова въ нашемъ языкѣ считать Скандинавскими; и ни одного изъ нихъ въ Скандинавскомъ языкѣ не считать онъ насъ заимствованнымъ? Положимъ, что Скандинавы ввели у насъ напитокъ *брагу*, въ честь своего бога Брагія; но питье *сладкаго мёду* они конечно узнали отъ нашихъ предковъ. . У Сабинина до такой крайности усилено вліяніе Скандинавское, что даже Кирилловская или Словенская азбука—есть не иное что, какъ передѣлка алфавита Руническаго...!

уже забытыя, частію и по-нынѣ остающіяся въ языкѣ Русскомъ. Но число такихъ заимствованій было не велико, еще меньшее, чѣмъ оно было отъ Татаръ, въ темное время ихъ владычества надъ Русью.

Вѣроятно, что слова брага, гридня, меринъ, сталь и нѣкоторыя другія заимствованы нами у Варяговъ Скандинавскихъ. Но и они, возвращаясь изъ Руси въ Скандинавію, могли переносить туда нѣкоторыя наши понятія, обычаи и слова.

Подобно тому, какъ Норманы, водворявшіеся у побѣжденныхъ ими народовъ Западно-Европейскихъ, принимали обыкновенно языкъ своего новаго отечества,—и наши первые Варяжскіе Князья, безъ сомнѣнія, учились языку Русскому. Если же употребляли они между собою и съ своею дружиною языкъ Скандинавскій, то изъ сего не было еще никакихъ слѣдствій на измѣненіе Русскаго языка въ народѣ. Примѣръ тому—Французскій языкъ, долго употреблявшійся въ нашихъ обществахъ, и такъ мало отозвавшійся въ народѣ. Холостая дружина Варяговъ, составлявшая у насъ наемное войско и несовсѣмъ любимая въ народѣ нашемъ, тѣмъ менѣе могла дѣйствовать на измѣненіе его языка. Тѣ изъ нихъ, которые водворялись у насъ и вступали въ семейный союзъ съ Словенками, безъ сомнѣнія, выучивались нашему языку, и онъ становился природнымъ для дѣтей ихъ, какъ языкъ материнскій.

в) Вліяніе Азіатское.

Южная Русь въ древнемъ періодѣ была еще въ непрестанныхъ столкновеніяхъ съ разными Азіатскими народами, частію Турецкаго племени—какъ Печенѣги и Половцы или Куманы, частію же Кавказскаго племени—какъ Осетины или Ясы, и Черкесы или Косоги. Сюда же принадлежатъ толпы Торковъ и Берендѣевъ, распространявшихся въ Южной Руси.

Отъ всѣхъ этихъ народовъ Русскій языкъ въ древнее время могъ занять нѣсколько словъ Турецкихъ и Кавказскихъ, относящихся къ наименованію разныхъ вещей; а отъ себя передать имъ нѣсколько Русскихъ словъ.

Вотъ что говоритъ о семъ Карамзинъ. «Въ языкѣ нашемъ довольно словъ Восточныхъ; но ихъ находимъ и въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ; а нѣкоторыя особенныя могли быть заимствованы нами отъ Козаровъ, Печенѣговъ, Ясовъ, Половцевъ, даже отъ Сарматовъ и Скиѳовъ. Напрасно считаютъ оныя Татарскими, коихъ едва ли отыщется 40 или 50 въ Словарѣ Россійскомъ» [1]).

Карамзинъ изъ нашихъ древнихъ памятниковъ приводитъ три Восточныя слова: лошадь, сайгатъ, унеинъ. Но ихъ можно привести еще нѣсколько. Не говоря о словахъ Каганъ, Ханъ или Хинъ, Солтанъ, которыя могли быть у насъ извѣстны еще съ древнѣйшихъ временъ,— укажемъ на турецкое слово каралукъ (сталь)—въ Пѣсни Игорю харалугъ, харалужный; на Персидское слово сурна (труба), встрѣчаемое въ нашихъ лѣтописяхъ, а въ старинныхъ Украинскихъ пѣсняхъ сурма, суремка сурмити.

Изъ языка Половецкаго [2]) мы могли заимствовать еще въ древнее время слѣдующія слова (изъ коихъ нѣкоторыя встрѣчаются въ языкахъ Турецкомъ и Татарскомъ, а иныя въ Арабскомъ и Персидскомъ): туманъ, башмакъ, синдукъ (сундукъ), балукъ или балыкъ (рыба), казанъ, чумичъ, бакча (по-Южнорусски баштанъ, съ Персид.), майданъ, базаръ, сарай, килимъ (коверъ), каунъ (въ Южнорусскомъ значитъ арбузъ), и еще нѣкоторыя. На-

---

[1]) Ист. Г. Р. Т. V. стр. 386, и Примѣч. 401.—

[2]) См. небольшой *Латино-Персидско-Половецкій Словарь*, написанный 1303 г. какимъ нибудь Италіанскимъ купцемъ, изданный Клапротомъ, въ 3-мъ Томѣ его *Mémoires relatifs á l'Asie*. Paris, 1828.

оборотъ, между Половецкими словами встрѣчаются Русскія: изба, печь, самола (смола), пагтъ (деньга; сокращено изъ ногата).—

Приведенные примѣры показываютъ, что многія слова одинакія съ Татарскими могли быть въ нашемъ языкѣ еще до нашествія Батыева, и что существованіе такихъ словъ въ нашихъ древнихъ памятникахъ не должно быть предлогомъ для сомнѣнія въ древности сихъ послѣднихъ [1]).

ГЛАВА X.

О письменности словенской вообще, и о древней русской въ особенности.

«Словены сначала не имѣли книгъ; но бывъ язычниками, читали и гадали по чертамъ и рѣзамъ; по принятіи же Христіанства обходились письменами Греческими и Латинскими; и Словенская рѣчь долго была безъ устроенія.» Такъ говоритъ Болгарскій монахъ Храбръ, въ началѣ своего краткаго сочиненія о письменахъ [2]).—Его сказаніе подтверждается свидѣтельствомъ другихъ древнихъ писателей и

---

[1]) Такъ *Бѣликовъ* опровергалъ древность Пѣсни Игорю даже находящимся въ ней словомъ *болванъ* („*Тмутораканьскый бѣлванъ*“), называя оное *Татарскимъ*. Но Сабининъ кажется вѣрнѣе считаетъ сіе слово перешедшимъ еще изъ *Скандинавіи* (bölwan)—и тѣмъ вѣрнѣе, что оно было и въ языкѣ *Кельтовъ* (pelvan), отъ коихъ и заимствовано Западными Словенами, по мнѣнію Шафарика.—

[2]) См. Глава VII.

нѣкоторыхъ памятниковъ; хотя тѣхъ и другихъ, къ сожалѣнію, осталось мало.—Черты и рѣзы, эти первыя письмена Словенскаго племени, по самому названію своему однозначительны въ рунами Нѣмецкихъ народовъ; а гаданіе по нимъ показываетъ, что и Словены письменамъ своимъ также придавали таинственное значеніе. Кромѣ сего можно еще замѣтить, что они употребляли свои рѣзы въ случаяхъ, относившихся къ богослуженію и законодательству, также въ памятныхъ надписаніяхъ на скалахъ, на могильныхъ камняхъ и столпахъ.

Но какіе именно были сіи рѣзы?

Что касается до Словенъ Прибалтійскихъ, то они—какъ извѣстно уже изъ Дитмарова [1]) сказанія о Ретрскомъ капищѣ—имѣли обычай вырѣзывать на своихъ кумирахъ имена ихъ. Для этого нѣкоторые изъ нихъ употрелляли руны Нѣмецкія,—что можно заключить по надписи на двухъ каменныхъ изваяніяхъ Чернобога въ Бамбергѣ, которая по Шафарикову нереложенію Латинскими буквами читается: Carni bu т. е. Царны бугъ [2]) (Черный богъ).—Изъ сего однако не должно заключать, чтобы Нѣмецкія руны были единственными письменами всѣхъ Словенъ. Нѣкоторые изъ нихъ употребляли для письма другіе знаки.

---

[1]) Межиборскій или Мерзебургскій Епископъ Дитмаръ писалъ свою *Хронику* въ началѣ XI вѣка (сконч. 1018 г.)—Такъ называемые Оботритскіе или Ретрскіе кумиры, хранящіеся въ Нейстрелицѣ,—подложны, и руническія письмена на нихъ принадлежатъ позднѣйшимъ Нѣмецкимъ антикваріямъ.

[2]) По выговору тѣхъ Поморскимъ Словенъ, у коихъ Св. Оттонъ проповѣдывалъ Христову Вѣру и, по всей вѣроятности, отобравъ у нихъ кумиры Чернобога, поставилъ ихъ на фронтисписѣ Бамбергскаго храма, гдѣ и открыты они въ 1835 г Колляромъ Очеркъ Чернобога, представленнаго въ видѣ лежащаго льва, и снимокъ надписи можно видѣть въ статьѣ Шафарика: *Изображеніе Чернобога оъ Бамберѣ* (въ Журн Мин. Нар. Пр. 1838 № 5, и въ Русскомъ историческомъ Сборникѣ, Т. I М. 1837).

Отличный отъ руническаго начертанія видъ имѣло древне-Русское письмо, образецъ коего сохранился у Арабскаго писателя (X в.) Ибнъ-эль-Недима: это снимокъ небольшой древне-Русской надписи, которая нарѣзана была на кускѣ бѣлаго дерева, вывезенномъ изъ Руси на Востокъ въ X вѣкѣ. Френъ, отыскавшій у Недима сію надпись, сравниваетъ ея черты съ древними Синайскими письменами [1]).

Вѣроятно къ древнимъ Словенскимъ рѣзамъ принадлежатъ нѣкоторыя изъ начертаній, находящихся на скалахъ Карпатскихъ; но та надпись, которая находится въ ущельи Разгирчинскомъ, представляетъ уже Кирилловскія буквы, весьма древняго почерка, съ примѣсью другихъ знаковъ [2]). — Можетъ быть къ древнимъ Словенскимъ рѣзамъ принадлежитъ и надпись на камнѣ, найденномъ Ѳ. Глинкою въ Тверской Губерніи [3]) (въ деревнѣ Кузнецовой Бѣжецкаго уѣзда).

Впрочемъ сіи надписи подлежатъ еще дальнѣйшему объясненію, для Исторіи первоначальной Словенской письменности [4]).

---

[1]) См статью Френа о *письменахъ древнихъ Руссовъ*, въ Mém. del'Acad. des sciences de St. Pétersbourg, 1836—и въ Библ. для Чт. 1836. № 4.—Можетъ быть сіи же рѣзы употреблялись тѣми Руссами, которыхъ Ибнъ-Фоцланъ видѣлъ на берегахъ Волги въ началѣ X вѣка, которые, по словамъ его, умѣли писать, и на могильномъ столпѣ надписывали имя покойника вмѣстѣ съ именемъ царствующаго Князя.

[2]) Снимки съ этихъ надписей сдѣланы Вагилевичемъ и помѣщены въ Моск. Наблюд. 1836. № 6 (въ письмѣ Вагилевича къ Погодину).

[3]) См. его статью *О древностяхъ Тверской Кареліи.* Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ, 1836. Кн. 3., и въ Русскомъ историческомъ Сборникѣ, Т. I. М. 1837.

[4]) Въ дополненіе сказаннаго можно привести еще мѣсто изъ *Суда Любуши* (древней Чешской поэмы, коея древность была опровергаема Добровскимъ, но признана вновь учеными Чехами), гдѣ на судилищѣ представляются двѣ вѣщія дѣвы: у *одной доски правдодатныя.* По этимъ правдодатнымъ (законодательнымъ) доскамъ можно предполагать о существованіи на нихъ и начертанія закона или *правды, принесенной дѣдами нашими* (по выраженію той-же Чешской поэмы). Нѣкоторые Ученые думаютъ, что вмѣстѣ съ закономъ были принесены Словенами въ Богемію и *письмена*, истребленныя уже во времена Христіанства.

О письменахъ Кирилловскихъ.

Новую и важнѣйшую эпоху въ Исторіи Словенской письменности составляетъ изобрѣтеніе собственно такъ называемой Словенской азбуки. Что изобрѣтателемъ оной былъ нашъ Первоучитель Кириллъ, это не подлежитъ сомнѣнію, по единогласному о томъ свидѣтельству многихъ древнихъ писателей, [1]) и по самому названію азбуки Кирилловскою или Кириллицею [2]).—Временемъ ея составленія,—у Храбра, также у лѣтописцевъ Сербскихъ и Болгарскихъ,—положительно означается 6363 годъ отъ сотворенія міра, т. е. 855 годъ отъ Р. Х.; слѣдственно 8-ю годами прежде, чѣмъ Словенскіе Учители отправлялись въ Моравію (около 863 г).— Въ основаніе Словенской азбуки принята Кириллом азбука Греческая, по тому начертанію, какое имѣла она въ половинѣ IX вѣка [3]). Но какъ 24-хъ буквъ Греческаго алфавита недоставало для изображенія всѣхъ звуковъ Словенской рѣчи то Кириллъ прибавилъ еще другія буквы, частію составленныя изъ тѣхъ-же Греческихъ буквъ, [4]) частію изобрѣтенныя

---

[1]) Наприм. Іоанна Экз. Болгарскаго Храбра, Нестора, Священника Діоклейскаго (XII в.) Нѣкоторые изъ нихъ изобрѣтеніе письменъ приписываютъ не одному Кириллу, но и Меѳодію. Такъ у Нестора сказано—„сима же пришедъшема, начаста съставливати письмена азъбуковьная Словѣньски.“ Но это произошло отъ того, что Меѳодій вообще былъ сподвижникомъ и продолжателемъ трудовъ своего брата —

[2]) *Письменами Кирилловскими* называется она, между прочимъ, и въ буллѣ Папы Іоанна VIII (см. Гл VII прим. 7); *Кириллицею* же она называется у Далматовъ, въ отличіе отъ ихъ *Буквицы*; но у древнѣйшихъ писателей—Іоанна Болг., Храбра, Нестора—Кирилловскія письмена называются просто *Словенскими*; у Градищенскаго Монаха (XII в.)—*Болгарскими*.

[3]) Чѣмъ древнѣе Словенская рукопись, тѣмъ замѣтнѣе сіе сходство Кирилловскихъ письменъ съ Греческими; между тѣмъ, какъ съ руническими письменами такъ мало сходства, что никоимъ образомъ нельзя отъ оныхъ вести начало алфавита Словенскаго (см. Гл. IX пр. 11.). Древнее начертаніе Словенской азбуки, коимъ написано въ Новѣгородѣ Остромирово Евангеліе, можно видѣть *въ Собраніи Словенскихъ памятниковъ*, издан. Кеппеномъ. Спб. 1827.

[4]) Такъ буквы **ѫ, ѥ, ю, ѿ**, видимо составлены изъ принятыхъ Греческихъ буквъ; равно и буква *укъ* (**ѹ, ꙋ,**) или *оникъ* (**оу**) есть не иное что,

имъ самимъ, или же заимствованныя изъ другихъ иноплеменныхъ азбукъ [1]. Такимъ образомъ онъ установилъ 38 Словенскихъ письменъ, [2] давъ имъ Словенскія имена [3], и удер-

---

какъ двоегласная Греческая *ου* или ꙋ —Такимъ же образомъ и буква ѹ представляющая сокращеніе звуковъ *оу*, соотвѣтствуетъ двоегласной Греческой ου.—Еще въ XI вѣкѣ Русскіе стали иногда писать вмѣсто оу одинъ *икъ* (ꙋ), и ы вмѣсто ъі.

Подобно сему, составлена буква ѣ— (по Русскому начертанію, встрѣчаемому уже въ Сборникѣ 1073 г. іѣ) изъ соединенія *І* съ *Ь*-емъ. Что касается до буквы ѣ, то ея начертаніе представляетъ только ущербленіе буквы ѣ; равно полугласныя ъ и ь представляютъ дальнѣйшее видоизмѣненіе сего же знака; что же касается до заимствованія сихъ четырехъ буквъ изъ иноплеменныхъ азбукъ, то оно подлежитъ еще новому изслѣдованію.

Для изображенія носовыхъ звуковъ *у* и *я*, употреблена вставка буквы І внутрь гласной: такъ *юсъ* (ѫ) составленъ изъ опрокинутаго ука (ꙋ), съ прибавкою внутри І; равнымъ образомъ и ѧ состоитъ изъ А съ буквою І внутри.

[1]) Кириллъ, знавшій многіе языки иностранные, конечно имѣлъ въ виду и ихъ азбуки, при составленіи своей; однако заимствовалъ изъ нихъ не много. Такъ буква ш и по начертанію и по выговору видимо сходствуетъ съ Еврейскою *шинъ*, и заимствована изъ азбуки Еврейской. Но буква щ составлена уже изъ ш, чрезъ присоединеніе къ ней буквы т, для выраженія звука *шт* (ибо такъ выговаривается у Задунайскихъ Словенъ буква *Щ*, вмѣсто коей нерѣдко и писали они *шт*) —Буква ц имѣетъ сходство съ Армянскою *цо* строчнаго начертанія, и вѣроятно взята съ нея; употребленіе полугласныхъ ъ и ь въ концѣ словъ также могло быть подражаніемъ древнему Армянскому правописанію. Буква *Щ* только по новому ея начертанію сходствуетъ съ Коптскою *щей*; равно какъ и нынѣшнее курсивное начертаніе *глаголa* (ѕ) сходно съ Коптскою *гори*. Заимствована ли откуда буква *червь*, неизвѣстно; собственный и древнѣйшій видъ ея ч; но въ строчномъ начертаніи она по скорости письма иногда была писана не вполнѣ, а односторонно: оттуда произошелъ нынѣшній видъ ея —ч, въ которомъ лишь случайное сходство съ Коптскою буквою *фей* —Что касается до Ру ической азбуки, то одна только руна *гаглъ* своимъ начертаніемъ могла послужить къ составленію буквы ж; но своимъ значеніемъ она соотвѣтствуетъ буквѣ *Г*.

[2]) Число сіе показано у Храбра, и отчасти подтверждается тѣмъ же числомъ особыхъ названій буквамъ Словенской азбуки. Впрочемъ нельзя утвердительно сказать, какія именно 38 буквъ составляли *первоначально* азбуку Кирилловскую; ибо число знаковъ ея въ послѣдствіи было размножаемо. Добровскій всѣ Словенскія буквы приводитъ къ 39; тоже число и по неизвѣстному *Греку* (изданному Бандуріемъ), который приводитъ 35 наименованій Русскимъ или Словенскимъ буквамъ, не включая въ то число 4 послѣднихъ Греческихъ буквъ. Капитаръ различаетъ 44 буквы, прибавляя еще 7 особыхъ буквъ, употребляемыхъ Сербами.—

[3]) Большая часть сихъ названій суть Словенскія слова, начинающіяся съ той же буквы, подобно тому какъ и въ азбукахъ Греческой, Еврей-

жавъ почти тоже числительное значеніе при Греческихъ буквахъ, какое они имѣли тогда у Грековъ [1]).

Число буквъ въ послѣдствіи измѣнялось: одинъ и тотъ же звукъ, смотря по мѣсту своему въ словѣ, изображался различно, частію по произволу писцевъ, частію для означенія тонкостей въ правописаніи. Вообще же къ Греческимъ буквамъ въ Словенской азбукѣ прибавлены слѣдующія: ѕ, ж, ц, ч, ш, щ, ъ, ы, ь, ѣ, ѥ, ѫ, ѭ, ѧ, ѩ, ѯ [2]).

Вмѣстѣ съ Словенскимъ переводомъ Богослужебныхъ книгъ и письмена Кирилловскія изъ Царягорода распространились сначала въ Болгаріи, а вскорѣ потомъ и у Моравовъ съ Словаками, у Чеховъ, Поляковъ, Руссовъ, Сербовъ и прочихъ Словенъ Задунайскихъ, и послужили великимъ средствомъ къ просвѣщенію Словенскаго міра.

Когда и откуда именно вошли Кирилловскія письмена въ Россію, о томъ нѣтъ достовѣрныхъ извѣстій. Изъ Игорева договора заключить можно, что въ Кіевѣ въ половинѣ X вѣка давали грамоты отправляющимся въ Царьгородъ. Сіи грамоты могли быть писаны уже буквами Словенскими. Ибо,—

ской, Руническої. Можетъ быть сіи названія расположены были такъ, что иногда представляли рядъ изреченій, для легчайшаго удержанія въ памяти; наприм. и, како, люди, мыслите;—рцы, слово, твердо.

[1]) Изъ нововведенныхъ буквъ только *Ч* и *Ц* получили числительное значеніе: первый 90, второй 900 (встарину сіе число означалось и буквою ѧ) — Употребленіе Словенскихъ буквъ вмѣсто числъ продолжалось у насъ до введенія Арабскихъ цыфръ, при Петрѣ Великомъ (1703).—Единицы, десятки, сотни считались въ обыкновенномъ порядкѣ; однакожъ Востоковъ нашелъ много примѣровъ *обратнаго* порядка, т. е. начиная съ единицъ (см. о семъ у Калайдовича, въ *Іоан. Екс. Болг.* на стр. 218.)

[2]) Въ Остромировомъ Евангеліи употреблено 50 буквъ различныхъ по своему начертанію. Такъ напр. *пжица*—ѧ и ѵ; *есть*—є, ѥ, ѥ; *зѣло* ѕ и ꙁ; *земля*— пишется только чрезъ ꙁ.— Въ сборникѣ Святославовскомъ *еры*—ъ и ы; *ять* ѣ, а въ извѣстныхъ случаяхъ—ѣ, именно въ усугубленіяхъ сейже буквы, напр. *о свойтъѣмъ*, и въ словахъ что либо снѣдное означающихъ, напр *ѣсть*; а въ 3 лицѣ глагола есмь ѥ *отъ*, ѥ.—Такую же тонкость правописанія и вмѣстѣ примѣръ *слитныхъ* буквъ представляетъ,—въ семъ же Сборникѣ и въ Евангеліи Мстиславовомъ,—замѣчательное присоединеніе буквы *Г* къ *Л* и *Н*, передъ гласными и передъ *Б-мъ*, сообразно Греческому выговору Словенскихъ звуковъ.—(См. Іоан. Екс. Болг. стр. 214.)

принимая въ соображеніе, что Кирилловскія письмена и писанныя ими Богослужебныя книги существовали уже до крещенія Руси въ 866 году, и что они имѣли быстрый успѣхъ у Словенъ Дунайскихъ,—можемъ допустить съ полною вѣроятностію, что Греческіе Патріархи Фотій и Игнатій, посылая въ Русь своихъ Священнослужителей, отправляли съ ними людей свѣдущихъ въ грамотѣ Словенской, и что употребленіе Словенскихъ письменъ вошло къ намъ вслѣдъ за Христіанствомъ. еще при Оскольдѣ и Дирѣ, изъ Царягорода. Василій Македонянинъ, будучи самъ Словенинъ, и содѣйствуя распространенію Словенскаго Богослуженія у Сербовъ, конечно не упустилъ случая сдѣлать тоже и въ отношеніи къ Россіи, для собственныхъ же выгодъ [1]).

Къ дальнѣйшему распространенію у насъ Словенской грамоты могли способствовать сношенія, бывшія у Руси съ Болгаріей, гдѣ въ IX въ X вѣкѣ уже была значительна Словенская письменность, откуда и въ послѣдующіе вѣка Россія не переставала заимствовать книжные способы къ своему просвѣщенію.—

Впрочемъ первые у насъ успѣхи Словенской письменности, какъ и самаго Христіанства, конечно были незначительны до временъ Владиміра, и ограничивались грамотностію нѣкоторыхъ лицъ. Но со времени Владиміра и распространеніе Словенской грамоты перешло въ народъ; и Словенская азбука, хотя мало по малу измѣнилась въ своемъ видѣ, но была у насъ въ общемъ употребленіи до XVIII вѣка, т. е. до окончательнаго ея преобразованія Петромъ Великимъ въ нынѣ употребительную азбуку Русскую или гражданскую. Послѣ того Кирилловскую азбуку стали отличать у

---

[1]) Есть даже извѣстіе о введеніи въ Россію Кирилловскихъ письменъ при *Царѣ Василіѣ Македонянинѣ*,—въ сказаніи безъименнаго Грека (изданнаго Бандуріемъ); но къ сожалѣнію въ сказаніи семъ перемѣшаны событія разновременныя, какъ то: посланничество отъ Владиміра въ Римъ и Царьгородъ; вмѣсто Кирилла и Меѳодія, посланныхъ Михаиломъ въ Крымъ, изобрѣтателя букъ являются *Кириллъ* и *Аѳанасій* при Епископѣ, посланномъ въ Русь отъ Царя Василія! ..

насъ именемъ Славянской или церковной; ибо употребленіе оной ограничилось книгами преимущественно Церковнаго содержанія.—Въ такомъ употребленіи сихъ двухъ азбукъ послѣдовали намъ Сербы и еще нѣкоторые Словены; но Галицкіе Руссы и Румыны донынѣ употребляютъ въ печати только Кирилловскую азбуку.—Что касается до ея судьбы у прочихъ Словенъ, то ея сильное распространеніе у нихъ скоро подвергло ее всякаго рода гоненіямъ со стороны Нѣмецкаго Духовенства, такъ что она была уже воспрещаема и отъ Папъ. Вслѣдствіе того, многіе изъ Словенъ, уже употреблявшихъ Кирилловскую азбуку—какъ напримѣръ Чехи, Моравы, Словаки—стали обращаться опять къ письменамъ Нѣмецкимъ и Латинскимъ. Въ наше время Латинскими буквами пишутъ Поляки, Чехи, Словаки, Хорутаны, и большая часть Иллирцевъ; Нѣмецкія же буквы удержались только у Лужичей. Каждый изъ сихъ народовъ, для выраженія звуковъ своего языка, употребляетъ Латинскія буквы различно.

О Глаголитской азбукѣ или Буквицѣ

Во время гоненій на Кирилловскія письмена, появилась въ Далмаціи новая Словенская азбука, извѣстная подъ именемъ Глаголитской или Буквицы. Въ ней удержаны Кирилловскія названія буквъ; но ихъ начертаніе большею частію замѣнено другими, болѣе затѣйливыми и кудрявыми знаками, отчасти заимствованными изъ заглавныхъ фигурныхъ буквъ Кирилловской азбуки [1]), сдѣлано также нѣкоторое измѣненіе въ ихъ порядкѣ и числительномъ значеніи. Изобрѣтеніе сіе относится, по мнѣнію Добровскаго, къ началу XIII вѣка. Оно принадлежитъ Далматскимъ Священникамъ или Глаголитамъ, которые, желая удержать Словенское Богослуженіе, выдумали сію азбуку, а для большей важности приписали ее Св. Іерониму и назвали Іеронимскою,—хотя

---

[1]) Такъ буквы *Ф*, *Ш*, *Щ*, *ѫ*—видимо взяты изъ строчныхъ Кирилловскихъ. Въ Толковой Псалтири XI-го вѣка (см. Прим. 22) нѣкоторыя начальныя буквы имѣютъ видъ Глаголитскихъ.

сей мужъ, живший въ IV вѣкѣ, столько же былъ изобрѣтателемъ оной, сколько и азбуки Кирилловской [1]). —

Разныя новыя азбуки появлялись и у насъ, въ послѣдующія времена. Такъ напримѣръ, извѣстна надпись на колоколѣ Савинскаго монастыря, близь Звенигорода въ Московской губерніи. Сюда же принадлежатъ каракули, выданныя въ 1812 г. подъ именемъ Словено-Русскихъ рунъ [2]). Но такія произвольныя выдумки нѣкоторыхъ лицъ, не имѣвъ распространенія, не имѣютъ и значительности исторической.

Древнѣйшіе памятники Русской письменности.

Среди гоненій на Кирилловскія письмена отъ Латинскаго Духовенства, усилившихся по смерти Меѳодія, и другихъ переворотовъ, испытанныхъ Словенами Западными, погибли у нихъ памятники ихъ письменности, принадлежавшіе къ первымъ ея вѣкамъ.—Почти такую же судьбу испытала Словенская письменность и у насъ въ Южной или Кіевской Руси, такъ много пострадавшей отъ долговременныхъ разореній непріятельскихъ. Кромѣ того, многіе пожары, истреблявшіе Кіевъ, были причиною, что сей разсадникъ просвѣщенія для всей древней Руси не сохранилъ въ себѣ древнихъ памятниковъ своей письменности. Особенно губителенъ для нея былъ пожаръ 1718 г., обратившій въ развалины и пепелъ Печерскую Лавру. Конискій въ своей Исторіи Руссовъ пишетъ, что между сгорѣвшими тогда драгоцѣнностями Лав-

---

[1]) Изобрѣтеніе Кирилловской азбуки приписывали Св. Іерониму, также какъ и изобрѣтеніе Глаголитской.—Впрочемъ и теперь Копитаръ (въ сочиненіи своемъ Glagolita Clozianus, 1836) старается доказать, что Глаголитская азбука, если не старѣе Кирилловской, то сколько же древняя, какъ и она, и что до XIII-го вѣка она была употребляема не одними Далматами но и другими Задунайскими Словенами. Какъ бы то ни было, но для Исторіи оной можемъ замѣтить, что въ 1248 году отъ Папы Иннокентія IV-го дозволено было въ Истріи и Далматіи употреблять сію азбуку и Латино-Словенское Богослуженіе, и что Глаголитское книгопечатаніе явилось 8-ю годами ранѣе Словенскаго книгопечатанія Кирилловскими буквами, именно изданіемъ Служебника въ Венеціи, 1483.

[2]) См. Чтенія въ Бес. Люб. Рус. Слова К-т. 6 Спб.

ры неоцѣненною потерею считалась самая первая въ Россіи, многочисленная библіотека, начатая еще при Ярославѣ и сбереженная въ пещерахъ отъ нашествій непріятельскихъ,—и что Петръ Великій не могъ удержаться отъ слезъ, при извѣстіи о столь важной утратѣ.—

Самые древніе памятники Русской и всей Словенской письменности сохранила Сѣверная Русь. Но сіи памятники не восходятъ далѣе половины XI-го вѣка. Древнѣйшіе изъ нихъ суть: 1) Евангеліе Остромирово, писанное 1056=1057 г. Новгородскимъ Діакономъ Григоріемъ, для Посадника Остромира; 2) два Сборника, писанные Діакономъ Іоанномъ, вѣроятно Кіевскимъ,—одинъ въ 1073 году, для В. К. Святослава Ярославича, а другой въ 1076 г.

Отъ временъ Владиміра и Ярослава осталось только: 1) Надписи на трехъ небольшихъ медаляхъ, извѣстныхъ подъ именемъ злата Владимірова, его же серебра, и серебра Ярославля. Сіи надписи представляютъ самые древніе образцы Кирилловскаго письма; по онѣ, кажется, были сдѣланы Греками [1]). 2) Тринадцать буквъ, оставшихся на каменныхъ обломкахъ Десятинной Церкви.

Монахъ Зиновій свидѣтельствуетъ, что онъ (въ XVI вѣкѣ) видѣлъ Кормчую Книгу писанную при Ярославѣ, и другую писанную при Изяславѣ «на кожахъ». Но въ наше время уже неизвѣстны сіи, какъ и многія другія драгоцѣнности.

И такъ древнѣйшіе изъ открытыхъ доселѣ Русскихъ рукописей относятся уже ко второму отдѣлу древняго періода [2]).

---

[1]) См. *Барона Шодуара*, Обозрѣніе русскихъ денегъ. Ч. I. Спб. 1837. Тамъ можно видѣть и снимки съ сихъ надписей.

[2]) У Митрополита Евгенія были 1) пергаминный листокъ (теперь принадлежащій Погодину) *изъ Житія Св. Кодрата;* Шафарикъ, по начертанію буквъ, особливо *р* и *з*, относитъ его къ концу IX-го или первой половинѣ X вѣка; 2) нѣсколько пергаминныхъ листовъ *Толковой Псалтири*, относимые Востоковымъ къ XI вѣку.—Палацкій нашелъ въ Моравіи Латинскую рукопись (809 г.), въ коей полстраницы написано Кирилловскимъ письмомъ, также весьма древнимъ.

Къ сему же отдѣлу принадлежатъ: надпись Тмуторокан-скаго камня, (1068 г.), хранящагося въ Керчинскомъ музеѣ, Сребро Святославле (1071—76)—небольшая медаль подобная первымъ.

Изъ Грамотъ древняго періода уцѣлѣли въ подлинникѣ писанныя уже въ третьемъ отдѣлѣ (послѣ Мономаха): древнѣйшая изъ нихъ—Грамота Мстиславова, въ 1128 году жалованная Новгородскому Юрьеву монастырю.

Всѣ древніе книги и грамоты были писаны на харатьѣ или пергаминѣ, и называются харатейными. Писаны онѣ были прямымъ почеркомъ, извѣстнымъ подъ именемъ устава, и по большей части съ отмѣннымъ тщаніемъ. Заглавныя и начальныя буквы отличались величиною и особеннымъ затѣйливымъ видомъ; онѣ, равно нѣкоторыя строчныя буквы въ книгахъ и всѣ древнѣйшія грамоты, писаны были обыкновенно киноварью; иногда же онѣ были раззолоченныя, равно какъ и узорчатыя заглавія, коими обыкновенно украшались книги. Такъ второе по своей древности Мстиславово Евангеліе, писанное (1125—32) для Мстислава Владиміровича Алексою, украшено золотыми зачалами и разноцвѣтными изображеніями Евангелистовъ по золотому полю. Еще болѣе замѣчательны рисунки и заглавныя украшенія въ Сборникѣ Святославовскомъ (1073 г.), составляющіе драгоцѣнный памятникъ древнѣйшей книжной живописи Русской. Особенно примѣчательна (на оборотѣ перваго листа) цѣлая картина, разными красками и золотомъ рисованная; на ней изображены любознательный Князь Святославъ Ярославичъ—съ книгою въ рукахъ, его супруга и пять сыновей; надъ именами Князей надписано золотомъ: «желанія сердца моего, Господи, не презьри; нъ пріими ны вься и помилуй ны».

Вообще замѣтить можно, что книгописаніе у насъ въ древнее время было въ большемъ распространеніи и на высокой степени искусства. Оно считалось дѣломъ благочестія,

которому посвящали себя преимущественно духовныя лица. Въ княжескомъ родѣ списываніе книгъ церковныхъ также считалось дѣломъ богоугоднымъ, достойнымъ занятія: особенно замѣчательный примѣръ тому представляетъ Полоцкая Княжна Св. Евфросинія.

ПРИЛОЖЕНІЕ

Отзывъ [1]) на критику Исторіи древней Русской Словесности, помѣщенную въ Отечественныхъ Запискахъ [2]).

Никогда почти не отвѣчалъ я на журнальныя рецензіи издаваемыхъ мною книгъ, ибо не видѣлъ въ томъ ни какой пользы; но, прочтя въ четвертомъ нумерѣ Отечественныхъ Записокъ статью объ изданной мною прошлаго года Исторіи древней Русской Словесности, я рѣшился хотя и неохотно, сдѣлать нѣсколько замѣчаній объ этой статьѣ [1]). Она довольно обширна: 32 страницы мелкой печати въ два столбца; нельзя однако жъ назвать ее подробнымъ отчетомъ о моемъ сочиненіи, потому что объ немъ говорится только на послѣднихъ ея страницахъ, а первыя 24 страницы заняты разсужденіями Г. критика о разныхъ другихъ предметахъ. Сначала Г. критикъ остановился было на заглавныхъ словахъ моей книги; Исторія Русской Словесности, и хотя изъ предложеннаго мною опредѣленія Словесности, онъ явно увидѣлъ, что это слово у меня однозначительно съ литературою, но тѣмъ не менѣе онъ началъ говорить свое о словесности, литературѣ, народной поэзіи; потомъ началъ онъ ставить читателя на свою точку зрѣнія о поэзіи, душѣ и духѣ народа; разсуждать о Востокѣ и Греціи, о Софоклѣ и Шекспирѣ (и все это, по его словамъ, ни чуть

---

[1]) Отзывъ напечатанъ въ Сѣверной Пчелѣ 1840, № 125.

[2]) 1840 Т. IX, № 4, стр. 37—72 Критика принадлежитъ Каткову.

не отступленія!), Послѣ Шекспира мысль его склонилась къ тому, что у насъ до Петра Великаго не могло быть никакой литературы, и что вся наша словесность, бывшая до того времени, есть только письменность, не имѣвшая никакихъ движеній. За тѣмъ пошла у него, рѣчь о Ломоносовѣ и Державинѣ, и о томъ, что только съ Карамзина началась у насъ Литература, подлежащая историческому разсматриванію. Наконецъ критикъ устанавливаетъ точку зрѣнія на то, какъ должно заниматься Исторіею Словесности и даетъ инструкцію для построенія отмѣнной отъ всѣхъ другихъ Исторіи Русской Словесности по совершенно новому плану, коего основаніемъ и главною цѣлію были бы движеніе и развитіе Русскаго языка. Онъ увѣренъ, что всякое другое воззрѣніе на Исторію Русской Словесности безплодно, пусто (стр. 64); онъ ручается, что книга, умно и искусно написанная по плану его требованій, была бы не только несравненно полезнѣе, но и занимательнѣе, и что историкъ Русской Словесности, въ духѣ его требованій, видя главное и существенное значеніе въ движеніи языка (?!), умѣлъ бы въ тысячу разъ болѣе и живѣе познакомить съ отдѣльными явленіями (стр. 68)!!—О моей книгѣ, въ заключеніе своей статьи, Г. критикъ говоритъ такъ: «Мы старались познакомить съ нею читателей со всею добросовѣстностью и правдивостью которыя требуются отъ критика. Не смотря на недостаточность, сочиненіе Г. Максимовича заслуживаетъ отъ публики благосклоннаго пріема...»

Съ своей стороны, я нисколько не сомнѣваюсь въ правдивости и добросовѣстности моего критика: да и какъ отрицать оба сіи свойства въ такой статьѣ, въ которой все, что на умѣ, то и на языкѣ? Она именно написана отъ всего сердца, съ тою полнотою душевной молодости, которая нетерпѣливо хочетъ высказать себя всю, при первомъ удобномъ случаѣ, и такъ охотно заговаривается обо всемъ, что только приходится ей къ слову. Но для критика этого еще не до-

вольно: можно быть весьма добросовѣстну, и отъ чистаго сердца говоритъ вздоръ; можно быть внутренно увѣрену въ своей правдивости, и быть весьма несправедливу къ другимъ. То и другое случается особенно съ молодымъ умомъ, когда онъ, увѣровавъ въ какую нибудь систему, внѣ оной не видитъ уже ничего истиннаго; въ каждомъ предметѣ усматриваетъ не его истинную сущность, но воображаетъ только свою собственную, личную мысль, и съ полнымъ самодовольствомъ и самонадѣяніемъ замышляетъ, посредствомъ своихъ теоретически выспренныхъ идей, рѣшить и рядить все. И хорошо еще, если эта система будетъ одна изъ первостепенныхъ системъ философскихъ: горячка, отъ нея происходящая въ молодомъ, но крѣпкомъ умѣ, часто оканчивается благополучно, и не рѣдко бываетъ ему къ росту. Но если молодой умъ обуяетъ какое нибудь частное, односторонное ученіе (напр. отрицательное ученіе историческаго скептицизма), тогда онъ уже съ нетерпимостью отвергаетъ все, что не подходитъ подъ его точку зрѣнія, и съ горделивымъ неуваженіемъ глядитъ на все, что не въ духѣ его требованій. Между тѣмъ отъ основательнаго критика требуется именно того, чтобы онъ способенъ былъ, сходя съ своей точки зрѣнія, входитъ въ мысли другаго, а сего-то свойства и не достало у моего критика. Послѣ того, какъ онъ такъ много говорилъ о литературѣ и поэзіи вообще, о духѣ народномъ, о Греціи и Шекспирѣ, и услаждался созерцаніемъ новаго, небывалаго еще плана въ области знанія, ему безъ сомнѣнія, не охотно было спуститься съ выспренней, безграничной высоты своихъ идей въ пыльную, тѣсную область древней Русской Словесности. Потому-то онъ, какъ бы нехотя, и лишь поверхностно перебираетъ мою книгу, въ которой каждая глава требовала и долговременнаго соображенія и многотруднаго эмпириса; все въ ней кажется для него утомительно, сухо и черство; все въ пей находитъ онъ поверхностнымъ, обыкновеннымъ, и всѣмъ

«Ужасно недоволенъ онъ!»

За то можно сказать его же словами: «Никогда претензіи и

высшіе взгляды, для которыхъ нужно подниматься на ходули, не доводятъ до добра.» (стр. 62).

Я не имѣю еще нужды распространяться обо всемъ, что наговорилъ объ моей книгѣ Г. критикъ, у котораго главное и существенное значеніе Словесности состоитъ въ движеніи языка. Для показанія, какъ онъ меня критикуетъ, довольно и не многихъ примѣровъ. Вотъ какой отчетъ даетъ онъ читателямъ о VI главѣ (объ отношеніи Русскаго языка къ Западно-Словенскимъ).

«Здѣсь, по извѣстной схемѣ Добровскаго, дѣлятся Славянскія нарѣчія, разсматривается, какъ особый признакъ Русскаго языка, его полногласіе и другія нѣкоторыя свойства.» (Стр. 72).

Что же этимъ показалъ критикъ? Во-первыхъ то, что онъ, или не помнитъ схемы Добровскаго, или не взглянулъ на мою. Добровскій относитъ Русскій языкъ къ одному разряду съ языками Задунайскихъ Славянъ, и ставитъ его на равнѣ съ языками Сербскимъ, Хорватскимъ и пр.; но у меня совсѣмъ другое дѣленіе. Въ Журн. Мин. Н. Пр. (№ 3, 1838) я предложилъ подробное разсмотрѣніе Русскаго языка по всѣмъ примѣтамъ Добровскаго, и доказалъ, кажется, очевидно, что ни Великорусскій, ни Южнорусскій языкъ не подходятъ ни къ первому, ни ко второму разряду Добровскаго; а потому я составилъ новую, мою собственную схему языковъ Славянскихъ, по которой всѣ они они дѣлятся на двѣ половины: Восточную (Русскую) и Западную. Эта схема предложена вкратцѣ и въ VI главѣ моей книги, какъ результатъ моего подробнаго критико-историческаго изслѣдованія о языкѣ Русскомъ.

Во-вторыхъ, критикъ ничего не сказалъ о полногласіи Русскаго языка, которое у меня разсмотрѣно съ новой точки зрѣнія, совершенно противоположной прежнему мнѣнію о семъ предметѣ Добровскаго и другихъ Славянскихъ филологовъ. Всѣ они думаютъ, что развтореніе словъ гласными звуками въ Русскомъ языкѣ есть уже позднѣйшее свойство его, происшедшее, по мнѣнію однихъ, отъ вліянія Финскаго языка, по мнѣнію другихъ, отъ вліянія сѣвернаго кли-

мата. Но я доказываю множествомъ примѣровъ, что этихъ вліяній не могло быть, и что на полногласіе Великорусскаго, Бѣлорусскаго и Малороссійскаго языковъ должно смотрѣть, какъ на первоначальное и нѣкогда обще-Славянское свойство, утраченное Славянами западными, у которыхъ иногда слова доходятъ до совершеннаго безгласія. Еслибъ моего критика интересовали подобные вопросы, то онъ, конечно, остановился бы нѣсколько болѣе надъ этою главою, и что нибудь, хотя въ опроверженіе, если не въ одобреніе, сказалъ бы о двухъ новыхъ мною предложенныхъ мнѣніяхъ относительно языка Русскаго.

Такимъ же образомъ и въ прочихъ главахъ моей книги о языкѣ Русскомъ, нашлись бы нѣкоторыя мои собственныя замѣчанія и наблюденія, результаты моего тринадцатилѣтняго занятія симъ предметомъ, но и объ этихъ главахъ, критикъ говоритъ такъ же бѣгло и поверхностно, выражаясь только общими мѣстами, показывающими, что въ филологіи Славянской и Русской онъ не весьма свѣдущъ, хотя и указываетъ мнѣ на Добровскаго, и даже говоритъ, будто бы я не воспользовался сочиненіемъ сего писателя о Кириллѣ и Меѳодіи. Считаю излишнимъ увѣрять, что Добровскій мнѣ извѣстенъ очень хорошо. Но Славянская филологія имъ не ограничивается: одинъ Шафарикъ уже и объ Кириллѣ и Меѳодіи и объ Церковно-Славянскомъ языкѣ представилъ изслѣдованіе, болѣе удовлетворительное, чѣмъ изслѣдованіе Добровскаго; и то одно, что заимствовано въ моей книгѣ изъ Славянскихъ Древностей Шафариковыхъ, не могло быть названо у насъ общимъ мѣстомъ. Критику слѣдовало бы подробнѣе вглядѣться въ эти главы моего сочиненія, и потомъ уже давать объ нихъ судъ рѣшительный.

Впрочемъ не обо всѣхъ главахъ критикъ отозвался слегка: объ одной онъ распространился довольно, и насказалъ мнѣ за нее множество укоризнъ, столько же несправедливыхъ, сколько и неумѣренныхъ. Это именно глава III, въ которой я предлагаю общее обозрѣніе Русскихъ писателей и памятниковъ Словесности древняго періода, съ означеніемъ го-

довъ и съ общимъ выводомъ объ каждомъ отдѣлѣ. Критикъ указавъ на эту главу, восклицаетъ къ читателямъ:

«Разочаруйтесь: собственно памятникамъ Русской Словесности посвящаетъ авторъ только 21 страницу, тогда какъ его книга имѣетъ всего на все 226 страницъ» (стр. 66.... «Такъ только простая перечень именъ? Стоило же дѣлать такіе сборы? Недалеко же авторъ ушелъ съ своими сборами!...» «Для читателей книги Г. Максимовича, всѣ поименованные писатели совершенно безразличны: и Кириллъ Туровскій, и какой-то Боянъ, и Несторъ, и какой-то Смолятичъ равно пустые, ничего невыражающіе звуки,» и прочая.

Въ самомъ дѣлѣ, подумаетъ иной читатель, что же это за Исторія древней Русской Словесности?...

«А ларчикъ просто открывался.»

Добросовѣстный критикъ мой, конечно, самъ подивится своей неосмотрительности, и сознается, что онъ хлопоталъ изъ ничего, что всѣ его выходки противъ меня здѣсь были напрасны, и что онъ такъ грозно нападалъ не болѣе какъ на призракъ своего собственнаго воображенія. Дѣло въ томъ, что онъ, заговорившись сперва о Греціи и Шекспирѣ, съ высоты общей идеи и философскаго воззрѣнія на литературу, не разглядѣлъ хорошо даже заглавнаго листка и предисловія въ моей книгѣ; вообразилъ, что ею кончилась уже моя Исторія древней Русской Словесности, и съ такой точки зрѣнія смотрѣлъ на всю книгу. Между тѣмъ на заглавномъ листкѣ ея напечатано: «Исторія древней Русской Словесности. Книга первая.» Изъ этого уже, кажется, ясно, что это сочиненіе не кончено, и что будетъ еще хоть одна книга сего же сочиненія. Въ началѣ предисловія у меня сказано, что моя Исторія древней Русской Словесности раздѣлена на двѣ книги: первая состоитъ изъ предварительныхъ замѣчаній и общихъ изслѣдованій, относящихся къ древнему періоду нашей Словесности, особенно къ языку Русскому; вторая содержитъ въ себѣ частныя изслѣдованія о нашей древней Словесности, по разнымъ ея родамъ. Тутъ уже нельзя, кажется, не понять, что частное и подроб-

ное изслѣдованіе памятниковъ нашей древней Словесности (богослужебныхъ, законодательныхъ, историческихъ и пр.) предоставилъ я для второй книги, а въ изданной мною первой книгѣ третья глава есть только краткая и предварительная перечень всѣхъ нашихъ древнихъ писателей и памятниковъ Словесности, необходимая въ этой книгѣ, сколько для хронологическаго обозрѣнія писателей и памятниковъ, столько и для послѣдующихъ главъ, гдѣ, при разсмотрѣніи языка и письменности, приводятся примѣры изъ разныхъ писателей и памятниковъ древняго періода.

Да и какъ могъ критикъ представить себѣ, чтобы я краткою, хронологическою перечень ограничилъ все мое изслѣдованіе о самыхъ памятникахъ древней Словесности, когда объ одномъ языкѣ Русскомъ написалъ я нѣсколько главъ? Послѣ этого объясненія, критикъ, конечно, поймет, какимъ показалось мнѣ его добросовѣстное и правдивое увѣреніе, что въ древнемъ періодѣ было бы о чемъ поговорить пространнѣе, и какъ некстати онъ, для доказательства своихъ словъ, распространился о достоинствѣ твореній Св. Кирилла Туровскаго, о которомъ почти каждый слушатель моихъ университетскихъ лекцій въ состояніи дать отчетъ едва ли не болѣе обстоятельный, чѣмъ тотъ, который представленъ моимъ критикомъ. Пусть же этотъ случай послужитъ ему навсегда урокомъ, что книгу, которую сбираешься критиковать, надобно сначала прочесть со вниманіемъ всю, не пропуская ничего, ни предисловія, ни примѣчаній, ни даже указанія на опечатки! Досталось мнѣ отъ критика и за то, что я признаю Бояна не мечтою, а Русскимъ пѣвцомъ, жившимъ въ началѣ XII вѣка, и за то, что я признаю поэтическое достоинство Пѣсни о Полку Игоревѣ, и считаю несомнѣнною ея древность. Вотъ что говоритъ онъ:

«За что, скажите, Г. Максимовичъ съ особеннымъ уваженіемъ и высокопочитаніемъ отзывался о Словѣ о Полку Игоровѣ? Надобно же было на чемъ нибудь основать свое уваженіе и доказать его для публики! Пусть бы Г. Максимопопробовалъ изложить содержаніе этого Слова, и сдѣлать изъ

него выписки: тогда бы обнаружилось все безобразіе этого насчастнаго произведенія!»

Здѣсь опять незнаніе дѣла, извинительное развѣ только по простодушію, съ какимъ оно высказалось! Пусть бы сначала Г. критикъ прочелъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, три написанныя мною статьи объ этой Пѣснп (Ж. М. Н. Пр. №№ 4 и 6 1836, и № 1 1837 г.), въ которыхъ я представилъ подробный отчетъ о ея содержаніи, планѣ, духѣ, формѣ, языкѣ и достовѣрности; тогда бы, конечно, онъ не потребовалъ отъ меня того, что уже сдѣлано мною за четыре года, и увидѣлъ бы, по крайней мѣрѣ, что я говорю объ этой Пѣсни на основаніи подробнаго, мною самимъ сдѣланнаго ея анализа. Въ одной изъ тѣхъ трехъ статей объяснилъ я и то, что значитъ упоминаемый два раза въ Пѣсни о Полку Игоревѣ, и столь загадочный для моего критика Дивъ, о которомъ вѣрованіе и нынѣ еще ведется у народа Карпаторусскаго. Но критикъ продолжаетъ свое:

«Что хотите говорите, его (Слово о Полку Игоревѣ) никакъ нельзя принять за дѣйствительный и достовѣрный памятникъ! Одно только трудно придумать, кто могъ рѣшиться на поддѣлку, и написать такую нелѣпицу?» (Стр. 71.)

Послѣ этого ничего уже, кажется, и говорить мнѣ съ Г. критикомъ о древней Русской Словесности, остается только пожалѣть, что въ наше время появилась еще одна критика, въ которой всѣми признанное достоинство древняго Русскаго пѣснопѣнія отрицается съ такимъ неуваженіемъ, и провозглашается нелѣпицею, въ которой опять повторилась пустая фраза, будто языкъ этой Пѣсни представляетъ пеструю смѣсь всѣхъ Славянскихъ нарѣчій! Такія мнѣнія должны бы оставаться во мракѣ, какъ плоды личнаго безвкусія и неразумія.

Кіевъ, 12-го Мая 1840.

О НАРОДНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЭЗІИ ВЪ ДРЕВНЕЙ РУСИ.[1])

(Письма къ М. П. Погодину).

I.

Замѣчанія твои о бытіи у насъ исторической поэзіи, въ древнее, до татарское время, оправдываютъ прежнія объ этомъ заключенія, и тебѣ нечего опасаться, чтобъ утвержденіе твое показалось парадоксомъ. Есть однакожъ въ твоемъ утвержденіи такія понятія, на которыя едва ли согласиться можно. И вотъ объ нихъ мое тебѣ слово.

Поборникъ Скандинавства въ нашей исторіи, ты хочешь распространить его и нашу народную поэзію. Потѣшается ли Кіевскій Князь Святославъ Ярославичъ въ терему своемъ пѣснями и музыкою: тебѣ видится въ немъ Норманскій конунгъ; какъ будто только у Норманскихъ властителей и водились пѣсни съ музыкою! Воспѣваются ли у насъ подвиги князей и ихъ дружины: тебѣ кажется, что наши пѣсни подражаніе сагамъ Исландскимъ, и проистекли изъ одного съ ними источника, какъ будто одни Скандинавскіе пѣвцы и величали своихъ конунговъ! Не однѣ саги раздавались въ терему Кіевскихъ князей.— «Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поютъ славу Святъславлю.“ Бывали на Руси и Гудцы съ пѣснями Половецкими. Отъ разныхъ народовъ наслушалась пѣсенъ древняя Русь, и можетъ быть многіе звуки изъ тѣхъ пѣсенъ отзывались въ пѣніи Рускомъ. Одна-

---

[1]) Москвитянинъ 1845, № 3, Стр. 1—7 и № 7-8, стр. 47—57.

источникомъ народной поэзіи Русской было собственное живое чуство: ее „зараждаетъ души глубина!“

Ты говоришь, что у Скандинавовъ перенята наша Историческая поэзія; а Лирическая развивалась изъ собственныхъ т. е. Славянскихъ началъ. Зачѣмъ такой раздѣлъ? Какъ будто только съ пришествія Варяжскаго настали у насъ былины, отзывавшіяся пѣснями въ нашемъ народѣ! Какъ будто историческое пѣснопѣніе у Славянскаго племени не развивалось изъ собственныхъ началъ жизни! Поэзія Сербскаго народа, столь богатая историческими пѣснями, свидѣтельствуетъ уже, что и наши предки-Славяне, какъ Днѣпровскіе такъ и Ильменскіе, могли имѣть собственную поэзію. Притомъ же, народная поэзія Историческая есть только отрасль Лирической: изъ нея возникаетъ она и образуется, слѣдственно имѣетъ одно съ нею начало, отъ того и самыя древнія историческія пѣсни наши, какъ Великорусскія такъ и Украинскія, ничѣмъ—кромѣ содержанія своего—не отличаются отъ другихъ пѣсенъ, называемыхъ у тебя Лирическими. Въ самомъ раздѣлѣ твоемъ нашей народной поэзіи есть, кажется, невѣрность. Отдѣляя историческую отъ Лирической, ты историческую сравниваешь съ Сагою; подъ именемъ который у тебя пѣсня и сказка; между тѣмъ какъ по понятію нашего народа: «сказка складка, а пѣсня быль.“ Такимъ образомъ историческая пѣсня въ особенности отличается отъ сказки, по существу своему. Не все, что разукрашенное вымысломъ разсказывается въ народѣ о о быломъ, заимствовано изъ пѣсенъ. Скорѣе пѣсня о разукрашенномъ событіи можетъ считаться позднѣйшимъ плодомъ преданія сказочнаго, но такая пѣсня не есть уже историческая въ строгомъ смыслѣ: она складка, а не «быль»; здѣсь т. е. на Украйнѣ и теперь ходятъ въ народѣ многіе складные разсказы о Кіевской старинѣ: какъ напримѣръ Кіяне выдали Татарамъ своего рыцаря, о силѣ котораго провѣдали Татары, и не знали Кіяне; какъ этотъ рыцарь, взявъ на копье золотыя ворота, проѣхалъ съ ними черезъ Татарскій станъ и поставилъ ихъ въ Царьградѣ; а выѣзжавъ съ ними изъ Кіева, сказалъ: «ой Кіяне, Кіяне, Панове Громада, дурна

ваша рада! Колибъ вы меня не выдавали, пока свѣтитъ солнце, вороги бъ Кіева не достали!» Но эти разсказы конечно никогда не были пѣснями. Такимъ же образомъ и нѣкоторые изъ приводимыхъ тобою разсказовъ, записанныхъ Несторомъ, не могутъ, я думаю быть приводимы въ свидѣтельство о бытіи Историческихъ пѣсенъ въ древней Руси. Но ты и такія сказанія начинаешь только съ Олега и всю эту такъ называемую у тебя историческую поэзію ведешь изъ Скандинавіи, или покрайней мѣрѣ отъ Скандинавовъ, которые—замѣчу мимоходомъ—могли передавать своей Сагѣ сдѣшнія, наши событія, напримѣръ Олегову смерть отъ коня, безъ сомнѣнія нѣкогда прославленную и въ нашихъ пѣсняхъ. Однако и такая поэзія, частію историческая, частію сказочная безъ сомнѣнія, была и у нашихъ предковъ своя Славянская. Самъ же ты въ своемъ Несторѣ проводишь изъ Шафарика «классическое мѣсто о древнихъ Славянскихъ пѣсняхъ». Тамъ исчислены событія, какія Несторъ по мнѣнію Шафарика взялъ изъ своенародныхъ Славянскихъ сказаній и пѣсенъ; прибавь къ тому и сказаніе о дани вданной Козарамъ Полянами Днѣпровскими. «И сдумавше Поляне, и вдаша отъ дыма мечь. И несоша Казари ко Князю своему и къ старѣйшинамъ, и рѣша имъ: се налѣзохомъ дань нову!—Они же рѣша: откуду? они же рѣша: въ лѣсѣ на горахъ, надъ рѣкою Днѣпровскою.—Они же рѣша: что суть вдали? Они же показаша мечь.—Рѣша старци Казарстіи: не добра дань, княже! мы ся доискахомъ оружьемъ одиною стороною, рекше саблями; а сихъ оружье обоюду остро рекше мечь!»

Это почти цѣликомъ изъ пѣсни въ честь Славянскаго оружія—меча, которую сложили, конечно, сами Поляне, при первомъ освобожденіи своемъ отъ Козаръ, во время Осколдово; въ послѣдствіи она получила и ту припѣвку или присказку Христіанскую, съ какою находимъ ее у Нестора. Такими припѣвками и въ наше время завершали бандуристы старыя думы о подвигахъ казацкихъ.

По вашему понятію о продолженіи скандинавства въ Запорожьи, Запорожскія и вообще Казацкія историческія пѣсни всего болѣе должны бы сходиться съ сагами Исландски-

ми; но онѣ-то менѣе всѣхъ пѣсенъ Русскаго народа похожи на саги. Любимый, господствующій размѣръ украинскихъ пѣсенъ находимъ и въ народныхъ балладахъ шотландскихъ: не уже ли же сказать, что онъ перенятъ оттуда, какъ лирическій размѣръ Ломоносовскихъ одъ у Гюнтера? Не только въ общихъ условіяхъ сходятся иногда пѣсни разныхъ народовъ; но иногда повторяются въ нихъ сами собою, не заимственно самыя частныя черты. Сколько бы ни находилось сходнаго у русской народной поэзіи со скандинавскою или еще болѣе съ Греческою; но она своебытна и своеобразна. Прежде всего и всего болѣе она должна быть соображаема не съ Исландскими сагами, а съ пѣснями западно-славянскими, съ которыми она составляетъ одну родную семью: съ ними у нея одинъ общій источникъ—живое чувство Славянина.

Вотъ почему для объясненія пѣсни Игоря, прежде всего ее надо было сравнить съ народными русскими пѣснями, особенно съ южно-русскими, а потомъ съ пѣснями нашей западной братіи. Между тѣмъ, отъ перваго извѣстія въ Spéctateur du Nord до Грамматина включительно, ее сравнивали преимущественно съ Оссіаномъ; а ты жалуешь ее теперь въ Саги! Это не совсѣмъ справедливо еще и потому, что пѣснь Игорю не была пѣснопѣніемъ изустнымъ, сложеннымъ для для пѣнья, какъ наши народные великорусскіе стихи, думы украинскихъ бандуристовъ и саги Исландскія. Пѣвецъ Игоря не былъ гусляромъ, подобно Бояну, коего вѣщіе персты падали на живыя струны, какъ 10 соколовъ на стадо лебедей. Пѣснь Игорю не импровизована и не пропѣта, а сочинена и написана, какъ пѣснь о Калашниковѣ Лермонтова или русскія пѣсни Мерзлякова и Дельвига. Разница та, что новѣйшіе поэты пробовали придавать искусственной письменной поэзіи характеръ поэзіи народной, и на ея ладъ настроивали иногда свою лиру; а пѣвецъ Игоря возводитъ народную изустную поэзію на степень образованія письменнаго, на степень искусства. Онъ поэтъ родившійся въ вѣкѣ изустной поэзіи, полный пѣснями и вѣрованіями своего народа, но онъ вмѣстѣ и поэтъ грамотный, причастный высшимъ понятіямъ своего времени; онъ поэтъ-писатель. Его

пѣсня полна еще всею искренностію и красотою народной поэзіи, но она есть уже сочиненіе написанное—въ этомъ и состоитъ ея значительность въ развитіи народной Русской поэзіи. Почему пѣвецъ Игоря избралъ такой же громкій походъ и воспѣлъ его такъ живо? Конечно потому, что онъ былъ не только современникъ своего героя; но вѣроятно принадлежалъ къ его дружинѣ и участвовалъ въ его ополченіи; къ такому заключенію приводитъ все въ его пѣсни: и его любовь къ Игорю, и яркая обрисовка современныхъ князей особенно величаніе отца Ярославнина и живая скорбь объ упадающей Руси, выражающаяся то воспоминаніями о прежнихъ князьяхъ русской силы и славы, то укоризнами князьямъ междоусобствующимъ, наконецъ нѣкоторыя обмолвки и такія подробности, какъ напримѣръ: с е р е б р я н ы е берега Донца, или оборотъ: «что ми шумитъ, что ми звенитъ давеча рано передъ зарями!» Пѣснь Игорю могла выйти только изъ подъ пера современника, личностью своею близкаго къ своему герою. Всѣ сомнѣнія о ея подлинной древности напрасны, и тебѣ не много уже оставалось досказать объ этомъ послѣ Руссова и Сахарова, который все изслѣдованіе свое объ этой пѣсни посвятилъ не ей, а разсмотрѣнію того, что объ ней писано приверженцами и противниками. Меня одно удивило, отъ чего въ Шафариковомъ народописаніи, переведенномъ Бодянскимъ—пѣснь Игорю отнесена къ концу XIV вѣка? Не опечатка ли это, которую повторяетъ и Дубенскій? Покрайней мѣрѣ въ Чешскомъ подлинникѣ (2-го изданія на стр. 18) написано: «въ концѣ XII столѣтія». Впрочемъ еслибъ это было и чье нибудь мнѣніе, то оно не болѣе, какъ опечатка въ Литературной критикѣ.

Называй, если угодно с а г а м и наши народные стихи историческіе и богатырскіе: эти пѣснопѣнія точно явились н е п и с а н н ы е, поются въ народѣ нѣсколько вѣковъ, передаваясь изустно, какъ живое преданіе по старой памяти. Но пѣснь Игорю не имѣла, кажется, этой прекрасной доли въ въ своемъ народѣ; наши предки знали ее не по памяти, а по грамотѣ, какъ и мы, ихъ потомки.

Въ художественномъ отношеніи, пѣснь Игорю представляетъ цѣлое стройное созданіе, и я не могу согласиться съ тобою считать ее отрывкомъ большой Саги о всѣхъ Русскихъ произшествіяхъ, изъ которой выключено начало. Такую мысль внушаютъ тебѣ слова въ началѣ пѣсни: «отъ стараго Владиміра до нынѣшняго Игоря;» между тѣмъ какъ ты не нашелъ ни слова о Владимірѣ и его предшественникахъ. «О предшественникахъ,» т. е. объ Рюрикѣ, вѣщемъ Олегѣ, Игорѣ, конечно нѣтъ ни слова, потому что и не предположено. Но въ пѣсни Игорю вся 6-я глава (по моему дѣленію) посвящена воспоминанію о прежнихъ Князьяхъ. Тамъ воспомянуты и Ярославъ и Мономахъ, и Олегъ, ковавшій крамолу мечемъ, и Борисъ Вячеславичъ, положенный славою на зеленомъ коврѣ земли.... Послѣ воззванія къ современнымъ Князьямъ вступиться за землю Русскую, за раны Игоревы, пѣвецъ опять предается воспоминаніямъ. Въ 11-й главѣ находимъ поэтическую поминку по Васильковомъ сынѣ; находимъ пѣсни о Всеславѣ Полоцкомъ; а затѣмъ—изъ глубины душевной вырвавшееся слово о Владимірѣ «стонати Русской земли, помянувше нървую годину първыхъ князей! Того стараго Владиміра нельзя бѣ пригвоздити къ горамъ Кіевскимъ. Сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзіи Давидовы.....»

Какого же еще, ужели большаго, слова о Владимірѣ захотѣлъ ты отъ пѣсни Игорю?... но оно было бы въ ущербъ цѣлой пѣсни, въ которой все почти обозначается быстро и сжато, иногда одною чертою.

И такъ пѣснь Игорю, хотя и принадлежитъ къ народной Русской поэзіи, но будучи созданіемъ письменнымъ, не можетъ быть названа сагою. Пѣвецъ Игоря вмѣстѣ съ Даниломъ Заточникомъ и Владиміромъ Мономахомъ опровергаетъ твое мнѣніе, будто въ древней, до Татарской Руси «кромѣ духовенства писать было некому.» Вспомни и объ удаломъ Буслаевѣ, которому и письмо и грамота въ наукъ пошли!

Едва ли и то правда, что въ среднія времена (послѣ нашествія Татарскаго) некому было сочинять народныхъ

богатырскихъ стиховъ, въ которыхъ воспоминаются времена Владиміровы. Было же кому слагать пѣсни о Михаилѣ Черниговскомъ и Александрѣ Невскомъ; о Симеонѣ Гордомъ или о Щелканѣ Дудентьевичѣ (1327). Къ тому же или къ послѣдующему поколѣнію пѣвцевъ, я думаю, принадлежатъ не только такіе стихи, какъ на примѣръ о Борисѣ и Глѣбѣ, но и богатырскіе. Они весьма могли быть сложены вновь, по древнимъ сказаніямъ. Дѣйствительныя событія и лица являются въ нихъ уже сказочными; все древнее сводится въ одинъ вѣкъ Владиміровъ; самый складъ ихъ и языкъ показываютъ, что они сложены не на Югѣ Русскомъ и не какъ пѣснь туземныхъ современниковъ; а на Русскомъ Сѣверѣ, какъ воспоминаніе потомкомъ. Было время, что и дѣла давно минувшихъ лѣтъ, преданье старины глубокой воодушевляли народныхъ пѣвцевъ, нашихъ также, какъ и былина современная, которая внушала имъ пѣсни историческія.

Кіевъ 1845 Февр. 20.

II.

Что ни говори, любезный другъ, а Скандинавской Саги не можно признать родоначальницею нашей Исторической Поэзіи. Конечно, тебѣ жаль отказаться отъ этой мысли, взлелѣянной твоею любимою мечтою о Скандинавствѣ Руси. «Дитя мое, мысль моя: кто тебя создалъ, не я ли?»... Но ты вѣрно не откажешься пожертвовать ею ради истины и той пользы науки, которою ты приворачиваешь къ себѣ другихъ. Тебѣ кажется, что я не понялъ твоей мысли объ отношеніи Скандинавскихъ Сагъ къ нашимъ пѣснямъ, и ты поясняешь ее притчею о Пушкинѣ.... Впрочемъ и безъ того твоя мысль не «темна вода во облацѣхъ»; и я, во избѣжаніе новаго недоразумѣнія, доставляю тебѣ удовольствіе полюбоваться ею и въ моемъ письмѣ. Вотъ она, почти вся выраженная твоими же словами: читай!—

До прихода Норманновъ, наши восточные Славяне не пускались ни на какіе удалые подвиги; потому и не возникла у нихъ своя Историческая Поэзія. Наша Историческая жизнь началась съ приходомъ Норманновъ изъ Скандинавіи потому и наша Историческая Поэзія началась съ того же времени, началась Сагами, пропѣтыми передъ Рюрикомъ и Олегомъ; такимъ образомъ она ведетъ свое происхожденіе отъ Саги Исландской; между тѣмъ какъ наша Лирическая поэзія развилась изъ собственныхъ т. е. Славянскихъ началъ.

Таково было рожденіе; а вотъ развитіе: Наши Норманскіе Конунги или Князья продолжали быть чистыми Норманами до внуковъ Ярославовыхъ; но это поколѣніе уже вполнѣ ославянилось, и Норманъ сдѣлался Малороссіяниномъ.... Подобно тому измѣнилась у насъ и Сага Исландская: въ продолженіе времени она приняла у насъ другой, свой т. е. нашъ характеръ, и переродилась въ Русскую Историческую пѣсню.»

Не соглашаюсь на такое производство нашей Поэзіи, я въ прежнемъ письмѣ припомнилъ тебѣ слова Шафариковы, на которыя ты самъ въ своемъ Несторѣ, на стран. 105, ссылался какъ на классическое мѣсто. Ты говоришь, что я напрасно указываю тебѣ на эти слова. И я скажу, что напрасно; если ты отвращаешь отъ нихъ свое вниманіе. Но если взглядишься въ нихъ опять, то увидишь, что этими словами ты самъ заготовилъ опроверженіе своему мнѣнію о Сагѣ.... Этими словами Шафарика ты говорилъ намъ, что Преподобный Несторъ извѣстія: о построеніи Кіева, о походѣ Полянскаго Князя Кія въ Цярьгородъ, о прибытіи Радима и Вятка въ среднюю Русь отъ Ляховъ—заимствовалъ въ свою лѣтопись изъ нашей Народно-Славянской-Поэзіи! Слѣдственно: и до призванія Рюрика были у насъ подвиги и событія, которые воспѣвались и разсказывались въ нашихъ пѣсняхъ и повѣстяхъ; слѣдственно: наша историческая поэзія существовала еще до прихода Рюрика, и возникла наравнѣ съ Лирическою изъ собственныхъ, Славянскихъ началъ жизни. Отъ Скандинавской Саги могла она въ из-

вѣстное время кое что перенять, также какъ и отъ пѣсенъ другихъ народовъ, прикосновенныхъ къ древнѣйшей и древней Руси. Это совсѣмъ не то, что Сага приняла у насъ другой-свой-характеръ, и обратилась въ Русскую пѣсню. Такъ можно бы сказать, напримѣръ, о языкѣ Церковнославянскомъ, которымъ начался и изъ котораго развился письменный языкъ Христіанской Руси. Но Исландская Сага никогда не была исходнымъ родникомъ нашей Исторической Поэзіи, до нея и безъ нея бывшей: она только впала въ нее, и утонула въ ней, какъ Рось и другія рѣки, отъ востока и запада притекая къ Словутѣ-Днѣпру, [1]) тонутъ въ немъ; у него, независимо отъ нихъ, свой собственный, отдаленный исходъ.—Ты конечно и теперь согласенъ съ классическимъ мѣстомъ Шафарика о нашихъ древне-Славянскихъ пѣсняхъ; а потому ты конечно отречешься отъ несогласнаго съ нимъ понятія о происхожденіи нашихъ историческихъ пѣсенъ отъ Саги. На такой случай я повторю слова Шафарика, изъ его предисловія къ Старожитностямъ Славянскимъ: «Budiż i Tobe djka, rozmilý Michale Petrowiči Pogodine!» Предоставляю—говоришь ты—вамъ, филологамъ и словесникамъ, раздѣлять поэзію какъ угодно! Предоставляешь, а между тѣмъ раздѣлилъ уже самъ и по родамъ, давъ исторической одно, а лирической другое происхожденіе, и по періодамъ—сказавъ, что у насъ не было періода поэзіи письменной, а потому-де не было ни пѣснопѣній о прошедшихъ событіяхъ, ни пѣснопѣній письменныхъ въ древнее время.

Можетъ быть и не было у насъ періода письменной поэзіи; но пѣснопѣнія письменныя были!

«Если бы въ древнее время, говоришь ты,—писали у насъ слова, то они должны бы дойти до насъ.» Ну что же?

---

[1]) *Славутою* прозывали свой Днѣпръ козаки.—Это названіе велось въ южной Руси съ древнихъ временъ, какъ видно изъ Пѣсни Игорю, гдѣ названъ онъ уменьшительно—*словутицею*.

Пѣснь Игорю и дошла. Быть можетъ найдутся и другія, какъ недавно отыскались слова Серапіона XIII вѣка, и Иларіона XI вѣка, которыми, можно сказать, подарила нашу словесность Московская Духовная Академія. Но быть можетъ и вовсе не найдутся, какъ нѣтъ доселѣ ничего изъ многаго писанія Митрополита Клима Смолятича. Если не осталось ничего отъ многихъ писаній такого философа и книжника, какого до него и не было въ Руси—по выраженію лѣтописи; то не удивительно, если мірскія пѣсни не дошли къ намъ. Пѣснь Игорю ясно свидѣтельствуетъ, что у насъ были письменныя пѣснопѣнія въ древній періодъ Русской жизни. Положимъ даже, что только одинъ пѣвецъ Игоря былъ тогда поэтъ-писатель [1]); все же онъ былъ! А что онъ былъ не гусляръ, а писатель, того не стану доказывать теперь, потому только, что ты готовъ изъ этого сдѣлать цѣлый, особый періодъ! Впрочемъ одинъ-ли пѣвецъ Игоря, или нѣсколько было пѣвцовъ-писателей въ древнее время, по моему не для чего изъ нихъ составлять особаго періода, и нечего затрудняться вопросомъ: «куда вставить этотъ періодъ?» Всего лучше оставить на своемъ мѣстѣ: гдѣ сосна взросла, тамъ и красна!—Въ исторіи древней Русской Словесности (на стр. 92), я сказалъ, что въ нашей письменной словесности отъ кончины Мономаха до нашествія татарскаго «господствуетъ тоже поучительное и повѣствовательное направленіе (какъ и передъ тѣмъ); но поученіе христіанское достигло до истиннаго, роскошнаго витійства—въ словахъ Кирилла Туровскаго; а пѣснотворческое повѣствованіе завершилось цѣлою стройною пѣснію о Полку Игоревѣ въ которой народная (изустная) поэзія является въ образованіи письменномъ.» Далѣе (стр., 95) замѣчено у меня, что «письменное образованіе древней Русской Словесности не

---

1) Что пѣвецъ Игоря былъ грамотный писатель,—это мысль не новая; ибо наши Скептики называли его—начетчикомъ старинныхъ лѣтописей, жившимъ въ исходѣ или XIV или XV или даже XIV вѣка! но я, признавая его современникомъ Игоря, слѣдственно относя къ исходу XII вѣка, отстраняю всякое сомнѣніе въ его древности.

остановило собою прежняго изустнаго ея развитія въ народѣ. Собственно-народная или изустная Словесность шла у насъ объ руку со Словесностью образованною или письменною».

Такъ и было во все продолженіе втораго, средневѣковаго [1]) періода,—кончающагося началомъ XVIII вѣка (или-если угодно-появленіемъ Ломоносова). Этотъ періодъ особенно богатъ развитіемъ народно-изустной поэзіи и въ Сѣверной, и въ Южной Руси: хотя въ той и другой не бѣденъ онъ и произведеніями Словесности письменной: только его письменная поэзія менѣе значительна для насъ, чѣмъ изустная.—

Новый третій періодъ, ознаменованный стремленіемъ къ Европейству, можетъ назваться по преимуществу періодомъ письменной, искусственной поэзіи. Въ продолженіе этого періода, съ распространеніемъ и усиленіемъ письменной поэзіи упадало постепенно развитіе поэзіи народно-изустной, и до того наконецъ оскудѣло, что даже эпоха 1812 года не вызвала изъ нея почти ничего примѣчательнаго.—

За то скоро настала пора, когда у нашей письменной, искусственной поэзіи развилось сочувствіе къ народно-поэтической красотѣ, и она сознательно обратилась къ прежней, своенародной поэзіи изустной.—

Въ концѣ древняго дотатарскаго періода пѣснь Игорю явилась какъ первый образецъ письменной народно-Русской Исторической поэмы. Въ слѣдующее время Историческая Поэзія наша продолжалась преимущественно въ изустныхъ пѣснопѣніяхъ; хотя слагателями народныхъ

---

[1]) Ты припомнишь что я вмѣсто одного періода,—до Петра Великаго (какъ приняль Гречь въ своей Исторіи Литературы, въ чемъ слѣдуютъ ему многіе) принимаю два: первый—*древній*, дотатарскій; второй—*среднев-ковой* допетровской.

пѣсенъ бывали и грамотные пѣвцы, чему примѣръ не одинъ —казакъ Климовскій.—

Въ наше время, Русская Поэзія, при переходѣ къ своенародности и самобытности, явилась вновь Историческою поэмою въ Полтавѣ Пушкина, въ которой такъ много мотивовъ чисто-Русскихъ, совершенно народныхъ; хотя и безъ исключительнаго колорита народно-изустной Русской поэзіи, какимъ отличаются, напримѣръ, сказки Пушкина и Луганскаго.

Эти сказки и прочая были уже намѣренные и также подражательные опыты—въ народномъ вкусѣ. Въ литературѣ нашей они были не новость; но они въ Исторіи нашей поэзіи важны потому, что были вѣрнымъ и благовременнымъ указаніемъ на своенародный складъ и колоритъ, которыми должно было освѣжиться господствовавшее изветшалое письменное выраженіе.

Пріятно мнѣ вспомнить, что о Полтавѣ Пушкина я первый (1829) въ Атенеѣ писалъ, какъ о Поэмѣ народной и Исторической. Незабвенно мнѣ, какъ Мерзляковъ журилъ меня за мою статью, и какъ благодарилъ потомъ Пушкинъ, возвратясь изъ своего Закавказскаго странствія, гдѣ набирался онъ впечатлѣній войны подъ руководствомъ своего друга Н. Раевскаго.—Тогда же, узнавъ отъ Пушкина, что онъ написалъ Полтаву, не читавши еще Конискаго, я познакомилъ его съ нашимъ Малороссійскимъ Историкомъ и подарилъ ему случившійся у меня списокъ Исторіи Руссовъ, объ которой онъ написалъ потомъ прекрасныя страницы. Кстати: въ собраніи сочиненій Пушкина помѣщена его полемическая статья о Полтавѣ, кажется по черневому списку. Переписывая на бѣло, Пушкинъ сдѣлалъ въ ней нѣкоторыя поправки, съ какими и напечатана она въ моей Денницѣ; автографъ сохранился у меня.

Но отъ этой еще не сѣдой старины, обращаюсь опять къ древнѣйшей.

Предъуставленнымъ періодомъ, ты заграждаешь для нашей изустной поэзіи врата къ событіямъ прошедшимъ, и ограничиваешь ее одними современными. «О прошедшихъ —говоришь ты—только старыя пѣсни подновлялись, распространялись, смѣшивались....»

Хорошъ ключь, да не ко всякому замку. Такими измѣненіями дѣйствительно разнообразились пѣсни въ устахъ народа. Бывало и то, что прежняя пѣсня, или часть ея, примѣнялась къ новому событію и передѣлывалась. Такъ пѣсня на смерть Грознаго передѣлана въ пѣсню на смерть Петра Великаго. Такъ начальный оборотъ пѣсни на Желтоводскую побѣду, внушенный именемъ Хмельницкаго [1]), повторился и въ пѣснѣ на битву Полтавскую, и въ пѣснѣ объ Нечаѣ. Такимъ же образомъ и богатырскіе стихи, и думы Украинскихъ бандуристовъ существуютъ во многихъ варіантахъ, нерѣдко съ повтореніемъ одного и тогоже. Но такимъ путемъ древнія историческія пѣсни временъ Владимировыхъ никогда не могли принять видъ тѣхъ богатырскихъ стиховъ, въ которыхъ воспоминается и воспѣвается вѣкъ Владиміра и его богатыри. Еще бы въ двухъ, въ трехъ пѣсняхъ можно предположить, что первоначальное историческое содержаніе ихъ мало по малу передѣлалось въ сказочное; но допустить это въ цѣломъ родѣ пѣсенъ невозможно; и богатырскіе стихи, по моему мнѣнію, слѣдуетъ признать сложенными вновь, по старымъ сказкамъ [2]) и спустя много времени послѣ событій, въ нихъ воспѣваемыхъ. Многія изъ нихъ потому развѣ не сказки, что поются, и весьма могутъ назваться поющимися сказками. Нѣкоторыя изъ нихъ съ такимъ единствомъ отъ начала до конца, такіе цѣльные, что какъ будто выпѣты сразу, покрайней мѣрѣ—сложены

---

[1]) Чи не той-то хмѣль хмѣль, счо коло тычинъ вьется;
Гей той-то Хмельницкій, счо зъ Ляхами бьется!—»

[2]) Такъ полагалъ и Калайдовичъ, но съ неяснымъ понятіемъ: то приписывая ихъ сочиненіе Киршѣ Данилову, то говоря, что онъ не первый сложилъ ихъ, а онъ передѣлалъ, и прочая.

однимъ пѣвцомъ; и конечно сложены по старой сказкѣ, а не передѣлались мало по мали изъ старой пѣсни исторической. Положимъ, что основаніемъ такихъ сказокъ были и древнія историческія пѣсни, все же пѣсня неисторическая, основанная уже на сказкѣ, будетъ новая пѣсня—о прошедшемъ; я не привожу частныхъ указаній изъ пѣсенъ о вѣкѣ Владиміровомъ; ибо это вовлекло бы меня въ неумѣстныя подробности. Въ добавокъ къ сказанному въ этомъ и въ прежнемъ письмѣ,—я укажу на пѣсню о событіи изъ вѣка Грознаго—о борьбѣ Мастрюка Темрюковича съ братьями Борисовичами, Она начинается такъ:

«Въ годы прежнія, времена первоначальныя,
При бывшемъ вольномъ Царѣ, при Иванѣ Васильевичѣ,
Когда холостъ былъ Государь Царь Иванъ Васильевичъ,
Поизволилъ онъ женитися....»

Кажется, что эта пѣсня не о современномъ ей событіи, и что слагатель ея намѣренъ былъ пѣть о бывшемъ въ годы прежнія!—

Такъ какъ ты считаешь пѣснь Игорю не писаннымъ, а изустнымъ пѣснопѣніемъ; то для тебя и она можетъ идти въ дѣло. Въ ней (эпизодъ ли она, или особое пѣснопѣніе—все равно)—воспѣвается и прошедшее:

«Были вѣка Трояновы, минули лѣта Ярославовы...»или: «На седьмомъ вѣкѣ Трояновомъ, бросилъ жребій Всеславъ о дѣвицѣ ему милой....» или, при описаніи Донца, воспоминаніе о юношѣ-Князѣ Ростиславѣ, которому Днѣпръ затворилъ свои темные берега и котораго потопила въ себѣ недобрая рѣка Стугна.

Наконецъ, если рѣчь будетъ только о томъ, что наша изустно-народная Поэзія воспѣвала не одни современныя событія, но и прошедшія; то я укажу еще на Стихи духовные (или набожные), кои поются преимущественно слѣпцами (называемыми на сѣверѣ—ханжами, шпынями; а здѣсь—старцами, лирниками). Большая часть этихъ пѣснопѣній безъ сомнѣнія сложена неграмотными пѣвцами и имѣ-

етъ весь характеръ народно-изустной Поэзіи. (Я не включаю сюда такъ называемыхъ псалмовъ, которыя хотя также поются слѣпцами, особенно Лирниками, но сложенія большею частію грамотнаго). Въ какомъ бы вѣкѣ ни были сложены эти духовные стихи, но въ нихъ воспѣваются: Лазарь убогій, Алексѣй человѣкъ Божій, Ѳедоръ Тириновъ т. е. Тиронъ), Іосифъ Царевичъ и т. д., точно также, какъ и наши Святые Князья—Борисъ и Глѣбъ, Михаилъ Черниговскій, Михаилъ Тверскій, Александръ Невскій.—Послѣ этого, ужели ты не согласишься со мною, что наша народная поэзія воспѣвала не только современныя событія домашней и Государственной жизни; но и прошедшія событія, своенародныя и Христіанскія вообще?—Неужели не скажешь вмѣстѣ со мною, что нашъ Русскій людъ способенъ былъ воодушевляться не только современнымъ и подручнымъ бытіемъ но и минувшимъ дѣяніемъ, и предметами отвлеченными?... А если возьмемъ во вниманіе, что у народа нашего слагались тысячи пѣсенъ, иныя въ нѣсколько сотъ стиховъ,—что онѣ принимались съ живѣйшимъ сочувствіемъ и живутъ цѣлые вѣка въ памяти народной, вмѣстѣ съ напѣвами, передаваясь отъ поколѣнія къ поколѣнію; то увидимъ ясно: какъ много было поэтическихъ состояній въ душевной жизни народа Русскаго; какъ сильно и полно его чувство, обнимавшее весь кругъ жизни, воодушевлявшееся предметами разнообразными, и выражавшее себя съ такимъ изяществомъ.... но объ этомъ когда нибудь, ну, хоть тогда, напримѣръ, когда П. Кирѣевскій издастъ богатое свое собраніе пѣсенъ, и я изученіемъ онаго пополню мои познанія о Великорусской поэзіи. Теперь я предложу тебѣ только слѣдующій положенія, какъ выводъ изъ моего къ тебѣ писанія:—

1) Скандинавская Сага не была радоначальницею нашей Исторической Поэзіи и не оставила въ ней примѣтнаго слѣда.

2) Историческая Поэзія у насъ была до пришествія Варяговъ, и начало у нея одно съ нашею Лирическою Поэзіею, собственная жизнь народа и живое Славяно-русское чувство.

3) Письменная Поэзія была у насъ и въ древнее, и въ среднее время.

4) Изустная Поэзія Русская воспѣвала не только современныя, но и прошедшія событія.—

Въ концѣ своего отвѣта, ты желаешь искренно, что бы я для пользы науки и истины—согласился съ тобою въ Скандинавствѣ Руси.

Душою бы радъ, да не могу. Первое—потому, что Скандинавское происхожденіе Руссовъ я считаю не истинною, а выдумкою Нѣмецкой учености, посаженной за почестный столъ. Второе—потому, что не вижу никакой пользы наукѣ, прямо и непосредственно пристекающей изъ этой гипотезы; а между тѣмъ вижу не мало порожденныхъ ею отъявленныхъ парадоксовъ. Довольно указать на Копенгагенскую статью Сабинина «о происхожденіи слова Бояринъ», гдѣ не только половина Русскихъ словъ и вся наша Славянская азбука производятся изъ языка и рунъ Скандинавскихъ; но и основаніе всего нашего древняго быта полагается перешедшимъ изъ Скандинавіи! А сколько плевеловъ на полѣ Исторіи нашей посѣяно вашимъ Отцемъ-Шлецеромъ, —о которомъ наконецъ (въ отвѣтѣ Кирѣевскому)—ты изронилъ злато слово слезами смѣшано, сказавши: «положенія Шлецеровы почти всѣ или уничтожены, или измѣнены, или уменьшены, или дополнены: да почіетъ въ мірѣ прахъ его!» По твоему, теперь осталась только его метода благодѣтельная для Исторіи. А по моему, такъ и метода его гнусна; и за нее въ особенности, я назвалъ Шлецера не отцемъ, а лихимъ вотчимомъ нашей исторической критики.—Впрочемъ Исторія всѣхъ наукъ показываетъ ясно, что польза науки можетъ быть отъ самыхъ несходныхъ между собою ученій, при весьма различныхъ образахъ мыслей. Чего ужь противоположнѣе, какъ мнѣнія о Руси Шлецерово и Эверсово? Однако ты самъ нѣкогда преклонялся съ восторгомъ передъ образиною Шлецера (помню твое восхищеніе, когда Московскій Шлецеръ уступилъ тебѣ портретъ своего безсмертнаго отца и его Nestor съ собственноручными приписками)! и въ тоже время ты пере-

водилъ, издавалъ Эверса и Неймана, и такимъ образомъ— конечно, для пользы науки—самъ же ты распространялъ на Руси мнѣніе о Руси, совершенно противоположное твоему. Но теперь.... для пользы науки.... ты хочешь уже, чтобы непремѣнно соглашались съ твоимъ мнѣніемъ о Руси—какъ будто только въ немъ и спасеніе истины; и мнѣніе несогласное съ твоимъ ты называешь уже предубѣжденіемъ; а несходное съ твоимъ изъясненіе Нестора—превратнымъ толкомъ!... Гдѣ же терпимость и смиреніе, которыми— по твоимъ словамъ—украшается наша Исторія, даже и въ язычествѣ Славянскомъ? Или напоръ Скандинавства совращаетъ эти добродѣтели и въ наукѣ?.... Такъ-то благодѣтельна Шлецеровская метода въ Исторіи!..

Тебѣ, говоришь ты, очень жаль, что я до сихъ поръ остаюсь при своемъ антинорманскомъ предразсудкѣ. О чемъ жалѣть!.. А если припомнишь мою Рѣчь о Кіевѣ, или прочтешь двѣ первыя главы моей Исторіи Русской Словесности, то увидишь, что во мнѣ нетолько нѣтъ антинорманскаго предразсудка; да и быть не можетъ: ибо я слѣдую Ломоносовскому понятію о Норманахъ и во всемъ, что относится къ древней Руси, строго держусь Несторовой Лѣтописи. Да вѣдь и ты, въ своей Исторіи, не говорилъ ли, что Варягами или Норманами назывались при-балтійскіе воители разныхъ племенъ, и Скандинавскіе Нѣмцы, и поморскіе Славяне! Такимъ образомъ Руссы, будучи Варягами или Норманами, могли быть Славянами и не быть Скандинавскими Нѣмцами. И если у Нестора или въ сказаніяхъ иноземныхъ говорится только, что Руссы были Норманами; то изъ этого слѣдуетъ заключить, что Руссы были народъ Сѣверный, Прибалтійскій —и не болѣе; а какого именно они были племени, то особь-статья, требующая иныхъ свидѣтельствъ и доказательствъ. Но у тебя понятіе о Руссахъ такъ уже слилось съ понятіемъ о Скандинавствѣ, что и самое Норманство ты принимаешь за синонимъ Скандинавства, и такимъ образомъ родовое понятіе смѣшиваешь съ видовымъ. Попробуй сбросить эту Скандинавскую Луду съ глазъ; приневоль себя отдѣлить родовое понятіе о Норманствѣ отъ видова-

го понятія о Скандинавствѣ: и тогда ясно увидишь, что можно слѣдовать Нестору и признавать Руссовъ Норманами или Варягами, отрицая въ тоже время Скандинаво Нѣмецкое ихъ происхожденіе и признавая ихъ Поморскими—Славянами, какъ полагалъ Ломоносовъ, какъ думали задолго до него у насъ въ Южной и Сѣверной Руси. Это старинное Русское мнѣніе нашелъ я правдоподобнѣйшимъ, потому я послѣдовалъ ему и остаюсь при немъ. Ты, отъ юношескихъ лѣтъ, увѣровалъ какъ въ истину въ Байеровскую гипотезу, и будешь вѣренъ ей до конца; и я вовсе не хочу, чтобы ты былъ отступникомъ отъ нея. Меня радуетъ твое постоянство во мнѣніи; я желалъ бы только, чтобы, прилагая свою гипотезу къ подробностямъ древней Русской жизни, ты остерегся отъ невѣрнаго наведенія оной на нашу словесность, на которой ваше Скандинавство потерпѣло уже довольно рѣзьбы.—О происхожденіи Руссовъ я и не заговорилъ бы теперь, еслибъ ты не началъ опять это толченіе воды, которое довольно долго производили вы въ Скандинавской ступѣ; а благочестивый Маякъ съ усердіемъ продолжаетъ въ толчеѣ Славянской... Богъ въ помощь! Для меня-же вопросъ о происхожденіи Руссовъ—второстепенный. Рѣшеніемъ его занимался я мимоходомъ, когда оно понадобилось мнѣ, при занятіи Исторіей Русскаго языка; это было лѣтъ за восемь... Тогда я охотно позволялъ перу моему писать и такія строки:

«Хвала, Шафарикъ дорогой!
Нашъ старый Свѣтъ уже свѣтлѣетъ:
Съ твоей Славянской стариной
Нашъ Славянинъ помолодѣетъ;
Лишь объ одномъ я потужилъ,
Что по примѣру иноземцевъ,
И ты намъ въ Руссовъ нарядилъ—
Все тѣхъ же Скандинавскихъ Нѣмцовъ!»—

Но теперь вопросъ о происхожденіи Руссовъ занимаетъ меня не болѣе, какъ и физіологическій вопросъ de generatione aequivoca, наводившій на меня когда то безсонныя ночи.... То старина, то и дѣянье:—Прощай! твой и проч.

ПѢСНЬ О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ [1])

(Изъ лекціи о Русской Словесности, читанныхъ 1835 года въ Университетѣ Св. Владимира.

I.

Пѣснь о Полку Игоревѣ есть драгоцѣнный памятникъ Русской Поэзіи въ концѣ XII вѣка [2]). Въ Исторіи Словесности нашей должно обращать особенное вниманіе на сію Пѣснь: ибо, кромѣ общей литературной важности, ею раздѣляемой наравнѣ съ прочими нашими древними произведеніями, она важна, какъ единственный до насъ дошедшій письменный памятникъ самородной Древней Русской Поэзіи, блестящій яркими красотами поэтическими, и вмѣстѣ съ тѣмъ полный истиною историческою. Это первообразъ самобытной Русской Эпической Поэзіи, и въ духѣ, и въ формахъ.

Кромѣ того, для Исторіи Словесности нашей она важна какъ единственный источникъ, въ которомъ сохранилось извѣстіе о славномъ, вѣщемъ Бояннѣ, нѣсколько его выраженій, и указаніе на нѣкоторыхъ Русскихъ Князей, въ честь коимъ воспѣты были у насъ пѣсни, можетъ быть симъ же пѣснотворцемъ стараго времени. Но пѣвецъ Игоря, сохранилъ для насъ славное имя Бояна (которое од-

---

[1]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1836, Т. X. № 4. стр. 1—22, Т. X, № 6, с. 439—470; 1837, Т. XIII, № 1, с. 29—58. Былъ и отдѣльн. оттискъ, Спб. 1837. 8, с. 84. А. К.

[2]) Можетъ быть, она сочинена и въ 1202 году, какъ полагаетъ Г. Грамматинъ; но та ли малость не дѣлаетъ розницы въ числѣ вѣка.

но только и извѣстно намъ), самъ остался безыменнымъ, подобно пѣвцамъ народной нашей Поэзіи.

Наконецъ Пѣснь Игорю, какъ вѣрное выраженіе своего времени, важна для самой Исторіи Древней Руси и своимъ современнымъ взглядомъ на порядокъ вещей, на разныя событія и лица, и даже нѣкоторыми подробностями, кромѣ ея нигдѣ не сохранившимися.

Прежде чѣмъ станемъ разсматривать самую Пѣснь, я изложу исторію ея извѣстности въ Литературѣ нашей и назову Писателей, посвящавшихъ ей труды свои.

Въ первый разъ она вышла въ свѣтъ въ Москвѣ, 1800 года. Ее издалъ извѣстный графъ А. И. Мусинъ-Пушкинъ подъ названіемъ Ироическая Пѣснь, съ переводомъ, въ которомъ принимали участіе А. Ѳ. Малиновскій и Н. Н. Бантышъ-Каменскій. Пѣснь сія отыскана 1795 года, въ старинномъ сборникѣ, гдѣ послѣ Книги глаголемой Граная графъ (т. е. Хронографъ), списаны были еще 7 статей, въ томъ числѣ подъ № 5 и Слово о плъку Игоревѣ, Игоря Святъславля, внука Ольгова. Сей сборникъ, писанный въ листъ на лощенной бумагѣ, Графъ Мусинъ-Пушкинъ пріобрѣлъ у Ярославскаго Архимандрита Іоиля, для своей богатой Русскими древностями Библіотеки, которая къ сожалѣнію сгорѣла въ 1812 году на Московскомъ пожарѣ, а съ нею погибъ и сборникъ, вмѣщавшій въ себѣ единственный списокъ Пѣсни Игорю.

Сія рукопись, по свидѣтельству извѣстнаго знатока сего дѣла А. И. Ермолаева, была писана полууставомъ XV вѣка; другіе очевидцы (по словамъ К. Ѳ. Калайдовича) почеркъ ея признавали Бѣлорусскимъ, не восходящимъ далѣе XVI вѣка. И такъ Пѣснь Игорю можемъ почитать дошедшею до насъ въ спискѣ, принадлежавшемъ къ концу XV или къ XVI вѣку.

Первое извѣстіе о ней напечатано было въ Spectateur du Nord 1797, по словамъ коего Пѣснь Игорю можно срав-

нять съ лучшими Оссіановскими поэмами. По выходѣ въ свѣтъ она обратила на себя особенное вниманіе, которое выразилось сначала болѣе восхищеніемъ, нежели ученымъ изслѣдованіемъ: ибо только извѣстный нашъ писатель А. С. Шишковъ въ 1805 году напечаталъ ее вторично съ новымъ прозаическимъ переводомъ и нѣкоторыми примѣчаніями; другіе же, а именно Сѣряковъ (1803, С. П. Б.), Палицынъ (1808, Харьк.), Язвицкій (1812, С. П. Б.), Левитскій (1813, С. П. Б.), переводили ее стихами, въ которыхъ Поэзія подлинника отсвѣчивалась тускло.

Карамзинъ ввелъ ее въ свою Исторію Государства Россійскаго, гдѣ помѣстилъ и разныя примѣчанія составляющія начало исторической критики сей Пѣсни.

Московское Общество Любителей Россійской Словесности предложило вопросъ: на какомъ языкѣ писана Пѣснь о Полку Игоря? К. Ѳ. Калайдовичъ, подъ именемъ неизвѣстнаго, въ 1817 году написалъ Опытъ рѣшенія (Труды Общ. Л. Р. С. Ч. XI), служащій началомъ филологическихъ ея изслѣдованій. Онъ почитаетъ языкъ Пѣсни Игорю подобнымъ языку библейскому, сходнымъ съ языкомъ нашихъ лѣтописей, грамотъ, и полагаетъ, что она сочинена вѣроятно въ нынѣшней Малороссіи.

Р. Ѳ. Тимковскій много и долго занимался полнымъ изслѣдованіемъ сей Пѣсни, и уже приготовилъ было къ изданію свой трудъ; но по смерти его (1820) не осталось и слѣда его изысканій, которыя безъ сомнѣнія устранили бы многія изъ недоумѣній, оставшихся и послѣ новыхъ изданій сей Пѣсни.

Въ 1819 году она издана въ С. Петербургѣ Я. Пожарскимъ, который изъяснялъ текстъ ея преимущественно словами изъ языка Польскаго. Г. П. Бутковъ предложилъ историко-географическую критику оной (Вѣстн. Евр. 1821, Сынъ От. 1834 № 52).

Въ 1823 году въ Москвѣ Г. Н. Грамматинъ напечаталъ новое изданіе, съ переводами въ прозѣ и стихахъ на-

роднаго размѣра, которое, по количеству примѣчаній и толкованій, есть полнѣйшее и содержитъ въ себѣ попытку провести къ однообразію правописаніе подлинника.

Вслѣдъ за первымъ у насъ появленіемъ въ свѣтъ Пѣсни Игорю, Шлецеръ извѣстилъ о ней иностранцевъ (въ Götting. gel. Anz. 1801). Онъ сначала усомнился было въ ея подлинности и древности; но скоро (1802 года въ своемъ Несторѣ) сознался въ грѣхѣ своемъ.—И Пѣснь Игорю была переводима неоднократно, прозою и стихами, на языки Французскій и Нѣмецкій. На Польскій языкъ перевелъ ее Кипріанъ Годебскій.—На Чешскомъ языкѣ сдѣланы были въ 1808 году переводы ея Юнгманомъ въ прозѣ и Рожнаемъ въ стихахъ, но не изданы; а въ 1821 году она издана въ Прагѣ Вячеславомъ Ганкою, съ его переводомъ въ прозѣ и нѣсколькими объяснительными примѣчаніями. Вотъ нѣсколько строкъ изъ краткаго примѣчанія о языку и рукописи, написаннаго симъ Словенскимъ филологомъ порусски. «Языкъ подкинника сей Пѣсни великолѣпенъ и крѣпокъ, дѣлаетъ переходъ изъ Славянскаго въ старый Русскій; потому распознается очевидно не токмо отъ старшихъ частей Священнаго Писанія, но и отъ самаго Лѣтописца Нестора... Кто бы хотѣлъ Царедворскую рукопись Старо-Чешску съ Игоремъ сравнивать, завѣрно бы нашелъ много сходства, не токмо въ словныхъ выраженіяхъ, но болѣе того въ самомъ духѣ древности и мышленія».

Послѣ изданія Пѣсни Игорю г. Грамматинымъ она оставалась у насъ 7 лѣтъ въ покоѣ; но въ послѣднее время опять принялись за нее, особенно въ Москвѣ, гдѣ г. Профессоръ М. Т. Каченовскій,—вслѣдствіе ученаго сомнѣнія, наводимаго имъ на Древнюю Русскую Исторію, заподозрилъ (1830 г.) и достовѣрность Пѣсни Игорю.

Г. А. Ѳ. Вельтманъ, 1833 года, перевелъ ее мѣрною прозою съ новымъ чувствомъ красотъ ея. Съ новыми видами объ исторической важности ея писалъ о ней г. Н. А. Полевой (Ист. Р. Н. 1830 и Моск. Тел. 1833). Съ новымъ ура-

зумѣніемъ народо-поэтическаго ея свойства писалъ о ней Г. А. Глаголевъ (въ изданныхъ имъ 1834 г. Основаніяхъ Словесности).

Съ другой стороны, съ точки зрѣнія Каченовскаго, г. Профессоръ И. И. Давыдовъ на основаніяхъ филологическихъ сомнѣвается также въ ея подлинной древности и находитъ въ ней сходство съ Исландскими Сагами (Учен. Зап. М. У. 1834); Г. Археографъ П. М. Строевъ называетъ ее проблемой Русской Словесности XII вѣка (Ж. М. Н. П. 1834). Г. И. Бѣликовъ (въ Уч. Зап. М. У. 1834) изложилъ обстоятельно сомнѣнія касательно Пѣсни Игорю; во настаивая, что дошедшая до насъ Пѣснь есть сочиненіе, а можетъ быть и переводъ XVI вѣка, предполагаетъ между прочимъ, что ея источникомъ была недошедшая до насъ древняя прекрасная Пѣснь Игорю.

Но въ Библіотекѣ для чтенія (1834) она названа даже поддѣлкою XVIII вѣка, подобно поэтамъ Оссіановымъ; на сіе мнѣніе и Г. Бѣликову возражалъ Г. С. Руссовъ брошюркою о подлинности Слова о Полку Игоревѣ (С П. Б. 1834).

Можно согласиться, что Пѣснь сія подлежитъ еще подробному и полнѣйшему изслѣдованію, ожидаетъ новой критики; но подлинная древность и высокая красота ея остаются еще не опроверженными и для насъ несомнѣнными по прежнему.

Вотъ краткая исторія Пѣсни Игорю въ Новой Литературѣ. Изъ нея видите, какъ недавно она стала извѣстною, и то въ одномъ только спискѣ, и то уже утраченномъ. Эти обстоятельства, служащія между прочимъ основаніемъ для опроверженія подлинной древности Пѣсни Игорю, суть явленія самыя обыкновенныя.—Она сдѣлалась извѣстною недавно; но за долго ли до нея стали у насъ открываться вообще памятники Древней и даже Средней Словесности нашей, и не гораздо ли позднѣе узнали мы многіе памятники ближайшіе къ нашему времени, писанные въ Великой Россіи, и въ свое время долженствовавшіе по видимому быть въ

большемъ ходу, чѣмъ древняя, свѣтская и къ неважному на Южной Руси событію относящаяся Пѣснь пѣвца безыменнаго.

Мы видѣли уже, что почти въ одно съ нею время и также только въ одномъ спискѣ найдено Поученіе В. Кн. Мономаха, которое, и по именитости Автора и по своему содержанію, долженствовало имѣть гораздо большій ходъ въ монастыряхъ. Мы увидимъ послѣ, что Судебникъ Іоанна III, памятникъ позднѣйшій (1497), Великороссійскій, и притомъ важности государственной, былъ сначала извѣстенъ даже Карамзину только въ сокращенномъ Латинскомъ переводѣ Герберштейновомъ, и въ подлинникѣ сталъ извѣстенъ не прежде 1817 года.

Если такіе и имъ подобные памятники постигала случайность запоздалаго открытія и одинокости списка, то случайность сія для Пѣсни Игорю могла быть даже естественною неизбѣжностію.—Вы знаете уже, что губительное пламя истребило почти всѣ памятники литературные въ первомъ разсадникѣ оныхъ—въ Древней, Кіевской Руси, и что для насъ уцѣлѣли только пересадки и отростки ихъ въ монастыряхъ Великороссійскихъ. Сказанія о безбожныхъ Агарянахъ, о нашествіи Мамаевѣ, о побѣдѣ Донскаго были ближе ко времени и къ сердцу Великороссіянъ; хожденія въ Царедградъ и на Востокъ, сказанія о богатой Индіи, о Царѣ Македонскомъ были занимательнѣе для фантазіи и грамотности монастырской: потому сохранилось столько хожденій или странствій; потому этими сказаніями, этими Александріями наполнены сборники Среднихъ Временъ; они заслонили собою для письменной Поэзіи Древнюю, Кіевскую Русь съ ея битвами, съ ея витязями и богатырями. И только народъ Великой Россіи не забывалъ о ней, зналъ ее по старой памяти, какъ по грамотѣ, разсказывалъ о ней въ Сказкахъ, воспѣвалъ ее въ своихъ Пѣсняхъ. Но это богатство Сказокъ, эти тысячи стиховъ, понынѣ еще не совсѣмъ забытыя народомъ, никто почти не предавалъ тогда письменамъ,—до XVIII вѣка (до Кіевскаго казака Кирила Данилова или Кирши); не хотѣли слушать и даже воспрещали

эту народную, мірскую Поэзію. И уже ли назовемъ ее подложною, новою, потому только что она была не писанная, что языкъ ея тотъ же, какъ и теперь народный языкъ Великороссійскій? Мы не согласились признать Лаврентія сочинителемъ Временника за то только, что сей Суздальскій Инокъ есть самый старшій изъ извѣстныхъ намъ переписчиковъ Временника: не будемъ же и сочиненіе Пѣсни Игорю относить къ XVI вѣку за то, что отъ сего вѣка дошелъ къ намъ единственный списокъ ея, сохраненный въ сборникѣ, какъ рѣдкость, наравнѣ съ Сказаніемъ о Филипатѣ, о свадьбѣ Девгѣевѣ и въсхыщеніи Стратиговнѣ. Одинокость списка Пѣсни Игорю, какъ я сказалъ, гораздо возможнѣе и естественнѣе, чѣмъ отъ случайностей происшедшая одинокость многихъ другихъ памятниковъ. Одинокость эта важна въ томъ отношеніи, что безъ варіантовъ нѣкоторыя поврежденныя мѣста Пѣсни остаются и можетъ быть, останутся не совсѣмъ ясными, и по необходимости допускаютъ иногда нѣкоторый произволъ въ истолкованіи. Но эта поврежденность списка Пѣсни уже ли можетъ быть новымъ достаточнымъ основаніемъ для сомнѣнія въ ея подлинности, новымъ поводомъ къ тому, чтобы полуграмотнаго переписчика оной, за его ошибки, награждать завиднымъ титломъ Сочинителя сей Пѣсни? Сличите ее съ другими старинными Русскими рукописями: многія ли изъ нихъ исправнѣе списка Пѣсни Игорю? Вспомните, въ какомъ искаженномъ видѣ первоначально доставались Антикваріямъ прекрасныя, стройныя произведенія даже высоко-образованнаго классическаго міра Греко-Римскаго! Тогда старинный Русскій списокъ Пѣсни Игорю, въ которомъ для Тимковскаго, вполнѣ знакомаго съ критикою филологическою, только три мѣста оставались неизъясненными, не станете осуждать такъ строго за орѳографическія и не многія другія неисправности переписчика; и въ самой малоизвѣстности ея въ Средніе времена найдете ту выгодную сторону, что этимъ она избавилась покрайней мѣрѣ отъ дальнѣйшаго поврежденія перепискою.

Но была ли она извѣстна дѣйствительно въ Средніе Вѣка нашей Исторіи? Была; и не оспоримымъ доказатель-

ствомъ тому служитъ Сказаніе о побоищѣ В. К. Димитрія Іоановича Донскаго. Сказаніе сіе есть лучшее произведеніе монастырской Поэзіи нашихъ Среднихъ Временъ (XVI или даже XV вѣка), и вмѣстѣ съ тѣмъ оно есть явное подражаніе Пѣсни Игорю; это уже признано почти всѣми, и въ свое время я вамъ сличу ихъ.

По свидѣтельству Калайдовича [1]) и Карамзина [2]), въ припискѣ Игумена (Пантелеймонова Псковскаго Монастыря). Зосимы къ пергаментному Апостолу 1307 г., есть мѣсто, гдѣ война Михаила и Юрія за Княженіе Новгородское описывается словами Пѣсни Игорю о бѣдствіи Русской земли при Князѣ Олегѣ.

Въ Пѣсни Игорю говорится такъ: «Тогда при Олзѣ Гориславичѣ сѣяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Даждь-Божа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомъ скратишась.»

Въ Апостолѣ почти также: «При сихъ Князехъ сѣяшется и ростяше усобицами; гыняше жизнь наша въ Князехъ, которы и вѣци скоротишася человѣкомъ.» Указаніе сіе по неимѣнію еще большаго, можемъ, кажется, принять какъ достаточный признакъ, что въ самомъ началѣ XIV вѣка Пѣснь Игорю попадалась въ руки Духовнымъ лицамъ,—какъ постороннее свидѣтельство о ея древности.

Но лучшее доказательство ея древности есть сама она, какъ живое и вѣрное выраженіе воспѣтаго въ ней событія и своего времени.

Чтобы яснѣе представить и понять изложеніе сего событія въ Пѣсни, я припомяну вамъ нѣсколько предшедшихъ ему историческихъ обстоятельствъ. Вы знаете, какъ много терпѣла земля Русская во второй половинѣ XII вѣка отъ междоусобій Удѣльныхъ Князей своихъ, отъ набѣговъ на нее

---

[1]) Тр. Общ. Ч. XI, стр. 18-

[2]) И. Г. Рос. Т. IV, Прим. 227. (.... которыи вѣци сократишася человѣкомъ).

Половцевъ [1]) или Комановъ, и отъ непрестанныхъ съ ними дракъ, кои въ честь и славу себѣ поставляли Русичи или Русины. Эти междоусобія Князей и битвы съ Половцами суть два дѣйствія кровавой Драмы, которой сценою была тогда Южная Русь. Тогда между Князьями Южно-Русскими первенствовалъ Кіевскій Князь Святославъ III Всеволодовичъ изъ рода Олегова. По старшинству сего Князя величали его именемъ отца, которымъ и самъ онъ называлъ себя.

Въ 1184 г. Святославъ, съ нѣсколькими другими Князьями и союзными дружинами, ходилъ на Половцевъ и нанесъ имъ сильное пораженіе на р. Орели, гдѣ со множествомъ плѣнныхъ Половецкихъ Князей былъ полоненъ и знаменитый Ханъ Кобякъ. Въ сей Орельской битвѣ особенно отличился Владиміръ Глѣбовичъ, пылавшій наибольшею местію къ Половцамъ за найбольшее разореніе ими Переяславской Области. Внучатный братъ Святослава Кіевскаго Новгородсѣверскій Князь Игорь (сынъ Черниговскаго Князя Святослава II Олеговича, умершаго 1166 года) былъ приглашенъ къ сему походу поздно,—можетъ быть, и по умыслу Князя Владиміра (изъ рода Мономахова), въ слѣдствіе недавней ихъ ссоры за его передовой выступъ противъ Половцевъ (въ 1183 году).

«Не дай Богъ отрекаться отъ похода на поганыхъ» воскликнулъ Игорь посланцу Святославову. Но дружина Игоря говорила ему, что Святославъ ушелъ давно, что его не догонишь; а птицею, Князь, перелетѣть не можно! Къ тому же была тогда великая гололедица [2]). Такимъ образомъ Игорь вопреки своему порыву, не участвовалъ въ семъ пораженіи

---

[1]) У насъ обыкновенно произносятъ *Пóловцы;* другіе говорятъ *Полóвцы* но Редакторъ Журнала М. Н. Пр. въ такъ названной Исторіографомъ нашимъ *Латухинской* Степенной Книгѣ видѣлъ это слово вездѣ съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ: *Половцы́*: въ слѣдствіе такого письменнаго доказательства и по свойству Южно-Русскаго словопроизношенія, должно принять послѣднее произношеніе—*Половцы*. Это имя Русское, то же что *ловцы*, происходящее отъ употребительнаго донынѣ въ Малороссіи слова *полóвъ*, однозначащаго съ словомъ *ловъ* (на прим.: половъ рыбы)

[2]) Въ Лѣтоп. *великій серенъ*—слово употребительное и понынѣ въ Малороссіи, вмѣсто коего говорятъ и *ожеледица*.

Половцевъ, и сбирался итти на нихъ самъ съ Князьями Сѣверскими. «Мы развѣ не Князья?»—говорили они—«Мы также добудемъ себѣ хвалы!» Между тѣмъ Святославъ одержалъ новую побѣду надъ Половцами (1 Марта, 1185 г.) близъ р. Хорола, обративъ въ бѣгство свирѣпаго Хана Кончака. Слава сей Хорольской побѣды рѣшила Игоря; захотѣлъ онъ испить шеломомъ Дону, подобно Мономаху и предпринялъ походъ на Половцевъ. Въ походъ сей онъ отправился съ тремя Сѣверскими Князьями: роднымъ братомъ своимъ храбрымъ Всеволодомъ, Княземъ Курскимъ, съ сыномъ своимъ Владиміромъ, Княземъ Путивальскимъ, и роднымъ племянникомъ своимъ Святославомъ Олеговичемъ, Княземъ Рыльскимъ; сверхъ того у Черниговскаго Князя Ярослава Всеволодовича онъ испросилъ себѣ подмогу, состоявшую изъ служившихъ ему Ковуевъ. Жену свою Евфросинію Ярославну, дочь Галицкаго Князя, оставилъ въ Путивлѣ. Сей-то героическій по началу, не удачный по концу своему походъ на Половцевъ и составляетъ предметъ Пѣсни Игорю.

Лѣтописи, особенно Кіевская, сохранили многія подробности, относящіяся къ сему походу, на пр. описаніе полнаго солнечнаго затмѣнія, бывшаго въ томъ году 1 Мая; подробности выступленія въ походъ, побѣды Игоря надъ Половцами;—увлеченіе Сѣверскихъ Князей итти къ Лукоморью, гдѣ не ходили еще и дѣды ихъ; пораженіе и плѣнъ ихъ; новое нападеніе Половцевъ на Русь, подъ предводительствомъ Гзака и Кончака, особенно на Римъ (Роменъ) и Путивль; воззваніе Святослава и Владиміра Глѣбовича къ разнымъ Князьямъ о помощи; бѣгство Игоря и его возвращеніе, а впослѣдствіи возвращеніе и его сына Владиміра, женившагося въ плѣну на дочери Кончаковой.

Пѣснь Игорю, какъ Поэма, а не лѣтопись и не Исторія, чужда многихъ подробностей; однако она полна исторической истины, представленной ею въ краткихъ, живыхъ, яркихъ картинахъ. Пройдемъ теперь бѣгло всю ее, чтобъ видѣть ея ходъ и содержаніе; а для удобства въ обозрѣніи оной и указаніяхъ на разныя въ ней мѣста, условимся раздѣлить ее на XIV Главъ.

1. Не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе, воспѣть Игоря, который исполнившись ратнаго духа, навелъ свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую! Пѣвецъ хочетъ воспѣть свою пѣснь по былинамъ своего времени начавъ отъ стараго Владиміра до нынѣшняго Игоря. Онъ вспоминаетъ о прежнихъ пѣсняхъ Князьямъ, и о томъ, какъ пѣвалъ вѣщій Боянъ, пѣснотворецъ, соловей стараго времени.

2. Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце: и видитъ полное затмѣніе; но ему лучше быть изрублену, нежели полонену,—и онъ зоветъ свою дружину посмотрѣть и отвѣдать синяго Дона, дружину достойную пѣсенъ Бояновыхъ. Все готово. Игорь ждетъ милаго брата буй-тура Всеволода. Всеволодъ готовъ давно; Курская дружина его храбра, взрощена войною, жаждетъ войны, ища себѣ чести, а Князю славы.

3. Тогда вступи Игорь Князь въ златъ стременъ: солнце своимъ затмѣніемъ заступаетъ еще путь ему; но онъ ведетъ свое воинство къ Дону. Къ Дону бѣгутъ и Половцы. Игорю недобрыя примѣты въ пути; но земля Русская осталась уже позади; Русскія дружины уже приготовились къ бою, ища себѣ чести, а Князю славы.

4. Съ заранія въ пятокъ (Пятницу) потопташа поганыя пълки Половецкыя. Русскимъ досталась богатая добыча. Дремлетъ Олегово войско. Ханы Гзакъ и Кончакъ бѣгутъ къ Дону на помощь.

5. Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ. Отъ моря и отовсюду идутъ черныя тучи Половцевъ закрыть собою 4 Русскія солнца: быть великой грозѣ на Каялѣ-рѣкѣ! И наачалась страшная битва. Всеволодъ свирѣпъ, безстрашенъ и силенъ въ бою; онъ забылъ все—и жизнь, и почесть, и свою милую Глѣбовну. . .

6. Были вѣчи (вѣка) Трояни, минула лѣта Ярославля: Пѣвецъ вспоминаетъ славу полковъ Олега

Святославича, ковавшаго мечемъ крамолу на бѣду землѣ Русской; вспоминаетъ про смерть Бориса Вячеславича, про Святополка, который съ Каялы-рѣки повезъ въ Кіевъ трупъ своего тестя (Тугоркана).

7. Съ заранія до вечера, съ вечера до свѣта идетъ сильная битва. Бились день, бились другой, на третій день пали знамена Игоря; разлучились братья на берегу быстрой Каялы; легла дружина Русская за свою землю.

8. Уже бо, братіе, невеселая година въстала: возстала обида, и губительною дѣвою пошла по землѣ Русской. Князья враждуютъ и междоусобствуютъ за ничто; а поганые Половцы сбираютъ побѣдныя дани; Карна и Жля разносятъ пламя по землѣ Русской; всплакались жены Русскія; возстоналъ Кіевъ въ печали и Черниговъ въ напасти; Игорь и Всеволодъ разбудили бѣду, которую усыпилъ было грозный Святославъ Кіевскій недавнею побѣдою надъ Кобякомъ: чужеземцы (въ Кіевѣ) поютъ славу Святослава, осуждаютъ Игоря; который потопилъ Русское злато въ рѣкѣ Половецкой, и изъ золотаго (Княжескаго) сѣдла пересѣлъ въ сѣдло плѣнника.

9. А Святославъ мутенъ сонъ видѣ. Бояре толкуютъ ему недобрый сонъ его; говорятъ ему о плѣнѣ Сѣверскихъ Князей и торжествѣ Половцевъ. Святославъ въ печали о неудачной отвагѣ своихъ сыновцевъ; онъ скорбитъ о своемъ безсиліи; храбра Черниговская дружина брата его Ярослава; но Князья ему уже не въ пособіе!

Римъ (Роменъ) разоряютъ Половцы; но ему не защита лежащій подъ ранами Владиміръ Глѣбовичъ.

10. Великый Княже Всеволоде! и вы, Романъ и Мстиславъ, и вы шестокрыльцы—Ингварь, Всеволодъ (и Мстиславъ). . . вступитесь за обиду сего времени, за Русскую землю, за раны Игоревы!

Пѣвецъ взываетъ къ нимъ, величаетъ ихъ: ибо—говоритъ—Сула уже не течетъ серебрянными струями по городу

Переяслову, и Двина течетъ болотомъ къ грознымъ Полочанамъ подъ кликами поганыхъ. . . . (Къ Полочанамъ склонилась и дума Пѣвца).

11. Единъ же Изяславъ сынъ Васильковъ позвони своими острыми мечи о шеломы Литовскыя: свѣжа въ памяти смерть сего Полотскаго Князя (1183); позоръ вамъ, Ярославъ и всѣ внуки Всеславовы, начавшіе своими крамолами наводить поганыхъ на землю Русскую, на жизнь (славу) дѣда своего Всеслава Полоцкаго! Про его подвиги и судьбу поется цѣлая Пѣсня (На седьмомъ вѣци Трояни връже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу. . . . .); ему-то вѣщій Боянъ изрекъ припѣвку: «ни хытру, ни горазду, ни птицею горазду, суда Божія не минути!» [1]) Говорилъ Боянъ и про Святослава: тяжко тебѣ голова безъ плечь, лихо тебѣ тѣло безъ головы: такъ Русской землѣ безъ Игоря!

О, стонать Русской землѣ, поминая первыя времена и первыхъ Князей своихъ! Нѣтъ стараго Владиміря на высотахъ Кіевскихъ; знамена его раздѣлились. . . .

---

1) Мѣсто сіе (*Рекъ Боянъ и ходы. . . .*) въ подлинникѣ составляетъ начало послѣдней Главы, стоитъ передъ возвратомъ Игоря въ Русскую землю. Первыя слова всей фразы дѣйствительно не ясны отъ неправильной перестановки словъ, и подверглись разнообразнымъ догадкамъ: прибавлю къ нимъ еще новое предположеніе. Мнѣ кажется, что фраза сія не только повреждена въ перестановкѣ первыхъ словъ, но и вся она вѣроятно переставлена туда съ другаго мѣста, и пріурочена тамъ, хотя не безъ мысли (для усиленія радости отъ возвращенія Игоря, посредствомъ контраста), однако видимо рознитъ съ тономъ, какимъ воспѣто бѣгство и потомъ возвращеніе Игоря. Мнѣ кажется, что въ 11-й Главѣ, посвященной воспоминанію о прежнихъ Князьяхъ, послѣ словъ Бояновыхъ о Всеславѣ, сія фраза —съ словами Бояна о Святославѣ (удалившемся на Дунай) и примѣненіемъ оныхъ къ отсутствію Игоря изъ Русской земли—имѣетъ настоящую значительность, гармонируетъ съ цѣлою Главою и въ смыслѣ и въ тонѣ самаго выраженія, и связуетъ лучше послѣдующія слова о Русской землѣ и старомъ Владимірѣ (въ концѣ коихъ также встрѣчается нѣкоторая темнота) съ Пѣснію о Всеславѣ.—Предлагаю догадку мою будущимъ Критикамъ и издателямъ Пѣсни Игорю, утверждая впрочемъ, что это единственное мѣсто въ ней, могущее возбудить подобное сомнѣніе.

12. Ярославнынъ гласъ слышится: она плачетъ въ Путивлѣ по своемъ миломъ Игорѣ; хочетъ летѣть къ нему птицею; взываетъ о немъ къ летучему вѣтру; молитъ за него и славный Днѣпръ, и свѣтлое солнце. . . . . И вотъ:

13. Прысну море полунощи; Князю Игорю Богъ кажетъ путь изъ земли Половецкой на землю Русскую. Овлуръ (или Лаверъ, крещеный Половецъ) помогаетъ его бѣгству; Игорь бѣжитъ уже къ лугу Донца. Донецъ журчитъ ему привѣтствіе; Князь величаетъ его: Донецъ лучше Стугны и Днѣпра, погубившихъ юношу Князя Ростислава (1093), на горе его матери.

По слѣдамъ Игоря идетъ Гзакъ съ Кончакомъ; они говорятъ, что сдѣлать съ плѣннымъ его сыномъ. Гзакъ хочетъ разстрѣлять соколенка; Кончакъ думаетъ опутать его красною дѣвицей (своею дочерью).

14. Солнце свѣтится на небесѣ; Игорь Князь въ Русской земли; онъ ѣдетъ уже по Боричеву къ Святой Богородицѣ; повсюду веселье и пѣсни: да здравствуютъ Князья и дружина, поборая за Христіанъ на поганые полки; слава Князьямъ и дружинѣ!

Вотъ содержаніе и ходъ Пѣсни Игорю, кои можно представить въ слѣдующемъ кратчайшемъ очеркѣ.

Гл. 1. Приступъ къ Пѣсни или запѣвъ.
— 2. Сборъ Игоря и Всеволода къ походу.
— 3. Выступленіе въ походъ.
— 4. Побѣда надъ Половцами.
— 5. Начало новой битвы на рѣкѣ Каялѣ.
— 6. Воспоминаніе объ Олегѣ, Борисѣ и Святополкѣ.
— 7. Пораженіе Русскихъ на Каялѣ.
— 8. Новое бѣдствіе Руси отъ Половцевъ.
— 9. Сновидѣніе и печаль Святослава Ш.
— 10. Воззванія къ Князьямъ о помощи.
— 11. Воспоминаніе о Полотскихъ Князьяхъ и о первыхъ Князьяхъ Русскихъ.

— 12. Плачь Ярославны объ Игорѣ.
— 13. Бѣгство Игоря изъ плѣна.
— 14. Возвращеніе Игоря въ Русскую землю.

Таковъ планъ Пѣсни Игорю. Изъ него видно, что, если исключить 6 и 11 Главы, кои суть отступленія, посвященные воспоминанію о минувшемъ, то вся Пѣснь представитъ непрерывный рядъ живыхъ картинъ, въ которыхъ вездѣ является Игорь, или самъ какъ дѣйствующее лице, или какъ предметъ и причина дѣйствія; что вся Пѣснь есть повѣствованіе не только поэтически-правильное и стройное, но и исторически вѣрное; самъ пѣвецъ хотѣлъ свою Пѣснь или Повѣсть воспѣть по былинамъ своего времени, и она полна исторической истины, и для самой Исторіи Русской составляетъ вспомогательный источникъ, изъ коего узнаетъ она, напримѣръ, какъ высоко было народное мнѣніе о Всеславѣ Полоцкомъ, что составляло самолюбіе Князей современныхъ Игорю (Г. 10); узнаетъ даже нѣкоторыя новыя для себя подробности, напримѣръ, мѣсто пораженія Тугоркана, имена Черниговскихъ дружинъ, имя Литовскаго племени Деремеловъ.

Такимъ образомъ сія Пѣснь о Полку Игоревѣ вполнѣ заслуживаетъ имя Исторической, и есть первородный, изящный образецъ собственно-Русской, настоящей Исторической Поэмы.—Въ самомъ текстѣ она называется и Пѣснію и Повѣстью; и если бы можно было употребить составное изъ нихъ слово Пѣсноповѣсть, то это было бы самое близкое и отличительное названіе сего рода поэмы Русской, по ея лирико-эпическому характеру.

Новыми явленіями и такъ сказать продолженіемъ сего рода поэзіи были потомъ Южно-Русскія или Украинскія пѣсни и думы былевыя (историческія), по моему замѣчанію [1]), ближайшія и однороднѣйшія съ пѣснію о Полку Игоревѣ.

---

1) Въ моемъ изданіи: *Украинскія народныя пѣсни*, Ч. I, Москва 1834, стр. 68;—и въ моей статьѣ о Вельтмановомъ переводѣ пѣсни Игорю. *См. Молву* 1833, № 23 и 24.

Собственно историческій элементъ ея (какъ элементъ прошедшаго, какъ внѣшняя сторона дѣйствительной жизни) еще особеннѣе и такъ сказать исключительнѣе развился въ народной поэзіи Великорусской, которая— какъ покажу вамъ въ послѣдствіи—имѣетъ во всемъ характеръ по преимуществу былевой, повѣствовательный.

Мы увидимъ также, что въ новѣйшее время Русская поэзія, при переходѣ своемъ къ самобытности, явилась Исторической поэмою, въ поэмѣ Пушкина Полтава [1].

Такимъ образомъ о пѣсни Игорю, какъ самообразномъ явленіи поэзіи должно судить болѣе по ней самой, нежели по какимъ-либо частнымъ правиламъ критики, составленной по иноземнымъ образцовымъ сочиненіямъ. Критика ея должна состояться изъ разсмотрѣнія ея самой, какъ выраженія тогдашней жизни, въ совокупности съ другими памятниками Древней нашей Словесности и народною поэзіей нашей и другихъ Славянъ, и въ сообразности только съ общими требованіями вкуса, только съ общими условіями и законами изящнаго. Лишь тогда критика ея послужитъ къ изъясненію свойствъ ея и своенародной нашей поэзіи, и къ составленію нѣкоторыхъ правилъ своенародной нашей Піитики; подмогою къ сему будутъ служить еще лучшія произведенія нашихъ Поэтовъ, напримѣръ, Державина, Пушкина.

Возвращаясь къ плану нашей Пѣсни, мы находимъ его удовлетворяющимъ даже строгимъ требованіямъ критики; признаемъ ходъ ея естественнымъ и поэтически правильнымъ; называемъ умѣстными самыя отступленія (каковыя въ другихъ поэмахъ составляютъ часто простыя вставки или эпизоды). Отступленія въ ней сообразны съ намѣреніемъ Пѣвца, который именно хотѣлъ вспомнить и о прежнихъ Князьяхъ, начать свою повѣсть отъ стараго Владиміра до нынѣшняго Игоря (Гл. I). Они согласны съ духомъ Исторической поэмы вообще, какъ воспоминанія о минувшемъ,

---

[1]) *О поэмѣ Пушкина Полтава въ историческомъ отношеніи* я писалъ вскорѣ по выходѣ оной. См. Атеней, 1829.

и съ духомъ сей пѣсни въ особенности, какъ воспоминанія о прежней силѣ и первыхъ междоусобіяхъ земли Русской, при видѣ ея настоящихъ бѣдствій отъ крамолъ и междоусобій Княжескихъ и набѣговъ половецкихъ. Эти отступленія отъ главнаго дѣйствія и лица и переходы къ минувшимъ лицамъ и событіямъ сообразны и съ духомъ народной Русской поэзіи, коей такъ свойственна переходчивость въ движеніяхъ поэтической думы и въ тонахъ самаго напѣва.

Особенное первое отступленіе (Гл. 6) не только умѣстно, но даже составляетъ поэтически необходимый, живой членъ цѣлой пѣсни.—Пѣвецъ представилъ разительно начало пагубной битвы на Каялѣ заключивъ свою картину изображеніемъ Всеволода, все забывшаго на битвѣ (Гл. 5). Рѣка Каяла или Калка, уже памятная для Русскихъ при Мономахѣ битвою 1093 года,—роковая для нихъ и послѣ въ 1224 году—унесла думу Пѣвца въ минувшее, къ прежнимъ смертельнымъ событіямъ на Каялѣ и землѣ Русской (Гл. 6). Возвратясь опять къ настоящему (Гл. 7), онъ тѣмъ разительнѣе, очертивъ быстро трехдневный бой, изображаетъ печальную картину гибельнаго конца. Что лучше, что умѣстнѣе этой поэтической поминки могло быть въ продолженіе трехдневной кровавой сцены, коея начало уже представлено такъ полно и такъ грозно,—и отъ печальной развязки коей сжимается сердце. Описывать ли было Пѣвцу еще подробности сраженія (какъ въ Полтавской битвѣ Пушкина), или же онъ долженъ былъ просто безмолвствовать?...

II.

Пѣснь Игорю, относительно ея духа.

Въ предыдущемъ чтеніи о пѣсни Игорю, изложивъ содержаніе и планъ ея, мы опредѣлили себѣ точку зрѣнія на нее и степень ея важности для Исторіи нашей Словесности. Мы сказали, что сія историческая пѣснь есть поэтическое вы-

раженіе современной ей жизни Русскаго Юга, есть плодъ древней поэзіи нашей, и вмѣстѣ съ тѣмъ первообразъ для послѣдующей нашей своенародной поэзіи, особенно Южно-Русской.

Потому въ изслѣдованіи сей пѣсни должно замѣчать все, что отозвалось въ ней отъ прошедшаго, всякую черту ея, повторяющуюся въ другихъ древнихъ памятникахъ нашей Словесности;—съ другой стороны необходимо въ ней обратить вниманіе на все, что есть общаго въ ней съ поэзіей Украинской и Велико-Русской, на всѣ такъ сказать отголоски ея въ оныхъ. Чрезъ такое соображеніе можно уразумѣть красоты сей пѣсни, и подать нѣсколько свѣта къ опредѣленію свойствъ и раскрытія нашей народности въ поэзіи.

Имѣя это въ виду, разсмотримъ нѣсколько Игореву пѣснь относительно ея духа; потомъ станемъ говорить объ ней относительно формы ея, т. е. объ образѣ выраженія и языкѣ.

Наблюдая Игореву пѣснь относительно духа, находимъ, что отличительный характеръ онаго состоитъ въ соединеніи двухъ главнѣйшихъ началъ: любви къ землѣ Русской и ея славѣ, и вѣры въ жизнь природы и глубокаго съ нею сочувствія. Два начала сіи суть основанія и господствующія въ духѣ поэзіи пѣвца Игоря: изъ нихъ уже проистекаютъ, или ими проникнуты, или подъ ихъ господствомъ раскрываются другіе виды любви и вѣры, другія чувства и понятія. Потому и обозрѣніе оныхъ мы приведемъ къ этимъ двумъ знаменательнымъ началамъ, изъ коихъ первое имѣло преимущественное вліяніе на содержаніе и тонъ пѣсни, а второе на образъ выраженія и краски ея

а) Духъ любви.

Любовь къ Русской землѣ и ея славѣ есть первое, главнѣйшее начало въ пѣсни Игорю. Изъ сего то родника, изъ сей общественной, родинной любви проистекаютъ: во-первыхъ разлитый по всей пѣсни ратный духъ, соединенный съ мстительнымъ чувствомъ обиды къ поганымъ Половцамъ; во-вто-

рыхъ, любовь къ минувшему, воспоминанія о прежнихъ Князьяхъ Русской славы и силы; въ третьихъ, духъ скорби и гнѣва на междоусобія и крамолы Удѣльныхъ Князей, столь бѣдственныя для Русской земли и недостойныя прежней славы ея; въ четвертыхъ, грустный тонъ цѣлой пѣсни, который отзывается и въ двухъ послѣднихъ главахъ ея, гдѣ онъ (по освобожденіи Игоря) вообще перемѣняется на радостное движеніе.— Сею главною, родинною любовью усилена личная любовь пѣвца къ Героямъ его пѣсни; съ нею соединена и любовь его къ пѣснопѣнію вообще, и вѣра его въ природу; выраженіемъ оной служитъ у него и пѣсня дѣвъ; ею проникнута у него и любовь женская.

За землю Русскую и ея славу: вотъ главная мысль, основная пружина дѣйствія, непрестанно повторяющееся слово въ его пѣсни. Такимъ образомъ: Игорь исполнился ратнаго духа и навелъ храбрые полки свои на землю половецкую за землю Русскую (Гл. 1); Русичи полегоша за землю Русскую (Гл. 7); злато Русское потопилъ Игорь въ половецкой рѣкѣ (Гл. 8): Русскимъ златомъ звенятъ (въ Крыму Готскія дѣвы Гл. 9); по Русской землѣ простерлись опять Половцы съ побѣдами и пламенемъ (8. 9); вступиться за эту обиду Пѣвецъ зоветъ Князей, вступиться за землю Русскую и раны Игоревы. (Гл. 10, повторяя это трижды); на землю Русскую навели поганыхъ своими крамолами Князья Полоцкіе (Гл. 12)—О, стонать Русской землѣ, вспоминая прежнее время и первыхъ Князей своихъ (Гл. 12).

«О Русская земля! ты уже за горою!» (за шеломянемъ еси!) два раза (Гл. 3 и 5) восклицаетъ Пѣвецъ, когда Русскіе перешли за предѣлы ея, на незнаемое (пустынное) поле земли Половецкой.—Чрезвычайно сильное раскрытіе сей родинной любви въ тоскѣ на чужбинѣ по своей Южно-Русской землѣ, мы увидимъ въ Украинскихъ Пѣсняхъ; а теперь посмотримъ на выраженія ратнаго духа въ Пѣсни Игорю, которымъ особенно обнаружились въ ней эта основная любовь къ Русской землѣ и славѣ.

а) *Ратный духъ.*

Ратный духъ воспитался въ Русскихъ издавна, особенно набѣгами Азіатцевъ, непрестанными съ ними битвами и схватками оборонными, наступательными и союзными—и обратился въ потребность, въ славу и честь,—и уже Лѣтописцы гововорили: «брань славна луче есть мира студна!» Изображеніями сего ратнаго духа въ разнообразныхъ его явленіяхъ, картинами битвы и смерти, особенно богатъ и могучъ Пѣвецъ Игоря; и его Пѣснь по сему отношенію не даромъ названа героическою; но сообразнѣе съ временемъ ея она лучше можетъ быть названа рыцарскою. И если сравнить ее съ Рыцарскою Поэзіей того романтическаго времени вообще, то съ самодовольствіемъ народнымъ мы увидимъ, что первенство безспорно принадлежитъ нашей Поэзіи!

Разсмотримъ же нѣсколько мѣстъ нашей Пѣсни, чтобы видѣть, какъ въ ней выражается сей боевой духъ и другіе предметы. Мѣста сіи я стану предлагать частію подлинными словами Пѣвца, частію въ переводѣ.

Послушайте во-первыхъ главнаго Героя Пѣсни, Князя Игоря, мужающагося на Половцевъ за землю Русскую (Гл. 2).

«Наполнився ратнаго духа . . . рече Игорь къ дружинѣ своей: братіе и дружино! Луцежъ бы потяту быти, нежеле полонену быти!» Лучше быть изрублену, нежели быть полонену!

При этомъ вы конечно вспоминаете рѣчь Святослава предъ битвою съ Греками, и въ изреченіи Игоря видите мужество, завѣщанное прежнимъ Русскимъ Княземъ-воителемъ. Игорь продолжаетъ:

«А всядемъ, братіе, на свои бръзыи комони [1]), да по-

---

1) Т. е. борзые кони. *Комонъ* есть старинное Славянское слово постоянно употребляемое въ Пѣсни Игорю, оставшееся понынѣ въ одной свадебной старинной Русской Пѣсни (записанной въ Осташковскомъ Уѣздѣ И. В. Кирѣевскимъ):

Дворъ комоней изъуставлено,
Сѣни плетей изъувѣшано.

зримъ синего Дону! . . . . Хощу бо, рече, копіе приломити конецъ поля Половецкаго, съ вами Русичи; хощу главу свою приложити; а любо испити шеломомъ Дону!»

Вотъ жажда, наслѣдованная Игоремъ отъ славнаго Мономаха, который пилъ Донъ золотымъ шеломомъ, по любимому выраженію того времени: вотъ истинно рыцарскій обѣтъ Русскаго Князя! и какъ не любить его Пѣвцу, исполненному любви къ землѣ Русской и ея славѣ? . .

Другой Герой Пѣсни Князь Всеволодъ, храбръ и силенъ, какъ туръ (или зубръ, красивый, дикій звѣрь, весьма уважавшійся Славянами): потому и прозывается онъ въ пѣсни буйтуромъ или ярътуромъ. Всеволодъ всегда готовъ къ битвѣ и въ ней все забываетъ; но ему не чужда и нѣжность души: онъ исполненъ любви братской:

«Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты, Игорю! Оба есвѣ Святславлича!» говоритъ онъ.—«Сѣдлай, брате, свои бръзыи комони, а мои ти готови, осѣдланы у Курьска напереди. . . .» (Гл. 2).

Всеволодъ, и по словамъ Кіевской лѣтописи, «бѣ въ Ольговичехъ всѣхъ удалѣе рожаемь и възрастомъ и всею добродѣтелію и мужественною доблестію, и любовь имѣяше къ всѣмъ.»

Посмотрите же, каковъ онъ въ битвѣ: ярътуръ Всеволодъ, стоишь набрани, прыщешь стрѣлами на воиновъ (Половецкихъ), гремишь объ шлемы ихъмечами булатными. Гдѣ только, туръ, промчишься ты, золотымъ своимъ шлемомъ посвѣчивая: тамъ лежатъ поганыя Половецкія головы, исщепаны Аварскіе шлемы каленымы саблями отъ тебя, яръ-туръ Всеволодъ! . . . Какія раны, братья, дороги забывшему почесть и жизнь, и Городъ Черниговъ, и отцевскій золотой престолъ, и своей милой жены красной Глѣбовны привѣтъ и обычай?

«Яръ-Туре Всеволоде! стоиши на борони, прыщеши на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харалужными. Камо, Туръ, поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая: тамо лежатъ поганыя головы Половецкыя: поскепаны саблими каленымы шеломы Оварьскыя, отъ тебе яръ-Туре Всеволоде? . . . Кая раны дорога, братіе, забывъ чти и живота, и града Чрънигова, отня злата стола, и своя милыя хоти красныя Глѣбовны свычая и обычая! . . .» (Гл. 5).

Таковы наши искатели славы (Гл. 9.), Князья Сѣверскіе, у коихъ, по выраженію Святослава, храбрыя сердца изъ крѣпкаго булата скованы и закалены въ мужествѣ («въ жестоцемъ харалузѣ скована, а въ буести закалена»), которые рано начали Половецкую землю мечами опустошать [1]), а себѣ славы искать. . . . говоря: мужаемся сами! одни похитимъ славу грядущую, одни подѣлимся славой прошедшею! («мужаимъся сами! преднюю славу сами похытимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ!»)

Приведу теперь вамъ изображеніе Курской дружины Всеволода (Гл. 2).

Куряне мои (говоритъ онъ Игорю) народъ знающій: подъ трубами повиты, подъ шлемами взлелѣяны, концемъ копья вскормлены; дороги имъ извѣстны, овраги имъ знакомы; луки у нихъ натянуты, колчаны открыты, сабли изострены; какъ сѣрые волки скачутъ они въ полѣ, ища себѣ чести, а Князю славы!

«А мои ти Куряни свѣдоми къмети: подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяни, конецъ копія вскръмлени;

---

1) «Мечи цвѣлити» —отъ слова *цвѣль*, по нынѣ оставшагося въ Южно-Русскомъ языкѣ и означающаго *плѣсень*; а не отъ Сербскаго слова *цвилити*, которому въ Южно-Русскомъ языкѣ соотвѣтствуетъ слово *квилити*—выть (оттуда и *филинъ*, т. е квилинъ, по Украински пугачъ;—*кв* во многихъ словахъ употребляется вм *ф*, напр *квасоля* говорятъ Украинцы, вмѣсто фасоль, а Великороссіяне говорятъ *фатера* вмѣсто квартира).

пути имъ вѣдоми, яруги имъ знаемы; луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени; сами скачють аки сѣрыи влъци въ полѣ, ищучи себѣ чти, а Князю славы.»

Послѣднее выраженіе повторяется и передъ битвою съ Половцами (въ концѣ 13 Главы): «Русичи великая поля чрьлеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а Князю славы.»

Вотъ еще примѣръ Русской удалости, воззваніе къ Всеволоду Юрьевичу, Великому Князю Владимірскому и Суздальскому, старшему тогда между Сѣверпо-Русскими Князьями (Гл. 10):

«Великый Княже Всеволоде! не мыслію ти прелетѣти издалеча, отня злата стола поблюсти. Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти. Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ. Ты бо можеши по суху живыми шереширы стрѣляти—удалыми сыны Глѣбовы.

Не мыслью тебѣ перелетѣть издалеча, отцевскаго золотаго престола поберечь: ибо ты можешь Волгу разбрызгать веслами, Донъ вычерпать шлемами! Еслибъ ты здѣсь былъ, была бы здѣсь плѣнница по ногатѣ, а плѣнникъ по резанѣ (т. е. по мелкой монетѣ, тогда употреблявшейся, какъ теперь говорится: ни по чемъ!). Ты можешь и на сушѣ стрѣлять живыми самострѣлами—удалыми сынами Глѣба (т. е. пятью сыновьями Рязанскаго Князя Глѣба Ростиславича, признавшими своимъ Главою Всеволода).

Наконецъ вотъ еще Пѣснь Великому Кіевскому Князю Святославу, побѣдителю Хана Кобяка (Гл. 8):

Онъ былъ грозою; погромилъ мечами булатными, и своими сильными полками наступилъ на землю Половецкую, притопталъ холмы и овраги, возмутилъ рѣки и озера, изсушилъ потоки

и болота; а поганаго Кобяка изъ Лукоморья, отъ желѣзныхъ великихъ полковъ Половецкихъ, какъ вихрь исторгнулъ онъ: и палъ Кобякъ въ городѣ Кіевѣ, во дворцѣ Святославовомъ!

«Грозою бяшеть; притрепеталъ своими сильными плъкы и харалужными мечи, наступи на землю Половецкую, притопта хлѣмы и яругы, возмути рѣкы и озеры, изсуши потокы и болота; а поганаго Кобяка изъ Луку-моря отъ желѣзныхъ великыхъ плъковъ Половецкихъ яко вихрь выторже: и падеся Кобякъ въ градѣ Кіевѣ въ гридницѣ Святъславли.»

б) Любовь къ минувшему и скорбь о настоящемъ.

Изъ любви Пѣвца къ землѣ Русской и ея славѣ, какъ сказалъ я, проистекаютъ: любовь его къ минувшему, духъ гнѣва на междоусобія Князей, духъ скорби о настоящей бѣдѣ земли Русской и ея обидѣ отъ ненавистныхъ Половцевъ. У Пѣвца не сходитъ съ сердца эта бѣда, эта обида его времени; онъ не можетъ забыть славы былаго времени, или, лучше, сказать, только въ ней забывается. Потому онъ такъ часто вдается въ воспоминанія о прежнихъ Князьяхъ, потому такъ часто въ его Пѣсни раздается звонъ дѣдовской славы, такъ часто объ ней напоминаетъ своимъ Князьямъ, указываетъ имъ на золотой отцевскій престолъ, скорбитъ объ ихъ междоусобіяхъ, негодуетъ на нихъ за то, что они стали ковать крамолу и чрезъ то попустили Половцамъ разорять Русскую землю: поганымъ ли на обиду должна была достаться слава и сила ея? . . .

«Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо. Далече залетѣло. . . не былонъ обидѣ порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чрьный воронъ, поганый Половчине! . .» (Гл. 4).

Но у Князей—продолжаетъ Пѣвецъ—пропала вражда на поганыхъ. Говорятъ они другъ другу: то мое и то мое! и стали Князья про малое говорить: это великое; и сами на себя крамолу ковать; а поганые со всѣхъ сторонъ приходить съ побѣдами на землю Русскую (Гл. 8).

Въ 10 Главѣ Пѣвецъ восклицаетъ: Ярославъ и всѣ внуки Всеволодови! опустите знамена свои, вложите свои мечи поврежденные! Вы отпали отъ дѣдовской славы! Вы своими крамолами начали наводить поганыхъ на землю Русскую, на жизнь Всеслава. . . было ли бы какое насиліе отъ земли Половецкой? . . .

О, стонать Русской землѣ, помянувши первую годину и первыхъ Князей! Того стараго Владиміра не льзя было пригвоздить къ горамъ Кіевскимъ! . . .

Вотъ думы и печали Пѣвца Древней Руси, когда она уже упадала и кончала первый періодъ славной жизни своей, когда рыцарская отвага Сѣверскихъ Князей его не удалась, и пали знамена Игоревы. Поэзія, какъ и жизнь, безъ вѣры въ прочность настоящаго, безъ надежды на будущее, обращается къ минувшему, живетъ воспоминаніями. То же самое увидимъ и въ послѣднемъ періодѣ Поэзіи Украинской; подобныя думы о своей славѣ и ее волновали. . .

Теперь замѣтимъ, что Пѣвецъ Игоря въ своихъ обращеніяхъ къ минувшему времени, ведетъ лѣтосчисленіе свое отъ вѣка Трояновъ. Вы помните начало 6 Главы: Были вѣка Трояновы, минули лѣта Ярославовы! Пѣснь Всеславу Полоцкому начинается также на седьмомъ вѣкѣ Трояновымъ (хотя седьмое число здѣсь ошибка преданія или списка).

Боянъ, воспѣвавшій Всеслава, Олега, Святослава, по словамъ Пѣвца Игоря: рискалъ по тропу Трояню, т. е. по дорогѣ Трояновой, упоминаемой и въ народной пѣснѣ вѣка Екатерины, и слѣды коей (via Trojani) остались понынѣ.—Наконецъ и земля Русская въ Пѣсни названа землею Трояноною. Такое преданіе о Троянѣ на Руси въ XII вѣкѣ (идущее отъ Дунайскихъ Славянъ, или, можетъ быть, отъ Грековъ, коихъ колоніи были на Днѣпрѣ въ вѣкъ

Трояновъ) показываетъ, какою долгою и громкою славою утвердилъ о себѣ память Императоръ Римскій, именемъ коего называли у насъ даже Князя Владиміра.

Замѣтимъ еще, что древле-Славянская рѣка Дунай, по нынѣ остающаяся въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ, какъ поэтически-нарицательное имя рѣки вообще, въ Пѣсни Игорю упоминается нѣсколько разъ, иногда въ собственномъ, а иногда въ такомъ же нарицательномъ значеніи (вмѣсто Дона).

в) Битва и смерть.

Въ Пѣсни Игорю находятся нѣсколько картинъ битвы и смерти весьма поразительныхъ и совершенно народныхъ.

Поле жатвы обратилось въ поле брани: вотъ, кажется, задушевная мысль Южно-Русскаго Пѣвца, съ которою онъ представляетъ битву на родимой землѣ своей: ибо онъ изображаетъ ее красками земледѣльческаго быта—пашнею, посѣвомъ, молотьбою. Не отзывается ли здѣсь духъ древняго земледѣльца, потомъ увлеченнаго на войну и въ ней возмужавшаго?...

Тогда при Олегѣ Гориславичѣ (земля Русская) засѣвалась и росла междоусобіями; погибала жизнь Даждъбогова внука. Тогда рѣдко по Русской землѣ восклицали ратаи; но часто каркали вороны, дѣля между собою трупы, и галки перекликались своимъ говоромъ, сбираясь летѣть на покормку.

«Тогда при Олзѣ Гориславичѣ сѣяшется и растяшеть усобицами; погибашеть жизнь Даждь-Божа внука. . . тогда по Русской земли рѣтко ратаевѣ кыкахуть: нъ часто врани граахуть, трупія себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уѣдіе» (Гл. 6).

Изображая битву на рѣкѣ Каялѣ, Пѣвецъ говоритъ (Глава 7):

«Чърна земля подъ копыты костьми была посѣяна, а кровію польяна; тугою взыдоша по Русской земли»

Черная пашня подъ копытами была засѣяна костьми, полита кровью; взошла печалью по Русской землѣ.

Вотъ еще третья картина: битва на Неменѣ. (Гл. 10)· «На Немизѣ снопы стелють головами, молотять чепи харалужными, на тоцѣ животъ кладутъ, вѣють душу отъ тѣла.— Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхутъ пѣснями, посѣяни костьми Русскихъ сыновъ.»

На Немѣнѣ не снопы стелютъ—головы, молотятъ цѣпами булатными, на току кладутъ жизнь, вѣютъ душу отъ тѣла. Кровавые берега Немена не добромъ(?) были засѣяны, засѣяны костьми Русскихъ сыновъ...

Подобно Пѣвцу Игоря и теперь поетъ про поле битвы Южный Русинъ:

«Чорна роля заорана	Вспахана черная пашня,
И кулями засѣяна	Засѣяна пулями,
Бѣлымъ тѣломъ зволочена	Взборонена бѣлымъ тѣломъ,
И кровію сполощена	Взмочена кровью.
Лежить воякъ на купинѣ. . .	Лежитъ воинъ на купинѣ...
А ни труны, а ни ямы,	Ни гроба, ни ямы,
А ни вотця, а ни мамы;	Ни отца, ни матери;
А никому задзвонити	Некому позвонить
А нѣкому затужити.	Некому потужить.
Дзвонять кони копытами,	Звонятъ кони копытами,
А вояки острогами	А воины шпорами;
Летить воронъ	Летитъ воронъ
Зъ чужихъ сторонъ,	Съ чужихъ сторонъ.
На могилѣ усѣдае,	Садится на могилѣ,
Очи ему выпивае...» [1])	Выпиваетъ ему очи...

---

1) См. Украинскія народныя Пѣсни. Ч I, Пѣсни Козацкія.

И такъ уподобленіе поля битвы пашнѣ есть черта Южно-Русской Поэзіи, которая также (подобно Поэзіи и другихъ народовъ) оставляетъ трупъ воина обыкновенно въ добычу ворону.

«Ой тамъ Козакъ убытъ лежитъ;
Въ головонькахъ воронъ кряче,
А въ ножинькахъ коникъ плаче.»

или

«Воронъ прилетае, въ вочи заглядае,
Бѣле тѣло объѣдае, кости покидае.»

Что касается до представленія смерти, то въ Пѣсни Игорю находятся также три небольшія, но не менѣе прекрасныя картины оной.

Въ одной изъ нихъ смерть Русскихъ воиновъ въ битвѣ на Каялѣ уподоблена брачному пиру: и это уподобленіе встрѣчается также не только въ Украинской и Велико-Русской но и въ Новогреческой народной Поэзіи.

Въ Пѣсни Игорю (Гл. 7):

«Ту кроваваго вина недоста; ту пиръ докончяша храбрыи Русичи, сваты попоиша, а сами полегоша за землю Русскую.»

Въ Украинской Пѣснѣ. «Ой конь бѣжить, трава шумить»—умирающій Козакъ посылаетъ прощальный поклонъ матери черезъ коня своего и поручаетъ не говорить ей, что онъ убитъ уже:

Ты скажи, коню, що я оженився,
До понявъ себѣ паняночку—
Въ чистомъ поле земляночку.»

Въ одной изъ лучшихъ Велико-Русскихъ Пѣсенъ «Уже́ какъ палъ туманъ на сине море» —Русскій воинъ также говоритъ коню своему:

«Ты скажи моей молодой женѣ,
Что женился я на другой женѣ—

На другой женѣ, мать сырой землѣ:
Что за ней я взялъ поле чистое,
Насъ сосватала сабля острая,
Положила спать калена стрѣла».

То же находите вы и въ Послѣднемъ прощаніи Клефта, любимой Пѣснѣ Байрона (см. Простонарод. Пѣсни нынѣшнихъ Грековъ, перевед. Н. Гнѣдичемъ, 1825):
«Не сказывай другъ, что погибъ я, что умеръ я бѣдный;
Одно имъ скажи, что женился я въ грустной чужбинѣ,
Что стала несчастному черна земля мнѣ женой,
И тещею камень, а братьями остры кремни.»

И такъ это уподобленіе смерти въ битвѣ брачному пиру и усыпленію, и земли невѣстѣ, есть черта свойственная не одной нашей народной Поэзіи, черта весьма поэтическая и многозначительная: воинъ за родину и славу встрѣчаетъ смерть въ бою радостно, какъ брачное веселіе!

Другая картина представляетъ смерть Князя Бориса слѣдующимъ образомъ:

«Бориса же Вячеславича слава на судъ приведе, и на канину зелену паполому постла.» (Гл. 6).

Бориса же Вячеславича слава на судъ привела, и нашелковый зеленый покровъ положила.

Здѣсь смерть называется уже судомъ, также какъ и слова Бояновы: «Суда Божія не минути» значитъ—не миновать смерти.

Наименованіе смерти судомъ, судомъ Божіимъ, встрѣчается и въ другихъ Русскихъ памятникахъ того вѣка. Въ Поученіи Мономахомъ выраженія: «ему судъ пришелъ,—ему судъ отъ Бога пришелъ» также означаютъ смерть; и также понятіе о смерти показываетъ глубокую преданность волѣ Божіей, высказанную народомъ и въ пословицахъ: «все въ мірѣ творится не нашимъ умомъ, а Божьимъ судомъ;—Богъ души не вынетъ, сама душа не выйдетъ.» Тутъ можно вспомнить еще и изреченіе Экклезіастово: «Иди, куда ведетъ сердце твое и куда глядятъ глаза твои, только знай, что Богъ за все сіе приведетъ тебя на судъ!»

И такъ видите, на какой судъ—на смерть, привела слава Князя Бориса.—На какомъ же шелковомъ зеленомъ покровѣ она его уложила?. . . Это зеленая, шелковая трава покрывающая собою ту же смертельную невѣсту, ту же мать-сырую-землю.

Сіе понятіе о смерти и прежнее представленіе оной можно согласовать тѣмъ, что оба они имѣютъ основаніемъ одну мысль предопредѣленіе: ибо, подобно смерти, и бракъ почитается у насъ судьбою, почему женихъ и невѣста называются сужеными.

Выраженіе «на роду [redacted] показываетъ ту же мысль народа о судьбѣ и предопредѣленіи относительно рожденія. Такимъ образомъ эта мысль обнимаетъ собою всю жизнь въ трехъ главныхъ ея минутахъ—началѣ, срединѣ и концѣ, рожденіи, бракѣ и смерти; и про участь, про долю цѣлой жизни говорится въ народѣ; «счастливому талантъ отъ Бога данъ!»

Посмотримъ еще на одно изображеніе смерти. «Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвони своими острыми мечи о шеломы Литовскіе; притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подъ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ Литовскыми мечи. И схоти ю на кровать, и рекъ: дружину твою, Княже, птиць крылы пріодѣ, а звѣри кровь полизаша. Не бысь ту брата Брячислава, ни другаго Всеволода; единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла, чрезъ злато ожереліе. Унылы голоси, пониче веселіе; трубы трубять Городеньскіи.» (Гл. 10) Здѣсь опять такія же все кровавыя краски: смертною постелью Князю, подъ багровыми щитами, служитъ окровавленная трава; смертный покровъ дружинѣ составляютъ распростертыя надъ нею крылья хищныхъ птицъ, и кровь ея полизали звѣри.

Но обратите вниманіе на изображеніе кончины Князя: онъ одинъ безъ братьевъ, изронилъ свою жемчужную душу, изъ храбраго тѣла чрезъ золотое ожерелье. Какое нарядное трогательное и совершенно народное изображеніе исхода души. Душа представлена какъ

любимое сокровище, какъ перло многоцѣнное: ибо Славяне весьма дорожили этимъ произведеніемъ Природы, и въ X вѣкѣ (по свидѣтельству Фоцлана) платили по драхмѣ золота за жемчужину для женскаго ожерелья; притомъ это сокровище печальное, ибо крупный жемчугъ, по Русскому повѣрью, составляетъ примѣту слезъ (какъ и въ самой Пѣсни Игорю).— Золотымъ ожереліемъ иносказательно названа впадина, гдѣ отъ груди начинается шея; на это мѣсто и теперь укажетъ простолюдинъ, если спросить у него: гдѣ у тебя душа? и чрезъ это-то золотое ожерелье изронилъ свою жемчужную душу Князь Изяславъ, и при томъ одинъ (какъ сказано дважды); и въ этомъ одиночествѣ смерти еще болѣе печали, чѣмъ въ одиночествѣ жизни, особенно для воина Южно-Русскаго, какъ видно изъ народныхъ Пѣсенъ. Уныли голоса, поникло веселіе; трубы трубятъ Городенскія: вотъ похоронные звуки въ вѣчную память Князя, какими и Поэзія Украинская обыкновенно поминала смерть Козаковъ своихъ [1]).

Такова красота здѣсь поэтическаго погребальнаго наряда, который, вмѣстѣ съ предыдущими ему кровавыми изображеніями и послѣдующимъ поминовеніемъ, составляетъ третью, полную, совершенно народную картину смерти.

г) *Любовь къ пѣснопѣнію.*

Естественно, что Пѣвецъ Игоря исполненъ любви къ пѣснопѣнію, не только лично, какъ Пѣвецъ столь таланный, но и народно, какъ Славянинъ вообще, какъ Южный Русинъ въ особенности. Потому прекрасное начало Пѣсни своей онъ

---

[1]) На примѣръ въ Думѣ XVI вѣка *о Ѳедорѣ безродномъ*, въ думѣ XVII вѣка *объ Иванѣ Коновченкѣ* (См. Украинск. народ пѣсни, Ч. I, Дума 2 и 9). Въ концѣ первой изъ нихъ говорится: *онъ со всѣми прощался, милосердому Богу отдалъ душу. Тогда Козаки саблями копали суходолъ, вырѣбали землю шапками и приполами, хоронили Ѳедора Безроднаго; гремѣли изъ семипядненыхъ пищалей и жалобно выхваляли его въ трубы: дѣло Козацкая голова знала, что безъ войска Козацкаго не умирала.*

посвятилъ Бояну, котораго величаетъ именемъ вѣщаго, котораго называетъ соловьемъ стараго времени, къ которому неоднократно обращается, какъ своему вдохновителю, и приводитъ слова его, какъ изреченія вѣщей мудрости [1]). Но онъ такъ любитъ, такъ величаетъ Бояна, какъ Пѣснотворца стараго времени, прежнихъ Князей и прежней славы Русской: ибо сія любовь къ пѣснопѣнію у нашего Пѣвца слита съ любовью главною, родинною.

По этому у него и женская Пѣсня служитъ орудіемъ для выраженія общественнаго чувства. Такъ по плѣненіи Игоря: «Готскія красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю (т. е. въ Крыму); звоня Русскымъ златомъ, поютъ время Бусово, лелѣють месть Шароканю» (Гл. 7). Но когда Игорь возвратился на Русскую землю: «Дѣвици поютъ на Дунаѣ; вьются голоси чрезъ море до Кыева.... страны ради, гради весели, пѣвше пѣснь старымъ Княземъ, а потомъ молодымъ» (Гл. 14).—Воспѣвая пѣснь Донцу, Пѣвецъ обращается въ минувшее, вспоминаетъ о Ростиславѣ;—въ самой Пѣсни Ярославны находите славословіе побѣдителю Кобяка.

д) *Любовь женская.*

Но женская Пѣсня собственно есть выраженіе любви женской. Въ Пѣсни Игорю ихъ двѣ: Пѣсня Русскихъ женъ и плачь Княгини Ярославны.

О погибели Игорева войска: «Русскыя жены всплакашась, аркучи (говоря): уже намъ своихъ милыхъ ладъ (мужей) ни мыслію смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати; а злата и сребра ни мало того потрепати!» (Гл. 6).

Какъ это совершенно по Русски! И теперь еще услышите

---

[1]) Тутъ можетъ родиться вопросъ: не вошли ли еще и другія Пѣсни или отрывки въ составъ Пѣсни Игорю, кромѣ тѣхъ, кои именно приписаны Бояну? Можно думать, что это было, хотя не льзя сказать о семъ опредѣленно. Такъ пѣснь о Всеславѣ, мнѣ кажется, не принадлежитъ самому Пѣвцу. Но что въ Пѣсни Игорю много выраженій, до нея употреблявшихся и любимыхъ Русскою Поэзіей, это дѣло ясное.

такія же жалобныя поминальныя рѣчи жены или матери, убивающейся надъ гробомъ роднаго покойника.

Но другая пѣснь, плачь Ярославны объ Игорѣ, отличается народно-образцовою, высокою красотою, и замѣчательна какъ сама по себѣ, такъ по мѣсту и назначенію своему въ составѣ цѣлой Пѣсни Игорю. Между тѣмъ, какъ Пѣвецъ напрасно взываетъ о помощи къ Князьямъ:

Слышенъ голосъ Ярославны; пустынной кукушкою онъ раздается съ утра: Полечу, говоритъ, кукушкою по Дунаю; омочу бобровый рукавъ въ Каялѣ рѣкѣ, отру Князю кровавыя его раны на крѣпкомъ его тѣлѣ.

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ городѣ на оградѣ, говоря: О вѣтеръ, вѣтеръ! За чѣмъ, господинъ мой, такъ напротивъ вѣешь? За чѣмъ на вольныхъ крыльяхъ своихъ мчишь ханскія стрѣлы на воиновъ моего мужа? Мало ль тебѣ было горъ подъ облаками вѣять, лелѣючи корабли на синемъ морѣ! За чѣмъ же, господинъ мой, веселіе мое по ковыли развѣялъ?

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ городѣ на оградѣ, говоря: О Днѣпръ, сынъ славы! Ты пробилъ каменныя горы сквозь землю Половецкую! Ты лелѣялъ на себѣ суда Святославовы до войска Кобякова: взлелей же, господинъ мой, ко мнѣ моего мужа, чтобъ не слала къ нему слезъ на море съ каждымъ утромъ.

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ городѣ, на оградѣ, говоря: Свѣтлое и пресвѣтлое солнце! Всѣмъ тепло и красно ты! Зачѣмъ же, господинъ мой, простерло горячій лучъ свой на мужнихъ воиновъ? Въ безводномъ полѣ жаждою имъ луки свело, печалью имъ колчаны заткало?

Но прочтемъ лучше эту прекрасную Пѣсню въ подлинникѣ (Гл, 12).

«Ярославнынъ гласъ слышитъ; зегзицею незнаемь рано кычеть: Полечу, рѣче, зегзицею по Дунаеви, омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру Князю кровавыя его раны на жестоцемъ его тѣлѣ!

«Ярославна рано плачеть въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: О вѣтре, вѣтрило! Чему, господине, насильно вѣеши? Чему мычеши хиновьскыя стрѣлкы на своею нетрудною крыльцю на моея лады вои? Мало ти бяшешь горъ подъ облаки вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему, господине, мое веселіе по ковылію развѣя?

«Ярославна рано плачеть Путивлю городу на заборолѣ, аркучи: о Днѣпре словутицю! Ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую; ты лелеѣлъ еси на себѣ Святославли носады до плъку Кобякова. . . възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано!

«Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: Свѣтлое и тресвѣтлое сълнце! Всѣмъ тепло и красно еси! . . Чему, господине, простре горячюю свою лучю на ладѣ вои? Въ полѣ безводнѣ жаждею имъ лучи съпряже тугою имъ тули затче. . . .» (Гл. 12).

Сколько жизни и Поэзіи въ этихъ укоризнахъ и мольбахъ Природѣ отъ одинокой, тоскующей любви, въ этой увѣренности, что Природа принимаетъ участіе въ дѣлахъ ея Князя и услышитъ ея голосъ.

Такими довѣрчивыми обращеніями къ Природѣ исполнена Поэзія Украинская, и можно сказать, что этотъ плачь Ярославны есть тема, которая разнообразно распѣвается въ дышащихъ любовію женскихъ Пѣсняхъ Украины.

Но Пѣсня Ярославны имѣетъ еще другую красоту, другой глубокій смыслъ, по мѣсту и значенію ея въ составѣ цѣлой Пѣсни Игорю. Она назначена средствомъ къ спасенію Игоря, и разсмотрѣніемъ ея въ семъ отношеніи мы перейдемъ къ разсматриванію Пѣсни Игорю относительно духа Вѣры и вѣрованій.

Б) Духъ Вѣры.

Послѣ того какъ Пѣвецъ съ напрасною надеждою взывалъ къ Князьямъ и думою уносился въ минувшее, онъ обратился къ Природѣ голосомъ женской любви: и Природа услышала сей голосъ, и отозвалась на него благотворно своими стихіями, дотолѣ враждовавшими съ Игоремъ, «Прысну море полунощи; идуть сморци (смерчи) мьглами: Игореви Князю Богъ путь кажеть изъ земли Половецкой на землю Русскую къ отню злату столу..... Овлуръ свисну за рѣкою, велить Князю разумѣти. Князю Игорю не быть!»... (Гл. 13). И кто же сей Овлуръ, избавившій Игоря изъ плѣна отъ поганыхъ Половцевъ? это крещенный Половецъ у Лѣтописцевъ называемый Лавромъ. И такъ посредствомъ Половца же Богъ кажетъ путь Игорю на землю Русскую: и не могъ ли Пѣвецъ Игоря сказать вмѣстѣ съ другими нашими предками: Великъ Русскій Богъ! Но какая глубокая мысль Пѣвца, сіе избавленіе Игоря представить отвѣтомъ на плачъ Ярославны, вымолить его силою любви и простосердечной вѣры въ Природу.

Глубокую преданность волѣ Божіей мы замѣтили выше сего въ представленіи смерти судомъ Божіимъ, какъ бы началомъ всемірнаго Старшаго Суда. И не сообразнѣе ли съ Христіанствомъ сей Божій судъ по старому Русскому понятію, нежели тотъ судъ Божій, которымъ пытали въ то время на Западѣ Европейскомъ? Было и на Руси тогда испытаніе желѣзомъ и водою, какъ видѣли мы въ Русской Правдѣ; но по крайней мѣрѣ сего жестокаго суда человѣческаго Русскіе не совершали во имя Божіе.

а) Христіанство.

Изъ этихъ двухъ примѣровъ видно, что въ Пѣсни Игоревой есть вѣра, есть чувство Религіи врожденной; собственно же Христіанство видно изъ того, что Игорь, по избавленіи своемъ (Гл. 14), ѣдетъ въ Кіевъ на поклоненіе Святой Богородицѣ Пирогощей; что Пѣвецъ въ за-

ключеніе Пѣсни своей восклицаетъ: да здравствуютъ Князья и дружина, поборая за Христіаны на поганые полки!

б) Слѣды язычества.

Слѣдовъ прежняго Славянскаго язычества въ Игоревой Пѣсни немного: упоминаются только три бога: Дажъ-богъ, Стри-богъ и Велесъ (Волосъ), и то не прямо, и въ смыслѣ болѣе поэтическомъ, нежели религіозномъ. А именно: Се вѣтри, Стри-божи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрыя пълки Игоревы» (Гл. 5); «въспѣти было вѣщей Бояне, Велесовъ внуче!» (Гл. 2); погибающую отъ крамолъ Княжескихъ жизнь Даждьбожа внука мы видѣли выше; еще въ другомъ мѣстѣ говорится: въстала обида въ силахъ Даждьбожа внука. Болѣе сего уже не встрѣчается Славянскихъ боговъ; два изъ нихъ призваны Пѣвцомъ, такъ сказать только для родословія своего народа и Пѣвца славы его, для того чтобы возвеличить происхожденіе Бояна отъ одного изъ главнѣйшихъ боговъ—Велеса, и происхожденія Русина отъ Даждьбога, почитавшагося подателемъ всѣхъ благъ. Такая почти общечеловѣческая мысль о высокомъ происхожденіи человѣка глубока въ своей основѣ; а въ этихъ нѣкогда богахъ, у Пѣвца же—только праотцахъ,—для насъ болѣе жизни, чѣмъ въ богахъ Эллады; въ этихъ внукахъ Дажьбога и Велеса болѣе нашей Поэзіи, чѣмъ въ любимцахъ Аполлона, въ питомцахъ Музъ Грацій: ибо то, отголоски нѣкогда живыхъ вѣрованій нашего народа, которыя перешли въ него съ кровью и молокомъ матери, съ роднымъ языкомъ его, росли вмѣстѣ съ нимъ, и потомъ остались какъ мечты юности, всегда для насъ поэтической. Русины-Христіане потопили кумиры прежнихъ боговъ своихъ; но память о нихъ осталась для Поэзіи, поклоненіе имъ обратилось въ игру жизни. И не лучше ли это, чѣмъ Христіанину, уже просвѣщенному, возобновлять давно умершихъ боговъ классическаго язычества и вводить ихъ не только въ Поэзію, но даже въ

Христіанскую проповѣдь, какъ было и у насъ въ XVII вѣкѣ, по примѣру Западныхъ Проповѣдниковъ.

в) Вѣрованія въ міръ духовъ

Но сильнѣе осталось въ народѣ прежнее вѣрованіе въ духовный міръ, прежнія понятія о невидимыхъ существахъ сего міра. Христіанство, положивъ крестъ свой на Русина, просвѣтивъ врожденную, сердечную его вѣру въ Бога понятіемъ о Богѣ истинномъ, не изгладило изъ его памяти тѣхъ мечтательныхъ образовъ, подъ которыми его воображенію являлись злые и добрые духи, души умершихъ. И теперь еще поселянка Русская, съ крестнымъ знаменіемъ на груди, съ именемъ Христовымъ на устахъ, оглядывается въ потемкахъ, боясь нечистой силы, недобраго духа, мечтающагося ей въ видѣ кикиморы, лѣшаго;—бережетъ добраго духа, своего хозяина, домоваго; вѣритъ превращенію умершихъ некрещенными младенцевъ въ Русалокъ, и т. п. Изъ всего этого мечтательнаго міра духовъ у Пѣвца Игоря являются два существа: недобрый дивъ и олицетворенная обида подъ видомъ дѣвы съ лебедиными крыльями.

Дивъ, злой духъ тмы, является дважды. Одинъ разъ въ то время, когда затмившееся солнце заступило тмою путь Игорю, когда день внезапно обратился въ ночь и отъ грознаго стона ея пробудились птицы и раздался свистъ звѣриный: Дивъ кличетъ вверху древа, велитъ послушать землѣ незнаемой (Половецкой), Волгѣ и Поморію и Посулію, и (городамъ Крымскимъ) Сурожу и Корсуню, и тебѣ истуканъ (блъванъ) Тмутараканскій (Гл. 3). Въ другой разъ, когда Половцы опять простерлись набѣгами по Русской землѣ, когда хула нанеслась на хвалу, насиліе разразилось надъ волею: и Дивъ низвергся на землю.

«Уже снесеся хула на хвалу, уже тресну нужда на волю; уже връжеся дивь на землю!» (Гл. 9).

Слово дивъ значитъ буквально то же, что диво, чудо, чудовище; и по-Польски dziw; но сіе имя и значеніе его напоминаетъ намъ злыхъ духовъ, дивовъ, служителей верховнаго духа тмы Оримана—сего Чернобога Персидскаго.

Обида отъ Половцевъ, по выраженію Пѣвца Игоря, «вступаетъ на землю Русскую дѣвою, всплескавши лебедиными крылы на синемъ морѣ, плещучи у Дону» (Гл. 8). Эта дѣва-обида напоминаетъ намъ Литовскую Дѣву-Чуму, которая огневымъ платомъ навѣваетъ смерть заразы на землю. Замѣчательно, что зараза и у Русскихъ представляется въ видѣ женщины; и коровьей смерти противодѣйствуютъ Русскія крестьянки особымъ обрядомъ: дикая ночная оргія ихъ вокругъ зараженнаго села извѣстна подъ именемъ опахиванія; холера мечталась народу нашему также въ видѣ женщины.

г) Вѣрованіе въ чудесное.

Вѣра въ чудесное свойственна человѣку, такъ же какъ и сама Природа не чужда онаго. Сія вѣра перераждается въ многочисленныя, разнообразныя суевѣрія—неодолимое стремленіе разгадывать будущее, склонность къ ворожбѣ, волшебству, колдовству, чародѣйству; вѣра въ сны встрѣчи и вообще въ примѣты. Суевѣрію и страсти къ чудесному разнаго рода подвержены были почти всегда люди, даже великіе и образованные, вопреки силѣ своей воли, голосу разума и Религіи. Суевѣріе сильное было между Русскими въ древности, хотя ихъ учители Церковные называли оное наущеніемъ и навожденіемъ дьявольскимъ; сильно оно было и въ средніе вѣки наши, хотя и не въ такой степени, какъ было волшебство на Востокѣ. и даже на Западѣ; оно осталось и понынѣ, особенно вѣра въ сны и примѣты, которая встрѣчается даже въ высшемъ классѣ народа, преимущественно же между женщинами. Немного правды въ этихъ примѣтахъ, рѣдко сны бываютъ предвѣщательные; но эти всѣ виды суевѣрія, имѣя основаніемъ

своимъ чудесное, мечтательное, тайное, заключаютъ въ себѣ много Поэзіи.

Пѣвецъ Игоря воспользовался этимъ чудеснымъ для своей Пѣсни, особенно въ снѣ Святослава, когда печаль овладѣла умомъ его, или какъ говорятъ Бояре: «уже, княже, туга умъ полонила.»

Видѣлъ я,—говоритъ имъ Князь,—въ Кіевѣ на горахъ въ эту ночь одѣвали меня чернымъ покровомъ на кровати тесовой; черпали мнѣ синее вино, съ отравою (трудомъ) смѣшанное; на лоно мнѣ сыпали тощими тулами [1]) крупный жемчугъ и нѣжатъ меня; а доски уже безъ князя (кнѣса) на моемъ златоверхомъ теремѣ, и всю ночь съ вечера каркали бѣсовы (босуви) вороны....

Въ этомъ снѣ примѣты все народныя; черный покровъ и нынѣ считается траурною примѣтою печали; карканье ворона всегда было дурнымъ предвѣстіемъ; доски безъ матицы или верхней перекладины (называемой также конемъ и княземъ) понынѣ означаютъ лишеніе членовъ семейства; крупный жемчугъ и теперь есть предзнаменованіе слезъ, какъ и въ Пѣсни Игоря, по словамъ коей (согласно съ лѣтописьми): «тогда Великій Святславъ изрони злато слово слезами смѣшено.» У Русскихъ встарину были цѣлыя волшебныя книги (въ XVI вѣкѣ названныя отреченными или еретическими), напр. Чаровникъ, Волховникъ, Коледникъ, Громникъ, Молніяникъ, Сносудецъ: въ нихъ излагались волхвованія, гаданія сновъ и судьбы, по разнымъ примѣтамъ, особенно по звѣрямъ и птицамъ; было также и астрологическое гаданіе судьбы по свѣтиламъ. Въ книгѣ Волховникѣ вороногрій, страшенъ сонъ означали недоброе; щекотанье сороки, волчій вой, появленіе дятла—считались также примѣтами, какъ и въ Пѣсни Игорю.

---

1) Здѣсь въ подлинникѣ находятся еще два слова: «поганыхъ тлъковинъ,» доселѣ не объясненныя.

д) Вѣра въ знаменія Природы.

Но возвышеннѣе сихъ вѣрованій вѣра въ знаменія Природы, которая была сильно распространена на Руси между самими церковными людьми. Знаменія почитались чудесными предвѣщательными явленіями Природы, посылаемыми отъ Бога и къ добру и къ худу. Къ числу ихъ принадлежитъ и полное затмѣніе солнца, бывшее на небѣ предъ неудачнымъ походомъ Игоря на Половцевъ: Игорь воззрѣлъ на свѣтлое солнце, и видитъ, что отъ него покрылось тмою все его воинство (Гл. 2). Печальное знаменіе это было ему не къ добру; но ему было лучше быть изрубленну, нежели полонену.... Чудесное и столь рѣдкое явленіе Природы, какъ полное затмѣніе солнца, было тогда въ самомъ дѣлѣ 1 Мая, въ день Пророка Іереміи: «На вечерни (говоритъ Лѣтописецъ) бысть знаменье въ солнцѣ—и морочно вельми, яко и звѣзды видѣти человѣкомъ; въ очью яко зелено бяше, и въ солнцѣ учинися яко мѣсяцъ, изъ рогъ его яко угль жаромъ исхожаше: и страшно бѣ видѣти человѣкомъ знаменіе Божіе!» И этою чудесною дѣйствительностію Природы, лучшею всякаго чудеснаго вымысла, Пѣвецъ воспользовался для своей Исторической Пѣсни; и не сама ли Природа этимъ вѣщимъ затмѣніемъ утвердила Пѣвца въ той вѣрѣ, что она принимаетъ участіе въ его Героѣ и въ дѣлахъ земли Русской.

е) Вѣра въ Природу и сочувствіе съ нею.

И эта вѣра въ жизнь и сочувствіе Природы съ человѣкомъ есть господствующая вѣра у Пѣвца Игоря.—Потому и ему даешь столько вѣры, и любуешься не какъ вымысломъ, когда онъ изображаетъ столь живое и такъ сказать личное участіе Природы въ судьбѣ дѣйствующихъ лицъ его, когда напр. описавъ смертельное упоеніе Русскихъ на рѣкѣ Каялѣ гдѣ пустыни силу прикрыли, онъ изображаетъ печаль прибрежной Природы: «Ничить трава жалощами; а древо съ тугою къ земли приклонилось.» Въ Пѣсни Ярославны,

вы видѣли уже прекрасное выраженіе сей вѣры въ Природу и бесѣду съ нею Княгини за Игоря: теперь послушайте еще разговоръ Игоря съ рѣкою Донцомъ, привѣтствующимъ его освобожденіе, и полюбуйтесь заботливостію доброй рѣки о своемъ Князѣ.

Донецъ говоритъ: Князь Игорь! не мало тебѣ величія, а Кончаку досады, а Русской землѣ веселья!—Игорь говоритъ: о Донецъ! не мало величія и тебѣ; ты лелѣялъ Князя на волнахъ своихъ, стлалъ ему зеленую траву на своихъ берегахъ серебряныхъ; одѣвалъ его теплыми туманами подъ сѣнію зеленаго древа; ты стерегъ его гоголемъ на водѣ, чайками на струяхъ, чернетями [1]) на вѣтрахъ. Не такова ли рѣка Стугна? Недобрую струю имѣя, она поглотила чужіе ручьи и разметала струги по кустамъ! Днѣпръ затворилъ свои темные берега юному Князю Ростиславу: и плачется мать Ростиславова по юношѣ Князѣ Ростиславѣ; уныли цвѣты отъ жалости, а древо съ печалью къ землѣ преклонилось (Гл. 13).

Такая жизнь, такое одушевленіе Природы является въ цѣлой Пѣсни; Пѣвецъ вѣрно изображаетъ Природу, или лучше сказать, ею живописуетъ;—и про него, какъ первенствующаго Пѣвца Южно-Русскаго, можно сказать стихами Баратынскаго (къ Гёте):

Съ Природой одною онъ жизнью дышалъ,
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье.

---

[1]) Родъ утки, anas fuligula.

Впрочемъ, это послѣднее чувство къ Природѣ растительной раскрылось собственно въ Поэзіи Украинской; Пѣвцомъ же Игоря всего болѣе любимы высшіе классы Природы, птицы и звѣри, въ коихъ жизнь Природы развитѣе и одушевленнѣе,—особенно птицы, у коихъ и вѣщій смыслъ Природы всего сильнѣе, и голосъ настроенъ такъ звонко для пѣсни, которыя самимъ полетомъ своимъ отъ земли въ вышину согласнѣе съ восторженіемъ души въ въ поэтическомъ ея вдохновеніи. Въ этомъ восторженномъ состояніи душа Пѣвца, близкая къ Природѣ, вступаетъ съ нею въ тѣснѣйшій союзъ; тогда Пѣвецъ живѣе чувствуетъ ея живые предметы, и въ нихъ видитъ яснѣе, находитъ вѣрнѣе подобіе съ поэтическими предметами души своей; тогда предметы Природы становятся символами его собственныхъ думъ, приходятъ сами для выраженія оныхъ, и Пѣвецъ выражаетъ себя живымъ, предметнымъ языкомъ Природы. Оттуда непрестанныя уподобленія и метафорическій способъ выраженія не выисканный, не искусственный, но необходимый и естественный.

III

Объ образѣ выраженія и языкѣ.

Въ предыдущемъ чтеніи я показалъ, какимъ образомъ изъ сочувствія Пѣвца съ Природою, происходитъ его способъ выраженія своихъ думъ предметами Природы, его метафоризмъ необходимый и естественный, а не изысканный, не искуственный. Посему уподобленіе есть главное дѣйствованіе въ его Поэзіи; а подобіе—главный образъ выраженія въ его Пѣсни, составляющій истинную красоту въ ней, а не прикрасу. Разсмотримъ же различные опредѣленные виды подобія и покажемъ ихъ народность.

О подобіяхъ.

Всего чаще у Пѣвца предметъ Природы служитъ одною изобразительною чертою какого-либо свойства или движенія: это подобіе назовемъ п р о с т ы м ъ. Сей родъ подобія принимаетъ разные обороты, кои можно привести къ тремъ видамъ: положительному, отрицательному и положительно-отрицательному.

I. Подобіе п о л о ж и т е л ь н о е или п р я м о е, по обороту рѣчи, въ какомъ оно является, имѣетъ слѣдующія три разности.

а) При изображеніи какого-либо одного (единичнаго) предмета, подобіе обыкновенно у Пѣвца выражается т в о р и т е л ь н ы м ъ п а д е ж е м ъ того предмета, отъ коего оно заимствуется. То же находимъ и въ народныхъ Пѣсняхъ нашихъ, и въ разговорной рѣчи: и это принадлежитъ къ свойствамъ языка Русскаго.

Въ примѣръ можемъ привести бѣгство Игоря, гдѣ для каждаго его движенія Пѣвецъ находитъ образъ въ предметахъ Природы: «Игорь Князь поскочи г о р н о с т а е м ъ къ тростію и бѣлымъ г о г о л е м ъ на воду; въвръжеся на бръзъ комонь, и скочи съ него, и босымъ в л ъ к о м ъ потече къ лугу Донца, и полетѣ с о к о л о м ъ подъ мьглами, избивая гуси и лебеди..»

Подобное изображеніе разнообразнаго движенія одного лица многими предметами находите въ Пѣсняхъ Украинскихъ (У. П. стр. 63).—Тоскующая сестра зоветъ брата съ чужой стороны. «Какъ могу» говоритъ онъ «прибыть къ тебѣ».—

«За темными за лѣсами,
«За дальними за степами,
«За быстрыми за водами?»

—Черезъ темный лѣсъ—яснымъ с о к о л о м ъ лети,
«Черезъ быстрыи воды—бѣлымъ л е б е д е м ъ плыви,
«Черезъ степы далекіи—п е р е п ѣ л о ч к о м ъ бѣжи,
«На моёмъ, брате, подвôрьи—ты г о л у б о н ь к о м ъ пади!»

Такъ и въ Великорусскомъ пѣснопѣніи объ Иванѣ Годиновичѣ:

»Скоро онъ вражбу чинилъ,
«Обернется гнѣдымъ туромъ,
«Чистыя поля туромъ перескакалъ,
«Темные лѣса соболемъ пробѣжалъ,
«Быстрыя рѣки соколомъ перелеталъ.»

Такимъ же образомъ Пѣвецъ Игоря рисуетъ иногда и движенія мысли. «Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяще пѣснь творити, то растекашется мыслію по древу, влъкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы.»

б) Другой оборотъ положительнаго подобія выражается простѣйшимъ, обыкновеннѣйшимъ образомъ, посредствомъ сравнительныхъ союзовъ: аки, яко, рци (словно). Замѣчу однако же, что въ Пѣсни Игорю сей оборотъ употребляется только тогда, когда употребляемый предметъ будетъ множественнаго числа, или же имени собирательнаго. Это видно изъ слѣдующихъ пяти случаевъ сего оборота, находящихся въ Пѣсни Игорю:

«По Русской земли простроша Половцы, аки пардуже гнѣздо.»—«Куряни—аки сѣрыи влъци.»

«Крычать телѣгы (Половецкія) полунощи (т. е. о полуночи), рци лебеди роспущени.» Подобіе понятное для всякаго, кто слышалъ какъ кричатъ и поютъ арбы Татарскія.

«Ты буй Рюриче и Давыде!.... Не ваю ли храбрая дружина рыкають аки тури, ранени саблями каленими?»

«А ты буй Романе и Мстиславе!... высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрѣхъ ширяяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти.» [1]).

Сего оборота положительныя подобія встрѣчаются также въ народныхъ Пѣсняхъ Великорусскихъ и Украинскихъ. На примѣръ:

---

1) Въ двухъ послѣднихъ отрывкахъ та грамматическая особенность что глаголы *плаваеши* и *рыкають* въ числѣ своемъ согласованы не съ уподобленными предметами, къ коимъ относятся, но съ числомъ предметовъ, отъ коихъ взято подобіе.

«А мать плачетъ, что рѣка льется;
«Сестра плачетъ, что ручьи текутъ;
«Жена плачетъ, что роса падетъ:
«Взойдетъ солнце, росу высушитъ.»

Въ Украинской Пѣсни на смерть Свирговскаго:

«А изъ низу хмара стягала,
«Що вороновъ ключа [1]) набѣгала.»

в) Наконецъ третій оборотъ положительнаго подобія состоитъ въ простомъ сопоставленіи или сближеніи подобныхъ предметовъ и есть простое соотвѣтствіе (параллель). На примѣръ въ Пѣсни Игорю: «Солнце свѣтится на небесѣ: Игорь Князь въ Русской земли.»

Въ образѣ такого соотвѣтствія нерѣдко встрѣчаются подобія и въ Великорусскихъ народныхъ Пѣсняхъ; на примѣръ:

«Упадаетъ звѣзда поднебесная,
«Угасаетъ свѣча воску яраго:
«Не становится у насъ Царевича.»

или

«Цвѣли, цвѣли цвѣтики, да поблекли;
«Любилъ меня милой другъ, да покинулъ.»

Но въ Украйнскихъ Пѣсняхъ такое соотвѣтствіе или сопоставленіе есть господствующій образъ подобія. Оно даетъ обыкновенно начало Пѣснямъ; на пр.

«Ой въ полѣ верба да похилилася;
«Чого-сь моя милая да зажурилася.»

Но часто соотвѣтствіе продолжается на нѣсколько строфъ, какъ на примѣръ въ Пѣсни:

«Стоитъ яворъ надъ водою, въ воду похилився;
«На козака пригодонька, козакъ зажурився.»

Нерѣдко же оно простирается на всю Пѣсню, такъ что вторая половина ея составляетъ соотвѣтствіе первой.

2) Другой видъ подобія есть отрицательный, такъ называемый потому, что здѣсь подобіе принимаетъ образъ от-

---

2) *Ключа* значитъ стая, станица. Вотъ новое слово для объясненія *ключей* Олеговыхъ.

рицанія. Пѣвецъ Игоря разговоръ Гзака и Кончака хочетъ уподобить стрекоту сорокъ, но выражается такимъ образомъ: «А не сороκы встрокоташа: на слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ.»

Отрицательныя подобія особенно любимы Великорусскою народною поэзіей. На примѣръ:

«Не соколъ леталъ по поднебесью,
«Что ходилъ гуляль доброй мо́лодецъ.»

или

«Не березонька со березою совивалася,
«Красна дѣвица со молодчикомъ совыкалася,
«Какъ совыкшись она разставалася.»

Можно нѣсколько примѣровъ отрицательнаго подобія указать и въ Украинскихъ Думахъ [1]). Такъ въ Думѣ о смерти Богдана Хмельницкаго:

«То не чорни хмары ясне солнце заступали,
«Не буйныи вѣтры въ темно́мъ лузѣ бушовали:
«Козаки Хмельницкаго ховали,
«Батька свого оплакали.»

Отрицательныя подобія встрѣчаются и въ Поэзіи Новогреческой.

3) Наконецъ есть еще третій видъ подобія, изъ соединенія двухъ первыхъ происходящій, который потому и называю положительно-отрицательнымъ. Въ немъ сначала ставится подобіе положительное, потомъ оно повторяется въ образѣ отрицанія, наконецъ слѣдуетъ самый уподобляемый предметъ (что въ двухъ прежнихъ видахъ составляетъ вторую часть подобія)

Такой трехчленный оборотъ Пѣвецъ Игоря употребилъ, продолжая вышеприведенное изображеніе Бояна слѣдующимъ превосходнымъ представленіемъ его пѣснопѣнія.

«Тогда пущаше́тъ (Боянъ) десять соколовъ на стадо ле-«бедей, который дотечаше, та преди пѣснь ношше—старому

---

[1]) Смотри еще въ Думахъ *о Ѳедорѣ Безродномъ* и *объ Иванѣ Коновченкѣ*. Примѣровъ изъ *Пѣсенъ* Украинскихъ не припомню.

«Ярославу, Храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ плькы Косожьскыми, красному Романови Святъславичю.

«Боянъ же, братіе, не десять соколовъ на стадо лебе-«дей пущаше;

«Нъ своя вѣщія пръсты на живая струны въскладаше: «они же сами Княземъ славу рокотаху!»

Сей видъ подобія, хотя рѣдко, встрѣчается еще въ Украинской и Великорусской народной Поэзіи, а также и въ Поэзіи Сербской (см. Глаголева Осн. Слов. Ч. I).

Въ Украинской Пѣсни:

«Ой по горамъ снѣги лежать,
«По долинамъ во́ды стоять,
«А по шляха́мъ маки́ цвѣтуть:
«То-жъ не маки́, а чумаки—
«Зъ Крыму идуть, рыбу везуть.»

Въ святочной Великорусской Пѣсни:

«Скачетъ груздочекъ по ельничку,
«Ищетъ груздочекъ бѣляночку:
«Не груздочекъ скачетъ—дворянскій сынъ;
«Не бѣляночки ищетъ—дворяночки.»

II. Всѣхъ сихъ видовъ подобіе я назвалъ простымъ, желая чрезъ то отличить другой родъ подобія, когда Пѣвецъ цѣлою картиною Природы хочетъ изобразить какое-либо сложное дѣйствіе. Это собственно то, что называется аллегоріей. Хотите ли видѣть Русскій образецъ аллегоріи, и вмѣстѣ прекрасный образецъ историческій живописи картиною Природы надземной? Посмотрите, какъ Пѣвецъ Игоря изображаетъ шествіе Половцевъ на пораженіе четырехъ Русскихъ Князей при рѣкѣ Каялѣ.

«Другаго дни вельми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ. Чрьныя тучя съ моря идуть, хотять прикрыти четыри солнцы; а въ нихъ трепещуть синіи млъніи. Быти грому великому! итти дождю стрѣлами съ Дону великаго! Ту ся копіемъ приламати; ту ся саблямъ потручяти о шеломы Половецкыи, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону Великаго!»

Не правда ли, что всякая подробность этой картины красота,—и эта кровавая предвѣстница грознаго дня, и вся гроза, готовая уже разразиться и грянуть дрожащими въ ней, какъ бы отъ ярости, сильными молніями и губительнымъ дождемъ стрѣлъ своихъ! И какое прекрасное и сильное движеніе рѣчи, и выраженіе образцово-Русское!

Въ разсказѣ Бояръ Святославу о пораженіи Сѣверскихъ Князей на третій день битвы продолжается эта картина.

«Темно бо бѣ въ третій день: два солнца померкоста—оба багряная стлъпа погасоста, и съ нимъ молодая мѣсяца—Владиміръ [1]) и Святъславъ—тъмою ся поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла!»

Сходная съ первою картиною встрѣчается въ Украинской (IV) Думѣ о Наливайкѣ—картина приближенія Польскихъ войскъ къ Чигрину, но уже слабѣйшей кисти:

«Изъ-за горы хмара выступае,—выступае, выхожае,
«До Чигрина громомъ выгрѣмляе,
«На Украйньску землю блискавкою блискае:
«То Поляки́ черезъ три рѣки три переходы мали,
«Да и биля́ третёго переходу станомъ стали.»

Замѣтить надобно, что употребленіе Князей и властителей свѣтиламъ весьма любимо въ народѣ Русскомъ, какъ уже видѣли вы и по отрывкамъ вышеприведеннымъ (о смерти Царевича и Гетмана Хмельницкаго). Такъ въ стариннѣйшихъ Пѣсняхъ Владиміръ Великій называется солнцемъ.

«Въ славномъ городѣ Кіевѣ,
«У Князя у Владиміра,
«У солнышка у краснова.»

---

[1]) Въ подлинникѣ стоитъ «Олегъ и Святъславъ»—но это по опискѣ: ибо не 8-лѣтній *меньшакъ* Игоревъ Олегъ былъ въ плѣну, а Владиміръ Игоревичь, о коемъ говорится и въ концѣ Пѣсни. Самая обмолвка эта, равно какъ и называніе избавителя Игорева, не по лѣтописямъ *Лавромъ*, но «Влуромъ и Овлуромъ», подтверждаетъ нѣкоторымъ образомъ, что Пѣвецъ Игоря былъ его современникъ и притомъ приближенный къ нему, а можетъ быть и участникъ въ его походѣ.

Такъ и Несторъ изображаетъ предтечу Христіанства Русскаго, блаженную Ольгу: «Аки денница предъ солнцемъ и аки заря предъ свѣтомъ; си [1]) бо сьяша, аки луна въ нощи.» Потому въ описаніи возвращенія Игорева начальныя слова: «Солнце свѣтится на небесѣ, Игорь Князь въ Русской земли» имѣютъ красоту народно-поэтическую, особенно послѣ того, какъ предъ походомъ Князя солнце закрылось полнымъ затмѣніемъ и покрыло тьмою воинство его.

Изъ слѣдующаго отрывка можно видѣть, что у Пѣвца и аллегорія принимаетъ иногда образъ отрицанія: «Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая: галици стады бѣжать къ Дону великому.» Пѣвецъ хочетъ сказать, что къ Дону бѣгутъ не Русины, но полки Половецкіе. Впрочемъ здѣсь отрицаніе не въ оборотѣ только рѣчи, не кажущееся, но настоящее отрицаніе; противоположеніе здѣсь аллегорическое, въ другихъ мѣстахъ Пѣсни прямое, которое Пѣвецъ любитъ употреблять для сильнѣйшаго выраженія себя.

Разсмотрѣвъ сіи опредѣленные виды подобія у Пѣвца Игоря, мы можемъ изъяснить себѣ, отъ чего Пѣснь его отличается вообще чрезвычайною изобразительностію выраженія. А какъ любимѣйшія и главныя краски его живописи суть птицы и звѣри, которые такъ часто встрѣчаются и въ народныхъ Пѣсняхъ нашихъ,—то я почитаю неизлишнимъ, въ заключеніе о семъ предметѣ, представить вамъ ихъ значеніе въ народной Поэзіи нашей.

Народно-поэтическая символика птицъ и звѣрей.

1) Изъ птицъ всѣхъ чаще встрѣчается въ Пѣсни соколъ почти всегда избивающимъ птицъ (особенно гусей и лебедей), въ слѣдствіе соколиной охоты, столь любимой и столь всеобщей въ старину. Соколъ есть символъ храбрости и быстроты въ нападеніи.

---

[1]) *Си* въ древнихъ памятникахъ означаетъ *сія*.

Игорь нѣсколько разъ представленъ соколомъ, а вмѣстѣ съ нимъ уже и братъ его Всеволодъ.

«О, далече зайде соколъ, птицъ бья къ морю; а Игорева храбраго пълку не крѣсити (не воскресить)!»

«Се бо два сокола слетѣста съ отня стола злата поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомъ Дону. Уже сокола крыльца припѣшали погаными саблями; а самою опуташа во путины желѣзны.»

Въ погонѣ за Игоремъ Гзакъ говоритъ Кончаку о Соколичѣ, плѣнномъ сынѣ Игоря: «Аже соколъ къ гнѣзду летитъ, соколича разстрѣляевѣ своими злачеными стрѣлами.»

Уподобленіе Романа (Галицкаго) и Мстислава соколу приведено выше сего.

Святославъ, говоря о воинской храбрости, восклицаетъ: «А чи диво ся, братіе, стару помолодѣти? Коли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ, не дастъ гнѣзда своего въ обиду!»

Наконецъ и 10 вѣщихъ перстовъ Бояна у Пѣвца падаютъ на живыя струны, какъ 10 соколовъ на стада лебедей.

Такъ и въ Великорусскомъ пѣснопѣніи:

«Онъ (Волхъ) обернется яснымъ соколомъ,
«Полетѣлъ онъ далече на сине море,
«А бьетъ онъ гусей, бѣлыхъ лебедей.»

2) Живая струна Бояна, которая сама гремитъ [1]) пѣснь славы Князьямъ, уподобленная лебедю, напоминаетъ намъ лебединое пѣніе классической Миѳологіи, показываетъ, что лебедь и у Пѣвца нашего былъ символомъ пѣнія и звука вообще. Такъ и въ Украинской Думѣ о Коновченкѣ читаемъ:

---

[1]) Эпитетъ *живая* струна встрѣчается и въ другихъ старинныхъ повѣстяхъ (напр. *о Лазарѣ*); поэтическая же мысль, что струны *сами* рокочутъ славу, образовалась въ цѣлой вымыслъ *о гуслях самогудах*.

«Не ясенъ соколъ на долинѣ по табору гуляе,
«Не бѣлая лебедь спѣвае:
«Полковникъ Хвилоненко похожае,
«Словами промовляя.»

3) Но эмблемою Пѣвца, по всемірному употребленію, служитъ лучшій изъ пернатыхъ пѣвцовъ—соловей, который своимъ «щекотомъ» воспѣваетъ и славу полковъ, и приближеніе свѣта солнечнаго [1]).

4) Пареніемъ сизаго орла выражается полетъ поэтическаго «ума» или «замышленія» Боянова.

5) Зегзицѣ, т. е. кукушкѣ (по Украински зозу́ля) уподоблена Ярославна, тоскующая одиноко по своемъ Игорѣ. Птица сія, по природѣ своей сиротствующая, лишенная радости—насиживаетъ гнѣздо и заботиться о семьѣ своей, есть вѣрный символъ сиротства и родственной печали.

И въ Украинскихъ Пѣсняхъ, гдѣ такъ сильно развито сіе чувство, всегда зозуля прилетаетъ тужить надъ неоплаканнымъ трупомъ: это живая печаль матери или сестры.

Умеръ Чумакъ:

«Насыпали чумаченьку высоку могилу,
«Посадили на могилу червону могилу.
«Прилетѣла зозуленька, да й сказала: ку́-ку!
«Подай сыну! подай, орле! хочъ правую ру́ку!
—«Ой радъ бы я, моя мати, обѣ-двѣ подати,
«Да налягла сыра земля, не можно подняти!»

Подъ Саворъ, могилою, умеръ казакъ, бѣжавшій изъ Азова, трупъ его поклевали птицы:

---

[1]) Голоса птицъ въ П. И. выражаются слѣдующими словами; у ворона—*грай*, онъ *граетъ*; у галки—*говоръ*, она говоритъ; у сороки—*троскотъ* [1]), она *троскочетъ*: у соловья—*щекотъ*, онъ *щекочетъ*; у дятла—*тектъ*; у орла—*клектъ*.

[1]) Въ Церковныхъ Писаніяхъ *троскотъ* означаетъ траву полевую; *троскотати*—трещать, лопаться.

Вовки-сѣроманьци набѣгали, тѣло козацьке рвали,
«По тернахъ, по балкахъ жовту кость жваковали,
«Жалобненько квилили, проквиляли [1])—
«То жъ воны козацькіи похороны одправляли.
«Де-ся взялась сиза зозуленька,
«Въ головкахъ сѣдала, жалобно кувала,
«Якъ сестра брата, або мати сына оплакала.»

Въ Великорусскихъ Пѣсняхъ этотъ плачь матери надъ сыномъ изображается не кукушкою, но ласточкою:

«То не ласточка, не касаточка
«Кругъ тепла гнѣзда увивается:
«Убивается тутъ родная матушка.»

Въ свадебныхъ Пѣсняхъ Украинскихъ плачущая невѣста, когда уводятъ ее отъ матери къ жениху, представляется обыкновенно кукушкою (а отлучающіе ее отъ отъ родной семьи дружки—галками) [2]).

Кромѣ того кукушка въ Украйнѣ почитается вѣщею птицею, у которой спрашиваютъ, сколько лѣтъ жить, скоро ли выйти замужъ и т. п. То же самое и у Литовцевъ, у коихъ есть повѣрье, что въ кукушку обратилась сестра, тосковавшая о смерти трехъ братьевъ;—есть и Пѣсня, гдѣ въ видѣ трехъ кукушекъ надъ мертвецомъ тоскуютъ жена въ ногахъ, сестра въ головахъ, а мать у сердца [3]).

6) Противоположное значеніе симъ птицамъ имѣетъ ворон ъ и однородники его галка и сорока. Противоположность ворона кукушкѣ относительно смерти человѣка выражена прекрасно цѣлою Пѣснею казацкою про смерть.

---

[1]) Во второй статьѣ изъяснено уже это слово и отличено отъ *цвѣлит* оба они есть и Волынской Лѣтописи.

[2]) Таковы напримѣръ свадебныя (*веселыныя*) пѣсни: «Закукала зозуленька у садочку»;—«Ой летятъ галочки.»—Сиротство дѣвицы на чужбинѣ выражено въ Пѣсни: »Ой летѣла зозуленька черезъ поле, гай.»

[3]) См. С. Отеч. 1836 года, № 16.

«Ой недай же Боже, у Польщѣ умерти,
«Тамъ нихто не посумýе о твоеи смерти.

«Тôлькô-жъ воронъ, воронъ прилетитъ до тебе,
«Да й сяде на тебе, да й поклюе тебе.

«Ой поклюе тебе, да и перестане;
«Прилетитъ зозуля, да й плакати стане.

«Тôлькô-жъ воронъ да зозуля й будуть тебе знати;
«Тôлькô-жъ одна зозуленька й буде сумовати!»

Потому и поганый Половчинъ названъ чернымъ ворономъ въ Пѣсни Игорю, такъ же, какъ въ Великорусской Пѣсни («Не отъ тучи, не отъ грома»), гдѣ плѣненный Краснощековъ представленъ соколомъ, Турки называются черными воронами.

Воронъ въ нашей Поэзіи всегда не добрая примѣта, всегда является на горе; его карканье («вороно-грай») всегда зловѣщій голосъ, какъ во снѣ Святославовомъ:

«Ой кряче, кряче да чорненькій воронъ
«Да на глыбокой долинѣ;
«Ой плаче, плаче молодый козаче
«По несчастливой годинѣ.»

7) и 8) Подобное значеніе въ Пѣсни Игорю имѣютъ галка и сорока. Вспомните, какую «свою рѣчь говоряхутъ галици,» когда собратья ихъ вороны дѣлили между собою трупы. Полки Половецкіе также названы у Пѣвца галичьими стадами въ противоположность соколамъ-Русинамъ; а разговоръ Половецкихъ Хановъ уподобленъ стрекоту сорокъ.

Вотъ еще картина ночи предъ битвою съ Половцами: «Дльго ночь мркнетъ; заря-свѣтъ запала; щекотъ славій успе, говоръ галичь убуди.»

Вотъ противоположная картина разсвѣта, предъ возвратомъ Игоря на Русскую землю: «Тогда врани не гряхуть, галици помлъкоша, сорокы не троскоташа; по лозію ползоша

только дятлове, тектомъ путь къ рѣцѣ (т. е. Донцу) кажуть; соловіи веселыми пѣсьми свѣтъ повѣдаютъ.»

Здѣсь весь родъ вороній представленъ въ противоположности съ соловьемъ—вѣстникомъ свѣта, и дятломъ—показателемъ пути на родную землю.

Въ Украинской Поэзіи сорока является еще подобно ворону на трупахъ (Дума V); но галка сдѣлалась любимымъ символомъ разлуки, утративъ прежнее непріязненное значеніе; примѣры тому увидимъ при разборѣ Украинскихъ Пѣсенъ.

Что касается до звѣрей, то всего чаще въ Пѣсни Игорю встрѣчается волкъ, служащій для выраженія быстраго бѣга по землѣ. Это видѣли мы уже въ изображеніи бѣгущаго Игоря, Курской дружины, и замышленія Бояна (какъ Пѣвца историческихъ событій на землѣ Русской, который по словамъ Пѣвца Игоря, «рискалъ въ тропу Трояню чрезъ поля на горы»). Кромѣ того, по словамъ Пѣвца Игоря, волкомъ скакалъ и рискалъ Всеславъ Полоцкій, бѣжалъ къ Дону Гзакъ, и Влуръ слѣдомъ за Игоремъ изъ плѣна.

Несторъ, въ описаніи Святослава, быстроту его сравниваетъ съ пардусомъ. «Легко ходя, акы пардусъ, войны многы творяше.»—И Пѣвецъ Игоря упоминаетъ одинъ разъ о семъ звѣрѣ [1]), говоря, что «по Русской земли простропася Половци, акы пардуже гнѣздо.»

Но важнѣйшій изъ звѣрей—символъ храбрости и

---

[1]) Изъ Кіевской Лѣтописи видно, что въ половинѣ XII вѣка Олегъ Святославичь Юрію Долгорукому, а Святославъ Ольговичь Ростиславу подарили *пардуса*, какъ рѣдкаго звѣря.—Тамъ же видно, что въ числѣ подарковъ были и дорогіе *оксамиты*, о коихъ упоминается въ П. И. Сія шелковая ткань, равно и какая-то другая ткань—*оръмъма*, уже по именамъ своимъ, суть Греческія, и безъ сомнѣнія получались изъ Греціи вмѣстѣ съ *паволоками* и другими предметами роскоши. Названіе оксамита теперь у большей части Славянъ усвоено собственно бархату, хотя въ началѣ, можетъ быть, шелковая ткань оксамитъ и не была то именно, что нынѣ бархатъ (*аксамитъ* въ Трехъязыч. Слов. переводится sericum, holosericum).—Въ Церковн. Слов. Алексѣева (по описанію соборной ризн.) *аксамитъ*—изъясняется именно золотымъ бархатомъ или старинною парчею; а *двоеморхъ*—рытый бархатъ.

силы есть туръ [1])—красивый, дикій, нынѣ весьма уже рѣдкій быкъ (urus); онъ назывался прежде у насъ, у Чеховъ, у Литовцевъ туромъ (отъ Лат. taurus); но также и Польскимъ именемъ—зубремъ [2]). За нимъ любили охотиться въ старину, какъ видно (кромѣ Царедворской рукописи Чешской) изъ Поученія Владиміра Мономаха, который, разсказывая о своихъ ловахъ звѣриныхъ въ Черниговѣ, говоритъ: „Тура мя два метала на розѣхъ.“ Въ Пѣсни Игорю, какъ уже знаете вы, буй-туромъ (и яръ-туромъ) называется удалый Всеволодъ; дружина Рюрикова также уподоблена турамъ. И Волынская Лѣтопись, описывая „великаго и памятнаго“ Романа Галицкаго, говоритъ: „Храборъ же бѣ, яко и туръ; ревнова же дѣду своему Мономаху.“—Въ Царедворской рукописи Ярославъ скакалъ „якъ туръ ярый.“

Въ старинныхъ Великорусскихъ пѣснопѣніяхъ, по содержанію относящихся къ Владиміровскимъ богатырскимъ временамъ, часто упоминается о турѣ и обращеніи въ онаго нашихъ богатырей. Такъ въ пѣснопѣніи о Волхѣ Всеславичѣ:

«Въ-та́-поры поучился Волхъ ко премудростямъ:
«А и первой мудрости учился—
«Обертываться яснымъ соколомъ;
«Но другой то мудрости учился онъ Волхъ—
«Обертываться сѣрымъ волкомъ,
«Ко третьей то мудрости учился онъ Волхъ—
«Обертываться гнѣдымъ туромъ—золотые рога.»

---

[1]) Съ симъ туромъ-быкомъ не должно смѣшивать Кавказскаго *тура-барана*, коего крѣпкіе и большіе рога (извѣстные подъ именемъ *турьихъ*) употребительны понынѣ вмѣсто стопъ или кружекъ для вина, особенно у Грузиновъ; искусные изливаютъ въ ротъ цѣлый рогъ вина, не дотрогиваясь до губъ.

[2]) Въ Новгородѣ Сѣверскомъ есть оврагъ, называемый *Цуприцкимъ Рвомъ*: не есть ли это испорченное слово *Зубрицкій*, и не водились ли тамъ встарину зубры?

О повтореніяхъ.

Встрѣчая частое повтореніе нѣкоторыхъ подобій у Пѣвца, приписывайте оное не бѣдности, но вѣрности его воображенія. Изъ небогатой природы своей онъ избралъ не многія, но прочныя краски для картинъ своихъ, и они у него любимыя, привычныя, составляютъ отличіе и характеристику его живописи. Такое однообразіе красокъ свойственно особенно народной Поэзіи и составляетъ въ ней красоту; хотя и въ искусственной Поэзіи есть свои привычныя краски, имѣющія повсюдные и всегдашнее употребленіе, но отъ того не теряющія своего достоинства, ибо оно истинное; на пр. роза, лилія.

Повтореніе извѣстныхъ словъ и цѣлыхъ реченій въ народной Поэзіи имѣетъ особенную значительность, есть постоянная, отличительная ея принадлежность, составляетъ иногда особенный образъ въ пѣснопѣніи. Потому слѣдуетъ обратить на него особенное вниманіе и въ Пѣсни Игорю.

1) Сюда во-первыхъ принадлежитъ постоянное повтореніе нѣкоторыхъ словъ. Я разумѣю особенно постоянные эпитеты, усвоенные разнымъ вещамъ и лицамъ, и всегда къ нимъ прилагаемые. Сей Гомерическій обычай усвоенія постоянныхъ эпитетовъ есть общая принадлежность Поэзіи народной. Такъ въ Пѣсни Игорю встрѣчаете многіе эпитеты, совершенно народные, сохранившіеся и любимые донынѣ преимущественно въ Великорусской народной Поэзіи; нѣкоторые же изъ нихъ встрѣчаются у другихъ Славянъ, и потому должны быть весьма древніе. Таковъ на пр. эпитетъ красная; въ Пѣсни Игорю красная дѣвица, красныя дѣвы Готскія, красныя дѣвки Половецкія, красная Глѣбовна; у Нестора—красныя жены; въ Старо-Чешскихъ Пѣсняхъ—красна дѣва. Эпитетъ сей употребителенъ въ Великорусскихъ пѣсняхъ и поговоркахъ; но въ Украинскомъ языкѣ почти совершенно утратился [1]). Слѣдующіе эпитеты изъ Пѣсни Игорю понынѣ оста-

---

1) Въ П. И. употреблено еще слово: *любая дѣвица* («вруже Всеславъ жребій о дѣвицѣ себѣ *любу*»): въ такомъ смыслѣ и въ Украин. П. встрѣчается *любая*, *милая дѣвчина*; но вмѣсто красная—*гарная*, *моторная*.

ются любимыми эпитетами Великорусскими: звѣрь лютый (тожъ въ Поуч. Моном.) конь борзый, море синее, поле чистое, стрѣла каленая, воронъ черный (и въ Украинск. П.). Орелъ названъ сизымъ (въ П. И. шизый) и по Украински; волкъ въ П. И., называемый сѣрымъ (однажды босымъ), въ Украин. Думахъ называется сѣроманцемъ. Мечи и копья въ П. И. харалужныя; въ Великорус. Пѣсняхъ употребительныя булатный мечь, ножъ. Донъ у Пѣвца именуется иногда синимъ, но чаще и собственнѣе великимъ; а въ Великорус. Пѣсняхъ—тихимъ, иногда же Дономъ (или Дунаемъ) Ивановичемъ (отъ Ивановскаго Озера), подобно чему въ П. И. Днѣпръ названъ словутичемъ (т. е. сынъ славы, славичь). Половцы постоянно называются погаными, какъ послѣ называли Татаръ. Къ симъ эпитетамъ принадлежатъ и прозванія разнымъ лицамъ: въ П. И. Боянъ называется вѣщимъ, Всеволодъ Буй-Туромъ (Яръ-Туромъ и просто Туромъ по разу); Ярославъ Галицкій Осмомыслом, три Мстиславича—шестокрыльцами; такъ еще и прежде Олега называли вѣщимъ, Мстислава Тмутораканскаго (въ П. И.) храбрымъ, Романа краснымъ (въ П. И.).

Всѣ эти эпитеты происходятъ и существуютъ отъ желанія означить предметъ наименованіемъ существеннаго, главнаго его свойства, и отъ народнаго понятія и вкуса. При этомъ они, особенно у Русскихъ заимствуются иногда отъ самаго имени предмета, въ коемъ заключается уже его опредѣленіе, на пр. чудо чудное, диво дивное, воля вольная [1]); либо же составляются повтореніемъ того самаго или близкаго слова, иногда только въ другомъ видѣ, на примѣръ: горе-горевaньице, пированье почетный пиръ, родъ-племя, молодо-зелено, кричмя кричитъ; въ Украинскихъ Пѣсняхъ часто встрѣчаете: трудно-нудно, тяжко-важко. Къ такимъ выраженіемъ въ П. И. принадлежатъ слова: «заря-свѣтъ,—свѣтъ свѣтлый».

2) Что касается до повторенія рѣчей, то оно также

[1]) Какъ въ Зендавестѣ *вѣчная вѣчность*

и естественно, и часто составляетъ красоту. Удачно сказавшееся реченіе врѣзывается въ память, становится любимымъ и привычнымъ, обращается въ поговорку. При подобномъ случаѣ оно готовое уже повторяется, какъ бы само собою, и этимъ припоминаніемъ производитъ удвоенное впечатлѣніе. Потому Поэты иногда такъ удачно повторяютъ себя въ своихъ начальныхъ, либо окончательныхъ стихахъ; потому въ Риторикахъ состоялись особыя фигуры рѣчей: единоначатіе, единоокончаніе, произошли Тріолеты, Рондо между формами стихотворными.

До какой степени повтореніе себя любимо нашею народною Поэзіею, это увидимъ еще въ свое время; теперь же приведу реченія, повторяющіяся въ Пѣсни Игорю.

О выраженіи: «пить Донъ шеломомъ» я говорилъ уже.

У Пѣвца однажды повторилось изреченіе: «Ищучи себѣ чти, а Князю славы» объ Русскихъ воинахъ, готовящихся на битву съ Половцами,—въ заключеніи 2 и 3 Главы.

«О Русская земле! уже за Шеломянемъ еси!» дважды восклицаетъ Пѣвецъ, по вступленіи Русичей на чужую Половецкую землю, и предъ роковою битвою; и какъ глубокъ этотъ вздохъ по Русской землѣ, на которую уже не воротились воины Игоревы!

«А Игорева храбраго плъку уже не крѣсити!» повторено также Пѣвцомъ, при воспоминаніи о плѣнѣ Игоря и о новыхъ бѣдствіяхъ отъ Половцевъ (эти же слова у Нестора говоритъ Древлянамъ Ольга про своего Игоря: «уже мнѣ мужа своего не крѣсити!»).

Три воззванія Пѣвца къ Князьямъ о помощи оканчиваются одинаково: «За землю Русскую, за раны Игоревы, буего Святъславича!»

Наконецъ, печаль прибережной природы о погибели Игорева полку на Каялѣ и о смерти Ростислава въ р. Стугнѣ изображается одинаково: «и древо съ тугою къ землѣ преклонилось.»

Не правда ли, что все это выраженія такія, кои стоили

повторенія, и въ такихъ случаяхъ, гдѣ могли повториться сами собою?

Не менѣе прекрасно и повтореніе словъ: «Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ, на заборолѣ аркучи» въ началѣ каждой строфы ея Пѣсни, хоть такое повтореніе относится собственно уже къ наружному виду Пѣсни.

Объ языкѣ.

Языкъ Пѣсни Игорю по составу своему, т. е. въ лексико-грамматическомъ отношеніи, сходенъ съ языкомъ Нестора, Мономаха, и особенно съ языкомъ Кіевской и Волынской Лѣтописи; но въ немъ еще болѣе чѣмъ въ нихъ, замѣтно какъ я прежде говорилъ уже) бореніе народно-Русскаго языка съ книжно-Словенскимъ. И это потому, что Пѣснь Игорю есть произведеніе мірское, поэтическое и притомъ сложенное въ концѣ XII вѣка. Тогда Словенскій языкъ у насъ начиналъ уже измѣняться противъ первоначальнаго, древняго своего вида; и хотя на немъ писали, а вѣроятно и говорили тогда книжные и Духовные люди, но для мірянъ онъ былъ уже старый языкъ; во вседневномъ же употребленіи былъ у нихъ другой, свой природный, областной языкъ, уже нѣсколько развившійся (особенно въ Южной Руси), хотя еще и не установившійся.

Посему во внутреннемъ составѣ языка Пѣсни Игоревой видимъ сочетаніе двухъ стихій—книжной и народной. Языкъ Пѣвца Игоря столько жъ особенный и такъ же составился, какъ и въ наше время изъ новаго—книжнаго и народнаго—Русскаго составляется особенный языкъ какого-либо даровитаго самостоятельнаго Писателя, по особенности его дарованія, понятія, намѣренія. Пѣвецъ именно хотѣлъ воспѣть походъ Игоря «старыми словесы трудныхъ [1]) повѣстій» по обычаю

---

1) *Трудныхъ повѣстій*—значитъ здѣсь не *высокихъ сказаній*, не *трудную Повѣсть объ Игорѣ*, и даже не *прискобную Повѣсть объ Игорѣ* (какъ у первыхъ издателей, хотя они смыслъ Слова поняли вѣрнѣе другихъ, но именно *печальныхъ Повѣстей:* ибо *трудъ* значитъ не только работу, но и

тогдашнихъ Писателей, а можетъ быть по желанію приблизиться къ языку своего вдохновителя Бояна (XI в.): потому у него и господствуетъ вообще языкъ Словенскій. Но это самое намѣреніе воспѣть «старыми словесы» показываетъ уже, что былъ тогда другой языкъ, относительно Словенскаго новый, употребительный въ разговорѣ, а вѣроятно и въ народныхъ пѣснопѣніяхъ того времени. Сей природный и привычный Пѣвцу языкъ былъ Южно-Русскій (Сѣверской области, ибо Пѣвецъ безъ сомнѣнія былъ Сѣверянинъ) и сего языка слова и обороты безпрестанно пробиваются сквозь покровъ Словенскаго. Отъ того у него находите одни и тѣ же слова и ихъ измѣненія по этимъ двумъ языкамъ; находите слова и ихъ измѣненія, донынѣ сохранившіяся въ Украинскомъ языкѣ и не существующія въ языкѣ собственно Великорусскомъ [1]).

печаль, и отраву (какъ въ П. И.), и въ древній періодъ у насъ Повѣсти, какъ видно, назывались *трудными;* въ среднемъ періодѣ—*умильными*, что также значитъ *печальныя*. Судя по пѣсни Игорю, и даже по немногимъ въ ней отрывкамъ изъ Бояна, и по сему названію Повѣстей можемъ заключить, что *печальный тонъ* былъ свойственъ *народной Русской Поэзіи* уже съ древнихъ временъ;—тоскою полна Поэзія Украинская, унылостью проникнута Поэзія Великорусская.

[1]) Вотъ нѣсколько частныхъ замѣчаній, относящіяся къ сему предмету:

1) Въ П И. находите по книжно-Словенской формѣ: *врагъ*, *славій*, *гласъ*, *градъ*, *забрало*, *храбрый*, *брегъ*, *себѣ*; и тѣ же слова по народной формѣ: *воронъ*, *соловій*, *голоси*, *городъ*, *забороло* (и въ Кіев Лѣт.; но болѣе не употребительно, измѣнилось въ *заборъ*), *хоробрый* (встрѣчается еще въ старинныхъ Думахъ и Пѣсняхъ Украинскихъ), *берегъ*, *собѣ*. *Шеломъ* и *комонь* употребляются постоянно по сей народной, уже утраченной у насъ формѣ; ибо *комонь* остается только у Карпатскихъ Руссовъ, и въ одной вышеприведенной Великорусской Пѣсни; а *шеломъ* замѣнено Словенскою формою и сохранилось только въ названіи горы *шеломя*, и въ словѣ *ошеломить*; видно что шлемъ происходитъ отъ слова *чело*, также *прилбица* (то же значащее слово) отъ *лобъ*.

Но такую же двоякость находите и у Нестора Лаврент. Спис. (напр. Цареградъ и Царьгородъ, *кони*, и *комони; нравы*, *норовы* и по Украинскому выговору *норивы*), и у Мономаха (напр. *паки* и *опять*, *власть* и *волость*, *тебѣ* и *тобѣ*).—Такимъ же образомъ въ народномъ языкѣ (Великорусскомъ и Южнорусскомъ) *прахъ* и *порохъ* (и въ П И. *пороси*); *нравъ* и *норовъ*; *срамъ* и *соромъ* (въ Поуч. Моном.); *мракъ* и *морокъ* (у Нестора *морочно*).

Вотъ какимъ образомъ составился языкъ Пѣсни Игорю сильный, живой, звучный и яркій, не смотря на его разностихійность, пестроту и неустоянность грамматическую. Эта пестрота есть характерная печать и Пѣвца и его вѣка,—какъ пестрота Ѳеофанова языка есть выраженіе вѣка Петрова и ума самаго Витіи. Какой-нибудь начетчикъ старинныхъ рукописей въ XVI вѣкѣ съумѣлъ бы лучше сладить съ языкомъ а можетъ быть приблизился бы къ Пѣвцу Димитрія Донскаго, подражателю Пѣвца Игоря. Эта двоякость въ языкѣ его Пѣсни и смѣшеніе двухъ стихій не должны быть поводомъ къ сомнѣніямъ о ея древности: ибо то же находится и въ другихъ

Въ П. И. встрѣчаете *единъ* и *одинъ*; тоже и въ Поуч. Моном.; а въ Экзарховомъ Богословіи—*одинъ*, *единъ* и ѥдинъ.

2) Такая же двоякость и въ измѣненіи словъ. Въ П. И. *хощу*, *хощеши* и *хотять*; но и у Нестора не разъ найдете *хотять*; и въ Экзарховомъ Прологѣ читаете: *хотять разумѣти*.

Въ П. И. весьма употребительна форма 5-го лица (прошедшаго времени), съ прибавленіемъ *ть* и въ единственномъ (*бяшеть*, *сѣяшеться*) и въ множественномъ числѣ (*кикахуть—говоряхуть* галки); такая же форма встрѣчается довольно часто и въ Лаврентьевскомъ Спискѣ Нестора (*учашеть*, *глаголашеть*, *укланяхуться*).—и въ Лѣтоп. Новгородскомъ (*бяшеть*, *учашеть*.)—Подобно сему и полное и усѣченное окончаніе глаголовъ въ 3-мъ лицѣ (настоящаго времени) можно видѣть въ Украинскомъ языкѣ: *пише* и *пишеть*,—*спѣвае*, *спѣваеть* и *спѣвa*.

3) Что касается до именъ прилагательныхъ, то употребленіе оныхъ въ усѣченной (или коренной) и въ полной формѣ относится къ всегдашнимъ свойствамъ Русскаго языка, и народнаго и книжнаго; согласованіе же оныхъ съ окончаніями именъ существительныхъ хотя и часто встрѣчается въ древнихъ памятникахъ, но едва ли можно сіе обратить въ правило непремѣнное: ибо окончаніе прилагательныхъ именъ въ нашемъ языкѣ вообще весьма измѣнчиво, и это относится ко многообразію языка (не говорю уже о тѣхъ вольностяхъ поэтическаго нрава, какія встрѣчаются не только въ пѣснопѣніяхъ и пословицахъ народныхъ, но даже въ писанныхъ стихотвореніяхъ, напр. Державина). Такъ въ П. И. находите: *храбра* и *храбрaго*; въ Великорусскихъ Пѣсняхъ *мила* друга, друга *милаго*, по горамъ по *высокимъ*, по раздольицамъ по *широкимъ*). Можно бы эти случаи разнаго употребленія окончаній въ поэтическихъ произведеніяхъ оправдать складомъ, мѣрою, которыми и дѣйствительно опредѣляется и условливается это разнообразное употребленіе; но вы находите оное и въ прозаическихъ книгахъ Словенскихъ: въ Экзарховомъ Прологѣ—*могущу*, *даюшу*, *имущему*; въ Богословіи: *имущему*, *имущеому*; а въ Синодальномъ Евангеліи 1144 года просто—*имущему*.

древнихъ памятникахъ нашей Словесности, и въ существующемъ донынѣ народномъ языкѣ Русскомъ—и Сѣверномъ, и Южномъ—въ Пѣсняхъ, пословицахъ и рѣчи разговорной; наконецъ прочтите многія изъ недавно писанныхъ и даже современныхъ намъ Проповѣдей: по употребленію тамъ Словенскаго и Русскаго языка, не уже ли спросите: какого вѣка языкомъ онѣ писаны, хотя несомнѣнно въ XIX вѣкѣ?....

Наконецъ остается сказать еще о складѣ языка въ Пѣсни Игорю.

Въ Русскомъ языкѣ есть множество разнаго рода сокращеній и растяженій, и не только въ поэтическомъ (для склада), но и въ разговорномъ. Напр *знамъ* (знаемъ), *свому* (своему), *для-шта* (для того что) и проч.

4) Въ П. И. есть многія слова, понынѣ сохраняющіяся въ Украинскомъ языкѣ и отчасти встрѣчающіяся въ другихъ древнихъ памятникахъ, напр. *туга* (печаль), *смага* (жаръ), *яруга* (оврагъ), *болонье*.—Въ П. И. *конецъ поля* (т. е. на концѣ поля); и въ Украинскомъ это слово употребляется какъ предлогъ: *конецъ перелога*, также какъ *край* поля (возлѣ поля).

5) *Родительный самостоятельный* падежъ находится въ П. И., напр. *другаго дни* (вм. на другой день), *полуночи* (см. о полуночи).—То же находится и въ Украинскихъ Пѣсняхъ: *Зеленой недѣлоньки* (вм. въ Зеленую не дѣлю), *ночной добы* (вм. ночною порою).

6) *К* часто замѣняется *Ч* и *Ц*; вмѣсто *Ч* встрѣчается *Ц*. Напримѣръ: *вьки* и *вѣци*, *луки* и *лучи*, *луци*; *плъкы* и *плъци*; *Русичи* и *Русици луіе* (вм. *луче*, какъ писали въ старину—*лучче*). Такъ и въ договорѣ Игоря и Кіев. Лѣтоп. вмѣсто *чи* (или)—*ци* («Мы есмы *ци* не Князи?» говорили Князья Сѣверскіе).

7) Нѣсколько словъ Татарскаго языка: *блъванъ*, *жаралугъ*, *салтани* весьма могли быть извѣстны прежде нашествія Монголо-Татарскаго, отъ другихъ Ордъ—Печенѣговъ, Половцовъ. Такъ въ XII вѣкѣ извѣстны были нашимъ Лѣтописцамъ *камуза* (кумысъ—въ Лѣтоп. Кіев.)—*Болванскій городъ* (въ Лѣтоп. Вятской или Хлыновской).

8) Нѣкоторые слова въ П. И. показались для иныхъ новыми, таковы: сабля, тѣлега, кровать, дорога, нынѣшній, давеча. Но какъ это доказать? скорѣе можно опровергнуть, подобіемъ другихъ словъ древнихъ и словенизмовъ ихъ корней; а кромѣ того, напр. слово *сабля* есть къ Несторовомъ Временникѣ, гдѣ говорится о дани Полянъ *мечами* Козарамъ, у коихъ были *сабли*.

9) Большаго вниманія и изысканія филологической критики заслуживаютъ нѣкоторыя старинныя слова въ П. И., коихъ значеніе постигается болѣе по смыслу рѣчи, чѣмъ по другимъ памятникамъ языка; таковы напр. *шереширы* (самострѣлы), *стрикусы* (тараны или стѣнобои), *папорзи*, *стязьба*, *болоіомъ*, *поганые тлковины* (кои Г. Глаголевъ пишетъ раздѣливъ такъ—*тлько вины*).

Здѣсь невольно приходитъ вопросъ: была ли она сложена для пѣнья? Но рѣшить это я не умѣю. Впрочемъ она могла быть пѣтою и не бывъ стихотвореніемъ: церковныя Пѣсни наши, большею частію не преставляющія никакой мѣрности въ складѣ своемъ, распѣваются на опредѣленные гласы. А между тѣмъ видимъ, что Украинскія Думы бандуристы поютъ перемѣшанно, то свободнымъ говоромъ или речитативомъ, то опредѣленными напѣвами или голосами, и что онѣ сложены изъ стиховъ разной величины и разнообразнаго размѣра. Съ другой стороны, во многихъ старинныхъ Русскихъ сказкахъ находимъ мѣрное теченіе рѣчи, изъ коей иногда выпадаютъ даже правильныя стихи. Но если бы эти сказки были нѣкогда сказочными пѣснопѣніями и изъ нихъ преобразовались, то можно привести въ примѣръ другія, болѣе новыя чисто сказочнаго, а не пѣснопѣвческаго вымысла, но сложенныя стихами, даже риѳмованными, какіе удавалось мнѣ слышать отъ Русскихъ сказочниковъ. Наконецъ можно указать еще на многія пословицы или притчи: эти въ полномъ смыслѣ изреченія весьма часто и въ древности высказывались стихами созвучными. Слѣдственно, Пѣснь Игорю могла быть сложена стихами и не для пѣнія; и наоборотъ, могла быть пѣтою, не бывъ вся стихотвореніемъ. Потому складъ ея можетъ быть разсматриваемъ и независимо отъ вышесказаннаго вопроса.

Г. Востоковъ (въ своемъ Опытѣ о Русскомъ стихосложеніи, 1817), признавая вообще складъ П. И. прозаическимъ, говоритъ однако же, что она у него раздѣлилась на довольно развитые и мѣрные періоды или стихи, но не можетъ имѣть отношенія къ (разобранному имъ такъ удачно) Великорусскому народному стихосложенію.

Г. Дубенскій (въ своемъ Опытѣ о народномъ Русскомъ стихосложеніи, 1828) полагаетъ, что П. И. сложена изъ правильныхъ стиховъ—гекзаметровъ.

Слѣдя въ П. И. гармоническое, вольное движеніе рѣчи ея, не льзя не замѣтить, что оно совершается, такъ сказать, отдѣльными, разнообразно-стройными волнами, кои Г. Востоковъ называетъ періодами или стихами, и что изсреди ихъ вырываются настоящіе стихи, иногда даже одномѣрные, а ино-

гда даже созвучные между собою, отглашающіеся понѣскольку на одну рѣчму. Но стихи эти вообще нестоль опредѣленнаго склада и однообразнаго размѣра, какъ народные Великорусскіе, но столько жъ разнообразные и вольные, какъ стихи Украинскіе, особенно въ Думахъ [1]). Справедливо, что Пѣснь Игорю иногда сбивается на сказочный Великорусскій складъ; но какъ еще болѣе приближаются къ ней Думы

---

1) На все сіе можно привести достаточное число примѣровъ:

1) Изъ пѣсни Ярославны:

Жа́ждею имъ лучи съпряжé,
Тугою имъ тули затчé.

2) Ту ся ко́піемъ приламати!
Ту ся са́блямъ потручати.

3) Коли со́колъ въ мытехъ бываетъ,
Высо́ко птицъ възбиваетъ.

4) Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая.
Галицы стады бѣжать къ Дону Великому.

5) Темно бо бѣ въ тре́ть день:

Два солнца помьркоста,
Оба багряная стлъпа погасоста.

6) Въ описаніи Всеслава (вѣроятно Бояновомъ):

Всесла́въ Князь людемъ судяше,
Княземъ грады рядяше,
А са́мъ въ ночь влъкомъ рыскаше

7) Въ описаніи Олега:

Тъй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше,
И стрѣлы по земли сѣяше. . .
Тогда по Русской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть;
Нъ часто врани грякхуть. . .
А галици свою рѣчь говоряхуть. . .

8) Изъ описанія Бояна:

—Который дотечате,
Та прѣди пѣсь пояше—
Старому Ярославу,
Храброму Мстиславу. . . .

Украинскія, особенно старинныя, по неопредѣленному, иногда большому числу стопъ въ стихахъ своихъ, звучащихъ разномѣрною, вольною гармоніею и созвучащихъ обыкновенно помногу на одну риѳму: потому складъ Пѣсни сей правильнѣе назвать древнимъ повѣстнымъ складомъ Русскимъ, который предшелъ сему же складу Украинской и Великорусской Поэзіи, и заключалъ въ себѣ зародыши обоихъ. Слѣдственно онъ имѣетъ къ нимъ близкое отношеніе вообще; а при этомъ уже и складъ нѣсколькихъ въ ней настоящихъ стиховъ имѣетъ отношеніе къ стихосложенію болѣе Украинскому, но также и Великорусскому.

Симъ кончаю замѣчанія мои о Пѣсни Игорю, которая завершила собою такъ прекрасно древнюю Русскую Словесность и которую можно назвать лебединою пѣснію Древней Руси.

---

9) Тамъ же, далѣе:

. . . Не десять соколовъ на стадо лебедей пущаше,
Нъ своя вѣщія пръсты на живая струны въскладаше.

10) Пѣсня Русскихъ женъ:

Уже на́мъ своихъ милыхъ ладъ
Ни мыслію смыслити,
Ни думою сдумати,
Ни очима съглядáти;
А злáта и срéбра ни мáло того́ потрепáти!—

ЗАМѢЧАНІЯ НА ПѢСНЬ О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ, [1]

въ стихотворномъ переводѣ г Гербеля.

I.

Со времени перваго изданія въ свѣтъ Пѣсни о Полку Игоревѣ, 1800 года—издано у насъ въ продолженіе 50-ти лѣтъ, 7 прозаическихъ и 8 стихотворныхъ переводовъ ея на нынѣшній русскій языкъ (не говорю о переводахъ на языки иностранные). А сколько написано примѣчаній, изслѣдованій! Такъ велико и постоянно вниманіе, возбуждаемое этою л е б е д и н о ю п ѣ с н і ю древней Руси!... И вотъ она является въ 1854 году въ новомъ стихотворномъ переводѣ г. Гербеля, и въ такомъ нарядномъ изданіи, въ какомъ ни разу еще не выходила. Перечитавъ съ удовольствіемъ этотъ новый переводъ Пѣсни Игорю, вмѣняю себя въ новое удовольствіе дать критическій отчетъ объ немъ,—припоминая себѣ давнюю работу мою—надъ ея критическимъ разборомъ, въ трехъ лекціяхъ (напечатанныхъ 1836 г. въ Журн. Мин. Народ. Просвѣщ. см. выше с. 498—563) и надъ переводомъ ея, изданнымъ 1837 г. (для моихъ слушателей въ университетѣ св. Владиміра) [2]

1.

Послѣ всего написаннаго о Пѣсни Игорю, и особенно послѣ прекрасной лекціи г. Шевырева (1846 г. въ Истор.

---

1) Москвитянинъ 1855, № 1, с. 157—172; и № 2, 105—134.

2) Мой подстрочный переводъ напечатанъ съ однимъ только текстомъ Пѣсни, *безъ всякихъ примѣчаній и поясненій*; и этотъ недостатокъ замѣнюю хоть нынѣшними замѣчаніями на новый переводъ ея.

Рус. Слов.)—излишне было бы входить здѣсь въ общія объ ней разсужденія. Достаточно будетъ указать только, въ чемъ состоитъ особенность поэтическаго взгляда на нее г. Гербеля. Онъ полагаетъ всю особенность ея—въ тонѣ и складѣ рѣчи ея, которыя и старался онъ сохранить по возможности (стр. 29 и 30). Владѣя стихомъ легкимъ и звучнымъ, переводчикъ достигъ этой цѣли: переводъ его производитъ общее впечатлѣніе, подходящее къ тому, какое остается въ насъ по прочтеніи подлинника. Въ этомъ его отличительное достоинство. Ибо, по близости къ подлиннику въ передачѣ подробностей, переводъ г. Гербеля уступаетъ не рѣдко какъ гекзаметрическому переводу г. Деларю (1839 г.), такъ и переводу г. Мея (1850 г. въ Москвитянинѣ), написанному размѣромъ народно-русскихъ стиховъ. Переводъ г. Мея тѣмъ неудовлетворителенъ, что въ немъ древняя пѣснь русскаго юга иногда перестроена на тонъ и складъ сѣверно-русскихъ стиховъ про веселыхъ молодцевъ новгородскихъ. Таково, напримѣръ, самое начало пѣсни:

«Аль затягивать, ребята, на старинный ладъ
Пѣсню слезную о полку князя Игоря,
Князя Игоря Святославича.
А и пѣсню намъ затягивать
Про недавнюю былинушку,
Не по замыслу Боянову....
Такъ затянемъ же ребята пѣсню дружную.»

У г. Гербеля это начало передано въ тонѣ болѣе соотвѣтственномъ подлинику:

«Не начать ли, братцы! мнѣ
Моего повѣствованья,
По завѣтной старинѣ,
Складомъ важнаго сказанья
Про исполненный невзгодъ
Святославича походъ?
И начать разсказъ мнѣ свой

Не по пѣснямъ вдохновеннымъ
Соловья страны родной,
А по былямъ современнымъ.»

Чтобы поддѣлаться удобнѣе подъ тонъ рѣчи подлинника, переводчикъ для каждой главы подбиралъ соотвѣтственный стихотворный размѣръ (с. 30) Тутъ—дѣло мастера боится;—тонъ рѣчи выдержанъ равно, и въ народно-русской мѣрѣ стиха, избранной для нѣкоторыхъ главъ. На мой взглядъ только двѣ главы, переведенныя безрифменнымъ гекзаметромъ какъ-то рознятъ съ остальными десятью, придавая иногда и самимъ подробностямъ несвойственный характеръ. Я разумѣю особенно ту главу, гдѣ описана побѣда надъ Половцами: «Съ заранія въ пятъкъ потопташа поганыя плъкы половецкыя.» Тутъ всего болѣе имѣлъ бы мѣсто размѣръ народныхъ пѣсенъ, для выраженія русской удали, какъ въ переводѣ Мея:

«Спозаранокъ было въ пятницу—
Потоптали наши витязи
Половецкую силу поганую;
Поразсыпавшись стрѣлами по полю....»

Въ переводѣ г. Гербеля это мѣсто сбивается на Иліаду

«Встрѣтившись въ пятницу утромъ, Русичи дружнымъ напоромъ
Смяли враговъ....»

и особенно, когда мѣсто серебрянаго копья, встрѣчается «древко хитрой чеканной работы.» У пѣвца Игоря простой металъ, и ни слова о хитрой работѣ.

2.

Г. Дубенскій пытался разбивать и самый подлинникъ Пѣсни на ровные гекзаметрическіе стихи; но и это было напрасное дѣло. Г. Гербель разбилъ ее на стихи неровной величины (на основаніи моего мнѣнія о ближайшемъ сродъ-

ствѣ Пѣсни Игорю съ Украинскими думами и по складу ея рѣчи). Стихи, на которые онъ раздѣлилъ пѣснь Игорю, иногда слишкомъ уже дробны; но во всякомъ случаѣ эта работа г. Гербеля составляетъ памятную услугу его въ отношеніи къ подлиннику Пѣсни. Напечатаніе текста кирилловскими буквами тоже составляетъ отличіе и достоинство его изданія.

3.

Что касается до дѣленія Пѣсни на главы, то г. Гербель принялъ Сахаровское дѣленіе на 12 пѣсенъ (вмѣсто 14, предложенныхъ мною, или 16, предложенныхъ г. Шевыревымъ). Но это напрасно; ибо г. Сахаровъ во 2 и 3 главѣ соединилъ по двѣ особыя. Неправильность этого соединенія отозвалась на самомъ переводѣ г. Гербеля. Ко 2-й главѣ (тогда Игорь взрѣ на свѣтлое солнце....) относится вѣщее затмѣніе, бывшее въ среду 1 мая, когда Игорь подходилъ къ р. Донцу, и приходъ къ нему брата Всеволода на другой день, когда Игорь былъ въ р. Осколѣ.—За тѣмъ слѣдуетъ уже особая глава (Тогда въступи Игорь въ златъ стремень....). Тутъ пѣвецъ изобразилъ грозную ночь, въ продолженіе которой Игорь сдѣлалъ большой переходъ. Это была уже вторая ночь послѣ затмѣнія, съ четверга на пятницу; а у г. Гербеля она представлена вслѣдъ за затмѣніемъ, какъ бы съ середы на четвергъ. Пѣвецъ только припоминаетъ здѣсь о бывшемъ затмѣніи, говоря: солнце ему путь заступало;—и потомъ начинаетъ рѣчь о самой ночи этой,—что она, грозой застонавъ ему (Игорю), птицъ разбудила.... А въ переводѣ Гербеля вы видите продолжающееся затмѣніе солнца:

«Но солнце дорогу ему застилаетъ
Полночною синею мглой;
Ночь, воемъ грозя ему, птицъ пробуждаетъ.»

У пѣвца скрипомъ половецкихъ телѣгъ означена полночь (у переводчика неопредѣленно сказанно: поздней порой). Послѣ полуночи, у пѣвца выражена нетерпѣливость

поспѣшающаго Игорева войска, что долго тянется эта ночь, и не скоро появляется заря новаго дня «Длъго ночь мрѣкнетъ заря свѣтъ запала; мъгла поля покрыла...» А въ переводѣ, все еще только начинается эта ночь:

«Спускается ночь съ высоты;
Заря, чуть мерцая вдали догораетъ,
Поля покрываются мглой.»

4.

Перейду теперь къ разсмотрѣнію подробностей перевода въ которомъ—какъ говоритъ г. Гербель—старался онъ о возможно-вѣрной передачѣ красотъ подлинника. (Всѣ переводившіе Пѣснь Игорю, какъ стихами такъ и прозою, вѣроятно, заботились о томъ же; ибо каждый переводъ, и прозаическій и стихотворный, то же, что портретъ—гдѣ сходство съ подлинникомъ есть главное достоинство. Но г. Гербель строго осудилъ всѣ прозаическіе переводы, говоря, что въ нихъ дорожили болѣе примѣчаніями и критическими изслѣдованіями, чѣмъ переводами,—и полагая только переводъ г. Вельтмана счастливымъ исключеніемъ изъ нихъ!)

Я начну съ простыхъ красокъ, которыми обрисованы у пѣвца Игоря разные предметы. Взглянемъ прежде всего на обрисовку оружія и доспѣховъ воинскихъ.

5.

(Щитъ). Пѣвецъ Игоря, когда говоритъ о щитахъ всегда ихъ называетъ червлеными; такими нарисованы щиты русскихъ и на картинкѣ «св. Борисъ ѣдетъ на Печенѣги»—въ древней харатейной рукописи житія Борисова (находящейся въ типографской библіотекѣ).

Но переводчикъ ни разу не нарисовалъ щитовъ красными.

Изяславъ, Городенскій князь въ битвѣ съ Литвою—«подъ чрьлеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ литовскими мечи.» Въ переводѣ:

«Палъ подъ ударами сабель литовскихъ, прикрытый
щитами,
На орошенную кровью траву....»

Передъ битвою съ Половцами на Каялѣ въ субботу, и на Сюурліѣ въ пятницу, у пѣвца два раза нарисованы Русскіе, загородившіе поле чрьленными щиты; въ переводѣ—просто щитами.

Изображая грозную ночь, пѣвецъ—(безъ сомнѣнія бывшій въ этомъ походѣ) говоритъ между прочимъ: «лисици брешутъ на чрьленыя щиты.» Тутъ всего болѣе надо было нарисовать щиты красными, такъ какъ этотъ цвѣтъ раздражаетъ многихъ животныхъ. Но въ переводѣ г. Гербеля и тутъ не передана краска подлинника:

«Проснулись лисицы и лаютъ за станомъ,
Завидя стальные щиты.»

6.

(Мечъ и сабля).—Въ вышеприведенномъ мѣстѣ о князѣ Изяславѣ, пѣвецъ даетъ Литовцамъ мечи, а переводчикъ сабли. Далѣе, внукамъ Всеслава пѣвецъ говоритъ: «вонзить свои мечи вережени.» У переводчика: «вложите въ ножны свои притупленныя сабли». Пѣвецъ говоритъ: «той бо Олегъ мечемъ крамолу коваше»,—въ переводѣ—«саблею ковалъ.» У пѣвца о Святославѣ сказано: «притрепалъ харалужными мечи;» у переводчика—саблями булатными! Половцамъ пѣвецъ даетъ только сабли; а переводчикъ не одинъ разъ даетъ имъ мечи. Князьямъ Рюрику и Давиду, пѣвецъ говоритъ: «не ваю ли храбрая дружина рыкаютъ аки тури, ранены саблями каленными въ полѣ незнаемѣ?» Въ переводѣ:

«Не ваши ль дружины рыкаютъ,
Среди незнакомыхъ полей,
Подобно израненымъ турамъ
Концами каленыхъ мечей?»

Бояре говорятъ Святославу о пораженіи Игоря и Всеволода: «Уже соколома крильца припѣшали поганыхъ саблями.» Въ переводѣ:

«Но крылья могучія ихъ
Враги обрубили стальными мечами.»

Вотъ еще замѣчательное мѣсто, въ обращеніи пѣвца къ Роману и Мстиславу: «Литва, Ятвязи, Деремела—сулиц и своя повръгоша, а главы своя поклониша подъ тыи мечи харалужные.» Въ переводѣ:

«Повергли оружье предъ вами,
Склонились подъ сабли Славянъ.»

Въ Пѣсни Игорю нѣтъ и помину о Славянахъ когда же переводчикъ, давая безъ разбора мечи и сабли, называетъ мечи волынскихъ князей «саблями Славянъ», то не лишнимъ считаю сказать, что Славянамъ собственно принадлежали мечи; а сабли вошли на Руси отъ воевавшихъ съ нею Азіятцевъ (Половцы и представлены у пѣвца только съ саблями; а Русь и Литва съ мечами; изъ Русскихъ только Куряне съ саблями). Припомнимъ изъ Нестора, данъ днѣпровскихъ Полянъ Козарамъ—отъ дыма мечь. «Рѣша старци козарьстіи: не добра дань княже! Мы ся доискахомъ оружьемъ одиною стороною, рекше саблями, а сихъ оружье обоюду остро, рекше мечь.» Припомнимъ еще замиреніе воеводы Прѣтича (968 г.) съ княземъ печенѣжскимъ. «И вдасть печенѣжьскій князь Прѣтичю конь, сабл ю, стрѣлы; онъ же дастъ ему бронѣ, щитъ, мечь.»

7.

(Латы).—У пѣвца Игоря ударъ меча и сабли объ шеломы есть характерная и любимая черта въ изображеніи битвы. «Единъ же Изяславъ—позвони своими острыми мечи о шеломы Литовськыя.» Въ изображеніи Всеволода, бьющагося на Каялѣ: «прыщеши на вои стрѣлами, гремлеши

о шеломы мечи харалужными.» Въ переводѣ вѣрно: «и гремить объ ихъ шлемы мечами.» Изображая пораженіе Русскихъ на Каялѣ, пѣвецъ говоритъ: «съ зараніа до вечера, съ вечера до свѣта, летятъ стрѣлы каленыя, гримлютъ сабли объ шеломы, трещатъ копія харалужныя.» Въ переводѣ:

«Стрѣлы тучами летятъ,
Копья крѣпкія трещатъ,
И о бляхи мѣдныхъ латъ
Сабли острыя гремятъ.»

Тутъ произвольно, вмѣсто шеломовъ, даны бляхи мѣдныхъ латъ. Но пѣвецъ Игоря совсѣмъ исключилъ мѣдь изъ своихъ красокъ, и въ его Пѣсни ничего нѣтъ мѣднаго. О латахъ ни разу не случилось упомянуть ему; а въ переводѣ г. Гербеля еще разъ встрѣчаются латы (желѣзныя), на князьяхъ Романѣ и Мстиславѣ:

«За тѣмъ, что латинскіе шлемы
И латы на вашихъ плечахъ.»

Въ подлинникѣ: «суть бо у ваю желѣзныи папорзи подъ шеломы латинскими.» Первые издатели Пѣсни перевели желѣзными латами, и этотъ переводъ повторялся долго, по незнанію, что такое папорзи. Догадка Грамматина, что это нагрудники (поперси)! была неудачна. Но теперь это слово уже объяснено; г. Шевыревъ и въ живой рѣчи русской подслушалъ слово папорзокъ (см. его Поѣздку 1850, ч. I. стр. 103).

Въ переводѣ г. Минаева, напечатанномъ 1846 года, передано это мѣсто вѣрно:

«Вы подъ шлемы латинскіе
Взяли крылья желѣзныя.»

Но г. Гербель пропустилъ это важнѣйшее и, можно сказать, единственное мѣсто перевода Минаева, — которымъ онъ послужилъ къ поясненію подлинника пѣсни, (между тѣмъ какъ г. Гербель руководствовался фантазіей г. Минаева въ уясне

ніи себѣ другихъ темныхъ мѣсть, напримѣръ, о стягахъ Давыдовыхъ, о клюкахъ Всеславовыхъ!). Пѣвецъ уподобляетъ налетъ Романа и Мстислава на враговъ ширянію сокола за птицею,—и продолжаетъ: «суть бо у ваю желѣзныи папорзи». Но что же означилъ онъ желѣзными крыльями? И Шевыревъ (тамъ же) говоритъ: «должно разумѣть желѣзные наплечники и даже латы».—Такъ и у г. Гербеля—латы на плечахъ. А по моему мнѣнію, такъ пѣвецъ самъ поясняетъ папорзы, говоря объ нихъ: тѣми—тресну земля.... подъ тыи мечи Харалужныи!—Мѣстоименье тѣми очевидно относится къ папорзамъ.

Для археологіи любопытно извѣстіе пѣвца, что помянутые. Волынскіе князья носили шлемы латинскіе (нѣмецкіе). Очень могло быть, что на этихъ шлемахъ въ видѣ украшенія были навязаны соколиныя крылья, что это и подало поводъ пѣвцу сравнивать Романа и Мстислава съ соколами, и назвать мечи ихъ желѣзными крыльями.

8.

(О шлемахъ). Но шлемы князей Русскихъ вообще пѣвецъ рисуетъ золотыми. Съ этимъ сходно и воспоминаніе Волынскаго лѣтописца о Мономахѣ: «тогда Володимеръ Мономахъ пилъ золотымъ шеломомъ Донъ.»

Пѣвецъ Игоря, въ обращеніи къ Рюрику и Давыду, говоритъ: «не ваю ли злачеными шеломы по крови плаваша?» Переводчикъ даетъ имъ стальные шеломы, вмѣсто золоченыхъ.

«Не ваши ли шлемы стальные
Забрызганы кровью чужой?»

Въ переводѣ г. Мея гораздо лучше:

«Ваши шлемы золоченые
По рѣкѣ кровавой плавали.»

Князьямъ Мстиславичамъ пѣвецъ говоритъ: »кое ваши латые шеломы, и сулицы ляцкіе, и щиты?» Здѣсь только о

сулицы (пики) названы ляцкими; а въ переводѣ г. Гербеля не вѣрно:

«Къ чему же вамъ польскіе шлемы,
Съ мечами и копьями ихъ?»

Тутъ г. Гербель поруководствовался фантазіей г. Минаева:

«Въ простѣнкахъ развѣшаны
Доспѣхи все Ляшскіе:
И шлемы, и дротики,
И щиты съ кольчугами» и т. д.

У г. Мея переведено это съ надлежащею вѣрностью:

«Для чего же вамъ шеломы золоченые,
И щиты, и копья ляшскіе?»

Буй-туръ Всеволодъ, въ субботней битвѣ на Каялѣ, скачетъ, «своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая.» Ему одному только оставленъ золотой шеломъ въ переводѣ г. Гербеля: «Гдѣ ни появишься ты богатырь, золоченымъ шеломомъ Блеща, тамъ въ прахѣ лежатъ половецкія головы грудой.»

А Игорю князю, томимому мономаховскою жаждою Дона, переводчикъ далъ отъ себя не золотой, а желѣзный шеломъ!

Не испугавшись полнаго затмѣнія солнца (какъ нѣкогда отъ него перетрусился до смерти лакедемонскій вождь), Игорь говоритъ къ своей дружинѣ:

«Хощу бо, рече, копіе приломити конецъ поля половецкаго, съ вами Русичи! Хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону!» Въ переводѣ:

«Хочу, продолжалъ онъ, объ поле чужое,
Чужой половецкой земли,
Сломить вмѣстѣ съ вами копье боевое,
Дружина и братья мои!
Хочу положить свои кости за Дономъ,
На берегѣ дальнемъ его,
Или зачерпнувши желѣзнымъ шеломомъ,
Напиться воды изъ него!»

Если переводчикъ рѣшился знаменательное выраженіе того вѣка: испити шеломъ Дону, развить въ подробности (зачерпнувши, напиться воды изъ него), тогда и шеломъ нарисовать бы золотымъ, а не желѣзнымъ. У г. Минаева это передано такъ:

«Съ вами жить и не жить,
Съ вами Дону испить
Я хочу, и напьюсь изъ стальнаго шелома.»

Въ переводѣ г. Мея вѣрнѣе обоихъ:

«Аль сложу свою я голову,
Аль напьюсь шеломомъ изъ Дону!»

«Конецъ поля» значитъ въ концѣ поля: что и слѣдовало выразить; ибо въ томъ и была мечта Игоря, чтобы «поискати града Тьмутаракания, а любо испити шеломомъ Дону.» Это мѣсто пѣсни у г. Гербеля переведено вѣрно, съ поясненіемъ:

«Чтобъ вырвать у Половцевъ Тмутаракань,
Иль шлемомъ напиться изъ Дона!»

Но тамъ, прибавка дальнаго берега къ Дону не совсѣмъ умѣстна; ибо Игорь говорилъ эти слова не надъ Десною, а уже на берегу Донца.

Слова Игоря: хочу голову свою положить, слѣдовало удержать въ переводѣ, не замѣняя головы костями. Сложить голову—выраженіе завѣтное и историческое. Такъ, въ томъ же вѣкѣ, въ часъ роковой войны, Изяславъ и Ростиславъ, прибѣжавъ къ Вячеславу, говорили: «отче хочемъ головы своя сложити за тя!» Князь Василько, подобно Игорю, говорилъ: «да любо налѣзу собѣ славу, а любо голову свою сложю за Русскую землю!» Великій князь Изяславъ (1078 г.) говорилъ брату своему Всеволоду: «азъ сложю главу свою за тя!» Вспомянемъ и Святослава за Дунаемъ (971 г.): «уже намъ нѣкамо ся дѣти, волею и неволею стати противу: да не посрамимъ земли Русскыя, но ляжемъ костьми, мертвыи бо срама не имамъ;

аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ, не имамъ убѣжати; но станемъ крѣпко; азъ же предъ вами поиду; аще моя глава ляжетъ, то промыслите собою! И рѣша вои: идѣже глава твоя, ту и свои главы сложимъ!»

9.

Сѣдло и (стремена).—Какъ шлемы князей пѣвецъ Игоря рисуетъ золотомъ, такъ и сѣдло, и стремена княжескія у него золотыя.

Плѣненіе Игоря на Каялѣ у него изображено такъ: «ту Игорь князь высѣде изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кощіево.» У г. Гербеля это передано вѣрно:

«Гдѣ онъ славный ужъ князь Сѣверскій
Изъ сѣдла раззолоченнаго
Пересѣлъ въ сѣдло полонника.»

Но стремена переводчикъ рисуетъ по-своему. Пѣвецъ Игоря, вмѣсто простаго выраженія—сѣсть на коня, говоритъ: вступить въ стремя, и всегда прибавляетъ золотое.

«Тогда въступи Игорь князь въ златъ стремень, и поѣха по чистому полю.» Въ переводѣ:

«Князь Игорь въ чеканное стремя вступаетъ,
И ѣдетъ дорогой степной.»

Замѣна золота чеканью, и потомъ еще замѣна дорогою поля чистаго—отняли вѣрность и даже красоту у этой картины. Что за дорога ночью въ полѣ незнаемомъ, когда и Половцы побѣжали неготовыми дорогами, т. е. не дорогами, а прямо степью.—Поле чистое (раздолье широкое!) тутъ именно кстати поставлено для Игоря,—когда онъ, дождавшись брата Всеволода и получивъ вѣсть отъ передовой сторожи, пустился на всю ночь въ походъ. Поутру они настигли Половцевъ, и князь Игорь, изрядивши полки

свои, воскликнулъ: «братья! сего есми искали, а потягнемъ?» А переводчикъ передалъ поле чистое Половцамъ.

О князѣ Олегѣ пѣвецъ говоритъ: «ступаетъ въ златъ стремень въ градѣ Тьмутараканѣ.» Въ переводѣ:

«Еще бывало на коня
Садился онъ въ Тьмуторокани,
А ужъ къ концу того же дня....»

Прибавкою—къ концу того же дня, переводчикъ нарисовалъ отъ себя поэтическую картину, въ которой Олегъ становится похожимъ на Всеслава. А пояснительнымъ выраженіемъ—садился на коня, замѣнилъ онъ любимый пѣвцомъ Игоря оборотъ рѣчи—вступить въ золотое стремя.

Такъ и въ другихъ мѣстахъ, поэтическую образность выраженія переводчикъ иногда замѣняетъ пояснительнымъ прозаическимъ словомъ. Пѣвецъ, изображая полуночный побѣгъ Всеслава изъ Бѣлгорода, говоритъ: обѣсися синѣ мглѣ; этимъ картиннымъ выраженіемъ пѣвецъ замѣнилъ лѣтописное выраженіе Нестора: «утаився Кіянъ;» а переводчикъ замѣнилъ его прозаическимъ словомъ: «пользуясь синею мглою.» Внукамъ Всеслава пѣвецъ говоритъ: «ужа бо выскочисте изъ дѣдней славы!» Въ переводѣ передано прозаически и не довольно вѣрно: «вы обезславили дѣдовъ!» Тутъ рѣчь объ одномъ дѣдѣ, о Всеславѣ, а не о предкахъ. (Въ моемъ переводѣ это мѣсто было передано довольно близко: вы уже отпали отъ дѣдовской славы!).

Въ пѣсни Игорю еще разъ встрѣчается рѣчь о стременахъ, въ обращеніи къ Рюрику и Давыду: «вступита, господина, въ злата стремень!» Тутъ у г. Гербеля передано прекрасно:

«Скорѣй въ стремена золотыя
Вступайте—и и вихремъ за Донъ!

10.

О прибавкѣ здѣсь вихря не могу не сдѣлать слѣдующаго замѣчанія. Въ Пѣсни Игорю только одинъ разъ встрѣчается уподобленіе вихрю,—Кіевскаго князя Святослава, побѣдителя Кобяка, котораго онъ «яко вихрь выторже.» Переводчикъ сказалъ про него просто—исторгъ; и отнявши отсюда вихрь, рисуетъ имъ уже отъ себя другихъ князей, въ томъ числѣ и Всеслава Полоцкаго:

«И не клюкой подпираясь, а сѣвъ на коня боеваго,
Въ Кіевъ престольный помчался онъ вихремъ
степнымъ.»

Въ подлинникѣ: «той клюками подпръся о кони, и скочи къ граду Кіеву.» Уподобленіе степному вихрю не идетъ князю Полотскому. Да и почему же не клюкой подперся онъ, когда у пѣвца говорится утвердительно: подперся клюками! — Тутъ переводчикъ поруководствовался фантазіей г. Минаева:

«Ужъ онъ подпирается
Не посохомъ старческимъ.
А лукой высокою
Сѣдла королевскаго....
...И понесся бурею....»

Уподобленіе степному вихрю не сходится и съ тѣмъ представленіемъ Всеслава, какое дано ему въ Пѣсни: тамъ онъ рыщетъ волкомъ, скачетъ лютымъ звѣремъ. Къ тому же вспомнимъ, что Всеславъ не вихремъ примчался въ Кіевъ, а положась на обманный призывъ Ярославичей, «переѣха въ лодьи черезъ Днѣпръ»—и приведенъ изъ Смоленска въ Кіевъ, какъ узникъ, и посаженъ въ порубъ,—и оттуда уже, освобожденный народомъ, сѣлъ онъ на престолѣ кіевскомъ.—(Впрочемъ сказаніе Пѣсни о Всеславѣ не совсѣмъ сходится съ сказаніемъ Нестора: битва на Немигѣ, такъ ма-

стерски нарисованная въ Пѣсни, послѣ побѣга Всеслава изъ Бѣлгорода —происходила, по сказанію Нестора, прежде 7-мимѣсячнаго княженія Всеславова въ Кіевѣ).

11.

(Стрѣлы).—«Летятъ стрѣлы каленыя.» Въ переводѣ: «стрѣлы тучами.» Тутъ у пѣвца стрѣлы названы каленымі, тѣмъ именемъ, которое присвоилось стрѣламъ, какъ постоянный, неотлучный эпитетъ,—какъ полю названіе чистаго, звѣрю лютаго, коню борзаго, дѣвицѣ красной. Эти вѣковыя слова сами по себѣ уже даютъ поэтическую красоту своимъ предметамъ; и пропускать такія слова изъ Пѣсни Игорю значитъ убавлять красоту ея выраженія. Переводчикъ поставилъ: тучами летятъ; это у него любимое слово для изображенія полета стрѣлъ. О князѣ Всеволодѣ говоритъ онъ: «осыпаетъ тучею стрѣлъ»—у пѣвца: «прыщеши на вои стрѣлами.»—Тоже и въ пѣсни Ярославны. Въ подлинникѣ: «о вѣтре, вѣтрило! Чему, господине, насильно вѣеши? Чему мычеши хиновскыя стрѣлки, на своею нетрудною крылцю, на моея лады вои?...» По переводу г. Гербеля:

«Вѣтеръ, вѣтеръ перелетный!
Что ты воешь и свистишь?
Что ты въ небѣ, беззаботный,
Тучи черныя клубишь?
Для чего ты окрыляешь
Вражьи стрѣлы? для чего
Цѣлой тучей насылаешь
Ихъ на друга моего?»

Это можно назвать болѣе подражаніемъ Козлову, чѣмъ пѣвцу Игоря; въ переводѣ Козлова:

«Вѣтеръ, вѣтеръ о могучій,
Буйный вѣтеръ! что шумишь?
Что ты въ небѣ черны тучи

И вздымаетъ и клубишь?
Что ты легкими крылами
Возмутилъ потокъ рѣки,
Вѣя ханскими стрѣлами
На родимые полки?...»

У пѣвца Игоря тучами рисуется толпа войска (какъ и въ Украинскихъ думахъ). А полетъ стрѣлъ, навѣваемыхъ вѣтромъ («се, вѣтри Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами»), у пѣвца представляется въ видѣ дождя,—какъ у него и сказано, передъ битвою съ Половцами: «быти грому великому! Итти дождю стрѣлами съ Дону великаго!» По переводу г. Гербеля:

«...быть сильному грому;
Литься должно стрѣлами съ великаго Дона...»

Сходно съ такимъ представленіемъ полета стрѣлъ,—и вышеприведенное выраженіе Пѣсни: прыщешь стрѣлами—вѣрнѣе было бы передать дождемъ стрѣлъ, нежели тучею, которою у пѣвца изображается толпа войска.

12.

Тутъ мнѣ вспоминается другое мѣсто въ Пѣснѣ, о побѣгѣ Игоря изъ плѣна: «Прысну море полунощи, идутъ смерци мьглами; Игореви Князю Богъ путь кажетъ...»

Въ переводѣ невѣрно:

«Въ полночь море взволновалося;
Небо тучами покрылося:
Кажетъ Богъ дорогу Игорю...»

Смерци—смерчи, водяные столбы; ими хлынуло море; они идутъ какъ туманъ; ими Богъ путь кажетъ князю Игорю—«на землю Русскую, къ отню злату столу...» Въ переводѣ:

«Изъ неволи въ землю Русскую,
Въ край родной—къ столу отцовскому»

Тутъ не дорисованъ отень златъ столъ: у пѣвца Игоря (также какъ и въ Чешскомъ «Судѣ Любуши»),—эти три слова какъ будто одно сложное слово; безъ слова золотой и не поминается столъ княжескій. Но въ переводѣ это не выдержано. Въ воззваніи къ Суздальскому князю Всеволоду, пѣвецъ говоритъ: «Не мыслію ти прелетѣти издалеча, отня злата стола поблюсти!» Въ переводѣ г. Гербеля:

«Зачѣмъ ты не здѣсь? Отчего
Не мчишься грозой, на защиту
Престола отца своего?»

Въ переводѣ г. Мея:

«Князь великій Всеволодъ! Не мыслію
Перенесться тебѣ издали,
Поберечь отцовскій золотой престолъ».

А вышеприведенное мѣсто объ Игорѣ, у г. Мея передано такъ:

«Князю Игорю Богъ кажетъ путь
Изъ земли изъ Половецкой, въ землю Русскую,
Къ золотому престолу отчему!»

Въ пѣсни сказано объ Игорѣ и Всеволодѣ: «Се бо два сокола слетѣста съ отня злата стола».

Въ переводѣ г. Мея:

«Оттого, что оба сокола
Отлетѣли съ золота престола отчаго».

Въ переводѣ г. Гербеля:

«Два сокола ясныхъ, какъ утренній свѣтъ,
Слетѣли съ отцовскаго трона,
И вихремъ помчались на брань...»

Тутъ переводчикъ весьма кстати придалъ отъ себя соколамъ народно-поэтическій эпитетъ ясный; но прибавленіе «какъ утреній свѣтъ», уже излишекъ. — Прибавка: вихремъ помчались—совсѣмъ не умѣстна, ибо Игорь, выступивъ въ походъ 23 апрѣля, къ Донцу дошелъ только 1-го Мая: «и тако идяхуть тихо, сбираюче дружину свою: бяхуть бо у нихъ кони тучни вельми» (говоритъ Кіевская лѣтопись, передавшая намъ много вѣрныхъ подробностей о походѣ Игоревомъ).

13.

Въ переводѣ г. Гербеля не одинъ разъ встрѣтите прибавленія къ подлиннику, которыми нарушается вѣрность или исторической дѣйствительности, или картины, нарисованной пѣвцомъ.

Воротясь изъ плѣна, «Игорь ѣдетъ по Боричеву» къ Святѣй Богородицѣ Пирогощей.

«Игорь ѣдетъ домой
На Боричевъ, къ святой
Пирогощей свой путь направляя...»

Нѣтъ, не домой, а уже изъ дому ѣхалъ Игорь въ Кіевъ по Боричеву. Бѣжавъ изъ плѣна, Игорь въ 11 дней дошелъ—«до города Донца; и оттолѣ иде во свой Новгородъ—и обрадовавшася ему; и изъ Новагорода иде ко брату Ярославу къ Чернигову.... оттолѣ ѣха ко Кіеву къ Великому Князю Святославу, и радъ бысть ему Святославъ...» (Кіев. лѣт.) О церкви св. Пирогощей, въ примѣчаніяхъ г. Гербеля (стр. 147), напрасно сказано, что на ея мѣстѣ нынѣ стоитъ церковь Трехъ Святителей: эта послѣдняя церковь есть древняя Васильевская, сооруженная св. Владимиромъ; она осталась на своемъ мѣстѣ, на уцѣлѣвшемъ отъ древняго времени каменномъ основаніи (см. въ Кіевлянинѣ, кн. I. Обозрѣніе Стараго Кіева).

14.

Пѣвецъ Игоря говоритъ объ ранахъ его, напримѣръ въ плачѣ Ярославны: «утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ».

Въ переводѣ г. Гербеля:

«Отыщу его, и стану
Обмывать своей рукой
Окровавленную рану
На груди его больной!»

Такъ и въ переводѣ Козлова:

«Я домчусь къ родному стану,
Гдѣ кипѣлъ кровавый бой,
Князю я обмою рану
На груди его младой!»

Если уже означать мѣсто, гдѣ именно были раны—на жестоцѣмъ его тѣлѣ, такъ и означить бы тамъ, гдѣ дѣйствительно были онѣ. Кіевская Лѣтопись говоритъ: уязвиша Игоря въ руку, и умрътвиша шюйцю его, и бысть печаль велика въ полку его».

15.

Въ пѣсни, бояре говорятъ Святославу про Игоря и Всеволода: «уже соколома крильца припѣшали саблями поганыхъ, а самою опутоша въ путины желѣзны». Тутъ поэтически означены и пораженіе и плѣнъ князей. Въ переводѣ:

«Но крылья могучія ихъ
Враги обрубили стальными мечами;
И въ мрачной тюрьмѣ заключивши самихъ,
Опутали ноги цѣпями».

«Лучше изрублену быть, чѣмъ быть полонену!» говорилъ Игорь 1 мая. Зачѣмъ же тягость полона его еще увеличивать отъ себя небывалымъ тюремнымъ заключеніемъ! Извѣстно исторически, что Половцы «не творяхуть ему пакости,—но

волю ему даяхуть; гдѣ хочетъ, ту ѣздяшеть и ястрябомъ ловяшетъ; а своихъ слугъ съ 5 и съ 6 съ нимъ ѣздяшеть; сторожеве же слушахуть его и чьстяхуть его, и гдѣ посланетъ кого, безъ пря творяхуть повелѣное» (Кіев. лѣт.). Да и какія мрачныя тюрьмы въ степяхъ Половецкой земли? Вспомнимъ живописное сказаніе Нестора о плѣнѣ Половецкомъ (подъ 1093 г.): «въ алчи и въ жажи и въ бѣдѣ опустнѣвше лици, почернѣвше тѣлесы, незнаемою страною, языкомъ испаленымъ, нази ходяще и боси, ноги имуще сбодены терньемъ; со слезами отвѣщеваху другъ другу, глаголюще: азъ бѣхъ сего города; и другіа: азъ сея вси!»

16.

Кстати о плѣнникахъ Половецкихъ.—Въ воззваніи къ Всеволоду Суздальскому пѣвецъ говоритъ: «абы ты былъ, то была бы чага поногатѣ, а кощѣй порѣзани». Половчанинъ пологается тутъ по двугривенному, а Половчанка по полтиннику). Но въ переводѣ положена имъ цѣнность на оборотъ:

—«Поногатѣ
Скупать бы мы плѣнныхъ могли,
Платили-бъ по мелкой рѣзани
За дѣвъ Половецкой земли!»

Въ воззваніи къ Ярославу Галицкому, пѣвецъ говоритъ: «Стрѣляй, господине, Кончака, поганого кощѣя!» Этимъ укорительнымъ словомъ означено прежнее отношеніе Половецкаго хана: но переводчикъ, пропустивъ эту черту о Кончакѣ, замѣняетъ ее стихомъ, выражающимъ ненависть къ нему:

«Направь свои стрѣлы въ Кончака,
Пусть мщенье извѣдаетъ онъ!»

17.

Подобными пропусками изглажено нѣсколько историческихъ подробностей подлинника.

«Жля и Карна нечестивые
Прискакали въ землю Русскую,
Разразилися пожарами».

У пѣвца говорится не о простыхъ пожарахъ, которыми бывало Половцы жгли села Русскія: «кликну Карна, и Жля поскочи по Русской земли смагу мычючи въ пламянѣ розѣ», т. е. кидая огонь изъ пламеннаго рога (переводъ г. Дубенскаго).

Извѣстно по Лѣтописи Кіевской, что въ томъ же году (1185), передъ походомъ Игоря, Кончакъ приходилъ на Русь со множествомъ Половцевъ, имѣя при себѣ «такового бесурменина, иже стрѣляше живымъ огнемъ». Въ Пѣсни Игорю говорится о пламенномъ рогѣ, которымъ Карна (не помянутый лѣтописью) кидалъ смагу (т. е. жаръ, огонь—по всей вѣроятности тотъ живой огонь): подробность любопытная для исторіи огнестрѣльныхъ снарядовъ.

18.

Въ томъ же мѣстѣ говоритъ пѣвецъ: «а поганіи со всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Русскую». Въ переводѣ:

«А межъ тѣмъ враги со всѣхъ сторонъ
Приходили въ землю Русскую,
И вторгалися погибелью»..

Тутъ напрасно не удержано слово побѣда.—Для недавнихъ побѣдителей Половцевъ, въ томъ и «обида въ силахъ Дажьбожа внука» (т. е. Руси), что поганые со всѣхъ сторонъ приходили съ побѣдами! Это же пѣвецъ повторяетъ и вслѣдъ за тѣмъ.

19.

Указывая на разореніе Половцами города Рымова (возлѣ Ромна) пѣвецъ говоритъ о Переяславскомъ Князѣ:

«а Володимеръ подъ ранами; туга и тоска сыну Глѣбову!» Въ переводѣ г. Гербели передано это мѣсто прекрасно:

«Подъ саблями стонетъ безпомощный Римъ:
А съ нимъ и Владиміръ болѣзнью томимъ.
Нѣтъ, видно печаль и кручина
Удѣлъ беззащитнаго Глѣбова сына!»

Какъ умѣстно прибавлены тутъ слова безпомощный, беззащитный, вѣрно выражающія тогдашнее положеніе и города, и юнаго Князя, о смерти котораго черезъ годъ—«Украина много постона». Но слѣдовало бы сохранить въ переводѣ и слово пѣвца о памятныхъ ранахъ Владиміра, полученныхъ имъ при отраженіи Кончака отъ Переяслава. «И тако отъяша Князя своего, язвена сущи тремя копьи. Сій же добрый Володимеръ язвенъ труденъ въѣха въ городъ свой, и утре мужественнаго пота за отчизну свою» (Кіев. лѣтоп.).

20.

Въ возваніи къ Роману Волынскому, пѣвецъ поименовалъ народы, съ которыми этотъ Князъ воевалъ побѣдительно «Литва, Ятвязи, Деремела и Половци..» Въ переводѣ:

«Ятвяги, Литва и Половцы,
Съ народами Сѣверныхъ странъ».

Вмѣсто собственнаго имени народа Деремеловъ, сохранившагося въ Пѣсни Игорю, переводчикъ поставилъ народы Сѣверныхъ странъ!

II.

(Битва на Каялѣ)

21.

Послѣ побѣды надъ Половцами, одержанной Игоремъ въ пятницу (3 мая) у р. Сюурлія,—на другой день началась новая битва, которая продолжалась полторы сутки, и кончилась пораженіемъ Русскаго войска и плѣномъ князей, на р. Каялѣ. Эта битва есть главное дѣйствіе въ походѣ Игоря, и въ Пѣсни о полку Игоревѣ. Посмотримъ на нее въ переводѣ г. Гербеля.

Но напередъ считаю не лишнимъ замѣтить, что пѣвецъ Игоря въ изображеніи этой битвы сходится вполнѣ съ сказаніемъ лѣтописи Кіевской, и этимъ взаимнымъ согласіемъ ихъ опредѣляется историческая достовѣрность событія въ его подробностяхъ. Такимъ образомъ открывается невѣрность нѣкоторыхъ извѣстій о походѣ Игоревомъ, встрѣчаемая въ лѣтописи Лаврентьевской или Суздальской. Тамъ сказано, напримѣръ: «И сняшася у Переяславля Игоръ съ двѣма сыномa....» Это невѣрно. Невѣрно и то, будто послѣ побѣды, одержанной надъ Половцами (въ пятницу), наши «стояша на вежахъ 3 дни веселяся». Лѣтопись Кіевская обстоятельно разсказываетъ, какъ Игорь, послѣ той побѣды, говорилъ: «Нынѣ же поѣдемъ черезъ ночь!» Но племянникъ его Святославъ сказалъ: «далече есмъ гонилъ по Половцехъ, а кони мои не могутъ; аже ми будетъ нынѣ поѣхати, то толико ми будетъ на дорозѣ остати! И поможе ему Всеволодъ яко же облечи ту. И рече Игорь: да недивно есть разумѣющи братья, умерети!—и облегоша ту». Объ этомъ ночлегѣ и въ Пѣсни Игорю сказано: «Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо... далече залетѣло! Не былонъ обидѣ порождено—ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чрьный воронъ, поганый По-

ловчине!»—«Свѣтающи же суботѣ (продолжаетъ лѣтопись Кіевская) начаша выступати полци Половецкіи, акы борове; изумѣшася князы Русскіи, кому ихъ которому поѣхати, бысть бо ихъ безчисленное множество.»

Пѣвецъ Игоря изображаетъ это картиною наступающей грозы.

22.

«Другого дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ. Чрьныя тучя съ моря идутъ; хотятъ прыкрыти четыри солнца; а въ нихъ трепещутъ синіи млъніи. Быти грому великому! итти дождю стрѣлами съ Дону великаго! Ту ся копіемъ приламати; ту ся саблямъ потручяти о шеломы Половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону великаго! О Русская земле, уже ты не шеломянемъ еси!»

Г. Гербель передалъ эту картину превосходно:

«Рано заутра востокъ загорѣлся кровавой зарею;
Черныя тучи идутъ съ отдаленнаго моря, стараясь
Тѣнью своею закрыть четыре блестящіе солнца;
Синія молніи въ тучахъ трепещутъ: быть сильному грому,
Литься дождю стрѣлами съ великаго Дона; тамъ-то
Копьямъ стальнымъ поломаться! Тамъ-то объ шлемы Половцевъ
Острымъ мечамъ притупиться—на быстрой Каялѣ, у Дона!
Русь, уже ты подъ курганомъ!...»

Пѣвецъ означаетъ четыри солнцами четырехъ Русскихъ князей: Игоря съ братомъ Всеволодомъ; старшимъ сыномъ Владимиромъ и племянникомъ Святославомъ (Въ Кіевской лѣтописи опредѣлительно сказано, что Игорь взялъ съ собою въ походъ брата Всеволода, племянника Святослава, и—«Володимера сына своего изъ Путивля», о которомъ и въ битвѣ на р. Сюурліѣ сказано: «Напередѣ ему сынъ Володимеръ»). Сообразно съ этимъ

представленіемъ Половцевъ, наступающихъ черными тучами на нашихъ князей, и въ другомъ соотвѣтственномъ мѣстѣ Пѣсни, кіевскіе бояре говорятъ своему князю: «Темно бо бѣ въ третій день: два солнца помркоста, оба багряная стлъпа погасоста, и съ нима молодая мѣсяца—Олегъ и Святославъ—тьмою ся поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла». Тутъ только два старшіе князя (Игорь и Всеволодъ) названы солнцами; а два меньшихъ князя двумя молодыми мѣсяцами. Въ Пѣсни сказано «Олегъ и Святъславъ»—но это явная обмолвка? имя малолѣтняго Игорева сына Олега поставлено вмѣсто имени старшаго сына Владимира, бывшаго въ походѣ и взятаго въ плѣнъ, гдѣ Кончакъ и женилъ его на своей дочери. Эту ошибку въ Пѣсни замѣтилъ еще Грамматинъ. (Вольно было г. Дубенскому предполагать, что имя Олега могло быть тутъ опискою, вмѣсто Ольстина Олексича, начальствовавшаго черниговскими Ковуями). Г. Гербель не воспользовался справедливымъ указаніемъ Грамматина, пропустивъ въ переводѣ и два багряные столпа:

«На третій день утро смѣнилося мглой;
Погасли два солнца подъ ризой ночной,
И съ ними потухли два мѣсяца ясныхъ—
Олегъ съ Святославомъ—два князя прекрасныхъ.
Заря на Каялѣ погасла во мглѣ....»

Но пѣвецъ, въ концѣ Пѣсни, величая князей, бывшихъ въ этомъ походѣ, называетъ намъ не Олега, а Владимира Игоревича: г. Гербель пропустилъ тамъ его имя назвавъ только—сыномъ его (т. е. сыномъ Игоря),—и такимъ образомъ въ переводѣ совсѣмъ не помянуто имя Владиміра—одного изъ героевъ этого похода, и можно сказать, самаго романическаго лица (по его женитьбѣ въ плѣну на Кончаковнѣ, о которой и ведетъ рѣчь Кончакъ, подъ конецъ Пѣсни).

23.

Вслѣдъ за картиною грознаго появленія половецкихъ полковъ, пѣвецъ изображаетъ наступленіе ихъ и начало битвы:

«Се, вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрыя плъкы Игоревы. Земля тутнетъ; рѣкы мутно текутъ; пороси поля прикрываютъ, стязи глаголютъ. Половци идутъ отъ Дона и отъ моря; и отъ всѣхъ странъ Рускыя плъкы обступиша. Дѣти бѣсовы кликомъ поля прегородиша; а храбріи Русици преградиша чрълеными щиты».

Переводъ этого мѣста г. Гербеля также хорошъ, какъ и перваго:

«....Чу! вѣтры Стрибоговы внуки
Дуютъ съ моря стрѣлами на храброе Русское войско.
Стонетъ земля подъ копытами, рѣки мутятся подъ бродомъ,
Стелется пыль по полямъ, я лепечутъ знамена: это
Половцы тучей отъ Дона и съморя идутъ—и отвсюду
Наши родные полки окружаютъ. Бѣсовы дѣти
Крикомъ свой станъ оградили, а русское войско—щитами.»

Тутъ въ переводѣ неудачна только замѣна поля—своимъ станомъ. Половцы своими полками окружаютъ наши полки (въ подкрѣпленіе этого можно привести слова Кіевской лѣтописи: «Яко стѣнами сильными огорожени бяхутъ полкы Половецькими»); крикомъ своимъ они ограждаютъ поле битвы!—Про ихъ соплеменниковъ пѣвецъ говоритъ: кликомъ полки побѣждаютъ! Это обычный гикъ азіатскаго войска.

24.

«И тако бишась крупко ту днину до вечера; и мнози ранени и мертви быша въ полкохъ Рускихъ. Наставши

же нощи суботніи, и поидоша бьючися», говоритъ Кіевская лѣтопись.—Пѣвецъ Игоря, пропуская подробности битвы въ тотъ день, нарисовалъ только князя Всеволода—«крѣпко борющася»—(по выраженію лѣтописи):

—«Яръ-Туре Всеволоде! стоиши на бороні; прыщеши на вои стрѣлами; гремлеши о шеломы мечи харалужными. Камо Туръ поскочаше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая тамо лежатъ поганыя головы Половецкыя; поскепаны саблями каленымі шеломы Оварскыя, отъ тебе, Яръ-туре Всеволоде. Кая раны дорога, братіе, забывъ чти и живота, и града Чрънигова, отня злата стола, и своя милыя хоти красныя Глѣбовны свычая и обычая!»

Эту превосходную пѣснь Всеволоду—г. Гербель передалъ въ слѣдующихъ прекрасныхъ стихахъ:

«Всеволодъ буйный! Ты бьешся въ передних рядахъ,—
осыпаешь
Тучею стрѣлъ Половчанъ, и гремишь объ ихъ шлемы
мечами
Гдѣ ни появишься ты, богатырь, золоченымъ шеломомъ
Блеща, тамъ въ прахѣ лежатъ половецкія головы
грудой;
Тамъ, пополамъ разсѣченные саблей булатной своею
Всеволодъ доблестный! падаютъ въ прахъ ихъ
аварскіе шлемы.
Братцы! какія же раны опасны ему, когда онъ
Все позабылъ—и почетъ, и веселую жизнь и Черниговъ
Городъ, и отчій престолъ золотой, и обычаи славныхъ
Предковъ:—и ласки привѣтливой Глѣбовны, милой
супруги!»

Но въ этомъ прекрасномъ переводѣ нельзя не замѣтить той произвольности, что изъ обычая красной Глѣбовны поэтъ образовалъ—обычаи славныхъ предковъ! Названіе Яръ-Тура и Буй-Тура (которое и древняя поэзія Чеховъ придавала своимъ героямъ)—здѣсь замѣнено у переводчика названіями—буйнаго, доблестнаго и богатыря. (Такъ и въ воззваніи къ Галицкому Ярославу, гдѣ

пѣвецъ называетъ его Осмомысломъ—переводчикъ, вмѣсто этого имени, поставилъ «славный умомъ!»). Живописный глаголъ: посвѣчивая шеломомъ—стоило удержать въ переводѣ, по примѣру г. Мея:

«Гдѣ на Турѣ золотой шеломъ посвѣчивалъ.»

25.

Написавъ князя Всеволода въ борьбѣ съ Половцами, пѣвецъ вдался въ воспоминаніе о междоусобныхъ войнахъ Олега Тмутараканскаго, наводившаго Половцевъ на землю Русскую. Но мы взглянемъ-еще на Всеволода, когда онъ приходитъ изъ Курска, на Осколъ, къ ожидавшему его Игорю:

«Игорь ждетъ мила брата Всеволода. И рече ему Буй-Туръ Всеволодъ; одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты, Игорю; оба есвѣ Святъславлича. Сѣдлай, брате, свои бръзыи комони; а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напереди.»

Какъ вѣрно, и какъ тепло передано это у г. Мея:

«Поджидаетъ Игорь князя.
Мила брата Всеволода.
Молвитъ Буй-Туръ Всеволодъ:
—Нѣтъ мнѣ свѣту свѣтлаго,
Кромѣ брата милова,
Игоря родимаго:
Оба мы Святславичи.
Сѣдлай братъ, лихихъ коней,
А мои осѣдланы,
У Курска зготовлены!...»

Въ переводѣ г. Гербеля выработалось это пышнѣе, но потому и хуже:

И такъ ему молвитъ любимецъ народа—
Отважный Буй-Туръ Всеволодъ:
Единственный братъ мой, единая слава!
Свѣтъ свѣтлый—мой Игорь боецъ!
Не мы ль сыновья одного Святослава?

Не ты ли мой братъ первенецъ?
Вели, пусть кольчужники снова сѣдлають
Своихъ быстроногихъ коней:
Мои же у Курска тебя поджидаютъ,
Красуясь бронею своей!»

Зачѣмъ «поджидаютъ у Курска», тогда какъ они уже на лицо, передъ Игоремъ, у Оскола! Виноватъ въ этомъ переводъ г. Минаева въ которомъ сказано:

«Сѣдлай, братъ, коней своихъ;
Ужъ мои осѣдланы;
Впереди стоятъ они
Подъ стѣнами Курскими.»

Всеволодъ продолжаетъ свою рѣчь къ Игорю, похвалою Курянамъ:

«А мои ти Куряни свѣдоми къмети, подъ трубами повити, подъ шеломы взлелѣяны, конецъ копія въскръмлени; пути имъ вѣдоми, яругы имъ знаеми; луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изострени, сами скачютъ акы сѣрыи влъци въ полѣ, ищучи себѣ чти, а князю славы.»

Это классическое мѣсто древне-русской поэзіи въ переводѣ передано неотчетливо:

«Куряне жъ мои—удалые Куряне—
Взлелѣяны въ шлемахъ родныхъ,
Повиты подъ трубными звуками брани,
И вскормлены съ копій стальныхъ.
Дороги знакомы, луки съ тетивами,
Извѣстенъ имъ каждый оврагъ,
Колчаны гремятъ боевыми стрѣлами,
Булатныя сабли въ рукахъ.
И знаютъ лишь рыскать по чистому полю,
Какъ волки по дебрямъ бродить,
Чтобъ только добыть себѣ чести на долю,
Чтобъ князю почету добыть.»

У пѣвца сказано: ищучи себѣ чти, а князю—славы: девизъ русскаго воина, повторенный у пѣвца и въ другомъ мѣстѣ; въ переводѣ здѣсь онъ не выраженъ: себѣ чести, а князю почету (т.-е. тоже чти). Выражая готовность Курянъ къ бою (они въ тотъ же день, какъ пришли къ Игорю и пустились на всю ночь въ походъ), пѣвецъ говоритъ, что у нихъ и луки уже натянуты, и колчаны открыты, и сабли наточены....

Въ переводѣ—не на своемъ мѣстѣ поставлены луки (между дорогами и оврагами); да и не такъ, какъ въ подлинникѣ, —не напряжени, а луки съ тетивами: чтожъ бы и за лукъ былъ безъ тетивы! Сабли въ рукахъ, колчаны гремятъ—хотя и живописно, но не то, что въ подлинникѣ. Къ шлемамъ придано названіе родныхъ, которое не идетъ къ нимъ.

26.

Это слово, столь близкое сердцу, г. Гербель часто придаетъ отъ себя разнымъ предметамъ, и не всегда кстати.

Тамъ, гдѣ изображается бѣгство Игоря, у пѣвца (любящаго противоположеніе) сказано: «Игорь мыслію поля мѣритъ—отъ великаго Дону до малаго Донца». Въ переводѣ:

«Игорь мѣритъ птицей-мыслію,
Мѣритъ поле отъ великаго
Дона до Донца родимаго.»

Тамъ-же прибавлено: въ край родной,—Побѣжалъ къ Донцу родимому,—О Донецъ рѣка родимая, А землѣ родной веселія.—Такъ и въ главѣ о междоусобныхъ битвахъ Олеговыхъ. Пѣвецъ говоритъ объ Олегѣ: «Мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше». Въ переводѣ:

«Который саблею ковалъ
Одни крамолы и раздоры,

И вкругъ стрѣлами осыпалъ
Родныя пажити и горы.»

Если переводчикъ поставилъ тутъ родныя пажити, то удержать бы и слово подлинника—засѣвалъ,—тѣмъ болѣе, что тамъ-же говорится о временахъ Олега: «тогда при Олзѣ Гориславичи сѣяшется и растяшетъ усобицами». Въ переводѣ:

«Такъ при Олегѣ молодомъ,
При Гориславичѣ—кругомъ
Междоусобья засѣвались,
Всходили—горемъ разрастались.»

«Тогда по Русской земли рѣдко ратаевѣ кикахуть; нъ часто враны граяхуть, трупія себѣ дѣляче; а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уедіе». Въ переводѣ.

«Въ то время рѣдко оглашали
Равнины пѣсни поселянъ;
Но часто вороны кричали,
Терзая трупы христіанъ;
А галки въ полѣ собирались,
И на пиру родныхъ полянъ
Между собой перекликались.»

Отъ этихъ печальныхъ картинъ Олегова времени пѣвецъ возвращается къ битвѣ на Каялѣ, говоря: «то было въ ты рати и въ ты плъкы, а сице и рати не слышано.» Въ переводѣ:

«Не разъ гремѣлъ побѣдный громъ,
И битвы лютыя бывали;
Но о сраженіи такомъ
Еще на Руси не слыхали.»

И вотъ пѣвецъ принимается снова за картину этой неслыханной битвы,—и какая быстрая у него кисть!

27.

„Съ заранія до вечера, съ вечера до свѣта, летятъ стрѣлы каленыя, гримлютъ сабли о шеломы, трещатъ копія харалужныя, въ полѣ незнаемѣ, среди земли Половецкыя.»

Въ переводѣ раскрашенъ этотъ блѣдный очеркъ первыхъ сутокъ битвы:

«Отъ денницы золотой
До глубокой мглы ночной,
И отъ этой мглы ночной—
До денницы золотой...»

Переводчикъ не тѣ далъ здѣсь краски, какія надо было дать для вѣрности перевода, если цѣль его была—«возможно-близкое воспроизведеніе подлинника», (стр. 132).

Тутъ пѣвецъ съ вѣрностью лѣтописца обозначилъ время битвы (см. замѣчаніе 24): «съ заранія до вечера.» Въ переводѣ: отъ денницы золотой.... Но вѣдь это денница суботняго утра, которая нарисована была уже прежде:

«Рано заутра востокъ загорѣлся кровавой зарею.»

Краска была готова; зачѣмъ же писать золотомъ, что написано кровью!

«До глубокой мглы ночной»... въ подлинникѣ «до вечера»,— слѣдственно и здѣсь, для возможно-близкаго воспроизведенія подлинника, надо было дать краску вечерняго сумрака, а не глубокой мглы ночной.

Въ переводѣ: «до денницы золотой». Это денница уже слѣдующаго утра, въ воскресенье; а оно въ переводѣ, какъ мы видѣли (въ замѣчаніи 22), написано не золотомъ:

«На третій день утро смѣнилося мглой...
Заря на Каялѣ погасла во мглѣ.»

Правда, что въ подлинникѣ не утро и не заря: переводчикъ отъ себя рисуетъ ихъ—но когда онъ въ это утро

дает мглу и ночную ризу, и заря погасла в мгле, то уже неумѣстно тутъ рисовать золотую денницу.

Въ подлинникѣ просто сказано—«до свѣта»; въ лѣтописи: «бысть же свѣтающе недѣлѣ.»

Тутъ оказалась въ переводѣ та же невѣрность живописи, какую мы замѣтили въ картинѣ грозной ночи. Тамъ въ подлинникѣ—глубокая, долгая мгла полночи: «длъго ночь мрѣкнетъ; заря свѣтъ запала; мъгла поля покрыла.» А въ переводѣ вечеръ:

«Спускается ночь съ высоты;
Заря, чуть мерцая, въ дали догораетъ,
Поля покрываются мглой.»

Продолжительность ночи замѣнена далью, высотою время—пространствомъ.

28.

«Стрѣлы тучами летятъ,
Копья крѣпкія трещатъ,
И о бляхи мѣдныхъ латъ
Сабли острыя гремятъ,
Средь невѣдомыхъ полей
Кровожадныхъ дикарей.»

Здѣсь въ переводѣ не совсѣмъ вѣрная передача красокъ подлинника выкупается усиленною звучностью стиховъ, сообразною съ звуками битвы. Я замѣтилъ уже о замѣнѣ шеломовъ—мѣдными латами (которыя ни разу не встрѣчаются въ картинахъ пѣвца); а также и о полетѣ стрѣлъ тучами. Пѣвецъ, представивъ тучами половецкіе полки, говоритъ: итти дождю стрѣлами!—слѣдственно, по его представленію, и летятъ стрѣлы—дождемъ изъ тучъ. Съ этимъ сходятся и выраженія пѣвца объ Олегѣ—стрѣлы сѣялъ, о Всеволодѣ—прыщешь стрѣлами (оба глагола примѣняются къ дождю: прыщетъ, сѣется).

29.

Краткій очеркъ суботней битвы пѣвецъ докончилъ слѣдующею картиною:

„Чрьна земля подъ копыты костьми была посѣяна, а кровію польяна: тугою взыдоша по Руской земли.“

У г. Гербеля эта картина передана неотчетливо:

„Степь истоптана, изрыта
Сталью конскаго копыта;
И кругомъ была одна
Нашей кровію полита,
А костьми удобрена:
И надъ Русскою землею
Тотъ посѣвъ взошелъ бѣдою.“

Какой же „тотъ посѣвъ“, когда въ картинѣ совсѣмъ нѣтъ посѣва? Въ подлинникѣ—посѣвъ костьми; но въ переводѣ кости употреблены на удобреніе земли. Кромѣ того, тотъ посѣвъ сдѣланъ среди земли Половецкой: какъ же онъ взошелъ надъ землею Русскою? Впрочемъ на это есть уже готовъ отвѣтъ, въ примѣчаніяхъ достопамятнаго А. С. Шишкова. „Восходитъ, возрастаетъ печаль аки страшное древо, мрачною тѣнію своею всю Россію покрывающее: какое величественное и купно ужасное изображеніе!“

Посѣвъ костьми у пѣвца Игоря такой же опредѣленный образъ въ картинѣ битвы, какъ и ударъ меча объ шеломы. Онъ повторился у него и въ другой, столь же художественной картинѣ битвы Немижской: „Немизѣ кровави брезѣ, не бологомъ бяхуть посѣяни—посѣяни костьми. Русскихъ сыновъ.“ Въ переводѣ:

„Кровью затопленный берегъ Немиги, не жатвой засѣянъ
Былъ, а тѣлами Русскихъ сыновъ...“

Посѣвъ удержанъ, но не костьми, а тѣлами. Если въ изреченіи Игоря: хочу голову свою положить! переводчикъ полагаетъ вмѣсто головы кости,—зачѣмъ же тутъ

вмѣсто костей сѣетъ тѣла? Такъ и въ картинѣ грозной ночи,—у пѣвца: „орли клектомъ на кости звѣри зовутъ.“ Въ переводѣ: вызываютъ—

„На трупы, изъ дебрей лѣсныхъ.“

Картина пѣвца напоминаетъ намъ отрывокъ украинской думы:

„Вовки-сѣроманьци набѣгали,
Тѣло козацьке рвали.
По тернахъ, по балкахъ жовту кость жваковали,
Жалобненько квилили-проквиляли,
Тожъ воны козацкіи похороны одправляли!“

30.

У пѣвца о берегахъ Немиги сказано, что они были засѣяны костьмы Русскихъ сыновъ; ибо тамъ была междоусобная битва Всеслава съ Ярославичами. А о берегѣ Каялы пѣвецъ говоритъ вообще: кровью польяна. Зачѣмъ же въ переводѣ поставлено: „нашей кровію полита“? Тамъ лилась и кровь половецкая, объ которой и говоритъ послѣ того пѣвецъ, устами Святослава Кіевскаго:

„Не честно одолѣсте; не честно бо кровь поганую проліясте.“

„Безславно своихъ побѣдили враговъ;
Безславно поганую пролили кровь.“

31.

Въ самомъ началѣ этой картины „чрьна земля подъ копыты“. У г. Мея эта подробность передана неудачно:

„Почернѣла земля подъ копытами.“

Если г. Гербель рѣшился пояснить ее дополнительными чертами:

„Степь истоптана, изрыта
Сталью конскаго копыта,“—

почему бы уже не поставить словъ, прямѣе выражающихъ дѣло? У г. Минаева, въ этомъ случаѣ, больше ясности въ переводѣ:

„Рыщутъ кони вдоль по полю,
Пашутъ кони копытами;
Костьми землю засѣяли;
Дождемъ крови все залили.“

Такъ въ украинской думѣ о походѣ Хмельницкаго въ Молдавію:

„Вже почавъ вонъ землю коньскими копытами орати,
Кровью Молдавською поливати.“

Изображеніе битвы работами земледѣльческими (какъ я замѣтилъ еще въ моихъ Лекціяхъ, 1836 года) есть характерная черта поэзіи южнорусской, продолжившаяся въ пѣсняхъ и думахъ украинскихъ. Таково у пѣвца представленіе Немижской битвы молотьбою и вѣяньемъ души отъ тѣла, взятымъ, можно сказать, съ натуры, ибо та битва была во время великаго снѣгу („и бяше снѣгъ великъ—и бысть сѣча зла, и мнози падоша“, говоритъ Несторъ).

32.

„Что ми шумитъ, что ми звенитъ, давеча рано предъ зорями? Игорь плъкы заворочаетъ; жаль бо ему мила брата Всеволода.“ Такъ пѣвецъ, безъ сомнѣнія, бывшій тогда на Каялѣ, говоритъ о продолженіи битвы съ разсвѣтомъ третьяго, воскреснаго дня (5 мая).

Не помню уже, какъ передано это мѣсто у гг. Вельтмана и Деларю. У меня подъ рукою только позднѣйшіе стихотворные переводы гг. Минаева и Мея. У г. Минаева такъ оно передано:

«Вотъ чѣмъ отъ моря тучи хмурились,
Вотъ чѣмъ на зарѣ на утренней
Прогудѣла мать сыра земля!
Смыкалъ Игорь строй разорванный,

Жалѣлъ Игорь брата храбраго,
Жалѣлъ его рать побитую!»

Переводчикъ, отдалясь отъ подлинника, не передалъ того именно, что пѣвецъ—самовидецъ хотѣлъ сказать о своемъ героѣ, въ словахъ: «Игорь плъкы заворочаетъ.» Не то выражено и въ переводѣ г. Мея:

«Что шумитъ—звенитъ на свѣтъ-зарѣ на утренней?
Игорь князь своимъ полкомъ ворочаетъ,
Мила брата Всеволода жалѣючи.»

Въ переводѣ г. Гербеля:

«Что за топотъ, что за звонъ,
Рано утромъ предъ зарею?
Это Игорь, это онъ,
Онъ съ дружиной удалою:
Сердцу вѣрному его
Жалко брата своего».

Это Игорь, но—не съ дружиной удалою, какъ поставилъ переводчикъ, вмѣсто полки заворочаетъ (по переводу г. Дубенскаго: вновь полки строитъ»). Г. Гербель, въ примѣчаніяхъ (стр. 66) поясняетъ только, что «подъ словомъ звонъ надобно понимать звукъ трубъ военныхъ, а не колоколовъ!» Но онъ пропустилъ совсѣмъ тѣ именно слова, которыми пѣвецъ Игоря выразилъ бѣдственный подвигъ его въ то роковое утро...

«Бысть же свѣтающе недѣлѣ, возмятошася Ковуеве въ полку, побѣгоша. Игорь же бяшетъ въ то время на конѣ, зане раненъ бяше, поиде къ полку ихъ, хотя возворотити къ полкомъ; уразумѣвъ же, яко далече шелъ есть отъ людій, и соймя шоломъ, погна опять къ полкомъ, того дѣля, что быша познали князя и возворитилися быша; и тако не возворотися никто же, но токмо Михалко Гюргевичь, познавъ князя, возворотися.»

А Всеволодъ... мы уже видѣли его въ этой битвѣ. Лѣтопись Кіевская продолжаетъ: «Не бяхуть бо добрѣ смялися

съ Ковуи; но мало отъ простыхъ, или кто отъ отрокъ боярьскихъ добрѣ бо вси бьяхуться—и посреди ихъ Всеволодъ не мало мужьство показа. И яко приближися Игорь къ полкомъ своимъ, и перѣхаша поперекъ (т. е. Половцы), и ту яша единъ перестрѣлъ одалѣ отъ полку своего. Держимъ же Игорь, видѣ брата своего Всеволода крѣпко борющася, и проси души своей смерти, яко да бы не видилъ паденія брата своего; Всеволодъ же толма бившеся, яко и оружья въ руку его не доста.»

И такъ Игорь, на разсвѣтѣ того дня, одинъ скакалъ на конѣ, чтобы заворотить своихъ союзниковъ Ковуевъ, побѣжавшихъ съ поля битвы; и когда онъ, не успѣвши въ этомъ, возвращался къ своимъ полкамъ, Чилбукъ съ своими Тарголами перерѣзалъ ему дорогу и взялъ его въ плѣнъ. Всеволода же потомъ взялъ Романъ Кзичь; а Святославъ Ольговичъ взятъ былъ Елдечукомъ, а Владимира Игоревича взялъ Конти. «И тогда кончавшюся полку, розведени быша, и поиде кождо во своя вежа.—Тогда же на полчищи Кончакъ поручися по свата Игоря, зане бяшетъ раненъ. Отъ толикихъ же людій мало ихъ избысть...»

33.

Пѣвецъ Игоря, пропуская подробности, поспѣшаетъ изобразить печальный конецъ трехдневнаго боя Игорева:

«Бишася день; бишася другый; третьяго дни къ полудню падоша стязи Игоревы.»

Изъ этого поэтическаго сказанія видно, что битва на третій день (въ воскресенье) продолжалась до полудня. Послѣ того пѣвецъ (въ рѣчи бояръ кіевскихъ) говоритъ только: «Темно бо бѣ въ третій день... на рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла»—разумѣется къ полудню, а не на утренней зарѣ, какъ сказано тамъ въ переводѣ г. Гербеля (см. замѣчаніе 27). У него и здѣсь конецъ битвы положенъ не къ полудню, а предъ зарей:

«Вотъ ужь день; за нимъ другой
Пышетъ битва, будто пламя;
А на третій, предъ зарей
Пало княжеское знамя.»

Прибавленное переводчикомъ сравненіе битвы съ пламенемъ тутъ лишнее въ художественномъ отношеніи; ибо битва эта только-что представлена передъ симъ въ видѣ пашни, засѣваемой костями и поливаемой кровью.

Въ переводѣ г. Минаева тоже:

«Двои сутокъ шла огнемъ война;
А на третьи, въ жаръ полуденный
Пали стяги княженецкіе.»

Переводъ г. Мея ближе всѣхъ къ подлиннику:

«Бились день; другой день бились;
А къ полудню-то на третій день
Пали стяги князя Игоря.»

34.

Вслѣдъ за тѣмъ у пѣвца другая народно-поэтическая картина паденія на полѣ битвы, въ видѣ свадебнаго пира— (какъ въ пѣснѣ великорусской:

«Насъ сосватала сабля острая,
Положила спать калена стрѣла.»)—

«Ту ся брата разлучиста, на брезѣ быстрой Каялы; ту кровавого вина недоста; ту пиръ докончаша храбріи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша, за землю Русскую.»

Въ переводѣ г. Мея:

«Тутъ на берегѣ Каялъ-рѣки,
Оба брата разлучилися;
Тутъ вина не стало болѣе кровавого,
Тутъ покончили пирушку наши витязи:

Напоили сватовъ до-пьяна,
И легли за землю Русскую...»

Въ переводѣ г. Гербеля:

«И опять разлучены
Братья жребіемъ войны.
Тамъ гдѣ пѣнится Каяла,
Чаша выпита до дна!...
Тамъ кроваваго вина
Нехватило, не достало.
Тамъ, у вражеской рѣки
Наши братьи—земляки
Пиръ кровавый довершили:
Жданыхъ сватовъ напоили,
И за честь своей земли
Сами трупами легли.»

Въ передачѣ этой картины подлинника, можно признать лишнимъ прибавочный стихъ:

«Тамъ у вражеской рѣки»—

послѣ живописнаго стиха:

«Тамъ, гдѣ пѣнится Каяла.»

Этотъ стихъ удачно приноровленъ къ другому придаточному стиху:

«Чаша выпита до дна.»

Но эта красивая чаша работы Минаевской:

«Была чаша до дна выпита;
Пиво крови все исчерпалось.»

35.

Пѣвецъ кончаетъ свою картину печально природы о погибели Русскаго войска на Каялѣ:

«Ничитить трава жалощами, а древо съ тугою къ земли преклонилось.»

Въ переводѣ г. Мея:

«Прилегла трава отъ жалости,
И съ тоски къ землѣ пригнулось дерево.»

Фантазія г. Минаева выростила тутъ цѣлыя л ѣ с а въ отчаяньи:

«Никнуть: трава подъ стопами,
Кусты подъ несчастіемъ,
Лѣса подъ отчаяньемъ.»

Въ переводѣ г. Гербеля поставленъ очень живописно только одинъ м о л о д о й я в о р ъ:

«Вянетъ н а п о л ѣ былина
Подъ кручиною-тоской,
И къ землѣ тоска-кручина
Клонитъ я в о р ъ м о л о д о й.»

При этомъ невольно и кстати вспоминается прекрасная пѣсня украинская (любимая пѣсня незабвеннаго Гнѣдича):

«Стоитъ яворъ надъ водою,
Въ воду похилився;
На козака пригóдонька,
Козакъ зажурився.»

Подобно же картиною пѣвецъ Игоря выражаетъ печаль природы о юномъ князѣ Ростиславѣ, утонувшемъ въ р. Стугнѣ:

«Уныша цвѣты жалобою, и древо съ тугою къ земли преклонилось.»

Въ этой картинѣ, совсѣмъ пропущенной въ переводѣ г. Минаева (чрезмѣрно самопроизвольномъ и непокорномъ своему подлиннику),—г. Мей повторилъ прежнюю, замѣнивъ только траву цвѣтами:

«Прилегли цвѣты отъ жалости,
И съ тоски пригнулось дерево.»

Г. Гербель унынiе цвѣтовъ передалъ изобразительно: «о с ы п а ю т с я отъ жалости.» Это въ манерѣ пѣвца, и придало его картинѣ новую красоту:

«На л у г а х ъ цвѣты д у ш и с т ы е
О с ы п а ю т с я отъ жалости;
И деревья съ т и х о й грустiю
Надъ землею наклоняются.»

36.

Живопись у пѣвца Игоря такъ вѣрна и мѣтка, что краски и подробности его картинъ должно сохранять въ переводѣ съ возможною точностью. Этого мы вправѣ ожидать особенно отъ перевода г. Гербеля, такъ-какъ онъ уже д е с я т ы й стихотворный переводъ Пѣсни на Р у с с к о м ъ языкѣ; да и ц ѣ л ь его была—«возможно близкое воспроизведенiе подлинника.» Каждый поэтъ, конечно, дорожитъ своимъ переводомъ болѣе, чѣмъ примѣчанiями; но подлинникомъ мы дорожимъ болѣе всѣхъ переводовъ.—Отъ стихотворнаго перевода никто не будетъ требовать той покорности подлиннику, какою обязанъ прозаическiй и особенно подстрочный переводъ, отвѣчающiй за каждое слово подлинника. Стихотворному переводу предоставлена большая свобода въ словахъ; но съ нею дано и больше способа для выраженiя красотъ подлинника.

Въ предъидущихъ замѣчанiяхъ показано было не одинъ разъ, какъ переводчикъ, прибавочными отъ своего произвола чертами, придавалъ иногда историческую невѣрность картинамъ подлинника. Теперь мы мы сличимъ еще нѣсколько мѣстъ изъ Пѣсни Игорю съ переводомъ ея, имѣя въ виду преимущественно—вѣрность и красоту художественную.

Вотъ, напримѣръ, слова пѣвца о донѣ: «Донъ ти, княже, кличетъ, и зоветъ князы на побѣду. Ольговичи храбрыи князи доспѣли на брань.»

«Князя, свѣтлый Донъ на побѣду
Зоветъ васъ, вздымая волну!
Отважныя Ольговы дѣти
Готовы идти на войну.»

Не говорю о томъ, что въ переводѣ тутъ пропущено—«тебя, князь, кличетъ», и что вмѣсто «Ольговы дѣти» вѣрнѣе было бы «Ольговы внуки». Переводчикъ прибавилъ отъ себя къ Дону подробность—«вздымая волну». Она, кажется, вызвана зовомъ на войну; однако она такъ умѣстно и вѣрно обрисовала собою зовущій Донъ, что придачу ея можно назвать прибавкою новой красоты къ подлиннику. За то прибавочное названіе Дона свѣтлымъ—не кстати. Въ Пѣсни Донъ зовется великимъ, синимъ: эти готовыя краски пѣвца для Дона болѣе шли бы къ нему, особенно когда онъ «вздымаетъ волну.» Въ этомъ именно состояніи и не слѣдовало рисовать его свѣтлымъ (тѣмъ болѣе, что впереди говорится о померкшемъ свѣтѣ солца и паденіи листьевъ).

37.

Въ той же главѣ, въ воззваніи къ Суздальскому князю Всеволоду, пѣвецъ говоритъ: «Ты бо можеши Болгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти.»

Ты можешь могучую Волгу
Разбрызгать по злакамъ полей,
И вычерпать Донъ необъятный
Шеломами рати своей.

Дополнительная подробность въ этой картинѣ Дона, т. е. прибавка рати къ существенной чертѣ (при Донѣ)—къ шеломамъ,—весьма можетъ быть одобрена. На Волгѣ, въ соотвѣтствіе шеломомъ, пѣвецъ нарисовалъ весла, необходимыя для глагола раскропити: ими поэтически означено въ Пѣсни недавнее, побѣдоносное плаваніе Всеволода по Волгѣ въ землю Болгарскую. Если уже прибавлять что-либо—

(какъ прибавлена р я т ь къ шеломамъ), то къ в е с л а м ъ придать бы л а д ь и, о которыхъ и въ лѣтописи идетъ рѣчь («Бѣлозерскій полкъ отряди къ лодьямъ.... Болгары же поидоша въ лодьяхъ—на лодьѣ наши.... и тако истопоша болѣ тысячи ихъ». Лавр. лѣт., подъ 1184 г.). Это было бы, какъ мнѣ кажется, и художественно и исторически вѣрно. А въ переводѣ г. Гербеля выбвошены в е с л а, а въ замѣнъ ихъ нарисованы полевые з л а к и, которые такимъ образомъ вытѣсняя собою существенную подробность картины, нарушаютъ ту художественную соразмѣрность и с о о т в ѣ т с т в е н н о с т ь, которая замѣтна вообще въ живописи пѣвца Игорева.

38.

Такъ пѣвецъ, сказавъ о плѣненіи Игоря, продолжаетъ; «уныша бо г р а д о м ъ забралы, а веселіе пониче.»

Тутъ изображена печаль г о р о д о в ъ о плѣнѣ Игоря («То бо слышавше возмятошася городы Посемьскіе; и бысть скорбь и туга люта... г о р о д и вставахуть, и не мило бяшеть тогда комуждо свое ближнее.» К і е в. л ѣ т.). А когда Игорь воротился изъ плѣна на Русь, тогда у пѣвца веселятся г о р о д а:

«Страни ради, г р а д и весели».

Въ переводѣ утратилась ясность и соотвѣтственность этихъ двухъ изображеній; нѣтъ г о р о д о в ъ; а въ первомъ случаѣ—

«Пріуныли с т ѣ н ы к р ѣ п к і я.»

Во второмъ случаѣ--

«Веселится н а р о д ъ.»

39.

Взглянемъ еще на изображеніе Днѣпра, по которому Святославъ Кіевскій совершилъ побѣдоносное плаваніе на Половцевъ, незадолго передъ тѣмъ, какъ Всеволодъ ходилъ по Волгѣ на Болгаръ. Его побѣду надъ Кобякомъ пѣвецъ возвеличилъ особою пѣснею („грозою бяшетъ...“); а потомъ

вспоминаетъ еще—въ плачѣ Ярославны: „О Днѣпре-Словутицю! ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецъкую; ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли носады до плъку Кобякова...“

„Днѣпръ мой славный! Ты волнами
Горы крѣпкія пробилъ
Половецкими землями
Путь свой дальный проложилъ
Ты не разъ своей волною
Мчала, гордая рѣка,
Святослава надъ собою
До улусовъ Кобяка.“

Весьма живописенъ и умѣстенъ здѣсь прибавочный стихъ:

„Путь свой дальній проложилъ!“

Но рисуя и на Днѣпрѣ волны, зачѣмъ было снимать съ него ладіи Святославовы, нарисованныя пѣвцомъ?... Въ переводѣ, вмѣсто того, одинъ Святославъ, надъ Днѣпромъ, мчится волною—до улусовъ Кобяка (вмѣсто полка или полковъ).... Гдѣ же эти улусы? Святославъ не ходилъ ниже устья р. Орели, въ 1183 году, о которомъ говоритъ пѣвецъ. Плавалъ ли прежде того Святославъ на Кобяка по Днѣпру,—неизвѣстно; а у переводчика сказано: не разъ! —Народное прозваніе Днѣпра словутицею (которое продолжалось и во время козацкой Украины, подъ именемъ словуты),—переводчикъ выразилъ названіемъ славнаго, и придалъ еще отъ себя—названіе гордой рѣки. А гранитные пороги Днѣпра, у пѣвца вѣрно названные каменными горами, переводчикъ назвалъ только крѣпкими, и слѣдственно не дорисовалъ ихъ.

40.

Въ самомъ началѣ «плача Ярославны», у пѣвца два раза помянута зегзица, (по-малороссійски зозуля)—ку-

кушка: это всегдашній и любимый въ южно-русской поэзіи символъ сиротства и родственной печали (жены по мужѣ, матери по сынѣ, сестры по братѣ). Въ переводѣ г. Козлова онъ сохраненъ; тоже и въ переводѣ г. Мея:

«Ярославны голосъ слышенъ;
Перелетною кукушкой
Поутру она кукуетъ.
Полечу, княгиня молвитъ.
Я кукушкой по Дунаю,
Омочу рукавъ бобровый
Во Каялѣ во рѣкѣ....»

Въ переводѣ г. Гербеля, вмѣсто кукушки, двѣ птицы горлица и лѣсная голубка:

«Звучный голосъ раздается
Ярославны молодой;
Стономъ горлицы несется
Онъ передъ утренней зарей:
Я быстрѣй лѣсной голубки
По Дунаю полечу,
И рукавъ бобровой шубки
Я въ Каялѣ омочу...»

Эта граціозная шубка передѣлана изъ шубы, Минаевскаго перевода:

Я косаткой по Дунаю,
Въ свою отчизну слетаю,
А назадъ какъ полечу,
Такъ рукавъ бобровой шубы
Я въ Каялѣ омочу...“

41.

Такъ и въ картинѣ бѣгства Игорева, у пѣвца нарисованы гуси, у переводчика утки.—„И полетѣ соколомъ подъ мьглами, избивая гуси и лебеди“. У г. Гербеля:

„И взвилися могучимъ соколомъ,
Убивая подъ туманами
Лебедей и утокъ....“

Вслѣдъ за тѣмъ у пѣвца нарисованы два коня, а въ переводѣ одинъ конь.—„Тогда Влуръ влъкомь потече, труся собою студеную росу. Претръгоста бо своя бръзая комоня.“ Комоня—двойственное число; также какъ и глаголъ преторгоста (т. е. Игорь и Овлуръ). А въ переводѣ г. Гербеля:

„Тогда Влуръ помчался по полю
Сѣрымъ волкомъ, отряхаючи
Съ охобня росу холодную;
Надорвалъ коня дорогою.“

Можетъ быть, вѣрнѣе было бы прибавить по лугу, чѣмъ по полю; но дѣло въ томъ, что Овлуръ бѣжитъ „труся собою студеную росу“—(съ травы); а въ переводѣ онъ отряхиваетъ росу съ приданнаго ему охобня. Въ переводѣ г. Минаева дана Овлуру на дорогу, въ лѣтнюю пору, теплая шуба (говоритъ же пословица: „до Святого Духа не кидай кожуха!“):

„Трясетъ своей теплой шубою
Съ травы росу на сырую степь.“

42.

Подобную замѣну одного предмета другимъ встрѣчаемъ и въ другихъ мѣстахъ Пѣсни:

„По Руской земли простроша Половци акы пардуже гнѣздо.“ У г. Гербеля:

„Разсѣялись Половцы, будто бы стая
Голодныхъ шакаловъ, по Русской землѣ“.

Объ шакалахъ нѣтъ помину у пѣвца, ни у его современниковъ; между тѣмъ пардусъ былъ въ большомъ ходу

тогда у Руси: Князья XII вѣка дарили другъ друга этимъ звѣремъ; въ XIII вѣкѣ, въ числѣ урядныхъ людей, были сокольники и пардусники; и еще Несторъ говорилъ о Святославѣ: «Легко ходя, акы пардусъ.»

Тутъ предложу еще грамматическую замѣтку о словѣ «гнѣздо пардуже»: такъ-ли оно было въ рукописи, не было-ли написано пардусне? Вѣдь отъ слова пардусъ прилагательное имя будетъ пардусный, съ чѣмъ сходится и древнее слово пардусникъ.

43.

Въ Пѣсни два раза встрѣчается дивъ. Первые издатели перевели его филиномъ. Г. Дубенскій, а вслѣдъ за нимъ и г. Гербель говоритъ, что удачнѣе всѣхъ изъяснилъ это слово докторъ Гай изъ Загреба, утверждающій, что дивъ означаетъ птицу удода!... Если такъ, то и перевести бы его удодомъ; однако г. Гербель переводитъ его одинъ разъ совою, а въ другой филиномъ,—какъ будто сова и филинъ одна и та же птица; зоологи относятъ ихъ даже къ особымъ родамъ (strix et bubo). Да и представилъ ихъ г. Гербель въ оба раза не такъ, какъ у пѣвца:

«Дивъ кличетъ врѣху древа»

У г. Мея:

«Кличетъ дивъ съ вершины дерева.«

А у г. Гербеля;

«....И сова завываетъ
Подъ сѣнью древесныхъ вѣтвей.»

Въ другой разъ:

«Уже врѣжеся дивъ на землю.»

У г. Мея:

«И повергнулся дивъ на землю.»

У г. Гербеля совсѣмъ не то:

«И филинъ ужъ машетъ крыломъ.»

Я остаюсь при своемъ прежнемъ мнѣніи, что дивъ означаетъ духа тьмы, враждебнаго внукамъ Дажьбоговымъ и благопріятнаго врагамъ Руси, Половцамъ; и что онъ сроденъ съ дивами персидскими, а также съ дивами или девами индійскими. Когда Кіевская лѣтопись (въ 1843 году) дала намъ знать положительно, что Дажьбогомъ у древней Руси называлось солнце, то для меня еще болѣе подтвердилось вышесказанное миѳическое значеніе дива.— Какъ только Игорь,—вопреки солнцу (Дажьбогу), заступавшему ему путь своимъ затмѣніемъ,—вошелъ въ Половецкую землю,—настаетъ грозная ночь, и дивъ кричитъ поверхъ дерева, подавая вѣсть во всѣ концы земли Половецкой; и Половцы бѣгутъ со всѣхъ сторонъ. А когда, по паденіи Игоревыхъ стяговъ на Каялѣ и по плѣненіи нашихъ князей— «встала обида въ силахъ Дажьбожа внука,—и простерлись по Русской земли Половцы, какъ пардово гнѣздо, и наслась хула на хвалу, и разразилось насилье надъ волей: тогда и дивъ низвергся на землю» (съ вышины).

Съ этимъ представленіемъ дива въ Пѣсни Игорю не сходится понятіе о простомъ филинѣ, или совѣ,—тѣмъ менѣе объ удодѣ. Впрочемъ, могло быть, что дивъ и олицетворялся въ видѣ зловѣщаго филина (по украински пугачъ), только на это нѣтъ положительнаго свидѣтельства и такого яснаго указанія, какъ въ Пѣсни Игорю на значеніе Стрибога, а также и на отношеніе Велеса къ пѣснопѣнію (подтверждаемое и Вацерадовою Mater Verborum).

41.

Тутъ кстати вспомянуть о Дѣвѣ съ лебедиными крыльями.... По мнѣнію Пожарскаго (1819 г.), это Дѣванна славянская Діана. Ея изображеніе въ Пѣсни напомянуло мнѣ (1836 г.) поэтическій образъ литовской дѣвы-Чумы (въ поэмѣ Валленродѣ); но я и не думалъ о тожествѣ ихъ.... Мнѣніе Пожарскаго правдоподобно; не достаетъ только извѣстія, что у славянской Дѣванны были лебединыя крылья. Чтобы означить ея миѳическое значеніе, г. Гербель придалъ ей названіе неземной дѣвы:

«Возстаетъ обида кровная,
И надъ внуками Дажьбожьими
Разражается несчастьями
Неземной вступивши дѣвою
На черту земли Трояновой,
Она громко, громко крыльями
Заплескала лебедиными
На Дону, у моря синяго;
Пробудила время тяжкое.»

Въ подлинникѣ: «Въстала обида въ силахъ Дажьбожа внука; вступивъ Дѣвою на землю Трояню, въсплескала лебедиными крылы на Синемъ морѣ, у Дону плещучи, убуди жирня времена.»

Объясненія этой фантастической, неземной дѣвы—г. Гербель захотѣлъ искать въ славянщинѣ, и остановился на мнѣніи г. Дубенскаго, который подразумѣваетъ тутъ судныхъ дѣвъ старочешскаго Суда Любуши.—Но если ужъ г. Гербель назвалъ эту дѣву-обиду неземною, въ томъ разѣ лучше бы признать сравненіе съ Дѣванною: она славянская и неземная; а тѣ судныя, двѣ дѣвы—земныя и ужъ навѣрное безкрылыя; съ ними можно сравнивать развѣ молодую знахорку или иную земнородную вѣщунью.

Г. Гербель поставилъ ее «на черту земли Трояновой». Гдѣ же онъ опредѣлилъ эту черту? Она и въ примѣчаніяхъ его проведена два раза (стр. 138, 139); но тамъ недоумѣніе и объ самомъ Троянѣ. По мнѣнію г. Гербеля, «основательнѣе другихъ предположеніе покойнаго Полеваго, что Троянъ здѣсь не Римскій Императоръ, а что-нибудь такое, чему надо искать объясненія на Руси....» (стр. 134).

45.

Въ Пѣсни Игорю говорится о соловьѣ стараго времени Боянѣ: «рыща (т. е. влъкомъ) въ тропу Трояню, чрезъ поля на горы.» Тропа Троянова, безъ сомнѣнія, тутъ

извѣстная via Trojani, положенная и на картѣ. Но г. Гербель тутъ изгладилъ ее, и поставилъ отъ себя и боръ, и дубраву, и дебри:

«...И мчась по слѣдамъ
Героя Трояна, сквозь боръ и дубраву
По дебрямъ, полямъ и горамъ.»

Такою прибавкою не облегчится поискъ чего-нибудь такого означающаго Трояна....

Тоже и въ началѣ Пѣсни, гдѣ сказано о Боянѣ: «растекашется мыслію по древу».—Въ переводѣ г. Гербеля:

«То носился мыслью-птицей
Онъ по дебрямъ, по лѣсамъ.»

Въ соотвѣтственномъ этому мѣстѣ о Боянѣ, пѣвецъ говоритъ опредѣлительнѣе: „скача славію (соловьемъ) по мыслену древу". Стало быть, тутъ не дебри и лѣса, а одно дерево мысленное, которое, по объясненію самаго г. Гербеля, означаетъ воображеніе (стр. 131). Но въ переводѣ сказано только:

„Порхая лѣснымъ соловьемъ".

Для меня, уроженца степей украинскихъ, всегда ощутительна прибавка лѣсу въ картинахъ пѣвца Игорева,—и тѣмъ болѣе что въ цѣлой Пѣсни его нѣтъ даже и слова: лѣсъ или боръ. Въ концѣ Пѣсни, пѣвецъ говоритъ: „Дѣвици поютъ на Дунаи; вьются голоси чрезъ море до Кыева." Переводчикъ, вмѣсто моря, рисуетъ поля и лѣса:

„На Дунаѣ запѣли дѣвицы,
И летятъ голоса
Чрезъ поля и лѣса
Къ высямъ Кіева, пышной столицы."

Такъ и въ картинѣ грозной ночи, переводчикъ добавилъ отъ себя мѣстныя дебри, и потомъ еще сосѣдній лѣсъ для соловья:

„Въ сосѣднемъ лѣсу соловей умолкаетъ,
Крикъ галичій слышенъ порой.“

Въ подлинникѣ:

„Щекотъ славій успе, говоръ галичь убуди.“

46.

Тутъ соловьи молчатъ; кричатъ галки. А въ бѣгствѣ Игоря изъ плѣна, у пѣвца написана противоположная картина: тамъ не слышно ни галокъ, ни сорокъ, ни вороновъ; только въ лозахъ стучатъ дятлы да поютъ соловьи. „Тогда врани не граахутъ, галици помлъкоша, сороки не троскоташа, по лозію ползоша только дятлове, путь къ рѣцѣ кажутъ; соловьи веселыми пѣсьми свѣтъ повѣдаютъ.“ Въ переводѣ г. Гербеля:

„Стихло,—вороны не каркали,
Галки хищныя съ сороками,
По вѣтвямъ деревьевъ прыгая
Также смолкли въ отдаленіи;
Только дятелъ, долбя дерево,
Путь къ Допцу-рѣкѣ указывалъ;
Да вдали въ густомъ орѣшникѣ
Соловей веселымъ пѣніемъ
Утро ясное привѣтствовалъ.“

Въ подлинникѣ видимъ однѣ прибережныя лозы (про которыя такъ хорошо поютъ намъ украинскія пѣсни); а тутъ: и деревья въ отдаленіи,—и вдали густой орѣшникъ для соловья. А у г. Минаева орѣшникъ съ ивою нарисованы для дятла, а соловей—

„Вотъ межъ чащею, подъ ракитникомъ.“

Слова подлинника; по лозію ползоша, очевидно относятся къ дятламъ (какъ замѣтилъ еще Грамматинъ); но первые издатели, а вслѣдъ за ними и большая часть переводчиковъ относятъ ихъ къ сорокамъ; а это заставляетъ ихъ глаголъ ползоша (свойственный дятламъ и желнамъ) замѣ-

нять глаголами—двигаться, скакать, прыгать. Такъ и у г. Мея:

Галки смолкли, а сороки только прыгали,
Въ зеленыхъ лозахъ, безъ стрекота.»

У г. Гербеля—вмѣстѣ съ сороками и галки по вѣтвямъ деревьевъ прыгаютъ.

47.

Два раза въ этой картинѣ переводчикъ придалъ отдаленіе. Этимъ усиленіемъ дали отличаются въ переводѣ его вообще картины бѣгства Игоря. Въ подлинникѣ:

«Погасоша вечеру зори.»

Въ переводы:

«Догорѣла въ отдаленіи
За горой заря вечерняя.»

Тутъ нарисована и гора, которой и не было, можетъ быть, на западной сторонѣ р. Тора, гдѣ Игорь находился въ плѣну.

Тамъ же: «Овлуръ свисну за рѣкою.» По всей вѣроятности, это было не очень далеко, а такъ, что можно было слышать условленный свистъ. Въ переводѣ: «Овлуръ свистнулъ за рѣкой вдали.»

Далѣе: «а не сороки встроскоташа: на слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ.» Въ переводѣ:

«Не сорочье стрекотаніе
Раздается въ отдаленіи:
Это мчатся, вслѣдъ за Игоремъ,
Гзакъ съ Кончакомъ Половецкіе.»

(Тутъ слѣдуетъ вышеприведенная картина: «тогда врани не граахуть»).

Я замѣтилъ уже выше неумѣстную прибавку дальнаго берега къ Дону, въ изреченіи Игоря. Подобную прибавку

далекаго поля находимъ и въ картинѣ битвы на Немигѣ, переданной впрочемъ очень близко:

«А на Немигѣ рѣкѣ устилаютъ далекое поле
Вмѣсто сноповъ головами; молотятъ стальными цѣпами;
Жизнь кладутъ на току, и вѣютъ душу изъ тѣла.»

Въ той же главѣ прекрасно передалъ г. Гербель картину смерти Изяслава Васильковича:

Не было съ нимъ ни отважнаго брата его Брячислава,
Ни Всеволода; одинъ, далеко отъ родимаго края
Выронилъ онъ жемчужную душу, изъ храбраго тѣла,
Сквозь ожерелье златое...»

Но прибавка дали составляетъ тутъ гипотезъ, хотя поэтически-прекрасный, но исторически-напрасный. Какъ далеко отъ родимаго края палъ Изяславъ?—полагаю, также трудно опредѣлить, какъ и черту земли Трояновой.

Предсмертное воззваніе Изяслава, въ переводѣ г. Гербеля не такъ, какъ въ подлинникѣ:

«И склоняясь на ложе
Смерти, сказалъ: дружина! ты спишь и своими крылами—
Птицы тебя осѣнили, а звѣри кровь полизали»

Въ подлинникѣ эта рѣчь умирающаго Изяслава обращена къ князю—къ дѣду его Всеславу, котораго славу онъ и взялъ съ собою на ложе смерти. Эта подробность пропущена въ переводѣ г. Гербеля, но сохранена въ переводѣ г. Мея:

«Славу взялъ съ собой на ложе онъ, промолвивши:
Князь! твою дружину храбрую
Пріодѣли птицы крыльями,
Полизали у ней звѣри кровь.»

Вотъ и въ прозѣ прекрасный переводъ, изъ лекцій г. Шевырева: «и схватилъ онъ ту славу на смертный одръ, и сказалъ: дружину твою, князь, крылья птицъ пріодѣли, а звѣри кровь полизали.»

48.

Къ замѣнамъ одного предмета другимъ, въ переводѣ г. Гербеля, принадлежитъ и замѣна солнца луною. Выше замѣтили мы, что въ Пѣсни два раза Игорь и Всеволодъ уподоблены дневному свѣтилу. Сообразно этому и въ концѣ Пѣсни, изображая возвращеніе Игоря на Русь, пѣвецъ говоритъ: «Солнце свѣтится на небеси; Игорь князь въ Руской земли.» У г. Гербеля:

«Что луна въ небеси,
То нашъ князь на Руси.»

Это не въ понятіи пѣвца, который и двухъ младшихъ князей (въ рѣчи бояръ уподобленныхъ мѣсяцу) сравниваетъ съ солнцемъ, наравнѣ съ старшими. Притомъ же, названіе свѣтила ночи луною у насъ заимствованное, латинская luna женскаго рода, и примѣняется къ женамъ, напримѣръ къ Діанѣ. Въ Славянщинѣ—мѣсяцъ; съ нимъ сопряжено понятіе мужчины; да и самъ онъ зовется Княжичемъ, по-польски хіężуć; а луна по-польски значитъ зарево, отблескъ, по-малороссійски—отголосокъ, эхо.

«Солнце свѣтится намъ на небѣ,
А князь Игорь на святой Руси.»

Вотъ переводъ этого мѣста у г. Мея.

49.

Приведу здѣсь еще одно отступленіе отъ подлинника, относящееся къ Владимиру-Мономаху. Пѣвецъ, говоря объ усобицахъ Олеговыхъ, сказалъ: «а Владимиръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ.» Въ переводѣ:

«А князь Владимиръ, сидя дома,
Чтобъ не слыхать тѣхъ браней грома,
Съ разсвѣтомъ уши затыкалъ.»

Здѣсь неудачна замѣна Чернигова выраженіемъ: «сидя дома». Оно совсѣмъ не идетъ къ Мономаху: ужь если кто былъ не домосѣдъ, такъ это Мономахъ, въ полномъ смыслѣ слова—подвижникъ и добрый страдалецъ Русской земли.

Иное дѣло Ярославъ-Осмомыслъ Галицкій, объ которомъ пѣвецъ говоритъ: «высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ.» Тутъ сидѣнье на престолѣ—характерная черта, выраженная и въ лѣтописи Кіевской: «Гдѣ бо бяшетъ ему обида, самъ не ходяшетъ полкы своими; но посылашеть я съ воеводами.»

Прибавочнымъ стихомъ своимъ—

«Чтобъ не слыхать тѣхъ браней грома,»

г. Гербель указываетъ ясно на упомянутыя предъ тѣмъ брани Олега съ Всеволодомъ, точнѣе сказать, на его войну подъ Черниговомъ, которой картину и нарисовалъ пѣвецъ. Но въ ту пору (т. е. 1078) домъ Владимира былъ не въ Черниговѣ, а въ Смоленскѣ, и онъ не сидѣлъ дома, но—скажемъ его собственными словами: «и пакы и-Смолиньска же пришедъ; и проидохъ сквозѣ Половечьскыи вои, бьяся до Переяславля, и отца налѣзохъ съ полку пришедше; то и пакы ходихомъ томъ же лѣтѣ, со отцемъ и со Изяславомъ биться Чернигову съ Борисомъ, и побѣдихомъ Бориса и Олга.» Несторъ, описывая эту побѣду, говоритъ: «Черниговцемъ же не отворившимся, приступиша ко граду; Володимеръ же приступи ко вратомъ въсточнымъ, отъ стреженій отя врата, и отворипа градъ окольній, и пожгоша и.»

И такъ, прибавочный стихъ переводчика о громѣ тѣхъ Олеговыхъ браней, и его же слова о Владимирѣ—«сидя дома», не оправдываются взаимно, и потому напрасны. Въ примѣчаніи (на стр. 137) онъ говоритъ: «То-есть: любилъ

миръ, не участвовалъ въ раздорахъ.» (И г. Дубенскій на 73 ст. говоритъ: «т.-е. любилъ миръ, не участвовалъ въ раздорахъ»). Владимиръ дѣйствительно любилъ миръ, но въ дѣлахъ того времени принималъ дѣятельное участіе.—Вспомнимъ у Нестора войну Святополка съ Половцами, 1093 года, отрывокъ которой (потопленіе Ростислава въ Стугнѣ) представленъ и въ Пѣсни Игорю: «Володимеръ хотяше мира; Святополкъ же хотяше рати, и поиде Святополкъ, и Володимеръ, и Ростиславъ къ Треполю...» Владимиръ и тамъ говорилъ: «яко сдѣ стояче черезъ рѣку, въ грозѣ сей, створимъ миръ съ ними!» а когда Половцы сломили ихъ, «прибѣгоша къ рѣцѣ Стугнѣ; и вбреде Володимера съ Ростиславомъ нача утопати Ростиславъ предъ очима Володимера и хотѣ похватити брата своего, и мало не утопе самъ; и утопе Ростиславъ, сынъ Всеволожь. Володимеръ перебредъ рѣку съ малою дружиною, мнози бо падоша отъ полка его, и боляре его ту падоша, и перешедъ на ону сторону Днѣпра, плакася по братѣ своемъ, и по дружинѣ своей, пришедъ Чернигову печаленъ зѣло.»

Въ Пѣсни Игорю опредѣлительно сказано о Владимирѣ въ Черниговѣ, слѣдовательно, это относится не къ тѣмъ усобнымъ бранямъ, которыя поднималъ Олегъ при Всеволодѣ, а къ той, которая была уже по смерти Всеволода (1093), по возвращеніи Олега изъ Греціи (1083),—въ послѣдній годъ княженія Владимирова въ Черниговѣ, т.-е. 1094 года: «Томъ же лѣтѣ приде Олегъ съ Половци, изъ Тъмутороканя приде Чернигову; Володимеръ же затворися въ градѣ; Олегъ же пріиде къ граду, и пожже около града, и манастырѣ пожже; Володимеръ же створи миръ съ Олгомъ, и иде изъ града на столъ отень Переяславлю; а Олегъ вниде въ градъ отца своего.“ Такъ говоритъ Несторъ; а вотъ слова самого Владимира: „и потомъ Олегъ на мя приде съ Половечьскою землею къ Чернигову, и бишася дружина моя съ нимъ 8 дній о малу-греблю, и не вдадуче имъ въ острогъ, сжаливъся хрестьяныхъ душъ, и селъ горящихъ и манастырь, и рѣхъ: не хвалитися поганымъ! и вдахъ брату отца своего мѣсто, а самъ идохъ на отца своего мѣсто Переяславлю...“

50.

Тутъ замѣчу и географическую ошибку въ примѣчаніяхъ г. Гербеля (на стр. 60). Въ битвѣ 1078 года, Изяславъ и Борисъ пали на одной и той же Нежатиной нивѣ, возлѣ Чернигова („у села, на Нѣжатиной нивѣ“—прибавлено въ спискѣ Лаврентьевскомъ). А въ примѣчаніяхъ г. Гербеля, о Святополкѣ сказано: „на Нѣжатиной нивѣ“, а о Борисѣ—„при селѣ Нѣжатинѣ (Нѣжинѣ)!“ Прибавка Нѣжина здѣсь вовсе напрасна, ибо это уже далеко отъ Чернигова; да если тамъ полагать Бориса, то и Изяслава тамъ же слѣдовало бы. Уже рѣшенное дѣло, что Нѣжатина нива не относится къ городу Нѣжину; историческая географія основательно пріурочила къ нему древній городъ Унѣжъ; зачѣмъ же тутъ и поминать Нѣжинъ!

Г. Снегиревъ, въ своемъ изданіи Пѣсни о Полку Игоревѣ (въ Истор. Сборникѣ 1838 г.) весьма справедливую поправку сдѣлалъ въ текстѣ, написавши «Ярославль сынъ Всеволодъ» (вмѣсто: «Ярославъ сынъ Всеволожь,» какъ было въ 1-мъ изданіи, и приводило къ сбивчивому понятію): этому послѣдовали въ переводахъ своихъ г. Дубенскій, Минаевъ, Мей; такъ и въ переводѣ г. Гербеля:

«Великій Всеволодъ внималъ»)

(имя Ярослава по-отчеству пропущено).

Но въ томъ же изданіи г. Снегиревъ сдѣлалъ другую, важную поправку въ текстѣ, которою не воспользовался, кажется, ни одинъ переводчикъ. Это о Борисѣ Вячеславичѣ.

Въ 1 изданіи (а оттуда и во всѣхъ прочихъ) напечатано: „и на конину зелену паполому постла“. Первые издатели перевели: „онъ положенъ на конскую попону зеленую“. Хотя г. Вельтманъ и догадался, что здѣсь рѣчь идетъ о зеленой муравѣ, однако большинство переводчиковъ осталось за первоначальнымъ переводомъ; у гг. Дубенскаго, Мея, Гербеля—конскій покровъ или коверъ... А въ изданіи г. Снегирева объяснено (стр. 113), что этотъ зеленый коверъ значитъ „зеленый лугъ у Канина, близь Чернигова, гдѣ, безъ сомнѣнія, убитъ Борисъ Вячеславичь;“ и г. Снеги-

ревъ съ полнымъ правомъ поставилъ въ текстѣ такъ: „и на Канину зелену паполому постла.“ Изъ Лаврентьевской лѣтописи знаемъ, что подъ Черниговымъ была Канина (безъ сомнѣнія, рѣчка) близь Гюричева... Это Гюричево, конечно, то село, которое показано въ Лавр. лѣтописи безъ имени, при Нѣжатиной нивѣ. Въ Пѣсни Игорю, вмѣсто Нѣжатиной нивы, названъ Канинскій зеленый покровъ, означающій зеленую мураву поля или луга Канинскаго.

51.

Не сомнѣваюсь, что и слѣдующія за тѣмъ слова въ текстѣ: „съ тоя же Каялы Святопълкъ повелѣ я отца своего междю Угорскими иноходьцы ко святѣй Софіи къ Кіеву“— требуютъ не только поясненія, но и поправки.

1) Съ тоя же Каялы—поставлено, кажется, ошибкою (какъ примѣтилъ уже г. Головинъ, видящій въ Канинѣ— конскую зеленую траву), вмѣсто: „со тоя же Канины; 2) разумѣя, подъ словомъ отца, Изяслава, здѣсь убитаго 3 октября (отказываюсь отъ бутковскаго мнѣнія о Тугорканѣ, убитомъ не на Каялѣ, а подъ Переяславомъ)—я полагаю, что здѣсь имя Святополка поставлено обмолвкою, вмѣсто Ярополка (какъ имя Олега, Игорева сына, вмѣсто Владимира!); не Святополкъ, бывшій во все это время въ Новгородѣ, а Ярополкъ былъ въ той битвѣ; онъ же и хоронилъ отца своего въ Кіевѣ, въ десятинной церкви (по показанію Нестора), а не въ Софійской (какъ въ Пѣсни). Вспомнимъ изъ Нестора: „Ярополкъ же идяше по немъ, плачася съ дружиною своею: отче, отче мой! что еси пожилъ безъ печали на свѣтѣ семъ, многы напасти пріимъ отъ людій и отъ братья своея? сеже погыбе не отъ брата, но за брата своего положи главу свою!“

52.

Но я вдался опять въ историческую сторону. Пѣсни Игорю, а мнѣ пора кончить уже замѣчанія мои. Для этого

остановиться мнѣ развѣ на началѣ Пѣсни, которое мы съ г. Гербелемъ назвали запѣвомъ. Читая его въ прекрасномъ переводѣ г. Гербеля, я чувствовалъ, что въ немъ чего-то недостаетъ: и потомъ увидалъ, что недостаетъ въ немъ имени Бояна, которое тутъ въ подлинникѣ названо—трижды! Переводчикъ величаетъ намъ—„соловья страны родной“,—у него изображается „нашъ пѣвецъ“—„дней минувшихъ соловей“, а все-таки вы не знаете, о комъ идетъ рѣчь у пѣвца Игорева... Между-тѣмъ, этотъ безъименный пѣвецъ, и только одинъ онъ, сохранивши для потомства драгоцѣнное имя Бояна, въ самомъ началѣ Пѣсни своей называетъ его три раза, почтивъ его названіемъ вѣщаго, которое тоже пропущено переводчикомъ въ запѣвѣ. Такимъ образомъ, если бы кто, не читавши подлинника, сталъ читать въ одномъ переводѣ г. Гербеля вторую главу, гдѣ встрѣчается возваніе къ вѣщему Бояну; то онъ можетъ еще усомниться, къ тому ли пѣвцу-соловью относится это обращеніе о которомъ была рѣчь въ запѣвѣ.

Такъ въ „пѣснотворцѣ стараго времени“, упоминаемомъ въ концѣ Пѣсни, одни видятъ того же Бояна, который во второй главѣ Пѣсни названъ „соловьемъ стараго времени“,—другіе (какъ Шевыревъ, Головинъ) видятъ въ немъ другаго пѣвца Святославова, современнаго Бояну; а иные этого пѣвца (какъ Полевой и Гербель) даже именуютъ Коганомъ; а Дубенскій думаетъ, что „пѣснотворцемъ стараго времени“ величаетъ себя самъ сочинитель Пѣсни, пѣвецъ нынѣшняго Игоря!... Какъ согласить такое разномысліе и разнорѣчіе!

Почти весь свой запѣвъ пѣвецъ Игоря посвятилъ роскошному изображенію своего вдохновителя Бояна—сначала его поэтическому замышленію, потомъ его пѣснопѣнію, которое сопровождалось игрою десяти вѣщихъ перстовъ его, уподобленныхъ десяти соколамъ,—на живыхъ струнахъ его гуслей, уподобленныхъ стаѣ лебедей.—Это второе изображеніе начинается словами: «помняшетъ бо речь първыхъ временъ усобицѣ: тогда пущашетъ

10 соколовъ на стадо лебедей; который дотечаше (т.-е. который соколъ), та преди пѣсь пояше (т.-е. та лебедь бѣлая).“ Но первые издатели, предположивъ тутъ кокой-то (никакимъ древнимъ свидѣтельствомъ не подтверждаемый) обычай древне-русскій—пѣть по жеребью, пуская сперва десять соколовъ,—перевели невѣрно и это мѣсто изъ Пѣсни. Ихъ предположеніе повторяется донынѣ большею частію переводчиковъ и толкователей Пѣсни. Но—говоритъ г. Гербель—„не стоитъ ломать головы, переставлять слова и относить ихъ къ предъидущимъ и послѣдующимъ періодамъ, чтобы ясно выраженной мысли дать желаемое значеніе. По моему мнѣнію—это фигура, или лучше сказать, поэтическое уподобленіе...“ (стр. 132) И это мѣсто изъ Пѣсни г. Гербель перевелъ такъ:

„А когда о несчастливыхъ
Временахъ онъ вспоминалъ:
Десять соколовъ пускалъ
На лебедокъ говорливыхъ,—
И лишь соколъ налеталъ,
Лебедь пѣсню начиналъ...“

Мы сошлись въ нашихъ мнѣніяхъ и переводахъ съ г. Гербелемъ. Я тоже называлъ это (въ Лекціяхъ 1836 года) поэтическимъ уподобленіемъ десяти перстовъ—десяти соколамъ, а струнъ лебедямъ; и даже я называлъ этотъ сложный трехчленный видъ уподобленія—положительно-отрицательнымъ; а въ переводѣ моемъ (напечатанномъ 1837 г.) это мѣсто передано было такъ: „какъ вспоминалъ онъ сказанья прежнихъ временъ объ усобицѣ, то пускалъ онъ десять соколовъ на стадо лебедей: который соколъ на лебедь падетъ, та лебедь первая и пѣснь запоетъ...“

У г. Мея вышло не то: (1850 г.)

„Про былыя про усобицы
Пѣсни прежнихъ лѣтъ намъ памятны;
Втапоры на стадо лебедей
Напускали десять соколовъ:

Чей соколъ на стадо первый палъ,
Тотъ и первый свою пѣсню пѣлъ.“

Почти такъ было и въ переводѣ г. Дубенскаго (1844 г.): „памятна старая поговорка на удальство князей, что тогда на стадо лебедей пускали 10 соколовъ,—чей первый налеталъ, тотъ прежде пѣснь воспѣвалъ.“

Та пояше, т.-е. та лебедь=струна; это пѣвецъ самъ объясняетъ второю половиною своего уподобленія: „Боянъ же, братіе, не 10 соколовъ на стадо лебедей пущаше; нъ своя вѣщія пръсты на живая струны въскладаше: они же сами славу княземъ рокотаху.“

Они сами—т.-е. сами струны живыя; а по толкованію г. Дубенскаго „они сами—т.-е. пръсты!“ Г. Дубенскому странно кажется, что Боянъ „пускалъ 10 соколовъ, и не пускалъ!“ „Трудно увѣрить (говоритъ онъ), что это здѣсь положительно-отрицательное уподобленіе!“ Но г. Гербель уже увѣрился въ этомъ,—а также и г. Головинъ (въ своихъ Примѣчаніяхъ, 1846 г.). Мнѣ остается развѣ повторить великорусскую народную пѣсенку:

„Скачетъ груздочекъ по ельничку,
Ищетъ груздочекъ бѣляночку:
Не груздочекъ скачетъ—дворянскій сынъ;
Не бѣляночки ищетъ—дворяночки.“

Вѣритъ ли г. Дубенскій, что въ этой пѣсенкѣ—скачетъ груздочекъ, и не груздочекъ скачетъ. Ищетъ бѣляночки, и не бѣляночки ищетъ!—Вотъ также и въ Пѣсни Игорю (такъ часто плѣняющей насъ народно-русскою красотою) Боянъ пущаетъ 10 соколовъ, и не 10 соколовъ пущаетъ, а своя вѣщія пръсты вскладаетъ!

1854 г. окт. 19.
Михайлова гора.

ТЕМНОЕ МѢСТО
ВЪ ПѢСНИ О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ [1].

«Того стараго Владимера нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ кыевьскымъ: сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзіи Давыдовы; нъ рози нося имъ хоботы пашутъ, копія поютъ на Дунаи».

Казалось бы ясно, какъ день, что Старшій Владимиръ и здѣсь, и въ началѣ Пѣсни,—Владимиръ Святой, но г. Головинъ (1846), вопреки общему признанію, видитъ въ обоихъ случаяхъ Владимира Мономаха. Такъ у него и Старшій Ярославъ, не великій князь Ярославъ Владимировичъ, а внукъ его—Ярославъ Святославичъ, братъ Олега Тмутараканскаго. Такъ и у Гербеля (1854 г.) Старый Ярославъ, не Старый Ярославъ, а внукъ его Святославичъ; а Старый Владимиръ у Гербеля въ началѣ пѣсни—Владимиръ Святой, а здѣсь—Владимиръ Мономахъ. Таковъ успѣхъ анализа историческаго въ критикѣ Пѣсни.

Но вотъ вторая половина вышеприведенной фразы изъ Пѣсни: „нъ рози нося имъ хоботы пашутъ“... Мѣсто довольно темное—сказалъ Граматинъ (въ примѣч. 154); „одно изъ самыхъ трудныхъ мѣстъ въ Пѣсни, можетъ быть, искаженное переписчиками“, сказалъ г. Дубенскій (стр. 206), черезъ 20 лѣтъ послѣ Граматина; „одно изъ самыхъ темныхъ мѣстъ, вѣроятно искаженное переписчиками“—повторилъ Гербель, черезъ 10 лѣтъ послѣ Дубенскаго (стр. 145).

---

[1]) Отрывокъ изъ *Отчета объ исправленіи текста Пѣсни о Полку Игоревѣ*, приготовленнаго къ новому ея изданію. М. М.
Пом. въ Москвитянинѣ 1855. № 6, с. 175—178.

А между тѣмъ это-то одно мѣсто и приводитъ Дубенскій въ образецъ перевода Граматина, чтобъ осудить его, говоря: можно судить, каковъ вышелъ буквальный переводъ издателя: нъ рози нося... но враги, впряженные въ плугъ вмѣсто воловъ, пашутъ на нихъ; оружіе ихъ славится на Дунаѣ! Переводъ, конечно, неудачный (хотя и не столь странный, какъ у Пожарскаго, который принималъ хоботы—за чоботы, сапоги!): Граматинъ, по примѣру всѣхъ предшественниковъ своихъ, принималъ глаголъ пашутъ въ значеніи орютъ (землю); а потому неизбѣжно рози (рога) и хоботы (хвосты) нарисовали въ его поэтическомъ воображеніи воловъ;—а враги, впряженные въ плугъ вмѣсто воловъ, явились ему изъ пословицы исторической: „зле Романе робишъ, што Литвиномъ орешъ!“ Но лучше ли вышелъ переводъ у г. Дубенскаго, остановившагося по многомъ соображеніи на томъ, что рози—трубы военныя, а хоботы—знамена?... «но когда и они носятъ трубы (военныя), то знамена развѣваются и копья поютъ на Дунаѣ.»

Поэтъ Гербель поглумился немножко надъ учеными, написавъ слѣдующія строки: „напрасно ученые изслѣдователи Слова ломали готову надъ этою загадочною фразою и разбирали ее по буквамъ, силясь разъяснить таинственный смыслъ подлинника. Увы, тайна осталась тайною, хотя гг. переводчики и представили цѣлую дюжину толкованій этого мѣста, доставившихъ большое удовольствіе ихъ авторамъ, но не подвинувшихъ вопроса ни на волосъ впередъ! Чтобы показать всю разнообразную игривость этихъ переводовъ, выказавшихъ необыкновенную силу творчества ихъ авторовъ, выписываю нѣкоторые изъ нихъ: (тутъ выписаны 5 переводовъ—Шишкова, Пожарскаго, Граматина, Максимовича, Дубенскаго... За что же пропущены переводы Мусина-Пушкина [1]) и Вельтмана?)

---

[1]) Переводъ Мусина-Пушкина: *ихъ знамена носятъ на рогахъ, вспахивая землю*, копья же на Дунаѣ славятся,—т.-е. *хоботы* приняты за землю; такъ и у Шишкова; у Пожарскаго—*въ сапогахъ* землю пашутъ; у Вельтмана—*хвосты* землю пашутъ!

«Будучи недовленъ всѣми этими переводами, еще болѣе затемнившими смыслъ подлинника, и вмѣстѣ съ тѣмъ опасаясь дать волю своей фантазіи, чтобы не зайти еще далѣе, я рѣшился отказаться отъ удовольствія пояснить это мѣсто по своему—въ надеждѣ найти хотя сколько-нибудь удовлетворительное истолкованіе помянутаго мѣста въ одномъ изъ стихотворныхъ переложеній Слова, блистающихъ яркими красками фантазіи. И не ошибся. Перебравъ бывшія у меня подъ рукой изданія, я остановился на переводѣ г, Минаева, который и помогъ мнѣ уяснить это темное мѣсто подлинника.»

Поэтъ обратился къ поэту, что и естественно: ибо «душа душу знаетъ!» говоритъ пословица русская. Но что же особеннаго, какой свѣтъ новый нашелся въ переводѣ г. Минаева?

«Какъ волы подъ плугами,
Ярмо на себя несутъ».

Отсюда и у Гербеля:

«Словно волы, запряженные въ плугъ, подъ ярмомъ не
навистнымъ
Никнутъ....»

Въ воображеніи Минаева (также какъ и у Граматина) рога и хвосты обратились въ воловъ подъ плугомъ; только уже не враги пашутъ землю, а знамена—какъ волы въ плугѣ, ярмо на себѣ несутъ! Одинъ поэтъ возложилъ ярмо на знамена; другой поэтъ поддерживаетъ это ярмо на знаменахъ: вотъ и вся прибыль къ уясненію подлинника отъ «яркихъ красокъ фантазіи!» Изъ-за чего же было ставить на выставку мнѣніе и переводъ Граматина?

Тутъ не безъ грусти можно спросить; объяснилось ли хотя одно неясное мѣсто въ Пѣсни Игорю—девятью стихотворными ея переводами?...

Независимо отъ нихъ, Жуковскій (въ посланіи къ Воейкову), подражая возванію Ярославны къ вѣтру, пояснилъ сво-

ними стихами слова текста: «мало ль ти бяшетъ горъ подъ облакы вѣяти»:

«Играй съ косаткой въ вышинѣ,
По поднебесью съ облаками,
По синю морю съ кораблями...»

Стихъ Жуковскаго надоумилъ Полеваго, что въ текстѣ Пѣсни слово горъ написано вм. горѣ.

Вельтманъ, своимъ историко-поэтическимъ соображеніемъ, опредѣлилъ вѣрно, что въ Пѣсни—вѣчи Трояни, значитъ не съѣзды или сеймы княжескіе, какъ переведено въ первомъ изданіи, и не сѣчи, какъ вслѣдъ за Карамзинымъ поставилъ Граматинъ и въ текстѣ, но—вѣци, вѣки Трояновы.

Къ этимъ двумъ поэтическимъ открытіямъ—много ли можно прибавить еще, для поясненія Пѣсни, изъ девяти стихотворныхъ переводовъ ея? Они, въ общей работѣ надъ Пѣснію, почти ничего не прибавили къ тому, что какъ въ медовой улей доносили рабочія пчелы, носящія вмѣстѣ съ медомъ и пергу, на поживу трутнямъ.

Въ свою очередь я поясню теперь, отъ чего въ моемъ подстрочномъ переводѣ (изданномъ безъ всякихъ примѣчаній) удержаны были на знаменахъ и рога и пашущіе хвосты (хобота)? Рога и хвосты вмѣстѣ—нарисовали, въ воображеніи Граматина—воловъ. Старымъ Украинцамъ и рога молодаго мѣсяца на небѣ представляли быка (конечно не зодіакальнаго тельца, а скорѣе древне-русскаго тура золотые-рога), и они, завидя молодикъ на небѣ, приговаривали къ нему: «молодикъ якъ быкъ; мѣсяцю вповнѣ, а намъ на здоровьи!» Но въ разсматриваемомъ мѣстѣ Пѣсни, рози, носимые на стягахъ, не золотые рога яраго тура (какъ у чешскаго бойца Здѣслава—на древкѣ турья-глава), но рога молодаго мѣсяца, какими украшались на верху древне-русскіе стяги, на которыхъ бывали и

копья, вмѣсто полумѣсяцевъ. А хвосты (хоботы) на стягахъ—конечно, тѣ волосяныя челки, которыя навѣшивались на стягахъ подъ копьями и подъ рогами полумѣсяца, и которыя назывались челками стяговыми [1]), въ отличіе отъ большихъ, отдѣльныхъ челокъ (бунчуковъ Половецкихъ), о какой упоминается въ Пѣсни Игорю послѣ побѣды надъ Половцами на р. Сюурліѣ: «чрьлена чолка, сребрено стружіе храброму Святславличю.» Взгляните на древнюю картинку (съ которой снимокъ, полученный мною отъ М. П. Погодина, я нарочно приложилъ къ моему «Сказанію о праздникѣ св. Бориса подъ Переяславомъ» въ 3 книгѣ Кіевлянина, 1850 г.)—на картинку «св. Борисъ идетъ на Печенѣги»: и передъ вами лицевой комментарій на это мѣсто въ Пѣсни Игорю; передъ вами—и рози, и хоботы (челки), и копія на стягахъ того Стараго Владимира, еще не разрозненныхъ между его потомками.

Слова пѣвца сказаны, въ видѣ пословицы, въ укоръ знаменамъ Давыдовымъ особенно за то, что они, призванные Святославомъ противъ Половцевъ, бездѣйственно постояли только надъ Днѣпромъ у Треполя, только пахнули (повѣяли) тамъ своими хвостами [2]) и удалились во-свояси, не подавъ помощи Переяславу, осажденному Кончакомъ по плѣненіи Игоря, и сказавши: «уже ся есмы изнемогли!». Такъ пѣвецъ Игоря и внукамъ Всеслава—говоритъ въ укоръ: «уже понизить стязи свои, вонзить свои мечи вережени; уже бо выскочисте изъ дѣдней славы!»

Дубенскій, подъ щитомъ грамматики Добровскаго, и здѣсь глаголы понизить, вонзить—вмѣняетъ въ вину переписчикамъ, и говоритъ: «читать должно: понизите, вонзите!» Боже сохрани!—Какъ вышеприведенное мѣсто «нъ рози нося»

---

[1]) «И потяша стяговника нашего, и *челку стяговую* сторгоша съ стяга.» *Кіев. Лът.* подъ 1172 г.

[2]) Выраженіе *вилять хвостомъ* и теперь на Украйнѣ значитъ уклоняться отъ дѣла.

дошло къ намъ въ цѣлости не искаженное переписчиками, такъ и эти два глагола сохранились невредимо въ текстѣ, конечно отъ XII вѣка: это южно-русская форма повелительнаго наклоненія, понынѣ существующая, какъ въ народной разговорной рѣчи, такъ и въ старинныхъ пѣсняхъ, напримѣръ, въ запорожской пѣсни, гдѣ атаманъ говоритъ своимъ сиромахамъ про дуку:

«Возьмить его, возпріймить,
Да й прочъ выведить!»

7 апрѣля 1855 г.
Михайлова Гора.

КЪ ОБЪЯСНЕНІЮ И ИСТОРІИ СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ [1].

Воспѣтый въ этомъ Словѣ походъ Игоря Святославича князя Новгородсѣверскаго, былъ 1185 года.—Апрѣля 23-го Игорь выѣхалъ изъ своего Новагорода въ Путивль; и отъ мѣста, по-нынѣ называемаго Игоревымъ-Станомъ, выступилъ онъ въ походъ, съ старшимъ сыномъ своимъ Владиміромъ, княземъ Путивльскимъ, и съ племянникомъ Святославомъ Олеговичемъ, княземъ Рыльскимъ. Въ среду 1-го Мая, когда они приблизились къ р. Донцу, произошло большое затмѣніе солнца. Для войска оно было недобрымъ знаменьемъ; но Игорь продолжалъ свой походъ; и перейдя къ р. Осколу, дождался тамъ своего младшаго брата Всеволода Святославича, князя Трубчевскаго и Курскаго, шедшаго изъ Курска другимъ путемъ. Того-же дня (2-го Мая) они пустились, на всю ночь, черезъ степи половецкія; и на другой день (въ пятницу) побѣдили Половцевъ, встрѣченныхъ у р. Сюурлія; и заночевали въ степи, для отдыха войску. Между тѣмъ, на разсвѣтѣ слѣдующаго дня настигли на нихъ Половецкіе ханы Кончакъ и Кза, съ много-

1) М. А. Максимовичъ съ особенною любовью занимался Сл. о П. Иг. Въ 1837 г. онъ напечаталъ текстъ съ русскимъ переводомъ (Пѣснь о полку Игоревѣ сложенная въ концѣ XII в. на древнемъ русскомъ языкѣ. К. 1837, 16°, с. 49), въ 1857 Малороссійскій переводъ, повторенный имъ (вмѣстѣ съ текстомъ) въ «Украинцѣ, М. 1859, I, 43—108, наконецъ переводъ русскій въ» Сборникѣ статей для народнаго чтенія. К. 1868, II, стр. 145—169. Нежелая опустить хотя какое нибудь цѣнное замѣчаніе о «Словѣ» такого ученаго, какъ Максимовичъ мы помѣщаемъ подлинникъ по его рецензіи (въ Украинцѣ) и отдѣльныя объясненія къ нему, сведенныя изъ русскаго и украинскаго изданія. По той же причинѣ получаетъ здѣсь мѣсто и его рецензія изданія Вельтмана, имѣющая значеніе историческое. А. К.

численными полками, и окружили наше войско. Тогда началась битва, длившаяся полторы сутки. Она кончилась въ полдень 5-го Мая, пораженіемъ русскаго войска и плѣненіемъ всѣхъ четырехъ князей, на р. Каялѣ. Едва 15 человѣкъ Руси, да нѣсколько изъ Ковуевъ, данныхъ въ помочь Игорю отъ Черниговскаго князя Ярослава Всеволодовича, могли спастись отъ пораженія и плѣна.

Ободренные такимъ успѣхомъ Половецкіе ханы, Кончакъ напалъ на Переяславское княжество, а Кза опустошилъ Посемье.

Великій князь Кіевскій, Святославъ Всеволодовичъ, успѣвшій передъ тѣмъ притомить Половцевъ славною побѣдою надъ Кобякомъ, за р. Орелью 30 іюля 1184 г. и новою побѣдою подъ Кончакомъ за р. Сулою (3 Марта, 1185 г.), сбирался на все то лѣто идти на Донъ, воевать землю Половецкую; но неожиданная для него неудача Игорева помѣшала ему въ этомъ предпріятіи. Хотя онъ и получилъ отъ нѣкоторыхъ князей помочные полки, на оборону Русской земли; но при тогдашнемъ несогласіи не успѣлъ онъ отстоять ни Переяславской области, ни Посемья; и Половцы торжествовали надъ Русью безнаказанно.

Игорь оставался въ плѣну до весны слѣдующаго года. Онъ бѣжалъ съ р. Тора, по убѣжденію бывшей при немъ дружины его, и при помощи бѣжавшаго съ нимъ крещенаго Половчина, Овлура или Лавра. Владиміръ Игоревичъ, женившійся въ плѣну на дочери Копчака, воротился къ отцу 1187 года. Вѣроятно того-же года воротился изъ плѣна и Всеволодъ, съ племянникомъ Святославомъ.

Въ пѣвцѣ Игоря видѣнъ не только его современникъ, но и участникъ въ его несчастливомъ походѣ на р. Каялу. Не сомнѣваюсь, что первыя двѣ части его Пѣсни сложены 1185 года, во время Игорева плѣна и разоренія Руси Кончакомъ и Кзою; а третья часть сложена 1186 года, когда Игорь, воротясь въ свой Новгородъ, посѣтилъ Кіевъ. Всѣ подробности Пѣсни свидѣтельствуютъ, что она написана подъ живымъ впечатлѣніемъ текущихъ событій того времени,—пѣвцомъ, хорошо знавшимъ тогдашнюю Русь. А написана она тѣмъ-же Славяно-Рус-

скимъ языкомъ, какимъ писали Несторъ и его Кіевскіе и Волынскіе продолжатели лѣтописанья, т. е. языкомъ Церковно-Славянскимъ, въ живомъ сочетаніи съ народнымъ Южнорусскимъ. Оттого двоякость языка и въ корняхъ словъ, и въ грамматическихъ окончаніяхъ, неподходящая подъ одну грамматику языка Церковно-славянскаго. Кромѣ того, въ дошедшемъ къ намъ отъ XV-го вѣка спискѣ Игоревой Пѣсни, примѣтны слѣды Сѣверноруссkаго (Суздальскаго) нарѣчія, принадлежащіе не древнему подлиннику Пѣсни, а позднѣйшему ея переписчику. Эти слѣды, равно какъ и другія описки въ словахъ нарицательныхъ и собственныхъ, отличаетъ критика филологическая.

1.

Не лѣпо ли ны бяшеть, братіе, начати старыми словесы трудныхъ повѣстій о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича.

Начати же ся тьй пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню.

Боянъ бо вѣщій [1], аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашеться мыслію по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы.

Помняшеть бо рѣчь пьрвыхъ временъ усобици. Тогда пущашеть десять соколовъ на стадо лебедій; который дотечаше, та [2] преди пѣснь пояше: старому Ярославу, храброму Мьстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълки Косожскыми, красному Романови Святъславличу.

Боянъ же, братіе, не десять соколовъ на стадо лебедій пущаше, нъ своя вѣщія пьрсты на живая струны въскладаше, они же сами княземъ славу рокотаху.

Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимира [3] до нынѣшняго Игоря, иже истягну умъ крѣпостію своею, и поостри сердця своего мужествомъ; напълнився ратнаго духа, наведе своя храбрыя пълки на землю Половецкую за землю Руськую [4].

2.

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце, и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты. И рече Игорь къ дружинѣ сво-

ей: «Братіе и дружино! луче жъ бы потяту быти, неже полонену быти. А всядемъ, братіе, на свои бързыя комони, да позримъ синего Дону!»

Спала князю умъ похоти искусити Дону великаго, и жалость ему знаменіе заступи.

«Хощу бо, рече, копіе приломити конець поля Половецькаго съ вами, Русичи; хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону!»

О Бояне, соловію стараго времени! Абы ты сія пълкы ущекоталъ, скача славію по мыслену древу, летая орломъ [5] подъ облакы, свивая славы обаполы сего времени, рища въ тропу Трояню. Пѣти было пѣснь Игореви, того Ольга [6] внуку: «не буря соколы занесе чрезъ поля широкая; галици стады бѣжать къ Дону великому» [7].

3.

Чили въспѣти было, вѣщій Бояне, Велесовъ [8] внуче: комони ржуть за Сулою, звенить слава въ Кыевѣ; трубы трубять въ Новѣградѣ, стоять стязи въ Путивлѣ [9].

Игорь ждеть мила брата Всеволода [10]. И рече ему Буй—Туръ Всеволодъ: «Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый, ты Игорю! оба есте Святъславлича! Сѣдлай, брате, свои бързыи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напереди! А мои ти Куряни, свѣдоми къмети: подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяни, конець копія въскърмлени; пути имъ вѣдоми, яругы имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени; сами скачуть акы сѣрыи вълци въ полѣ, ищучи себѣ чьсти, а князю славы».

4.

Тогда въступи Игорь князь въ златъ стремень, и поѣха по чистому полю.

Солнце ему тьмою путь заступаше; нощь, стонущи ему грозою, птиць убуди: свистъ звѣринъ въста [11]. Зви Дивъ, кличеть вьрху древа, велить послушати землѣ незнаемѣ, Вълзѣ, и Поморію, и Посулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, Тьму-

тороканьскый бълванъ. А Половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону великому. Кричать телѣгы полунощи, рци лебеди роспущени.

Игорь къ Дону вои ведетъ. Уже бо бѣды его пасеть птиця по лозію [12]; вълци грозу въсрожать по яругамъ; орли клектомъ на кости звѣри зовутъ; лисици брешуть на чьрленыя щиты.

О Руськая земле, уже за шеломянемъ еси [13]! Дълго ночь мьркнеть; заря-свѣтъ запала; мьгла поля покрыла; щекотъ славій успе; говоръ галичь убуди. Русичи великая поля чьрлеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чьсти, а князю славы.

5.

Съ заранія въ пятькъ потопташа поганыя пълкы Половецькыя. И рассушась [14] стрѣлами по полю, помчаша красныя дѣвкы Половецькыя, а съ ними злато и паволокы и драгыя оксамиты. Орьтмами [15] и япончицями и кожухы начаша мосты мостити, по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякыми узорочьи Половецькыми. Чьрленъ стягъ, бѣла хоругвь, чьрлена чолка [16], сребрено стружіе храброму Святъславличу.

Дремлетъ въ полѣ Олыгово хороброе гнѣздо. Далече залетѣло. Не былонъ обидѣ порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чьрный воронъ, поганый Половчинъ!

Гза бѣжить сѣрымъ вълкомъ; Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону великому.

6.

Другаго дни вельми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ. Чьрныя тучя съ моря идуть, хотятя прикрыти четыри солнца [17], а въ нихъ трепещуть синіи мълніи. Быти грому великому; ити дождю стрѣлами съ Дону великаго! Ту ся копіемъ приломати; ту ся саблямъ потручати о шеломы Половецькыя на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону великаго! О Руськая земле, уже за шеломянемъ еси [18]!

Се, вѣтри, Стрибожи внуци, вѣють съ моря стрѣлами на

храбрыя пълкы Игоревы. Земля тутнетъ; рѣки мутно текуть; пороси поля прикрываютъ; стязи глаголютъ. Половци идутъ отъ Дона и отъ моря; и отъ всѣхъ странъ Руськыя пълкы оступиша [19]. Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша; а храбріи Русичи прегради́ша чьрленьими щиты.

Яръ-Туре Всеволоде! стоиши на борони, прыщеши на вои стрѣлами; гремлеши о шеломы мечи харалужными. Камо Туръ поскочаше своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежать поганыя головы Половецкыя. Поскепаны саблями каленьими шеломы Оварьскыя отъ тебе, Яръ-Туръ Всеволоде! Кая рана дорога, братіе, забывъ чьсти и живота, и града Чьрнигова отьня злата стола, и своя милыя хоти, красныя Глѣдовны свычая и обычая.

7.

Были вѣци Трояни [20]; минула лѣта Ярославля; были пълци Ольговы, Ольга Святъславлича [21].

Тъй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше, и стрѣлы по земли сѣяше. Ступаетъ въ златъ стремень въ градѣ Тьмутороканѣ. Тъй же звонъ слыша давній великый Ярославъ сынъ Всеволодъ [22], а Владимиръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ. Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе; и на Канину зелену паполому постла, за обиду Ольгову, храбра и млада князя. Съ тоя же Канины Яропълкъ повелѣ яти [24] отця своего между Угорьскыми иноходци ко святѣй Софіи къ Кыеву.

Тогда при Ользѣ Гориславичи сѣяшеться и ростяшетъ усобицами; погибашеть жизнь Дажьбожа внука [25]; въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомъ съкратишась. Тогда по Руськой земли рѣдко ратаеве кикахуть; нъ часто врани грахуть, трупія себѣ дѣляче; а галичи свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уѣдіе.

То было въ ты рати и въ ты пълкы; а сицеи рати не слышано.

8.

Съ заранія до вечера, съ вечера до свѣта, летять стрѣлы каленыя, гримлють сабли о шеломы, трещать копія харалужныя въ полѣ незнаемѣ среди земли Половецькыя. Чьрна земля подъ копыты костьми была посѣяна, а кровію польяна; тугою взыдоша по Руськой земли.

Что ми шумить, что ми звенить давѣ рано [26] предъ зорями? Игорь пълкы заворочаеть; жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день; бишася другій; третьяго дни къ полудню падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрои Каялы. Ту кроваваго вина не доста. Ту пиръ докончаша храбріи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Руськую. Ничить трава жалощами; а древо съ тугою къ земли преклонилось.

9.

Уже бо, братіе, не веселая година въстала; уже пустыни силу прикрыла. Въстала обида въ силахъ Дажьбожя внука; вступила дѣвою [27] на землю Трояню; въсплескала лебедиными крилы на синемъ морѣ, у Дону плещущи, убуди жирна времена [28]. Усобиця княземъ на поганыя погыбе; рекоста бо братъ брату: «се мое, а то мое же». И начаша князи про малое се великое мълвити; а сами на себе крамолу ковати. А поганіи съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Руськую.

О, далече зайде соколъ, птиць бья къ морю. А Игорева храбраго плъку не кресити! За нимъ кликну Кончакъ, и Гза поскочи [29] по Руськой земли, смагу мычучи въ пламянѣ розѣ.

Жены Руськыя въсплакашась, аркучи: «уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслію смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати; а злата и сребра ни мало того потрепати!»

А въстона бо, братіе, Кыевъ тугою, а Черниговъ напастьми; тоска разліяся по Русской земли; печаль жирна тече средь земли Русскыя. А князи сами на себе крамолу коваху. А поганіи сами, побѣдами нарищуще на Руськую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора.

10.

Тіи бо два храбрая Святъславлича, Игорь и Всеволодъ, уже лжу убудиста, которую-то бяше успилъ отець ихъ, Святъславъ грозный великый Кыєвскый [30].

Грозою бяшетъ: притрепеталъ своими сильными плъкы и харалужными мечи; наступи на землю Половецькую; притопта хълмы и яругы; възмути рѣкы и озеры; иссуши потокы и болота. А поганаго Кобяка изъ Лукуморя, отъ желѣзныхъ великыхъ пълковъ Половецькыхъ, яко вихъръ выторже. И падеся Кобякъ въ градѣ Кыєвѣ, въ гридницѣ Святъславли [31].

Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава, поютъ славу Святъславлю; каютъ князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы рѣкы Половецькыя, Руськаго злата насыпаше.

Ту Игорь князь высѣде изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кощѣево.

11.

Уныша бо градомъ забралы, а веселіе пониче. А Святъславъ мутенъ сонъ видѣ [32].

«Въ Кыєвѣ на горахъ, си ночь съ вечера, одѣвахуть мя, рече, чьрпою наполомою, на кровати тисовѣ. Чьрпахуть ми сине вино, съ трудомъ смѣшано. Сыпахуть ми тѫщими тулы поганыхъ тѣлковинъ [33] великый женчюгъ на лоно; и нѣгуютъ мя. Уже дъскы безъ кнеса въ моемъ теремѣ златоверсѣмъ. Всю ночь съ вечера Бусови [34] врани възграяху. У Плѣсньска на болони бѣша дебри; Кыяне же сошли къ синему морю [35]».

И рькоша бояре князю: «Уже, княже, туга умъ полонила. Се бо два сокола слетѣста съ отьня злата стола, поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомъ Дону. Уже сокалома крильця припѣшили поганыхъ саблями; а самою опуташа въ путины желѣзны.

Темно бо бы въ третій день. Два солнця помьркоста [36], оба багряная стълпа погасоста; а съ нима молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ, тьмою ся поволокоста. И въ море погрузиста; и великое буйство подаста Хинови.

На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла. По Русской земли простроишася Половци, акы пардусне гнѣздо [37]. Уже снесеся хула на хвалу. Уже тресну нужда на волю. Уже вержеся Дивъ на землю.

Се бо Готьскыя красныя дѣвы [38] въспѣша на брезѣ синѣму морю, звоня Руськымъ златомъ: поютъ время Бусово, лелѣють месть Шаруканю [39]. А мы уже дружина жадни веселія.»

12.

Тогда великый Святъславъ изрони злато слово, съ слезами смѣшано, и рече: «о моя сыновця, Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати: нъ нечестно одолѣста, не честно бо кровь поганую проліяста.

Ваю храбрая сердця въ жестоцѣмъ харалузѣ скована, а въ буести закалена. Се ли створиста моей сребренѣй сѣдинѣ!

А уже не вижду власти сильнаго и богатаго, и много вой брата моего Ярослава [40], съ Черниговськыми былями, съ Могуты и съ Татраны и съ Шельбиры и съ Топчакы и съ Ревугы и съ Ольберы. Тіи бо безъ щитовъ, съ засапожникы, кликомъ пълкы побѣждають, звонячи въ прадѣдьнюю славу.

Нъ рекоста: мужаимъся сами! преднюю славу сами похытимъ, а заднею ся сами подѣлимъ!

А чи диво ся, братіе, стару помолодити! Коли соколъ въ мытѣхъ бываетъ, высоко птиць възбиваетъ; не дастъ гнѣзда своего въ обиду.

Нъ се зло: княже ми не пособіе; на ниче ся годины обратиша.»

13.

Се, у Римъ кричать подъ саблями Половецькыми; а Володимиръ подъ ранами, туга и тоска сыну Глѣбову [41].

Великый княже Всеволоде! Не мыслію ти прелетѣти издалеча, отьня злата стола поблюсти. Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти. Аже бы ты былъ,

то была бы чага по ногатѣ, а кощѣй по рѣзани. Ты бо можеши по суху живыми переширы [43] стреляти, удалыми сыны Глѣбовы.

Ты буй Рюриче и Давыде! [44] не ваю ли злаченными шеломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкають акы тури, ранени саблями каленымы на полѣ незнаемѣ? [45] Ступита, господина въ злата стременя, за обиду сего времени, за землю Руськую, за раны Игоревы, буего Святъславича!

Галицькый Осмомысле Ярославе [46]! Высоко сѣдиши на своемъ златокованѣмъ столѣ. Подперъ горы Угорьскыи своими желѣзными пълкы, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча бремены чрезъ облакы, суды рядя до Дуная. Грозы твои по землямъ текуть; отворяеши Кыеву врата: стреляеши съ отьня злата стола салтаны за землями. Стреляй, господине, Кончака, поганаго кощѣя, за землю Руськую, за раны Игоревы, буего Святъславича!

А ты буй Романе и Мьстиславе! [47] Храбрая мысль носить ваю умъ на дѣло. Высоко плаваета на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрѣхъ ширяяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти. Суть бо у ваю желѣзныи папорзи [48] подъ шеломы Латиньскыми. Тѣми тресну земля: и многы страны Хиновы: Литва, Ятьвязи, Деремела и Половци [49], сулици своя повьргоша, а главы своя поклониша подъ тыи мечи харалужныи.

Нъ уже, княже, Игорю утьрпѣ солнцю свѣтъ, а древо не болиемъ листвіе срони. По Рьси и по Сулѣ грады подѣлиша. А Игорева храбраго плъку не кресити!

Донъ ти, княже, кличеть, и зоветь князи на побѣду. Ольговичи храбрыи князи доспѣли на брань.

Инъгварь и Всеволодъ, и вси три Мьстиславичи, нехуда гнѣзда шестокрильци [50]! Не побѣдными жребіи собѣ власти расхытисте. Кое ваши златыи шеломы, и сулици Ляцькыи, и щиты? Загородѣте полю ворота своими острыми стрѣлами, за землю Руськую, за раны Игоревы, буего Святъславлича!

14.

Уже бо Сула не течетъ сребреными струями къ граду Переяславлю; и Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ Полочаномъ, подъ кликомъ поганыхъ.

Єдинъ же Изяславъ сынъ Васильковъ [51] позвони своими острыми мечи о шеломы Литовьскыя. Притрепа славу дѣду своему Всеславу; а самъ подъ чьрлеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ Литовьскыми мечи.

И схопи ю на кровать, и рекъ: «дружину твою, княже, птиць крилы пріодѣша, а звѣри кровь полизаша.»

Не бысть ту брата Брячислава, ни другаго Всеволода; единъ же изрони женчюжну душу изъ храбра тѣла, чрезъ злато ожереліе. Уныли голоси, попиче веселіе, трубы трубять Городеньскыи.

Ярославе [52] и вси внуци Всеславли! Уже понизѣть [53] стязи свои; вонизѣть свои мечи вережени: уже бо выскочисте изъ дѣдней славы! Вы бо своими крамолами начасте наводити поганыя на землю Руськую, на жизнь Всеславлю! Которою [54] бо бѣше насиліе отъ земли Половецькои.

15.

На седьмомъ вѣцѣ Трояни, върже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу [55].

Тъй клюками подпьрся о кони, и скочи къ граду Кыеву, и дотчеся стружіемъ злата стола Кыевьскаго.

Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ пълночи изъ Бѣлаграда: обѣсися синѣ мьглѣ [56]. Утрѣ же возвни стрикусы, отвори врата Новуграду, разшибе славу Ярославу: скочи вълкомъ до Немиги съ Дудутокъ.

На Немизѣ снопы стелютъ головами; молотять цѣпы харалужными; на тоцѣ животъ кладуть; вѣють душу отъ тѣла. Немизѣ кровавѣ брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костьми Руськыхъ сыновъ.

Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ ряды рядяше [57]. а самъ въ ночь вълкомъ рискаше. Изъ Кыева дорискаше до

куръ [58] Тьмутороканя; великому Хърсови [59] вълкомъ путь прерискаше.

Тому въ Полотьскѣ позвониша заутренюю рано у святыя Софіи въ колоколы, а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша.

Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ, нъ часто бѣды страдаше. Тому вѣщій Боянъ и първое припѣвку смысленый рече: «ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду, суда Божія не минути».

О, стонати Руськой земли, помянувше първую годину и първыхъ князей! Того стараго Владимира нельзѣ бѣ привозити къ горамъ Кыевьскымъ. Сего бы ныпѣ стала стязи Рюриковы, а друзіи Давыдовы; нъ рози нося, имъ хоботы пашуть; комія поютъ на Дунаи [60].

16.

Ярославнинъ гласъ слышитъ; зегзицею незнаемъ, рано кычетъ: »Полечу, рече, зегзицею по Дунаеви; омочу бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ; утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ».

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ городѣ на заборолѣ, аркучи: «О вѣтре, вѣтрило! Чему, господине, насильно вѣеши? Чему мычеши Хиновьскыя стрѣлкы на своею нетрудною крильцю, на моея лады вои? Мало ли ти бяшеть горѣ подъ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ! Чему господине, мое веселіе по ковылію развѣя?»

Ярославна рано плачеть въ Путивлѣ городѣ на заборолѣ, аркучи: «О, Днѣпре-Словутицю! [61] ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецькую. Ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли насады до пълку Кобякова. Възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ, абыхъ не слала къ нему слезъ на море рано!»

Ярославна рано плачеть въ Путивлѣ городѣ на заборолѣ, аркучи: «Свѣтлое и тресвѣтлое сълнце! всѣмъ тепло и красно еси. Чему, господине, простре горячую свою лучу на лады вои, въ полѣ безводнѣ жаждою имъ луци съпряже, тугою имъ тули затче?»

17.

Прысну море полунощи; идуть сморци мьглами: Игореви князю Богъ путь кажеть изъ земли Половецькои на землю Руськую, къ отьню злату столу.

Погасоша вечеру зори. Игорь спить: Игорь бдить; Игорь мыслію поля мѣрить отъ великаго Дону до малаго Доньця.

Комонь въ полуночи. Овлуръ свисну за рѣкою [62] велитъ князю разумѣти. Князю Игорю не быть!

Кликну, стукну земля; въшумѣ трава; вежи ся Половецькыи подвизоша.

А Игорь князь поскочи горностаемъ къ тростію, и бѣлымъ гоголемъ на воду. Въвьрже ся на бързъ комонь; и скочи съ него; и босымъ вълкомъ потече къ лугу Доньця. И полетѣ соколомъ подъ мьглами, избивая гуси и лебеди, завтроку и обѣду и ужину. Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Овлуръ вълкомъ потече, труся собою студеную росу. Претъргоста бо своя бързая комоня.

18.

Донець рече: «Княже Игорю! не мало ти величія, а Кончаку нелюбія, а Руськой земли веселія».

Игорь рече: «о Доньче! не мало ти величія, лелѣявшу князя на влънахъ: стлавшу ему зелену траву на своихъ сребренѣхъ брезѣхъ; одѣвавшу его теплыми мьглами подъ сѣнію зелену древу. Стрежаше е гоголемъ на водѣ, чайцями на струяхъ, чьрнядьми на вѣтрѣхъ.

Не тако ли, рече, рѣка Стугна, худу струю имѣя, пожьрши чужи ручьи, и стругы простре по кусту [63]. Упому князю Ростиславу затвори Днѣпръ темнѣ березѣ. Плачеться мати Ростиславля по уноши князи Ростиславлѣ. Упыша цвѣты жалобою, и древо съ тугою къ земли преклонилось.»

19.

А не сороки въторскоташа; на слѣду Игоревѣ ѣздить Гза [64] съ Кончакомъ.

Тогда врани не граяхутъ, галици помлъкоша, сороки не троскоташа, но лозію ползоша только; дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажуть; соловіи веселыми пѣсньми свѣтъ повѣдаютъ.

Мълвить Гза къ Кончакови: «аже соколъ къ гнѣзду летить, соколича ростреляевѣ своими злачеными стрѣлами».

Рече Кончакъ ко Гзѣ: «аже соколъ къ гнѣзду летить, а вѣ сокольця опутаевѣ красною дѣвицею».

И рече Гза къ Кончакови: «аже его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольця, ни нама красны дѣвици; то почнуть наю птици бити въ полѣ Половецькомъ».

Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля пѣсньтворця стараго времени Ярославля, Ольгова, Коганя хоти: «тяжко ти головѣ кромѣ плечю; зло ти тѣлу кромѣ головы»—Руськой земли безъ Игоря.

20.

Солнце свѣтиться на небеси; Игорь князь въ Руськой земли.

Дѣвици поють на Дунаи; вьются голоси чрезъ море до Кыева.

Игорь ѣдеть по Боричеву [65], къ Святѣй Богородицѣ Пирогощей.

Страны ради, гради весели, пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ пѣти:

Слава Игорю Святъславичу, Буй Туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу!

Здрави князи и дружина, поборая за христьяны на поганыя пълкы!

Княземъ слава и дружинѣ! Аминь.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. *Баянъ*, Южнорускій пѣснотворецъ-гусляръ, современный Печерскому лѣтописцу Нестору, т. е. жившій въ концѣ XI и началѣ XII вѣка.

2. *Который* дотечаше, т. е. *соколъ; та* пояше, т. е. *лебедь*—имя, принятое здѣсь въ женскомъ родѣ, какъ и въ народныхъ Великорусскихъ пѣсняхъ, и нерѣдко въ Украинскихъ, напримѣръ:

«Не бѣлая лебедь спѣвае».

Въ изображеніи Боянова *пѣснотворенія*, идетъ сложное уподобленіе десяти вѣщихъ перстовъ его—десяти соколамъ, а его живыхъ струнъ—стаѣ лебедей.

3. Пѣвецъ Игоря называетъ *Старымъ Владиміромъ*—великаго и святаго князя Владиміра Святославича; а *Старымъ Ярославомъ*—сына Владимірова, Ярослава 1-го, достопамятнаго строителя Кіевской Софійской церкви, въ которой онъ и погребенъ 1054 г.

Родной братъ Ярослава, *Мстиславъ Храбрый*, будучи на княженіи Тмутараканскомъ, въ 1022 году ходилъ воевать Косоговъ и счастливо кончилъ ту войну—единоборствомъ съ ихъ княземъ Редедею, котораго онъ одолѣлъ и, поваливъ на землю, зарѣзалъ ножемъ. (Скончался Мстиславъ 1034 г. въ Черниговѣ).

Романъ Святославичь Красный (т. е. прекрасный), внукъ Ярослава, княжилъ въ Тмутараканѣ; убитъ Половцами и Козарами въ 1079 году.

4. *Руская земля* въ 12 вѣкѣ кончалась на Днѣпрѣ—съ правой его стороны рѣкою Тясминомъ, а съ лѣвой—рѣкою Орелью. Ниже по Днѣпру до моря простиралась уже *земля Половецкая*.

5. *Орломъ подъ облаки*—тамъ поправляю я, вм. *оумомъ подъ облакы*. Сличи въ I главѣ тотъ же образъ пѣснотворческаго *замышленія* Боянова.

6. Тутъ имя *Ольга* вставили первые издатели Пѣсни, для большей ясности.

7. Это Бояновы слова. Полагаю что они относятся къ славному Мономахову походу на Донъ (*1111* года), въ которомъ Олегъ не принялъ участія.

8. *Велесъ* или *Волосъ*, языческій Славянскій богъ стадъ и пѣснопѣнія; потому пѣснотворецъ Боянъ и названъ „Велесовымъ внукомъ“ (т. е. потомкомъ).

9. Пѣвецъ, начавъ свою повѣсть о походѣ Игоря, изображеніемъ его при видѣ солнечнаго затмѣнія 1 Мая (которое и составляетъ поэтическую завязку цѣлой повѣсти),—здѣсь пополняетъ свою повѣсть очеркомъ предъидущаго, а именно: побѣды Святослава Кіевскаго надъ Кончакомъ, одержанной *за Сулою* 1-го Марта, и выступленія Игорева въ походъ изъ *Новгорода-Сѣверскаго* 23 Апрѣля, черезъ *Путивль*,—въ которомъ оставались жена его Ярославна и дѣти, во время похода на Каялу.

10. Родной братъ Игоря Святославича, *Всеволодъ*, въ 1185 году былъ княземъ Трубчевскимъ, которому принадлежалъ и городъ Курскъ. Этотъ Всеволодъ былъ храбрѣйшій и любимѣйшій изъ князей *Олеговичей* (т. е. внуковъ и потомковъ Олега Святославича). Пѣвецъ Игоря величаетъ его *Туромъ*, *Яръ-Туромъ* и *Буй-Туромъ*—по древнему обычаю величать этимъ именемъ героевъ. А собственно *туромъ* назывался красивый быкъ *зубръ*, который нынѣ ведется только въ Бѣловежской пустынѣ, Гродненской губерніи. Игорь ждалъ Всеволода уже за р. Донцомъ, надъ р. Осколомъ, куда Всеволодъ пришелъ прямо изъ Курска, другимъ путемъ 2-го Мая.

11. *Свистъ звѣринъ въста. Зби Дивъ. . .* Такъ читаю я, вм. „свистъ звѣринъ въ стазби. Дивъ кличетъ...“ Черезъ это уничтожается загадочное п, кажется, небывалое слово *стазба*; а глаголъ *збн* принимаю за такую же описку вм. *зви* (звылъ, взвылъ), какъ въ 13 главѣ—*мечи времены*, вм. *мечи бремены*.

Дивъ, по моему мнѣнію (1845 г.), значитъ злой духъ тьмы, покровитель земли Половецкой, противоположный свѣтлому покровителю Руси *Дажьбогу* (Солнцу), и потому враждебный для Руси.

12. *По лозію*—такъ читаю я, вм. *подобію*, и отношу это слово не къ волкамъ, а къ птицамъ хищнымъ (сличи выраженіе: *по лозію* въ 19 главѣ). Птицы—*по лозію*; волки—*по яругамъ*.

13. *Шолома* или *шеломя*—холмъ, гора. Тутъ у пѣвца говорится о какой нибудь возвышенности пограничной. Дорога, по которой шелъ Игорь, еще не приведена въ надлежащую извѣстность.

14. *Рассушась* (а не *рассутясь*)—дѣепричастіе отъ глагола *рассутися*—разсыпаться.

15. *Орьтма*—это загадочное слово я объясняю изъ Половецкаго словаря: *артмакъ* (artmak) значитъ *саквы* (bissaccium), въ Великорускихъ пѣсняхъ—*сумы переметныя*.

16. Тутъ означается Половецкое оружіе (*сайгатъ*), какъ побѣдоносные трофеи.—*Чолка*—бунчукъ. И у древней Руси были на знаменахъ небольшія *чолки стяговыя* (хвосты).

17. *Чорныя тучи*—Половецкіе полки; *четыре солнца*—четыре князя Рускіе: *Игорь*, братъ его *Всеволодъ*, сынъ *Владиміръ* и племянникъ *Святославъ* (Ольговичь). Сличи гл. 11.

18. Въ 1мъ изданіи—«*не* шеломянемъ есп»—явная описка, вм. «за шеломянемъ есп» (какъ въ 4-й главѣ).

19. Въ 1-мъ изданіи поставлено: *отступиша*; но это ошибка, какъ видно изъ описанія этого дня битвы, въ Кіевской Лѣтописи.

20. Въ 1-мъ изданіи «*вѣчи Трояни*, вм. *вѣщи* (также какъ *лучи* вм. *луци*, *Галичкы* вм. *Галицкій*, *чепи* вм. *цѣпы*; и на оборотъ: *луце* вм. *лучe*). Справедливо пзъяснилъ Вельтманъ, что здѣсь разумѣются Трояновы вѣка (сличи въ главѣ 15), а не *сѣчи* и не *вѣча*, какъ полагали прежде коментаторы Пѣсни.

21. *Олегъ Святославичь*, дѣдъ Игоря и Всеволода, младшій братъ вышепомянутаго Романа Святославича, по смерти его княжилъ нѣкоторое время въ Тмуторакани и оттуда приходилъ съ Половцами въ Черниговъ воевать противъ дяди своего, Всеволода Ярославича, и его сына Владиміра Мономаха. Своими междоусобными войнами Олегъ причинялъ много бѣды и горя землѣ Русской, почему и прозвали его *Горислaвичемъ*. Скончался въ 1115 году и погребенъ въ Черниговѣ.

22. Т. е. великій князь *Всеволодъ Ярославичь*. Въ 1-мъ изданіи *Всеволожь*—ошибка, поправленная Снегиревымъ.

23. Двоюродный братъ Олега, *Борисъ Вячеславичь*, вмѣстѣ съ нимъ и съ Половцами, въ 1078 году, ходилъ войною противъ Всеволода Ярославича, въ битвѣ близъ Чернигова, на мѣстѣ, называвшемся *Канина* или *Нѣжатина нива*, былъ убитъ на 21 году отъ рожденія.

24. Такъ читаю я, вмѣсто: «Съ тоя же *Каялы Святополкъ повелья* отця своего...» Въ битвѣ подъ Черниговомъ (1078 г. 30 Октября), на которой убиты и Борисъ Вячеславичь, державшій сторону Олега, и Изяславъ Ярославичь, державшій сторону брата своего Всеволода, находился *Ярополкъ Изяславичь*, который повезъ тѣло отца своего въ Кіевъ и тамъ похоронилъ его; а *Святополкъ Изяславичь* тогда находился въ Великомъ-Новгородѣ. Имя рѣки *Каялы* здѣсь неумѣстно, даже и въ томъ случаѣ, если бы здѣсь шла рѣчь о битвѣ Тугоркановой (какъ предполагалъ неосновательно Бутковъ); ибо та битва (1096 г. 19 Іюля), на которой убитъ Тугорканъ, тесть Святополковъ, происходила близъ Переяслава, за р. Трубежемъ

Черниговская битва, о которой воспоминаетъ пѣвецъ Игоря, по Лѣтописи Несторовой значится на *Нѣжатиной нивѣ*, а въ Пѣсни Игорю—на *Канинѣ*; эта мѣстность подъ Черниговомъ извѣстна изъ Лѣтописи Лаврентьевской подъ 1152 г. «поидоша къ Чернигову, и перешедше Сновь, и сташа у Гуричева, близь города, перешедше *Канинь*».

25. Именемъ *внуки Дажьбожи*—здѣсь, какъ и въ 9-й главѣ, означается Русь, Русскій народъ.

26. *Дабь рано*—такъ поправляю я, вм. *дивчя рано*. Словцо *дивчя* принадлежитъ Сѣверно-Русскому нарѣчію, по справедливому замѣчанію Каченовскаго. (Сличи въ Лѣтописи Нестора подъ 1074 г.: предъ зорями... яко *дивъ*...)

27. *Вступила*, вм. *вступилъ* (Дѣвою).—*Дьва* (по справедливому замѣчанію Пожарскаго 1819 г.) означаетъ здѣсь миѳическую вопиственную *Дьву* или *Дьвану*, Славянскую Діану.

Именемъ *Земли Трояновой* означена здѣсь—Земля Половецкая, *Тропа Троянова*—Трояновы валы.

28. «*Жирна* времена», т. е. времена богатыя, привольныя. Я полагаю, что это времена Мономаха, побѣдителя Половцовъ на Дону: „Тогда Володимеръ Мономахъ пилъ золотымъ шоломомъ Донъ» (*Волын. Лѣт.*). Туда, на Донъ, въ 1185 году сбирался идти войною на все лѣто и Святославъ Кіевскій, побѣдитель Кобяка и Кончака; но его такъ неудачно предупредилъ

Игорь Святославичь, сильно хотѣвшій—*испити шеломомъ Дону*, (Сличи о Донѣ въ гл. 13 й).

29. Въ подлинникѣ—*Карна* и *Жля*. Я несомнѣнно признаю, что эти имена, столь затруднительныя для критиковъ, суть не болѣе, какъ искаженіе именъ *Кончака* и *Кзы*, которые, по плѣненіи Игоря на Каялѣ, опять кинулись разорять Русскую землю. Въ Игоревой Пѣсни говорится именно объ этомъ нападеніи ихъ, которое такъ обстоятельно пересказано въ Кіевской Лѣтописи.

30. *Святославъ Всеволодовичь*, двоюродный братъ Игоря и Всеволода, старѣйшій между тогдашними князьями Олеговичами, былъ великимъ княземъ кіевскимъ съ 1177 года; скончался 1194 г. и погребенъ въ Кириловскомъ монастырѣ. Меньшій братъ его, *Ярославъ Всеволодовичь*, княжилъ въ Черниговѣ съ 1177 года и тамъ скончался въ 1198 г.

31. Здѣсь говорится о знаменитой побѣдѣ надъ Половцами, одержанной Святославомъ Всеволодовичемъ, 30 іюля 1184 года, за р. Орелью. Въ числѣ половецкихъ старшинъ, взятыхъ тогда въ плѣнъ, былъ и главный князь ихъ *Кобякъ* съ двумя его сыновьями. Въ мартѣ слѣдующаго 1185 года одержана была кіевскимъ княземъ новая побѣда надъ Кончакомъ за р. Сулою, у Хорола.

32. Святославъ Всеволодовичь узналъ о пораженіи Игоревыхъ полковъ на Каялѣ, будучи еще въ Черниговѣ, на возвратномъ пути изъ своихъ Вятичей въ Кіевъ. Ему пересказалъ о томъ, избѣжавшій пораженія и плѣна на Каялѣ, *Бѣловодъ Просовичь*. Пѣвецъ Игоря изобразилъ сновидѣніе Святослава бывшимъ нѣсколько позднѣе, чѣмъ оно могло быть на самомъ дѣлѣ: это поэтическая вольность; но *злато слово* Святослава въ Пѣсни очень напоминаетъ тѣ слова, которыя сказалъ онъ со слезами въ Черниговѣ, при вѣсти о Каялѣ („О люба мои братья и сынове»... и т. д.).

33. Прилагательное *поганый* ясно показываетъ, что подъ словомъ *тълковины* (бродяги?) разумѣются *Половцы*: ихъ опустошенными колчанами сынали крупный *жемчугъ* (т. е. слезы) на лоно Святославу.

34. Слово *босуви* я принимаю за собственное имя *Бусовой горы* или *Бусовицы*, находящейся подъ Кіевомъ надъ Лыбедью. (Оттуда и названіе извѣстнаго колодца *Бусловка*.)

35. Такъ читаю я, вм.: «бѣша дебрь Кисаню и не сошлю къ синему морю». Это мѣсто уже многими толкователями Пѣсни, въ томъ числѣ и г. Дубенскимъ, признано за поврежденное, и было различно исправляемо. Плѣснескъ или Пльнескъ въ землѣ Галицкой.

36. Подъ двумя померкшими солнцами разумѣются здѣсь два полоненые князя, Игорь и Всеволодъ; а двумя мѣсяцами—молодшіе два князя, сынъ Игоря Владиміръ и племянникъ Святославъ, тоже взятые въ плѣнъ Половцами на р. Каялѣ.

37. *Пардусне* (*гнъздо*)—такъ поправляю я, вм. *пардуже*; ибо это прилагательное имя отъ существительнаго *пардусь*, отъ котораго и древнее слово *пардусникъ*.

38. Остатки Готовъ были въ Крыму еще въ 12 вѣкѣ и находились во власти Половцевъ.

39. О времени *Буса* намъ неизвѣстно; а *Шаруканы* (старый и молодой) были половецкіе два князя, находившіеся въ плѣну у Владиміра Мономаха; когда же онъ выпустилъ ихъ на волю, то они мстили ему своими набѣгами.

40. Ярославъ Всеволодовичь князь Черниговскій не хотѣлъ участвовать въ походѣ брата своего за р. Орель 1184 года, ни дать ему помочи противъ Кончака, въ началѣ 1185 года. На него-то сѣтуетъ Святославъ, въ златомъ словѣ къ своимъ боярамъ,—равно какъ и на Сѣверскихъ князей, Игоря и Всеволода.

41. По плѣненіи Игоря, Кончакъ устремился на разореніе Переяславскаго княжества, и сперва напалъ на Переясловъ. Тамъ князь *Владиміръ Глѣбовичь* бился съ Половцами крѣпко и былъ раненъ тремя копьями. Послѣ того Кончакъ осадилъ и разорилъ городъ Римовъ (Роменъ) на р. Сулѣ. Храбрый князь Владиміръ Глѣбовичь, правнукъ Мономаховъ, скончался въ Переясловѣ 1199 года. «О немъ же Украина вельми постона»—сказано въ древней лѣтописи Кіевской.

42. *Всеволодъ Юрьевичь*, внукъ Мономаховъ, прозванный *Большимъ-Гнѣздомъ*, былъ великимъ княземъ Суздальскимъ съ 1176 года и до кончины своей въ 1212-мъ. За годъ до похода Игорева, Всеволодъ Суздальскій прославился походомъ на землю Болгарскую (на Волгѣ).

43. *Шереширы*—слово неизвѣстное; но по смыслу значитъ *самострѣлы*, тѣ огромные «*луци тузи самострѣльніи*» (Кіев. Лѣтоп.), съ которыми Кончакъ въ ту весну приходилъ на Русь

и былъ побѣжденъ. А ты, говоритъ пѣвецъ Всеволоду Юрьевичу Суздальскому,—ты можешь стрелять живыми шереширами, удалыми сынами Глѣба Ростиславича Рязанскаго (бывшими тогда уже въ волѣ Всеволодовой).

44. *Рюрикъ* и *Давидъ*, сыновья Ростислава Мстиславича. Давидъ княжилъ тогда въ Смоленскѣ, гдѣ и скончался 1197 года; а Рюрикъ княжилъ въ Овручѣ; послѣ былъ нѣсколько разъ на княженіи Кіевскомъ; скончался 1216 года, княжа въ Черниговѣ.

45. Здѣсь, очевидно, идетъ рѣчь о знаменитой битвѣ 1184 года за рѣкою Орелью; и надо заключить, что въ той битвѣ много потерпѣли дружина Рюрикова и Смольняне Давыдовы: эти послѣдніе отказались въ 1185 г. идти далѣе Треполя, гдѣ на вѣчѣ они сказали; «мы есьмы изнемогли».

46. *Ярославъ*, прозванный *Осмомысломъ*, сынъ Владимірка Володаревича, былъ Галицкимъ княземъ съ 1152 г. до кончины своей въ 1187-мъ. На его дочери *Ярославнѣ* женатъ былъ Игорь Святославичь.

47. *Романъ Мстиславичь* — храбрый князь Волынскій (—|—1205) и его двоюродный братъ и неизмѣнный другъ *Мстиславъ Ярославовичь*, князь Пересопницкій (—|—1226). Въ то время были еще два родные брата Романа, *Ярославъ* и *Всеволодъ* (княжившій въ Бельзѣ): это и есть «всѣ три *Мстиславичи*».

48. *Папоргы*—въ именит. падежѣ *парозъ* (уменьш. *папорзокъ*)—папоротокъ, или крыльная кость; но здѣсь принято за цѣлое крыло.

49. Упомнаемые въ Пѣсни подвиги *Романа Мстиславича* Волынскаго и его неизмѣннаго друга *Мстислава Ярославича* Пересопницкаго, пополняютъ собою лѣтописное молчаніе о томъ чѣмъ занятъ былъ (до 1185 г.) въ 15 лѣтъ своего Волынскаго княженія храбрый Романъ—«иже бѣ изострился на поганыя, яко левъ, имъ же Половци дѣти страшаху». (*Волын. Лѣт.* подъ 1251 г.).

50. *Вси три Мстиславичи*, т. е три сына *) Мстислава Изяславича: *Романъ*, *Святославъ* и *Всеволодъ* (Бельзскій), которые у своевременниковъ и назывались *Мстиславичами* (см. Кі-

---

*) Меньшой сынъ *Владиміръ* (Мстиславичь) скончался еще въ 1172 г. въ Берестьи.

евс. Лѣтоп. 1173 г.); а ихъ двоюродныя братья: *Мстиславъ Всеволодъ* (Луцкій), *Иваръ и Святославъ*, четыре сына Ярослава Изяславича,—назывались у современниковъ *Ярославичами* (см. Кіев. Лѣтоп. 1180 г.).

Пѣвецъ называетъ «*шестокрылыми* нехуда гнѣзда» не однихъ Мстиславичей, но и Ярославичей, равно принадлежавшихъ старшей линіи Мономахова дома; ибо выраженіе пѣвца «нехуда гнѣзда», и думаю, означаетъ *гнѣздо Мономахово*. (Сличи въ гл. 5-й—*гнѣздо Ольгово.*).

Еще и теперь ведется Руская сказка (слышанная мною отъ А. С. Хомякова) о *старомъ Дарбѣ*, *мужичкѣ-приворотничкѣ*, которому князь Владиміръ велитъ привести себѣ *коня шестоногаго*, *пса шестоморда*, да *сокола шестокрыла*.—Конечно въ зниченіи *соколовъ* принято и у пѣвца Игорева названіе *шестокрыльцы*.

51. *Изяславъ Васильковичь* неизвѣстенъ въ лѣтописаньи между князьями Полоцкими. Онъ могъ быть удѣльнымъ княземъ г. Изяслава (нынѣ Заславъ). Напрасно его называютъ княземъ Городенскимъ; ибо въ Городнѣ, въ продолженіе XII вѣка, извѣстны другіе князья—Всеволодъ съ тремя сыновьями, своими и этотъ городъ никогда не принадлежалъ къ Полоцкому княженію. По выраженію Пѣсни о похоронныхъ *трубахъ Городенскихъ*, можно заключать только то, что въ близи этого города палъ Изяславъ въ одинокой битвѣ своей съ Литовцами. Съ нимъ не было ни *Брячислава Васильковича* (Витебскаго), ни *Всеволода Васильковича* (вѣроятно Логожскаго), называемаго въ лѣтописяхъ уменьшительно: *Володшею*.

52. Кто этотъ *Ярославъ*, укоряемый пѣвцомъ, наравнѣ съ потомками Всеслава Полоцкаго? По моему, только и можетъ быть это—*Ярославъ Юрьевичь Пинскій*, который по сосѣдству съ Полоцкими князьями могъ быть и участникомъ въ ихъ дѣйствіяхъ, неизвѣстныхъ намъ по лѣтописанью, столь скудному относительно тѣхъ князей.

53. *Понизить, возвить*—эта форма повелительнаго наклоненія, съ окончаніемъ на ъ вм. *е*, есть форма Южноруская, понынѣ господствующая въ живомъ языкѣ.

54. *Которою* (творит. над. существ. им. *котора*)—такъ поправилъ Снегиревъ, вм. *которое*.

Первый слѣдъ наведенія *поганыхъ* на землю Полоцкую виденъ (по Кіевской Лѣт.) въ 1180 году подъ *Друтскомъ*, куда

приходилъ съ *Половцами* Святославъ Всеволодовичь, враждовавшій съ Ростиславичами; а помогавшіе ему, какъ зятю своему, Васильковичи приходили съ *Либью* и *Литвою*.

55. У Нестора сказано, что въ 1064 году «Всеславъ рать почалъ»; а въ *1063* году «иде Волховъ вспять дній пять, се же знаменье не добро бысть». Съ этого года и начнется *Седьмой вѣкъ Трояновъ*, если мы, начиная отъ покоренія Дакіи Императоромъ Траяномъ въ 102 г. по Р. Х., будемъ считать *вѣка* не во сто лѣтъ, а въ *четыре сорока*, т. е. во 160 лѣтъ, принявъ любимый Старо-Славянскій счетъ въ 4 и 40. Такое объясненіе Трояновыхъ вѣковъ предложено въ *Примѣчаніяхъ* г. Головина, М. 1846.

О какихъ «*двухъ дѣвахъ*, ему милыхъ», бросилъ жребій Всеславъ? Мнѣ кажется ясно, что это *война* и *слава*. Я нахожу справедливымъ мнѣніе Граматина, что слова «о *дѣвицю* себѣ *любу*» поставлены въ предложномъ падежѣ двойственнаго ч., (а не въ винительномъ единственнаго ч.): метать жребій *о чемъ*, а не *обо что*.

56. *Объситися* по-Славянски—значитъ *повѣситься*; *обьсися сынъ мьглѣ*—повѣсился, повисъ въ синемъ туманѣ, т. е. полетѣлъ (какъ въ 17 главѣ сказано объ Игорѣ: «и полете соколомъ подъ мьглами»). «*Орелъ вьшьлется*, перемѣна погоды буде» —говорятъ на Украинѣ, когда онъ не въ вышинѣ паритъ, а летаетъ надъ землею.

57. *Ряды рядяше*—такъ поправилъ я, вм. *гряды рядяше*, имѣя въ виду предъидущее выраженіе о Всеславѣ: *судяше*, а также и встрѣчаемое въ Кіевской Лѣтописи Древнерусское выраженіе о князьяхъ: *ряды рядити*.

58. Еще К. Калайдовичь (1817 г.) пзъяснилъ, что выраженіе *до куръ* значитъ здѣсь *до пѣтуховъ*. Такъ и по Кіевской и по Волынской лѣтописи видно, что въ древности крикомъ *куровъ* означалось время (см. подъ 1152 и 1288 гг.); а при томъ крикъ пѣтуха, по народному повѣрью, есть срокъ для ночныхъ похожденій колдуновъ, оборотней и т. п.; а о Всеславѣ было народное повѣрье (записанное Несторомъ), что онъ родился отъ волхованія и былъ волшебникомъ. Такимъ онъ представленъ и въ Пѣсни о немъ, вѣроятно, заимствованной пзъ пѣснопѣнія Боянова: Всеславъ *скачетъ лютымъ звѣремъ*, т. е. *волкомъ въ ночи*,— изъ Кіева достигаетъ въ Тмутаракань до пѣ-

туховъ; изъ Бѣлгорода достигаетъ въ Новгородъ между полуночи и утра; изъ Полоцка въ Кіевъ тоже въ заутрени.

59. *Великій Хорсъ*, конечно, значитъ здѣсь бога языческой Руси; но о миѳическомъ значеніи его мы не имѣемъ такого яснаго указанія въ древнихъ памятникахъ, какое нашлось въ Кіевской Лѣтописи для *Дажьбога*, какъ бога солнца, для *Сварога*, какъ бога огня. Мое мнѣніе то, что *Хорсъ* сроденъ съ Греческимъ *Гарпсомъ* или Ареемъ, съ Индійскимъ *Хари*, съ Египетскимъ *Горосомъ* старшимъ, т. е. онъ былъ богъ войны.

А изъ того, что полуночникъ Всеславъ, кончая свой путь изъ Кіева въ Тмутаракань до разсвѣта, до пѣтуховъ, *великому Хорсови волкомъ путь прерискаше*, нельзя ли предположить, что языческая Русь подъ именемъ *Хорса* чтила свѣтило ночи, *Мѣсяцъ*, какъ она чтила дневное свѣтило, *Солнце*, подъ именемъ Дажьбога?.... Глаголъ *прерискаше* можетъ значить: перебѣгалъ, перерѣзывалъ путь, и—обгонялъ, опережалъ; въ обоихъ случаяхъ онъ приходится къ пути мѣсяца по небу.

60. Это мѣсто въ Пѣсни почитается *темнымъ* и даже поврежденнымъ перепискою. Но оно становится яснымъ, при взглядѣ на картинку XIV вѣка: *Борисъ идетъ на Печенѣги* (см. въ моемъ *Кіевлянинѣ* Кн. 3. М. 1850). Тамъ изображены Владиміровы стяги, украшенные одни *копьями*, а другіе *рогами мѣсяца-молодика*: это *рози* на стягахъ Владиміровыхъ. А подъ копьями и полумѣсяцами на стягахъ навѣшаны *челки стяговыя*: это *хоботы* (т. е. хвосты) на стягахъ. *Хоботы пашутъ*—т. е. вѣютъ, машутъ: это у пѣвца укоризненное выраженіе о стягахъ Давыдовыхъ, которые бездѣйственно простояли у Треполя надъ Днѣпромъ, по плѣненіи Игоря,—только повѣяли, помахали своими хвостами,—и не двинулись далѣе на защиту Переяслава, осажденнаго Кончакомъ. А хвалебное выраженіе о *копьяхъ* поющихъ на Дунаѣ, конечно, относится къ Ярославу Галицкому, тестю Игореву (сличи величавое его изображеніе въ 13 главѣ).

61. *О Днѣпре Словутицю*! Велось до нынѣшняго столѣтія Древне-Украинское величаніе Днѣпра *Славутою*. Такъ въ думѣ XVI вѣка о гетманѣ Самойлѣ Кошкѣ—козаки.

«На Лиманъ-рѣку испадали,
Къ Днѣпру Славутѣ низенько укланяли».

Имя *Славута* —въ уменьшительномъ видѣ, *Славутица*, (по Великоруски сказать-бы *Славутушка*), въ звательномъ пад.— *Славутицю!*

62. *Оттуда свистну за рѣкою.*—Изъ Кіевской Лѣтописи видно, что это была рѣка *Торъ*. (Оттуда же видно, что вечернее время побѣга Игорева пѣвецъ перемѣнилъ на полночь; но такія маленькія отступленія поэтическія не отнимаютъ у Пѣсни исторической вѣрности ея, подтверждаемой сказаніемъ Кіевской Лѣтописи: въ обѣихъ равно видно живое, близкое свидѣтельство современниковъ—не то, что сказаніе Суздальской Лѣтописи о походѣ Игоря, записанное по слухамъ, пришедшимъ издалека и переиначившимъ событіе).

63. *Струги простре*—такъ поправляю я, вм. *струги рострѣ*. Здѣсь не *стругъ* (муж. р.)—водоплавное судно; а *струга* (жен. р.), уменьш. *стружка*: такъ и теперь въ Поднѣпровской Украинѣ называется протокъ бѣгучей воды между рѣчными плавнями или островами, заросшими кустами, деревьями или камышемъ. Несторъ, описывая потопленіе Ростиславо Всеволодовича въ р. Стугнѣ (впадаетъ въ Днѣпръ съ правой стороны, подъ Трипольемъ) 26 Мая 1093 года,—говоритъ: «бѣ бо наводнилася велми тогда» и далѣе: «прибѣгоша къ рѣцѣ Стугнѣ, и *вбреде* Володимеръ съ Ростиславомъ; нача утопати Ростиславъ предъ очима Володимеровыма, и хотѣ похватити брата своего, и мало не утону самъ; и утопе Ростиславъ сынъ Всеволожь. Володимеръ перебредъ рѣку... и перешедъ на ту сторону Днѣпра, плакася по братѣ своемъ... и плакася по немъ мати его, и вси людье плакахуся по немъ повелику, уности его ради».

Пѣвецъ Игоря изображаетъ наводненіе Стугны, простершей тогда быстрыя *струги* (протоки) по кустамъ, и потопившіе юнаго князя. О водоплавныхъ судахъ нѣтъ помину; да и не была такъ судоходна Стугна, чтобы носить на себѣ струга и разбивать ихъ по кустамъ!

64. Въ 1 изданіи Пѣсни двояко пишется имя Половецкаго хана: *Гзакъ* и *Гза*; первое нахожу ошибочнымъ, и принимаю только второе, *Гза*. Отсюда и въ Пѣсни, дательный падежъ—*ко Гзѣ*. Въ Кіевской Лѣтописи тоже *Кза*, а сынъ его—*Кзычь*.

65. *Боричевъ взвозъ*—составлялъ главную дорогу отъ Днѣпровской пристани въ Древній Кіевъ. Должно быть въ концѣ Боричева, на горѣ, стояла каменная церковь *св. Богородицы Пирогощей*, заложенная великимъ княземъ Кіевскимъ Мстиславомъ Владиміровичемъ 1131 года.

Пѣснь Ополченію Игоря Святославича, Князя Новгородъ-Сѣверскаго. Переведено съ древняго Русскаго языка XIII столѣтія Александромъ Вельтманомъ. Москва, въ типогр. Селивановскаго, 1833, (8), 50 [1]).

Слово о плъку Игоревѣ есть драгоцѣнный памятникъ древней Руссвой поэзіи, сколько любопытный для филологіи, столько же превосходный по своему изяществу. Много уже объяснено сіе слово филологическими розысканіями нашихъ ученыхъ. Нѣсколько разъ оно было переведено на нашъ новый языкъ буквально: но сіи переводы, основываясь, почти исключительно, на грамматическихъ и историческихъ розысканіяхъ, суть, такъ сказать, анатомическіе переводы и не могутъ дать понятія о той жизни, которою красно сіе Слово. Еще менѣе могутъ дать понятіе о поэзіи пѣвца Игоря стихотворные переводы его; ибо переводчики были слишкомъ произвольны и небрежны съ своимъ подлинникомъ. Такимъ образомъ Слово о плъку Игоревѣ оставалось, къ сожалѣнію, извѣстнымъ болѣе по наслышкѣ, по трудности своего языка и по непривычкѣ публики къ языку Славянскому.

Новый переводчикъ уразумѣвалъ своего поэта не только буквально, но еще болѣе старался постигнуть поэтическій смыслъ его своимъ чувствомъ. Такимъ живымъ изслѣдованіемъ, при помощи бывшихъ уже наблюденій, онъ изъяснилъ Слово сіе, во многихъ мѣстахъ, естественнѣе и вѣрнѣе. Переводъ его не буквальный, а поэтическій, и написанъ тою же размѣрною, благозвучною прозою, какъ и его Эскандеръ, что соотвѣтствуетъ риомическому склада самого подлинника.

Между многими недоумѣніями относительно пѣсни сей, главныхъ два: подлинно-ли она XII вѣка и какимъ языкомъ она писана?

---

[1]) Молва, 1833 № 23—24 с. 89—96.

Что касается до времени, то Г. Вельтманъ не сомнѣвается нисколько въ томъ, что она писана современникомъ Игоря, въ XII вѣкѣ. И въ самомъ дѣлѣ, основанія сего мнѣнія значительнѣе, чѣмъ нѣкоторыя сомнѣнія, тому противорѣчащія. Что касается до языка, то Г. Вельтманъ полагаетъ, что это древній Русскій языкъ, но принадлежащій собственно пѣвцу Игоря, имъ избранный; такъ какъ у Ломоносова, Державина, Карамзина, Жуковскаго и Пушкина, находимъ природный языкъ свой, но ими пересозданный. Въ такомъ отвѣтѣ своемъ, на вопросъ ученаго общества, (на древнемъ-ли Славянскомъ существовавшемъ, въ Россіи до перевода книгъ Священнаго Писанія, или на какомъ нибудь областномъ нарѣчіи, писано сіе слово?) Г. Вельтманъ называетъ языкъ сей «соединеніемъ всѣхъ нарѣчій Славянскихъ, очищенныхъ высокимъ чувствомъ поэта, выборомъ словъ звучныхъ, краткихъ, свойственныхъ той гармоніи, которою была наполнена душа его!»

Мысль сія вообще справедлива, ибо такимъ образомъ создается языкъ поэтическій геніальными писателями. Думаю однакожь, что мысль сія имѣетъ только общее значеніе и не опредѣляетъ частнаго характера онаго языка. Когда существуетъ уже языкъ книжный, то онъ и языкъ народный составляютъ всегда двѣ стихіи, изъ коихъ особый языкъ писателя составляется особенностію его дарованія. Такимъ образомъ и въ Словѣ пѣвца Игоря видно большое вліяніе тогдашняго книжнаго, церковно-Славянскаго языка; но съ этимъ вмѣстѣ видно безпрестанное отступленіе отъ его формъ, несравненно больше, чѣмъ въ Несторовой лѣтописи и другихъ того времени памятникахъ. Такое отступленіе основывалось на стремленіи къ языку природному, живому. Это легко понять, глядя, какъ даже въ наше время поэтъ часто предпочитаетъ народный оборотъ рѣчи формѣ заклейменной уже граматическою печатью, какъ иногда для точнѣйшаго выраженія своей мысли избираетъ слова областныя или почитаемыя обветшалыми. Могъ ли пѣвецъ Игоря обойтись безъ сего поэтическаго права (licentia

poëtica), въ то схоластическое для литературы время? И можно ли намъ, мѣряя слова его только словами изъ другихъ памятниковъ извѣстными, всегда подчинять имъ поэтическій смыслъ его, ни сколько не довѣряя оному?

Возьмемъ для примѣра нѣкоторыя мѣста. «Всеславъ изъ Кіева дорыскаше до Куръ Тмутораканя». Здѣсь непремѣнно хотятъ найти куръ или пѣтуховъ; а не курь, дворовъ или жилищь, какъ понялъ Г. Вельтманъ, для подтвержденія чего можнобы привесть Малороссійскій курень и Русскія курныя избы. Пѣвецъ Игоря прекрасно изображаетъ конецъ Бориса: «Слава на судъ приведе (его) и на конину зелену паполому посла». Не ясно ли, что здѣсь подъ именемъ паполомы (попоны) поэтъ разумѣетъ землю; и что паполома конина значитъ конечная или послѣдняя, отъ слова коны (концы), въ семъ смыслѣ и пѣвцомъ Игоря и нынѣ еще въ Малороссіи употребляемаго. Слава положила Бориса на послѣднюю зеленую постель; или, по переводу Г. Вельтмана, Борисъ улегся на постланномъ славой, послѣднемъ, зеленомъ коврѣ! Но буквально изъясняющіе непремѣнно хотятъ видѣть здѣсь только конскую попону, постилаемую славою. И въ другомъ мѣстѣ, гдѣ Игорь подперся о кони, то есть о предѣлы или границы свои, заставляютъ его опираться на коней; между тѣмъ у пѣвца Игоря кони (лошади) называются комонями; и слѣдовательно прилагательное имя скорѣе былобы комонинный (какъ въ Польскомъ comonica).

Теперь еще вопросъ. Какое же именно областное нарѣчіе было другою главною стихіею въ ономъ Словѣ? Мнѣніе Г. Вельтмана неопредѣленно: я думаю, что онымъ можно почесть мѣстное нарѣчіе пѣвца Игоря, южно-Русское, изъ коего въ послѣдствіи вышелъ языкъ Мало-Россійскій, со многими измѣненіями простирающійся не только въ южной Россіи, но и на западъ по Галиціи и Карпатамъ, и тамъ называемый Русскимъ. Объ немъ я отчасти уже изъяснилъ въ Мало-Россійскихъ Пѣсняхъ: а здѣсь скажу только, что Мало-Россійскій языкъ сохранилъ много

словъ и формъ, встрѣчаемыхъ въ древнихъ нашихъ Славянскихъ памятникахъ и утраченныхъ въ Велико-Русскомъ языкѣ. Почему многія мѣста въ Словѣ о полку Игоревѣ и въ другихъ древнихъ памятникахъ объясняются очень легко изъ языка Мало-Россійскаго. О необходимости знать оный для полнѣйшаго уразумѣнія Нестора, замѣчалъ уже Г. Павловскій въ своей Грамматикѣ Малороссійскаго языка. Г. Бантышъ-Каменскій (въ своей исторіи Малой Россіи III. 241) замѣчаетъ отмѣну въ языкѣ пѣвца Игоря и другихъ памятникахъ древнихъ южно-Россійскихъ. Сіе еще убѣдительнѣе становится, когда вспомнимъ послѣдующее вліяніе южно-Русскаго языка на самый языкъ Велико-Русскій. Хотя надобно сказать, что отъ того, если и обогатилась Русская письменность и просвѣщеніе, но языкъ былъ замедленъ въ своемъ естественномъ развитіи. Такимъ образомъ изъ тѣхъ двухъ стихій, т. е. изъ книжнаго церковнаго и природнаго южно-Русскаго языка составился живой, поэтическій языкъ пѣвца Игоря по его собственной идеѣ. А кто сроднился съ духомъ пѣсенъ и думъ Украинскихъ и вдумывался въ красоты Слова о полку Игоревѣ, тому не покажется страннымъ, если сказать, что въ нихъ однородство поэтическое характеровъ, что Слово о полку Игоря есть начало той южно-Русской эпопеи, которая потомъ звучала и звучитъ еще въ думахъ бандуристовъ и во многихъ пѣсняхъ Украинскихъ, и что пѣснь Ярославны есть, такъ сказать, тема, которая распѣвается въ дышущихъ любовію женскихъ пѣсняхъ Украинскихъ.

Г. Вельтманъ приложилъ къ своей книгѣ подлинникъ Слова и болѣе 50 примѣчаній. Большая часть изъ нихъ важны и любопытны. На нѣкоторыя можно еще возразить: я изберу три, чтобъ еще оправдаться въ своемъ мнѣніи относительно Малороссійскаго языка, и о томъ, какъ иногда поэтическое чувство замѣняло Г. Вельтману изъясненіе грамматическое.

1) Примѣч. 36. «Цвѣлити—цвилить, жалобить. Сербск. слово». Но слова подлинника: «Половецкую землю мечи цвѣлити»—въ переводѣ вѣрнѣе изъяснены: мечами гу-

бить. Цвѣлить въ подлинникѣ поставлено въ переносномъ смыслѣ вмѣсто опустошать, и происходитъ отъ Малороссійскаго слова цвѣль—плѣсень, поцвѣлъ, взялся цвѣлью—покрылся плѣсенью, тлѣніемъ. Сербскому же слову цвѣлить соотвѣтствуетъ Малороссійское квилить.

2) Стрикусы Г. Вельтманъ справедливо, по смыслу рѣчи, назвалъ стѣнобойнымъ орудіемъ; но вмѣсто указаній его на Сербское стрцати и Русское стрекать, лучше можно привести Малороссійское слово стрыкусъ, или таранъ-большое орудіе, которымъ бьютъ конопляное масло.

3) Туга, въ двухъ мѣстахъ перевода названа тоскою, болѣзнію, а въ примѣчаніи корчею или судорогою; первое справедливѣе: по-Малороссійски туга—тоска, откуда тужить. Въ подлинникѣ сказано: «Чърна земля подъ копыты, костьми была посѣяна, а кровію польяна; тугою взыдоша по Руткой земли». Г. Вельтманъ перевелъ такъ: «Тамъ тучное поле подъ каждымъ копытомъ костьми усѣяно, кровью полито. Тоска отзывается въ Русской землѣ»! Здѣсь надобно бы выдержать всю точность поэтическаго изображенія: выросло, взошло тоскою по Русской землѣ!

Въ началѣ Г. Вельтманъ также, желая яснѣе выразить поэтическое изображеніе Бояна, вмѣсто: растекался мыслію по древу, перевелъ: мысли его текли въ вышину, какъ соки по древу. Впрочемъ подобныхъ вольностей немного.

Вотъ мое мнѣніе о Пѣсни Ополченію Игоря и ея переводѣ. Но говоря о семъ повомъ пріобрѣтеніи нашей словесности, я не могу умолчать о важной для ней потерѣ. Покойной дядя мой, Романъ Ѳедоровичь Тимковскій, много и долго занимался изъясненіемъ сей пѣсни; уже приготовилъ ее къ печати, показывалъ ее нѣкоторымъ археологамъ и писалъ къ В. Ѳ. Т. что только три мѣста остались для него неясными. Но послѣ смерти его не осталось и слѣдовъ сихъ розысканій.

Не ужели онѣ погибли для словесности, подобно имени пѣвца Игоря?

КНИЖНАЯ СТАРИНА ЮЖНОРУСКАЯ [1]).

ГЛАВА I.

Начало книгопечатанія въ Южной Руси.

Книжное дѣло на Руси, какъ извѣстно, начато въ Кіевѣ въ 11-мъ вѣкѣ, великимъ Княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ: онъ собралъ писцовъ для перевода съ Греческаго языка на Славянскій, и написанныя ими книги положилъ въ созданномъ имъ храмѣ Софійскомъ. Повѣствуя объ этомъ, преподобный Несторъ говоритъ: «яко бо се нѣкто землю разоретъ, другій же насѣетъ; ини же пожинають и ядять пищу безскудну: тако и сей. Отецъ бо сего Володимеръ взора и умягчи, рекше крещеньемъ просвѣтивъ; сей же насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людій; а мы пожинаемъ ученье пріемлюще книжное». И какъ богата была та жатва, собранная смиренномудрыми жнецами — первословесниками нашими, на благодатныхъ поляхъ Русскаго Юга!... Она была въ запасъ для цѣлой Руси, на всѣ времена.

Но съ половины 12-го вѣка бытіе Южной Руси становилось такое тревожное и томительное, что книжное дѣло, ею начатое, не могло продолжаться въ ней съ возрастаніемъ. Поприщемъ для того стала непочатая новь Рускаго Сѣверовостока; и Южная Русь скоро залегла на долгій роздыхъ; и пробудилась опять для книжной дѣятельности не ранѣе, какъ

---

[1]) Временникъ Обществ. Исторіи и Древн. Исторіи 1849, к. 1 и 3.; Кіевлянинъ. 1850, к. III ст. 117—138.

во второй половинѣ 16-го вѣка. До той поры ея новыя поколѣнія пробавлялись только прежнимъ запасомъ книжнымъ, и почти ничего новаго не прибавили къ нему отъ себя. Однимъ изъ первыхъ движеній возрождавшейся книжной дѣятельности Южноруской было стремленіе сближать Священное писаніе съ языкомъ народнымъ. Прекраснымъ и старшимъ памятникомъ этого стремленія служитъ Пересопницкое Евангеліе, въ которомъ многія церковнославянскія слова и обороты замѣнены, или пояснены словами языка Южнорускаго «для лѣпшого вырозумленя люду христіанского посполитого». Это Евангеліе [1]) писано на Волыни, въ Пересопницкомъ монастырѣ, 1556—61 года, иждивеніемъ благочестивой княжны Настасіи Юрьевны Заславской, урожденной Гольшанской. Надъ нимъ трудился Персопницкій Архимандритъ Григорій; а писцомъ онаго былъ Михайло Васильевичъ, сынъ Протопопа Саноцкаго. Евангеліе писано на пергаментѣ, въ листъ, со всею старинною роскошью книгописною. Нынѣ хранится оно въ Переяславскомъ Вознесенскомъ монастырѣ, которому подарилъ его въ 1701 году Гетманъ Мазепа, какъ строитель монастыря. Можетъ быть стремленіе сближать Священное Писаніе съ народнымъ языкомъ было возбуждено примѣромъ Полоцкаго уроженца, доктора медицины Скорины. Во всякомъ случаѣ эти явленія исторической важности, какъ показатели того, чѣмъ началось возрожденіе книжной дѣятельности на Рускомъ Югѣ и Сѣверозападѣ, жившихъ тогда за одно, отдѣльно отъ Руси Сѣверовосточной или Московской.

---

[1]) Писецъ этого Евангелія не разъ повторилъ, что оно переведено «изъ языка Блъгарскаго на мову Рускую». Для образца прилагаю слѣдующее мѣсто. «Въ началѣ было Слово. А Слово было отъ Бога, и Богъ былъ то слово. То было напочатку у Бога; и всѣ рѣчи черезъ Него ся стали. А безъ Него ништо не могло быти, еже и бысть. Въ томъ животъ былъ. А животъ былъ свѣтъ человѣкомъ. И свѣтъ во тьмѣ свѣтится, и тма его не обыйметь».

(Впервыя это Евангеліе описано *Бодянскимъ*, *Журн. М. Н. Пр.* 1838. кн. 5 Послѣ того я писалъ объ немъ въ *Воспоминаніи о городахъ Пересопицѣ и Дубровицахъ*, напечатанномъ въ *Кіевлянинѣ*, 1840).

Между тѣмъ какъ вся Русь еще и въ первой четверти 16-го столѣтія оставалась, по прежнему, при одномъ книгописаніи, у нашей Западнославянской братіи велось уже книгопечатаніе, по примѣру народовъ Нѣмецкихъ. Книгопечатаніе Славянскими Кириловскими буквами прежде всего началось въ Краковѣ, 1491 года, изданіемъ Часослова въ 4-ку и другихъ церковныхъ книгъ, которыхъ мастеромъ былъ Швайнольтъ Фѣоль. Этотъ достопамятный Нѣмецъ, какъ первый печатникъ Славянскихъ книгъ, былъ обвиненъ въ ереси, и удалился изъ Кракова въ Венгрію. Между тѣмъ книгопечатаніе немедленно стало появляться и въ другихъ Славянскихъ городахъ, въ томъ числѣ и въ Прагѣ Чешской. Тамъ въ 1517—19 годахъ напечатанъ былъ по частямъ переводъ Библіи нашего Полочанина Скорины, подъ названіемъ: Библія Руска, иждивеніемъ Богдана Онькова, въ 4-ку. Вслѣдъ за тѣмъ учредилась типографія и въ Литовскоруской столицѣ Вильнѣ, въ домѣ Бабича, гдѣ неутомимый Скорина, въ 1525 году, издалъ сперва Апостолъ, потомъ Акафисты и Каноны, въ 8-ку. Вотъ первенцы книгопечатанія Рускаго!

Можетъ быть таже Виленская Скоринина типографія явилась потомъ въ городѣ Несвижѣ (Минской губерніи). Тамъ отступникъ отъ православія (Симонъ Будный (съ товарищами своими Матвѣемъ Кавечинскимъ и Лаврентіемъ Кришковскимъ) издалъ свой Катихизисъ, 1562, въ 4-ку. Можетъ быть Несвижская типографія принадлежала въ слѣдующіе годы Василію Тяпинскому, напечатавшему первую часть новаго завѣта вскорѣ послѣ 1565 года (см. въ Библ. Погодина, Сахар. № 63). Это былъ первый на Руси книжный отголосокъ Западной Реформаціи, которая въ разныхъ сектахъ или толкахъ своихъ, пройдя черезъ Польшу, явилась и у насъ въ Литвѣ, въ половинѣ 16-го вѣка; а вслѣдъ за тѣмъ распространилась и на Волыни. Броженіе умовъ, произведенное разливомъ западнаго новомыслія, открыло возможность езуитамъ ловить западнорусскую молодежь, какъ рыбу въ мутной водѣ; и они быстро раскинули свои сѣти.

Между тѣмъ, въ свѣтлую половину царствованія Іоанна Грознаго, учредилось книгопечатаніе въ Москвѣ—для однообразнаго и правильнаго изданія церковныхъ книгъ, которыя подвергались тогда непрестанной порчѣ отъ писцовъ-промышленниковъ. Присланный Московскому Царю отъ Датскаго Короля мастеръ Гансъ (или Іоаннъ Миссингеймъ Бокбиндеръ) былъ учредителемъ первой Московской типографіи, въ которой первыми книгопечатниками были Гостунскій діаконъ Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Тимофѣевъ Мстиславцевъ. Въ 1563-64 году напечатали они книгу Апостолъ въ листъ. Вотъ первенецъ Московской печати! Но книгописцы взвели ересь на книгопечатниковъ; и они бѣжали изъ Москвы въ Литовскую Русь, охотно принимавшую всѣхъ выходцевъ Великорускихъ. Гетманъ Литовскаго Княжества Григорій Александровичъ Ходкевичъ далъ пріютъ у себя Московскимъ художникамъ и завелъ типографію въ своемъ городѣ Заблудовѣ (Гродненской губерніи), гдѣ и напечатали они 1568-69 года—Евангеліе учительное, въ листъ, еще Псалтирь въ 2о (у Погод.). Въ этомъ 1569 году,—памятномъ Гражданскою Уніей Великаго Княжества Литовскаго съ Короною Польскою, скончался благочестивый Гетманъ Ходкевичъ. Тогда печатникъ Петръ Мстиславецъ перешелъ изъ Заблудова въ Вильну, завелъ новую типографію у братьевъ Козьмы и Луки Мамоничей, и напечаталъ въ ней Евангеліе, 1575 въ л. А Иванъ Ѳедоровъ, покинувъ подаренную ему отъ Ходкевича деревню, перешелъ въ Червоную Русь—во Львовъ. Тамъ онъ нашелъ себѣ сочувствіе только въ духовенствѣ и мѣщанствѣ, и при ихъ помощи, въ 1570-мъ году началъ заводить себѣ типографію. Въ этой друкарнѣ онъ въ 1573-74 годахъ напечаталъ Апостолъ, въ листъ. Вотъ первенецъ Южноруской печати, явившійся черезъ десять лѣтъ послѣ изданія Московскаго! Въ послѣсловіи къ нему, достопамятный Москвитинъ помѣстилъ «повѣсть—откуду начася и како съвершися друкарня сія.» Приведу нѣсколько строкъ изъ этой повѣсти, въ которыхъ ясно обозначается душа Рускаго художника.

«Еще же (говоритъ онъ о Ходкевичѣ) и сіе недовольно ему бѣ, еже тако устроити насъ; но и весь немалу дарова ми на упокоеніе мое. Намъ же работающимъ по волѣ Господа нашего Ісуса Христа и Слово Его по вселеннѣй разсѣвающе,—егда же пріити ему вь глубоку старость и начастѣ главѣ его болѣзнію одержими бывати, повелѣ намъ работанія сего престати, и художество рукъ нашихъ ни во что же положити, и въ веси земледѣланіемъ житія міра сего препровождати. Еже неудобно ми бѣ раломъ ниже сѣменъ сѣяніемъ время живота своего съкращати, но имамъ убо въ мѣсто рала художество наручныхъ дѣлъ; вмѣсто же съсуды житныхъ сѣменъ духовная сѣмена по вселеннѣй разсѣвати, и всѣмъ по чину раздавати духовную сію пищу. Наипаче же убояхся истязанія Владыки моего Христа, непрестанно въпіюща къ мнѣ: лукавый рабе и лѣниве, почто не вда сребра моего торжникомъ, и азъ пришедъ взялъ быхъ свое съ лихвою! И когда убо на уединеніи въ себе прохождахъ, множицею слезами моими постелю мою омочахъ, вся сія размышляя въ сердцы своемъ, да быхъ не съкрылъ въ земли таланта отъ Бога дарованнаго ми, и тужащу ми духомъ, сія глаголахъ: еда въ вѣки отринетъ Господь и не приложитъ благоволити паки, или до конца милость свою отсѣчетъ, по притчи смоковничнаго неплодствія, яко всуе землю упражняющу. И сего ради понудихся ити оттуду. И въ путь шествующу ми многи скорби и бѣды обрѣтоша мя, не точію долготы ради путнаго шествія, но и презельному повѣтрію дышущу и путь шествія моего стѣсняющу; и просто рещи: вся злая и злыхъ злѣе. И тако промысломъ Божія человѣколюбія до богоспасаемаго града нарицаемаго Львова пріидохъ, и вся яже на пути случающаямися ни вочтоже вмѣняхъ, да Христа моего пріобрящу. Вся, яже здѣ, сну подобна и сѣни, преходятъ бо; яко же бо дымъ на воздусѣ благая и злая, расходятся.»

ГЛАВА II.

Книгопечатаніе на Волыни.

Въ то время, какъ во Львовѣ трудился друкарь Москвитинъ, на Волыни жилъ другой достопамятный Великороссіянинъ, Князь Андрей Михайловичь Курбскій, бѣжавшій отъ гнѣва Іоанна Грознаго. Ставъ гражданиномъ Западной Руси, герой Казани неохотно брался уже за свой мечь, долженствовавшій иногда воевать противъ своихъ, въ продолжавшейся борьбѣ двухъ половинъ Рускаго міра.

Подъ небомъ Русскаго Юга, въ душѣ Курбскаго разрослись сѣмена духовной мудрости, принятыя имъ изъ устъ Максима многострадальнаго и Артемія исповѣдника. И онъ съ жаромъ предался ученію книжному; и подвизался неутомимо на этомъ поприщѣ. Не отрываясь мысленно отъ роднаго ему Востока, онъ писалъ свою примѣчательную «Исторію Московскаго Царя.» Въ тоже время ревнуя о просвѣщеніи своихъ западныхъ братьевъ, онъ изучалъ и переводилъ творенія Іоана Златоуста и другихъ Отцовъ церкви. Скорбѣла душа Курбскаго, предвидя бѣду, какая готовилась его соотчичамъ отъ распространявшихся между ними Западниковъ; равно отъ нѣги и роскоши въ жизни, какими мужественные Волынцы заражались тогда отъ растлѣнной Польши. И онъ голосомъ древлерускаго человѣка остерегалъ своихъ собратовъ опъ мысленныхъ звѣрей и ихъ хитролестныхъ силлогизмовъ; увѣщевалъ пребывать бодро въ благочестіи праотеческомъ, напоминая имъ о прежней простотѣ жизни. Его посланія къ разнымъ лицамъ (отъ Князя Острожскаго и Княгини Евдокіи Черторыйской, до Виленскаго бурмистра Львовскаго мѣщанина), составляютъ драгоцѣнный памятникъ тогдашняго выраженія Русской души.

Ближайшимъ сотрудникомъ Курбскаго въ книжномъ дѣлѣ былъ сродникъ его князь Михайло Оболенскій, котораго опъ упросилъ «иже бы во младомъ еще будущи вѣцѣ, навыкъ вышнихъ наукъ въ языкѣ Римскомъ. Онъ же (про-

должаетъ Курбскій) послушалъ мя; и изнуривъ три лѣта въ Краковѣ въ школѣ, а потомъ совершенія ради до Влохъ ѣхалъ, оставя домъ, жену и дѣтки; и тамо аки два лѣта пребылъ. А нынѣ благодатію Божію возвратился къ намъ, здравъ и въ праотеческомъ благочестіи цѣлъ, яко корабль преполонъ дражайшихъ корыстей.»

А изъ природныхъ Волынцовъ лучшимъ другомъ Курбскаго, до конца жизни его, былъ вельможнѣйшій изъ князей южнорускихъ, князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, воевода Кіевскій. Въ дружбѣ этихъ двухъ потомковъ св. Владиміра созрѣла та ревностная и дѣятельная любовь къ православному просвѣщенію, которую обезсмертилъ себя князь Константинъ, и которая составляетъ собою вторую эпоху въ южнорускомъ просвѣщеніи, какъ Ярославова любовь къ книгамъ составляетъ его эпоху первоначальную.

1. Острогъ.

Одно изъ первыхъ заботъ князя Острожскаго было изданіе полной Библіи на языкѣ Церковнославянскомъ. Основаніемъ этому дѣлу послужилъ списокъ Библіи, привезенный ему изъ Москвы, посланникомъ Михайломъ Гарабурдою, около 1570 года. Кромѣ того онъ доставалъ многіе другіе списки на языкахъ Греческомъ, Латинскомъ, Церковнославянскомъ, Чешскомъ и Польскомъ. И когда оконченъ былъ этотъ трудъ благочестиваго князя, къ нему явился изъ Львова Иванъ Ѳедоровъ, немедленно устроилъ типографію въ Острогѣ, и въ ней напечаталъ 1580 года—Новый Завѣтъ, а въ слѣдующемъ году окончилъ изданіе полной, первопечатной Библіи, называемой Острожскою, и напечаталъ еще Хронологію.

Этимъ счастливымъ началомъ книгопечатанія въ Острогѣ кончилъ свое поприще Рускій книгопечатникъ, поработавшій съ такою любовью къ своему дѣлу во всѣхъ странахъ Рускаго міра. Онъ воротился во Львовъ, съ намѣреніемъ продолжать изданіе церковныхъ книгъ; но не исполнилъ его

за смертію, послѣдовавшею 5 Декабря 1583 года. Примѣчательно что въ томъ же году, въ Маѣ мѣсяцѣ, скончался и князь Курбскій, въ своемъ Ковельскомъ княжествѣ, завѣщавъ похоронить себя въ Троицкомъ Вербскомъ монастырѣ, имъ же устроенномъ возлѣ Ковля.

Въ одно время съ типографіею, именно въ 1580 году, князь Константинъ учредилъ Острожскую школу. Ректоромъ этого старшаго изъ высшихъ училищъ Южнорусскихъ былъ Кириллъ Лукарь, въ послѣдствіи возведенный въ санъ Патріарха Константинопольскаго.

Изъ первыхъ подвижниковъ князя Острожскаго, на книжномъ поприщѣ, достойны воспоминанія—подскарбій Герасимъ Даниловичь Смотрицкій, написавшій предисловіе и стихи въ Острожской Библіи, и пресвитеръ Василій, сочинитель книги О единой вѣрѣ и церкви.

При помощи этихъ и другихъ лицъ, князь Константинъ былъ самымъ ревностнымъ поборникомъ нашего просвѣщенія и православія въ тѣ печальныя времена, когда во всей югозападной Руси возшумѣла гроза вѣрогоненія Польско-Римскаго. По этому книги, изданныя въ Острогѣ, при жизни святопамятнаго князя, имѣютъ важное значеніе въ исторіи Русскаго Просвѣщенія и Словесности.

Вотъ списокъ книгъ, напечатанныхъ въ типографіи Острожской.

1. Новый Завѣтъ съ псалтырью впереди. 1580. въ 8.
2. Библія. 1581. въ л.
3. Хронологія. 1581. въ л.
4. Листы Патріарха Іереміи. въ 1583. въ 4.
5. Діалогъ Патріарха Геннадія. 1583. въ 8.
6. О единой истинной Православной Вѣрѣ и Святой Соборной Апостольской Церкви 1588. въ 8.
7. Исповѣданіе о исхожденіи св. Духа. 1588 въ 8.
8. Книга Василія Великаго о постничествѣ. 1594. въ л.

9. Книга Іоанна Златоустаго Маргаритъ. 1596. въ л.
10. Апокрисисъ альбо отповѣдь на книжкы о съборѣ Берестейскомъ. 1597. въ 4.
11. Отписъ на листъ въ Бозѣ велебнаго отца Ипатіа (Поцѣя). 1598. въ 4.
12. Листы Патріарха Мелетія къ Православнымъ. 1598. въ 8. (Девятое изъ числа сихъ десяти посланій писано княземъ Острожскимъ до Православныхъ христіанъ).
13. Псалтырь съ Часословомъ. 1598. въ 8.
14. Псалтырь съ возслѣдованіемъ. 1598. въ 8. (издана священ. Василіемъ.)
15. Часословъ. 1602 (у Погодина).
16. Молитвословъ (требникъ) 1606. въ 4.
17. Лѣкарство на оспалый умыслъ человѣчій. 1607. въ 4. (издано свящ. Даміаномъ).

Въ 1608-мъ году 13-го Февраля скончался князь Константинъ Василій Константиновичь, и погребенъ въ Острогѣ въ Замковой церкви (а не въ Кіевской Печерской, какъ воображалъ Путешественникъ по св. мѣстамъ Русскимъ, въ своемъ Кіевѣ, изданномъ въ Спб. 1844 и въ Кіевѣ 1846). Сынъ его Янушъ, Кастелянъ Краковскій хотя и отступилъ отъ Православія, но на первыхъ порахъ поддерживалъ еще учрежденія отцовскія. Его повелѣніемъ въ Острогѣ напечатанъ—

18. Часословъ, 1612. въ 8.

Послѣ того судьба Острожской типографіи становится почти неизвѣстною. Упоминается только неконченная книга Острожской печати:

19. Книга боговдохновенна Никона Черногорца. 1640. въ л.

Предложенный списокъ Острожскихъ книгъ можно дополнить еще нѣсколькими; но я ограничился только прибавкою Апокризиса. Эта книга напечатана безъ означенія года и мѣста печати; но видно для каждаго, что она напечатана въ 1597 году. Невидно однако, почему Сопиковъ при-

своилъ изданіе Апокризиса Вильнѣ, а сочиненіе Мелетію Смотрицкому. Между тѣмъ то и другое принято уже отличными книговѣдцами Русскими—сперва Кеппеномъ, потомъ Строевымъ, наконецъ и Епископомъ Филаретомъ (въ Ист. Рус. Церк. 1847); Востоковъ также признаетъ эту книгу напечатанною въ Вильнѣ. Но шрифтъ и форма Апокризиса тѣ же, что и въ книгѣ Отписъ, напечатанной въ Острогѣ 1598 года *; а Виленскихъ изданій, въ тѣ годы, такого же шрифта, неизвѣстно. Изъ этого уже видно, что Апокризисъ принадлежитъ не къ Виленскимъ, а къ Острожскимъ изданіямъ. Такъ объ книжкѣ Унія, изданной въ Вильнѣ 1595 года, по одному курсивному шрифту ея можно было Князю Оболенскому заключить, что она напечатана тамъ же, гдѣ и Литовскій Статутъ. Объ этой Уніи, какъ объ новости библіографической, извѣстилъ Строевъ (въ дополнительномъ описаніи стар. Слав. книгъ 1841 стр. 27), и сказалъ, что она «библіографамъ неизвѣстна.» Но Митрополитъ Евгеній еще въ 1825 году (въ Опис. Кіевософ. Соб. стр. 136) описалъ эту книжку обстоятельно. Такимъ же образомъ П. М. Строевъ, при описаніи Апокризиса остановился на мнѣніи, что онъ сочиненъ Смотрицкимъ, упустивъ изъ виду другое извѣстіе, предложенное Митрополитомъ Евгеніемъ (въ Описаніи Кіевософ. Соб. на стр. 145 и 147), что Апокризисъ сочиненъ Христофоромъ Бронскимъ. Это извѣстіе важнѣе Сопиковскаго. Евгеній читалъ его, безъ сомнѣнія, въ той книгѣ ученаго Уніата Стебельскаго на которую онъ часто ссылается въ Опис. Кіевософ. собора (стр. 120; 128 и друг.) Изъ Стебельскаго можно узнать, что Бронскій написалъ Апокризисъ по порученію Князя Острожскаго, и за то въ награду получилъ отъ него маетность. Это изданіе Апокризиса отъ Князя Острожскаго служитъ подтвержденіемъ, что онъ напечатанъ въ Острогѣ, гдѣ вслѣдъ за нею издана и другая

*) Въ Библіотекѣ Кіево-Михайловскаго монастыря подъ № 147, обѣ книги находятся переплетенныя въ одномъ томѣ.

полемическая книга—Отписъ.—Стебельскій называетъ Бронскаго аріанином ъ; но это названье, подъ перомъ Уніата значитъ не болѣе, какъ не-папистъ особливо въ приложеніи къ человѣку, написавшему такую дѣльную книгу противъ Уніи при самомъ ея началѣ, и притомъ изданную отъ лица всѣхъ Православныхъ, въ защиту Православія. Впрочемъ и то могло быть, то Бронскій принадлежалъ сперва къ какому нибудь изъ тогдашнихъ реформаторскихъ толковъ; но потомъ обратился на путь истинный (какъ это было напримѣръ, съ Ѳедоромъ Бокѣемъ, который только временно увлекался бредн ями новосмышлен ія, по выраженію Кн. Курбскаго, въ его посланіяхъ къ тому Бокѣю). Съ Мелетіемъ Смотрицкимъ случилось наоборотъ: послѣ долгой борьбы и потрясеній душевныхъ, онъ отступилъ отъ Православія и поступилъ въ Унію. Въ 1596 году Мелетій былъ еще молодъ для сочиненія книги столь важной по своему назначенію и достоинству. На полемическое поприще онъ выступилъ не ранѣе, какъ въ 1610 году, книгою Ѳринос ъ, напечатанною въ Вильнѣ подъ псевдонимомъ Ѳеофила Орѳолога, подобно тому, какъ Апокризисъ изданъ подъ псевдонимомъ Христофора Филялета. Это могло подать поводъ Сопикову къ тому, что онъ перемѣшалъ псевдонимы, и обѣ книги присвоилъ Смотрицкому и отнесъ къ Вильнѣ. А что эти псевдонимы удобно смѣшиваются, тому примѣръ и у Евгенія (на стр. 145): приводя Апокризисъ, онъ вмѣсто Филялета называетъ Орѳодокса.

2. Дерманъ.

Въ первые годы 17-го столѣтія, по волѣ Князя Острожскаго, производилось книгопечатаніе въ принадлежавшемъ ему Дерманскомъ Троицкомъ монастырѣ. Болѣе другихъ книгъ, тамъ изданныхъ, извѣстны:

1. Октоихъ, 1604 въ листъ. (Изданъ пресвит. Даміаномъ).

2. Мелетіа Патріарха Діалогъ о православной вѣрѣ. Напеч. вѣроятно въ Дермани, около 1603 къ 4-ку.

3. Мелетія Патріарха Листъ къ Ипатію (Поцѣю). 1605 въ 4.

3. Рохмановъ.

Въ этомъ Волынскомъ мѣстечкѣ, принадлежавшемъ Княгинѣ Иринѣ или Раннѣ Вишневецкой, урожденной Могилянкѣ, въ 1619-мъ году напечаталъ свои проповѣди знаменитый богословъ нашъ Кириллъ Транквилліонъ-Ставровецкій, подъ названіемъ; Евангеліе учительное, въ листъ. Одни экземпляры этой книги посвящены Княгинѣ Вишневецкой, другіе Кн. Юрію Черторыйскому, третьи Кн. Самуилу Корецкому. Грамотами Царя Михаила Ѳеодоровича (1627 г.) повелѣно было это Евангеліе учительное и другія сочиненія Кирилловы повсемѣстно отбирать и предавать огню.

4. Четвертня.

Два инока Волынскаго Загоровскаго монастыря *, іеромонахъ Павелъ Домживъ Лютковичь и іеродіаконъ Сильвестеръ, около 1618 года, снарядили себѣ перевозную типографію. Съ нею были они въ Червоной-Руси—въ деревнѣ Самборскаго округа Угорцахъ и тамъ напечатали нѣсколько книгъ (а именно: Изложеніе вѣры 1618, въ 4; Собраніе словесъ отъ Божественнаго писанія 1618 въ 4, Апостолъ и Евангеліе 1620, въ 8). Вскорѣ воротились они на Волынь; здѣсь, въ Четвертнѣ, у Князя Григорія Четвертенскаго, напечатали, двѣ книги:

1) Псалтырь. 1625 въ 8.

2) Часословъ. 1625 въ 8.

---

*) Загоровскій монастырь во имя Рождества Богородицы былъ основанъ и обстроенъ каменнымъ зданіемъ 1566 года, усердіемъ и иждивеніемъ Петра Богдановича Загоровскаго, Маршалка Волынскаго.

5. Луцкъ.

Между тѣмъ учредилось въ 1617-году Луцкое Крестовоздвиженское Братство. Здѣсь также іеромонахъ Павелъ Мотковичъ-Гянца съ іеродіакономъ Сильвестромъ завели свою типографію. Изъ книгъ, напечатанныхъ въ ней, извѣстны только два надгробія:

1. Стефана Полумерковича—Епидикіонъ альбо вѣрше жалобные на погребеніе Василисы Яцковны 1628 въ 4.

2. Іеродіакона Давыда Андреевича—Лямент̀ъ по пресвитерѣ Іоаннѣ Васильевичѣ. 1628 въ 4.

Оба книгопечатника съ своею типографіею перебрались потомъ въ Чорненскій монастырь (надъ Горынью, въ 8 верстахъ отъ Клевани, гдѣ нынѣ урочище Чорная). Тамъ настоятелемъ былъ сперва Павелъ а по смерти его Сильвестръ который въ 1635 году завѣщалъ свою типографію Луцкому братству. Дальнѣйшая судьба ея неизвѣстна.

6 Кременецъ.

Въ этомъ древнемъ городѣ производилось книгопечатаніе въ 1658 году. Изъ книгъ, тамъ напечатанныхъ извѣстны слѣдующія:

1. Грамматика или письменица языка Словенскаго. 1638 въ 8.

2. Синодъ, въ року 1638 въ церкви каѳедральной Луцкой отправованый. 1638 въ 4. (тетрадь въ 4 листка).

3. О мистиріяхъ или тайнахъ вносполитости. въ 4 (безъ особаго заглавнаго листка на 16 листкахъ).

Двѣ послѣднія книжки принадлежатъ Библіотекѣ К. К. Свидзинскаго (находившейся въ Кіевской губерніи). По неизвѣстности ихъ въ Руской Библіографіи, помѣщу здѣсь полное заглавіе первой. «Синодъ, ведле звычаю, дорочнаго, отъ Е. М. въ Возѣ превелебнаго Господина отца Аѳанасія Пузыны зъ Козельска Епископа Луцкого и Острозкого благочестивого Сеп-

тевріа 26 року 1638, въ церкви каѳедральной Луцкой храмѣ Святаго Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова съ мпозствомъ духовенства православнаго Восточной святой церкви послушныхъ хотливе собраннаго, спокойне и набожнѣ отправованый, и въ томъ же року въ Кремянци выдрукованный.» Къ этому Синоду принадлежитъ напечатанная вмѣстѣ съ нимъ книжка: О мнстиріяхъ. Это сочиненіе Сильвестра Коссова, предложенное имъ извстно 1637 года Октября 18 на помѣстномъ Соборѣ Могилевскомъ. Въ 1653 году оно было напечатано вновь, въ Кутеинскомъ монастырѣ, подъ названьемъ: Дидаскалія альбо наука о седми сакраментахъ. Тамъ сказано, что эта наука была уже прежде напечатана одинъ разъ,—только не сказано гдѣ именно. Вѣроятно то было Кременецкое изданіе 1638 года. Это изданіе было второе; а первое печатное было въ Кутеинѣ, р. 1637 анв. 17 (у Большакова).

7. Почаевъ.

Всѣ вышеозначенныя типографіи на Волыни прекратили свое бытіе и дѣйствіе еще въ первой половинѣ 17-го столѣтія. Послѣ того на Волыни была только одна Славяноруская типографія—Почаевская.

Начало книгопечатанія въ Почаевѣ положено еще въ 1618-мъ году Кирилломъ Транквилліономъ-Ставровецкимъ, который тамъ напечаталъ сочиненіе свое—

1. Зерцало Богословія. 1618. въ 4.—Одни экземпляры этой книги посвящены Лаврентію Древинскому (который въ старомъ помянникѣ Луцкаго Братства названъ «Столпомъ Восточнаго Православія»); а другіе Князю Александру Пузынѣ.

2. Около того же года въ Почаевѣ (какъ полагаютъ) напечатано Слово Максима Грека на Латиновъ, въ 4.

Извѣстны сомнѣнія о напечатаніи этихъ книгъ въ Почаевѣ въ означенномъ году. Сомнѣваются также дѣйствительно ли существуетъ—

3. Служебникъ, напечат. въ Почаевѣ, 1655 года.

Возобновлена типографія въ Почаевѣ 1730 года. Изъ первыхъ книгъ ея извѣстна—

4. Гора Почаевска. 1742. въ 4.

Въ сочиненіи Зубрицкаго [1]) поминаются слѣдующія три: 5. Псалтырь, 1750. 6. Часословъ, 1750. 7. Богословіе Нравоучительное 1751.

Послѣ того изданы были въ Почаевѣ слѣдующія книги:

8. Молитвословъ. 1755. въ 8.
9. Катихизисъ. 1756. въ 4.
10. Образъ примиренія. 1756. въ 4.
11. Богословіе Нравоучительное. 1756. въ 4.
12. Минеи Четьи. 1761. въ л.
13. Народовѣщаніе. 1768. въ 4.
14. Слово о соединеніи между Восточною и Западною церковію, еписк. Михайла Олшавскаго. 1769. въ 4.
15. Канонъ Богородицѣ. 1774. въ 4.
16. Енхиридіонъ. 1775. въ 8.
17. Богословіе Нравоучительное. 1775. въ 4.
18. Трефологіонъ. 1777. въ л.
19. Дорофея Аввы поученія. 1778. въ 4.
20. Псалмы Пророка Давида. 1779. въ 8.
21. Евангеліе. 1780. въ л.
22. О артикулахъ Вѣры наука. 1785. въ 8.
23. Канонникъ. 1783. въ 4.
24. О Христіанскомъ житіи. 1683. въ 4.
25. Тріодь Постная. 1784. въ л.
26. Апостолъ толковый. 1784. въ л.
27. Тріодь Цвѣтная. 1786. въ л.
28. Требникъ. 1786 въ 4.
29. Соборникъ. 1787. въ л.

---

[1]) Hystoryczne Badania o drukarniach Ruskoslowianskich w Galicyi. Lwow. 1836. Сокращенный переводъ на Русскомъ языкѣ помѣщенъ въ *Жур. Мин. Нар. Просвѣщ.* 1838. Кн. 9.

30. Богословіе правоучительное. 1787. въ 4.
31. Бесѣды парохіальныя. 1789. въ 8.
32. Гора Почаевская. 1793. въ 4.
33. Акаѳисты. 1793. въ 8.
34. Каноникъ. 1793. въ 8.
35. Богословіе правоучительное. 1793. въ 4.
36. Книга Ио[illegible]на Черногорца. 1795. въ л.
37. Акаѳисты. 1798. въ 4.
38. Псалмы Пророка Давида. 1798. въ 8.
39. Библія. 1798. въ л.

Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ списокъ Почаевскихъ книгъ прошлаго столѣтія можетъ пополниться еще значительно; но иныя изъ нихъ, изданныя старообрядцами, можетъ быть носятъ на себѣ только имя Почаева; а напечатаны не здѣсь. Библіографической наблюдательности есть надъ чѣмъ поработать.

ГЛАВА III.

Книгопечатаніе въ Червоной Руси.

Началось во Львовѣ, 1573 года, въ типографіи Ивана Ѳедорова Москвитина, которая послужила потомъ основаніемъ для типографіи Братской. Кромѣ того во Львовѣ (съ 1635-го по 1701-й годъ) было еще нѣсколько типографій, начиная съ друкарни знаменитаго Михайла Слёзки. Но еще прежде этихъ послѣднихъ (именно съ 1604-го по 1635-й годъ) являлось кратковременно книгопечатаніе въ другихъ четырехъ мѣстахъ Червоной Руси—въ Стрятинѣ, Крилосѣ, Угорцахъ, Долгомъ-Полѣ; а въ 1670 году учредилась типографія Уневская, продолжавшаяся около 80 лѣтъ. Напечатано во всѣхъ этихъ Червонорускихъ Типографіяхъ, съ 1573 по 1800-ый годъ, вдвое больше чѣмъ на Во-

лыни [1]), именно 150 изданій, изъ которыхъ только третья часть вышла не изъ Братской типографіи, донынѣ существующей подъ именемъ Ставропигіальной.

а) КНИГОПЕЧАТАНІЕ ВЪ ЛЬВОВѢ.

1 Типографія Ивана Ѳедоровича.

Эта родоначальница Южнорускихъ типографій, какъ уже сказано (гл. II. ст. 1), прекратила свои дѣйствія при переѣздѣ хозяина своего изъ Львова въ Острогъ. Напечатаны въ ней были, сколько понынѣ извѣстно, только двѣ книги:

1. Апостолъ. 1574 въ л.

2. Апостолъ около 1576 въ л.—При всемъ сходствѣ этого изданія съ первымъ, оно рознится и наборомъ текста, и рѣзною картиною Евангелиста Луки. При концѣ книги приложенъ листъ Привилей, данный отъ Князя К. К. Острожскаго и его подскарбія Герасима Даниловича. Не этого ли изданія Апостола «140 книгъ», вмѣстѣ съ типографскими

---

[1]) Общій итогъ *Волынскихъ* типографій и изданій, по нынѣшнему объ нихъ извѣстію, будетъ такой:

а) *Типографіи:*	б) *Изданій:*
1. Въ Острогѣ	22.
2. — Дермани	3.
3. — Рохмановѣ. . . .	1.
4. — Четвернѣ	2.
5. — Луцкѣ	3.
6. — Чорной.	1.
7. — Кременцѣ. . . .	3.
8. — Почаевѣ	40.
	75.

Червоннорусск. Типографій:	*Изданій:*
6. Войцеха Мальчевскаго.	1.
7. Юрьевскаго монастыря.	1.
б) *Въ другихъ мѣстахъ:*	
8. Въ Стрятинѣ	2.
9. — Крилосѣ.	1.

Червонорусскихъ Типографій:	*Изданій:*
а) *Во Львовѣ:*	
1. Ивана Ѳедорова . .	2.
2. Братская	до 100.
3. Михайла Слѣзки . .	17.
4. Еписк. Арсенія Желиборскаго	2.
5. Еписк. Іосифа Шумлянскаго	2.
10. Въ Угорцахъ. . . .	3.
11. — Уневѣ	18.
12. — Долгомъ-Полѣ . .	1.
	150.

Не сомнѣваюсь, что къ этому числу библіографія не замедлитъ прибавить еще нѣсколько изданій Львовскихъ Уневскихъ.

снарядами, знаменитый Москвитинъ заложилъ Львовскому жиду Израилю Якубовичу за 411 злотыхъ, при переѣздѣ къ князю Острожскому?... По смерти Ивана Ѳедорова, Израиль предъявилъ этотъ залогъ и требовалъ за него 1500 злотыхъ... Львовское Братство заплатило жиду эти деньги, собравъ ихъ по міру, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Такъ началась знаменитая—

2. Братская типографія.

Вмѣстѣ съ нею началось, 1586 года, Львовское Братское училище, котораго учители и ученики были главными дѣятелями книжной старины Червоноруской. Къ началу 17 вѣка это училище успѣло доставить и для цѣлой Южной Руси многихъ достойныхъ книжныхъ людей, каковы на примѣръ: Стефанъ Зизаній, Кирилъ Транквиліонъ-Ставровецкій, Іоаннъ (въ монашествѣ Іовъ) Борецкій, Памва Берында, Гавріилъ Дороѳеевичъ. Но главнымъ первымъ подвижникомъ просвѣщенія въ Галицкой Руси былъ достопамятный Епископъ Гедеонъ Балобанъ, скончавшійся 1607 года.

Исторію книгопечатанія въ Братской типографіи можно раздѣлить на три періода. Но не вдаваясь въ историческія подробности каждаго изъ нихъ, я предложу только списокъ книгъ, изданныхъ Леополитанами, которые, можно сказать, горою стояли всегда за свою друкарню, стараясь добыть ей исключительность на право книгопечатанія.

а) Періодъ первый—отъ начала Братской типографіи до пожара ея въ 1628 году. Изданій, вышедшихъ въ продолженіе этихъ первыхъ 37 лѣтъ ея бытія, извѣстно понынѣ только 12. (Современемъ, вѣроятно, это число увеличится Библіографіей).

1. Грамматика доброглаголиваго Елино-Словенскаго языка 1591 въ 8.
2. Привѣтъ Куръ Михаилу Митрополиту Кіевскому и Галицкому (въ стихахъ и прозѣ). 1591, въ 4.

3. Посланіе Патріарха Іереміи и Собора Берестейскаго. 1591, въ л.
4. Мелетія Патріарха отвѣтъ къ Іудеомъ о христіанскомъ благочестіи. 1593, въ 8.
5. Октоихъ. 1601 въ 4.
6. Часословецъ. 1608 въ 8.
7. Псалтирь. 1608 въ 4.
8. Іоанна Златоустаго книга о Священствѣ. 1614 въ 4—(Печатана Памвою Берындою, на иждивеніи Александра Балобана [1]).
9. Псалтырь. 1615 въ 4.
10. Плачь албо Лямент по зестю зъ свѣта сего Григорія Желиборскаго. 1615 въ 4. (въ стихахъ [2]).
11. Вѣршѣ на Рождество Христово. 1616 въ 4. (Изданы Памвою Берындою).
12. Псалтырь. 1622 въ 4. (Катал. Шир. № 45).

б) Періодъ второй—отъ возобновленія типографіи, до 1708 года.

13. Октоихъ. 1630 въ л.
14. Вѣршѣ съ Трагедіи Григорія Богослова. 1630 въ 4.
15. Размышленіе о Муцѣ Христа Спасителя. (Въ стихахъ, іеромонаха Іоанникія Волковича) 1631 въ 4.
16. Аѳеологіонъ. 1632 въ л.

---

[1]) Не въ этомъ-ли году былъ напечатанъ и «*Соборъ въ Богоспасаемомъ градѣ Вильнѣ, бывшій 1509 года* 18 Генваря»? (*Сопик.* No 1394).

[2]) Экземпляръ этого первопечатнаго *Плача* есть въ Библіотекѣ К. К. Свидзинскаго. Въ той же Библіотекѣ, изобильной рѣдкостями Западнорускаго и Польскаго книгопечатанія, есть еще одинъ *Плачъ*, неизвѣстный въ Русской Библіографіи: «*ЛЯМЕНТЪ у свѣта убоихъ на жалосное преставленіе святобливого а въ обои добродѣтели богатого мужа въ бозѣ велебного господина отца Леонтія Карповича Архимандрита общія обители при церкви Сошествія Святого Духа братства церковного Віленского Прав. Греч.* въ Вильнѣ *въ друкарни Братской.* 1620 въ 4. (въ стихахъ). Надъ этимъ плачемъ, безъ сомнѣнія, потрудилась, хотя отчасти, рука Мелетія Смотрицкаго.

17. Псалтырь. 1634 въ 4.—(Печатанъ М. Слёзкою).
18. Евангеліе. 1636 въ л.
19. Часословецъ. 1636 въ 4.
20. Требникъ. 1637 въ 4.
21. Анѳологіонъ. 1638 въ л.
22. Псалтырь. 1639 въ л.
23. Октоихъ. 1639 въ л.
24. О тайнахъ церковныхъ. 1640 въ 4.
25. Октоихъ. 1631 въ л.
26. Анѳологіонъ. 1641 въ л. (печат. А. Скольскимъ).
27. Часословъ. 1642 въ 4.
28. Анѳологіонъ. 1643 въ л.
29. Евангеліе. 1644 въ л. (печат. М. Слёзкою).
30. Октоихъ. 1644 въ л.
31. Требникъ. 1644 въ 8. (печат. М. Слёзкою).
32. Анѳологіонъ. 1651 въ л.
33. Тріодь постная. 1664 въ л. (печат. Симеономъ Ставницкимъ.
34. Тріодь цвѣтная. 1664 въ л.
35. Псалтырь. 1665 въ 4. (Изданіе 6-е).
36. Апостолъ. 1666 въ л.
37. Служебникъ. 1666 въ 4.
38. Часословъ. 1668 въ 4.
39. Требникъ. 1668 въ 4.
40. Часословецъ. 1669 въ 8.
41. Евангеліе. 1670 въ л.
42. Ирмологъ и Шестодневникъ. 1670 въ 4.
43. Уставъ молитвъ. 1670 въ 12.
44. Букварь. 1671 въ 8.
45. Псалтырь на Валахскомъ языкѣ. 1671.
46. Октоихъ. 1671 въ 4.
47. Псалтырь. 1678 въ 4.
48. Служебникъ. 1680 въ л.
49. Требникъ. 1682 въ 4.
50. Тріодь цвѣтная. 1686 въ л.
51. Псалтырь. 1687 въ 12.
52. Псалтырь съ возслѣдованіемъ. 1687 въ 8.

53. Тріодь постная. 1688 въ л.
54. Тріодь цвѣтная. 1688 въ л.
55. Часословецъ. 1688 въ 8.
56. Шестодневникъ. 1688 въ 8.
57. Псалтырь. 1688 въ 4.
58. Требникъ. 1688 въ 4.
59. Евангеліе. 1690 въ л.
60. Служебникъ. 1691 въ л.
61. Олоріонъ съ мѣсяцословомъ. 1692 въ 4.
62. Псалтырь. 1692 въ л.
63. Букварь. 1692 въ 8.
64. Анѳологіонъ. 1694 въ л.
65. Требникъ. 1695 въ 4.
66. Апостолъ. 1696 въ л.
67. Псалтырь. 1699 въ 4.
68. Тріодь постная. 1699 въ л.
69. Акаѳисты. 1699 въ 4.
70. Октоихъ. 1700 въ л.
71. Молитвословъ. 1704 въ 61.
72. Служебникъ. 1702 въ 4.
73. Псалтырь. 1703 въ 4.
74. Псалтырь. 1704 въ 12.

в) Періодъ третій—отъ принятія (въ 1708 году) Львовскимъ братствомъ Уніи, къ чему главнымъ поводомъ были виды книгопечатанія и книгопродавства), по 1800-й г. полагаемый предѣломъ книжной старины.

75. Служебникъ. 1712 въ л.
76. Тріодь постная. 1717 въ л.
77. Требникъ, около 1722 въ 4.
78. Псалтырь. 1722 въ 4 [1]).

---

[1]) Въ бывшемъ у меня экземплярѣ недостаетъ заглавнаго листка; но время изданія видно уже изъ того, что оно «по благословенію Еписк. Аѳанасія Шептицкаго». Напечатано оно сходно съ изданіемъ 1695 г., съ тѣми же заставочными картинками; на 429 л., за которыми слѣдуютъ еще *сборникъ и оглавленіе.*

79. Ирмологъ. 1725 въ 8.
80. Часословъ. 1726 въ 4.
81. Октоихъ. 1730. въ л.
82. Тріодъ цвѣтная. 1730 въ л.
83. Евангеліе. 1736 въ л.
84. Акаѳисты. 1742 въ 4.
85. Благоутробіе Марка Аврелія, изд. проф. Козанскаго—1745 въ л.
86. Философія Аристотелева, по умствованію перипатиковъ издана Кіевск. Проф. Михаиломъ Козачинскимъ. 1745 въ л. (Посвящ. Графу А. Г. Разумовскому).
87. Тріодь цвѣтная. 1746 въ л.
88. Богословія нравоучительная. 1752 въ 8.
89. Иѳика іерополитика. 1760 въ 12.
90. Богословія нравоучительная (Изд. 2). 1760 въ 8.
91. Требникъ. 1761 въ 4.
92. Октоихъ. 1765 въ л.
93. Полууставъ. 1768 въ 8.
94. Апостолъ. 1772 въ л.
95. Служебникъ. 1780 въ л.
96. Катихизисъ. 1786 въ 8.
97. Исторія церковная Даппемайера (переводъ съ Латинск. 2 ч.). 1790 въ 8.
98. Философія Баумейстера (Перев. съ Латинск.). 1790 въ 8.
99. Соборникъ. 1793 въ л.
100. Мартирологіонъ. 1793 въ 4.

3. Типографія Михаила Слёзки.

Михайло Слёзка, родомъ изъ Литвы, работалъ сначала въ Типографіи Львовскаго братства, котораго онъ былъ Членомъ; потомъ содержалъ собственную типографію. За неисправную перепечатку Кіевскаго Катихизиса, Петръ Могила отлучилъ его отъ церкви, въ каковомъ отлученіи Слёз-

ка и умре, въ 1667 году; и уже Митрополитъ Антоній Винницкій разрѣшилъ схоронить у приходской церкви тѣло его, лежавшее двѣ недѣли безъ погребенія.—Вотъ книги, вышедшія изъ его Типографіи.

1. Апостолъ. 1636 въ л.
2. Служебникъ. 1637 въ 4.
3. Апостолъ. 1639 въ л.
4. Часословецъ. 1640 въ 4.
5. Октоихъ. 1640 въ 4.
6. Молитвословъ. 1642 въ 16.
7. Тріодь постная. 1642 въ л.
8. Тріодь цвѣтная. 1642 въ л.
9. Поученіе святительское къ іерею. 1642 въ 4.
10. Служебникъ. 1646 въ 4. (отъ Еписк. Арсенія Желиборскаго).
11. Номоканонъ. 1646 въ 4. (отъ того же Епископа).
12. Катихизисъ. 1646 въ 4. (съ Кіевскаго изданія 1645).
13. Апостолъ. 1654 въ л.
14. Ключь разумѣнія, сочин. Іоанникія Галятовскаго. 1663 въ л. (посвящено Слёзкою Еп. Гедеону князю Четвертенскому).
15. Тріодь постная. 1664 въ л.
16. Ключь разумѣнія. 1665 въ л. (это изданіе посвящено самимъ Галятовскимъ Е-пу Аѳанасію Желиборскому).
17. Небо новое съ новыми звѣздами.—соч. І. Галятовскаго. 1665 въ л.

4. Типографія епископа Арсенія Желиборскаго.

Андрей Скольскій, уроженецъ Львовскій, обучась книгопечатному искуству въ Братской типографіи, работалъ въ Молдавіи; воротясь оттуда печаталъ въ типографіи Слёзкиной собственными буквами (1638—40); потомъ поступилъ

въ новоучрежденную Епископскую типографію, и въ ней напечаталъ двѣ книги:

1. Требникъ. 1645 въ 4.
2. Зобранье короткой науки о артикулахъ вѣры (т. е. катихизисъ), 1646 въ 12.

5 Типографія епископа Іосифа Шумлянскаго.

Тутъ книгопечатникомъ былъ Василій Ставницкій; напечатаны двѣ книги:

1. Метрика албо реестръ для порядку церкви святой. 1687 въ 4.
2. Псалтырь. 1688 въ 4.

6. Типографія Войцеха Мальчевскаго.

Воспрещенная по прошенію Львовскаго Братства, она успѣла выдать только:

Букварь. 1690 въ 8.

7. Типографія монастыря Юрьевскаго.

Извѣстна изданіемъ Ирмолога; въ листъ, 1700 года,— примѣчательнаго тѣмъ, что онъ напечатанъ съ нотами. Печатникомъ былъ Іосифъ Городецкій. (Предисловіе написано игуменомъ Іосифомъ Скольскимъ).

б) КНИГОПЕЧАТАНІЕ ВЪ ДРУГИХЪ МѢСТАХЪ ЧЕРВОНОЙ РУСИ.

8. Стрятинъ.

Въ этомъ мѣстѣ Бережанскаго округа, тогдашній владѣлецъ его Ѳедоръ Юрьевичь Балобанъ, вмѣстѣ съ дядею своимъ Епископомъ Гедеономъ, учредилъ типографію, въ которой напечатаны двѣ книги:

1. Служебникъ. 1604 въ 4.
2. Требникъ. 1606 въ 4.

Еще до выхода въ Свѣтъ Требника, скончался Ѳедоръ Балобанъ (24 Мая 1606 г.); и его превосходная типографія, послѣ 9-лѣтняго бездѣйствія, перешла въ Кіевопечерскую Лавру.

9. Крилосъ.

Крилосъ подъ Галичемъ, памятный въ исторіи Руской письменности Евангеліемъ 12-го вѣка, въ исторіи книгопечатанія извѣстенъ изданіемъ книги:

Евангеліе учительное. 1606 въ л.

10. Угорцы.

Въ этой деревнѣ Самборскаго округа работали, на своей перевозной типографіи, два Волынскихъ инока, Іеромонахъ Павелъ Домживъ-Лютковичъ и Іеродіаконъ Сильвестръ, и напечатали тамъ три книги:

1. Изложеніе вѣры. 1618 въ 4.
2. Собраніе словесъ отъ Божественнаго писанія. 1618 въ 4.
3. Апостолы и Евангелія. 1620 въ 8.

Объ этихъ двухъ инокахъ Загоровскаго монастыря было говорено уже въ 2-й главѣ Книжной старины [1]), подъ статьею: ЧЕТВЕРТНЯ.

---

[1]) Тамъ же, подъ статьею *Луцкъ*, говорено было объ инокахъ Луцкаго братскаго монастыря, тоже *Павлѣ* и *Сильвестрѣ*, которые, находясь въ томъ монастырѣ, учредили свою типографію и печатали въ Луцкѣ 1628 года; послѣ чего переселились они на Горынь въ деревню *Чорную*, гдѣ учредили Чорненскій монастырь (иждивеніемъ Адама Урсула-Рудецкаго) и гдѣ ихъ типографія находилась съ 1629 до 1635 года.

Изъ *Оглавленія книгъ*, сочиненнаго въ исходѣ 17 вѣка (*Сильвестромъ Медведевымъ*, какъ доказалъ г. Ундольскій, въ *Чтеніяхъ* 1846 № 3, а *не Поликарповымъ*, какъ думали мы прежде, по предположенію Калайдовича) стало извѣстно что тамъ въ *Черной*, въ *друкарни* того іеромонаха *Павла* напечатана книга: *Діалогъ албо размова человѣка хорого албо умираючого съ духомъ*,

11 Уневъ.

Въ Уневскомъ Успенскомъ монастырѣ (въ округѣ Золочевскомъ) около 1670 года, игуменъ Варлаамъ Шептицкій, учредилъ типографію, въ которой первымъ печатникомъ былъ Симеонъ Ставницкій, и которая продолжалась, хотя и постоянно, до половины прошлаго столѣтія. Изъ книгъ, напечатанныхъ въ ней, извѣстны слѣдующія:

1. Выкладъ о церкви святой. 1670 въ 4.
2. Псалтырь. 1678 въ 4.
3. Часословъ. 1681 въ 4.
4. Акаѳисты. 1683 въ 12.
5. Катихизисъ. 1685 въ 8.

*6. Часословъ. 1689 въ 32.

7. Зерцало Богословіи (Кирил. Тр. Ставр.). 1692 въ 4.

*8. Псалтырь. 1692 въ 16.

9. Сборникъ дванадесяти мѣсяцемъ. 1693 въ 12.
10. Псалтырь. 1693 въ 4.
11. Собраніе изъ разныхъ божественныхъ книгъ. 1694 въ 12.
12. Евангеліе Учительное (Кирил. Тр. Ставр.). 1696 въ л.

1629, въ 4.—(И на этой книгѣ, также какъ на изданныхъ въ Луцкѣ 1628 г. означено только имя *Павла*; но въ завѣщаніи его товарища *Сильвестра*, писанномъ 1635 г., о которомъ я извѣстилъ еще во 2 книгѣ *Кіевлянина*, въ статьѣ «о Памятникахъ Луцкаго Братства»,—въ томъ завѣщаніи *Павелъ* названъ *Мотковичемъ-Гянцею*). Послѣ 1635 года типографія эта досталась въ даръ Луцкому Братству. «Дальнѣйшая судьба ея неизвѣстна», сказалъ я во 2 главѣ «Книжной старины». Но теперь, изъ «Обозрѣнія Славянорускої *Библіографіи*», изданнаго въ 1849 году г. Сахаровымъ, стало извѣстно, что въ типографіи той, въ Луцкомъ Братскомъ монастырѣ, производилось книгопечатаніе, и напечатана была книга «*Апостолы и Евангелія*» 1640, въ 4. Экземпляръ этой библіографической рѣдкости (означенной въ Обозрѣніи Сахарова подъ № 388) находится въ библіотекѣ при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ.

*13. Зерцало Богословіи. 1696 въ 4 [1]).
*14. Молитвословъ повседневный. 1696 въ 12.
15. Букварь. 1698 въ 8.
16. 17. 18. Служебникъ. 1733. 1740. 1747. въ л.

12. Долгое-поле.

Наконецъ, въ предѣлахъ Червоной-Руси, именно въ Буковинѣ, въ пограничномъ городѣ Долгомъ-Полѣ. (по Волошски Кимполунгъ), гдѣ былъ въ 17 вѣкѣ и православный монастырь [2]), появлялось книгопечатаніе въ 1635 году. Тамъ въ этомъ году, Кіевскій книгопечатникъ Тимофей Александровичь Вер.; въ своей перевозной типографіи, напечаталъ въ 4-ку Евхологіонъ или Молитвословъ, повелѣніемъ и иждивеніемъ воеводы Угровлахійскаго Го Матѳея Бесараба. Объ этой книгѣ (по экземпляру ея, находящемуся во Львовской Ставропигіальной библіотекѣ) первый извѣстилъ Денисъ Зубрицкій въ книжкѣ своей Hystoryczne Badania, 1836.

ГЛАВА IV.

О библіотекѣ И. Я. Лукашевича.

Переходя къ обозрѣнію книгопечатанія на берегахъ Днѣпра и Десны, я хочу сказать нѣсколько словъ о библіотекѣ Малороссійскаго помѣщика Ивана Яковлевича Лу-

---

[1]) Судя по экземпляру, видѣнному мною въ библіотекѣ Лукашевича, это изданіе 1692 г. только съ напечатнымъ вновь заглавнымъ листомъ.

[2]) Мимоходомъ вспомяну, что въ *завѣщаніи* Кіевскаго Митрополита Гедеона Князя Четвертенскаго, 1690 г., напечатанномъ въ *прибавленіяхъ* къ Описан. Соф. Соб. (стр. 117), читаемъ: «до монастыра Скитского на покутю (*на углу*) золотыхъ двѣстѣ». Тутъ Издатель напрасно включилъ для объясненія: «на углу». Выраженія «на Покутю» означаетъ не нарицательное имя *Покуть;* Но собственное имя страны: *Покуте* или *Покутье*—(Буковина).

кашевича, находящейся нынѣ въ его селѣ Коновкѣ, Пирятинскаго уѣзда. Я видѣлъ ее въ Іюнѣ сего 1849 года, и думаю, что это первая библіотека въ южной Руси, по множеству Русскихъ книгъ гражданской печати, изданныхъ въ прошломъ столѣтіи, и особенно по богатству старопечатныхъ книгъ Славянскихъ. Съ большимъ трудомъ, иждивеніемъ и знаніемъ дѣла, Г. Лукашевичь успѣлъ уже собрать почти всѣ тѣ книги, которыя считаются основными и капитальными въ нашей Славяноруской библіографіи, начиная съ Часослова и Тріоди постной, напечатанныхъ въ Краковѣ 1491 года, Гуттенбергомъ нашимъ Ѳеолемъ, до книгъ, изданныхъ въ Яссахъ, 1791 года повелѣніемъ Великаго Гетмана козацкихъ войскъ Князя Потемкина-Таврическаго. Число книгъ Славянской печати въ Лукашевичевой библіотекѣ простирается уже за тысячу, и большая часть ихъ въ хорошихъ и полныхъ экземплярахъ. Венеціанскихъ изданій я видѣлъ здѣсь до десяти, въ томъ числѣ Псалтирь съ Часословомъ 1519 г. и Сборникъ 1538 г. Книги, напечатанныя Иваномъ Ѳедоровымъ въ Москвѣ, Заблудовѣ, Львовѣ и Острогѣ, собраны всѣ, кажется (исключая развѣ листъ Хронологіи, 1581 г.). Московскихъ изданій, вышедшихъ до 1650 года, считается уже полтораста [1]).

По краткости времени и потому что библіотека еще не приведена въ порядокъ, я не успѣлъ разсмотрѣть всего, что стоитъ въ ней подробнаго разсмотрѣнія. Между тѣмъ не могу не сказать здѣсь объ нѣкоторыхъ библіографическихъ рѣдкостяхъ, показанныхъ мнѣ любознательнымъ владѣльцемъ и собирателемъ библіотеки.

1) Молитвословъ Долгопольскаго изданія, о которомъ сказано выше. Объ немъ было извѣстно доселѣ по одному Львовскому экземпляру. Сахаровъ, въ своемъ Обозрѣніи (на стр. 105) говоритъ, что этого изданія «доселѣ невидно въ Рускихъ библіотекахъ».

---

[1]) Всѣхъ Московскихъ изданій, съ 1564, извѣстно теперь по каталогамъ 223; но они не собраны ни въ одной библіотекѣ, и многихъ нѣтъ теперь ни въ одной изъ извѣстныхъ библіотекъ.

2) Назову книгу еще одного Кіевскаго печатника, Спиридона Соболя, которую онъ напечаталъ, можетъ быть, первую по переѣздѣ въ монастырь Кутейнскій: это Брашно духовное, въ 4-ку, изданное 1630 или слѣдующаго года (1630 годъ выставленъ нѣсколько разъ въ Пасхаліи; а заглавный листъ утраченъ). Книга напечатана тѣми же буквами и съ тѣми же заставками, какія видимъ въ Кіевскомъ Апостолѣ, Соболевскаго изданія (1630 г.). Объ этомъ первомъ изданіи Брашна неизвѣстно еще въ Руской библіографіи. Знали только о второмъ, и то очень рѣдкомъ изданіи, 1639 года, которое также есть у Лукашевича (съ Пасхаліей 1637 года).

3) Въ числѣ Острожскихъ изданій я видѣлъ здѣсь Служебникъ въ 4-ку, никѣмъ еще не описанный. За утратою заглавнаго листа годъ печати не видѣнъ; по Лукашевичь, судя по шрифту уже испечатанному, основательно полагаетъ, что это одна изъ послѣднихъ книгъ Острожской печати, около 1612 года.

4) Изъ Угровлахійскихъ изданій примѣчательна Псалтырь съ Часословомъ, напечатанная іеромонахомъ Стефаномъ Охридскимъ, 1638 года, въ 4-ку (иждивеніемъ воеводы Іѡ Матѳея Бесараба). Объ этомъ второмъ изданіи также неизвѣстно доселѣ въ Руской Библіографіи (а первое изданіе, напечатанное 1637 года, іеромонахомъ Мелетіемъ Македонскимъ, въ 4-ку, описано въ Катал. Ширяева подъ № 74).

6) Но еще примѣчательнѣе Евангеліе, которое Добровскій, по извѣстію отъ Рыбая, относилъ къ концу 15-го вѣка. Экземпляръ этого Евангелія находился тогда въ Мункачевской, нынѣ Унгварской библіотекѣ (Карпаторуской). Ссылаясь на Добровскаго, говорили объ этомъ изданіи и Кеппенъ (въ Библіогр. Лист. 1825 № 16) и Шафарикъ (въ 1842 г.), но говорили сомнительно; ибо никто изъ библіографовъ не видѣлъ его собственными глазами. Къ сожалѣнію и въ Лукашевичевомъ экземплярѣ, также какъ въ Мункачевскомъ, утраченъ послѣдній листъ, на которомъ должны быть напечатаны послѣднія строки послѣсловія: потому годъ изда-

нія и имя печатника остаются въ неизвѣстности. Но имѣя передъ собою самую книгу, можно сказать навѣрное, что сіе (такъ называемое Брашевское) Евангеліе есть также Угровлахійское, какъ и напечатанное 1512 года (такъ называемое Терговищское). Притомъ оно древнѣе, и вѣроятно есть первопечатное Евангеліе, съ котораго уже печаталось это второе, изданное 1512 года, іеромонахомъ Макаріемъ, неизвѣстно гдѣ именно, но вѣроятно тамъ же гдѣ и первое (быть можетъ и въ Терговищѣ). Первое изданіе служило образцомъ для втораго, въ которомъ помѣщены тѣ самыя широкія, узловатыя заставки, съ Угровлахійскимъ гербомъ, при началѣ каждаго изъ четырехъ Евангелій. Видно также, что и фигурныя большія буквы, которыми печаталось первое изданіе, послужили потомъ на второе. Но въ строчныхъ буквахъ есть уже отмѣны; первая та, что буквы перваго изданія вообще гораздо грубѣе; а другая отмѣна въ начертаніи буквъ червя и мыслѣте, которыя въ первомъ изданіи Ч и М, а во второмъ Ч и М. Тѣмъ и другимъ подверждается старшинство перваго изданія напечатаннаго въ такой же листъ, какъ и второе; но число листовъ въ немъ меньшее: всего 250 (а что бы сказать болѣе обстоятельно, можно прибавить: 31 тетрадь и 2 листа 32-й тетради; помѣта по тетрадямъ внизу; помѣты по листамъ и переносовъ съ страницы на страницу нѣтъ). Напечатано оно сходно съ Угровлахійскимъ рукописнымъ Евангеліемъ половины 15-го вѣка, какое видѣлъ я и сравнивалъ въ библіотекѣ Лукашевича. Макарій печатая второе изданіе, держался въ правописи Евангелія первопечатнаго [1]), впрочемъ не выдержалъ вполнѣ;

---

[2] Для образца правописи этого Евангелія приложу слѣдующію выписку:

Въ начало бѣ слово. и слово бѣ къ б҃ꙋ. и б҃ь бѣ слово. се бѣ искони къ б҃ꙋ. Въсѣ тѣмь быша и безнего ничтоже вы҃ еже вы҃. въ томь животь бѣ. и животь свѣтъ ч҃лкѡ. и свѣтъ въ тъмѣ съвѣтитсѫ. и тъма его не обьѧть. Бысть ч҃лбь послань ѿ б҃а имѧ емꙋ їѡаннь. сь прїиде бъ свѣдѣтелство да свѣдѣтельствꙋетъ о свѣтѣ да въси вѣрѫ имѫть имь не бѣть свѣть нѫ да сбѣтелстоꙋеть о свѣтѣ.

да и послѣсловіе онъ помѣстилъ то самое, только съ перемѣною имени повелителя. Въ первомъ изданіи оно читается такъ: „сего ради и азъ жупань ханьшь бѣгнерь ѿ брашевь: възревноваxъ поспѣшеніемъ стого дха и любовіе еже бжтъвнымь и стынмь цркамь и написахь сіа,..» Очевидно, что городъ Брашевъ былъ родиною Бѣгнера; но невидно, чтобы онъ былъ и мѣстомъ изданія книги; потому Евангелію этому справедливѣе называться— Бѣгнеровымъ, по примѣру «Остромірова.» И пока ненайдется послѣдній (250-й) листъ могущій показать на годъ изданія, будемъ держаться весьма вѣроятнаго мнѣнія Добровскаго, что оно напечатано въ концѣ 15-го вѣка. При этомъ невольно вспоминается то, что говорилъ Сопиковъ объ Евангеліи, описанномъ у него подъ № 274-мъ, по экземпляру, бывшему въ библіотекѣ Баузе. Чутъ ли оно не одно съ Евангеліемъ Бѣгнеровымъ, и едвали оно можетъ быть пріурочено къ Бѣлградскому Эвангелію 1552 года. Впрочемъ предоставляя рѣшеніе этого вопроса книговѣдцамъ Московскимъ, обратимся къ книгопечатанію въ городахъ Малороссійскихъ: Кіевѣ, Черниговѣ и Новгородѣ-Сѣверскомъ

5 Іюля, 1849 года.

Михайлова Гора.

ГЛАВА V.

Начало книгопечатанія въ Кіевѣ.

Кіевъ, первоначальникъ просвѣщенія Рускаго въ древнее время, не скоро явился на книжномъ поприщѣ по возрожденіи просвѣщенія на Рускомъ Югѣ. Книгопечатаніе въ Кіевѣ началось не ранѣе 1616 года; слѣдственно тогда уже, какъ оно производилось 42 года въ Галиціи и на Волыни, и напечатано было тамъ 42 изданія (разумѣю Славянскія и Рускія, да 42 изданія вышли изъ типографій Литовскорус-

скихъ; а всего, съ 28-ю Московскими, было уже напечатано на Руси 112 изданій, или около того); тогда уже, какъ на Рускомъ Югѣ прекратились типографіи Острожская съ Дерманскою, и Стрятинская съ Крилоскою, и только одна Братская типографія во Львовѣ работала медленно и робко.

Впрочемъ, начало Кіевскаго книгопечатанія, подобно началу многихъ вещей въ исторіи, не обошлось безъ баснословія. Не очень давно еще, въ нѣкоторыхъ «Исторіяхъ» было сказано будто типографія подарена Печерской Лаврѣ въ 1531 году, княземъ К. И. Острожскимъ. Это ошибочное извѣстіе, давно опровергнутое Сопиковымъ и митрополитомъ Евгеніемъ произошло конечно отъ того, что князя Константина Константиновича Острожскаго, учредителя книгопечатанія въ Острогѣ, нерѣдко смѣшивали съ его отцемъ княземъ Константиномъ Ивановичемъ, гробница котораго находится въ Печерской церкви. Примѣромъ такого смѣшенія можно указать нѣсколько, начиная съ «Лѣтописи Самовидца» до «Кіева» сочиненнаго г. Муравьевымъ. Ближе къ дѣлу говорятъ другіе, что Острожская типографія, по ея прекращеніи, досталась Кіевской Лаврѣ; ибо въ Печерскихъ изданіяхъ былъ до нашего времени шрифтъ, называемый Острожскимъ. Впрочемъ Острожская типографія могла достаться Кіеву не въ 1608 году, какъ показано въ Исторіи Бантыша-Каменскаго, а позднѣе; ибо книгопечатаніе въ Острогѣ производилось еще въ 1612 году. Сопиковъ называлъ намъ (подъ № 518) Каноникъ, будто бы напечатанный въ Кіевѣ 1614 года; однако самъ онъ не выдавалъ того за истину. Достовѣрно то, что основаніемъ Печерской типографіи послужила типографія Стрятинская. Оставшись безъ дѣйствія, послѣ смерти учредителя своего Ѳеодора Юрьевича Балабана (1606 г.) и его дяди Гедеона Балабана епископа Львовскаго (1607 г.)—Стрятинская типографія куплена, была для Печерской Лавры, архимандритомъ ея Елисеемъ Плетенецкимъ. Сей достопамятный мужъ былъ первымъ подвижникомъ книжнаго дѣла въ Кіевѣ, при его возрожденіи, которое здѣсь началось въ Печерской Лаврѣ. Елисей Плетенецкій былъ рода старошляхетнаго,

также какъ и епископъ Львовскій Гедеонъ. Исторія узнаетъ его въ 1596 году, какъ защитника православія на Берестейскомъ Соборѣ, въ званіи архимандрита Пинскаго Лещинскаго монастыря. Въ 1599 году Печерская братія избрала его на мѣсто умершаго архимандрита своего Никифора Тура, мужественно отстоявшаго древнее святилище Руси отъ нападеній Уніи. Удержавъ старыя права Лавры, обновивъ ея общежительство, Плетенецкій собралъ въ ней ученое братство первымъ цвѣтомъ котораго былъ архидіаконъ Леонтій Карповичъ, бывшій потомъ (съ 1616 по 1620 г.) архимандритомъ Виленскаго Святодуховскаго Братства. А со времени книгопечатанія въ Кіевѣ, первымъ ученымъ дѣятелемъ является здѣсь іеродіаконъ Захарія Копыстенскій племянникъ епископа Михаила Копыстенскаго, бывшій по смерти Плетенецкаго архимандритомъ Печорскимъ, до кончины своей въ 1627 году.

Въ числѣ ученыхъ мужей, вызванныхъ Плетенецкимъ изъ Львова, примѣчательнѣе всѣхъ іеромонахъ Памво Берында, уроженецъ Молдавскій, неутомимо подвизавшійся въ Лаврѣ надъ исправленіемъ и изданіемъ книгъ, въ званіи типографа, и потомъ архитипографа.

Съ 1624 года явился въ Лаврѣ еще другой ученый дѣятель, Тарасій Леоновичъ или Левковичъ Земка, бывшій здѣсь также типографомъ и корректоромъ, подобно Берындѣ.

Эти два главные труженика Печерской типографіи скончались въ 1632 году: Берында 13 Іюля, Земка 13 Сентября; и вмѣстѣ съ ними кончился первый достопримѣчательный періодъ книгопечатанія Кіевскаго,—въ который явился здѣсь на книжномъ поприщѣ и Петръ Могила, можно сказать, довершившій свое иноземное образованіе просвѣщеніемъ Православнорускимъ, среди братіи Печерской.

А. изданія кіевопечерскія. (1616—32).

1. Часословъ, изданный 1617 года, въ 4-ку, есть первенецъ книгопечатанія Кіевскаго.

Теперь очень рѣдокъ, извѣстенъ только въ библіотекахъ: Публичной, Московскаго Историческаго Общества, Троицкой Лавры. Одно изъ двухъ предисловій его, содержащее толкованіе службъ, писано іеродіакономъ Захаріемъ Копыстенскимъ.

2. Вѣзерунъкъ цнотъ Елисея Плетенецкаго, 1618, въ 4.

Небольшая книжка, состоящая изъ стиховъ, сочиненныхъ Александромъ Митурою, въ честь архимандрита Печерскаго. Находится только въ Румянцовскомъ Музеѣ.

3. Книга о Вѣрѣ единой святой соборной апостольской Церкве. (1619) въ 4.

Сопиковъ и м. Евгеній считали ее напечатанною въ Могилевѣ 1625 г: но теперь доказано, что ее издалъ въ Кіевѣ 1619 года Захарія Копыстенскій, подъ именемъ монаха Азаріи. Та же Книга о вѣрѣ, только съ нѣкоторыми отмѣнами отъ Кіевскаго изданія, напечатана была еще 1602 года въ Вильнѣ. [1]

4. Анѳологіонъ. 1619, въ листъ.

Переведенъ съ Греческаго Михайловскимъ игуменомъ Іовомъ Борецкимъ, поправленъ Захаріемъ Копыстенскимъ и Памвою Берындою. Изданіе украшено 18 изображеніями разныхъ святыхъ.

5. Служебникъ. 1620, въ 4.

Это первое Кіевское изданіе Служебника сходно во всемъ съ изданіемъ Стрятинскимъ; украшено изображеніями Успенія Богоматери, Спасителя и трехъ Святителей, Предисловіе отъ Елисея Плетенецкаго.

6. Номоканонъ. 1620, въ 4.

Рѣдкое изданіе, извѣстное только въ библіотекахъ Публичной и Коротаевской; украшено изображеніемъ св. креста и прп. Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ. Предисловіе отъ Памвы Берынды.

---

[1]) Мнѣ извѣстно это отъ Московскаго купца *Т. Ѳ. Большакова*, страстнаго любителя и отличнаго знатока Славяно-книжной старины, у котораго я видѣлъ это Виленское изданіе *Книги о Вѣрѣ*, но безъ заглавнаго листа·

7. Вѣршѣ на жалосный погребъ Петра Конашевича Сагайдачнаго. 1622, въ 4.

Сочинены іеромонахомъ Кассіаномъ Саковичемъ «ректоромъ школъ Кіевскихъ и проповѣдникомъ Слова Божія». Въ началѣ книги посвященіе «Войску Запорозкому» въ стихахъ, отъ имени Саковича; а на концѣ помѣщена »Матерія для учиненя подякованя при погребѣ якого зацного чловека» тогожъ автора. [1]) Изданіе украшено тремя изображеніями: 1) герба Войска Запорожскаго; 2) гетмана Сагайдачнаго, сидящаго на конѣ; 3) взятія города Кафы. Нынѣ извѣстны только два экземляра этой книжки: въ Румянцовскомъ Музеѣ, и въ древлехранилищѣ М. П. Погодина.

Въ текстѣ подъ стихами подписаны имена тѣхъ студентовъ, которые ихъ произносили при погребеніи

1. Стефанъ Почаскій. [2].
2. Петръ Созоновичъ Балыка.
3. Іоаннъ Саковичъ.
4. Ѳеофилактъ Іоанновичъ, Бурмистровичъ К:
5. Іоаннъ Тарнавскій. Протопоповичъ К:
6. Ѳеодоръ Скаревскій.
7. Леонтій Балыка, Бурмистровичъ К:
8. Іеремія Ставровецкій.
9. Іоаннъ Стецкій.
10. Николай Отрешкевичъ.
11. Іоаннъ Козаринъ.
12. Іоаннъ Пелчицкій.
13. Евтихій Самуиловичъ.
14. Матѳей Кизимовичъ.
15. Григорій Кондратовичъ.
16. Димитръ Кривковичъ.

---

[1]) Въ каталогѣ Демидовскомъ поставлены порознь: *Вѣршъ* подъ № 337, а *Матерія* подъ № 338.

[2]) Этотъ питомецъ Кіевобратской школы, подъ именемъ *Софронія Почаскаго* извѣстенъ съ 1632 года какъ профессоръ риторики въ Могилинской Лаврской Гимназіи, а потомъ и какъ ректоръ Кіевобратской Коллегіи (см. ниже книгу *Евхаристиріонъ*, 1632.)

17. Лукашъ Берында.
18. Георгій Воронячъ.
19. Карпъ Михайловичъ.
20. Симеонъ Шулга.

8. Бесѣды Златоустаго на 14 посланій св. Апостола Павла. 1623, въ л.

Переводъ священника Лаврентія Зизанія-Тустановскаго, поправленный Памвою Бердындою и іеромонахомъ Захаріею Копыстенскимъ. Предисловіе «къ Православному роду Россійскому» отъ архим. Елисея Плетенецкаго. Изданіе украшено изображеніями: Успенія Богоматери, Іоанна Златоустаго, герба Плетенецкаго (на оборотѣ заглавнаго листа). Встрѣчаются экземпляры, съ посвященіемъ князю Стефану Четвертенскому, писаннымъ Захаріею Копыстенскимъ. NB. При одномъ изъ такихъ экземпляровъ принадлежащемъ Погодину, находится въ концѣ особое прибавленіе, посвященное Оедору Копыстенскому отъ Памвы Берынды; а на послѣднемъ листѣ, подъ заглавіемъ Великодный даръ, представленъ гербъ Плетенецкаго въ большомъ видѣ, исписанный внутри риѳмами типографа Стефана Берынды.

9. Псалтирь. 1624, въ 4.

Изданъ, коштомъ Константина Далмата, монахомъ Іосифомъ Кириловичемъ, съ его же предисловіемъ о Псалтири. Изданіе украшено изображеніемъ Успенія Б., царя Давида, и гербами Плетенецкаго и Далмата.

10. Бесѣды Златоустаго на Дѣянія св. Апостолъ. 1642, въ л.

Переводъ Гавріила Дороѳеевича и Іосифа Святогорца, исправленный Памвою Берындою. Въ книгѣ два предисловія: одно отъ Ел. Плетенецкаго, другое отъ Зах. Копыстенскаго. Кромѣ Успенія Б., въ книгѣ около 20 разныхъ изображеній; а на второмъ листѣ гербъ Далмата со стихами Тарасія Левковича Земки.

У Большакова я видѣлъ экземпляръ съ гербомъ князя Стефана Четвертенскаго, со стихами, и съ посвященіемъ ему же на 5 листахъ отъ Захаріи Копыстенскаго.

Протосинкеллъ Памво Берында съ этою книгою (для изданія которой и былъ онъ вызванъ въ Лавру изъ Галиціи) пріѣзжалъ въ Москву въ Сентябрѣ 1624, съ рекомендательными письмами къ царю и патріарху отъ митрополита Іова Борецкаго, хранящимися въ Московскомъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ. Въ это время, кажется, Тарасій Земка сталъ типографомъ и корректоромъ.

11. Номоканонъ. 1624, въ 4.

Изданіе второе, съ предисловіемъ Зах. Копыстенскаго и съ послѣсловіемъ іеромонаха и типографа Тарасія Земки; украшено изображеніями Успенія Б. и Вселенскаго Собора.

12. Казанье на честномъ погребѣ Елисея Плетенецкаго проповѣданное 1624 г. Захаріею Копыстенскимъ. 1625, въ 4.

13. Омилія албо казанье на роковую память Елисея Плетенецкаго, проповѣданное 29 Ноября 1625, архимандритомъ Захаріемъ Копыстенскимъ. 1625, въ 4.

Находится въ Румянцовскомъ Музеѣ и въ библ. Академіи Наукъ.

14. Толкованіе на Апокалипсисъ, св. Андрея Критскаго 1625, въ л.

Переводъ Зах. Копыстенскаго, исправленный Лаврентіемъ Зизаніемъ-Тустановскимъ; съ предисловіемъ Тарасія Земки и съ посвященіемъ Григорію Далмату отъ Зах. Копыстенскаго. На оборотѣ заглавнаго листа Успеніе Б., и гербъ Копыстенскаго со стихами Т. Земки, а въ текстѣ три картинки.—Принадлежащія къ этой книгѣ: «Слово албо наука Ефрема Сирина на Преображеніе Господне» и Омилія и наука Іоанна Златоустаго на Пятидесятницу»—въ Обозрѣніи Славяноруской библіографіи, изданномъ Сахаровымъ, показаны подъ особыми номерами, 218 и 219.

15. Акаѳисты Пречистой Богородицы, Іисусу и Успенію. 1625, въ 4.

Изданы намѣстникомъ Лаврскимъ Филоѳеемъ Кизаревичемъ, съ посвященіемъ Аннѣ Ходкевичевнѣ, княгинѣ

Корецкой. Съ нѣсколькими изображеніями. Находятся въ библіотекахъ: Погодинской, Коротаевской и въ Публичной (отъ Кастерина).

16. Повѣсть о діаволѣ. 1626, въ 4.

Находится въ библіотекахъ Публичной (отъ Кастерина) и Коротаевской.

17. Часовникъ. 1627, въ 8.

Извѣстенъ только въ Публичной Библіотекѣ (отъ Кастерина). Впрочемъ, имя типографіи не означено, также какъ и на Книгѣ о Вѣрѣ, сходной по шрифту съ этимъ Часовникомъ.

18. Лексиконъ Славенороссκій, соч. архитипографа Памвы Берынды. 1627, въ 4.

Посвященъ Даніилу и Димитрію Балабанамъ, со стихами къ ихъ гербу, сочиненными Тарасіемъ Земкою.

19. Тріодь Постная. 1627, въ л.

Это п е р в о е Кіевское изданіе Постной Тріоди, съ послѣсловіемъ отъ издателя П. Берынды; съ предисловіемъ З. Копыстенскаго; съ синаксарями, переведенными Т. Земкою. У Сопикова подъ No 1507, и у другихъ, значится еще Кіевское изданіе П. Тріоди 1623 года; но это, должно быть, ошибка.

20. Отъ Отечника Скитскаго. 1627, въ 4.

Это небольшое изданіе, на 14 листахъ, съ разными изображеніями, находится въ библіотекахъ: Академіи Наукъ, Публичной (отъ Кастерина) и Коротаевской.

21. Поученія душеполезна Аввы Дороѳея 1628, въ 4.

Переводъ Іосифа Святогорца, изданный П. Берындою, съ посвященіемъ архимандриту Петру Могилѣ отъ намѣстника Филоѳея Кизаревича съ братіей.

22. Агапита Діакона Главизны поучительны. 1628, въ 4.

23. АПОЛЛЕІА Апологіи. 1628, въ 4.

Издана отъ митрополита Іова Борецкаго и всего стана духовнаго, бывшаго на Кіевскомъ Соборѣ 1628 г. 16 Августа. Тутъ описано подробно, кикъ М е л е т і й С м о т р и с к і й, архіепископъ Полоцкій, на этомъ Соборѣ каялся въ неправославныхъ мысляхъ своихъ, помѣщенныхъ въ книгѣ

Апологіи, написанной имъ на Русскомъ языкѣ, а на Польскомъ языкѣ напечатанной во Львовѣ отступникомъ Кассіаномъ Саковичемъ. Находится въ библіотекахъ Печерской Лавры и Московскаго Архива Иностр. Дѣлъ.

24. Окружная Грамота митрополита Іова Борецкаго, приглашающая на Кіевскій Соборъ къ 29 Іюня 1629 г. для совѣщанія о успокоеніи Православной Церкви. 1629, въ 4.

Находится въ библіотекѣ Кіевософійскаго собора.

25. Номоканонъ. 1629, въ 4.

Изданіе 3-е, съ предисловіемъ Петра Могилы.

26. Акаѳисты и Молитвы. 1629, въ 4.

Съ предисловіемъ Тарасія Земки; съ изображеніемъ герба Могилы, и со множествомъ малыхъ изображеній въ текстѣ.

27. Псалтирь. 1629, въ 16.

Съ изображ. Успенія Б., царя Давида и герба Могилы.

28. Литургіаріонъ си есть Служебникъ. 1629, въ л.

Переводъ, исправленный Петромъ Могилою; съ предисловіемъ Тар. Земки о литургіи, и съ соборнымъ извѣщеніемъ о семъ Служебникѣ отъ митроп. Іова Борецкаго, архіеп. Исакіа Копинскаго и епископовъ Исакія Борисковича и Паисія Ипполитовича.

29. Имнологія. 1630, въ 4.

Состоитъ изъ большаго акростиха «Петрови Могилѣ архимандриту святыя чудотворныя великія Лавры Печерскія Кіевскія, воеводичу земель Молдавскихъ,» поднесеннаго въ день Свѣтлаго Воскресенія, отъ всѣхъ дѣлателей въ типографіи. Подъ стихотвореніями подписаны имена ихъ:

Типоназиратель Іеродіаконъ Исаія.
Типоблюститель инокъ Артемій Половкович.
Типографъ Стефанъ Берында.
Наборщикъ Наѳанъ Зѣнковичъ.
Стлъпоправитель Димитрій Захаріевичъ.
Изобразитель Парѳеній Молковицкій.
Изобразитель Михаилъ Фойнацкій.
Батищикъ Павелъ Макаріевичъ.

Батищикъ Осодотъ Кипріевичъ.
Писмоліатель Леонтій Іерусалимовичъ.

А въ концѣ Имнологіи подписались стихами:

Памво Берында типикароводецъ,
О предстателю, рабъ и богомолецъ
Твой съ инѣми тебѣ представаю,
Вся реченная съ всѣми желаю.

Таже по всѣхъ съ всѣми
Твоими и моими.
Всего типу правитель,
Но всѣмъ меншій служитель,
Пастыру ти предстою,
Тожде молю и пою,
Да не буду забвенный,
Азъ Тарасій смиренный.

Этой книжки нынѣ извѣстенъ только одинъ экземпляръ, въ нынѣшнемъ году пріобрѣтенный М. П. Погодинымъ.

Тутъ можетъ вспомнить и о преждебывшихъ въ Лаврѣ типографахъ: о Тимофеѣ Александровичѣ Вер:, который съ Стефаномъ Берындою и Тимофеемъ Петровичемъ и Андреемъ Николаевичемъ, печаталъ въ 1623 г. Бесѣды на Посланія, и объ Андреѣ Наумовичѣ, который съ тѣмъ же Стефаномъ Берындою печаталъ Бесѣды на Дѣянія.

30. Тріодь Цвѣтная. 1631, въ л.

Изданіе 1-е съ предисловіемъ Тарасія Земки, съ его же стихами къ гербу Могилы, и со множествомъ изображеній.

31. Крестъ Христа Спасителя и каждаго человѣка. 1632, въ 4

Это слово архимандрита Петра Могилы въ недѣлю Крестопоклонную, съ посвятительнымъ отъ него же посланіемъ князю Іереміи Вишневецкому, и со стихами къ его гербу.

32. Евхаристиріонъ албо Вдячность. 1632, въ 4.

Собраніе стихотвореній, поднесенныхъ въ Свѣтлое Воскресеніе Петру Могилѣ, отъ учениковъ учрежденной имъ Лаврской гимназіи. Раздѣлено на двѣ части: на Геликонъ и Парнассъ; при первой приложено изображеніе Петра Могилы въ архимандритскомъ облаченіи, бросающаго скипетръ и корону воеводскую; а при второй Муцій Сцевола. На оборотѣ заглавнаго листа гербъ Петра Могилы со стихами. Посвященіе въ прозѣ написано профессоромъ риторики Соф-

роніемъ Почаскимъ, который, безъ сомнѣнія, сочинялъ и всѣ стихи.

Для памяти, выпишу здѣсь имена всѣхъ 23 учениковъ:

1. Стефанъ Стрибыль.
2. Григорій Трипольскій.
3. Александръ Олекшичь.
4. Самуель Мужиловскій.
5. Андрей Черхавскій.
6. Василій Климовичъ.
7. Василій Каменицкій,
8. Михаилъ Полубенскій.
9. Мартинъ Суринъ.
10. Филиппъ Миклашевскій.
11. Іоаннъ Заруцкій.
12. Василій Сущанскій-Проскура.
13. Филонъ Илковскій.
14. Степанъ Колчицкій.
15. Максимъ Кресловскій.
16. Ѳеодоръ Сусло.
17. Василій Чудновецъ.
18. Василій Устрицкій.
19. Георгій Негребецкій.
20. Евтихій Соболь.
21. Стефанъ Трипольскій.
22. Трофимъ Онушкевичъ.
23. Іеремія Войсяцкій.

Б. изданія кіевоподольскія. (1625—30).

Черезъ девять лѣтъ по учрежденіи Печерской типографіи, являлись ненадолго частныя типографіи, въ самомъ «богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ» т. е. на Подолѣ. Первая изъ нихъ заведена была лаврскимъ же печатникомъ Тимофеемъ Александровичемъ Вер. «мужемъ трезвеннымъ и цѣломудреннымъ» (такъ сказано объ немъ въ предисловіи

къ Бесѣдамъ, изданнымъ 1623 г). Изъ Кіевскихъ книгъ его типографіи, извѣстна только одна, два раза изданная:

33. Часословъ, 1625, въ 4.

Съ посвященіемъ митрополиту Іову Борецкому и съ предисловіемъ, отъ имени самаго печатника.

34. Тотъ-же Часословъ (изд. 2). 1626, въ 4.

Тимофей Александровичъ Вер: въ послѣдствіи явился съ своею типографіею въ Покутьи (Буковинѣ), и тамъ, въ пограничномъ городѣ Долгополѣ, напечаталъ Евхологіонъ или Молитвословъ, 1635 въ 4, иждивеніемъ воеводы Угровлахійскаго Ю. Матѳея Бесараба (находится въ библіотекѣ И. Я. Лукашевича).

Съ 1627 года была въ Кіевѣ другая типографія, Спиридона Соболя. Изъ его Кіевскихъ книгъ извѣстны слѣдующія.

35. Лимонарь сирѣчь Цвѣтникъ Патріарха Софронія. 1628, въ 4.

Этой книги замѣчаются два разныя изданія, того же года.

34. Минея общая. 1628, въ 4.

Въ концѣ книги находится Акаѳистъ Богоматери, съ особымъ счетомъ 17-ти листовъ.

35. Октоихъ. 1629, въ 4.

Съ изображеніемъ Іоанна Дамаскина, гравированнымъ В. Д.

36. Апостолъ. 1630, въ л.

Съ изображеніемъ Евангелиста Луки и герба Стеткевичей, изданъ иждивеніемъ подкомораго Мстиславскаго Богдана Стеткевича, которому и посвященъ.

Въ 1630 году Спиридонъ Соболь съ своею типографіею переѣхалъ въ Бѣлоруссію, въ Кутеинскій монастырь, и тамъ напечаталъ слѣдующія книги: Брашно духовное около 1631 г. въ 4, (объ этомъ изданіи я упомянулъ уже въ 4 гл. Книжной старины); Молитвы повседневныя, 1631, въ 12; Часословъ, 1632. въ 4. Послѣ того онъ перемѣстился въ Буйничи, въ маетность вышепомянутаго Богдана Стеткевича (на берегу Днѣпра, гдѣ былъ потомъ и Буйницкій Святодуховскій монастырь), и тамъ напечаталъ

Псалтирь 1635 г. въ 8. Вѣроятно тамъ же напечаталъ онъ и Тестаментъ царя Василія, 1638, въ 12.

Митрополитъ Евгеній (въ Опис. Лавры, 1831, стр. 71) говорилъ, что книга Лимонарь напечатана Соболемъ «въ Михайловскомъ Златоверхомъ монастырѣ у Іова Борецкаго.» Это ошибка, которая повторена и въ Кіевлянинѣ (кн. 1, стр. 22, 55). Въ Лимонарѣ сказано, что онъ напечатанъ: «въ дворѣ Іова Борецкаго митрополита К. въ градѣ Кіевѣ.» Іовъ дѣйствительно жилъ тогда въ Михайловскомъ монастырѣ, но монастырь не считался дворомъ Іова. На Подолѣ, который въ томъ вѣкѣ былъ «градомъ Кіевомъ», у Борецкаго были два двора. Одинъ изъ нихъ купленъ у Андрея Черкашенина, въ 1616 году, когда Борецкій былъ еще священникомъ Іоанномъ (такъ онъ поименованъ на купчей 8 Окт. 1616 г.) Другой дворъ подаренъ былъ ему, уже какъ игумену Михайловскаго монастыря Іову, въ 1620-мъ году, отъ Кіевлянки Анны Козѣевны. Конечно, въ одномъ изъ тѣхъ дворовъ Іова Борецкаго производилъ книгопечатаніе Спиридонъ Соболь, а также и Тимофей Александровичь.—(Впрочемъ, въ первой половинѣ 17 вѣка, подъ Старокіевскою горою, находился еще то «деревянный типографскій дворъ.» См. въ Прибавленіяхъ къ Описанію Соф. соб. стр. 31).

Вышепомянутый Черкашенскій дворъ митрополитъ Іовъ «заставилъ за гроши отцамъ Межигорцамъ» (видно небогатъ былъ почтенный іерархъ, котораго Кіевляне называли милостынникомъ убогихъ и вторымъ Іоанномъ Милостивымъ!); о за день до кончины своей, т. е. 1 Марта 1631 года, онъ въ тестаментѣ своемъ леговалъ тотъ дворъ Межигорской братіи; а Межигорцы въ Сентябрѣ того же года продали его «пану Томашу Іевлевичу, ректору школъ братскихъ.» Въ Октябрѣ того года состоялась интромиссія (т. е. вводная) въ тотъ дворъ, и суб-

миссія Томаша Іевлевича ректора школъ Кіевскихъ».

Объ ректорѣ Ѳомѣ Іевлевичѣ до сихъ поръ не было и помину въ извѣстіяхъ о Кіевобратской школѣ; мнѣ удалось узнать объ немъ изъ старыхъ Кіевскихъ записей (также нежданно, какъ о бытіи древняго монастыря Гнилецкаго подъ Кіевомъ, узналъ я изъ актовъ монастыря Выдубицкаго). Іевлевичь былъ послѣднимъ ректоромъ первоначальной, еще не-Могилинской Кіевобратской школы, въ то самое время, когда въ ней полагается ректоромъ Тарасій Земка. Объ этомъ ученомъ мужѣ говорятъ, что онъ «былъ ректоромъ Богоявленскаго училища 1631 г. потомъ взятъ въ проповѣдники и типографы Кіевопечерской Лавры.» (У Евгенія въ Прибавл. въ Опис. Соф. соб. стр. 226, и у Макарія въ Исторіи Кіев. Акад,). Но это несправедливо, также какъ и то, будто Тарасій Земка принадлежалъ къ числу Кіевлянъ посыланныхъ архимандритомъ Петромъ Могилою, для образованія въ заграничныя училища. По современнымъ книгамъ и актамъ, Тарасій до кончины своей видѣнъ постоянно въ Печерской Лаврѣ съ 1624 года, уже іеромонахомъ, въ званіяхъ типографа и корректора, проповѣдника и соборнаго старца; при этомъ же онъ считался и игуменомъ Богоявленскимъ (какъ видно изъ его подписей въ Словарѣ Берынды 1627 г. и на трехъ запискахъ о Лаврской Могилинской школѣ въ исходѣ 1631 года). Позднѣйшіе каталоги приписали ему ректорство вмѣсто игуменства, принявъ одну должность за другую, конечно потому, что обѣ онѣ въ послѣдствіи соединялись и соединяются обыкновенно въ одномъ лицѣ.

И такъ, въ скудномъ спискѣ ректоровъ первоначальной Богоявленской школы, должно поставить, вмѣсто знаменитаго имени Тарасія Земки, невѣдомое донынѣ имя Ѳомы Іевлевича, въ 1631 году. [1]

---

[1]) Кстати о ректорахъ академіи; назову еще одного пропущеннаго въ спискахъ, и у Евгенія, и у Макарія: это *Кириллъ Филимоновичъ*. Онъ былъ

Не лишнимъ считаю замѣтить здѣсь, что и Іовъ Борецкій зачисленъ въ учители Богоявленской школы безъ достаточнаго основанія. У святителя Димитрія сказано объ немъ, что онъ «Греческому и Латинскому языку училъ въ школахъ».—«Конечно, это были не другія школы, какъ Богоявленскія», заключаетъ о. Макарій, въ своей Исторіи. Напрасно: то были другія школы, именно Львовскія въ которыхъ Борецкій учился и потомъ училъ, до переѣзда своего въ Кіевъ. Это положительно извѣстно мнѣ по современнымъ актамъ, уцѣлѣвшимъ во Львовѣ; а объ его учительствѣ въ Богоявленской школѣ не видно еще ни изъ одного современнаго свидѣтельства. Относительно монашества и игуменства его, можно заключить изъ вышеприведеннаго указанія, что оно началось едва ли ранѣе конца 1616 года.

Исаія Копинскій, какъ видно по всему, начальствовалъ въ Богоявленскомъ Братствѣ, въ 1615 году, самое короткое время, можно сказать, мимоходно.

Когда именно былъ здѣсь ректоромъ Мелетій Смотрицкій, и дѣйствительно ли былъ: это требуетъ еще новаго разсмотрѣнія. Такъ неполна и скудна еще исторія Кіевобратской школы, въ первый періодъ своего бытія, т. е. до 1633 года! О первыхъ 25-ти годахъ ея бытія, т. е. до 1615 года, почти ничего неизвѣстно еще, какъ будто совсѣмъ ея не было. А потому не дивно, что изъ ея ученой братіи на книжномъ поприщѣ доселѣ виденъ только ректоръ Кассіанъ Саковичъ, 1622 года, съ своими надгробными Вѣршами, что главными подвижниками книжнаго дѣла въ Кіевѣ, въ означенный періодъ, были Лавряне.

Митрополитствомъ Петра Могилы, въ 1633 году, начинается второй періодъ, какъ въ исторіи Кіевобратской

ректоромъ въ 1692 году. По его просьбѣ гетманъ Мазепа далъ Братскому монастырю сельцо Бѣльмачевку (см. Универсалъ 27 апр. 1692 г., въ Памятникахъ Кіев. Комис. Т. II). Кириллъ поступилъ въ академію изъ іеромонаховъ Печерской Лавры. Въ началѣ 1688 года онъ былъ посланъ въ Москву отъ архимандрита Варлаама Ясинскаго для испрошенія царской грамоты на древнія права Лавры (см. Грамоты, напечатанныя Евгеніемъ въ *Опис. К. Лавры 1831 г.* подъ № 22 и 23).

школы, возвышенной тогда на степень Коллегіи и назвавшейся Могилянскою,—такъ и въ исторіи книгопечатанія Кіевскаго. Типографы Печерскіе привѣтствовали митрополитство своего архимандрита, 1633 года 5 Іюля, книжкою Евфоніа веселобрмячая, состоящею изъ довольно длиннаго стихотворнаго акростиха; а ученики Могилинской гимназіи, уже присоединенной къ Богоявленской школѣ, воспѣли митрополитство своего протектора Польскими стихами, напечатанными тогда же въ Лаврѣ, подъ названіемъ Mnemosyne. Этими двумя книжками, въ 1633 году, начался второй періодъ Кіевскаго книгопечатанія, который можно вести до Лаврскаго пожара въ 1717 году.

ГЛАВА VI.

Латино-польскія сочиненія писателей Малороссійскихъ.

Съ вышеупомянутой Мнемозины начинается рядъ Кіевскихъ книгъ на Польскомъ и на Латинскомъ языкахъ, которыхъ издано, кажется, шесть, въ Митрополитство Петра Могилы, имъ самимъ и его питомцами.

Mnemosyne. 1633, въ 4.

Вотъ имена студентовъ, подписанныя подъ стихотвореніями:

1. Александръ Тишкевичъ.
2. Георгій Тиша.
3. Іоаннъ Тиша.
4. Самуель Мужиловскій.
5. Адамъ Тиша.
6. Филонъ Илковскій.
7. Филипъ Константиновичъ.
8. Тимоѳей Княгиницкій.
9. Стефанъ Бабневскій.
10. Захарія Березецкій

11. Андрей Гродецкій.
12. Порфирій Кирлчевскій.
13. Василій Вѣтрицкій.

Число студентовъ взято по числу буквъ въ имени PIOTR MOHILA. Каждая буква изображена какимъ либо предметомъ (наприм. I колонною, O зодіакальнымъ кругомъ), и каждый предметъ воспѣтъ въ особомъ стихотвореніи съ примѣненіемъ къ Кіевскому меценату.

II. Exegesis. Сильвестра Коссова, 1635, въ 8.
III. Paterik, его же. 1635, въ 4.
IV. Тератургима. Аѳанасія Кальнофойскаго, 1638, въ 4.
V. Mowa Duchowna, Петра Могилы, на бракосочетаніе князя Януша Радзивила. 1645, въ 4.
VI. Lithos, 1645, въ 4, изданный Петромъ Могилою, подъ псевдонимомъ Евсевія Пимена.

Къ этимъ изданіямъ, имѣвшихъ въ свое время большую значительность, мы возвратимся послѣ; а здѣсь замѣтимъ, что, по примѣру Кіева, печатались Латино-Польскія изданія и въ Черниговѣ, и Новгородсѣверскѣ, въ послѣдней четверти 17 вѣка. Таковы напримѣръ:

VII. Naiasnieysza nieba y ziemie Carica Panna Matka Matka Panna Marya, od Lazarza Baranowicza Slawiona. Черниговъ. 1683 Дек. 22 въ л. (24 л.)

Листъ второй занятъ посвященіемъ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, на Славянскомъ языкѣ. За тѣмъ идетъ самое пѣснопѣніе Польскими стихами, съ текстами Славянскими, и кое гдѣ со стихами Латинскими. Наход. въ библіотекѣ кн. Оболенскаго (въ сборникѣ Величка).

VIII. Стихотвореніе на Польскомъ языкѣ въ честь Лазаря Барановича, отъ товарищества кунштy типографскаго: съ подписью на самомъ концѣ: «Lucubratiuncula Ioannis Wieliczkowski.»

Эта брошюра, какъ видно, напечатана въ Черниговѣ, въ листъ: всего 5 листовъ, кромѣ заглавнаго утраченнаго въ видѣнномъ мною экземплярѣ, у кн. Оболенскаго. Въ началѣ заставочная полоса съ изображеніемъ агнца, и съ

надписью Славянскою «Агнецъ Божій.» За тѣмъ слѣдуетъ текстъ: «Iesli ziarno pszeniczne...» и т. д. Находится въ сборникѣ Величка.

Впрочемъ не духовные предметы собственно любила воспѣвать Латино-Польская муза у Малороссіянъ: она преимущественно трудилась надъ панигириками разнымъ сановнымъ людямъ, свѣтскимъ и духовнымъ: и сколько Рускаго дарованія истратилось въ нихъ по пусту! Но можно порадоваться по крайней мѣрѣ тому, что вся эта безпредѣльная лесть, весь этотъ холодный, риторическій, стекляный блескъ ума и слова выражался по-Польски и по-Латынѣ, а не языкомъ Южнорускимъ. Вышепомянутая Мнемозина была зерномъ, изъ котораго подъ исходъ 17-го вѣка выросъ у насъ цѣлый лѣсокъ панигириковъ, до сихъ поръ еще невѣдомый для Руской библіографіи: надо же ей и съ нимъ ознакомиться! Охотники до чтенія въ тѣ поры сбирали эти панигирики, и обыкновенно переплетали ихъ въ особые сборники, изъ которыхъ назову здѣсь два одинъ, принадлежавшій прежде Полковому Переяславскому судьѣ Лѣсеневичу, я встрѣтилъ въ селѣ Сушкахъ, Золотоношскаго уѣзда, у Н. С. Романовскаго; другой сборникъ, особенно замѣчательный тѣмъ, что онъ принадлежалъ извѣстному лѣтописателю Самуилу Величку и содержитъ въ себѣ подлинникомъ нѣсколько панигириковъ ненапечатанныхъ, я видѣлъ въ Москвѣ, въ богатой рѣдкостями библіотекѣ князя М. А. Оболенскаго.

IX. Czyhirin pograniczne miasto w ciężkim oblężeniu Tureckim roku 1677, za szczęcem Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества, triumfujące. Въ типографіи Новгородсѣверской, 1678, въ 4.

Это пѣснопѣніе Александра Бучинскаго, Польскими стихами, въ честь гетмана Самойловича; воспѣвается знаменитая осада Чигирина. На оборотѣ заглавнаго лист

изображенъ гербъ Запорожскаго войска. Находится въ библіотекѣ К. К. Свидзинскаго.

X. Trybut jasnie wielmoznemu jego mosci panu Janowi Samuyłowiczowi, и проч. Въ Кіевопечерской типографіи, 1686, въ л.

Это панигирикъ гетману Самойловичу отъ Коллегіатовъ Кіевомогилянскихъ. Послѣ посвященія, которое, по обыкновенію на 2-мъ листѣ, идетъ Латинскою прозою Triumphus Palladis, а потомъ Польскими стихами Acclatio Muzarum, подъ которыми подписался: Magister grammatices Paulus Baranecki.

На оборотѣ заглавнаго листа изображена Паллада: она ѣдетъ въ свой храмъ на колесницѣ, везомой Пегасомъ; въ правой рукѣ держитъ свой щитъ, а въ лѣвой знамя, на которомъ три креста (гербъ Самойловича) и надпись: sub hoc signo triumphat. Находится въ сборникѣ Романовскаго.

О панигирикахъ Стефана Яворскаго и о времени его префектства.

Первенство между Малороссійскими панигиристами принадлежитъ, безспорно, Стефану Яворскому. Извѣстно, что по возвращеніи изъ чужестранныхъ училищъ въ Кіевѣ, онъ такъ прославился здѣсь искуствомъ слагать Латинскіе и Польскіе стихи, что удостоился почести Лавроноснаго Піита. Извѣстно также, что онъ писалъ похвалы разнымъ лицамъ; но доселѣ, кажется, неизвѣстностью покрыто то, какія же именно были эти похвалы, и особенно тѣ, какія написалъ онъ въ первой, цвѣтущей порѣ своего стихотворства.

XI. Hercules post Atlantem infracto virtutum robore honorarim pondus sustinens. Напеч. въ Черниговѣ, въ л.

Годъ изданія не означенъ; но онъ (1684) опредѣляется временъ изобранія Варлаама Ясинскаго въ Печерскіе

архимандриты послѣ Иннокентія Гизеля: это и значитъ «Геркулесъ послѣ Атланта». Вѣроятно, это первый печатный панигирикъ Яворскаго, который и не означилъ на немъ прямо своего имени, а сказался затѣйливыми полустишіями, на заглавномъ листѣ и въ концѣ посвященія:

«Iam tibi, mi Lector, supra mea nomina dixi:
Nam platanum baculo junge, sciesque virum!»

(Platanus яворъ, baculus кій.)

Яворскій изображаетъ, Латинскими стихами и прозою, и стихами Польскими, доблесть и подвиги своего благодѣтеля. Мы отсюда узнаемъ, чего не знали прежде: что Ясинскій, по окончаніи наукъ въ Кіевской коллегіи, отправлялся учиться въ коллегію Краковскую, и тамъ не смотря на всѣ предстоявшія ему трудности увѣнчался философскимъ колпакомъ. Видно также что Ясинскій отказавшись отъ ректорства въ коллегіи (1663 года), былъ до избранія въ архимандриты Печерскіе настоятелемъ Пустынноникола евскаго монастыря, а не Михайловскаго, какъ пишутъ обыкновенно историки. Панигирикъ этотъ находится въ сборникѣ Романовскаго (на 19 листахъ).

XII. Echo głosu wołaiącego na puszczy. Напечат. въ Кіевѣ, 1689, въ л.

Это панигирикъ гетману Мазепѣ, украшенный гербомъ его на оборотѣ заглавнаго листа, да въ текстѣ еще шесть изображеній разныхъ частей того же герба, съ эмблематическою ихъ обстановкою: работы знаменитаго въ ту пору Кіевскаго гравера J S. т. е. Іосифа Щирскаго. На этомъ панигирикѣ подписанъ Симеонъ Яворскій—«artium liberalium et philosophiae magister, consummatus theologus.» И такъ Яворскій въ 1689 году не былъ еще монахомъ. Воображалъ ли будущій блюститель патріаршаго Всероссійскаго престола, сочиняя это громозвучное Эхо, что черезъ 20 лѣтъ ему придется писать отъ лица всей Россіи стихи на того же Мазепу, какъ на измѣнника, преданнаго анаѳемѣ церковной!...

Еще и въ 1698 году, Яворскій посвятилъ Мазепѣ свое Весельное казанье, при благословенномъ вѣнчаніи Іоанна зъ Обѣдова Обѣдовскаго, стольника и полковника Нѣжинскаго въ церкви Свято-Троецкой Батуринской, названное Виноградъ Христовъ.

Тамъ, къ гербу Мазепы, написалъ онъ слѣдующее восьмистишіе:

«Зри коль крѣпко въ Россіи Вѣра стоитъ свята,
Ей же не одолѣютъ и адова врата,
Крестъ на котвѣ утвержденъ, при двою свѣтилу
Сію Вѣры святой изъявлютъ силу.
Всуе устремляются злочестивыхъ рѣки,
Крестъ на котвѣ недвижимъ будетъ во вѣки.
И сама нощь князя тмы ничтоже успѣетъ:
Заря свѣтилъ небесныхъ при крестѣ яснѣетъ.»

Этотъ Виноградъ, въ собственноручномъ подлинникѣ Яворскаго, принадлежитъ сборнику Самойла Величка; а печатное Эхо видѣлъ я въ сборникѣ Романовскаго.

XIII. Arctos. (въ Кіевѣ, 1690) въ л.

Панигирикъ на избраніе Варлаама Ясинскаго въ митрополиты Кіевскіе, состоитъ изъ четырехъ акростиховъ, Польскими стихами; передъ каждымъ похвала на Латинскомъ языкѣ, стихами и прозою. Одна изъ этихъ похвалъ состоитъ въ бесѣдѣ стихотворца съ эхомъ, представляющей игру Латинскимъ языкомъ; напримѣръ:

«Dic identidem loquax dialogista Echo,
Quem illa electionis dies caelitus implorabat
Per suum divum Justinum Philosophum? Sophum. [1]
Sophum certe implorabat fascibus viduatae Sophiae
Ut par pari gauderet, auderet.
Gemit enim honorarius Scipio, si indignis manibus
tangitur, angitur,

---

[1]) Вольное избраніе архимандрита Варлаама Ясинскаго въ митрополиты Кіевскіе происходило въ Софійскомъ соборѣ, Іюня 1-го въ день св. Іустина Философа.

Et non firmatis Sapientia humeris
Quid quaeso est Thronus? Onus.»

Къ сожалѣнію, въ моемъ экземплярѣ этого Арктоса также какъ и въ принадлежащемъ къ сборнику Величка, утраченъ заглавный листъ (безъ него текстъ на 25 листахъ). Однако по содержанію видно, что этотъ панигирикъ приготовленъ къ возвращенію митрополита Варлаама изъ Москвы, бывшему въ Ноябрѣ 1690 года. Конечно тогда же Яворскій былъ постриженъ въ монахи, ибо онъ подписанъ здѣсь такъ: «pediseguus cliens ac mancipium Stephanus Jaworski.»

XIV. Pełnia neubywaiącey chwały w herbowym xięzycu. Напеч. въ Кіевѣ, 1691, оъ л. (на 37 листахъ).

Это самый замѣчательный и великолѣпный панигирикъ Яворскаго, которымъ онъ привѣтствовалъ митрополита Варлаама въ день ангела его, 19 Ноября, 1691 года. Тутъ воспѣты сначала три преподобныхъ Варлаама: Варлаамъ пустынножитель, Варлаамъ мученикъ и Варлаамъ Печерскій, а потомъ уже идетъ пѣснопѣніе Варлааму Ясинскому.

Украшенъ четырьмя изображеніями отличной гравировки, новоприбывшаго изъ Вильны въ Кіевъ художника Льва Тарасевича. [1] Находится въ обоихъ сборникахъ.

По предыдущему панигирику мы опредѣлили годъ постриженія Яворскаго въ монахи; а теперь опредѣлимъ его префектство въ Кіевской коллегіи.

У митрополита Евгенія, въ краткомъ извѣстіи о Кіевской академіи, (въ Прибавл. къ Опис. соф. с. 228) сказано, что Стефанъ Яворскій поступилъ въ префекты и философіи учителя «1700 года, и того же года въ Москвѣ посвященъ въ митрополита Рязанскаго.» Эти слова повторилъ и о. Макарій, въ Исторіи Кіев. Академіи (Спб. 1843. стр. 160), относя префектство Яворскаго къ 3 періоду

---

[1]) Онъ прибылъ въ Кіевъ 1690 года, скончался 1703 года. Его работа особенно замѣчательна въ изданіи Патерика 1702 года; (впрочемъ есть изданіе того же года и съ обыкновенными древорѣзными изображеніями) Братъ его *Александръ Тарасевичъ* тоже былъ граверомъ Печерскимъ съ 1688 года.

Академіи. Тамъ же (стр. 55), историкъ приписываетъ Яворскому курсъ Риторики, уцѣлѣвшій въ рукописяхъ подъ названіемъ «Concha, 1698,» говоря, что Яворскій «именно въ эти послѣдніе годы преподавалъ здѣсь словесность.» Нѣтъ все это было не такъ: въ эти годы Яворскій совсѣмъ уже не преподавалъ въ академіи; а былъ игуменомъ Пустынно Николаевскимъ, на мѣсто Іосафа Кроковскаго, избраннаго въ Печерскіе архимандриты 1697 года, 25 Марта. Риторику Яворскій преподавалъ въ коллегіи, конечно только до 1692 года; а въ этомъ году онъ былъ уже префектомъ и философіи учителемъ, на мѣсто Силуана Озерскаго. Это ясно видно изъ его титула на панигирикѣ Pełnia: «іеромонаха Стефана Яворскаго, префекта школъ Кіевомогилянскихъ и Философіи профессора.» А на вышепомянутомъ Виноградѣ, въ Генварѣ 1698 года, онъ подписался: «іеромонахомъ, игуменомъ монастыря Святоникольскаго Пустыннаго Кіевскаго.»

О панигирикахъ Филиппа Орлика.

Лицо слишкомъ извѣстное въ исторіи: любимецъ Мазепы, бывшей подъ конецъ его гетманства генеральнымъ писаремъ; а по смерти его получившій гетманскую булаву отъ Карла XII-го подъ Бендерами. Послѣ того онъ, считаясь Запорожскимъ гетманомъ, четверть вѣка еще мыкался по свѣту и помыкалъ Запорожскою Сѣчью, находившеюся тогда подъ властью Крымской орды. Но когда Орликъ поступилъ на службу въ Запорожское войско, объ этомъ несовсѣмъ точное понятіе можно составить себѣ изъ сказанія Конискаго о построеніи крѣпости Орлика на р. Синюхѣ въ 1691 г. Достовѣрнѣе, что Филиппъ Орликъ въ 1695 году писалъ Польскіе стихи въ Вильнѣ, а въ 1698-мъ, не покидая стихотворства, служилъ консисторскимъ писаремъ въ Кіевѣ. Эти новыя извѣстія объ немъ, какъ о стихотворцѣ и консисторскимъ писарѣ, открываются изъ слѣдующихъ двухъ панигириковъ его.

XV. Alcides Rossiyski, triumfalnum laurem ukoronowany. Напечат. въ Вильнѣ, 1695, въ л.

Этотъ Алкидъ Россійскій, панигирикъ гетману Мазепѣ, воспѣваетъ взятіе Кизикерменя, Таваня, Асламгородка, и другихъ Турецкихъ крѣпостей, бывшее 1695 года; а также и побѣду надъ «Крымскою Гидрою» одержанную 3 Августа 1694 года «двумя Рускими Гекторами» (такъ названы у Орлика главные виновники той побѣды: Семенъ Палѣй и полковникъ Кіевскій Мокѣевскій). Доведя свой панигирикъ до «Nec plus ultra», Орликъ въ заключеніе Латинскою прозою возглашаетъ объ томъ, что сдѣлано «валечнымъ Россійскимъ Алкидомъ» въ пользу южноруских монастырей. Тутъ узнаемъ съ любопытствомъ, что гетманъ въ Кіевѣ обвелъ каменною стѣною Печерскую Лавру, позолотилъ верхъ Печерской церкви, построилъ каменныя церкви въ Никольскомъ и Братскомъ монастыряхъ—еще до 1696 года.

На оборотѣ заглавнаго листа изображеніе полнаго герба Мазепы, съ Польскимъ восмистишіемъ внизу. Находится въ обоихъ Сборникахъ.

XVI Hippomenes Sarmacki. Печат. въ Кіевѣ, 1698, въ л.

Это панигирикъ на бракъ стольника Ивана Обѣдовскаго съ Анною Кочубеевною. Филиппъ Орликъ подписался на немъ: писаремъ консисторскимъ митрополіи Кіевской. На оборотѣ заглавнаго листа гербъ Обѣдовскихъ, съ 12-стишіемъ Польскимъ; а въ текстѣ (на 17 и 19 л.) двѣ картинки, гравировки I. S. (Іосифа Щирскаго). Вторая картинка представляетъ залу, украшенную частями герба Мазепы (дяди Обѣдовскаго); а посрединѣ на столѣ два сердца, связуемыя золотою цѣпью, двумя купидонами, возлѣ стола стоящими. Находится въ сборникѣ Величка.

О панигирикахъ Іоанна Орновскаго.

Іоаннъ Орновскій, піита Черниговскій, началъ печатать свои панигирики, будущи еще авдиторомъ елоквенціи: такъ онъ подписался на панигирикѣ.

XVII. Niebeski Merkuriusz. въ л.

Написанъ въ честь Станислава Голинскаго; но за утратою заглавнаго листа не видно, гдѣ (не въ Краковѣ-ли?) и въ которомъ году напечатанъ. Находится въ сборникѣ Романовскаго.

XVIII. Muza Roxolanska o triumfalney sławie y fortunie. Напечат. въ Черниговѣ, 1688 въ л.

Эта Роксоланская Муза, въ честь гетмана Мазепы, украшена первоначальнымъ, неполнымъ его гербомъ, на оборотѣ своего заглавнаго листа. Находится въ сборникѣ Романовскаго.

XIX. Bogata drogich kamieniy Speza. Напечат. въ Черниговѣ, 1693, въ л.

Въ честь стольника Ивана Обѣдовскаго. На оборотѣ заглавнаго листа долженъ быть гербъ его, а на слѣдующей страницѣ какая-то картина; но на обоихъ мнѣ извѣстныхъ экземплярахъ (въ сбор. Роман. и въ сборн. Величка) находятся только пробѣлы, оставленные для оттисковъ.

XX. Bagaty Wirydarz. Напечат. въ Кіевопечерской типографіи, 1705, въ л.

Этотъ панигирикъ написанный въ честь стольника и Харьковскаго полковника Ѳеодора Захаржевскаго, [1]) украшенъ гравированными изображеніями герба Захаржевскаго и проч Находится въ библіотекѣ Свидзинскаго.

XXI. Theatrum perennis gloriae. Напечат. въ Черниговѣ, 1699, въ л.

Этотъ панигирикъ въ честь гетмана Мазепы сочиненъ Петромъ Армашенкомъ. Находится въ библіотекѣ Свидзинскаго.

---

[1]) Фамильное имя Харьковскаго полковника стар. вину, напримѣръ въ Помянникахъ Печерскихъ, писали по-Руски: *Захаревскій.*

Но оставимъ на время Латинопольскую Музу нашихъ Малороссійскихъ піитовъ и риторовъ, и возвратимся къ Славянорускимъ изданіяхъ, выходившимъ изъ Кіевопечерской типографіи съ 1633 по 1717 годъ включительно.

1850 г. Москва.

О началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ мнимомъ и дѣйствительномъ.[1]

Полвѣка уже, какъ въ русской библіографіи состоялось и утвердилось положительное свѣдѣніе о началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ—съ 1616-го года, и первопечатною книгою признанъ Часословъ, изданный въ Печерской Лаврѣ 1617 года.

Основаніемъ лаврской типографіи послужила типографія Стрятинская, оставшаяся безъ дѣйствія по смерти своего учредителя «благороднаго Ѳеодора Юрьевича Балабана» († 1606 г.), и купленная для печерской лавры достопамятнымъ ея архимандритомъ, Елисеемъ Плетенецкимъ. Объ этомъ ясно говорится въ двухъ тогдашнихъ кіевскихъ книгахъ (Вѣзерункъ 1618 г. и Анѳологіонъ 1619 г).

Но въ прошломъ восемнадцатомъ вѣкѣ, богатомъ на историческія предположенія и выдумки, повелось и велось неправильное мнѣніе о книгопечатаніи въ Кіевѣ: будто оно началось еще въ первую треть шестнадцатаго вѣка, въ типографіи, подаренной Печерской лаврѣ въ 1531 г., княземъ Константиномъ Ивановичемъ Острожскимъ.

---

1) Кіевскія Епарх. Вѣдомости. 1872 г.

Кто первый пустилъ въ ходъ такое сказаніе, намъ не извѣстно... Но русскіе книголюбцы еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія усмотрѣли, что это сказаніе—небывальщина; не нашлось ни одной книги, напечатанной въ Кіевѣ въ шестнадцатомъ вѣкѣ, да и въ самомъ городѣ Острогѣ учреждена была типографія не раньше 1578-го года, заботою князя Константина Константиновича Острожскаго, воеводы кіевскаго. Нѣкоторые (какъ напримѣръ, архимандритъ Амвросій Орнатскій въ 1807 г). думали было славнымъ именемъ сего князя замѣнить не менѣе славное имя отца его, великаго гетмана Литовскаго, погребеннаго въ Печерской церкви (1533 г.);— такъ думали они въ томъ предположеніи, что типографія князя Константина Константиновича досталась Печерской лаврѣ—въ годъ его кончины, и потому хотѣли пріурочить начало кіевскаго книгопечатанія къ 1608-му году. Но предположеніе это было также не впопадъ; ибо книгопечатаніе въ Острожской типографіи продолжалось и по кончинѣ ея учредителя, при его сынѣ, Янушѣ Константиновичѣ, каштелянѣ Краковскомъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ книга Часословъ,—«повелѣніемъ» этого князя напечатанная въ Острогѣ, двумя изданіями, 1612 года. Наконецъ, въ двадцатые годы нынѣшняго столѣтія, утвердилось вышеприведенное мною положительное свѣдѣніе о началѣ кіевскаго книгопечатанія, изслѣдованіями митрополита Евгенія, Кеппена и П. М. Строева. Сказаніе прошлаго столѣтія повторено было въ Кіевѣ—въ послѣднемъ изданіи прежняго «краткаго описанія Кіевопечерскія Лавры», напечатанномъ 1817-го года, гдѣ при имени архимандрита Протасія (извѣстнаго въ 1535 году) сказано: «при семъ заведена типографія въ Лаврѣ». (стр. 141). Но Евгеній въ своемъ «Описаніи Кіевопечерской Лавры»—справедливо замѣтилъ о томъ сказаніи, что оно—«не имѣетъ никакого основанія». Но вотъ оно снова прокидается въ нынѣшнее время.

Въ 1866 году кіевскій священникъ Павелъ Троцкій напечаталъ двѣ статьи свои «о типографіи кіевопечерской Лавры» («Краткій очеркъ»—въ 9-мъ нумерѣ Кіевскихъ Епархіальныхъ вѣдомостей,—и пространную статью—въ Трудахъ

Кіевской Академіи, кн. 5 и 6.) Тамъ онъ представилъ нѣсколько неизвѣстныхъ доселѣ и любопытныхъ свѣдѣній о судьбѣ лаврской типографіи, прежней и новѣйшей, заимствованныхъ имъ изъ ея архива; и за эти свѣдѣнія нельзя не благодарить его. Что же касается до начала лаврской типографіи, то о немъ разсуждаетъ онъ на-трое, слѣдующимъ образомъ.

Во первыхъ—онъ признаетъ за вѣроятное, что мысль о заведеніи лаврской типографіи восходитъ къ концу 16-го столѣтія, когда патріархъ Іеремія въ 1588 году «на обратномъ пути, бывши въ Кіевѣ, благословилъ тѣмъ же благожеланіемъ и Печерскую Лавру.

Хотя это вѣроятіе о. Троцкій заимствовалъ у Евгенія: но мы знаемъ уже навѣрное, что патріархъ Іеремія совсѣмъ не былъ въ Кіевѣ; да и въ извѣстной грамотѣ его, данной Печерской Лаврѣ 1592 года, нѣтъ и помину о типографіи.

Во-вторыхъ—о. Троцкій признаетъ за несомнѣнное, что лаврская типографія восходитъ по времени своего основанія, хоть къ послѣднимъ днямъ жизни Константина Константиновича Острожскаго, который умеръ въ Кіевѣ 1608 года, а «можетъ быть даже и погребенъ тутъ».

Здѣсь опять напрасное отступленіе отъ исторической дѣйствительности. Князь К. К. Острожскій, скончавшійся 13-го февраля 1608 года, погребенъ въ Острогѣ, въ своей замковой Богоявленной церкви; а въ его Острожской типографіи продолжалось еще книгопечатаніе и послѣ его кончины, какъ замѣчено выше.

Въ-третьихъ—признавъ за несомнѣнное начало лаврской типографіи 1608-й годъ, о. Троцкій говоритъ еще вотъ что: «слишкомъ уважая древнее преданіе о началѣ лаврской типографіи, такъ ясно и хорошо обставленное мы надѣемся, что своимъ мнѣніемъ сдѣлали поворотъ къ его оправданію. Можетъ-быть со временемъ найдутся книги лаврской печати шестнадцатаго столѣтія, или другія данныя которыя поведутъ и къ современному оправданію почтеннаго преданія; въ этомъ мы не теряемъ надежды».

Что же если бы эта надежда о Троцкаго дѣйствительно оправдалась?.. Тогда бы и то, что призналъ онъ за вѣроятное, и то, что назвалъ онъ несомнѣннымъ, оказалось бы невѣрнымъ и напраснымъ! Да и зачѣмъ называть древнимъ преданіемъ то, что принадлежитъ къ вымысламъ прошлаго столѣтія, столь не сходнымъ съ ясными свидѣтельствами предшедшаго 17-го вѣка?...

Такимъ образомъ все разсужденіе о. Троцкаго, въ которомъ онъ желалъ совмѣстить три прежнія, уже отвергнутыя наукою, предположенія о началѣ лаврской типографіи, оказывается несостоятельнымъ и напраснымъ. Назвавъ несостоятельнымъ начало типографіи лаврской въ 1608 году, онъ не усумнился внести въ число первопечатныхъ кіевскихъ книгъ такія четыре книги, о которыхъ не было еще и помину въ библіографіи, и которыя онъ вычиталъ въ новѣйшихъ описяхъ старыхъ книгъ, не озаботясь повѣрить показаніе тѣхъ описей самими книгами, присланными изъ приходскихъ церквей въ Печерскую Лавру. Таковы у него:

1) Минея общая, 1608 года.
2) Псалтирь, 1609 года.
3) Тріодь постная, 1615 года.
4) Тріодь постная, 1618 года.

Не ограничась ими, о. Троцкій включилъ въ свой списокъ первопечатныхъ кіевскихъ книгъ еще двѣ, которыя поименованы были въ каталогахъ Василія Сопикова 1813 г. но тамъ же не были признаны за достовѣрныя.

5) Канонникъ, 1614 г. взятый Сопиковымъ изъ письменнаго каталога Московской духовной типографіи, съ такою оговоркою въ предисловіи: «чего однакожъ, не видавъ оной, утверждать не смѣю». А позднѣвшій московскій библіографъ, покойный В. М. Ундольскій, говоритъ, что въ библіотекѣ московской синодальной типографіи—нѣтъ и не было этой книги, и прибавляетъ: «смѣло можетъ назвать это показаніе Сопикова—недоразумѣніемъ». (См. въ Хронологическомъ Указателѣ М. 1871 г., очеркъ славяно-русской библіографіи, стр. 29).

6) Акаѳистъ св. великомученицѣ Варварѣ, 1639 года.—Всѣ эти шесть книгъ, взятыя на вѣру изъ каталоговъ рукописныхъ, можно отнести къ недоразумѣніямъ библіографическимъ и нельзя принять ихъ въ число старопечатныхъ изданій кіевскихъ. Что-же касается до поворота къ прежнему сказанію о началѣ книгопечатанія Кіевскаго, будто-бы еще въ шестнадцатомъ вѣкѣ,-то мы замѣтили такойже поворотъ и въ богатой содержаніемъ статьѣ достопочтеннаго о. архимандрита Леонида: «Описаніе Славянорусскихъ рукописей Воскресенскаго монастыря, Новымъ Іерусалимомъ именуемаго,» напечатанной въ первой книгѣ Чтеній, 1871 года. Въ его замѣткахъ о старопечатныхъ книгахъ тогоже хранилища, поименовано десять кіевскихъ изданій и между ними первое:

Тріодь постная (безъ выходнаго листа) съ надписью по листамъ, относящеюся къ 1562 году; «лѣта 7070 далъ книгу сію въ домъ чудному Богоявленію старецъ Севастьянъ, митрополичь ключникъ.»

По этой надписи очевидно, что та Тріодь Постная принадлежитъ къ изданіямъ шестнадцатаго вѣка; но чтобы она принадлежала къ изданія кіевскимъ, того не видно и изъ слѣдующихъ словъ о. Леонида:

«По примѣтамъ, это одно изъ первоначальныхъ изданій лаврской типографіи, устроенной княземъ Острожскимъ въ 1531 году.»

Безъ выходнаго листа, на которомъ могли быть означены время и мѣсто печати, ближайшими примѣтами моглибы служить шрифтъ и бумага; по нимъ на тріодь постная оказалась—бы, вѣроятно, одинаковою съ которымълибо изъ трехъ изданій этой книги, напечатанныхъ въ разныхъ мѣстахъ до 1562 года. Сказаніе же объ устроеніи лаврской типографіи въ 1531 году, княземъ К. И. Острожескимъ, есть выдумка, отвергнутая еще въ началѣ нынѣшняго вѣка русскими книговѣдцами, въ томъ числѣ и Сопиковымъ.

Единственною примѣтою въ той надписи остается упомянутый въ ней «домъ Чуднаго Богоявленія.»

О. Леонидъ говоритъ: «здѣсь надобно полагать церковь Богоявленскаго монастыря, при которомъ въ 1589 году основалась школа, по благословенію патріарха Ѳеофана.»

Нѣтъ никакой надобности, ни даже исторической справедливости, полагать это. Въ Кіевѣ до 1615 года-не видно ни Богоявленской церкви, ни монастыря при ней, ни школы, ни изъ одного письменнаго памятника тѣхъ временъ (какъ это объяснено въ моемъ изслѣдованіи «О первыхъ временахъ Кіевскаго Богоявленскаго Братства»). Предполагаемое благословеніе Іереміи на основаніе Богоявленской школы остается для нея только возможностію, еще не нашедшею себѣ оправданія въ свидѣтельствахъ тоговременныхъ. Что-же касается до «дома чуднаго Богоявленія,» упомянутаго въ надписи, то въ немъ прежде всего можно полагать знаменитый Богоявленскій храмъ въ Острогѣ, принадлежавшемъ князю Константину Константиновичу, бывшему тогда (т. е. въ 1562 г.) уже воеводою кіевскимъ.

Въ замѣткѣ о. Леонида находится случайная обмолвка: вмѣсто бывшаго на мысли Патріарха Іереміи, поставлено имя патріарха Ѳеофана. И какъ оно кстати!

Ѳеофанъ, довольно долго гостившій въ предѣлахъ Кіева возстановивъ здѣшнюю православную митрополію, утвердилъ своимъ благословеніемъ недавнее братство, и монастырь, и школу, при церкви Богоявленской, заложенной въ началѣ 1616 года. Въ его-же грамотѣ, данной Печерскому монастырю 1620 года, упоминается между прочимъ и о Печерской типографіи, но какъ объ учрежденіи недавнемъ: «Благохвально же къ тому и въ типографскомъ дѣлѣ, разсѣяніе въ общую пользу всѣхъ христіанъ слова Божія изданіемъ книгъ. Сія вся и иная начинанія и дѣянія, яже суть ко спасенію, преподобнаго архимандрита Елисея Плетенецкаго съ братіею, яже о Христѣ, благословихомъ его и благословляемъ.» Вотъ еще свидѣтельство, въ дополненіе къ сказаніямъ о началѣ Печерской типографіи въ тогдашнихъ кіевскихъ книгахъ (напримѣръ, въ Анѳологіонѣ 1619 г.). Ѳеофанова грамата приводится въ граматѣ Московскаго патріарха Іоаки-

ма, данной печерской лаврѣ 1688 года. Сей приснопамятный іерархъ, бывшій въ первой половинѣ семнадцатаго вѣка учеником Кіевобратской коллегіи, а въ срединѣ того вѣка иноком Кіево-Межигорскаго монастыря, конечно, перешелъ въ Москву съ тогдашнимъ, вѣрнымъ знаніемъ о началѣ книгопечанія кіевскаго; а потому свѣдѣніе о томъ, сохранившееся въ грамотѣ 1688 года, важно для насъ, какъ свидѣтельство того вѣка, до исхода его существовавшее и въ кіевской Руси и въ московской. Заслонилось было оно вымышленнымъ сказаніямъ восемнадцатаго вѣка, въ продолженіе его господствовавшимъ, и колебательнымъ освобожденіемъ отъ него, происходившимъ въ началѣ нынѣшняго, девятнадцатаго вѣка. Но когда оно уже возобновилось сполна, въ двадцатые годы сего столѣтія, оправданное изслѣдованіями и соображеніями строго научными, тогда напрасными оказываются всѣ новыя отступленія отъ него и повороты къ прежнимъ недоразумѣніямъ и предположеніямъ.

Въ 5-й главѣ моей «книжной Старины Южнорусской, помѣщенной въ 3-й книгѣ Кіевлянина (1850 г.), перечислено 32 книги, напечатанныя въ кіевопечерской типографіи, въ первый періодъ ея бытія (1616—1632 гг.), начиная съ Часослова 1017 г. и до Евхаристиріона 1632 г. включительно. Съ той поры донынѣ, къ тому списку первопечатныхъ кіевскихъ книгъ прибавились двѣ новоузнанныя книги:

1. Акаѳистъ Успенію пресв. Богородицы. 1625 г. въ 4-ку.

2. Житія преп. Памвы и св. мученицы Акилины. 1625 г. въ 4-ку.

(См. въ Дополненіяхъ къ очерку Ундольскаго, составленныхъ А. Ѳ. Бычковымъ, нумера 5 и 6.)

Такъ медленно въ славяноруской библіографіи совершается дѣйствительное приращеніе ея свѣдѣній о первопечатныхъ изданіяхъ кіевской и другихъ типографій стародавнихъ!

17 Марта, 1872 года.

Михайлова-Гора.

О ПЕРВОМЪ ИЗДАНІИ ДИДАСКАЛІИ СИЛЬВЕСТРА КОССОВА [1]).

Извѣстна въ Русской Библіографіи книга Дидаскалія албо наука о седми сакраментахъ, напечатанная въ Кутеинскомъ монастырѣ 1653 года, въ 4. На заглавномъ листѣ ея сказано, что она первѣй преподана была изустно священникамъ, на помѣстномъ Могилевскомъ Соборѣ 1637 года Октября 18, отъ Сильвестра Коссова бывшаго въ то время епископомъ, а съ 1647 года Кіевскимъ Митрополитомъ; что она (т. е. Дидаскалія) потомъ отдана была Сильвестромъ въ печать; а потрете напечана въ 1658 году въ монастырѣ Кутеинскомъ.—Слово потрете, безъ сомнѣнія, значитъ здѣсь въ третій разъ. Впрочемъ г. Сахаровъ (въ Обозрѣніи Библіографіи СПБ. 1849 стр. 82) сомнѣвается въ такомъ значеніи слова потрете, говоря, что и первыхъ двухъ изданій доселѣ невидно».

И въ самомъ дѣлѣ они не извѣстны были въ нашей Библіографіи до 1849 года. Въ этомъ году, въ моей Книжной старинѣ, напечатанной въ 1 книгѣ Временника, я извѣстилъ между прочимъ о находящейся въ библіотекѣ г. Свидзинскаго книжкѣ: о Мистиріяхъ или тайнахъ вносполитости, напечатанной въ Кременцѣ 1638 года. Я сказалъ что это Кременецкое изданіе вѣроятно есть первопечатное изданіе Дидаскаліи. Но теперь это дѣло объясняется иначе.

На сихъ дняхъ извѣстный книголюбецъ и соревнователь Общества Исторіи и Древностей, Тихонъ Ѳедоровичь Большаковъ, пріобрѣлъ единственный экземпляръ неизвѣстнаго до нынѣ Кутеинскаго изданія Дидаскаліи, напечатанной чрезъ три мѣсяца послѣ вышеупомянутаго Могилевскаго Собора; именно 1634 года Генваря 17 (по прежнему счету года). При этой находкѣ, библіографія наша получаетъ вѣрное свѣдѣніе

---

[1]) Временникъ Императорскаго Московскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ 1850 г. книга VII, смѣсь стр. 77—78.

о первопечатномъ изданіи Дидаскаліи, которое сдѣлано въ Кутеинѣ 1637 года.

Поставляю себѣ въ удовольствіе дать извѣстіе объ этой библіографической новости.

19 Мая 1850 г.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ Г. ГИЛЬДЕБРАНДТУ [1]).

Въ первомъ нумерѣ «Виленскаго Вѣстника» сего года помѣщена статья г. Гильтебрандта «Апокрисисъ», написанная по поводу недавняго изданія въ Кіевѣ этой знаменитой Острожской книги, въ память юбилея Кіевской Духовной Академіи 28 сентября 1869 года. Предоставляю профессору Малышевскому и его сотрудникамъ отозваться на тѣ замѣчанія г. Гильтебранда, которыя относятся собственно къ ихъ труду на переводомъ, объясненіемъ и изданіемъ Апокризиса. Съ своей стороны я считаю небезполезнымъ предложить слѣдующія замѣтки на статью Виленскаго критики.

1.

Кто сочинилъ Апокризисъ, изданный 1597 подъ именемъ Христофора Филалета? Въ началѣ статьи своей г. Гильтебрандтъ говорилъ вотъ что: «Псевдонимъ, принятый авторомъ Апокрисиса, подалъ поводъ нѣкоторымъ, въ томъ числѣ и преосвященному Филарету, приписывать сочиненіе

---

[1]) Кіев. Епархіальн. Вѣдом. 1871. № 15 с. 357-363.

это Адаму Потѣю. Несообразность этой догадки удивитъ каждаго, кто помнитъ, что еще задолго до 1597 г. Потѣй вмѣстѣ съ Терлецкимъ путешествовали въ Римъ, гдѣ отдались въ духовное подданство папѣ и за сіе удостоились цѣлованія его туфли».

Задолго до 1597 года!... Всего-то за годъ съ немногими недѣлями. И зачѣмъ называть Потѣя Адамомъ, когда онъ въ тѣ годы извѣстенъ былъ уже подъ именемъ Ипатія? Но вотъ что должно удивить самаго г. Гильтебрандта: собственная его неосмотрительность, съ какою взвелъ онъ на историка русской церкви сущую напраслину и небылицу. Невозможное дѣло, чтобы покойный Филаретъ приписалъ сочиненіе Апокризиса—отступнику отъ православія, Ипатію! Это не болѣе, какъ случайное недоразумѣніе г. Гильтебрандта, отъ котораго справедливо было бы ему отказаться печатно и повиниться передъ памятью знаменитаго писателя.

Филаретъ, въ первомъ изданіи своей исторіи, напечатанномъ въ Ригѣ 1847 года, слѣдовалъ господствовавшему тогда мнѣнію, что Апокризисъ напечатанъ въ Вильнѣ и сочиненъ Мелетіемъ Смотрицкимъ (см. на стр. 105). Объ этомъ упомянуто было въ моей «Книжной старинѣ южнорусской», напечатанной 1849 г. во Временникѣ Моск. Общ. Исторіи древностей. Тамъ я сказалъ, что Мелетій Смотрицкій въ 1597 году былъ еще молодъ (лѣтъ 18-ти) для сочиненія книги столь важной по своему назначенію и достоинству, и что онъ выступилъ на полемическое поприще не прежде какъ въ 1610-мъ году, извѣстною книгою Θриносъ, напечатанною въ Вильнѣ, подъ именемъ Θеофила Орѳолога. Это сказано было мною въ отрицаніе господствовавшаго тогда мнѣнія, пущеннаго въ ходъ достопамятнымъ Сопиковымъ, 1813 года (см. у него I, 69). Мое замѣчаніе было не напрасное; и у Филарета, въ новѣйшемъ изданіи его Исторіи русской церкви, напечатанномъ въ Черниговѣ 1862 г., сказано такъ (см. кн. 4, стр. 92): «Апокризисъ изданъ подъ именемъ Христофора Филалета, безъ указанія года и мѣста печати. Максимовичъ (Временникъ Общ. Ист. № 1), основываясь на шрифтѣ книги и на

свидѣтельствѣ Стебельскаго, полагаетъ, что Апокризисъ написанъ Христофоромъ Бронскимъ (а не Смотрицкимъ) и изданъ въ Острогѣ 1597 года (а не въ Вильнѣ)».

Сказаніе ученаго и весьма дѣльнаго уніата Стебельскаго (1781 г.), что Апокризисъ сочиненъ Христофоромъ Бронскимъ, призваннымъ на то и щедро вознагражденнымъ за то достославнымъ княземъ К. К. Острожскимъ, я не усомнился признать за свидѣтельство положительное. Впрочемъ не я первый, положась на Стебельскаго, призналъ Бронскаго сочинителемъ Апокризиса. Того же мнѣнія былъ еще митрополитъ Евгеній (см. въ Описаніи Кіевософійскаго собора, 1825 г., стр. 145 и 147), о чемъ также упомянуто въ моей «Книжной старинѣ». Покойному Филарету Черниговскому, а послѣ него профессору Малышевскому, принадлежатъ дальнѣйшія соображенія и розысканія о личности Бронскаго. Между тѣмъ г. Гильтебрандтъ говоритъ, что «приписывать Христофору Бронскому авторскія права на Апокризисъ, по меньшей мѣрѣ, было бы неосторожно»! Такое предостереженіе со стороны Виленскаго критика могло бы имѣть значеніе тогда, если бы онъ показалъ намъ иного сочинителя Апокризиса болѣе достовѣрнаго изъ современныхъ ему документовъ и свидѣтельствъ узнаннаго.

2.

Гдѣ напечатанъ Апокризисъ въ концѣ 1597 года? Кіевскіе издатели его согласны съ моимъ мнѣніемъ, что онъ напечатанъ былъ въ Острогѣ. Виленскому критику хочется отстоять прежнее мнѣніе о напечатаніи Апокризиса въ Вильнѣ. Мое мнѣніе объ этомъ представилъ онъ не совсѣмъ вѣрно, придавъ ему то, что принадлежитъ соображенію профессора Малышевскаго. У меня не было и рѣчи объ изданіи Апокризиса на языкѣ польскомъ. Я имѣлъ въ виду только изданный на языкѣ западнорусскомъ. Три экземпляра его было у меня подъ рукою въ Кіевѣ 1847 г., въ томъ числѣ принадлежащій Михайловскому монастырю, стараніемъ Иринея Фальковскаго переплетенный одинъ томъ

съ книгою Отписъ. Достаточно было мнѣ сличить эти двѣ двѣ книги, т. е. Апокрисисъ и Отписъ, для несомнѣннаго убѣжденія, что обѣ онѣ—одной и той же типографской руки: не только Острожскій шрифтъ, какого не видно въ тѣ годы ни на одной книгѣ, напечатанной въ Вильнѣ, но и форматъ, и бумага, и весь наборъ одни и тѣже! И когда я показалъ это посѣщавшему нерѣдко меня тогда книговѣдцу К. К. Свидзинскому, онъ, пристально поглядѣвши на нихъ, сказалъ: да Апокризисъ несомнѣнно изданіе Острожское.

Желая удержать за Вильною напечатаніе этой книги, г. Гильтебрандтъ представляетъ сперва предположеніе свое будто князь К. К. Острожскій приказалъ часть шрифта изъ своей печатни переправить въ Вильну, и этимъ шрифтомъ здѣсь, въ Вильнѣ, отпечатать Апокризисъ! Изданіе этой книги было тогда дѣло многозначащее и спѣшное, совершавшееся подъ рукою самаго князя. Съ какой стати было бы ему, изъ своего благонадежнаго города Острога, отряжать типографскій шрифтъ въ треволненную тогда Вильну, для напечатанія тамъ, заочно, столь важнаго въ ту пору Апокризиса!!...

Гораздо важнѣе указаніе г. Гильтебрандта на Питиримову Пращицу 1721 года, въ которой помѣщено Кіевское свидѣтельство, что Апокризисъ напечатанъ въ Вильнѣ.

«Противъ этого трудно что возразить»,—говоритъ г. Гильтебрандтъ. Но я предлагаю ему въ возраженіе вотъ что: 1) Напрасно онъ называетъ «древнимъ свидѣтельствомъ» то, которое принадлежитъ второму десятилѣтію прошлаго, 18-го вѣка. 2) Напрасно онъ говоритъ: «вѣроятно Питиримъ находился въ сношеніяхъ съ Кіевомъ». Изъ Пращицы достовѣрно извѣстно, что отъ Питирима въ 1717 году былъ нарочито посланъ въ Кіевъ монахъ Θеоθилактъ «снисканія ради книгъ древнихъ», вернувшійся въ Москву въ генварѣ 1718 года. 3) Въ числѣ книгъ, привезенныхъ Θеофилактомъ изъ Кіева, была «изъ Софіи святой книга, паричаемая Апокрисисъ или отповѣдь о соборѣ Берестенскомъ друкованная въ Вильнѣ 1597 года». Это напечатано въ

Пращицѣ дважды, и въ текстѣ, и въ послѣсловіи. Но вѣдь это не болѣе, какъ мнѣніе Кіевлянъ прошлаго столѣтія, написанное черезъ 120 лѣтъ послѣ изданія Апокризиса. Можно ли ввѣряться такому позднему мнѣнію, вопреки дѣйствительной очевидности, которая говоритъ сама за себя? Будь это сказано въ Кіевѣ во время близкое къ 1597 году, хоть бы напримѣръ въ Палинодіи, тогда бы еще можно было, не довѣряя своимъ глазамъ, положиться на свидѣтельство такихъ людей, которые знали дѣло и писали о немъ по горячимъ его слѣдамъ, по живому преданію современниковъ. А у кіевлянъ прошлаго столѣтія не было вѣрнаго и точнаго свѣдѣнія даже о томъ, когда началось книгопечатаніе въ Кіевѣ. Въ заключеніе скажу еще, что г. Гильтебрандтъ напрасно называетъ двумя особыми книгами Отписъ и Исторію о листрійскомъ или флоренскомъ соборѣ: эта исторія есть продолженіе Отписа, начинающееся на 9-й тетради и кончающееся на первой страницѣ 15-й тетради одной и той же книги, напечатанной въ Острогѣ 1598 года.

3.

Давно уже ведется въ русской библіографіи мнѣніе и сомнѣніе о двукратномъ изданіи Острожской библіи,— какъ это можно видѣть изъ книги Сопикова (1, стр. 46). Смотри также Ундольскаго «Каталогъ библіотеки Кастерина» 1848 г. (№ 30 и 32). Въ моихъ «письмахъ о князьяхъ Острожскихъ,» изданныхъ въ Кіевѣ 1866 года, я не усомнился сказать слѣдующее: «Того же (1580) года напечатана была отдѣльно Симфонія въ 8-ку, а наконецъ и полная Библія въ листъ. Это первое изданіе Острожской Библіи величайшая рѣдкость. Встрѣчается обыкновенно второе ея изданіе 1581 года» (стр. 88).

Въ предисловіи къ кіевскому изданію Апокризиса сдѣлано мимоходное примѣчаніе о двукратномъ изданіи Острожской Библіи, 1580 и 1581 г. (стр. XXVII). Противъ этого примѣчанія, г. Гильтебрандтъ возражаетъ такимъ соображеніемъ своимъ, что «набрать и напечатать, въ то время, въ

одинъ годъ такую книгу, какъ библія Острожская, не мыслимо!»

Но въ дѣйствительности, бываетъ то, что кажется не мыслимо, и наоборотъ, не встрѣчается того, что весьма мыслимо. У насъ нѣтъ извѣстія о томъ, въ какомъ именно году достопамятный Москвитинъ, Иванъ Ѳедоровъ, началъ набирать Острожскую Библію. Но изъ печатныхъ выходныхъ листовъ въ концѣ книги, встрѣчаемыхъ съ его именемъ, достовѣрно извѣстно, что въ первый разъ отпечатана была имъ Библія—1580 года 12 іюня (должно быть, въ небольшомъ числѣ экземпляровъ); а во второй разъ (же окончательно)—1581 года 12 августа. При этомъ второмъ изданіи сдѣланы нѣкоторыя перемѣны въ самомъ текстѣ: этими разностями и отличается оно отъ перваго изданія также, какъ и послѣднимъ, выходнымъ листомъ. Покойный книговѣдецъ Т. Ѳ. Большаковъ показывалъ мнѣ, въ Москвѣ, въ 1850 году, листы перваго изданія Библіи съ разностями противъ втораго, и говорилъ мнѣ, что ему извѣстно пять экземпляровъ перваго изданія. Есть экземпляръ его и въ Императорской публичной библіотекѣ.

Въ концѣ статьи своей, г. Гильтебрандтъ объявляетъ, что въ нынѣшнемъ году будетъ издана въ Вильнѣ—«величайшая библіографическая рѣдкость: Виленскій Соборъ 1509 года» и говоритъ, что «подробное изслѣдованіе объ этой маленькой книжицѣ, быть можетъ, заставитъ считать первопечатною ее, а не виленскій Апостолъ». То есть быть можетъ окажется, что въ Вильнѣ началось книгопечатаніе прежде 1525 года, въ которомъ былъ тамъ изданъ апостолъ. Тогда тотъ экземпляръ Виленскаго Собора, добытый для виленской библіотеки А. В. Рачинскимъ, дѣйствительно былъ-бы-старопечатною драгоцѣнностью»!

Но-быть можетъ окажется, что та «маленькая книжица» есть экземпляръ старопечатнаго, давно извѣстнаго въ библіографіи нашей изданія Виленскаго собора, которое напечатано было во Львовѣ. Объ этомъ изданіи упомянуто было и въ моей книжной старинѣ (гл. III), съ ссылкою на Сопикова (I, 1394). Нынѣ я сошлюсь на недавнее «До-

полненіе» А. Ѳ. Бычкова къ Очерку Библіографіи, гдѣ подъ № 4-мъ означенъ: Соборъ, во градѣ Вильни бывшій, Львовъ, 1614 г. въ 4-ку, 24 страницы».

Впрочемъ, я порадовался бы оправданію не моего заочнаго предположенія, что то книжица Львовскаго изданія, а ихъ ожиданія, что она напечатана въ Вильнѣ еще до 1525 г.

1871 г. 4 іюня Михайлова Гора.

О ДВУХЪ СТИХОТВОРЕНІЯХЪ

„Плачь Малой Россіи“ и „Милость Божія“ [1].

Въ 18 нумерѣ Кіевскихъ Епархіальн. Вѣдомостей помѣщены любопытные старинные стихи „Плачь Малой Россіи». Г. Петровъ, нашедшій эти стихи въ тетради, писанной 1719—20 г. ученикомъ піитики Андреемъ Гарасимовичемъ, принялъ ихъ за „его школьное упражненіе». Но съ этимъ согласиться нельзя. Такихъ стиховъ не сочинить бы въ Кіевѣ ни ученику, ни учителю піитики около 1720 года. Гарасимовичъ только переписалъ ихъ въ свою тетрадь, съ ошибками противъ стихосложенія, чего ужъ никакъ бы не случилось, еслибъ онъ былъ ихъ сочинителемъ. Не знаю, каковъ тамъ Латинскій переводъ этихъ стиховъ; если ученическій, то можно навѣрное сказать, что они списаны у Гарасимовича, какъ тема, для упражненія въ переводѣ на Латинскій языкъ.

Сдѣлавъ одну ошибку, г. Петровъ впадаетъ въ другую. Онъ говоритъ, что стихотворное упражненіе Гарасимовича «затрогиваетъ современные, общественные вопросы; оно сильно вооружается противъ какихъ то ляхолюбцовъ сво-

---

[1] Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости 1865, № 22, с. 837.

его времени, изъ среды самыхъ сыновъ Малой Россіи, которые хотѣли предаться Полякамъ, вездѣ ихъ хвалити и хотѣли быть уніатами, а вѣрныхъ порицали и чуть «не палили», по выраженію Гарасимовича» (стр. 705). «Описываемое упражненіемъ состояніе Малороссійскаго общества (прибавляетъ г. Петровъ) надо полагать продолжалось и далѣе 1720-хъ годовъ» (стр. 709).

Такимъ истолкованіемъ г. Петровъ—и ученика піитики заставляетъ вооружаться противъ историческихъ призраковъ, и на тогдашнее Малороссійское общество взводитъ напраслину; ибо въ то время, подъ конецъ гетманства Скоропадскаго, ляхолюбцевъ не примѣтно въ Малороссіи. Тогдашній поэтъ, полный современными скорбями своей родины, могъ бы обращать къ ея сынамъ не тѣ укоризны и жалобы, въ которыхъ состоитъ «Плачь Малой Россіи».

Этотъ стихотворный «Плачь» относится къ тому печальному состоянію общественной Малороссійской жизни, которое было во время Выговщины, наставшей по смерти Богдана Хмельницкаго. Добывшій себѣ гетманство Иванъ Выговскій и съ нимъ согласные старшины—Гуляницкій, Тетеря, Груша и прочіе, потянули на сторону Польши, дабы Малороссію, присоединенную Богданомъ къ державѣ Русской, поставить снова подъ короною Польскою. Къ этимъ-то ляхолюбцамъ и обращается современный поэтъ, отъ лица Малороссіи, разрывавшейся надвое и страдавшей долго отъ войнъ междоусобныхъ.

«Всѣ маткою называютъ,
А не всѣ за матку маютъ;
Другій хощетъ загубити,
Въ ложцѣ воды утопити;
Бо чи треба жъ горкой муки,
Якъ подати Ляхомъ въ руки;»

. . . . . .

«А вы дѣтки—охъ, утѣха!
Прошлого схотѣли лиха.
Еще я крылъ не простерла,
Еще и слезъ неутерла:

А вамъ, дѣтки, жаль то стало,
Що я отдохнула мало» . . . . . .
. . . . . .
«Ой не сыны вы, ой не дѣти:
Хощутъ мене загубити.
Ляхолюбци, ляхолюбци,
Тіи мои, тіи згубци!
Якъ саранча налетѣли,
Домы и церкви посквернили.
Куда пойдешь, Ляхивъ хвалятъ,
Вѣрныхъ тилько що не палятъ . . . .»

Ничего подобнаго не было и не могло быть въ Малороссіи 1720-хъ годовъ.—Вотъ еще напоминаніе того безотраднаго положенія, въ какомъ находился православный Малороссійскій народъ, передъ гетманствомъ Богдана Хмельницкаго.

«Охъ, якъ скоро вы забули,
Що и видѣли и чули,
Якъ подъ тими ворогамы
Стогнала я, тяжко зъ вами,
Стогнала я ни отрады
Не мѣючи, ни порады;
Коли Жиды проклятыи
Держали церкви святыи,
И отъ святой креста бани
Вытягали у насъ дани . . . . .» и т. д.

Ясное дѣло, что это напоминаніе обращено именно къ тѣмъ ляхолюбцамъ, которые сами видѣли бѣдственное положеніе Малороссійскаго народа, передъ возстаніемъ Богдана Хмельницкаго на Поляковъ.

И такъ этотъ «Плачь Малой Россіи» слѣдуетъ отнести къ 1658 году. Въ небольшомъ ряду стихотвореній, писанныхъ въ XVII вѣкѣ на народномъ языкѣ Малороссіи, онъ займетъ почетное мѣсто.

Задавшись мыслію, что это стихотвореніе есть «школьный опытъ» ученика Гарасимовича въ 1720 году, и что въ немъ изображаются обстоятельства изъ «тогдашней жизни

Малороссіи», г. Петровъ предполагаетъ, что воображаемые имъ ляхолюбцы того десятилѣтія были въ виду и у сочинителя драмы о Богданѣ Хмельницкомъ, названной «Милость Божія». Онъ полагаетъ, что эта драма сочинена—«можетъ быть»—Ѳеофаномъ Трофимовичемъ, который былъ въ Академіи учителемъ піитики въ 1729 году. Но я остаюсь при своемъ прежнемъ мнѣніи, что ее написалъ въ 1728 году Ѳеофанъ Прокоповичъ. Я нашелъ ее, лѣтъ за двадцать въ двухъ рукописныхъ сборникахъ Ѳеофановыхъ сочиненій, и въ обоихъ слѣдуетъ она за драмою «Владиміръ Великій». А что нашелся теперь еще одинъ ея списокъ, въ риторикѣ, преподанной въ Академіи 1728 года Стефаномъ Калиновскихъ, то это, мнѣ кажется, только подтверждаетъ принадлежность ея образцовому писателю. Потому же она могла быть приложена и къ піитикѣ, преподанной въ 1729 году Ѳеофаномъ Трофимовичемъ и ходить по рукамъ въ отдѣльныхъ спискахъ. Но мудрено, чтобы собиратели сочиненій достославнаго, единственнаго Ѳеофана приписали ему произведеніе почти неизвѣстнаго учителя піитики, по сходству ихъ именъ. Для г. Петрова кажется даже страннымъ, чтобы знаменитый іерархъ, жившій тогда въ столицѣ и обремененный прямыми своими занятіями, рѣшился писать драму для Кіевскихъ училищъ. Но вѣдь этотъ верховный Ѳеофанъ былъ ученикомъ, учителемъ и ректоромъ Кіевской Академіи. Вызванный изъ нея для епископства, онъ и на далекомъ сѣверѣ чувствовалъ свою близость къ ней, называлъ себя ея представителемъ, отъ репутаціи котораго зависитъ и ея репутація (говорю словами извѣстнаго письма его къ академистамъ). А въ 1728 году Ѳеофанъ болѣе полугода проводилъ въ сообществѣ гетмана Даніила Апостола [1]), Прилуц-

---

[1]) Въ «Краткомъ Журналѣ» о поѣздкѣ въ Москву гетмана Апостола, между прочимъ написано.

«Марта 23-го. По обѣдѣ былъ ясневельможный съ нѣкоторыми п. п. старшиною въ преосвященнаго архіепископа Новогородскаго и Великихъ Лукъ отца Прокоповича, и тамъ вечералъ и забавился мало не до полночи».

«25-го. Въ понедѣлокъ, въ день Благовѣщенія Богородицы, имѣлъ служеніе его преосвященство отецъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, архіепископъ

каго полковника Галагана, Лизогуба, Кочубея и многихъ другихъ Малороссіянъ, находившихся тогда въ Москвѣ, по случаю коронаціи Петра Втораго. Въ ту свѣтлоблеснувшую для нихъ пору, пылкій душою Ѳеофанъ, конечно, не одинъ разъ исполнялся живымъ воспоминаніемъ своихъ молодыхъ лѣтъ и своей Кіевской родины и, вдохновясь ея первенствующимъ героемъ и подвижникомъ, гетманомъ Богданомъ, написалъ драму «Милость Божія» именно для представленія въ Академіи Кіевской. Эта небольшая драма вышла изъ-подъ его многоопытнаго пера гораздо художественнѣе, чѣмъ первая, написанная въ 1705 году. И какъ въ той прежней драмѣ учителя піитики поставленъ хвалебный финалъ о митрополитѣ и гетманѣ того времени, вѣщаніемъ св. Андрея Первозваннаго; такъ и подъ конецъ этой драмы піиты-іерарха «Смотрѣніе Божіе» предсказываетъ Украинѣ незыблемое блаженство, и тутъ воздается похвала юному царю, новоизбранному гетману Даніилу и Академіи Кіевской; а въ заключеніе «хоръ поетъ похвалы Хмельницкому»:

«Вѣчной похвалы отъ насъ есть достоинъ
Храбрый на земли и на морѣ воинъ,
Войскъ Запорозскихъ Хмельницкій старѣйшій,
Вождь изряднѣйшій» и т. д.

Извѣстно, съ какою легкостію Ѳеофанъ писалъ стихи Русскіе, Польскіе и Латинскіе.

«Музъ чистыхъ собесѣдникъ»,

Онъ не покидалъ стихотворства до послѣдняго года своей жизни.

1865 г. 12 Октября
Михайлова Гора.

Новогородскій и Великихъ Лукъ, въ церквѣ святыхъ мучениковъ Флора и Лавра, близъ квартери ясневелможнаго будучой, гдѣ и его велможность изволилъ слухать службы Божой, а по службѣ, мало сождавши на своей квартери, отъѣхалъ до его преосвященства и тамъ кушалъ обѣдъ (ибо еще вчерайщого числа нарочное на тое ясневельможность прошенъ) и забавился до самого вечера».

О СТИХОТВОРЕНІЯХЪ [1]

ѲЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА.

(Письмо къ П. И. Бартеневу).

На этихъ дняхъ я занялся чтеніемъ книги г. Чистовича: «Ѳеофанъ Прокоповичь и его время». Много новыхъ подробностей прибывало въ мое знаніе изъ этой почтенной книги; но на 602-й страницѣ удивило меня слѣдующее примѣчаніе: «Г. Максимовичь приписываетъ Ѳеофану Малороссійскіе стихи о ляхолюбіи и ляхолюбцахъ, напечатанные въ Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ 1865 года № 18.» Не будь этого указанія на К. Епарх. Вѣдомости, гдѣ преимущественно, въ послѣдніе семь лѣтъ, печатались мои статьи я могъ-бы подумать, что въ примѣчаніи г. Чистовича говорится не обо мнѣ, а о комъ-либо другомъ изъ моихъ софамильцевъ... (былъ Михаило Николаевичь Максимовичь, печатавшій свои стихи въ Звѣздочкѣ г-жи Ишимовой; но онъ скончался еще въ 1859 году). Смотрю въ алфавитный указатель—и тамъ тоже: «Максимовичь, писатель. Приписываетъ Ѳеофану Прокоповичу Малороссійскія стихотворенія противъ ляхолюбія и ляхолюбцевъ» (стр. 741). Хорошъ же я писатель, по такой замѣткѣ обо мнѣ г. Чистовича! Но зачѣмъ же онъ приписалъ мнѣ такое мнѣніе, какого нигдѣ и никогда я не выражалъ, и въ примѣчаніи своемъ еще такъ говоритъ: «ни за, ни противъ этого, сказать ничего нельзя, не имѣя никакихъ данныхъ...» Поспѣшаю разъяснить это случайное недоумѣніе слѣдующими данными.

Старинное стихотвореніе, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, было нѣкогда въ ходу у Малороссіянъ, подъ именемъ Плача. Напечатано оно было впервыя, кажется, въ основѣ 1861 г. заимствованное туда г. Кулишомъ изъ рукописной книжки 1718 г. принадлежащей А. Ѳ. Бычкову. Послѣ того напеча-

---

[1]) Русскій Архивъ 1872, № 5, с. 998—1004.

тано оно было еще въ Кіевскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ 1865 г. по другому менѣе исправному варіанту, взятому г. Петровымъ изъ рукописи Кіевскаго ученика піитики Андрея Герасимовича, 1719-1720 годовъ. Когда я прочелъ замѣчанія г. Петрова объ этихъ стихахъ и его напрасные выводы и заключенія о Малороссіянахъ въ двадцатые годы прошлаго столѣтія, тогда я, какъ сотрудникъ Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, поспѣшилъ возразить г. Петрову моею статьею «О двухъ стихотвореніяхъ», напечатанною въ 22-мъ нумерѣ тѣхъ вѣдомостей. Тамъ опредѣлительно сказалъ я, что стихотвореніе «Плачь Малыя Россіи» слѣдуетъ отнести не къ двадцатымъ годамъ прошлаго столѣтія, а къ тому тяжкому времени Малороссійской жизни, какое настало по смерти Богдана Хмельницкаго, въ гетманство Ивана Выговскаго, именно» къ 1658 году» (стало быть, еще за 23 года до рожденія на свѣтъ достопамятнаго Ѳеофана Прокоповича). Вотъ мое мнѣніе, положительное, при которомъ остаюсь донынѣ. Будь я невоздержанъ на предположенія, я не преминулъ-бы тогда-же приписать то стихотвореніе—Лазарю Барановичу, сочинившему столько различныхъ «Плачей». Что же касается до Ѳеофана Прокоповича, то мнѣ удалось найти въ двухъ рукописныхъ сборникахъ его сочиненій, лучшее изъ его стихотвореній, но позабытое въ исторіи Русской литературы: это—драма его «Милость Божія», написанная имъ въ 1728 году, для представленія въ академіи Кіевской. Объ ней извѣстилъ я въ первой книгѣ Русской Бесѣды 1857 г., въ моемъ «Воспоминаніи о Богданѣ Хмельницкомъ», гдѣ приведены и отрывки изъ той драмы. Потомъ она вся напечатана была въ Чтеніяхъ 1858 г. по списку сообщенному мною О. М. Бодянскому. Черезъ семь лѣтъ послѣ того, въ вышепомянутой статейкѣ моей «О двухъ стихотвореніяхъ», пришлось мнѣ снова объяснять, по поводу недоразумѣній г. Петрова, что ту драму никто въ то время не только не смогъ-бы, но и не дерзнулъ-бы такъ написать, кромѣ Ѳеофана Прокоповича. Въ книгѣ г. Чистовича она осталась незамѣченною, и его сказаніе о пребываніи Ѳеофана въ Москвѣ 1728 года оказывается недостаточнымъ. И вотъ, опять черезъ семь лѣтъ

приходится мнѣ обратиться къ вамъ, Петръ Ивановичъ, чтобы вы приняли въ свой Русскій Архивъ—во 1-хъ, мое напоминаніе объ открытіи мною лучшаго изъ стихотвореній Ѳеофана Прокоповича, драмы его «Милость Божія»; во 2-хъ, мое отреченіе отъ мнѣнія, будто-бы я приписываю Ѳеофану стихотворный Плачь 1658 года.

2 Марта 1872 г.
Михайлова-Гора.

ИЗВѢСТІЕ О КНИГѢ БЛАГОУТРОБІЕ МАРКА АВРЕЛІЯ [1]

напечатанной во Львовѣ 1745 г., въ листъ, на 40 стр.

Книголюбцамъ нашимъ, конечно, памятны два сочиненія Михаила Козачинскаго, академіи кіевской префекта и философіи учителя: Панигирикъ, напечатанный въ Кіевѣ 1744 года, къ пріѣзду сюда государыни Елисаветы Петровны, и Аристотелева Философія, посвященная тогдаже графу А. Г. Разумовскому и напечатанная во Львовѣ 1745 года. А вотъ еще одно произведеніе того-же стихотворца и мыслителя кіевскаго, весьма любопытное, но оставшееся неизвѣстнымъ для любителей и знатоковъ книжной старины южнорусской. О немъ не зналъ не только митрополитъ Евгеній, но и Филаретъ черниговскій, издавая въ 1863 году свой «Обзоръ русской духовной литературы» и перечисляя въ немъ всѣ сочиненія о. Михаила Козачинскаго (см. 67 стр.). Мнѣ встрѣтилась эта рѣдкая книжица только нынѣшнимъ лѣтомъ, въ г. Золотоношѣ; и я долгомъ поставляю извѣстить

---

[1]) Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости 1871, № 1 с. 11—19.

о ней нашихъ книголюбцевъ, а доставшійся мнѣ экземпляръ ея передать въ библіотеку кіевской академіи.

О задачѣ и содержаніи этой книги я скажу ея-же словами: «Кіевъ, обрадованъ благополучнѣйшимъ прибытіемъ природныя своея всемилостивѣйшія Государыни Императрицы,—да здравствуетъ ЕЛИСАВЕТЪ ПЕТРОВНА, Самодержица Всероссійская, Маркъ Аврелій вѣка нашего, присутствіемъ своимъ въ Кіевѣ всѣхъ увеселяющая,—исторію о Маркѣ Аврелiи въ память приводя, съ прологомъ и епилогомъ, трема дѣйствіи чрезъ учениковъ академіи кіевскія всенародно торжествуетъ».

Этотъ многосложный, драматическій діалогъ—съ прологомъ и эпилогомъ, съ различными сальтами и интерлюдіями, представленъ былъ въ день тезоименитства августѣйшей посѣтительницы Кіева, какъ это ясно сказано о немъ на заглавномъ листѣ: «чрезъ учащихся въ кіевской академіи юношъ дѣйствительно состоявшійся, 1744 года, мѣсяца септемврія 5 дня, при тщаніи и досмотрѣ іеромонаха Михаила, академіи кіевской префекта».

Изъ книги не видно, гдѣ именно въ Кіевѣ происходило это обширное представленіе; за то видна во всей яркости характеристика тогдашняго драматическаго искусства, а вмѣстѣ съ тѣмъ прибавляются и точнѣе опредѣляются для насъ нѣкоторыя подробности достопамятнаго пребыванія Елисаветы Петровны въ Кіевѣ. Посмотримъ-же сперва на прологъ, состоящій въ трехъ явленіяхъ.

Первое явленіе начинается споромъ Гнѣва съ Благоутробіемъ.

Гн. Отъ Адама пѣснь права даже до едина,
Нѣсть раба, ни свободна, ниже господина;
Того-для мечъ сей гнѣва, а гнѣва открытый.
Бл. Стой мало, и почто ты такъ зѣло сердитый?
А отъ Христа не вѣси, коль многіе бяху,
Что страстьми и похотьми плоть свою распяху,
Гн. Вси вклонившеся вкупѣ, неключимы быша,
Вси свѣта паче Бога сладцѣ возлюбиша.
Бл. Суть мнози, иже въ мірѣ тѣломъ пребываютъ,

Но двухъ отъ сострастія мірска отрѣваютъ.
Гп. Никакоже, но все лесть, едно лицемѣрство,
Нелюбовъ ко ближнему, къ Богу суевѣрство...

И такъ далѣе... Благоутробіе одолѣваетъ; являются пять добродѣтелей: «Милость и Истина срѣтаются»—потомъ «Правда и Миръ облобызаются»—а потомъ Мужество къ нимъ приходитъ, съ слѣдующею рѣчью:

Почто аки смятенни? что вси суть унылы,
Аки бы потеряли чувства и вся силы?
Милость ускаржается, Истина рыдаетъ,
Будьто ихъ съ предѣлъ Росскихъ неправда згоняетъ.
Правда такожде скорбитъ, а Миръ печалуетъ,
Аки бы онъ съ протчими того и не чуетъ,
Что по часѣ толь лютомъ, по часѣ пребѣдномъ,
Россія на престолѣ сидящу наслѣдномъ
Имѣетъ Елисаветъ. О Россійска мати,
Кій языкъ, кое слово сильно показати,
Елисаветъ Петровна, ты въ дѣлѣ и словѣ
И во всемъ подобишся Первому Петровѣ.
Онъ бо Кіевъ посѣщалъ, ты тожде твориши;
Нѣсть раба, подданна, въ комъ не благоволиши.
Съ тобою Милость, Правда, съ тобою Миръ златый
Въ сердци Богъ почиваетъ въ милости богатый.
Аще убо Богъ съ нами, то кто уже на ни?
Елисаветъ страхъ творитъ и надъ Агаряни.

Вслѣдъ за этимъ «музы россійскія поютъ привѣтную пѣснь»:

Доброгласныхъ
Музъ прекрасныхъ
Что за гласы
Въ сіи часы?
Въстрѣчъ собранны красны лики
Гримлятъ славно риторъ крики.
Россы зрите,
Вси внушите:
Се Елисаветъ,
Коей равной нѣтъ,

Градъ свой Кіевъ посѣщаетъ,
Зракъ пресвѣтлый свой являетъ
Всѣмъ во немъ живущимъ,
Правовѣрнымъ сущимъ... и т. д.

Въ заключеніе 16 стиховъ на польскомъ языкѣ. (Стихотворство на этомъ языкѣ велось въ кіевской академіи два столѣтія, начиная съ 1633 года).

Второе явленіе пролога состоитъ въ анаграмахъ, представленныхъ перемѣщеніемъ тѣхъ-же буквъ «чрезъ сальты, глаголемые тарчовые».

1. Елісавет Петровна всея Россіи вѣватъ,
2. Воста Петр въ Елисаветѣ своей Россіяне...

Всѣхъ анаграмъ было семь; послѣ каждой стрѣляли изъ трехъ большихъ пушекъ.

Явленіе третіе началось выѣздомъ олицетвореннаго Кіева на золотомъ возѣ.

Кіевъ днесь, градовъ мати, радость ощущаю
И для того на златомъ возѣ поѣзжаю.
Отъ радости вопію: чада поспѣшайте,
Елисаветъ Петровну со мною встрѣтайте.
Се въ славномъ величіи съ побѣдою прійде,
Съ Ею радость новая съ небесъ на насъ снійде.
Се Ея Величество прійде обновити,
Аки бы первый княжескъ престолъ сотворити.

Воспомянувъ о древнихъ князьяхъ и о Петрѣ Первомъ, онъ продолжаетъ:

Сежъ паки днесь первые наступили вѣки,
Сежъ побѣда надъ Свѣемъ, миръ златъ съ человѣки;
Седмъ сотъ сорокъ четвертый годъ златый сіяетъ
Дщеръ Петра Елисаветъ Кіевъ посѣщаетъ..

Въ заключеніе онъ говоритъ:

Пойду убо отверзу заключенны двери,
Да изыйдутъ здѣсь въ привѣтъ россійскіе дщери.

И вотъ эти «россійскія дщери» поютъ привѣтственную пѣснь,—разнопестрые на пирамидѣ переплетая узоры; еще 16 польскихъ стиховъ;—«сальты кубковые и интерлюдіумъ окончеваетъ пологъ».

Изъ этого пролога мы знаемъ теперь опредѣлительно и достовѣрно, въ какой день было театральное представленіе олицетвореннаго Кіева и что именно говорилъ онъ, явившійся на золотомъ возѣ. А въ «Исторіи Руссовъ», лѣтъ за сорокъ пять пущенной въ ходъ подъ славнымъ именемъ Георгія Конискаго, говорится объ этомъ такъ: «Отъ кіевской академіи, помощію выписанныхъ машинъ и своего изобрѣтенія, дѣланы государынѣ разныя удивительныя явленія къ ея удовольствію; между прочимъ выѣзжалъ за городъ важный старикъ самаго древняго виду, великолѣпно прибранный и украшенный короною и жезломъ, но сдѣланный съ молодаго студента. Колесница у него была божескій фаетонъ, а въ него впряжены два піитическіе крылатые коня, называемые пегасы, прибранные изъ крѣпкихъ студентовъ. Старикъ сей значилъ древняго основателя и князя кіевскаго Кія. Онъ встрѣтилъ государыню на берегу Днѣпра, у конца мосту; привѣтствовалъ ее важною рѣчью, и называя ее своею наслѣдницею, просилъ въ городъ, яко въ свое достояніе, и поручалъ его и весь народъ рускій въ милостивое ея покровительство» (стр. 244).

Вотъ еще одинъ изъ множества примѣровъ, какъ въ этой замѣчательной исторіи переиначена дѣйствительность историческая, и новое доказательство моего мнѣнія, что «Исторія Руссовъ» сочинена не Конискимъ, а другимъ лицомъ, весьма даровитымъ, но для насъ неизвѣстнымъ [1]).

Георгій Конискій, въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія принадлежавшій академіи кіевской, не могъ не знать и непомнить всего того, что сдѣлалось въ Кіевѣ въ достопамятное посѣщеніе его Елисаветою,—начиная съ великолѣпной встрѣчи ея на берегу Днѣпра, у тріумфальныхъ воротъ, торжественно-церковною процессіей, въ которой были два митрополита, кіевскій Рафаилъ Заборовскій и бѣлоградскій

---

[2]) Это послѣднее мнѣніе мое объ «Исторіи Руссовъ» объявлено лѣтъ за шесть, въ «Письмахъ о козакахъ приднѣпровскихъ», напечатанныхъ въ *Кіевлянинѣ* 1865 года См. Собран. Сочин. т. I. с. 277.

Антоній Черновскій. Казалось-бы мнѣ, и повѣрить нельзя, чтобы при этой встрѣчѣ Русской Царицы, прибывшей въ Кіевъ на богомолье, могъ имѣть мѣсто оный старикъ Кій на двухъ пегасахъ. Передѣланный преданіемъ и молвою изъ вышеозначеннаго театральнаго Кіева, онъ могъ явиться только подъ перомъ позднѣйшаго сочинителя «Исторіи Руссовъ», у котораго—повторю прежнія мои слова: «все взято не изъ первыхъ рукъ, какъ будто по-наслышкѣ, и перестроено на свой ладъ, безъ соблюденія вѣрности и точности историческаго факта». А между тѣмъ и въ новѣйшемъ «Описаніи Кіева» г. Закревскаго (1868 г. Т. I. стр. 83) повторяется эта небывалая встрѣча Елисаветы воображаемымъ старикомъ Кіемъ на двухъ пегасахъ,—повторяется какъ современное свидѣтельство «преосвященнаго Георгія Конисскаго».

Но возвратимся къ драматическому представленію, которое дѣйствительно дано было отъ академіи кіевской, въ честь и увеселеніе августѣйшей имянинницы.

Излагать содержаніе и ходъ всего діалога было-бы не въ мѣру моего извѣстія, и я ограничусь слѣдующими замѣтками. Драмма о Маркѣ Авреліи состоитъ въ трехъ дѣйствіяхъ: въ двухъ первыхъ по два явленія, въ послѣднемъ три. Послѣ перваго дѣйствія—«сальты шабельные и интерлюдіумъ»; послѣ втораго—«сальты метальные». Въ третьемъ дѣйствіи, подъ конецъ втораго явленія—выходитъ Демокритъ и за нимъ Гераклитъ.

Ecce ego Democritus;
En veniet Heraclitus!
Ridebimus mundum
Vafrum, vagabundum... и т. д.

Послѣ краткой ихъ бесѣды, слѣдуетъ «кантъ, въ немъ же Гераклитъ оплакуетъ, Демокритъ посмѣвается суетѣ міра». Вотъ начальный и два послѣдніе куплеты:

Г. Ахъ свѣте, свѣте, свѣте украшенный,
Весь притворный, весь гробе повапленный.
Д. Свѣтъ кажется украшенный,
Токмо какъ гробъ повапленный,

Внутрь же его выну
Зрю мерзость едину.
Г. Прельщаешъ дѣвы, младенцы прельщаешъ,
Подъ видомъ любве, во вѣкъ погубляешъ.
Д. О яко частѣ ядовитый
Змій бываетъ въ цвѣтахъ скрытый;
Къ нимъ свѣтъ ведетъ млада.
Ахъ, кая израда!
Г. Да и самъ же, свѣте, воскорѣ истлѣешъ,
И яко риза обветшать имѣешъ.
Д. Вся дѣйствія суть не инна
Свѣта, развѣ паучина,
Въ вѣтра мала власти
Расторгнуть на части.

Послѣ этого дуэта, они говорятъ:

Г. Полно уже смѣятись, полно и рыдати.

Д. Развѣ ты ужъ не хощешъ свѣта исправляти?

Г. Исправить его, вижду, не можно никому.

Д. А когда такъ умствуешъ, пойдемъ же до дому.

Въ послѣднемъ явленіи діалога, когда воины, отсѣкши самосудно голову Кассія, приносятъ ее предъ Кесаря, воинъ говоритъ:

Доколь будетъ, владыко, врагъ ти поношати;
Лучше смерти поносной судихомъ предати.

Кесарь.

Да не знаю, истинноль на его казали;
Я тому не вѣрую, може быть солгали.
Можетъ донощикъ налгалъ; будибъ Кассій живый,
Онъ правдивъ, донощикъ же былъ бы, чаю, лживый.
Вы же терзнули здѣлать такъ безчеловѣчно,
Вождя своего убить и погубить вѣчно.
За грѣхъ убо вашъ горце отъ сердца рыдайте,
А главу его гробу съ честію предайте.
Жена жъ Кассія съ дѣтми буди свобожденна,
И за всю вину мужа во вѣки прощенна.
Пускай всѣмъ послѣднѣйшимъ родомъ будетъ явно,
Что Маркъ Аврелій вины всѣмъ прощаетъ равно.

Послѣ этого музы поютъ пѣснь, съ такимъ переходомъ отъ кесаря къ царицѣ:

Во правду Аврелій
Толь монархъ былъ велій,
Что равна нѣту
На цѣломъ свѣту.
Только ему точна
Едина восточна
Императрица
Росска денница.

Въ заключеніе еще 24 стиха по-польски, а потомъ «сальты сатировые, стольцовые и интерлюдіумъ».

Въ эпилогѣ «пять главныхъ свойствъ вѣрныхъ подданныхъ изображаются, именно: Вѣра, Надежда Любовь, Искренность, Веселіе». Вотъ заключительныя слова Искренности:

Изжени, Христе, лести отъ всѣхъ, да усердно
Служать помазанницѣ Твоей благосердно.
Обрадуй Россовъ, Боже; даждь ей лѣта многа;
Едина Тя прославимъ въ Тройцѣ суща Бога.

За тѣмъ музы россійскія поютъ благодарственную пѣснь Еще 16 стиховъ по-польски. «По семъ письмены славенскими: Божіею милостію Елисаветъ Первая, Императрица, вивать,—и латинскими: Dei Gratia Haeres Rossiae Petrus 3 vivat—иллюминація оканчеваетъ дѣло».

Въ конецъ книги прибавленъ еще «кантъ, который пѣли студенты на вшествіе Ея Императорскаго Величества въ монастиръ каѳедральный свято-софійскій кіевскій, 1744 года, сентября». (Здѣсь число не означено). Заключу мое извѣстіе отрывкомъ изъ этого канта, сложеннаго тѣмъ-же о. Михаиломъ:

О Софіе,
Внемли сіе;
Пой утѣшни
Многи пѣсни;
Се ужъ непрестанни
Мольбы услышанни
Макарія свята!

1870 г. 26 Ноября.
Кіевъ.